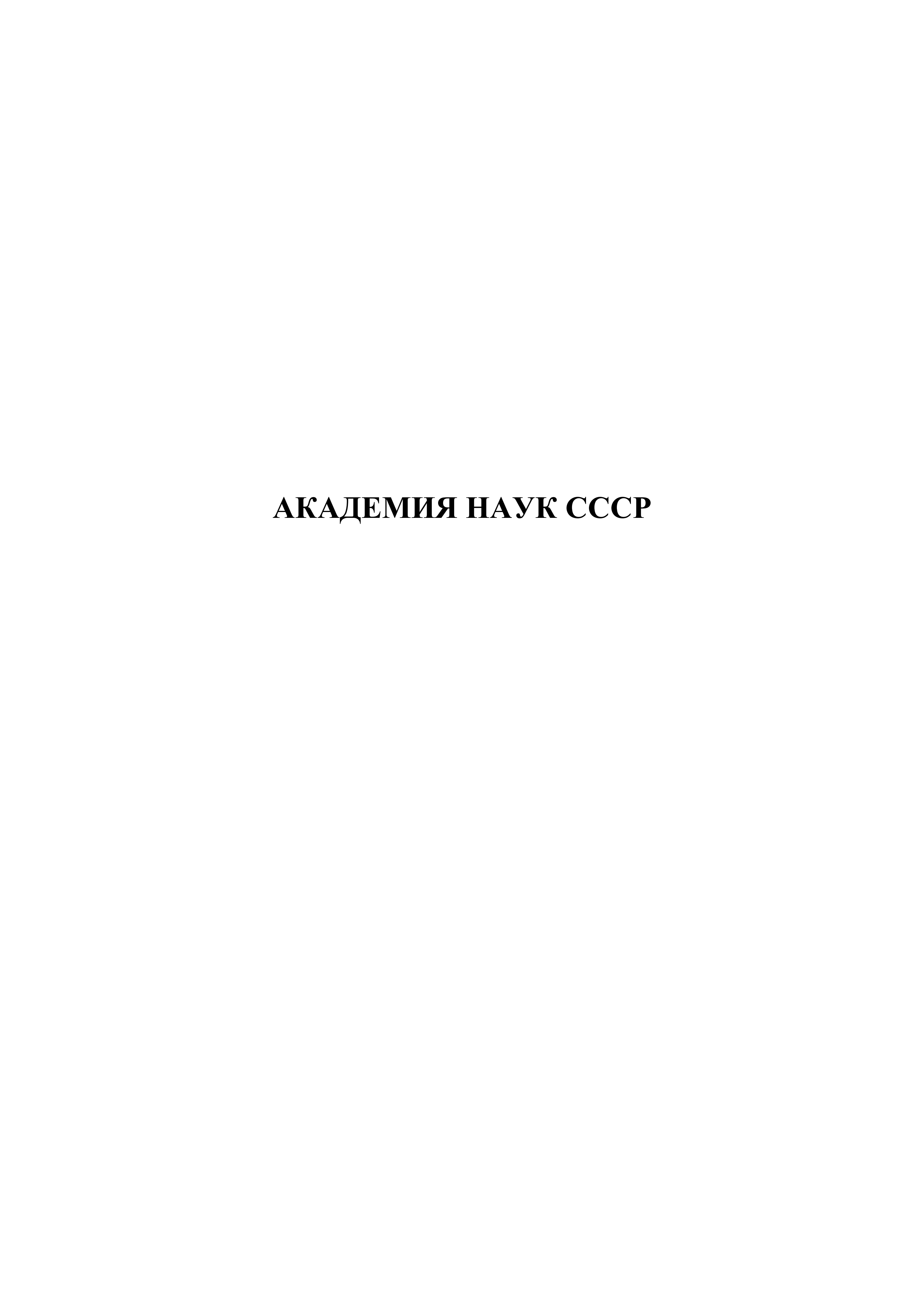

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1958

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ТОМ

IV

Под редакцией:
М. М. СМИРИНА (ответственный редактор),
И. Я. ЗЛАТКИНА, А.С.САМОЙЛО,
С. Д. СКАЗКИНА, В. И. ШУНКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1958

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ КИТАЕВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

ТОМ IV

ВВЕДЕНИЕ

Четвёртый том «Всемирной истории» охватывает период с начала XVI в. до середины XVII в. Этот период знаменует начало нового этапа всемирно-исторического развития: если в предшествующий период общение между разными частями и народами мира не имело ещё прочной основы в их экономических связях, то в результате великих географических открытий и зарождения в XVI в. первых очертаний мирового рынка эти связи становятся регулярными, и вся дальнейшая история человечества развивается во всё растущем общении разных народов мира между собой.

XVI и первая половина XVII в. являются периодом зарождения капиталистического уклада в недрах феодального общества. Основным, решающим фактом истории этого времени является разложение феодальных отношений, возникновение в ряде наиболее развитых стран капиталистического производства в форме рассеянной и централизованной мануфактуры.

XVI век, который был, таким образом, переломным во всемирной истории, застаёт отдельные части мира и отдельные народы на разных ступенях развития. Существовало огромное различие в общественном строе и уровне культуры между народами американского материка и большинства тех частей мира, которые после географических открытий стали называться Старым Светом. Племена и народы стран Нового Света ко времени их открытия и покорения европейцами находились либо на стадии первобытно-общинной формации, либо на стадии образования первой формы классового общества — рабовладельческой формации. Некоторые из этих народов к тому времени имели многовековую своеобразную и высокую культуру, развивавшуюся самостоятельно, вне связи с древними культурами Азии и Европы. Современная наука в СССР и за рубежом уделяет много внимания исследованию истории этих древних цивилизаций. Точно так же племена и народы Океании, Австралии и большей части Африки (за исключением средиземноморского побережья и долины Нила) находились в описываемое время на стадии либо первобытно-общинной формации, либо её разложения и складывания классового общества. История и древняя культура племён и народов Океании и Африки также привлекают большое внимание современной исторической и этнографической науки.

Народы и государства Азии, Европы и Северной Африки находились в большинстве случаев на разных стадиях развития феодализма, причём широко распространённым явлением было в это время уже разложение феодальных отношений. В некоторых наиболее развитых странах Европы и Азии зарождались элементы

капиталистического производства. В максимально благоприятных условиях, способствовавших развитию капитализма, оказались в то время народы и государства западной части Европы. К благоприятным условиям относится географическая близость к морским путям мировой торговли, что содействовало ускорению темпов развития производства, а затем обеспечило прилив в Европу богатств, награбленных европейцами во вновь открытых странах Америки, Азии и Африки. Огромное значение для развития хозяйства стран Западной Европы имело то обстоятельство, что их производительные силы не подвергались в прошлом постоянному разрушению в результате систематических набегов, которые не раз опустошали Азию и Восточную Европу. Русское государство прикрывало Запад от монгольских нашествий. Эти конкретные исторические обстоятельства содействовали особенно успешному развитию ремесла, росту городов и торговли. Разделение труда в таких отраслях ремесленной промышленности, как горное дело, металлообработка, текстильное производство и т. п., получило к XVI в. широкое развитие. Рост производительных сил наблюдался и в сельском хозяйстве. В этих условиях наиболее передовые в экономическом отношении страны Западной Европы вступают в мануфактурный период капиталистического развития.

В странах Азии хозяйственное развитие совершалось в том же направлении, хотя и не столь быстрым темпом, как в Западной Европе. Для истории наиболее передовых стран Азии, в первую очередь Китая, характерно в это время значительное развитие морской и сухопутной внешней торговли, широкая колонизация в страны Южных морей — в Индонезию и в Юго-Восточную Азию, рост производительности земледельческого и ремесленного труда, рост внутренней торговли и формирование местных областных рынков. Здесь также возникали элементы капиталистического производства, не получавшие, однако, такого развития, как в Западной Европе.

То обстоятельство, что в передовых странах Западной Европы этот процесс происходил быстрее, наложило в дальнейшем свой глубокий отпечаток на исторические судьбы большинства остальных народов. В ряде случаев воздействие молодого европейского капитализма на их экономическое и политическое положение уже ясно проявляется в XVI—XVII вв.

Замедление перехода от феодализма к капитализму наблюдается в ряде стран Центральной и Восточной Европы, в том числе и в Русском государстве, выдержавшем в предшествовавшую эпоху тяжесть монгольского ига и борьбы с ним. Задерживающим обстоятельством, как для России, так и для других стран Восточной и отчасти Центральной Европы явилось также усиление в XVI—XVII вв. барщинного хозяйства и рост после поражения мощных народных движений феодально-крепостнической эксплуатации, что было связано с наличием благоприятных условий для производства товарного хлеба, в том числе в некоторых странах — для экспорта в Западную Европу.

К этому времени относится и начало воздействия возникавших в Европе капиталистических отношений на народы других частей мира. Это воздействие приняло форму экономического порабощения и колониального грабежа, первым объектом которого явились народы Америки.

Таким образом, наиболее характерные черты периода всемирной истории, охватываемого данным томом, связаны с процессами возникновения и развития капитализма в странах Западной Европы.

Исходным моментом данных процессов является развитие производительных сил. Мануфактуры могли возникнуть лишь на основе значительных успехов в технике ремесленного производства и далеко зашедшего процесса разделения труда. Важнейшим элементом новых производительных сил были сами трудящиеся с накопленным ими трудовым опытом, причём даже самая ранняя форма капиталистического производства предполагает, что известная масса трудящихся свободна от феодальной зависимости, лишена средств производства и средств существования. Вот почему эти люди были вынуждены и могли продавать капиталистам свою рабочую

Европа, Азия и Африка в конце XV в. (около 1490 г.)

силу. Образование этой массы людей, являвшееся результатом насильственной экспроприации непосредственных производителей деревни и города, составляло самую существенную сторону того процесса, который Маркс назвал процессом так называемого первоначального накопления. Второй стороной того же процесса является накопление крупных частных капиталов. Конкретно этот исторический процесс лучше всего прослеживается на примере Англии, где он благодаря своеобразным социальным и политическим условиям страны проходил в своей наиболее завершённой классической форме: там экспроприация крестьянства приняла впоследствии характер его постепенного уничтожения как класса. На экспроприированных были обрушены жесточайшие законы, насильно загонявшие их в мануфактуры;
другая сторона процесса — накопление крупных частных капиталов — также получила в Англии яркое выражение в ограблении населения внутри страны, а также в торговых и пиратских экспедициях, в первых шагах колониальной политики. Процесс первоначального накопления происходил и в других странах, где зарождались капиталистические отношения. Однако во всех других странах, кроме Англии, этот процесс, проходивший в конкретных, специфических для каждой страны формах, был менее чётко выражен, особенно в тех странах, в которых сохранилось многочисленное крестьянство.

Возникновение нового способа производства имело в то время своим последствием чрезвычайное усложнение классовой структуры общества. В мануфактурный период капитализма новый способ производства не является ещё господствующим. Старые классы — феодалы, с одной стороны, крестьяне и ремесленники — с другой, — не только продолжают существовать, но и численно преобладают. Продолжает существовать и политическая надстройка феодального общества — феодальное государство. Однако наряду со старыми классами возникают уже новые — наёмных рабочих и капиталистов, владельцев средств производства.

XVI и первая половина XVII в. — время особенного обострения и усложнения классовой борьбы. С одной стороны, оно являлось высшей кульминационной точкой крестьянских и плебейских антифеодальных движений, которые нарастали и ширились на протяжении всей феодальной эпохи. Этот подъём народной борьбы против феодализма наблюдался в Западной Европе, в России, а также в ряде стран Востока. С другой стороны, в экономически наиболее развитых странах Европы проявляются уже качественно новые черты классовой борьбы. Вместе с возникновением капиталистических отношений всемирная история вступает в эру буржуазных революций. Если в Англии XVII в. и во Франции XVIII в. эти буржуазные революции произошли на относительно высокой стадии развития капиталистических отношений и увенчались победой нового строя, то в некоторых странах Европы революционная ситуация создалась уже при самом возникновении капиталистического производства. Первым актом буржуазной революции в Европе, как указал Ф. Энгельс, явились Реформация и Великая крестьянская война в Германии. Здесь капиталистическое производство на самой ранней стадии своего возникновения встретилось с препятствиями, которые должны были быть преодолены для того, чтобы его дальнейшее развитие стало возможным. Эти препятствия заключались прежде всего в экономической и политической раздробленности страны. В Германии в отличие от большинства других стран Европы не сложилось ещё при феодализме централизованное государство, которое создавало бы там благоприятные условия для начальных шагов развития капитализма.

Если первый акт буржуазной революции, разыгравшейся в Германии, потерпел поражение, то в стране более зрелого капиталистического уклада — в Нидерландах — буржуазная революция XVI в. победила, хотя эта победа была неполной и имела ограниченное, преимущественно местное значение. Специфической особенностью Нидерландской буржуазной революции было то, что она протекала в форме национально освободительной борьбы против испанского господства, так как именно

гнёт феодальной Испании служил главным препятствием капиталистическому развитию страны.

В связи с отмеченными социально-экономическими процессами находятся и глубочайшие сдвиги, происходившие в рассматриваемую эпоху в области идеологии и культуры. Это было время великих идейных битв, высочайшего творческого напряжения человеческого духа, эпоха, которая, по словам Ф. Энгельса, нуждалась в титанах и породила титанов по силе мысли, по страстности и характеру, по многосторонности и учёности.

Идейный и культурный переворот проявлялся в трёх характерных формах: в Возрождении с его новой, гуманистической идеологией, в Реформации ив расцвете естественных наук. В культуре Возрождения, зародившейся ещё в XIV в. в городах Италии, а с конца XV и в XVI в. распространившейся в разнообразнейших проявлениях по всей Европе, сказалось влияние разных общественных классовых сил, боровшихся на исторической арене. Насыщенность эпохи массовыми народными движениями служила одной из важнейших предпосылок раскрепощения умов, освобождения человеческой мысли от средневекового застоя.

Наиболее активную роль в формировании идеологии Возрождения играла молодая буржуазия, являвшаяся в то время восходящим, прогрессивным общественным классом. При этом буржуазия сумела использовать и переработать в соответствии со своими взглядами культурные достижения народных масс, а также лучшее из того, что могла дать дворянская культура. Гуманистическое мировоззрение охватило главным образом сферу искусства, литературы, философии и истории, не порывая, однако, открыто с господствовавшей тогда католической религией.

Другим ярким выражением нового мировоззрения было реформационное движение, нанёсшее мощный удар средневековому католицизму и папству. Реформационные идеи XVI в., представлявшие собою по своей форме протест против церковной организации и идеологии средневекового католицизма, были по своему содержанию протестом против существовавших социальных и политических порядков. Поэтому в ходе классовой борьбы реформационное движение раскололось на ряд течений, отражавших социальные и политические требования разных общественных слоев: оппозиционных групп внутри класса феодалов, разных слоев буржуазии и народных масс.

Общественно-политическое значение Реформации выражалось в том, что она содействовала укреплению независимости ряда молодых европейских государств, и в том, что она служила религиозной оболочкой ранних буржуазных революций.

Самой плодотворной и действенной формой борьбы против старой, средневековой идеологии являлось то движение мысли, которое развёртывалось в области точных и естественных наук. Здесь происходило подлинное освобождение человеческого мышления и знания от власти теологии. Наиболее крупные победы естествознание в XVI в. одерживало в астрономии, географии, медицине.

Важным явлением всемирной истории с XVI—XVII вв. становится процесс складывания наций. Предшествующей ступенью этнического объединения людей была та более ранняя форма исторической общности, которую в нашей науке принято обозначать термином народность. Народности, развивавшиеся в древности и в средние века, имеют отдельные признаки, общие с признаками нации и служащие потенциальными элементами будущих наций: общность территории, общность языка, некоторые проявления культурной и экономической общности. Однако только с зарождением и подъёмом капитализма, связанным прежде всего с формированием прочной экономической общности, образованием единого национального рынка, народности развиваются в нации. Изучение всего своеобразия этого процесса в конкретной истории отдельных народов составляет одну из важных задач исторической науки.

Для политической истории XVI—XVII вв. характерно такое новое явление, как абсолютизм. Господствующий класс старого феодального общества вынужден приспособляться к новым условиям общественного развития. В связи с этим и складывается новая форма феодальной монархии, пришедшая на смену сословно-представи-

тельной монархии XIV—XV вв. Абсолютизм складывался и развивался в ряде стран Европы с конца XV в. и достиг своей наибольшей силы в XVII в.

Абсолютная монархия является наиболее законченной формой политической централизации в феодальных государствах. Монарх сосредоточивает в своих руках всю полноту законодательной и исполнительной власти, применяя принцип, известный ещё в римском праве, — «что благоугодно государю, получает силу закона».

Поскольку рассматриваемый период был временем подъёма антифеодальных движений, а также временем экспроприации трудовых масс деревни и города в условиях первоначального накопления, следовательно, временем обострения классовой борьбы, концентрация власти и усиление аппарата принуждения, свойственные абсолютной монархии, были необходимы господствующему классу как средство удержания эксплуатируемых масс в повиновении.

В то же время появление абсолютной монархии было обусловлено тем положением, в котором оказалась центральная власть в новой обстановке Формирование класса буржуазии ставило перед господствующим классом задачу приспособления своей политики к новым явлениям экономической и социальной жизни в стране. Это давало королевской власти возможность, лавируя между старым господствующим классом феодалов и новым, поднимающимся, но политически бесправным классом буржуазии, достичь в своей практической деятельности кажущейся независимости от обоих классов. Исторически это проявляется в том, что королевская власть, поддерживая распри между привилегированными а третьим сословием в сословно-представительных учреждениях, делает самые эти учреждения бессильными принимать какие-либо решения. В конце концов королевская власть в большинстве случаев перестаёт их созывать и правит страной самодержавно, но неизменно в интересах класса феодалов.

«...*Абсолютная монархия* возникает, — говорит Маркс, — в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой» [1].

При своём появлении абсолютная монархия играла исторически прогрессивную роль. Она содействовала сплочению больших территорий, обеспечивала относительный порядок в них, создавала возможность беспрепятственного внутреннего обмена и таким образом создавала некоторые благоприятные условия для развития капиталистического хозяйства. Поскольку государственная казна, а через неё и господствующий класс феодалов получали дополнительные доходы от развития промышленности я торговли, абсолютная монархия поддерживала деятельность буржуазии как внутри государства, так и вовне. Она давала ссуды предпринимателям, вела в интересах буржуазии таможенную политику и торговые войны. Однако, поскольку при абсолютной монархии политически господствующим классом оставалось дворянство, она существовала лишь до тех пор, пока развитие капитализма не достигло того уровня, при котором буржуазия могла поставить вопрос о захвате власти.

«Возникшая в результате поражения феодальных сословий, — писал Маркс, — и принимавшая деятельнейшее участие в их разрушении, она (абсолютная монархия. — *Ред.)* стремится теперь сохранить хотя бы *видимость* феодальных перегородок. Если в прошлом она покровительствовала торговле и промышленности, одновременно поощряя тем самым возвышение класса буржуазии, и видела в них необходимые условия как национальной мощи, так и собственного великолепия, то теперь абсолютная монархия повсеместно становится поперек дороги торговле и промышленности, превращавшимся во все более опасное оружие в руках уже могущественной буржуазии» [2].

---

[1] *К. Маркс,* Морализирующая критика и критизирующая мораль. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 4. Госполитиздат, 1955, стр. 306.

[2] Там же, стр. 308.

В странах Азии в рассматриваемое время также возник своеобразный тип государства. Китай в период династии Мин, Индия при Великих Моголах и сёгунат Токугава в Японии представляли собой государства с сильной центральной властью, располагавшей многочисленным чиновничеством. Эти государства в известной мере преодолели феодальную раздробленность, вместе с тем существенно отличались от централизованных феодальных государств Европы XVI—XVII вв. В отличие от абсолютистских феодальных государств Европы политическое объединение в упомянутых странах Востока происходило в условиях неизжитого господства натурального хозяйства и значительной экономической раздробленности, вследствие чего эти государства были лишены достаточной внутренней устойчивости, не могли окончательно ликвидировать центробежные силы, подрывавшие их единство.

Остановимся несколько подробнее на политической карте мира в рассматриваемое время.

В большинстве стран Западной Европы к началу XVI в. в основном завершился процесс политического объединения национальной территории и образования централизованного государства. В Англии завершение этого процесса имело место после окончания войны Алой и Белой розы в 1485 г. и установления власти династии Тюдоров, во Франции — после подчинения во второй половине XV в. власти французских королей территорий юга страны, владений Бургундского герцогства на востоке и севере и герцогства Бретани на северо-западе, а в Испании — после объединения Кастилии и Арагона в 1479 г. и отвоевания Гранады в 1492 г. Быстрое экономическое развитие Англии в XVI и начале XVII в., происходивший в ней в то время бурный процесс первоначального накопления и возникновения в недрах феодального строя капиталистического производства имели своим следствием борьбу за торговые пути к менее развитым странам, за морское могущество — сначала против Испании, а затем против Голландии. Во Франции в XVI в. в обстановке экономического подъёма, обострения классовой борьбы народных масс, религиозных войн продолжалась борьба за укрепление дворянского централизованного государства. Укрепившаяся французская монархия стремилась к расширению своей территории на востоке и юге страны и к усилению своих политических позиций в Европе. В борьбе с великодержавными планами Габсбургов Франция шла на заключение политических и военных соглашений с Турецкой империей. Этой же целью, а также стремлением закрепить политическую раздробленность Германии диктовалась активность внешней политики Франции в XVII в.

Для Испанской монархии начало XVI в. является временем роста её могущества. Она приобрела громадные колониальные владения на американском континенте. В Европе под властью испанских Габсбургов находились Нидерланды и Южная Италия. Однако уже в середине XVI в. Испания вступает в полосу экономического упадка и ослабления своего политического могущества. Входившие в состав Испанской державы Нидерланды, ставшие на путь развития капиталистического производства» восстали против хищнического господства чужеземцев. Во второй половине XVI в. в результате буржуазной революции северные нидерландские провинции отделились от Испании и образовали самостоятельное государство — Голландию.

В Европе в течение всего рассматриваемого в данном томе времени оставались в состоянии экономической и политической раздробленности Германия и Италия. В некоторых итальянских городах капиталистические отношения развивались ещё в XIV—XV вв. Однако с середины XVI в. экономика Италии быстро идёт к упадку и в связи с этим её политическая раздробленность ещё более закрепляется. В западных и юго-западных областях Германии, через которые в начале XVI в. проходили пути мировой торговли из Средиземного моря на север, бурно развивались города, зарождались капиталистические отношения. После подавления Великой крестьянской войны и перенесения мировых торговых путей на Атлантический океан наметившийся ранее экономический подъём Германии обрывается. В рассматриваемый период продолжала существовать «Священная Римская империя» с её сложным составом и спорными

границами, в которой шла борьба между разными кликами князей, крупных и мелких. Имперская корона принадлежала могущественным эрцгерцогам Австрии — Габсбургам, стремившимся усилить свою власть в империи, использовать её ресурсы для своих планов создания огромной державы, связанной союзом с папством и всеми реакционными силами Европы. Эта политика Габсбургов велась особенно активно при императоре Карле V (1519—1556), обладавшем наряду с короной империи также испанской короной с её обширными владениями в Европе и заморскими колониями. Но и после распада монархии Карла V австрийские и испанские Габсбурги не отказались от попыток реализации своих реакционных великодержавных политических планов, противостоявших прогрессивному процессу образования национальных государств.

Из северных стран в число сильных европейских государств выдвинулась Швеция. К середине XVII в. в результате ряда войн со своими соседями Швеция заняла на Балтике господствующее положение. Дания, занимавшая важные позиции на северных морских путях и являвшаяся в начале XVI в. самым сильным из Скандинавских государств, к концу рассматриваемого периода уступает первенство Швеции. Норвегия, самая малонаселённая и экономически наименее развитая страна Скандинавии, объединённая династической унией с Данией, утратила к XVI в. свою политическую самостоятельность и находилась в полной зависимости от Дании. Элементы мануфактурной промышленности, хотя и возникали в это время в Швеции и Дании, всё же не получили здесь такого развития, как в странах Западной Европы.

К середине XVII в. Балтийское море было близко к превращению в «шведское озеро». Однако ставший на очередь и приобретший важнейшее значение «балтийский вопрос» не мог быть этим разрешён. Русское государство не могло мириться с его оттеснением от балтийского побережья. Польша и Германия также претендовали на выход к Балтийскому морю. Таким образом, установившееся к середине XVII в. положение на Балтике не могло быть устойчивым и было чревато важными переменами в ходе дальнейшего исторического развития.

Усиление турецкой феодальной экспансии во второй половине XV в., когда туркам-османам удалось подчинить своей власти Балканские страны, создавало непосредственную угрозу для стран Центральной и Юго-Восточной Европы. С этим обстоятельством связано образование династического союза, объединившего Венгрию, Чехию и Польшу. Однако в дальнейшем этот союз распался. Польша всё больше втягивалась в борьбу с растущим Русским государством. Чехия и значительная часть Венгрии после катастрофической для них битвы с турками при Мохаче в 1526 г. оказались под властью Габсбургов. Другая часть Венгрии была завоёвана турками, а находившаяся в составе Венгерского королевства Трансильвания признала вассальную зависимость от Турецкой империи.

Таким образом, в Юго-Восточной Европе главным противником турок в XVI в. оказалось образовавшееся многонациональное государство — Австрийская монархия. Подвластные этой монархии славянские и другие народы подвергались жестокому национальному угнетению.

Многонациональная Речь Посполитая сложилась из Польского королевства и Великого княжества Литовского. Стремление литовских феодалов удержать под своей властью белорусские и украинские земли, отторгнутые от России, было важным фактором, определившим соединение Великого княжества с Польшей в одно государство. Польские и литовские феодалы выступали союзниками в восточной экспансии, направленной против Русского государства. Речь Посполитая образовалась в ходе Ливонской войны, в которой Русское государство нанесло Литве сильное поражение. Ослабленная своей агрессивной политикой на Востоке, Речь Посполитая утратила польские западные земли — Силезию и Западное Поморье.

На востоке Европы во второй половине XV в. в результате слияния ранее самостоятельных княжеств возникло обширное централизованное Русское государство.

Его территория в течение XVI и первой половины XVII в. быстро увеличивалась, достигнув на востоке берегов Тихого океана. Имея основным ядром русскую народность, Русское феодальное государство включало в себя ряд других народностей (карелы, коми, ненцы, ханты, манси, мари, мордва, удмурты, чуваши, татары, башкиры и др.), находившихся на различных ступенях социально-экономического развития.

Создание и дальнейшее укрепление централизованного Русского государства резко изменило политическую карту Европы и Азии и внесло крупные изменения в международную обстановку того времени. Важнейшими направлениями внешней политики России в Европе в это время являлись, во-первых, борьба с Речью Посполитой за воссоединение русских, белорусских и украинских земель, во-вторых, борьба со Шведской державой за Прибалтику и выход к Балтийскому морю, в-третьих, борьба с Османской империей за причерноморские земли. Одновременно и в Азии Россия выступала как всё более важный фактор в международных отношениях.

Обширные пространства на Востоке были заняты Османской империей и державой Сефевидов.

Военно-феодальная Османская империя, достигшая к середине XVI в. зенита своего могущества и стремившаяся к дальнейшей экспансии, владела землями на трёх континентах — в Европе, Азии и Африке. Арабские государства — Сирия, Йемен, Хиджаз, Египет, Алжир и др.,— образовавшиеся в процессе распада некогда могущественного Арабского халифата, сначала XVI в. становятся объектом завоевательной политики турецких феодалов и насильственно включаются в состав Османской империи (кроме Марокко, восточной и центральной части Аравийского полуострова).

Восточным соседом Османской империи была держава Сефевидов, возникшая в самом начале XVI в. Основную часть территории Сефевидской державы составлял Иран. В результате завоевания к Сефевидскому государству были присоединены часть Армении (Ереванское и Нахчеванское ханства), а также некоторые районы, населённые таджиками, туркменами, афганскими и другими племенами (Хорасан, Герат, Кандагар, Белуджистан). В вассальной зависимости от сефевидских шахов находилась Грузия.

В Средней Азии всё более значительную роль играли государственные образования узбекского и казахского народов, вступивших на путь самостоятельного социально-экономического и культурного развития.

Индия в начале описываемого времени делилась на ряд крупных и мелких самостоятельных государств и княжеств. Но история основной части индийского субконтинента в XVI—XVII вв. была связана с государством Великого Могола, возникшим на севере Индии, на развалинах Делийского султаната в первой половине XVI в. Держава Великого Могола представляла собой, особенно в первый период своего существования, могущественное государство. Другая крупнейшая держава Азии — Китай — в описываемое время представляла собой феодальную империю во главе с китайской династией Мин, пришедшей на смену господству монгольских завоевателей. В вассальной зависимости от этой империи находились Вьетнам, Корея и Тибет.

К северу от Китая располагались десятки монгольских феодальных княжеств, кочевья которых тянулись широкой полосой от берегов Амура и Байкала до предгорьев Тянь-шаня, от Великой Китайской стены до Южной Сибири. Монголия находилась в состоянии глубокой феодальной раздробленности.

Внутреннее и внешнее политическое положение Японии в рассматриваемое время благоприятствовало созданию предпосылок для преодоления феодальной раздробленности и образования единого феодального государства. Процесс складывания этого государства завершился в конце XVI в., приняв форму сёгуната Токугава.

Остальная территория азиатского материка, от степей и лесов Маньчжурии до берегов Ледовитого океана, была населена многочисленными племенами и народностями, по преимуществу тунгусского и монгольского происхождения, занимавшимися первобытным земледелием, охотой, рыболовством и кочевым животноводством. Они находились на различных стадиях перехода от первобытно-общинного строя к клас-

совому обществу, не входили прочно ни в одно из государств Азии, вступая с ними в более или менее временные и случайные связи. Так продолжалось до XVII в., до присоединения этих районов к Русскому государству, что внесло коренные изменения в исторические судьбы населявших их племён и народов.

Кроме перечисленных стран и народов, существовали государственные образования различных народов континентальной Африки и Америки. В то же время многочисленные народы Африки, Америки, Австралии и Океании находились ещё на стадии догосударственного племенного строя.

В рассматриваемое время нередко имели место не только торговые, но и культурные связи между отдалёнными странами и народами. Это культурное взаимодействие обогащало и оплодотворяло духовное развитие человечества. Непреложные факты свидетельствуют о том, что в описываемое время страны Востока продолжали развивать свою культуру и науку, вступая в культурный взаимообмен друг с другом, а также со странами Европы. В качестве примера укажем на обширную сельскохозяйственную энциклопедию китайского учёного Сюй Гань-ци, освещавшую развитие сельского хозяйства не только в Китае, но и в Европе. Китайская наука впитывала в себя достижения европейских учёных в области математических и естественных наук. С другой стороны, в это время страны Европы в широких масштабах используют китайский опыт фарфорового производства, кораблестроения, мореплавания, образцы китайской архитектуры и т. п. Весьма значительным был вклад арабов в развитие кораблестроения и мореплавания как в странах Востока, так и в Европе. Высокое мастерство индийских ткачей создало мировую славу индийским тканям. Народы Европы, со своей стороны, немало обогатили культуру других народов мира.

Европейские завоеватели, опираясь на преобладание своей военной техники и используя государственную слабость многих стран Азии и Африки, укрепились в последних и подчинили их себе, нарушив нормальный процесс исторического развития этих стран, и обрекли их на длительную консервацию феодализма и колониальное рабство. Начало этого трагического для народов Азии и Африки процесса мы находим в событиях XVI—XVII вв.

Проникновение европейских конкистадоров привело к полному уничтожению древних культур Центральной и Южной Америки.

Время, охватываемое IV томом «Всемирной истории», внесло существенные изменения в международные отношения, прежде всего в Европе, где эти изменения определялись началом капиталистического развития и процессом образования национальных централизованных государств. В течение всего этого периода в Западной Европе велась борьба складывавшихся на национальной основе государств против универсалистской «всехристианской» империи Габсбургов, а на востоке — против турецких завоевателей. Результатом этой длительной борьбы, в основном определившимся уже к середине XVII в., был явный перевес национальных и многонациональных государств, остановивших продвижение турецких завоевателей в Европу и покончивших с универсалистскими притязаниями Габсбургов.

*

* *

Текст IV тома написан следующими авторами: Введение — редакционной коллегией; гл. I — Ю. А. Корховым (за исключением подраздела «Зарождение класса наёмных рабочих», написанного Б. Ф. Поршневым); гл. II — Д. А. Ольдерогге; гл. III — Б. И. Шаревской (с использованием материалов рукописей тома «Народы Америки», подготовленного Институтом этнографии АН СССР); гл. IV — Ю. М. Сапрыкиным (за исключением подраздела «Русские географические открытия XVI—XVII вв.», написанного А. А. Преображенским); гл. V — М. Л. Абрамсон и С. Д. Сказкиным; гл. VI — Андр. Ал. Губером (за исключением раздела «Итальянская философия XVI и первой половины XVII вв.», написанного М. А. Лифшицем и К. В. Шохиным); гл. VII

— М. М. Смириным (за исключением подраздела «Литература и искусство эпохи Реформации», написанного Б. И. Пуришевым); гл. VIII — А. Н. Чистозвоновым; гл. IX — В. В. Бирюковичем и А. Д. Люблинской (за исключением раздела «Французская культура XVI и первой половины XVII в.», написанного Ю. Б. Виппером); гл. X — М. Л. Абрамсон и С. Д. Сказкиным (за исключением раздела «Испанская культура эпохи Возрождения», написанного А. Л. Штейном); глава XI — А. Н. Чистозвоновым (за исключением раздела «Культура эпохи Возрождения в Нидерландах», написанного Е. И. Ротенбергом); гл. XII — Ю. М. Сапрыкиным (за исключением раздела «Культура Возрождения в Англии», написанного И. Е. Верцманом, и подраздела «Философия эпохи Возрождения в Англии», написанного М. А. Лифшицем); гл. XIII — А. С. Каном; гл. XIV — М. М. Смириным; гл. XV — А. И. Озолиным (за исключением раздела «Чешская культура в эпоху Возрождения», написанного М. А. Лифшицем); гл. XVI — В. П. Шушариным и И. С. Достян (за исключением подраздела «Восстание в горных словацких городах 1524—1526», написанного Б. Т. Рубцовым, и подраздела «Культура Венгрии и Словакии в XVI в. в первой половине XVII в.», написанного А. С. Самойло); гл. XVII — В. Д. Королюком; гл. XVIII — А. И. Барановичем и Х. Х. Круусом; гл. XIX — А. А. Зиминым и К. Н. Сербиной (за исключением раздела «Русская культура конца XV—XVI вв.», написанного А. П. Пронштейном); гл. XX — К. Н. Сербиной; гл. XXI — А. С. Тверитиновой; гл. XXII — Б. Н. Заходером; гл. XXIII — Е. Н. Кушевой, Н. Г. Аполловой и В. А. Ромадиным; гл. XXIV — Е. А. Беляевым; гл. XXV — К. А. Антоновой; гл. XXVI — Л. И. Думаном; гл. XXVII — Ал. Андр. Губером; гл. XXVIII — И. Я. Златкиным; гл. XXIX — А. Л. Гальпериным и Н. И. Конрадом; гл. XXX — М. Н. Паком; гл. XXXI — А. С. Самойло; гл. XXXII — М. М. Смириным (за исключением подраздела «Отражение событий Тридцатилетней войны в немецкой литературе», написанного Б. И. Пуришевым); гл. XXXIII — Ю. А. Корховым. Помимо этого привлечены материалы, представленные Л. П. Лаптевой (для главы XV) и В. П. Нихаминым (для главы XXX).

Подбор иллюстраций осуществлён Н. А. Баклановой и С. М. Драбкиной. Наблюдение за подготовкой иллюстраций к печати проводилось Е. П. Зенкевич при участии Н. А. Баклановой и В. С. Чада. В том также включены иллюстрации, присланные из Китайской Народной Республики и Польской Народной Республики. Карты составлены Б. Г. Галковичем, И. А. Голубцовым и А. П. Левандовским Редактирование карт проведено Б. Г. Галковичем. Библиография составлена С. А. Асиновской и М. Н. Соколовой. Именной и географический указатели составлены А. В. Качуриной и Ю. А. Кулышевым.

Редколлегия тома приносит свою глубокую благодарность историкам Китайской Народной Республики, Чехословацкой Республики, Венгерской Народной Республики, Народной Республики Болгарии за присланные ими замечания, оказавшие редколлегии большую помощь при работе над текстом.

Редакционная коллегия выражает благодарность всем специалистам, многочисленные замечания и предложения которых были учтены при подготовке тома к печати. Большую помощь в работе над томом оказал А. Ц. Мерзон. В работе над томом принимала участие также Е. В. Козаковская.

Научно-вспомогательная и организационная работа по тому проведена В. С. Чада.

ГЛАВА I
ЗАРОЖДЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В XVI В.

В середине II тысячелетия н. э. даже в наиболее передовых для того времени странах всё ещё продолжали господствовать феодальные отношения. Конкретные формы хозяйства в разных феодальных странах — в Китае, Индии, Японии, Корее, Средней Азии, странах арабского языка, России, Германии, Италии, Франции и т. д. — были очень различны. В неодинаковой степени сохранились в этих странах остатки дофеодальных укладов — рабовладения и первобытно-общинных отношений. Различной степени развития достигли средневековые города. Однако во всех этих странах Старого Света, простиравшихся от Тихого океана на востоке до Атлантического на западе, главные, наиболее характерные черты производственных отношений были в основном тождественны. Вплоть до указанного времени в деревне продолжало господствовать мелкое хозяйство крестьян, работавших на земле, которая являлась собственностью феодалов, и находившихся в зависимости от последних. Это мелкое крестьянское хозяйство в некоторых странах сочеталось с крупным барским хозяйством самих феодалов, основанном на эксплуатации дарового барщинного труда феодально-зависимых крестьян. В городах большинства феодальных стран Азии, Северной Африки или Европы господствовало мелкое хозяйство ремесленников, имевших собственные средства производства и работавших на заказ или на рынок, главным образом на ограниченный местный рынок. Эти ремесленники находились в тех или иных формах прямой либо косвенной зависимости от феодалов и эксплуатировались ими.

В XIV—XV вв. в наиболее передовых феодальных странах отдельные звенья этой системы мелкого производства, опутанного сетями феодальной эксплуатации,

уже начинают распадаться. В некоторых из этих стран (Италия, Фландрия) появляются первые, спорадически пробивающиеся ростки новых, капиталистических отношений.

В XVI в. в развитии человечества происходит перелом, В ряде стран Западной Европы начинается процесс разложения феодализма. Мелкое хозяйство непосредственных производителей начинает разрушаться. Средства производства сосредоточиваются в руках нового класса — класса капиталистов, а сами непосредственные производители превращаются в людей лично свободных, но вынужденных жить продажей своей рабочей силы. В условиях разложения феодального хозяйства складывается общественное по своей форме крупное производство, основанное на эксплуатации наёмного труда, т. е. уже капиталистическое производство.

Чем же был вызван этот экономический переворот в Западной Европе? Весь опыт истории человечества, обобщённый в марксистской теории общественного развития, показывает, что такого рода экономические перевороты всегда бывают связаны с глубокими сдвигами в области материального производства, в состоянии и характере производительных сил. Так обстояло дело и в данном случае.

Период, предшествовавший возникновению капитализма, был временем сравнительно быстрого для эпохи средневековья экономического развития западноевропейских стран. В XI—XV вв. феодальные отношения в этих странах, несмотря на тяжесть эксплуатации, всё же открывали перед непосредственными производителями — крестьянами и ремесленниками — определённые возможности для развития их собственного мелкого хозяйства. Крестьяне и ремесленники Италии, Франции, Германии, Англии и других стран, материально заинтересованные в результатах своего труда, в процессе повседневной трудовой деятельности накапливали производственный опыт, совершенствовали орудия труда, улучшали технологию производства, способствуя тем самым развитию производительных сил. К началу XVI в. это развитие привело к глубоким изменениям в сфере материального производства. Более сложной стала производственная техника, всё настоятельнее требовавшая перехода от мелкого производства к крупному. Вместе с прогрессом техники выросло и углубилось общественное разделение труда. Эти сдвиги наряду с расширением внутреннего и внешнего рынка и были главной причиной указанного экономического переворота в Западной Европе XVI в.

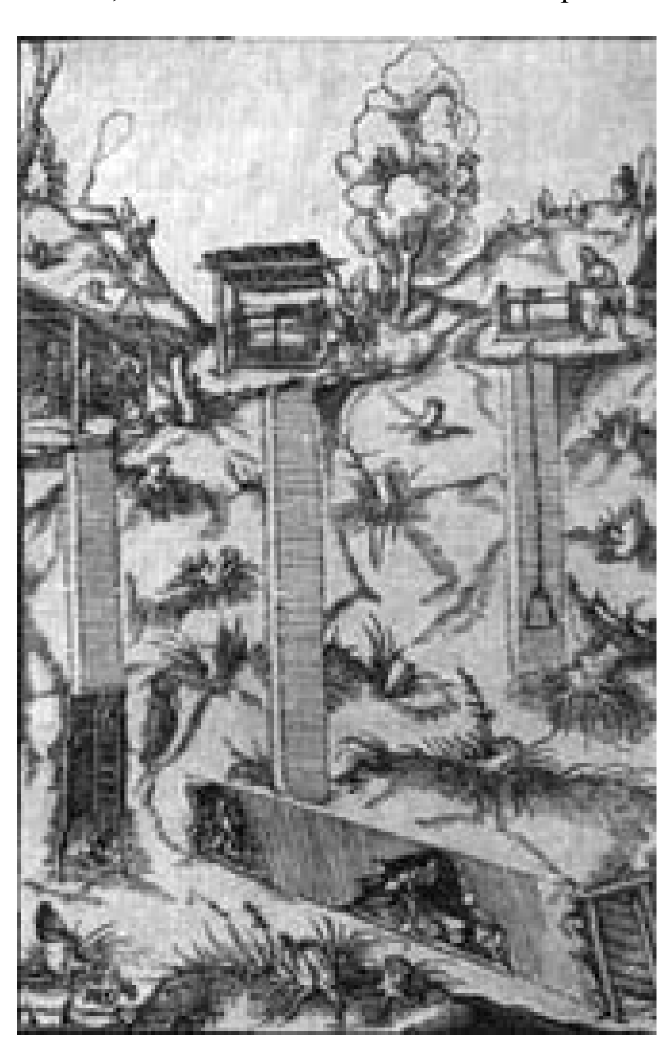
Развитие техники к началу XVI в.

К началу XVI в. во всех основных отраслях промышленного производства были радикально усовершенствованы ручные ремесленные орудия труда и введены многообразные улучшения в технологию производства. Наиболее значительным к началу XVI в. был прогресс в сфере добывающей и обрабатывающей промышленности западноевропейских стран. Прогресс ремесленной техники наблюдался и в текстильной промышленности, занимавшей в то время по своей распространённости первое место в ряду промышленных производств. В промежуток времени от XI до XIII в. была изобретена ручная колёсная прялка, получившая в XIV—XV вв. в Западной Европе широкое применение. В этой прялке прядение осуществлялось при посредстве веретена, приводимого в движение колесом, которое вращал ремесленник. До тех пор в Западной Европе удерживался самый примитивный способ прядения при помощи одного веретена, вращаемого непосредственно пальцами руки. В это же время распространяется горизонтальный ткацкий станок, занявший место более примитивного вертикального станка. В конце XV в. вводится самопрялка, т. е. усовершенствованная ручная прялка, в которой при помощи колеса, вращаемого прядильщиком, осуществляется не только прядение, но и наматывание изготовленной нити. Помимо этих основных орудий труда текстильного производства совершенствуются ремесленные инструменты, употребляемые для различных подсобных операций при производстве тканей,— гребни и карды для расчесывания шерсти, инструменты и приспособления для аппретуры сукон и т. д. Особенно сильно меняется техника сукноваляния. Перво-

начально валяние сукон производилось руками или ногами. С XI—XII вв. появляются сукновальные мельницы, в которых эта операция производится тяжёлыми деревянными молотами, приводимыми в движение водяным колесом.

Важным событием в развитии текстильной промышленности было начало широкого использования нового вида волокна — шёлка. В античную эпоху ткани в Европе производились из шерсти и льна. В конце раннего средневековья из Византии и арабских стран шелководство и производство шёлковых тканей проникают в Италию, где в XI—XIII вв. возникают сравнительно крупные центры этого нового для Европы вида промышленности (особенно Лукка. Венеция, позднее Флоренция). Шелкоткацкое производство распространилось также во Франции, Испании, отдельных городах Германии и достигло к XVI в. значительного развития. Развивается также производство хлопчатобумажных тканей.

В некоторых отраслях технический прогресс зашёл ещё дальше, выйдя за рамки совершенствования ремесленной техники. Улучшение ремесленных орудий труда сочеталось в них с применением различных механических приспособлений и даже примитивных машин, приводимых в действие мускульной силой человека, силой животных и силой ветра или падающей воды. Так обстояло дело в шерстяном производстве, в одном из звеньев которого, как было только что сказано, применялось водяное колесо. Ещё более широкое применение получили различные механические приспособления и примитивные двигатели в горном деле, металлургии, металлообработке, кораблестроении, строительстве и некоторых других менее значительных отраслях.

Шахта в разрезе.
Гравюра из книги Г. Агриколы «О металлах» 1556 г.

В горной промышленности в XV— XVI вв. широкое распространение получают гораздо более сложные, чем это было раньше, механические приспособления для устройства и эксплуатации шахт. Немецкий учёный и инженер Георг Бауэр, более известный под латинизированным именем Агрикола, подробно описывает уже сравнительно сложное шахтное оборудование своего времени (первая половина XVI в.). Он рассказывает о тележках для перевозки руды, двигавшихся с шумом по дороге с деревянной колеёй, о механизмах для откачки с больших глубин воды и поднятия наверх руды, приводимых в движение силой животных (лошадей) или силой падающей воды, о вентиляционных установках, о толчеях для дробления руды и т. д. Интересно отметить, что Агрикола описывает машину, в которой благодаря сложной системе передачи одно водяное колесо приводит в движение три различных исполнительных механизма — толчею для дробления руды, мельницу для размола и мешалки. Однако такая машина была, очевидно, редкостью, так как сам Агрикола называет её «единственной в своём роде». Создание этого более совершенного шахт-

ного оборудования позволило устраивать глубокие шахты и разрабатывать недоступные ранее пласты. Это был настоящий переворот в горном деле.

В металлургии вместо небольших горнов, в которых железо непосредственно восстанавливалось из руды так называемым сыродутным способом, примерно с XIV в. стали строить более крупные горны, достигавшие уже 2—3 *м* высоты. Эти горны были оборудованы мехами, приводимыми в движение водяным колесом, в то время как раньше употреблялись небольшие, чаще всего ручные или ножные мехи. Благодаря крупным размерам этих горнов и большой силе вдуваемой в них струи воздуха температура горения в горнах значительно повысилась, и руда стала превращаться в жидкую, а не тестообразную массу, как при сыродутном процессе. Сначала не знали, что делать с такой расплавленной массой, при остывании превращающейся в чугун. В ней видели своего рода отход производства, увеличивающий только издержки и удорожающий продукт, но не годный для какого-либо полезного применения. В дальнейшем, однако, заметили, что путём последующей переплавки и удаления углерода из чугуна в особых горнах можно из него получить железо. С этого времени начали сознательно стремиться получить из руды чугун с целью дальнейшего получения из него железа и стали. Так горны превратились в доменные печи и выработался переделочный процесс, в своих основных чертах сохранившийся до настоящего времени. Это дало возможность получения сразу больших масс стали и железа, чего нельзя было достигнуть при сыродутном способе получения железа. Таким образом, доменная печь и переделочный процесс знаменовали собою ещё более важный технический переворот, чем тот, который произошёл в горном деле.

Доменные печи.
Гравюра из книги Г. Агриколы «О металлах» 1556 г.

В металлообрабатывающей промышленности с XIII в. для обработки железа стали применять молоты, движимые силой падающей воды (Германия, Чехия, Англия). В XIV—XV вв. эти установки— «железные мельницы» — ещё больше распростра-

нились и усовершенствовались. Вес отдельных молотов стал достигать 1 *т* и даже более. В XIV—XV вв. появились и станки для производства листового железа и проволоки, также приводимые в движение силой падающей воды.

Как мы видим, крупную роль в развитии техники рассматриваемой эпохи играло широкое применение водяного колеса. Быстрое распространение этого примитивного водяного двигателя в XIII—XV вв. объясняется происшедшим в это время его усовершенствованием. Раньше преобладало водяное колесо нижнего боя, т. е. такое водяное колесо, которое своей нижней частью погружалось в поток воды. С указанного времени более широкое распространение получает водяное колесо верхнего боя, которое устанавливалось таким образом, что вода падала на его верхние лопасти. Такое водяное колесо получало большее количество энергии от падающей воды и могло совершать значительно большую работу. Кроме того, производство перестаёт быть связанным с большими реками, так как для работы верхнебойного колеса были достаточны отводные каналы. Помимо указанных случаев в XIV—XV вв. оно стало применяться также при производстве бумаги, пороха, в лесопильном деле и т. д.

Развитие техники не ограничилось только лишь сферой промышленного производства. Большие технические сдвиги произошли также и в средствах передвижения, точнее говоря, в одном из его видов — в морском транспорте. Компас, который начал применяться в Европе в XII в., позволил в любую погоду (даже при облачном небе) держаться определённого курса и тем самым сделал возможным долгие плавания в открытом море. В XV в. были улучшены приборы для определения положения небесных светил с палубы корабля и составлены более точные астрономические таблицы (немецкого астронома Региомонтана), что ещё более облегчило дальние морские плавания. Одновременно с этим был создан новый тип морского корабля (по-португальски каравелла), отличавшийся большей подвижностью и способностью лавировать, чем громоздкие и неуклюжие корабли предшествовавшей эпохи.

Бесспорный, хотя и не столь быстрый, как в промышленности, прогресс техники происходил и в сельском хозяйстве. Имеющиеся в нашем распоряжении данные о развитии сельскохозяйственной техники в XI—XV вв. очень скудны. Но всё же они достаточны, чтобы утверждать, что и в этой области тоже наблюдалось движение вперёд. За счёт корчевания лесных массивов и осушения болот на протяжении XI—XV вв. в Западной Европе была значительно расширена площадь обработанной земли.

Большее распространение получили передовые для своего времени системы землепользования. Если к началу периода XI—XV вв. во многих странах Западной Европы всё ещё часто встречались подсечная, переложная система и двухполье, то теперь везде, за исключением самых северных стран, они вытесняются трёхпольем. В наиболее развитых земледельческих районах (например, Нидерланды и Англия) в XVI в. наблюдается уже переход к ещё более совершенным системам землепользования — многополью и травосеянию по пару. Расширяется применение удобрений. В крестьянском хозяйстве увеличивается количество сельскохозяйственного инвентаря. В частности, в связи с успехами металлургии возрастает число металлических орудий и улучшается их качество.

Картина технического прогресса в феодальных странах Западной Европы рассматриваемого периода была бы неполной, если бы мы ничего не сказали о многочисленных изобретениях и открытиях в тех областях материальной культуры, которые не относятся непосредственно к сфере хозяйственной деятельности. В это время происходит огромный всемирно-исторической важности перелом в развитии военной техники. В XIV столетии порох начинает применяться для стрельбы из пушек, а затем и из ручного огнестрельного оружия. К началу XVI в. огнестрельное оружие в различных его видах уже так распространилось, что хотя и не вытеснило полностью прежних видов вооружения, произвело во всяком случае настоящую революцию в военном деле. Перестают быть непроницаемыми рыцарские латы — их пробивает

пуля даже из несовершенных ружей того времени. Теряют свою неприступность каменные стены рыцарских замков, которые могут быть теперь сравнительно легко разрушены артиллерией. Появляются новые виды войск — артиллерия и пехота, вооружённая ружьями, и теряет своё прежнее боевое значение тяжеловооружённая рыцарская конница.

Не менее важным по своим последствиям было начало производства бумаги и особенно книгопечатания. В XII—XIV столетиях из восточных стран было заимствовано производство бумаги, быстро вытеснившей применявшийся до тех пор в Западной Европе очень дорогой писчий материал — пергамент, т. е. выделанную определённым образом кожу. В середине XV в. было изобретено книгопечатание посредством разборного металлического шрифта. Уже со второй половины XV в. началось быстрое вытеснение книгой, напечатанной на бумаге, пергаментных рукописей. Такая книга была неизмеримо дешевле рукописи на пергаменте, и это впервые в истории человечества создало возможность широкого распространения накопленных человеком знаний. Без печатной книги было бы невозможно всё последующее развитие культуры.

Часовщик.
Гравюра И. Аммана.

Следует отметить и другие изобретения, уже не столь большого всемирно-исторического значения, но всё же очень важные. В XIII в. стали производить стеклянные линзы и около 1300 г. появились очки. Примерно в том же XIII столетии в Западной Европе стали сооружать большие башенные часы, приводимые в движение силой тяжести гирь. Эти часы были очень громоздкими и помещались лишь на больших общественных зданиях. Около 1500 г. были изобретены также и небольшие пружинные часы.

Все эти изобретения, не имевшие прямого отношения к хозяйству, тем не менее косвенно оказали на его развитие очень большое влияние. Они создали новые потребности и вызвали возникновение новых отраслей производства. Широкое распространение огнестрельного оружия резко увеличило потребность в чугуне, меди и стали, дало мощный толчок развитию металлургии и привело к появлению новых отраслей металлообрабатывающей промышленности. Изобретение бумаги и книгопечатания вызвало появление бумагоделательной промышленности и типографского дела. Появление часов, особенно после изобретения пружинных часов, повлекло за собой возникновение новой отрасли производства. Очень важное значение имело то обстоятельство, что эти новые отрасли производства отличались сложной для того времени техникой и своим развитием много способствовали общему техническому прогрессу. Развитие производства артиллерийских орудий привело к усовершенствованию техники литья и появлению новых видов станков (например, сверлильного станка, приводимого в движение водяным колесом). Часовое производство было школой, в которой вырабатывалась техника точного приборостроения: последующее развитие производства точных приборов в значительной степени базировалось на технике, созданной в часовом деле.

В своей совокупности все эти многообразные усовершенствования и изобретения привели к коренным сдвигам в области производственной техники. Производительные силы западноевропейских феодальных стран на рубеже XV и XVI вв. вступают в новую, более высокую фазу своего развития.

Развитие общественного разделения труда и товарного производства

Эти важные сдвиги в области производительных сил оказали глубокое и многообразное влияние на общественное производство феодальных стран Западной Европы. Усложнились орудия труда, особенно в тех отраслях, где стали применяться различные механические приспособления и примитивные двигатели. Выросла производительность труда. Изменилась структура производства: увеличился объём промышленной продукции и возникли многие ранее отсутствовавшие отрасли промышленного производства. Вместе с тем произошли важные изменения и в характере общественного производства и обмена. Выросло и углубилось общественное разделение труда, что нашло своё проявление и в дальнейшем развитии товарного производства.

Ткач.
Гравюра И. Аммана.

Общественное разделение труда существовало и играло большую роль в экономической жизни западноевропейских стран и до XVI в., хотя его масштабы были очень ограничены.

В XVI в. при достигнутом к этому времени уровне производительных сил передовые феодальные страны вступают в период более широкого и развитого по своим формам общественного разделения труда. Усложнение производственной техники само по себе делало необходимой всё большую специализацию отдельных хозяйств в определённых видах производственной деятельности.

В том же направлении действовали и связанные с развитием техники экономические и социальные процессы. В частности, рост производительности труда имел своим результатом увеличение массы прибавочного продукта и, следовательно, доходов господствующих классов и феодального государства, предъявлявших особенно большой спрос как раз на те изделия, которые производились городской промышленностью (предметы роскоши, военное снаряжение, корабли для флота и т. д.). Понятно, что следствием этого должно было быть дальнейшее развитие общественного разделения труда.

На этой новой, более высокой ступени общественного разделения труда достигли полного или почти полного обособления от сельского хозяйства горное дело, металлургия (как чёрная, так и цветная), некоторые отрасли металлообрабатывающего производства, кораблестроение, шелкоткацкая промышленность и т. д. В значительно большей, чем раньше, степени отделилась от сельского хозяйства шерстоткацкая промышленность. Началось отделение от сельского хозяйства льноткацкой промышленности, раньше обычно концентрировавшейся в деревне.

Развитие промышленности, обособленной от сельского хозяйства, естественно, предполагало крупные изменения и в экономике сельского хозяйства. Возрастала та

доля продукции земледелия и скотоводства, которая предназначалась не для собственного потребления крестьян и феодалов, а для обмена в той или иной форме на продукты промышленности. Растёт, иначе говоря, товарное производство продовольствия и сырья для промышленности.

Мастерская по обработке металла.
Гравюра из книги Г. Агриколы «О металлах» 1556 г.

Вместе с ростом товарного производства происходит развитие и усложнение его форм.

Промышленное производство небольших городков, рассчитанное на узкий местный рынок, продолжает существовать. Однако быстро растёт и приобретает больший удельный вес в хозяйственной жизни производство промышленных изделий, основанное на более широком и развитом разделении труда. Развиваются некоторые старые и возникают новые промышленные города, получает большее значение экспорт промышленных изделий далеко за пределы непосредственно примыкавшей к городу области.

В Центральной Европе были открыты новые или при помощи более совершенной техники стали интенсивнее эксплуатироваться старые залежи полиметаллических руд. На базе разработки этих месторождений развилась выплавка серебра, меди, цинка, свинца (в южной Саксонии и других горных районах Германии, северо-западной Венгрии, Тироле и др.). В области Восточных Альп (Штирия, Каринтия, Крайна), в Северной Италии, некоторых провинциях Франции, Лотарингии, отдельных графствах Англии, в Швеции и т. д. росла разработка железорудных месторождений и выплавка железа. В определённых районах концентрируется производство значительной части изделий из железа и цветных металлов (огнестрельного оружия, сравнительно сложных орудий труда и т. д.). Развиваются центры кораблестроения (в первую очередь Северные Нидерланды). Производство шёлковых изделий, сосудов из стекла, зеркал, ювелирных изделий и пр., концентрировавшееся до XVI столетия преимущественно в городах Италии, растёт в некоторых районах к северу от Альп, особенно во Франции и Нидерландах.

В XVI в. приходят в упадок некоторые старые центры шерстоткацкой промышленности (Флоренция, Брюгге, Гент), но выделяются новые центры, по объёму продукции превосходящие старые.

Кроме того, получают большее значение районы сельской кустарной промышленности, ориентирующейся на отдалённые рынки. В качестве примеров таких центров промышленного производства можно указать центры шерстяной промышленности в Англии (особенно графства Йоркшир и Норфолк), снабжавшие своей продукцией не только европейские, но частично и внеевропейские страны. Выделяются районы производства льняных тканей в Силезии, Нидерландах, Вестфалии, а равным образом Лион, бывший важным средоточием производства шёлковых тканей, центры производства кружев во Фландрии, в Брабанте и т. д. С развитием промышленных центров происходит выделение и сельскохозяйственных районов, вывозящих сырьё для промышленности и продовольствие.

Проявлением этого процесса расширения и углубления общественного разделения труда было увеличение общей массы товаров, производимых на рынок, причём особенно возросло производство товаров на дальний рынок, сбывавшихся при посредстве купца. Вместе с тем развивались и формы товарного и денежного обращения. XVI век был временем, когда распространяются новые виды торговых сделок, биржа становится местом широких операций товарами и ценными бумагами (особенно биржа в Антверпене), колоссальные масштабы принимают спекулятивные сделки, основанные на учёте колебаний рыночной конъюнктуры, развиваются кредит и банковское дело, гораздо большего развития, чем ранее, достигает торговый и ростовщический капитал.

Купцы.
Гравюра И. Аммана.

Мощный дополнительный толчок росту товарно-денежных отношений дали великие географические открытия конца XV — начала XVI в. Они в громадной степени расширили поле деятельности европейского купечества и открыли новые возможности чрезвычайно выгодной неэквивалентной торговли с порабощённым или терроризированным силой оружия населением открытых стран.

Упадок феодального производства и развитие капитализма

Указанные изменения в состоянии производительных сил феодальных стран Западной Европы и были основной причиной развития капитализма. В результате этих сдвигов в передовых западноевропейских странах XVI в. создалось такое положение, при котором мелкое хозяйство непосредственных производителей феодального общества оказалось уже неспособным к дальнейшему развитию, более того, в определённых отраслях хозяйственной деятельности оно стало разлагаться, уступая место более производительным общественным формам производства — капиталистическим.

Этот процесс разложения мелкого производства, которое господствовало в феодальном обществе, в известной мере был непосредственно связан с развитием производственной техники. Как было сказано выше, в результате ряда технических открытии к началу XVI в. в Западной Европе произошло значительное усовершенствование и усложнение средств производства, особенно орудий труда. Такое совершенствование средств производства, даже в тех случаях, когда оно не выходило за рамки улучшения ремесленной техники, всё же меняло экономическое положение мелкого производителя, который принуждён был теперь затрачивать более крупные суммы денег на приобретение необходимых для него орудий труда. Понятно, что это облегчило установление экономической зависимости мелкого производителя от купца или другого владельца капитала, так как ремесленник чаще испытывал теперь необходимость обратиться к ним за ссудой для обеспечения своего хозяйства средствами производства. Например, усложнение и удорожание ткацкого станка и других орудий труда текстильного производства должно было увеличить количество случаев, когда ремесленник-ткач принуждён был брать взаймы деньги для их приобретения, что, естественно, усиливало возможность его разорения и закабаления заимодавцем.

Во много раз сильнее влияло на положение мелкого производителя усложнение производственной техники в тех случаях, когда оно уже сопровождалось применением сравнительно сложных механических приспособлений и примитивных двигателей и машин. Отдельный мелкий производитель не мог на свои средства приобрести и при помощи своего труда эксплуатировать глубокую шахту со сложным оборудованием или металлургическое предприятие, в состав которого входили доменная печь с мехами, приводимыми в движение водяным колесом, горн для переплавки чугуна в железо и тяжёлые молоты для обработки железа, также обычно приводимые в движение водяным колесом.

Кузнецы.
Гравюра И. Аммана.

В тех отраслях промышленности, в которых применялось такое сравнительно сложное оборудование, мелкое производство отдельных ремесленников неизбежно должно было вместе с развитием новой техники вытесняться более крупным производством.

Однако только непосредственным влиянием усовершенствования производственной техники ещё нельзя объяснить развитие капитализма. Отрасли производства, в которых применялись сложные механические приспособления и машины, в XVI в. всё ещё в общем представляли исключение. К тому же нужно учесть, что даже в этих отраслях примитивная ремесленная техника не была полностью вытеснена новой техникой.

Главным и решающим фактором в зарождении капиталистических отношений в Западной Европе XVI в. явилось усложнение производства, обусловленное ростом общественного разделения труда. При углублении общественного разделения труда процесс производства приобретает по сути дела уже общественный характер, а участвующие в нём отдельные производители превращаются в звенья сложной и разветвлённой хозяйственной организации. Они вступают друг с другом во взаимоотношения, выходящие далеко за пределы отдельных хозяйственных районов и соединяющие прочными экономическими связями большое количество отдельных производителей самых различных специальностей, причём эти связи приобретают сложный характер. Теперь уже невозможно установление личных контактов на рынке как между отдельными производителями, так и между производителями и потребителями, существовавших при производстве товаров на местный ограниченный рынок. Усложнившаяся форма организации производства делает необходимой перевозку на значительные расстояния как промышленных изделий, так и сельскохозяйственных продуктов, что в конкретных условиях того времени могло быть осуществлено лишь с помощью купца, который становится необходимым посредником между отдельными хозяйствами, связанными через рынок системой широкого общественного разделения труда.

При производстве на широкий рынок перестают действовать факторы, ограничивавшие конкуренцию и расслоение в среде мелких товаропроизводителей, работавших на местный рынок. Значительное увеличение продукции в отдельных производственных центрах, частые колебания рыночной конъюнктуры, разруше-

ние личных связей между производителями и потребителями, развитие и усложнение товарного и денежного обращения открывали самые широкие возможности конкурентной борьбы между отдельными товаропроизводителями и приводили к расслоению в их среде. Наряду с этим происходит подчинение мелких производителей торговому капиталу. Многие мелкие производители попадали в зависимость от купцов, снабжавших их сырьём и сбывавших изготовленные ими продукты, и в той или иной степени утрачивали свою экономическую самостоятельность. Возникают, иначе говоря, новые формы мелкого производства, основанные уже на отношениях капиталистической эксплуатации.

Развитие общественного разделения труда создавало также предпосылки для организации крупных предприятий. Концентрация производства в определённых центрах открывала потенциальную возможность организации предприятий, выпускавших значительные количества товаров. В то же время производство на широкий рынок, даже при условии господства ручной ремесленной техники, давало более крупным предприятиям некоторые бесспорные экономические преимущества сравнительно с мелкими предприятиями ремесленного типа. Владельцы таких предприятий располагали большими, чем мелкие товаропроизводители, денежными средствами и возможностями получения кредита, обычно в большей степени и более быстро использовали технические усовершенствования, имели более широкие деловые связи и лучше знали потребности рынка и т. д. В крупных предприятиях можно было использовать то преимущество, которое несут с собой кооперация и разделение труда. Особенно благоприятные условия для развития капитализма складывались в тех случаях, когда рост широкого общественного разделения труда между различными производственными центрами сочетался с детализированным разделением труда при производстве отдельных промышленных изделий, например, в шерстоткацкой промышленности.

Первоначальное накопление

Наступление первого этапа капиталистического развития, его мануфактурного периода, связано с крупными изменениями в положении народных масс, с насильственной экспроприацией (в разных формах) непосредственных производителей, результатом которой является образование резервов наёмной рабочей силы, а также с процессом накопления крупных капиталов внутри государства путём реализации внутренних займов, откупной системы и повышения налогов и прямой экспроприации средств производства у непосредственных производителей, а вне страны — путём ограбления, порабощения и уничтожения целых вновь открытых европейцами государств и народов.

«...Исторический процесс, который превращает производителей в наемных рабочих, выступает, с одной стороны, как их освобождение от феодальных повинностей и цехового принуждения; и только эта одна сторона существует для наших буржуазных историков. Но, с другой стороны, освобождаемые лишь тогда становятся продавцами самих себя, когда у них отняты все их средства производства и все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями. И история этой их экспроприации вписана в летописи человечества пламенеющим языком меча и огня» [1].

Процесс развития капитализма был облегчён и ускорен применением прямого и ничем не прикрытого насилия.

Результатом этого было, с одной стороны, разорение значительной части мелких производителей — крестьян и ремесленников, которые теряли свою собственность и превращались в лишённых средств существования обездоленных людей, а с другой стороны, накопление значительных денежных средств в руках представителей высших слоев населения. Такое ограбление народных масс значительно ускорило

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 720.

развитие капитализма. Наличие большого количества людей, не имеющих собственных средств существования, в громадной степени облегчало задачу обеспечения рабочей силой развивавшегося капиталистического производства. Сосредоточение в руках небольшой группы лиц крупных денежных средств в не меньшей степени облегчало задачу накопления сумм, необходимых для организации и дальнейшего развития предприятий капиталистического типа. Таким образом, создавались условия, необходимые для развития капиталистического способа производства. Весь этот процесс насильственного разорения непосредственных производителей феодального общества был назван К. Марксом процессом первоначального накопления, так как он являлся «не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом» [1].

Конкретные формы первоначального накопления были очень различны.

Классический пример, взятый из истории Англии, Маркс описал в 24-й главе I тома «Капитала», посвящённой первоначальному накоплению. Этим примером являются так называемые огораживания. В связи с ростом промышленности, в особенности шерстяной, и с ростом городского населения в Англии с конца XV столетия стала ощущаться острая потребность в шерсти и других сельскохозяйственных продуктах. Английские феодалы решают использовать создавшееся положение для увеличения своих доходов. До тех пор в их владениях жили крестьяне, ведшие своё мелкое трудовое хозяйство и объединённые в общины. Крестьяне платили установленные обычаем повинности, которые в новых условиях стали казаться феодалам недостаточными. Последние начинают, грубо нарушая освящённые древностью обычаи феодального общества, сгонять крестьян с земли. Отнятые таким образом земли огораживались, и на них устраивались большие овцеводческие хозяйства, в которых на обширных территориях имелось лишь небольшое количество пастухов, или крупные фермы, сдаваемые в аренду на условиях уплаты более высокой арендной платы.

Результатом огораживаний было появление громадного количества лишённых всякой собственности людей. Англия XVI в. являет собой страшную картину народных бедствий. Многие тысячи разорённых крестьян превратились в нищих и бродяг. В тоже время происходило разорение многих ремесленников, которые не могли выдержать конкуренции развивавшегося крупного производства.

Аналогичный процесс насильственного разорения ремесленников и крестьян происходил и в других западноевропейских странах, развиваясь там не так бурно и принимая другие формы. В частности, очень большую роль в этом процессе играло резкое увеличение налогов, также влёкшее за собой разорение мелких производителей. Разорённые и превратившиеся в бездомных людей крестьяне и ремесленники представляли резервуар дешёвой рабочей силы для нарождавшегося капиталистического производства.

Другая сторона процесса первоначального накопления — образование крупных частных капиталов. Это затронуло и внеевропейские территории, попавшие под власть западноевропейских государств в результате великих географических открытий. В XVI—XVII вв. происходил невиданный до тех пор по своим масштабам систематический грабёж ряда народностей Азии, Америки и Африки. В результате этого в руках западноевропейских феодалов и купечества скапливались громадные денежные суммы. Эти суммы, перекачиваемые в страны Западной Европы, были одним из основных источников, откуда черпались денежные средства, при помощи которых было создано капиталистическое производство Англии, Нидерландов, Франции и т. д.

Анализируя процесс первоначального накопления, Маркс неопровержимо доказал, что капитализм возник не в результате трудолюбия и энергии наиболее предприимчивых людей, которые, как утверждали апологеты капитализма,

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 718.

разбогатели путём бережливости и прилежания и постепенно превратились в капиталистов. В действительности возникновение капитализма отнюдь не было мирным и безболезненным процессом. Оно было результатом разорения и обнищания людей, ведших до тех пор своё мелкое трудовое хозяйство, причём это разорение осуществлялось при помощи открытого и грубого насилия.

Зарождение класса наёмных рабочих

Развитие системы наёмного труда являлось основой капиталистического производства. Поэтому появление более или менее значительных кадров наёмных рабочих, со своей стороны, служило существенным фактором возникновения этого нового способа производства. Дело не только в количественном распространении наёмного труда. Зарождавшийся в период разложения феодального способа производства рабочий класс представлял собой огромную новую производительную силу. Простая капиталистическая кооперация и мануфактура не могли бы возникнуть, если бы не достигла высокого уровня трудовая квалификация мелких производителей, если бы они не научились пользоваться сравнительно дифференцированным инструментом. Экспроприированные мелкие производители нередко уже владели известными производственно-техническими навыками. Эти обученные предшественники промышленного пролетариата были важнейшим элементом новых производительных сил, вызревавших в недрах феодального общества.

Кадры обученных наёмных рабочих в значительной мере черпались как из крестьян, ранее связанных с домашней промышленностью, так и из ремесленных подмастерьев, а также разорившихся ремесленников.

Наёмный рабочий был свободен в двояком смысле: свободен от феодальной зависимости, т. е. от чьей бы то ни было неполной собственности на его личность, и свободен от средств производства, т. е. от всякой собственности на орудия труда. Следовательно, возникновение класса наёмных рабочих есть разрушение двух видов собственности, существовавших при феодализме. В уничтожении неполной собственности феодалов на работников производства важнейшую роль играла ожесточённая и долгая борьба крестьян за освобождение от феодальной зависимости.

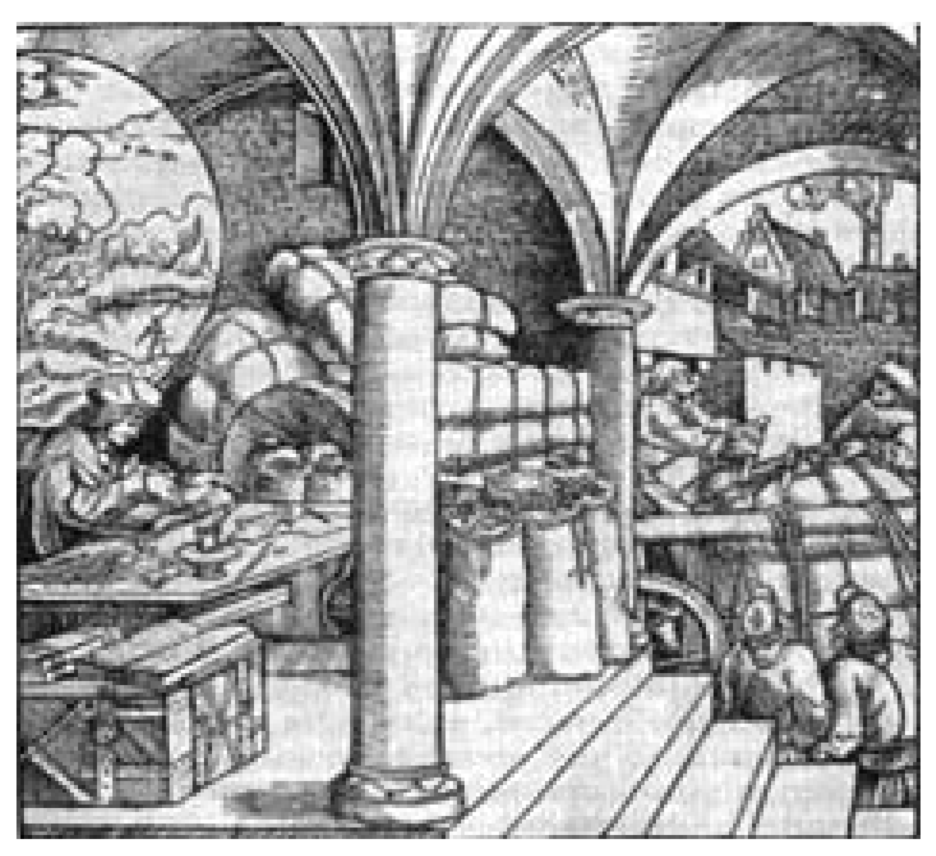
Однако, едва лишь оказавшись под властью предпринимателя-мануфактуриста, трудящиеся должны были начать с ним ещё более ожесточённую борьбу. С первых шагов истории капиталистического производства происходили классовые столкновения наёмных рабочих с капиталистами. Зарождавшийся рабочий класс в борьбе отстаивал минимально необходимые условия жизни и труда. Одним из наиболее ярких примеров классовой борьбы этого периода была стачка рабочих лионских типографий в 1539—1541 гг. Стачки и волнения имели место на протяжении всей истории мануфактурной стадии капитализма.

Развитие капитализма в промышленности. Мануфактуры

Организация капиталистической промышленности происходила путём подчинения мелких предприятий торговому и ростовщическому капиталу, или путём превращения мелкого производителя в капиталиста. Купец (или несколько связанных между собой торговыми сделками купцов) доставляет сырьё в промышленные центры и продаёт его городским или деревенским ремесленникам.

Купец скупает у ремесленников готовые изделия, организует их перевозку до места потребления и сбыт потребителям. Если ремесленник производит полуфабрикат, то купец покупает его и доставляет для дальнейшей переработки другому ремесленнику. Например, он покупает у прядильщика пряжу и доставляет её ткачу. Располагая гораздо большими, чем отдельные ремесленники, денежными средствами, полученными за счёт торговых прибылей, купец обычно предоставляет ремесленнику в случае необходимости и кредит. Особенно широко было распространено тогда кредитование ремесленника сырьём, так как ремесленники, находясь в условиях ожесточённой рыночной конкуренции, далеко не всегда располагали наличными денежными средствами, необходимыми для его приобретения.

Такое положение мелкого производителя-ремесленника и купца в процессе общественного производства влекло за собой установление экономической зависимости первого от последнего. Степень и конкретные формы этой зависимости были различны. Вначале ремесленник, сохраняя ещё полную собственность на своё хозяйство, начинал покупать сырьё у какого-либо одного купца, затем он попадал в долговую зависимость от купца, систематически получая от него в долг сырьё. При этом ремесленник обычно был обязан доставлять этому же купцу по определённой цене и изготовленные им изделия. Практически это означало, что ремесленник получал сырьё и изготовлял из него для купца определённые изделия на условиях заранее установленной оплаты. Такая форма зависимости ремесленников от скупщика была наиболее распространена в Западной Европе ХУ1в. Наконец, ремесленник принуждён был брать у купца во временное пользование орудия труда или же занимать деньги для их приобретения.

Торговый склад.
Гравюра на дереве XVI в.

Это было заключительной стадией всего процесса: в данном случае ремесленник фактически уже полностью превращался в наёмного рабочего, получавшего заработную плату от скупщика. Возникала новая форма производства, при которой непосредственный производитель был фактически экспроприирован, лишён прав собственности на средства производства и подвергался капиталистической эксплуатации. Такая форма промышленного производства называется капиталистической домашней промышленностью. Таким образом, низшей формой капиталистической промышленности, той ступенью её развития, когда она ещё по форме сохраняла характер мелкого производства, была работа на дому — рассеянная мануфактура.

Эта форма капиталистического производства получает в XVI в. самое широкое распространение. Особенно быстро развивалась она в деревне, где отсутствовали цеховые стеснения. Выделявшиеся из массы сельского населения ремесленники в новых условиях экономической жизни обычно уже не имели возможности стать самостоятельными производителями; как правило, они сразу начинали работать на купца-скупщика, раздававшего им сырьё и скупавшего готовую продукцию, а иногда предоставлявшего и орудия труда, и таким образом фактически превращались в наёмных рабочих. Так в деревне возникали целые районы мелкого, но по своей социальной сущности уже капиталистического производства шерстяных тканей, льняных тканей, многих видов металлических изделий и т. д.

К такому же результату, но только более радикально, с меньшим сохранением старых хозяйственных форм, приводил и другой процесс, когда капиталистом становился один из ремесленников. Разбогатевший ремесленник расширяет свою мастерскую, затем начинает экономически подчинять себе других мелких производителей, выступая организатором мануфактурного производства.

Следующей ступенью развития капиталистических отношений является изменение уже самого производственного процесса, когда явственно обнаруживается присущая капитализму тенденция к созданию крупного производства. Капиталист-предприниматель, выдвинувшийся из среды купцов-скупщиков или разбогатевших ремесленных мастеров, объединяет работающих на него ремесленников в один производственный коллектив. Возникавшие таким образом капиталистические предприятия были двух видов — менее развитые предприятия, основанные на простой кооперации, в которых отдельные рабочие выполняли однородную работу, и более развитые, основанные уже на разделении труда (при сохранении ручной ремесленной техники). Предприятия этого второго типа представляли собой централизованную мануфактуру. В ней уже проведено разделение труда, как мощное средство повышения производительности труда, и отдельные рабочие специализируются в выполнении определённых производственных операций. Уже в рассеянной мануфактуре отдельные работники, несмотря на свою пространственную разобщённость, были связаны разделением труда — сообща под руководством предпринимателя работали над производством одного продукта, получая от предпринимателя сырьё или полуфабрикат и отдавая ему изготовленные продукты. Иногда некоторые стадии изготовления продукта переносились в мастерскую, где наёмные рабочие работали в одном помещении под руководством предпринимателя. Чаще всего в таких мастерских выполнялись заключительные операции по производству данного вида изделия, например сборка деталей часов, произведённых отдельными работниками у себя на дому. Такого типа мануфактура является смешанной.

В более развитой мануфактуре — централизованной — этот элемент раздробленности производства был уже полностью устранён. Все рабочие или во всяком случае большая часть их были собраны в одном помещении и работали бок о бок под руководством предпринимателя или его приказчиков.

Мануфактура была ведущей формой капиталистического производства в первый период развития капитализма — с XVI в. вплоть до промышленного переворота, происшедшего в Англии во второй половине XVIII в., а в других западноевропейских странах — в XIX в. Особенно это относится к централизованной мануфактуре. Объединение рабочих в одном помещении позволяло провести между ними детальное разделение труда и ввести многочисленные усовершенствования в технологию производственного процесса и орудия труда. В частности, особое значение имело то обстоятельство, что в связи с широко проведённым разделением труда внутри мануфактуры происходит дальнейшая детализация рабочих инструментов, что подготовило почву для последующего развития машинной техники в период промышленного переворота.

В отдельных отраслях промышленности степень развития капиталистического производства и его конкретные формы были различны. С точки зрения этих различий в темпах и формах развития капитализма выделяются разные сферы промышленного производства, частично взаимно перекрещивающиеся.

Наиболее интенсивно развитие капитализма происходило в тех отраслях промышленности, в которых наблюдалось значительное усложнение и удорожание средств производства. К числу таких отраслей принадлежали горнорудная промышленность, металлургия, некоторые металлообрабатывающие производства, кораблестроение. Сюда же должны быть отнесены и некоторые более мелкие производства, в которых применялись механические двигатели или сложное оборудование, — шёлкомотальное производство, изготовление бумаги, книгопечатание, изготовление пороха и т. д.

Во всех этих отраслях разрушение мелкого хозяйства ремесленников-собственников было результатом не только их вовлечения в развитие товарного производства, но также результатом технического прогресса. Новая техника в этих отраслях уже не могла быть использована в рамках мелких хозяйств отдельных ремесленников. Поэтому здесь должны были развиваться сравнительно более крупные капиталистические предприятия, имевшие необходимое количество рабочих и оборудование, соответствовавшее требованиям новой техники. Рабочие на этих предприятиях были вооружены качественно новыми средствами производства, в состав которых входили даже примитивные механические двигатели. Особенно широко использовалось в то время водяное колесо. Поэтому значительное число этих предприятий — металлургических, металлообрабатывающих и др.— помещалось в удобных для устройства плотин местах по берегам рек и носило название «мельниц». В английском языке название «мельницы» (mill) для обозначения различных промышленных предприятий удерживалось очень долго и частично сохранилось до наших дней.

Шапочник.
Гравюра И. Аммана.

Размеры этих капиталистических предприятий были в подавляющем большинстве случаев очень невелики. Лишь отдельные предприятия в горном деле, судостроении, частично металлургии и металлообработке (особенно производство вооружения) имели более сотни рабочих. Однако в этих предприятиях уже явственно обнаруживаются отдельные элементы техники и организации крупной капиталистической промышленности последующего времени, так как в них не только было проведено разделение труда, но и применялись примитивные двигатели и машины, хотя и в таких мануфактурах главную роль продолжал играть ручной труд.

Несколько медленнее развивался капитализм в другой группе отраслей промышленности — в тех отраслях, которые были втянуты в производство на широкий рынок, но ещё полностью сохранили ремесленную технику. К этой сфере промышленного производства относилось в передовых западноевропейских странах производство очень значительной, вероятно, даже большей части изготовлявшихся тогда шерстяных и шёлковых тканей, высококачественных льняных тканей, многих металлических изделий, дорогих кожаных изделий, большей части предметов роскоши и т. д. В общей сложности все эти отрасли давали основную часть промышленной продукции на широкий рынок.

Складывавшееся в этих отраслях капиталистическое производство всё ещё базировалось на ручной ремесленной технике и не имело поэтому тех технических преимуществ сравнительно с мелким ремесленным производством, которые имели крупные капиталистические предприятия, например горнорудной или металлургической промышленности. Поэтому мелкое хозяйство ремесленников оказывалось здесь гораздо более устойчивым и медленнее уступало своё место крупному капиталистическому производству. Ремесленники беднели, попадали в зависи-

мость от торгового капитала, а всё же очень значительная их часть не разорялась полностью, но продолжала вести самостоятельное хозяйство.

Особенно устойчивым было мелкое производство ремесленников в старых городских центрах, в которых господствовал развитый цеховой строй. Цехи с их уравнительной регламентацией препятствовали возникновению капиталистической промышленности или, во всяком случае, ограничивали это развитие очень узкими рамками. Поэтому капиталистическое производство развивалось главным образом в деревне и в недавно образовавшихся городах, в которых цехи и традиции цехового производства не имели такой прочной основы. Так, например, во Фландрии в таких прославленных ранее центрах шерстоткацкой промышленности, как Брюгге и Гент, в XVI в. сохранялись старые формы организации промышленности. Новые же формы промышленности развивались преимущественно в деревне и в новых городах.

Стеклодувы.
Гравюра из книги Г. Агриколы «О металлах» 1556 г.

Иными в этой группе отраслей промышленности были не только темпы развития капиталистического производства, но и его конкретные формы. Так как в условиях господства ручной ремесленной техники крупное производство не имело существенных технико-производственных преимуществ перед мелким, то развивавшаяся в этих отраслях капиталистическая промышленность частично ещё продолжала сохранять характер мелкого производства или же представляла собой переходные формы от мелкого производства к крупному и лишь в некоторой своей части достигла той ступени, на которой слагаются уже крупные централизованные предприятия.

Медленнее всего развивался капитализм в производстве, рассчитанном на местный ограниченный рынок. Здесь отсутствовало одно из главнейших условий развития капитализма — товарное производство, основанное на широком общественном разделении труда. Основная масса ремесленников в данной сфере промышленного производства вплоть до промышленного переворота, а частичной после него сохраняла положение мелких производителей-собственников.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве

В сельском хозяйстве капитализм развивался в общем значительно медленнее, чем в промышленности. Причиной этого было, с одной стороны, меньшее вовлечение сельского хозяйства в товарное производство, с другой стороны, более медленное сравнительно с промышленностью развитие техники в сельском хозяйстве и, наконец, феодальная

собственность на землю и связанная с ней личная зависимость крестьян, ещё сохранившаяся в ряде стран Европы.

Однако развитие капитализма в XVI в. всё же затронуло и сферу сельскохозяйственного производства. Одной из предпосылок развития капитализма в сельском хозяйстве была дифференциация крестьян. Частичное вовлечение крестьян в товарное производство обычно влекло за собой расслоение в их среде. Незначительная часть крестьян, в наибольшей степени приспособившаяся к условиям производства на рынок, богатела, расширяла тем или другим путём своё хозяйство и начинала эксплуатировать наёмную рабочую силу — батраков из числа малоземельных или совсем разорившихся крестьян. Так возникло мелкое капиталистическое сельскохозяйственное производство.

Но такой процесс имел место лишь в отдельных странах Европы, в которых создались особенно благоприятные для него условия. Это были те страны, где наблюдалось интенсивное втягивание крестьянского хозяйства в товарное производство и где крестьяне уже в XIV—XV вв. добились в большей или меньшей степени освобождения от личной крепостной зависимости и права свободно распоряжаться своим хозяйством при условии регулярного выполнения повинностей в пользу владельца земли — феодала (Англия, Нидерланды, частично Франция). Однако даже и в этих странах возможности роста крестьянского хозяйства в условиях всё ещё сохранившегося феодального строя были настолько ограничены, что складывавшиеся указанным образом сравнительно более крупные крестьянские хозяйства носили за отдельными исключениями лишь полукапиталистический характер. Количество наёмных батраков в каждом из них было ничтожно, причём сам разбогатевший крестьянин и члены его семьи обычно продолжали участвовать в земледельческих работах.

Другим путём развития капиталистического производства в сельском хозяйстве было перерождение под влиянием новых условий собственного хозяйства некоторых землевладельцев-феодалов и землевладельцев из числа разбогатевших горожан. Феодалы расширяли собственное производство сельскохозяйственных продуктов на рынок и заменяли малопроизводительный труд зависимых крестьян трудом наёмных рабочих. В результате этого их феодальное хозяйство приобретало черты хозяйства капиталистического типа. В среде феодалов складывалась особая прослойка — так называемое новое дворянство, интересам которого не противоречило капиталистическое развитие. Это особенно характерно для Англии.

Слагавшиеся таким образом хозяйства капиталистического типа имели уже более крупные размеры. Нужно, однако, отметить, что указанный процесс развития капитализма не получил в западноевропейских странах XVI в. широкого распространения. Только в одной из этих стран — в Англии он принял большие масштабы и привёл к серьёзным переменам в аграрном строе.

В реальной исторической действительности эти пути развития капитализма принимали различные конкретные формы и нередко переплетались друг с другом. Так обстояло дело в Англии, где в XVI в. труд сельскохозяйственных рабочих применяли в своих хозяйствах как дворяне, так и фермеры, арендовавшие землю у лендлордов.

Степень развития капитализма в Западной Европе XVI в.

Развитие капиталистического способа производства в Западной Европе XVI в. не привело к быстрому и полному вытеснению докапиталистических форм хозяйства. Капиталистическое производство длительное время развивалось в рамках феодального общества, лишь частично вытесняя характерные для этого общества формы хозяйства, которые ещё долго продолжали давать основную часть общественной продукции. Капиталистическое производство рассматриваемого времени представляло собой, таким образом, только уклад, развивавшийся в недрах феодализма.

Такое положение объясняется тем, что в это время, за исключением отдельных отраслей, всё ещё продолжала безраздельно господствовать ручная ремесленная тех-

ника. В сельском хозяйстве по-прежнему преобладало мелкое крестьянское хозяйство, сочетавшееся в некоторых странах с крупным барским хозяйством, основанным на использовании дарового барщинного труда крестьян. В промышленности, работающей на местный ограниченный рынок, господствовало мелкое производство ремесленников.

Меняла с женой.
М. Роймерсвале. 1546 г.

Более того, такое мелкое ремесленное производство часто продолжало существовать наряду с домашней капиталистической промышленностью и мануфактурой и в отраслях, работающих на широкий рынок. Особенно стойким оказывалось оно в тех случаях, когда ремесленники в виде подсобного промысла занимались сельским хозяйством, что значительно упрочивало их экономическую самостоятельность.

Капитализм смог одержать полную победу в области производства над докапиталистическими формами хозяйства только тогда, когда была создана техническая база для крупной промышленности, когда появилась машина. Но это случилось лишь в период промышленного переворота.

Тем не менее, уже в XVI в. развитие капиталистического производства оказывало громадное влияние на хозяйственную жизнь западноевропейских стран. Хотя оно

давало и меньшую часть всей общественной продукции, но овладело как раз особенно важными сферами общественного производства. Капиталистическое хозяйство давало значительную часть всей товарной продукции и, бесспорно, большую часть той продукции, которая производилась на широкий рынок. К тому же нужно отметить, что оно производило продукты, имевшие исключительно важное значение для хозяйства и всей общественной жизни того времени — продукты горнорудной промышленности, многие металлические изделия, в том числе наиболее сложные и дорогие орудия труда и огнестрельное оружие, корабли и различное военное снаряжение, высококачественные шерстяные и льняные ткани и т. д.

Чтобы оценить в полной мере значение экономического переворота, происшедшего в рассматриваемый период, необходимо учесть также и то обстоятельство, что одновременно с развитием капиталистического производства происходили глубокие изменения и в конкретных формах докапиталистического хозяйства, количественно продолжавшего преобладать в XVI в.

Прогрессирующее развитие товарного производства, бывшее результатом углубления и расширения общественного разделения труда, приводило к росту дифференциации в среде ремесленников и ко всё большему подчинению их торговому капиталу. Положение тех ремесленников, которые всё ещё сохраняли своё мелкое трудовое хозяйство, т. е. не подверглись капиталистической экспроприации, стало иным, чем ранее. В области сельского хозяйства мы наблюдаем в это время различные пути развития. В странах, где под влиянием развития товарно-денежных отношений ещё в предыдущие века происходил процесс коммутации (замены натуральной ренты денежной), ликвидации барской запашки, а также личное освобождение крестьян, эти процессы продолжались и в раннюю пору развития капитализма, осложняясь кое-где полной или частичной экспроприацией крестьянства. Так обстояло дело в Англии, Франции и некоторых других странах. Там же, где сельское хозяйство было втянуто в массовое производство сельскохозяйственных продуктов главным образом на внешний рынок капиталистически развивающейся Западной Европы, феодалы расширяли собственные барские хозяйства, увеличивали барщину и усиливали крепостную зависимость крестьян.

Степень развития капитализма в разных странах Западной Европы была различной. В XVI в. в процесс развития капиталистического способа производства в той или иной степени и в той или иной форме были вовлечены почти все страны Западной Европы. Во многих из них в отдельных отраслях — в горном деле, производстве оружия, кораблестроении и некоторых других производствах — в это время уже складываются более или менее развитые формы капиталистического производства. Однако в более широких масштабах развитие капитализма происходило крайне неравномерно. Это зависело от конкретных условий, складывавшихся в различных странах. Та страна, которая в XIV—XV вв. шла впереди других стран и где уже в указанные столетия зародились элементы капитализма, т. е. Италия в XVI в. окончательно утрачивает своё первенствующее положение; в ней наступает период упадка, в процессе которого хиреет и гибнет развивавшееся ранее капиталистическое производство. В широких масштабах в конце XV и начале XVI в развитие капиталистических отношений происходит в Германии, Англии, Нидерландах, Франции, Испании. В середине XVI в. явственно начинает проявляться отставание Германии и Испании и на первое место по интенсивности развития капитализма выдвигаются три из пяти названных стран: Англия, Нидерланды и Франция.

Рост капитализма вместе с только что указанными изменениями в сфере докапиталистических форм хозяйства создавал благоприятные условия для развития производительных сил и привёл к глубоким сдвигам во всей общественной жизни западноевропейских феодальных стран XVI в.

Мануфактура вносит коренные изменения в положение непосредственных производителей. Эти изменения выражаются не только в том, что самостоятельный прежде

ремесленник подчиняется команде и дисциплине капитала, но и в том, что характерное для нового способа производства разделение труда «превращает рабочего в урода, искусственно культивируя в нем одну только одностороннюю сноровку и подавляя весь мир его производственных наклонностей и дарований» [1]. Уже для рассеянной мануфактуры почти всегда характерно привлечение к производству женщин и детей с самого раннего возраста. Отдельный рабочий, превращённый в механическое орудие одной частичной операции, может применять свою рабочую силу только в связи с другими, но эту связь осуществляет капиталист, владеющий всем механизмом производства и использующий эту свою роль для усиления эксплуатации труда рабочих. «Одна из наиболее вредных сторон капиталистической работы на дому, — пишет В. И. Ленин, — состоит в том, что она ведет к понижению уровня потребностей работника. Предприниматель получает возможность выбирать себе рабочих в таких захолустьях, где жизненный уровень населения стоит особенно низко и где связь с землей позволяет работать за бесценок» [2].

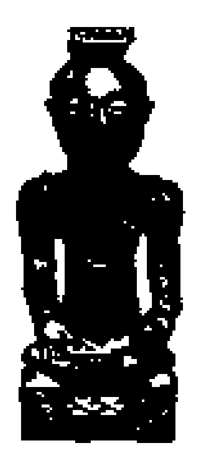
Мануфактурные рабочие начинают складываться уже в класс эксплуатируемого капиталом пролетариата. Однако мануфактура не может охватить общественное производство во всём его объёме. Широким основанием мануфактуры остаются городское ремесло и сельские побочные промыслы. Для мануфактурного периода характерно постоянное увеличение массы городского плебса, с одной стороны, за счёт разорения ремесленников, а с другой — за счёт притока в города обезземеленных и обедневших крестьян и роста в городах числа нищих, подёнщиков и вообще деклассированных элементов, живущих случайными заработками. Из этого слоя плебса, стоящего вне цехов и вне сословно-феодальной структуры, формировался в средневековых городах предпролетариат.

Процесс развития капиталистических отношений в Западной Европе был ускорен событием огромной исторической важности — великими географическими открытиями и последовавшими за ними завоеваниями и захватами западноевропейскими государствами в Африке, Азии и Америке.

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 368.
[2] *В. И. Ленин,* Развитие капитализма в России, *В. И. Ленин,* Соч., т. 3, стр. 388—389.

ГЛАВА II
НАРОДЫ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ АФРИКИ

К концу XV в. историческое развитие стран тропической Африки происходило при почти полном отсутствии связей и культурного обмена со странами других континентов.

На географических картах Европы долгое время отмечались старинные, унаследованные ещё от античной древности несуществующие названия народов, как например: гараманты, агасимбы и т. п., которых помещали в южной части Северо-Западной Африки и в Северной Сахаре. К югу от этих народов, по представлению европейских географов, обитали всякие чудовища: пёсьеглавцы, одноногие и одноглазые люди.

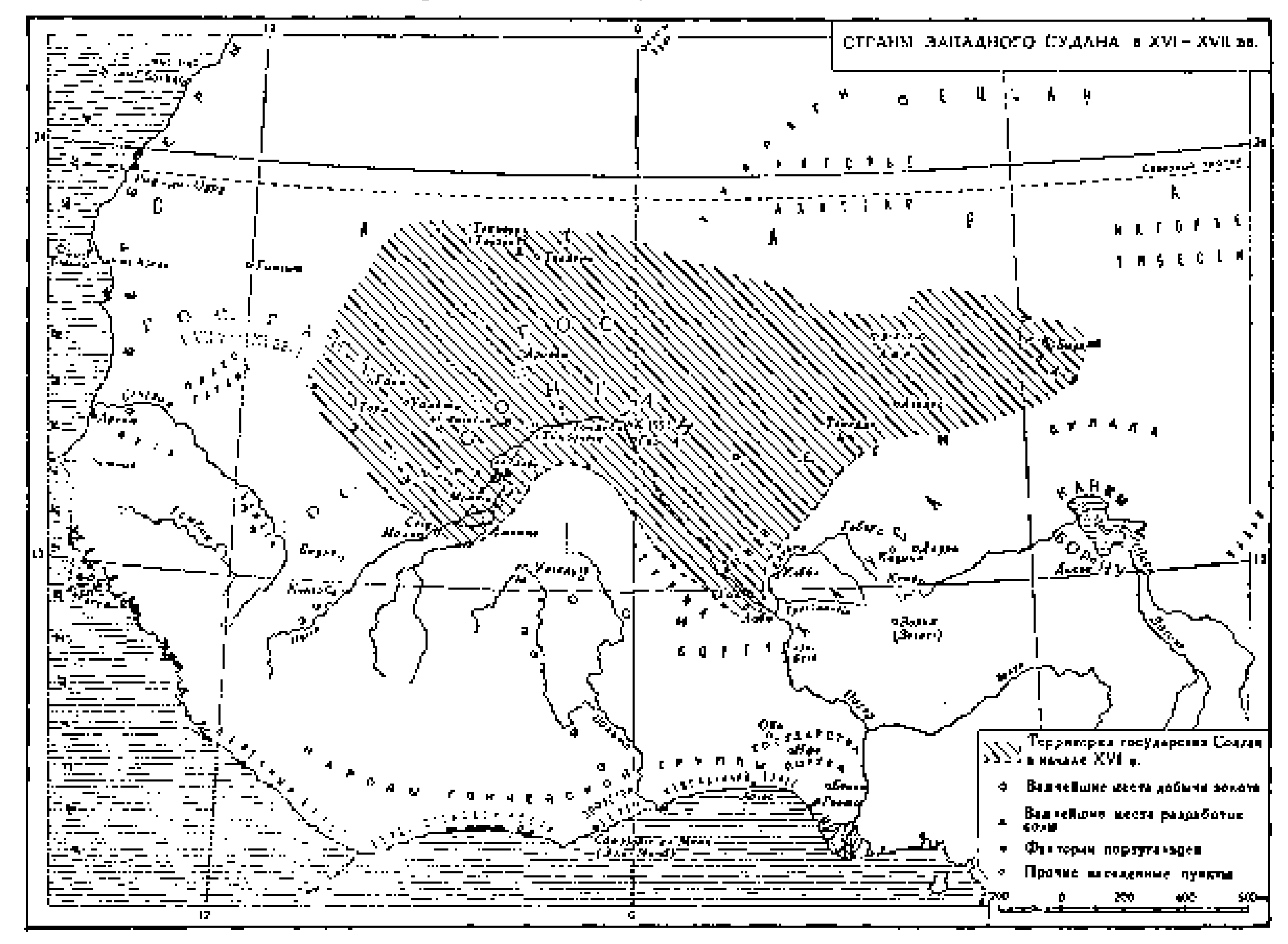
Источники изучения истории народов Африки

Первые, более или менее достоверные сведения о народах тропической Африки были получены в Европе от арабских купцов и географов в VIII—IX вв. Непосредственное знакомство европейских мореплавателей со странами южнее Сахары относится к середине XV в.

Некоторую помощь в деле восстановления истории народов Африки оказывают археологические и этнографические исследования.

Для истории Судана большое значение имеют местные исторические хроники, написанные уроженцами Тимбукту и Масины на арабском языке, местные хроники на языках хауса, фуль и канури и «Описание Африки», составленное уроженцем Магриба Аль-Хасаном бен-Мохаммедом, известным под именем Льва Африканского. Для истории стран Хауса важны хроники отдельных городов. Среди них наибольшее значение имеет хроника города Кано, написанная на языках арабском и хауса. Важные

Страны Западного Судана в XVI—XVII вв.

сведения по истории народов восточного берега Африки содержат хроники арабских султанатов, а среди них — хроника города Кильва.

Историю стран Западного Судана — государств Гана, Сонгаи, а позднее Мали — можно восстановить на основании вышеупомянутых исторических хроник, а также местных исторических преданий. Для изучения нынешней Южной Нигерии, где в прошлом существовала весьма развитая культура йоруба, мы располагаем пока лишь местными преданиями.

Народы Африки к началу XVI в.

К этому времени, видимо, наиболее развитыми были народы Судана, жившие в бассейне рек Сенегала и Нигера, а также народы гвинейского побережья. Народы Восточного Судана, жившие в среднем течении Нила, ниже слияния Белого и Голубого Нила, долгое время находились под воздействием культуры Египта. В этой части Африки ещё задолго до появления арабов существовали христианские царства Нуба, Мукурра и Алоа. К югу от Судана начинается область тропического леса. Здесь обитали пигмейские племена, составлявшие аборигенное население Центральной Африки, а возможно, и лесов Западного Судана. Позднее под натиском племён, говоривших на языках банту, пигмеи были оттеснены в районы тропических лесов Конго и Камеруна. Пигмеи занимались охотой и собирательством. Их основным оружием были маленький лук и тонкие стрелы с оперением из листьев. Острый конец стрел обжигался на огне и намазывался ядом. Пигмеи в совершенстве знали повадки животных и употребляли на охоте всевозможные ловушки и капканы. Жильём пигмеям служили временные шалаши из веток, покрытые листьями. Пигмеи жили небольшими группами кровных родственников, совместно охотились и считали занимаемую ими территорию своей собственностью, не позволяя соседям охотиться на ней.

Вероятно, из северных районов Камеруна или из Убанги продвинулась к югу одна группа племён банту. Другая группа племён банту проникла в Южную Африку с запада и постепенно заселила район тропического леса. Этническое единство банту подтверждается близостью их языков. Время их переселения неизвестно. Возможно, что это произошло во II тысячелетии до н. э.

Банту оттеснили встретившиеся им племена койсанской группы — бушменов (самоназвание сан) и готтентотов (самоназвание коикоин) — к югу, в районы Южной и Юго-Западной Африки. Культура бушменов сходна с культурой пигмеев. Бушмены — охотники и собиратели, они изготовляли свои орудия из камня и дерева. Так же как и у пигмеев, их основным оружием были лук и стрелы. Однако у бушменов стрелы были с костяными или каменными наконечниками. Для выкапывания кореньев они пользовались палкой с насаженным на неё каменным кольцом. Бушмены не имели постоянных жилищ и пользовались временными шалашами или навесами. Общественный строй бушменов, по-видимому, представлял собой один из ранних этапов первобытно-общинного строя.

Племена банту, заселившие всю южную половину Африки, стояли значительно выше по своему культурному развитию. Они были давно знакомы с обработкой железа и умели не только обрабатывать, но и выплавлять его из руды.

Основная часть племён банту, а также готтентоты занимались главным образом скотоводством. Все банту, как восточные, так и западные, были знакомы с земледелием. По-видимому, некоторые растения, в частности различные виды африканского проса и масличной пальмы, были введены в культуру народами банту. Однако банту обрабатывали свои поля вручную, не применяя тягловой силы скота. Основными орудиями земледелия были мотыги и различной формы ножи. В Западной Африке господствующей формой общественных отношений был материнский род. Напротив, у восточных и юго-восточных банту был распространён отцовский род.

В верховьях Нила сложилась своеобразная культура нилотов. Все языки племён, обитавших в этом районе, принадлежат к нилотской семье языков. Культура нилотов весьма своеобразна. О продолжительной изолированности этой группы населения

Африки свидетельствует особый антропологический тип нилотов. Нилоты жили родовым строем, занимались скотоводством и земледелием в верховьях Нила. Большое значение имело у них и рыболовство.

Народы побережья Верхней Гвинеи в отношении культуры во многом были сходны с народами западной группы банту, что объясняется отчасти сходством географической

Город Бенин.
Фрагмент гравюры 1686 г.

среды: обе группы народов жили в условиях тропического леса и занимались земледелием. Однако народы Западного Судана по своему общественному развитию достигли более высокого уровня, чем народы банту. Это относится, в частности, к народам йоруба и эдо, жившим в пределах нынешней Южной Нигерии. Древнейшая история этих народов не изучена. Археологические исследования в Нигерии обнаружили в районе древних оловянных рудников в долине Нок терракотовые скульптуры прекрасной работы. Их датируют I тысячелетием до н. э. В Южной Нигерии, на островах нижнего течения Нигера и в Бенине найдены бронзовые фигуры сидящего писца, страуса, головы и статуи царей и т. п. В Бенине, кроме того, обнаружены бронзовые рельефы, покрывавшие стены дворцов, и изображения голов царей и цариц, сделанные из бронзы и ставившиеся на алтари. Датировка этих находок точно ещё не установлена. Возможно, что наиболее ранние из них относятся к VIII—X вв. Лучше всего изучены бронзовые скульптуры и рельефы древнего Бенина, период расцвета которого относится к концу XVII в.

К северу от народов, живших на побережье, обитали племена, говорившие на языках атлантической группы и группы гур, которые также сходные языками банту. Эти племена жили родовым строем и занимались примитивным земледелием. В культурном отношении они намного отставали от своих соседей. К северу от них, в степных районах Западного Судана, уже в середине I тысячелетия н. э. возникли государства Гана, Мали (Меле), Сонгаи, Борну и другие. Это были государства феодального типа. Однако феодальный строй этих государств сочетался с наличием рабовладельческого уклада и пережитков первобытно-общинных отношений, бытовавших во многих районах. Рабовладение играло большую роль в общественном производстве.

Государство Гана

Между верховьями рек Сенегала и Нигера находились страны, населённые народами, говорящими на языках группы манде, а именно: сонинке, малинке, бамбара и др. Эти народы в своём культурном развитии опередили окружающие их народы. В этой части Африки сложились государства Гана и Мали. Здесь же находились крупнейшие города Дженне, Мопти, Мали и др.

Воин.
Бронзовый рельеф. Бенин.

Завоевав страны Северной Африки, арабы через местных жителей, ведших торговлю с народами Юга, вскоре узнали, что там имеются сказочные страны, изобилующие золотом. Внимание арабов привлекали сведения о стране золота Ат-Тибр и о стране Гана. Сведения об этих странах у многих арабских географов имеют подчас фантастический характер. Так, например, Абу Бекр Ахмад аль-Хамадани, известный под именем Ибн-Факих (умер около 903 г.), рассказывает, что «в стране Гана золото растёт, как морковь, и его собирают на восходе солнца». Аль-Харрани (умер около 1295 г.) рассказывает, что Гана была самой большой из стран Судана и торговля в ней была очень развита. «Страна находится на Ниле» (так арабские географы того времени называли Нигер, считая его продолжением Нила). Жители Ганы, по его словам, имеют большие корабли, на которых плавают по реке. Почва этой страны содержит золото. Царь Ганы могуществен, имеет большую армию и управляет множеством царств, владыки которых подвластны ему.

Время образования государства Гана в точности неизвестно. В конце VIII в. власть в стране перешла к правителям Сисе Тункара, династия которых правила страной в течение нескольких веков. Владения Ганы в то время достигали верховьев Нигера, Сенегала и доходили до Бауле. Таким образом, во владениях царей Ганы находилась значительная часть Западного Судана, и в том числе районы, богатые золотом. Уже с IX в. Гана подвергается нападениям берберов Лемтуна. В середине XI в. в низовьях реки Сенегала Альморавидам удалось объединить племена берберов групп Зенага и Годдала. В 1048—1049 гг. один из вождей Альморавидов, Абу Бекр, напал на город Гана и разграбил его. Однако уже с 1062 г. царь Ганы Баси и его преемник Менин с успехом вели борьбу с Альморавидами. На западе были присоединены золотоносные области Бамбук и Вангара, а в районы Фута и Джалон направлены специ-

альные экспедиции для захвата рабов. В XI в. столица государства состояла из двух частей. В одной из них жили мусульмане. Там было 12 мечетей со своими имамами, муэдзинами и проповедниками. Царь жил в особом квартале, обнесённом стеной. Дома были каменные. Царь Ганы мог выставить войско в 200 тыс. человек, 40 тыс. из которых были лучники. Источником царских доходов была торговля солью и золотом с Магрибом. «Царь имеет право получать один золотой динар с каждого груженного солью осла, входящего в его страну, и два динара с каждой ноши соли, которую вывозят из страны, — пишет в XI в. Аль-Бекри. — За каждую ношу меди ему платят пять миткалей, за каждую ношу товаров — 10 миткалей». «Все куски самородного золота, найденные в рудниках государства, принадлежат царю; он разрешает народу только промывку золотого песка, иначе золото стало бы столь обильно, что почти не имело бы цены». Аль-Бекри отмечает, что наследование царской власти передавалось по женской линии, переходя от дяди к племяннику (сыну сестры). В 1076 г. Гана была захвачена Альморавидами и в течение нескольких лет платила дань.

Вероятно, к началу XI в. относится проникновение ислама в Судан. Вместе с исламом в Судане распространилась письменность, возникли школы; города средневекового Судана стали центрами культуры.

В начале VIII в. был основан город Дженне, который в XIII в. наряду с Уалатой становится одним из главных торговых центров Западного Судана, откуда шли золото и слоновая кость. Вплоть до открытия Америки Западный Судан остаётся главным поставщиком золота в страны Средиземноморья. В 1203 г. страна подверглась нападению племён сосо, после чего часть населения бежала в другие районы. После набега племён сосо значение Ганы падает и постепенно начинает возвышаться южная область страны — Мали, населённая народами малинке. В 1240 г. Сундьятта, вождь малинке, захватил Гану и окончательно разрушил город. На смену Гане пришло новое государственное объединение — царство Мали.

Государство Мали (Меле)

Ещё до XI в. в Западном Судане между Нигером и Баконом существовало небольшое княжество Мали, по-видимому, находившееся в зависимости от царей Ганы. Известен один из правителей этого княжества — Муса Кеита (1200—1218), которому приписывается основание города Кангаба на Нигере, несколько выше города Бамако. Один из его потомков, Сундьятта, известный под именем Мари Джата (1230—1255), отразил набеги племён сосо, разбил войска правителей Ганы, разрушил их столицу и на месте нынешнего селения Ньяни основал новую. По преданиям, военачальники Сундьятты овладели районом золотых рудников Вангара и страной Текрур. Ему приписывают улучшение внутренней организации государства, расчистку лесных участков, расширение полей и разведение хлопка. К началу XII в. главный город страны — Мали — стал уже крупным торговым центром. Владения царей Мали были расширены вплоть до Гао на востоке. Таким образом, была объединена значительная часть Западного Судана, от Сенегала на западе до границ нынешней Нигерии на востоке.

В конце XIII в. царский престол в Мали был захвачен одним из рабов царского дома Сакурой (1285—1300). Его правление ознаменовалось походами в Текрур, Сонгаи, Гао. Столица государства становится крупным торговым центром. При одном из преемников Сакуры — Манса Муса (1312—1337) стали более тесными отношения с Магрибом и Египтом. В крупнейших городах Судана — в Гао, в Тимбукту и других работали приглашённые в Судан арабские архитекторы. Так, архитектор эс-Сахели соорудил мечети в Гао и в Тимбукту, превратившемся в центр мусульманского образования. Приезжие купцы занимали здесь целый квартал. Пышность и богатство владыки Мали описывают многие арабские историки XIV—XV вв. Слава о богатстве и могуществе царей Мали проникла даже в Европу. Так, на атласе Карла V французского на карте Судана была изображена фигура царя на троне с надписью:

«Этот негритянский царь называется Муса Мали, владыка негров Гвинеи». В конце XIV в. к Мали была присоединена область Такедда с её медными рудниками.

Несмотря на всё это, государство Мали клонилось к упадку. Бесконечные династические распри ослабляли его. Всё чаще и чаще становились набеги соседних племён. В 1433 г. туареги Сахары захватили даже такие крупные города, как Тимбукту, Араван и Уалату. В 1463 г. на восточные провинции государства напали сонгаи. С юга усилился натиск племён моси. Однако посетивший в начале XVI в. город Мали берберский путешественник Лев Африканский говорит ещё о благосостоянии страны. В столице государства, по его словам, были в изобилии зерно и скот. В городе насчитывалось около 6 тыс. очагов, очень развиты были ремёсла, причём ткани из хлопка изготовлялись не только для потребностей населения, но и на вывоз в Дженне и в Тимбукту.

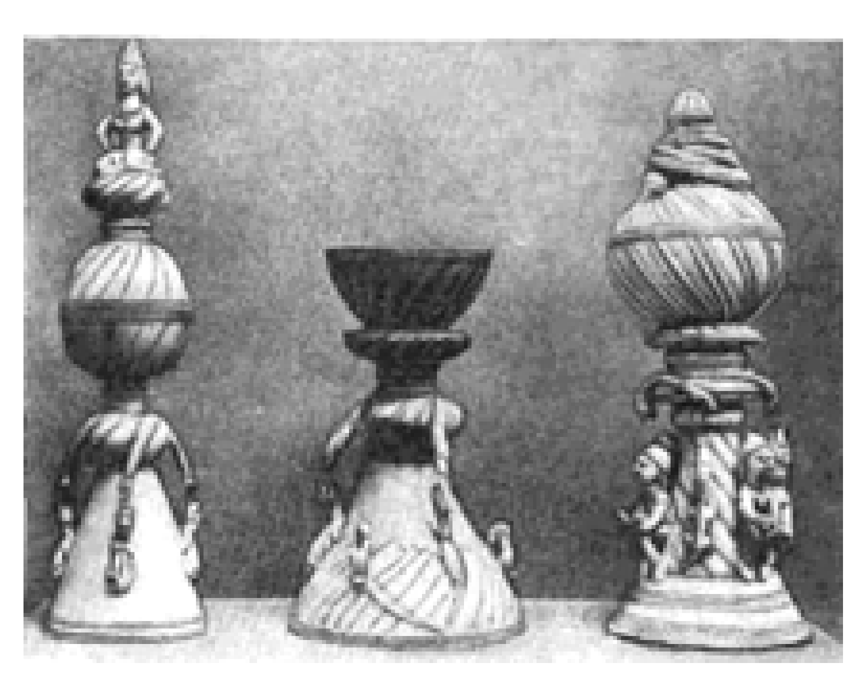
С начала XVI в. у Мали появился новый грозный противник — племена текрур. Они опустошили в 1530—1535 гг. всю страну южнее Сенегала. Положение в стране становилось всё более тяжёлым. С конца XV в. Мали пришлось вести тяжёлую борьбу с войсками сонгаев, захвативших провинцию Вагана. Одно время победа сонгайцев казалась близкой, но появившиеся в 1591 г. в Судане марокканские войска разгромили армию царей Сонгаи. После этого весь Западный Судан был ввергнут в анархию. В 1630г. племена фульбе и бамбара восстали и осадили Мали. Последний из царей Мали — Маган оставил столицу. С этого времени всякие упоминания о Мали исчезают.

Государство Сонгаи

Третье из больших государств средневекового Судана — Сонгаи находилось восточнее первых двух. Родиной своей сонгаи считают страну Денди, северо-западнее впадения реки Гульбин-Ка в Нигер, несколько выше водопадов Буса. Первоначально сонгаи состояли из трёх групп племён: рыболовов сорко, земледельцев габиби и охотников гоу. Позднее сорко двинулись вверх по долине реки Нигера и достигли Тимбукту и озера Дебо. Сонгаи составляли население среднего течения Нигера. Основным занятием их было рыболовство и разведение риса. Численность сонгаев была невелика, и они во многих областях своего государства составляли меньшинство среди других народов Западного Судана. Язык сонгаев резко отличается от языков других племён Западного Судана и стоит изолированно среди всех языков Африки. До сих пор не установлены его связи ни с одной из языковых групп. Сохранившиеся в суданских хрониках предания о древнейшем периоде истории Сонгаи фантастичны. Несомненно, однако, что предки сонгаев (возможно, под давлением племён хауса) двинулись на запад вверх по течению Нигера и достигли Тимбукту. Предания сонгаев отражают их борьбу с хауса, берберами и манде. Уже в 890 г. встречаются упоминания о главном городе сонгаев — Гао. Более точные сведения об истории сонгаев начинаются с XIV в. В 1468 г. царь сонгаев Сонни Али занял Тимбукту и разбил туарегов и моси. Один из его военачальников Мохаммед Туре, известный под именем аскии Мохаммеда I, в 1493 г. захватил престол. Годы правления аскии Мохаммеда I являются расцветом государства Сонгаи. В XVI в., во времена наибольшего могущества сонгайских аскиев, владения их простирались от верховьев Нигера до водопадов Буса и от Сахары на севере до стран Бобо и Моси на юге. Кроме того, в отдалённых районах Сахары, где добывалась соль, находились сонгайские гарнизоны. Рабы в Сонгаи играли большую роль в общественном производстве. По-видимому, основным источником получения рабов были военные набеги. В хрониках неоднократно встречаются упоминания вроде следующего: «Аския сделал набег на жителей Уагалу, убил их вождя, а детей побеждённых, все их стада и их рабов захватил и увёл в Гао». Рабский труд применялся главным образом в земледелии. По словам одной хроники: «Под начальством некоторых надсмотрщиков находилось сто рабов, обрабатывавших землю. Другие имели 60. 50, 40 и 20 рабов». Цари Сонгаи, раздавали духовным лицам и своим приближённым земли вместе с рабами. Так например, один из высших представителей мусульманского духовенства, некий Альфа Кати, обратился к царю с просьбой о помощи, и царь «дал ему поместье Дьянгалья в области Юнфа с 13 рабами, которые должны были работать на него, а также надсмотрщика и 40 мер зерна для посева». Другой приближённый получил 3 поместья

по 200 рабов в каждом. Аскии Сонгаи переселяли захваченных ими рабов с одного конца государства в другой, чтобы воспрепятствовать их побегу.

В Сонгаи, как и в других государствах Судана, рабы, посаженные на землю, выплачивали феодальную ренту натурой, и положение их мало чем отличалось от положения крепостных. По обычаям, существовавшим в Судане, потомки рабов, хотя и продолжали считаться рабами, всё же во втором, третьем и далее поколениях приобретали известные права. Этих рабов уже не продавали, хотя они по-прежнему оставались на низших ступенях общественной иерархии. За каждым классом в Сонгаи определялось особое юридическое место класса-сословия. Таким классом-сословием были и рабы, посаженные на землю, сословное положение этих рабов оформлялось особым образом. Цари Сонгаи издавали указы, запрещающие браки свободных с рабами. Такие порядки существовали, по-видимому, ещё в государстве Мали, и сонгайские цари сохранили прежний порядок, приводивший фактически к эндогамии. По одному из указов рабы объединялись в группы по 100 мужчин и женщин, каждой такой группе было отведено по 200 локтей земли. Собранный рабами урожай поступал для содержания армии. Если продуктов оказывалось недостаточно, рабов наказывали. Каждая группа посаженных на землю рабов обязана была кроме занятия земледелием выполнять какой-либо определённый вид работы. Так, например, рабы джинджакета, т. е. косари, должны были заготовлять корм для лошадей, другие поставляли сушёную рыбу, причём существовали определённые нормы поставок в тюках, третьи обязаны были предоставлять гребцов и лодки для переправы, четвёртые были кузнецами, обязанными поставлять по 100 копий и по 100 стрел с каждой семьи ежегодно, и т. д. Хроники не дают материалов, по которым можно судить о положении свободных общинников. Несомненно, что сельское население составляло огромное большинство жителей страны. Однако в Судане были довольно крупные по тому времени города, как например Гао, Тимбукту, Дженне, Мали и др. Как сообщается в одной из хроник, в столице Сонгаи — городе Гао имелось 7626 домов, т. е. общая численность населения города составляла приблизительно около 75 тыс. человек. В городах были сосредоточены ремёсла, из которых немалое значение имело ткачество. В Тимбукту, например, в домах, где работали портные, находилось от 50 до 100 учеников. Очевидно, производство это было рассчитано на сбыт.

Сосуды.
Слоновая кость. Бенин.

Огромные массы дьогорани — крепостных, потомков бывших рабов, посаженных на землю, являлись постоянной потенциальной угрозой власти господствующего класса. В конце XVI в., во время нашествия марокканцев, когда армии аскии были разбиты, по всей стране начались восстания Восставшие дьогорани в октябре 1591 г. пытались овладеть Тимбукту. Восстания дьогорани продолжались в течение длительного времени. Упоминания о них встречаются вплоть до 1652 г., когда они были разбиты одним из марокканских вождей.

Аския Мохаммед I несколько упорядочил систему управления. Государство было разделено на 4 провинции, а главнейшие торговые города страны — Тимбукту и Дженне с их окрестностями управлялись особыми правителями. Большинство правителей назначалось царём из числа его родственников. В состав правительства, возглавлявшегося балама, входили также лица, ведавшие финансами, судами, плававшими по Нигеру, главный лесничий, главный рыболов, верховный жрец, ведавший всем немусульманским населением страны, и т. д. Мохаммед I создал постоянную армию, заменив ею нерегулярное ополчение. В 1495—1497 гг. Мохаммед I отправился на богомолье в Мекку с огромной свитой из 500 всадников и 1000 пехотинцев. Он истратил в этом путешествии огромные суммы и задолжал египетским купцам 150 тыс. дукатов. Аския был принят аббасидским халифом Аль Мотаввакилем, который назначил его своим заместителем в Судане, дав ему титул Амир аль Муминин, т. е. эмира правоверных. В результате походов на запад владения аскиев достигли низовьев Сенегала, и в состав государства была включена страна Текрур. На востоке их владения достигли стран Хауса. В 1512—1513 гг. почти все города Хауса — Зария (Зегзег), Кацина, Занфара, Гобер и Кано — были взяты войсками аскии и обложены данью. В 1515 г. войска аскии достигли Аира и захватили Агадес. Однако все эти успехи были непродолжительны. В 1517 г. Канта, царь Кебби в восточной части страны, восстал против аскии. Одновременно с ним восстали сыновья аскии — Муса, Дауд и Измаил. В результате междоусобной борьбы Мохаммед I был захвачен, ослеплён и сослан на один из островов на Нигере. Начался период междоусобных войн. Один за другим сыновья аскии захватывали трон, причём во всех этих распрях главную роль играло войско, которое фактически назначало царей. К этому времени относится первое столкновение владык Сонгаи с султанами Марокко. Марокканский султан предложил уступить ему соляные копи Тагазы. В ответ на это аския Исихак послал туарегов разорить Южное Марокко. При Дауде (1549—1582) марокканцы напали на Тагазу, убили местного правителя и разрушили соляные промыслы. В 1582г. марокканский султан Мулай Ахмед аль-Мансур послал в Судан богатые дары, чтобы почтить вступившего на престол аскию Мохаммеда III. Позднее марокканцы снарядили войско под начальством Джудара-паши, состоявшее в большинстве своём из наёмников-европейцев, имевших артиллерию, и из местных войск, вооружённых аркебузами и копьями. В битве при Тондиби (1591 г.) сонгайская армия, численно превосходившая марокканскую, но вооружённая только копьями и луками, была разбита. Марокканцы заняли Тимбукту и Гао.

Предпринимая захват Судана, марокканские султаны рассчитывали захватить в свои руки торговлю золотом. Первые результаты похода, казалось, оправдывали эту надежду. Марокканские отряды Джудара-паши ограбили Тимбукту, Дженне и Гао и отправили богатую добычу в Марокко. Считается, что султан Марокко получил 4,5 млн. фунтов золота, которое он обратил на украшение своих дворцов и мечетей. Современники дали ему прозвание Аль-Мансур Аз-Захаби, т. е. Аль-Мансур Золотой. Однако цели своей марокканские султаны не добились. Их войска оказались бессильны справиться с Сонгаи. Убедившись в том, что в открытой битве марокканцы, имевшие огнестрельное оружие, одерживали верх, сонгайские военачальники стали производить внезапные нападения на марокканские лагери, заманивая в засады, окружая и уничтожая отдельные отряды противника. Марокканцы оказались в трудном положении; их попытки вступить в переговоры окончились неудачей. Оплата наёмных войск поглощала все доходы марокканцев. Во время одной из стычек командующий марокканской армией был убит. Марокканские отряды удалились в города Тимбукту и Гао. С 1618 г. марокканский султан Мулай Зидан окончательно прекратил помощь находившимся в Судане марокканским войскам. Государство Сонгаи, однако, вышло из этой войны чрезвычайно ослабленным. Оно фактически перестало существовать. Вновь усилились набеги северных соседей. В 1680 г. туареги захватили даже прежнюю столицу страны Гао.

Государства Моси, Хауса и Борну

История стран к югу от Нигера мало известна. Южнее Сонгаи жили моси — воинственный народ, отстоявший свою независимость и от царей Мали и от Сонгаи. Уже в XI в. существовали, по-видимому, два небольших государства моси: Уагадугу и Ятенга. Второе из них играло большую роль в истории Судана. Насеге, вождь племён моси Ятенга, в 1330 г. захватил Тимбукту. Суданские хроники отмечают неоднократные нападения племён моси: около 1400 г. они произвели набег на богатый город Дженне, в 1477 и 1480 гг. — набеги на страны Багана и Уалата, отражённые царём Сонгаи Сонни Али. Чтобы воспрепятствовать дальнейшим набегам, аския Мохаммед I предпринял поход в страну моси — в Ятенга, а позднее против восточных меси в Борну. Однако эти походы были неудачными. С XV в. имя народа моси становится известным в Европе. Португальские путешественники, побывавшие на гвинейском побережье, привезли сведения о царстве Моси, находившемся, по их описаниям, где-то в глубине Африки. Благодаря неправильному отожествлению Моси с именем Моисея португальские географы приняли это государство за христианское царство пресвитера Иоанна, которое, по преданиям, находилось где-то на востоке.

Король с приближёнными.
Бронзовый рельеф. Бенин.

Так же мало известна и древнейшая история стран Хауса, лежавших к востоку от Сонгаи.

Суданские хроники упоминают о богатых городах Кано, Гобере, Кацине и др. Некоторые из этих городов, в частности Кано, по размерам своим не уступали Гао — столице государства Сонгаи. Местные исторические хроники, составленные на языках арабском и хауса, описывают историю отдельных городов. По-видимому, общественный строй их был в общем сходен с общественным строем других государств средневекового Судана.

Согласно летописной традиции, сложившейся, по-видимому, в XVI в., в стране существовали «Семь Хауса», т. е. семь городов-государств — Гобер, Даура, Бирам, Кацина, Зария, Кано и Рано; два из них — Кацина и Даура — считались «царями рынка», т. е. вели торговлю, Кано и Рано — «царями индиго», т. е. занимались изготовлением и окраской тканей на сбыт, Гобер считался «царём войск», т. е. защищал всех остальных. Наконец, Зария был «царём рабов» и снабжал все города Хауса рабами. Города эти никогда не составляли единого государства. Постоянные междоусобные войны, прерывающиеся временными союзами и объединениями, характерны для истории Хауса вплоть до конца XVIII в.

Иной характер носила история соседней с Хауса страны Борну. Во времена своего расцвета Борну представляло собой мощное политическое объединение. История его известна с VIII в., когда владетели Канема — страны в северо-западном районе озера Чад, объединили все племена этого района. Во второй половине XI в. владетели Канема приняли ислам. Среди них особенно известен Дунама Диббалами (1221—1259). Владения его доходили на севере до Феццана, на юге до Дикоа, на востоке до Вадаи, а на западе до границы Сонгаи. Прибывшее в Тунис в 1257 г. посольство из Канема произвело большое впечатление, о нём упоминают арабские историки Северной Африки. Посольство привезло в Тунис жирафа от «царя Канема и владетеля Борну». По-видимому, в это время через оазис Кавар и Феццан велась оживлённая торговля между Канемом и странами Северо-Западной Африки и Египтом. Позднее под натиском племён булала властители Канема вынуждены были оставить столицу и перенести её на юг, в провинцию Борну. В XVII в. правители Борну захватили Багирми. В конце XVII в. начинается упадок Борну.

Португальские завоевания в Африке

В 1415 г. португальцы захватили на африканском берегу Гибралтарского пролива крепость Сеуту. Это была их первая колония в Африке. Обладание Сеутой привело португальцев в близкое соприкосновение с Северной Африкой. Португальцы оказались в стране, которая издавна вела торговлю с южными странами и получала оттуда золото, слоновую кость, пряности и рабов.

Многочисленные арабские и магрибские купцы регулярно посещали Судан, привозя оттуда редкие товары. Товары эти, главным образом золото, поступали в Европу, причём посредническая торговля давала купцам громадные прибыли. Естественно, что, захватив Сеуту, португальцы вознамерились взять в свои руки всю торговлю с Суданом. Находившийся на португальской службе уроженец Чехии Валентин Фернандеса, хорошо знавший побережье Западной Африки от Сеуты до Сенегала, писал о причинах, побудивших Генриха Мореплавателя заняться поисками морского пути вдоль берегов Африки: «Инфант дон Энрико, сын короля дон Жуана I, после завоевания Сеуты решил сразу же открыть этот берег, потому что он узнал, что мавры отправляются на поиски золота со стороны этой западной области Африки. Вот почему он многократно посылал людей, имевших большой опыт в этих делах».

Несомненно, что золото было одной из наиболее важных причин, побуждавших португальцев энергично действовать в Африке. Уже в 1433 г. они появились в устьях Сенегала, где основали небольшую факторию Аргим, откуда стали устанавливать связи с Тимбукту. В 1441 г. в Португалию пришёл из Африки первый караван судов с золотом и рабами. К этому времени слава о богатствах далёкой Африки стала распространяться в Европе. С португальскими мореплавателями начали соперничать кастильцы. Тогда Португалия добилась от папы Николая V издания буллы от 8 января 1455 г., предоставлявшей Португалии все провинции, острова, гавани и т. д., от мыса Бохадор и Нан. Новый папа, Калликст III, 13 марта 1456 г. издал новую буллу, предоставившую все права на новые открытия в Африке ордену Иисуса, главой которого был Генрих Мореплаватель, что давало в руки португальцам могущественные средства борьбы против конкурентов. Так, например, один из капитанов, некий де Прад, задержанный португальскими кораблями в водах Африки с богатой добычей, был привезён в Португалию и сожжён как еретик, осмелившийся ослушаться папского эдикта. Португальские короли, не желая предпринимать дорогостоящие экспедиции в Африку, ввели практику сдачи на откуп прав на торговлю в Африке. В конце XV в. этими правами пользовалась богатая семья лиссабонских купцов Гомеш. Диего Гомеш, а позднее Фернандо Гомеш в течение нескольких десятилетий были неограниченными владыками африканского побережья.

Португальцы широко использовали опыт арабских мореплавателей Северной Африки, усовершенствовали карты и навигационные инструменты; ознакомились они и с научными достижениями еврейских учёных и купцов острова Мальорки,

хорошо знавших оазисы Сахары, через которые шла торговля золотом между Суданом и Европой.

В 1484 г. португальцы проникли в государство Бенин, для регулярной торговли с которым они основали в устье Нигера факторию.

Торговля с Бенином стала быстро развиваться. Португальцы вывозили из Африки главным образом золото, перец и рабов. Слоновая кость, сахар, пальмовое масло, воск

Португальская карта Судана.
Лиссабон. 1618 г.

и рыба не имели для них большого значения. Золото вывозилось главным образом из Сао Иорге да Мина на Золотом Береге, который именно поэтому и получил от европейцев такое название. Другим местом вывоза золота были страны в устьях Сенегала и Гамбии. Перец вывозили из районов нынешней колонии Сьерра-Леоне и Либерии. Поэтому на старинных картах берег этот назывался «Перечный берег». Этот перец по своему качеству намного уступал бенинскому и индийскому, и вскоре торговля им прекратилась, а на картах Гвинеи исчезло название «Перечный берег».

С XV в. стала развиваться торговля рабами, которая приобрела особое значение в XVI—XVII вв., когда начался вывоз рабов сначала в Вест-Индию, затем в Южную Америку, а потом во Флориду и Луизиану.

Государство Конго

Когда португальский мореплаватель Диего Као в 80-х годах открыл устье реки Конго, в этой стране уже давно существовало государство. Португальские корабли были встречены послами местного правителя, сообщившими о появлении кораблей в столицу государства Мбанза — Конго. Вскоре после второго путешествия Као португальцы посетили столицу, а в декабре 1490 г. из Лиссабона вышло несколько кораблей с плотниками, каменщиками и разным

оборудованием, предназначенными для постройки церквей. В марте 1491 г. флот этот достиг Конго. Вскоре состоялось торжественное крещение местного царя Нзинга Мбемба, принявшего имя Дон Альфонсо I. Быстрому принятию им христианства способствовало то обстоятельство, что в это время государство Конго подвергалось нападениям племён мундеквета, борьба с которыми велась в течение долгих лет. В этих условиях правители Конго охотно приняли предложения португальцев, так как крещение было одним из условий получения помощи. Действительно, в начале XVI в. с помощью португальцев Альфонсо I отогнал северные племена амбунду. Во второй половине XVI и начале XVII в. на восточные границы государства непрестанно производили набеги племена яга. В 1542 г. яга разрушили столицу Конго, но в 1546 г. их удалось изгнать. В 1565 г. в результате нового нападения племён яга король Конго потерпел поражение, но в 1574 г. он с помощью португальцев разбил их. С конца XVII в. имя яга исчезает. На смену им появляется новый враг с севера — цари Соньо. Так же как и цари Конго, они старались получить помощь португальцев и в этих целях приняли христианство. В 1631 г. они захватили северные провинции Конго — Каконго и Нгойо. В 1636 и 1641 гг. они разбили войска царей Конго. Тогда царь Конго Антонио I, решив отказаться от помощи португальцев, издал в 1665 г. манифест об освобождении страны от португальцев, отказался от католичества и вновь обратился к религии предков.

Португальцы, опираясь на помощь местных князьков, боровшихся с царями Конго, собрали войско, состоявшее из 6 тыс. местных воинов и 400 португальцев, при которых было 2 орудия. 1 января 1666 г. Антонио I потерпел поражение и был убит. Однако португальцам не удалось восстановить свою власть. Они вынуждены были покинуть страну.

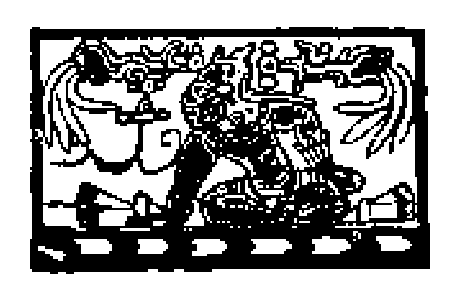
В период расцвета Конго его границы доходили на востоке до реки Кванго, на юге до реки Кванза, на западе до океана, а на севере простирались севернее реки Конго. Государство было разделено на провинции, одной из которых была Соньо, ставшая впоследствии независимой. Все эти провинции были населены племенами баконго и родственными им басунди, майомбе и др. Государственным языком был язык кишиконго. Основную часть населения составляли общинники, но из их среды выделилась знать — *мфуму*. Особую группу составляли рабы, главным образом военнопленные. Однако было развито и долговое рабство. Основу экономической жизни составляло земледелие. Главная работа по возделыванию полей приходилась на долю женщин, которые трудились на полях с утра до вечера. Мужчины выполняли тяжёлые работы по расчистке лесов, полей и постройке хижин, а также специализировались на изготовлении циновок, сетей, корзин и т. п., на гончарстве и обработке железа. Кузнецы составляли особую группу, они обрабатывали не только железо, но добывали и обрабатывали также золото и медь. На золотых и медных рудниках, находившихся в ведении царя, работали преимущественно рабы. Обмен был очень развит, существовали особые базарные дни, определённые единицы обмена, а именно: раковины каури и макута (ткань определённой длины), а также медные слитки особой формы, называемые ханда. В глубь страны шла соль, а вывозились — слоновая кость, шкуры и плетёные изделия. С появлением европейцев характер торговли изменился. Главное значение приобрели рабы и слоновая кость. На обязанности деревенских старост лежало наблюдение за дорогами, по которым проходили караваны носильщиков; они должны были строить хижины для путников, сооружать мосты из лиан и держать наготове лодки. Они же наблюдали за поступлением податей и обязаны были содержать царских послов. Часть общинных земель выделялась старостам, и эти участки обрабатывались всеми общинниками. В общественном производстве рабы не играли особой роли. Они жили в семье хозяина, их называли *мвана* — сыновьями и нередко женили на девушках из семьи хозяина. Однако за убийство раба наказания не полагалось.

К югу от государства Конго в XVI в. существовало государство Ангола, которое одно время составляло часть южных провинций Конго. В 1565 г., после нашествия яга, Ангола стала самостоятельным государством, но вскоре португальцы завоевали её и объявили владением Португалии (1589). В середине XVII в. под руководством энергичной правительницы по имени Анны Зинга-Мбанди-Нгела владычество португальцев было свергнуто. При ней же удалось нанести поражение племенам яга. В 1658 г. она расширила свои владения за счёт южных районов Конго. Однако период расцвета этого государства был непродолжителен. Уже в 1671 г. португальцы вновь завладели Анголой.

К востоку от Анголы в долине реки Замбези находилось другое государство, известное по португальским источникам под названием Мономотапы. Сведения о богатстве владык Мономотапы привлекали португальцев, которые пытались проникнуть в страну, но попытки их не увенчались успехом. Центром португальских владений на восточном берегу Африки долгое время оставался Лоренцо-Маркес, основанный в 1545 г. Весь восточный берег Африки к северу от реки Саби ко времени появления португальцев находился во владении арабов.

Наиболее крупным поселением на восточном берегу Африки был город Кильва Кисивани, т. е. «

ГЛАВА III
НАРОДЫ АМЕРИКИ ДО НАЧАЛА ЕВРОПЕЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

История народов американского континента до их встречи с европейцами в XVI в. развивалась самостоятельно и почти без взаимодействия с историей народов других континентов. Письменные памятники древней Америки очень скудны, а имеющиеся ещё не прочитаны. Поэтому историю американских народов приходится восстанавливать главным образом по археологическим и этнографическим данным, а также по устной традиции, записанной в период европейской колонизации.

Ко времени вторжения в Америку европейцев уровень развития её народов был неодинаковым в различных частях континента. Племена большей части Северной и Южной Америки находились на разных ступенях первобытно-общинного строя, а у народов Мексики, Центральной Америки и западной части Южной Америки в это время уже развивались классовые отношения; они создали высокие цивилизации. Именно эти народы прежде всего подверглись завоеванию; испанские завоеватели в XVI в. разрушили их государства и культуру и поработили их.

Первоначальное заселение Америки

Америка была заселена из Северо-Восточной Азии племенами, родственными монголоидам Сибири. По своему антропологическому типу американские индейцы и в ещё большей степени эскимосы, переселившиеся в Америку позже, сходны с населением Северной и Восточной Азии и входят в большую монголоидную расу. Освоение огромных пространств нового материка с чуждыми природными условиями, чуждым растительным и животным миром представляло для переселенцев трудности, преодоление которых потребовало больших усилий и длительного времени.

Переселение могло начаться в конце ледниковой эпохи, когда между Азией и Америкой, очевидно, имелась перемычка суши на месте нынешнего Берингова пролива. В послеледниковую эпоху переселение могло продолжаться и морским путём. Судя по геологическим и палеонтологическим данным, заселение Америки произошло за 25—20 тыс. лет до нашего времени. Эскимосы расселились по арктическому побе-

режью в I тысячелетии н. э. или даже позднее. Переселившиеся отдельными группами племена охотников и рыболовов, материальная культура которых стояла на уровне мезолита, в поисках добычи передвигались, как можно заключить по археологическим памятникам, с севера на юг вдоль тихоокеанского побережья. Сходство некоторых элементов культуры коренного населения Южной Америки с культурой народов Океании дало повод к теории о заселении всего американского материка из Океании. Несомненно, что связи Океании с Южной Америкой в древности имели место и играли известную роль в заселении этой части Америки. Однако некоторые сходные элементы культуры могли развиваться самостоятельно, не исключена и возможность более поздних заимствований. Например, культура батата распространилась из Южной Америки в Океанию, банан и сахарный тростник были завезены в Америку из Азии.

Этнографические и лингвистические данные свидетельствуют о том, что передвижения древних индейских племён происходили на обширных пространствах, причём часто племена одних языковых семей оказывались расселёнными между племенами других языковых семей. Основной причиной этих переселений была, очевидно, необходимость увеличения земельной площади при экстенсивном хозяйстве (охота, собирательство). Однако хронология и конкретно-историческая обстановка, в которой происходили эти переселения, остаются пока неосвещёнными.

1. СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

К началу XVI в. население Северной Америки состояло из большого числа племён и народностей. По типам хозяйства и историко-этнографической общности они делились на следующие группы: приморские охотники и рыболовы арктической зоны — эскимосы и алеуты; рыболовы и охотники северо-западного побережья; охотники северной полосы нынешней Канады; земледельцы восточной и юго-восточной части Северной Америки; охотники на бизонов— племена прерий; собиратели диких семян, рыболовы и охотники — племена Калифорнии; народы с развитым поливным земледелием юго-запада и юга Северной Америки.

Племена арктического побережья

Основным видом производственной деятельности эскимосов была охота на тюленей, моржей, китов, на полярных медведей и песцов, а также рыбная ловля. Оружием служили дротики и гарпуны с подвижными наконечниками из кости. Применялась копьеметалка. Рыбу ловили удочками с костяными крючками. Морж и тюлень доставляли эскимосу почти всё необходимое: мясо и жир шли в пищу, жир употреблялся также для отопления и освещения жилища, кожа служила для покрытия лодки, из неё же делали полог для внутренней части снежной хижины. Мех медведей и песцов, шкуры оленя и мускусного быка шли на изготовление одежды и обуви.

Большую часть пищи эскимосы ели в сыром виде, что предохраняло их от цинги. Наименование *эскимосы* происходит от индейского слова «эскимантьик», что означает «поедающие сырое мясо».

Индейцы северо-западного побережья

Типичными для этой группы были тлинкиты. Главным источником их существования была рыбная ловля; рыба лососевых пород составляла их основное питание. Недостаток в растительной пище возмещался сбором диких ягод и плодов, а также водорослей. Для каждого вида рыбы или морских животных существовали особые гарпуны, дротики, копья, сети. Тлинкиты пользовались костяными и каменными шлифованными орудиями. Из металлов им известна была лишь медь, которую они находили в самородном виде; её ковали холодным способом. Чеканные медные плитки служили средством обмена. Гончарство не было известно. Пищу варили в деревянных сосудах, бросая в воду раскалённые камни.

У этого племени не было ни земледелия, ни животноводства. Единственным прирученным животным была собака, которая использовалась на охоте. Интересен способ, которым тлинкиты получали шерсть: они загоняли в огороженные места диких овец и коз, стригли их и снова отпускали на свободу. Из шерсти ткали накидки, позднее из шерстяной ткани стали изготовлять рубашки.

Тлинкиты жили часть года на берегу океана. Здесь они охотились на морского зверя, главным образом на морскую выдру. Дома возводились из оструганных каменным теслом брёвен, без окон, с дымовым отверстием в крыше и маленькой дверцей. Летом тлинкиты поднимались вверх по течению рек для ловли лосося и собирания плодов в лесах.

У тлинкитов, как и у других индейцев северо-западного побережья, был развит обмен. Сухая рыба, истолчённая в порошок, рыбий жир и меха выменивались на изделия из кедра, на наконечники копий и стрел, а также на различные украшения из кости и камня. Предметом обмена были также рабы-военнопленные.

Основной общественной единицей северо-западных племён был род. Роды, называвшиеся по именам тотемных животных, объединялись во фратрии. Отдельные племена стояли на разных ступенях перехода от материнского рода к отцовскому; у тлинкитов при рождении ребёнок получал имя материнского рода, но в отрочестве ему давалось второе имя — по отцовскому роду. При заключении брака жених отрабатывал у родителей невесты год или два, затем молодые уходили в род мужа. Особо близкие отношения между дядей с материнской стороны и племянниками, частичное наследование по материнской линии, сравнительно свободное положение женщины— все эти черты говорят о том, что у племён северо-западного побережья сохранялись значительные пережитки матриархата. Существовала домашняя община (барабора), ведшая общее хозяйство. Развитие обмена способствовало накоплению излишков у старейшин и вождей. Частые войны и захват рабов ещё более увеличивали их богатство и власть.

Наличие рабства — характерная черта общественного строя этих племён. Фольклор тлинкитов, как и некоторых других северо-западных племён, рисует картину зачаточной формы рабовладения: рабы находились во владении всей родовой общины, вернее её подразделения, бараборы. Такие рабы — по несколько человек на барабору — выполняли домашние работы и участвовали в рыбной ловле. Это было патриархальное рабство с коллективным владением рабами-военнопленными; рабский труд не составлял основы производства, а играл подсобную роль в хозяйстве.

Индейцы восточной части Северной Америки

Племена восточной части Северной Америки — ирокезы, мускогские племена и др. — жили оседло, занимались мотыжным земледелием, охотой и собирательством. Они изготовляли орудия из дерева, кости и камня, применяли и самородную медь, которую обрабатывали холодной ковкой. Железо им не было известно. Оружием служили лук со стрелами, дубинки с каменным навершием и томагавк. Алгонкинским словом «томагавк» тогда называлась изогнутая деревянная палица с шарообразным утолщением на боевом конце, иногда с костяным наконечником.

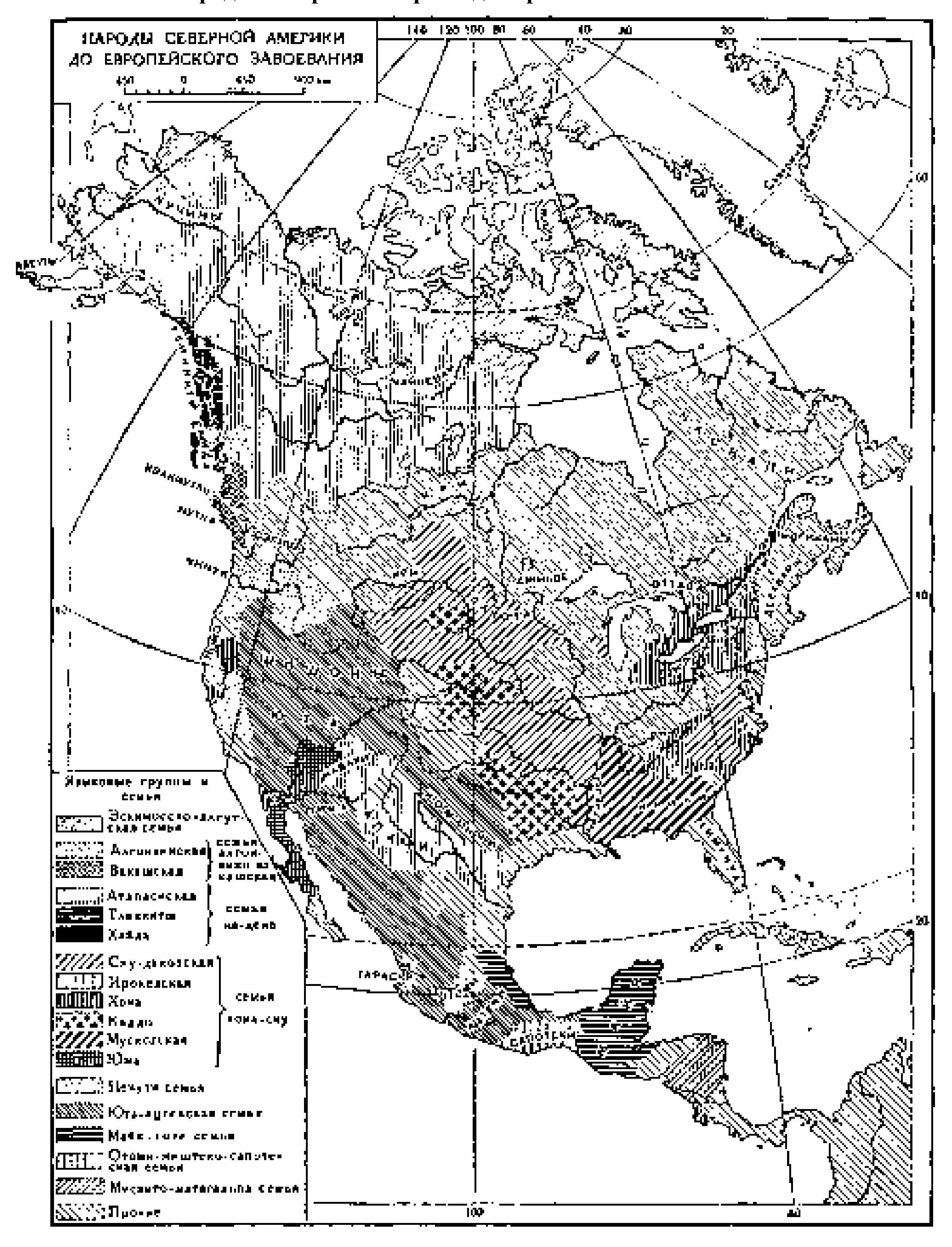
Жилищем прибрежных алгонкинских племён служил вигвам — шалаш из стволов молодых деревьев, кроны которых соединялись вместе. Образованный таким путём куполообразный остов покрывался кусками древесной коры.

У племён восточной части Северной Америки в начале XVI в. господствовал первобытнообщинный строй.

Наиболее типичными для всей группы восточных племён были ирокезы. Образ жизни и общественное устройство ирокезов были описаны во второй половине XIX в. известным американским учёным Льюисом Морганом, реконструировавшим основные черты их строя до колонизации.

Ирокезы жили вокруг озёр Эри и Онтарио и на реке Ниагара. Центральную часть территории нынешнего штата Нью-Йорк занимали пять племён ирокезов: сенека, кайюга, онондага, онейда и могавки. У каждого племени был особый диалект. Основ-

Народы Северной Америки до европейского завоевания

ным источником существования ирокезов было мотыжное земледелие подсечно-огневого типа. Ирокезы выращивали кукурузу (маис), бобы, горох, подсолнечник, арбузы, кабачки, табак. Они собирали дикорастущие ягоды, орехи, каштаны, жёлуди, съедобные корни и клубни, грибы. Любимым лакомством их был кленовый сок, его вываривали и употребляли в виде патоки или затвердевшего сахара.

В области Великих Озёр индейцы собирали дикорастущий рис, образовывавший густые заросли у илистых берегов. Для сбора урожая выезжали на лодках, передвигаясь при помощи длинных шестов. Сидевшие в челноке женщины захватывали пучки стеблей риса, нагибали их колосьями вниз и, ударяя по ним палочками, обивали зёрна, падавшие на дно лодки.

Большую роль играла охота на оленя, лося, бобра, выдру, куницу и других лесных зверей. Особенно много добычи получали от загонной охоты. Весной и летом ловили рыбу.

Орудиями ирокезов служили мотыги и топоры из шлифованного камня. Ножи и наконечники стрел и копий изготовлялись из самородной меди. Было развито гончарство, хотя и без гончарного круга. Для изготовления одежды ирокезы обрабатывали шкуры, в особенности оленьи, выделывая замшу.

Жилищем ирокезов были так называемые длинные дома. Основу этих домов составляли вбитые в землю деревянные стойки, к которым при помощи лыковых верёвок привязывали пластины древесной коры. Внутри дома имелся центральный проход около 2 *м* в ширину; здесь на расстоянии примерно 6 *м* один от другого были расположены очаги. Над очагами в крыше имелись отверстия для выхода дыма. Вдоль стен тли широкие помосты, отгороженные с обеих сторон простенками. У каждой супружеской пары было отдельное спальное помещение длиной около 4 *м,* открытое только к очагу. На каждые четыре помещения, расположенные друг против друга попарно, устраивался один очаг, на котором в общем котле варили пищу. Обычно в одном таком доме бывало 5—7 очагов. К дому прилегали также общие кладовые.

«Длинный дом» наглядно показывает характер наиболее мелкой общественной единицы ирокезов — *овачиры.* Овачира состояла из группы кровных родственников, потомков одной прародительницы. Это была матриархально-родовая община, в которой производство и потребление было коллективным.

Земля — основное средство производства — принадлежала роду в целом, овачиры пользовались отведёнными им участками.

Мужчина, вступавший в брак, переходил жить в дом овачиры жены и участвовал в хозяйственных работах этой общины. Он продолжал в то же время сохранять принадлежность к своей родовой общине, выполняя общественные, религиозные и другие обязанности со своими родичами. Дети принадлежали к овачире и роду матери. Мужчины сообща охотились и ловили рыбу, вырубали лес и расчищали почву, строили дома и ограждали селения от врагов. Женщины овачиры совместно обрабатывали землю, сеяли и сажали растения, собирали урожай и складывали запасы в общие кладовые. Сельскохозяйственными и домашними работами распоряжалась старейшая женщина, она же распределяла съестные припасы. У ирокезов было широко распространено гостеприимство. В ирокезском селении не могло быть голодных до тех пор, пока хоть в одном доме оставались запасы.

Вся власть внутри овачиры принадлежала женщинам. Главой овачиры была правительница, выбиравшаяся женщинами-матерями. Кроме правительницы, женщины-матери выбирали военного вождя и «старшину для мирного времени». Последнего европейские авторы называли *сахемом,* хотя «сахем» — слово алгонкинское и ирокезы его не употребляли. Правительницы, сахемы и военные вожди составляли совет племени.

Уже после начала колонизации Америки, но до соприкосновения ирокезов с европейцами, около 1570 г., пять племён ирокезов образовали союз: Лигу ирокезов. Легенда приписывает её организацию мифическому Гайавате. Во главе Лиги стоял совет,

который составляли сахемы племён. На совет сходились не только сахемы, но и рядовые члены племени. Если предстояло решить важный вопрос, то собирались полностью племена Лиги. Старейшины рассаживались у костра, остальные размещались вокруг. В обсуждении могли участвовать все, но окончательное решение принимал совет Лиги; оно должно было быть единогласным. Голосование проходило по племенам; каждое племя, таким образом, имело право вето. Обсуждение проходило в строгом порядке, с большой торжественностью. Лига ирокезов достигла своего расцвета в 70-х годах XVII в.

Лесные охотничьи племена Канады

В лесах современной Канады жили племена нескольких языковых семей: атапаскской (кучины, чайпеваи), алгонкинской (часть оджибве-чиппева, монтанье-наскапи, часть кри) и некоторых других. Главным занятием этих племён была охота на оленя-карибу, на лося, медведя, диких баранов и др. Подсобное значение имели рыболовство и сбор дикорастущих семян. Основным оружием лесных племен были лук и стрелы, дубины, палицы, копья и ножи с каменными наконечниками. Лесные индейцы имели собак, которых впрягали в деревянные бесполозные сани — *тобогган;* на них перевозили кладь во время перекочёвок. Летом пользовались челноками из бересты.

Индейцы лесов Севера жили и охотились группами, представлявшими родовые коллективы. В течение зимы отдельные группы охотников передвигались по лесу, почти не встречаясь одна с другой. Летом группы собирались в традиционных местах летних стойбищ, располагавшихся по берегам рек. Здесь происходил обмен продуктами охоты, орудиями и оружием, устраивались празднества. Таким образом поддерживались межплеменные связи, развивалась меновая торговля.

Индейцы прерий

В прериях жили многочисленные индейские племена. Наиболее типичными их представителями были дакота, команчи, арапахи и чейены. Эти племена оказали особенно упорное сопротивление европейским колонизаторам.

Несмотря на принадлежность к разным языковым семьям, индейцев прерий объединяли общие черты хозяйственной деятельности и культуры. Основным источником их существования была охота на бизона. Бизон давал мясо и жир для питания, мех и кожу для одежды и обуви, а также для покрытия шалашей. Индейцы прерий охотились пешими [1], с собаками, применяя лук и стрелы. Охота была коллективной. Индивидуальная охота запрещалась. Нарушившего запрет жестоко наказывали.

Индейцы прерий не знали металла, они употребляли каменные топоры и молоты, кремнёвые ножи, скребки и наконечники стрел. Боевым оружием были лук, копья и палицы с каменным навершием. Пользовались круглыми и овальными щитами из кожи бизона.

Жилищем большинства племён прерий служила коническая палатка из бизоньих шкур. В лагере, представлявшем собой временное поселение, палатки расставлялись по кругу — так удобнее было отражать внезапные нападения врагов. В центре воздвигалась палатка племенного совета.

Индейцы прерий жили племенами, делившимися на роды. У части племён ко времени прихода европейцев существовала ещё матриархальная организация. У других уже совершился переход к отцовскому роду.

Калифорнийские индейцы

Индейцы Калифорнии представляли собой одну из наиболее отсталых групп коренного населения Северной Америки. Характерной особенностью этой группы была крайняя этническая и языковая дробность; племена Калифорнии принадлежали к нескольким десяткам мелких языковых групп.

---

[1] Только во второй половине XVIII в. индейцы приручили лошадь. Завезённые некогда первыми колонистами из Европы, эти животные, частично одичавшие, образовали стада так называемых мустангов. Индейцы ловили и объезжали их.

Индейцы Калифорнии не знали ни оседлости, ни земледелия. Они жили охотой, рыболовством и собирательством. Калифорнийцы изобрели способ удалять из муки желудей танин и пекли из неё лепёшки; они научились также удалять яд из клубней так называемого мыльного корня. Охотились с луком и стрелами на оленей и мелкую дичь. Применялась охота загоном. Жилище у калифорнийцев было двух типов. Летом жили главным образом под навесами из ветвей, крытых листьями, или в конических шалашах из жердей, покрытых корой или ветвями. Зимой сооружали полуподземные куполообразные жилища. Калифорнийцы плели из молодых древесных побегов или корней водонепроницаемые корзины, в которых варили мясо и рыбу: налитую в корзину воду доводили до кипения, погружая в неё раскалённые камни.

У калифорнийцев господствовал первобытно-общинный строй. Племена делились на экзогамные фратрии и роды. Родовая община, как хозяйственный коллектив, владела общей охотничьей территорией и рыболовными угодьями. У калифорнийцев сохранялись значительные элементы материнского рода: большая роль женщины в производстве, материнский счёт родства и т. п.

Индейцы юго-запада Северной Америки

Наиболее типичными для этой группы были племена пуэбло. Данные археологии позволяют проследить историю индейцев пуэбло до первых веков нашей эры. В VIII в. индейцы пуэбло уже занимались земледелием и создали систему искусственного орошения. Они сажали кукурузу, бобы, тыкву и хлопок. У них было развито гончарное дело, но без гончарного круга. Керамика отличалась красотой формы и богатством орнамента. Они употребляли ткацкий станок и изготовляли ткани из хлопкового волокна.

Испанское слово «пуэбло» значит селение, община. Испанские завоеватели назвали так группу индейских племён по поразившим их селениям, представлявшим собой одно общее жилище. Жилище пуэбло состояло из одного строения из сырцового кирпича, внешняя стена которого замыкала всё селение, делая его недоступным для нападения извне. Жилые помещения спускались уступами внутрь огороженного двора, образуя террасы, так что крыша нижнего ряда служила дворовой площадкой для верхнего. Другой тип жилищ пуэбло — вырытые в скалах пещеры, также спускающиеся уступами. В каждом из таких селений жило до тысячи человек.

В середине XVI в., в период вторжения испанских завоевателей, селения пуэбло представляли собой общины, каждая из которых имела свою территорию с орошаемыми землями и охотничьими угодьями. Обрабатываемая земля распределялась между родами. В XVI—XVII вв. всё ещё преобладал материнский род. Во главе рода стояла «старейшая мать», которая наряду с военным вождём-мужчиной регулировала внутри родовые взаимоотношения. Домохозяйство велось кровнородственной группой, состоявшей из женщины — главы группы, её холостых и вдовых братьев, её дочерей, а также мужа этой женщины и мужей её дочерей. Домохозяйство пользовалось отведённым ему участком родовой земли, а также зернохранилищем.

Духовная культура индейцев Северной Америки

Господство родовых отношений отразилось и в религии индейцев — в их тотемистических верованиях. Слово «тотем» на языке алгонкинов буквально означало «его род». Тотемом считались животные или растения, по названиям которых именовались роды. Тотемы считались как бы сородичами членов данного рода, имеющими с ними общее происхождение от мифических предков.

Верования индейцев были пронизаны анимистическими представлениями. У более развитых племён существовала богатая мифология; из сонма духов природы были выделены верховные духи, которым приписывалось управление миром и судьбами людей. В культовой практике господствовал шаманизм.

Индейцы хорошо знали звёздное небо, расположение планет и ориентировались по ним в своих путешествиях. Изучив окружающую флору, индейцы не только употребляли дикие растения и плоды в пищу, но и использовали их в качестве лекарств.

Современная американская фармакопея многое заимствовала из народной индейской медицины.

Очень богатым было художественное творчество североамериканских индейцев, в частности их фольклор. В сказках и песнях поэтически изображались природа и жизнь индейцев. Хотя героями этих сказаний часто являлись животные и силы природы, но их жизнь рисовалась по аналогии с человеческим обществом.

Кроме поэтических произведений, у индейцев существовали и исторические предания, которые рассказывались старейшинами на собраниях. У ирокезов, например, при утверждении нового сахема один из старейшин рассказывал собравшимся о событиях прошлого. Во время рассказа он перебирал снизки белых и лиловых бус, выточенных из раковин, скреплённые в виде широких полос или нашитые в виде узора на полосы ткани. Эти полосы, известные европейцам под алгонкинским названием *вампум,* обычно употреблялись как украшения. Их носили в виде поясов или перевязей через плечо. Но вампум играл также роль мнемонического средства: рассказывая, оратор водил рукой по узору, образуемому бусами, и как бы вспоминал далёкие события. Вампум передавался также через гонцов и послов соседним племенам как знак полномочия, служил своего рода символом доверия и обязательства не нарушать обещания.

Индейцы разработали систему условных знаков, при помощи которых передавали сообщения. Знаками, вырезанными на коре деревьев или составленными из ветвей и камней, индейцы сообщали нужные сведения. На дальнее расстояние сообщения передавали при помощи костров, днём — дымящихся, ночью — горящих ярким пламенем.

Вершиной духовной культуры индейцев Северной Америки была их зачаточная письменность — пиктография, картинное письмо. Дакота составляли летописи или календари, нарисованные на коже; рисунки передавали в хронологическом порядке события, происшедшие в данном году.

2. Южная и Центральная Америка, Мексика

Обширные пространства Южной Америки были заселены племенами с примитивной техникой, принадлежавшими к различным языковым семействам. Таковы были рыболовы и собиратели Огненной Земли, охотники степей Патагонии, так называемой пампы, охотники и собиратели восточной Бразилии, охотники и земледельцы лесов бассейна Амазонки и Ориноко.

Огнеземельцы

Огнеземельцы относились к числу самых отсталых племён мира. На архипелаге Огненная Земля обитали три группы индейцев: селькнам (она), алакалуфы, ямана (яганы).

Селькнам жили в северной и восточной части Огненной Земли. Они охотились на ламу-гуанако и собирали плоды и коренья диких растений. Их оружием были лук и стрелы. На островах западной части архипелага обитали алакалуфы, занимавшиеся рыбной ловлей и сбором моллюсков. В поисках пищи они проводили большую часть жизни в деревянных лодках, передвигаясь вдоль берегов. Меньшую роль в их жизни играла охота на птиц при помощи лука и стрел.

Ямана жили собиранием моллюсков, рыбной ловлей, охотой на тюленей и других морских животных, а также птиц. Орудия их были из кости, камня и раковин. Оружием при морском промысле служил костяной гарпун с длинным ремнём.

Ямана жили отдельными родами, называвшимися *укур.* Этим словом обозначали и жилище и обитавшую в нём общину сородичей. В отсутствие членов данной общины их хижина могла быть занята членами другой общины. Собрание многих общин происходило редко, большей частью в том случае, когда море выбрасывало на берег мёртвого кита; тогда, обеспеченные пищей на долгое время, ямана устраивали празднества. В общине ямана не существовало расслоения, старейшие члены группы не пользовались властью над сородичами. Особое положение занимали лишь знахари, которым приписывали способность влиять на погоду и излечивать от болезней.

Индейцы пампы

Ко времени вторжения европейцев индейцы пампы были пешими бродячими охотниками [1]. Основным объектом охоты и источником пропитания были гуанако, на которых охотились с бола — связкой ремней с прикреплёнными к. ним тяжестями. Постоянных селений у охотников пампы не существовало; на временных стойбищах они возводили палатки-навесы из 40—50 шкур гуанако, которые служили жильём для всей общины. Одежда изготовлялась из кожи; главной частью костюма был меховой плащ, который стягивался на талии поясом.

Патагонцы жили и кочевали небольшими группами кровных родственников, объединявшими по 30—40 брачных пар с их потомством. Власть вождя общины сводилась к праву давать распоряжения при переходах и на охоте; вожди охотились наряду с другими. Самая охота носила коллективный характер.

В религиозных представлениях индейцев пампы значительное место занимали анимистические верования. Патагонцы населяли мир духами; особенно развит был культ умерших родичей.

Арауканы жили в южной части центрального Чили. Находясь под влиянием племён кечуа, арауканы занимались земледелием и разводили лам. У них были развиты выделка тканей из шерсти ламы-гуанако, гончарное дело и обработка серебра. Южные племена занимались охотой и рыбной ловлей. Арауканы прославились упорным сопротивлением, которое они оказывали европейским завоевателям в течение более 200 лет [2].

Индейцы Восточной Бразилии

Племена группы *же,* обитавшие на территории Восточной и Южной Бразилии, — ботокуды, канелья, кайяпо, шаванты, каинганг и другие, более мелкие, занимались преимущественно охотой и собирательством, совершая переходы в поисках дичи и съедобных растений. Наиболее типичными для этой группы были ботокуды, или боруны, которые до вторжения европейских колонизаторов населяли побережье, а позже были оттеснены в глубь страны. Главным их орудием был лук, с которым охотились не только на мелких животных, но и на рыбу. Женщины занимались собирательством. Жилищем ботокудов служил заслон от ветра, крытый пальмовыми листьями, общий для всего кочевья. Вместо посуды они употребляли плетёные корзины. Своеобразным украшением ботокудов были вставлявшиеся в прорезы губ маленькие деревянные диски — «ботока» по-португальски. Отсюда и наименование ботокудов.

Общественное устройство ботокудов и близких им племён изучено до сих пор слабо. Известно, однако, что у них при групповом браке связь между полами регулировалась законами экзогамии. У ботокудов поддерживался материнский счёт родства.

В XVI в. «лесные индейцы» Бразилии оказали сопротивление португальским захватчикам, но оно было подавлено.

Индейцы тропических лесов бассейна Амазонки и Ориноко

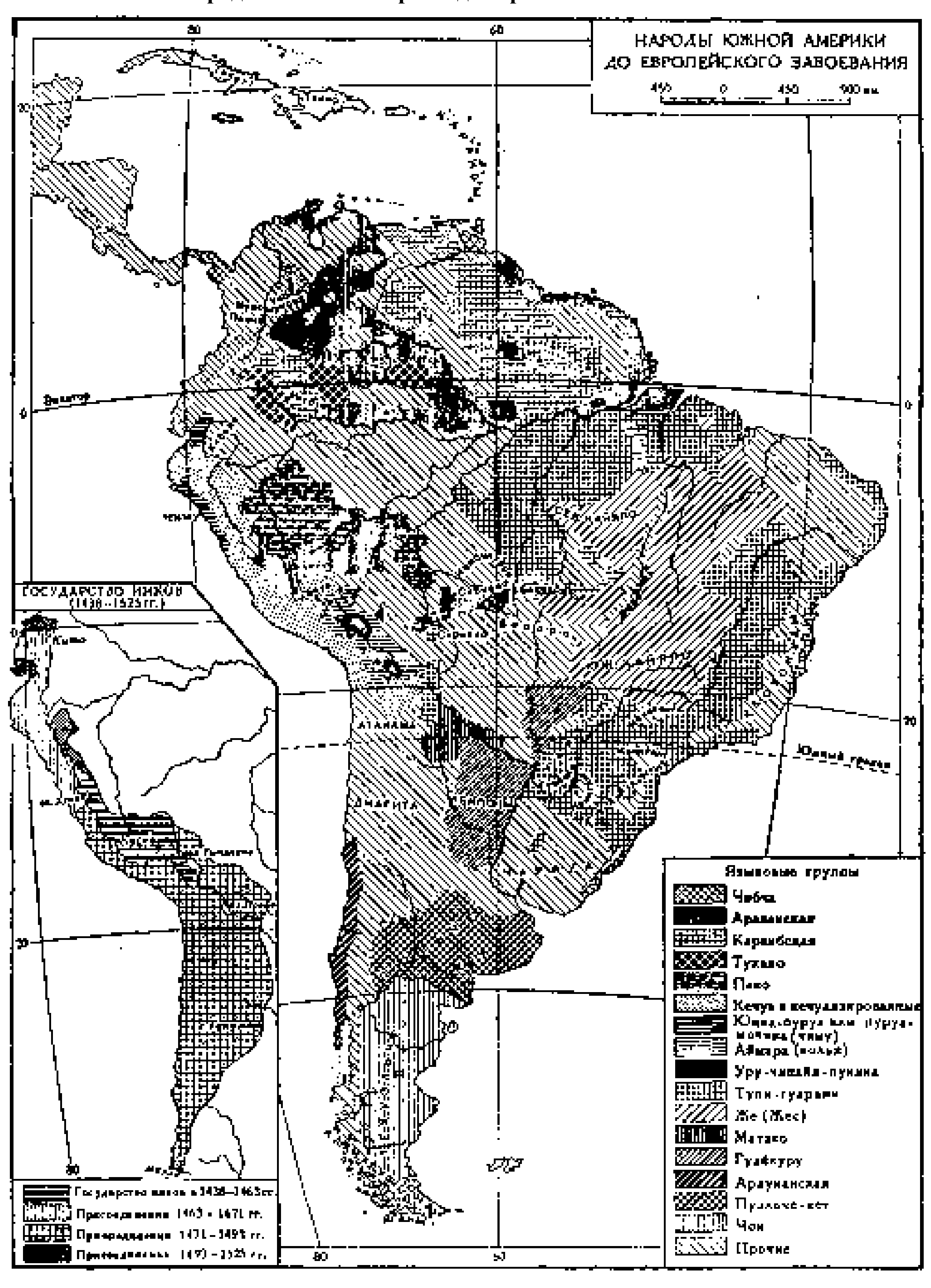
В начальный период европейской колонизации в северо-восточной и центральной части Южной Америки жили многочисленные племена, принадлежавшие к разным языковым группам, главным образом к аравакам, тупи-гуарани и караибам. Занимались они большей частью подсечным земледелием и жили оседло.

В условиях тропического леса основным материалом для изготовления орудий и оружия служило дерево. Но эти племена имели также шлифованные каменные топоры, которые служили одним из главных предметов межплеменного обмена, так как на территории некоторых племён не было подходящих каменных пород. Употребляли для изготовления орудий также кость, раковины, скорлупу лесных плодов. Наконечники для стрел выделывались из зубов животных и заострённой кости, бамбука, камня

[1] В середине XVIII столетия жители пампы — патагонцы стали пользоваться на охоте лошадьми.

[2] В 1773 г. независимость Араукании была признана испанцами. Лишь в конце XIX в. колонизаторы завладели основной территорией арауканов.

Народы Южной Америки до европейского завоевания

и древесины; стрелы оперялись. Остроумным изобретением индейцев тропических лесов Южной Америки была стреллометательная трубка, так называемый *сарбакан,* который был известен также племенам полуострова Малакки.

Для рыбной ловли сооружались лодки из древесной коры и долблёнки-однодеревки. Плели сети, сачки, верши и другие снасти. Рыбу били острогой, стреляли в неё из луков. Достигнув большого искусства в плетении, эти племена пользовались плетёной койкой — гамаком. Это изобретение под его индейским названием разошлось по всему миру. Индейцам тропических лесов Южной Америки человечество также обязано открытием лечебных свойств коры хинного дерева и рвотного корня ипекакуаны. Племена тропических лесов занимались подсечно-огневым земледелием. Мужчины подготовляли участки, разводили костры у корней деревьев и подрубали ствол каменными топорами. После того, как деревья высыхали, их валили, ветки сжигали. Зола служила удобрением. Время посадки определялось по положению звёзд. Женщины разрыхляли землю суковатыми палками или палками с насаженными на них лопаточными костями мелких животных, раковинами. Выращивали корнеплод маниоку, кукурузу, батат, бобы, табак, хлопчатник. Лесные индейцы научились очищать маниоку от яда, отжимая сок, содержащий синильную кислоту, подсушивая и поджаривая муку.

Индейцы бассейна Амазонки и Ориноко жили родовыми общинами и вели общее' домохозяйство. У многих племён каждая община занимала одно большое жилище, составлявшее всё селение. Такое жилище представляло собой круглое или прямоугольное сооружение, крытое пальмовыми листьями или ветками. Стены были из столбов, переплетённых ветками, их обкладывали циновками и обмазывали. В этом коллективном жилище каждая семья имела свой очаг. В коллективном владении общины находились охотничьи и рыболовческие угодья. Добытые на охоте и рыбной ловле продукты делились между всеми. У большинства племён до вторжения европейцев преобладал материнский род, однако уже наметился переход к отцовскому роду. Каждое селение являлось самоуправляющейся общиной с вождём-старейшиной. У этих племён к началу XVI в. ещё не было не только союза племён, но и общей внутриплеменной организации.

Художественное творчество описываемых индейских племён выражалось в плясках, исполнявшихся под звуки примитивных музыкальных инструментов (рога, свирели), в играх, подражавших повадкам животных и птиц. Любовь к украшениям проявлялась в раскраске тела сложным узором посредством растительных соков и в изготовлении нарядных уборов из разноцветных перьев, зубов, орехов, семян и т. п.

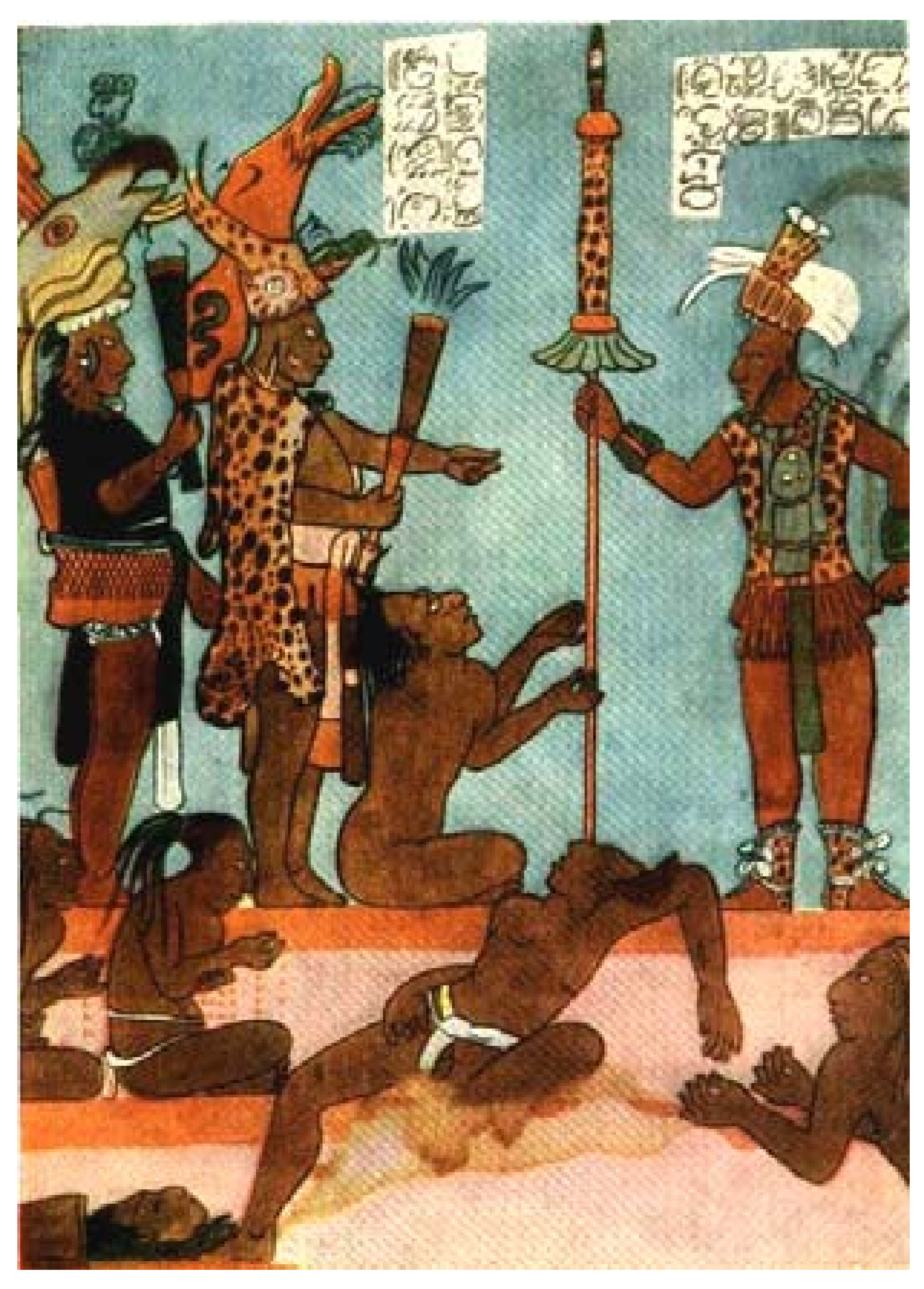
Древние народы Мексики и Центральной Америки

Народы южной части северного континента и Центральной Америки создали развитую земледельческую культуру и на её основе высокую цивилизацию. Данные археологии, находки каменных орудий и скелета ископаемого человека, говорят о том, что на территории Мексики человек появился 15—20 тыс. лет тому назад.

Центральная Америка является одной из наиболее ранних областей культуры кукурузы, бобов, тыквы, помидоров, зелёного перца, какао, хлопчатника, агавы, табака.

Население размещалось неравномерно. Районы оседлого земледелия — в центральной Мексике и на нагорье южной Мексики — были густо населены. В районах с преобладанием переложного земледелия (например, на Юкатане) население было более распылено. Большие пространства северной Мексики и южной Калифорнии были редко заселены бродячими племенами, занимавшимися охотой и собирательством.

История племён и народов Мексики и Юкатана известна по археологическим находкам, а также по испанским хроникам времён завоевания.

ВОЖДЬ МАЙЯ И ПЛЕННЫЕ.
Фрагмент настенной живописи в Бонампаке

Археологический период так называемых Ранних культур (до III в. до н. э.) был временем неолита, периодом собирательства, охоты и рыболовства, временем господства первобытно-общинного строя. В период Средних культур (III в. до н. э. — IV в. н. э.) возникло земледелие в форме подсечно-огневого, переложного. В этот период начинают давать себя знать различия в уровне развития племён и народов разных частей Мексики и Юкатана. В центральной и южной Мексике и на Юкатане в этот период уже возникли классовые общества. Но развитие не остановилось на этом. На грани нашей эры народы этих областей Америки поднялись на более высокую ступень.

Майя

Майя — единственный народ Америки, оставивший письменные памятники. В начале нашей эры в южной части Юкатана, к северо-востоку от озера Петен-Ица, начали образовываться первые города-государства. Древнейший известный памятник — каменная стела в городе Вашактун — датирован 328 г. н. э. Несколько позже возникли города в долине реки Уомасинты — Яшчилан, Паленке и на крайнем юге Юкатана — Копан и Киригуа. Надписи здесь датированы V и началом VI в. С конца IX в. датированные надписи обрываются. С этого времени древнейшие города майя прекратили своё существование. Дальнейшая история майя развивалась на севере Юкатана.

Основным видом производства у майя было подсечно-огневое земледелие. Лес расчищали каменными топорами, причём толстые деревья лишь подрубали или сдирали с них кольцеобразно кору; деревья засыхали на корню. Засохший и поваленный лес выжигали до наступления периода дождей, что определялось астрономическими наблюдениями. Перед самым началом дождей поля засевали. Земля никак не обрабатывалась, земледелец лишь делал острой палкой ямку и зарывал в ней зёрна кукурузы и бобов. Посевы охранялись от птиц и зверей. Кукурузные початки наклоняли вниз, чтобы они высыхали на поле, после чего их собирали.

На одном и том же участке можно было сеять подряд не больше трёх раз, так как урожай всё более сокращался. Заброшенный участок зарастал, и через 6—10 лет его вновь выжигали, готовя к посевам. Обилие свободной земли и высокая продуктивность кукурузы обеспечивали земледельцам значительный достаток даже при такой примитивной технике.

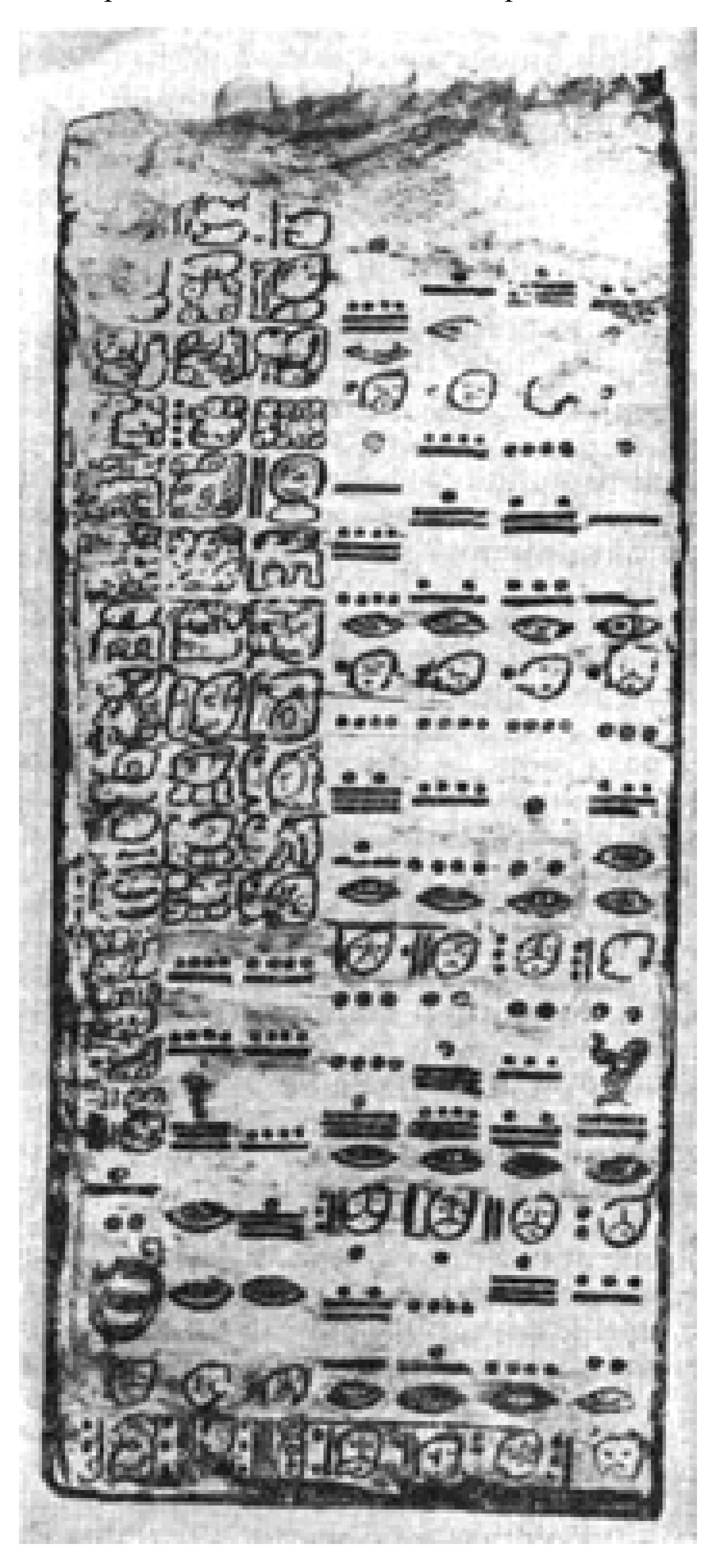
Пищу животного происхождения майя получали от охоты и рыболовства. Домашних животных у них не было. Охота на птиц велась при помощи метательных трубок, стрелявших глиняными шариками. Боевым оружием являлись также дротики с кремнёвыми наконечниками. Лук и стрелы майя заимствовали у мексиканцев. Из Мексики же они получали медные топорики.

В стране майя не было руд и не могла возникнуть металлургия. Из Мексики, Панамы, Колумбии и Перу к ним доставлялись предметы искусства и украшения — драгоценные камни, раковины и изделия из металлов. Майя изготовляли на ткацком станке ткани из волокна хлопка или агавы. Керамические сосуды украшались выпуклой лепкой и росписью.

Интенсивная меновая торговля велась внутри страны майя и с соседними народами. В обмен поступали продукты земледелия, хлопковая пряжа и ткани, оружие, изделия из камня — ножи, наконечники, ступки. С побережья поступали соль и рыба, из центральной части полуострова — кукуруза, мёд, плоды. Выменивались также рабы. Всеобщим эквивалентом служили бобы какао; существовала даже зачаточная система кредита.

Хотя ткани и сосуды изготовлялись в основном земледельцами, существовали уже специалисты-ремесленники, в особенности ювелиры, резчики по камню, вышивальщики. Были и купцы, которые доставляли товары на дальние расстояния по воде и по суше, при помощи носильщиков. Колумб встретил у берегов Гондураса долблёную лодку из Юкатана, груженную тканями, какао и металлическими изделиями.

Жители селения майя составляли соседскую общину; обычно её членами быль люди с разными родовыми именами. Земля принадлежала общине. Каждая семья получала участок очищенной от леса земли, через три года этот участок заменялся другим. Урожай каждая семья собирала и хранила отдельно, она могла его и выменивать. Пасеки и посадки многолетних растений оставались в постоянной собственности отдельных семей. Другие работы—охота, рыбная ловля, добыча соли — выполнялись сообща, но продукты делились.

Иероглифы майя.
Страница из Дрезденского кодекса, одной из трёх сохранившихся рукописей майя.

В обществе майя уже существовало деление на свободных и рабов. Рабы были большей частью из военнопленных. Часть из них приносили в жертву богам, других оставляли рабами. Существовало и обращение в рабство преступников, а также долговое рабство единоплеменников. Должник оставался рабом до тех пор, пока его не выкупали сородичи. Рабы выполняли самую тяжёлую работу, строили дома, носили кладь и обслуживали знатных. Источники не позволяют чётко определить, в какой отрасли производства и в какой мере преимущественно применялся труд рабов. Господствующим классом были рабовладельцы — знатные, высшие военные и жрецы. Знатные назывались *альмехен* (буквально — «сын отца и матери»). Они владели участками земли на правах
частной собственности.

Сельская община выполняла повинности по отношению к знатным и жрецам: общинники обрабатывали их поля, строили дома и дороги, доставляли им различные припасы и изделия, кроме того, содержали военный отряд и платили подати верховной власти. В общине уже намечалось расслоение: имелись более богатые и более бедные общинники.

У майя была патриархальная семья, владевшая собственностью. Чтобы получить жену, мужчина должен был некоторое время работать на её семью, затем она переходила к мужу.

Верховный правитель города-государства назывался *халач-виник* («великий человек»); его власть была неограниченной и наследственной. Советником халач-виника был верховный жрец. Селениями управляли его наместники — *батабы.* Должность батаба была пожизненной; он обязан был беспрекословно подчиняться

халач-винику и согласовывать свои действия с жрецами и двумя-тремя советниками, состоящими при нём. Батабы следили за выполнением повинностей и обладали судебной властью. Во время войны батаб был командиром отряда своего селения.

Прорисовка барельефа с изображением вождя и рабов. Паленке.

В религии майя к началу XVI в. древние верования отступили на задний план. Жрецы к этому времени уже создали сложную богословскую систему с космогоническими мифами, составили свой пантеон и установили пышный культ. Олицетворение неба — бог Ицамна был поставлен во главе сонма небожителей вместе с богиней плодородия. Ицамна считался покровителем цивилизации майя, ему приписывали изобретение письменности. Согласно учению жрецов майя боги правили ми ром поочерёдно, сменяя друг друга у власти. Этот миф фантастически отражал реальный институт смены власти по родам. Религиозные верования майя включали в себя и примитивные образные представления о природе (например, дождь идёт оттого, что боги льют воду из четырёх гигантских кувшинов, расставленных в четырёх углах неба). Жрецы создали также учение о загробном мире, отвечающее социальному делению общества майя; себе жрецы отвели особое, третье небо. В культе главную роль играли гадания, пророчества, оракулы.

Майя разработали систему счисления; у них был двадцатиричный счёт, возникший на основе счёта по пальцам (20 пальцев).

Существенных успехов добились майя в астрономии. Солнечный год был ими вычислен с точностью до одной минуты. Астрономы майя вычисляли время солнечных затмении, им были известны периоды обращения Луны и планет. Помимо астрономии жрецы были знакомы с начатками метеорологии, ботаники и некоторых других наук. Календарь майя находился в руках жрецов, но в основу его легло практическое деление года на сезоны земледельческих работ. Основными единицами счёта времени были 13-дневная неделя, 20-дневный месяц и 365-дневный год. Наибольшую единицу летосчисления составлял 52-летний цикл — «календарный круг». Летосчисление майя велось от начальной даты, соответствующей 3113 г. до н. э.

Важное значение придавали майя истории, развитие которой было связано с изобретением письменности — высшего достижения культуры майя. Письменность, как и календарь, была изобретена майя в первые века нашей эры. В рукописях майя идут параллельно текст и рисунки, иллюстрирующие его. Хотя письменность уже отделилась от живописи, но некоторые письменные знаки мало отличаются от рисунков. Майя писали на бумаге, сделанной из луба фикуса, красками при помощи кисточек.

Письменность майя иероглифическая, и, как во всех подобных системах письма, в ней употребляются знаки трёх родов: фонетические — алфавитные и слоговые, идеографические — обозначающие целые слова и ключевые — поясняющие значение слов, но не читающиеся [1]. Письменность находилась всецело в руках жрецов, которые пользовались ею для записи мифов, богословских текстов и молитв, а также исторических хроник и эпических текстов [2].

Жертвоприношение.
Прорисовка золотого диска. Чичен-Ица.

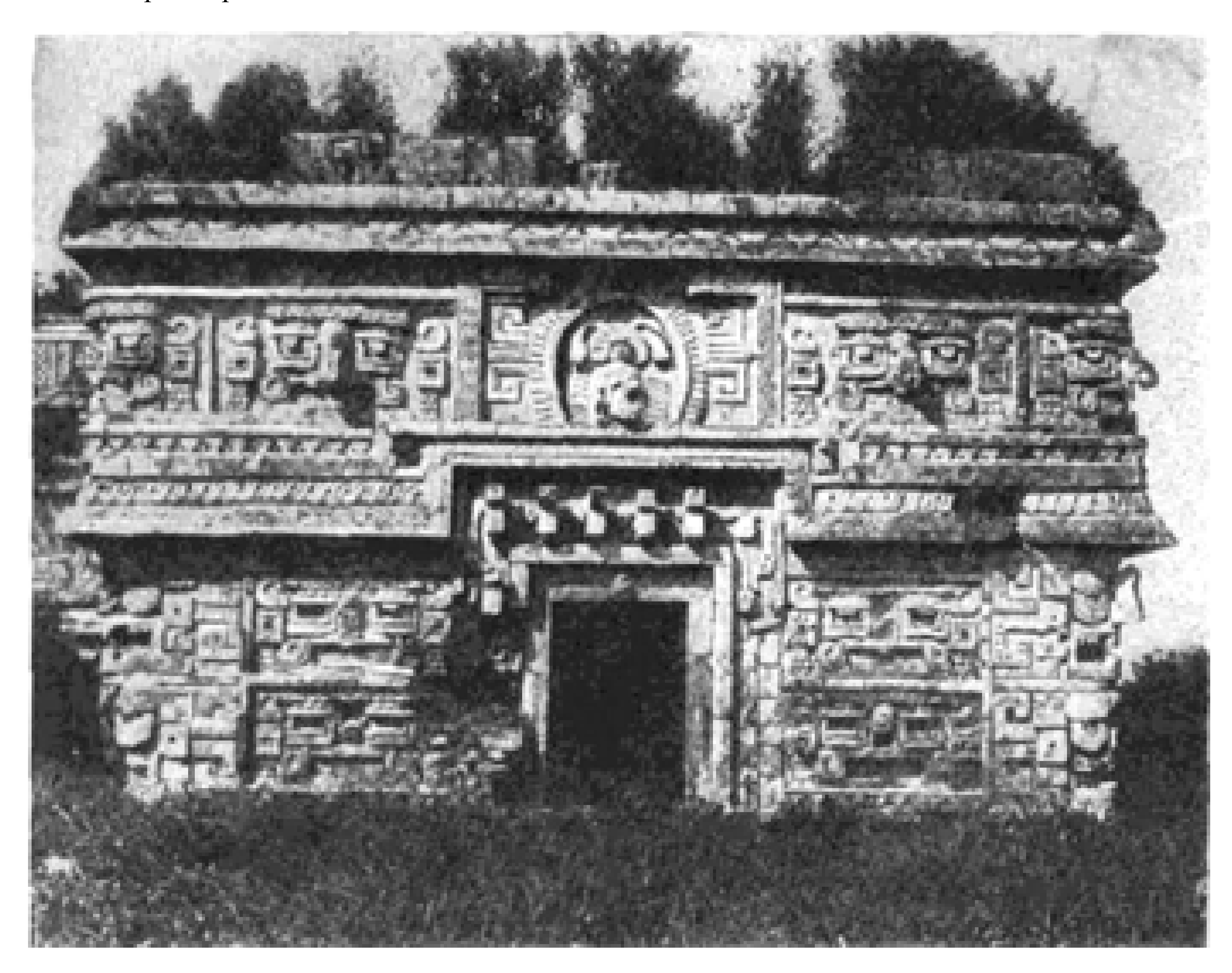
Кроме книг, письменными памятниками истории майя являются надписи, высеченные на каменных стенах, которые майя воздвигали каждые 20 лет, а также на стенах дворцов и храмов.

До настоящего времени главными источниками истории майя были сочинения испанских хронистов XVI— XVII вв. Хроники майя, написанные испанцами, сообщают, что в V в. произошло «малое нашествие» на восточное побережье Юкатана; сюда пришёл «народ с востока». Возможно, что это были выходцы из городов у озера Петен-Ица. На рубеже V—VI вв. в центре северной части полуострова был основан город Чичен-Ица. В VII в. жители Чичен-Ицы покинули этот город и переселились в юго-западную часть Юкатана. В середине X в. их новая родина подверглась нападению выходцев из Мексики, очевидно, народа тольтеков. После этого «люди ица», как их далее называет хроника, возвратились в Чичен-Ицу. Люди ица X в. были смешанной майя-мексиканской группой, образовавшейся в результате вторжения тольтеков. Около 200 лет в Чичен-Ице господствовали потомки тольтекских завоевателей. В этот период Чичен-Ица являлся крупнейшим культурным центром, здесь были воздвигнуты величественные архитектурные памятники. Вторым по значению городом в это время был Ушмаль, в котором также имелись великолепные строения. В X в. неподалёку от Чичен-Ицы возник другой город-государство — Майяпан, не испытавший тольтекского влияния. К XII в. этот город достиг большого могущества. Захвативший власть в Майя-пане правитель незнатного происхождения — Хунак Кеель в 1194 г. вторгся в Чичен-Ицу и захватил город. Люди ица собрались с силами и в 1244 г. захватили Майяпан. Они обосновались в этом городе, смешавшись со своими недавними про-

[1] Письменность майя до последнего времени оставалась нерасшифрованной. Основы её расшифровки открыты недавно.

[2] Рукописи майя были уничтожены испанскими завоевателями в XVI в., уцелели всего три рукописи. Некоторые отрывочные тексты сохранились, правда, в искажённом виде, в книгах, написанных латиницей в колониальный период, — так называемых книгах Чилам Балам («Книги Пророка-ягуара»).

тивниками, и, как сообщает хроника, «с тех пор их называют майя». Власть в Майя-пане захватила династия Кокомов; её представители грабили и обращали в рабство народ с помощью мексиканских наёмников. В 1441 г. жители зависимых от Майя-пана городов подняли восстание, которым руководил правитель Ушмаля. Майяпан был захвачен. По словам хроники, «находящиеся внутри стен были изгнаны теми, кто был вне стен». Наступил период междоусобиц. Правители городов разных

Часть одного из храмовых зданий майя в Чичен-Ице, так называемый «Дом монахинь».
Эпоха «Нового царства».

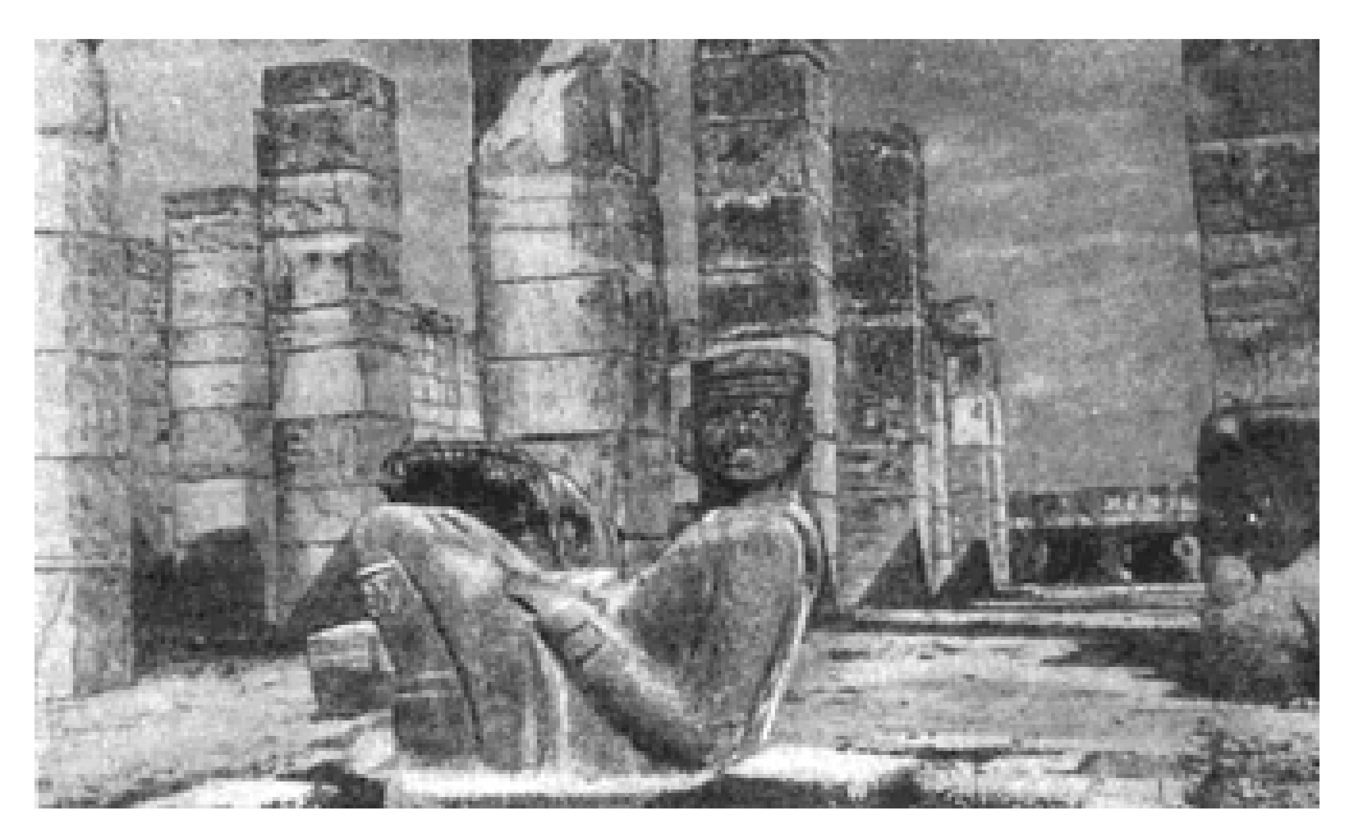
частей страны «делали друг другу пищу безвкусной». Так, Чель (один из правителей), заняв побережье, не хотел давать ни рыбы, ни соли Кокому, а Коком не разрешал доставлять к Челю дичь и фрукты.

Майяпан после 1441 г. был значительно ослаблен, а после эпидемии 1485 г. совсем опустел. Часть майя — люди ица обосновались в непроходимых лесах около озера Петен-Ица и построили город Тах-Ица (Тайя-Саль), который оставался недоступным испанцам до 1697 г. Весь остальной Юкатан был захвачен в 1541—1546 гг. европейскими завоевателями, подавившими героическое сопротивление майя.

Майя создали высокую культуру, доминировавшую в Центральной Америке. Значительного развития достигли у них архитектура, скульптура и фресковая живопись. Одним из самых замечательных памятников искусства является храм «Бонампак», открытый в 1946 г. Под влиянием иероглифики майя возникла письменность у тольтеков и сапотеков. Календарь майя распространился в Мексике.

Тольтеки Теотиуакана

В долине Мехико, по преданиям, первым многочисленным народом были тольтеки. Ещё в V в. тольтеки создали свою цивилизацию, прославившуюся монументальными архитектурными сооружениями. Тольтеки, царство которых существовало до X в., принадлежали по языку к группе науа. Крупнейшим их центром был Теотиуакан, развалины которого сохранились до настоящего времени к северо-востоку от озера Тешкоко. Тольтеки

Статуя Чак-Моол перед «Храмом воинов».
Чичен-Ица.

возделывали уже тогда все те растения, которые испанцы застали в Мексике. Они изготовляли из хлопкового волокна тонкие ткани, их сосуды отличались разнообразием форм и художественной росписью. Оружием служили деревянные копья и палицы с вкладышами из обсидиана (вулканического стекла). Из обсидиана же вытачивались ножи. В крупных селениях каждые 20 дней устраивались базары, где велась меновая торговля.

Теотиуакан, руины которого занимают площадь в 5 *км* в длину и около 3 *км* в ширину, был весь застроен величественными зданиями, по-видимому, дворцами и храмами. Они возводились из тёсаных каменных плит, скреплённых цементом. Стены покрывались штукатуркой. Вся территория городища вымощена гипсовыми плитами. Храмы возвышаются на усечённых пирамидах; так называемая Пирамида солнца имеет в основании 210 *м* и поднимается на высоту 60 *м.* Пирамиды сооружались из необожжённого кирпича и облицовывались каменными плитами, а иногда оштукатуривались. Близ «Пирамиды солнца» открыты здания с полом из пластин слюды и с хорошо сохранившимися фресками. На последних изображены играющие в мяч с палками в руках, ритуальные сцены и мифические сюжеты. Кроме живописи, храмы обильно украшались скульптурами из тёсаного и полированного порфира и нефрита, изображавшими символические зооморфные существа, например пернатую змею — символ бога мудрости. Теотиуакан был, несомненно, культовым центром.

Жилые поселения ещё мало исследованы. В нескольких километрах от Теотиуакана находятся остатки одноэтажных домов из необожжённого кирпича. Каждый из них состоит из 50 —60 комнат, расположенных вокруг внутренних двориков и связанных между собой переходами. Очевидно, это были жилища семейных общин.

Общественный строй тольтеков неясен. Судя по различиям в одежде и украшениям из золота и серебра, нефрита и порфира, знать сильно отличалась от рядовых членов общества; особенно привилегированным было положение жречества. Сооружение огромных, богато украшенных культовых центров требовало труда масс общинников и рабов, вероятно из военнопленных.

Тольтеки имели письменность, по-видимому, иероглифическую; в росписи на вазах встречаются знаки этой письменности. Никаких других памятников письменности не сохранилось. Календарь тольтеков был сходен с календарём майя.

Предание перечисляет девять царей тольтеков, правивших между V и X вв., и сообщает, что в правление девятого царя Топилцина в X в., вследствие местных восстаний, иноземных вторжений и бедствий, вызванных голодом и чумой, царство распалось, многие переселились на юг — в Табаско и Гватемалу, а оставшиеся растворились среди пришельцев.

Время теотиуаканских тольтеков отмечается общностью культуры населения плато Анауак. Вместе с тем тольтеки были связаны с расположенными южнее их народами — сапотеками, майя и даже, через их посредство, с народами Южной Америки; об этом свидетельствуют находки тихоокеанских раковин в долине Мексики и распространение особого стиля росписи сосудов, происходящего, вероятно, из Южной Америки.

Сапотеки

Под влиянием культуры Теотиуакана находился народ Южной Мексики — сапотеки. Около города Оахака, где была столица сапотеков, сохранились памятники архитектуры и скульптуры, говорящие о существовании у сапотеков развитой культуры и резко выраженной социальной дифференциации. Сложный и богатый погребальный культ, о котором можно судить по гробницам, свидетельствует о том, что знать и жречество находились в привилегированном положении. Скульптуры на керамических погребальных урнах интересны изображением одежды знатных лиц, в особенности пышных головных уборов и гротескных масок.

Другие народы Мексики

Влияние культуры теотиуаканских тольтеков распространилось и на другой крупный культовый центр, расположенный к юго-востоку от озера Тешкоко — Чолулу. Созданная здесь в древности группа храмов была впоследствии перестроена в одну грандиозную пирамиду-платформу с воздвигнутыми на ней алтарями. Чолульская пирамида находится на холме, облицованном каменными плитами. Она представляет собой самое большое в древнем мире архитектурное сооружение. Покрытая росписью керамика Чолулы отличается богатством, разнообразием и тщательностью отделки.

С упадком культуры тольтеков в долину Мехико проникает влияние миштеков из области Пуэбла, расположенной к юго-востоку от озера Тешкоко. Поэтому период с начала XII в. носит название Миштека-Пуэбла. В этот период выделились культурные центры меньшего масштаба. Таким, например, был город Тешкоко на восточном берегу Мексиканских озёр, сохранивший своё значение даже во времена испанского завоевания. Здесь находились архивы пиктографических рукописей, на основании которых, используя устные предания, мексиканский историк, ацтек по происхождению, Иштлильшочитль (1569—1649) написал свою историю древней Мексики. Он сообщает, что около 1300 г. на территории Тешкоко поселились два новых племени, пришедших из области миштеков. Они принесли с собой письменность, более развитое искусство ткачества и гончарства. В пиктографических рукописях пришельцы изображены одетыми в ткани в противоположность местным жителям, носившим звериные шкуры. Правитель Тешкоко Кинацин подчинил около 70 соседних

племён, которые платили ему дань. Серьёзным соперником Тешкоко был Кулуакан. В борьбе кулуаканцев против тешкокцев большую роль сыграло дружественное кулуаканцам племя теночков.

Ацтеки

По преданиям, теночки, которые вели своё происхождение от одного из племён группы науа, жили первоначально на острове (как теперь полагают, в Западной Мексике). Эту мифическую родину теночки называли Астлан; отсюда возникло наименование *ацтеки,* правильнее *астека.* В первой четверти XII в. теночки начали своё странствие. В это время у них сохраняется первобытно-общинный строй. В 1248 г. они осели в долине Мехико в Чапультепеке и находились некоторое время в подчинении у племени кулуа. В 1325 г. теночки основали на островах озера Тешкоко поселение Теночтитлан. Около 100 лет теночки находились в зависимости от племени тепанеков, выплачивая ему дань. В начале XV в. их военная мощь возросла. Около 1428 г. под предводительством вождя Ицкоатля они одержали ряд побед над соседями — племенами Тешкоко и Тлакопана, вступили с ними в союз и образовали конфедерацию трёх племён. Теночки захватили первенствующее положение в этой конфедерации. Конфедерация боролась с враждебными ей племенами, окружавшими её со всех сторон. Её господство несколько выходило за пределы долины Мехико.

Покорённый город в образе воина, склонившегося перед богом войны ацтеков Уицилопочтли. Прорисовка барельефа на камне. Тицок.

У теночков, слившихся с жителями долины Мехико, которые говорили на том же языке, что и теночки (язык науатль), быстро стали развиваться классовые отношения. Теночки, воспринявшие культуру жителей долины Мехико, вошли в историю под названием ацтеков. Таким образом, ацтеки были не столько создателями, сколько наследниками культуры, называемой их именем. Со второй четверти XV в. начинается расцвет общества ацтеков и развитие его культуры.

Хозяйство ацтеков

Основной отраслью производства ацтеков было поливное земледелие. Они создали так называемые плавучие сады — маленькие искусственные островки; у топких берегов озера вычерпывалась жидкая земля с тиной, её собирали кучами на плоты из камыша и сажали здесь деревья, своими корнями закреплявшие образовавшиеся таким образом островки. Таким путём бесполезные заболоченные пространства превращались в огороды, пересекаемые каналами. Кроме кукурузы, служившей основным питанием, сажали бобы, тыквы, помидоры, бататы, агаву, фиги, какао, табак, хлопок, а также кактусы; на последних разводили кошениль — насекомых, выделяющих пурпурную краску. Из сока агавы изготовляли род браги — пульке; кроме неё любимым напитком был шоколад, который варили с перцем [1]. Волокно агавы шло на бечёвки и канаты, из него ткали и мешковину. Ацтеки получали каучук из Вера Крус и сок гваюлы с севера Мексики; они делали мячи для ритуальных игр.

От народов Центральной Америки через ацтеков Европа получила культуры кукурузы, какао, томатов; от ацтеков европейцы узнали о свойствах каучука.

Ацтеки разводили индюков, гусей, уток. Единственным домашним животным была собака. Собачье мясо также шло в пищу. Охота не играла сколько-нибудь значительной роли.

Орудия труда изготовлялись из дерева и камня. Особенно хорошо обрабатывались лезвия и наконечники из обсидиана; употреблялись и кремнёвые ножи. Главным оружием были лук и стрелы, затем дротики с метательными дощечками.

[1] Само слово «шоколад» — ацтекского происхождения.

Ацтеки не знали железа. Медь, добывавшуюся в самородках, ковали, а также отливали способом расплавления восковой формы. Таким же способом отливали и золото. В искусстве отливки, ковки и чеканки золота ацтеки достигли большого мастерства. Бронза появилась в Мексике поздно и употреблялась для предметов культа и роскоши.

Ткачество и вышивка ацтеков стоят в ряду лучших достижений в этой области. Особенно прославилась ацтекская вышивка перьями. Большого мастерства достигли ацтеки в керамике со сложным геометрическим орнаментом, резьбе по камню и в мозаике из драгоценных камней, нефрита, бирюзы и т. п.

У ацтеков была развита меновая торговля. Испанский солдат Берналь Диас дель Кастильо описал главный рынок в Теночтитлане. Его поразила и громадная масса народа и огромное количество изделий и припасов. Все товары были размещены особыми рядами. На краю рынка, около ограды храмовой пирамиды, располагались продавцы золотого песка, который хранился в стержнях гусиных перьев. Стержень определённой длины служил единицей обмена. Подобную роль играли также кусочки меди и олова; для мелких сделок употребляли бобы какао.

Общественный строй ацтеков

Ацтекская столица Теночтитлан делилась на 4 района (*мейкаотль*) со старейшинами во главе. Каждый из этих районов делился на 5 кварталов — *кальпулли.* Кальпулли первоначально были патриархальными родами, а объединявшие их мейкаотли — фратриями. Ко времени испанского завоевания в одном жилище обитала домашняя община — *сенкалли,* большая патриархальная семья в несколько поколений. Земля, принадлежавшая в целом племени, была разделена на участки, каждый из которых обрабатывала домашняя община. Кроме того, при каждом селении были земли, выделенные для содержания жрецов, военачальников, и особые «военные земли», урожай с которых шёл на снабжение воинов.

Земля обрабатывалась совместно, но при вступлении в брак мужчина получал надел в личное пользование. Наделы, как и вся земля общины, были неотчуждаемы.

Общество ацтеков делилось на классы свободных и рабов. Рабами были не только военнопленные, но и попавшие в рабство должники (до тех пор, пока не отработают долга), а также бедняки, продавшие себя или своих детей, и те, кто был изгнан из общин. Диас сообщает, что невольничий ряд на главном рынке был не меньше лиссабонского рынка рабов. Рабы носили ошейники, прикреплённые к гибким жердям. Источники не сообщают, в каких отраслях труда были заняты рабы; вероятнее всего, их использовали на строительстве больших сооружений, дворцов и храмов, а также в качестве ремесленников, носильщиков, прислуги, музыкантов. На покорённых землях военачальники в качестве трофеев получали в свою собственность данников, положение которых напоминало положение крепостных — *тламайти* (буквально — «земельные руки»). Появилась уже группа свободных ремесленников, продававших изделия своего труда. Правда, они продолжали жить в родовых кварталах и не выделялись из общих домохозяйств.

Таким образом, наряду с остатками общинных отношений и отсутствием частной собственности на землю существовали рабство и частная собственность на продукты земледелия и ремесла, а также на рабов.

Во главе каждого кальпулли стоял совет, в который входили выборные старейшины. Старейшины и вожди фратрий составляли племенной совет, или совет вождей, в который входил и главный военный вождь ацтеков, который имел два звания: «вождь храбрых» и «оратор».

Вопрос об определении общественного строя ацтеков имеет свою историю. Испанские хронисты, описывая Мексику, называли её королевством, а захваченного в плен испанцами главу союза ацтеков Монтесуму они называли императором. Взгляд на древнюю Мексику как на феодальную монархию господствовал до середины XIX в. На основании изучения хроник и описания Берналя Диаса Морган пришёл к выводу,

что Монтесума был вождём племени, а не монархом, и что у ацтеков сохранялся родо-племенной строй.

Однако Морган, полемически усиливая значение сохранившихся у ацтеков элементов родовой организации, несомненно, переоценил их удельный вес. Данные новейших исследований, главным образом археологических, свидетельствуют о том, что общество ацтеков в XVI в. было классовым, что в нём существовали частная собственность и отношения господства и подчинения; возникло государство. При всём этом несомненно, что в обществе ацтеков сохранялось и много пережитков первобытно-общинного строя.

Религия ацтеков и их культура

Религия ацтеков отразила процесс перехода от родо-племенного строя к классовому обществу. В их пантеоне наряду с олицетворениями сил природы (бог дождя, бог туч, богиня кукурузы, боги цветов) выступают и олицетворения общественных сил. Уицилопочтли — бог покровитель теночков — почитался и как бог солнца и как бог войны. Наиболее сложен образ Кецалкоатля — древнего божества тольтеков. Он изображался в виде пернатой змеи. Это — образ бога-благодетеля, научившего людей земледелию и ремёслам. Согласно мифу, он удалился на восток, откуда должен вернуться.

Календарь ацтеков на каменном диске.

В ритуал ацтеков входили человеческие жертвоприношения.

У ацтеков, отчасти под влиянием тольтеков, возникла письменность, которая была переходной от пиктографии к иероглифике. Реалистическими рисунками и частично символами были запечатлены исторические предания и мифы. Показательно описание странствования теночков с мифической родины в рукописи, известной под названием «Кодекса Ботурини». Роды, на которые делилось племя, обозначены рисунками домов (в основных элементах) с родовыми гербами. Датировка обозначена изображением огнива — «год одного огнива». Но в некоторых случаях знак, изображающий предмет, имел уже фонетическое значение. От майя через тольтеков к ацтекам дошли летосчисление и календарь.

Наиболее значительными произведениями архитектуры ацтеков, сохранившимися до наших дней, являются ступенчатые пирамиды и украшенные барельефами храмы. Скульптура и в особенности живопись ацтеков служат великолепным историческим памятником, так как они воспроизводят живой быт носителей ацтекской культуры.

Древние народы области Анд

Область Анд — один из значительных центров древнего поливного земледелия. Древнейшие памятники развитой земледельческой культуры здесь датируются 1-м тысячелетием до н. э., начало её следует отнести приблизительно на 2000 лет раньше.

Побережье у подножия Анд было лишено влаги: здесь нет рек и почти не выпадает дождей. Поэтому ранее всего возникло земледелие на горных склонах и на Перуан-

ско-Боливийском плоскогорье, орошаемых стекающими с гор во время таяния снегов потоками. В бассейне озера Титикака, где имеется много видов диких клубневых растений, первобытные земледельцы культивировали картофель, который отсюда распространился по всей области Анд, а затем проник и в Центральную Америку. Из злаков особенно широкое распространение нашёл киноа.

Область Анд — единственная в Америке, где развивалось животноводство. Были приручены лама и альпака, дающие шерсть, шкуры, мясо, жир. Молока жители Анд не употребляли. Таким образом, у племён области Анд в первые века нашей эры развитие производительных сил достигло сравнительно высокого уровня.

Чибча, или муиска

Группа племён языковой семьи чибча, обитавшая на территории нынешней Колумбии в долине реки Богота, известная также под самоназванием *муиска,* создала одну из развитых культур древней Америки.

Долина Боготы и окружающие её горные склоны богаты естественной влагой; вместе с мягким ровным климатом это способствовало образованию здесь густонаселённых районов и развитию земледелия. Страна муиска была заселена в глубокой древности примитивными племенами аравакской языковой семьи. Племена чибча проникли на территорию нынешней Колумбии из Центральной Америки, через Панамский перешеек.

Ко времени вторжения европейцев муиска выращивали многие культурные растения: на горных склонах картофель, киноа, кукурузу; в тёплой долине — маниоку, батат, фасоль, тыкву, томаты и некоторые фрукты, а также хлопчатник, табак и кустарник коку. Листья коки служат наркотиком для народов области Анд. Землю обрабатывали примитивными мотыгами — суковатыми палками. Домашних животных, кроме собак, не было. Широко развито было рыболовство. Большое значение имела охота, как единственный источник мясной пищи. Поскольку охота на крупную дичь (оленей, диких кабанов) составляла привилегию знати, рядовые члены племени могли с разрешения знатных лиц охотиться только на кроликов и птицу; они употребляли в пищу также крыс и пресмыкающихся.

Орудия труда — топоры, ножи, жернова — выделывались из твёрдых пород камня. Оружием служили копья с наконечниками из обожжённого дерева, деревянные палицы, пращи. Из металлов известно было лишь золото и его сплавы с медью и серебром. Применялись многие способы обработки золота: массивная отливка, плющение, штамповка, накладка листами. Техника обработки металлов у муиска составляет крупный вклад в самобытную металлургию народов Америки.

Большим достижением их культуры было ткачество. Из хлопкового волокна пряли нити и ткали полотно, ровное и плотное. Полотно раскрашивали способом набойки. Одеждой муиска служили плащи — полотнища из этой ткани. Дома строили из дерева или камыша, обмазанного глиной.

В хозяйстве муиска большую роль играл обмен. В долине Боготы не было золота, и муиска получали его из провинции Нейва от племени пуана в обмен на свои продукты, а также в качестве дани от покорённых соседей. Главными предметами обмена были изумруды, соль и полотно. Интересно, что хлопок-сырец муиска сами выменивали у соседей панче. Соль, изумруды и полотно чибча вывозили по реке Магдалене на большие базары, происходившие на берегу, между нынешними городами Нейва, Коэльо и Белес. Испанские хронисты сообщают, что золото выменивалось в виде небольших дисков. Единицей обмена служили и полотнища ткани.

Муиска жили патриархальными семьями, каждая в особом доме. Брак совершался с выкупом за жену, жена переходила в дом мужа. Была распространена полигамия; рядовые члены племени имели по 2—3 жены, знатные — по 6—8, а правители— по несколько десятков. К этому времени родовая община стала распадаться и её место начала занимать соседская община. Мы не располагаем сведениями о том, каковы были формы землепользования и землевладения.

Письменные и археологические источники показывают начинающийся процесс формирования классов. Испанские хронисты сообщают о следующих общественных группах: *глашатаи* — первые лица при дворе, *усаке* — знатные лица и *геча* — военные высшего ранга, охранявшие границы. Эти три группы эксплуатировали труд так называемых «плативших подати», или «зависимых».

Знать отличалась одеждой и украшениями. Раскрашенные мантии, ожерелья и диадемы имел право носить только правитель. Дворцы правителей и знатных лиц, хотя и деревянные, украшались резьбой и росписью. Знатных носили на носилках, выложенных золотыми пластинками. Особенно пышно справлялось вступление в свои обязанности нового правителя. Правитель выходил к берегу священного озера Гуатавита. Жрецы обмазывали его тело смолой и обсыпали золотым песком. Выехав на плоту вместе со жрецами, он бросал в озеро приношения и, обмывшись водой, возвращался. Эта церемония послужила основой для легенды об «эльдорадо» [1], которая получила широкое распространение в Европе, а «эльдорадо» стало синонимом сказочного богатства.

Если жизнь знати муиска описана испанцами довольно подробно, то описаний условий труда и положения масс рядового населения у нас очень мало. Известно, что «платившие подать» вносили её продуктами сельского хозяйства, а также ремесленными изделиями. В случае недоимки в доме недоимщика поселялся посланец правителя с медведем или пумой до тех пор, пока долг не погашался. Особую группу составляли ремесленники. Хронист сообщает о том, что обитатели Гуатавиты были лучшими мастерами по обработке золота; поэтому «многие гуатавитяне жили рассеянно по всем областям страны, изготовляя золотые изделия».

Особенно скудны сообщения источников о рабах. Поскольку в источниках труд рабов не описывается, можно заключить, что он не играл существенной роли в производстве.

Религия

Мифология и пантеон муиска были слабо развиты. Космогонические мифы разрознены и путаны. В пантеоне главное место занимала богиня земли и плодородия — Бачуе. Одним из главных был бог обмена. В культовой практике муиска первое место занимало почитание сил природы — солнца, луны, священного озера Гуатавита и т. п. Солнцу приносили в жертву мальчиков, чтобы прекратить засуху.

Большое место занимал культ предков. Тела знатных мумифицировали, на них надевали золотые маски. Мумии верховных правителей, по верованиям, приносили счастье, их выносили на поле битвы. Главные божества считались покровителями знати и воинов, простой народ был связан с храмами других божеств, где можно было приносить в жертву скромные дары. Жречество входило в господствующую верхушку общества. Жрецы взимали с общинников и получали от знати продовольствие, золото и изумруды.

Муиска накануне испанского завоевания

От культуры муиска не осталось никаких памятников письменности. Хронисты записали немногие устные предания, которые обнимают события всего лишь двух поколений накануне испанского завоевания. Согласно этим преданиям, около 1470 г. Саганмачика, сипа (правитель) царства Баката, с войском в 30 тыс. человек совершил поход на княжество Фусагасуга в долине реки Паско. Устрашённые фусагасугцы бежали, бросив оружие, их правитель признал себя вассалом сипы, в честь чего было совершено жертвоприношение солнцу.

Вскоре правитель княжества Гуатавиты восстал против Бакаты, и сипе последнего — Саганмачике пришлось просить помощи у правителя царства Тунха — Мичуа. Оказав просимую помощь, Мичуа предложил сипе Саганмачике явиться в Тунху и оправдаться в преступлениях, которые приписывал ему восставший князь Гуата-

[1] Eldorado — по-испански «золотой».

виты. Сипа ответил отказом, и Мичуа не посмел напасть на Бакату. Далее предание рассказывает, как Саганмачика дал отпор соседнему племени панче. Война с ним продолжалась 16 лет. После победы над панче Саганмачика напал на Мичуа. В кровопролитной битве, в которой с каждой стороны участвовало по 50 тыс. воинов, оба правителя нашли смерть. Победа осталась за бакатанцами.

После этого сипой Бакаты стал Немекене (буквально означает «кость ягуара»). Ему также, по преданию, пришлось отражать нападение панче и подавлять восстание фусагасугцев. Военные столкновения с последними были особенно упорными; в конце концов их князь капитулировал. Немекене ввёл свои гарнизоны в побеждённые провинции и начал готовиться к расправе с правителем Тунхи. Собрав армию в 50—60 тыс. и совершив человеческие жертвоприношения, он отправился в поход; в страшной битве Немекене был ранен, бакатанцы бежали, преследуемые воинами Тунхи. На пятый день после возвращения из похода Немекене умер, оставив царство племяннику Тискесусе.

В правление последнего, когда он намеревался отомстить правителю Тунхи, в Бакату вторглись испанские конкистадоры.

Таким образом, мелкие неустойчивые объединения муиска так и не сплотились в единое государство, процесс формирования государства был прерван испанским завоеванием.

Кечуа и другие народы государства инков

Древнейшая история народов центральной области Анд стала известна благодаря археологическим исследованиям последних 60—70 лет. Результаты этих исследований наряду с данными письменных источников позволяют наметить основные периоды древней истории народов этой области. Первый период, примерно 1-е тысячелетие до н. э. — период первобытно-общинного строя. Второй период начался на грани 1-го тысячелетия и продолжался до XV в.; это период возникновения и развития классового общества. Третьим является период истории государства инков; он длился с начала XV в. до середины XVI в.

В течение первого периода начали развиваться керамика и строительная техника, а также обработка золота. Возведение больших зданий из тёсаного камня, имевших культовое назначение или служивших жилищами племенных вождей, предполагает использование знатью труда рядовых соплеменников. Это, как и наличие золотых изделий тонкой чеканки, говорит о начавшемся к концу первого периода разложении родовой общины. Языковая принадлежность носителей этих культур неизвестна.

Во втором периоде на первый план выступили две группы племён. На северном побережье в VIII—IX вв. была распространена культура мочика, носители которой принадлежали к самостоятельной языковой семье. От этого времени сохранились остатки каналов, тянувшихся на сотни километров, и канав, подводивших воду к полям. Здания возводились из кирпича-сырца; прокладывались мощённые камнем дороги. Племена мочика не только употребляли золото, серебро и свинец в самородном виде, но и выплавляли их из руды. Известны были сплавы из этих металлов.

Особенный интерес представляет керамика мочика. Она изготовлялась без гончарного круга, которым народы области Анд никогда не пользовались и позже. Сосуды мочика, лепившиеся в виде фигур людей (чаще всего голов), животных, плодов, утвари и даже целых сцен, представляют собой скульптуру, знакомящую нас с жизнью и бытом их создателей. Такова, например, фигура обнажённого раба или пленника с верёвкой на шее. В росписи на керамике также много памятников общественного строя: рабы, несущие хозяев на носилках, расправа с военнопленными (или преступниками), которых сбрасывают со скал, боевые сцены и т. д.

В VIII—IX вв. началось развитие самой значительной культуры доинкского периода — тиауанако. Стоянка, давшая ей название, находится в Боливии в 21 *км* к югу

от озера Титикака. Наземные строения расположены на площади около 1 *кв. км.* Среди них имеется комплекс зданий, называемый Каласасайя, в который входят Ворота Солнца — один из самых замечательных памятников древней Америки. Арка из каменных глыб украшена барельефом фигуры с лицом, окружённым лучами, которое, очевидно, является олицетворением солнца. Месторождения базальта и песчаника встречаются не ближе чем в 5 *км* от строений Каласасайя. Таким образом, плиты в 100 *т* и больше, из которых сооружены Ворота Солнца, были доставлены сюда коллективными усилиями многих сотен людей. Вероятнее всего, что Ворота Солнца входили в комплекс храма Солнца —божества, изображённого на барельефе.

Культура тиауанако развивалась в течение 4—5 столетий, начиная с VIII в., в разных частях Перуано-Боливийской области, но классические её памятники находятся на родине народа аймара, племена которого были, очевидно, создателями этой высокой культуры. В стоянках тиауанако второго периода, относящихся примерно к X в., появляется, кроме золота, серебра и меди, также и бронза. Развивались керамика и ткачество с художественной орнаментацией. В XIV—XV вв. на северном побережье опять расцветает культура племён мочика, которая в позднем периоде называется *чиму.*

Археологические памятники свидетельствуют, что народы области Анд уже с X в. до н. э. знали поливное земледелие и приручали животных, у них начали развиваться классовые отношения. В первой четверти XV в. возникло государство инков. Его легендарная история была записана испанскими хронистами эпохи завоевания. Возникновение государства инков представлялось как результат вторжения в долину Куско высокоразвитых народов, покоривших первоначальных обитателей этой долины.

Основной причиной образования государства инков является не завоевание, а процесс внутреннего развития общества древнего Перу, рост производительных сил и образование классов. К тому же новейшие археологические данные склоняют учёных к отказу от поисков прародины инков за пределами территории их государства. Если даже и можно говорить о приходе инков в долину Куско, то имело место передвижение всего на расстояние в несколько десятков километров, и произошло это задолго до образования их государства.

На плоскогорье, в долинах и на побережье области Анд обитало множество мелких племён нескольких языковых групп, в первую очередь кечуа, аймара (колья), мочика и пукина. Племена аймара жили в бассейне озера Титикака, на плоскогорье. Племена кечуа обитали вокруг долины Куско. На севере, на побережье, жили племена мочика, или чиму. Расселение группы пукина теперь трудно установить.

Образование государства инков

С XIII в. в долине Куско начинает развиваться так называемая раннеинкская культура. Термин *инки,* вернее — *инка,* приобрёл разнообразное значение: господствующий слой в государстве Перу, титул правителя и название народа в целом. Первоначально наименование *инка* носило одно из племён, обитавших в долине Куско до образования государства и, очевидно, принадлежавших к языковой группе кечуа. Инки периода расцвета говорили на языке кечуа. О близком родстве инков с племенами кечуа говорит и то, что последние получили привилегированное по сравнению с другими положение и назывались «инками по привилегии»; они не платили дани и из их числа не набирала рабов — янакунов для работы на инков.

Исторические предания инков называют 12 имён правителей, предшествовавших последнему верховному инке — Атахуальпе, и сообщают об их войнах с соседними племенами. Если принять приблизительную датировку этих генеалогических преданий, то начало усиления племени инков и, возможно, образования союза племён, можно датировать первыми десятилетиями XIII в. Однако достоверная история инков начинается с деятельности девятого правителя — Пачакути (1438—1463). С этого времени начинается возвышение инков. Образуется государство, которое стало быстро крепнуть. В последующие сто лет инки завоевали и подчинили себе

племена всей области Анд, от южной Колумбии до среднего Чили. По приблизительным подсчётам, население государства инков достигало 6млн. человек.

Материальная культура и общественный строй государства инков известны не только по археологическим, но и по историческим источникам, главным образом испанским хроникам XVI—XVIII вв.

Хозяйство инков

Особый интерес в технике инков представляют горное дело и металлургия. Наибольшее практическое значение имела добыча меди, а также олова: сплав обоих давал бронзу. В огромных количествах добывали серебряную руду, серебро было распространено очень широко. Употребляли и свинец. В языке кечуа имеется слово для наименования железа, но, очевидно, им обозначалось метеоритное железо, или гематит. Свидетельств о добыче железа и плавке железной руды не имеется; в самородном виде железо в области Анд отсутствует. Из бронзы отливались топоры, серпы, ножи, ломы, навершия для военных палиц, щипцы, булавки, иглы, колокольчики. Лезвия бронзовых ножей, топоров и серпов прокаливали и ковали для придания им большей твёрдости. Из золота и серебра изготовлялись украшения и культовые предметы.

Управляющий государственными дорогами и смотритель дорог. Рисунок из испанской хроники Пома де Айяла. XVI в.

Наряду с металлургией инки достигли высокого уровня в развитии керамики и ткачества. Ткани из шерсти и хлопка, сохранившиеся со времён инков, отличаются богатством и тонкостью отделки. Изготовлялись ворсистые ткани для одежды (типа бархата) и ковры.

Земледелие в государстве инков достигло значительного развития. Культивировалось около 40 видов полезных растений, главными из которых были картофель и кукуруза.

Долины, пересекающие Анды, представляют собой узкие глубокие ущелья с крутыми склонами, по которым в дождливый сезон стекают потоки воды, смывая почвенный слой; в сухое время на них не остаётся влаги. Чтобы сохранить влагу на полях, расположенных по склонам, потребовалось создать систему особых сооружений, которая инками планомерно и регулярно поддерживалась. Поля располагались ступенчатыми террасами. Нижний край террасы укреплялся каменной кладкой, задерживавшей почву. От горных рек к полям подходили отводные каналы: у края террасы устраивалась дамба. Каналы выкладывались каменными плитами. Созданная инками сложная система, отводившая воду на большие расстояния, обеспечивала орошение и в то же время предохраняла почву склонов от размывания. Для надзора за исправностью сооружений назначались государством специальные должностные лица. Землю обрабатывали вручную, тягловыми животными не пользовались. Главными орудиями были заступ (с наконечником из твёрдого дерева и, реже, из бронзы) и мотыга.

Через всю страну проходили две главные дороги. Вдоль дорог был проведён канал, на берегах которого росли плодовые деревья. Там, где дорога шла по песчаной пустыне, она была вымощена. В местах пересечения дорог реками и ущельями сооружались мосты. Через узкие реки и щели перебрасывались древесные стволы, которые перекрещивались деревянными перекладинами. Через широкие реки и пропасти проходили подвесные мосты, сооружение которых представляет одно из крупнейших достижений техники инков. Опорой для моста слу-

жили каменные столбы, вокруг которых закреплялось пять толстых канатов, сплетённых из гибких ветвей или лиан. Три нижних каната, образововавших самый мост, переплетались ветвями и выстилались деревянными перекладинами. Канаты, служившие перилами, переплетались с нижними, ограждая мост с боков.

Ткачиха.
Рисунок из хроники Пома де Айяла XVI в.

Как известно, народы древней Америки не знали колёсного транспорта. В области Анд грузы перевозились вьюками на ламах. В тех местах, где ширина реки была слишком большой, они переправлялись по понтонному мосту или при помощи парома, представлявшего собой усовершенствованный плот из балок или брусьев очень лёгкого дерева, который шёл на вёслах. Такие плоты поднимали до 50 человек и большие грузы.

В древнем Перу началось отделение ремесла от земледелия и скотоводства. Изготовлением орудий, тканей, гончарных изделий и т. п. занимались некоторые члены земледельческой общины, а между общинами происходил натуральный обмен. Инки выбирали лучших мастеров и переселяли их в Куско. Здесь они жили в особом квартале и работали на верховного инку и служилую знать, получая от двора пропитание. То, что они выполняли сверх заданного месячного урока, они могли выменивать. Эти мастера, оторванные от общины, фактически оказывались порабощёнными.

Подобным образом отбирали и девочек, которые должны были 4 года учиться прядению, ткачеству и другим рукоделиям. Изделиями их труда также пользовались знатные инки. Труд этих мастеров являлся в древнем Перу зачаточной формой ремесла.

Обмен и торговля были мало развиты. Налоги взимались в натуральной форме. Не было системы мер, за исключением самой примитивной меры сыпучих тел — горсти. Существовали весы с коромыслом, к концам которого подвешивались мешочки или сетки с взвешиваемым грузом. Наибольшее развитие получил обмен между жителями побережья и нагорья. После снятия урожая в определённых местах встречались жители этих двух зон. С нагорья привозили шерсть, мясо, меха, кожи, серебро, золото и изделия из них; с побережья — зерно, овощи и плоды, хлопок, а также птичий помёт — гуано. В разных районах роль всеобщего эквивалента играли соль, перец, меха, шерсть, руда и металлические изделия. Внутри селений базаров не существовало, обмен был случайным.

В обществе инков, в отличие от общества ацтеков и чибча, отсутствовал выделившийся слой свободных ремесленников; поэтому были слабо развиты обмен и торговля с другими странами, не существовало торговых посредников. Это объясняется, очевидно, тем, что в Перу рано возникшее деспотическое государство присваивало себе труд рабов и отчасти общинников, оставляя им мало излишков для обмена.

Общественный строй инков

В государстве инков сохранялось много пережитков первобытно-общинного строя.

Племя инков состояло из 10 подразделений — *хатун-айлью,* которые в свою очередь делились каждый на 10 *айлью.* Первоначально айлью была патриархальным родом, родовой общиной. Айлью имела своё селение и владела прилегающими полями; члены айлью считались между собой родичами и назывались родовыми именами, которые передавались по отцовской линии.

Айлью были экзогамны, внутри рода нельзя было вступить в брак. Члены айлью верили, что находятся под защитой родовых святынь — *уака.* Айлью обозначались так же, как *пачака,* т. е. *сотня.* Хатун-айлью («большой род») представлял собой фратрию и отождествлялся с тысячей.

В государстве инков айлью превратилась в сельскую общину. Это становится очевидным при рассмотрении норм землепользования. Вся земля в государстве считалась принадлежащей верховному инке. Фактически она находилась в распоряжении айлью. Самая территория, принадлежавшая общине, называлась *марка* (случайное совпадение с названием общины у германцев). Земля, принадлежавшая всей общине, называлась *марка пача,* т. е. земля общины.

Возделываемая земля носила название *чакра* (поля). Она делилась на три части: «поля Солнца» (фактически жрецов), поля инки и, наконец, поля общины. Земля обрабатывалась сообща всей деревней, хотя у каждой семьи имелась своя доля, урожай с которой шёл этой семье. Члены общины работали совместно под руководством одного из старшин и, обработав один участок поля (поля Солнца), переходили на поля инки, затем на поля жителей села и, наконец, на поля, урожай с которых шёл в общий фонд деревни. Расходовался этот запас на поддержку нуждающихся односельчан и разные общедеревенские нужды. Кроме полей, каждая деревня имела ещё земли, отдыхавшие под паром, и «дикие земли», служившие пастбищами.

Полевые участки периодически переделялись между односельчанами. Отдельный участок поля оставался под паром после снятия с него трёх-четырёх урожаев. Полевой надел, *тупу,* давался мужчине; на каждого ребёнка мужского пола отец получал ещё один такой надел, на дочь — ещё половину тупу. Тупу считался временным владением, так как подлежал переделу. Но, кроме тупу, на территории каждой общины были ещё земельные участки, называвшиеся *муйя.* Испанские чиновники называют в своих отчётах эти участки «наследственной землёй», «собственной землёй», «огородом». Участок муйя состоял из двора, дома, амбара или сарая и огорода и передавался от отца к сыну. Несомненно, что участки муйя фактически стали уже частной собственностью. Именно на этих участках общинники могли получить излишки овощей или плодов в своём хозяйстве, могли сушить мясо, дубить кожу, прясть и ткать шерсть, изготовлять гончарные сосуды, бронзовые орудия — всё то, что они выменивали как свою частную собственность. Сочетание общинной собственности на поля с частной собственностью на приусадебный участок характеризует айлью как сельскую общину, в которой кровнородственные отношения уступили место территориальным связям.

Земля обрабатывалась только общинами покорённых инками племён. В этих общинах также выделилась родовая знать — *курака.* Её представители надзирали за работой общинников и следили, чтобы общинники платили подати; их участки возделывали общинники. Кроме своей доли в общинном стаде курака имели в частной собственности скот, до нескольких сот голов. В их хозяйствах десятки наложниц-рабынь пряли и ткали шерсть или хлопок. Продукты животноводства или земледелия курака выменивали на украшения из драгоценных металлов и т. п. Но курака, как принадлежавшие к покорённым племенам, всё же находились в подчинённом положении, над ними стояли инки как господствующий слой, высшая каста. Инки не работали, они составляли военно-служилую знать. Правители наделяли их земельными участками и работниками, из покорённых племён, янакунами, которых переселяли в хозяйства инков. Земли, которые знать получала от верховного инки, были их частной собственностью.

Знать сильно отличалась от простых подданных своим внешним видом, особой стрижкой волос, одеждой и украшениями. Знатных инков испанцы называли орехонами (от испанского слова «ореха» — ухо) за их огромные золотые серьги, кольца, растягивавшие мочки ушей.

Привилегированное положение занимали и жрецы, в пользу которых взималась

часть урожая. Они не подчинялись местным правителям, а составляли обособленную корпорацию, управлявшуюся высшим жречеством в Куско.

У инков имелось некоторое число янакунов, которых испанские хронисты называли рабами. Судя по тому, что они находились в полной собственности инков и выполняли все чёрные работы, они действительно были рабами. Особенно важно сообщение хронистов, что положение янакунов было наследственным. Известно, что в 1570 г., т. е. через 35 лет после падения власти инков, в Перу насчитывалось ещё 47 тыс. янакунов.

Сбор урожая картофеля.
Рисунок из хроники Пома де Айяла. XVI в.

Большую часть производительного труда выполняли общинники; они обрабатывали поля, сооружали каналы, дороги, крепости и храмы. Но появление большой группы наследственно порабощённых работников, эксплуатировавшихся правителями и военно-служилой верхушкой, говорит о том, что общество Перу было раннерабовладельческим, с сохранением значительных пережитков родо-племенного строя.

Государство инков называлось Тауантинсуйу, что буквально значит «четыре соединённые вместе области». Каждой областью управлял наместник, в районах власть находилась в руках местных должностных лиц. Во главе государства стоял правитель, носивший титул «Сапа инка» — «единолично правящий инка». Он командовал войском и возглавлял гражданское управление. Инки создали централизованную систему управления. Верховный инка и высшие должностные лица из Куско наблюдали за наместниками, всегда готовы были дать отпор восставшему племени. Существовала постоянная почтовая связь с крепостями и резиденциями местных правителей. Сообщения передавались эстафетой гонцами-бегунами. На дорогах неподалёку друг от друга были расположены почтовые станции, где всегда дежурили гонцы.

Правители древнего Перу создали законы, оберегавшие господство инков, направленные к тому, чтобы закрепить подчинение покорённых племён и предупредить восстания. Инки дробили племена, расселяя их по частям в чужие области. Инки ввели обязательный для всех язык — кечуа.

Религия и культура инков

Религия занимала большое место в жизни древних народов области Анд. Наиболее древнего происхождения были пережитки тотемизма. Общины носили названия животных: Пумамарка (община пумы), Кондормарка (община кондора), Уаманмарка (община ястреба) и т. п.; сохранилось культовое отношение к некоторым животным. Близко к тотемизму стояло религиозное олицетворение растений, в первую очередь картофеля, как культуры, игравшей огромную роль в жизни перуанцев. До нас дошли изображения духов этого растения в скульптурной керамике — сосуды в виде клубней. «Глазок» с ростками воспринимался как рот пробуждающегося к жизни растения. Большое место занимал культ предков. Когда айлью из родовой общины превратилась в соседскую общину, предки стали почитаться как духи-покровители и охранители земли данной общины и вообще местности.

С культом предков был связан и обычай мумифицирования умерших. Мумии в нарядных одеждах с украшениями и бытовой утварью сохранялись в гробницах, часто высеченных в скалах. Особенного развития достиг культ мумий правителей: они окружались ритуальным почитанием в храмах, жрецы шествовали с ними во время

больших праздников. Им приписывалось сверхъестественное могущество, их брали в походы и выносили на поле битвы. У всех племён области Анд существовал культ сил природы. Очевидно, вместе с развитием земледелия и животноводства возник культ матери-земли, называвшейся Пача-мама (на языке кечуа паче — земля).

Инки учредили государственный культ с иерархией жрецов. Очевидно, жрецы обобщили и развили дальше существовавшие мифы и создали цикл космогонической мифологии. Согласно ему, бог-творец — Виракоча создал мир и людей на озере (очевидно, на озере Титикака). После сотворения мира он исчез за морем, оставив сына Пачакамака. Инки поддерживали и распространяли среди покорённых народов представление о происхождении их легендарного предка Манко Капака от солнца. Верховный инка считался живым олицетворением бога солнца (Инти), божественным существом, обладающим в силу этого неограниченной властью. Крупнейшим культовым центром был храм Солнца в Куско, называемый также «Золотое подворье», так как стены центрального зала святилища были выложены золотыми плитками. Здесь помещались три идола — Виракочи, Солнца и Луны.

Храмы владели громадными богатствами, большим числом служителей и мастеров, архитекторов, ювелиров и скульпторов. Этими богатствами пользовались жрецы высшей иерархии. Основное содержание культа инков состояло в жертвенном ритуале. Во время многочисленных праздников, приуроченных к различным моментам аграрного цикла, совершались разнообразные жертвоприношения, главным образом животными. В чрезвычайных случаях — на празднестве в момент вступления на престол нового верховного инки, во время землетрясения, засухи, повальной болезни, во время войны — в жертву приносились люди, военнопленные или дети, взятые в виде дани с покорённых племён.

Развитие положительных знаний у инков достигло значительного уровня, как об этом свидетельствует их металлургия и дорожное дело. Для измерения пространства существовали меры, основанные на размерах частей человеческого тела. Самой малой мерой длины была длина пальца, затем мера, равная расстоянию от отогнутого большого пальца до указательного. Наиболее употребительной мерой для измерения земли была мера в 162 *см.* Для счёта употреблялась счётная доска, абак. Доска разделялась на полосы, отделения, в которых передвигались счётные единицы, круглые камешки. Время дня определялось положением солнца. В быту применялось измерение времени сроком, необходимым для того, чтобы сварился картофель (приблизительно 1 час).

Инки обожествляли небесные светила, поэтому астрономия была у них связана с религией. У них существовал календарь; они имели представление о солнечном и о лунном годе. За положением солнца наблюдали для определения сроков сельскохозяйственного цикла. С этой целью были выстроены четыре башни на востоке и на западе от Куско. Наблюдения производились и в самом Куско, в центре города, на большой площади, где была выстроена высокая платформа.

Инки применяли некоторые научные приёмы лечения болезней, хотя широко была распространена и практика магического знахарства. Кроме использования многих лекарственных растений, известны были и хирургические методы, такие, например, как трепанация черепа.

У инков были школы для мальчиков из среды знати — как инков, так и покорённых племён. Срок обучения был четырёхлетний. Первый год посвящался изучению языка кечуа, второй — религиозного комплекса и календаря, третий и четвёртый годы уходили на изучение так называемых кипу, знаков, служивших «узелковым письмом».

Кипу состояли из шерстяной или хлопчатобумажной верёвки, к которой под прямым углом были привязаны рядами шнуры, иногда до 100, свисавшие в виде бахромы. На этих шнурах завязывались узлы на разном расстоянии от

основной верёвки. Форма узлов и их количество обозначали числа. Одинарные узлы, далее всего расположенные от главной верёвки, представляли единицы, следующий ряд — десятки, затем сотни и тысячи; наибольшие величины располагались ближе всего к основной верёвке. Цвет шнуров обозначал определённые предметы: например, картофель символизировался бурым цветом, серебро — белым, золото — жёлтым.

Управляющий государственными складами отчитывается с помощью «кипу» перед верховным инкой Юпанки.
Рисунок из хроники Пома де Айяла.
XVI в.

Кипу употреблялись главным образом для передачи сообщений о собиравшихся должностными лицами податях, но служили и для фиксирования статистических данных общего характера, календарных дат и даже исторических фактов. Существовали специалисты, умевшие хорошо пользоваться кипу; они должны были по первому требованию верховного инки и его приближённых сообщать те или иные сведения, ориентируясь по соответственно завязанным узлам. Кипу были условной системой передачи сведений, но она не имеет ничего общего с письменностью.

До последнего десятилетия в науке было распространено представление о том, что народы области Анд не создали письменности. Действительно, в отличие от майя и ацтеков инки не оставили письменных памятников. Однако исследование археологических, этнографических и исторических источников заставляет по-новому поставить вопрос о письменности инков. В росписи сосудов культуры мочика фигурируют бобы с особыми знаками. Некоторые учёные считают, что знаки на бобах имели символическое, условное значение, подобно идеограммам. Возможно, что эти бобы со значками служили для гадания.

Некоторые хронисты эпохи завоевания сообщают о существовании у инков тайной письменности. Один из них пишет, что в особом помещении в храме Солнца находились расписанные доски, на которых были запечатлены события истории повелителей инков. Другой хронист рассказывает, что когда в 1570 г. вице-король Перу приказал собрать и записать всё известное об истории Перу, то было установлено, что древняя история инков была запечатлена на больших досках, вставленных в золотые рамы и хранившихся в помещении близ храма Солнца. Доступ к ним был запрещён всем, кроме царствующих инков и специально назначенных хранителей-историографов. Современные исследователи культуры инков считают доказанным, что у инков существовала письменность. Возможно, что это было картинное письмо, пиктография, но оно не сохранилось из-за того, что обрамлённые в золото «картины» были сразу уничтожены испанцами, захватившими их ради рам.

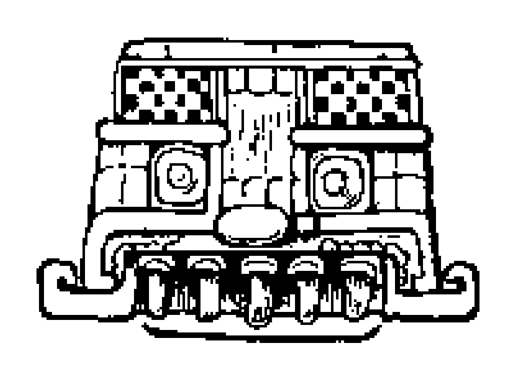
Поэтическое творчество в древнем Перу развивалось в нескольких направлениях. Сохранились в отрывках гимны (например, гимн Виракоче), мифические сказания, поэмы исторического содержания. Наиболее значительным поэтическим произведением древнего Перу была поэма, позже переработанная в драму, — «Ольянтай». В ней воспеваются героические подвиги вождя одного из племён, правителя Антисуйо, восставшего против верховного инки. В поэме, очевидно, нашли художественное отражение события и представления периода образования государства инков — борьба отдельных племён против подчинения их централизованной власти инкской деспотии.

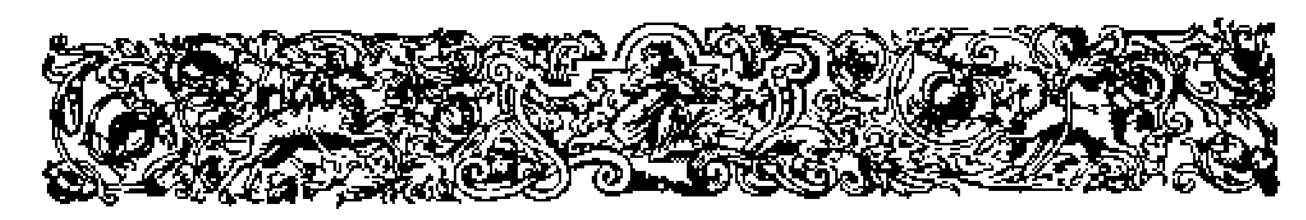
Конец государства инков. Португальские завоевания

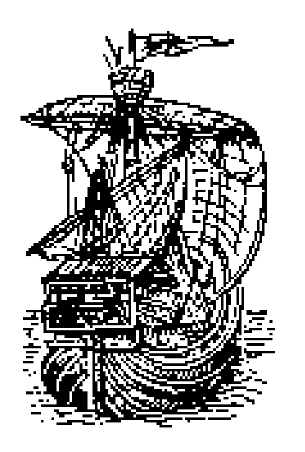
Обычно считается, что с захватом Куско войсками Писарро в 1532 г. и гибелью инки Атахуальпы государство инков сразу прекратило своё существование. Но его конец вовсе не наступил мгновенно. В 1535 г. вспыхнуло восстание; хотя оно и было подавлено в 1537 г., его участники продолжали борьбу в течение более 35 лет.

Восстание поднял инкский принц Манко, который вначале перешёл на сторону испанцев и был приближен к Писарро. Но Манко использовал свою близость к испанцам лишь с целью изучить врагов. Начав собирать силы с конца 1535 г., Манко в апреле 1536 г. с большой армией подошёл к Куско и осадил его. Далее он использовал испанское огнестрельное оружие, заставив восемь пленных испанцев служить ему в качестве оружейников, артиллеристов и пороховщиков. Были использованы также захваченные лошади. Манко централизовал командование осаждавшим войском, установил коммуникации, сторожевую службу. Сам Манко был одет и вооружён по-испански, ездил верхом и сражался испанским оружием. Повстанцы сочетали приёмы самобытного индейского и европейского военного дела и временами достигали больших успехов. Но необходимость кормить большую армию, а главное подкуп и предательство заставили Манко после 10 месяцев снять осаду. Повстанцы укрепились в горном районе Вилькапампе и здесь продолжали борьбу. После смерти Манко вождём повстанцев стал молодой Тупак Амару.

В «новоинкском государстве», защитники которого стремились изгнать испанцев и восстановить независимость индейцев, жизнь развивалась несколько иначе, чем до вторжения европейцев. Несмотря на военное положение, установился обмен с областями, занятыми испанцами, тайно ввозилось оружие, которое индейцы успешно применяли. Сопротивление всё возраставшим силам завоевателей оказалось тщетным, повстанцы были в конце концов разбиты (в 1572 г.). В память об этой последней войне против завоевателей титул инки и имя Тупак Амару принимали в дальнейшем вожди индейцев стран Андского нагорья как символ восстановления их независимого государства.

ГЛАВА IV
ВЕЛИКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

Процесс разложения феодализма и возникновения капиталистических отношений в Европе был ускорен открытиями новых торговых путей и новых стран в XV—XVI вв., положившими начало колониальной эксплуатации народов Африки, Азии и Америки.

К XVI в. в Западной Европе товарное производство и торговля сделали значительные успехи, и потребность в деньгах, являвшихся всеобщим средством обмена, резко возросла. «Открытие Америки, — говорит Энгельс по поводу причин географических открытий, — было вызвано жаждой золота, которая еще до этого гнала португальцев в Африку... потому что столь могуче развившаяся в XIV и XV вв. европейская промышленность и соответствовавшая ей торговля требовали больше средств обмена, чем Германия — великая страна серебра в 1450—1550 гг. — дать не могла» [1]. К этому времени сильно увеличилось также стремление к роскоши и накоплению сокровищ в среде высших классов европейского общества. В таких условиях страсть к обогащению, или, по словам Маркса, «всеобщая жажда денег» [2], охватила в Европе и дворян и горожан, и духовенство, и королей.

Одним из самых заманчивых средств быстрого обогащения в Европе XV в. была торговля с Азией, значение которой после крестовых походов всё более возрастало. На посреднической торговле с Востоком возвысились крупнейшие города Италии, в первую очередь Венеция и Генуя. Восток являлся источником снабжения европейцев предметами роскоши. Привозимые из Индии и с Молуккских островов пряности -

[1] Письмо Энгельса — К. Шмидту, 27 октября 1890 г., *К. Маркс, Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 426.
[2] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 225.

перец, гвоздика, корица, имбирь, мускатный орех стали любимой приправой к пище в богатых домах, и за крупицу пряностей платили большие деньги. Парфюмерные изделия из Аравии и Индии, золотые изделия восточных ювелиров, индийские и китайские шёлковые, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, аравийский ладан и т. д. пользовались большим спросом в Европе. Индия, Китай, Япония считались странами, богатыми золотом и драгоценными камнями. Воображение европейских искателей наживы поражали рассказы путешественников о сказочных богатствах этих далёких стран; особенно популярными были записки венецианского купца Марко Поло, побывавшего в XIII в. в Китае и во многих других странах Востока. В своих записках Марко Поло сообщил такие фантастические сведения о неизвестной европейцам Японии: «Золота, скажу вам, у них великое обилие; чрезвычайно много его тут, и не вывозят его отсюда... Опишу вам теперь диковинный дворец государя здешнего народа. Сказать по правде, дворец здесь большой и крыт чистым золотом, так же точно, как и у нас свинцом крыты дома и церкви... Ещё скажу вам, что полы в покоях,— а их тут много, — покрыты также чистым золотом пальца в два в толщину; и всё во дворце — и залы и окна — покрыто золотыми украшениями... Жемчуга тут обилие, он розовый и очень красив, круглый, крупный...» Европейцам сулил большие богатства и захват торговых путей в морях Южной Азии, по которым между странами Востока велась оживлённая торговля, находившаяся в руках арабских, индийских, малайских и китайских купцов.

Однако страны Западной Европы (за исключением Италии) не имели непосредственных торговых сношений с восточными странами и не получали выгод от восточной торговли. Торговый баланс Европы в её торговле с Востоком был пассивным. Поэтому в XV в. происходил отлив металлических денег из европейских стран на Восток, что ещё более увеличивало недостаток в Европе благородных металлов. Кроме того, в XV в. в торговле Европы с азиатскими странами появились новые обстоятельства, способствовавшие баснословному повышению цен на восточные товары. Распад монгольской державы имел своим результатом прекращение караванной торговли Европы с Китаем и Индией через Среднюю Азию и Монголию, а падение Константинополя и турецкие завоевания в Передней Азии и на Балканском полуострове в XV в. почти полностью закрыли торговый путь на Восток через Малую Азию и Сирию. Третий торговый путь на Восток — через Красное море — был монополией египетских султанов, которые в XV в. стали взимать со всех провозимых этим путём товаров чрезвычайно высокие пошлины. В связи с этим начался упадок средиземноморской торговли, центрами которой были итальянские города.

Европейцев в XV в. привлекали богатства не только Азии, но и Африки. В это время страны Южной Европы через Средиземное море вели торговлю со странами Северной Африки, главным образом с Египтом и с богатыми и культурными государствами Магриба — Марокко, Алжиром и Тунисом. Однако до конца XV в. большая часть африканского континента была неизвестна европейцам; не было прямых связей Европы с Западным Суданом, изолированным от стран Средиземноморья труднопроходимой пустыней Сахарой и неизвестной европейцам частью Атлантического океана.

В то же время города побережья Северной Африки торговали с племенами внутренних областей Судана и Тропической Африки, у которых выменивались слоновая кость и рабы. По караванным путям через Сахару золото, рабы и другие товары из Западного Судана и с гвинейского побережья доставлялись в города Магриба и попадали в руки европейцев, возбуждая у них стремление добраться морем до этих неведомых богатых областей Африки.

«До какой степени, — говорит Энгельс, — в конце XV века деньги подточили и разъели изнутри феодальную систему, ясно видно по той жажде золота, которая в эту эпоху овладела Западной Европой; *золото* искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; *золото* было тем магическим словом, которое гна-

ло испанцев через Атлантический океан в Америку; *золото* — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег» [1]. Таким образом, в Западной Европе в XV в. возникла необходимость поисков новых морских путей из Европы в Африку, Индию и Восточную Азию.

Но далёкие и опасные морские путешествия, предпринятые с конца XV в. с целью открытия новых путей в Африку и на Восток и для завоевания новых стран, стали возможны потому, что к этому времени вследствие развития производительных сил были введены важные усовершенствования в области мореплавания и военного дела.

Парусные суда с килем, введённые норманнами ещё в X в., постепенно получили распространение во всех странах и вытеснили многоярусные гребные греческие и римские суда.

В течение XV в. португальцы во время своих плаваний вдоль западного берега Африки, использовав генуэзский тип трёхмачтового морского судна, создали новый быстроходный и лёгкий парусник, годный для дальних плаваний, — каравеллу. В отличие от судов каботажного (прибрежного) плавания каравелла имела три мачты и была оснащена большим количеством прямых и косых, парусов, благодаря чему она могла двигаться и при неблагоприятном направлении ветра. Она имела очень вместительный трюм, что позволяло совершать большие морские переходы; экипаж каравеллы был невелик. Значительно возросла безопасность плавания благодаря тому, что были улучшены компас и морские, карты — портуланы; в Португалии была усовершенствована заимствованная у арабов астролябия — угломерный инструмент, при помощи которого вычислялись положения светил и широта; в конце XV в. были изданы таблицы движения планет, облегчавшие вычисление широты в море.

Важное значение имело усовершенствование огнестрельного оружия.

Серьёзным препятствием для организации морских путешествий были основанные на учении греческого географа Птолемея географические представления, которые господствовали в средневековой Европе. Птолемей отвергал учение о движении Земли и считал, что Земля стоит неподвижно в центре вселенной; он допускал мысль о шарообразной форме Земли, но утверждал, что где-то на юге Юго-Восточная Азия соединяется с Восточной Африкой, Индийский океан замкнут со всех сторон сушей; таким образом, попасть из Атлантического океана в Индийский и морским путём достигнуть берегов Восточной Азии якобы невозможно. По господствовавшим в средние века воззрениям, заимствованным у античных авторов, Земля делилась на пять климатических поясов, причём считалось, что жизнь возможна только в двух умеренных поясах, у обоих полюсов находятся совершенно безжизненные области вечного холода, а у экватора — пояс страшной жары, где кипит море и сгорают корабли и люди на них.

В XV в., с успехами культуры Возрождения в Европе эти представления стали всё больше подвергаться сомнениям. Ещё в XIII в. Марко Поло и другие путешественники доказали, что в действительности восточный берег Азии не простирается бесконечно на восток, как думал Птолемей, а омывается морем. На некоторых картах XV в. Африка была изображена в виде отдельного, суживающегося к югу материка. Гипотеза о шарообразной форме Земли и едином океане, омывающем сушу, высказанная ещё античными учёными, находила в XV в. всё большее число сторонников. На основании этой гипотезы в Европе стали высказывать мысль о возможности достигнуть морским путём восточного побережья Азии, плывя из Европы на запад, через Атлантический океан. В 1410 г. французский епископ Пьер д'Альи написал книгу «Картина мира», в которой он приводил высказывания античных и средневековых учёных о шарообразности земли и утверждал, что расстояние от берегов Испании до Индии через океан невелико и может быть пройдено при попутном ветре в несколько дней.

[1] *Ф. Энгельс,* Крестьянская война в Германии, М. 1953, Приложения, стр. 155.

В конце XV в. мысль о возможности западного пути в Индию особенно горячо пропагандировал флорентийский врач и космограф Паоло Тосканелли. Он изобразил на карте Атлантический океан, омывающий на востоке Европу, а на западе—Японию, Китай и Индию, и таким образом пытался показать, что западный путь из Европы на Восток — самый короткий. «Я знаю, — писал он, — что существование такого пути может быть доказано на том основании, что Земля — шар...»

Нюрнбергский купец и астроном Мартин Бегайм поднёс в дар своему родному городу сделанный им первый глобус с характерной надписью: «Да будет ведомо, что на данной фигуре вымерен весь свет, дабы никто не сомневался, насколько мир прост, и что повсюду можно проехать на кораблях или пройти, как здесь изображено...».

Мореплавание и морская география у народов Азии в средние века

Народы Азии — индийцы, китайцы, малайцы и арабы — в течение средних веков добились значительных успехов в области географических знаний, развития мореплавания в Индийском и Тихом океанах и искусстве судовождения, что имело важное значение для географических открытий европейцев в Азии и Африке и их экспансии на территории этих материков.

Эти народы задолго до появления европейцев в Индийском океане открыли и освоили великий южно-азиатский морской путь, связывавший между собой страны древнейшей культуры на Востоке, от Красного моря и Персидского залива до Южно-Китайского моря. По западному участку этого пути, от малабарского побережья Индии до Восточной Африки, Аравии и Египта, плавали индийские корабли ещё в древности; их кормчие умело пользовались муссонами — сезонными ветрами в южных морях. В первые века нашей эры китайские, индийские и малайские купцы и моряки проложили маршруты в восточной части Индийского океана, Южно-Китайского и Яванского морей, установив торговые связи между странами Юго-Восточной Азии. В начале V в. китайский паломник буддист Фа Сянь на малайском корабле совершил путешествие от бенгальского побережья до Шаньдуна, посетив по дороге Цейлон, Суматру и Яву; в VII в. такие путешествия совершались часто.

После арабских завоеваний и образования Халифата первенство в торговле и мореплавании в Красном море, Персидском заливе и западной части Индийского океана перешло к арабам. В их руках были Аден, остров Сокотра и ряд городов на восточном побережье Африки. Предприимчивые арабские купцы были посредниками в торговле Южной Азии с Европой. Их корабли совершали плавания в Индию, на Цейлон, Яву и в Китай, во многих городах Южной Азии возникли торговые фактории арабов; были такие фактории и в Кантоне и в Цюаньчжоу. Расцвели города побережья средневековой Индии, через которые проходил поток товаров, перевозимых по морским путям Азии. «Здесь, — описывал индийский город Каликут один китаец в начале XV в., — есть перец, розовое масло, жемчуг, ладан, амбра, кораллы... цветные хлопчатые ткани, но всё это ввозится из других стран... и покупают здесь золото, серебро, хлопчатые ткани, голубой и белый фарфор, бусы, ртуть, камфару, мускус, и есть тут большие склады, где хранятся товары...».

Однако морская торговля в Юго-Восточной Азии находилась главным образом в руках китайцев и малайцев.

В период с X по XV в. Китай превратился в могучую морскую державу; его приморские города стали центрами мировой торговли. Кантон в начале XIV в., по словам одного европейского путешественника, побывавшего в нём, был равен трём Венециям. «Во всей Италии не наберётся столько товаров, сколько их есть в одном только этом городе», — замечает он. Из Китая в другие страны в это время вывозились в большом количестве шелка, фарфор, художественные изделия, а ввозились пряности, хлопчатобумажные ткани, лекарственные травы, стекло и другие товары. В китайских портах для далёких плаваний строились крупные морские суда, имевшие несколько палуб, множество помещений для команды и купцов; экипаж такого судна обычно насчитывал до тысячи моряков и солдат, что являлось необходимым на случай встречи

с пиратами, которых особенно много было в водах Малайского архипелага. Эти суда приводились в движение парусами из тростниковых циновок, закрепляемых на подвижных реях, что позволяло менять положение парусов в соответствии с направлением ветра; при штиле эти суда передвигались с помощью больших вёсел. Географическая карта была известна китайским морякам ещё до нашей эры. С конца XI в. на китайских кораблях появился компас (свойство магнита китайцы знали ещё в древности). «Кормчим ведомы очертания берегов, и ночью они определяют путь по звёздам, днём — по солнцу. Если же солнце скрыто за тучами, то пользуются они юго-указывающей иглой», — говорится о судовождении китайских моряков в одном трактате начала XII в. Китайские моряки обладали обстоятельными познаниями о муссонах в южных морях, морских течениях, мелях, тайфунах, добытыми многовековой практикой азиатских мореходов. Имелась в Китае и обширная географическая литература, содержавшая описания заморских стран с подробными сведениями о товарах, привозимых из них в Китай.

Морская мощь средневекового Китая особенно ярко проявилась в успешном осуществлении крупнейших военно-морских экспедиций в Индийский океан, предпринятых императором Минской династии Чэнцзу в период от 1405 до 1433 г. В то время как португальцы только начали своё продвижение в южную часть Атлантического океана, китайский флот в составе от 60 до 100 различных кораблей с общим экипажем до 25—30 тыс. человек совершил семь плаваний на запад, посетив Индо-Китай, Яву, Цейлон, малабарское побережье в Индии, Аден, Ормуз в Аравии; в 1418 г. китайские корабли побывали на сомалийском побережье Африки. В морях Малайского архипелага этот флот нанёс поражение многочисленным пиратским шайкам, которые препятствовали развитию морской торговли Китая со странами Южной Азии. Возглавлял все эти экспедиции великий китайский мореплаватель Чжэн Хэ, происходивший из незнатного рода и выдвинувшийся при дворе императора за свои военные заслуги. Экспедиции Чжэн Хэ не только укрепили влияние Китая в Южной Азии и способствовали росту его экономических и культурных связей, но и расширили географические познания китайцев: участники их изучили, описали и картографировали посещённые ими земли и воды. «Страны за пределами горизонта и у края земли стали ныне подвластны (Китаю. — *Ред.*) и до самых западных и самых северных краёв, а может быть, и за их рубежами, и все пути пройдены и расстояния измерены», — так оценивал результаты своих плаваний Чжэн Хэ.

Высокого развития достигло морское дело и у малайцев, населявших острова Малайского архипелага, в состав которого входили Молуккские острова — родина пряностей, вывозимых отсюда во все страны Востока. Города Явы и Суматры и Малакка были в XIV—XV вв. крупнейшими центрами торговли, мореплавания и географической науки на Востоке; яванские кормчие были известны как опытные моряки, а карты, составленные малайцами, высоко ценились в портах Азии за точность и обстоятельность содержавшихся в них сведений.

Другим центром торговли и мореплавания в XV в. были арабские города восточноафриканского побережья — Кильва, Момбаса, Малинди, Софала, остров Занзибар и др. Они вели оживлённую морскую торговлю со всеми странами Азии, вывозя туда слоновую кость, рабов, золото, вымениваемые у соседних племён на изделия ремесла из аравийских городов. Арабские моряки хорошо знали морские пути от стран Красного моря до Дальнего Востока; имеются сведения о том, что около 1420 г. один арабский мореход прошёл из Индийского океана в Атлантический, обогнув южную оконечность Африки. «Арабские лоцманы имеют компасы для направления судов, инструкции для наблюдения и морские карты», — писал Васко да Гама. Была создана специальная литература по мореходству — описания маршрутов, лоции, морские справочники, — обобщавшая важнейшие достижения в области судоходства и навигации за много веков. Во второй половине XV в. одним из наиболее опытных арабских лоцманов в западной части Индийского океана был Ахмед ибн Маджид, про-

исходивший из семьи потомственных моряков. Он был автором многих сочинений по морскому делу, широко известных у моряков Азии; крупнейшим из них была «Книга полезных данных об основах морской науки и её правилах». В ней подробно описывались маршруты по Красному морю и Персидскому заливу вдоль Африки, в Индию, на острова Малайского архипелага, до берегов Китая и Тайваня, приёмы вождения кораблей как при каботажном плавании, так и в открытом море, указания о пользовании компасом и румбах, об астрономических наблюдениях, о морских берегах, рифах, муссонах и течениях. Ибн Маджид особенно хорошо знал морские пути между Африкой и малабарским побережьем Индии, чем позднее и воспользовались португальцы во время своего первого плавания в Индию.

Открытие морского пути из Европы в Индию и на Дальний Восток

Португалия и Испания первыми среди европейских стран предприняли поиски морских путей в Африку и в Индию. В поисках были заинтересованы дворяне, купцы, духовенство и королевская власть этих стран. С окончанием реконкисты (в Португалии она окончилась в середине XIII в., а в Испании — в конце XV в.) масса мелкопоместных дворян — идальго, для которых война с маврами была единственным занятием, — осталась без дела. Эти дворяне презирали все виды деятельности, кроме войны, и, когда вследствие развития товарно-денежного хозяйства увеличилась их нужда в деньгах, многие из них очень скоро оказались в долгу у городских ростовщиков. Поэтому идея разбогатеть в Африке или в восточных странах представлялась этим рыцарям реконкисты, оставшимся без дела и без денег, особенно увлекательной. Умение воевать, приобретённое ими в войнах с маврами, любовь к приключениям, жажда военной добычи и славы вполне годились для нового трудного и опасного дела — открытия и завоевания неизвестных торговых путей, стран и земель. Именно из среды небогатых португальских и испанских дворян вышли в XV—XVI вв. смелые мореплаватели» жестокие завоеватели-конкистадоры, уничтожившие государства ацтеков и инков, алчные колониальные чиновники. «Они шли с крестом в руках и с ненасытной жаждой золота в сердце»,— пишет об испанских конкистадорах один современник. Богатые горожане Португалии и Испании охотно давали деньги на морские экспедиции, которые сулили им обладание важнейшими торговыми путями, быстрое обогащение и главенствующее положение в европейской торговле. Католическое духовенство освящало религиозным знаменем кровавые дела конкистадоров, так как благодаря последним оно приобретало новую паству за счёт новообращённых в католичество племён и народов и увеличивало свои земельные владения и доходы. В открытии новых стран и торговых путей была не менее заинтересована и королевская власть Португалии и Испании. Нищее, испытывавшее тяжёлый феодальный гнёт крестьянство и малоразвитые города не могли дать королям достаточно денег, чтобы покрыть те расходы, которых требовал абсолютистский режим| в обладании важнейшими торговыми путями и колониями короли видели выход из денежных затруднений. Кроме того» многочисленные воинственные дворяне, оставшиеся без дела после реконкисты, представляли серьёзную опасность для короля и городов, так как их могли легко использовать крупные феодалы в борьбе против объединения страны и усиления королевской власти. Короли Португалии и Испании стремились поэтому увлечь дворян идеей открытия и завоевания новых стран и торговых путей.

Морской путь, связывавший итальянские торговые города со странами Северо-Западной Европы, проходил через Гибралтарский пролив и огибал Пиренейский полуостров. С развитием морской торговли в XIV—XV вв. повысилось значение прибрежных португальских и испанских городов. Однако экспансия Португалии и Испании была возможна только в сторону неведомого Атлантического океана, потому что торговля по Средиземному морю уже ранее была захвачена могущественными морскими городами-республиками Италии, а торговля по Северному и Балтийскому морям — союзом немецких городов — Ганзой. Географическое положение

Пиренейского полуострова, выдвинутого далеко на запад в Атлантический океан, благоприятствовало такому направлению экспансии Португалии и Испании. Когда же в XV в. в Европе усилилась необходимость искать новые морские пути на Восток, менее всего в этих поисках была заинтересована монополизировавшая в своих руках всю торговлю между странами Северо-Западной Европы Ганза, а равным образом Венеция, продолжавшая извлекать прибыль из средиземноморской торговли.

Вследствие этих причин внутреннего и внешнего характера Португалия и Испании оказались пионерами в поисках новых морских путей через Атлантический океан.

Первыми на океанические пути вышли португальцы. После завоевания португальскими войсками в 1415 г. марокканского порта Сеуты — крепости мавританских пиратов, расположенной на южном берегу Гибралтарского пролива, началось продвижение португальцев на юг, вдоль западного побережья Африки к Западному Судану, откуда по суше на север привозились золотой песок, рабы и слоновая кость. Португальцы стремились проникнуть далее на юг от Сеуты, в «море мрака», как тогда называли неизвестную европейцам южную часть Атлантического океана. Сильные арабские государства в Северо-Западной Африке не позволяли португальцам осуществить экспансию на восток, вдоль средиземноморского побережья Африки. Западная часть Средиземного моря фактически была в руках арабских пиратов.

В организации экспедиций португальцев в первой половине XV в. вдоль западного африканского побережья принял участие португальский принц Энрико, более известный в истории под именем Генриха Мореплавателя. На юго-западном берегу Португалии, в Сагрише, на каменистом мысе, далеко выступающем в океан, были построены обсерватория и верфи для строительства кораблей, а также основана мореходная школа. Сагриш стал для Португалии морской академией. В нём португальские рыбаки и матросы под руководством итальянских и каталонских моряков проходили обучение морскому делу, там занимались усовершенствованием кораблей и навигационных приборов, вычерчивались по сведениям, привозимым португальскими мореходами, морские карты и разрабатывались планы новых экспедиций на юг. Со времён реконкисты португальцы были знакомы с арабской математикой, географией, навигацией, картографией и астрономией. Средства на подготовку путешествий Генрих черпал из доходов возглавляемого им духовно-рыцарского ордена Иисуса, а также получал путём организации ряда торговых компаний на паях у богатых дворян и купцов, рассчитывавших увеличить свои доходы посредством заморской торговли.

Сначала мореплавание развивалось в Португалии медленно; трудно было найти смельчаков, которые рискнули бы отправиться в «море мрака». Но положение значительно улучшилось после того, как на западе португальцы овладели в 1432 г. Азорскими островами, а в 1434 г. Жил Эанниш обогнул мыс Бохадор, южнее которого жизнь считалась в средние века невозможной; через 10 лет после этого другой португальский моряк прошёл на 400 миль южнее этого мыса и привёз в Португалию золото и рабов-негров, положив начало португальской работорговле. В середине 40-х годов португальцы уже обогнули Зелёный Мыс и достигли побережья между реками Сенегал и Гамбия, густозаселённого и богатого золотым песком, слоновой костью и пряностями. Вслед за этим они проникли в глубь материка. Принц Генрих Мореплаватель, возражая на словах против работорговли, на деле всячески поощрял её; в Западную Африку стали регулярно отправляться его корабли для ловли невольников и приобретения золотого песка, слоновой кости и пряностей, вымениваемых у негров на безделушки; обычно принц получал значительную долю привозимой добычи.

Надежда на ограбление всего африканского побережья ускорила португальское продвижение на юг. В 60—70-х годах португальские моряки достигли побережья Гвинейского залива и пересекли экватор; на португальских картах Африки появились новые характерные названия: «Перечный берег», «Берег слоновой кости», «Невольничий берег», «Золотой берег». В начале 80-х годов моряк Диего Као совершил три путешествия на юг от Золотого берега, прошёл устье реки Конго и у южного тропика

поставил свой «падран» — каменный столб, воздвигаемый на открытой территории в знак её присоединения к владениям короля Португалии. Наконец, Бартоломеу Диас в 1487 г. достиг мыса Доброй Надежды, обогнул его и вышел в Индийский океан. Однако экипаж его кораблей, утомлённый трудностями пути, отказался продолжать плавание, и Диас был вынужден вернуться в Лиссабон, не достигнув берегов Индии. Но он утверждал, что от Южной Африки можно пройти морем до берегов Индии. Это же подтвердил и Педро Ковельяно, посланный в 1487 г. португальским королём на поиски кратчайшего пути в Индию через страны Северной Африки и Красное море и побывавший на малабарском побережье Индии, в городах Восточной Африки и на Мадагаскаре; в своём донесении королю, посланном из Каира, он, по словам современника, сообщал, что португальские каравеллы, «которые ведут торговлю в Гвинее, плавая от одной страны к другой курсом на этот остров (Мадагаскар) и Софалу, легко смогут пройти в эти восточные моря и подойти к Каликуту, ибо, как он узнал, здесь всюду находится море».

Для завершения поисков морского пути в Индию португальский король Маноэль отправил экспедицию во главе с одним из своих придворных, Васко да Гамой, происходившим из небогатых дворян. Летом 1497 г. четыре корабля под его начальством вышли из Лиссабона и, обогнув Африку, прошли вдоль её восточного побережья до Малинди, богатого арабского города, непосредственно торговавшего с Индией. Португальцы заключили «союз» с султаном этого города, позволившим им взять с собой в качестве лоцмана знаменитого Ахмеда ибн Маджида, под руководством которого они и завершили своё плавание. 20 мая 1498 г. корабли Васко да Гамы бросили якорь у индийского города Каликут, одного из крупнейших торговых центров Азии, «пристани всего Индийского моря», как назвал этот город русский купец Афанасий Никитин, побывавший в Индии во второй половине XV в. С разрешения местного раджи они начали скупать в городе пряности. Арабские купцы, державшие в своих руках всю заморскую торговлю города, увидели в этом угрозу своей монополии и стали восстанавливать раджу и население города против португальцев. Португальцам пришлось спешно покинуть Каликут и отправиться в обратный путь. В сентябре 1499 г. Васко да Гама вернулся в Лиссабон. К концу двухлетнего трудного плавания уцелело менее половины команды.

Возвращение в Лиссабон португальских кораблей с грузом пряностей из Индии было торжественно отпраздновано.

С открытием морского пути в Индию Португалия начала овладевать всей морской торговлей Южной и Восточной Азии. Португальцы повели жестокую борьбу с арабской торговлей и судоходством в Индийском океане и стали захватывать важнейшие торговые и стратегические пункты Южной Азии. В 1501 г. мореплаватель Кабрал с военной флотилией прибыл в индийские воды, бомбардировал Каликут и закупил груз пряностей в Кочине. Через два года в Индийский океан снова отправился Васко да Гама; в качестве «адмирала Индии» он грабил и топил суда арабских купцов и, возвращаясь в Лиссабон с огромной добычей, оставил в индийских водах постоянную военную эскадру для пиратского грабежа судов, курсировавших между Египтом и Индией. Вскоре португальцы захватили остров Сокотру, у входа в Аденский залив, и крепость Диу на северо-западном побережье Индии и установили, таким образом, свой контроль над морскими путями, соединяющими Красное море и Южную Азию. «Пополнения стали приходить к ним из Португалии, и они начали пересекать дорогу мусульманам, забирая в плен, грабя и захватывая насильно всякие суда»,—сообщает один арабский историк XVI в. Захваченные ими в Индии земли и города стали оплотом дальнейшей экспансии Португалии в Азию. Вице-король Португальской Индии д'Альбукерке овладел крепостью Гоа на западном побережье Индии и иранским портом Ормуз, а в 1511 г. взял Малакку, богатый торговый город в Малаккском проливе, запирающий вход в Индийский океан с востока. «Лучшее из всего, что есть на свете», — так оценивал Малакку Альбукерке. С взятием Малакки португальцы перерезали глав-

ный путь, связывающий страны Передней Азии с основным поставщиком пряностей — Молуккскими островами, и вышли в Тихий океан. Ещё через несколько лет они захватывают эти острова и завязывают морскую торговлю с Южным Китаем. Наконец, в 1542 г. они достигают берегов далёкой Японии и основывают там первую европейскую факторию.

Осуществляя эту экспансию на Восток, португальские завоеватели пользовались приёмами судовождения мореходов Востока, арабскими и яванскими картами стран и морей Южной Азии. На одной карте яванского кормчего, попавшей в руки португальцев в 1512г., были изображены мыс Доброй Надежды, португальские владения, Красное море, Молуккские острова, морские пути китайцев с прямыми дорогами, где проходят корабли, и с внутренними частями страны. По этой карте и двигались португальские корабли через моря Малайского архипелага к Молуккским островам. Капитанам португальских судов инструкциями предписывалось привлекать в качестве лоцманов цейлонских и яванских кормчих.

Таким образом был открыт морской путь из Западной Европы в Индию и в Восточную Азию. Вместе с этим открытием посредством захватов была создана огромная колониальная империя Португалии, простиравшаяся от Гибралтара до Малаккского пролива. Португальскому вице-королю Индии, находившемуся в Гоа, подчинялись пять губернаторов, управляющих Мозамбиком, Ормузом, Маскатом, Цейлоном и Малаккой. Португальцы подчинили своему влиянию также крупнейшие города Восточной Африки. Важнейшее в истории человечества открытие морского пути, связавшего Европу с Азией, было использовано феодальной Португалией для собственного обогащения, для грабежа и угнетения народов Африки и Азии.

С этого времени вплоть до прорытия Суэцкого канала в 60-х годах XIX в. морской путь в округ Южной Африки был главной дорогой, по которой велась торговля между странами Европы и Азии и происходило проникновение европейцев в бассейны Индийского и Тихого океанов.

Открытие Америки и испанские завоевания

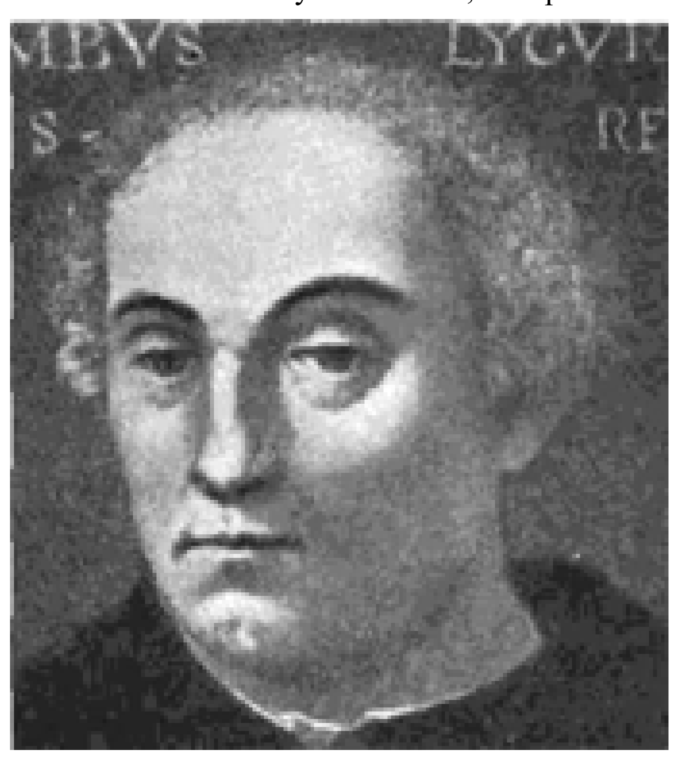
Весной 1492 г. испанцы взяли Гранаду — последний оплот мавров на Пиренейском полуострове, а 3 августа того же года из испанского порта Палое в далёкое плавание через Атлантический океан отправились три каравеллы Христофора Колумба с целью открыть западный путь в Индию и в Восточную Азию. Не желая обострять отношения с Португалией, испанские короли Фердинанд и Изабелла вначале предпочли скрывать настоящую цель этого путешествия. Колумб назначался «адмиралом и вице-королём всех земель, которые он откроет в этих морях-океанах», с правом удерживать в свою пользу одну десятую часть всех доходов от них, «будь то жемчуг или драгоценные камни, золото или серебро, пряности и другие вещи и товары».

Биографические сведения о Колумбе весьма скудны. Он родился в 1451 г. в Италии, недалеко от Генуи, в семье ткача, но нет точных сведений о том, где он учился и когда стал мореплавателем. Известно, что в 80-х годах он жил в Лиссабоне и, очевидно, участвовал в нескольких плаваниях к берегам Гвинеи, но не эти плавания увлекали его. Он вынашивал проект открытия кратчайшего пути из Европы в Азию через Атлантический океан; он изучал сочинение Пьера д'Альи (о котором было сказано выше), а также произведения Тосканелли и других космографов XIV—XV вв., исходивших из учения о шарообразности Земли, но значительно преуменьшавших протяжённость западного пути в Азию. Однако заинтересовать португальского короля в своём проекте Колумбу не удалось. «Совет математиков» в Лиссабоне, предварительно обсуждавший планы всех экспедиций, отверг его предложения как фантастические, и Колумбу пришлось уехать в Испанию, где проект открытия нового, неизвестного португальцам пути в Азию встретил поддержку у Фердинанда и Изабеллы.

12 октября 1492 г., через 69 дней после отправления из испанского порта Палоса, каравеллы Колумба, преодолев все трудности пути, достигли Сан-Сальвадора (по-видимому, современный Уотлинг), одного из островов Багамской группы, располо-

женного у побережья нового, не известного европейцам материка; этот день считается датой открытия Америки. Успех экспедиции был достигнут не только благодаря руководству Колумба, но и стойкости всего экипажа, набранного из хорошо знавших море жителей Палоса и других приморских городов Испании. Всего Колумб совершил четыре экспедиции в Америку, во-время которых он открыл и исследовал Кубу, Эспаньолу (Гаити), Ямайку и другие острова Караибского моря, восточное побережье Центральной Америки и берег Венесуэлы в северной части Южной Америки. На острове Эспаньола он основал постоянную колонию, которая стала в дальнейшем опорным пунктом испанских завоеваний в Америке.

Во время своих экспедиций Колумб проявил себя не только страстным искателем новых земель, но и человеком, стремившимся к обогащению. В дневнике первого путешествия он писал: «Я делаю всё возможное, чтобы попасть туда, где мне удастся найти золото и пряности...» «Золото, — пишет он с Ямайки, — это совершенство. Золото создаёт сокровища, и тот, кто владеет им, может совершать всё, что пожелает, и способен даже вводить человеческие души в рай». Чтобы повысить доходность открытых им островов, на которых, как вскоре обнаружилось, золота и пряностей было не так уж много, он предлагал вывозить оттуда в Испанию рабов: «...И пусть,—пишет он испанским королям,— даже умирают рабы в пути, всё же не всем им грозит такая участь».

Христофор Колумб.
Портрет из собрания Джовио.

Колумб не смог географически правильно оценить свои открытия и сделать вывод, что он открыл новый, неведомый для него материк. До конца своей жизни он уверял всех, что достиг берегов Юго-Восточной Азии, о сказочных богатствах которых писал Марко Поло и мечтали испанские дворяне, купцы, короли. Он назвал открытые им земли «Индиями», а их жителей — «индейцами». Даже во время своего последнего путешествия он сообщил в Испанию, что Куба — это Южный Китай, а побережье Центральной Америки — часть Малаккского полуострова и что южнее его должен находиться пролив, через который можно попасть в богатую Индию.

Известие об открытии Колумба вызвало в Португалии большую тревогу. Португальцы считали, что испанцы нарушили их право владеть всеми землями к югу и востоку от мыса Бохадор, подтверждённое ранее папой римским, и опередили их в достижении берегов Индии; они даже готовили военную экспедицию для захвата открытых Колумбом земель. В конце концов за разрешением этого спора Испания обратилась к папе. Специальной буллой папа благословил захват Испанией всех открытых Колумбом земель. В Риме эти открытия оценили с точки зрения распространения католической веры и увеличения влияния церкви. Спор между Испанией и Португалией папа разрешил следующим образом: Испании предоставлялось право владеть всеми землями, расположенными к западу от линии, проходящей по Атлантическому океану в ста лигах (примерно 600 *км)* западнее островов Зелёного Мыса. В 1494 г., на основании этой буллы, Испания и Португалия разделили между собой сферы завоеваний по договору, заключённому в испанском городе Тордесильясе; разграничительная линия между колониальными владениями обоих государств была установлена

в 370 лигах (свыше 2 тыс. *км)* западнее вышеуказанных островов. Оба государства присвоили себе право преследовать и захватывать все иностранные корабли, появившиеся в их водах, облагать их пошлинами, судить по своим законам их экипажи и т. д.

Но открытия Колумба дали Испании слишком мало золота, и вскоре после успеха Васко да Гамы в стране наступило разочарование в испанских «Индиях» Колумба стали называть обманщиком, открывшим вместо сказочно богатой Индии страну горя и несчастий, ставшую местом гибели многих кастильских дворян. Испанские короли

Глобус Мартина Бехайма 1492 г. (до открытия Америки).

Глобус Ленокса 1510—1512 гг. (после открытия Америки).

лишили его монопольного права производить открытия в западном направлении и той доли доходов, получаемых с открытых им земель, которая ему была вначале определена. Он лишился всего своего имущества, которое пошло на покрытие долгов его кредиторам. Всеми покинутый Колумб умер в 1506 г. Современники забыли великого мореплавателя, даже название открытому им материку они дали по имени итальянского учёного Америго Веспуччи, который в 1499—1504 гг. принимал участие в исследовании берегов Южной Америки и письма которого вызвали большой интерес в Европе. «Страны эти следует назвать Новым Светом...» — писал он.

После Колумба другие конкистадоры в поисках золота и рабов продолжали расширять колониальные владения Испании в Америке. В 1508 г. два испанских дворянина получили королевские патенты на создание колоний на американском материке; в следующем году началась испанская колонизация Панамского перешейка; в 1513 г. конкистадор Васко Нуньес Бальбоа с небольшим отрядом первым из европейцев пересёк Панамский перешеек и вышел к берегам Тихого океана, который он назвал «Южным морем». Через несколько лет испанцы открыли Юкатан и Мексику, а также достигли устья реки Миссисипи. Были предприняты попытки найти пролив, соединяющий Атлантический океан с Тихим, и, таким образом, завершить дело, начатое Колумбом, — достигнуть западным путём берегов Восточной Азии. Этот пролив искал

в 1515—1516гг. испанский моряк де Солис, который, двигаясь вдоль бразильского берега, дошёл до реки Ла-Платы; искали его и португальские мореплаватели, совершавшие свои экспедиции в большой тайне. В Европе некоторые географы были настолько уверены в существовании этого ещё не открытого пролива, что заранее наносили его на карты.

Новый план большой экспедиции с целью поисков юго-западного прохода в Тихий океан и достижения Азии западным путём предложил испанскому королю Фернандо Магеллан, португальский моряк из небогатых дворян, проживавший в Испании. Магеллан сражался под знаменем португальского короля в Юго-Западной Азии на суше и на море, участвовал во взятии Малакки, в походах в Северную Африку, но вернулся на родину без больших чинов и богатств; после того, как король отказал ему даже в незначительном повышении по службе, он покинул Португалию. Магеллан ещё в Португалии начал разрабатывать проект экспедиции для поисков юго-западного пролива из Атлантического океана в открытое Бальбоа «Южное море», через которое, как он предполагал, можно было достигнуть Молуккских островов. В Мадриде, в «Совете по делам Индии», ведавшем всеми делами, касающимися испанских колоний, очень заинтересовались проектами Магеллана; членам совета понравилось его утверждение, что Молуккские острова, согласно условиям Тордесильясского договора, должны принадлежать Испании и что кратчайший путь к ним проходит через юго-западный пролив в «Южное море», которым владела Испания. В существовании этого пролива Магеллан был совершенно уверен, хотя, как показали последующие факты, единственным источником его уверенности являлись карты, на которые этот пролив был нанесён без каких-либо оснований. По договору, заключённому Магелланом с испанским королём Карлом I, он получил пять кораблей и средства, необходимые на экспедицию; он назначался адмиралом с правом удерживать в свою пользу двадцатую часть доходов, которые принесут экспедиция и новые владения, присоединённые им к испанской короне. «Поскольку мне, — писал король Магеллану, — доподлинно известно, что на островах Молукко имеются пряности, я посылаю вас главным образом на их поиски, и моя воля такова, чтобы вы направились прямо на эти острова».

Корабль Магеллана.
Старинная гравюра.

20 сентября 1519 г. пять судов Магеллана вышли из Сан-Лукара в это путешествие. Оно продолжалось три года. Преодолев большие трудности плавания в неисследованной южной части Атлантического океана, он нашёл юго-западный пролив, названный позднее его именем. Пролив находился гораздо южнее, чем указывалось на картах, которым верил Магеллан. Выйдя в «Южное море», экспедиция направилась к берегам Азии. «Южное море» Магеллан назвал Тихим океаном, «потому что, — как сообщает один из участников экспедиции,—мы ни разу не испытали ни малейшей бури». Более трёх месяцев плыла флотилия по открытому океану; часть экипажа, сильно страдавшего от голода и жажды, погибла от цинги. Весной 1521 г. Магеллан достиг островов у восточного побережья Азии, позже названных Филиппинскими.

Преследуя цель покорения открытых им земель, Магеллан вмешался в распрю двух местных правителей и был убит 27 апреля в стычке с жителями одного из этих островов. Экипаж экспедиции после гибели своего адмирала завершил это труднейшее плавание; до Молуккских островов дошло только два корабля, а продолжать путь в Испанию с грузом пряностей оказался в состоянии только один корабль «Виктория». Экипаж этого судна под начальством д'Элькано совершил длительное плавание в Испанию вокруг Африки, сумев избежать встречи с португальцами, которым из Лиссабона было приказано задержать всех участников экспедиции Магеллана. Из всего экипажа беспримерной по мужеству экспедиции Магеллана (265 человек) на родину вернулось только 18 человек; но «Виктория» привезла большой груз пряностей, продажа которых покрыла все расходы на экспедицию и дала ещё значительную прибыль.

Великий мореплаватель Магеллан завершил дело, начатое Колумбом,— он достиг западным путём азиатского материка и Молуккских островов, открыв новый морской путь из Европы в Азию, хотя и не получивший практического значения ввиду дальности расстояния и трудности плавания. Это было первое в истории человечества кругосветное плавание; оно неопровержимо доказало шарообразную форму земли и нераздельность океанов, омывающих сушу.

В том же году, когда Магеллан отправился на поиски нового морского пути к Молуккским островам, небольшой отряд испанских конкистадоров, имевший лошадей и вооружённый 13 пушками, отправился с Кубы во внутренние области Мексики на завоевание государства ацтеков, богатства которого не уступали богатствам Индии. Отряд возглавлял испанский идальго Эрнандо Кортес. У Кортеса, происходившего из семьи обедневших идальго, по словам одного из участников этого похода, «денег было мало, зато много долгов». Но, приобретя плантации на Кубе, он смог организовать экспедицию в Мексику частично на свои собственные средства.

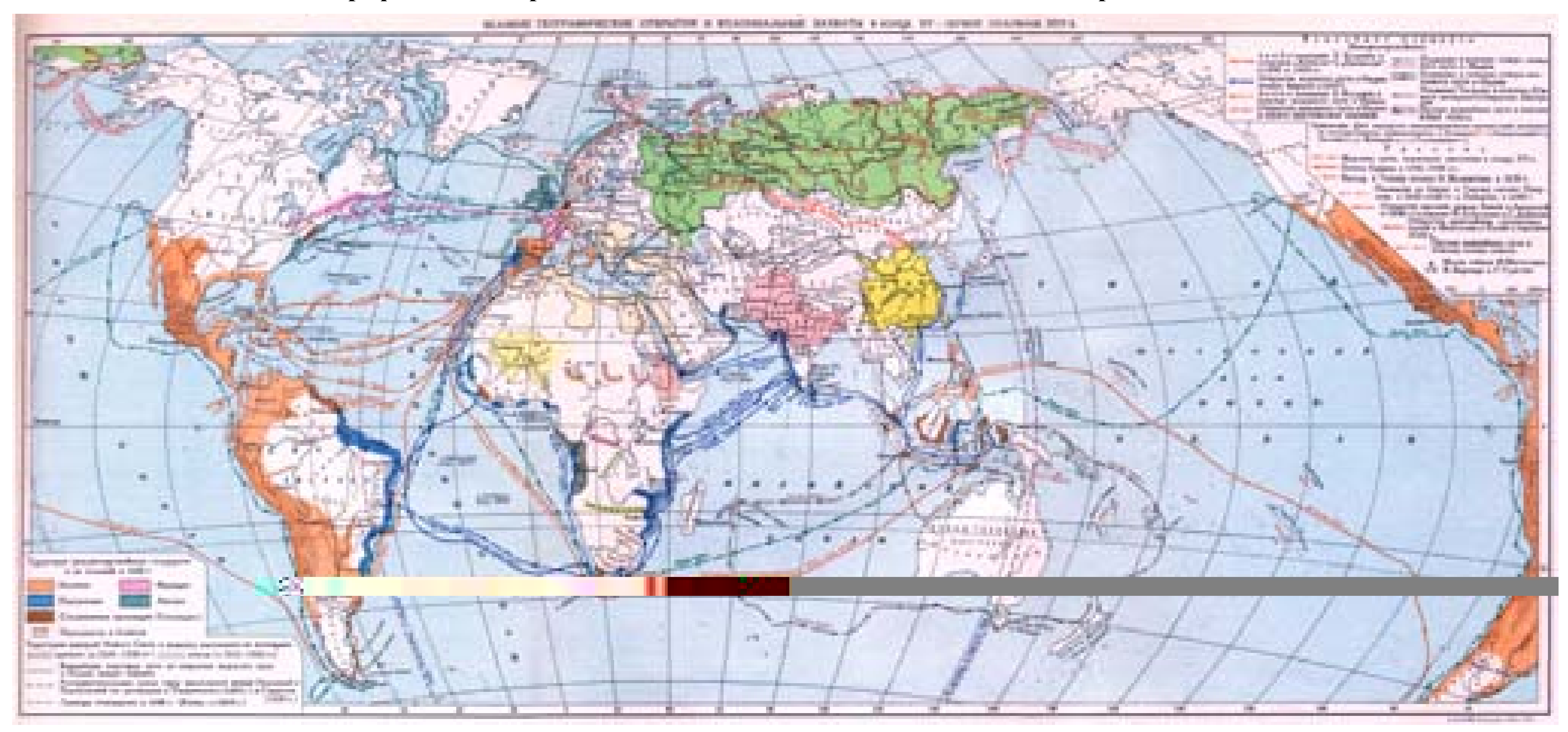
В своих столкновениях с ацтеками испанцы, обладавшие огнестрельным оружием, стальными латами и лошадьми, ранее не виданными в Америке и внушавшими панический ужас индейцам, а также применявшие усовершенствованную тактику ведения боя, получали подавляющий перевес сил. Кроме того, сопротивление индейских племён чужеземным завоевателям ослаблялось враждой между ацтеками и покорёнными ими племенами. Этим объясняются довольно лёгкие победы испанских отрядов.

Высадившись на мексиканском побережье, Кортес новел свой отряд на столицу государства ацтеков город Теночтитлан (современный Мехико). Путь к столице проходил через область индейских племён, которые вели войну с ацтеками, и это облегчило поход. Войдя в Теночтитлан, испанцы были поражены величиной и богатством столицы ацтеков. Скоро им удалось вероломно захватить в плен верховного правителя ацтеков Монтесуму и от его имени начать управлять страной. Они потребовали от подвластных Монтесуме индейских вождей присяги верности испанскому королю и уплаты дани золотом. В здании, где разместился испанский отряд, было обнаружено потайное помещение, в котором находился богатейший клад из золотых вещей и драгоценных камней. Все золотые вещи были перелиты в квадратные слитки и разделены между участниками похода, причём большая часть досталась Кортесу, королю и наместнику Кубы.

Вскоре в стране вспыхнуло большое восстание против власти жадных и жестоких чужеземцев; восставшие осадили испанский отряд, засевший вместе с пленным верховным правителем в его дворце. С большими потерями Кортесу удалось вырваться из осады и уйти из Теночтитлана; многие испанцы погибли, потому что бросились на богатства и набрали столько, что едва могли идти.

И на этот раз испанцам помогли те индейские племена, которые приняли их сторону и теперь боялись мести ацтеков. Кроме того, Кортес пополнил свой отряд испанцами, прибывшими с Кубы. Собрав 10-тысячную армию, Кортес вновь подошёл к столице Мексики и осадил город. Осада была длительной; во время неё от голода,

Великие географические открытия и колониальные захваты в конце XV — первой половине XVII в.

жажды и болезней погибло большинство населения этого многолюдного города. 3 августа 1521 г. испанцы, наконец, вошли в разрушенную столицу ацтеков.

Государство ацтеков стало испанской колонией; испанцы захватили в этой стране много золота и драгоценных камней, земли роздали своим колонистам, а индейское население обратили в рабов и крепостных. «Испанское завоевание, — говорит Энгельс об ацтеках, — оборвало всякое дальнейшее самостоятельное их развитие» [1].

Вскоре после завоевания Мексики испанцы покорили в Центральной Америке Гватемалу и Гондурас, а в 1546 г., после нескольких вторжений, подчинили полуостров Юкатан, населённый народом майя. «Слишком много было правителей и слишком много они устраивали заговоров друг против друга», — объяснял поражение майя один из индейцев.

Пленение вождя восстания инков Тупак Амару. Рисунок из хроники Пома де Айяла. XVI в.

Испанское завоевание в Северной Америке не распространилось за пределы Мексики. Это объясняется тем, что в областях, расположенных к северу от Мексики, испанские искатели наживы не нашли богатых золотом и серебром городов и государств; на испанских картах эти области американского материка обычно обозначались надписью: «Земли, не приносящие дохода».

После завоевания Мексики испанские конкистадоры направили всё своё внимание на юг, на горные районы Южной Америки, богатые золотом и серебром. В 30-х годах испанский конкистадор Франсиско Писарро, неграмотный человек, бывший в молодости свинопасом, предпринял завоевание «золотого царства», государства инков в Перу; о его сказочных богатствах он слышал рассказы от местных жителей на Панамском перешейке во время похода Бальбоа, участником которого он был. С отрядом в 200 человек и с 50 лошадьми он вторгся в это государство, сумев использовать борьбу двух братьев-наследников за трон верховного правителя страны; он захватил в плен одного из них — Атахуальпу, и от его имени начал управлять страной. С Атахуальпы был взят большой выкуп золотыми вещами, во много раз превышавший клад, которым завладел отряд Кортеса; эта добыча была разделена среди участников отряда, для чего всё золото превратили в слитки, уничтожив ценнейшие памятники перуанского искусства. Выкуп не дал Атахуальпе обещанной свободы; испанцы вероломно предали его суду и казнили. После этого Писарро занял столицу государства — Куско и стал полным властелином страны (1532 г.); он посадил на трон верховного правителя своего приверженца, одного из племянников Атахуальпы. В Куско испанцы разграбили сокровища богатого храма Солнца, а в его здании создали католический монастырь; в Потоси (Боливия) они захватили богатейшие серебряные рудники.

В начале 40-х годов испанские конкистадоры завоевали Чили, а португальцы (в 30—40-х годах) — Бразилию, которая была открыта Кабралом в 1500 г. во время его экспедиции в Индию (корабли Кабрала были на пути к мысу Доброй Надежды отнесены на запад Южноэкваториальным течением). Во второй половине XVI в. испанцы завладели Аргентиной.

[1] *Ф. Энгельс,* Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1953, стр. 23.

Так был открыт Новый Свет и созданы на американском материке колониальные владения феодально-абсолютистской Испании и Португалии. Испанское завоевание Америки прервало самостоятельное развитие народов американского континента и поставило их под ярмо колониального порабощения.

Открытия в Северной Америке и в Австралии

Несмотря на договор о разделе сфер завоеваний между Португалией и Испанией, моряки и купцы других стран Европы в поисках наживы и богатства стали проникать в неисследованные части земного шара. Так, Джон Кабот (переселившийся в Англию итальянец Джованни Кабото), отправившийся в экспедицию с целью найти северо-западный путь в Индийский океан, впервые достиг в 1497 г. Ньюфаундленда или полуострова Лабрадор, а его сын — Себастьян Кабот — в 1498 г. достиг северо-восточного берега Северной Америки и исследовал его. В дальнейшем английские и французские мореплаватели исследовали восточную часть Северной Америки, а голландцы в результате ряда плаваний, совершённых в течение XVII в., открыли Австралию, смутные сведения о которой имелись ещё у античных географов. В 1606г. голландское судно под начальством Виллема Янца впервые достигло северного побережья Австралии, а в 1642—1644 гг. голландский мореплаватель Тасман совершил к австралийским берегам два плавания и, пройдя южнее Австралии до открытого им острова Тасмания, доказал, что Австралия является самостоятельным новым материком.

Лондонские купцы, по их собственному выражению, «видя, как удивительно быстро растёт богатство испанцев и португальцев вследствие открытия новых стран и поисков новых торговых рынков», организовали в 1552 г. экспедицию из трёх кораблей под начальством Уиллоуби, предпринявшую попытку найти северо-восточный проход в Китай, обогнув побережье Сибири. Корабли экспедиции Уиллоуби в Баренцевом море были разделены бурей, два из них были затёрты льдами в южной части этого моря, и весь их экипаж замёрз, а третий прошёл в Белое море, достиг устья Северной Двины; его капитан Ченслер побывал в Москве и был принят Иваном Грозным. В 1556 и 1580 гг. англичане вновь пытались найти северо-восточный проход, однако далее входа в Карское море их корабли из-за сплошных льдов пройти не смогли.

Голландские купцы в конце XVI в. снарядили на поиски этого прохода три экспедиции, которыми руководил голландский мореплаватель Виллем Баренц, но и эти корабли не смогли пройти восточнее Новой Земли, на которой Баренц зазимовал во время своей последней экспедиции (1596—1597 гг.), так как его корабль был затёрт льдами.

Русские географические открытия XVI—XVII вв.

Русский народ внёс в великие географические открытия XVI — первой половины XVII в. значительный вклад. Русские путешественники и мореплаватели совершили ряд открытий (преимущественно на северо-востоке Азии), обогативших мировую науку.

Причиной усиленного внимания русских к географическим открытиям являлось дальнейшее развитие товарно-денежных отношений в стране и связанный с этим процесс складывания всероссийского рынка, а также постепенное включение России в мировой рынок. В указанный период отчётливо наметились два основных направления: северо-восточное (Сибирь и Дальний Восток) и юго-восточное (Средняя Азия, Монголия, Китай), по которым двигались русские путешественники и мореходы.

Большое познавательное значение для современников имели торгово-дипломатические поездки русских людей в XVI—XVII вв. в страны Востока, обследование кратчайших сухопутных маршрутов для сообщения с государствами Средней и Центральной Азии и с Китаем.

К середине XVII в. русскими были основательно изучены и описаны пути в Среднюю Азию. Обстоятельные и пенные сведения этого рода содержали посольские отчёты («статейные списки») русских послов И. Д. Хохлова (1620—1622 гг.), Анисима Грибова (1641—1643 и 1646—1647 гг.) и др.

Пристальное внимание вызывал у русских людей далёкий Китай. Ещё в 1525 г., будучи в Риме, русский посол Дмитрий Герасимов сообщил писателю Павлу Иовию о

том, что из Европы в Китай можно проехать водным путём через северные моря. Таким образом, Герасимов высказал смелую мысль об освоении Северного пути из Европы в Азию. Эта идея благодаря Иовию, опубликовавшему специальную книгу о Московии и посольстве Герасимова, стала широко известной в Западной Европе и была воспринята с живейшим интересом. Возможно, что организация экспедиций Уиллоуби и Баренца была вызвана сообщениями русского посла. Во всяком случае поиски Северного морского пути на восток уже в середине XVI в. привели к установлению непосредственных морских связей между Западной Европой и Россией.

Первым достоверным свидетельством о путешествии в Китай являются сведения о посольстве казака Ивана Петлина в 1618—1619 гг. Петлин из Томска через территорию Монголии прошёл в Китай и побывал в Пекине. Вернувшись на родину, он представил в Москве «чертёж и роспись про Китайскую область». Собранные в результате поездки Петлина сведения о путях в Китай, о природных богатствах и экономике Монголии и Китая способствовали расширению географического кругозора современников.

Большое значение в истории географических открытий той эпохи имело обследование огромных пространств севера и северо-востока Азии от Уральского хребта до побережья Ледовитого и Тихого океанов, т. е. всей Сибири.

Присоединение Сибири было начато в 1581 г. походом отряда казацкого атамана Ермака Тимофеевича. Его отряд, состоявший из 840 человек, увлечённых молвой о несметных богатствах Сибирского ханства, был снаряжён на средства крупных землевладельцев и солепромышленников Приуралья Строгановых. Поддержанный правительством поход Ермака (1581—1584 гг.) привёл к падению Сибирского ханства и присоединению Западной Сибири к Русскому государству.

Ещё в середине XVI в. упоминаются плавания русских полярных мореходов из европейской части страны в Обскую губу и к устью Енисея. Они продвигались вдоль побережья Ледовитого океана на небольших килевых парусных судах — кочах, хорошо приспособленных к плаваниям во льдах Арктики благодаря яйцевидной форме корпуса, уменьшавшей опасность ледового сжатия. Пользовались русские мореходы XVI—XVII вв. компасом («маткой») и картами. В первые два десятилетия XVII в. уже существовало довольно регулярное водное сообщение западносибирских городов с Мангазеей по Оби, Обской губе и Ледовитому океану (так называемый «Мангазейский ход»). Такое же сообщение поддерживалось между Архангельском и Мангазеей. По свидетельству современников, из Архангельска в «Мангазею по вся годы ходят кочами многие торговые и промышленные люди со всякими немецкими (т.е. иностранными, западноевропейскими) товары и с хлебом». Чрезвычайно важным было установление того факта, что Енисей впадает в то самое «Студёное море», по которому из Западной Европы плавают к Архангельску. Это открытие принадлежит русскому торговому человеку Кондратию Курочкину, который первым обследовал фарватер нижнего Енисея вплоть до устья.

Серьёзный удар «Мангазейскому ходу» был нанесён правительственными запрещениями 1619—1620 гг. пользоваться морским путём в Мангазею, преследовавшими: цель предотвратить проникновение туда иностранцев.

Продвигаясь на восток в тайгу и тундру Восточной Сибири, русские открыли одну из крупнейших рек Азии — Лену. Среди северных экспедиций на Лену выделяется поход Пенды (до 1630 г.). Начав свой путь с 40 сподвижниками из Туруханска, он прошёл по всей Нижней Тунгуске, перевалил через волок и достиг Лены. Спустившись по Лене в центральные районы Якутии, Пенда затем проплыл по той же реке в обратном направлении почти до верховьев. Отсюда, пройдя бурятскими степями, он попал на Ангару (Верхнюю Тунгуску), первым из русских проплыл вниз по всей Ангаре, преодолев её знаменитые пороги, после чего вышел на Енисей, а по Енисею вернулся в исходный пункт — Туруханск. Пенда и его спутники совершили беспримерное круговое путешествие протяжённостью в несколько тысяч километров по труднодоступной местности.

В 1633 г. из устьев Лены вышли на восток на кочах отважные мореходы Иван Ребров и Илья Перфильев, которые дошли морем до р. Яны, а в 1636 г. тот же Ребров совершил новое морское путешествие и достиг устья Индигирки.

Почти одновременно по материку в северо-восточном направлении двигались отряды русских служилых и промышленных людей (Посника Иванова и др.), открывшие упомянутые реки с суши. Посник Иванов «с товарищи» проделали свой длительный и трудный переход через горные хребты верхом.

Важным открытием на северо-востоке Азии завершилась в начале 40-х годов XVII в. экспедиция Михаила Стадухина. Отряд казачьего десятника и купца Стадухина, в котором находился Семён Дежнев, спустившись на коче по Индигирке, в 1643 г. морем дошёл на «Ковыму реку», т. е. достиг устья реки Колымы. Здесь было заложено Нижне-Колымское зимовье, из которого несколькими годами позже вышли в своё знаменитое плавание вокруг северо-восточной оконечности азиатского материка кочи казака Семёна Ивановича Дежнева и промышленного человека Федота Алексеева (известного под фамилией Попов).

Выдающимся событием этой эпохи явилось открытие в 1648 г. пролива между Америкой и Азией, сделанное Дежневым и Федотом Алексеевым (Поповым).

Семён Дежнев ещё в 1647 г. пытался морем пройти на таинственную реку Анадырь, о которой ходили слухи среди русских людей, но его «лёдом до Анадыри реки не пропустило», и он был вынужден вернуться обратно. Но решимость достигнуть намеченной цели не покинула Дежнева и его товарищей. 20 июня 1648 г. из устья Колымы на поиски реки Анадырь отправилась новая экспедиция на семи кочах. В состав экспедиции, возглавленной Дежневым и Алексеевым, входило около ста человек. Вскоре после начала похода четыре коча исчезли из виду и о них участники этого крайне трудного ледового плавания не имели в дальнейшем никаких вестей. Остальные три судна под командой Дежнева, Алексеева и Герасима Анкудинова продолжали свой путь на северо-восток. Недалеко от Чукотского носа (позже названного именем Дежнева) погиб коч Анкудинова Экипажи других двух судов приняли на борт потерпевших крушение и упорно продвигались по Ледовитому океану. В сентябре 1648 г. экспедиция Дежнева — Алексеева обогнула крайнюю северо-восточную оконечность Азии — Чукотский (или Большой Каменный) нос и прошла через пролив, отделяющий Америку от Азии (позднее названный Беринговым проливом). В морскую непогоду кочи Дежнева и Алексеева потеряли друг друга из виду. Коч Дежнева, на котором было 25 человек, долго носило по волнам и, наконец, выбросило на берег моря, которое впоследствии было названо Беринговым. Семён Дежнев затем двинулся со своими товарищами в глубь материка и после героического 10-недельного перехода, вовремя которого его участники по совершенно незнакомой стране шли «холодны и голодны, наги и босы», достиг цели своей экспедиции — реки Анадырь. Так было совершено выдающееся географическое открытие, доказавшее, что Америка отделена морем от Азии и является изолированным континентом, и открыт морской путь вокруг Северо-Восточной Азии.

Имеются основания считать, что и Камчатка в середине XVII в. была открыта русскими людьми. По позднейшим известиям, коч Федота Алексеева и его спутников достиг Камчатки, где русские долго жили среди ительменов. Память об этом факте сохранилась среди местного населения Камчатки, и русский учёный первой половины XVIII в. Крашенинников сообщил о нём в своём труде «Описание земли Камчатки». Есть предположение, что часть судов экспедиции Дежнева, исчезнувшая по пути к Чукотскому носу, добралась до Аляски, где основала русское поселение. В 1937 г. во время земляных работ на Кенайском полуострове (Аляска) были обнаружены остатки жилищ трёхсотлетней давности, которые отнесены учёными к числу построенных русскими людьми.

Кроме того, Дежневу и его спутникам принадлежит заслуга открытия островов Диомида, на которых жили эскимосы, и обследования бассейна реки Анадырь.

Открытие Дежнева — Алексеева нашло отражение на географических картах России XVII в., на которых отмечался свободный морской проход от Колымы до Амура.

В течение 1643—1651 гг. состоялись походы русских отрядов В. Пояркова и Е. Хабарова на Амур, доставившие ряд ценных сведений об этой не изученной европейцами реке.

Итак, на протяжении сравнительно короткого исторического периода (с 80-х годов XVI в. до 40-х годов XVII в.) русские люди прошли по степям, тайге, тундре через всю Сибирь, проплыли по морям Арктики и совершили ряд выдающихся географических открытий.

Последствия географических открытий для Западной Европы

На протяжении XV—XVII вв. благодаря смелым экспедициям мореплавателей и путешественников многих стран Европы была открыта и исследована большая часть земной поверхности, морей и океанов, омывающих её; неизвестными оставались многие внутренние области Америки, Азии, Африки и Австралии. Были проложены важнейшие морские пути, связавшие материки между собой. Но вместе с тем географические открытия положили начало чудовищному порабощению и истреблению народов открытых стран, ставших для европейских искателей наживы объектом самого беззастенчивого грабежа и эксплуатации: вероломство, обман, истребление местных жителей были основными методами завоевателей. Такой ценой ускорялось создание в Западной Европе условий возникновения капиталистического производства.

Колониальная система, возникшая в результате географических открытий, способствовала накоплению в руках буржуазии в Европе больших денежных средств, необходимых для организации крупного капиталистического производства, а также создавала рынок сбыта для его продукции, являясь, таким образом, одним из рычагов процесса так называемого первоначального накопления. С установлением колониальной системы начал складываться мировой рынок, что послужило мощным толчком к зарождению и развитию капиталистических отношений в Западной Европе. «Колонии, — пишет Маркс, — обеспечивали рынок сбыта для быстро возникающих мануфактур, а монопольное обладание этим рынком обеспечивало усиленное накопление. Сокровища, добытые за пределами Европы посредством грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал» [1].

Возвышению европейской буржуазии способствовала и так называемая революция цен XVI и XVII столетий. Она была вызвана ввозом из Америки в Европу большого количества золота и серебра, добытых дешёвым трудом крепостных и рабов. В середине XVI в. в колониях добывали золота и серебра в 5 раз больше, чем их добывалось в Европе до завоевания Америки, а общее количество звонкой монеты, обращавшейся в европейских странах, возросло за XVI столетие более чем в 4 раза. Этот наплыв дешёвого золота и серебра в Европу привёл к резкому снижению покупательной способности денег и к сильному повышению цен (в 2—3 раза и более) на все товары, как сельскохозяйственные, так и промышленные. В городе от этого повышения цен пострадали все, кто получал заработную плату, а буржуазия обогащалась. В деревне главную выгоду получили те дворяне, которые заводили хозяйство нового типа, с применением наёмного труда и сбытом продуктов на рынок по высоким ценам, и зажиточные крестьяне, также продававшие значительную часть сельскохозяйственной продукции. Кроме того, выиграли землевладельцы, сдававшие землю в краткосрочную аренду. Наконец, выгоду извлекли долгосрочные арендаторы, держатели-крестьяне, платившие традиционную фиксированную денежную ренту. Разорялись крупные земельные собственники-феодалы, так как они большую часть своих земель ещё до XVI в. сдали в аренду на длительные сроки на условии получения фиксированной ренты в денежной форме.

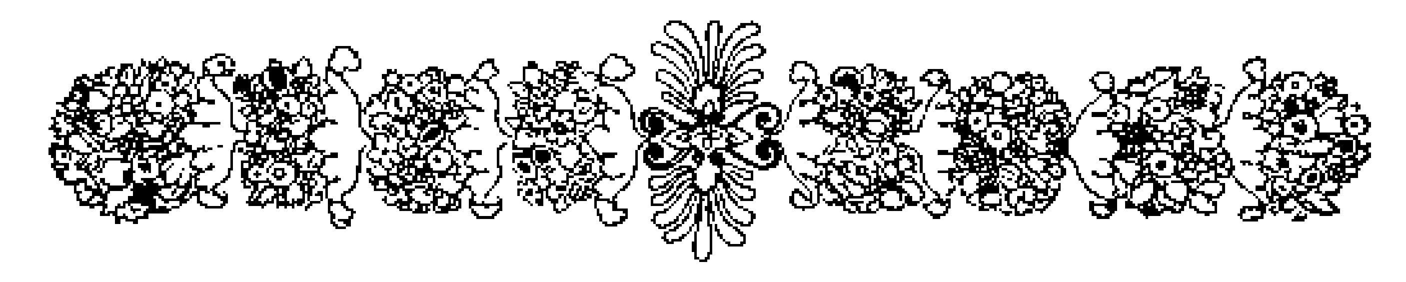
[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 757.

Там, где это представлялось возможным, феодалы возмещали свои убытки усилением наступления на крестьян, повышением денежной ренты, переходом от денежного оброка к натуральным повинностям или же сгоном крестьян с земли. От «революции цен» пострадали также беднейшие крестьяне, вынужденные частично жить продажей рабочей силы, и сельскохозяйственные наёмные рабочие. Маркс по поводу «революции цен» пишет: «Следствием увеличения средств обмена было, с одной стороны, обесценение заработной платы и земельной ренты, а с другой — рост промышленных прибылей. Иными словами: в той мере, в какой пришли в упадок класс земельных собственников и класс трудящихся, феодальные сеньоры и народ, в такой же мере возвысился класс капиталистов, буржуазия» [1]. Таким образом, «революция цен» также была одним из факторов, способствовавших развитию капитализма в Западной Европе.

В результате великих географических открытий возросли связи Европы со странами Африки, Южной и Восточной Азии и впервые были установлены сношения с Америкой. Торговля приобрела мировой характер. Центр экономической жизни переместился из Средиземного моря на Атлантический океан, пришли в упадок страны Южной Европы, в первую очередь итальянские города, через которые прежде осуществлялись связи Европы с Востоком, возвысились новые центры торговли: Лиссабон — в Португалии, Севилья — в Испании, Антверпен — в Нидерландах. Антверпен стал самым богатым городом Европы, в нём в широких размерах велась торговля колониальными товарами, особенно пряностями, осуществлялись крупные международные торговые и кредитные операции, чему способствовало то обстоятельство, что в отличие от других городов в Антверпене была установлена полная свобода торговых и кредитных сделок. В 1531 г. в Антверпене для осуществления торговых и финансовых операций было построено особое здание — биржа с характерной надписью на фронтоне: «Для нужд купцов всех наций и языков». Заключая торговую сделку на бирже, покупатель осматривал только образцы товаров. Заёмные обязательства — векселя котировались на бирже как ценные бумаги; появился новый вид наживы — биржевая спекуляция.

[1] *К. Маркс,* Нищета философии, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 4, стр. 154.

ГЛАВА V
ИТАЛИЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

К началу XVI в. Италия продолжала оставаться политически раздробленной страной. Те внутренние причины, в результате которых в Европе складывались в период с XI по XV в. крупные централизованные монархии, действовали в Италии, как и в Германии, в гораздо меньшей степени, чем во многих других европейских странах; ранний расцвет итальянских городов главным образом обусловливался их активным участием в транзитной торговле, вследствие чего, выступая как соперники во внешней торговле, они мало были заинтересованы в политическом единстве страны.

К концу XV в. в Италии всё же выделилось из хаоса мелких тираний и городских республик пять более или менее крупных государств: Милан, где утвердились тираны из рода Сфорца, Венеция, где по-прежнему властвовала торговая олигархия, Флоренция, находившаяся под властью Медичи, Папская область и Неаполитанское королевство. Милан, Венеция и Флоренция выросли не только за счёт прилегающих сельских территорий, но и за счёт соседних более мелких и слабых городов. Весьма энергичную агрессивную политику проводило папство, не останавливавшееся при расширении своих владений перед обманом, предательством и преступлением. В Южной Италии — Неаполитанском королевстве — правила иноземная Арагонская династия, что вело к зависимости Южной Италии от Испании.

Экономический упадок Италии

Италия, в которой элементы капиталистического производства появились уже в XIV в. — раньше, чем в какой-либо другой стране Европы, — переживала с конца XV в. явный упадок промышленности и торговли. Упадок в сфере промышленности объяснялся следующими причинами. В Италии не сложился единый внутренний рынок Экономические связи внутри страны были весьма слабыми. Тираны и правительства каждой

из республик воздвигали таможенные барьеры на границах своих государств, а иногда и полностью запрещали ввоз некоторых товаров, главным образом сукон. Более того, в интересах предпринимателей главного господствующего города данной синьории (тирании) или республики они препятствовали свободному развитию промышленности в остальных городах и на сельской территории и усиленно эксплуатировали их хозяйственные ресурсы.

Зачатки капиталистического производства, существовавшие в отдельных наиболее развитых городах Италии в XIV—XV вв., были лишены национальной основы для своего дальнейшего развития. Их зарождение не привело к коренному преобразованию всей экономики страны, так как оно происходило только в некоторых городах и почти не затрагивало деревни (за исключением окрестностей этих городов). Рынком промышленных городов Италии, особенно Флоренции, в которой прежде всего возникли элементы капиталистического производства, служили главным образом другие страны Европы, а также страны Средиземноморского бассейна. Но в XVI в. в Англии, Франции и некоторых других странах Западной Европы началось развитие собственной капиталистической мануфактуры, которая покоилась на более широкой базе.

Флоренция.
Фрагмент гравюры на дереве. Около 1500 г.

Правда, Флоренция, Милан, Комо, Падуя и Венеция ещё производили в начале XVI в. сукна, экспортировавшиеся в небольшом количестве в другие области Италии и даже в некоторые европейские страны, но упадок производства сказался не только в уменьшении его объёма, а и в ухудшении качества сукон. Английские сукна начали вытеснять флорентийские не только на международных рынках, но и в самой Италии. Итальянским купцам и предпринимателям часто запрещалось посещать Англию и Францию.

Суконная промышленность — главная отрасль производства Италии — лишилась не только рынков сбыта, но и привозного сырья — английской шерсти, большая часть которой отныне перерабатывалась в самой Англии. Резко сократился подвоз красящих веществ из стран Востока.

Всё это привело к свёртыванию суконной промышленности. Если в 30-х годах XIV в. в мастерских Флоренции выделывалось ежегодно 70—80 тыс. кусков сукна, то в 1527 г. было изготовлено только около 20 тыс. кусков, а в дальнейшем выпуск продукции, после некоторого подъёма промышленности в 50—70-х годах XVI в., ещё более уменьшился. В Милане за период с 1580 по 1616 г. производство сукна сократилось в 5 раз. Свёртывались и другие отрасли промышленности. Быстрый рост производства шёлка во Франции привёл к сокращению экспорта итальянских шёлковых изделий, хотя в отдельных городах — Генуе, Болонье, Венеции, Милане и, прежде всего во Флоренции—производство шёлка переживало в XVI в. кратковременный подъём. Изготовление оружия, центром которого был Милан, страдало от соперничества

испанских и немецких оружейных мастеров. Кораблестроение, которым славилась Италия, начало развиваться в Нидерландах, Испании, Португалии, Англии и в других европейских странах Производство хлопчатобумажных тканей, ранее процветавшее в Ломбардии и Пьемонте (в особенности в Кремоне и Кьери), нашло с XV в опасного конкурента в южногерманской промышленности. Пьемонт превратился в аграрную область. В Южной Италии крупным городом был в XVI в. Неаполь, но и в нём промышленность была мало развита, а торговля и денежное хозяйство находились в руках тосканских, венецианских, генуэзских и южно-германских купцов и банкиров. Южная Италия и особенно Сицилия были житницей больших центров Северной Италии. Лишь немногие итальянские товары, такие, как шёлковые ткани, венецианские ювелирные и стеклянные изделия, по-прежнему пользовались спросом на европейском рынке.

Таким образом, в Италии продолжали развиваться в XVI в, лишь те отрасли промышленности, в которых изготовлялись предметы роскоши: парча, Дамаск и другие шёлковые ткани, художественные изделия из дерева, бронзы, стекла, драгоценных металлов и камней. Однако это производство было рассчитано на узкий круг потребителей как в самой Италии, где тираны строили роскошные дворцы и устраивали пышные празднества, так и в других европейских странах: поэтому его рост не мог иметь важного значения для экономики Италии. Это понимали и современники. Так, венецианский посол в донесениях, отправленных своему правительству в середине XVI в. из Германии и Нидерландов, настоятельно советовал принять меры к развитию производства дешёвых шёлковых, а также льняных и хлопчатобумажных тканей. Но его совет был невыполним.

В предшествующий период расцвет экономики Италии базировался в огромной степени на посреднической торговле, благодаря которой возвысились такие важные городские центры, как Венеция и Генуя. Первые признаки экономического упадка Италии появились во второй половине XV в. именно в сфере её торгового могущества. Захватив Константинополь, турки закрыли итальянским купцам доступ в Чёрное море. В турецких владениях эти купцы получали лишь ограниченное право торговли при условии уплаты больших поборов. Вскоре связь с отдалёнными рынками Индии и Китая северным путём — через Тану (город в устье Дона, близ современного Азова) и Астрахань почти полностью прекратилась. Тем большое значение приобрёл южный путь, пролегавший через Египет, но египетские султаны захватили торговлю восточными товарами по этому пути в свои руки и продавали их венецианским купцам по очень высоким ценам Открытие Америки и морского пути в Индию в самом конце XV в. и начавшееся перемещение главных торговых путей из Средиземного моря на океаны окончательно подорвали монопольное положение итальянских городов, прежде всего Венеции, в торговле с Востоком. В Италии «...вся торговля с Востоком погибла вследствие монгольских и турецких нашествий, а грандиозные географическо-торговые открытия с 1492 г. лишь ускорили и затем довершили эту гибель» [1]. — пишет Энгельс

Итальянское купечество, основной статьёй доходов которого являлась торговля с Левантом, вполне правильно оценило, какие последствия будет иметь для него открытие новых путей и стран. Венецианский купец и банкир Джироламо Приули сообщает в дневнике, что весть о благополучном возвращении Васко да Гамы из своего путешествия в Индию вокруг Африки была воспринята в Венеции как известие о близящейся катастрофе. «Когда, — пишет он, — в Венецию пришло это известие, оно вызвало большую досаду во всём городе... И сенаторы признали, что эта весть — худшее, что венецианская республика когда-либо могла испытать, кроме потери самой свободы».

[1] *Ф. Энгельс,* Дополнения к третьему тому «Капитала», *К. Маркс,* Капитал, т. III, Госполитиздат, 1955, стр. 916.

В 1587 г. венецианские галеры в последний раз прибыли с грузом восточных товаров в английский порт. В свою очередь восточные страны взамен шерстяных тканей, привозившихся ранее венецианскими купцами, стали потреблять английские и фламандские сукна Венеция сохранила торговые связи главным образом с Южной Германией (причём эту торговлю вели преимущественно немецкие торговые дома), с побережьем Адриатического и Эгейского морей и Критом.

Столь же значительным, как упадок промышленности и торговли, был упадок банковского дела, вызванный развитием денежного хозяйства в других странах Европы. Флорентийские банкиры постепенно утратили своё былое влияние при дворах европейских государей: к середине XVI в. они были вытеснены из Англии и Нидерландов, позднее — к середине XVII в. — и из Франции. Только генуэзские банкиры продолжали в XVI в. заниматься ссудными операциями больших масштабов, предоставляя займы испанскому королю и развивая активную деятельность на биржах Европы от Лиссабона до Антверпена.

Специфические черты экономического и политического развития Италии, превратившие её в конгломерат разобщённых, враждебных друг другу государств, истощающих свои силы в войнах и ожесточённом соперничестве из-за внешних рынков, помешали Италии приспособиться к изменившимся условиям.

Феодальная реакция

Экономический упадок, усугублённый политической немощью раздробленной Италии, повлёк за собой важные изменения в социальном строе многочисленных итальянских государств. Терявшие один рынок сырья и сбыта за другим итальянские крупные купцы и предприниматели начали отходить от торгово-промышленной деятельности и искать других, более прибыльных способов вложения денег. Одним из таких способов являлось помещение капитала в различные финансово-ростовщические операции, главным образом предоставление денежных ссуд землевладельцам. Другим способом, получившим несравненно более важное значение, была скупка представителями буржуазии земель вместе с дворянскими титулами. Эта скупка, начавшаяся уже в предшествующий период, приобретает в XVI в. всё более широкие размеры: многочисленные предприниматели, купцы и банкиры, в том числе тираны Флоренции Медичи, превращаются в землевладельцев, сдающих мелкие участки земли в аренду крестьянам на полуфеодальных началах; земельная рента становится основным источником их дохода.

Таким образом, произошло социальное перерождение богатых горожан: они превратились в земельную аристократию, ведущую паразитическое существование на ренту со своих земельных владений. Новые графы и маркизы сближаются со старой феодальной знатью. Возрождаются феодальные нравы и традиции — система майората, вассальные отношения и пр. Сохранилась лишь часть средней и мелкой буржуазии, связанной теперь с местным рынком.

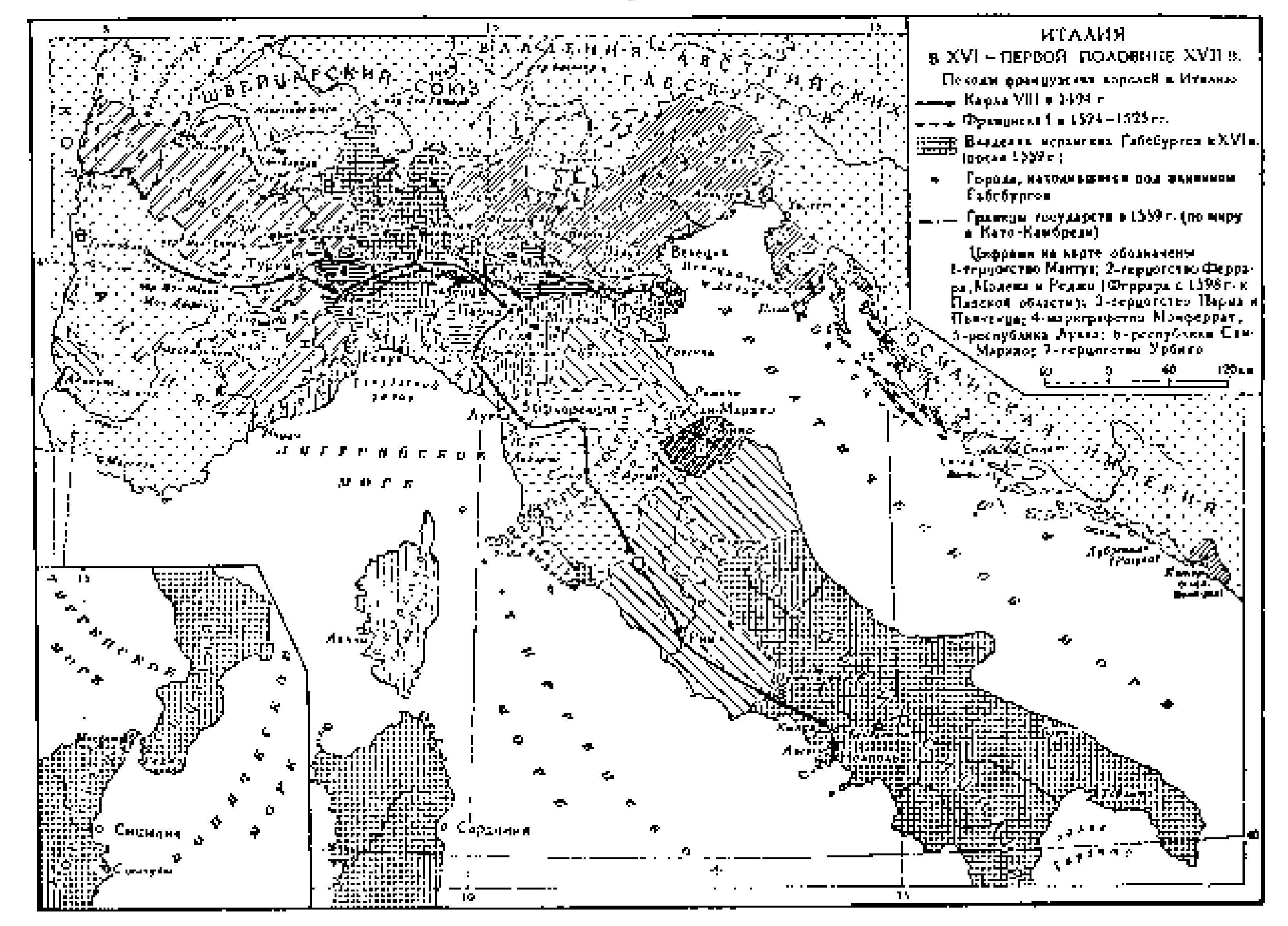
Вследствие социального перерождения буржуазии классовой опорой итальянской тирании являлось в этот период как старое дворянство, так и то дворянство, ряды которого пополнялись выходцами из феодализирующейся буржуазии.

Всё это не могло не отразиться на положении трудящихся масс города и деревни. Значение этих изменений определил Маркс: «После того как революция мирового рынка с конца XV столетия уничтожила торговое преобладание Северной Италии, началось движение в обратном направлении Рабочие массами вытеснялись из городов в деревню и там положили начало неслыханному расцвету мелкой земледельческой культуры, организованной по типу садоводства» [1].

Итак, в Северной и Средней Италии по мере закрытия предприятий большое количество рабочих, ранее занятых в промышленности, было вынуждено оставить город

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 721, прим. 189.

Италия в XVI —первой половине XVII в.

и возвратиться в деревню. Повышение спроса на землю, безземелие крестьянства давали крупным землевладельцам возможность дробить землю на мелкие участки и сдавать их в аренду крестьянам на обременительных условиях. Основным видом аренды стала испольщина, или половничество (mezzadria), получившая широкое распространение в Тоскане ещё в XIV—XV вв.

Согласно условиям арендного договора половник был обязан принимать на себя все хозяйственные затраты. Он должен был вносить улучшения в хозяйство: внедрять новые культуры — насаждать виноградники, фруктовые и тутовые деревья, разводить рис и т. п. Собственник земли имел право контролировать ведение хозяйства арендатором и даже вмешиваться в его хозяйство, предписывая ему, например, какие сельскохозяйственные культуры он должен разводить. Являясь юридически свободными людьми, имевшими право на расторжение арендного договора, испольщики фактически закабалялись. Они получали у владельца земли ссуду в виде семян, скота, сельскохозяйственных орудий или в виде денег на их приобретение. Но, отдавая половину урожая землевладельцу и платя обременительные государственные налоги, половники часто не имели возможности возвратить полученную ссуду и выполнить свои обязательства, в частности внести улучшения в хозяйство. Вдобавок вся тяжесть систематического мародёрства войск во время войн первой половины XVI в. падала не на земельных собственников, а на крестьян-арендаторов, что также вызывало рост их задолженности, а ростовщический процент ещё более разорял крестьянское хозяйство. Таким образом, происходило фактическое прикрепление к земле номинально свободных крестьян, за бегство им грозило тюремное заключение. Аренда на определённый срок (29, 40 лет и т. д.) или на срок жизни арендатора превратилась в большинстве случаев в наследственную; половники из поколения в поколение сидели на одних и тех же участках, подвергаясь интенсивной эксплуатации. В XVI в. к уплате половины урожая прибавились новые повинности феодального типа: приношения продуктами в качестве признания своей «верности» и отработочные повинности (починка дорог, посадка деревьев и виноградных лоз на земле господина, за пределами арендуемого участка). Усиление феодальных черт испольщины в XVI в. сказалось и в том, что в некоторых областях Италии, прежде всего в Тоскане, личная свобода испольщиков была ограничена: они и члены их семей не могли без согласия господина работать на стороне, испольщики даже не имели права вступать в брак без его разрешения. Следовательно, положение крестьян этого периода характеризуется элементами не только поземельной, но и личной зависимости.

Положение крестьян ещё более ухудшало то обстоятельство, что земли крупных собственников часто арендовали лица, в свою очередь сдававшие их мелкими участками крестьянам в субаренду и заинтересованные в получении своей доли ренты.

Некоторая часть рабочих, вынужденных вернуться из города в деревню, превращалась не в арендаторов, а в сельских наёмных рабочих, работавших за плату. В то время как испольщик был собственником части орудий производства, сельский наёмный рабочий был полностью лишён какой-либо собственности и не имел даже своей хижины.

Полуфеодальные формы аренды стабилизировались и сохранились в Северной и Средней Италии и в дальнейшем, на протяжении веков; их консервация в свою очередь послужила одной из причин дальнейшего упадка городской промышленности.

В Южной Италии и Сицилии продолжали господствовать традиционные феодальные отношения. Крестьяне несли барщину и платили всевозможные обременительные поборы, размер которых зачастую определялся произволом сеньора. В число поборов входили платежи за выпечку хлеба в печи господина, помол зерна на его мельнице и пользование его прессом для выжимания винограда и олив.

Судебная власть над феодально-зависимыми крестьянами по-прежнему находилась в руках всемогущих баронов, обладавших широкими иммунитетными правами. Феодалы часто ограничивали личную свободу крестьян, вмешиваясь в заключение браков, запрещая крестьянам везти на рынок зерно, оливковое масло, вино и другие продукты и скупая у них эти продукты по принудительно низким ценам. Нередко бароны забирали у крестьян общинные угодья или же часть их пахотных наделов, превращая пашню в пастбище и организуя крупное скотоводческое хозяйство. В XVI в часть земель в Южной Италии попала в руки новых владельцев, выходцев из Испании или Северной Италии Феодальные отношения сохранились также в Пьемонте и в северо-восточном районе Италии — Фриуле.

Начало итальянских войн

Политическая раздробленность делала Италию лёгкой и соблазнительной добычей соседних государств — Франции и Испании, — каждое из которых закончило своё объединение в конце XV в. и превратилось в сильную централизованную монархию. Постоянно враждовавшие между собой итальянские государства сами дали повод к иностранным вторжениям — так называемым итальянским войнам, которые опустошали территорию страны в течение 65 лет — с 1494 по 1559 г. Миланский герцог Лодовико Моро обратился к Карлу VIII французскому с просьбой о помощи против неаполитанского короля Фердинанда I. Часть мелких государей Италии оказала поддержку французскому королю. В сентябре 1494 г. Карл двинулся в Италию с войском, состоявшим из французов и швейцарских наёмников, которые на своём пути грабили население и чинили насилия. Почти не встречая сопротивления, он прошёл через всю Италию и утвердился в Неаполитанском королевстве.

Савонарола

В год французского нашествия во Флоренции вспыхнуло народное восстание против тирании Пьеро Медичи, под лозунгом «Народ и свобода!» Пьеро Медичи был изгнан, дома его фискальных агентов сожжены. В восстановленной республике огромное влияние на широкие слои населения приобрёл доминиканский монах Джироламо Савонарола. Он был связан со средними слоями горожан, но в своей борьбе с тиранией и папством опирался на самые широкие слои народа. По его предложению были созданы новые органы государственного управления: Большой совет — высший орган власти. Совет восьмидесяти и др. Все важные решения принимались на общем собрании полноправных граждан.

В своих страстных проповедях Савонарола обличал развратное духовенство и папу — Александра VI Борджа, известного своими злодеяниями и распутством, резко клеймил роскошь и тунеядство аристократии. «Богачи, — говорил он, — присваивают себе заработную плату: простого народа и дают, когда им это удаётся, вместо денег свои изношенные туфли»; «тираны и их должностные лица претендуют на то, чтобы бедняки в городе и крестьяне работали на них даром, а между тем не оказывают им должной защиты».

Савонарола стал полновластным правителем Флоренции. Он утверждал, что через него Флоренцией правит Христос. Савонарола не выдвигал программы коренных социальных преобразований и не затрагивал в своих проектах экономической основы могущества аристократии. Однако по его настоянию был проведён ряд демократических реформ: введён налог на доходы от недвижимого имущества, который взимался по прогрессивной шкале, ростовщики изгнаны из Флоренции и устроена ссудная касса, выдававшая нуждающимся мелкие ссуды за незначительный процент, несостоятельные должники освобождены от долгов. Обрушиваясь на богачей, Савонарола тем не менее не ставил вопроса о лишении их земельной собственности и денежных богатств. Но поскольку прогрессивный налог падал главным образом на старых и новых крупных землевладельцев, эта мера была популярна в кругах горожан среднего достатка. Подмастерья и наёмные рабочие по-прежнему были отстранены от управления, так как политическими правами обладали только члены цехов. Сохранились все косвенные налоги.

Савонарола ожидал, что его замыслы реформы церкви будут проведены в жизнь Карлом VIII, которого он изображал в своих проповедях орудием бога, призванного очистить мир от скверны

Стремление Савонаролы к «очищению нравов» во Флоренции принимало порой уродливые формы. В городе, на площади Синьории, пылали костры, на которых сжигались «соблазны мирской суеты» — предметы роскоши, богатые одежды и драгоценности, «безнравственные» книги (в том числе такие крупнейшие произведения литературы, как книги Боккаччо), картины и другие предметы искусства. Светская музыка, песни, развлечения были запрещены и заменены церковными процессиями, пением и танцами. Частная жизнь оказалась под суровым надзором; лица, не подчинявшиеся установленному регламенту, подлежали тяжкой каре

Савонарола.
Портрет работы Фра Бартоломео.

Сторонники папы, Медичи и утратившая власть флорентийская аристократия вели ожесточённую борьбу против Савонаролы в самом городе. В 1497 г. папа Александр VI отлучил его от церкви, но Савонарола отказался подчиниться папе, заявив, что папская власть низвергает церковь, а, следовательно, является властью сатаны. Однако в своей борьбе против папы и духовенства Савонарола и в этот период открытого разрыва с Римом ограничивался требованием созыва церковного собора, который низложил бы папу, и проектом некоторых церковных реформ; порывать с католицизмом он не собирался.

В городе царили голод и безработица, так как закрылось много предприятий и работавшие в них были выброшены на улицу; кроме того, во Флоренцию прибывали массы крестьян, искавших убежища во время непрерывных военных действий. Налоговое бремя оставалось тяжёлым, ссудная касса не облегчила положения бедноты. Популярность Савонаролы среди народных масс уменьшалась. Окончательно подорвало его авторитет то обстоятельство, что французы, восстановившие грабежами против себя население, были вынуждены поспешно покинуть Италию. Савонарола был схвачен в 1498 г. приверженцами папы и Медичи, осуждён как еретик и казнён.

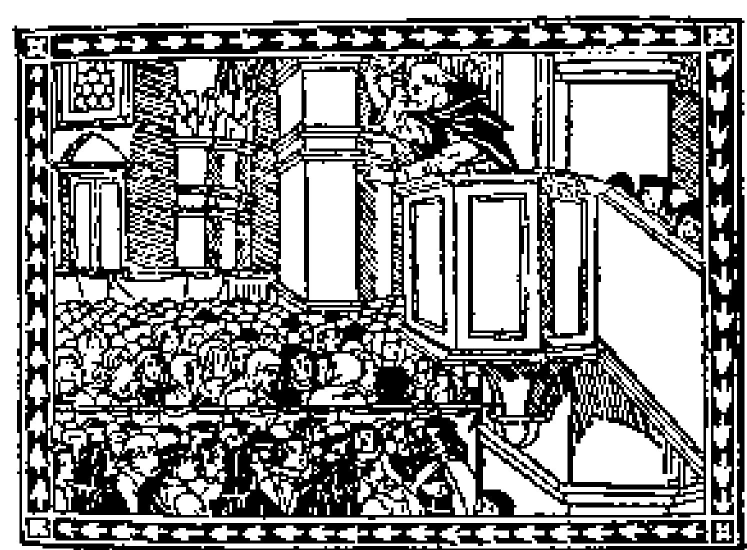
Причина падения Савонаролы заключалась главным образом в социальной неоднородности и неустойчивости тех слоёв населения Флоренции, которые были против-

никами единоличного правления Медичи. Наряду с плебейской беднотой среди них было немало колеблющихся элементов, принадлежавших к средним слоям торговцев и ремесленников, которые в обстановке экономического упадка стремились спасти своё обеспеченное положение. Эти элементы были противниками каких бы то ни было мер, направленных против собственности; именно их интересам отвечали умеренные реформы, проведённые Савонаролой. Что же касается плебейской оппозиции, то она не была способна вследствие своей классовой незрелости выдвинуть такую программу социальных преобразований, которая послужила бы основой для организованной борьбы народных масс. Разочаровавшись в Савонароле, народные массы не смогли выступить самостоятельно.

Непрочностью социальной опоры Савонаролы объясняется и то обстоятельство, что он возлагал свои надежды на внешнюю силу — на французов. В 1512 г. во Флоренцию с помощью Испании вернулись Медичи.

Дальнейший ход и окончание итальянских войн

Несмотря на неудачу Карла VIII, последующие французские короли продолжали захватнические походы в Италию. Попытка Людовика XII захватить Неаполитанское королевство была безуспешной. Французская экспансия натолкнулась в Италии на испанскую. Разгорелась борьба между Людовиком XII и испанским королём Фердинандом Арагонским, которому к 1504 г. удалось вытеснить французов из Южной Италии. Людовик XII сумел на время овладеть (с 1499 г.) Миланским герцогством. Борьба между Францией и Испанией, в которую вмешались также Англия и Швейцария, определяла судьбу беззащитной Италии. Папа, стремясь усилить своё собственное влияние в Италии и захватить новые территории, лавировал между воюющими сторонами, сближаясь то с Францией, то с Испанией.

Проповедь Савонаролы.
Гравюра на дереве 1496 г.

В 1512 г. испанцы полностью изгнали французов из Италии, но при Франциске I борьба возобновилась. Теперь французы претендовали на захват лишь Северной Италии. Вступивший в 1516 г. на испанский престол первый представитель династии Габсбургов Карл I (вскоре — в 1519 г. — ставший и германским императором под именем Карла V) унаследовал права на Южную Италию и вмешался в борьбу за Италию Войны шли с переменным успехом, пока Франциск не потерпел полного поражения в битве с войсками Карла V при Павии (1525 г.).

В 1526 г. папа Климент VII, Флоренция, Милан и Венеция сблизились с Франциском I, так как наибольшую опасность в тот момент представлял для них усилившийся Карл V. Образование антииспанской лиги с участием папы послужило причиной захвата войсками Карла в мае 1527 г. Рима. В течение многих дней город находился в полной власти немецких ландскнехтов и испанских солдат Карла. Общественные здания и дома частных лиц подвергались разгрому и ограблению. Разыскивая деньги и драгоценности, солдаты пытали жителей. Несколько тысяч человек было убито, часть города полностью разрушена.

По миру в Камбре в 1529 г. французам пришлось отказаться от своих притязаний на Италию, но позднее они предприняли новые, столь же неудачные попытки

изгнать Габсбургов из Италии. Итальянские войны закончились в 1559 г. миром в Като-Камбрези, по которому большая часть Италии была включена в империю Габсбургов.

Борьба народных масс против чужеземных захватчиков

В годы, когда Италия была ареной борьбы между иностранными захватчиками, в стране получили очень широкое распространение оппозиционные и революционные выступления народных масс против ненавистного им тиранического режима и против вторгшихся в Италию хищных феодалов Испании и Франции и банд наёмников, довершавших своими систематическими грабежами разорение страны. В движении принимали участие и те сохранившиеся элементы буржуазии, которые были оттеснены от власти и лишались в обстановке прогрессирующего экономического упадка возможности заниматься промышленной и торговой деятельностью.

Среди народных масс Северной и Центральной Италии были широко распространены еретические (вальденство, анабаптизм) и реформационные учения, идеи которых становились лозунгами оппозиционных движений и восстаний. Оппозиционно настроенная часть зажиточных горожан пыталась, используя недовольство народных масс, восстановить республиканские учреждения и старые коммунальные свободы.

В 1506 г. вспыхнуло народное восстание против иноземных захватчиков в Генуе. Французы и поддерживавшие их представители городского патрициата были изгнаны из Генуи. С целью концентрации всей власти в одних руках в обстановке напряжённой борьбы восставшие избрали в 1507 г. дожем красильщика шёлка Паоло да Нови. На помощь генуэзцам пришли крестьяне. Людовик XII сам возглавил поход против Генуи. Город был осаждён французскими армией и флотом, а также войсками изгнанных представителей знати. После неравной борьбы 28 апреля 1507 г. Генуя сдалась. Власть французов в Генуе была восстановлена, на город наложена контрибуция.

В 1512 г. против французов поднялись Брешиа и Бергамо. Восстания были подавлены с исключительной жестокостью. В 1516 г. народные массы Палермо выступили с оружием в руках против испанского вице-короля и разрушили дворцы знати, а в 1517 г. вспыхнувшее с ещё большей силой восстание охватило значительную часть Сицилии. Прибывшие из Неаполя войска расправились с восставшими.

Известие о разграблении Рима в 1527 г. послужило толчком к вспыхнувшему 16 мая новому восстанию во Флоренции, направленному против Медичи, объявленных изменниками, и против чужеземных завоевателей. Республика была восстановлена. В городе кипела ожесточённая борьба между различными социальными группировками, стремившимися захватить власть в свои руки. Борьба закончилась победой радикально настроенных мелких ремесленников и торговцев, к ним примкнули низы городского населения и на первых порах часть буржуазии. В начале 1529 г. гонфалоньером республики был избран Франческо Кардуччи. Восставшие отказались вступать в какие-либо переговоры с папой Климентом VII (Джулиано Медичи), стремившимся восстановить тиранию. Климент VII сам направил против Флоренции только что разграбившие Рим испанско-имперские войска, присоединив к ним свой собственный отряд. Против 40 тыс. испанских и папских солдат республика могла выставить всего лишь 13 тыс. профессиональных воинов. Оборону Флоренции возглавили приверженцы республиканского строя, непримиримые враги тирании Медичи и папства — Франческо Кардуччи и Франческо Ферруччи. На Ферруччи, который благодаря своему мужеству и выдающемуся военному таланту приобрёл огромное влияние на флорентийцев, была возложена обязанность сражаться с врагом вне стен осаждённого города, освобождать захваченную неприятелем флорентийскую территорию и снабжать Флоренцию продовольствием.

Одиннадцать месяцев продолжалась осада Флоренции. Плебейские массы, ремесленники, крестьяне, которые пришли сюда из окрестных деревень, героически обороняли город. В этой обороне участвовал и гениальный скульптор Микельанджело,

Скованный раб.
Микельанджело. Мрамор.

ведавший строительством фортификационных сооружений. Правительство получило средства на содержание войск, продав конфискованное им имущество изменников и находившуюся во Флоренции папскую тиару; у богачей и духовенства были сделаны принудительные займы. Буржуазия, напуганная радикальной политикой правительства, начала отходить от движения. В августе 1530 г. Ферруччи был убит, а его отряд разгромлён имперскими войсками. 12 августа, несмотря на героизм защищавших город народных масс, изнурённая голодом Флоренция пала. В ней окончательно утвердились с помощью Испании Медичи, распространившие своё господство почти на всю Тоскану и получившие титул герцогов.

В 1532 г. в старинном центре шёлковой промышленности — Лукке разразилось крупное восстание плебейских масс города — так называемое восстание страччони (straccioni — мотальщики шёлка). В этот период в Лукке в связи с резким сокращением производства шёлка значительно ухудшилось положение ткачей, и они начали борьбу со скупщиками шёлковых тканей. Конфликт быстро перерос в вооружённое выступление народных масс, на некоторое время фактически овладевших городом. Когда миновал период растерянности патрициата, его представители собрали войско и 9—10 апреля 1532 г. одержали победу над народным ополчением, организованным восставшими. Последовали жестокие репрессии, многие участники восстания были казнены. У власти в республике прочно утвердился патрициат.

Широкий заговор с целью освобождения тосканских городов — Флоренции, Пизы, Сиены, Ареццо из-под власти Медичи и восстановления в них независимых республик был организован в 1546 г. в Лукке. Во главе заговора встал Франческо Бурламакки, один из начальников городского ополчения. Он лелеял план объединения тосканских городов в федерацию, освобождения городов Папской области, которые должны были присоединиться к этому союзу, и ограничения светской власти папы. Бурламакки связывал, таким образом, со своим планом идею объединения Северной и Средней Италии, где он хотел установить гражданскую и религиозную свободу. Заговор был выдан герцогу Козимо Медичи, который обратился к императору Карлу V. Бурламакки был схвачен и казнён.

Антифеодальные народные движения

Крупное крестьянское восстание, непосредственно связанное с Крестьянской войной в Германии, вспыхнуло в мае 1525 г. в южном Тироле — районе Тренто, Мерано и Брессаноне (современная область Трентино-Альто-Адидже), тогда входившем во владения Габсбургов.

Крестьянские отряды разрушили ряд замков и временно заняли даже Тренто, но бюргерство вскоре предало крестьян и помогло прибывшим тирольским и миланским войскам осенью 1525 г. подавить восстание.

Чрезвычайно бедственное положение народных масс Южной Италии и Сицилии, где испанское господство являлось оплотом феодализма, было причиной непрекращавшихся выступлений крестьянства и плебейства городов. Особой формой борьбы был уход крестьян в горы. Они организовывали отряды, которые мстили своим поработителям: жгли усадьбы феодалов, подстерегали на дорогах богатых и чинили над ними расправу, помогая в то же время беднякам. Эти отряды наводили ужас на богачей, называвших их действия «разбоем» (brigandaggio), но были весьма популярны среди трудящихся масс деревни и города, хорошо видевших разницу между крестьянскими партизанскими отрядами и действительно разбойничьими шайками, возглавлявшимися нередко представителями знати. Все мероприятия испанского правительства, направленные против партизанского движения крестьян, именуемого «бандитизмом», оказывались безуспешными.

Временами классовая борьба народных масс принимала форму вооружённых восстаний. Так, в 1510 г., когда Южной Италии угрожало введение испанской инквизиции, в Неаполе начались волнения. В 1547 г. новая попытка учредить инквизиционный трибунал вызвала народное восстание в Неаполе, жестоко подавленное испанскими властями. Испании пришлось отказаться от организации в Южной Италии инквизиции.

Политическая карта Италии после мира в Като-Камбрези

Согласно условиям мирного договора 1559 г. в Като-Камбрези у Франции осталась в Италии лишь одна небольшая область — маркграфство Салуццо. За Испанией были признаны Миланское герцогство (включавшее всю Ломбардию), Неаполитанское королевство (которое с 1504 г. было объединено с Сицилией и называлось также Королевством обеих Сицилий) и Сардиния. Таким образом, большая часть Италии превратилась во владения Испании, окончательно закреплённые за последней по этому миру. Некоторые мелкие итальянские государства, поддерживавшие во время войн Испанию, получили территориальные приращения за счёт соседей: герцогу Савойскому была возвращена большая часть Пьемонта, герцог Мантуи получил маркграфство Монферрат.

Испания, преследовавшая в Италии захватнические и грабительские цели, не могла, да и не желала содействовать превращению Италии в единое государство. В Италии продолжало существовать множество государств, в своём большинстве находившихся в вассальной зависимости от Испании. Итальянские войны углубили упадок экономики страны, поскольку они сопровождались массовым разрушением производительных сил. Они положили начало её порабощению иноземными завоевателями.

Макиавелли. Гвиччардини

Гибельные последствия для Италии её раздробленности были столь очевидны, что отдельные наиболее передовые представители буржуазии уже в XVI в. выступали с требованием объединения страны. Первое место среди них занимает знаменитый политический мыслитель и историк Никколо Макиавелли (1469—1527). Он происходил из обедневшей дворянской семьи. В период временного восстановления во Флоренции республики Макиавелли был секретарём Совета десяти, ведавшего военными и иностранными делами (с 1498 по 1512 г.), и выполнял ряд важных дипломатических поручений. После возвращения Медичи его отстранили от этой должности. Вскоре был раскрыт заговор против Медичи; Макиавелли был заподозрен в участии в этом заговоре и после пытки осуждён на изгнание. Он провёл долгие годы в своём имении, где и написал наиболее важные сочинения: «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия», «Государь» и др.

Макиавелли, обладавший большим опытом политического деятеля, видел, что только создание единого централизованного государства сможет предотвратить в дальнейшем междоусобную борьбу городов и положить конец разорению страны вторгшимися в её пределы войсками других государств. Одну из основных причин бедствий Италии Макиавелли усматривал в политике пап, которые неизменно обращались, преследуя своекорыстные цели, к враждебным Италии силам. «Вот что держало и держит Италию в состоянии разъединения и слабости», — заключает он.

Считая наилучшей формой государственного устройства республику, Макиавелли тем не менее постепенно приходит к убеждению, что в данных, столь тяжёлых для Италии условиях единственным средством уничтожения её раздробленности является установление сильной, неограниченной власти государя. В его распоряжении должна находиться постоянная армия, организованная на основе всеобщей воинской повинности, так как в наёмных войсках кондотьеров правитель встречает в военное время гибель вместо помощи, а в мирное время они занимаются грабежами. Только такой государь будет в состоянии, по мнению Макиавелли, привести к повиновению подданных и успешно отразить нападения внешних врагов. Ставя в опрос, какими путями и способами новый правитель сможет упрочить свою власть, Макиавелли описывает в качестве образца для подражания методы современных ему итальянских тиранов — насилие, хитрость, вероломство, клятвопреступление, лицемерие, ложь. Эти средства, по его убеждению, оправданы, если они помогут государю достичь поставленной цели. «Опыт нашего времени показывает, — утверждает Макиавелли, — что великие дела творили как раз государи, которые мало считались с обещаниями, умели хитростью кружить людям головы и в конце концов одолели тех, кто полагал-

ся на честность... Государю необходимо обладать духом настолько гибким, чтобы принимать направление, указываемое веяниями и превратностями судьбы, и, как я отметил выше, не уклоняться от пути добра, если это возможно, но уметь вступать и на путь зла, если это необходимо».

Политика, руководствующаяся подобного рода принципами, стала называться впоследствии макиавеллизмом. У самого Макиавелли эта политика, основы которой изложены им с откровенным цинизмом, всегда подчинялась одной цели — объединению Италии. Иного пути к достижению государственного единства в обстановке постоянной вражды между мелкими государствами Италии он не видел. Образцом такого государя ему представлялся сын папы Александра VI — Чезаре Борджа, герцог Романьи, славившийся своими преступлениями. В политическом идеале Макиавелли нашло своё отражение настроение передовых, но всё же незрелых буржуазных элементов Италии. Причину политического унижения своей страны они усматривали в её раздробленности, но вместе с тем боялись опереться на силы народных масс с целью объединения Италии. Макиавелли возражал против предоставления народу «чрезмерной власти». Таким образом, в основе политических воззрений Макиавелли лежала прогрессивная идея национального единства; однако он надеялся достичь этого единства не только без поддержки народа, но и в борьбе с ним.

Никколо Макиавелли.
Бюст работы неизвестного мастера XVI в.
Раскрашенная терракота.

Идея политического единства страны содержится и в сочинениях другого крупного историка этой эпохи — Франческо Гвиччардини (1483—1540). В своей «Истории Италии», охватывающей период с 1492 по 1534 г., Гвиччардини впервые изложил историю не отдельных государств, а всей страны, как единого целого. Гвиччардини, принимавший активное участие в сложных политических интригах итальянских государств, прекрасно разбиравшийся во всех важных событиях своего времени, дал красочное изображение этой бурной эпохи. Подобно Макиавелли, он считал необходимым применение в дипломатии характерных для итальянских тиранов методов политики — притворства, обмана и т. п. «Делайте всё, чтобы оказаться на стороне победителя», — заявлял Гвиччардини. Он сам неизменно следовал этому правилу: ненавидя папство и считая его главным виновником постигших Италию бедствий, он долгое время был папским наместником в Модене и других городах; считая лучшей формой правления республику, в которой правили бы «люди с головой и влиянием», Гвиччардини в то же время ревностно служил Медичи. Принадлежа к крупной флорентийской буржуазии в период её начавщегося феодального перерождения, Гвиччардини с ненавистью относился к народным массам. Он заявлял, что «народ... это чудовище, полное путаницы и заблуждений»; управляя народом, утверждал Гвиччардини, в случае надобности «необходимо прибегать к мерам жестоким и бессовестным». Беспринципность Гвиччардини сказалась и на его философии истории: объяснение исторических событий он искал в скрытых мотивах деятельности отдельных лиц; главным из этих мотивов он считал расчёт, жажду денег и власти и т. п.

Италия под испанским игом

Господство феодальной Испании довершило разорение страны и ещё более усилило её экономический и политический упадок. В испанских областях власть фактически находилась в руках вице-королей и организованных при них трибуналов; правда, в Сицилии и Неаполе существовали органы сословного представительства —парламенты, а в Милане — сенат, однако эти представительные учреждения никакой роли не играли. В Ломбардии городские вольности были уничтожены, в Южной Италии к середине XVII в. почти все города стали феодами баронов. В различных пунктах страны, даже за пределами испанских владений, находились испанские гарнизоны.

Испания проводила политику укрепления существовавших в Южной Италии и Сицилии феодальных порядков и содействовала усилению феодальных элементов в социальном строе Ломбардии. Пришлое испанское и сблизившееся с ним местное дворянство находилось под особым покровительством правительства, так как являлось социальной опорой испанского господства. Вице-короли насаждали новое дворянство путём усиленной раздачи и продажи дворянских титулов, феодов, придворных должностей.

Обнищание народных масс, лишившихся заработка в городах и подвергавшихся жестокой эксплуатации в деревне, довершалось непомерным бременем налогов, от которых были освобождены дворянство и духовенство. Так, за период с 1501 по 1641 г. общая сумма налоговых поступлений с Неаполитанского королевства в пользу Испании возросла с $2^1/_2$ млн. дукатов в год до 7 млн. дукатов. Откупщики налогов взимали дополнительно крупные суммы денег в свою пользу. Наличие огромного количества налогов всевозможных видов дало одному из современников повод утверждать, что в Неаполитанском королевстве нужно платить даже за право держать голову на плечах.

Наряду с изложенными выше причинами общего характера развитию производства препятствовали введённые испанцами монополии (в частности, они захватили в свои руки торговлю сицилийским зерном) и практиковавшаяся испанскими властями порча монеты. На юге Италии и в Сицилии торговая и промышленная деятельность почти полностью прекратилась: венецианский посол конца XVI в. отмечал в своём донесении, что выработка шёлковых тканей, в которой была занята большая часть жителей Неаполя, сократилась в 5 раз по сравнению с тем, что было прежде. На севере промышленность сохранилась в небольших размерах (производство шёлка, парчи и оружия в Милане, льняных тканей в Кремоне, в некоторых городах — хлопчатобумажных тканей). Многие ремесленники, торговцы и банкиры эмигрировали в другие страны Европы. Роскошь дворянства и многочисленного паразитического духовенства означала непроизводительное потребление капитала, накопленного в Италии в период её экономического расцвета.

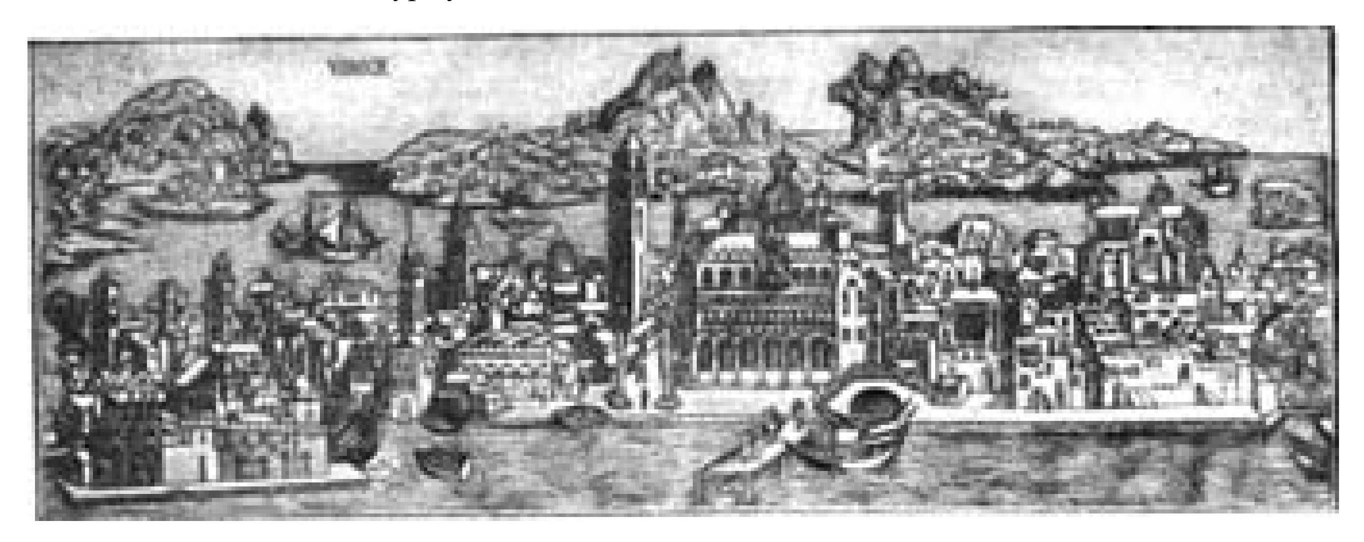
Положение, сложившееся в тех итальянских государствах, которые не были включены в состав испанских владений, но находились в орбите влияния Испании, немногим отличалось от положения Неаполитанского королевства и Миланского герцогства.

В Генуе у власти утвердилась олигархия банкиров и крупных торговцев. Генуэзские банкиры использовали зависимость республики от Испании для перехода к кредитным операциям в самой Испании, главным образом — предоставлению займов испанской короне. Серия банкротств испанского правительства в конце XVI — начале XVII в. тяжело отразилась на состоянии банковского дела республики. Генуэзские купцы активно участвовали в торговле Испании с американскими колониями. В XVI в. в Генуе сохраняла определённое значение шёлковая промышленность, продукция которой вывозилась в страны Леванта, во Францию, Англию, Германию и другие европейские страны, но в XVII в. и эта отрасль производства пришла в полный упадок.

Мелкие тирании — герцогство Феррара, Модена и Реджо, герцогство Парма и Пьяченца, а также герцогства Мантуя (с Монферратом) и Урбино всецело подчиня-

лись испанскому вице-королю, находившемуся в Милане. Их правители стремились во всём подражать испанскому двору.

Тоскана почти целиком, за исключением небольшой республики Лукки, находилась под властью Медичи. В 1569 г. Медичи получили от папы, с которым они были тесно связаны, титул великих герцогов тосканских. В Тоскане образовалось небольшое абсолютистское государство с бюрократическим аппаратом и постоянной армией. В обстановке общего застоя в экономике, консервации полуфеодальных отношений в деревне и продолжающегося перехода значительной части буржуазии в

Венеция.
Рисунок начала XVI в.

дворянство Медичи опирались в этот период уже не на буржуазию, а на дворянство. Централизация государства дала им возможность ограничить вмешательство Испании во внутренние дела Тосканы, но зависимость от Испании всё же сохранилась, оплотом её были гарнизоны испанских солдат, расположенные в разных пунктах великого герцогства. В первой половине XVII в. упадок экономики продолжался. Лишь производство шёлка во Флоренции, в отличие от Генуи, не утратило ещё в этот период своего значения.

Только Венеция и Савойское герцогство сохраняли свою самостоятельность. Венеция, попрежнему представлявшая собой аристократическую республику, переживала упадок, но всё же имела некоторое торговое и промышленное значение. Все усилия она направила на сохранение части своих континентальных владений и своих владений в восточной части Средиземного моря, которые она пыталась отстоять в войнах с Турцией. Не будучи достаточно сильной для того, чтобы защищать свои интересы в Европе при помощи оружия, Венеция выработала приёмы искусной дипломатии, ставшие образцом для дипломатии других стран. В поисках опоры против Испании она сближалась то с Францией, то с немецкими протестантскими князьями.

Савойе принадлежала основная часть Пьемонта, который занимал важное стратегическое положение, как ключ к Италии. Герцоги Савойи сблизились с Венецией и Швейцарией и умело лавировали между Испанией, Францией и Римом. В Савойе было централизовано государственное управление, ликвидированы органы сословного представительства и городские вольности, упорядочена организация суда и финансов и создана небольшая постоянная армия. Проведение ирригационных работ и расчистка лесов дали большие возможности для разведения винограда и распространения культуры тутовых деревьев. Правда, успехи в развитии промышленности, несмотря на поощрительные мероприятия савойских герцогов, были весьма незна-

чительными. Всё же Савойя была единственным государством, которое постепенно усиливалось в этот период общего упадка Италии.

Папство и католическая реакция в Италии

Являясь опорой феодального строя, папство пользовалось в XVI в. поддержкой многих европейских государств. Оно всё ещё распоряжалось весьма значительными средствами, собираемыми с католиков, но не обладало уже прежней мощью. В условиях складывания в Европе абсолютистских государств, в обстановке широкого распространения Реформации папство, несмотря на все свои усилия, было вынуждено окончательно отказаться от свойственных ему в XII—XIII вв. притязаний на установление своего господства во всём феодальном мире. Политическая роль католической церкви всё более падала, её влияние было подорвано.

Папы одновременно были мелкими государями Италии со всеми характерными чертами, присущими правителям этого типа, — склонностью к интригам, неразборчивостью в средствах, продажностью, вероломством и лицемерием. Наиболее характерными фигурами пап этого времени был Александр VI Борджа (1492— 1503), известный своими чудовищными преступлениями, и Юлий II (1503 — 1513) — типичный кондотьер на папском престоле, участвовавший в бесконечных войнах. Папы постоянно натравливали одни итальянские государства на другие с целью их захвата или подчинения своему влиянию. Эта политика папства являлась серьёзным препятствием для преодоления политической раздробленности Италии.

Итальянское оружие XVI в.
Каска, щит с эмблемой венецианского главнокомандующего Сфорца Паллавичино, налокотник перчатка, мечи и кинжал (дагетта). 1559-1585 гг.

Таким путём папам удалось несколько расширить территорию своего государства: Юлий II присоединил к нему Болонью, а в конце XVI в. была захвачена Феррара. Население Папской области было разорено очень тяжёлым налоговым гнётом и жестокой эксплуатацией, а развитие производительных сил подорвано. По степени нищеты и бесправия народных масс папское государство могло сравниться только с испанскими владениями в Италии.

В то же время папы возглавили совместно с Габсбургами с 40-х годов XVI в. общеевропейскую католическую реакцию с целью укрепления позиций церкви. Италия оказалась первой жертвой этой реакции. В 1542 г. в Италии была реорганизована инквизиция и создан инквизиционный трибунал в Риме. Во всей стране, за исключением Венеции, начали свирепствовать инквизиционные суды. Лица, заподозренные в малейшем отклонении от церковной догмы, подвергались суровым преследованиям. В 1559 г. папа Павел IV опубликовал впервые индекс (список)

запрещённых книг; чтение книг, занесённых в индекс, каралось смертной казнью, многочисленные выдающиеся произведения литературы и науки сжигались на кострах. Ни одной книги нельзя было напечатать без особого разрешения инквизиторов. Орден иезуитов, утверждённый папой в 1540 г. и ставший главным орудием католической реакции, оказывал огромное влияние на политическую и духовную жизнь страны. В Италии было основано много иезуитских школ, учреждённая в Риме коллегия превратилась в высший центр подготовки иезуитов. Реформационные движения в Италии были искоренены. Многие лютеране и кальвинисты бежали из итальянских городов, в которых начала распространяться Реформация, во Францию, в Женеву, Нидерланды, Польшу. Немало передовых мыслителей и крупнейших учёных погибло на костре, подобно Джордано Бруно в 1600 г., или сделалось узниками инквизиции, как Галилео Галилей. В Сицилии и в Сардинии была учреждена испанская инквизиция, но испанскому правительству всё же не удалось ввести её в Южной Италии и Миланском герцогстве из-за сопротивления широких слоев населения. Следствием реакции было распространение в Италии в XVII в. разнообразных суеверий, увлечение магией и алхимией. Участились ведовские процессы, происходило массовое сожжение «ведьм».

Кампанелла

В 1598 г. народное движение в Южной Италии возглавил монах, ставший позднее знаменитым социалистом-утопистом, Томмазо Кампанелла (1568—1639). Задачу предстоящего восстания он видел в свержении испанского ига и освобождении Италии. Организаторы заговора стремились привлечь к нему крестьян, сельское духовенство, партизанские отряды с гор Калабрии. Они рассчитывали даже на поддержку со стороны враждебной Габсбургам Османской империи, флот которой должен был в назначенное время подойти к берегам Калабрии. Заговор был раскрыт, и Кампанелла арестован. 27 лет провёл он в различных тюрьмах, но это многолетнее заключение и неоднократные пытки не сломили его. В заточении Кампанелла написал свои лучшие сочинения, в том числе социальную утопию «Город Солнца», которая обессмертила его имя.

Выступая защитником интересов народных масс, Кампанелла рисует идеальное общество, в котором трудятся все граждане и нет «праздных негодяев и тунеядцев». Частная собственность отсутствует, «поэтому не они (граждане «Города Солнца». — *Ред.*) служат вещам, а вещи им». Производство и потребление носят в «Городе Солнца» общественный характер. «Они все принимают участие в военном деле, земледелии и скотоводстве: знать это полагается каждому, так как занятия эти считаются у них наиболее почётными». К сельскохозяйственным работам привлекаются все граждане. Четырёх часов обязательного труда каждого члена общества оказывается достаточным, чтобы удовлетворить продуктами этого труда все потребности. Остальное время мужчины и женщины посвящают занятиям наукой, физическим упражнениям и т. д. Жители «Города Солнца» живут в общих помещениях и питаются вместе в столовых. Дети с момента рождения получают общественное воспитание и образование. Основные методы этого воспитания сводятся к наглядному обучению в раннем детстве при помощи картин, которыми покрыты стены города, к практическому обучению детей с 10-летнего возраста наряду с общими предметами различным ремёслам и сельскому хозяйству.

Высказав ряд гениальных догадок, намного опередивших развитие современного ему общества, Кампанелла не мог в условиях того времени постичь законы общественного развития. Причину зла в мире он видел в людских пороках, прежде всего в эгоизме, порождающем у одних стремление жить за счёт других, в невежестве и непонимании сущности разумного порядка, в котором все заинтересованы (поэтому он и придавал столь большое значение воспитанию). «Невежество сразить я в мир пришел», — говорит он о себе в одном из сонетов. Историческая ограниченность взглядов Кампанеллы сказалась и в том, что в изображённом им коммунистическом обществе власть принадлежит своего рода духовной аристократии с верховным

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА.
Рафаэль. 1515—1519 гг.

правителем — первосвященником во главе, а также в предложенной им регламентации мелочей быта каждого члена общества. Такая ограниченность и наивная вера в возможность осуществления своих идеалов без борьбы, путём убеждения, весьма характерны для выдающихся представителей утопического социализма.

Восстания 1647—1648 гг. в Сицилии и в Южной Италии

В 1647 г. в Сицилии вспыхнуло большое народное восстание. Оно началось в самом крупном городе острова — Палермо, который был захвачен восставшими ремесленниками и плебейскими массами. Движение возглавил золотых дел мастер Джузеппе Алези. Он руководил штурмом дворца вице-короля, но последнему удалось бежать. В городе была установлена республика с демократическим устройством. Многие из ненавистных сицилийцам испанцев были убиты. Социальная программа восставших отличалась большой неясностью; они требовали отмены всех налогов, изгнания дурных правителей и заявляли: «Пусть наступит время, когда народ будет уравнен в своём положении со знатными и богатыми, как этого требует естественный порядок вещей». Восстание быстро охватило большую часть Сицилии и приняло не только освободительный, но и антифеодальный характер. В районах Катании, Джирдженти и других областях крестьяне взялись за оружие и начали расправу с феодалами. Зажиточные горожане, напуганные движением плебейских масс, предоставили в распоряжение баронов милицию цехов. После того, как гибель Алези и обещание вице-короля выполнить все требования внесли разлад в ряды восставших, большому войску феодалов совместно с милицией цехов и с испанскими войсками удалось подавить восстание. Окончательно волнения в Сицилии прекратились лишь в 1648 г., после подавления вспыхнувшего одновременно в Южной Италии восстания Мазаньелло.

Непосредственным поводом к разразившемуся в июле 1647 г. восстанию в Неаполе было введение испанским вице-королём налогов на съестные припасы. «Долой налоги!» — таков был лозунг восставших. Народные массы Неаполя, возглавляемые рыбаком Томмазо Аньелло, известным под сокращённым именем Мазаньелло, сожгли налоговые документы и дома сборщиков налогов. Они освободили заключённых из тюрем и осадили крепость, в которой укрылись крупные феодалы и вице-король. В город начали собираться из окрестностей, а затем и из более отдалённых мест отряды крестьян. Мазаньелло, пользовавшийся огромным влиянием, был провозглашён «генеральным капитаном народа Неаполя».

Восстание распространилось на Калабрию, Апулию и Абруццы. Крестьяне разрушали замки сеньоров, сожгли архивы крупнейших монастырей, в которых содержались записи крестьянских повинностей. В Салерно, Аверсе, Фодже, Таранто и многих других городах плебейские массы вооружились, выступили против богачей и отменили налоги. Созданная в Неаполе многочисленная народная армия разбила испанские и наёмные германские отряды. 16 июля вице-король, которому не удалось подкупить Мазаньелло, спровоцировал его убийство.

Однако восстание приняло ещё более широкий размах. Вице-король вынужден был принять требования восставших: смещение и изгнание из Южной Италии ряда испанских должностных лиц, в том числе всех откупщиков и сборщиков налогов, запрещение дворянам занимать в дальнейшем какие-либо гражданские и военные должности, отмену налогов, всеобщую амнистию и сохранение оружия в руках народа.

Восставшие объявили войну Испании и её сторонникам, призвали жителей всего королевства взять в руки оружие и опубликовали список наиболее могущественных феодалов, осуждённых на смертную казнь. Было объявлено об отмене феодальных повинностей и привилегий дворян. В октябре в Неаполе была провозглашена республика и во главе её поставлен оружейник Дженнаро Аннезе.

Но тем временем зажиточные торгово-ремесленные слои Неаполя (слабые в этих экономически отсталых областях), напуганные ярко выраженным антифеодальным характером, который приобрело восстание, начали отходить от него. Среди ремеслен-

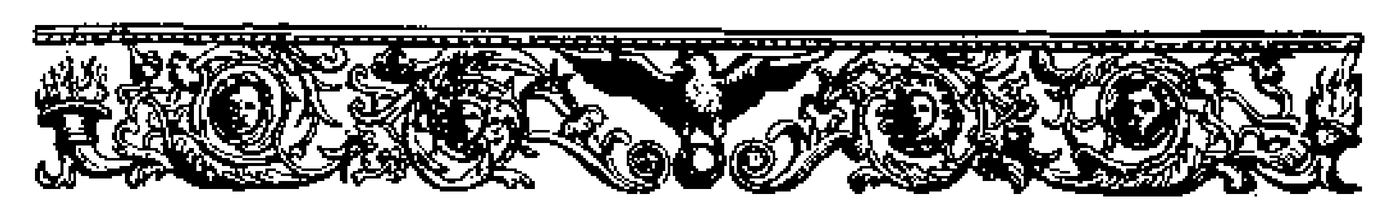
но-плебейских масс Неаполя появились разногласия: часть восставших хотела сохранить независимую республику, другие обратились за помощью к Франции. Но первый министр Франции Мазарини не захотел оказать реальной поддержки восставшему народу. Крестьянские выступления отличались неорганизованностью и несогласованностью действий. У восставших не было стойких вождей: Аннезе начал вести секретные переговоры с испанцами. В конце концов испанская армия, к которой примкнули и бароны со своими отрядами, захватила 6 апреля 1648 г. Неаполь. Началась свирепая расправа с участниками этого крупнейшего освободительного и антифеодального восстания. Всё же, несмотря на его неудачу, испанскому правительству пришлось отменить в Южной Италии часть налогов.

Италия к середине XVII в.

В обстановке экономического упадка, испанского гнёта и феодально-католической реакции Италия оставалась политически раздробленной территорией. Таможенные заставы между итальянскими государствами препятствовали развитию экономических связей внутри страны и созданию единого внутреннего рынка. Политическая распылённость страны сохранилась и в сравнительно благоприятной для Италии международной обстановке первой половины XVII в. (упадок Испании и ослабление испанских и австрийских Габсбургов). С обнищанием самой Испании, остро нуждавшейся в средствах для ведения непрерывных войн, содержания двора и громоздкого бюрократического аппарата, ещё более возросло стремление выжать из Италии возможно большие суммы денег, ещё более усилились хищническая эксплуатация страны, произвол и вымогательства испанской администрации в Италии. Почти столь же мрачную картину деградации и запустения представляло, как мы видели, большинство миниатюрных итальянских государств, не входивших в состав испанских владений. Италия утратила всякое значение в международных отношениях Европы. Во время Тридцатилетней войны Северная Италия была ареной военных действий между французскими войсками и войсками Габсбургов, усугубивших разорение этих областей.

Всё это надолго затормозило начавшийся в XIV в. процесс складывания итальянской нации.

ГЛАВА VI

КУЛЬТУРА ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (XVI — НАЧАЛО XVII В.)

1. Расцвет и упадок культуры Возрождения в Италии

Конец XV и первые 30 лет XVI столетия были для Италии периодом экономического упадка и иностранных вторжений. Однако итальянский народ продолжал борьбу против завоевателей. Его творческие силы именно в этот период достигли наивысшего подъёма, что нашло своё выражение в культуре Высокого Возрождения. Энгельс говорит: «В Италии наступил невиданный расцвет искусства, который явился как бы отблеском классической древности и которого никогда уже больше не удавалось достигнуть» [1]. В что время творили крупнейшие архитекторы во главе с Браманте, такие универсальные гении, как Леонардо да Винчи и Микельанджело, такие живописцы, как Рафаэль, Джорджоне, Тициан, такие поэты, как Ариосто. В их творчестве достигли своих вершин реализм эпохи Возрождения, оптимистическое мировоззрение и вера в гармонически развитого человека.

Леонардо да Винчи

Леонардо да Винчи (1452—1519) 14-летним мальчиком поступил учеником к живописцу и скульптору Верроккьо, и подобно другим художникам, усвоил не только основы своего ремесла, но и математику, необходимую для изображения перспективы, и анатомию, ставшую совершенно обязательной для художников. Видимо, уже в молодости Леонардо пришёл к мысли, которую он разрабатывал в течение всей своей жизни и которой никогда не изменял: о неразрывной связи между искусством и наукой. Для него искусство имело громадное познавательное значение; выше всех других искусств он ставил живопись, способную «изображать всё, видимое глазом».

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы. Госполитиздат, 1955, стр. 3.

По мнению Леонардо, «наука живописи» (scienza della pittura) является основоположной для всех наук — от астрономии до ботаники. Анатомические исследования художников, раньше распространявшиеся лишь на то, что было им необходимо для правильного изображения человеческого тела, т. е. на то, что видно под покровом кожи — кости и мускулы, Леонардо распространил на весь организм, до строения наиболее глубоко расположенных органов. Проблемы светотени привели его к занятиям оптикой, а проблемы движения — к механике. Пейзаж, который до Леонардо занимал скромное место фона в фигурной композиции, получил у Леонардо глубокую разработку, причём изучение зелени привело его к занятиям ботаникой, изучение горного рельефа — к занятиям геологией и т. д. Леонардо высмеивал книжный метод изучения природы и с нескрываемой иронией называл себя «человеком необразованным». Предвосхищая дальнейшие пути развития науки, он единственным источником всякого знания считал непосредственное наблюдение природы и единственным научным результатом исследования —математическую обработку данных опыта.

Энгельс говорит: «Леонардо да Винчи был не только великим художником, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики» [1].

Так же, как художник и учёный, сливались в Леонардо учёный и изобретатель. Он придумал разные машины: крутильный станок на несколько веретён, прокатный стан, волочильную машину, станки для нарезки винтов, для шлифовки оптических стёкол, для насечки напильников, камерные шлюзы, водоподъёмные машины разных конструкций и др. Леонардо изучал полёт птиц и проектировал летательный аппарат тяжелее воздуха, но пришёл к мысли, что такой аппарат летать без двигателя не может. Многие изобретения Леонардо имели целью облегчить труд человека, предохранить людей от разрушительных стихийных бедствий, от губительных эпидемий. Однако среди изобретений Леонардо были и усовершенствованные орудия войны.

Из скульптурных произведений Леонардо не сохранилось ни одного. Его смелые архитектурные проекты не были осуществлены. Слава Леонардо как художника основывается главным образом на его немногих сохранившихся живописных произведениях. Леонардо углубил психологическое содержание картины, передавая духовный мир изображаемых им фигур при помощи выразительных движений. Он разработал гармоническую композицию. Своим изображениям человеческих фигур и природы он придал не виданную ранее рельефность на основе изученных им законов оптики. Он первым стал передавать глубину пространства не только путём линейной перспективы, но и при помощи изображения самого воздуха, как бы обволакивающего предметы дымкой («сфумато», от итальянского fumo — дым). В знаменитом портрете «Джоконда» Леонардо создал образ небывалой жизненности и глубины. В громадной фреске «Тайная вечеря» для трапезной миланского монастыря Санта Мариа делле Грацие с величайшей правдивостью изображены различные душевные движения людей, узнавших, что среди них есть предатель. Во всех своих произведениях, начиная с фигуры ангела, исполненной для «Крещения» Верроккьо, Леонардо создавал образы не только характерные, но и прекрасные.

Художественная и научная деятельность Леонардо сделала его основоположником нового этапа в развитии итальянского искусства, который обычно называют Высоким Возрождением.

Рафаэль Санти

Другую сторону искусства эпохи Возрождения выразил в своём творчестве Рафаэль Санти (1483—1520), родом из Урбино, ученик Перуджино, многим обязанный также искусству Флоренции, где он провёл в молодости несколько лет. Наиболее значительный период творчества Рафаэля

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 4.

Мадонна Литта.
Леонардо да Винчи. 1485—1490 гг.

неразрывно связан с Римом, который, не имея до этого собственной художественной традиции, стал в начале XVI в. важнейшим центром искусства Италии.

Приглашённый в Рим для росписи комнат («станц») Ватикана, Рафаэль получил задание украсить одну из них аллегорическими изображениями философии, богословия, поэзии и юриспруденции. Но вместо простых аллегорических фигур Рафаэль создал монументальные композиции. Он использовал особенности архитектуры небольших перекрытых сводами комнат так, что в его росписях зритель видел продолжение реального пространства и тем самым становился как бы участником изображённых сцен. В «Афинской школе», изображённой Рафаэлем (аллегория философии), перед нами—удаляющиеся от переднего плана в глубину своды грандиозного здания. В центре величественно шествуют Платон и Аристотель, по сторонам и перед ними, как бы случайно, но на самом деле в самом строгом порядке, расположились другие знаменитые философы и учёные древности: Гераклит, Диоген, Сократ, Птолемей, Архимед и многие другие. Труды нескольких поколений гуманистов по освоению античного наследия нашли здесь своё отражение, и таким образом вся сцена становилась торжеством светской мысли. Изображённый на противоположной стене «Диспут» — аллегория богословия — соединяет в одну общую композицию множество различных персонажей из истории церкви, но все эти люди думают, рассуждают, спорят, как люди разума, философы, похожие не на церковных святителей, а на античных мудрецов.

Джоконда.
Леонардо да Винчи. Около 1503 г.

Новый идеал человека, выработанный эпохой Возрождения и противопоставленный ею аскетическому человеку феодального средневековья, требовал сочетания всесторонне развитых духовных и физических сил. Телесная красота считалась обязательным внешним выражением красоты духовной. Этот новый идеал человека Рафаэль передавал во всех своих произведениях: и в философах «Афинской школы», и в портретах, и в многочисленных изображениях мадонны. В серии его женских образов особенно заметен путь художника от внешней миловидности к глубокой

внутренней красоте. Вершиной его творчества считается «Сикстинская мадонна», исполненная Рафаэлем около 1513 г. для монастыря в Пьяченце. В реальном по художественному исполнению образе мадонны, несущей младенца-сына в мир на муки, страдания и смерть для того, чтобы этой жертвой помочь людям, с величайшей глубиной и серьёзностью выражена трагедия матери.

Необычную прелесть образов Рафаэля современники обозначали термином «grazia» (грация, изящество). Для того чтобы написать красавицу, говорит Рафаэль в одном из своих писем, нужно видеть много красивых женщин, но так как красавицы редки, а правильный выбор труден, то художник пользуется «некоей идеей» (una certa idea), которая складывается у него в голове и которой он старается следовать. Из этих слов ясно, что Рафаэль в своём творчестве переходит от наблюдения реальной действительности к обобщённому образу прекрасного человека.

Микельанджело Буонарроти

Микельанджело Буонарроти (1475—1564), будучи на 9 лет старше Рафаэля и на 23 года моложе Леонардо, пережил их обоих больше, чем на 40 лет. Всё то новое и передовое, что рождалось в эту революционную эпоху, должно было завоёвывать себе место в борьбе со старым и реакционным. Величие Микельанджело заключается в том, что главной темой его творчества является пафос борьбы.

В родном городе, Флоренции, он получил первые уроки живописи и скульптуры, но в творчестве его не чувствуется влияния учителей. Сам он считал себя скульптором, но ему пришлось также выполнять грандиозные живописные и архитектурные работы.

Очень рано Микельанджело сделал единственным предметом своего изображения человека. Ни природный, ни архитектурный пейзаж не играет у него никакой роли. В изображение «прекрасного обнажённого человеческого тела», как сам он говорил, он вкладывал все свои мысли. Нагота в эпоху Возрождения не была столь же естественным явлением, как в древней Греции, но именно поэтому обнажённое тело связывалось с античностью и служило наиболее наглядным выражением земного, светского идеала, враждебного средневековому аскетизму. Большое впечатление на современников произвели найденные на рубеже XV и XVI вв. при земляных работах знаменитые античные статуи «Аполлон Бельведерский», «Лаокоон», «Афродита Ватиканская» и др. Они впервые познакомили людей эпохи Возрождения с образцами греческого искусства эллинистического периода, с его изощрённой техникой, внутренней динамикой и изысканной красотой. До этих открытий под античной скульптурой разумели почти исключительно произведения позднего императорского Рима. Но самым главным было то, что в этих шедеврах эллинистического искусства люди эпохи Возрождения нашли свой идеал прекрасного человеческого тела, как нельзя больше противоположный средневековому отрицанию плоти. Энгельс говорит, что «в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед ее светлыми образами исчезли призраки средневековья» [1]. Эти образы разбудили гений Микельанджело, и он наполнил их глубоким содержанием.

Уже в раннем своём произведении, гигантском мраморном «Давиде» (5,3 *м* высоты), Микельанджело вопреки библейскому мифу и установившейся традиции изобразил юного победителя не мальчиком, а юношей, и не после победы, а перед битвой. Специальная комиссия крупнейших художников в 1504 г. решила установить эту статую перед дворцом Синьории во Флоренции, как символ того, что «правители должны мужественно защищать город и справедливо им управлять». Это закрепило за статуей «Давида» её общественное значение.
Росписи потолка Сикстинской капеллы в Риме (1508—1512 гг.) Микельанджело насытил образами прекрасных и титанически мощных людей. Сюжеты из библейских

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 3.

мифов о сотворении мира он освобождает от традиционного религиозного смысла. Микельанджело воспевает красоту человека в образе Адама, как бы пробуждающегося к жизни, силу и мощь человека в образе бога Саваофа, указывающего пути Солнцу и Луне. В могучих жестах этого человека-титана, равно как и в выражении его лица, в глазах, как бы мечущих молнии, выражается огромная, внушающая страх, всепокоряющая воля, которую современники назвали труднопереводимым на русский язык словом «terribilita» («грозное величие»).

Такая же страстность и сила выражения вложены Микельанджело в статую «Моисей», исполненную им около 1516 г. для надгробия папы Юлия II. Давид боролся только с внешним врагом, великаном Голиафом, а Моисей, согласно библейской легенде, увидел свой собственный народ поклоняющимся «золотому тельцу». В этом выборе темы нельзя не видеть отклика на те события, которые трагически развёртывались в Италии. Медичи, изгнанные из Флоренции ещё в 1494 г., снова вернулись с помощью испанских войск в 1512 г. Испанцы, завладев югом Италии, боролись с французами за преобладание в Северной Италии. Великий художник глубоко переживал бедствия Италии, падение республиканского идеала в его родной Флоренции, измену худших элементов итальянского народа и трагическую борьбу народных масс. Исполненные Микельанджело для того же надгробия Юлия II фигуры, не вошедшие в окончательный вариант, так называемые «Скованный раб» и «Умирающий раб» — прекрасные мужественные образы людей, тщетно пытающихся разорвать свои путы. В этих неоконченных статуях, равно как и в других его произведениях, особенно ясно выражены те высокие моральные требования, которые Микельанджело связывал со своим представлением о человеке.

Во время нового восстания во Флоренции, изгнавшей в 1527 г. Медичи, в течение 11-месячной осады города войсками императора и папы Микельанджело ведал оборонительными сооружениями в качестве военного инженера. Когда Флоренция, обессиленная голодом и внутренней изменой, была взята (1530 г.), Микельанджело принуждён был скрываться до тех пор, пока папа Климент VII (из рода Медичи) не обещал простить его при условии, что он закончит постройку и украшение скульптурами капеллы Медичи, так называемой новой ризницы при церкви Сан Лоренцо. Легко можно представить себе чувства художника, боровшегося с Медичи, но принуждённого работать над их родовой усыпальницей. Микельанджело принялся за работу, побуждаемый «больше страхом, чем любовью к искусству», как говорит его биограф. Трагические образы фигур на саркофагах показывают, что Микельанджело и здесь не изменил своему художественному долгу. Он сам сказал, какое общественное содержание вложено им в эти скульптурные образы. Поэт Джованни Строцци написал стихотворение, посвящённое статуе «Ночь»:

Ночь, что так сладко пред тобою спит,
То — ангелом одушевлённый камень:
Он недвижим, но в нём есть жизни пламень,
Лишь разбуди — и он заговорит.

Микельанджело ответил на это стихотворение от имени своей «Ночи»:

Отрадно спать, отрадней камнем быть,
О, в этот век, преступный и постыдный,
Не жить, не чувствовать — удел завидный.
Прошу, молчи, не смей меня будить [1].

С 1535 по 1541 г. Микельанджело расписывал алтарную стену Сикстинской капеллы в Риме фреской «Страшный суд». Эта фреска показывает, что в период наступавшей реакции Микельанджело продолжал твёрдо стоять на позициях искусства Возрождения. Он наполнил свою фреску изображениями титаниче-

[1] Перевод Ф. И. Тютчева.

ских обнажённых тел, как бы поднятых космическим вихрем и сплетённых в клубки. Но тела эти стали более атлетическими и мощными, и для выражения своих мыслей Микельанджело не довольствовался уже изображением отдельных фигур — ему нужна была масса тел. Эта картина вызвала резкое осуждение лицемеров времён контрреформации; они ставили в вину Микельанджело «непристойность» его фигур, к тому же ещё «в столь священном месте». Но общественное мнение было на стороне великого художника. Когда живописец Даниеле да Вольтерра по приказанию папы

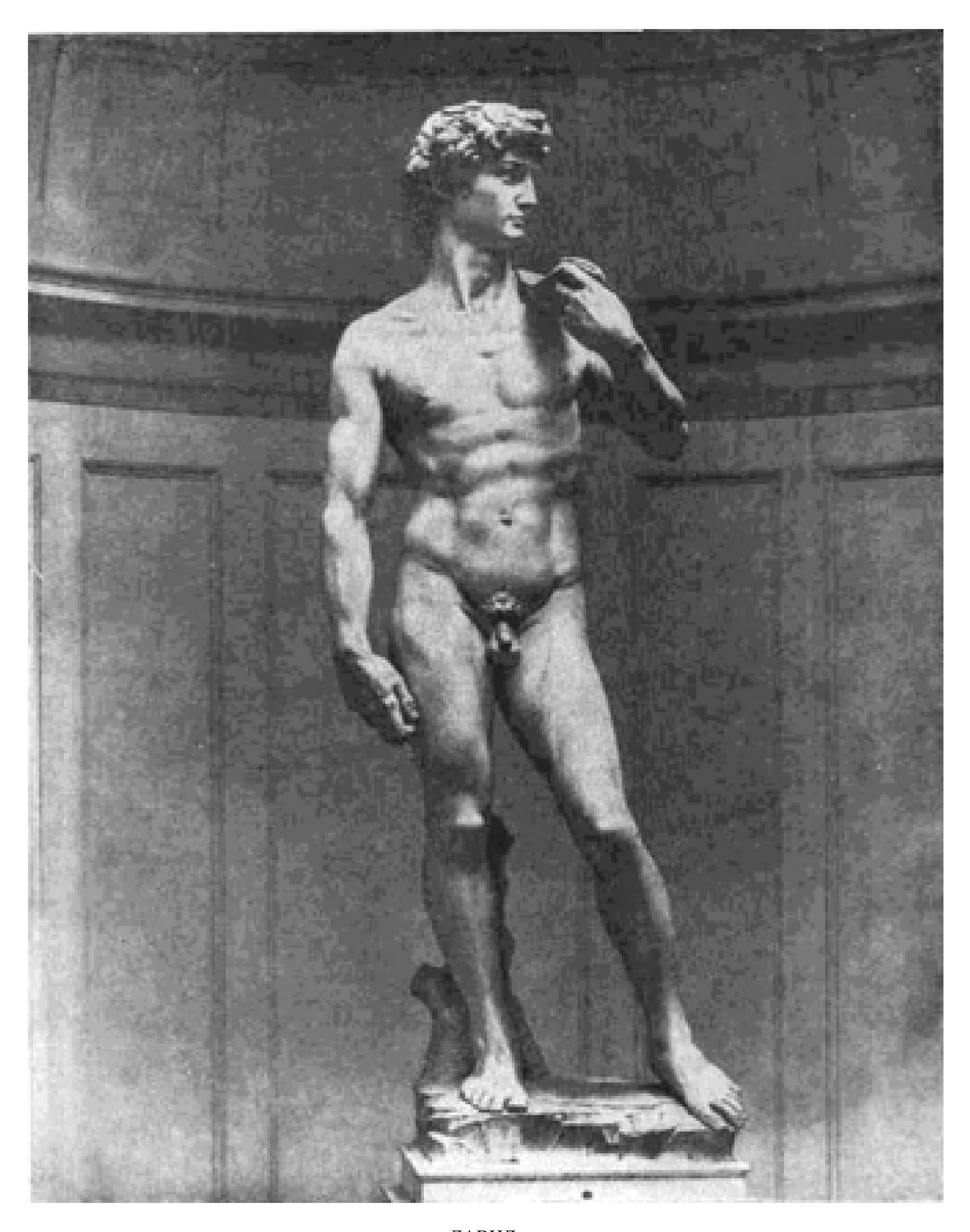
Сотворение солнца, луны и звёзд.
Деталь фрески Микельанджело в Сикстинской капелле. 1508—1512 гг.

взял на себя неблагодарную задачу прикрыть наготу в росписи Микельанджело стыдливыми накидками, современники отнеслись к нему с нескрываемым презрением.

Микельанджело насытил искусство высоким пафосом общественной борьбы. Как один из величайших художников Возрождения, он твердо стоял на позициях реализма, одухотворённого высоким общественным идеалом. По поводу одной античной статуи Микельанджело как-то сказал, что сделавший её скульптор «знал больше, чем сама природа».

Лодовико Ариосто

Поэзия на народном итальянском языке после её расцвета в XIV в. почти целое столетие уступала первое место классической латыни гуманистов и снова заняла его лишь в конце XV в. Величайшим поэтом Италии этой эпохи был Лодовико Ариосто (1474—1533). Его поэма «Неистовый Роланд» является самым значительным памятником литературы Высокого Возрождения. Сюжетом для неё послужили средневековые сказания, но и самый замысел Ариосто, и все действующие лица, и язык поэмы являются совершенно новыми. Феодальный эпос превращается здесь в фантастическую сказку, где фигурируют великаны, волшебники, чудовища и мужественные герои, претерпевающие самые необычайные приключения. Эпос дал только сюжетную канву, на которой поэт вышивает узоры, заимствуя их из хорошо знакомой ему античной древности, из восточных сказок и притч, из Данте. Рассказ ведётся в октавах (восьмистрочная строфа). Нередко он уступает место побочным эпизодам, разрастающимся в самостоятельные поэмы. Тем не менее пейзажи, даже фантастические, описаны вполне реально, все действующие лица вылеплены отчётливо и выпукло. Сквозь волшебную сказку ясно проступает живая, проникнутая интересами настоящего действительность. А вместе

ДАВИД.
Микельанджело. 1501—1503 гг. Мрамор

НОЧЬ
Микельанджело. 1524—1532 гг. Мрамор

с этим в поэму проникает ирония. То чудесное, чему верили многие во времена Ариосто, превращается в шутку. Так, например, один из персонажей его поэмы, Астольфо, попадает в земной рай, но находит там вместо небесного блаженства хороший ужин и постель, а лошадь его — конюшню и корм. Райские яблоки, действительно, оказываются превосходными. Отсюда Астольфо переправляется на Луну, где складываются все вещи, утерянные людьми на земле: глупости здесь совсем нет, но зато много слез, вздохов, любви, надежды и разума — они тщательно собраны в бутылки с именами прежних владельцев.

Читатель, погружаясь в мир фантастических рассказов, попадал в жизнерадостную, мироутверждающую атмосферу Ренессанса. Рассказ Ариосто не принимался читателем за истину, но за стихами, особенно же за иронией Ариосто все видели правду жизни. У Ариосто нет, конечно, того глубокого понимания исторических событий, какое было у Макиавелли, но его «Неистовый Роланд» стал большой национальной поэмой.

Гуманистический театр

В XV в. изжили себя все виды средневековых театральных представлений: громоздкие мистерии и более лёгкие для постановки небольшие назидательные моралите и миракли. Попытки Полициано в «Орфее» вложить новое, гуманистическое содержание в старую форму мистерий не получили в дальнейшем ни поддержки, ни развития. Никаких других видов театра не существовало. Некоторым суррогатом их были «триумфы» во Флоренции при Лоренцо Великолепном Медичи, нашедшие себе подражание в других городах Италии.

Начало нового театра было положено гуманистами. Один из них, Помпонио Лето (1428—1498), стремясь воскресить античность, решил возродить также и древнеримский театр. Вместе с друзьями и учениками он поставил в Риме, у себя дома, комедию Плавта «Ослы». Несмотря на латинский язык и плохую игру актёров-любителей, не обладавших профессиональным мастерством, спектакль пользовался громадным успехом. Его пришлось повторять, он вызвал многочисленные подражания и в Риме, ив других городах (Флоренции, Урбино, Ферраре, Мантуе).

Постановка пьес Плавта на латинском языке, понятном только гуманистам, не могла удовлетворить более широкие слои общества и даже придворную среду. Потребовались переводы этих пьес на итальянский язык. После первого такого опыта в Ферраре в 1486 г., когда были поставлены «Близнецы» Плавта на итальянском языке, успех переводов был обеспечен. Но типы и быт пьес продолжали оставаться чуждыми для итальянского зрителя.

Следующим шагом в развитии были комедии, написанные на итальянском языке в подражание Плавту и Теренцию. Первой из них была «Шкатулка» (1508 г.) Ариосто, заложившая основы так называемой учёной комедии (la commedia erudita). Самым плодовитым автором «учёной комедии» был тот же Ариосто, но по своим художественным достоинствам выше всех других комедий стоит «Мандрагора» Макиавелли, разоблачающая лицемерие и алчность служителей церкви. «Учёные комедии» писали также и многие другие авторы. Большинство таких комедий было поставлено при дворах синьоров разных городов с чрезвычайной пышностью. Изобретение декораций приписывается живописцу Пеллегрино да Удине. Он первый применил (при постановке комедии Ариосто) перспективное изображение улицы, так что действие развёртывалось на фоне иллюзорно передаваемых городских строений. Это нововведение означало важный рубеж в истории театра.

При постановке комедии ради придания большей пышности в спектакль включались также пантомимы на мифологические сюжеты, многочисленные танцы, например танцы мавров — так называемые морески. Но поскольку актёрами по-прежнему были любители и так как «учёная комедия» не могла выйти за пределы придворного зрелища, то в первой четверти XVI в. в Италии не было создано ни основ национальной драматургии, ни профессионального театра. И тем не менее значение италь-

янского гуманистического театра нельзя недооценивать, ибо это был первый светский театр в Западной Европе, откуда линии дальнейшего развития ведут к английскому театру Шекспира и к испанскому театру Лопе де Вега.

Кризис гуманизма

В XVI в. в Италии в связи с начавшимся процессом феодальной реакции наступают упадок городской культуры и реставрация феодальных порядков. Дворяне, некогда столь стеснённые в городских коммунах, повсюду поднимают голову; сами имущие классы городов подражают образу жизни дворянства. Центр культурной жизни перемещается во дворцы синьоров. Государи крошечных монархий Урбино, Мантуи, Феррары стремятся создать видимость процветания. Здесь возрождаются рыцарские обычаи, строятся красивые резиденции, князья приглашают ко двору знаменитых художников, поэтов, учёных.

Но общий упадок страны неизбежно должен был отразиться на глубине и значительности духовной жизни Италии; начинается закат великой культуры Возрождения. Общий уровень гуманистической образованности ещё очень высок. Более того, именно в XVI в. возникает мировая слава итальянской общественной мысли, литературы, искусства. Но великие писатели и художники этой поры уже создают свои произведения в обстановке идейного разброда и неуверенности. Гуманистические традиции постепенно вырождаются, в литературе побеждает манерность, в искусстве — подражание великим мастерам начала века.

О тех изменениях, которые совершились в общественной психологии, свидетельствует деятельность графа Бальдассаре Кастильоне (1478—1529), автора знаменитой в XVI в. «Книги о придворном». В форме разговоров, происходящих во дворце герцогов Урбинских, Кастильоне рисует идеал совершенного придворного человека, столь же разностороннего, сколь и благородного по своим целям, моральному уровню и свободным манерам. В этой книге есть много замечательных черт, развивающих понятие личности в духе итальянского Возрождения. И всё же общий горизонт этой книги слишком узок вследствие сословного направления, которое принимает гуманизм у Кастильоне.

Другим представителем литературы позднего Ренессанса был кардинал Пьетро Бембо (1470—1547). Его несомненной заслугой является разработка проблемы итальянского литературного языка на основе флорентийского наречия, которое он признаёт главенствующим. Но у Бембо приобретает слишком большое значение авторитет литературной традиции, идущей от Петрарки и Боккаччо, в ущерб живой народной речи. Дух эпигонства, который незаметно входит в литературу вместе с поэтикой Бембо, сказался в так называемом «петраркизме» этого времени — подражательной, томной и нередко манерной лирике, получившей широкое распространение в XVI столетии.

Рядом с этим посредственным «петраркизмом» можно поставить всеобщее увлечение пасторальной поэзией. Тема пастушеской идиллии, заимствованная у античных писателей, была хорошо известна гуманистической литературе. В конце XV и начале XVI в. пасторальная поэзия приобретает новый оттенок. Её основной чертой становится жеманная изысканность под маской простоты. Основателем этого условного жанра был Якопо Саннадзаро (1458—1530), автор «Аркадии» — пастушеского романа в стихах и прозе, послужившего образцом для множества подражаний во всех странах.

В литературе XVI в. живёт и реалистическая проза, подражающая Боккаччо. Новелла пользуется самым широким распространением, она представлена множеством сборников, среди которых самое значительное место занимают 214 новелл Банделло (около 1485—1563). Маттео Банделло — одна из наиболее интересных фигур XVI в. Это собиратель новелл и рассказчик собственной жизни, полной разнообразных превратностей судьбы. У Банделло заимствовал Шекспир печальную повесть о Ромео и Джульетте.

Венеция в XVI в.

До конца XV в. Венеция не принимала сколько-нибудь заметного участия ни в развитии гуманистических знаний, ни в выработке основ реалистического искусства. Но в XVI столетии венецианская живопись вносит большой вклад в искусство Возрождения и занимает в нём совершенно самостоятельное место.

На первый взгляд это кажется трудно совместимым с теми потрясениями, какие пришлось испытать Венеции как раз в это время, ибо Венеция больше всех других итальянских государств пострадала от турецких завоеваний и от перемещения морских путей из Средиземного моря в Атлантический океан.

Не последнюю роль в расцвете венецианского искусства с начала XVI в. играло то обстоятельство, что Венеция оставалась свободным городом в то время, когда испанцы распоряжались, как хозяева, почти во всей остальной Италии.

Свобода Венеции, при всей её ограниченности, имела большое общественное значение в XVI в. — в период наступления феодально-католической реакции. В то время как в остальной Италии возникли микроскопические монархии, поддерживаемые испанцами, и дворянство повсеместно начало возвращать себе прежние привилегии, тогда как горожане подвергались во всей своей деятельности регламентации и стеснениям, сохранившая свою независимость Венеция с её традициями республиканского строя, с её поддержкой торговой и предпринимательской деятельности стяжала себе славу самого свободного города.

В богатой Венеции часто бывали пышные праздники на суше и на воде, красочность которых разносила по всему миру славу знаменитого города лагун и поддерживала его престиж. Ту же роль выполняли венецианские типографии. Изобретённое в середине XV в. книгопечатание быстро распространилось из Германии в другие страны. Венеция имела больше типографий и выпускала больше книг, чем все остальные города Италии, вместе взятые (например, из 213 изданий «Неистового Роланда» в XVI в. в Венеции было выпущено 191). Издательская и типографская деятельность таких гуманистов, как Альд Мануций в начале XVI в., а позднее Франческо Марколини, пользовалась мировой известностью.

Именно в Венеции обосновался Пьетро Аретино (1492—1556). Родом из Ареццо, он после неудачных попыток найти применение своим способностям при дворе пап в Риме и после нескольких лет скитаний оказался в Венеции, где вёл жизнь почти сказочной роскоши на средства, добываемые литературной деятельностью. Роль Аретино наглядно показывает значение печати и общественного мнения в эту эпоху. Аретино был автором сатирических памфлетов. Предметом его язвительных насмешек являлись почти исключительно высокопоставленные лица. Их образ жизни и преступления давали обширный материал для громких разоблачений. Таким образом, деятельность Аретино приобретала большое общественное содержание. Правда, этот талантливый человек не отличался большой разборчивостью в средствах. Аретино получал «подарки» от короля Франциска I французского, от императора Карла V, от султана Сулеймана, от германской торговой фирмы Фуггеров, от алжирского корсара Хайреддина по прозванию Барбаросса и от многих других. И всё же Ариосто в последней редакции «Неистового Роланда» говорит: «Бич монархов, божественный Пьетро Аретино». Когда представитель английского короля нанял «брави», чтобы избить Аретино за нападки на его повелителя, то общественное мнение осудило не Аретино за пасквиль, а английского посла за то, что он нарушил свободу «секретаря мира», как прозвали Аретино за его осведомлённость. Аретино приказал выбить в свою честь медаль, где был изображён он сам, сидящий на троне и принимающий дары от коронованных особ, с надписью следующего содержания: «Государи, собирающие дань с народов, приносят дань своему рабу». Острое перо Аретино было тем страшнее, что его насмешливые «предсказания», пародирующие астрологические гороскопы, его комедии и сборники писем немедленно печатались и получали весьма широкое распространение.

В атмосфере видимого благополучия и относительной свободы общественного мнения поразительно быстро сложилась и заняла самостоятельное место в искусстве Возрождения венецианская живопись.

Первым крупнейшим мастером её был Джорджоне (1478—1510). В его творчестве пейзаж начал приобретать самостоятельное значение, и никто так, как Джорджоне, не умел сливать воедино человека и природу. У него выступают на первый план основные для венецианской живописи задачи колорита и света («Юдифь», «Спящая Венера», «Сельский концерт»).

Кающаяся Магдалина.
Тициан. 1566 г.

Величайшим венецианским живописцем был Тициан (1477—1576). Многие последующие художники, в том числе испанец Веласкес и фламандец Рубенс, учились на его произведениях. Тициан вводит в свою композицию изображение толпы, действующей как целое. Будучи художником эпохи Возрождения, он воспевал красоту человека и окружающей действительности. В «Кающейся Магдалине» Тициан изображает не измождённую постом и молитвами грешницу, а молодую прекрасную девушку (моделью служила его дочь), в расцвете сил, здоровья и красоты на фоне жизнерадостного пейзажа. В многочисленных картинах на мифологические темы («Венера и Медея», называемая также «Любовь земная и небесная», «Венера», «Даная» и др.) Тициан прославляет красоту жизни, обнажённого тела, света, разлитого по всей картине. Невозможно представить себе ничего более противоположного аскетическому отрицанию жизни, чем живопись знаменитого венецианца. Тициан был также замечательным портретистом. Он показал сложный внутренний мир человека XVI в. Его «Портрет неизвестного с золотой цепью» передаёт внутреннее благородство изображённого, но в то же время и глубокое раздумье, как бы разговор с самим собой. Групповой портрет «Папа Павел III с племянниками» перерастает рамки портретной живописи и становится почти жанровой картиной.

В одной из последних своих картин — «Св. Себастьяне» — Тициан с поразительной для 99-летнего старца энергией лепит прекрасное тело молодого страдающего человека, привязанного к дереву и расстреливаемого из луков. Немногими красками коричневых оттенков Тициан создаёт необычайное колористическое богатство.

Феодально-католическая реакция. Торквато Тассо

Феодальная реакция, наступившая в XVI в., послужила почвой для контрреформации. Всё то новое, прогрессивное и жизнерадостное, что было создано Италией в пору её подъёма и составляло культуру Возрождения, продолжало, конечно, существовать, но принуждено было защищаться в борьбе с реакцией. Начались преследования за всякое проявление свободной мысли.

Одной из жертв духовной реакции XVI в. был гениальный итальянский поэт Торквато Тассо (1544—1595). Ею судьба окутана легендой, которая не раз служила темой для позднейшей литературы. Достаточно вспомнить трагедию Гёте «Торквато Тассо». Согласно этой легенде, поэт был влюблён в одну из принцесс феррарского герцогского рода и за эту дерзость его по приказу герцога заточили в сумасшедший дом. Если история несчастной любви не соответствует истине, то остаётся фактом, что необходимость искать покровительства при дворе поставила великого поэта в унизительные условия и способствовала развитию у него душевной болезни. По причине этой болезни или, скорее, в наказание за гордость Торквато Тассо был действительно посажен на цепь и с трудом получил свободу. Последние 20 лет жизни поэт провёл в жестокой борьбе с недугом, хотя все эти годы он продолжал свой творческий труд, проникнутый стремлением к классической гармонии.

Папа Павел III с племянниками.
Тициан.1546 г.

Это стремление боролось в его уме с другой тенденцией, навеянной идеями воинствующего католицизма. Ещё в молодые годы у Тассо созрел план написать великую национальную эпопею, которая могла бы спорить с поэмой Ариосто. Военные успехи турок, грезивших даже Италии, подсказали ему героический сюжет — борьбу христианских народов против мусульман в эпоху крестовых походов. Так возникла идея «Освобождённого Иерусалима» Торквато Тассо. Однако сама тема этого величественного произведения заключала в себе противоречие. Она была патриотической и современной, но в то же время средневековой и христианской. В поэтическом изложении сюжета Тассо, как и его великий предшественник Лодовико Ариосто, создаёт замечательные картины, полные красоты и чувственной привлекательности. Сцены битв, сменяющиеся любовными эпизодами, обаятельные женские образы, картины природы — всё это проникнуто богатой фантазией Возрождения. Но в отличие от Ариосто автор «Освобождённого Иерусалима» боится земной и чувственной красоты. С годами в нём всё более побеждает религиозность, он опасается, что его произведение может вызвать обвинение в ереси, исповедуется у инквизиторов, отре-

кается от своей поэмы, когда друзья и почитатели издают её против воли самого автора. Последняя редакция «Освобождённого Иерусалима» усиливает в этой поэме все её мрачные католические стороны и устраняет те эпизоды, в которых светится радость жизни.

Другим противоречием «Освобождённого Иерусалима» является полная серьёзность, с которой поэт относится к своему средневеково-рыцарскому сюжету, давно утратившему всякие корни в действительности. У Тассо нет весёлой иронии, свойственной «Неистовому Роланду» Ариосто. Поэтому, несмотря на все свои художественные достоинства, произведение Тассо остаётся образцом искусственного эпоса, находящегося в противоречии с прозой современной жизни, которая окружала поэта и которую он желал победить в своей героической и прекрасной мечте. Торквато Тассо был знатоком классической древности. Его поэма создана на основании долгих размышлений о задачах эпической поэзии и во многом следует за «Илиадой» Гомера. Но такая попытка возрождения героической эпопеи древних при всём громадном влиянии, которое она оказала на последующее развитие литературы во всех странах, заключает в себе элемент фальши. Гений великого поэта не мог победить противоречия его мировоззрения, и последние годы жизни Торквато Тассо были отравлены не только тяжёлой болезнью, но и бесплодными внутренними колебаниями.

Искусство позднего Возрождения

Искусство позднего Возрождения, т. е. в период с 30-х годов до конца XVI столетия, представляет собой весьма сложную картину борьбы различных течений. Воинствующая католическая церковь понимала, какое большое значение имело искусство в глазах общества, и потому старалась использовать его в своих целях. Постановления Тридентского собора прямо указывали на стремление церкви присвоить себе контроль над художественными произведениями. Поэтому на виду оказались те художники, которые связали своё творчество с обслуживанием нужд церкви или же отражали в своём творчестве настроения подавленности и внутреннего надлома. Эти художники получили название «маньеристов», потому что они стремились не изучать природу и её законы, а внешне усвоить «манеру» великих мастеров: Леонардо, Рафаэля и главным образом Микельанджело. Многие из них были хорошими рисовальщиками, среди них было немало крупных портретистов (Понтормо, Бронзино), поскольку портрет теснее других живописных жанров связан с натурой, но их картины, независимо от сюжета, надуманы, искусственны, фальшивы по замыслу и по исполнению (Вазари, Цуккари). Эти художники не останавливались перед деформацией человеческого тела, отсюда характерна возможность появления таких странных картин, как «Мадонна с длинной шеей» (Пармеджанино). Недаром престарелый Микельанджело сказал однажды, видя как художники копируют его «Страшный суд»: «Многих это моё искусство сделает дураками».

Маньеристы представляли модное течение, но не они определяли художественную сущность позднего Возрождения. Продолжали работать в реалистических традициях Возрождения такие мастера, как престарелые Микельанджело и Тициан. Особенно плодотворными оказались завоевания венецианской живописи, расширившей возможности реалистической передачи окружающего мира и человека при помощи цвета и света. Такие венецианские живописцы, как Веронезе (1528—1588), Тинторетто (1518—1594) и другие, продолжали разрабатывать дальше традиции реалистического искусства.

Крупным мастером этой эпохи, последовательно продолжавшим линию реалистического искусства, был скульптор и ювелир Бенвенуто Челлини (1500—1571). «У нас нет других книг, чтобы научить нас искусству, кроме книги природы», — заявляет Челлини. Его большая бронзовая статуя Персея изображает прекрасное человеческое тело, изваянное с глубоким знанием анатомии. Золотые и серебряные ювелирные изделия Челлини (в том числе золотая солонка Франциска I) были столь виртуозно обработаны и изящны по форме, что благодаря их влиянию на современников

целый период в развитии этих видов искусства был назван эпохой Челлини. Составленная им «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции» необычайно ярко рисует жизнь этого беспокойного художника. Неистовые страсти Челлини, с одинаковым пылом трудившегося над своими произведениями и нападавшего на своих многочисленных действительных и мнимых врагов, его суеверия, откровенное стремление к славе, наивное хвастовство, неистребимая жажда жизни и беззаветная любовь к искусству—всё это делает Челлини одним из наиболее типичных представителей этого бурного и противоречивого времени.

Наименее знаменитыми в то время, но весьма важными для последующего этапа в развитии реалистического искусства Западной Европы были художники небольших городов Северной Италии (Брешии, Кремоны и др.). Расписывая провинциальные церкви, вдалеке от модных течений и больших художественных центров, они порою наивно, порою даже неумело нащупывали те пути, какие привели в конце века к творчеству такого выдающегося живописца, как Караваджо (1573—1610). В свои композиции, преимущественно на религиозные сюжеты, они часто включали простонародные типы, так что библейские и евангельские сцены становились почти жанровыми картинами (семья художников Бассано, Лелио Орси и др.). Караваджо и его последователи — «караваджисты» отвергали подражательное, условное искусство, обращаясь к изображению народного быта и природы. Школа Караваджо оказала значительное влияние на живопись не только в Италии, но и во Франции, Испании, Фландрии и Голландии.

Наконец, ещё одно направление сложилось в Болонье, где братья Карраччи в 1584 г. основали свою «Академию вступивших на правильный путь», чтобы противопоставить зашедшему в тупик «маньеризму» искусство, основанное на более глубоком изучении великих мастеров. Программа Карраччи была эклектической, но она основывалась не на простом повторении внешней манеры великих художников «золотого века», а на академическом изучении их общих принципов.

На позднее Возрождение приходятся также значительные перемены в системе воспитания и образования художников. Необходимость усвоить математику и анатомию, стоять на уровне гуманистической образованности, а также высокое развитие художественной культуры — всё это привело к выделению больших художников из общей массы цеховых мастеров. Процесс этот, начавшийся ещё в пору Высокого Возрождения, завершился к середине XVI в. Так появляется граница между «искусством» и «ремеслом», которой раньше не существовало. Вместе с тем должны были измениться и условия формирования художников. Прежнее ремесленное ученичество уже не могло удовлетворить возросшим потребностям, создаются «академии». Первой была «Академия рисунка», основанная во Флоренции в 1563 г. и специальным указом герцога тосканского выделенная из цеха, второй — болонская академия братьев Карраччи. По образцу этой последней в XVII в. начали возникать «академии художеств» во всех столицах Западной Европы, начиная с Парижа.

Возникновение профессионального театра

Иначе складывались судьбы театра. Вместе с отмиранием средневековых театральных представлений, изживших себя, отпали общенародные зрелища, и, поскольку гуманистический театр существовал только для небольшой группы придворных, народная потребность в театре должна была удовлетворяться другими путями. В Италии были широко распространены карнавалы о масками, где каждый веселился как умел, но там же выступали и профессиональные «забавники». Такие забавники (буффоны), — то рассказывающие разные истории, то подражающие птицам и животным, то пародирующие каких-нибудь известных лиц, — становились профессионалами. Они нередко переходили из города в город, так как карнавалы устраивались в разных местах в разное время. Примерно в 60-х годах XVI в. они стали организовываться в труппы, в актёрские коллективы, и притом

именно в Венеции, где гнёт феодально-католической реакции был слабее, чем в других городах. Так возникла первая «профессиональная комедия», или по-итальянски «commedia dell'arte».

Этот профессиональный театр имел несколько своеобразных черт. Прежде всего — маски. Каждый актёр «выполнял одну маску», т. е. играл всегда один и тот же тип. Эти «постоянные типы» и были масками: Панталоне, Доктор, Капитан, Арлекин, Бригелла и т. д. Во-вторых, эта народная комедия не имела писаного текста, иными словами, у неё не было своей драматургии. Актёры не имели и не заучивали ролей, у них был только короткий сценарий, где излагался общий ход событий в разыгрываемой пьесе, содержание диалогов и порядок выхода на сцену. Всё остальное было делом актёрской импровизации. Поэтому нередко итальянскую комедию дель арте называют «театром импровизации». В-третьих, эта комедия пользовалась для придания большего комизма диалектами: определённые маски говорили на диалектах — венецианском, падуанском, болонском. Наконец, обязательной принадлежностью спектакля были разные трюки, так называемые лацци (от слова l'atto, т. е. действие), — это были и акробатические номера, и заранее подготовленные мизансцены, и отдельные буффонные выдумки.

Представления давались первоначально в самой несложной обстановке, даже без стационарных театральных помещений, прямо на площади. Спектакль шёл в быстром темпе, искрился весельем, но не только этим определялась его притягательная сила для народа: отсутствие писаного текста позволяло вставлять в актёрскую импровизацию такие слова, создавать такие ситуации, каких никогда не разрешила бы церковная цензура. В комедии дель арте сохранялось жизнерадостное мировоззрение эпохи Возрождения. Конечно, такие выступления в виде острот, каламбуров и намёков актёры могли себе позволить только тогда, когда среди зрителей не было видно подозрительной фигуры полицейского чиновника или шпиона инквизиции.

Но были и более глубокие причины, сделавшие комедию дель арте особенно привлекательной для народа,—самые маски. Панталоне изображал старого, богатого, скупого купца, постоянно попадающего впросак Капитан достаточно откровенно пародировал испанского офицера — недаром ему давалось нередко имя Матаморос (буквально — «истребитель мавров») — хвастуна, бахвала и труса. Доктор изображал врача и юриста, человека по положению учёного, на самом же деле такого неуча и шарлатана, каких немало развелось в это время. Слуги — на них держалась вся интрига — обычно носили имена Арлекина и Бригеллы и забавно изображали крестьян, попавших в большой город в качестве слуг, обводивших вокруг пальца своих хозяев ради успеха в любовных делах молодых людей — сына и дочери Панталоне и Доктора. Все эти маски сатирически изображали типы своего времени.

Профессиональное мастерство актёров комедии дель арте, их уменье поддерживать в течение всего спектакля напряжённый интерес и вызывать непрестанный смех у любых зрителей стали причиной приглашения актёрских коллективов ко дворам владетельных особ. Здесь актёры комедии дель арте столкнулись с «учёной комедией». Они по-своему оценили её преимущества: уменье строить интригу, создавать бытовые ситуации. Но в то же время они не могли закрывать глаза на её недостатки: она была мало сценична и потому народом не принималась. Комедия дель арте взяла от «учёной комедии» только сюжет, придавая ему то сценическое воплощение, которое менялось не только от труппы к труппе, но и от спектакля к спектаклю, в зависимости от актёрской импровизации.

Возникнув в Венеции, комедия дель арте стала первым профессиональным театром Западной Европы. Самостоятельное значение она приобрела в Южной Италии, где возникли новые маски, не известные Венеции: Тарталья, Ковиелло, Пульчинелла (прототип позднейшего известного Полишинеля). Труппы комедии дель арте выезжали на гастроли в другие страны, где способствовали возникновению местного

Спящая Венера.
Джорджоне. 1505—1510 гг.

профессионального театра. Но комедия дель арте не имела и не могла создать национальной драматургии, а потому и не сыграла такой мировой роли, как английский или испанский театр.

2. Итальянская философия XVI и первой половины XVII в.

Античное наследие

К началу XVI в. новая светская философия имела уже свою традицию, связанную с именами Лоренцо Валла, Пико делла Мирандола, Марсилио Фичино. Она развивалась в рамках итальянского гуманизма с его обращением к древности и отрицанием средневековых взглядов на природу и человека. Главным наследием античности в области философии по-прежнему остаются системы Платона и Аристотеля. Но в отличие от схоластики, которая видела в этих системах только обширный материал для богословских споров, новое направление мысли, связанное с гуманизмом, ищет у древних авторов живую струю, враждебную церковности.

Для всего дальнейшего развития философии большую роль сыграло расширение круга литературных памятников древности, открытых или восстановленных в своём настоящем виде благодаря филологической деятельности гуманистов. Учёные-греки Георгий Плетон, Георгий Трапезунтский и Феодор Газа, которых турецкое нашествие заставило покинуть родину, своими переводами с греческого языка сильно способствовали освобождению подлинного облика античных мыслителей от средневековых наслоений. Первые собрания сочинений Платона и Аристотеля были напечатаны в конце XV — начале XVI в. знаменитым венецианским издателем Альдом Манупием.

Изучение античных авторов познакомило гуманистическую литературу с отрывками из сочинений древнейших греческих материалистов. Таким образом, в обиход философской мысли эпохи Возрождения вошли простые, но глубокие догадки Гераклита и других ионийских натурфилософов. Эти наивные материалистические идеи получили громадное распространение в XVI в., когда успехи естественных наук ещё отставали от живой потребности в общей картине мира, которую можно было бы противопоставить средневековому теологическому мировоззрению. Более зрелые формы древнего материализма были известны по сочинениям Цицерона (полемика с Эпикуром). Важную роль в процессе восстановления материалистической традиции сыграло ознакомление с поэмой великого римского мыслителя Лукреция — «О природе вещей».

Спор о Платоне и Аристотеле

Главное направление философской мысли этой эпохи ведёт от идеализма к материализму. Но борьба передовых умов против средневекового мировоззрения происходила в обстановке величайших трудностей и противоречий. Как бы ни были высоки достижения итальянской городской культуры XIII—XV вв., её общественная база оставалась слишком узкой и ограниченной. Отсюда рано возникшие настроения упадка и пессимизма; отсюда также попытки заменить недостающие реальные звенья науки мистическими фантазиями. Новые взгляды на природу и человека выступают в сложной, обременённой средневековыми пережитками и отвлечённой форме, которая часто изменяет их до неузнаваемости.

Ссылаясь на Аристотеля, схоластика сводила всё многообразие природы к мёртвой классификации форм. Она рассматривала бога как внешнюю причину мира, а в человеке резко отделяла бессмертную душу от тела. Рядом с этой системой аристотелевской схоластики даже идеализм Платона казался путём к более живому и цельному взгляду на мир. Особенно популярным в эпоху Возрождения было учение платоников о «мировой душе» как непосредственном начале жизни в самой природе. Идеи Платона часто служили пантеистической формой для изложения взглядов, по существу близких к материализму. Следы влияния Платона мы находим даже у таких мыслителей, как Джордано Бруно.

Спор о сравнительных достоинствах Платона и Аристотеля начался ещё в XV в. среди византийских гуманистов, но основные произведения, в которых излагалась сущность этой полемики, получили известность благодаря печатному станку только в следующем столетии. Центром распространения платонизма при Козимо и Лоренцо Медичи стала Флоренция. Преподаванием системы Аристотеля славился университет в Падуе. Столкновение двух философских школ не было безусловно враждебным. Оно осложнялось различными попытками примирить борющиеся точки зрения. Такую попытку предпринял ещё в XII в. испанский араб ибн Рошд (Аверроэс).

Сохраняя материалистическое зерно учения Аристотеля, он облекал его в пантеистическую форму, взятую у платоников. Таким образом, наиболее мёртвые, с точки зрения науки, и наиболее ценные для богословия элементы обеих систем исключались или по крайней мере выступали в ослабленном виде. Религиозные понятия толковались символически: бог сливался с природой, бессмертие души — с непрерывностью духовного развития всех людей, человечества.

Чтобы сделать возможной такую систему взглядов в эпоху господства религиозной идеологии, Аверроэс и его последователи выдвигали так называемую теорию двух истин. Они признавали догмы религии ложными с точки зрения разума, но вполне обязательными с точки зрения веры.

Аверроизм, принимающий в качестве основы мира единую, вечную материю, способную развивать из себя самой все свои жизненные формы, вплоть до высшей формы всякой жизни — безличного мирового разума, укрепился в Падуанском университете, где он имел последователей уже в XII в., главным образом среди врачей. Среди многочисленных аверроистов эпохи Возрождения наиболее известны Николетто Верни, Алессандро Ахиллини и Агостино Нифо (1473—1546), издатель и комментатор сочинений Аверроэса. По мере обострения идейной борьбы эта школа теряет своё значение.

Недостатки аверроизма вызвали полемику со стороны другого направления учёных-вольнодумцев Падуанского университета. Ссылаясь на греческого комментатора Александра Афродизийского, противники Аверроэса старались развить материалистический элемент учения Аристотеля более последовательно. Если пантеисты признавали человеческий разум бессмертным, как малую часть всемирной духовной силы, то их противники, так называемые александристы, полностью отрицали бессмертие души, полагая, что она умирает вместе с телом. Всё это, разумеется, излагалось под покровом «теории двух истин», т. е. правильность материалистического взгляда допускалась лишь условно, как истина низшего порядка, не совпадающая с христианским откровением. Но такая предосторожность не помогла «александристам», и выдвинутое ими толкование Аристотеля было осуждено Беневентским собором 1513 г. вместе с толкованием Аверроэса.

Пьетро Помпонаццо

Главный представитель школы «александристов» Пьетро Помпонаццо (1462—1524), несмотря на схоластическую форму своих философских сочинений, был одним из самых смелых мыслителей этой эпохи. В своём «Трактате о бессмертии души» (1516 г.) он доказывал, что церковная вера в загробную жизнь не укладывается в рамки человеческого разума и несовместима с учением Аристотеля. Верить в бессмертие души необходимо, ибо этому учит религия. Однако три главных законоучителя — Моисей, Христос и Мухаммед — противоречат друг другу; отсюда видно, что если не всё человечество, то по крайней мере большая часть людей обманута своей верой.

Подобно Макиавелли, Пьетро Помпонаццо смотрит на религию с политической точки зрения. Вера в загробный мир необходима правителям в качестве средства более сильного, чем награды и наказания. Философы не нуждаются в подобных сказках. Но таких людей мало, и они — единственные боги на земле. Свою награду они видят в самой добродетели и больше всего стремятся к исследованию истины. Поэтому они бедны, гонимы, их презирает толпа, преследует инквизиция. В учении Помпонаццо слышен отзвук кризиса гуманистического движения. Его идеал — свободный мысли-

тель, живущий в трагическом противоречии с окружающей средой и сохраняющий своё философское мировоззрение в тайне — для немногих мудрецов, способных понять слово истины.

Материалистические идеи XV—XVI вв. были отражением общего жизнерадостного настроения, связанного с народным подъёмом эпохи Возрождения, падением авторитета церкви и монашества. Но развитие передовых идей совершалось в сравнительно узких рамках гуманистических кружков и учёных обществ. Религиозное вольнодумство эпохи Возрождения было в сущности далеко от народа, а углубление классовых противоречий заставило значительную часть гуманистов почувствовать свою зависимость от богатых покровителей и князей. Отсюда атмосфера одиночества вокруг таких людей, как Помпонаццо, отсюда также их внешнее примирение с религией.

Но примирение научного мировоззрения с религией задевало и внутреннюю сторону учения «александристов». Их отрицание бессмертия души после смерти тела означало важный шаг вперёд. И всё же этот прогресс в одной области был связан с отступлением от завоёванных позиций в другой. Отвергая пантеизм, признающий материальную природу божественной, «александристы» возвращались к наиболее мёртвой стороне философии Аристотеля — его учению о косности материи, которая нуждается в творческой духовной силе, дающей миру многообразие форм и начало движения, — т. е. к богу. Таким образом, обе школы последователей Аристотеля были недостаточно решительны, чтобы полностью порвать с наследием средневековой схоластики.

Натурфилософия

Более значительное место в истории материализма принадлежит так называемой натурфилософии XVI столетия. Её отличие от учёного вольнодумства падуанцев состояло прежде всего в отказе от обязательных рамок системы Аристотеля. Итальянская натурфилософия в лице Кардано, Телезио, Патрици, Кампанеллы впитала в себя наивную физику древнейших греческих материалистов, с которыми она обнаруживает большое сходство в своих исканиях первоосновы мира и его внутреннего строения. Недостаток фактических сведений о процессах природы до известной степени возмещался смелым прозрением в сущность дела и силой обобщения. Натурфилософия XVI в. даёт немало примеров стихийной диалектики; она содержит возможность всестороннего развития материализма. В противовес аристотелевской схоластике новая философия природы рассматривает движение в неразрывном единстве с материей. В самом сердце природы она находит источник жизни и человеческого мышления. Присущая средневековой схоластике аскетическая противоположность души и тела была разрушена.

Но, охватывая целое, натурфилософия неизбежно, в силу слабости своей научной основы, должна была опускать подробности и посредствующие звенья. Она забывала о реальных гранях между различными царствами природы. Притяжение и отталкивание рассматривались антропоморфически, по аналогии с человеком, как проявление любви и ненависти. Металлы и другие неорганические вещества наделялись свойствами жизни. Горячее убеждение в единстве человека и вселенной приводило к уверенности в том, что звёздное небо оказывает неотразимое влияние на судьбы личности. Так возникала странная смесь глубоких научных прозрений и самых наивных взглядов, основанных на примитивной вере в алхимию, магию, астрологию и другие псевдонауки, получившие широкое распространение в XVI в.

Джироламо Кардано

Типичным представителем итальянской натурфилософии был Джироламо Кардано (1501—1576). Человек поразительной разносторонности и энергии, он много странствовал и прожил бурную жизнь, полную разнообразных приключений. Его автобиография «О собственной жизни» является замечательным памятником общественной психологии XVI в. Добившись большой известности в качестве врача, Кардано очень гордился своими исцелениями, но ещё больше — своей мнимой способностью предсказывать будущее.

Бесспорны достижения Кардано в области математики. Он исследовал преобразования корней, изучал отрицательные корни в уравнениях, впервые ввёл в математику мнимые величины. Ему приписывается так называемая формула Кардано для решения кубических уравнений. Кардано занимался теорией рычагов и весов; «карданные механизмы», «карданные передачи» до сих пор связаны с его именем. И всё же этот выдающийся математик верил в пифагорейскую магию чисел, в «демона», способного внушить ему самые замечательные открытия.

Основная проблема философских взглядов Кардано — это проблема космоса; вселенная представляется ему единым целым, в котором всё связано между собой: земля и небо, природа и человек. Эта глубокая идея выступает у Кардано в самой фантастической форме. Вселенная для него божественна. Она сама есть бог, единый и вечный, но заключающий в себе начало всех противоречий бытия. Единство мира рождается в борьбе противоположностей. Смысл и содержание этого процесса состоит в развитии жизни, которая возникает из самой материи, точнее из её активного начала — небесного тепла. Вторым элементом мира, пассивным и более сложным, является влажность. Её проявления суть вода, воздух и земля. Кардано считает тепло связывающим и жизнетворным началом. Тепло является главным элементом мира: в соединении с сухим оно превращается в огонь, в соединении с влажным переходит в жизненное тепло, которое проникает собой вселенную и образует «мировую душу». Борьба тепла и холода, жизни и смерти лежит в основе развития мира.

Жизненное начало, присущее материи и представляющее её духовную сторону, создаёт «симпатию» всех вещей, стремление к всеобщей гармонии, полному единству противоречивых начал. Всё в природе испытывает притягательный порыв друг к другу. Подобное притягивается подобным. Собственно говоря, в природе нет ничего совершенно безжизненного, лишённого этой симпатической силы. Металлы и минералы суть только несовершенные соединения противоречивых элементов. Что касается растений, то у них можно заметить первые зародыши любви и ненависти. В мире животных всё это развивается уже в полной мере. Наиболее развитой силой жизни обладает человек, вершина природы, посредствующее звено между землёй и небом. Человеческий дух как высшее порождение космоса отражает его бесконечность и сам бесконечен. Посредством разума человек возвышается над прочими вещами в природе, при помощи своей руки он подчиняет их себе.

Легко заметить, что в этой поэтической картине мира есть верное материалистическое зерно, облечённое в самую странную, иногда мистическую форму. Вопрос о боге и бессмертии души Кардано решает в духе пантеистов, по отношению к догмам религии он занимает позицию, близкую к Помпонаццо. Хотя разум одинаково бессмертен во всех людях, немногие из них достигают такого уровня, при котором необходимы только внешняя осторожность и соблюдение установленных обычаев, а внутренняя жизнь остаётся свободной. Таким людям Кардано склонен приписывать божественность; правда, требования к ним особенно велики.

Этика Кардано основана на героическом порыве. Лучшее качество в человеке — стремление к добру. Но подлинное добро и соответствующее ему счастье могут быть достигнуты только в борьбе. Счастье лежит в несчастье, говорит Кардано, как каштан в колючей скорлупе. Забота, нужда и бедность ведут отдельного человека или целый народ (например, римлян) через борьбу к победе, моральному благу и политическому могуществу. Без борьбы человек живёт, как нищий, влача жалкое существование. Содержанием борьбы является достижение целесообразности, а высшая цель — это соответствие природе, ибо природа есть вечное начало, и к слиянию с вей должен стремиться человек. Кардано обращается к этическому принципу древних стоиков: «Следуй природе».

Но этой гармонии с мирозданием достигают лишь немногие мудрецы, а для большинства людей необходим внешний закон, необходимо и государство, охраняющее этот закон. Отсюда видно, что государство в глазах Кардано является результатом

общественной немощи и морального несовершенства людей. Он примиряется с ним, но ненавидит худший вид государства — тиранию. Тирана нужно уговорить, а если этого сделать нельзя, то нужно уничтожить его любой ценой. Сами силы смерти — яд змей, смертоносный сок растений — созданы природой для того, чтобы уничтожать тиранов.

Таковы политические взгляды Кардано. Если он, подобно Помпонаццо и другим представителям позднего гуманизма, возводит в принцип своей общественной философии горькое одиночество духовно развитых людей, утративших свою связь с народом, то его призыв к борьбе против тирании свидетельствует о том, что этот одарённый человек, погружённый в свои фантастические теории, не остался равнодушным к поражению демократической партии в итальянских городах XVI в.

Бернардино Телезио

Другим выдающимся представителем итальянской натурфилософии XVI в. был Бернардино Телезио (1508—1588). Уже во время пребывания в Падуанском университете он начал борьбу против непоследовательности своих учителей, которые преклонялись перед авторитетом Аристотеля и в силу этого не могли порвать с традиционными схоластическими представлениями. Особенно плодотворно протекала деятельность Бернардино Телезио в Неаполе, где он создал научное общество с целью изучения природы («Академия Телезиана», или «Козентина»). Эта «Академия» послужила образцом для многих подобных обществ в Италии. Деятельность Телезио вызвала преследования со стороны монахов, а его сочинения были внесены в «Индекс книг, подлежащих очищению», т. е. фактически запрещены. Изучение природы на основании её собственных законов является для Телезио высшим принципом философии. В отличие от Кардано он подчёркивает важность тщательного наблюдения и опытного исследования физических процессов. Не располагая сколько-нибудь достаточным материалом, Телезио вынужден строить свою картину мира на основании догадок и слишком широких обобщений. И всё же материалистическая философия природы делает в его учении важный шаг вперёд. Недаром основоположник английского материализма Френсис Бэкон ценил заслуги учёного козентинца.

Материя, или «нечто телесное», играет важную роль в системе Бернардино Телезио. Он отвергает учение Аристотеля о господстве формы над материей. По мнению Телезио, типы вещей, или «формы», определяющие различие между ними, не имеют самостоятельного существования. Они возникают в процессе движения материи, которая во всех вещах в качественном отношении однородна, а в количественном — не может быть увеличена или уменьшена. Отсюда видно, что из наследия древней философии Телезио сумел сделать вывод, очень важный для развития нового естествознания.

Но почему же материя движется? Телезио стремится понять источник движения и находит его в противоречии двух начал — тепла и холода. Теплота аккумулируется в солнце и сама исходит из него. Холод заключён в земле. Под влиянием тепла всё телесное расширяется, под влиянием холода — сжимается. Изменение материи под влиянием тепла рождает жизнь, изменение её под влиянием холода влечёт за собой окоченелость и покой. Из борьбы и различного взаимоотношения тепла и холода, из расширения и сжатия материи в связи с изменением температуры возникает кругооборот веществ в природе, возникает всё многообразие вещей — неорганический мир, растения, животное, человек. Несмотря на то, что это объяснение слишком наивно, в нём заключается важная мысль — принцип единства и сохранения материи во всех её превращениях.

Диалектическая идея борьбы противоположностей является общим достоянием натурфилософии эпохи Возрождения. Однако в лице Телезио передовая мысль этой эпохи ещё не может преодолеть до конца метафизический взгляд Аристотеля на природу вещественной субстанции. У Телезио материя остаётся бескачественной и пассивной. Тепло и холод выступают как внешние силы, борющиеся за судьбы мира.

Отсюда неизбежно проистекает фантастическое преувеличение роли активного начала, каким является, в глазах Телезио, сила тепла. Отсюда также не менее фанта-

стическое представление о незримом жизненном духе, который как бы связывает мировое тепло с человеческим существом. Дух этот, собственно, представляет собой тончайшую и очень подвижную материю, особый нервный эфир, чьё присутствие в нашем теле является основой его чувствительности и даёт возможность познания окружающих вещей. Но не только в человеческом организме работает жизненный дух. Вся материя обладает способностью чувствовать, она населена незримыми существами. В человеке нервный эфир не только ощущает, он судит, сравнивает, делает логические заключения.

Таким образом, учение Телезио содержит в себе много противоречий и слабостей. Относительная, но важная грань между объективным и субъективным, физическим и психическим ещё не понята им с достаточной ясностью. Вместе с тем, как человек эпохи Возрождения, он ничего не желает знать о дуализме духа и материи — той отрицательной черте, которая входит в новую философию вместе с Декартом. К числу неизбежных слабостей учения Бернардино Телезио принадлежит и внешний компромисс с религией, признание особой, бессмертной души, вложенной в человека самим божеством. Но это признание носит формальный характер; Телезио объявляет его делом веры, не имеющим отношения к научной картине мира.

В области теории познания Телезио также сделал важный шаг вперёд, выступая против засилья умозрительного метода, основанного на преувеличенной оценке логики Аристотеля. Телезио — убеждённый сенсуалист. Деятельность души зависит от тела, а знание о внешнем мире дают нам органы чувств и только они. При помощи чувств человек воспринимает видовые и родовые признаки вещей, обозначая их различными именами. Общее в суждениях берётся из частного, разум обобщает то, что дают ему ощущения. На этом построены все науки, не исключая и геометрии.

Патрици и Кампанелла

Последователь Телезио Франческо Патрици (1529—1597), сочинения которого также попали в индекс осуждённых книг, напоминает Кардано своей склонностью к пантеистической фантастике в духе платоновской «мировой души». Материалистическая тенденция Патрици выражается в том, что природа для него не отрицательное начало, искажающее духовную субстанцию мира, как у платоников, а, наоборот, высшее, наиболее полное и живое воплощение божественного разума.

Основная проблема философии Патрици — единство мира. Он понимает диалектическую связь единичного и всеобщего, конечного и бесконечного в природе. Сама идея бесконечности материального мира, которую твердо высказывает Патрици, считалась в эту эпоху опасной ересью. Патрици старался подтвердить её астрономическими соображениями. Как и Телезио, он принимает учение Коперника.

Другим последователем Телезио в области натурфилософии был Томмазо Кампанелла.

В своей философии природы Кампанелла, вслед за Телезио, развивает мысль о противоречивых силах, воздействующих на пассивную материю. С другой стороны, он находится под влиянием псевдонаучных, мистических учений астрологии и каббалистики. Природа для него есть эманация божества. Всё в ней —лишь отображение вечного разума. Внутренней жизнью всех вещей является стремление вернуться к божественному началу. Натурфилософская фантазия Кампанеллы принимает грандиозные размеры. Земля — это большой зверь. Люди суть черви, копошащиеся в теле этого зверя, подобно тому, как мельчайшие существа копошатся в теле человека. В таких странных формах выражает Кампанелла мысль о единстве природы, наличии естественной аналогии между всеми её частями и, наконец, об отсутствии принципиальной разницы между органической и неорганической материей.

Джордано Бруно

Величайшим мыслителем эпохи Возрождения был Джордано Бруно (1548—1600). В нём воплотились лучшие силы итальянского народа в этот период духовного подъёма и трагической борьбы с религиозной контрреформацией. Учение Бруно является синтезом тех элементов, которые

мы находим у Кардано, Телезио и других мыслителей XVI в. Но никто из этих людей не был оригинален в такой степени, как Джордано Бруно, и не оставил такого заметного отпечатка своей личности в истории философии. Эта глубокая самобытность Бруно коренится в его позиции непримиримого борца против средневековых идей. Вот почему в его руках великое открытие Коперника стало острым оружием в борьбе возникающего научного мировоззрения против религии.

Джордано Бруно был выходцем из народа. Он родился в маленьком городке Нола, близ Неаполя, в бедной семье. Пятнадцати лет от роду он поступил послушником в доминиканский монастырь. Молодого монаха, смело высказывавшего свои сомнения, подозревали в ереси. Бруно пришлось бежать из монастыря; он сбросил монашеское платье и вскоре покинул Италию.

С тех пор Джордано Бруно стал странствующим проповедником нового мировоззрения, основанного на преклонении перед величием окружающего материального мира. Он побывал во Франции, жил в Оксфорде и Лондоне, Женеве и Виттенберге. Повсюду Бруно поднимает знамя борьбы против аристотелевской схоластики и аскетической церковной морали. Человек великой учёности, он чувствовал себя чужим во всякой корпорации учёных мещан. «Академиком никакой академии» назвал он себя на титульном листе своей сатирической драмы «Подсвечник». Его преследует ненависть церковников и учёных педантов. Не зная пристанища и не имея средств к существованию, Бруно в конце концов попал в ловушку, хитро устроенную для него инквизицией. Семь лет тюремного заключения и пыток не сломили волю Джордано Бруно. Узнав, что ему предстоит смертная казнь, он произнёс свою знаменитую фразу: «Вы с большим страхом произносите свой приговор, чем я выслушиваю его». Джордано Бруно был сожжён в Риме, на площади Цветов, 17 февраля 1600 г.

В своей натурфилософии Бруно развивает общие философские выводы из гелиоцентрической системы Коперника. Но Бруно идёт дальше Коперника. Солнце также не является, с его точки зрения, абсолютным центром мироздания. Природа бесконечна, в ней существует множество миров, и каждый из них может считаться центром вселенной. Все наши идеи о верхе и низе, середине и периферии суть только относительные человеческие представления. Бруно даже высказывал мысль, что в любой части вселенной возможны обитаемые миры.

Бесконечная природа материальна, несоздаваема и неуничтожима. Она сама несёт в себе творческий принцип, рождающий всё многообразие явлений. Никто из мыслителей итальянского Возрождения не провозгласил с такой последовательностью свой отказ от аристотелевского взгляда на материю как бесформенное и пассивное начало. Материя находится в состоянии самопроизвольного движения и развития. В этом творческом процессе она сама способна создавать любые формы. Тем не менее, при всей смелости и глубине подобных взглядов натурфилософия Бруно не свободна от общего недостатка материализма эпохи Возрождения. Творческое начало вселенной окутано в его глазах ореолом тайны, оно представляется философу чем-то божественным. Это — «мировая душа», присущая вселенной в целом и каждой отдельной вещи в той или другой мере. Бог существует во всех вещах — таков пантеистический тезис Бруно.

В бесконечной творческой первопричине мира Джордано Бруно объединяет дух и материю, невольно стирая при этом ту важную грань между ними, которая обязательна для научного, материалистического взгляда на действительность. Единству мира как беспредельно большого целого соответствует в его глазах единство и целостность бесконечно малого. Один атом вещества так же неуничтожим и несоздаваем, как целый мир. «Мировая душа» тоже распадается на бесконечно малые центры — монады. Природа во всех своих частях бессмертна. Отсюда Бруно делает вывод о бессмертии души; впрочем, в его понимании духовное начало близко к нервному эфиру Телезио. В сущности этот «дух» — тонкая материя. И всё же учение Бруно о монадах стало впоследствии достоянием идеалистической философии.

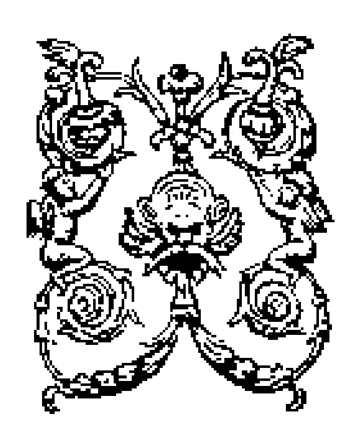
В системе Бруно, как и в других натурфилософских учениях эпохи Возрождения, человек является зеркалом мироздания, посредствующим звеном между земным и небесным, великим и малым. Как мировая душа образует жизненный элемент природы, так отдельная монада живёт в человеке и связывает его с окружающим миром. Высшая форма связи человека с природой состоит в познании, которое является безграничным.

Свой этический идеал Бруно видит в борьбе за правду. Он одинаково презирает и монашеский аскетизм и развращённый образ жизни знатных паразитов. Но больше всего он ненавидит тупую ограниченность, тёмную силу невежества и предрассудков. Бруно верит в героическую энергию человека, его способность разрушить все консервативные преграды, стоящие на его пути к истине и справедливости. «Умственная сила никогда не остановится на познанной истине, но всегда будет идти вперёд и дальше, к истине непознанной».

Лючилио Ванини

Проповедником передовых идей итальянской натурфилософии был также Лючилио Ванини (1585—1619). Подобно Бруно, он отрёкся от духовного звания и вёл жизнь странствующего учителя мудрости. Сначала Ванини придерживался обычной для философии эпохи Возрождения пантеистической формы, но в дальнейшем его взгляды меняются и приобретают более откровенный материалистический характер. Следуя за Бруно в его учении о живом, творческом характере природы, Ванини уделяет больше внимания физическим условиям жизни человека. Он говорит о роли питания, климата, наследственности, как о фактах, от которых зависит общее развитие человека, в том числе и духовное его развитие. Полемика Ванини против христианства носит более резкий характер. Живя во Франции, он вошёл в тесную связь с атеистическими кружками дворянской молодёжи и сам оказал известное влияние на эту среду. Между тем в начале XVII в. внешние условия для пропаганды атеизма изменились. Во Франции началась полоса религиозных преследований. Одной из первых жертв церковной реакции стал Лючилио Ванини. Обвинённый тулузским парламентом в безбожии, он пытался скрыть свои действительные взгляды, но перед смертью проявил высокое мужество и отказался от покаяния. Ванини был сожжён, после того как ему предварительно вырвали язык.

Этими драматическими событиями заканчивается история итальянской философии эпохи Возрождения. Если в силу исторических условий материализм этой эпохи носит непоследовательный характер, то, с другой стороны, передовое научное мировоззрение выступает здесь против средневековых идей с такой свежестью и героическим энтузиазмом, с такой широтой и прозрением в будущее, что наследие этой эпохи всегда останется одной из самых ярких страниц в истории человеческого мышления.

ГЛАВА VII
РЕФОРМАЦИЯ И ВЕЛИКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ГЕРМАНИИ

1. Экономическая и политическая обстановка в Германии в начале XVI в.

В начале XVI в. «Священная Римская империя германской нации» продолжала оставаться политически раздробленной страной с неустановившимися и в ряде мест спорными границами. Господствовавшие в Германии княжеские клики вовсе не стремились к государственному объединению, страны. Цель предпринятой ими в конце предыдущего века так называемой имперской реформы заключалась в том, чтобы несколько укрепить империю при сохранении суверенитета князей. Это казалось им необходимым в связи с образованием в Европе централизованных государств. К началу XVI в. обнаружилось, что «имперская реформа» не удалась. Состоявшая из обособленных территориальных княжеств и многочисленных имперских графств, прелатств и городов империя всё больше и больше уступала консолидировавшимся силам соседних народов. Швабский союз и германский император потерпели поражение в своих попытках подчинить швейцарцев и после разгрома войск императора и князей в 1499 г. были вынуждены признать договором 1511 г. независимость Швейцарского союза. В происходивших в это время итальянских войнах германский император Максимилиан I терпел поражения не только от Франции, но и в борьбе с Венецией. В международных отношениях начала XVI в. роль германского императора была жалкой. Однако с конца XV в. универсалистские политические претензии Габсбургов пользовались активной поддержкой феодально-католических реакционных сил Европы, в первую очередь папства. Опираясь на военные силы и богатства своих обширных наследственных земель, вступая в финансовые сделки с крупнейшими торгово-ростовщическими фирмами того

времени, проводя политику династических браков, император Максимилиан I и австрийские эрцгерцоги стремились подчинить немецких князей и подготовляли распространение власти Габсбургов на ряд европейских государств. Наиболее широких размеров габсбургская держава достигла позже, при внуке Максимилиана I — Карле V (1519—1556). Со стороны матери Карл был внуком испанских католических королей — Фердинанда и Изабеллы. В 1516г. Карлу достался в наследство испанский престол со всеми испанскими владениями в Европе и за океаном. Благодаря усилиям Максимилиана Карл был избран курфюрстами его преемником в «Священной Римской империи». Таким образом, в 1519 г., после смерти Максимилиана, Карл объединил огромные владения испанской короны со всеми землями, входившими в состав империи. При Карле V претензии на мировой «христианский» характер Габсбургской державы подкреплялись огромными размерами подчинённых ему территорий в Старом и Новом Свете.

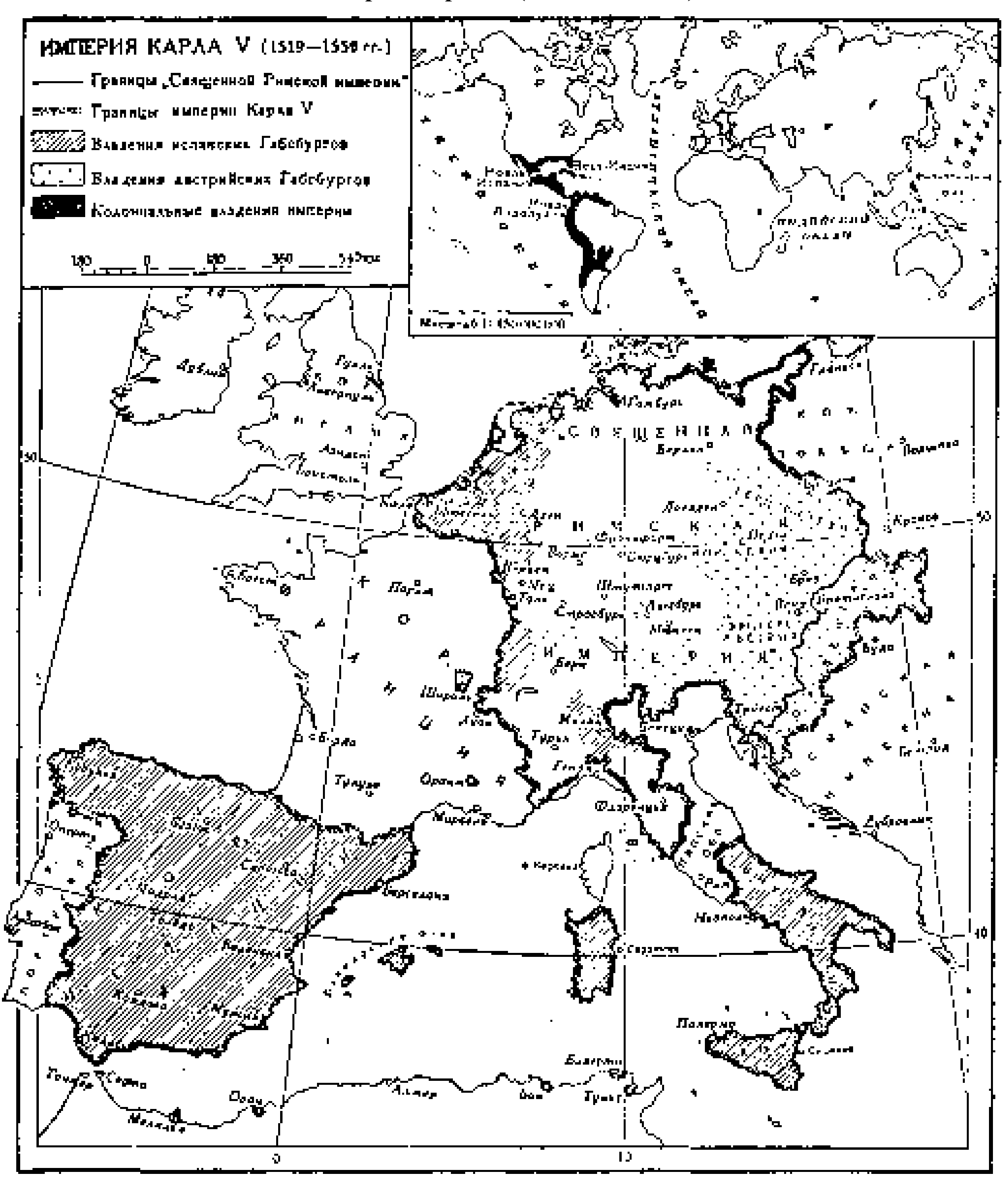
Экономические и социальные процессы, имевшие место в Германии в начале XVI в., содержали в себе предпосылки дальнейшего обострения классовой и политической борьбы. В стране продолжал господствовать феодальный способ производства, подавляющее большинство населения составляло феодально-зависимое крестьянство; в городах сохранялось цеховое ремесло. Однако элементы капиталистического производства становятся в первые десятилетия XVI в. весьма распространёнными. В области строительства и книгопечатания имелись уже предприятия, в которых работало по 10—20 и более наёмных рабочих. Такие предприятия относились тогда к разряду крупных. В текстильном производстве, а отчасти в области изготовления металлических изделий всё больше места занимала так называемая система авансирования (Verlagsystem). Суть этой системы заключалась в том, что купец, сбывавший продукцию ремесленного производства более или менее крупными партиями на отдалённых рынках, авансировал ремесленников деньгами, а часто также доставляемым издалека сырьём, обеспечивая таким образом бесперебойное поступление готовых товаров в нужном количестве и на выгодных для себя условиях. При этой системе непосредственные производители, продолжая работать у себя дома и сохраняя видимую самостоятельность, фактически были подчинены авансировавшему их капиталисту, в экономическую зависимость от которого они попадали.

В ряде случаев в качестве авансирующего лица выступал разбогатевший мастер, ставший купцом и предпринимателем. Так, в текстильном производстве ряда городов Вюртемберга главную роль среди лиц, дававших аванс, играли красильщики, подчинившие себе разорённых ремесленников, занятых в производстве тканей. Тоже явление имело место в шёлкоткацком производстве в Кёльне, в производстве сукна в Ротенбурге-на-Таубере и в ряде других городов Средней и Юго-Западной Германии.

Во Франкфурте-на-Майне, в Ульме, Страсбурге, Гейльбронне, Меммингене, Констанце и многих других городах предприниматели, авансируя производителей деньгами и сырьём, вовлекали в производство и эксплуатировали наряду с городскими ремесленниками также и население прилегающей к городам деревенской округи, где не существовало цеховой регламентации. Цеховые бумазейщики Ульма, Страсбурга, Констанца и других городов жаловались магистрату на конкуренцию сельских ткачей, работающих на купцов, и указывали, что эта конкуренция их разоряет.

Эти явления, встречавшиеся нередко в XVI в. не только в текстильной, но и в кожевенной, бумажной и некоторых других отраслях промышленности, относятся уже к ранней форме капиталистического производства, к рассеянной мануфактуре. Непосредственные производители, всецело зависевшие от предпринимателей-раздатчиков, всё больше и больше превращались в наёмных рабочих, подвергавшихся усиленной эксплуатации. Предприниматели изыскивали разные методы снижения оплаты труда работавших на них производителей. Одним из таких

Империя Карла V (1519—1556 гг.)

методов была расплата изделиями данного производства. При этом товары оценивались выше той цены, за которую рабочий мог продать их на рынке. На расплату товарами, производимую с целью снижения оплаты труда, жаловались уже в конце XV в. кёльнские ткачи шёлка и другие рабочие.

Весьма ярко выраженные формы получило проникновение капитализма в горную промышленность Германии. В средние века Германия занимала видное место среди европейских стран с развитой горной промышленностью, особенно в отношении добычи благородных металлов. По добыче серебра Германия значительно превосходила все остальные страны Европы. Своё превосходство в области добычи серебра она сохранила вплоть до массового притока в Европу драгоценных металлов из Нового Света, но и после этого немецкие предприниматели продолжали господствовать в этой отрасли производства благодаря своим тесным торговым связям с Испанией, являвшейся главной поставщицей благородных металлов из Америки. Кроме того, крупные торговые фирмы — Фуггеры, Вельзеры, Гохштеттеры, Имгофы, Паумгартены и др. владели горными разработками в других странах Европы, в том числе в Чехии, Венгрии и в богатых рудой австрийских землях.

Зарождению капиталистических отношений в различных отраслях горной промышленности благоприятствовали в то время как высокий спрос на их продукцию, выгодные условия сбыта крупными партиями на производство оружия, так и усложнение техники горного дела. С углублением шахт добыча руды стала невозможной без крупных затрат на воздухопроводные и водоотливные трубы и другие сооружения. Усложнившийся процесс добычи руды, её транспортировки, толчения и промывки требовал одновременного участия многих лиц и организованного разделения труда. Формы и характер проникновения капиталов в горную промышленность Германии определялись в значительной мере следующим обстоятельством: князья и императоры габсбургского дома, постоянно нуждаясь в деньгах, заключали займы с крупными торгово-ростовщическими фирмами и закладывали им горные богатства своих территорий с правом получения всей добычи. В XVI в. Фуггеры и другие фирмы Южной Германии сдавали горные промыслы предпринимателям, а нередко и сами участвовали в непосредственной эксплуатации рудников, в их снабжении новым оборудованием и организации производства на основе наёмного труда.

Эти немецкие фирмы, нажившие огромные состояния на международных торговых и кредитных операциях, вкладывали свои капиталы в горную промышленность не только Германии, но и Австрии, Чехии, Венгрии и других стран Европы. Фирма Вельзеров владела также разработками меди и серебра в Америке. Фуггеры вкладывали капиталы не только в горную, но и в другие отрасли промышленности. Таким образом, Фуггеры и другие крупные компании Южной Германии сочетали деятельность ростовщиков, торговцев-монополистов и промышленников, причём все эти функции переплетались. Они извлекали капиталистическую прибыль, эксплуатируя наёмный труд. Однако основные свои доходы от горной промышленности они получали благодаря привилегиям и. монопольным правам. Используя эти права, южно-германские фирмы заключали между собой соглашения о ценах, удерживая их на высоком уровне. В борьбе с конкурентами они опирались на силу своих торговых привилегий и монополий. Поэтому если ульмские предприниматели-раздатчики, организовавшие в деревенской округе производство бумажных тканей, подорвали своей конкуренцией цеховое ремесло бумазейщиков в городе, то они сами оказались бессильными в борьбе с конкуренцией других городов, где производство бумажных тканей авансировалось Фуггерами. Опираясь на свои финансовые связи и торговые привилегии, Фуггеры обладали особыми средствами нажима и могли создать для своих конкурентов серьёзные препятствия в получении сырья и сбыте готовых изделий. Отсюда то большое возмущение, которое вызывала в кругах немецкого бюргерства в XV—XVI вв. деятельность крупных торгово-ростовщических компаний.

В этот период успехов промышленного развития и общего расцвета немецких городов Германия продолжала занимать центральное положение на путях мировой торговли, «...великий торговый путь из Индии на север, — писал Энгельс, — проходил все еще, несмотря на открытия Васко да Гамы, через Германию, и Аугсбург по-прежнему оставался крупным складочным пунктом для итальянских шелковых изделий, индийских пряностей и всех произведений Леванта. Верхненемецкие города, в особенности Аугсбург и Нюрнберг, являлись средоточием весьма значительного для того времени богатства и роскоши» [1].

Опытные в ведении крупных торговых операций южно-немецкие купеческие компании стремились извлечь для себя всевозможные выгоды из вновь открытых морских путей и развили на первых порах в этом направлении энергичную деятельность в Португалии и Испании, а также в Индии и Америке.

Крестьяне.
Гравюра А. Дюрера. 1497—1500 гг.

Преимущество южно-немецких фирм заключалось в огромных размерах их капиталов. Только во второй половине XVI в. южно-немецкая торговля начинает утрачивать своё первенство. В первой же половине века упадок имел место лишь в ганзейской торговле северогерманских городов, оказавшейся неприспособленной к новым условиям.

В этот период в городах приобретали всё большее значение зарождавшиеся элементы будущего буржуазного общества. В городском бюргерстве, состоявшем в большинстве своём из цеховых ремесленников и связанных с цеховым производством купцов, становилась всё более заметной другая его часть, которая была уже связана с возникавшими в стране зачатками капиталистического производства. Вместе с тем росла самая низшая прослойка городского плебса, состоявшая из выброшенных со своих насиженных мест крестьян, из людей, не имевших никаких цеховых и иных привилегий ни в прошлом, ни в настоящем и лишённых каких-либо перспектив на будущее.

В деревне процессы, начавшиеся уже в XV в., проявились с новой силой. В условиях бурного развития городов и дальнейшего роста элементов капиталистических отношений князья и дворяне стремились ещё более укрепить феодальную собственность на землю и использовать в своих интересах товарное производство. Упразднение наследственности крестьянских земельных держаний и сокращение сроков держаний на время, практиковавшиеся ещё раньше, приняли с начала XVI в. характер

[1] *Ф. Энгельс,* Крестьянская война в Германии, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 7, стр. 346—347.

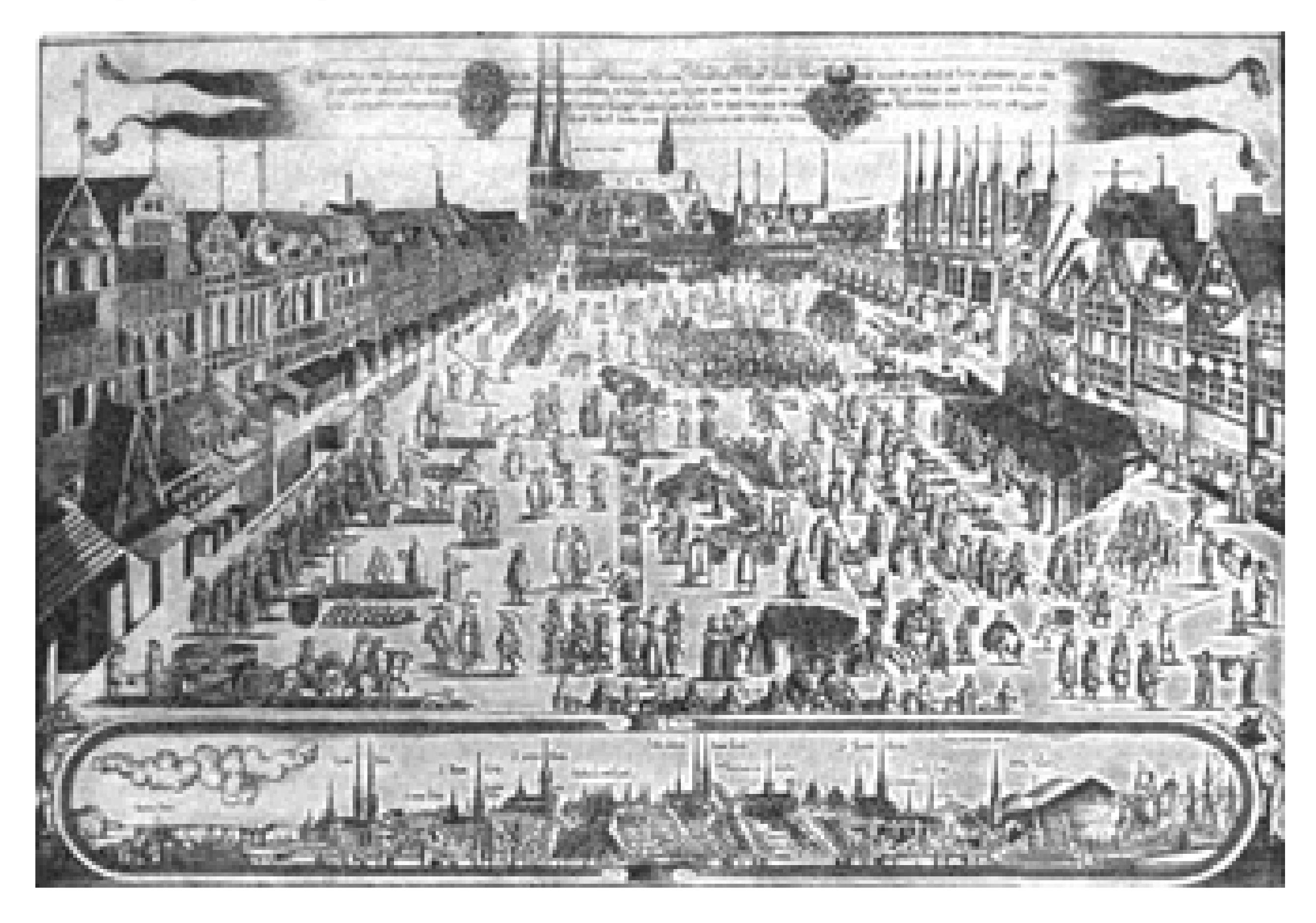
общего наступления феодалов на крестьян. При этом целью феодалов являлось изменение условий держаний — увеличение числа и объёма крестьянских повинностей, недопущение самостоятельного развития крестьянских хозяйств и максимальное присвоение их избыточного продукта.

Среди крестьянских повинностей значительное место занимали те, которые взимались не регулярно, а при определённых «случаях». Наиболее обременительной из этой категории повинностей был «посмертный побор», т. е. побор с наследства умершего крестьянина. Кроме этого побора, который взимался в натуре и по своей ценности часто составлял треть оставленного имущества, феодал брал с наследника и денежный побор за «допуск» к наследству. Поборы взимались феодалами при продаже крестьянином своего имущества и при передаче хозяйства другому лицу. Существовали поборы, взимавшиеся и при других событиях в жизни крестьянина. «Он не мог, — пишет Энгельс о положении немецкого крестьянина перед Крестьянской войной,— ни вступить в брак, ни умереть, без того чтобы господин не получил за это деньги» [1]. Зависимость крестьянина была троякой: он зависел от владельца земли (Grundherr), от «судебного господина» (Gerichtsherr), осуществлявшего на данной территории право суда, и от «личного господина» (Leibherr), т. е. того феодала, крепостным которого данный крестьянин считался. Крестьянин платил повинности, связанные с определёнными «случаями», всем феодалам, от которых он зависел по той или иной линии. В юго-западных землях Германии землевладельцы старались сосредоточить в своих руках все виды господства над своими крестьянами, приобретая у других феодалов права «судебных» и «личных господ». Землевладелец получал, таким образом, полную свободу действия в отношении своего крестьянина, обирая его по всякому поводу в силу своих разнообразных «прав».

Размеры «регулярных» повинностей, натуральных, денежных и отработочных, т. е. тех, которые крестьяне несли ежегодно в виде уплаты чиншей (оброков) и выполнения обязательных работ, не были в юго-западных землях Германии строго фиксированы. С конца XV в. и особенно в XVI в. они всё более увеличивались по мере расширения хозяйственной активности господ. Возросший спрос на вино, а также на шерсть, на лён и другие сельскохозяйственные продукты, нужные для промышленности, побудил землевладельцев расширить производство этих продуктов в своих собственных хозяйствах. Для содержания стад, ухода за посевами, обработки льна и пеньки и выполнения других хозяйственных работ, так же как и для многочисленных перевозок с полей в амбары, из амбаров на часто отдалённые городские рынки, господа прибегали к даровому труду крестьян, к барщине. Во время народных волнений и особенно во время Крестьянской войны 1524—1525 гг. крестьяне жаловались, что их заставляют выполнять все, по терминологии документов, «нужные» господам работы — вспашку и подготовку земли к посевам, все виды обработки и упаковки сельскохозяйственных товаров и их доставку на рынки — «куда господин укажет». К даровым работам привлекались также жёны крестьян и их дети. Там, где более всего усилился феодальный гнёт, т. е. в юго-западных землях, феодалы доводили основную регулярную повинность крестьян — поземельный чинш до весьма значительных размеров и стремились к его дальнейшему максимальному повышению. Кроме чинша, барщины и нерегулярных поборов, крестьянин уплачивал налоги князю и церковную десятину — «большую десятину» с урожая зерна и «малую десятину» со всех других сельскохозяйственных культур и скота. Всё это составляло чрезвычайно сложную систему повинностей. Крестьянское хозяйство рассматривалось господами как основное средство удовлетворения всех их потребностей. Сама господская земля обрабатывалась крестьянским инвентарём. Эти обстоятельства сильно препятствовали самостоятельному развитию крестьянского хозяйства и возникновению в нём бур-

[1] *Ф. Энгельс,* Крестьянская война в Германии, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 7, стр. 356.

жуазных отношений. Усилившаяся феодальная эксплуатация не оставляла места и для проникновения в деревню капиталистических элементов извне. Появившиеся в немецкой деревне в конце XV и начале XVI в. ростовщики взимали с крестьян «дополнительный чинш» (Uberzins), представлявший собой ростовщический процент на данную когда-либо ссуду. Во многих местах крестьяне жаловались, что их хозяйства отягощены всевозможными чиншами и поборами разного происхож-

Рыночная площадь в Любеке.
Гравюра около 1580 г.

дения, поглощающими весь урожай и обрекающими их самих, их жён и детей на голод.

Наряду с увеличением всевозможных феодальных поборов и налогов крестьяне страдали и от захватов общинных земель и ущемления своих прав на пользование общинными угодьями, где паслись многочисленные стада, принадлежавшие феодалам. Феодалы продавали общинный лес и запрещали крестьянам охоту и рыбную ловлю. В целях обеспечения барской охоты крестьянам запрещалось уничтожать дичь, которая наносила вред их полям.

Крепостное состояние крестьян помогало сеньорам усиливать феодальный нажим, давая феодалам возможность распоряжаться имуществом и трудом крепостных крестьян. Поэтому восстановление значительно ослабленного в предшествующий период крепостного состояния приняло с начала XVI в. массовый характер, особенно в юго-западных землях Германии. Это вызывало сильное недовольство крестьян. Требование освобождения от крепостного состояния сделалось во время Крестьянской войны самым общим требованием восставших.

Стремление феодалов к расширению своих собственных хозяйств и наступление их на права крестьян проявлялись во всех частях Германии. Однако на востоке и на севере эти стремления господ не могли быть реализованы до подавления Великой крестьянской войны. На востоке в захваченных у славян землях немецкие крестьяне, издавна находившиеся там в привилегированном положении по сравнению не только с местным населением, но и с крестьянством других районов Германии, жили в лучших условиях, чем их собратья на юго-западе. На северо-западе борьба внутри господствующего класса — между князьями и дворянством — облегчала сопротивление крестьян. Зато в юго-западных землях Германии усиление феодального гнёта проявлялось с наибольшей силой. Здесь существовали уже в конце XV в. особые организации (главной из них был Швабский союз), служившие целям подавления крестьянского сопротивления и подчинения' крупным князьям сил и средств рыцарства и городов. В этих землях бурный экономический подъём рейнских городов и рост товарного производства породили у феодалов стремление к расширению их собственных хозяйств и увеличению крестьянских повинностей.

2. Нарастание оппозиции феодальному строю и католической церкви

Обострение классовой борьбы народных масс и деятельность союза «Башмак»

С наступлением феодальной реакции нарастала борьба крестьян. Для классовой борьбы XVI в. характерно значительно более тесное сближение крестьянской массы с городскими низами, чем в предшествовавший период. Усиление же крестьянско-плебейского лагеря не могло не оказать влияния на радикальные элементы в бюргерстве и на известный подъём бюргерской оппозиции вообще. Эти новые моменты в классовой борьбе в Германии проявились в начале XVI в. в деятельности тайных обществ «Башмака».

Такое крестьянское общество было раскрыто в 1502 г. в Шпейерском епископстве. Его участники намеревались, подняв знамя «Башмака», подчинить своей власти епископство, маркграфство Баденское и другие соседние территории, с тем, чтобы осуществить всю широкую антифеодальную программу — программу раздела между Крестьянами имущества духовенства, сокращения числа духовных лиц, упразднения всех феодальных платежей и всякой феодальной зависимости, возвращения в свободное пользование крестьян всех узурпированных общинных угодий. Участники тайного общества рассчитывали при этом не только на завербованных заговорщиков, но главным образом на силу стихийного восстания народных масс. Задачу тайного общества они видели в подготовке боевых групп, которые сделают первый шаг, захватив город Брухзаль (в Шпейерском епископстве) в качестве опорного пункта. Отсюда они поведут в военный поход народные массы сёл и городов, которые, по их убеждению, сразу поднимутся и присоединятся к ним. Современники считали, что для такой уверенности были все основания. Один из них писал: «Если бы заговор остался нераскрытым ещё один месяц, то существовала угроза присоединения к нему такой массы народа, подавление которой потребовало бы большого кровопролития, а, по мнению некоторых, подавить его было бы совсем невозможно, потому что все стремятся к свободе и обременены тяготами со стороны духовенства и знати...»

Рассчитывая на стихийное восстание народных масс, участники тайного общества не были способны к руководству движением и к подготовке и организации восстания. Дело не дошло даже до открытого выступления самих членов тайного общества, планы которых были выданы предателем. За исключением спасшегося Иоса Фрица, самого выдающегося и талантливого руководителя, и некоторых других лиц, все остальные руководители и многие участники тайного общества были арестованы и преданы жестокой казни. Многим по решению суда были отрублены пальцы на правой руке, которые поднимались участниками союза в знак присяги, а их имущество

Центральная Европа в эпоху Реформации и Крестьянской войны

захвачено господами. Характер деятельности общества свидетельствовал о широком распространении недовольства не только в деревне, но и в городе. Особую тревогу в господствующем классе вызывала пропаганда в крестьянско-плебейской среде «божественной справедливости», которая представляла собой по существу подрыв католической церковной идеологии. Об ужасе, охватившем тогда круги господствующего класса, можно заключить из слов секретаря шпейерского епископа, писавшего после раскрытия заговора: «Всемогущему богу, от которого исходит всякое верховенство и власть господ, надо вознести хвалу и благодарность за то, что он уберёг нас от грозившего зла и крестьянской власти, что он испокон веков желал, чтобы высшие господа, священники и знать правили, а крестьяне — работали».

Раскрытые в 1513 и 1517 гг. новые планы широко распространившихся тайных обществ «Башмака» по своему общему характеру почти не отличались от заговора 1502 г., но вместе с тем они свидетельствовали о подъёме народного движения. Среди требований тайного общества 1513 г. имелись политические пункты исключительно важного значения. Наиболее общим из них являлся пункт об упразднении всех властей, кроме императора. При этом власть императора признавалась только на определённых условиях. По словам одного современника, участники общества намерены были в случае отказа императора поддержать их требования, свергнуть его и обратиться за помощью к швейцарцам. Смысл пункта об упразднении всех властей, кроме императора, заключался в требовании установления государственного единства путём устранения всех территориальных князей. Один из участников тайного общества заявил на допросе: «Во всём христианстве должен быть установлен постоянный мир». Этот лозунг государственного единства, выдвинутый руководителями народных низов, больше всего встревожил князей;

В обстановке широкого недовольства в стране антифеодальное крестьянское движение должно было привлечь к себе всеобщее внимание. В первые десятилетия XVI в. во многих городах Германии происходили весьма значительные, направленные против городских властей волнения бюргерства, в которых принимала активное участие плебейские массы. Это обстоятельство содействовало сближению городского движения с антифеодальным движением крестьянства. Требование об упразднении всех князей и установлении в империи единой власти объективно отвечало интересам передовых элементов бюргерства и могло объединить разные слои оппозиции. В княжеских кругах считали поэтому, что пропаганда и деятельность союза «Башмака» создают в городах ситуацию, чрезвычайно опасную для существующего строя.

План восстания союза «Башмака» 1517 г., сложившийся, как и предыдущие, в обстановке массового недовольства, показывает, что к началу Реформации крестьяне и плебеи выступали уже вместе. Во главе тайного общества 1517 г. наряду с Иосом Фрицем стоял Штоффель, принадлежавший к плебсу города Фрейбурга. Этим двум руководителям помогали вести пропаганду по всем землям Юго-Западной Германии многие обедневшие ремесленники. Важное значение придавалось участию в тайном обществе нищих, которые осуществляли связь по всему району и должны были в нужный момент зажигать сигнальные огни, каждый в определённом пункте. Предполагалось начать восстание захватом городов Хагенау (Агно) и Вейсенбурга и затем выработать меры к привлечению на свою сторону «простого бедного люда в городах и на селе». Всех принадлежавших к городской верхушке решено было перебить. Весьма характерным является отношение руководителей из крестьян и плебса к колеблющимся средним слоям бюргерства. Они считали, что тех бюргеров, которые сами не присоединяются к ним, следует заставить это сделать под угрозой объявления их врагами.

Значение тайных революционных организаций заключалось в том, что они отражали нарастание антифеодальной борьбы народных масс и складывание крестьянско-плебейского лагеря в обстановке, когда широкое движение недовольства развивалось и в немецком бюргерстве.

Характер бюргерской оппозиции перед Реформацией

Подъём оппозиционного движения бюргерства в первые десятилетия XVI в. определялся указанными уже выше экономическими и социальными сдвигами этого времени, недовольством населения выросших и разбогатевших городов фискальной политикой и бесконтрольной властью как светских, так и духовных князей.

Оппозиция большей части бюргерства, состоявшей из цеховых ремесленников и связанных с цеховым производством купцов, носила умеренный характер. Она касалась, прежде всего, внутригородских дел и была направлена против патрициата и его бесконтрольного управления городскими делами и финансами. Значительно более радикальными и более широкими были требования тех элементов бюргерства, предпринимательская деятельность которых была уже связана с зарождавшимися в стране капиталистическими отношениями. Требования этой части бюргерства направлены были не только против засилья патрициата внутри городов, но и против политической раздробленности Германии, раздираемой борьбой княжеских клик и страдающей от налогов, взимаемых духовными и светскими князьями. Духом этой радикальной оппозиции проникнуты были бюргерские памфлеты ещё в XV в., особенно так называемая Реформация императора Сигизмунда, получившая в первые десятилетия XVI в. большое распространение и содержавшая требования коренных политических преобразований, направленных к установлению государственного единства.

Особенность ранних капиталистических отношений в Германии заключалась в том, что они зарождались в раздробленной стране, в которой отсутствовали элементарные условия для их дальнейшего развития, и в обстановке нараставшей феодальной реакции в деревне. Несоответствие существовавших в феодальной Германии общественно-политических условий характеру новых производительных сил проявилось уже при самом зарождении капиталистической мануфактуры. В централизованных странах первые капиталистические мануфактуры уживались на ранней ступени своего развития с феодальным строем, в недрах которого они зарождались, пользуясь в известных пределах покровительством феодального государства. В Германии же положение определялось тем, что, как показала вся её предыдущая история, в ней не было предпосылок к образованию централизованной феодальной монархии. Поэтому передовые элементы немецкого бюргерства, выражавшие свои стремления к государственному единству, были объективно заинтересованы в поддержке антифеодальной борьбы крестьянско-плебейских масс.

Однако передовые элементы, связанные с зарождавшимися капиталистическими отношениями, составляли меньшинство в немецком бюргерстве, основная масса которого продолжала цепляться за свои собственные привилегии в феодальном обществе и не выходила в области политических требований за рамки умеренной оппозиции. В этих условиях важнейшее значение получило то движение, которое объединяло все слои бюргерской оппозиции в общей борьбе против католического духовенства, против его юрисдикции и привилегий и особенно против вымогательств папского Рима. Эта борьба, в которой даже умеренная бюргерская оппозиция выступала на первых порах весьма решительно, была направлена против реакционнейших носителей германской раздробленности, против связанных с папским Римом духовных князей. В ней нашли своё выражение общие стремления немецкого народа, прежде всего крестьян и плебеев, к устранению слабости раздробленной Германии перед лицом чужеземных сил. Следовательно, борьба против католического духовенства и влияния папства была в Германии исходным пунктом политической борьбы, объективное значение которой заключалось в создании условий для государственного единства и прогрессивного экономического развития.

Политическая оппозиция немецкого рыцарства

Определившаяся политическая слабость раздробленной Германии вызвала недовольство и в среде рыцарства. Особую политическую активность проявляло имперское рыцарство, т. е. та часть низшего дворянства, которая являлась военным сословием империи и находилась в непосредственном подчинении у имперских властей. Судьба этого рыцарства была тесно связана с судьбой империи. В жалком

Ландскнехты.
Гравюра Д. Гопфера.

состоянии империи оно видело начало своей собственной гибели. Те представители низшего дворянства, которые служили у князей и находились от них в ленной зависимости, тоже имели основания для недовольства. Применение огнестрельного оружия и рост значения пехоты отодвигали на задний план конное рыцарское войско. В то же время, несмотря на усиливавшийся феодальный нажим на крестьянство, разорявшееся дворянство не могло удовлетворить своих возросших потребностей. Всё немецкое рыцарство видело своё спасение в восстановлении своей политической роли как имперского военного сословия и, следовательно, в восстановлении могущества самой императорской власти. Однако немецкое дворянство стремилось не к упрочению внутренних экономических и политических связей в государстве, а к созданию сильной, опирающейся исключительно на военную силу рыцарства империи, в которой безраздельно господствовало бы крепостное право, а города лишены были бы политического значения. Совершенно очевидно, что рыцарский идеал не мог встречать сочувствия ни со стороны бюргерства, ни тем более со стороны народных низов. Тем не менее, идеологи рыцарства, страстно призывавшие к устранению князей и попов и к освобождению Германии от засилья папского Рима, играли всё же известную роль в нараставшем с начала XVI в. общем подъёме политической оппозиции.

Католическая церковь и её положение в Германии

Католическая церковь, которая сама являлась крупнейшим феодальным землевладельцем, служила в средние века идеологической опарой всего феодального строя. Для того чтобы привить простым людям сознание полного ничтожества своей личности и примирить их со своим положением, церковь пускала в ход учение об исконной «греховности» земного существования человека. Церковь

объявляла каждого отдельного человека неспособным «спасти свою душу». «Спасением» и «оправданием» всего земного мира ведает, согласно католическому учению, только папская церковь, наделённая особым правом распределять в мире «божественную благодать» через совершаемые ею таинства (крещение, покаяние, причащение и др.).

Высшее католическое духовенство во главе с папой претендовало, таким образом, на то, чтобы установить свою политическую гегемонию, подчинить себе всю свет-

Продажа индульгенций в начале XVI в.
Гравюра на дереве Иорга Брея Старшего.

скую жизнь, все светские учреждения и государство. Католическая церковь не только объявляла о своих претензиях, но и старалась реализовать их, пуская в ход своё политическое влияние, свою военную и финансовую мощь, а также используя периоды слабости центральной власти. Папские дипломаты, сборщики церковных поборов и продавцы индульгенций заполняли страны Европы.

Эти претензии католической церкви вызывали недовольство даже в среде крупных светских феодалов. Ещё больше чувствовалось недовольство политическими претензиями церкви и её пропагандой презрения к светской жизни в среде жителей развивающихся и богатеющих городов, в которых зарождалась новая, буржуазная идеология. В XV и XVI вв. притязания церкви встречали всё более решительный отпор со стороны королевской власти в странах, которые вступили на путь государственной централизации. В таких странах католическая церковь вынуждена была идти на уступки и согласиться на сильное ограничение деятельности папских агентов, сбор-

щиков поборов и продавцов индульгенций. Однако в раздробленной Германии, неспособной дать отпор притязаниям папского Рима, папы не соглашались ни на какие уступки. Огромные суммы денег шли из Германии в папскую казну через духовных князей и продавцов индульгенций, которые действовали здесь беспрепятственно. Это обстоятельство послужило причиной того, что реформационное движение, почва для которого была подготовлена и в других странах Европы в связи с происходившими там социально-экономическими сдвигами, ранее всего началось и объединило наиболее широкие слои населения именно в Германии.

Гуманизм в Германии

Оппозиционные настроения немецкого бюргерства нашли своё идеологическое выражение в гуманистическом движении. В Германию гуманизм проник из Италии, но при этом немецкий гуманизм имел свои собственные корни в новых экономических и социальных явлениях конца XV и начала XVI в. «...Вся эпоха возрождения, начиная с середины XV века, так и вновь пробудившаяся с тех пор философия были в сущности плодом развития городов, т. е. бюргерства» [1]. Зарождавшиеся в немецких городах буржуазные отношения создали благоприятную среду для развития новой идеологии. В отличие от характерного для феодальной идеологии схоластического направления, которое отвергало значение человеческого знания и опыта и подчиняло науку богословским догмам, новое направление мысли отстаивало самостоятельный характер опытных наук. В это время, когда ростки буржуазной культуры только появились, её деятели были неспособны порвать с христианской традицией; они требовали, однако, критического отношения ко всем старым авторитетам и стремились дать самому христианству и «священному писанию» новое толкование в духе светского мировоззрения. Для достижения этой цели немецкие гуманисты, вслед за итальянскими, обратились к античной культуре, которую они толковали по-своему и в которой видели корни самого христианства.

Особенности гуманистического движения в Германии определялись указанным уже развитием оппозиционных настроений в немецком бюргерстве, широким движением недовольства в разных слоях общества, засильем католической церкви в раздробленной стране. В отличие от итальянских гуманистов, близких к аристократическим кругам мелких герцогских дворов, немецкие гуманисты развивали свою деятельность главным образом в университетах и представляли собой более сложную группировку, в состав которой входили молодые университетские магистры, литераторы, странствующие поэты, проповедники и т. п., выходцы как из городского патрициата, так и из других, самых разнообразных слоев населения. Гуманистическое движение в Германии отличалось своим интересом не столько к математике, медицине, праву, сколько к вопросам религии, философии и морали, т. е. к вопросам, которые больше всего волновали разнородную политическую и церковную оппозицию. Вместе с тем в немецком гуманистическом движении нашли своё отражение характерные для бюргерства колебания и боязнь практического подхода к «больным» вопросам немецкой действительности и их радикального решения. Немецкие гуманисты, хотя и касались многих проблем общественной и политической жизни, старались не выходить за рамки чисто теоретических, абстрактных рассуждений и не хотели, чтобы их критические идеи сделались достоянием народных масс.

В кругах немецких гуманистов в начале XVI в. большим авторитетом пользовался широко известный во всех странах Западной Европы Эразм Роттердамский (1466—1536), являвшийся одним из самых образованных людей того времени. Эразм родился в Голландии. Он с большим увлечением изучал древние языки, которыми овладел в совершенстве, и произведения итальянских гуманистов. Живя в Нидерландах, Франции, Англии, Италии и больше всего в Германии, Эразм с энтузиазмом занимался наукой и литературой. С 1513 г. его постоянным местожи-

[1] *Ф. Энгельс,* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, 1952, стр. 48.

тельством стал город Базель. В своей литературной деятельности Эразм был теснейшим образом связан с немецкими гуманистами.

Эразм перевёл с греческого на латинский язык Библию и произведения «отцов церкви». В переводе и особенно в комментариях он стремился дать текстам свою гуманистическую трактовку. Большую популярность получили сатирические произведения Эразма («Похвальное слово глупости», «Домашние беседы» я др.), в которых затрагивались важнейшие в то время религиозно-философские, политические и социальные проблемы. Тонкой и острой сатирой Эразм вскрывал недостатки общества. Во всех областях политической, культурной и церковной жизни он видел пошлость, пустой формализм, бессмысленную догматику и прежде всего глупость (т.е. отсутствие разумного начала), которая, по мнению Эразма, овладела всеми сторонами жизни каждого отдельного человека и разных сословий общества. Дворян и знать он относит к «сословию безумцев» за праздные занятия вроде охоты, за жизнь, лишённую разумной цели. Сатира Эразма бичует тех, которые «кичатся благородством своего происхождения», хотя и «не отличаются ничем от последнего прохвоста», которые хвастают скульптурными и живописными изображениями своих предков и «готовы приравнять этих родовитых скотов к богам».

Эразм Роттердамский.
Портрет работы Ганса Гольбейна Младшего. 1523 г.

Сатира Эразма созвучна критике праздной жизни класса феодалов; эта критика была характерна для возникавшего в то время класса городской буржуазии. Правда, в «Похвальном слове глупости» говорится, что «глупее и гаже всех купецкая порода», Но автор имеет здесь в виду определённые черты купеческого быта, «ибо купцы,—говорится там, — ставят себе самую гнусную цель в жизни и достигают её наигнуснейшими средствами: вечно лгут, божатся, воруют, жульничают, надувают, при всём том мнят себя первыми людьми в мире потому только, что пальцы их украшены золотыми перстнями». Самый же предпринимательский дух нового класса Эразм не подвергал критике, а связанное с предпринимательством стремление к положительным знаниям считал разумным. Особенно достаётся в сатирических произведениях Эразма католическому духовенству, схоластической «науке» и богословам. Высмеивая внешнюю, обрядовую сторону католической церкви, феодальную идеологию и всю систему средневековых воззрений, Эразм по существу отстаивал новые принципы зарождавшихся буржуазных отношений. Вместе с тем Эразм отражал характерную для его

времени незрелость буржуазной мысли. При всём радикализме своей сатиры он старался сохранить основы религиозного мировоззрения и требовал подведения под христианскую религию рационалистической основы. Эразм высмеивает тех «праведников», которые объявляют человека и всю земную жизнь греховными, проповедуют аскетизм и убиение плоти и стремятся лишь к созерцанию потустороннего мира. Человека следует считать нормальным, говорится в «Похвальном слове глупости», «пока душа его пользуется по своему усмотрению телесными органами». Но он считает «безумием» также поведение «большинства людей, занятых одними телесными вещами и склонных думать, что ничего другого не существует». Правда, устами «Глупости» Эразм утверждает, что «название безумца больше подобает праведникам, нежели толпе». Стремление к примирению религии и разума составляло основу противоречивых философских взглядов Эразма.

Эразм олицетворял и политическую беспомощность бюргерства того времени. В абстрактной форме он весьма резко критиковал королей, князей, чиновников и все политические порядки феодального общества, но не считал возможным сделать из своей критики какие-либо практические выводы и требовал терпеливого отношения ко всякой, даже реакционной, власти. Эразм презирал народ и называл его «многоголовым зверем». Всякое преобразование общества революционной силой Эразм считал не только невозможным, но и вредным. Возможной и необходимой он считал лишь мирную пропаганду гуманистических идей, которая оказывала бы постоянное влияние на действительную жизнь, устраняя наиболее вредные стороны тирании. Эразм был противником теократии. По его мнению, политическая власть должна находиться в руках светских лиц, а роль духовенства не должна выходить за рамки моральной пропаганды. В жизни Эразм угождал высокопоставленным лицам и относился к власть имущим с такой откровенной лестью, которая не делала чести этому «властителю дум» XVI в.

Сочетание абстрактного словесного радикализма с приспособлением к любой реакционной действительности характерно, как отмечал Маркс [1], для немецкой буржуазии на протяжении ряда веков. Это было обусловлено её историческим прошлым и прежде всего её возникновением и развитием в экономически и политически раздробленной стране. Осторожностью и боязнью практических дел отличался также другой видный гуманист и крупнейший филолог — Иоганн Рейхлин (1455—1522). Иоганна Рейхлина вместе с Эразмом Роттердамским гуманисты называли «двумя очами Германии». Находясь почти всё время на службе в качестве юриста у вюртембергских герцогов и в суде Швабского союза, Рейхлин чувствовал себя независимым в своих научных занятиях. Круг его научных интересов составляли главным образом филология и философия. Филологическая учёность, огромные знания в области классической литературы создали Рейхлину славу во всём образованном мире Западной Европы и особенно среди университетской гуманистической молодёжи, несмотря на то, что по существу он ещё больше, чем Эразм, был кабинетным учёным и в такой же степени, как последний, старался избегать конфликтов с официальной католической церковью.

Рейхлин, как и Эразм, старался в своих занятиях религиозно-философскими проблемами доказать широкое общечеловеческое значение христианской морали. Он видел миссию христианской религии в том, что она устанавливает связь божественного с человеческим и тем самым подчёркивает положительное значение земной жизни человека и находит божественное в самом человеке. Понимаемое таким образом христианство проявлялось уже, по мнению Рейхлина, задолго до христианской эры в античной, главным образом греческой, культуре, а позднее нашло своё проявление не только в лоне официальной христианской церкви. Под влиянием

[1] См. *К. Маркс,* К критике гегелевской философии права. Введение, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 1, стр. 422.

итальянского философа-гуманиста Пико делла Мирандолы Рейхлин обратил внимание на некоторые стороны средневекового еврейского мистического учения — «Каббалы» и в особом сочинении стремился доказать, что и в этом учении содержится основная, по его мнению, идея христианства об отражении сверхъестественного и «бесконечного» в естественном и человеческом. Ту же мысль Рейхлин проводил и в отношении католических обрядов, утверждая, что они имеют символическое значение и указывают на связь божества с человеческими действиями. Этим путём Рейхлин стремился показать положительную роль человека и земного мира с точки зрения христианской религии и примирить идеи гуманизма с католической догматикой.

Ульрих фон Гуттен.
Гравюра 1598 г.

Однако Рейхлин оказал влияние на широкие круги университетских гуманистов не этой консервативной стороной своего мировоззрения, а прежде всего своим широким пониманием христианства как этического содержания человеческой культуры у разных народов и в разное время. Популярность среди гуманистов получила также мысль Рейхлина о том, что изучение сущности христианства должно вестись по линии критического и лингвистического исследования первоисточников, а не по линии церковной, догматической традиции. Вопреки воле самого Рейхлина его взгляды сделались орудием борьбы с официальной церковью. Однако наибольшую славу снискал себе Рейхлин среди гуманистов не одной только Германии своим известным выступлением по так называемому делу о еврейских книгах, которое превратилось в «дело Рейхлина».

Начало этого «дела» относится к 1509 г., когда наиболее реакционные круги католической церкви в Германии, в частности кёльнские теологи, стали добиваться уничтожения еврейских религиозных книг, являющихся, по их словам, враждебными христианству. Запрошенный по этому делу наряду с другими экспертами Иоганн Рейхлин высказался против огульного уничтожения всех еврейских книг, часть которых имеет важное значение для изучения христианства. Начавшаяся и продолжавшаяся до Реформации острая литературная полемика вовлекла в борьбу все образованные круги Германии, которые разделились на два лагеря — рейхлинистов, к которым примкнули гуманистические круги и передовые умы, и «тёмных людей» (обскурантов) — сторонников кёльнских теологов. Существо спора сводилось к тому, следует ли в изучении христианства придерживаться методов научной критики и исследования первоисточников или же строго оставаться на почве незыблемости авторитета

католической догматики и папских декретов. Партия рейхлинистов, возникшая в борьбе с объединившимися силами, реакционных богословов, была весьма пёстрой по своему составу, но её основное ядро представляло собой сплочённую группу гуманистов, взгляды и требования которых шли значительно дальше взглядов и требований самого Рейхлина.

Наиболее видное место среди рейхлинистов занял эрфуртский кружок молодых гуманистов. Руководителем кружка был видный поэт и философ Муциан Руф, а его деятельными членами были молодые поэты Эобан Гесс, Крот Рубиан, Герман Буш, знаменитый Ульрих фон Гуттен и многие другие. Они с жадностью подхватывали идеи старших гуманистов (Эразма, Рейхлина) и трактовали их в гораздо более радикальном духе, чем того хотели сами авторы. Такой же радикальный характер носила и их борьба против университетских столпов схоластики в Эрфурте. В этой борьбе муциановский кружок окреп и сделался весьма влиятельным.

Религиозно-этические взгляды эрфуртского кружка отличались от взглядов их учителей тем, что для молодых гуманистов этический идеал не носил такого абстрактного характера, как для Эразма и Рейхлина. Крот Рубиан, Гуттен и другие их товарищи видели его реализацию в своеобразно понятой ими идее германского государственного единства, в объединении сил немцев против папского Рима.

Особенно ярко выступают эти черты у Гуттена, самого выдающегося члена эрфуртского кружка и одного из наиболее интересных представителей немецкого гуманизма вообще. Его ранние произведения отражают глубокую преданность гуманистическим идеалам и готовность самоотверженно бороться за них. Гуттен презрительно относился к титулам, званиям и академическим степеням, за которыми скрывались высокомерие и невежество. Гуттен отверг предложение отца получить дипломированное образование и сделать выгодную карьеру. Он предпочёл полную лишений жизнь странствующего поэта.

В стихотворении «Nemo» («Никто») Гуттен подчёркивает, что действительный обладатель высокого образования и гуманистической нравственности — это «никто», т. е. человек без официального положения.

В 1513 г., после посещения Италии, Гуттен начал литературную борьбу против Рима своими эпиграммами на папу Юлия II, в которых резка изобличает безнравственный образ жизни папы и зло высмеивает индульгенции: он называет Юлия II мелочным торговцем, продающим небо в розницу. «Не бесстыдство ли, Юлий, — спрашивает он, — продавать то, в чём ты сам больше всех нуждаешься?» Из Италии Гуттен привёз с собой сочинение Лоренцо Валлы «О Константиновом даре» и издал его в Германии, иронически посвятив издание новому папе Льву X, который вначале пробовал заигрывать с гуманизмом. В «Турецкой речи», опубликованной Гуттеном в 1513 г., подчёркивается, что без предварительного преодоления опасности, источником которой является папство, невозможно будет справиться с турецкой опасностью.

В отличие от большинства гуманистов, выражавших настроения отдельных слоев городской оппозиции, Гуттен всю свою жизнь был связан с низшим, разорённым дворянством. В своём последнем письме к Эразму Гуттен писал, что с детских лет старался действовать, как рыцарь. Это тот слой дворянства, который, по словам Энгельса, быстрыми шагами шёл к своей гибели и который видел своё спасение в восстановлении старой империи. Гуттен взывал к силе германского императора и требовал, чтобы вся Германия оказала ему поддержку. Он призывал императора Максимилиана I, а затем Карла V организовать народ и, опираясь главным образом на рыцарство, выступить против папского Рима.

В своих диалогах, написанных в 1519 и начале 1520 г., — «Лихорадка I», «Лихорадка II», «Вадискус, или Римская троица» — Гуттен резко разоблачал порочную, паразитическую жизнь папской церкви и подчёркивал невозможность её реформировать. Необходимо, говорит один из участников диалога «Вадискус», «совер-

шенно уничтожить» все папские декреты вместе с их составителями и изобретателями.

Разочаровавшись в своих надеждах на императора, Гуттен присоединился к Реформации и обратился к Лютеру с предложением вести совместную борьбу против папского Рима. Несмотря на ограниченность рыцарских идеалов Гуттена и объективную реакционность его политической программы, К. Маркс и Ф. Энгельс причисляли его к лагерю Реформации в качестве «дворянского представителя революции» и называли этот лагерь общим именем «лютеранско-рыцарской оппозиции».

В последние годы борьбы между гуманистами и обскурантами вокруг «дела Рейхлина» Ульрих фон Гуттен и Герман Буш написали прекрасное стихотворение «Триумф Капниона» (Капнион — греческое имя Рейхлина), проникнутое мыслью, что победа Рейхлина есть победа Германий, осознавшей, наконец, свои духовные силы. Это — силы науки, одержавшей верх над невежеством и суеверием. Тем же духом была проникнута появившаяся к тому времени (1515—1517 гг.) знаменитая сатира «Письма тёмных людей» («Epistolae obscurorum virorum»), в которой невежество, лицемерие и полное нравственное разложение монахов, богословов и схоластов разоблачаются без всякой пощады и в исключительно яркой и остроумной форме.

Авторы этой сатиры в точности неизвестны, однако в настоящее время можно считать твердо установленным, что она составлена была в кругу эрфуртских гуманистов и что главными её авторами являлись Гуттен и Крот Рубиан. «Тёмные люди», или обскуранты, — это невежественные и безнравственные магистры и бакалавры, теологи, и монахи, которые выступают в Сатире в качестве корреспондентов кёльнского теолога Ортуина Грация, являвшегося злейшим врагом Рейхлина. Они предаются обжорству и разврату, ведут бесконечные схоластические споры о пустяках а высказывают смехотворные суждения по делу Рейхлина или же суждениями о поэзии или о классической литературе вообще выдают своё полное невежество.

Из первого письма видно, что господа «наши магистры» прекрасно разбираются в яствах и различных сортах пива, но ничего не понимают в латинской грамматике. В другом письме какой-то «медик, почти что доктор», утверждает, что «Цезарь, который всегда был на войне и постоянно был занят всякого рода великими делами, не мог быть учёным и не мог научиться латыни» и что, следовательно, Цезарь не может считаться автором «Записок о Галльской войне».

Самый язык, которым написаны «Письма тёмных людей», представляет собой утрированную форму испорченного многочисленными варваризмами латинского языка средневековой схоластики. «Грязному болоту» теологов противопоставляются гуманисты, которые при помощи учения Эразма, Рейхлина и Муциана Руфа преобразуют христианство и сделают его человечным. К восстановленной таким путём «древней и истинной теологии» присоединятся восточные христиане и гуситы. В одном из писем вымышленный доктор Рейц, сочувствующий рейхлинистам, резко выступает против индульгенций и утверждает, что покупка сотни индульгенций не поможет тому, кто ведёт плохую жизнь, и что, наоборот, искренне покаявшемуся и исправившемуся грешнику ничего больше не нужно.

Правда, пропаганда гуманистов не выходила за пределы сравнительно узкой среды образованных кругов. Они не противопоставляли католицизму систему религиозных взглядов в такой форме, которая нашла бы отклик и многообразную трактовку в разных классах общества. Не подлежит, однако, сомнению, что деятельность гуманистов имела немалое значение в подготовке Реформации.

Литература и искусство эпохи Реформации

Если рыцарские идеалы Гуттена не могли найти отклика в широких общественных кругах, то острые обличительные произведения, которые Гуттен писал сперва на латинском, а затем на немецком языке, имели шумный и вполне заслуженный успех.

Глубокое политическое брожение, охватившее страну перед Реформацией, создавало условия, весьма благоприятные для развития сатирической литературы. Не слу-

чайно почти все видные немецкие писатели XVI в. были преимущественно сатириками. Наряду с Ульрихом фон Гуттеном и Эразмом Роттердамским сатириками были Себастиан Брант и Томас Мурнер, нападавшие на «неразумие» современников. Врагов гуманизма осмеивал Виллибальд Пиркхеймер. Произвол рыцарей и князей, алчность высшего духовенства и монахов обличала поэма «Рейнеке лис» (1498г.), впоследствии положенная в основу одноимённой поэмы Гёте. Сатирические фацетии (1509—1512гг.) писал гуманист Генрих Бебель. Немецкие писатели XVI в. — гуманисты, а также те многочисленные авторы, которые не были непосредственно связаны с гуманистическими кругами, как например монах Томас Мурнер или сапожных дел мастер Ганс Сакс, касались самых различных сторон общественной жизни.

Их глубоко волновали судьбы страны, на суд разума звали они всё существующее. Многие писали о тяжёлом положении народа (Г. Бебель, Э. Корд, Т. Мурнер и др.) и не только прямо обращались к демократическому читателю, но и отражали его воззрения и чаяния. Нарастание широкого общественного подъёма стимулировало подъём народной литературы, которая в начале XVI в. достигла заметных успехов. К этому времени относится народная книга о Тиле Эйленшпигеле (1519 г.), прославляющая неоскудевающую энергию смышлёного простолюдина. Замечательного расцвета достигает в это время народная песня, то нежная, задушевная, то гневная и грозная, особенно в годы Великой крестьянской войны. Даже учёные-гуманисты подчас прислушивались к голосу народа, используя образы и мотивы, почерпнутые из народного обихода. Всё это свидетельствует о том, что в эпоху Реформации демократические массы играли в Германии очень большую роль не только в социальной сфере, но и в сфере искусства. Именно этим можно объяснить устойчивость в XVI в. литературных жанров, которые в своё время возникли на демократической почве (шванк, фастнахтшпиль — масленичное представление), пристрастие писателей к площадной буффонаде, карнавальным масками народному острословию. Зато рыцарская поэзия средних веков стала достоянием прошлого. Легендарное царство короля Артура и рыцарей круглого стола уступило место царству хитроумных плебеев, весёлых школяров, задорных скоморохов. Именно они стали излюбленными героями шванков и масленичных представлений. Они твердо стояли на грешной земле, не устремляясь на поиски сказочного Грааля, не заботясь о служении прекрасным дамам. Стремясь заглянуть в самую гущу жизни, немецкие писатели XVI в. закладывали основы немецкой реалистической литературы. Это сближало их с писателями эпохи Возрождения других европейских стран, хотя нельзя не признать, что немецкая литература XVI в. нередко принимала грубоватые лубочные формы, тяготея к анекдотическим эпизодам, не поднимаясь до могучих художественных обобщений. Впрочем, если рассматривать немецкую литературу начала века, то она может выдержать сравнение с любой европейской литературой того времени. Эту литературу питал большой общественный подъём, породивший поколение замечательных художников слова.

К их числу принадлежал и крупнейший немецкий поэт и драматург эпохи Реформации Ганс Сакс (1494—1576). Он родился в Нюрнберге в семье портного. Получив права мастера сапожного цеха, он зажил в своём родном городе жизнью трудолюбивого бюргера. Ещё в юные годы начал Сакс заниматься «благородным искусством» мейстерзанга. Со временем он основал в Нюрнберге школу мейстерзингеров (мастеров пения) и сам стал одним из наиболее прославленных представителей этого поэтического цеха. В 1523 г. Сакс опубликовал аллегорическое стихотворение «Виттенбергский соловей», в котором горячо приветствовал Мартина Лютера. Поэт призывает современников покинуть греховный Вавилон (католическую церковь) и вновь вернуться к заветам Евангелия. Стихотворение имело большой успех. Молодой поэт сразу приобрёл широкую известность.

В дальнейшем им создано множество назидательных басен, песен, шванков и драматических произведений. Сакс писал для народа, для широких демократических кругов немецкого города. Писал он просто, без особых затей,

хорошо зная вкусы скромных тружеников. Его лучшие произведения подкупают читателя своей непосредственностью, мягким юмором, светлой жизнерадостностью и той пленительной наивностью, которая роднит их со многими произведениями народной словесности. Ганс Сакс видел тёмные стороны жизни. Его тревожили начавшийся упадок цехового ремесла, возросшая власть денег. Корысти ради большие господа «сдирают с бедняков кожу», «ощипывают и пожирают их живьём», корысти ради попирают они правду и человечность («Корыстолюбие — ужасный зверь», 1527 г.). Печалил Сакса также разлад, царящий в раздробленной феодальной Германии. Он мечтал о мире и единстве. В них видел он спасение многострадальной отчизны («Достохвальный разговор богов, касающийся разлада, царящего в Римской империи», 1544 г.). Но особенно охотно писал Сакс о простых людях, обо всём том, что его непосредственно окружало в повседневной жизни. Он любил свой родной город, его красивые здания, его деятельных бюргеров («Похвальное слово городу Нюрнбергу», 1530 г.). С лукавой усмешкой рассказывал он о сказочной стране лентяев, где текут молочные реки, где жареные утки попадают прямо в рот ленивцу, а самого большого тунеядца избирают в короли («Шлараффенланд», 1530 г.). Карнавальное оживление царит в весёлых шванках и фастнахтшпилях Ганса Сакса: ловкие плуты водят за нос глупцов и простофиль («Школяр в раю», 1550 г.), ландскнехты наполняют шумом и гамом райскую обитель («Пётр и ландскнехты», 1577 г.), широкая масленица с песнями, плясками, забавами и дурачествами разного рода шествует по земле («Немецкая масленица»). Поэт осмеивает лицемерие и распутство попов («Старая сводня и поп», 1551 г.) и т. п. Из окружающей жизни, из народных побасёнок черпал Ганс Сакс материал для своих многочисленных произведений. Ему были известны и античные авторы и творения итальянских гуманистов (например, Боккаччо).

Нового заметного подъёма немецкая литература достигла на исходе XVI в. Именно в это время увидели свет народные книги о докторе Фаусте (1587 г.) и Агасфере Вечном Жиде (1602 г.), в основе которых лежали сказания, принадлежащие «к самым глубоким творениям народной поэзии всех народов» [1]. Не раз впоследствии многие выдающиеся писатели обращались к этим сказаниям. Особенно большой успех выпал на долю легенды о Фаусте (Марло, Лессинг, Гёте, Ленау, Пушкин и др.), в которой запечатлелся дерзновенный, мятежный дух эпохи Возрождения.

Конец XVI в. отмечен также расцветом сатиры, обращённой главным образом против лагеря феодально-католической реакции. Особенно резким, беспощадным обличителем католической церкви являлся Иоганн Фишарт (1546—1590), последний выдающийся немецкий писатель этой эпохи. Фишарт страстно ненавидел папистов. Папский Рим рисовался ему чудовищной головой Горгоны, которая умерщвляет всё, на что направлен её ужасный взор («Голова Горгоны Медузы», 1577 г.). Он издевался над монахами, над католическими святыми, над всем прошлым и настоящим католической церкви («Улей святого римского пчелиного роя», 1579 г.). С особым рвением нападал Фишарт на иезуитов. Он изображал их смрадным исчадием ада, слугами сатаны, воплощением всех возможных пороков («Легенда о происхождении четырёхрогой иезуитской шапочки», 1580 г.). Фишарт насмехался над астрологией и прочими суевериями, прославлял труд («Счастливый цюрихский корабль», 1576 г.) и ратовал за разумное гуманное воспитание детей («Философическая книжечка о браке и воспитании», 1578 г.). Широкую картину современной жизни нарисовал Фишарт в своей «Необыкновенной истории о жизни, деяниях и возлияниях от безделья за полной чашей прославленных витязей и господ Грангузье, Гаргантюа и Пантагрюэля» (1575 г.). Эта причудливая книга представляла собой вольную обработку первой части романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Панта-

[1] *Ф. Энгельс,* Немецкие народные книги, *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Из ранних произведений, М. 1956, стр. 347.

ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА
А. Дюрер. 1521 г.

грюэль». Где только было возможно, Фишарт усиливал антикатолическую сатиру Рабле, заострял и умножал его выпады против церковного обскурантизма и главным образом против монахов. Зато языческое вольномыслие французского гуманиста было ему в значительной мере чуждо. В то же время Фишарт энергично выступал против огрубения нравов, религиозного фанатизма, произвола монархов, морального упадка знати, мошенничества купцов и прочих пороков современности. В отличие от Ганса Сакса Фишарт не искал ясных и простых поэтических форм. Он любил сгущать краски, нагромождать детали, обрушивать на читателя каскад причудливых образов и эпизодов. «Запутанным бесформенным сколком ныне запутанного и бесформенного мира» назвал Фишарт свою «Необыкновенную историю». Фишарт был последним крупным представителем немецкого Возрождения.

Глубокие сдвиги наблюдались в XVI в. в самых различных областях немецкой культуры. Такие города, как Аугсбург, Нюрнберг или Страсбург, были центрами книгопечатания и книжной торговли; художественные ремёсла, зодчество, ваяние и живопись достигли здесь выдающихся успехов.

Живописцы и скульпторы, подобно писателям-гуманистам, создавали новое искусство, тяготевшее к реальной жизни. В искусстве видное место занимают быт, пейзаж и портрет. Даже тогда, когда художники разрабатывали традиционные религиозные сюжеты, они стремились преодолеть условные формы средневекового искусства, приблизить свои произведения к жизненной правде. В соответствии с этим действие библейских легенд переносится в современную обстановку. Подчас художники придают библейским историям злободневное звучание. Так, выдающийся нюрнбергский скульптор Адам Крафт (1440—1507), изображая семь эпизодов «Страстей Христовых», придаёт Христу черты простого человека, страдающего от произвола больших господ. Выразительны социальные характеристики в скульптурных произведениях Тильмана Рименшнейдера, жестоко пострадавшего за своё участие в Великой крестьянской войне на стороне восставшего народа. На фоне гористого немецкого пейзажа изобразил Мадонну с младенцем талантливый живописец Лукас Кранах Старший (1472—1553). И золотистые волосы и черты лица позволяют видеть в Марии типичную немку. В картине уже нет былой иконописной высокопарности. Задумчиво глядя перед собой, Мария даёт младенцу сочную гроздь винограда. Перед нами апофеоз материнства, исполненный сдержанного лиризма, живописный рассказ о красоте человека и окружающего его земного мира.

Нередко художники XVI в. вовсе отходят от религиозной библейской тематики. Широкого распространения достигает портретная живопись. Исторические события и мифы классической древности также начинают привлекать внимание немецких художников. Лукас Кранах неоднократно обращался к античным образам (Венера, Аполлон и Диана, Геркулес у Омфалы, Лукреция и др.). Однако немецким художникам XVI в. был в значительной мере чужд языческий дух античного искусства, столь привлекавший итальянских мастеров эпохи Возрождения Даже величайший немецкий художник XVI в. Альбрехт Дюрер (1471—1528), которого Ф. Энгельс назвал среди титанов эпохи Возрождения, в значительной мере чуждался классического идеала итальянского Возрождения Откликаясь на бурные события своего времени, он наполнял библейские сюжеты национальным народным содержанием (например, циклы гравюр на дереве: «Апокалипсис», «Жизнь Марии» и «Страсти»). В гравюрах на темы Апокалипсиса (1498 г.) он как бы предрекал близость грозных событий, близость неизбежного суда, который разразится над царством великой неправды. Много сделал Дюрер для развития пейзажа и натюрморта в Германии. Его замечательные портреты поражают большой реалистической силой (портрет нюрнбергского купца Иеронима Хольцшуэра и др.). Дыханием могучего освободительного движения овеяна его монументальная картина «Четыре апостола» (1526 г.), на которой изображены величавые фигуры непреклонных борцов за идею. В своих теоретических работах Дюрер стремился ознакомить начинающих художников с

основами живописи и рисунка. Он уделял большое внимание вопросам перспективы, «человеческой пропорции» и пр., твердо убеждённый в том, что сила художника — в жизненной правде. «Искусство заключено в природе, — писал он, — кто может, тот извлекает из неё искусство и владеет им».

К жизненной правде стремился также Ганс Гольбейн Младший (1497—1543), выдающийся график и живописец, один из самых замечательных европейских портретистов эпохи Возрождения. Подобно Дюреру он откликался на бурные события, потрясавшие Германию в начале XVI в. В этом отношении примечателен знаменитый цикл небольших гравюр на дереве «Пляска смерти» (1524—1526 гг.), тонко выполненных Гансом Лютцельбургером по рисункам Гольбейна. Художник выступает здесь в роли сатирика. Он изображает, как смерть уравнивает людей, как она влечёт за собой и откормленного аббата, и кардинала, торгующего индульгенциями, и надменного герцога, не знающего жалости к беднякам, и алчного судью, и т. п. На события Великой крестьянской войны прямо намекает гравюра, на которой изображён граф в одежде крестьянина, в испуге бегущий от смерти, разбивающей его гербовый щит. Тонкая ирония Гольбейна во многом родственна Эразму Роттердамскому. Неслучайно, конечно, Гольбейн так удачно иллюстрировал «Похвальное слово глупости». Всё же самое значительное в творческом наследии Гольбейна — его портреты. Даже когда Гольбейн писал «Мадонну бургомистра Мейера» (1525—1526 гг.), он оставался прежде всего мастером бытового портрета. Изображал ли он предприимчивых купцов (Георг Гиссе, 1532 г.), бургомистров, моряков, учёных (астроном Н. Кратцер), гуманистов (Эразм Роттердамский, Томас Мор), английского короля (Генрих VIII), королев (Джен Сеймур, Анна Клевская), министров, придворных, дипломатов (Ш. Моретт) или же самого себя, он всегда находил точные средства для передачи человеческого характера. Он избегал придворной лести, великосветского жеманства. Портреты его откровенны и правдивы. Всё в них ясно и чётко, тщательно проработана каждая деталь. Особо должны быть отмечены карандашные портретные зарисовки Гольбейна, образующие одну из вершин в истории мирового рисунка. Томас Мор имел все основания назвать Гольбейна «удивительным художником».

Рыцарь, дьявол и смерть.
Гравюра А. Дюрера. 1513 г.

Большим завоеванием новой живописи был пейзаж. Люди, наконец, увидели красоту природы и полюбили её. Пейзажу на своих картинах и гравюрах заметное место уделяли Дюрер (например, гравюра «Адам и Ева», 1504 г.) и Кранах («Отдых св. семейства на пути в Египет», гравюры: «Суд Париса», 1508 г., «Св. Иероним», «Покаяние Иоанна Златоуста», «Ландшафт с капеллой», 1509 г. и др.). При этом в иноземные легенды вторгалась живая немецкая природа, столь хорошо знакомая художникам.

По мере развития феодальной реакции, последовавшей за неудачей народного восстания 1525 г., немецкое реалистическое искусство начало быстро клониться к упадку. В живописи и графике утвердилась манерность. Исчезла былая сила изображения. Пожалуй, только в пейзажной живописи сохранялась реалистическая традиция (Адам Эльсгеймер, 1578—1610) В немецком искусстве второй половины XVI в. мы уже не найдём художников, которые по мастерству и реалистической выразительности могли бы сравниться с Дюрером или Гольбейном.

3. Начало Реформации. Мартин Лютер и Томас Мюнцер

Политическая ситуация в Германии в первые годы реформационного движения

Недовольство охватило различные слои немецкого общества в начале XVI в. Ни императорская власть, ни крупные территориальные князья не могли остановить нараставшее внутри страны революционное движение народных масс а подъём оппозиционных настроений бюргерства и рыцарства.

В Германии складывалась революционная ситуация Оппозиционные течения оставались долгое время разобщёнными. Только тогда, когда на почве широкого общественного подъёма получили большое распространение оппозиционные и революционные идеи в религиозной форме, различные элементы оппозиции стали объединяться. Но и тогда тенденция к объединению всех революционных и оппозиционных элементов в один общий лагерь, противостоящий реакционно-католическому лагерю, проявилась лишь на очень короткое время и скоро уступила место внутреннему расколу и образованию двух больших лагерей — бюргерско-реформаторского и революционного, противостоявших третьему — реакционно-католическому лагерю.

Указывая на это, Энгельс подчёркивает, что и разделение на три лагеря было лишь приблизительным, ибо в условиях раздробленной Германии в двух первых лагерях находились отчасти одни и те же элементы [1]. Часть светских князей, заинтересованных в секуляризации церковных земель, примкнула к антикатолическому лагерю. С другой стороны, немало горожан и рыцарей оставалось в реакционно-католическом лагере.

Первые выступления Мартина Лютера

С началом реформационного движения связано выступление Лютера 31 октября 1517 г. с 95 тезисами против индульгенций.

Родившийся в 1483 г. в городе Эйслебене (Саксония) Мартин Лютер вырос в бюргерской среде в обстановке нараставшей в немецких городах оппозиции против католического духовенства. Будучи студентом Эрфуртского университета, Лютер близко познакомился с членами кружка радикальных гуманистов, под влиянием которых он одно время находился. Проникнутый настроениями оппозиционного бюргерства, Лютер вопреки учению католической церкви старался показать, что человек и его светская жизнь не должны рассматриваться как греховные в своей основе и лишённые всякого положительного морально-религиозного содержания.

[1] См. *Ф. Энгельс,* Крестьянская война в Германии, *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 7, стр. 359.

Лютер провозгласил, что церковь и духовенство не являются посредниками между человеком и богом. Он объявил ложными претензии папской церкви на то, что она может давать людям посредством таинств «отпущение грехов» и «спасение души» в силу особых свойств, которыми она якобы наделена. Основное положение, выдвинутое Лютером, гласит, что человек достигает «спасения» (или «оправдания») не через церковь и её обряды, а при помощи «веры», даруемой ему непосредственно богом. Смысл этого положения заключается не только в непризнании претензий Духовенства на господствующее положение в мире, но и в том, что, объявив «веру» человека единственным средством его общения с богом, Лютер вместе с тем утверждал, что и мирская жизнь человека и весь мирской порядок, который обеспечивает человеку возможность отдаваться «вере», составляет важный момент христианской религии. Тем самым он выразил общее стремление бюргерства избавиться от политического и идеологического засилья папской церкви и католического духовенства, придать значение и силу религиозного авторитета мирским учреждениям и светскому государству.

Мартин Лютер.
Гравюра на дереве Лукаса Кранаха Старшего.

С утверждением, что «вера» является единственным средством спасения души, Лютер связывал другое положение о восстановлении авторитета «священного писания» вместо католического авторитета «священного предания», т. е. авторитета папских декретов, посланий, постановлений церковных соборов и т. д.

Положение Лютера об «оправдании верой», содержавшееся уже в 95 тезисах и развитое им в других его ранних произведениях, могло бы стать в обстановке того времени идеологическим оружием бюргерства в борьбе за утверждение новых начал политического устройства. Однако в лютеровском реформационном учении нашла свое отражение и классовая ограниченность немецкого бюргерства. Лютер не развивал своего учения в том направлении, которое позволило бы сделать вывод о необходимости изменения существовавших порядков в обществе. Любое политическое устройство представлялось Мартину Лютеру необходимым моментом христианской религии: он считал недопустимым всякое революционное выступление против существующего порядка.

Следовательно, бюргерский реформатор фактически лишь давал феодальному строю новое религиозное обоснование. Практически лютеровская реформация, отвергшая догмы и обряды в их католическом понимании, означала уменьшение роли духовенства и провозглашение светских отношений — без их изменения по существу — основой внутренней религиозности христиан. Маркс обратил внимание на то, что провозглашённая Лютером внутренняя религиозность так же предназначена для порабощения народа, как и отвергнутая им внешняя религиозность католической церкви. «...*Лютер,* — писал Маркс, — победил рабство по *набожности* только тем, что поставил на его место рабство по *убеждению.* Он разбил веру в авторитет, восстановив авторитет веры. Он превратил попов в мирян, превратив мирян в попов. Он освободил

человека от внешней религиозности, сделав религиозность внутренним миром человека. Он эмансипировал плоть от оков, наложив оковы на сердце человека» [1]. Таким образом, немецкое бюргерство, выступившее в лице Лютера против католической церкви, не решилось заявить о необходимости изменения самих общественных отношений.

И всё же тезисы Лютера оказали в напряжённой обстановке Германии, по словам Энгельса, «воспламеняющее действие, подобное удару молнии в бочку пороха». Энгельс пишет, что в тезисах Лютера нашли себе на первых порах всеобъемлющее выражение и с поразительной быстротой объединились вокруг них «многообразные, взаимно перекрещивающиеся стремления рыцарей и бюргеров, крестьян и плебеев, домогавшихся суверенитета князей и низшего духовенства, тайных мистических сект и литературной — ученой и бурлеско-сатирической — оппозиции...» [2]. При этом разнообразные элементы оппозиции вкладывали в религиозные формулы Лютера свои собственные социальные требования. Особенно это относится к народным массам, которые шли гораздо дальше самого Лютера в понимании тезисов и целей поднятого им реформационного движения и которые не вникали в схоластические тонкости ограничительных толкований Лютера, содержавшиеся в тезисах и в других его богословских сочинениях. В тезисах они видели то, что хотели видеть сами, а не то, что имел в виду их автор. Реформация воспринималась в народных массах как требование не только преобразований в церковных делах, но и социального освобождения.

Поднявшееся в Германии широкое общественное движение не дало возможности римскому папе и высшему католическому духовенству быстро покончить с Лютером, как они того хотели. В обстановке этого движения Лютер занял в первое время твёрдую позицию по отношению к папской курии. Он открыто признал, что в своём учении во многом следует Яну Гусу, и заявил публично на диспуте в Лейпциге в 1519 г., что знаменитый чешский реформатор был неправильно осуждён Констанцским собором и сожжён. В пылу борьбы с папским Римом Лютер в 1520 г. обратился даже к тезисам учения чешских таборитов и требовал броситься «на кардиналов, пап и всю свору римского Содома» с оружием в руках и «обагрить руки их кровью». В том же году Лютер сжёг публично папскую буллу, объявлявшую его отлученным от церкви. Занятая Лютером решительная позиция против папства поставила его в центр общенародного движения, имевшего исключительно важное политическое значение и являвшегося необходимым этапом в борьбе против униженного состояния раздробленной Германии

Начало раскола лагеря Реформации

Однако этот период, когда остриё борьбы направлено было против папского Рима, когда деятельность и учение Лютера вызывали одобрение всех слоев разнородной общественной оппозиции, продолжался недолго. Уже в 1520—1521 гг. определились разногласия между примкнувшими к Реформации общественными группировками и подготавливались открытые восстания.

Под руководством Франца фон Зиккингена велась подготовка к восстанию рыцарства. Литературная деятельность знаменитого поэта и гуманиста рыцаря Ульриха фон Гуттена являлась идеологической подготовкой этого восстания. Гуттен и Франц фон Зиккинген звали Лютера в лагерь готовившегося рыцарского восстания. Вожди рыцарства хотели, чтобы Реформация приняла характер открытой борьбы империи против папского Рима. Они надеялись, что такая борьба выдвинет имперское рыцарство на первый план и приведёт к восстановлению его былого политического значения.

[1] *К. Маркс,* К критике гегелевской философии права. Введение, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 1, стр. 422—423.

[2] *Ф. Энгельс,* Крестьянская война в Германии, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 7, стр. 392.

По существу политическая программа немецкого рыцарства была заранее обречена на неудачу. Как указал Энгельс, реакционный план превращения Германии с её богатыми и могущественными городами в крепостническую империю, в которой господствовало бы мелкое дворянство, не мог привлечь к себе не только народные массы, но и богатых и средних горожан. Изолированность рыцарства и политическая беспочвенность его программы сделались особенно явными в 1522 г. Восстание дворянства западногерманских земель под главенством Зиккингена против трирского архиепископа, не встретившее сочувственного отклика даже в самом городе Трире, было в самом начале легко подавлено духовными и светскими князьями. Зиккинген был смертельно ранен при штурме его замка княжеским войском, а Гуттен бежал в Швейцарию и вскоре там умер.

Лютер в Виттенберге сжигает папскую буллу о своём отлучении.
Гравюра 1619 г.

Настоящую угрозу всему социальному и политическому строю феодальной и княжеской Германии представляло нараставшее революционное движение народных масс, которое не только получило особый импульс в поднявшемся реформационном движении, но и стремилось придать самой реформации революционный характер. Усилившиеся в XV в. феодальные поборы и общий гнёт сеньориальной реакции вызывали, как отмечалось выше, и до реформации крестьянские волнения в отдельных местах и организацию тайных союзов «Башмака». Уже в этих союзах требования устранения феодального гнёта аргументировались необходимостью перестроить все отношения между людьми на основе «божественной справедливости». Толкователями «слова божия» среди крестьян сделались представители народных еретических сект, для которых собственное толкование «священного писания» издавна сделалось средством выражения социального протеста. Раньше деятельность таких сект заключалась, в проповеди ухода от «испорченного» мира в свою особую замкнутую секту и ожидания, что социальный переворот будет совершён богом. Теперь же, в напряжённой обстановке нараставшей антифеодальной борьбы крестьянских масс, пропаганда пассивного ожидания уступает место призывам к революционным действиям. В таком именно духе толковался среди простого народа смысл и значение реформации.

Томас Мюнцер

Самым ярким выразителем народного понимания реформации выступил крупнейший деятель крестьянско-плебейского лагеря эпохи Реформации и Великой крестьянской войны — Томас Мюнцер.

Мюнцер родился в 90-х годах XV в. в одном из центров горной промышленности Германии — в Гарце, в городе Штольберге. Он достиг высокой для того времени образованности и был знаком с античной и гуманистической литературой. Однако узкий характер гуманистического движения и особенно склонность немецких гуманистов к абстрактной созерцательности оставались чуждыми активной натуре Мюнцера. Ещё более чуждым было Мюнцеру презрительное и равнодушное отношение гуманистов к нуждам народных масс. Мюнцер избрал для себя деятельность священника, которая в условиях того времени давала ему возможность постоянного

общения с народными массами. Но его религиозная философия была далека от официальной церковной теологии. Свободно обращаясь с текстами «священного писания», он трактовал их в антицерковном духе. Основанный Мюнцером в 1513 г. в Галле тайный союз против магдебургского архиепископа направлен был против римской церкви вообще.

Поддерживая в первые годы реформационного движения начатую Лютером борьбу против католической церкви, Мюнцер выступал уже тогда со своим особым толкованием характера и целей этой борьбы. В 1520—1521 гг., участвуя в общей с последователями Лютера борьбе против монахов францисканского ордена в саксонском городе Цвиккау, Мюнцер выступал против ряда положений Лютера и выдвигал вместе с тем основные принципы своего собственного учения. Мюнцер решительно отвергал тезис Лютера о необходимости пассивного смирения в светских делах. Имея в виду Лютера и его сторонников, он резко выступал в Цвиккау против «книжников», которые видят сущность нового учения только в «букве», только в формальном провозглашении авторитета «священного писания», и оставляют нетронутым существующее в мире зло — ограбление народа господами, богачами и князьями. Призывая народные массы к устранению зла — к свержению безбожных князей и уничтожению своих угнетателей, Мюнцер указывал, что в этом заключается основная задача нового, реформационного движения. Он резко выступал против представления о «милосердном» боге, стоящем над миром и требующем от людей смирения и подчинения существующему насилию. Согласно пантеистическим воззрениям Мюнцера, нет бога вне нас самих, вне земного мира. Божеству Мюнцер придавал социальное значение. В понятие бога он вкладывал идею подчинения индивидуальных интересов общественным. Ссылки Мюнцера на авторитет «слова божьего» и «священного писания» служили ему аргументом в его пропаганде революционного социального переворота.

Томас Мюнцер.
Гравюра Хр. Зихема.

В то время, пишет Энгельс, «...все выраженные в общей форме нападки на феодализм и, прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси» [1]. По существу Мюнцер имел в виду в своих проповедях только судьбы людей в земной жизни. Он сам

[1] *Ф. Энгельс,* Крестьянская война в Германии, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 7, стр. 361.

разъясняет, что, говоря о «небе» и «небесном», он имеет в виду только очищенную от зла земную жизнь. Выступая против лютеровского понимания «слова божьего», Мюнцер утверждал, что под ним следует понимать слово «живое», «откровение бога» в человеческом разуме. В такой трактовке человеческий разум по существу занимает место бога. По мнению Энгельса, для Мюнцера «вера является не чем иным, как пробуждением разума в человеке, и потому обладать верой могли и язычники». Энгельс поэтому заключает, что «религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму» [1].

Переход Лютера на сторону князей

Таким образом, уже в 1521 г. общее реформационное движение распалось и определились его особые направления, выражавшие социально-политические интересы разных классов. Новая ситуация требовала от Лютера определения его собственной политической позиции. Он не мог уже ограничиваться в отношении светских порядков туманными общими формулами, которые подвергались различному толкованию; он должен был чётко заявить о своей позиции в развернувшейся политической и социальной борьбе. Лютер отказался поддержать оппозиционное движение рыцарства и со всей резкостью выступил против социальных требований народных масс, подчеркнув, что основой его реформации является безусловная покорность существующим порядкам и властям. Тем самым Лютер вступил на путь разрыва с широким движением, поддерживавшим его в борьбе с папским Римом.

Восставший крестьянин.
Гравюра 1522 г.

Правда, Лютер продолжал столь же непримиримо относиться к папству и тогда, когда в борьбу немецкой Реформации с папским Римом вмешался в 1521 г. германский император. Император Габсбургской династии Карл V, являвшийся в то же время королём Испании с её обширными владениями в Новом Свете, стремился включить империю в универсальную державу Габсбургов и использовать централизованную католическую церковь в качестве орудия своей великодержавной политики. Карл V объявил, что всемирная монархия Габсбургов, имеющая в своём составе «Священную Римскую империю», образует вместе с тем единую католическую мировую державу. На Вормсском рейхстаге 1521 г. Карл V и католические князья потребовали от Лютера отречься от своего учения. Лютер категорически отверг это требование и решительно заявил: «На этом я стою и не могу поступать иначе!» Однако, заняв твёрдую позицию в отношении требований императора и католических князей, Лютер видел свою опору не в широком народном движении, а в оппозиции сильных светских князей, которые на том же Вормсском рейхстаге вновь провели свою программу имперских реформ (организацию имперского суда и т. д.). После того, как в Вормсе был издан императорский эдикт, осудивший его как еретика, Лютер скрылся в замке саксонского курфюрста.

С этого времени лютеровская реформация делается всё в большей и большей степени опорой и орудием реакционных немецких князей. В 1523 г. в сочинении «О светской власти» Лютер показал свою приверженность их политике с предельной ясностью. Какой бы жестокой ни была светская власть, заявлял Лютер, христиане обязаны подчиняться ей беспрекословно и признавать её «священной», потому

[1] *Ф. Энгельс,* Крестьянская война в Германии, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 7, стр. 371.

что она обеспечивает «порядок» и возможность христианского «смирения». Лютер, таким образом, объявил княжеское всевластие опорой Реформации, выразив этим политическую ограниченность той части немецкого бюргерства XVI в., которое в момент нарастания революционного движения против феодализма цеплялось за существующие порядки как за единственную основу возможных реформ.

Социально-политическое учение и революционная деятельность Томаса Мюнцера

Между тем волна народного движения продолжала нарастать, и на фоне его выделялась яркая фигура Томаса Мюнцера. Он разоблачал Лютера как княжеского подхалима и лизоблюда. Мюнцер утверждал, что только князья и другие угнетатели народа заинтересованы в лютеровской проповеди смирения и покорности в светских делах.

Порвав окончательно в конце 1521 г. с Лютером, Мюнцер вскоре обратился к учению, которое было связано с активной борьбой народных масс, — к революционным традициям чешских таборитов. Летом 1521 г. Мюнцер отправился в Чехию, считая, что отсюда должно распространиться новое, революционное понимание реформации. В обращении к чехам, опубликованном Мюнцером в Праге, содержался призыв к истреблению угнетателей народа и говорилось, что действия, начатые в Чехии, явятся сигналом для других стран. Объявив себя продолжателем таборитов, Мюнцер в своей пропаганде реформации призывал к крестьянскому восстанию.

Крестьянин, выступающий с речью. Титульный лист брошюры «Проповедь вердтского крестьянина о свободной воле человека». 1524 г.

Вернувшись в Германию, Мюнцер поселился в Тюрингии. Однако он вынужден был часто менять местожительство из-за постоянных преследований со стороны местных властей. Его призывы к борьбе, распространявшиеся устно и печатно по разным землям Средней и Юго-Западной Германии, привлекали огромные массы крестьян и городского плебса. Вокруг Мюнцера всюду возникали группы его учеников и ближайших сторонников, главным образом из среды существовавших тогда народных сект, особенно секты анабаптистов [1]. В обстановке бурного подъёма народного движения анабаптисты вместо своей прежней пропаганды «внутреннего совершенства» и пассивного ожидания переворота, который будет совершён богом, развернули широкую деятельность по распространению идей Мюнцера.

Социальные и политические идеи Томаса Мюнцера выходили далеко за рамки непосредственных интересов и представлений крестьян и плебса того времени. По словам Энгельса, Мюнцер имел в виду в будущем «...общественный строй, в котором больше не будет существовать ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти» [2]. Совершенно очевидно, что в XVI в. не было предпосылок для сколько-нибудь правильного и научного представления о будущем обществе. Представления Мюнцера о ближайших задачах борьбы были обусловлены его временем и оставались в рамках уравнительства; мечты же его об идеальном строе могли

[1] Анабаптисты («перекрещенцы») — секта, требовавшая, чтобы крещение принималось в зрелом возрасте. Под этой религиозной оболочкой различные течения анабаптистов развивали свои учения, представлявшие по существу социальный протест против феодального строя.

[2] *Ф. Энгельс,* Крестьянская война в Германии, *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Соч., т. 7, стр. 371.

быть только «предвосхищением фантазией», по выражению Энгельса, отдалённого будущего. Они были лишены каких-либо конкретных очертаний и к тому же облечены в мистическую форму. Однако в обстановке подымавшейся волны антифеодальной революции получило весьма важное значение то, что в пропаганде Мюнцера общество будущею рассматривалось только как результат революционной борьбы народа против его угнетателей. Мюнцер утверждал, что первоочерёдная задача заключается в освобождении народа от гнёта эксплуататоров и в удовлетворении его повседневных нужд.

Туманно представлявшийся Мюнцеру идеал, будущего общества не отвлекал его от вопросов антифеодальной борьбы. Наоборот, Мюнцер постоянно имел в виду борьбу крестьянских масс за их повседневные нужды. Свои резкие выступления против частной собственности Мюнцер направлял против собственности богатых владельцев, являвшейся источником угнетения народа. Мелкокрестьянскую же собственность он включал в понятие «общности имущества» и считал борьбу за неё необходимой и справедливой. Особенно энергично Мюнцер отстаивал общинную крестьянскую собственность от посягательств феодалов. «Обрати внимание на то, — писал Мюнцер, — что основа всякого ростовщичества, воровства и грабежа — это наши господа и князья. Они присвоили в собственность всякую тварь. Рыба в воде, птица в воздухе, всякая растительность на земле — всё должно принадлежать им. Поэтому они распространяют среди бедных божью заповедь и говорят: бог заповедал: не укради; к ним же самим, это не относится, хотя они сдирают шкуру и мясо с бедного пахаря, ремесленника и всего живого».

Мюнцер мечтал об обществе, в котором не будет никакой эксплуатации и никакого классового господства. По существу же он призывал к свержению феодального строя и всей политической системы, которая служила этому строю в Германии. «Вся власть, — писал и говорил Мюнцер неоднократно, — должна быть отдана простому народу». Во время своих странствований по германским землям до начала Крестьянской войны и во время самой войны Мюнцер всюду создавал народные союзы, которые должны были руководить борьбой масс, а затем устанавливать новый порядок. Лозунг Мюнцера о необходимости перехода власти к народу был тесно связан с его призывами к свержению князей и к уничтожению дворянских замков и монастырей.

Стремление Мюнцера придать антифеодальной борьбе народных масс политическую направленность было в то же время стремлением к революционному установлению государственного единства Германии. Германия, заявлял Мюнцер, должна перестать быть княжеской и дворянской, потому что, покрытая княжескими гнёздами, она представляет собой «разбойничий очаг».

4. Крестьянская война

Начало Крестьянской войны. Возникновение первой революционной программы восставших («Статейное письмо»)

Энергичная защита Мюнцером насущных нужд широких масс народа сделала его вождём крестьянско-плебейского лагеря, перешедшего в 1524 г. к открытой борьбе. Великая крестьянская война, явившаяся высшим выражением классовой борьбы немецкого крестьянства, была в то же время кульминационным пунктом всего общественного движения той эпохи. Крестьянская война началась в Южном Шварцвальде и в соседних землях Верхнего Рейна и Верхнего Дуная, являвшихся ещё в XV и начале XVI в. районом наиболее интенсивного крестьянского движения. Политическая борьба различных оппозиционных групп протекала в этом расположенном близ швейцарской границы районе также более бурно, чем в остальной Германии. В реформационном движении здесь одержали верх направления, более ради-

кальные, чем лютеранство, которые не ограничивались требованиями изменений в церковных делах. В бюргерских кругах значительным влиянием пользовалась политическая пропаганда швейцарского реформатора Цвингли. В народных же низах города и деревни ученики и сторонники Мюнцера с большим успехом распространяли идеи народного понимания реформации — идеи социального переворота.

Первые события Крестьянской войны относятся к лету 1524 г. В ландграфстве Штюлинген, северо-восточнее города Вальдсхута на Верхнем Рейне, крестьяне деревень Бондорф, Эвантинген, Ботмаринген и других восстали против своих феодалов графов фон Лупфен. Вслед за этим выступили ещё более многочисленные группы крестьян в землях между Верхним Рейном и Верхним Дунаем — Гегау, Клетгау, Баар и в Южном Шварцвальде. Во всех этих землях крестьяне предъявляли феодалам жалобы, в которых излагались возмутившие их факты усиления феодального гнёта. Штюлингенские крестьяне, так же как и крестьяне графов Фюрстенбергов и Шелленбергов, в многочисленных подробно составленных статьях своих жалоб указывали на расширение барщины и на стремление господ распространить крепостное состояние на всех крестьян. Они требовали отмены всех новых поборов и повинностей, введённых за последние десятилетия.

Лупфены, Фюрстенберги и другие крупные феодалы этого района пытались путём угроз и словесных обещаний внести раскол в ряды восставших. На первых порах им удалось склонить крестьянских вожаков к компромиссному соглашению. Однако крестьянская масса продолжала настаивать на своих требованиях и отвергла соглашение. В октябре 1524 г. весь район Верхнего Рейна и Южного Шварцвальда был уже охвачен восстанием. В ряде мест крестьяне отказывались от выполнения феодальных повинностей и стали собираться в мелкие и более крупные отряды.

Предъявленные крестьянами требования и быстрое распространение восстания вызвали удивление и страх среди феодалов, которые высказывали свою уверенность в наличии здесь революционной пропаганды и определённой организующей силы. Современники обратили внимание на то, что одновременно с распространением крестьянского восстания реформационное движение в городах этого района также принимало характер открытых выступлений. В Вальдсхуте широкие массы горожан добились возвращения в город изгнанного раньше оттуда их любимого проповедника Бальтазара Губмайера, являвшегося в то время учеником Томаса Мюнцера. Такие же события имели место в Кенцингене и в ряде других городов района. В кругах феодалов и городских властей считали несомненным, что между выступлениями в городах в защиту народных проповедников реформации и быстрым нарастанием крестьянского восстания существует прямая связь.

Эта уверенность имела достаточные основания. В конце лета и осенью 1524 г. Мюнцер находился в этом районе, в Клетгау, откуда он и его сторонники разъезжали по сёлам и городам. Пропаганда Мюнцера и связанных с ним анабаптистов сделалась организующим фактором в обстановке стихийно начавшихся здесь крестьянских волнений. Составлявшиеся крестьянами и городскими низами жалобы на местных господ объединялись мюнцеровскими пропагандистами в общую программу, выражавшую недовольство угнетённого народа. Популярное же в эпоху Реформации общее требование введения «божественного права» трактовалось ими как требование нового социального порядка. Так, в конце 1524 г. (или в январе 1525 г.) составлена была здесь, в кругу Мюнцера, первая программа революционного крестьянства, известная под названием «Статейное письмо» (Artikelbrief), предназначенная служить введением ко всем разнообразным местным требованиям и жалобам крестьянских общин.

«Статейное письмо» начинается энергичным заявлением о том, что существующее положение не может и не должно продолжаться далее. «Так как до настоящего

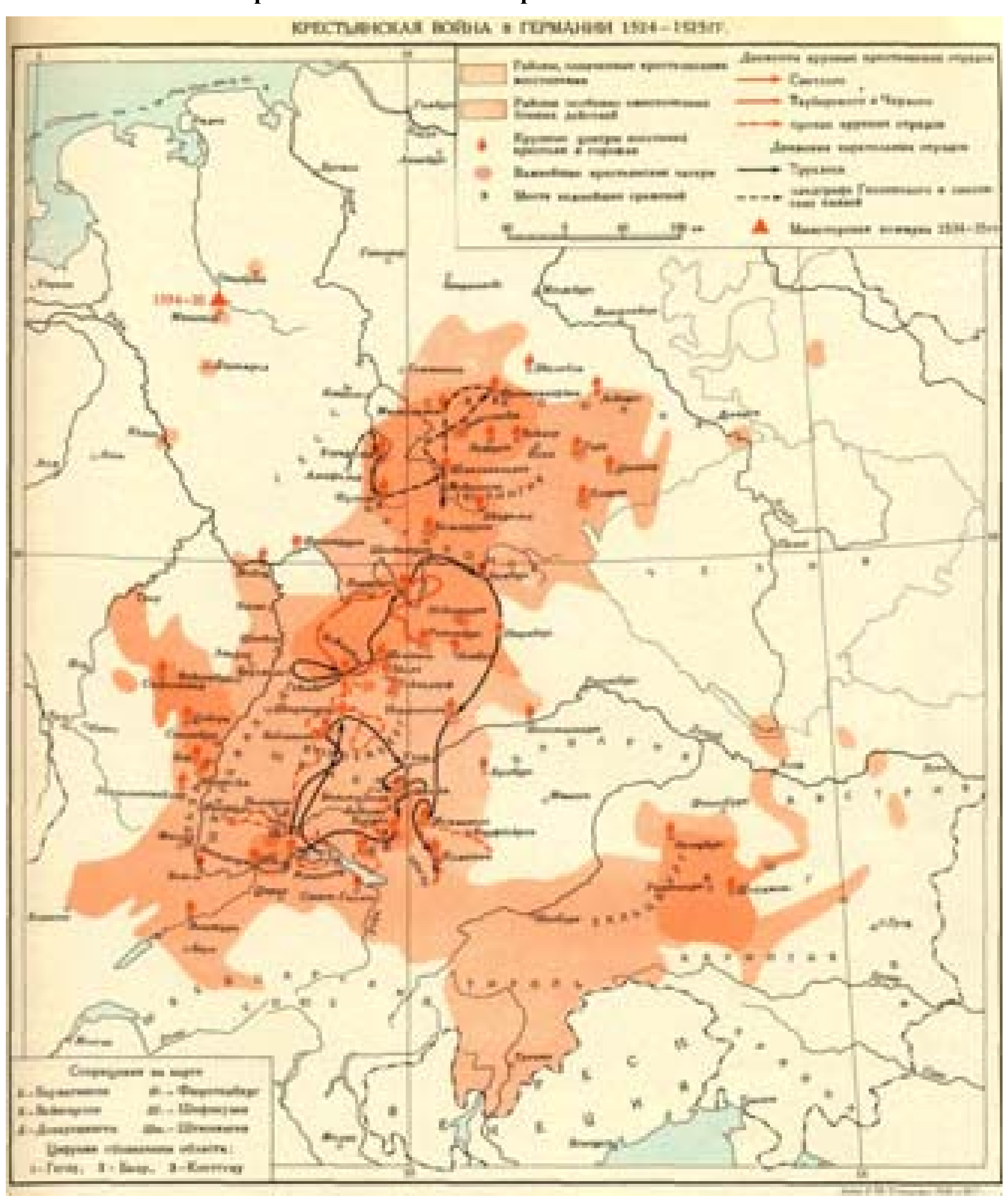
времени, — говорится в нём, — на бедных и простых людей городов и деревень... налагались большие тяготы духовными и светскими господами и властями, которых те и мизинцем не трогали, то из этого следует, что подобного бремени и отягощения невозможно ни переносить, ни терпеть, если только простой бедный человек не хочет пустить совсем по миру с нищенским посохом себя самого, своё потомство и потомство потомства». Задача объединившегося народа заключается в том, чтобы «освободиться совсем». Мирное решение этой задачи возможно только в том случае, если весь народ перестроит жизнь на основе служения «общей пользе». Если же существующие тяготы не будут устранены, то дело не обойдётся без кровопролития. Большое внимание уделяется в «Статейном письме» внутреннему единству народного союза, созданного для служения «общей пользе». В документе объявляется, что те, кто отказывается вступить в «братское объединение» и заботиться об «общей пользе», не могут рассчитывать на услуги других членов общества. Они должны быть подвергнуты «светскому отлучению», как атрофированные члены тела. Все замки знати и все монастыри, являющиеся очагами предательства и народного гнёта, должны быть объявлены «с данной же минуты» в состоянии светского отлучения. Только те дворяне, монахи и священники, которые откажутся от своего настоящего положения, направятся в обыкновенные дома и захотят вступить в братское объединение, будут дружески приняты вместе со своим имуществом и получат всё, что полагается им по «божественному праву».

«Статейное письмо» было первой общей программой восставшего крестьянства, сформулировавшей антифеодальные цели его борьбы и указавшей главные вражеские очаги, против которых должны быть направлены силы всего народа. К тому же программа была составлена в боевом духе, не допускающем компромисса. Требование революционной программы, чтобы объединившиеся народные массы сёл и городов, действуя силой и не останавливаясь перед кровопролитием, ликвидировали вражеские очаги и установили справедливый порядок, основанный на «общей пользе», являлось по существу требованием перехода власти к простому народу, на чём настаивал Мюнцер. Несмотря на то, что лежавшие в основе «Статейного письма» идеи «общей пользы» и народной власти могли быть тогда поняты лишь немногими, его появление и распространение имели на этом первом этапе Крестьянской войны важное организующее значение.

Правда, не все собравшиеся в крестьянских отрядах следовали тактике «Статейного письма». Многие вожаки доверчиво шли на переговоры с господами, ослабляя крестьянские отряды. Однако среди восставшей массы было немало революционных элементов, которые отвергали путь переговоров. Для этих элементов, не связанных между собой организационно, «Статейное письмо» сделалось программой революционной тактики, хотя и понимавшейся и проводившейся ими по-разному.

Один из революционных крестьянских отрядов действовал в Брегской долине, недалеко от Донауэшингена. Ядро этого отряда состояло из бедных крестьян, являвшихся крепостными и зависимыми города Вилингена. В ноябре 1524 г. руководители этого отряда подали магистрату Вилингена свои требования (состоявшие из 16 статей) об освобождении крестьян от всех поборов и повинностей и о предоставлении им полной свободы в пользовании общинными угодьями. Руководители крестьян Брегской долины обратились к соседним крестьянам других феодалов с призывом присоединиться к ним для совместных действий против всех господ этого района. Одновременно магистрат Вилингена сообщил крестьянским отрядам свои предложения о компромиссном решении всех спорных вопросов. Призыв виллингенского магистрата оказал своё действие на многих умеренных руководителей, в том числе и на Ганса Мюллера из Бульгенбаха, руководителя крупнейшего в этом районе отряда, ядро которого состояло из штюллингенских крестьян. Магистрату Вилингена удалось, таким образом, внести раскол в крестьянские отряды Клетгау, Гегау и Баара, в которых начались серьёзные раздоры между

Крестьянская война в Германии 1524—1525 гг.

сторонниками соглашения с господами и сторонниками продолжения революционной борьбы. Воспользовавшись внутренними разногласиями среди крестьян, магистрат Виллингена 13 декабря 1524 г. послал войско, которое напало внезапно на революционный отряд Брегской долины и разбило его. Это было первое кровавое столкновение между восставшими крестьянами и их господами.

Надежды виллингенского магистрата и других господ этого района Верхнего Рейна на быстрое подавление восстания не оправдались. Отряд брегских крестьян вновь возродился. Такие быстро формирующиеся отряды действовали во всём этом районе, объединяясь между собою и с крестьянами соседних районов.

Организующее значение мюнцеровской пропаганды и «Статейного письма» возросло с дальнейшим расширением района, охваченного восстанием, и образованием крупных лагерей крестьян в Верхней Швабии.

Начало Крестьянской войны в Верхней Швабии

Первые вооружённые выступления крестьян, положившие начало Крестьянской войне в Верхней Швабии, произошли в феврале 1525 г. в районе Кемптена и Кауфбейрена, в Альгау. Первыми поднялись крестьяне Кемптенского монастыря, которые уже ранее находились в постоянной борьбе с аббатами, проводившими политику их насильственного закрепощения.

В конце 1524 и начале 1525 г. крестьяне составили перечень своих жалоб против кемптенского аббата. Однако их борьба вылилась в более высокую форму в феврале 1525 г., когда волна крестьянских волнений и пропаганда сторонников Мюнцера дошла до Альгау. Кемптенские крестьяне собрались у Луибаса и решили отказаться от судебного разбирательства поднятого против аббата дела. Речь идёт теперь, говорили они, не о суде на основе существующего права, а об установлении нового порядка на основе «божественного права», согласно которому не должно быть ни монастырей, ни дворянских замков. К кемптенским крестьянам примкнули крепостные и зависимые крестьяне других духовных и светских феодалов Альгау. Решив немедленно ввести «божественное право», крестьяне сразу же перешли к действиям. Феодалы в панике бежали в самые крупные замки и за монастырские стены. Однако размах развернувшихся революционных действий всей крестьянской массы был так велик, что даже наиболее укреплённые замки не могли устоять. Крестьяне завладевали многими замками и монастырями и разрушали их.

Такие же события развернулись в конце февраля ив начале марта по всей Верхней Швабии, в районе между Боденским озером и Верхним Дунаем. Всюду возникали крестьянские лагери и отряды, разрушались монастыри и дворянские замки.

Альгауский рыцарь Верденштейн рассказывает в оставленной им хронике, как его крепостные крестьяне после принятия решения о введении «божественного права» собрались ночью перед его замком большой толпой и гневно говорили о своём бедственном положении и существующем неравенстве. «Вы тут пьёте вино, — кричали из толпы, — а нам остаётся только пить воду и выцарапывать из земли своими ногтями ничтожное питание!» На следующий день, рассказывает рыцарь, в замок явились все его крестьяне и заявили о своём отказе платить поборы и нести повинности. На вопрос рыцаря: «В чём же вы меня, любезные братья, обвиняете и что же я вам сделал?» — кузнец от имени всех крестьян ответил ему: «Ничего особенного, только то, что все господа делают, но мы вообще не хотим иметь господ!» Крестьяне потребовали также дать им другого священника, который «правильно проповедует слово божье».

О том же рассказывают и феодалы других районов Верхней Швабии. По этим рассказам можно судить, какое огромное влияние оказывала на восставшую крестьянскую массу пропаганда реформации в революционном духе, истолкование «божественного права» как устранение феодалов и разрушение их замков.

Борьба направлений в крестьянских лагерях в Верхней Швабии и возникновение «12 статей»

Требование о введении «божественного права» сделалось в Верхней Швабии, как и в других местах, охваченных Крестьянской войной, общим требованием всех восставших. Однако в крупных крестьянских лагерях, возникавших в районах городов Кемптена, Кауфбейрена, Меммингена, Бибераха, Ульма, Лейпгейма и у Боденского озера, не было единства в понимании сущности «божественного права». В то время как революционеры толковали его в духе «Статейного письма» — как требование устранения всех господ,— сторонники умеренной тактики, находившиеся под влиянием швейцарского реформатора Цвингли, понимали под лозунгом «божественного права» лишь требование смягчения существующих феодальных тягот и упразднения крепостного состояния крестьян. Пропаганда умеренной тактики имела успех у зажиточных крестьян и многих руководителей. Массы же бедного крестьянства, так же как и городской плебс, жадно слушали революционные речи сторонников Мюнцера.

Dye Grundtlichen Und rechten haupt Artickl/aller Baurschafft und Hyndersessen der Gaistlichen und Weltlichen oberkayt/von wölchen sy sich beschwert vermainen.

Титульный лист «12 статей».
1525 г.

Внутренняя борьба в крестьянских лагерях в Верхней Швабии, имевшая свои корни в социальной разнородности восставшей массы, препятствовала их согласованным действиям и ослабляла их в борьбе с господами и со Швабским союзом, приступившим к собиранию военных сил для подавления восстания. И даже после того, как в начале марта 1525 г. три главных отряда Верхней Швабии образовали «Христианское объединение», не было достигнуто единства в вопросе о понимании «божественного права». Главные руководители «Христианского объединения», придерживавшиеся умеренной тактики, вступили в переговоры со Швабским союзом о перемирии, которого добивались господа с целью выигрыша времени и завершения своей военной подготовки. Но крестьянские массы действовали в духе «Статейного письма», разрушали дворянские замки и монастыри, устанавливали контакты с городскими низами и разоблачали вероломные планы Швабского союза.

В кругах умеренных руководителей составлена была тогда сводка крестьянских требований, обобщённая на основе «божественного права» в его умеренной трактовке и подкреплённая с помощью некоторых цвинглианских проповедников ссылками на «священное писание». Так возникла программа «12 статей». В статьях этой программы и во введении к ней говорится о мирных намерениях крестьян, о том, что они желают только смягчения феодального гнёта. Требуя отмены малой десятины, статья 2 признаёт обоснованность большой десятины, т. е. десятины с зерновых культур, и желает лишь её более справедливого использования — на содержание избранных

общиной священников и на нужды общины. В статье 4 признаётся законность повинностей, основанных на существующих феодальных документах. В статьях 6 и 7 выражается просьба об облегчении многочисленных поборов и барщины, но не о полном упразднении этих повинностей. В других статьях выдвигается требование свободной рыбной ловли и охоты в реках и озёрах и свободного пользования другими общинными угодьями. Решительно составлены требования отмены крепостного состояния крестьян (статья 3) и посмертного побора, происхождение которого также связано с крепостным состоянием (статья 11).

Как мы видим, «12 статей» касались самых злободневных вопросов крестьянской жизни, являвшихся объектом многовековой борьбы. Этим в первую очередь объясняется большое распространение их среди восставших крестьян и превращение в общую для всех слоёв крестьянства программу. Однако мирный тон «12 статей» и содержавшиеся в них оговорки не произвели в восставшей массе того эффекта, на который рассчитывали их авторы. Наоборот, широкие слои крестьян сочетали конкретные и популярные требования «12 статей» с революционной тактикой «Статейного письма», которой они по-прежнему придерживались, не считаясь с заключённым руководителями «Христианского объединения» перемирием и не признавая его. Расчёты руководителей Швабского союза и господ на внутренний распад крестьянских лагерей не оправдались. «12 статей» сделались фактически общей программой антифеодальной борьбы. Открытые военные действия стали неизбежными.

В этой напряжённой обстановке многое зависело от положения в городах, которое внушало феодалам немалую тревогу. Плебейские массы открыто высказывали свои симпатии крестьянам и помогали им. Поступавшие в Швабский, союз сведения о настроениях городских низов убеждали его руководителей в том, что городские власти сами не справятся с положением, что дальнейшие успехи революционных крестьян могут привести в движение и средние слои горожан. Руководители опасались за судьбу самого Швабского союза, которому грозил распад в случае отпадения городов.

Сознавая опасность сложившейся ситуации, руководители Швабского союза решили форсировать события, поскольку они убедились, что время работает на крестьян: в крестьянские лагери прибывают всё новые и новые силы; всё больше усиливается связь крестьян с городскими низами. В начале апреля 1525 г. командир войск Швабского союза Георг Трухзес, нарушив заключённое с умеренными крестьянскими руководителями перемирие, внезапно напал на крестьянский лагерь у Лейпгейма, близ Ульма. Разбив здесь крестьян, Трухзес двинул свои регулярные силы против плохо вооружённых и организационно не связанных между собой главных крестьянских лагерей Верхней Швабии. Преимущества войск Швабского союза в вооружении и военной организации были очевидны. И всё же расчёты Трухзеса покончить с крестьянами одним ударом не оправдались.

Вероломное нападение Трухзеса на Лейпгеймский лагерь вызвало новую мощную волну революционных выступлений крестьянских масс, которые вышли далеко за пределы Верхней Швабии и Шварцвальда, распространяясь по всей Средней Германии. Отдельные отряды революционных крестьян оказывали Трухзесу ожесточённое сопротивление. В горных районах Трухзес вынужден был прибегать к длительной позиционной войне. У городка Вейнгартен, севернее Боденского озера, Трухзес, зажатый крестьянскими отрядами, почувствовал, по его собственному признанию, опасность военной катастрофы.

Но Трухзес стремился использовать не одни только военные преимущества своих регулярных войск. Значительное внимание он обратил на то, чтобы деморализовать крестьян переговорами с руководителями отдельных отрядов, противопоставлять одни отряды другим и действовать всюду обманом, шантажом и предательством. В этом Трухзесу помогали те крестьянские руководители из зажиточных

слоёв, которым, по словам Энгельса, «было что терять». Они прислушивались к увещеваниям Трухзеса и шли на переговоры с ним, внося этим в ряды крестьян разложение и деморализацию. Трухзес смог, кроме того, использовать доверчивость крестьян и их неспособность действовать длительное время большими массами. Решающее значение имела также позиция городов. Не только власти верхнешвабских городов, лицемерно взявшие на себя вначале роль посредников между господами и крестьянами, но и часть городского бюргерства оставила крестьян в самый тяжелый для них момент, а в ряде случаев — прямо помогала Трухзесу. Только плебейские массы городов не участвовали в этом предательстве.

Разбив в конце апреля 1525 г. основные силы верхнешвабских крестьян, Трухзес направился на север — в сторону Франконии и Тюрингии, где создавались новые очаги движения.

События Крестьянской войны во Франконии. Гейльброннская программа

Во Франконии весной 1525 г. также образовались расположившиеся лагерями крупные крестьянские отряды. Сторонники революционной тактики пользовались среди массы восставших большим влиянием и составляли значительную силу в крестьянских отрядах Франконии. Яков Рорбах, предводитель крестьян Неккарской долины, представлявший собой яркий пример крестьянского революционера времён Великой крестьянской войны, возглавил решительные действия по подавлению сопротивления франконского рыцарства. Злейший враг крестьян вюртембергский фогт граф Людвиг фон Гельфенштейн, первым открывший военные действия против восставших, и 13 его сторонников были осуждены Рорбахом на позорную смертную казнь - прогон сквозь пики. Весть о казни Гельфенштейна быстро распространилась по всей стране и вызвала в господствующем классе настоящую панику. Многие феодалы вынуждены были формально подчиниться крестьянам и оказывать им помощь продовольствием и оружием. По всей Франконии началось разрушение дворянских замков и монастырей в духе революционного «Статейного письма».

Однако разнородный состав отрядов, ограниченность крестьянского кругозора и тактика руководителей бюргерства привели и во Франконии к тому, что положение изменилось в пользу господ. Городская оппозиция, чрезвычайно активная во Франконии, получила здесь в обстановке Крестьянской войны решающее влияние на политическую жизнь ряда городов. Там, где плебейские элементы сумели проявить в достаточной степени свою силу, устанавливался официальный контакт городов с крестьянами. Во многих городах Франконии активные деятели бюргерской оппозиции вместе с отдельными представителями разбитого рыцарства пытались оживить движение за старые бюргерские проекты имперской реформы и стремились использовать для этой цели революционное движение крестьянства, подчинив его своим интересам. Однако, когда в Гейльбронне плебейские элементы в разгар своей борьбы с правящей верхушкой открыли 17 апреля городские ворота Крестьянам, бюргерская оппозиция, присоединившаяся к крестьянам, вступила в то же время в тайный контакт с князьями и дворянами. Если в первые дни Крестьянской войны руководители бюргерства ещё колебались в своей тактике и пытались использовать в своих интересах доверчивое отношение к ним крестьян, то теперь, во второй половине апреля 1525 г., большинство их было уже напугано революционными действиями крестьянско-плебейских масс и встало на сторону их врагов. Бюргерские деятели вносили в действия крестьянских отрядов разброд, который вел к расколу и поражению.

Проводником политики подчинения крестьянского движения чуждым ему интересам являлся начальник полевой канцелярии крестьян, дворянин по происхождению и бюргер по своему положению, Вендель Гиплер. Обладая широким политическим кругозором, Гиплер, предвидевший, по выражению Энгельса, будущее буржуазное общество, мечтал о проведении буржуазного преобразования Германии не

МОРЕТТ.
Портрет работы Ганса Гольбейна Младшего. 1534—1535 гг.

путём союза с крестьянством и полного устранения феодального гнёта, а путей сближения бюргерства с рыцарством и приспособления крестьянского движения к интересам этого бюргерско-рыцарского союза. Захватив в свои руки фактическое руководство так называемым Светлым отрядом, составившимся из объединения оденвальдских, эрингенских крестьян и крестьян долины Неккара, Гиплер задался целью притупить антидворянский характер движения и прекратить нападения на замки и монастыри. Гиплеру удалось добиться приглашения в качестве командующего крестьянскими силами Франконии франконского рыцаря Геца фон Берлихингена, который принял это предложение, поставив условием отказ от разрушения замков и монастырей и от других враждебных дворянству действий. Противники этой тактики Яков Рорбах и присоединившийся к крестьянам разорённый рыцарь Флориан Гейер были не только устранены от руководящей роли в «Светлом отряде», но и фактически поставлены вне его.

Вендель Гиплер и его сторонники решили также лишить крестьян их собственной антифеодальной программы. Вначале они предприняли попытку «исправить» «12 статей», изменив их редакцию так, что сами требования стали менее определёнными, а их выполнение откладывалось до того времени, когда будет проведена имперская реформа. Убедившись в том, что крестьянские массы отвергают этот новый вариант «12 статей», Гиплер и его сторонники сделали попытку навязать крестьянским руководителям свой бюргерский проект политического переустройства Германии. Наметив созыв в Гейльбронне съезда делегатов крестьянских отрядов, Гиплер подготовил текст этого проекта, который сохранился и известен под названием «Гейльброннская программа». Согласно этому проекту, все власти должны быть подчинены императору и князья превращены в должностных лиц империи. Пятый пункт проекта требовал, чтобы духовенство было полностью лишено светской власти. Предусматривалось общеимперское законодательство и выборный суд на основе сословного представительства, в котором большинство мест принадлежало бы городам. Ряд пунктов требовал единства монеты, мер и веса и отмены всех внутренних таможенных пошлин. Кроме того, выдвигались требования о запрещении крупных торгово-ростовщических компаний, а также об изгнании докторов римского права. Составители программы старались сделать её выгодной и рыцарству, в интересах которого сохранялся сословный строй и производилась конфискация церковных имений. «Гейльброннская программа» допускала возможность выкупа крестьянами феодальных повинностей путём единовременной уплаты в двадцатикратном размере. Феодал при этом ничего не терял, так как, отдав сумму выкупа в рост, он получал бы даже при норме в 5% тот же доход. Этот пункт, сводившийся в конечном счёте к превращению части феодальной земельной собственности в буржуазную, удовлетворял только самую зажиточную верхушку крестьянства.

Государственная централизация, составляющая главное содержание «Гейльброннской программы», выражена в ней, по словам Энгельса, в ряде «требований, которые гораздо более отвечали интересам городских бюргеров, чем крестьян» [1]. В основу своего проекта Гиплер положил один из памфлетов XV в. — «Реформацию Фридриха III», — отражавший политический идеал той части бюргерства, которая ориентировалась на сближение с рыцарством.

Радикальные элементы бюргерства, призывавшие к революционным действиям и к поддержке крестьян, были в крупных городах немногочисленны.

Трухзес во главе войск Швабского союза прибыл во Франконию в момент, когда Гиплер и его сторонники готовились созвать съезд крестьянских представителей для обсуждения проекта «Гейльброннской программы». Само собой разумеется, что наличие таких «союзников» и командование Геца фон Берлихингена могли привести крестьян только к поражению. Руководящие слои бюргерства франконских

[1] *Ф. Энгельс,* Крестьянская война в Германии, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 7, стр. 413.

городов открыто встали на путь предательства. Магистраты Вюрцбурга и других городов Франконии открывали ворота войскам Трухзеса, которые убивали всех находившихся там крестьян. Крестьянские силы во Франконии были, таким образом, разгромлены по тем же причинам, что ив Верхней Швабии, — из-за собственной неспособности организоваться для отпора врагу и из-за предательского отношения руководителей бюргерства.

События Крестьянской войны в Саксонско-Тюрингенском районе

В это время Мюнцер, находясь в Тюрингии, предпринял героическую попытку объединить все силы восставших народных масс деревень и городов на основе революционной тактики. Революционные события в Тюрингии, которыми непосредственно руководил Томас Мюнцер, Энгельс охарактеризовал как «кульминационный пункт всей Крестьянской войны» [1]. Город Мюльхаузен в Тюрингии, в котором Мюнцер находился с февраля 1525 г. — после своего возвращения из Верхней Германии, сделался центром народного восстания в Тюрингии и Саксонии. Восставшие действовали во многих пунктах этих земель; вооружённые отряды занимали города, замки, господские имения и монастыри. Господскую землю и добро крестьяне, по указанию Мюнцера, делили между собой. Крестьяне питали к Мюнцеру большое доверие и советовались с ним по всем вопросам борьбы с феодалами и по своим хозяйственным делам.

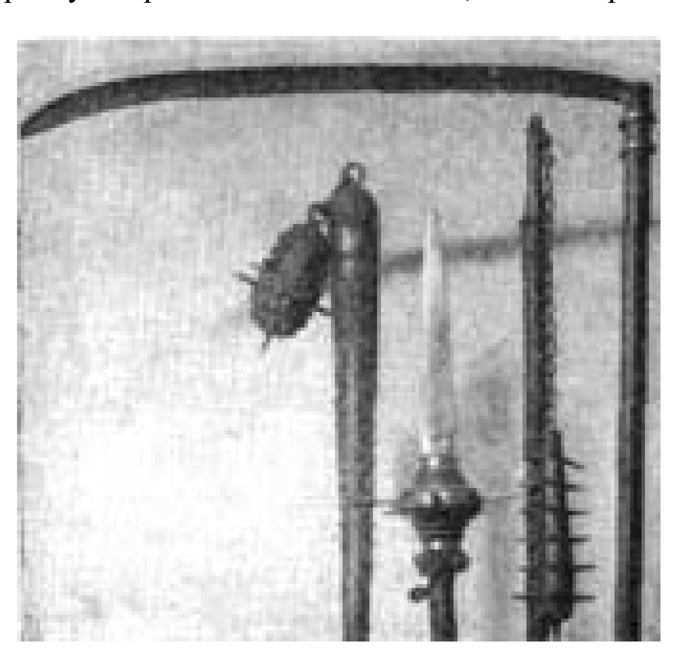
Стремясь сделать Саксонско-Тюрингенский район восстания центром всей Крестьянской войны, Мюнцер старался разъяснить крестьянам смысл происходящих событий, которые он рассматривал как начало борьбы за установление общего равенства людей во всей Германии и за её пределами. Он призывал к единству всех простых людей, обращаясь не только к крестьянам, но и к городской бедноте. Особые обращения Мюнцер направлял горнорабочим Саксонско-Тюрингенского района. Поддерживая крестьян, отстаивавших в борьбе свои повседневные нужды и программу «12 статей», Мюнцер разъяснял им, что требование «божественного права» включает и более широкие цели, что оно означает полное устранение господ, неподчинение существующим властям и утверждение такого порядка, при котором вооружённые отряды восставших будут осуществлять всё, что они признают полезным для общего дел а.

Мюнцеровская пропаганда распространялась не только в этом районе, но и в других землях, охваченных Крестьянской войной, в которых действовали анабаптисты — сторонники Мюнцера. После того как Трухзесу удалось разбить крестьянские силы Верхней Швабии, Мюнцер призывал к объединению мощных крестьянских отрядов Франконии с силами Саксонско-Тюрингенского района и к образованию сильного революционного центра в Средней Германии, способного дать должный отпор направлявшимся сюда войскам Трухзеса. В целях подготовки этого объединения крестьянские силы Тюрингии стали концентрироваться у Франкенхаузена. Туда же прибыл и сам Мюнцер с вооружённым отрядом из Мюльхаузена.

Хотя эта деятельность крестьянских отрядов, руководствовавшихся указаниями Мюнцера, не имела солидной военной и организационной базы, она всё же свидетельствовала о возможности нового подъёма крестьянского восстания, значительно более мощного и интенсивного и более тесно связанного с движением городских низов. Князья Средней Германии, прежде всего саксонские герцоги и ландграф Филипп Гессенский, являвшиеся сторонниками и покровителями Лютера, усмотрели в действиях революционных отрядов Саксонско-Тюрингенского района грозную опасность, спешно собрали свои силы и выступили в поход с целью подавить новый очаг Крестьянской войны и захватить Мюнцера, которого они считали наиболее опасным вдохновителем восставшего народа.

[1] *Ф. Энгельс,* Крестьянская война в Германии, *К. Маркс* и Ф. *Энгельс,* Соч., т. 7, стр. 356.

В середине мая 1525 г. около Франкенхаузена в Тюрингии разыгрался неравный бой между княжеской конницей, вооружённой артиллерией, и сконцентрировавшимися здесь крестьянскими отрядами, фактически безоружными. Это был по существу самый героический и вместе с тем самый безнадёжный акт Великой крестьянской войны. Мюнцер старался поднять боевой дух крестьян и призывал их не бояться превосходящих сил врагов. Окружённый вооружённым до зубов княжеским войском, Мюнцер в страстных речах перед крестьянами Франкенхаузена рисовал величественную картину «царства божия на земле», под которым он понимал общество без князей, господ и эксплуататоров, и призывал к решительной борьбе за его установление.

Немецкое крестьянское оружие XV—XVI вв.

Исход неравной борьбы был предрешён. Крестьяне были разбиты под Франкенхаузеном. Мюнцер попал в руки князей, которые казнили его после мучительных пыток. Так погиб Томас Мюнцер, которого Энгельс характеризовал как самую величественную фигуру Крестьянской войны. Идеи Мюнцера, обладавшего широким революционным кругозором, делавшим его способным на предвосхищение далёкого будущего, могли быть тогда поняты *лишь* немногими из его ближайших сторонников. Однако широкое толкование, которое Мюнцер давал происходившим событиям, отвечало настроениям народных масс сёл и городов и имело своей целью объединение всех сил, стремящихся к свержению феодального строя.
Как указывал Энгельс, Мюнцер вынужден был «представлять не свою партию, не свой класс, а тот класс, для господства которого движение уже достаточно созрело в данный момент» [1]. Его борьба даже в случае успеха могла содействовать только расчищению почвы для буржуазного развития. В этом заключалась трагедия крестьянско-плебейского революционера Мюнцера, но это же обстоятельство показывает и прогрессивный для того времени характер его борьбы.

Подавление Великой крестьянской войны

Разгром франкенхаузенского лагеря и гибель Томаса Мюнцера были концом Крестьянской войны. Боевые действия крестьян после этого продолжались лишь в отдельных районах. После того как были разбиты последние сопротивлявшиеся группы крестьян в горных районах Австрии, всюду начались преследования и массовые казни участников восстания. Число погибших крестьян превысило 100 тыс. Крестьянство было разорено огромными контрибуциями.

Кровавое подавление восстания, массовое разорение крестьянских хозяйств подорвали боевой дух немецкого крестьянства и силу его сопротивления. Начавшееся ещё до Крестьянской войны усиление феодального нажима на крестьян могло теперь развиваться беспрепятственно. Крепостное состояние крестьян сделалось в Германии преобладающим. Из районов, где происходила Крестьянская война, оно постепенно стало распространяться на восток от Эльбы, где немецкие крестьяне, до этого свободные, фактически и юридически превращались в крепостных, обязанных тяжёлой барщиной. Этот возобновившийся в Германии крепостнический гнёт Энгельс назвал крепостным правом «во втором издании».

[1] *Ф. Энгельс,* Крестьянская война в Германии, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 7, стр. 423.

Причину поражения великого восстания немецкого крестьянства в XVI в. Энгельс видел в разрозненности крестьянских выступлений и неумении всех слоёв оппозиции возвыситься над местными и провинциальными интересами, в том, что даже крестьяне и плебеи в большинстве районов Германии не смогли объединиться для совместных действий [1]. Останавливаясь на этом указании Энгельса, В. И. Ленин подчёркивает, что речь идёт о таких особенностях классовой природы крестьянства, которые лишают его возможности одержать победу в самостоятельных выступлениях. В. И. Ленин пишет, что «организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата» [2].

Ландскнехт, нападающий на мирных жителей.
Гравюра У. Франка.

О руководстве со стороны пролетариата не могло быть, конечно, речи в XVI в. Что же касается бюргерства, то, несмотря на объективную заинтересованность его передовых элементов, вступивших на путь буржуазного развития, в победе над феодализмом, оно в целом оказалось неспособным возвыситься над местной ограниченностью и освободиться от опутывавших его связей с миром феодальных отношений для того, чтобы выступить руководителем всех антифеодальных сил. Местная ограниченность немецкого бюргерства обусловлена была его экономической и политической незрелостью.

5. Германия после Великой крестьянской войны

История Великой крестьянской войны, образующей вместе со всем общественным движением эпохи Реформации первый акт буржуазной революции в Европе, показывает, что главной силой в борьбе с феодализмом был крестьянско-плебейский лагерь, как и в других буржуазных революциях. Поражение восставших крестьян имело роковые последствия для всего немецкого народа. От поражения крестьян выиграли только князья — носители германской раздробленности. Рыцарство совершенно отказалось от своей политической оппозиции и подчинилось князьям. Резко упала и политическая роль немецкого бюргерства. Потрясённое мощным размахом крестьянско-плебейского восстания, консервативное бюргерство поспешило стать под защиту княжеского мелкодержавного абсолютизма. В своей вражде к крестьянам Лютер потребовал кровавого и беспощадного уничтожения восставших и полного восстановления крепостничества.

[1] См. *Ф. Энгельс,* Крестьянская война в Германии, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 7, стр. 435.

[2] *В. И.. Ленин,* О конституционных иллюзиях, *В. И. Ленин,* Соч., т. 25, стр. 181.

Себастьян Франк

Лютер отражал настроения той части немецкого бюргерства, которая из боязни новой революции народных низов перешла на сторону наступившей феодальной реакции. Отдельные же представители образованных кругов бюргерства, отказавшиеся примкнуть к реакции и сохранившие радикальные идеи, пытались сделать свои собственные выводы из анализа создавшейся обстановки. Самым ярким из них был замечательный радикальный гуманист, историк и философ Себастьян Франк (1500—1543), который ещё в начале Крестьянской войны выступал против Лютера, требуя распространения провозглашённого Реформацией принципа религиозной свободы и на область светских отношений. Как и другие известные немецкие гуманисты, Себастьян Франк был противником народных восстаний. Он, однако, стремился доказать примерами из истории, что восстания всегда являлись неизбежным ответом народных масс на чинимые над ними акты насилия. Утверждая, что восстаниями нельзя устранить насилие, что восстания могут привести только к новому усилению гнёта, Себастьян Франк обращался в своих произведениях к «разумным» элементам общества, призывая их учесть уроки истории и перестроить общество на началах разума, устранив из него как насилие господствующих классов, так и народные восстания против них. Само собой разумеется, что подобные утопические призывы не могли иметь практического значения. После Крестьянской войны даже наиболее радикальные элементы немецкого бюргерства отказались от реальных путей борьбы с реакционной действительностью.

Мюнстерская коммуна

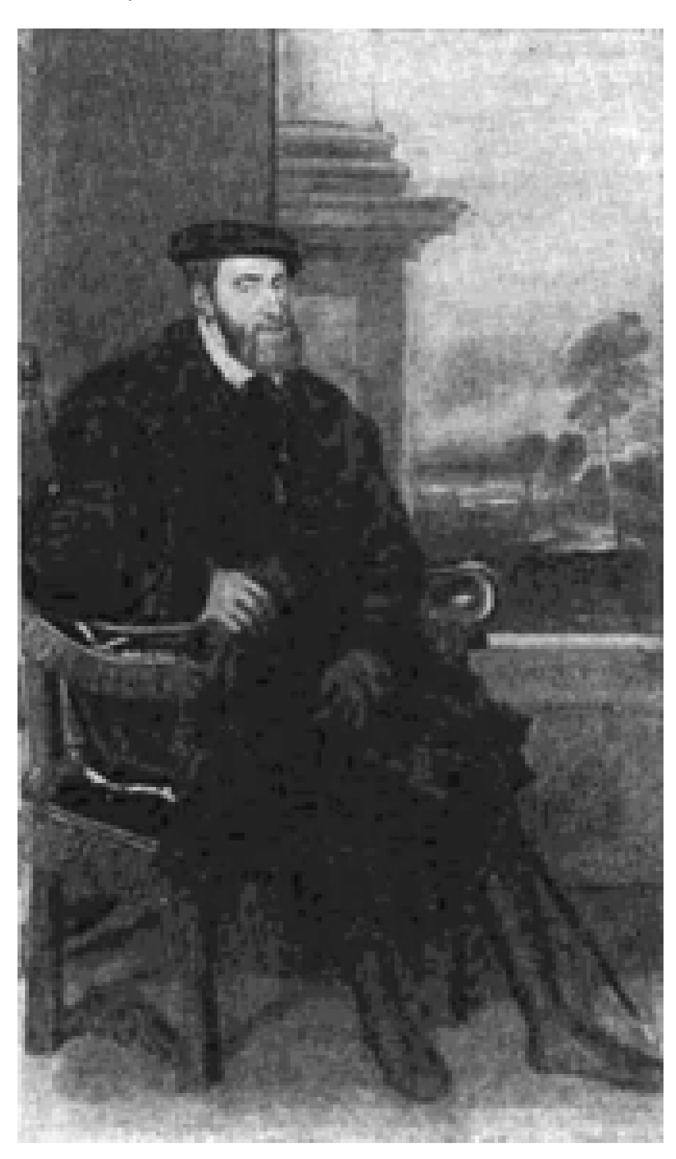
В народных же низах, несмотря на наступившее разочарование и на подрыв боевого духа, сохранились элементы, продолжавшие считать, что наступление на земле царства правды невозможно без нового восстания народных масс. Эти настроения проявились уже в 30-х годах XVI в. в городах Северо-Западной Германии, которые вступили тогда вместе с городами соседних Нидерландов в полосу нового экономического подъёма. В то же время в этих городах оживилась политическая оппозиция и началась борьба за реформацию. Как и нидерландские города, города Северо-Западной Германии сделались новым средоточием и убежищем анабаптистов. Реформационное движение в этом районе сопровождалось подъёмом революционной борьбы плебейских низов, возобновилась революционная пропаганда в духе Томаса Мюнцера. Высшей точкой этого нового подъёма была Мюнстерская коммуна 1534—1535 гг.

В 1533 г. в Мюнстере победили сторонники реформации. Анабаптисты, стекавшиеся в Мюнстер из других городов Германии и из Нидерландов, принимали активное участие в обороне города от вооружённых сил изгнанного оттуда сеньора города — епископа. В феврале 1534 г. анабаптисты, опиравшиеся на плебейские массы Мюнстера, получили большинство в городском совете и фактически захватили власть в городе. Во главе их стояли прибывшие из Нидерландов булочник Ян Матис и портной Иоанн Лейденский.

Мюнстер был объявлен анабаптистами «Новым Иерусалимом», т. е. центром «царства божия», которое, согласно проповеди Яна Матиса, должно быть теперь установлено на земле мечом «праведных». В обстановке осады города силами феодалов Средней и Северной Германии, длившейся во время их пребывания у власти (до июня 1535 г.), анабаптисты провели в Мюнстере ряд преобразований. Орудия производства оставались в руках мастеров, которые тем не менее обязаны были подчиниться городской общине в деле организации производства и выполнения заказов. Община распоряжалась раздачей отдельным лицам земельных участков для обработки. Золото, серебро и драгоценные вещи подлежали конфискации в общую пользу. Деньги были упразднены. Потребление организовано было на уравнительных началах.

Все эти меры, не выходившие за рамки уравнительства, проводившегося к тому же не вполне последовательно, диктовались в основном военной обста-

новкой. По вопросу об общности имуществ у мюнстерских анабаптистов не было единства взглядов. Не было у них вообще более или менее определённой программы устройства будущего общества, кроме туманных представлений о равенстве, облечённых в мистическую оболочку.

Карл V.
Портрет работы Тициана. 1548 г.

Значение Мюнстерской коммуны заключалось не в её социальных преобразованиях, а в том, что после разгрома Крестьянской войны она показала пример готовности к революционной борьбе против свирепствовавшей феодальной реакции. Деятели коммуны решительно расправлялись с феодалами. Однако в условиях реакции Мюнстерская коммуна не могла получить достаточной поддержки, хотя некоторые города Германии и Нидерландов послали ей на помощь вооружённые отряды. После 14-месячной героической обороны Мюнстер пал, а Иоанн Лейденский и другие его защитники были подвергнуты беспощадным пыткам и казням.

Усиление раздробленности Германии

Подавление Крестьянской войны и разгром всего общественного движения этой эпохи открыли дорогу усилению княжеской власти. Лютеровская реформация, лишившаяся связи с народом, выродилась в орудие княжеского сепаратизма и секуляризации церковных земель в пользу князей. Борьба лютеровской реформации против католической церкви и её догм в значительной мере ослабела. Сам Лютер и его ближайшие сторонники видели теперь свою главную задачу в том, чтобы сохранить церковь как орудие феодальной реакции. Лютер отступил от выдвинутого им вначале принципа «оправдания только верой». Его сторонники провели ряд мер по сохранению обрядовой стороны религии, что было шагом к сближению с католиками. Правда, у лютеран обрядность была подчинена буржуазному требованию «дешёвой церкви». Пышность католического культа была упразднена, так же как и почитание икон и мощей. Торжественная католическая литургия (месса) заменена проповедью. Из семи католических таинств лютеране сохранили только два — крещение и причащение. В тех княжествах, где была проведена реформация, высшая власть в церковных делах перешла в руки князей.

Секуляризация церковных земель теми князьями, которые провели в своих княжествах лютеранскую реформу церкви, вызывала и в среде католических князей стремление к секуляризации, и папе пришлось разрешить им её частичное проведение.

Император Карл V, увидевший в усилении князей и княжеского сепаратизма опасность для габсбургской великодержавной политики, стремился к строгому применению Вормсского эдикта и подавлению лютеранства. В 40-х годах XVI в. Карл V предпринял военный поход против лютеранских князей, выступивших ещё раньше с протестом против политики проведения в жизнь Вормсского эдикта (откуда их название «протестанты») и составивших вместе с некоторыми городами особый союз (Шмалькальденский — по названию города, где он был заключён) для организации отпора императору. Победа, одержанная императором и католиками в Шмалькальденской войне в 1548 г. над протестантскими князьями, не была окончательной. Часть католических князей, по указанным уже мотивам, присоединилась к враждебному императору лагерю. Вместе с протестантами и с французским королём Генрихом II они начали против императора войну, закончившуюся победой над ним. Победившие протестантские и католические князья заключили между собой и с императором в 1555 г. Аугсбургский религиозный мир, согласно которому княжеский суверенитет, объявленный незыблемым, распространяется и на область религии: каждый князь определяет религию своих подчинённых. Провозглашён был принцип, выраженный в формуле «Cujus regio ejus religio» («Чья страна, того и вера»).

В результате религиозного мира 1555 г. в Германии образовались две группировки немецких княжеств — католическая и протестантская. В католическом лагере остались все наследственные земли Габсбургов, Бавария, Франкония, духовные княжества на Рейне и в Северо-Западной Германии и Эльзас. Северогерманские княжества, герцогство Пруссия, Бранденбург, Саксония, Гессен, Брауншвейг, Верхний и Нижний Пфальц и Вюртемберг образовали протестантскую группировку. Обе группировки обособлялись друг от друга не только в религиозном отношении, но и в своей политической ориентации: протестантские князья оставались более решительными противниками великодержавной политики габсбургского дома.

Провал политики Карла V и фактический распад империи заставили его отречься от престола. Австрийские владения Габсбургов, а также Чехия и Венгрия перешли к брату Карла — Фердинанду I. К нему же перешла и корона «Священной Римской империи». Испания, Нидерланды и итальянские владения достались сыну Карла — Филиппу II.

Таким образом, после поражения Великой крестьянской войны борьба реакционных политических сил между собой закончилась усилением и закреплением раздробленности Германии.

ГЛАВА VIII
ЦВИНГЛИАНСТВО И КАЛЬВИНИЗМ. КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ В ЕВРОПЕ

В первой половине XVI в. реформационное движение вслед за Германией стало быстро распространяться в других странах Европы. Причины заключались в том, что в ряде европейских стран сделало значительные успехи развитие капиталистического уклада в недрах феодального общества и зарождались новые классы. Поскольку идеология в средние века носила религиозный характер, социально-политические требования этих классов принимали религиозную окраску, форму ересей и различных реформационных учений.

«Скроенное по феодализму католическое мировоззрение, — писал Ф. Энгельс, — не могло уже удовлетворять этот новый класс (т. е. буржуазию. — *Ред.*) с его условиями производства и обмена. Тем не менее, и этот новый класс еще долго оставался связанным путами всесильной теологии. Все реформационные движения и связанная с ними борьба... в теоретическом отношении были только повторными попытками буржуазии, городских плебеев и крестьянства, в союзе с ними ставшего революционным, приспособить старое теологическое мировоззрение к изменившимся экономическим условиям и положению нового класса»[1]. Эти реформационные движения были направлены в первую очередь против католической церкви, являвшейся наивысшим обобщением и санкцией феодального строя.

В разных странах Реформация принимала различные формы в зависимости от характера и конкретных условий возникновения и развития капиталистических отношений, а также и положения новых классов в каждой стране. Реформационные же течения, возникшие в Швейцарии, имели общее значение для развития реформацион-

[1] *Ф. Энгельс,* Юридический социализм, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. XVI ч. 1, стр. 295—296.

ного движения в ряде других стран Европы. В Швейцарии зародилось направление Реформации, связанное с именем Цвингли, и нашло приют и благоприятную почву для своего развития учение Кальвина. Оба эти направления гораздо последовательнее, чем учение Лютера, выразили буржуазную сущность реформационного движения. Если цвинглианство осталось в основном внутришвейцарским явлением, то кальвинизм, сделавшийся, по словам Энгельса, идеологией «самой смелой части тогдашней буржуазии», получил в XVI—XVII вв. широкое распространение в Европе и сыграл важную роль в ранних буржуазных революциях в Нидерландах и в Англии.

1. Реформация в Швейцарии

Для понимания причин, почему именно Швейцария оказалась тем уголком Европы, где смогли на время укрыться от преследований деятели более радикальных, чем лютеранство, направлений Реформации, необходимо познакомиться со своеобразным историческим развитием этой страны.

Горная страна Швейцария, расположенная в центре Европы на путях из Южной Германии и Франции в Италию, имела своеобразную судьбу, не совсем похожую на судьбу остальной Европы. Её население смогло сохранить в течение долгого времени отдельные черты общинного быта. В то же время центральное положение Швейцарии на путях через альпийские перевалы издавна связывало интересы местного городского населения с итальянской торговлей.

Ядром Швейцарского союза явились три горных лесных кантона — Швиц, Ури и Унтервальден. Они держали в своих руках ключи от получившего с середины XIII в. большое торговое значение Сен-Готардского прохода, связывавшего Италию с остальной Европой. Большие выгоды от торговли через этот проход интересовали австрийских герцогов Габсбургов, имевших на территории трёх кантонов своих управителей-фогтов, и обширные земельные владения. Своеобразие дальнейшей истории Швейцарии и заключается в том, что местное население сумело отстоять относительную независимость от своих и чужих феодалов, а огромное торговое значение швейцарских проходов связало экономические интересы значительной части этого населения с интересами торговых и промышленных слоев населения других стран.

Впоследствии большие города Швейцарии — Цюрих и Женева — стали центрами, откуда получили своё распространение указанные выше новые направления Реформации — цвинглианство и кальвинизм. Для развития в Швейцарии более передовой общественной мысли имело важнейшее значение то обстоятельство, что эти города становились убежищем всех гонимых прогрессивных деятелей из других стран.

В значительной степени распространению Реформации способствовали также успехи светского университетского образования и оживлённая деятельность гуманистических кружков.

Образование Швейцарского союза. Его политическое устройство

В 1291 г. кантоны Швиц, Ури и Унтервальден, подвергавшиеся угнетению со стороны австрийских герцогов Габсбургов, заключили между собой союз и начали освободительную войну против австрийского владычества. В ходе этой борьбы швейцарские крестьяне проявили выдающуюся храбрость, стойкость и волю к победе. Воодушевлённые их примером соседние области также поднялись на освободительную войну. Союз трёх кантонов разросся за счёт присоединения новых кантонов и земель. В 1332 г. присоединился Люцерн, в 1351 г. — Цюрих, в 1352 г. — Цуг и Гларус, в 1353 г. — Берн, в 1481 г. — Фрибур (Фрейбург) и Золотурн, в 1501 г. — Базель и Шафхаузен, в 1513 г. — Аппенцелль. Кроме этих

кантонов, на правах «союзных земель» в XV—XVI вв. присоединились Санкт-Галлен (Сен-Галлен) на востоке, Женева и Невшатель на западе, Валлис на юге и другие области.

Возросло и военное могущество Швейцарского союза. Швейцарцы создали собственную тактику, основанную на действии сплочённых масс пехоты. Эта новая тактика ведения боя и высокий моральный дух крестьянской по своему социальному составу армии, ведшей освободительную войну, позволили швейцарцам не только отражать силы феодальных захватчиков, но и совершать успешные наступательные операции большого масштаба.

В битве при Нанси (1477 г.) швейцарцы совместно с войсками герцога Рене Лотарингского разгромили армию бургундского герцога Карла Смелого. Результатом военного разгрома была ликвидация Бургундского герцогства. В 1499 г. они одержали победу над войсками императора и немецких князей, объединённых Швабским союзом. После этой битвы Швейцарский союз стал фактически независимым, что было юридически оформлено договором 1511 г. и получило международную санкцию по Вестфальскому миру 1648 г.

Благодаря этим победам швейцарская пехота получила широкую известность в Европе. В качестве наёмной армии она стала значительной силой, участие которой в борьбе на стороне той или иной европейской державы нередко решало исход военных кампаний.

По своему политическому строю Швейцарский союз был конфедерацией, т. е. объединением без постоянных органов центральной власти. Общесоюзные дела решались на съездах делегатов кантонов — ландтагах. Взаимоотношения между кантонами регулировались на основании заключённых между ними договоров.

Так называемые союзные земли, присоединённые к отдельным кантонам, с которыми они имели особые договоры, были лишены права участвовать в ландтагах. Их интересы там представлялись соответствующими кантонами. В решении своих внутренних дел кантоны и союзные земли были автономны. Они могли также заключать договоры между собой и с иноземными государями, но без ущерба для безопасности и интересов союза в целом.

Швейцарцы не только обороняли свои кантоны и союзные земли, но и предпринимали походы в земли Австрии, Милана и других соседних герцогств и княжеств. Используя недовольство населения соседних земель существовавшим в них жестоким феодальным режимом и княжеским произволом, швейцарцы завоевали в ходе этих войн ряд территорий — Ааргау и Тургау на севере, Тессин на юге, Ваадт на западе и др., которые стали называться подвластными территориями — *фогтствами.* Они управлялись фогтами кантонов. Эти фогтства были бесправны и эксплуатировались кантональными властями.

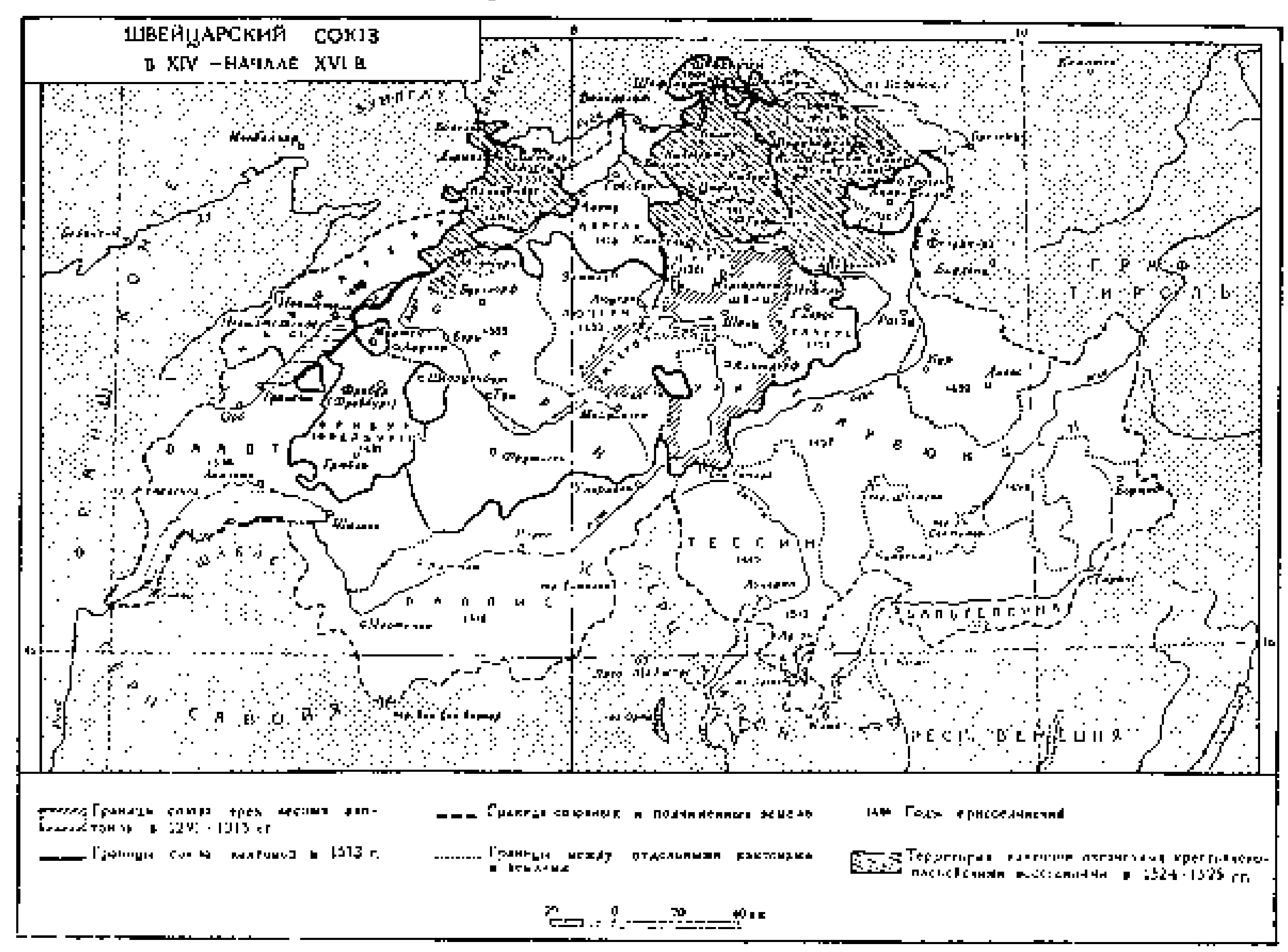
Лесные и городские кантоны в XVI в.

Кантоны и союзные земли, входившие в состав Швейцарского союза, были очень различны по уровню своего экономического развития. Тем не менее их можно разделить на две основные группы. Первую составляли старые, так называемые лесные, сельскохозяйственные кантоны — Швиц, Ури, Унтервальден, Люцерн и Цуг. Ко второй группе принадлежали экономически более развитые городские кантоны — Цюрих, Берн, Базель и др.

Для экономического строя лесных кантонов характерны были неразвитость феодальных отношений, длительное сохранение общинных порядков и значительной прослойки свободного крестьянства, искони не знавшего феодальной зависимости.

В ходе освободительной борьбы большая часть зависимых крестьян сбросила с себя ярмо феодальной эксплуатации или выкупилась у своих господ. Феодальные отношения сохранили своё господство почти исключительно в церковном землевладении, которое не было значительным, а также в фогтствах. Новым в фогтствах

Швейцарский союз в XIV — начале XVI в.

было лишь то, что место феодальных сеньоров заняли швейцарские кантоны, эксплуатировавшие на правах коллективных сеньоров труд крепостных крестьян. Разумеется, главные выгоды от эксплуатации фогтств извлекала правящая верхушка кантонов.

Ведущей отраслью хозяйства лесных кантонов было животноводство. Здесь, на тучных альпийских лугах, кормились большие стада овец и коров. Продукция скотоводства — шерсть, шкуры, кожи, масло, сыр — сбывалась в городские кантоны, а также в Италию и в Германию. Обширные территории пастбищ и лесов находились в общинном пользовании. Пахотные земли занимали незначительную площадь. Поэтому большую часть потребного им хлеба лесные кантоны ввозили через Базель и Цюрих из Германии.

Крестьянская община в XVI в. заметно разложилась. Пользование общинной землёй (альмендой) уже превратилось по существу в привилегию зажиточной деревенской верхушки. Обедневшие крестьяне, владевшие неполным наделом, и безземельные выходцы из других общин — присельники, владевшие лишь домом и приусадебным участком, были лишены права безвозмездного пользования общинными землями. За пользование лесом, лугом и выгоном они несли барщину и натуральные повинности в пользу общины, т. е. практически в пользу зажиточных хозяйств. Расчистка лесов и лугов под пашню, а также расширение круга лиц, пользующихся безвозмездно альмендой, были запрещены. Поэтому с ростом населения возрастало и безземелье, чем пользовалась разбогатевшая деревенская верхушка, закабалявшая бедноту под покровом патриархально-общинных отношений.

Малоземелье, сохранение патриархальных пережитков, отсутствие значительных торговых и промышленных центров тормозили развитие производительных сил в лесных кантонах» В создавшихся условиях это порождало излишек рабочих рук, не находивших себе применения в производительном труде. Этим обстоятельством воспользовались соседние крупные государства. XVI век — время наёмных армий. Швейцарцы в ходе освободительных войн создали себе репутацию непобедимой пехоты, и иноземные государи охотно вербовали их в свои армии. Военное наёмничество стало регулярным узаконенным промыслом, что имело важные последствия для всего уклада жизни лесных кантонов.

В городских кантонах дело обстояло иначе. Такие города, как Берн, Цюрих, Базель и др., были крупными для того времени центрами торговли, ремесла и кредитно-ростовщической деятельности. Этому способствовало их выгодное расположение на скрещении торговых путей, шедших из Италии, через альпийские горные перевалы, во Францию и в Германию. Тем не менее они были ещё феодальными городами с цеховыми корпорациями, эксплуататорскими тенденциями по отношению к окрестной деревенской округе.

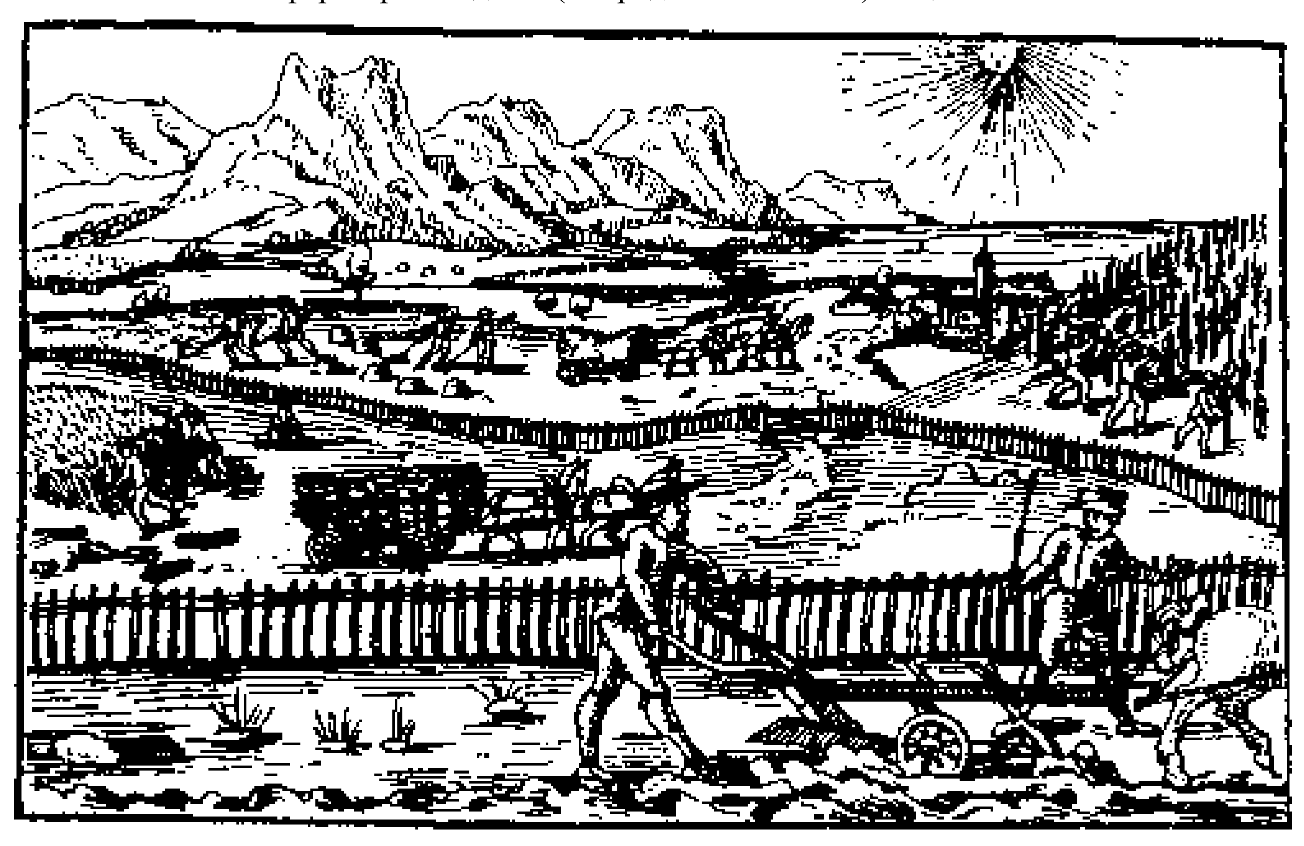
Одним из наиболее развитых городских кантонов был кантон Цюрих. Хотя большинство ремёсел в Цюрихе было организовано в цехи, в нём с конца XV в. развивалось в форме рассеянной капиталистической мануфактуры производство грубых сукон, шёлковых тканей и изделий из кожи. Скупщики раздавали сырьё окрестным крестьянам и забирали у них готовые изделия или полуфабрикаты.

Вместе с тем в экономической жизни Цюриха были ещё сильны феодальные порядки. Цехи всячески старались подавить зачатки капиталистических отношений в городе и за его пределами. Наряду со свободным крестьянством сохранились и остатки феодально-зависимого крестьянства. Сам город, как коллективный сеньор, эксплуатировал труд крепостных на муниципальных землях и в фогтствах.

Сходные порядки существовали и в кантонах Берн и Базель, которые, подобно Цюриху, угнетали и обирали крепостных и зависимых крестьян, селившихся на городских землях и в фогтствах.

Таким образом, социально-экономический строй Швейцарии характеризовался наличием, с одной стороны, значительных пережитков общинно-патриархальных

порядков (в лесных кантонах), с другой стороны, развитым цеховым ремеслом и зачатками капиталистических форм производства (в городских кантонах). В целом же

Сельскохозяйственные работы.
Рисунок из швейцарской хроники X. Зильберизена. 1576 г.

феодальные отношения были в Швейцарии развиты значительно слабее, чем в остальной Европе.

Политический строй кантонов

В зависимости от экономического устройства различных швейцарских кантонов находился и их политический строй. В лесных кантонах, несмотря на сохранение многих патриархальных пережитков, советы общин, по мере того как разлагалась сельская община, превратились в оплот зажиточной землевладельческой верхушки. Этому в значительной мере способствовала и окончательно сложившаяся к началу XVI в. система военного наёмничества, которое превратилось в широко организованный промысел. Кантональные власти заключали специальные договоры с иноземными государями. По этим договорам ежегодно около 80 тыс. швейцарских наёмников, организованных в воинские части под командой своих офицеров, отправлялись служить в разные страны. Больше всего наёмников вербовала Франция. За вербовку наёмников кантональные власти и правящая верхушка в сельских общинах получали от иноземных государей огромные суммы денег. Таким образом, богатая землевладельческая верхушка получила новые источники дохода и новые способы подчинения и эксплуатации сельской бедноты. И в сельских общинах и в кантонах, органы управления которых пополнялись путём кооптации, сложилась замкнутая, связанная узами родства и военного подчинения олигархия из числа богатых землевладельцев и офицерского корпуса наёмнических войск. Характеризуя политический строй лесных кантонов этого времени, Ф. Энгельс писал:

«Массой невежественных пастухов, несмотря на их демократическую конституцию, управляют на патриархальных началах несколько богатых землевладельцев...» [1]

[1] *Ф. Энгельс,* Гражданская война в Швейцарии, *К. Маркс* и Ф. *Энгельс,* Соч., т. 4, стр. 350.

Такой же характер имел политический строй и в городских кантонах, с тем, однако, отличием, что здесь правящая олигархия складывалась из иных социальных слоёв. В Берне и Базеле господствовала олигархия старых патрицианских родов, занимавшихся торгово-ростовщической деятельностью и подчинивших себе цехи. В Цюрихе с конца XV в. власть перешла в руки очень сильных здесь ремесленных цехов. Но это вовсе не сделало политический строй Цюриха демократическим. Городской магистрат, представлявший интересы бюргерской верхушки, проводил реакционную политику, которая преследовала цель сохранения и укрепления существующего средневекового строя. Военное наёмничество и связанные с ним злоупотребления, произвол и коррупция имели место и в городских кантонах, хотя и в несколько смягчённой форме.

Городские кантоны, ограничивая у себя размеры наёмничества, всячески покровительствовали его развитию в лесных кантонах, за счёт которых они обогащались пенсиями иноземных государей. Кроме того, используя своё экономическое могущество, Цюрих и особенно Берн стремились установить господство внутри Швейцарского союза и подчинить своему влиянию лесные кантоны.

Экономические связи между кантонами были слабы. Общего внутреннего рынка не сложилось. Противоречия между кантонами и узкий местный партикуляризм преобладали над общегосударственными интересами. Разбитая к тому же на две самостоятельные языковые группы — французскую и немецкую, — конфедерация не имела в существовавших тогда условиях сколько-нибудь прочных предпосылок к созданию национальной общности.

Швейцария перед Реформацией

В старых, лесных кантонах наблюдался общий застой в развитии производительных сил и в политической жизни. Система военного наёмничества позволяла без особого труда отделываться от «беспокойных людей». Борьба соперничающих группировок внутри господствующей олигархии протекала обычно подспудно и лишь редко, на самое короткое время, нарушала традиционную неподвижность политической жизни.

В области внешней политики лесные кантоны были связаны договорными отношениями с реакционно-католическими кругами — испанскими Габсбургами, папским престолом и правящими католическими кругами Франции. У себя дома они менее всего склонны были поощрять какие-либо «новшества» или «вольнодумства». Лесные кантоны не были затронуты реформационным движением и даже выступали против реформации.

Иная картина наблюдалась в городских кантонах. Передовые слои бюргерства, вступившие на путь капиталистического развития, оттеснённые в своей подавляющей части от кормила правления реакционным патрициатом, как в Базеле, или цеховой олигархией, как в Цюрихе, всё решительнее выступали против сложившихся порядков. Они требовали запрещения военного наёмничества, которое отвлекало рабочие руки я усиливало остатки враждебного городам дворянства, занимавшего командные должности в наёмнических формированиях. Они обличали невежество, лихоимство и стяжательство католического духовенства. В кругах бюргерства получило широкое распространение требование секуляризации церковных земель. В этих кругах, интересы которых выходили за тесные границы кантона, возникали стремления к централизации Швейцарии, к превращению её в прочную федерацию, в которой ведущее место принадлежало бы городским кантонам.

Городской плебс, подмастерья, мелкий ремесленный люд страдали от произвола правящей олигархии и вымогательств церкви. Та часть крестьянства, которая влачила цепи феодальной зависимости, особенно в угнетённых фогтствах и на церковных землях, ждала лишь повода, чтобы подняться и сбросить с себя эти цепи.

В городских кантонах возникли и развились непримиримые противоречия, которые неизбежно должны были вылиться в ожесточённые социальные столкновения. Вместе с тем в них была подготовлена благоприятная почва также и для распространения реформационных идей.

Ульрих Цвингли и его учение

В этой обстановке в Цюрихе развёртывается реформационная деятельность Ульриха Цвингли. Выходец из зажиточных крестьян, Цвингли получил блестящее гуманистическое-образование. Сначала он преподавал латинский язык в Базеле, а в 1506 г. принял священнический сан. Тесно связанный с гуманистическими кругами и с оппозиционными бюргерскими слоями Базеля и Цюриха, Цвингли уже в 1516 г. выступает как ярый противник военного наёмничества.

Ульрих Цвингли.
Портрет работы Г. Аспера.

К этому времени относится и начало проповеди им реформацион-ных идей в Швейцарии Религиозная догматика цвинглианства имела много общего с лютеранской. Подобно Лютеру, Цвингли основывал своё вероучение на положениях Евангелия, а не на позднейших постановлениях пап, отвергал индульгенции, поклонение иконам, статуям и мощам «святых», был поборником идеи «дешёвой церкви», без сложной иерархии церковного клира, без монастырей, богатств и пышного церемониала. Вместе с тем цвинглианство гораздо более решительно порывало с обрядовой стороной богослужения, чем это делал Лютер и его последователи, и отказывалось от католического толкования двух сохранённых им церковных таинств — крещения и причащения, т. е. не признавало за ними особой магической силы (благодати). В организации цвинглианской церкви в отличие от лютеранской был проведён республиканский принцип. Эти и другие обстоятельства обусловили последующий разрыв бюргерско-республиканской реформации Цвингли с реформацией Лютера, ставшей княжеской.

В значительно большей степени отличалась от лютеровской система экономических, социальных и политических принципов цвинглианской доктрины. В социально-политических взглядах Цвингли отразились со всей их противоречивостью чаяния бюргерской оппозиции Цюриха. Цвингли решительно осуждал монастырское землевладение и стяжательство церкви, ростовщический процент и крепостничество. Он выступал как поборник мелкой собственности и как убеждённый республиканец. Всех князей и монархов он рассматривал как тиранов. В военном наёмничестве и связанных с ним иноземных пенсиях цвинглиане видели оскорбление чувству патриотизма, источник морального разложения и коррупции.

В то же время Цвингли призывал возвратиться к чистоте нравов и простоте жизни «доброго старого времени», каковые фактически отожествлялись с идеалом буржуазной бережливости, к политической изоляции от других европейских стран, к провинциальной замкнутости. Это последнее требование находилось в полном противоречии

с планами самого Цвингли, направленными к созданию в союзе с протестантскими князьями Германии сильной Швейцарской федерации.

Подобная противоречивость в социально-политических взглядах Цвингли объяснялась самой социальной природой тех слоёв бюргерства, идеологом которых он выступал. Эти слои, с одной стороны, приобщались к новым, капиталистическим формам хозяйства, с другой стороны, многими нитями были связаны с феодализмом, средневековьем.

Цвинглианская реформация в Цюрихе

В 1518 г. Цвингли поселился в Цюрихе, где получил место священника в городском соборе. Он начинает с этого времени систематическую проповедь реформационного вероучения, которая нашла живой отклик среди бюргерства, плебейства, а также крестьянства (особенно в фогтствах). Вначале Цвингли и его приверженцы не порывали ещё открыто с католической церковью, но такое положение не могло долго продолжаться. В 1522 г. городской совет Цюриха под давлением сторонников Цвингли декретировал отмену постов и безбрачия духовенства. Цюрих был объявлен независимым от епископа Констанцского. С 1523 г. начала производиться секуляризация монастырских имуществ. В 1524 г. были отменены месса, почитание икон и «святых» и введено причастие под обоими видами для светских лиц.

Все эти реформационные мероприятия осуществлялись в Цюрихе под руководством и контролем городского магистрата, которому подчинялась церковная организация. Кантон выступал как город-государство, неразрывно связанное с церковной общиной. Цвинглианское вероисповедание было объявлено обязательным для всех жителей кантона, а соблюдение религиозных правил придирчиво контролировалось городскими властями.

Одновременно осуществлялась и цвинглианская сопиально-политическая программа: были запрещены ростовщический процент, военное наёмничество и получение пенсий от иноземных государей. Церковная десятина, ранее шедшая в пользу римской курии, теперь использовалась на содержание пасторов.

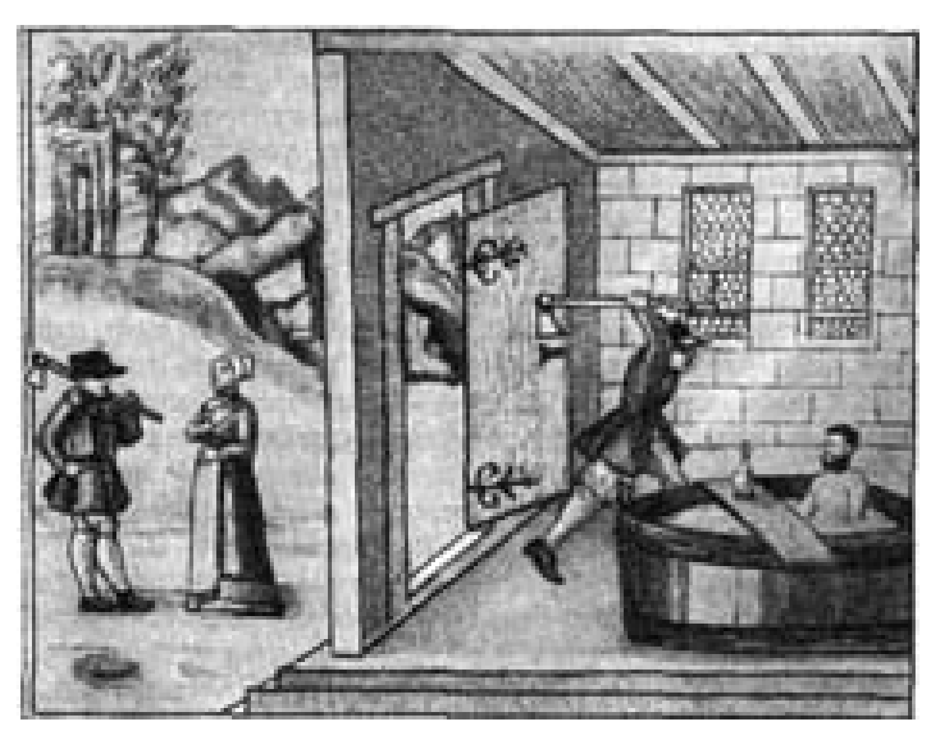
Патрициат и дворянство были почти полностью вытеснены из городских органов управления, а магистрат несколько демократизирован. Большинство его теперь составляла не цеховая верхушка, а вступившие на путь буржуазного развития слои прогрессивного бюргерства, образовавшие ядро цвинглианской партии.

Социально-политическая борьба в Швейцарии в период цвинглианской реформации

Торжество цвинглианской реформации в Цюрихе, успехи реформационного движения в других городских кантонах Швейцарии, распространение лютеранской и народной реформации в соседних областях Германии создали напряжённое положение внутри конфедерации. Лесные кантоны, связанные договорами с католическими государствами Европы, подавляли всякие попытки реформационного движения и социального протеста у себя и оказывали сильное давление на городские кантоны, требуя от них пресечения «ереси». Особенно острые конфликты назрели в фогтствах, крестьянство которых подвергалось наиболее жестокой эксплуатации. Положение осложнялось ещё тем, что некоторые фогтства управлялись совместно городскими и лесными кантонами. Первые всячески поощряли реформационное движение, вторые применяли против «еретиков» жестокие репрессии. Фогтства превратились в центры крестьянского движения и главные узлы противоречий между лесными и городскими кантонами.

Великая крестьянская война, происходившая в Германии, нашла живейший отклик в фогтствах и кантонах, примыкавших к германской границе. Почва для этого была подготовлена. Уже в 1523 г. в фогтствах и сельских общинах кантонов Цюриха, Базеля, Шафхаузена, Золотурна, Санкт-Галлена крестьяне нередко отказывались уплачивать церковную десятину и чинш. Анабаптистские и близкие к ним цвинглианские проповедники радикального направления призывали крестьян не

платить десятину, которая идёт на удовлетворение прихотей духовенства. В фогтстве Тургау летом 1524 г. крестьяне разгромили и сожгли монастырь Иттинген. Весной 1525 г. все фогтства и многие сельские общины большинства городских кантонов стали ареной активного крестьянского движения. В Цюрихе им были охвачены округа Грюнинген, Гаузен, Штейн, Гассау, графство Кибург и др. Крестьяне собирались в вооружённые отряды численностью до 4 тыс. человек.

Убийство помощника фогта Вольфеншиссена.
Рисунок из швейцарской хроники Диболда Шиллинга.
1515 г.

Однако руководство движением здесь было захвачено зажиточной верхушкой. Действия крестьян и их требования, составленные по предложению властей Цюриха, были весьма умеренными. Крестьяне требовали отмены крепостничества, малой десятины, предоставления деревенским общинам права выбора пасторов, свободы охоты и рыбной ловли, снижения налогов, упорядочения судопроизводства и др. В основном эти требования не выходили за пределы программы «12 статей» немецких крестьян. Предъявив эти требования, крестьяне разошлись по домам и стали ждать решения кантональных властей.

В Шафхаузене центром движения был округ Галлау, крестьяне которого под влиянием анабаптистских проповедников потребовали, отмены крепостничества, барщины и всяких поборов. В Санкт-Галлене наиболее активные выступления крестьян произошли в Виле, Ломмисвиле и других общинах. Восстали крестьяне фогтства Дорнах, подвластного кантону Золотурн.

Активное крестьянское движение развернулось в фогтствах кантона Базель: Листале, Варнсперге, Вальденбурге, Гомбурге, Бреттельне и др. В начале мая 1525 г. крестьяне этих фогтств потребовали введения реформационного вероисповедания, отмены малой десятины, упразднения крепостничества, снижения налогов и пошлин, свободы рыболовства и охоты, запрещения военного наёмничества, «за которое один получает деньги, а другие лишь удары мечами».

Крестьяне не были одиноки в своей борьбе. Почти повсеместно они находили поддержку со стороны городского плебса. В Цюрихе выступила радикально-плебейская оппозиция, выставившая требования раздела имуществ, отмены налогов и роспуска всех властей — церковных и светских. Эта оппозиция активно поддерживала требования крестьян. Против анабаптистов начались жестокие гонения. Некоторые из них, бежав из города, примкнули к крестьянским отрядам и играли в них роль вожаков и организаторов движения.

В Шафхаузене в крестьянском движении активное участие принимал союз виноградарей, члены которого на арендных началах занимались обработкой монастырских виноградников, расположенных в окрестностях города.

Сильное брожение среди цеховых подмастерьев и городского плебса отмечалось

весной 1526 г. в Базеле. Здесь имели место тайные сборища подмастерьев различных цехов. На одной из этих ночных сходок была намечена следующая программа действий: установить связь с восставшими крестьянами фогтств, подвергнуть разгрому дома католических священников и монастыри, поднять восстание и свергнуть магистрат. Участники заговора были, однако, вскоре арестованы, а в городе начались жестокие преследования цеховых подмастерьев». Одновременно цехам, как корпорациям мастеров, был сделан ряд уступок.

В Шафхаузене, Тургау и Базеле движение крестьян и городского плебса было тесно связано с Крестьянской войной в Германии. Большое число базельских ремесленников и крестьян примкнуло к немецким крестьянским отрядам, сражавшимся против князей в Эльзасе и в Южном Шварцвальде.

Отношение кантональных властей к этим событиям не было одинаковым. Лесные, католические кантоны решительно и открыто выступили против восставших крестьян. Они поставили сильные заслоны в горных проходах и на перевалах с целью не допустить объединённых действий швейцарских и немецких крестьян. Одновременно они активно посредничали между восставшими немецкими крестьянами и князьями. Практически это посредничество помогало немецким князьям выиграть время и собрать силы для разгрома крестьян.

Городским кантонам приходилось применять более сложную тактику. С одной стороны, города помогали распространению реформации в своей сельской округе, в католических кантонах и в совместно управляемых фогтствах, стремились подорвать позиции дворян и монастырского землевладения, давая некоторые поблажки зависимым от них крестьянам. Всё это способствовало росту антифеодальных выступлений крестьян. Но, с другой стороны, города в качестве коллективных сеньоров сами эксплуатировали зависимых крестьян фогтств и муниципальных земель и всех крестьян кантона вообще — посредством городских пошлин, монополий и т. п. Города совсем не были склонны поступиться этими своими привилегиями. Поэтому города, опираясь на крестьянскую верхушку, проводили тактику мелких уступок, проволочек и раскола крестьянского движения, выжидая, чем кончится дело в Германии. Как и лесные кантоны, города также посредничали между князьями и восставшими немецкими крестьянами, стремясь отодвинуть пламя войны от своих рубежей.

Поражение Крестьянской войны в Германии послужило сигналом к энергичному наступлению на швейцарских крестьян со стороны властей всех кантонов. Католические кантоны подавили крестьянские выступления в фогтствах и восстановили в них католицизм. Городские кантоны взяли обратно многие из сделанных ранее уступок, хотя и пошли на некоторые послабления крестьянам: были отменены крепостная зависимость крестьян на церковных землях (подвергшихся ранее секуляризации), малая десятина, церковная юрисдикция, снижены некоторые пошлины и налоги, частично восстановлена свобода охоты и рыболовства.

Однако над крестьянами по-прежнему тяготели обременительные феодальные поборы, барщина, разорительные городские налоги и монополии. Общинные земли оставались во владении привилегированной верхушки сельских общин. Бросив некоторые подачки, власти городских кантонов обрушили репрессии на анабаптистов, активных участников и руководителей крестьянско-плебейского движения и на тех, кто принял участие в Крестьянской войне в Германии.

Итоги цвинглианской реформации в Швейцарии

Поражение революционного крестьянско-плебейского движения сильно сузило социальную базу цвинглианской реформации и в значительной степени предопределило её провинциальную ограниченность. Это сказалось, однако, не сразу. Последующие несколько лет ознаменовались довольно крупными успехами цвинглианской реформации в Швейцарии. В 1528 г. она была официально проведена в Берне, а затем в Базеле, Санкт-Галлене, Гларусе и

Шафхаузене. Протестантские кантоны создали особую организацию внутри конфедерации и стали проводить согласованную политику.

Окрылённые этими успехами сторонники Цвингли уже готовились приступить к объединению Швейцарии под главенством Цюриха. Однако эти планы цвинглианцев, лишившихся поддержки народных масс, встретили враждебное отношение со стороны лесных кантонов и недоверчивое — со стороны Берна, который опасался чрезмерного усиления Цюриха. В 1531 г. дело дошло до открытого военного столкновения Цюриха с пятью лесными кантонами. Цюрих вступил в войну неподготовленным и расколотым на враждебные группировки. Битва при Каппеле в 1531 г. закончилась полным военным поражением Цюриха. В бою пал и сам Цвингли.

После этого союз протестантских кантонов распался, а проповедь цвинглианства в кантонах, оставшихся католическими, была воспрещена. Решение вопроса о национальном объединении и укреплении национальной общности страны задержалось на целые столетия.

Центр реформационной деятельности переместился в Женеву.

Женева перед Реформацией

Союзная земля кантонов Берна и Фрибура — Женева представляла собой город со сравнительно небольшой сельской округой, расположенный близ французской границы. Присоединению Женевы к конфедерации предшествовала борьба широких слоёв городского населения против дворянской партии, стремившейся сохранить власть над Женевой герцога Савойского и сеньора города — епископа женевского.

Расположенная на пересечении торговых путей, шедших из Франции и Нидерландов в Италию, Женева была довольно значительным пунктом транзитной торговли и кредитно-банковских операций. Развитые в ней ювелирное, меховое, суконное и обувное производства основывались на мелком самостоятельном ремесле и представляли собой удобное поле деятельности для скупщиков и торговцев. Цеховых организаций в Женеве не было.

Эти условия и относительно свободный внутригородской режим сделали Женеву притягательным центром для предприимчивых элементов итальянских и французских городов, покидавших родину из-за экономических стеснений или религиозных преследований.

Оживлённая экономическая жизнь города отражалась и на сельской округе, которая вовлекалась в торговые связи. В отличие от коренных швейцарских кантонов в Женевской сельской округе не было ни крепкой марковой организации, ни преобладающей прослойки свободного крестьянства. Освобождение крестьян от личной зависимости здесь было проведено лишь в ходе реформации 30—40-х годов XVI в.

В это время в Женеве произошли изменения в расстановке классовых сил. Значительное число дворян покинуло город. Основная часть бюргерства, патрициат и оставшаяся часть дворянства утратили своё господствующее положение в магистрате. В нём получили преобладание «новые горожане», состоявшие в значительной части из поселившихся здесь в недавнее время итальянцев и французов. Перевес получили слои бюргерства, связанные с развивающимися капиталистическими отношениями. Создались благоприятные условия для торжества реформации.

Жан Кальвин и его учение

Жан Кальвин, создатель нового направления в протестантизме, родился в 1509 г. в семье епископского секретаря города Нуайона в Северной Франции. Отец готовил его к карьере юриста, направив с этой целью учиться на славившийся в то время юридический факультет Буржского университета. Наряду с правом Кальвин изучал философию и примкнул к гуманистическому течению. По окончании обучения Кальвин занимался преподавательской и литературной деятельностью Несколько лет он прожил в Париже, где, по-видимому, в 1534 г. перешёл в протестан-

тизм. Он примыкал к наиболее радикальным кругам французских протестантов п в дальнейшем развил их представления и идеи в своём реформационном учении. В связи с гонениями на протестантов Кальвин эмигрировал в Германию, а в 1536 г. переехал в Женеву, которая в ту пору являлась убежищем для протестантов, особенно французов.

В этом же году в Базеле вышла в свет его главная работа «Наставление в христианской вере». Эта книга, неоднократно впоследствии дорабатывавшаяся и переиздававшаяся, содержала основные положения кальвинизма.

Учение Кальвина было заострено, с одной стороны, против католицизма, с другой — против течений народной реформации, представителей которых он обвинял в полном безбожии и материализме. Одним из главных догматов Кальвина являлось учение о божественном предопределении. У Кальвина оно получило формулировку учения об абсолютном предопределении. Бог, утверждал Кальвин, заранее определил одних людей к спасению и блаженству в потустороннем мире, других — к погибели. Предначертания бога неизвестны людям, и люди бессильны изменить их своими поступками. Вера в бога и благочестие человека не зависят от его воли, так как, согласно учению Кальвина, само стремление человека совершать поступки, гарантирующие его спасение, есть не что иное, как действие в нём божества, предызбравшего его к спасению. Люди могут лишь догадываться об уготовленной им участи по тому, как складывается их жизнь на земле. Если они преуспевают в своей профессиональной деятельности (т. е. в той деятельности, которая им предначертана богом), если они добродетельны, набожны, трудолюбивы и покорны властям, установленным богом, это служит внешним показателем благоволения к ним бога.

Эта часть кальвиновской доктрины была в своей развитой форме окончательно сформулирована уже преемниками и последователями Кальвина и получила название учения о «мирском призвании» и «мирском аскетизме». Истинный кальвинист должен целиком отдаваться своей профессиональной деятельности, пренебрегать комфортом, презирать наслаждения и расточительность, копить каждый грош и быть бережливым и рачительным хозяином. Если перед человеком возникает возможность посредством своей профессиональной деятельности получить большой доход, и он откажется от использования такой возможности, он совершит греховный поступок.

В этих догматических положениях кальвинизма в искажённом, фантастическом виде отражались реальные экономические и социальные потребности нарождавшейся молодой хищной буржуазии периода первоначального накопления: её преклонение перед стихийными законами рыночных отношений и властью денег, скопидомство и жажда наживы.

Оценивая социальное значение кальвиновской теории предопределения, Ф. Энгельс писал: «Его учение о предопределении было религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности или искусства отдельных лиц, а от обстоятельств, от них не зависящих. «Определяет не воля или действия какого-либо отдельного человека, а милосердие» могущественных, но неведомых экономических сил. И это было особенно верно во время экономического переворота, когда все старые торговые пути и торговые центры вытеснялись новыми, когда были открыты Америка и Индия, когда даже издревле почитаемый экономический символ веры — ценность золота и серебра — пошатнулся и потерпел крушение»[1].

Из теории предопределения вытекали и другие следствия. В свете её положений теряли своё значение благородство происхождения и сословные привилегии

[1] Ф. *Энгельс,* Развитие социализма от утопии к науке, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, М. 1955, стр. 94.

класса феодалов, ибо не ими определялись предызбранность и спасение. Следовательно, буржуазия получала религиозное обоснование своих прав на руководящее положение в политической жизни общества в качестве наиболее преуспевающей его части.

Кальвинизм был в то же время весьма гибкой идеологической формой воздействия на массы. Беднякам кальвинистские проповедники внушали, что, усердно работая на хозяина, ведя благочестивый и смиренный образ жизни, они достигнут успеха и заслужат благоволение божие.

Кальвинистская церковь

Первоначально Кальвин отрицал необходимость создания особой церковной организации. Тем не менее потребности ведения борьбы, с одной стороны, против усиливающегося натиска контрреформации, а с другой — против революционных плебейских ересей, в частности анабаптизма, заставили Кальвина признать необходимость такой организации. Однако если католическая церковь в соответствии с социально-политической структурой феодального общества была организована по монархическому принципу, со строгим иерархическим подчинением низших служителей высшим, то кальвинистская церковь строилась на республиканских основах.

Жан Кальвин.
Гравюра 1562 г.

Во главе церковной кальвинистской общины стояли старшины (пресвитеры), которые избирались из светских членов общины (как правило, наиболее богатых), и проповедники, произносившие проповеди религиозно-нравственного содержания. Они не имели специального священнического сана. Это была их служебная обязанность (по латыни — ministerium), отсюда их название — министры. Пресвитеры и министры в своей совокупности составляли консисторию, которая в Швейцарии ведала религиозной жизнью общины, рассматривая все дела, связанные с проступками членов общины против религии и морали. Позднее в других странах Европы консистории стали управлять всеми делами общины в целом.

Вопросы, касающиеся догматов кальвинизма, обсуждались на особых собраниях министров — конгрегациях. Впоследствии конгрегации превратились в местные и общенациональные съезды представителей общин — синоды, задачей которых было бороться с ересями и охранять единство культа и вероучения.

Такая организация кальвинистской церкви придала ей исключительную сплочённость, гибкость и боеспособность.

Политические взгляды Кальвина

Острая социально-политическая борьба угнетённых народных масс в Германии, отзвуки её в Швейцарии, опыт Цвингли и Лютера показали Кальвину, сколь опасно без всяких оговорок взывать к Евангелию и идеям раннего христианства, которые угнетённые массы понимали и толковали по-своему, усматривая в них обоснование своим требованиям. Поэтому Кальвин очень осторожно подходит к трактовке проблем государства и социально-политического устройства общества.

Кальвин порицал князей, монархов и феодалов за их насилия, произвол. Он утверждал, что если государь и правительство устанавливают тиранический режим, попирают божеские законы и оскорбляют церковь, то рано или поздно они испытают на себе карающую десницу божью, орудием которой могут стать их собственные подданные. Но в то же время Кальвин всякое государственное устройство и власть, в том числе и феодальную абсолютную монархию, объявлял божественными. Право сопротивления тирании он признавал лишь за подчинёнными органами власти, церковью и представительными учреждениями, например Генеральными штатами. При этом сначала должны быть исчерпаны легальные формы борьбы и пассивное сопротивление; лишь в исключительном случае допустимо открытое неповиновение и свержение тирании.

Демократию Кальвин считал «наихудшей формой правления». Все свои симпатии он отдавал аристократической форме правления, т. е. по существу олигархии. Как компромиссное решение он допускал её сочетание с «умеренной демократией».

В соответствии с этими взглядами Кальвина власть в Женеве всё больше и больше сосредоточивалась в руках узкой группы лиц. Когда же кальвинизм вышел на широкую общеевропейскую арену и стал идеологическим знаменем ранних буржуазных революций, вопрос о характере политической и церковной организации решался по-разному, в зависимости от конкретной расстановки классовых сил и местных условий.

Жестоко ненавидел и преследовал Кальвин крестьянско-плебейскую ересь — анабаптизм. Требование крайних анабаптистов об установлении общности имуществ и отрицание ими властей он оценивал как «присвоение чужого» и «возмутительную дикость».

В то же время Кальвин оправдывал взимание процента и ростовщичество, считал закономерным существование самой жестокой формы эксплуатации человека человеком — рабства, которое стало получать всё более широкое применение в колониях.

Кальвинизм сложился, таким образом, в стройную и последовательную систему взглядов буржуазии эпохи первоначального накопления.

Осуществление кальвинистской реформации в Женеве

Когда в 1536 г. Кальвин прибыл в Женеву, там уже была проведена реформация в цвинглианском духе: отменены месса, иконопочитание, продажа индульгенций, реформировались церковное богослужение и сами церковные учреждения. Военное наёмничество было запрещено. В городе кипела острая социальная борьба. На религиозных диспутах перевес оставался на стороне анабаптистов.. Произошли выступления городского плебса, сопровождавшиеся погромами католических церквей и монастырей. Магистрат запретил церковные диспуты, начал преследовать анабаптистов и круто расправляться с выступлениями городского плебса.

Однако реформация утвердилась не сразу. Мероприятия, проведённые Кальвином и его сторонниками, вызвали столь сильное противодействие, что в 1538 г. руководители реформационной партии, в их числе и Кальвин, вынуждены были бежать из Женевы. Правда, в 1540 г. реформационная партия окончательно одержала верх. По приглашению магистрата Кальвин в 1541 г. возвратился в Женеву и остался там до конца своей жизни (1564 г.).

В Женеве была создана консистория, фактически подчинившая себе светскую власть и учредившая придирчивый полицейский надзор за поведендем и жизнью го-

рожан. Всем вменялось в обязанность посещение церковной службы, были запрещены танцы, игры, песни и ношение нарядных платьев. За нарушение этих правил, за леность и чревоугодие виновные привлекались к суду и подвергались наказаниям.

Это было временем наивысшего могущества Кальвина, когда и женевская церковь и магистрат полностью склонялись перед его авторитетом.

Кальвинистская консистория столь же нетерпимо, как и католическая церковь, относилась ко всякому проявлению инакомыслия, особенно если имела место оппозиция народных масс (в частности, анабаптизм). Недаром Женева слыла протестантским Римом, а Кальвина нередко называли женевским папой. Анабаптистов либо высылали из города, либо казнили. В 1553 г. Кальвин лично добился ареста и осуждения случайно оказавшегося в Женеве крупного испанского учёного-гуманиста Сервета, естествоиспытателя и анатома, близко подошедшего к открытию кровообращения. Сервет «осмеливался» критиковать в своих книгах кальвинистские догматы и поддерживал связь с анабаптистами. Сожжение Сервета, вызвавшее недовольство в кругах образованного общества, побудило Кальвина опубликовать специальный трактат, где он «обосновывал» право церкви истреблять вероотступников. «Бог, — заявлял Кальвин, — не щадит целые народы; он велит до основания разрушать города и уничтожать следы их; мало того, он приказывает ставить трофеи победы в знак проклятья, чтобы зараза не охватила остальной земли».

Историческое значение кальвинизма

Реформационное движение в Швейцарии было частью того социально-политического и идеологического движения, которым было охвачено в той или иной мере большинство европейских стран в XVI в.

Историческое значение двух реформационных течений, исходивших из Швейцарии, не было одинаковым. Цвинглианство было порождено чисто местными условиями жизни городских кантонов и не вышло в основном за их пределы; оно утратило первоначальный боевой дух, превратилось в типично бюргерскую реформацию и погрязло в провинциальной узости и рутине. Такой его эволюции способствовало и то обстоятельство, что после перемещения торговых путей процветавшие ранее швейцарские города во второй половине XVI в. пришли в упадок.

Иным было историческое значение кальвинизма, который вышел на широкую европейскую арену и получил особенное распространение в странах, где успешно развивался капитализм. Кальвинизм дал в руки поднимающегося класса буржуазии такие религиозно-философские и политические идеи, которые стали идеологией самой смелой части буржуазии мануфактурного периода. Под знаменем кальвинизма совершилась Нидерландская буржуазная революция XVI в. «В кальвинизме нашло себе готовую боевую теорию второе (после Реформации и Крестьянской войны в Германии. — *Ред.*) крупное восстание буржуазии» [1] — английская буржуазная революция XVII в.

Вместе с тем организационные формы кальвинистской церкви сделали кальвинизм приемлемым не только для буржуазии, но и для реакционных феодальных клик некоторых стран Европы того времени. Отодвигая на задний план социально-этические и философские догмы кальвинизма, они использовали его республиканизм и организационные принципы для сплочения феодальной оппозиции укрепляющемуся королевскому абсолютизму. Так действовали во время «религиозных войн» во Франции дворянские, или «политические», гугеноты, которых современники отделяли от гугенотов «религиозных», выходцев из буржуазии и городского плебса. Такими же соображениями (наряду со стремлением к секуляризации церковных имуществ) руководствовались некоторые князья Германии и реакционно-феодальные клики венгерского и шотландского дворянства, становившиеся под знамя кальвинизма.

[1] *Ф. Энгельс,* Развитие социализма от утопии к науке, Введение к английскому изданию, *К. Маркс* и Ф. *Энгельс,* Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 95.

2. Феодальная реакция и контрреформация в Европе

Предпосылки контрреформации

Несмотря на то, что феодализму в Европе в XVI в. были нанесены мощные удары, силы феодальной реакции были ещё очень значительны и феодальный строй не изжил себя. Поэтому после первых поражений, понесённых от буржуазной реформации и крестьянско-плебейских восстаний, силы феодальной реакции с 40-х годов XVI в. переходят в наступление. В ряде случаев реакционные группировки феодального дворянства, используя специфические черты лютеранства и кальвинизма, сумели приспособить их к своим планам борьбы против укреплявшегося абсолютизма. В других случаях абсолютная монархия стремилась использовать в интересах феодального государства отдельные стороны реформации. Таков был смысл галликанской реформы церкви во Франции, королевской реформации в Англии. Наиболее реакционные силы стремились к восстановлению и усилению авторитета папства и католической церкви.

Католическая церковь, оправившись и укрепив свою организацию при помощи новых методов, частично заимствованных у самой реформации, развернула упорную в многостороннюю борьбу, целью которой было любыми средствами вернуть в «единоспасающее лоно» католической церкви перешедших в протестантизм. Эта политика католической церкви, получившая название контрреформации, нашла своё наиболее яркое выражение в деятельности ордена иезуитов и в мероприятиях католической церкви, проведённых на основании решений Тридентского собора.

Орден иезуитов

Орден иезуитов сыграл крупную роль в борьбе феодально-католической реакции против всех прогрессивных сил и передовых идей. На примере деятельности ордена иезуитов особенно выпукло вырисовываются те методы, к которым прибегала в изменившихся условиях католическая церковь ради укрепления отживающего феодализма.

Основателем ордена иезуитов («Общества Иисуса») был испанский дворянин средней руки Игнатий Лойола (1491—1556). Лишившись из-за тяжёлого ранения возможности служить в королевских войсках, Лойола, являвшийся ярым реакционером и католическим фанатиком, решил посвятить себя «служению Иисусу» и борьбе с еретиками. После многолетнего изучения богословия сначала в Саламанкском университете, а затем в Сорбонне Лойола написал книгу под названием «Духовные упражнения», в которой излагались организационно-программные принципы «Общества Иисуса». Деятельность этого общества началась практически с 1534 г., но официально орден иезуитов был учреждён в 1540 г., когда он был утверждён римским папой. В дальнейшем он неизменно поддерживал тесную связь с папством.

Лойола был первым руководителем (генералом) ордена и создателем его устава. В ордене господствовала строжайшая дисциплина. Формально высшим органом власти у иезуитов являлась генеральная конгрегация, состоявшая из высших сановников ордена, но фактически вся власть была сосредоточена в руках генерала, при котором имелся совет в составе шести человек с совещательными правами. Иезуиты разделили весь мир на особые районы, называвшиеся провинциями, которые, как правило, включали не одну, а несколько стран. Деятельностью иезуитов в провинциях руководили провинциалы, имевшие при себе совещательные коллегии. Члены ордена, хотя и давали, как все монахи, обет послушания, целомудрия и нестяжательства, жили в отличие от монахов не в тиши монастырских обителей, а в миру. Их главной обязанностью было находиться в центре общественной жизни и оказывать на неё своё влияние, как того требовали интересы католической церкви и директивы руководителей ордена. Подчинённый «должен предоставить провидению, в лице своих начальников, так управлять собою, как если бы он был трупом», — таково было основное требование, предъявлявшееся к каждому иезуиту.

Главными направлениями реакционной деятельности иезуитов были: воспитание в духе догматов католической церкви подрастающего поколения, проникновение во

все слои общества и преимущественно в правящие его сферы с целью их подчинения воле и целям ордена и католической церкви, осуществление планов папской политики, борьба с ересями и распространение католицизма. В дальнейшем одной из основных целей стало обеспечение материального преуспевания ордена. Фанатические, пронырливые, обладавшие змеиной изворотливостью иезуиты проникали в великосветские салоны, во дворцы коронованных особ, потакали их слабостям и порокам, опутывали их сетью интриг и, подчинив своей воле, превращали в послушных исполнителей политики ордена и папства. Для иезуита не существовало никаких религиозных преград, когда дело касалось интересов ордена или исполнения его приказаний. Он не должен был останавливаться перед совершением «смертного греха», если того требовал начальник. Хитросплетением софистических и формально-логических словесных комбинаций он должен был уметь оправдать любой, самый отвратительный и аморальный поступок или действие, если конечный их результат соответствовал интересам ордена. Иезуитские школы, исповедь, ухаживание за больными, интриги, провокации, преступления — всё преследовало цели «уловления душ». Подобные же методы применялись иезуитами, чтобы использовать набожность, невежество или пороки своих «агнцев» для овладения их имуществом.

Иезуиты проникали и в самую толщу обездоленных и угнетённых народных масс, выслеживали и выдавали инквизиции еретиков и «бунтовщиков». Они убеждали бедный люд в божественной предустановленности существующих порядков, в необходимости покорности и смирения, в «тщете и суетности» всего мирского.

Тридентский собор и папство

Успехи Реформации показали, что католическая церковь должна сама провести некоторые внутренние реформы и перестроить свою организацию, если она желает сохранить свою былую роль в христианском мире. Вместе с тем папская курия опасалась, что всякая более или менее серьёзная перестройка католической церкви может привести к торжеству реформационных идей, особенно в обстановке, когда даже некоторые крупные церковные феодалы склонны были признать отдельные догматы реформации. Для папства речь могла идти только о некоторых половинчатых реформах, не затрагивающих основных догматических и организационных принципов католической церкви. Церковные власти стали решительно пресекать нарушения духовенством правил отправления культа и папских предписаний — декреталий. Они укрепляли богословские факультеты университетов и церковные школы, в Риме был создан центральный инквизиционный трибунал, который стал главным учреждением по борьбе с вероотступничеством. Застенки инквизиции заполнились тысячами жертв, которые подвергались чудовищным пыткам с целью вынудить «признание» в ереси или отречение от неё. Был составлен «индекс запрещённых книг».

Большое значение в этих реакционных мероприятиях католической церкви имел Тридентский собор (т. е. церковный собор в городе Триденте, или Тренто), заседавший с перерывами с 1545 по 1563 г. Решающее значение имела его последняя, третья сессия, длившаяся с января 1562 г. по декабрь 1563 г.

Энергичная поддержка, оказанная папству со стороны окрепшего ордена иезуитов, определила на соборе перевес самых реакционных группировок католической партии, не склонных ни к какому компромиссу с протестантизмом.

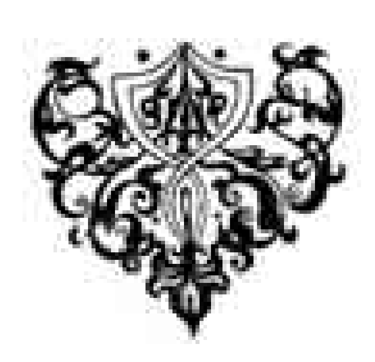
Собор отверг все попытки отдельных его участников внести какие-либо существенные изменения в догматы или организационные принципы католической церкви. На соборе были преданы анафеме все сочинения протестантов и их учения. Иезуиты яростно отстаивали принцип верховенства папы над епископами, собором и светскими властями и положение о непогрешимости папы, когда он с кафедры даёт толкование вопросам веры[1].

[1] Этот догмат о непогрешимости папы был принят, однако, официально лишь на Ватиканском соборе 1869—1870 гг., также под давлением иезуитов.

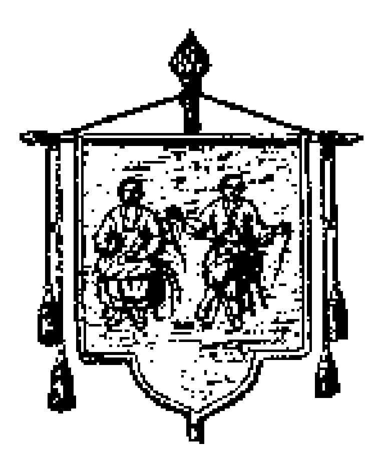
Последствия феодальной реакции и контрреформации в Европе

Контрреформация, т. е. контрнаступление католической церкви на Реформацию, была лишь частью того общего наступления, которое организовала феодально-католическая реакция в Европе в середине XVI в. против выступивших в это время на историческую арену прогрессивных сил. В борьбе нового со старым, отживающим феодальным строем католическая церковь была целиком и полностью на стороне последнего. Она не только обосновывала идеологически господство вступившего уже в стадию своего разложения феодального строя, но и физически истребляла его противников при помощи своих инквизиционных трибуналов. Вторая половина XVI в. ознаменовалась временными успехами феодальной реакции и контрреформации, что оказало резко отрицательное влияние на рост производительных сил, буржуазных производственных отношений, национальное и культурное развитие Польши, Чехии, Италии, Испании и некоторых других государств, в которых утвердилась реакция. Все средства католическая церковь употребила на то, чтобы искоренить из сознания народов идеи социального прогресса, идеи борьбы против всякого рода угнетения — социального, политического, национального.

Но успехи феодальной реакции были временными и непрочными. В Европе росли и накапливались новые силы, готовившиеся нанести ещё более сокрушительные удары по феодальной реакции и католической церкви.

ГЛАВА IX

ВОЗВЫШЕНИЕ ФЕОДАЛЬНО-АБСОЛЮТИСТСКОЙ ФРАНЦИИ

К началу XVI в. Франция была одной из крупнейших и развитых европейских стран. В ней насчитывалось около 15 млн. населения. Париж был самым крупным европейским городом с населением свыше 300 тыс. человек, с богатой и разнообразной промышленностью. Наряду с другими большими центрами — Лионом, Руаном, Бордо, Марселем, Орлеаном — имелись многие средние по величине города и мелкие городки и бурги (посёлки). Но всё же основная масса населения жила в деревнях, и страна в целом ещё оставалась аграрной. Территория страны в XVI в. была немногим меньше площади современной Франции. За её пределами лежали (отошедшие в 1493 г. к Габсбургам и включённые затем в состав испанских территорий) Артуа и мелкие северо-восточные провинции, а также Франш-Конте. Три епископства — Туль, Мец и Верден, как и Лотарингия с Эльзасом, входили тогда в «Священную Римскую империю». Савойя, Корсика, пиренейские области — Наварра, Беарн и Руссильон — также не входили в то время в состав Французского государства.

Ещё сказывалось деление страны на Север и Юг. Юг, присоединённый в середине XV в. и не сросшийся экономически с северной частью страны, не утратил стремлений к сепаратизму, что ярко проявилось во второй половине XVI в., в период гражданских войн. Ещё чисто формальным оставалось присоединение к Франции Бретани. Процесс подлинного внутреннего сплочения страны, экономического, языкового и культурного, и формирования французской нации на базе развития капитализма только начинался.

Развитие капиталистических отношений во Франции XVI в. было временно задержано длительным экономическим упадком и политическим кризисом, вылившимся в форму гражданских войн 1559—1594 гг. Таким образом, история XVI и первой

половины XVII в. распадается на три периода: 1) 1500 — конец 50-х годов — зарождение элементов капитализма, формирование абсолютной монархии, длительные внешние войны (так называемые итальянские войны), 2) начало 60-х годов — 1594 г. — гражданские войны, экономический упадок, кризис абсолютизма, 3) 1595—1648 гг. — окончательное торжество абсолютной монархии во Франции, дальнейшее развитие капиталистических отношений, участие Франции в Тридцатилетней войне.

1. Зарождение элементов капитализма и формирование абсолютной монархии

Экономическое развитие в первой половине XVI в. Мануфактуры

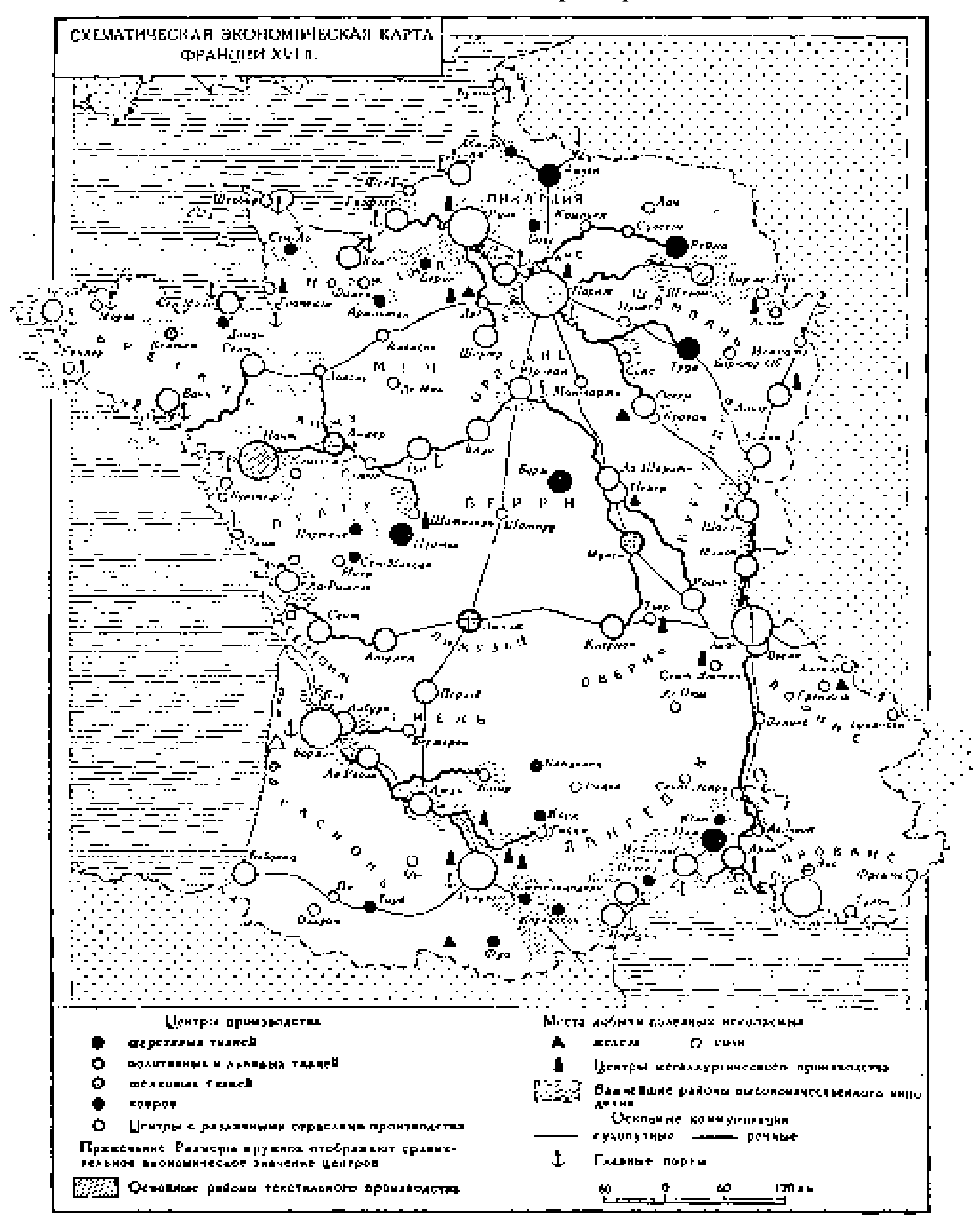
В XVI в. во Франции по-прежнему господствовал феодальный способ производства, но страна вступила уже в период первоначального накопления. В недрах французского феодального общества начали создаваться предпосылки для развития капиталистических отношений и стало зарождаться капиталистическое производство, которое подтачивало и разрушало устои феодальной экономики. В течение XVI в. Франция сделалась в экономическом отношении одной из передовых стран Западной Европы. В то время как изменение мировых торговых путей в результате географических открытий подорвало начавшееся было капиталистическое развитие Италии, сыграло важную роль в упадке Германии, а в Испании и Португалии экономический подъем начала XVI в. сменился длительным и глубоким упадком, во Франции продолжали развиваться капиталистические отношения. Правда, этот процесс совершался медленнее, чем в Англии и в Нидерландах.

С начала XVI в. во Франции развивалось мануфактурное производство, сделавшее наибольшие успехи в тех отраслях промышленности, которые работали не только на внутренний, но и на внешний рынок. К таким отраслям относилось сукноделие в Нормандии, Пикардии, Пуату, Берри, Лангедоке. Здесь в роли капиталиста-предпринимателя, как правило, выступал купец, который низводил до положения наёмных рабочих мелких мастеров и подмастерьев города или деревенских кустарей — прядильщиков и ткачей. Вместе с тем он сосредоточивал в своих руках дорогостоящие средства производства: сукновальные водяные мельницы и красильные мастерские, где производились операции валяния, окраски и отделки сукон. Тем самым рассеянная мануфактура сочеталась с элементами централизованной. Иногда богатые мастера экономически подчиняли себе разорившихся мастеров, превращали подмастерьев и учеников в наёмных рабочих, закрывая им доступ к званию мастера. Однако развитие суконной мануфактуры внутри цеховой организации было невозможно, так как средневековая регламентация препятствовала развитию капиталистического производства.

В таких же формах комбинирования рассеянной и централизованной мануфактуры развивались капиталистические отношения в кожевенной и особенно в шёлковой промышленности, все более и более сосредоточивавшейся в «городе шёлка» — Лионе. Полотняная и кружевная промышленность в этот период существовала в Северной Франции, преимущественно в виде рассеянной мануфактуры. Изготовление стекла, литье пушек, добыча руды и т. п. по самому характеру производства требовали централизованной мануфактуры. Королевские мастерские, изготовлявшие пушки и порох, были уже в XVI в. довольно крупными. Наибольшее распространение централизованная мануфактура нашла во Франции в типографском деле. В Лионе и в Париже уже появились, кроме средних и мелких, также большие по тому времени типографии с дорогим и сложным оборудованием, с 15—20 наёмными рабочими, выпускавшие книги не только для Франции, но и для других европейских стран.

Однако сколь успешно ни развивались капиталистические производственные отношения в этих наиболее передовых отраслях французской промышленности, ни

Схематическая экономическая карта Франции XVI в.

одна из них, и в том числе сукноделие, не завоевала того особого положения в экономике страны, какое заняло в XVI в. производство сукна в Англии.

Своего шёлка-сырца было ещё мало, и его привозили из Италии и из стран Востока. Ограниченная площадь пастбищ, необходимых для разведения высокосортных пород овец, лимитировала развитие сукноделия. Французская металлургия вынуждена была в ту пору довольствоваться сравнительно небольшими рудными запасами Лионской области.

Что касается отраслей промышленности, рассчитанных на местный рынок, — а эти отрасли составляли в XVI в. большую часть промышленности, — то в них мелкое ремесленное производство ещё сохраняло господствующее положение.

Развитие торговли

Огромное значение для развития мануфактуры имело расширение внешней торговли Франции. В XVI в. для экономики страны приобрела первостепенное значение торговля с Испанией, а через неё и с Америкой, куда Франция сбывала большое количество разнообразных товаров и откуда она извлекала большое количество драгоценных металлов. Кроме того, в качестве рынков сбыта французских товаров и в том числе промышленной продукции (тонких сукон, кружев, льняных тканей, шёлковых материй, книг) существенное значение имели Португалия, Англия, Германия и Скандинавские государства. Наоборот, торговый обмен Франции с Италией приходил в XVI в. в упадок, так как французская промышленность начала сама производить такие товары (шёлковые и парчовые ткани, дорогие стеклянные изделия и т. п.), которыми ещё в этот период Италия снабжала почти всю Европу.

Стригальщики сукна.
Гравюра И. Аммана.

Большую роль в экономическом развитии Франции этого периода играла торговля со странами, расположенными по восточному и южному (африканскому) берегу Средиземного моря. Здесь Франции удалось добиться в первой половине XVI столетия первенствующего положения. Благодаря крупным привилегиям, полученным Франциском I от Турции (так называемые капитуляции), она оттеснила на задний план северо-итальянские города, в частности Венецию, которая до этого являлась главной посредницей в торговле между Западной Европой и Ближним Востоком. Торговля с Левантом носила по преимуществу посреднический характер, но до известной степени расширяла также и рынок сбыта для французских мануфактур (особенно южных городов). Она обеспечивала французским купцам солидные барыши и тем самым содействовала росту крупных капиталов и процветанию таких торговых и промышленных центров, как Марсель и Лион.

Однако зависимость французской внешней торговли от иностранного купеческого капитала в этот период не была изжита, полностью. Известная часть торговли Франции с Италией и некоторыми другими средиземноморскими странами находилась ещё в руках итальянских купцов.

Во Франции в XVI в. были сделаны лишь первые шаги в сфере колониальной экспансии. Купцы крупных северных портов (Руана, Нанта, Дьеппа) предприни-

мали в течение XVI в. неоднократные попытки проникнуть в Новый Свет (в Бразилию и Канаду) и заложить там фундамент французских колониальных владений, но эти попытки неизменно терпели крушение.

Франция добилась в XVI в. заметных успехов в расширении внешних рынков, в завоевании торговых путей и накоплении купеческих капиталов, однако эти успехи были весьма скромны по сравнению с успехами Испании, Англии и Голландии.

Государственный долг и кредит

Особенностью процесса первоначального накопления во Франции явилось раннее появление и быстрое развитие системы государственных долгов. В 1522 г. были выпущены государственные займы (ренты) с оплатой процентов через парижский муниципалитет, а в 1536 г. — через лионский. В дальнейшем выпуск государственных рент происходил весьма часто. Во Франции начал образовываться слой рантье — лиц, ссудивших государству деньги и живших на проценты по займу. В первой же половине XVI в. получила широкое распространение и другая форма государственного долга — практика продажи государством судейских и финансовых должностей. До этого подобная практика существовала в среде самих чиновников, покупавших друг у друга почётные и прибыльные места в государственном аппарате. В XVI в. казна не только узаконила такую практику и стала взимать определённые поборы с купли-продажи должностей, но и начала продавать новые (иногда по очень высокой цене), создав таким путём огромное количество ненужных должностей. Жалованье и всяческие поборы с населения являлись своего рода процентами на вложенный в должность капитал. Некоторые высшие должности давали дворянский титул». Погоня за прибыльными и почётными должностями приняла во Франции размеры, поражавшие иностранцев. Лишние должности были выкупаемыми (часть их, действительно, периодически выкупалась государством, т. е. уничтожалась), но взамен их вскоре создавались новые, так что их общее количество возрастало. Чрезвычайно разбухший бюрократический аппарат с парившим в нём взяточничеством был чудовищным наростом, высасывавшим из народа значительные средства.

Не менее широкое распространение получила во Франции сдача сбора косвенных налогов на откуп. Хозяйничанье в казначействе откупщиков («финансистов») приводило к их скандально быстрому обогащению (уплачивая авансом всю сумму налога, откупщик получал право сбора налога с населения и фактически собирал значительно большую сумму) и тяжело ложилось на плечи налогоплательщиков, т. е. главным образом на трудовой народ.

Уплата процентов по рентам и «жалованья» по проданным должностям, потеря части доходов при сдаче налогов на откуп — всё это отягощало государственный бюджет. Так как основной доходной статьёй бюджета были налоговые поступления с населения (прямой налог — талья, уплачивавшийся крестьянством, и масса косвенных налогов), рост государственного долга неизбежно вызывал и рост налогов.

Значительный рост государственного долга ускорял экспроприацию народных масс и развитие процесса первоначального накопления. Гораздо слабее развивался торговый кредит. Сперва в качестве самых крупных банкиров во Франции выступали итальянцы, царившие в главном денежном центре страны — на Лионской денежной бирже. Но уже в конце XVI в. позиции иностранного капитала ослабели, на первое место выступили «финансисты» - французы.

Особенности формирования класса буржуазии во Франции

Вместе с развитием мануфактурного производства происходило дальнейшее разделение труда, расширялся и укреплялся общенациональный внутренний рынок. На этой базе из феодального сословия горожан стал выделяться класс буржуазии, носитель капиталистического способа производства, объединённый общностью экономических интересов в национальном масштабе. Но в XVI в. в этом направлении были сделаны только первые шаги. Многочисленные пережитки эконо-

мической и политической раздробленности, неодинаковая степень развития капиталистических отношений в отдельных провинциях, общее бесправие буржуазии, эксплуатация со стороны королевского фиска, сословные привилегии дворянства и духовенства — всё это препятствовало быстрому капиталистическому развитию страны, создавало помехи и задерживало накопление капитала. Усилившееся несоответствие между обогащением нарождавшейся буржуазии и её приниженным общественным положением являлось характерной чертой Франции, бросавшейся в глаза иностранцам. «Теперь купцы стали владыками денег. Поэтому их ласкают и за ними ухаживают, — писал в 1591 г. из Франции венецианский посол. — Но они не пользуются никакими преимуществами в общественном положении, потому что любая торговля рассматривается как занятие, несовместимое с благородством. В силу этого они включены в третье сословие и платят налоги наряду со всеми недворянами и в том числе крестьянами, которые представляют сословие, наиболее угнетаемое как королём, так и привилегированными».

Счётная палата, построенная в XVI в.
Гравюра XVII в.

Результатом было неизбежное всё возрастающее недовольство мануфактуристов и купцов.

Оппозиция существующему порядку в ряде случаев побуждала буржуазию к сближению с народными массами и к известной поддержке революционного протеста масс против феодализма. Однако французская буржуазия XVI в. была ещё экономически слишком слаба и политически незрела для того, чтобы противопоставить себя как класс привилегированным сословиям, для того, чтобы возглавить народную борьбу против феодализма и домогаться завоевания политической власти. Буржуазия XVI в. во Франции не могла ещё добиваться сокрушения феодального строя. Она стремилась лишь к созданию благоприятных условий для развития капиталистических отношений при феодальном строе. Она была заинтересована в поддержке королевской власти постольку, поскольку последняя удовлетворяла такие её требования, как усиление экономического единства, обеспечение безопасности и полицейского порядка внутри страны, ограничение налоговой эксплуатации, проведение протекционистской политики по отношению к торговле и промышленности. Именно к этому сводились петиции, с которыми обращались к королевскому трону представители третьего сословия в провинциальных и Генеральных штатах XVI в.

В тех случаях, когда у буржуазии возникали конфликты с правящими кругами, особенно в связи с чрезмерными притязаниями королевского фиска, известная часть буржуазии даже на Севере искала выход в муниципальном сепаратизме и противопоставляла королевской власти местные вольности. Особенно сильны были тради-

ции сепаратизма на Юге, так как южная торговая буржуазия была сравнительно слабо связана с внутренним рынком Франции.

Причины отставания французской буржуазии в целом от буржуазии таких передовых стран, как Англия и Голландия, нужно искать прежде всего в более слабом развитии во Франции мануфактурного производства и заморской торговли. Следует также принять во внимание, что во Франции в отличие от Англии городская буржуазия не находила себе экономической и политической опоры в сельской буржуазии. Как будет показано дальше, во Франции не образовался слой фермеров капиталистического типа, хотя отдельные сдвиги в сельском хозяйстве в направлении его капиталистического преобразования имели место. Скупка дворянских земель превращавшимися в дворян богатыми буржуа (больше всего вокруг таких крупных промышленных или торговых городов, как Париж, Руан, Амьен, Лион, Тур, Пуатье, Нант, Дьепп, Бордо, Ла-Рошель и др.) отвлекала капиталы от промышленности и торговли. При этом новые землевладельцы оказывались в той или иной степени заинтересованными в сохранении феодальных порядков. Наконец, большое влияние на экономическое положение и политическую роль формировавшейся французской буржуазии оказывало её стремление к финансированию государства в той или иной форме (займы, покупка должностей).

Наёмные рабочие

Рабочие мануфактур и подмастерья находились в тяжёлом положении, которое не переставало ухудшаться в течение всего XVI в. в связи с обесценением денег, ростом дороговизны и падением реальной заработной платы (в результате «революции цен»). Заработная плата устанавливалась на основании регламентов, издававшихся цехами, муниципалитетами или правительством, всегда стоявшими на страже интересов предпринимателей. Самый труд подмастерьев и мануфактурных рабочих носил тогда в известной степени принудительный характер. Ордонанс 1534 г. (для Лангедока) и последующие многочисленные указы причисляли всех безработных к «бродягам» и за отказ от работы на предпринимателей грозили тюрьмой и каторжными работами на галерах. Продолжительный рабочий день значительная интенсификация труда в мануфактурах по сравнению с цехами, штрафы за малейшее нарушение правил, каторжный режим на многих мануфактурах, тяжкий налоговый гнёт — всё это создавало для наёмных рабочих порой прямо-таки невыносимые условия существования. Неудивительно» что эти наиболее обездоленные слои трудящихся были и самыми активными участниками классовой борьбы.

Ещё в предшествовавший период возникли самостоятельные союзы подмастерьев — компаньонажи, или братства. В XVI в. их образовывали и мануфактурные рабочие. Это были организации, проникнутые боевым духом. Они неизменно возглавляли выступления рабочих и подмастерьев, борьбу труда с капиталом, Борьба нередко принимала форму массовых стачек; в 1539—1542 гг. в Париже и Лионе разразились большие стачки организованных в компаньонажи типографских рабочих, сопровождавшиеся столкновениями вооружённых рабочих с городскими властями. Идя навстречу собственникам типографий, король издал в 1539 г. в Виллер-Котре эдикт, в котором рабочим запрещались организация союзов, устройство стачек и ношение оружия.

Аграрный строй и положение крестьянства

Феодальная собственность продолжала оставаться господствующей формой земельной собственности, и феодальная рента по-прежнему уплачивалась крестьянством. Развитие товарно-денежных отношений привело уже в XIV—XV вв. к тому, что дворянские земли (фьефы) отчуждались и продавались; таким образом, условный и иерархический характер феодальной собственности почти исчез, а вассальные обязанности и военная служба короне фактически прекратили своё существование. Ценз (или чинш), который являлся основной формой феодальной ренты в взимался в денежной форме, был фиксированным, т. е. номинально неизменным.

Однако реально он неуклонно понижался, особенно в XVI в. в связи с «революцией цен». Последнее обстоятельство явилось главной причиной прогрессировавшего экономического оскудения потомков французского рыцарства, в XV в. получившего название «людей шпаги» (gens d'epee) или «дворянства шпаги».

Уже в XV в. в дворянских поместьях почти совсем не осталось домениальной земли, так как барская запашка постепенно ликвидировалась. Вся земля фьефа обычно находилась в пользовании крестьян, и доходы, извлекаемые из неё феодалами, состояли главным образом из денежной ренты. Подавляющая часть французской земли находилась во владении феодально-зависимых крестьян, и даже церковные земли не составляли исключения.

Производство растительного масла.
Гравюра И. Аммана.

Большинство крестьян к этому времени стали самостоятельными лично свободными товаропроизводителями, находившимися в поземельной зависимости на положении цензитариев (censiers), т. е. чиншевиков, держателей земли (такое держание называлось цензивой [1], ибо основным платежом, который лежал на крестьянине, являлся ценз). Они имели право пользования землёй и передачи её по наследству при условии уплаты ценза и выполнения других повинностей в пользу сеньора. Подобно домениальной земле, и крестьянская цензива успела превратиться в товар. Крестьяне продавали, сдавали в аренду, закладывали землю, тем самым несколько приближаясь к положению земельных собственников. Однако крестьянская цензива была держанием за феодальные повинности, хотя и с весьма широкими правами распоряжения им. В XVI в. подавляющее большинство крестьян было не только свободно от личной крепостной зависимости, пользовалось правом свободного передвижения и наследования, но и выступало в качестве правомочных лиц при заключении всякого рода гражданских актов (торговых сделок, контрактов и т. п.), могло судиться в королевских судах. Крестьяне самостоятельно, без посредства сеньоров, уплачивали государственные налоги. Пережитки «серважа» (крепостного состояния) в виде так называемого права мёртвой руки сохранялись лишь в нескольких отсталых провинциях в центре (Берри, Овернь, Бурбонне, Ниверне), а также на востоке страны (Бургундия). Вместе с тем, несмотря на развитие королевской юстиции и администрации, за сеньорами ещё оставались некоторые судебные и полицейские права и над лично свободными крестьянами.

Результатом развития товарно-денежных отношений было всё усиливавшееся расслоение в деревне. Меньшинство богатело, присоединяя к занятию земледелием ростовщичество, торговлю, откуп сеньориальных повинностей и профессию мельника или кабатчика. Этот немногочисленный слой крестьянства несколько округлял свои

[1] Цензива — наследственное феодальное крестьянское держание, за которое землевладельцу уплачивалась фиксированная обычаем денежная рента — ценз.

земельные владения за счёт односельчан и для того, чтобы обработать излишки земли, либо сдавал их в аренду, либо нанимал батраков. Наоборот, материальный уровень основной массы крестьян понижался, из неё выделялись слои малоземельных бедняков и батраков. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве обогащало только верхушку крестьянства, масса же попадала под двойное ярмо высокой арендной платы, с одной стороны, долговой кабалы и эксплуатации купцами-скупщиками — с другой. Ко всему этому добавлялись всё возраставшие государственные налоги.

В XVI в. французская деревня уже вошла в полосу первоначального накопления. Как и повсюду, первоначальное накопление во Франции имело своей основой экспроприацию крестьянства, поставлявшего мануфактурам главную массу наёмных рабочих. Но этот процесс принял во Франции своеобразные формы. Он развивался здесь не в форме огораживаний и сгона крестьян с земли, как в Англии. Во Франции крестьянство оставалось основным классом непосредственных производителей. Однако происходивший процесс дифференциации крестьянства постоянно приводил к выделению известного количества обезземеленных крестьян. Нередко обезземеление начиналось с долгового закабаления крестьян, разорившихся вследствие всё возраставшего бремени государственных налогов, и завершалось продажей с молотка земли несостоятельных должников. Скупщиками цензив, как правило, не выступали землевладельцы из среды дворянства, так как большинство дворян не только не было в состоянии принять участие в мобилизации крестьянских держаний, но и само зачастую вынуждено было закладывать или продавать свои земли городским богачам. Именно последние в лице купцов, ростовщиков, разбогатевших ремесленных мастеров и особенно в лице так называемых людей мантии (gens de robe), т. е. судейских и финансовых чиновников, являлись во Франции главными экспроприаторами крестьян. Они располагали достаточными материальными средствами для того, чтобы прибирать к рукам крестьянские держания. В XVI в. такая мобилизация крестьянской земли сулила значительные выгоды, так как в связи с «революцией цен» ценность земли и сельских продуктов быстро росла. Иногда цензивы приобретались и богатыми крестьянами.

Скупка земли горожанами вела к образованию новых земельных владений. При этом новые землевладельцы буржуазного происхождения довольно быстро (во втором — третьем поколении) приобретали дворянство. Купленные земли они сдавали в аренду, либо из доли урожая (испольщина — metairie), либо за фиксированную натуральную или денежную арендную плату. Иногда при сдаче земли в аренду они объединяли крестьянские участки в одну или несколько довольно крупных ферм. В таких весьма редких случаях в качестве арендаторов выступал зажиточный крестьянин с достаточным сельскохозяйственным инвентарём, порой нанимавший и батраков. Часто новью землевладельцы сдавали землю крестьянам в краткосрочную аренду небольшими участками. Крестьяне становились простыми арендаторами и уже не имели на арендуемую землю никаких владельческих прав. Как правило, помимо арендной платы, они уплачивали также ценз и несли другие лежавшие на арендуемой земле феодальные повинности.

Крупное хозяйство на домениальной земле с использованием наёмных рабочих было очень редким явлением. Скотоводство, в частности овцеводство, с коммерческими целями играло небольшую роль. Указанные обстоятельства препятствовали образованию капиталистического фермерства и тормозили создание широкого слоя сельскохозяйственных рабочих. Мелкое крестьянское хозяйство цензитариев и краткосрочных арендаторов сохраняло доминирующие позиции. Всё это свидетельствует о существенном своеобразии аграрного развития Франции XVI—XVII вв. — периода первоначального накопления. Феодальные отношения в деревне, равно как и связанное с ними преобладание мелкого крестьянского хозяйства, сохранились вплоть до буржуазной революции конца XVIII в.

Тем не менее в сельском хозяйстве Франции в XVI—XVII вв. следует отметить некоторый прогресс. Происходила всё более определённая сельскохозяйственная специализация районов (виноградарских, зерновых, скотоводческих, шелководческих, льноводческих, плодоводческих и т. п.). Вокруг больших городов, особенно вокруг Парижа, формировались значительные зоны более интенсивного сельского

Париж.
Гравюра Ж. Калло. 1629 г.

хозяйства, Всё шире распространялись лучшие сорта злаков (пшеница), улучшились способы помола зерна. Расширялись площади, занятые тутовыми деревьями и красящими растениями (вайда и др.). Выращивались новые сорта овощей и фруктов, перенятые главным образом с Востока (через Италию).

Французское дворянство

Из всех феодальных прослоек наиболее богатой и политически наиболее влиятельной в центре и на местах была в первой половине XVI в. высшая титулованная знать, состоявшая из отпрысков владетельных домов и из родственников царствовавшей династии. Принцы и герцоги преобладали в королевском совете, занимали губернаторские посты и провинциях и командовали армией и флотом. Они уже не думали о том, чтобы расчленить Францию на части и стать независимыми владыками, подобно германским князьям. Их идеалом было всевластие знати в государстве с умеренной степенью централизации. Поэтому они поддерживали политическое единство Франции в той мере, в какой это единство отвечало их интересам, т. е. позволяло использовать централизованный фискальный аппарат для получения огромных жалований, пенсий и денежных подарков со стороны короля. Однако знать XVI в. не была похожа на своих потомков, придворных вельмож времён Людовика XIV, утративших уже всякую возможность противопоставлять королевской власти своё влияние на местах. Бурбоны, Гизы, Монморанси, Шатильоны и прочие знатные особы, окружавшие трон французских королей в XVI в., ещё обладали в значительной мере такой возможностью. Объяснялось это их связями с разорившимся провинциальным мелким и средним дворянством («дворянством шпаги»), которое в поисках денег и покровительства группировалось вокруг того или иного представителя местной знати и в случае войны составляло его

вооружённый отряд. Опираясь на зависимое от них среднее и мелкое дворянство, вельможи приобретали значительное влияние и независимость на местах; пользуясь этим, они могли оказывать давление и на королевскую власть. Получение и делёж «королевских милостей» — такова была главная материальная основа тесных связей между грандами и их дворянской клиентелой.

Экономическое положение оскудевавшего «дворянства шпаги» особенно ухудшилось в связи с «революцией цен», которая обесценивала денежный ценз, уплачивавшийся крестьянством. Многим дворянам пришлось частично или полностью продать свои родовые поместья. Доходные и влиятельные должности государственного аппарата были для них недоступны из-за своей высокой стоимости. Только в армии «дворянство шпаги» играло важную роль. Для многих обедневших дворян, служивших офицерами и даже солдатами (в гвардейских полках), жалованье было чуть ли не единственным источником средств к существованию.

Политическая позиция старого дворянства не была последовательной. В отличие от феодальной знати — политического врага абсолютизма — «дворянство шпаги» поддерживало усиление королевской власти. Для упрочения последней была необходима крепкая связь её с дворянством, с армией. Однако «дворянство шпаги» готово было служить королю лишь на определённых условиях. Оно хотело, чтобы король предоставил ему разнообразные должности и другие возможности для широкой жизни за счёт государственного фиска, чтобы он сделал землевладение монополией дворян, а также чаще водил их в походы, щедро награждая из военной добычи. Вместе с тем они домогались права пользоваться исконными дворянскими «вольностями»: во-первых, освобождением от государственных налогов и, во-вторых, правом взимать со своих подданных феодальные повинности, творить суд и расправу над жителями своих сеньорий, при случае заниматься разбоем на большой дороге. По мере того как усиливалось экономическое оскудение дворянства, требование кормления за счёт казны делалось главным его домогательством.

В то время как в XVI в. «дворянство шпаги» приходило в упадок, происходил процесс образования нового служило-землевладельческого дворянского слоя (на этот раз не военного, а бюрократического) — «людей мантии»,— представлявшего собой верхушку чиновничества, буржуазного по своему происхождению. Этот влившийся во дворянство новый слой быстро пошёл в гору, используя в своих интересах перемены в хозяйственном и социальном строе Франции, и стал теснить в экономическом и политическом отношении не только старое дворянство, но и феодальную знать, за счёт которых он не переставал расширять свои земельные владения. Господствуя благодаря собственности на продававшиеся государственные должности в парламенте и судах, а также в высшей финансовой администрации, «люди мантии» постепенно оттесняли на задний план или вовсе сводили на нет старые сословные учреждения и должности, служившие орудием политического влияния знати и «дворянства шпаги».

К середине XVI в. заметно возросло влияние «людей мантии» также и в королевском совете (канцлер, хранитель печати, государственные секретари), где до сих пор почти безраздельно господствовали светские и духовные аристократы. Источник политического влияния «людей мантии» крылся не только в том, что они располагали крупными денежными средствами и обширными земельными владениями, и не только в том, что они являлись собственниками должностей и кредиторами королевской казны, но и в том, что в XVI в. они ещё могли при случае опереться на поддержку непривилегированных слоёв третьего сословия и, прежде всего буржуазии, из среды которой они недавно вышли. Продолжая традиции своих предшественников — легистов XIV—XV вв., они вели борьбу с партикуляристскими тенденциями феодальной знати, с её склонностью к насилию и беззаконию. Они поддерживали, так же как и дворянство в целом, более строгую централизацию и более твёрдый полицейский порядок внутри страны.

Таким образом, всё дворянство в целом, за исключением знати, являлось опорой абсолютной монархии. Практически наиболее надёжной опорой являлся возникавший в господствующем классе новый дворянский слой «людей мантии», всё более многочисленный, богатый и влиятельный. Разорявшееся «дворянство шпаги», служа трону, тем не менее имело к королевской власти, как уже указывалось, немалые претензии. Оно враждовало со своими соперниками — «людьми мантии». Поэтому рядовые дворяне порой были склонны прислушаться к требованиям знати, опасавшейся дальнейшего усиления абсолютизма. Во французском дворянстве XVI в. не было единства, что ярко проявилось в период гражданских войн.

Не было единства и в среде духовенства. Епископами и аббатами крупнейших монастырей были младшие сыновья знатных лиц. Но в середине XVI в. и на эти доходные места начали проникать «люди мантии». Богатые городские каноники были в ту пору уже выходцами из этого же слоя. На долю младших сыновей старых дворянских домов оставались лишь малодоходные епископства и аббатства. Бедное городское и сельское низшее духовенство по своему материальному положению и социальным чаяниям нередко приближалось к городским низам и к крестьянству.

Развитие абсолютизма в первой половине XVI в.

Из всех западноевропейских стран лишь во Франции абсолютизм принял наиболее законченную, классическую форму, и сословно-представительные учреждения (Генеральные штаты) не созывались в течение долгого времени. Отвечая коренным интересам всего дворянства, абсолютизм защищал феодальную собственность на землю. Под его опекой продолжали оставаться незыблемыми главные налоговые и сословные привилегии класса феодалов в целом. Значительная часть государственных средств уходила на содержание армии и бюрократического аппарата, на материальную поддержку дворян. Дворянство являлось основной опорой абсолютизма, так как главная функция государства — держать в подчинении эксплуатируемые классы — стала особенно важной в этот период обострения классовой борьбы.

В первый период своего существования французская абсолютная монархия осуществила многие экономические и отчасти политические пожелания буржуазии и тем самым способствовала зарождению и росту капиталистического уклада в недрах феодального общества.

В первой половине XVI в. проводившийся абсолютной монархией промышленный и торговый протекционизм немало помог французской буржуазии встать на ноги, хотя в это время абсолютизм не вёл ещё последовательной меркантилистской политики и не давал крупных субсидий мануфактурам. Покровительственные таможенные тарифы стесняли ввоз в страну иностранных промышленных изделий из Италии, Испании и Фландрии. Правительство добилось предоставления Турцией французским купцам монопольных привилегий в Леванте. Развитию общенационального рынка способствовали также частичная ликвидация внутренних таможен и установление известного единства мер и весов. Для унификации права были пересмотрены провинциальные судебные обычаи и издан ряд общефранцузских ордонансов. Крепнувшая система королевской юстиции и местной администрации ограничивала произвол губернаторов и других провинциальных должностных лиц из знати и дворянства. Укреплялись центральные органы власти. Всё это обеспечивало буржуазии более или менее единый правопорядок, необходимый для её развития в национальном масштабе. Учитывались её интересы во внешней политике.

В первой половине XVI в. королевская власть сделала большой шаг вперёд к ликвидации сословно-представительных учреждений, которые стали теперь препятствием для усиления центрального аппарата абсолютизма. Это было время царствования трёх преемников Карла VIII—Людовика XII (1498—1515), Франциска I (1515—1547) и Генриха II (1547—1559). Генеральные штаты перестали созываться. Были упразднены также многие из провинциальных штатов и значительно ограни-

чена компетенция оставшихся. Король имел в своём распоряжении большую армию. Всё управление сосредоточивалось в королевском совете, но самые важные дела решались в узком кругу лиц, близких к королю. Существенным препятствием для всевластия короля были парламенты, особенно парижский. Он имел право при регистрации новых указов доводить до сведения короля о несоответствии этих указов обычаям страны или смыслу предшествующего законодательства. Это право парламентов называлось правом ремонстрации. Парламенты чрезвычайно высоко ценили это право, видя в нём известную форму участия в законодательной власти. Однако заседание с личным участием короля (lit de justice) делало регистрацию новых королевских указов обязательной для парламента.

Купеческий суд.
Миниатюра. 1500 г.

В этот период во много раз возросла армия, состоявшая главным образом из наёмников — французов и иностранцев.

Французские короли сумели подчинить себе также церковь. Франциск I заключил с папой особый договор (так называемый Болонский конкордат 1516 г.), согласно которому Король получил право назначать кандидатов на высшие церковные должности с последующим утверждением кандидатов папой, но зато признал за собой обязанность уплачивать папе аннаты. Король мог подолгу не замещать освободившиеся вакансии, а доходы с них обращать в свою пользу, соединять несколько должностей в одну и награждать ими своих приближённых. Таким образом, частично король стал распоряжаться имуществом церкви, а назначение на высшие духовные должности превратилось в особый вид королевского пожалования, что также способствовало усилению власти короля.

Итальянские войны

Благоприятные экономические условия конца XV и первой половины XVI в. позволили Франции перейти к агрессивной внешней политике. Разгорелась борьба Франции и Испании за Италию; Франция стремилась завладеть землями для знати и дворянства и укрепить позиции своего купечества в средиземноморской торговле. Итальянские войны начались в 1494 г. походом в Италию французского короля Карла VIII, который прошёл страну с севера на юг, не встречая серьёзного сопротивления. Однако вскоре он был вытеснен из Италии мелкими государями, которые заключили союз между собой и получили поддержку испанского короля и германского императора. Людовик XII повторил предприятие своего предшественника, однако с ещё большей неудачей и был принуждён официально отказаться от своего притязания на Неаполитанское королевство, захваченное Испанией. Характер войны изменился со вступлением на французский престол Франциска I, а на испанский в 1516 г. — Карла I, вскоре избран-

ного под именем Карла V императором «Священной Римской империи германской нации». Завоевательные планы Карла V угрожали независимости Франции. Поэтому четыре войны, которые вёл Франциск I с Карлом V, отличались большим ожесточением. Два главных противника — король Франции и Габсбург вели борьбу, не стесняясь никакими средствами.

Франциск I был разбит в битве при Павии (1525 г.) и взят в плен. Он получил свободу лишь ценой отказа от своих притязаний на Милан и обещания возвратить Габсбургам спорные бургундские земли. Однако Франциск I не собирался выполнять своих обещаний. Вскоре после этого он вступил в лигу, направленную против императора (папа Климент VII, английский король и некоторые итальянские государи), и заключил союз с турецким султаном Сулейманом II Великолепным, который, захватив большую часть Венгрии, угрожал в это время самой Вене. Этот союз был очень выгоден для Франции и в том отношении, что Франциск I получил от турецкого султана так называемые капитуляции, согласно которым французские купцы приобретали важные привилегии в торговле с Турцией.

В 30-х и 40-х годах Франциск I вёл ещё две войны с Карлом V. Во время последней войны войско Карла V вторглось во Францию и было всего в двух переходах от Парижа, но развить дальше свой успех оно не смогло, так как встретило отпор со стороны всего населения этих областей Франции. В то же время против Карла выступили немецкие протестантские князья; он вынужден был заключить с Франциском I мир в Крепи (1544 г.). Следующий французский король — Генрих II вновь вёл войны с Карлом V и его преемником — Филиппом II. В результате полного финансового истощения обе стороны пошли в апреле 1559 г. на заключение мира в Като-Камбрези, закончившего итальянские войны.

По условиям договора был уничтожен последний оплот англичан на континенте — Кале, навсегда ставший французским портом. Франция получила три важнейшие крепости в Западной Лотарингии — Мец, Туль и Верден с округами, но должна была вывести свои войска из Савойи. В Италии агрессивные планы Франции окончательно потерпели неудачу; не только на юге, но и в Милане укрепились испанцы.

Народные восстания

Уже с 20-х годов XVI в. война стала требовать невиданных ранее по размеру денежных средств. Появились государственные займы, вошла в обиход продажа казной должностей и — главное — начался неудержимый рост налогов, как прямого (тальи), так и особенно косвенных. С 20— 30-х годов во Франции стала ощущаться «революция цен». Рост дороговизны на предметы первой необходимости раньше всего отразился на трудящихся городов, чья мизерная заработная плата отставала от повышения цен на припасы, одежду, жильё. Этим объясняется, что идеи реформации, появившиеся в это время во Франции, нашли для себя наилучшую почву именно в кругах городских подмастерьев, наёмных рабочих, мелких ремесленников и лавочников. Народно-реформационное движение, переплетавшееся во многих городах с антиналоговыми восстаниями бедноты, объективно направленными против феодального строя в целом, достигло наибольшего напряжения в 30—40-х годах. Франция стала ареной таких бурных проявлений народного протеста, каких она не знала в предыдущее столетие. Этот протест был направлен в конечном счёте против феодального порядка, который оставался главным источником бедствий народных масс.

Особенно решительно и смело выступили трудящиеся слои юго-западных городов, где к тому же были очень сильны традиции провинциальных вольностей. Здесь в 1548 г. вспыхнуло широкое народное движение, поводом к которому послужило фискальное мероприятие: сдача на откуп одной из наиболее ненавистных податей — пошлины на соль (габели). Новый способ взимания этого налога грозил беднякам увеличением податного бремени. Движение, начавшееся в городах Гиени, Керси, Лимузена, Ангумуа, Сентонжа, охватило затем и деревни. Центром его стала столица Гиени — цветущий портовый город Бордо, где поднялись против королевского фиска

и его агентов тысячи ремесленников, мелких торговцев, подмастерьев и рабочих. Здесь впервые громко прозвучал народный призыв «Смерть габелерам!» (откупщикам габели), которому суждено было стать на столетия одним из боевых лозунгов народных возмущений во Франции. К этому лозунгу бордосцы присоединили другой: «Гиень! Гиень!» — требование сохранения старинных вольностей провинции Гиень, в которое вылилось их негодование против центральной власти феодальной Франции. В Бордо стали стекаться вооружённые отряды из других городов. Жертвами народного гнева пали королевский наместник в Гиени и несколько налоговых сборщиков. Бордо оказался во власти народных масс, которые подчинили себе городской магистрат. Но и это мощное антифеодальное движение было жестоко подавлено королевскими войсками.

2. Гражданские войны

Предпосылки и значение гражданских войн

Длительная кровавая междоусобица второй половины XVI в., известная под названием «религиозных войн» (или гугенотских войн), не была случайным явлением в истории Франции. Причины этих войн были чрезвычайно сложны, религиозная же оболочка прикрывала, как и в других странах Европы XVI в., классовые интересы борющихся сторон.

Происходивший во французской деревне процесс дифференциации имел своим следствием обнищание значительных масс крестьянства, которое привело к их частичной экспроприации. В то же время наёмные рабочие как города, так и деревни страдали от понижения реальной заработной платы в условиях «революции цен», проявившейся во Франции весьма интенсивно.

Пострадали от «революции цен» и рядовые дворяне, получавшие фиксированный денежный ценз. Для буржуазии рост цен был выгоден; он убыстрял накопление капитала, понижая реальную заработную плату наёмных рабочих. Во Франции, однако, «революция цен» принесла буржуазии не только одни выгоды. Благодаря тесным торговым связям с Испанией во Францию ранее, чем в другие страны, стало прибывать большое количество обесцененных испанских монет, вследствие чего начался быстрый рост цен на сельскохозяйственные продукты, мануфактурные и ремесленные изделия. Поскольку в других европейских странах, с которыми торговали французские купцы, цены росли медленнее (за исключением Испании), вывозившиеся из Франции вина, плоды, зерно, скот, кожи и т. п. частично потеряли рынок сбыта. Тяжело сказалась «революция цен» на ещё недостаточно окрепшей французской мануфактуре. В середине XVI в. французские полотна, холсты, сукна, шелка, книги, стеклянные и металлические изделия и т. д. уже не находили себе за границей такого широкого спроса, как в 20—30-х годах. Сбыт французских товаров на внешнем рынке, имевшем в первый период развития мануфактуры первостепенное значение, становился всё более затруднительным из-за конкуренции дешёвых товаров, произведённых в странах с менее ярко выраженной «революцией цен». Можно также предположить, что развитие внутреннего рынка затруднялось падением заработка рабочих и ремесленников и ростом налогов, сокращавших покупательную способность трудящихся масс. В результате началось частичное свёртывание производства. Некоторые мануфактуры закрылись, в других уменьшилось количество рабочих. Стали сокращаться прибыли купцов и мануфактуристов.

Постепенный подъём цен во Франции, начавшийся на Юге с 1520 г. и на Севере примерно десятилетием позже, сменился с 50-х годов .XVI в. (на Юге несколько раньше) резким, скачкообразным повышением цен. В это время быстрый рост импорта в Европу южноамериканского дешёвого серебра наводнил Испанию, а через

неё и Францию обесцененной серебряной монетой и вызвал монетный кризис (нарушение векового устойчивого соотношения ценности золота и серебра). Кроме того, в последние годы итальянских войн необычайно возросли налоги. На буржуазию, в том числе и на её наиболее богатые слои, обрушились наряду со множеством различных пошлин принудительные займы и специальные налоги на богатых.

Мир в Като-Камбрези не принёс значительных перемен; он не мог приостановить начавшиеся экономические затруднения. Территориальные приращения оказались более чем скромными. Италия была потеряна для французского дворянства, казна — совершенно пуста, а государственный долг огромен. Армию распустили, не заплатив ей просроченного жалованья. Когда привыкшие к военным грабежам дворяне вернулись в свои поместья, они нашли там обветшалые строения и весьма сократившиеся доходы.

Так постепенно складывались предпосылки для гражданских войн. Назревало возмущение задавленных непосильной нуждой народных масс. Росло недовольство буржуазии. Одновременно усиливалась оппозиция в среде мелкого и среднего дворянства. Знать была недовольна централизацией государства и оттеснением вельмож от политических дел. Как мы видим, все слои французского общества были недовольны. Но их цели были различны и противоречивы. Народ боролся против феодального строя в целом; буржуазия жаждала более благоприятных условий для своего обогащения. Знать желала приостановить дальнейшее развитие централизации, а дворянство, хотя и не являлось противником централизации, было недовольно внутренней и внешней политикой династии Валу а и подчас готово было на время примкнуть к оппозиционно настроенной знати.

Усилившаяся оппозиция абсолютизму со стороны знати и части временно примыкавшего к ней «дворянства шпаги» и недовольство буржуазии ослабляли позиции королевской власти. Разумеется, далеко не все представители этих слоев сразу и безоговорочно перестали поддерживать центральное правительство. Такое критическое положение для французского абсолютизма сложилось только к середине 80-х годов XVI в. В период же 60—70-х годов против королевской власти открыто выступило сперва южное старое дворянство, затем буржуазия южных городов, причём ярко сказались ещё не изжитые сепаратистские тенденции южных провинций и ревниво оберегавших свои средневековые вольности южно-французских городов. На Севере буржуазия и отдельные группы «дворянства шпаги» держали в ту пору — хотя последние и не вполне твердо — сторону правительства. Постоянную поддержку, особенно на Севере, оказывал абсолютизму тот уже многочисленный слой господствующего класса, который по своему положению был наиболее тесно связан с политикой дальнейшего укрепления центральной власти. Самые богатые и влиятельные круги «людей мантии», главным образом парижский и провинциальные парламенты, а также часть рядового дворянства во время смуты оставались неизменно на стороне королевской власти. Таким образом, в период гражданских войн XVI в. абсолютизм утратил — да и то на время — поддержку лишь одной части дворянства: поддержку знати и части рядового дворянства, терявшего в то время свои былые экономические и политические позиции. Что касается буржуазии, то и её конфликт с абсолютизмом мог иметь в этот период лишь временный характер.

Временный кризис абсолютизма дал возможность аристократии предпринять самую крупную из всех своих попыток подчинения правительства своим политическим целям, заключавшимся в ограничении абсолютизма в пользу знати. Однако эти притязания вельмож даже в соединении с недовольством в среде «дворянства шпаги» сами по себе не могли бы вызвать смуту такой длительности и размаха, как «религиозные войны» XVI в. Они вызвали большой резонанс только в силу того, что создалась обстановка всё возраставшего брожения народных масс и оппозиции буржуазии.

Гражданские войны второй половины XVI в., одной из основных причин которых являлись характерные для этого периода социально-экономические процессы, в свою очередь оказали немалое разрушающее воздействие на экономическое состояние Франции (разорение городов, разбой в деревнях и на дорогах, убыль населения и т. д.). Важно отметить, что экономический упадок сказался ещё до начала междоусобицы, особенно на Юге.

Однако ущерб, нанесённый французской мануфактуре и торговле экономическими трудностями и последовавшими затем гражданскими войнами, имел лишь временный характер и не привёл к такому глубокому экономическому упадку всего хозяйства, как это случилось в Испании. Во Франции были налицо условия, необходимые для прочного развития капиталистического уклада, подготовленные всем ходом её предшествовавшей истории. Поэтому уже с конца XVI в. по мере изживания социально-экономического и политического кризиса возобновилось дальнейшее развитие производительных сил и рост элементов капиталистического способа производства.

Развитие кальвинизма и образование гугенотской и католической партий

Среди реформационных течений во Франции наибольшее распространение получил к середине XVI в. кальвинизм, главным образом в городах — в среде наёмных рабочих и ремесленников и отчасти в кругах буржуазии. Примкнула к нему и часть дворянства, стремившаяся к секуляризации церковных имуществ. Значительным был успех реформации на Юге и юго-западе (за исключением Тулузы). Торговая по преимуществу буржуазия Юга, самая богатая часть тогдашней французской буржуазии, восприняла кальвинизм, как наиболее подходящую для себя религиозную идеологию. Ещё живучие сепаратистские тенденции южной буржуазии весьма усилились в это время в связи с ростом налогового обложения Юга после подавления правительством восстания 1548 г. и принудительных займов в последние годы итальянских войн. Неудачи итальянских войн также способствовали развитию оппозиционных настроений буржуазии Юга по отношению к королевской власти. Особенно многочисленное южное мелкое дворянство видело в захвате земель католической церкви единственный выход из своего тяжёлого материального положения. Народные массы городов, а отчасти и деревень вкладывали в реформацию, как и повсюду, свои классовые чаяния. Но объективно они оказались на Юге на первом этапе «религиозных войн» в одном политическом лагере с буржуазией и дворянством и своими антиналоговыми выступлениями поддерживали сепаратизм имущих классов.

На Севере кальвинизм получил значительно меньшее распространение — лишь в некоторых крупных городах и среди части дворянства (особенно распространился он в промышленно развитой Нормандии), но в общем Север остался по преимуществу католическим.

Феодальная знать раскололась на две большие группы. Во главе католического дворянства стал могущественный дом герцогов Гизов, располагавший огромными владениями в Лотарингии, Бургундии, Шампани и Лионне. Кальвинистская дворянская партия, именовавшаяся во Франции гугенотской [1], возглавлялась принцами из дома Бурбонов (король наваррский Антуан, затем его сын Генрих — впоследствии французский король Генрих IV, принцы Конде), а также представителями знатного рода Шатильонов (адмирал Колиньи и др.). Расходясь в церковных вопросах, эти два лагеря аристократической оппозиции, частично поддержанной дворянством, мало чем отличались друг от друга в решении основных политических вопросов. И те и другие выдвигали такие требования, как возрождение Генеральных и

[1] Предполагается, что это название происходит от немецкого слова Eidgenossen, означающего — «объединённые союзом». Так называли швейцарцев, у которых кальвинизм принял наиболее законченную форму.

провинциальных штатов в качестве органа, ограничивающего королевскую власть, прекращение продажи государственных должностей и предоставление этих должностей лицам «благородного» происхождения, расширение местных дворянских вольностей за счет центральной власти.

В это время в поредевшем лагере защитников абсолютизма наиболее устойчивой силой являлись «люди мантии» и отчасти «дворянство шпаги» Северной Франции, к которым примыкала — до поры до времени — значительная часть северной буржуазии. Из «людей мантии» и буржуазии сложилась в начале гражданских войн католическая партия так называемых политиков, которой оказывали поддержку также некоторые слои рядового дворянства. Несмотря на довольно существенные расхождения между дворянскими и буржуазными элементами этой партии, все «политики» в целом ставили интересы Французского государства выше интересов религии (отсюда и название этой партии), они отстаивали против обоих аристократических лагерей политические достижения Франции, связанные с развитием абсолютной монархии: политическое единство страны, централизацию власти и вольности галликанской церкви, оформленные Болонским конкордатом 1516 г. и обеспечивавшие Франции значительную независимость от папского престола.

К «политикам» и к той части «дворянства шпаги», которая являлась сторонником королевской власти, присоединялись то те, то другие (по большей части католические) вельможи, находившие выгодным для себя в данный момент поддерживать сильную королевскую власть. Однако эти аристократические элементы проявляли политическую неустойчивость и часто переходили в лагерь оппозиции.

Гражданские войны

В 1559—1560 гг. пришла в движение вся страна, особенно Юг. Во многих южных городах вспыхнули обычно возглавляемые гугенотами народные восстания против чиновников фиска и представителей центральной власти Буржуазия вначале оказывала содействие этим движениям. Не выступая еще в ту пору открыто против правительства, она рассчитывала использовать недовольство народа для давления на короля с целью защиты своих интересов (понижение налогов, укрепление её власти в городах D ущерб влиянию королевских чиновников). Брожение охватило и северные города, по там в большинстве случаев буржуазия, связанная с двором, а также с откупами, займами и налоговой системой государства, еще поддерживала короля Дворянство Южной Франции вело себя решительно: на Юге начались захваты церковных земель. В 1560 г. гугенотское дворянство во главе с принцем Конде даже попыталось захватить власть при дворе («Амбуазский заговор»)» но потерпело неудачу.

Французский престол в 1559—1589 гг. был последовательно занят тремя слабыми и неспособными к управлению королями, сыновьями Генриха II Франциском II (1559—1560), Карлом IX (1560—1574) и Генрихом III (1574—1589), на которых имела сильное влияние их мать Екатерина Медичи (1519—1589), полуфранцуженка, полуитальянка (по матери она происходила из французской знати) Она приобщилась к управлению государственными делами еще в период правления своего мужа Генриха II. В трудной обстановке, сложившейся после его смерти, Екатерина Медичи с помощью советников из «людей мантии» стремилась отстоять главные позиции абсолютизма и не допустить вельмож к управлению государством. Вплоть до 80-х годов это в основном удавалось. Во внешней политике она сумела, не разрывая мирных отношений с Испанией, установившихся после окончания итальянских войн, отстоять интересы Франции от посягательств Филиппа II.

В 1559—1560 гг. положение правительства было очень тяжелым. Только что закончились долгие и разорительные итальянские войны. Не было материальных средств для борьбы как с народными восстаниями, так и со своеволием дворян и знати. На созванных в Орлеане в конце 1560 — начале 1561 г. Генеральных штатах представитель партии «политиков» канцлер Лопиталь не смог добиться примирения между

гугенотским и католическим феодальными лагерями. Денег штаты тоже не дали. Единственный успех правительства заключался в том, что в 1561 г. оно заставило духовенство продать часть церковных земель, и эта частичная секуляризация доставила деньги для подавления восстаний на Юге и усмирения недовольных элементов на Севере.

Борьба между католиками и гугенотами началась так называемыми убийствами в Васси. Весной 1562 г. Франсуа Гиз, проезжая со своей свитой через местечко Васси, напал на гугенотов, собравшихся на богослужение. Было убито несколько десятков человек и около 200 ранено. Это событие привело к открытой войне между гугенотами и католиками. В течение последующих 30 лет было десять войн, перерывы между которыми длились от нескольких месяцев до нескольких лет. И католические и гугенотские дворяне пользовались военной обстановкой для того, чтобы грабить горожан и крестьян.

Вплоть до 1572 г. Екатерина Медичи искусно маневрировала между католическим и протестантским дворянскими лагерями, которые ослабляли друг друга взаимной борьбой. За это время трижды вспыхивала война между гугенотами и католиками; и те и другие искали поддержки за границей и шли ради этого на прямое предательство жизненных интересов своей родины. Католическая знать поспешила сблизиться с недавним открытым врагом Франции — Испанией. За помощь, оказанную партии Гизов, Филипп II требовал своё «бургундское наследство», т. е. Бургундию, а также Прованс или какую-нибудь другую южную провинцию, например Дофине.

Гугенотская аристократия относилась враждебно к Испании, но зато она искала покровительства у английской королевы Елизаветы, выдававшей себя за бескорыстную защитницу всех протестантов континентальной Европы. Ей обещаны были Кале и суверенитет над Гиенью, что означало бы предоставление Англии важнейших стратегических и экономических позиций во Франции.

Этот этап завершился наиболее кровавым эпизодом гражданских войн, знаменитой Варфоломеевской ночью — массовой резнёй гугенотов в Париже в ночь на 24 августа (праздник св. Варфоломея) 1572 г. фанатизированной толпой католиков. Резня была политическим актом, задуманным Екатериной Медичи. Королева рассчитывала воспользоваться массовым стечением гугенотского дворянства в столице по случаю свадьбы их главы, Генриха Наваррского, с сестрой короля Маргаритой, чтобы перебить вождей и наиболее видных представителей партии гугенотов, которая к этому времени очень усилилась на Юге. Правой рукой королевы при подготовке Варфоломеевской ночи стал Генрих Гиз, лично руководивший истреблением своих политических противников. Подобные же кровавые события разыгрались в других городах — в Орлеане» Труа, Руане, Тулузе, Бордо. Жертвами резни пали тысячи гугенотов, в том числе такие видные вожди этой партии, как адмирал Колиньи.

Но последствия Варфоломеевской ночи оказались иными, чем ожидала Екатерина Медичи. Вскоре вспыхнула новая война между обоими лагерями. Весь Юг, включая и его католическое меньшинство, образовал к 1576 г. так называемую гугенотскую Конфедерацию: республику городов и дворян со своим представительным органом, своими финансами и армией. Города-крепости Ла-Рошель, Монпелье, Монтобан и др. давали денежные средства и являлись опорными укреплёнными пунктами; многочисленное мелкое дворянство составляло военную силу. Это означало фактическое отделение Юга от северной части страны, где находилось центральное правительство.

В то же время на Севере (в городе Перронне) образовалась Католическая лига северофранцузского дворянства под руководством Гизов. Социальный состав Лиги был пёстрым. В неё входили дворянство и буржуазия Северной Франции, но руководящую роль играла аристократия, стремившаяся ослабить центральную власть и восстановить былые вольности провинций и штатов.

После фактического отпадения Юга территория, подвластная правительству, сократилась примерно наполовину.

Между тем рост цен продолжался, нищета крестьянства была столь велика, что налоги с деревень поступали крайне туго. Правительство усилило налоговый нажим на города, в особенности на крупные центры, обладавшие ещё известной самостоятельностью в управлении городскими финансами. Вследствие этого лояльность северной буржуазии, её приверженность к династии Валуа стали исчезать. Не меняя

Варфоломеевская ночь 24 августа 1572 г.
Гравюра на дереве. Конец XVI в.

религии, она искала выхода в борьбе за свои вольности, которыми рассчитывала оградить себя от вымогательств фиска.

С середины 70-х годов усилилось антифеодальное движение народных масс. Почти одновременно вспыхнули крестьянские волнения в Оверни, Нижней Нормандии, Дофине и других провинциях. Решительную форму принимал протест плебейских масс, причём в городских движениях приняли участие и широкие средние слои горожан — ремесленные мастера, лавочники, адвокаты, мелкое чиновничество, а также значительная часть городского приходского духовенства. В этих слоях горожан, возмущавшихся требованиями королевского фиска, пробуждалась привязанность к городским вольностям и тем живее становилась их склонность к муниципальному партикуляризму. Всё это было использовано крупной буржуазией Севера, в том числе и столичной.

Широкое движение в городах, направленное против династии Валуа, вдохнуло жизнь и в Католическую лигу, влачившую до середины 80-х годов жалкое существование. Она превратилась в 1585 г. в широкую конфедерацию северных городов и северного дворянства, военным главой которой стал герцог Генрих Гиз, заявивший претензии на французский престол (в качестве преемника бездетного Генриха III). Главную ставку партия Гизов делала на средние круги населения Парижа и других городов Севера, находившихся в идейном плену у фанатических представителей католического духовенства.

Франция не только распалась на две части (это произошло ещё в 1576 г.), но и Север страны также порвал с королевской властью. Правительство потерпело полный крах. Постоянное брожение в народных массах Парижа, задавленных тяжестью налогов, демагогически было использовано партией Гизов для борьбы с Генрихом III. Гизу удалось поднять против короля парижских ремесленников, лавочников, матросов и подёнщиков, которые массами вливались в Лигу с 1585 г. Испуганный король распустил Лигу. Тогда 12 и 13 мая 1588 г. в Париже вспыхнуло восстание, на улицах города стали строиться баррикады, которые постепенно приближались к дворцу и грозили королю полным окружением. Король, у которого остались только наемники, бежал в Шартр и стал искать помощи у своего врага Генриха Наваррского. В других крупных городах — Орлеане, Амьене, Лионе, Руане, Пуатье, Гавре и т. д. — были изгнаны королевские чиновники, и власть повсюду, включая и Париж, перешла в руки богатой буржуазии.

По своей внутренней структуре Лига во многом напоминала гугенотскую Конфедерацию. И здесь города доставляли денежные средства, а дворянство составляло армию. Но захватившая власть богатая буржуазия не желала быть послушным орудием в руках Гизов. Она стремилась играть в Лиге самостоятельную роль. Её цели лишь частично совпадали с программой знати и дворян, и поэтому между союзниками не могло быть прочного единства.

Главный источник силы лигерской буржуазии заключался в поддержке её народными массами, увлечёнными перспективой освобождения из-под тяжёлого ярма фискальной эксплуатации. Наиболее широкую и непосредственную помощь лигерская буржуазия получила со стороны городского плебейства. Но не осталась безучастной к Лиге также и часть крестьянства. Известны случаи, когда пригородные крестьяне помогали буржуазной милиции лигеров в осаде вражеских укреплений. Без поддержки широких слоев населения буржуазные лигеры не смогли бы добиться доминирующего положения и в ряде других городов. Они завоевали это положение с боя, путём насильственных переворотов, в которых массы играли роль главной ударной силы. Такой поддержки не было и не могло быть у дворян и знати.

Превращение городов в независимые республики, совершившееся в обстановке политической анархии и экономической разрухи, способствовало обострению в них внутренней борьбы. Классовые противоречия вскоре выступили на первый план. В каждом городе началась борьба плебейства против буржуазной олигархии, заменившей собой королевских чиновников. В Париже это привело к победе поддержанных народом мелкобуржуазных слоёв, создавших Совет шестнадцати — представительный орган шестнадцати парижских кварталов. В других городах верхушка лишь с трудом удерживала власть в своих руках. Возмущение народных масс против неё усиливалось тем обстоятельством, что Лига в конце концов оказалась не менее безжалостным сборщиком налогов» чем королевский фиск. «Отцы города» выжимали из народа огромные средства на укрепление городов в содержание военных дворянских отрядов. В то же время еще более углубился экономический упадок; грабежи разнузданного дворянства, безработица, голод, эпидемии терзали население деревень и городов.

В конце 80-х годов политическая анархия достигла апогея. Король Генрих III, подозревая Генриха Гиза в том, что он хочет захватить престол, приказал в декабре 1588 г. убить его и его брата — кардинала. В Париже, находившемся в руках Лиги, главою которой был Генрих Гиз, начались волнения. Лигерские фанатики устраивали на улицах торжественные процессии с зажжёнными факелами, которые они гасили по команде, восклицая: «Так да погасит господь династию Валуа». Католические проповедники произносили в церквах зажигательные речи и вопрошали, неужели не найдётся такой человек, который отомстил бы королю за смерть Гиза. 1 августа 1589 г. Генрих III действительно пал от руки подосланного Лигой убийцы. Королём стал вождь гугенотов Генрих Наваррский (Генрих IV), представитель боковой ветви королевского дома и основатель династии Бурбонов. Но Северная Франция его не признала. Лига выдвинула своего кандидата на престол, брата герцога Гиза. Филипп II не преминул воспользоваться благоприятной для него обстановкой смуты: из Южных Нидерландов началась испанская интервенция, и в Париж, который находился в это время в руках Лиги, был введён в 1591 г. испанский гарнизон с согласия Лиги. Ко всем бедствиям гражданских войн прибавилась война с интервентами, происходившая на французской территории, разорившая и обезлюдившая многие районы Севера.

Всё это переполнило чашу народного терпения. В начале 90-х годов почти во всей стране вспыхнули массовые крестьянские восстания. В 1592 г. началось большое восстание крестьян, известное под названием восстания «кроканов». В 1594—1596 гг. оно охватило уже обширную территорию на юго-западе — Керси, Перигор, Сентонж, Пуату, Марш и др. Крестьяне объединялись в многотысячные вооружённые отряды, выбирали из своей среды предводителей и должностных лиц, завязывали сношения с бедняками городов. Они осаждали дома и усадьбы дворян и сурово карали дворян, заявляя, что более не намерены терпеть их вымогательств, а также откупщиков и сборщиков налогов, которым они дали презрительную кличку «кроканы» (грызуны — croquants). Их лозунг гласил: «На грызунов!» (aux croquants); возможно, что по этой причине восставших позднее стали называть «кроканами». Таким образом, крестьяне выступали как против феодального гнёта своих сеньоров, так и против налогового бремени государства.

Дворянство скоро убедилось, что раздираемая внутренними противоречиями Лига не в силах подавить грозные вспышки гнева крестьянства. Это в состоянии была бы сделать только сильная королевская власть. Но последняя не могла возвратить себе прежнее могущество, пока в Стране бушевала гражданская война. Подъём народного движения сыграл решающую роль в резком изменении политической позиции как широких кругов дворянства, так и богатой буржуазии. Размах народных волнений в деревне, напряжённая обстановка в городах, общее экономическое разорение страны угрожали их коренным классовым интересам. Этим объясняется их поворот к абсолютизму уже в начале 90-х годов. Силы мятежной знати слабели. В Париже Совет шестнадцати потерял опору в народных массах, которым его правление не доставило существенного облегчения. Особенно подорвал его престиж союз лигеров с Испанией и ввод в Париж испанского гарнизона. Французский народ на этот раз, как и в начале XVI в., во время вторжения войск Карла V, проявил себя непримиримым врагом интервентов и борцом за политическую самостоятельность страны.

Борьба в 90-х годах обессилила не только Католическую лигу, но и гугенотскую партию, хотя и в меньшей степени, так как кальвинистская буржуазия ещё имела влияние на народные массы южных городов. Полная капитуляция Католической лиги несколько задержалась из-за протестантизма Генриха IV. Но это препятствие было легко преодолимым. В 1593 г. Генрих IV принял католичество, и в марте 1594 г. Париж распахнул перед ним свои ворота. Наступил конец гражданских войн, а в 1598 г. был заключён мир с Испанией.

Генрих IV поспешил оправдать надежды, которые дворяне и буржуазия возлагали на сильную королевскую власть, послав войска для расправы с «кроканами». В 1595—1596 гг. наёмные войска правительства и дворянские отряды выступали против крестьян, которые, несмотря на упорное сопротивление, терпели поражения. В 1596 г. восстание «кроканов» было подавлено, но в 1597—1598 гг. произошла последняя вспышка этого движения, отчасти подавленная силой, отчасти прекращённая при помощи некоторых уступок. «Религиозные войны» завершились торжеством абсолютизма. Правда, это торжество не было полным. Сила сопротивления католической знати не была ещё сломлена до конца, о чём свидетельствуют те политические уступки, ценой которых Генрих IV купил её покорность: огромные денежные суммы, губернаторские должности, крепости и арсеналы.

Генрих IV.
Гравюра Г. Гольциуса.

Гугенотская партия до известной степени продолжала сохранять единство, так как буржуазия удерживала свои позиции в городах, а дворянство цепко держалось за захваченные у церкви земли;

Генриху IV пришлось заключить с ней настоящий мирный договор. Нантский эдикт 1598 г. объявлял католицизм господствующей религией во Франции, но гугеноты получили право исповедовать кальвинизм в городах (за исключением Парижа и некоторых других городов). Им было разрешено занимать государственные должности. Эдикт превратил гугенотский Юг из самостоятельной республики в «государство в государстве». Гугеноты сохранили армию в 25 тыс. человек, около 200 крепостей с гарнизонами, денежные средства и т. д. Кроме того, гугенотским городам и провинциям в целом были оставлены крупные налоговые и политические привилегии. Следовательно, и политическое единство Франции было восстановлено не в полной мере. Всё же победа королевской власти значительно упрочила абсолютную монархию, которая вновь обрела свою опору во дворянстве, и содействовала установлению более тесных связей между абсолютизмом и буржуазией. Такой исход был благоприятен для развития капиталистических отношений в рамках феодального государства.

3. Торжество абсолютной монархии во Франции

Экономический подъём и укрепление абсолютизма после окончания гражданских войн

С прекращением гражданских войн XVI в для Франции наступил новый период. В экономическом отношении он характеризовался более быстрым развитием капиталистических отношений, в политическом — представлял собой большой шаг вперёд к полному торжеству феодально-абсолютистского порядка. Уже в царствование Генриха IV (1589—1610) обозначились основные черты нового периода. На рубеже XVI—XVII вв. во Франции кончилась «революция цен». После нескольких годов колебаний в ту и в другую сторону цены стабилизировались на довольно большой срок, что в немалой степени содействовало подъему экономики в разорённой стране. Укрепилась монетная система. Трудолюбивое крестьянство в сравнительно короткое время восстановило сельское хозяйство, разорённое в предыдущий период. Отстраивались и расширялись города. Окончание гражданской войны и восстановление внешнего мира вновь мобилизовали бездействовавшие в период разрухи капиталы буржуазии. Процесс первоначального накопления возобновился с новой силой, тем более что разорение и нищета во время междоусобицы способствовали экспроприации народных масс. В результате стали гораздо быстрее расти мануфактуры, особенно централизованные. Некоторые из них представляли собой уже крупные предприятия с несколькими сотнями рабочих. Правительство раздавало им субсидии. Особое развитие получило производство предметов роскоши: шёлковых, бархатных и парчовых тканей, гобеленов, стеклянной и фаянсовой посуды, ювелирных изделий, дорогих кружев, мебели, различных украшений, предметов искусства.

Высокое качество продукции и её художественные достоинства обеспечивали широкий сбыт этим товарам не только внутри страны. В эту пору было положено начало вековой монополии Франции на мировом рынке в области производства предметов роскоши. Генрих IV последовательно проводил принципы меркантилизма и решительно встал на путь протекционизма, по преимуществу промышленного, с целью оградить французскую экономику от ввоза изделий северо-итальянской, голландской и английской промышленности. В 1599 г. был введён покровительственный таможенный тариф, а в 1601 г. учреждена Комиссия торговли, руководитель которой Лаффема, в прошлом придворный портной, много сделал для насаждения мануфактуры, особенно в шёлковой промышленности, и для введения технических усовершенствований.

Не меньшими были достижения французской торговли. При содействии правительства французские купцы вновь отвоевали утраченные во время междоусобицы выгодные торговые позиции в Леванте и на Пиренейском полуострове. Они достигли также первых успехов в области колониальной экспансии. В 1604 г. компания нормандских купцов положила начало французским колониальным владениям в Канаде.

Повышение интереса правящих кругов к развитию торговли и мануфактурного производства объясняется главным образом общим ростом капиталистического производства в недрах феодального общества, с чем не могло не считаться феодально-дворянское государство, в частности по фискальным причинам.

Экономический подъем позволил несколько изменить налоговую политику. Понизив прямой налог с крестьян (талью), Генрих IV и сюринтендант финансов Сюлли тем не менее увеличивали старые косвенные налоги и вводили новые, ложившиеся, как и всегда, тяжёлым бременем на трудящиеся массы, особенно городские.

Сельское хозяйство развивалось медленнее, чем промышленность и торговля. Положение крестьян улучшилось лишь потому, что прекратились прямые грабежи и насилия со стороны дворян и банд наёмников. Аграрная политика Генриха IV (некоторое снижение прямых налогов, запрещение продавать за долги скот и сельскохозяйственный инвентарь крестьян) проводилась в конечном итоге в интересах дворянства,

так как разорение крестьянского хозяйства в предыдущий период лишало его регулярного поступления ренты. Особенно выиграли от этой политики новые дворяне-землевладельцы, которые использовали известную интенсификацию сельского хозяйства (прогресс в виноградарстве, садоводстве, шелководстве и т. д.) и усилили эксплуатацию крестьян-арендаторов.

При Генрихе IV ещё более выросло влияние «людей мантии» на государственные дела. Чиновники добились юридического закрепления за ними наследственной собственности на государственные должности. Государственные секретари из «людей мантии» завоевали преобладающую роль в королевском совете, где единственным представителем знати был Сюлли. Генрих IV был осторожным и ловким политиком, талантливым дипломатом и полководцем.

Кардинал Ришелье.
Гравюра XVII в. с портрета работы
Филиппа де Шампень.

Ему удалось значительно упрочить здание абсолютной монархии; Генеральные штаты не собирались. Но всё же феодально-аристократическая оппозиция существовала в скрытом виде, представляя собой опасную для абсолютизма силу. Знать не переставала устраивать заговоры против короля, рассчитывая использовать в качестве орудия своих политических замыслов не только брожение в среде разорявшегося дворянства, но и недовольство народа растущими налогами. Нити большинства заговоров знати тянулись в Мадрид, а испанские Габсбурги продолжали оставаться в первой половине XVII в. наиболее опасными противниками Франции.

Стремясь предотвратить возобновление смуты и сохранить внешний мир, Генрих IV придерживался осторожной политики. Только один из многих знатных заговорщиков — маршал Бирон был казнён в 1602 г. Во внешней политике король поддерживал силы, противостоявшие Габсбургам: герцога Савойского, Венецию, Голландскую республику, протестантских князей в Германии. При этом он избегал формального разрыва с испанским королём и германским императором. Только в последние годы Генрих IV стал открыто готовиться к войне, организуя большой европейский союз против Габсбургов. С этим обстоятельством связана и его гибель. Он был убит в 1610 г. фанатическим католиком Равальяком.

Феодальная усобица 1610—1620 гг.

Смерть Генриха IV развязала новую смуту, длившуюся около 10 лет. Католическая и гугенотская знать воспользовалась ослаблением королевской власти во время малолетства сына Генриха IV — Людовика XIII (1610—1643) и регентства его матери Марии Медичи и выступила теперь уже совместно против правительства. Однако надежды аристократии сделать орудием борьбы против абсолютизма Генеральные штаты, созванные по её настоянию в 1614 г., потерпели крушение. Депутаты третьего сословия поддержали правительство. Попытки знати перетянуть на свою сторону горожан оказались тщетными; все города твёрдо держали сторону королевской власти. Таким образом, новый ход событий свидетельствовал о том, что абсолю-

тизм достаточно упрочился. Всё же смута нанесла стране немалый урон. Снова повторились грабежи крестьян и горожан дворянскими отрядами. К концу 10-х годов XVII в. возросли налоги. Ослабленная усобицей Франция временно утратила в известной мере международный престиж, что не замедлило отрицательно отразиться на её внешней торговле.

Франция при Ришелье

Политические последствия событий 1610—1620 гг. были окончательно ликвидированы с приходом к власти первого министра Людовика XIII кардинала Ришелье, время правления которого (1624— 1642) представляет важную страницу в развитии французского абсолютизма.

Людовик XIII принимает представителей купцов.
Гравюра А. Босса.

Ришелье происходил из небогатого провинциального дворянства, а по матери был внуком парижского адвоката. Сперва его предназначали к военной карьере, но обстоятельства сложились так, что он стал епископом одного из самых мелких и небогатых епископств Пуату. Военные знания, сослужившие ему затем большую службу, сочетались у него с незаурядным образованием. Обладая чрезвычайным честолюбием, Ришелье начал свою политическую карьеру в качестве представителя духовенства в Генеральных штатах 1614 г. Поста первого министра он достиг с немалым трудом и свой опыт крупного политического деятеля и идеолога абсолютизма вынес непосредственно из бурных событий междоусобицы периода малолетства Людовика XIII.

Ришелье соединял в себе твёрдость в преследовании поставленных целей с политической гибкостью, переходившей в беспринципность. Он обладал способностью к тонким наблюдениям и широким обобщениям в области политической мысли и практическими качествами опытного государственного деятеля. Ришелье был защитником феодальных устоев французской монархии, но ему не было чуждо чутьё нового и понимание необходимости приспособлять старые учреждения к требованиям времени во имя сохранения этих самых учреждений. Ришелье подчинил своему влиянию слабовольного короля и вплоть до смерти сохранял в своих руках бразды правления.

После некоторого перерыва, вызванного смутой, правительство вновь стало уделять большое внимание всё более развивавшейся буржуазии. С 20-х годов усилилось стремление французских купцов и мануфактуристов (особенно северных портов: Руана, Нанта, Дьеппа, Сен-Мало) к торговле с колониями и колониальной экспан-

Франция в XVI — первой половине XVII в.

сии. Ришелье пошёл им навстречу, стремясь оттеснить Голландию, которая к этому времени уже завоевала первое место в морской и колониальной торговле. Ему не удалось достичь этой цели, так как Франция продолжала отставать от Голландии в экономическом и политическом отношении. Всё же меркантилистская политика Ришелье помогла французской буржуазии добиться известных успехов в этой области, а также образовать торговые компании, построенные по образцу голландских и английских. Хотя большинство их просуществовало недолго, они способствовали расширению французских колоний в Канаде и обоснованию французов на Антильских островах и в Гвинее. В соответствии с экономическими интересами Франции Ришелье стремился дипломатическим путём обеспечить за французскими купцами рынки сырья и сбыта в Турции и Иране, а также в России.

При Ришелье окрепший французский абсолютизм перешёл в решительное наступление на своих внутренних и внешних противников. Из верхов «людей мантии» Ришелье подбирал доверенных лиц для выполнения самых важных государственных задач. Они заседали в чрезвычайных судах, учреждавшихся для расправы над участниками аристократических заговоров; их посылали с чрезвычайными полномочиями в провинции для подавления феодальных мятежей и для усмирения народных волнений; им поручались ответственные дипломатические переговоры.

Ришелье, как представитель подлинных интересов дворянства, стал чаще приглашать дворян на дипломатическую службу, а также вовлекать их в торговлю и колониальные компании. Хотя эти меры в пользу дворянства были скромными по сравнению с его претензиями, тем не менее они оказались достаточными, чтобы крепче привязать «дворянство шпаги» к абсолютной монархии, что очень помогло Ришелье в его борьбе с католической знатью и гугенотской партией. Стремясь к централизации Франции, Ришелье осадил и взял в 1628 г. главный оплот гугенотов — Ла-Рошель и отменил все политические привилегии, предоставленные гугенотам по Нантскому эдикту. Это означало полное воссоединение Юга и Севера. По «эдикту милости» 1629 г. протестантам была предоставлена свобода вероисповедания, а гугенотской буржуазии сохранены многие привилегии. В 1632 г. был разгромлен крупный очаг феодального мятежа в Лангедоке. Чрезвычайные судебные комиссии отправляли на плаху мятежных вельмож и дворян, а их замки подвергались разрушению. Большинство аристократов-губернаторов было смещено или бежало за границу.

Этот энергичный натиск на феодальную аристократию сопровождался дальнейшим укреплением политической централизации. Практиковавшуюся ещё в XVI в. посылку в провинции королевских комиссаров с чрезвычайными полномочиями Ришелье возвёл в систему. Провинциальное управление повсеместно передавалось «интендантам юстиции, полиции и финансов», которые целиком зависели от центральной власти.

После того как была уничтожена гугенотская политическая организация и сломлено сопротивление знати, Ришелье вплотную приступил к осуществлению внешнеполитических задач французского абсолютизма. Выступив вначале скрыто против Габсбургов, он оказывал систематическую финансовую и дипломатическую поддержку их врагам: немецким протестантским князьям, Голландии, Дании и Швеции. В мае 1635 г. Франция открыто вступила в Тридцатилетнюю войну, став во главе антигабсбургского блока, и к 1642 г. добилась значительных успехов.

Народные движения 20 — 40-х годов XVII в.

Свою внутреннюю и внешнюю политику Ришелье строил на жестоком угнетении и эксплуатации народных масс. Особенно увеличилось налоговое бремя с того времени, как Франция приняла открытое участие в Тридцатилетней войне. В несколько раз возрос государственный долг. Откупщики налогов, являвшиеся главными кредиторами государства, приобрели безграничную свободу грабить население под предлогом взимания податей. Неудивительно, что в годы правления

Ришелье происходили крупные народные движения, направленные преимущественно против королевского фиска и его агентов. В 1624 г. в провинции Керси вспыхнуло восстание крестьян, выступивших с требованием уменьшения налогов. Крестьяне осадили город Кагор; быстро прибывшее к Кагору войско местных дворян жестоко расправилось с повстанцами. Если в этом восстании городское плебейство не выступило на стороне крестьян, то в многочисленных восстаниях конца 30-х — начала 40-х годов крестьяне боролись плечом к плечу с городской беднотой. В плебейских восстаниях в Бордо и Перигё в 1635 г. участвовало также окрестное крестьянство. Весной 1636 г. в ряде областей Западной и Южной Франции одновременно началось новое восстание «кроканов». Ришелье пришлось вступить в мирные переговоры с депутацией от восставших. Крестьяне требовали ликвидации ряда косвенных налогов и жаловались на сборщиков и откупщиков налогов. Переговоры и сделанные вскоре правительством уступки не помешали быстрому расширению территории, охваченной восстанием. Весной 1637 г. «кроканы» заняли с помощью городских низов город Совета-д'Эйме, а затем города Бержерак и Перигё; последний стал главным центром восстания. Только осенью 1637 г. это мощное антифеодальное восстание было подавлено королевскими войсками. Но уже в 1639 г. в Нормандии разразилось новое крупное народное восстание «босоногих» (va-nu-pieds), поводом к которому послужило введение новых налогов. Восставшие плебейские массы городов и крестьяне боролись против всей фискальной системы абсолютизма и против местной администрации. Они создали дисциплинированную и хорошо организованную армию, подчинявшуюся штабу восстания, с вождём восстания Жаном Босоногим во главе. Временно Нормандия фактически оказалась во власти восставших. Осенью 1639 г. королевские войска нанесли крестьянам поражение и подавили восстание. Опасность народных восстаний этого времени для правительства усугублялась тем, что одновременно стало расти и недовольство среди буржуазии, которая тоже страдала от требований фиска, хотя и в меньшей степени, чем трудящиеся массы.

Нищий.
Гравюра Ж. Калло. 1622 г.

Это тяжёлое наследие после смерти Ришелье (1642 г.) и Людовика XIII (1643 г.) досталось правительству кардинала Мазарини, стоявшему у власти в годы детства и юности короля Людовика XIV (до 1661 г.).

Складывание французской нации

К середине XVII в. развитие капиталистического уклада обусловило большие успехи в процессе складывания французской нации. Значительно укрепились (особенно после ликвидации гугенотской партии) экономические связи между Севером и Югом. Быстро росли и богатели крупные промышленные и торговые города, в первую очередь Париж, роль которого в качестве главного центра хозяйственной жизни страны была чрезвычайно велика. Эпоха Возрождения принесла победу выросшему

на базе парижского диалекта общефранцузскому языку, выработала и отшлифовала литературный язык. Крупные достижения в области науки и искусства стали достоянием всех образованных слоев французского общества. Напряжённая политическая жизнь XVI—XVII вв. способствовала тому, что черты общенационального характера начинали выступать на первый план, постепенно отодвигая назад вырабатывавшиеся веками в течение средневековья особенности провинциального склада.

4. Французская культура XVI и первой половины XVII в.

Французское Возрождение

В XVI столетии во Франции сложилась культура Возрождения, отмеченная, как и в других странах Европы, решительными победами светской гуманистической мысли над средневековым аскетическим мировоззрением и схоластикой. Это было время усиленного изучения античной культуры и вместе с тем очень важный, во многом переломный период в развитии французского языка и национальной литературы.

Расцвет культуры Ренессанса во Франции XVI в. имеет прежде всего свои глубоко национальные корни. Он подготовлялся постепенно. Итальянские походы Карла VIII и следующих французских королей послужили лишь внешним толчком, способствовавшим ознакомлению французского дворянства с богатейшими достижениями итальянской культуры Возрождения и ускорившим распространение новых культурных веяний в этой среде.

Гуманисты, связанные с реформацией

В области общественной мысли и литературы наиболее передовые и смелые идейные тенденции с особенным размахом и глубиной выявляются на первом этапе развития французского Возрождения. Это вполне понятно, так как именно в первой половине XVI в. социально политическая борьба народных масс и передовых общественных кругов Франции находится на подъёме.

До начала 40-х годов в передовой общественной мысли преобладают два основных течения умеренное и радикальное. Первое было склонно сочетать некоторые гуманистические устремления с идеями церковной реформации. Представители этого течения, являвшегося ранней разновидностью протестантизма, получили наименование «евангелистов». Основателем его был философ, богослов, филолог и математик Лефевр д'Этапль (1455—1537). Лефевр, который перевёл на французский язык Библию, ещё в 1512 г. выдвинул несколько общих положений, предвосхищавших некоторые из основных принципов учения Лютера. Вместе с тем облику Лефевра были присущи и черты созерцательно настроенного, оторванного от широких масс мыслителя-одиночки. К этому течению примыкала сестра Франциска I Маргарита Наваррская (1492—1549), отстаивавшая по отношению к протестантам и представителям вольномыслия политику терпимости. Маргарита Наваррская, объединявшая при своём дворе многих прогрессивно настроенных учёных и литераторов, оказывала, в частности, поддержку таким видным деятелям французского Возрождения, как Маро, Деперье и Доле. Собственное литературное наследие Маргариты заключает в себе аллегорические комедии, стихи и поэмы на религиозно-дидактические темы. В поэтическом творчестве Маргариты находили отчётливое выражение ограниченные стороны её мировоззрения, пронизанного идеями неоплатонизма и мистическими тенденциями, особенно усилившимися к концу жизненного пути писательницы. В то же самое время мировоззрение Маргариты продолжало оставаться противоречивым. Наглядным свидетельством этому явился задуманный в подражание «Декамерону» Боккаччо и не доведённый автором до конца сборник новелл «Гептамерон», обладающий определёнными реалистическими достоинствами.

Клеман Маро

С евангелическим движением многими нитями был связан один из крупнейших поэтов французского Возрождения — Клеман Маро (1496—1544). Широкой популярностью в гугенотской среде пользо-

вался поэтический перевод псалмов, осуществлённый Маро в конце 30-х годов. Его подозревали в сочувствии протестантизму; это побуждало поэта, состоявшего на придворной службе у Маргариты Наваррской и Франциска I, дважды искать спасения в бегстве за границу. Во время своего второго изгнания Маро пытался найти приют в кальвинистской Женеве. Однако, не выдержав царившего здесь аскетического и ханжеского духа, он вынужден был продолжать свои скитания. Не лишённое противоречий мировоззрение Маро не ограничивалось рамками протестантской идеологии. Идейное значение поэтического творчества Маро было, бесспорно, глубже. Отдельные его стихотворения свидетельствовали о близости поэта к уходящим в глубь веков народным литературным традициям, о его богатом темпераменте, тонком юморе, искрящемся галльском жизнелюбии. В них, так же как и в направленных против католической церкви сатирах и овеянных горячим патриотическим чувством посланиях Маро, выражаются настроения более широких демократических кругов, их растущее национальное самосознание и усилившееся недовольство окружающей жизнью. Не только евангелисты, но и представители лагеря гуманистического свободолюбия были склонны считать Маро своим союзником.

Радикальные гуманисты

К числу крупнейших представителей этого второго, более радикального течения в передовой французской общественной мысли первой половины XVI в. принадлежали Этьен Доле и Бонавентура Деперье. Доле был выдающимся филологом. Он открыл в Лионе типографию, в которой печатал труды гуманистов и античных авторов. Сочувствуя борьбе социальных низов, он принял деятельное участие в стачке лионских печатников. Передовые, пронизанные вольнодумством убеждения Доле, его скептическое отношение к религии и смелая защита свободы мысли восстановили против него не только возглавляемый Сорбонной католический лагерь, но и протестантов. Преследовавшими Доле властями он был обвинён в атеизме и как еретик сожжён на костре в 1546 г.

Трагично сложилась и судьба Деперье, также пришедшего к отрицанию не только католицизма, но и кальвинизма. Бонавентура Деперье (род. между 1500 и 1510; ум. в 1544) был автором выдающихся по своей антицерковной и антирелигиозной направленности сатирических диалогов «Кимвал мира» (1537 г.), в которых высмеивается как католичество, так и протестантство, и сборника замечательных реалистических рассказов «Новые забавы». Это произведение Деперье говорит о глубокой симпатии писателя к простым людям — труженикам, о его увлечении народной поэзией Оно пронизано жизнерадостным вольномыслием, боевым, бунтарским духом и ярко свидетельствует об истинно народных истоках мировоззрения писателя. Затравленный реакционным лагерем, приговорившим к сожжению «Кимвал мира», Деперье покончил жизнь самоубийством.

Рабле

Самым выдающимся представителем этого направления, как, впрочем, и всей французской литературы XVI в., является Рабле. Франсуа Рабле (1494—1553) родился в провинции Турень, недалеко от небольшого городка Шинон, в семье адвоката. В юности Рабле поступил в монастырь, затем покинул его, изучал медицину и естественные науки, был врачом» занимался филологическими исследованиями. Человек больших и разносторонних познаний, Рабле завоевал бессмертную славу своим сатирическим романом «Гаргантюа и Пантагрюэль» — самым выдающимся творением французской художественной литературы XVI в. Роман Рабле — произведение глубоко народное как по своей идейной направленности, так и по своей форме. Непосредственным толчком к возникновению «Гаргантюа и Пантагрюэля» послужили широко распространённые в XVI в. народные книги о великанах. Рассказывая о похождениях героев своей сатирической эпопеи, королей-гигантов и их спутников, Рабле в сказочной форме даёт реалистически обобщённую картину современной ему французской действительности. Народность его мировоззрения находит себе выражение прежде всего в силе того сатирического осмеяния,

с которым он обрушивался на реакционные, связанные с уходившим в прошлое средневековым укладом стороны современной ему жизни. Рабле разоблачал захватническую внешнюю политику правителей, несправедливость феодального суда, тяжесть феодальных налогов, нападал на католическую церковь и папскую власть, осмеивал монашество, издевался над нелепостью средневековой схоластической науки.

Сатирическим фигурам, воплощавшим в себе пороки господствующего общества, Рабле противопоставлял образы людей из народа, представителей социальных низов. Таков, например, брат Жан, защитник родной земли, носитель народной смекалки, или Панург, в котором писатель реалистически отразил характерные черты современного ему городского плебейства. Образы многих народных сказок запечатлены писателем и в сказочных фигурах королей-гигантов.

Франсуа Рабле.
Портрет работы неизвестного художника. Конец XVII в.

Не менее враждебно, чем к католической церкви, относился Рабле и к протестантизму. Как и книги Доле и Деперье, произведение Рабле подрывало доверие не только к католицизму, но и к религии вообще. Мракобесию, насаждавшемуся реакционными общественными силами, Рабле противопоставлял веру в будущее человеческого общества, пафос научного познания мира и овладения его богатствами на благо человека. Его роман пронизан духом стихийного материализма. Свои гуманистические убеждения Рабле утверждал и в области педагогики, которой придавал весьма большое значение. Показывая бессмысленность церковно-схоластических методов воспитания, Рабле противопоставлял им свои передовые представления о гармоническом, всестороннем развитии человеческой личности. Рабле воплотил эти гуманистические устремления и в известных эпизодах, изображающих жизнь свободных, следующих исключительно принципу «делай, что хочешь», целиком отдающихся помыслам о своём духовном и физическом развитии обитателей Телемского аббатства.

Глубоко народной была и форма романа Рабле, рассчитанная на вкусы простого читателя, навеянная во многом фольклорной традицией. Роман Рабле был написан исключительно богатым, образным и близким к разговорной речи языком.

Борьба передовой общественной мысли с реакцией в середине XVI в.

Творчество передовых деятелей культуры встречало ожесточённое сопротивление реакционного лагеря и в первую очередь католических церковников и схоластов, возглавляемых Сорбонной, а затем иезуитским орденом. Королевская власть в лице Франциска I относилась вначале примирительно к новым культурным веяниям. Король поощрял развитие искусства и науки, смотрел сквозь пальцы на деятельность протестантов. Одним из наиболее прогрессивных

мероприятий королевской власти в этом направлении было создание в противовес Сорбонне, находившейся во власти теологов, нового, светского университета. Во главе этого педагогического учреждения, будущего Коллеж де Франс, призванного стать рассадником гуманистической науки, был поставлен выдающийся ученый Гийом Бюде. Стоило, однако, правительству почувствовать в развитии передовой общественной мысли серьезную угрозу основам существующего порядка, как этим тенденциям наступил конец. Переход королевской власти к открытому союзу с реакционными общественными силами стал в области идеологии особенно очевидным с начала 40-х годов. По стране прокатилась волна суровых репрессий, запылали костры инквизиции. Франция вступила в длительную полосу засилья реакции.

Титульный лист романа Рабле «Гаргантюа». 1532 г.

В течение некоторого времени натиск реакции не мог остановить поступательное движение передовой общественной мысли. Так, например, кратковременный период нового ее подъема наступает в конце 40-х — начале 50-х годов.

Обострение общественных противоречий приводит прежде всего к дальнейшему размежеванию сил. В 40-х годах происходит отделение французского протестантизма от общей гуманистической почвы и его превращение в суровую, фанатически непримиримую религию Кальвина. При этом кальвинисты оказываются не менее яростными врагами и преследователями гуманистического свободомыслия, чем правоверные католики.

Вместе с тем в эти годы появляется и ряд новых прогрессивных течений. Так, например, в начале 50-х годов возникает такое своеобразное публицистическое произведение, как трактат Ла Боэси (1530—1563) «О добровольном рабстве», в котором автор приходит к решительному осуждению абсолютистского режима и провозглашению права народа отказаться от повиновения государю.

Плеяда

В конце 40-х годов возникает литературное направление, известное под именем Плеяды, которое оказало большое влияние на развитие французской национальной поэзии. Этот кружок, во главе которого стояли поэты Ронсар (1524—1585) и Дю Белле (1522—1560), объединял прогрессивных, патриотически настроенных представителей дворянской интеллигенции, горячо сочувствовавших процессу национального объединения страны. Одним из первых произведений, выпущенных в свет членами кружка, явился написанный Дю Белле литературный манифест «Защита и возвеличение французского языка» (1549 г.). Дю Белле ратовал в нем за обогащение и укрепление общенационального литературного языка, требовал создания возвышенных монументальных произведений, пронизанных патриотическим, гражданским пафосом, способных служить делу укрепления единого национального государства. Вместе с тем поэтика Дю Белле носила подчеркнуто учёный характер. В «Защите» Дю Белле, как, впрочем, и в поэтических произведениях Ронсара, проявлялись тенденции, предвосхищавшие последующее развитие

эстетики классицизма. Однако поэтическое наследие Ронсара и Дю Белле не ограничивалось рамками классицизма. В их творчестве сильно выражено лирическое начало. Яркий пример этому — полные искреннего чувства лирические стихотворения Ронсара, в которых он противопоставляет средневековому аскетизму земную, чувственную любовь и выдвигает идеал всесторонне развитой личности.

В ещё большей мере это относится к Дю Белле. В его стихотворном сборнике «Сожаления» (1558 г.) ощущается глубокая тревога поэта за судьбы родной страны, над которой нависла угроза распада, возможной потери независимости. Бичуя в сатирических стихах представителей лагеря феодально-католической реакции, поэт противопоставляет им образ рядового дворянина, страстно любящего свою родину и готового бороться за её единство.

Социально-политический кризис второй половины XVI в. вызывает существенные сдвиги в культурной жизни страны. Прогрессивная общественная мысль продолжает пульсировать. Однако развитие самых радикальных и демократических из тех её направлений, которые так многообещающе обозначались в первой половине века, на время задерживается.

Прогрессивный характер продолжает сохранять в эти годы творчество представителей Плеяды. В этот период и некоторым писателям-гугенотам удалось, преодолев ограниченные стороны политической программы своего лагеря, выразить чувства и настроения широкой массы рядовых участников гражданской войны (патриотическая тема и реалистические картины народных бедствий в «Трагической поэме» Агриппы д'Обинье, выдающемся произведении французской художественной литературы).

Мишель де Монтень.
Гравюра. 1688 г.

Публицистика времён гражданских войн. Жан Боден

Наибольшее развитие на этом этапе получает, однако, публицистика. Многочисленные, не лишённые демагогических и реакционных черт трактаты и памфлеты выходят из лагеря дворян-гугенотов (Отман, Дюплесси-Морне). В произведениях этих так называемых монархомахов («тираноборцев») отстаивается право народа не повиноваться тиранам, но в качестве представителей народа признаются почти одни лишь феодальные вельможи. В свою очередь крепнущая партия «политиков» выдвигает такую значительную фигуру, как известный юрист, историк и экономист Жан Боден (1530—1596). В своём основном труде «О республике» Боден ратует за укрепление единого национального государства под руководством абсолютной монархии и развивает мысль о монархе как единственном носителе государственного суверенитета. Вместе с тем он стремится тщательно отграничить отстаиваемый им идеал абсолютной монархии, хранительницы государственного единства, от тирании. К лагерю «политиков», во многом близких к идеям Бодена,

принадлежали авторы «Менипповой сатиры», выразительно написанного памфлета против Генеральных штатов, созванных Католической лигой в 1593 г.

Монтень

Крупнейшей фигурой в культурной жизни Франции второй половины XVI в. является Мишель де Монтень (1533—1592). Монтень происходил из среды «дворянства мантии» и сам в течение ряда лет занимал пост парламентского советника, а затем мэра в Бордо. Его «Опыты»— крупнейший памятник французской общественной мысли XVI столетия. Над «Опытами», представляющими собой свободное по форме объединение различного рода размышлений на исторические, политические и по преимуществу философские, этические темы, Монтень работал на протяжении более чем 20 лет, несколько раз подвергая своё произведение решительной переработке. «Опыты» Монтеня отразили серьёзные сдвиги, происходившие в сознании передовых общественных сил Франции во второй половине XVI в., их колебания, вместе с тем их преданность гуманистическому идеалу. Сложные, запутанные исторические условия этого периода оказали своё влияние на формирование скептического мировоззрения Монтеня, провозгласившего право человека на сомнение, на недоверие к религиозным авторитетам. Правда, Монтень питал также некоторое недоверие к человеческому разуму, однако в целом идейная сущность этого скепсиса глубоко прогрессивна. Он в первую очередь призван выполнять критические функции, направленные на разоблачение религиозного суеверия и фанатизма, на опровержение идеалистических предрассудков, на расчищение пути опытному знанию. Прославляя природу в качестве наставницы человека и доказывая мудрость простого народа, Монтень подхватывал и развивал дальше в новой исторической обстановке идеи гуманистов первой половины XVI в. «Опыты» Монтеня оказали ощутимое воздействие на последующее развитие передовой западноевропейской философской мысли, начиная с Бэкона и кончая просветителями XVIII в.

В XVI столетии выдающихся успехов достигла французская научная мысль и в первую очередь филология, медицина и математика. Эта эпоха выдвинула, помимо уже упоминавшихся гуманистов, ряд замечательных учёных, вроде разностороннего естествоиспытателя и мастера художественной керамики Бернара Палисси, знаменитого медика Амбруаза Паре, филолога и автора блестящего антикатолического памфлета печатника Анри Этьена.

Французское искусство и архитектура в XVI в.

Что касается изобразительных искусств, то и здесь развитие прогрессивных тенденций достигло известных успехов. Особенно примечательны реалистические завоевания в области портрета, в частности карандашного, достигающего изумительной тонкости психологической характеристики у Франсуа Клуэ, Пьера Дюмустье и др. Французская скульптура эпохи Возрождения выдвигает таких замечательных мастеров, как Гужон и Жермен Пилон. Новые тенденции, связанные с художественным идеалом Ренессанса, вытесняют готические традиции в архитектуре (замки Шамбор в Фонтенбло). Сначала этот процесс связан с подражанием итальянским образцам, затем французское зодчество XVI в. приобретает всё более самобытный характер (юго-западная часть Лувра). Крупнейшими архитекторами французского Ренессанса были Пьер Леско и Филибер Делорм.

Борьба направлений в начале XVII в. Прециозная литература

Новый этап культурной жизни Франции наступает в первой половине XVII в. Во французской культуре этого времени обозначается несколько основных направлений. При этом отдельные идеологические течения в силу большей развитости общественных противоречий теперь отчётливее и резче противостоят друг другу, чем в предшествующий исторический период. В это время большую активность в области идеологии проявляют реакционные круги французского дворянства. Во главе их стоит феодальная знать. Её умонастроения находят своё особенно яркое выражение в развитии того реакционного и антиреалистического

литературного направления, которое получило наименование прециозности, или жеманства. Расцвет французской прециозности в первой половине XVII в. был одним из проявлений того общего наступления феодальной и католической реакции на передовые круги западноевропейского общества, которое началось ещё в предшествующем столетии.

В прециозной литературе выявлялись попытки аристократии противопоставить себя остальному обществу, создать свою обособленную, кастово-замкнутую и вычурную культуру, свой искусственный литературный жаргон. Для этого жаргона было характерно стремление избегать прямого обозначения предметов и явлений обыденной жизни, которые объявлялись вульгарными, и заменять его отвлечёнными и надуманными перифразами. Он изобиловал изощрёнными галантными оборотами и искусственными модными словечками. Наибольшее распространение в прециозной литературе получили различные жанры условной и напыщенной светской лирики и так называемый галантно-героический роман. Авторы многотомных галантно-героических романов, не скупясь на выдумку, повествовали о неправдоподобных похождениях различных высокопоставленных особ. Они ставили своей задачей ослепить читателя пышным маскарадом, окружить ореолом призрачного величия аристократическую среду.

Рассадниками прециозной эстетики были различные светские салоны, которые начинают складываться в первой половине XVII в. Участники этих салонов устраивали поэтические турниры и театральные представления, определяли в беседах нормы светского поведения, давали оценку литературным новинкам, устанавливали правила прециозного жаргона. Самым влиятельным из этих светских кружков в первой половине XVII в. был созданный маркизой де Рамбуйе салон, ставший главным центром аристократической оппозиции правительству Ришелье.

Философия Декарта

Значительные достижения в культурной жизни Франции первой половины XVII в. связаны с подъёмом эстетики классицизма и развитием философии рационализма.

Основоположником и крупнейшим представителем рационалистической философии во Франции был выдающийся мыслитель и учёный Ренэ Декарт (1596—1650). Декарт был выходцем из кругов «дворянства мантии». Стремясь оградить себя в своих занятиях наукой от преследований католической церкви, Декарт в 1629 г. переезжает в Голландию. Однако и в буржуазной Голландии, где он проживает в течение 20 лет, Декарт наталкивается на ожесточённое сопротивление церкви. Надеясь избавиться от непрестанной травли со стороны протестантских теологов, Декарт принимает предложение шведской королевы Кристины и переселяется в Стокгольм. Там он и умер в 1650 г. Основными произведениями Декарта являются: «Правила для руководства ума» (около 1629 г.), «Трактат о свете» (1633 г., издан посмертно в 1664 г.), «Рассуждение о методе» (1637 г.), «Метафизические размышления» (1641 г.), «Начала философии» (1644 г.), «Страсти души» (1649 г.).

Философская деятельность Декарта была в первую очередь направлена на борьбу с церковно-схоластической идеологией. Церковной догме, объявлявшей источниками познания божественное откровение и веру, Декарт противопоставлял убеждённость в неограниченных возможностях человеческого разума, в его способностях к установлению объективных закономерностей, стремление к научному изучению природы. Декарт уточнял и развивал основные принципы рационалистического метода осмысления действительности, опираясь на достижения современной ему науки и прежде всего на математику. Особенно большое значение в разработке приёмов научного анализа явлений и в разгроме схоластических предрассудков сыграло самое значительное произведение Декарта — «Рассуждение о методе», написанное не на латинском, а на французском языке.

Однако метод Декарта оставался вместе с тем идеалистическим. Декарт видел в мышлении основное доказательство реальности человеческого существования,

утверждал его примат над бытием, недооценивал значение чувств в процессе познания. Объективное мерило истины Декарт искал не в окружающей человека действительности, не в его практической деятельности, а в имманентных качествах самого разума. Высшим критерием истины была для него ясность и отчётливость научных представлений. Отсюда Декарт приходил к утверждению «врождённости» идей, а тем самым и к признанию их божественного происхождения.

Учение Декарта было глубоко дуалистичным. Оно было основано на отрыве сознания от материи. Декарт противопоставлял материю, которую он наделял атрибутом протяжённости, и дух, обладающий атрибутом мышления, как две самостоятельные, независимые друг от друга субстанции. Силу же, способную согласовать существование тела и души, он искал в понятии божества. Эти мысли Декарта составляют основу его метафизики, наиболее консервативной части его учения.

В то же самое время стремление Декарта рассматривать телесную субстанцию, материю как начало совершенно самостоятельное было весьма плодотворным. *«В границах* его физики, — писал Маркс о Декарте, — *материя* представляет собой единственную *субстанцию,* единственное основание бытия и познания» [1]. Эта исключительно прогрессивная тенденция в мировоззрении Декарта была неразрывно связана с его замечательными достижениями как математика, осуществившего ряд важных открытий в области геометрии и алгебры, как физика и физиолога.

Противоречия, характерные для философии Декарта, как и для общественной мысли этого времени вообще, отражали в конечном итоге двойственное положение буржуазии во французском обществе первой половины XVII в., которая развивалась сравнительно быстро, но ещё не могла на данном этапе обойтись без помощи дворянской государственности и вступить в решительную борьбу с идеологическими представлениями, освящающими власть феодального общества.

Прогрессивные тенденции рационалистического учения Декарта оказали плодотворное воздействие на просветителей XVIII в. и вообще сыграли очень важную роль в становлении передовой национальной французской философской традиции.

Гассенди

Метафизическая система Декарта была подвергнута критике с материалистических позиций ещё в первой половине XVII в. Основным противником учения Декарта о врождённых идеях выступил крупнейший представитель материалистического направления во французской философии XVII в., выдающийся мыслитель и учёный-естествоиспытатель Пьер Гассенди (1592—1655).

Маркс следующим образом охарактеризовал эту идейную полемику: «*Метафизика* XVII века, главным представителем которой во Франции был *Декарт,* имела со дня своего рождения своим *антагонистом материализм.* Материализм выступил против Декарта в лице *Гассенди,* восстановившего *эпикурейский* материализм» [2]. Гассенди, ещё в 1624 г. написавший работу под названием «Против аристотеликов», выступал союзником Декарта в борьбе против средневековой схоластики. Вместе с тем он подверг резкой критике дуалистический характер философии Декарта, стремление последнего противопоставлять сознание и материю. Гассенди материалистически разрешал вопрос о соотношении мышления и бытия и объявлял основным источником познания чувственный опыт.

В своём учении о строении материи Гассенди исходил из взглядов Эпикура. Он учил, что материя вечна и неразрушима, видел в пространстве и времени объективные категории действительности, настаивал на их бесконечности. Утверждая право человека на земное счастье, оправдывая его стремление к удовлетворению своих потребностей, Гассенди следовал за Эпикуром и в вопросах этики. Свои этические воззрения Гассенди сознательно противопоставлял аскетическому мировоззрению,

[1] *К. Маркс,* Святое семейство, или критика критической критики, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс* Соч., т. 2, стр. 140.
[2] Там же.

насаждавшемуся церковью. Представители реакционного лагеря, стремясь любой ценой опорочить эпикурейскую философию Гассенди, обвиняли её в безнравственности. В своих трудах (основной из них — «Система философии» — был издан уже после смерти философа, в 1658 г.) Гассенди ставил своей задачей разбить эти попытки и восстановить подлинно гуманистический облик моральных воззрении Эпикура.

В своих философских устремлениях Гассенди не был последователен. Сильные материалистические тенденции соединялись в его философии с уступками теологии, с признанием божественного провидения. Однако эти уступки носили в значительной мере внешний и вынужденный характер.

Ренэ Декарт.
Портрет работы Франса Гальса. 1649 г.

Несмотря на наличие определённых противоречий, философия Гассенди сыграла весьма значительную историческую роль. Очень плодотворным было, в частности, её воздействие на развитие передовой французской литературы. Последователем Гассенди был такой своеобразный и прогрессивный писатель, как Сирано де Бержерак. Серьёзное влияние оказало учение Гассенди на мировоззрение Мольера и Лафонтена. Таким образом, влияние Гассенди в литературной жизни страны связано в первую очередь с развитием реалистических тенденций и становится поэтому особенно ощутимым во второй половине XVII в.

Эстетика классицизма

Что же касается французской культуры первой половины XVII столетия, то очень важным явлением этого заключительного исторического этапа в борьбе французского абсолютизма против враждебных ему центробежных сил становится расцвет эстетики классицизма. Эта эстетика пронизана культом разума и, безусловно, обладает чертами, родственными философии рационализма. Классицистическое искусство развивается под знаком преклонения перед античностью, в борьбе с реакционными идеологическими течениями, порождёнными эпохой контрреформации. Оно выдвигает требование «подражания природе» и видит главную задачу художественного творчества в создании монументальных произведений, овеянных духом гражданственности и воспевающих людей, которые во имя велений разума и государственного долга способны подавить свои личные чувства и интересы. Конфликт между личным чувством и торжествующим победу государственным долгом становится одной из излюбленных тем классицистического искусства. Однако прогрессивные, способствующие познанию окружающей действительности тенденции классицистического искусства противо-

речиво сочетаются в нём с чертами рассудочности и отвлечённости, с тенденциями к условности и соблюдению искусственных правил, стесняющих реалистическое понимание действительности. Таковы были, например, известное правило трёх единств и разделение поэтических жанров в зависимости от их тематики на высокие и низкие.

Эти черты условности в эстетике классицизма, сковывавшие творчество её представителей, навязывались дворянским государством, стремившимся создать строгую регламентацию во всех областях общественной жизни и культуры. Однако до середины XVII в. на первый план с особенной силой выступают передовые стороны эстетики классицизма. Поэты и художники этой эпохи, подчиняясь её правилам, ещё могли охватывать общественные противоречия окружающей действительности, достигая при этом большой художественной выразительности. Об этом в известной мере свидетельствует деятельность основателя французского классицизма в литературе — поэта Франсуа Малерба (1555—1628), сыгравшего видную роль в истории французского литературного языка. Это особенно справедливо по отношению к творчеству выдающегося драматурга Пьера Корнеля и одухотворённой живописи крупнейшего французского художника-классициста Никола Пуссена.

Политика абсолютизма в области идеологии

Абсолютистское правительство проводило политику централизации и в области культуры. Оно стремилось поставить под свой контроль духовную жизнь страны. Одной из мер, предпринятых Ришелье с этой целью, была организация в 1634 г. Французской академии. Через академию, занимавшуюся в первую очередь составлением словаря, а затем грамматики французского языка, правительство пыталось воздействовать на ход литературной жизни. Аналогичные соображения побудили его учредить в 1648 г. Королевскую академию живописи и скульптуры.

Абсолютная монархия стремилась привлечь ко двору и использовать на своей службе крупнейших писателей и художников-классицистов, требуя от них подчинения и оказывая настойчивое давление на их творческие замыслы. Она препятствовала развитию в их произведениях тенденций, казавшихся ей чересчур критическими по своей идейной направленности и реалистически слишком откровенными. Подобного рода столкновения с королевским правительством сыграли очень существенную роль в творческой биографии Корнеля и Пуссена.

Корнель

Пьер Корнель (1606—1684) был уроженцем Руана, выходцем из кругов судейской буржуазии. Он сам занимал в течение некоторого времени должность в руанском парламенте, однако затем целиком отдался литературному творчеству. Литературная деятельность Корнеля-драматурга сыграла выдающуюся роль в становлении французского театрального искусства. Корнель первым во Франции превратил трагедию в средство художественного осмысления больших проблем общенационального значения. Лучшие трагедии Корнеля с той «страшной внутренней силой их пафоса», о которой говорил Белинский, отражали напряжённую политическую борьбу этого времени.

Наибольшего творческого подъёма Корнель достигает в 30 и 40-х годах XVII в. Весьма важной вехой в истории французской литературы была премьера трагикомедии Корнеля «Сид» (1636 г.) — произведения, насыщенного горячим патриотическим чувством. Подвергая в нём критике старые, связанные с феодальным прошлым, родовые и кастовые представления о «долге», Корнель противопоставлял им принцип служения государственному началу, стремление принести благо родной стране. При этом, сурово осуждая антинациональные поступки крупных феодалов, он выдвигал в качестве идеального героя рядового, опирающегося исключительно на свои личные заслуги воина. Весьма смело для своего времени изобразил Корнель и королевскую власть. Он показал монарха в виде человека колеблющегося, вынужденного одновременно считаться с мнением различных общественных лагерей, в том числе и с «народной молвой». В своём поэтически

исключительно выразительном и овеянном духом героики произведении Корнель решительно нарушал целый ряд правил, предписывавшихся поэтикой классицизма. Прогрессивные творческие устремления драматурга обеспокоили придворные круги. Аристократическая среда натравливала на писателя враждебных ему прециозных писателей. Начался знаменитый «спор о „Сиде"». Конец ему положило вмешательство кардинала Ришелье. Инспирированное им «Мнение Французской академии о „Сиде"» осуждало писателя и призывало его беспрекословно следовать предписаниям классицистической поэтики.

В следующих своих выдающихся трагедиях — «Гораций» и «Цинна» (обе были поставлены в 1640 г.) Корнель, обращаясь к мотивам римской истории, воспроизводит в трагическом свете конфликт между устремлениями личности и подавлявшей её права монархической государственностью. Вместе с тем он оправдывает победу последней, подчёркивая историческую прогрессивность осуществляемых ею задач, требуя стоического подчинения человека велениям государственного долга.

Со второй половины 40-х годов творческий метод Корнеля претерпевает значительные изменения. Большинство произведений писателя лишается подлинно трагического звучания. Воспроизведение противоречий окружающей действительности становится в них менее глубоким. Корнель остаётся передовым писателем своего времени, но разоблачительная сила и познавательная ценность его произведений по сравнению с предшествующим творческим этапом всё же слабеет.

Пуссен

Биография Никола Пуссена (1594—1665) не богата внешними фактами. Жизнь этого принципиального и очень серьёзно относившегося к своему призванию человека была прежде всего историей его творческих замыслов и исканий. Начиная с 1624 г. Пуссен жил в Риме, много времени посвящая изучению античной культуры и итальянской живописи. Самостоятельная творческая манера художника окончательно складывается к 30-м годам («Царство Флоры», «Снятие с креста» и др.). Лучшие картины Пуссена насыщены гуманистическими идеями и прославляют величие человеческого духа. Их отличает не только глубина содержания, но и отточенное мастерство исполнения с точки зрения как рисунка, так и колорита. Для них характерны обобщённые, возвышенные образы, поиски гармоничной, внутренне уравновешенной, логически строго продуманной, иногда несколько рассудочной композиции. В 1640 г. Пуссен был вынужден подчиниться требованиям Людовика XIII и направиться в Париж для выполнения правительственных заказов (росписи галереи Лувра). Однако уже в 1642 г. Пуссену удаётся вернуться в Рим, где он и остаётся до конца своей жизни. Новый и заключительный период творческой деятельности художника наступает в 50-х годах. Он пишет теперь по преимуществу пейзажи («Пейзаж с Полифемом», серия «Времена года» и др.), стремясь в величественных, пронизанных пантеистическими настроениями картинах природы воплотить свои представления о героической красоте и гармонии.

Реалистические тенденции в литературе

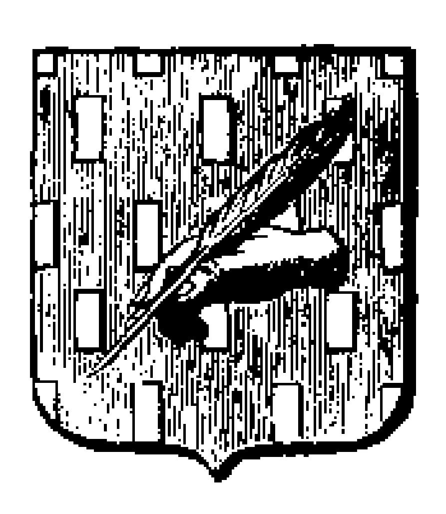
Во французской культуре первой половины XVII столетия наблюдались и проявления реализма в собственном смысле этого слова. В литературе этого времени они в целом не получили достаточно широкого развития, встречались редко и носили непоследовательный характер. Определённые реалистические черты свойственны бытовым романам Сореля («Правдивое комическое жизнеописание Франсиона», 1623 г.) и Скаррона («Комический роман», 1651—1654 гг.). Оба эти писателя интересуются нравами и судьбой простых людей. Их романам, правда, ещё присущ в значительной мере узкопародийный характер. Недостаточно глубок в них анализ душевной жизни героев. Вместе с тем в этих повестях имеется и немало достоверных черт, правдиво воспроизводящих тяготы, выпадавшие на долю простых людей в абсолютистской Франции.

Утопия Сирано де Бержерака

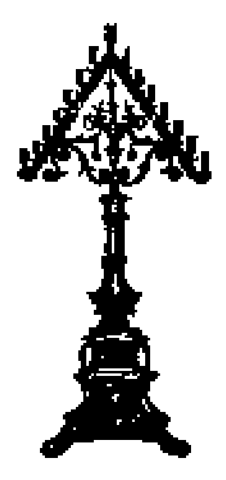
Одним из самых примечательных явлений в прогрессивной французской литературе этого времени был первый из двух научно-фантастических романов, созданных писателем-вольнодумцем, последователем Кампанеллы и Гассенди Сирано де Бержераком (1619—1655). В романе «Иной свет, или Государства и империи луны» (1647—1650 гг.) Сирано, повествуя о вымышленных полётах на луну и о нравах её обитателей, в утопической форме излагал свои отличавшиеся демократическим и бунтарским характером общественные убеждения. Роман Сирано пронизан пафосом научного познания мира, материалистическими тенденциями, воинствующим атеизмом. Сирано мечтал о науке, способной перестроить жизнь на благо человечества, выдвигал ряд предвосхищавших далёкое будущее научно-технических гипотез. Он отстаивал республиканский строй, осуждал несправедливые хищнические войны.

Реализм в изобразительном искусстве

С большей силой, чем в литературе, реалистические тенденции пробиваются в этот период в изобразительном искусстве. Об этом говорит творчество художника-офортиста Жака Калло (1592—1635), давшего в своих многочисленных произведениях выразительную картину общественных противоречий и народных бедствий этого времени, особенно тех страданий, которые несёт народу война. Реалистические тенденции свойственны и живописи братьев Ленен. Самым крупным художником из трёх братьев Ленен был Луи (1593—1648), замечательный мастер изображения крестьянского быта. Какой бы тяжёлой и бедной ни приходилось ему изображать крестьянскую жизнь, Луи Ленен неизменно подчёркивал в облике простых людей из народа одухотворённость и высокое человеческое достоинство. Подобные тенденции шли вразрез с эстетикой классицизма, допускавшей изображение жизни простых людей лишь в комическом свете.

ГЛАВА X
ИСПАНИЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

1. Экономическое и политическое развитие Испании в первой половине XVI в.

Испания, завершившая к концу XV в. реконкисту и превратившаяся к этому времени в единое государство (в результате объединения в 1479 г. Кастилии и Арагона), сразу же заняла одно из первых мест среди государств Европы. Она включала в себя почти весь Пиренейский полуостров, за исключением его западной части, составлявшей территорию Португалии. Испании принадлежали также Балеарские острова, Сардиния, Сицилия и с 1504 г. Неаполитанское королевство. Население Испании составляло, по самым скромным подсчётам, $7^1/_2$ млн. человек, но возможно, что оно доходило в этот период до 10 млн. Несмотря на значительные успехи промышленного развития в начале XVI в. и расцвет ряда городов, Испания оставалась аграрной страной с отсталым сельским хозяйством, в котором не происходило экономических сдвигов, характерных для сельского хозяйства Англии и других экономически развитых стран Европы того времени.

Аграрный строй

Главной отраслью сельского хозяйства большинства районов Испании было овцеводство. Несколько миллионов овец дважды в год перегонялось через весь полуостров; в густонаселённых местностях стада шли по широким дорогам (каньядам), в более безлюдных местах они разбредались по окрестностям. Попытки крестьян огородить свои земли, чтобы тем самым спасти поля от вытаптывания их стадами, наталкивались на сопротивление союза крупных овцеводов — *Месты.*

Могущество Месты достигло в начале XVI в. своего апогея, так как развитие текстильной промышленности в странах Западной Европы резко повысило спрос на шерсть, и Места с большой выгодой для себя сбывала её во Фландрию, Францию и

другие страны. Королевская власть, находившая в овцеводстве важный источник доходов казны, оказывала Месте энергичное содействие, не заботясь о том, что деятельность этого союза гибельно отражается на состоянии сельского хозяйства страны в целом. Королевский декрет 1489 г. предоставил Месте право использовать для своих нужд пастбища общин, а на основании декрета 1501 г. каждый член Месты получал в постоянную аренду любой участок земли, на котором его стада паслись в течение сезона или хотя бы нескольких месяцев, если бывший держатель земли не заявил за это время протеста. В течение XVI в. неоднократно издавались законы, в каждом из которых шла речь об отведении под пастбище земель, распаханных за 10—12 лет до издания данного закона. Таким образом, законодательство давало Месте удобные предлоги для захвата крестьянских земель. Королевские чиновники и судьи помогали ей разрушать изгороди, окружавшие эти поля.

Положение крестьянства ещё более ухудшалось вследствие многообразных постоянных и экстраординарных налогов. В 1510 г. прямой налог — сервисьо (servicio), взимавшийся ранее нерегулярно, был превращён в постоянный, к середине XVI в. его размер возрос в 3 раза.

Находясь в столь тяжёлых условиях существования, страдая от частых неурожаев и голодовок, многие крестьяне попадали в зависимость от ростовщиков, что довершало их разорение. Обеспокоенные резким сокращением производства хлеба и ростом дороговизны съестных припасов, кортесы неоднократно жалуются на то, что ростовщики скупают по низкой цене хлеб на корню у нуждающихся крестьян, продают им быков в кредит и дают деньги в долг под такой высокий процент, что крестьяне не в состоянии его выплачивать, и ростовщики за бесценок скупают крестьянские земли. «Главное, что разоряет крестьян этих королевств, и, наверное, погубит их окончательно,— это покупка в кредит». Уже в 1528 г. кортесы заявляют: «Крестьяне настолько обременены, что они близки к полному разорению». Двадцать лет спустя они вновь указывают на то, что крестьяне не засевают обширных территорий из-за нехватки у них рабочего скота, а в неурожайные годы вынуждены продавать своё имущество. О ничтожных размерах посевной площади и огромных пустошах писали как испанцы, так и иностранцы, посещавшие Испанию.

Даже при переходе земель в руки новых владельцев методы ведения хозяйства не менялись. Сельскохозяйственная техника была весьма примитивной. Только на юге — в Гранаде, Андалусии и Валенсии — крестьяне-мориски (обращённые в христианство потомки арабов и берберов, оставшихся в стране после завершения реконкисты) по-прежнему широко применяли ирригацию и выращивали виноград, оливки, сахарный тростник, финиковые пальмы, тутовые деревья и цитрусовые культуры. Производство сельскохозяйственных продуктов в стране не удовлетворяло даже местных потребностей. Вся Северная Испания нуждалась в привозном иностранном хлебе.

В Испании рост товарно-денежных отношений не привёл к зарождению в деревне капиталистического способа производства, а, напротив, способствовал консервации феодальных отношений, упадку сельского хозяйства.

Бывшие королевства Испании, превратившиеся в конце XV в. в провинции объединённого государства, сохранили особенности своего исторического развития; поэтому и положение крестьян отдельных районов страны было различным.

В Арагоне сохранилось крепостное право. Феодалы по-прежнему обладали полной властью над личностью крестьянина: крестьянин должен был испрашивать согласия господина на брак, мог быть лишён имущества, посажен без суда в тюрьму; более того, некоторые гранды пользовались правом убить крестьянина, даже не выслушав его предварительно. Сохранение крепостничества в Арагоне XVI— XVII вв. получило правовую санкцию: в своих сочинениях арагонские юристы, защищавшие интересы феодалов, ссылаясь на римское право, приравнивали крестьян к римским рабам и стремились доказать, что сеньоры могут распоряжаться

жизнью и смертью крестьян. Повинности крестьян Арагона были особенно обременительными: крестьяне платили за выпас скота, за рыбную ловлю, за вступление в права наследства, нередко за помол зерна и выпечку хлеба; феодалы захватывали имущество крестьян, умерших бездетными.

В Каталонии большие крестьянские восстания конца XV в. привели к ликвидации наиболее тяжёлых личных повинностей крестьян («дурных обычаев») и к освобождению крестьян за выкуп. Однако некоторые сеньоры произвольно определяли сумму выкупа или вообще отказывались освобождать крестьян. Поэтому и в последующее время в этом районе сохранились остатки крепостничества.

В Кастилии большинство крестьян издавна было свободным. Лишь сравнительно незначительная прослойка крестьян находилась под судебной властью феодалов; эти крестьяне несли многочисленные повинности (на стрижку коз и овец, на движимое имущество и пр.). Свободные крестьяне — держатели земли феодала платили ему определённый, установленный обычаем чинш; они имели право оставить свой земельный участок и уйти в другое место. В этот период, когда часть крестьян, как уже указывалось, лишалась земли, постепенно росла прослойка безземельных батраков — пеонов, зачастую вынужденных работать только за кров и пищу. Многие крестьяне вообще покидали деревню и нередко превращались в бездомных нищих или бродяг.

В южных областях Испании весьма тяжёлым было положение морисков, согнанных с лучших земель. Они находились в зависимости от поселившихся здесь испанских феодалов, уплачивали ренту своим сеньорам и высокие налоги государству и церкви.

Крестьянские движения в XVI в.

В XVI в. — в период усиливавшегося обнищания крестьянства — в испанской деревне шла ожесточённая классовая борьба. Упорное сопротивление крестьян притязаниям Месты на крестьянские поля и общинные угодья в некоторой степени сдерживало размах её деятельности, наносившей столь значительный ущерб сельскому хозяйству страны.

Наибольшей остроты социальные противоречия достигли в Арагоне. Крестьяне пытались искать облегчения своей участи в бегстве; иногда уходили целые деревни. Так, в 1539 г. сеньор деревни Фабаро захватил всё движимое и недвижимое имущество крестьян, карая их за то, что они покинули деревню. Крестьяне нередко подавали петиции королю с просьбой включить ту или иную местность в состав коронных земель, надеясь таким образом спастись от произвола сеньоров.

Временами вспыхивали локальные восстания. Наиболее крупным из них было восстание 1585 г. в графстве Ривагорса, расположенном на южном склоне Пиренеев. Восставшие организовали своё войско и избрали вождей. Всё графство оказалось в их руках. К испанским крестьянам присоединились местные мориски. Арагонские кортесы, напуганные большим размахом волнений, издали постановление о том, что каждый, кто осмелится восстать с оружием в руках против своего сеньора, будет подвергнут смертной казни. Лишь после присоединения графства Ривагорсы к землям короны удалось подавить это восстание.

Каталонские крестьяне также поднимали в этот период восстания, основной целью которых была полная ликвидация пережитков крепостничества.

Развитие промышленности в первой половине XVI в.

Конец XV и особенно первая половина XVI в. характеризуются значительным подъёмом ремесленного производства, сосредоточенного в городах и городских округах Испании, и появлением в нём отдельных элементов капиталистического производства в форме рассеянной и централизованной мануфактуры.

Севилья, расцвет которой покоился в первую очередь на её монопольном праве торговли с американскими колониями, являлась крупнейшим центром торговли,

банковского дела и промышленности. В её предместьях производились сукна, мыло, фарфоровые изделия и шёлк, по выработке которого Севилья намного опередила Гранаду. Севилья поддерживала оживлённые торговые сношения не только с областями самой Испании и колониями в Америке, но и с Антверпеном, городами Англии, Южной Франции, Италии и некоторыми портовыми городами Африки.

Наибольших успехов достигло в Испании производство сукон и шёлковых тканей, отличавшихся высоким качеством. В Толедо — одном из крупных промышленных городов — в середине XVI в. выработкой сукон и шёлковых тканей было занято более 50 тыс. ремесленников и наёмных рабочих, в то время как в 1525 г. их насчитывалось всего 10 тыс. человек. Толедо славился также производством оружия и обработкой кож. В Астурии и Бискайе развивалось кораблестроение.

По объёму производства и в особенности по качеству своих тонких сукон одно из первых мест занимала Сеговия. Керамическая промышленность была развита, кроме Севильи, в Малаге, Мурсии, Талавере и других городах. Некоторые города специализировались на какой-либо узкой отрасли промышленности: в Куэнке вырабатывались почти исключительно суконные головные уборы всех цветов, вывозившиеся в Северную Африку, в Оканье изготовлялись перчатки.

Большие предприятия мануфактурного типа имелись в суконной промышленности (так, в некоторых мастерских Сеговии было занято по 200—300 рабочих), в монетном производстве Севильи, Гранады и Бургоса. Рассеянная мануфактура начала развиваться в окрестностях Толедо, Сеговии, Севильи, Куэнки и других городов. По свидетельству современников, в текстильной промышленности Севильи было занято в первой половине XVI в. 130 тыс. человек; в это число входят и прядильщики, большая часть которых жила в сельской местности и работала у себя на дому на скупщиков.

Подъём ремесла и более передовых форм промышленного производства был вызван рядом обстоятельств. Испанские идальго — завоеватели и грабители только что открытого Нового Света — нуждались в продовольствии, одежде и оружии. Колонии в Америке становились богатыми покупателями испанских товаров, причём расплачивались за них золотом и серебром. Таким образом, в Испании происходило накопление капитала, необходимого для организации крупных предприятий.

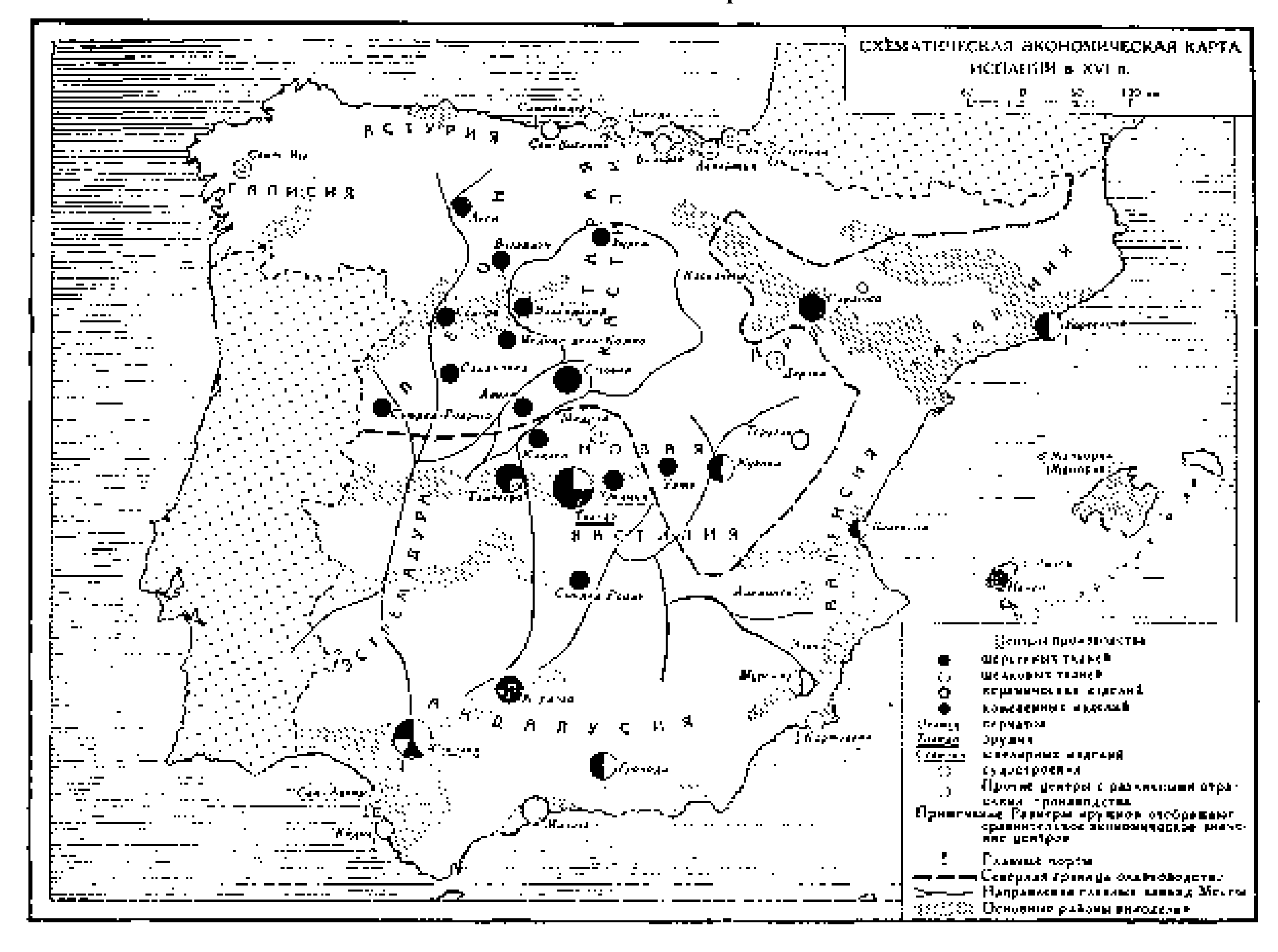
Росту производства благоприятствовало и то, что появилось большое число свободных рабочих рук, так как бегство крестьян из деревни приняло массовые размеры. В некоторых местностях нищих и бродяг насильно превращали в рабочих. В 1551 г. кортесы Кастилии подали характерную петицию: они просили, чтобы в каждом местечке с населением свыше 1 тыс. человек было назначено особое должностное лицо, которое задерживало бы всех бродяг и заставляло их работать в промышленности.

Однако по сравнению с производством передовых стран Европы общие размеры испанской промышленности были довольно скромны. Так, горное дело, несмотря на богатые природные ресурсы, оставалось мало развитым.

Вследствие экономической разобщённости провинций, сохранившейся и после объединения страны, внутренняя торговля получила слабое развитие, хотя в этот период в Испании всё же имелись оживлённые торговые центры — Медина-дель-Кампо, широко известная своими ярмарками, Бургос и др. Экономическую разобщённость консервировали привилегии провинций, чинивших препятствия развитию торговых сношений с соседними областями, привилегии отдельных грандов и городов. На границах Кастилии продолжали функционировать многочисленные таможни.

Импорт Испании даже в начале XVI в. — время её наивысшего экономического расцвета — превышал экспорт, а в последнем преобладало сырьё и сельскохозяйственные продукты: оливковое масло, вина, фрукты, кожи и, прежде всего шерсть, а также металлы. Показательно, что за первую половину XVI в. — период наибольшего развития суконного производства Испании — вывоз из страны шерсти-

Схематическая экономическая карта Испании XVI в.

сырья не только не уменьшился, но даже увеличился: с 1512 по 1557 г. объём экспортируемой шерсти возрос в 3 раза. Железо вывозилось во Францию даже тогда, когда Испания находилась с ней в состоянии войны. Текстильная промышленность Испании не только не завоевала внешнего — европейского — рынка, но и на внутреннем рынке не могла достаточно успешно конкурировать с нидерландскими, английскими и французскими товарами. Испанское дворянство предпочитало покупать ввозные товары, что немало способствовало в дальнейшем упадку испанской промышленности, первые признаки которого появились уже в 30-х годах XVI в. В эти годы кортесы жалуются на плохое качество испанских башмаков и сукна. С середины XVI в. наступает всё более резкое сокращение промышленного производства, связанное с общим хозяйственным упадком Испании.

Правление Карла I. Место Испании в Габсбургской державе

Карл I, король Испании, вступил на престол в 1516 г. — после смерти своего деда по матери Фердинанда Арагонского. После смерти другого его деда — Максимилиана I Габсбурга — он был в 1519 г. избран подкупленными немецкими курфюрстами императором «Священной Римской империи» под именем Карла V. Таким образом, под властью Карла оказались Испания, часть Италии (Южная Италия, Сицилия и Сардиния), Нидерланды, Франш-Конте и империя. Вместе с Испанией к нему перешли только что основанные колонии в Новом Свете, где наиболее важные в экономическом отношении территории были завоёваны в 20—30-х годах XVI в. В ходе войны с Францией испанские войска захватили часть Северной Италии. В 1535 г. в результате военного похода был отнят у турок и превращён в вассальное государство Испании Тунис (вскоре, однако, снова захваченный турками). Современники были близки к истине, когда говорили, что во владениях Карла никогда не заходит солнце. Испания в XVI в. была великой державой и занимала в системе между народных отношений первенствующее положение. Но этой державе, представлявшей собой крайне непрочное объединение владений, разбросанных по всему свету, грозили серьёзные внутренние и внешние опасности.

В Нидерландах Карл принуждён был считаться с весьма значительными вольностями провинций; его финансовые вымогательства вызывали в стране возмущение, которое стало особенно сильным к концу царствования Карла. В Германии князья давно уже перестали повиноваться императорам, а Реформация и Крестьянская война являлись ещё более серьёзной угрозой для императорской власти, чем княжеский сепаратизм. Основные владения Габсбургов в юго-восточном углу Центральной Европы стояли под угрозой турецкого нашествия. Берега Испании сделались объектом постоянных нападений алжирских пиратов. И, наконец, на севере, за Пиренеями, выросла и укрепилась большая Французская монархия, не менее воинственная, чем сама Испания.

Несмотря на всё это, Карл, пользуясь поддержкой всех реакционных сил Европы и в первую очередь папства, неуклонно проводил великодержавную политику и лелеял план создания «всемирной христианской монархии». Он вёл непрерывные войны с Францией, с немецкими князьями протестантского лагеря и пр. Цели создания мировой монархии Карл подчинил свою политику во всех странах, находившихся под его властью, в том числе и в Испании.

Карл, родившийся в Нидерландах и воспитывавшийся там, совершенно не знал испанского языка. Он приехал в 1517 г. в Испанию, окружённый фламандскими советниками, которые заняли важнейшие государственные и церковные должности и вели себя в стране самым вызывающим образом. Эти фавориты Карла немедленно же начали расхищать казну, чем возбудили негодование испанских грандов, считавших ограбление государства своим неотъемлемым правом. Основной целью, которую преследовал Карл в Испании, было извлечение из неё средств для осуществления своих внешнеполитических планов. При этом он проводил абсолютистскую политику и не желал считаться с правами и привилегиями феодалов и городов.

Карл с трудом добился у кортесов своего признания королём Испании; его попытки получить деньги у провинциальных кортесов далеко не везде увенчались успехом. Основные требования, предъявленные кортесами Карлу, были ещё в ноябре 1519 г. сформулированы городом Толедо в его обращении к другим городам Кастилии: король не должен покидать Испанию и раздавать государственные должности иностранцам; он обязан запретить вывоз золотой монеты и лошадей за границу. Но Карл обращал мало внимания на недовольство городов. После того как в 1519 г. состоялось его избрание императором, он, добившись ценой ряда уступок и обещаний новой субсидии у кортесов Кастилии, уехал в мае 1520 г. в Германию. Карл сразу же нарушил эти обещания, оставив наместником короля иностранца — своего фаворита кардинала Адриана Утрехтского. Это послужило непосредственным толчком к восстанию городских коммун Кастилии — так называемому восстанию комунерос.

Восстание комунерос

После объединения Кастилии и Арагона королевской власти, опиравшейся на многочисленных идальго и на города, удалось смирить старую буйную знать, которая пошла на службу к королям.

Однако настоящей централизации всё же не было достигнуто. Провинции, являвшиеся ранее самостоятельными государствами, сохраняли определённую автономию, свои налоговые системы, свои особенности административного и судебного устройства. В Кастилии, Арагоне, Каталонии и Валенсии продолжали функционировать кортесы, состоявшие из представителей дворянства, духовенства и городов. Кортесы решали важнейшие местные дела и вотировали налоги. Испанские гранды сохраняли во многих районах, в особенности в Арагоне, судебную власть над населением принадлежащей им территории. Их судебная и административная власть распространялась даже на некоторые города. Это было основой для сепаратистских притязаний феодальной знати и служило почвой для столкновений знати с городами, которые обычно поддерживали королевскую власть в её централизаторской политике.

Впрочем, эта поддержка городами политики, направленной к централизации страны, не была безусловной: она длилась до тех пор, пока королевская власть не затрагивала самоуправления и вольностей самих городов. Несмотря на торговое и промышленное развитие, города во многом ещё сохраняли свой средневековый облик — как в отношении политического устройства, так и в отношении их экономической жизни. Власть в них находилась в руках олигархической верхушки, состоявшей преимущественно из представителей знати и крупного купечества, а отчасти и богатых цеховых мастеров.

Наибольшее число вольных городов-коммун сохранилось в Кастилии. Поэтому в первой половине XVI в., когда наступил последний этап в истории централизации страны (ликвидация городских вольностей) и королевская власть приступила к подчинению своего бывшего союзника — городов, самое мощное восстание подняли именно города Кастилии. До этого времени они играли важную роль в кастильских кортесах, с требованиями которых Карл считался мало. Города Испании в значительной мере несли на себе тяжесть расходов великодержавной политики Карла, что тормозило их экономическое развитие.

В движении приняли участие гранды, воспользовавшиеся брожением в городах для того, чтобы попытаться восстановить былое могущество, сломленное королевским абсолютизмом. Мелкое и среднее дворянство, также сохранившее в известной мере стремление к независимости и недовольное засильем иностранцев в Испании, вначале поддержало города.

Организующим центром движения стал город Толедо, в котором восстание вспыхнуло раньше всего — уже в апреле 1520 г. Толеданцами были вожди движения — аристократы Хуан де Падилья и Педро Ласо де ла Вега. Вскоре, в мае — июне, поднялись Сеговия, Тордесильяс, Самора, Бургос, Мадрид, Авила, Гвадалахара, Куэнка, Саламанка, Торо, Мурсия и другие города. Попытки кардинала-наместни-

ка потушить пожар, грозивший охватить всю страну, были безуспешными. Толедо рассылал повсюду письма с предложением организовать конфедерацию городов, центром которой был намечен город Авила. 29 июля 1520 г. представители собравшихся здесь городов провозгласили «Святую хунту» («Святой союз»), поклявшись не щадить своей жизни «за короля и коммуны».

Социальный состав участников движения на этом первом этапе был пёстрым: к восстанию примкнули гранды, дворяне, богатые горожане, но подавляющее большинство принадлежало ремесленникам и плебсу городов, которые более всего страдали от усилившегося налогового гнёта. Во многих городах вождями движения стали ремесленники: в Гвадалахаре во главе восставших встал плотник, в Бургосе — оружейник, шляпник и ножовщик, в Авиле — ткач, в Саламанке — стригальщик шерсти и золотых дел мастер, представителем Саморы в хунте был ткач, позднее представителем Вальядолида — шорник и т. д.

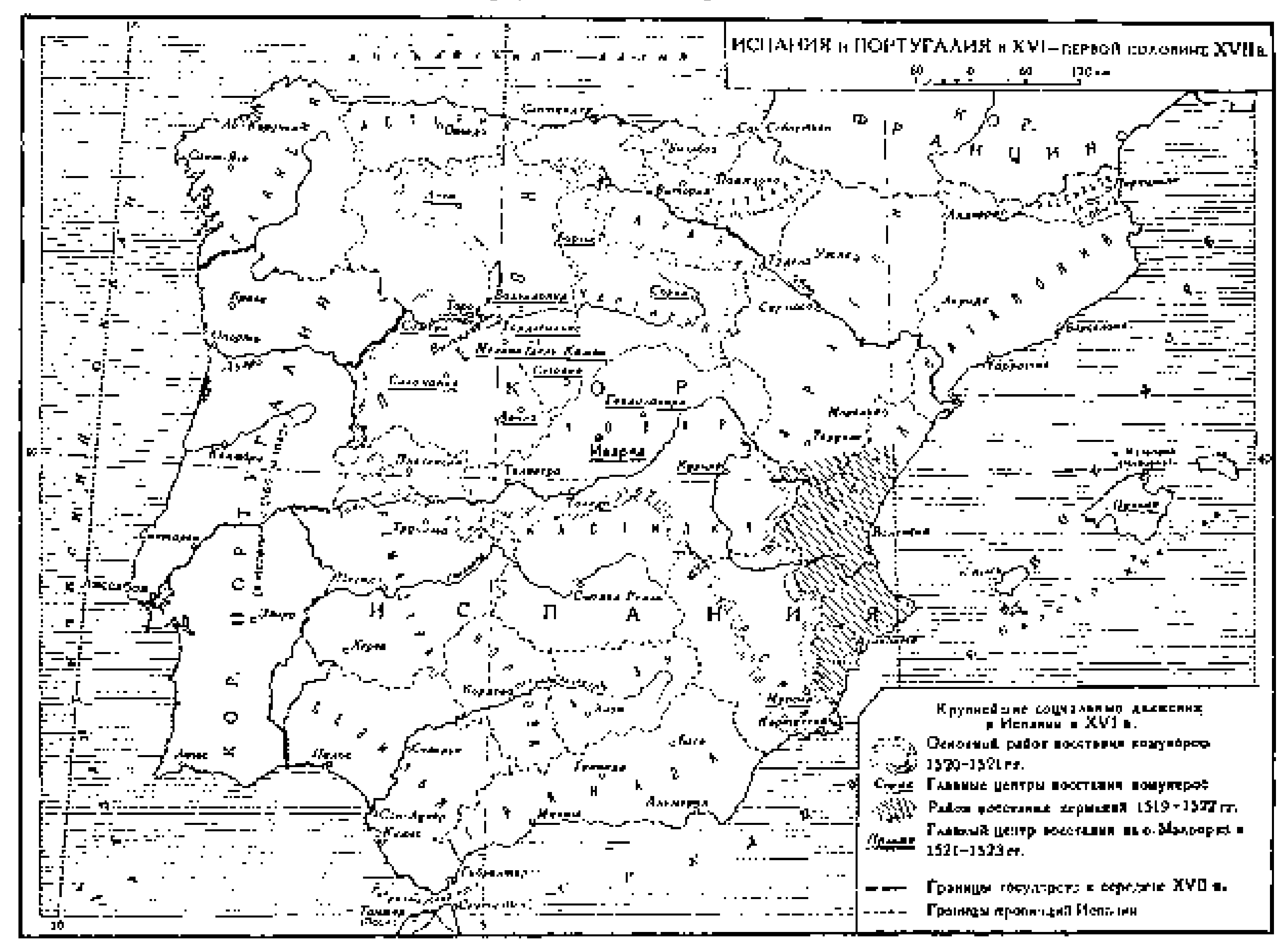
Восставшим не хватало организованности: только часть поднявшихся городов послала своих представителей в Авилу, города не забывали своих старых распрей. Однако вскоре произошло событие, послужившее толчком к дальнейшему развёртыванию движения: в августе королевские войска устроили страшный погром одного из главных экономических центров страны — Медины-дель-Кампо, которая отказалась передать представителю короля находившуюся в ней артиллерию. Во время погрома было сожжено более 450 зданий; в огне погибло огромное количество ценных товаров, которыми город снабжал всю Испанию. Известие об этом погроме побудило почти все города Кастилии присоединиться к хунте, «поскольку, — как замечает хронист, — неоднократные призывы хунты к желанной свободе, уничтожению несправедливых налогов и дурного правления были весьма убедительны». Восстание охватило и резиденцию правительства — Вальядолид. Хунта провозгласила Хуана де Падилью главнокомандующим её войсками. Кардинал-наместник был объявлен низложенным, хунта полностью овладела властью в Кастилии, и каждый город должен был принимать её постановления как закон.

Но союз дворянства и городов оказался временным и непрочным, да он и не мог быть иным. Антагонизм между ними выступил наружу уже в программе восставших, которая излагалась в петиции, посланной в октябре 1520 г. Карлу. Города, как и раньше, желали, чтобы король жил в Испании, а на высшие государственные должности назначались только испанцы. Они настаивали на обязательном созыве кортесов каждые три года и на полной независимости депутатов кортесов от королевской власти, а также на прекращении вывоза золота и серебра за границу, запрещении продажи должностей и контроле над чиновниками. Но города включили также в петицию требования, прямо направленные против аристократии и дворянства: королевские земли, отчуждённые и расхищенные аристократией после смерти Изабеллы, следует возвратить казне; необходимо упразднить свободу дворян от уплаты налогов: отныне они должны быть обложены налогами наравне со всеми жителями страны; кроме того, города требовали, чтобы гранды и кабальерос (дворяне) были лишены права занимать должности по городскому управлению.

Дворянство, на привилегии которого посягнули горожане, начало отходить от движения, и король воспользовался этим. Он назначил двух новых членов регентства из числа наиболее влиятельных представителей знати. От имени короля они обещали дворянам некоторые уступки. Им удалось также, использовав вражду между Толедо и Бургосом, склонить Бургос к переходу на сторону короля.

Между тем выступления ремесленных и плебейских масс городов приобретали всё более широкий размах и способствовали тому, что движение в целом приняло на этом этапе отчётливо выраженный антифеодальный характер. Горожане заявляли, что привилегии, огромные поместья и роскошь грандов приводят к обеднению королевства, в то время как города являются источником силы и могущества Испа-

Испания и Португалия в XVI первой половине XVII в.

нии. Часть городов вышла из состава колеблющейся и склонной к компромиссу «Святой хунты». В ноябре 1520 г. в Вальядолиде образовалась новая хунта — «Хунта отрядов», представлявшая наиболее радикально настроенную часть восставших. В противовес «Святой хунте» она считала себя высшей властью в Кастилии. Весной 1521 г. она издала манифест, в котором провозглашалось, что «отныне война против грандов, кабальерос и других врагов королевства, против их имущества и дворцов должна вестись огнём, мечом и разрушением». Начались выступления крестьян. «Хунта отрядов» принудила «Святую хунту» отказаться от поисков путей примирения с королём и начать подготовку к решающему вооружённому столкновению.

Испанские солдаты.
Гравюра XVI в.

Противоречия в лагере восставших, нерешительная позиция богатых горожан, представленных в «Святой хунте», измена большей части грандов и дворян (среди предавших восстание был и один из его вождей — Педро Ласо де ла Вега) ослабляли восстание. 23 апреля 1521 г. плохо организованные и разнородные по своему социальному составу войска «Святой хунты» потерпели полное поражение около деревни Вильялар. Падилья и другие вожди хунты были взяты в плен и казнены. Города Кастилии прекратили сопротивление, за исключением Толедо, стойко оборонявшегося под руководством вдовы Падильи — Марии Пачеко от натиска правительственных войск. Лишь через шесть месяцев Мария Пачеко, видя безнадёжность своего положения, вступила в переговоры с правительством и вскоре, опасаясь ареста, бежала в Португалию. Когда Карл в июле 1522 г. вернулся в Испанию с 4 тыс. немецких ландскнехтов, восстание было уже в основном ликвидировано. Вскоре он даровал амнистию участникам восстания, за исключением 293 наиболее видных его представителей. Так закончилось восстание вольных городов Кастилии.

Непреодолённый сепаратизм провинций послужил причиной того, что восстание ограничилось территорией Кастилии. Оно почти не затронуло юга страны: Кордова, Севилья, Гранада и другие крупные города юга остались в стороне от движения. Арагон и Каталония также не примкнули к нему. Валенсия была ареной самостоятельного восстания, хотя и имелись попытки установить связь с движением комунерос. В самой Кастилии соперничество между городами явилось одним из источников раздоров в лагере восставших, «...однако главную услугу Карлу оказал резкий антагонизм классов — дворянства и горожан, помогший ему унизить тех и других» [1]. Сами зажиточные горожане проявили на первых порах — пока выступления городских низов не придали движению иной, более радикальный характер — стремление добиться победы по возможности путём соглашения с Карлом. Вследствие отсталости испанских городов в них только начала зарождаться буржуазия, которая более выигрывает от сплочения страны, чем проигрывает от потери своих средне-

[1] *К. Маркс,* Испанская революция, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. X, стр. 720.

вековых вольностей и привилегий. Кастильские коммуны, до определённой степени поддерживая центральную власть, всё же предпочитали сохранить свои вольности, вернуться, как они заявляли, к «добрым обычаям времён Фердинанда и Изабеллы». Цеховое бюргерство, несмотря на рознь, существовавшую между бюргерством и дворянством, не решилось возглавить антифеодальные выступления народных масс города и деревни, которые составили вторую, наиболее мощную струю восстания комунерос. Движение разорившихся городских ремесленников, плебейских масс и крестьян потерпело поражение. Бюргерство дорогой ценой заплатило за свою непоследовательность. «Коммуны Кастилии подняли восстание,— пишет один из современников,— но удачное начало завершилось дурным концом, и могущество короля, которое они пытались ослабить, ещё более усилилось». Утратив возможность сопротивляться абсолютистской политике королей, города оказались объектом всё более жестоких финансовых вымогательств. Испания стала орудием политики, подрывавшей устои её собственной экономики.

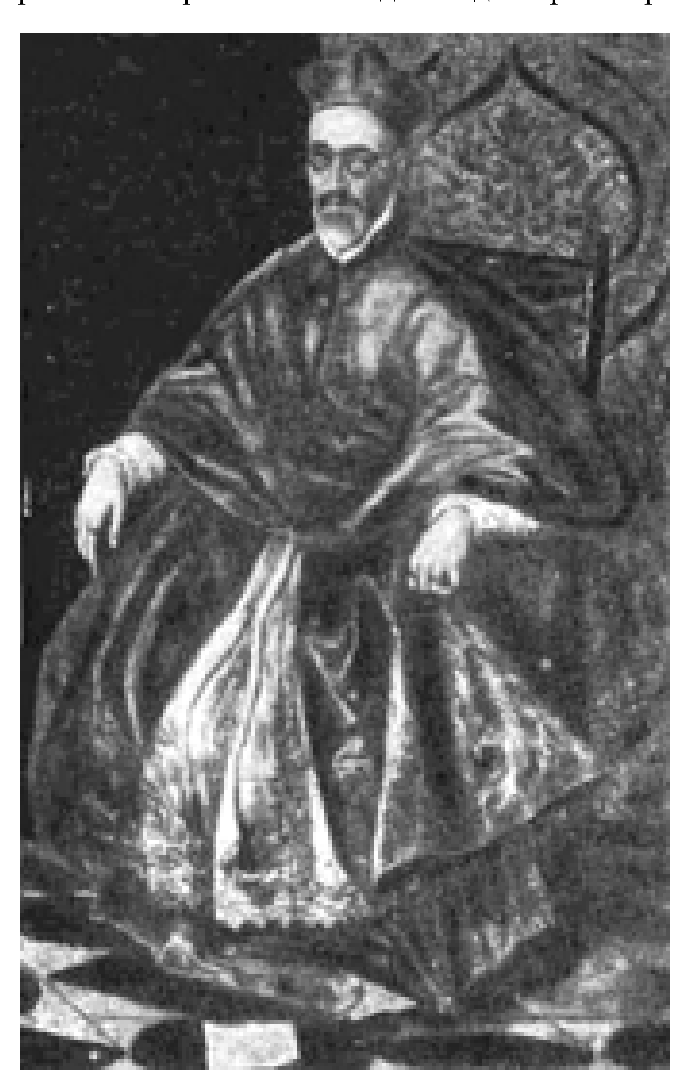
Восстания в Валенсии и на острове Мальорка

Недовольство городов политикой Карла приняло столь острые формы не только в Кастилии. Почти одновременно с восстанием городских коммун Кастилии вспыхнули связанные между собою восстания в Валенсии и на острове Мальорка.

В городе Валенсии ремесленники были полностью отстранены от участия в городском управлении, сосредоточенном в руках дворянства и патрициата. В 1519 г. в городе вспыхнула чума, и большинство дворян и богатых горожан покинуло город. Вскоре разнёсся слух о предстоящем набеге алжирских пиратов; члены 40—50 цехов Валенсии начали вооружаться, чтобы дать отпор предполагаемому нападению. Нападения не произошло, но ремесленники тем не менее отказались выполнить требование правителя провинции о разоружении и создали свою организацию — «Херманию» («Братство»). Эта организация направила Карлу петицию, в которой она жаловалась, что знать третирует ремесленников как рабов, и просила подтвердить право ремесленников носить оружие, узаконить их организацию и предоставить им право посылать своих представителей в городское самоуправление. «Хермания» избрала свой руководящий орган — хунту из 13 человек, в состав которой вошли главным образом ремесленники — ткач Гильен Соролья и др. Город фактически оказался в руках восставших. К нему присоединились другие города провинции Валенсии, а также часть крестьян этой области. Восставшие призывали к истреблению дворян и конфискации их имущества; в самом городе Валенсии были разгромлены дома знати. Всё это вызвало раскол среди руководителей движения. Некоторые члены хунты, представлявшие интересы «тех, которым было что терять» (по выражению одного из современников), вступили в переговоры с вице-королём Валенсии, но эти переговоры не увенчались успехом. Между тем шли бои между войсками «Хермании», которыми командовал торговец сукном Висенте Перис, и отрядами дворян. На юге отряды «Хермании» одержали ряд побед. Только в 1522 г. восстание было в основном подавлено. Перис сделал попытку, вернувшись в город Валенсию, вновь организовать сопротивление народных масс и укрепил баррикадами несколько улиц. Дворяне и умеренно настроенные горожане, открыто предав восстание, выступили с оружием в руках против Периса и разгромили его отряд. Сам Перис погиб в бою. Началась расправа с восставшими. Соролья и другие вожди движения «Хермании» были казнены.

Восстание на острове Мальорка вспыхнуло под влиянием волнений в Валенсии. В феврале 1521 г. поднялись как ремесленники и плебейские низы городов, так и крестьяне. Весь остров был охвачен восстанием, за исключением Алькудии, куда бежали дворяне, богатые горожане и должностные лица острова. Зимой 1521/22 г. повстанцы предприняли осаду Алькудии, но взять город не смогли. В эти зимние месяцы борьба со знатью и богатыми горожанами достигла своего кульмина-

ционного пункта; народные массы выдвинули требования поголовного избиения богачей и раздела их имущества. Они штурмовали дворянские замки, убивали дворян, нападали на дома знати, купцов и судейских чиновников. В октябре 1522 г. на остров были посланы 4 галеры и 800 королевских солдат. К декабрю остров был в основном покорён. Многочисленные крестьяне, участвовавшие в восстании, укрылись в главном городе Балеарских островов — Пальме. С 1 декабря началась её осада королевскими войсками. В городе свирепствовали голод и чума, многие из его защитников погибли. В марте 1523 г. Пальма капитулировала. До конца года длилась расправа с участниками восстания, сотни человек были казнены.

Кардинал-инквизитор Фернандо Ниньо де Гуевара.
Портрет работы Эль Греко. 1600—1601 гг.

Восстание на острове Мальорка носило наиболее отчётливо выраженный антифеодальный характер: не только ремесленники и городская беднота, но и крестьяне приняли в нём активное участие, а дворяне, чиновники и богатые горожане с самого начала объединили свои силы для борьбы с грозным народным движением.

После подавления восстаний 20-х годов упрочившийся абсолютистский режим более не встречал серьёзного сопротивления. Идальго, перешедшие в ходе кастильского восстания на сторону королевской власти, извлекли выгоду из её победы: они постепенно овладели городским самоуправлением. Представителями городов в кортесах теперь также были большей частью дворяне, которые в общем поддерживали политику Карла, хотя иногда и отказывали ему в слишком частых и крупных субсидиях. Что же касается грандов, то после их отказа в 1538—1539 гг. вотировать новый налог, они были лишены права являться на заседания кортесов. Политическая роль грандов, дворянства и городов была сведена на нет. Правда, как показала история Испании второй половины XVI и XVII в., успехи абсолютизма отнюдь не свидетельствовали об экономической и политической консолидации страны. Однако при Карле, как пишет Маркс, «...прах древних вольностей покоился по крайней мере в пышной гробнице. То было время, когда Васко-Нуньес Бальбоа водрузил знамя Кастилии на берегах Дариена, Кортес — в Мексике, Писарро — в Перу; то было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдорадо, рыцарских подвигов и всемирной монархии. Свобода Испании исчезала... но вокруг лились потоки золота, звенели мечи, и зловеще горело зарево костров инквизиции» [1].

[1] *К. Маркс,* Испанская революция, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. X, стр. 721.

2. Начало упадка Испании

Внутренняя и внешняя политика Филиппа II

В 1556 г. Карл, потерпевший поражение в борьбе с немецкими протестантскими князьями и убедившийся в провале своих фантастических планов создания мировой империи, отрёкся от императорского и в том же году — от испанского престола. Карл разделил свои владения: империя досталась его брату Фердинанду; королём Испании стал его сын Филипп II (1556—1598), унаследовавший также Франш-Конте и Нидерланды, испанские владения в Италии и в Америке.

Отречение Карла V и распад его монархии не означали отказа Габсбургов от использования католической церкви в качестве орудия своей политики. Наступил один из самых мрачных периодов испанской истории, когда с особой силой проявились все худшие стороны сложившегося в Испании режима Филипп фанатически преследовал одну цель — торжество католицизма и беспощадное истребление еретиков. Он стремился добиться неограниченного господства над подданными своих обширных владений. В стране царил режим террора. Страшным орудием абсолютизма стала испанская инквизиция, превратившаяся по существу в часть государственного аппарата. Подчиняясь только королю, она пользовалась почти неограниченной властью. Инквизиционные трибуналы расправились с протестантами, которые в небольшом количестве имелись в Испании. Жестоким преследованиям инквизиции подвергались мориски. Им запрещалось носить старинные костюмы, говорить, читать и писать по-арабски. Вся жизнь морисков находилась под неусыпным наблюдением инквизиторов, которые нередко обвиняли их в несоблюдении католических обрядов и карали за это. В 1568 г. мориски Андалусии подняли восстание, которое было подавлено только в 1571 г., причём мужчин поголовно истребляли, а женщин и детей тысячами продавали в рабство.

Зачастую инквизиция обвиняла в ереси политических противников абсолютизма, что давало удобный предлог для расправы с ними. За время царствования Филиппа в Испании было устроено во славу католической церкви более 100 аутодафе; во время некоторых из них на кострах сжигали по 80—90 человек. Разветвлённая система шпионажа охватывала всю страну. Ложные доносы и стремление инквизиции обогатиться за счёт имущества казнённых увеличивали число её жертв.

Филипп II перенёс столицу из Толедо в Мадрид и почти постоянно находился в своём мрачном дворце, построенном около Мадрида, — Эскориале. Стремясь сосредоточить в своих руках всё управление страной, он вмешивался в работу государственных органов и единолично решал все, даже незначительные, вопросы. Чрезвычайно разросшийся бюрократический аппарат требовал на своё содержание колоссальных средств, а в делах управления царил хаос.

Воспользовавшись тем, что во время военной экспедиции в Северную Африку погиб португальский король, не оставивший прямых наследников, Филипп добился в 1581 г. присоединения Португалии и её огромных колониальных владений к Испании. На время Пиренейский полуостров превратился в единое государство.

Проводившаяся Филиппом централизаторская политика вызвала в 1591 г. восстание горожан и дворян Сарагосы, защищавших вольности Арагона, который всё ещё сохранял значительную степень самостоятельности. Филипп впервые ввёл на территорию Арагона кастильские войска и жестоко расправился с восставшими, истребив все оппозиционно настроенные группировки среди дворянства и жителей Сарагосы. Он установил и в этой провинции свою неограниченную власть.

Продолжая политику своего отца, Филипп возглавил европейскую католическую реакцию: он мечтал подчинить при помощи испанских солдат и инквизиции все государства Европы своей власти или влиянию и искоренить в них еретиков — будь то французские гугеноты, нидерландские кальвинисты или анабаптисты, немецкие протестанты или сторонники англиканской церкви. Но попытка утвердить

гегемонию феодальной Испании в период образования и усиления национальных государств была обречена на неудачу. В 60-х годах XVI в. против испанского абсолютизма восстали Нидерланды, и в результате длительной и ожесточённой борьбы, дорого стоившей Испании, она потеряла богатые северные Нидерланды.

Филипп II.
Портрет работы Тициана. 1550—1553 гг.

Позорным поражением окончилась и борьба Филиппа II с Англией — главной соперницей Испании на морях. Заговоры шотландской королевы Марии Стюарт, поддерживаемые Филиппом, были раскрыты. Громадный испанский флот, посланный к берегам Англии и заранее названный «Непобедимой армадой», был полностью разгромлен в августе 1588 г. небольшим, но отличным по своим мореходным и боевым качествам английским флотом. Часть кораблей армады погибла на обратном пути во время бури. Из 130 кораблей уцелела лишь половина. Морскому могуществу Испании был нанесён смертельный удар.

Вскоре Филипп вмешался в гражданскую войну во Франции, послав войска для борьбы с гугенотами в Нормандию, Бретань, Лангедок и другие районы. В 1591 г. в Париж был введён постоянный испанский гарнизон. Филипп рассчитывал выдать свою дочь замуж за того или иного претендента на королевский престол и сделать её королевой Франции. Но после вступления в Париж в 1594 г. вождя гугенотов и врага Испании Генриха IV Наваррского испанским войскам пришлось покинуть столицу Франции. Война продолжалась ещё несколько лет и закончилась миром, выгодным для Франции (1598 г.). Планы Филиппа вновь потерпели крушение.

Филипп продолжал вести борьбу с турками. В 1560 г. он направил флот к берегам Северной Африки для того, чтобы вернуть Испании незадолго до этого утраченный Триполи и, укрепившись там, помешать туркам проникнуть в Западное Средиземноморье. Но быстро подоспевший турецкий флот наголову разбил испанскую армаду. Правда, в 1571 г. произошло крупное морское сражение в заливе Лепанто, и в этой битве турецкий флот, фактически представлявший собой все морские силы Османской империи, был полностью разбит. Часть кораблей была уничтожена, а остальные взяты в плен испано-венецианской флотилией, которой командовал дон Хуан Австрийский (побочный сын Карла I). Господство турок и

североафриканских пиратов в Средиземном море было на время подорвано. Однако Филиппу не удалось в достаточной мере использовать результаты этой победы, а последовавшие вскоре неудачи в борьбе с европейскими государствами и с восставшими Нидерландами подорвали международный престиж Испании

Инквизиция в Испании.
Голландский офорт 1560 г.

Авантюристическая политика Филиппа поглощала огромные средства, извлекаемые из Испании, и тяжелым бременем ложилась на истощенную страну. Время правления Филиппа II стало временем быстрого экономического упадка Испании.

Экономический упадок Испании

Сокращение промышленного производства, начавшееся около середины XVI в., завершилось к концу XVI — началу XVII в. глубоким упадком промышленности. В Толедо закрылась большая часть шерстоткацких и шелкоткацких мастерских. В Гранаде почти полностью прекратилось производство шелка, а в Сарагосе — сукон. В Куэнке уцелели 3—4 мастерские сукон Сеговия продолжала вырабатывать в небольшом объеме лишь грубые сукна, тонкие сукна стали теперь ввозиться только из других стран. Только в Севилье — центре торговли с колониями — в начале XVII в. еще работало 3 тыс. шелкоткацких станков. В Кордове и других городах Андалусии полностью захирело кожевенное производство.

Сокрушительным ударом по торговле явилось увеличение в 1575 г алькабалы[1] в 3 раза по сравнению с 1561 г. и одновременное повышение других налогов. Несмотря на приток драгоценных металлов из Америки, в торговом обороте остро

[1] Алькабала — налог, взимаемый, начиная с правления Фердинанда, в размере 10% стоимости при продаже почти всех товаров. Правительство заранее определяло, какую сумму должна платить в качестве алькабалы каждая из провинций королевства.

ощущался их недостаток, а в первой половине XVII в. вследствие чеканки всё более обесцененной монеты золото и серебро вообще исчезли из обращения. Поскольку в обращении осталась лишь медь, за восковую свечу, например, приходилось платить такое количество медных монет, что вес их в 3 раза превышал вес свечи.

Катастрофический упадок переживало сельское хозяйство. Напуганные этим кортесы неоднократно просили Филиппа оградить крестьян от притеснений, чинимых судьями Месты, а также издать закон, разрешающий брать у задолжавших крестьян в залог рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь лишь в том случае, если крестьяне более ничего не имеют. Эти петиции сами по себе наглядно свидетельствуют о положении крестьян. Во второй половине XVI в. резко возросли как налоговое бремя, тяготевшее над крестьянами, так и их задолженность ростовщикам. В начале XVII в. в Испании почти не осталось тутовых деревьев, и даже оливковые рощи стали давать скудный урожай, не говоря уже о зерне. Крестьяне массами уходили из деревни, некоторые деревни вообще исчезли с лица земли. Один из современников с горечью писал: «Иностранцы, проходящие по плодородной испанской местности, видят поля, покрытые крапивой и чертополохом, брошенные земледельцами, так как большинство испанцев превратилось в настоящих бездельников — одни в бездельников-дворян, другие — в бездельников-нищих».

Сущность тех изменений, которые столь пагубно повлияли на экономику Испании, заключалась в следующем. Вздорожание сырья, сельскохозяйственных продуктов и товаров, связанное с «революцией цен» XVI в., нигде не сказалось с такой силой, как в Испании, через которую шёл главный поток дешёвых драгоценных металлов из Америки. Вследствие этого ткани, изготовленные из испанской шерсти в Нидерландах, стоили дешевле, чем ткани, произведённые в самой Испании. «Революция цен» началась в Испании в 40-х годах XVI в. К середине XVI в. цены выросли примерно в 2 раза, а к концу столетия — в 4 раза. На рубеже XVI и XVII вв. цены стабилизировались.

Дорогие испанские товары, к тому же уступавшие по качеству товарам стран с более развитой промышленностью, не могли выдержать конкуренции этих иностранных товаров. Они начали терять рынок сбыта не только в других европейских странах (этот рынок сбыта для испанских товаров с самого начала был небольшим), но и в испанских колониях и даже, как указывалось выше, в самой Испании. Испанские купцы и предприниматели стали изымать свои капиталы из промышленности, предпочитая везти в колонии иностранные изделия. Но главный поток иностранных товаров попадал в колонии контрабандным путём — товары доставлялись на французских, английских и голландских кораблях. Гибель промышленности была ускорена тем, что государство не оказывало ей покровительства и материальной поддержки в форме субсидий и авансов. Монархия в Испании выражала интересы дворянства, которое получало дополнительный доход от серебряных рудников и золотых россыпей Америки и от ограбления населения тех стран, где испанцы господствовали или где испанские войска сражались с армиями других европейских государств. Поэтому оно было значительно менее заинтересовано в хозяйственном развитии своей страны, чем дворянство английское, которое начало само обуржуазиваться, или дворянство французское, у которого не было иных ресурсов обогащения, кроме феодальной ренты со своих крестьян и налогов на торговлю и промышленность. К тому же Карл I и Филипп II вели на полях Европы постоянные войны, которые ни в коей мере не диктовались интересами испанской экономики, и тратили на свои завоевательные походы огромные суммы, собранные в Испании, и американские сокровища.

Таким образом, политика королевской власти шла вразрез с интересами хозяйственного развития страны, а порой прямо подрывала это развитие. Для того чтобы стимулировать рост шерстяной промышленности, следовало запретить вывоз шерсти-сырья и тем самым искусственно понизить цены на сырьё. Но феодальное

государство не могло этого сделать, так как стада овец принадлежали испанской аристократии, отнюдь не склонной жертвовать своими доходами в пользу буржуазии. Не имея возможности погасить свою задолженность Фуггерам — крупнейшей торгово-ростовщической компании XVI в., Карл предоставил им в аренду половину колоссальных земельных владений испанских духовно-рыцарских орденов. Торговля хлебом почти на четверть оказалась в руках Фуггеров, что привело к резкому повышению цен на хлеб. На полученных ими землях находились крупнейшие в Европе ртутные и цинковые предприятия; таким образом, добыча ртути и цинка также сосредоточилась в руках этой компании. Финансовые дела правительства попали под контроль итальянских и немецких банкиров — кредиторов Карла. Они получили право торговли с Америкой.

В фискальных целях Карл даже поощрял ввоз иностранных товаров и вывоз сырья. Таможенный тариф 1546 г. настолько затруднял ввоз шёлка-сырца из Гранады в Кастилию и облегчал его вывоз в другие государства, что, например, генуэзские купцы могли купить его дешевле, чем сами испанцы. Испания была наводнена иностранными купцами и превратилась, как заявляли кортесы, в «Индию для иностранцев». Филипп II впервые запретил ввоз иностранных сукон, но правительство охотно давало за плату особые разрешения на их ввоз. В этот период возросла зависимость испанской экономики от западноевропейских купцов и банкиров. Американское золото уплывало за границу для уплаты процентов генуэзским и немецким банкирам по огромным займам короля. Неоднократно объявляемые банкротства Филиппа вносили ещё большее расстройство в хозяйственную жизнь страны. Налоговое бремя разрушало основы испанской экономики.

Следовательно, хозяйственный упадок был тесно связан с особенностями испанской абсолютной монархии, которая не сыграла, подобно другим абсолютным монархиям, прогрессивной роли. «...в других крупных государствах Европы,— писал Маркс, — абсолютная монархия выступает в качестве цивилизующего центра, в качестве основоположника национального единства... Напротив, в Испании аристократия приходила в упадок, не потеряв своих самых вредных привилегий, а города утратили свою средневековую мощь, не получив современного значения» [1].

Испания в первой половине XVII в.

По мере свёртывания промышленности и торговли усиливалась разобщённость страны и всё более ярко выступали местные особенности в законах, обычаях, налоговых системах и пр. Абсолютная монархия в Испании сохранила только внешнее сходство с самодержавными государствами остальной Европы. «Испания, подобно Турции, осталась скоплением дурно управляемых республик с номинальным сувереном во главе» [2].

В XVII в. от былого величия и могущества Испании не осталось и следа. Время царствования Филиппа III (1598—1621) было следующим этапом на пути ослабления и упадка Испанской монархии. Филипп III избегал заниматься государственными делами. Страна попала под управление королевского фаворита Лермы и его приспешников, которые смотрели на казну, как на свою собственность. Разорившиеся идальго, презрительно относившиеся к труду, отправлялись ко двору, отличавшемуся необычайной пышностью, вступали в ряды духовенства, чиновничества или армии. Чиновники, число которых невероятно разрослось, присваивали себе путём хищений львиную долю доходов государства. В начале XVII в. было построено огромное количество монастырей, духовенство владело почти четвёртой частью всей территории Испании. Несметные богатства сосредоточились в руках грандов. Наряду с этим Испанию наводняли бродяги, число которых к 1608 г. достигло 150 тыс., и профессиональные нищие. Подобно тому как тяжёлые таможенные

---

[1] *К. Маркс,* Испанская революция, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. X, стр. 721.
[2] Там же, стр. 722.

пошлины задушили торговлю, так и невыносимые налоги погубили в это время остатки промышленности. К этим годам относится и изгнание из Испании морисков, которым в предшествовавшую эпоху главным образом обязаны были своим расцветом шёлковая промышленность и агрикультура южных областей.

Уступая настояниям алчного духовенства, пользовавшегося огромным влиянием на государственные дела, правительство согласилось на домогательства архиепископа Валенсии, требовавшего изгнания морисков в интересах торжества католицизма. Путём их ограбления правительство надеялось заполнить пустовавшую казну.

В сентябре 1609 г. был издан эдикт, согласно которому все мориски Валенсии были обязаны немедленно покинуть Испанию и переселиться в Северную Африку. Исключение составляли только шесть «самых старых и наиболее верных христианству» морисков в каждой большой деревне, которых оставляли, чтобы научить местное население практикуемой ими системе земледелия. Изгнанным морискам запрещалось брать с собой деньги и своё имущество, за исключением того, что они могли унести на собственных плечах. По дороге мориски подвергались грабежам и теряли то немногое, что им удалось захватить с собой, Только небольшая часть морисков оказала сопротивление, бежала в горы и избрала своего короля. После ряда жестоких боёв, в которых погибло несколько тысяч морисков, их сопротивлению был положен конец. Вскоре были изданы эдикты об изгнании морисков из Кастилии, Эстремадуры, Гранады, Андалусии, Арагона, Каталонии и, наконец, Мурсии. В общей сложности из Испании было изгнано около 500 тыс. человек, что ещё больше углубило упадок страны.

Общие тенденции внутренней и внешней политики остались неизменными и при Филиппе IV (1621—1665). Власть находилась в руках фаворита нового короля — Оливареса. Он сделал запоздалую попытку ввести протекционистскую политику, ограничив ввоз промышленных товаров в страну, но в условиях обветшавшего феодального режима это не могло спасти промышленность, да и сам Оливарес отнюдь не был озабочен судьбами испанской экономики. Подобно Лерме, он прежде всего стремился выжать из разорённой страны максимальное количество денег. Тем не менее казна всегда пустовала и государственный долг всё более возрастал. В это время замирает последний уцелевший промышленный и торговый центр Испании — Севилья; в ней остаётся всего лишь 60 шёлкоткацких станков. За вторую половину XVI и первую половину XVII в. население страны резко сократилось вследствие эпидемий и голодовок, эмиграции в колонии, изгнания морисков и длительных войн в Европе.

Народные движения в XVII в. Восстание в Каталонии

В первой половине XVII в. в Испании происходили мощные народные движения, вызванные крайне тяжёлым положением народных масс и реакционной политикой испанской абсолютной монархии. В 1632 г. вспыхнули волнения в Бискайе; поводом к ним явилась попытка центрального правительства ввести в провинции соляную монополию, что привело бы к повышению цены на соль. В главном городе провинции — Бильбао — сразу же активно выступили плебейские массы, которые начали громить дома богачей и выдвинули лозунг социального равенства. Волнения приняли такой размах, что правительству пришлось пойти на уступки и отказаться от введения соляной монополии. Вожди восставших были казнены.

В Каталонии борьба крестьян с феодальным гнётом приняла столь грозный характер, что сеньоры создавали постоянные вооружённые отряды, стремясь держать в страхе деревни. В 1620—1621 гг. крестьяне Ла Висбалы с оружием в руках выступили против сеньоров — епископов херонских, отказывавших им в выкупе повинностей, связанных с крепостной зависимостью. Вскоре в Каталонии началось крупное восстание, в котором крестьяне выступили совместно с плебсом городов.

Каталонское восстание приняло форму сепаратистского движения, так как одной из его причин была деспотическая политика испанского абсолютизма, стремившегося уничтожить уцелевшие в этой провинции местные вольности и обычаи. Между тем Каталония отличалась от остальной Испании и своим языком, близким к южно-французским диалектам, и всей своей культурой. Непосредственным поводом к восстанию послужило введение тяжёлых налогов, насильственная отправка каталонцев в войска, сражавшиеся с французской армией, и расквартирование по всем городам и деревням Каталонии испанских солдат, которые вели себя здесь, как в завоёванной стране. Недовольство приняло такие размеры, что вице-король Каталонии Санта Колома писал Оливаресу: «Пошлите мне королевскую армию, достаточно сильную для того, чтобы сокрушить этот народ».

В мае 1640 г. горожане Барселоны взяли приступом тюрьмы и освободили заключённых. В том же месяце восстали горцы области Херон, которые напали на королевские войска. 7 июня в Барселону вошли вооружённые отряды крестьян горных районов. Так началось открытое восстание, получившее название «войны жнецов». Крестьяне и присоединившиеся к ним горожане Барселоны напали на дворец вице-короля и дома тех лиц, которые были связаны с испанским правительством. Часть их была убита, в том числе Санта Колома. Пламя восстания охватило Каталонию. В нём сразу же чётко наметились два направления. В восстании с самого начала принимало массовое участие крестьянство, которое в Барселоне действовало совместно с низшими слоями населения города. Наряду с этим антифеодальным течением имелось, умеренное направление, ставившее перед собой иные цели: дворянство, городской патрициат и бюргерство стремились к отделению Каталонии от Испании и превращению её в самостоятельное государство под суверенитетом Франции; они заключили соответствующее соглашение с Людовиком XIII, провозглашённым графом Барселонским. Людовик XIII воспользовался этим соглашением, чтобы оккупировать часть Каталонии.

Испанское правительство начало готовиться к войне. «Это восстание должно быть потоплено в реках крови», — заявил один из членов королевского совета.

Испанские войска осадили Барселону, но не смогли взять её и были вынуждены отступить. Война затянулась, в ней приняли участие французские войска. Лишь в октябре 1652 г. Барселона сдалась Филиппу IV, которому пришлось подтвердить в 1653 г. все вольности и привилегии каталонцев.

Отпадение Португалии

Присоединение в 1581 г. Португалии к Испанскому государству тяжело отразилось на её развитии. Португалия оказалась участницей тех войн, которые вела Испания. Внешняя торговля Португалии страдала от того, что её суда подвергались нападению кораблей стран, враждовавших с Испанией. Положение Португалии ещё более ухудшилось в первой половине XVII в. Если в своё время Филипп II, опасаясь вызвать недовольство португальцев, всё же избегал нарушать её права, то Оливарес приступил к систематическому проведению мероприятий, имевших своей целью полное слияние Португалии с Испанией. Он начал раздавать важные государственные должности испанцам и подготовлял включение португальских кортесов в кастильские. Особенное негодование вызвало в Португалии введение кастильского прямого налога на всё движимое и недвижимое имущество. Первая, недостаточно подготовленная попытка восстания в 1637 г. была без труда подавлена силой. Оливарес ввёл ещё один новый налог и предпринял дальнейшие меры по ликвидации португальской автономии. Это побудило широкие слои населения сплотиться для борьбы за независимость.

Недовольные испанским засильем дворяне во главе с архиепископом Лиссабона организовали заговор. 1 декабря 1640 г. заговорщики захватили королевский дворец. Их сразу же поддержали горожане. Началось восстание. Португальские кортесы провозгласили королём под именем Жуана IV представителя старого рода португальских королей — герцога Брагансского. Португалия отделилась от Испа-

нии. Момент был выбран удачно, так как в это время шло грозное восстание в Каталонии, отвлекавшее силы испанского правительства. В поисках поддержки на международной арене Португалия обратилась к Англии, Голландии и Франции. После безуспешных попыток восстановить в Португалии своё господство Испания была вынуждена в 1668 г. признать независимость Португальского королевства.

Внешняя политика испанского абсолютизма в начале XVII в. Испания и Тридцатилетняя война

Преемники Филиппа II, несмотря на полное истощение материальных ресурсов страны и хронический финансовый кризис, продолжали вести агрессивную, реакционную внешнюю политику. Международное положение Испании было в начале XVII в. очень сложным. Выделившаяся из состава Нидерландов республика Соединённых провинций (Голландия) продолжала вести с Испанией войну за свою независимость. Английские суда нападали на побережье Испании и её колоний в Америке, а попытка заключить мир с Англией разбилась о чрезмерные требования испанского правительства. Герцог Лерма всё ещё не оставил нелепой мысли завоевать Англию, несмотря на позорную неудачу «Непобедимой армады». С этой целью он отправил в 1601 г. к берегам Англии флот в 50 кораблей для захвата опорных пунктов на побережье острова. Но флот был потрёпан бурей и утратил свою боеспособность. Испанский отряд, посланный в помощь восставшим ирландцам, был разбит.

Опасности подстерегали Испанию и с другой стороны. Отношения с Францией были напряжёнными. Французский король Генрих IV готовил коалицию против Габсбургов. Однако после его смерти новый король — Людовик XIII вначале был настроен более миролюбиво по отношению к Испании и даже породнился с испанскими Габсбургами.

В 1603 г., после смерти королевы Елизаветы, на престол Англии вступил король из дома Стюартов, который занял благожелательную в отношении Испании позицию и заключил с ней в 1604 г. мир. Англия перестала оказывать помощь голландцам. Тем не менее испанские войска продолжали терпеть неудачи в войне с Соединёнными провинциями, отчасти из-за отсутствия средств в казне (испанские галеоны с драгоценными металлами из Америки нередко попадали в руки голландских и английских корсаров). В 1609 г. испанское правительство было вынуждено заключить с Голландией перемирие на 12 лет; тем самым Испания признала Голландию воюющей стороной.

Агрессивная политика испанских Габсбургов и их претензии на мировую империю неизбежно должны были втянуть Испанию в Тридцатилетнюю войну (1618—1648 гг.). Против австрийских и испанских Габсбургов выступили другие государства Европы, которые не хотели допустить политической гегемонии Габсбургов.

В 1621 г. возобновились военные действия между Испанией и Голландией. Война Испании с её противниками шла на разных, отдалённых друг от друга фронтах. Даже победы искусного испанского полководца Спинолы не оказали решающего влияния на общий ход событий. Испания была разорена, и кортесы отказывались давать деньги на войну.

Международная обстановка складывалась весьма неблагоприятно для Испании. Ришелье создавал направленные против Испании союзы Франции с некоторыми итальянскими государствами, активно помогал Голландии и протестантским князьям Германии. В войну вмешалась на стороне антигабсбургской коалиции Дания, а после её поражения — Швеция. Между тем усилившаяся голландская армия отобрала у испанцев ряд крепостей. Важная победа имперских и испанских войск над шведами при Нордлингене (1634 г.) не изменила хода войны в пользу Габсбургов, так как следствием этой победы было непосредственное вмешательство самого опасного врага Испании — Франции, открыто вступившей в 1635 г. в войну с Испанией. Французские войска начали военные действия против Испании вдоль всей пиренейской границы, а также во Фландрии и в Италии. Пользуясь

тем, что испанские войска были разбросаны по разным местам Западной Европы, Франция била их по частям. В 1638 и 1639 гг. французские войска, захватившие Руссильон, проникли в северные провинции Испании. Здесь они натолкнулись на решительное сопротивление народных масс Каталонии. Каталонцы, хотя они и были настроены враждебно по отношению к испанскому правительству, дали серьёзный отпор французам.

Однако эта неудача французов не изменила общего неблагоприятного для Испании хода военных действий. Голландцы господствовали на океанских путях и нанесли в 1639 г. сокрушительный удар испанскому флоту. Руссильон был целиком занят, а Арагон и восставшая Каталония (дворянско-патрицианские круги которой, как отмечалось выше, искали сближения с Францией) частично оккупированы французскими войсками. В 1643 г. в битве при Рокруа французская армия полностью разгромила испанские войска. В начале 1648 г. Испания была вынуждена признать полную независимость Голландии. Окончание Тридцатилетней войны и заключение Вестфальского мира не прекратило военных действий между Францией и Испанией. Они продолжались ещё 11 лет. По Пиренейскому миру 1659 г. Испания была вынуждена уступить Франции Руссильон, Артуа, ряд крепостей во Фландрии и часть Люксембурга.

Испания сошла на положение второстепенной державы. Роль, которую она играла в международных отношениях в XVI в., перешла к Франции.

3. Испанская культура эпохи Возрождения

Завершение реконкисты и объединение Кастилии и Арагона дали мощный толчок развитию испанской культуры. В XVI—XVII столетиях она пережила период расцвета, известный под названием «золотого века».

В конце XV и первой половине XVI в. в Испании сделала большие успехи передовая мысль, проявившая себя не только в сфере художественного творчества, но и в публицистике и учёных трудах, проникнутых свободомыслием. Реакционная политика Филиппа II нанесла испанской культуре тяжёлый удар. Но реакция не смогла задушить творческих сил народа, которые проявили себя в конце XVI — первой половине XVII в. преимущественно в области литературы и искусства.

Испанская культура эпохи Ренессанса имела глубокие народные корни. То, что кастильский крестьянин никогда не был крепостным [1], а испанские города рано завоевали свою независимость, создало в стране достаточно широкий слой людей, обладавших сознанием собственного достоинства

Хотя благоприятный период в развитии городов и части крестьянства Испании был очень кратким, наследие героических времён продолжало жить в сознании испанского народа. В этом заключался важный источник высоких достижений классической испанской культуры.

Однако Возрождение в Испании носило более противоречивый характер, чем в других европейских странах. В Испании не произошло такого резкого разрыва с феодально-католической идеологией средних веков, какой совершился, например, в итальянских городах в эпоху подъёма их экономической жизни и культуры. Вот почему даже такие передовые люди Испании, как Сервантес и Лопе де Вега, не порывают до конца с католической традицией.

---

[1] См. *Ф. Энгельс,* Письмо к Паулю Эрнсту, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Об искусстве, М.-Л. 1937, стр. 30.

Испанские гуманисты первой половины XVI в.

Представители передовой мысли в Испании, действовавшие в первой половине XVI в., получили название «эразмистов» (по имени знаменитого гуманиста Эразма Роттердамского). Среди них нужно назвать прежде всего Альфонсо де Вальдеса (умер в 1532 г.), автора острых и язвительных диалогов в духе греческого сатирика Лукиана, в которых он нападает на папский престол и католическую церковь, обвиняя их в корыстолюбии и распущенности. С Эразмом был связан и выдающийся испанский философ Хуан Луис Вивес (1492—1540). Уроженец Валенсии, Вивес учился в Париже, жил в Англии и Фландрии. Он принимал участие в общеевропейском движении гуманизма. Уже в одной из ранних своих работ — «Торжество Христа» Вивес даёт критику аристотелевской схоластики, противопоставляя ей философию Платона в духе итальянских философов эпохи Возрождения.

Более важно то обстоятельство, что, отвергая средневековую схоластику, Вивес выдвигает на первый план опыт: наблюдение и эксперимент позволяют проникнуть в глубь природы, открывают путь к познанию мира. Таким образом, Вивес является одним из предшественников Френсиса Бэкона. Человек занимает центральное место в его концепции. Вивесу принадлежит важная роль в развитии психологии как пауки. В своей работе «О душе и жизни» он подробно рассматривает проблему восприятия. В памфлете «Мудрец» Вивес даёт гуманистическую критику старых схоластических методов преподавания и развивает прогрессивную педагогическую систему, включающую изучение классических языков, истории и естественных наук. Луис Вивес являлся также сторонником женского образования.

Другим испанским мыслителем, выступившим против схоластики и препарированного схоластами Аристотеля, был Франсиско Санчес (1550—1632). Однако в отличие от Луиса Вивеса дух свободного исследования приводит Санчеса к скептицизму. Его главное сочинение называется «О том, что знания нет» (1581 г.). Исследуя противоречия, заключённые в процессе человеческого познания, Санчес приходит к чисто негативному тезису: всё, что мы знаем, — недостоверно, относительно, условно. Такой пессимистический тезис, выдвинутый в эпоху крушения средневековых порядков и догматических представлений, не был редкостью, особенно в Испании с её острыми общественными противоречиями и суровыми условиями жизни.

Народная поэзия

XV век был для Испании веком расцвета народного творчества. Именно к этому времени относится появление множества романсов. Испанский романс — национальная поэтическая форма, представляющая собой краткое лирическое или лирико-эпическое стихотворение. В романсах воспевались подвиги героев, драматические эпизоды борьбы с маврами. Лирические романсы изображали в поэтическом свете любовь и страдания влюблённых. В романсах отразились патриотизм, свободолюбие и поэтический взгляд на мир, свойственный кастильскому крестьянину.

Народный романс оплодотворил развитие испанской классической литературы, стал почвой, на которой поднялась великая испанская поэзия XVI—XVII вв.

Гуманистическая поэзия

В Испании, как и в других странах, литература эпохи Возрождения сложилась на основе синтеза национального народного творчества и передовых форм гуманистической литературы. Один из первых поэтов испанского Возрождения — Хорхе Манрике (1440— 1478) был создателем гениальной поэмы «Куплеты на смерть моего отца». В торжественных строфах своего произведения он говорит о всесилии смерти и прославляет подвиги бессмертных героев.

Уже в XV в. в испанской поэзии появилось аристократическое направление, стремившееся создать «учёную лирику» по образцу литературы итальянского Возрождения. К этому направлению принадлежал крупнейший поэт раннего испанского

Возрождения Гарсиласо де ла Вега (1503—1536). В своей поэзии Гарсиласо следовал традициям Петрарки, Ариосто и особенно знаменитого пасторального поэта Италии Саннадзаро. Самое ценное в поэзии Гарсиласо — его эклоги, в которых изображалась в идеализированной форме жизнь влюблённых пастухов на лоне природы.

Широкое развитие получила в испанской поэзии эпохи Возрождения религиозная лирика. Главой плеяды так называемых поэтов-мистиков был Луис де Леон (1527—1591). Августинский монах и доктор теологии в университете Саламанки, ортодоксальный католик, он тем не менее был обвинён в ереси и брошен в тюрьму инквизиции, где его продержали свыше четырёх лет. Ему удалось доказать свою невиновность, но судьба поэта сама по себе говорит о наличии в его произведениях чего-то большего, чем простое повторение религиозных идей. Великолепная лирика Луиса де Леона заключает в себе глубокое общественно значимое содержание. Он остро чувствует дисгармонию жизни, где царствуют «зависть» и «ложь», где судят неправедные судьи. Он ищет спасения в уединённой созерцательной жизни на лоне природы (ода «Блаженная жизнь»).

Луис де Леон был не единственным поэтом, которого преследовала инквизиция. В её застенках подверглись мучительным пыткам многие талантливые сыны испанского народа. Один из таких поэтов, Давид Абенатор Мэло, которому удалось вырваться на свободу и бежать в Голландию, писал о своём освобождении: «На волю из тюрьмы, из гроба вышел разбитым».

Во второй половине XVI в. в Испании возникает попытка создать героическую эпопею. Алонсо де Эрсилья (1533—1594), вступивший в испанское войско и сражавшийся в Америке, написал большую поэму «Араукана», в которой он хотел воспеть подвиги испанцев. В качестве образца Эрсилья избрал классическую поэму Вергилия «Энеида». Огромное, хаотическое произведение Эрсильи неудачно как целое. Оно изобилует бутафорскими образцами и условными эпизодами. В «Араукане» прекрасны лишь те места, где изображаются отвага и решимость свободолюбивых арауканов, индейского племени, защищавшего свою независимость от испанских конкистадоров.

Если форма эпической поэмы на античный лад не годилась для отражения событий современности, то сама жизнь выдвигала другой эпический жанр, более пригодный для их изображения. Этим жанром был роман.

Испанский роман

С начала XVI в. в Испании получили широкое распространение рыцарские романы. Необузданная фантастика этих поздних созданий феодальной литературы отвечала некоторым сторонам психологии людей Возрождения, которые пускались в рискованные плавания и скитались по отдалённым странам.

Во второй половине XVI в. пасторальный мотив, введённый в испанскую литературу Гарсиласо де ла Вега, также получил развитие в форме романа. Здесь необходимо упомянуть «Диану» Хорхе де Монтемайора (написана около 1559 г.) и «Галатею» Сервантеса (1585 г.). В этих романах по-своему преломляется тема «золотого века», мечта о счастливой жизни на лоне природы. Однако наиболее интересным и оригинальным типом испанского романа был так называемый плутовской роман (novela picaresca).

В этих романах отразилось проникновение в испанскую жизнь денежных отношений, разложение патриархальных связей, разорение и обнищание народных масс.

Начало этому направлению испанской литературы было положено «Трагикомедией о Калисто и Мелибее», более известной под названием «Селестина» (около 1492 г.). Эта новелла (во всяком случае в основной своей части) написана Фернандо де Рохасом.

Через 60 лет после появления «Селестины», в 1554 г., одновременно в трёх городах вышел в свет в виде маленькой книжечки первый законченный образец плутовского романа, оказавший большое влияние на развитие европейской литературы, знаменитый «Ласарильо с Тормеса». Это история мальчика, слуги многих господ. Защищая своё право на существование, Ласаро вынужден прибегать к хитроумным уловкам и постепенно превращается в законченного плута. Отношение автора романа к своему герою двойственно. Он видит в плутовстве проявление ловкости, смётки и изобретательности, недоступных людям средневековья. Но в Ласаро ярко проявились и отрицательные качества нового человеческого типа. Сила книги в откровенном изображении общественных отношений Испании, где под сутаной и дворянским плащом таились самые низменные страсти, вызванные к жизни лихорадкой наживы.

Продолжателем безвестного автора «Ласарильо с Тормеса» был выдающийся писатель Матео Алеман (1547—1614), автор самого популярного плутовского романа «Приключения и жизнь плута Гусмана де Альфараче, дозорная башня человеческой жизни». Книга Матео Алемана отличается от романа его предшественника широтой общественного фона и более мрачной оценкой новых общественных отношений. Жизнь нелепа и цинична, утверждает Алеман, страсти ослепляют людей. Только победив в себе эти нечистые устремления, можно жить разумно и добродетельно. Алеман — сторонник стоической философии, унаследованной мыслителями эпохи Возрождения от древнеримских авторов.

Мигель де Сервантес

Плутовской роман представляет ту линию в развитии испанской литературы, которая с особой силой подготовила торжество реализма Сервантеса.

Творчество величайшего испанского писателя Мигеля де Сервантеса Сааведра (1547—1616) — основоположника новой испанской литературы — возникло на почве синтеза всех достижений предшествующего её развития. Он поднял испанскую и вместе с тем мировую литературу на новую высоту.

Молодость Сервантеса была овеяна авантюрным характером его времени. Он жил в Италии, участвовал в морском бою при Лепанто, попал в плен к алжирским пиратам. В течение пяти лет Сервантес предпринимал одну героическую попытку за другой, чтобы вырваться на свободу. Выкупленный из плена, он вернулся домой бедняком. Видя невозможность существовать литературным трудом, Сервантес вынужден был стать чиновником. Именно в этот период своей жизни он лицом к лицу столкнулся с прозаической реальной Испанией, со всем тем миром, который так блестяще изображён в его «Дон-Кихоте».

Сервантес оставил богатое и разнообразное литературное наследие. Начав с пасторального романа «Галатея», он вскоре обратился к сочинению пьес. Одна из них — трагедия «Нумансия» рисует бессмертный героизм жителей испанского города Нумансии, сражающихся против римских легионов и предпочитающих гибель сдаче на милость победителей. Опираясь на опыт итальянской новеллистики, Сервантес создал оригинальный тип испанской новеллы, сочетающей широкое изображение жизни с поучением («Назидательные новеллы»).

Но всё созданное им меркнет перед его гениальным произведением «Хитроумный идальго Дон-Кихот Ламанчский» (1605—1615 гг.). Сервантес ставил перед собой скромную задачу — уничтожить влияние фантастических и далёких от жизни рыцарских романов. Но великолепное знание народной жизни, зоркая наблюдательность и гениальная способность к обобщению привели к тому, что он создал нечто неизмеримо более значительное.

Дон-Кихот мечтает возродить рыцарские времена в эпоху, когда они уже давно ушли в прошлое. Он один не понимает того, что рыцарство отжило свой век и, как последний рыцарь, представляет собой комическую фигуру. В феодальную эпоху всё строилось на основе кулачного права. И вот Дон-Кихот хочет, опираясь на

силу своей руки, изменить существующие порядки, защитить вдов и сирот, наказать обидчиков. На самом деле он творит беспорядки, причиняет людям зло и страдания. «Дон-Кихот должен был жестоко поплатиться за свою ошибку, когда вообразил, что странствующее рыцарство одинаково совместимо со всеми экономическими формами общества», — говорит Маркс [1].

Но вместе с тем мотивы поступков Дон-Кихота человечны и благородны. Он убеждённый защитник свободы и справедливости, покровитель влюблённых, поклонник науки и поэзии. Этот рыцарь — истинный гуманист. Его прогрессивные идеалы порождены великим антифеодальным движением эпохи Возрождения. Они родились в борьбе против сословного неравенства, против отживших феодальных форм жизни. Но и то общество, которое шло ему на смену, не могло осуществить эти идеалы. Чёрствый богатый крестьянин, прижимистые трактирщики и купцы издеваются над Дон-Кихотом, над его намерением защищать бедных и слабых, над его великодушием и гуманностью.

Дон-Кихот и Санчо Панса.
Гравюра с титульного листа одного ив первых изданий
«Дон-Кихота» Сервантеса.

Двойственность образа Дон-Кихота состоит в том, что его прогрессивные гуманистические идеалы выступают в реакционной, отжившей свой век рыцарской форме.

Рядом с Дон-Кихотом действует в романе крестьянин — оруженосец Санчо Панса. На него наложила свой отпечаток ограниченность деревенских условий существования: Санчо Панса наивен и даже порой придурковат, он — единственный человек, поверивший в рыцарские бредни Дон-Кихота. Но Санчо не лишён хороших качеств. Он не только обнаруживает свою сообразительность, но и оказывается носителем народной мудрости, которую излагает в бесчисленных пословицах и поговорках. Под влиянием рыцаря-гуманиста Дон-Кихота Санчо нравственно развивается. Его замечательные качества раскрываются в знаменитом эпизоде губернаторства, когда Санчо обнаруживает свою житейскую мудрость, бескорыстие и нравственную чистоту. Ни в одном из произведений западноевропейского Ренессанса нет такого апофеоза крестьянина.

Два главных действующих лица романа с их фантастическими и наивными понятиями показаны на фоне реальной будничной Испании, страны чванливой знати, трактирщиков и купцов, зажиточных крестьян и погонщиков мулов. В искусстве изображения этой обыденности Сервантес не имеет себе равных.

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 88.

«Дон-Кихот» — величайшая народная книга Испании, замечательный памятник испанского литературного языка. Сервантес завершил превращение кастильского наречия, одного из наречий феодальной Испании, в литературный язык складывавшейся испанской нации. Творчество Сервантеса является высшей точкой в развитии культуры Возрождения на испанской почве.

Луис де Гонгора

В литературе XVII в. всё более усиливаются мрачные, безнадёжные настроения, отражающие внутренний надлом в общественном сознании эпохи прогрессирующего упадка Испании. Наиболее отчётливо реакция на идеалы гуманизма выразилась в творчестве поэта Луиса де Гонгора-и-Арготе (1561—1627), который выработал особый стиль, получивший название «гонгоризм». С точки зрения Гонгора прекрасным может быть лишь исключительное, причудливо-сложное, далёкое от жизни. Гонгора ищет прекрасное в мире фантастики, и даже реальную действительность превращает в фантастическую декоративную феерию. Он отвергает простоту, его стиль — тёмный, трудный для понимания, изобилующий сложными, запутанными образами и гиперболами. В поэзии Гонгоры нашёл своё выражение литературный вкус аристократии. Гонгоризм, подобно болезни, распространился во всей европейской литературе.

Франсиско де Кеведо

Крупнейшим испанским сатириком был Франсиско де Кеведо-и-Вильегас (1580—1645). Выходец из аристократической семьи, Кеведо в качестве дипломата участвовал в испанских политических интригах в Италии. Знакомство с политическим режимом в испанских владениях привело его к глубокому разочарованию. Воспользовавшись своей близостью ко двору, Кеведо подал Филиппу IV записку в стихах, в которой просил короля сократить налоги и улучшить положение народа. Автор записки был схвачен и заключён в тюрьму инквизиции, где 4 года находился в цепях и откуда вышел физически сломленным человеком. Вскоре после выхода на свободу он умер.

Знаменитый плутовской роман Кеведо «История жизни пройдохи, именуемого Паблос, примера бродяг и зерцала мошенников» был написан, очевидно, в ранний период его жизни. Книга эта, бесспорно, — самый глубокий из плутовских романов. Рассказывая историю сына вороватого цирюльника и проститутки — незадачливого Паблоса, Кеведо показывает целую систему надругательств над ребёнком. Воспитанный в таких условиях, Паблос стал негодяем. Он странствует по Испании, и перед ним раскрывается чудовищная нищета и грязь. Паблос видит, как люди обманывают друг друга, чтобы существовать, видит, что вся их энергия направлена в сторону зла. Роман Кеведо проникнут горечью.

Во второй период своей деятельности Кеведо обращается к созданию сатирических памфлетов. Особое место среди них занимают его «Видения» — несколько сатирико-публицистических очерков, изображающих в гротескном и пародийном духе образы загробного мира. Так, в очерке «Одержимый чёртом полицейский» представлен ад, где жарятся короли и придворная камарилья, купцы и богачи. В аду не место беднякам, ибо у них нет льстецов и ложных друзей и нет возможности грешить. В XVII в. начался процесс вырождения жанра плутовского романа.

Испанский театр

Испания, подобно Англии и Франции, пережила в XVI—XVII вв. великий расцвет драмы и театра. Общественное содержание испанской драмы от Лопе де Вега до Кальдерона составляет полная напряжённого драматизма борьба абсолютной монархии с вольностями старой Испании, добытыми испанским дворянством, городами и кастильскими крестьянами в ходе реконкисты.

В отличие от французской трагедии, опиравшейся на античные образцы, в Испании возникла национальная драма, вполне самобытная и народная. Драматические произведения создавались для публичных театров. Патриотически настроенные зрители желали видеть на сцене героические подвиги предков и злободневные события современности.

ЗАВТРАК
Веласкес. Около 1617 г.

Лопе де Вега

Основоположником испанской национальной драмы был великий драматург Лопе Феликс де Вега Карпио (1562—1635). Солдат армии «Непобедимой армады», блестящий светский человек, известный писатель, Лопе де Вега в течение всей своей жизни оставался религиозным человеком, а под старость стал священником и даже членом «святейшей» инквизиции. В этой двойственности Лопе де Вега сказались характерные черты испанского Возрождения. Он выразил в своём творчестве гуманистические устремления этой замечательной эпохи, и вместе с тем Лопе де Вега, передовой человек своего времени, не мог порвать с традициями феодально-католической Испании. Его общественная программа заключалась в стремлении примирить идеи гуманизма с. патриархальными обычаями.

Лопе де Вега был художником редкой творческой плодовитости, он написал 1800 комедий и 400 одноактных аллегорических культовых пьес (до нас дошло около 500 произведений). Он писал также героические и шуточные поэмы, сонеты, романсы, новеллы и т. д. Как и Шекспир, Лопе де Вега не выдумывал сюжетов своих пьес. Он пользовался различными источниками — испанскими народными романсами и хрониками, итальянскими новеллами и книгами античных историков. Большую группу пьес Лопе де Вега составляют исторические драмы из жизни разных народов. У него есть и пьеса из русской истории — «Великий князь Московский», посвящённая событиям начала XVII в.

В своих главных произведениях Лопе де Вега рисует укрепление королевской власти, борьбу испанских королей против мятежных феодалов и мавританских полчищ. Он изображает прогрессивное значение объединения Испании, разделяя при этом наивную веру народа в короля как представителя внеклассовой справедливости, способного противостоять произволу феодалов.

Среди исторических пьес Лопе де Вега особое значение имеют народно-героические драмы («Перибаньес и командор Оканьи», «Лучший алькальд — король», «Фуэнте Овехуна»), изображающие отношения трёх общественных сил — крестьян, феодалов и королевской власти. Показывая конфликт крестьянина и феодала, Лопе де Вега стоит целиком на стороне крестьянина.

Лучшей из этих пьес является «Фуэнте Овехуна» — одна из величайших драм не только испанского, но и мирового театра. Здесь Лопе де Вега в известной мере побеждает свои монархические иллюзии. Действие пьесы относится ко второй половине XV в. Командор ордена Калатравы бесчинствует в своей деревне Фуэнте Овехуна (Овечий источник), посягая на честь крестьянских девушек. Одна из них — Лауренсия — горячей речью поднимает крестьян на восстание, и они убивают обидчика. Несмотря на то, что крестьяне были покорными подданными короля, а командор участвовал в борьбе против трона, король приказал подвергнуть крестьян пытке, требуя, чтобы они выдали убийцу. Только стойкость крестьян, которые на все вопросы отвечают словами: «Это сделала Фуэнте Овехуна», заставила короля поневоле отпустить их. Вслед за Сервантесом, автором трагедии «Нумансия», Лопе де Вега создал драму о народном героизме, его нравственной силе и стойкости.

В ряде своих произведений Лопе изображает деспотизм королевской власти. Среди них выделяется превосходная драма «Звезда Севильи». Король-тиран сталкивается с жителями города Севильи, защищающими свою честь и старинные вольности. Король должен отступить перед этими людьми, признать их моральное величие. По социальной и психологической силе «Звезда Севильи» приближается к трагедиям Шекспира.

Двойственность Лопе де Вега больше всего проявилась в драмах, посвящённых семейной жизни испанского дворянства, так называемых «драмах чести» («Опасности отсутствия», «Победа чести» и др.). Для Лопе де Вега брак должен быть основан на взаимной любви. Но после того как брак состоялся, его основы незыблемы. Заподозрив жену в измене, муж имеет право убить её.

В так называемых комедиях плаща и шпаги изображается борьба молодых испанских дворян — людей нового склада — за свободу чувства, за своё счастье, против деспотической власти отцов и опекунов. Лопе де Вега строит комедию на головокружительной интриге, на совпадениях и случайностях. В этих комедиях, прославляющих любовь и свободную волю человека, больше всего проявилась связь Лопе де Вега с гуманистическим литературным движением Ренессанса. Но у Лопе де Вега новый человек Возрождения не обладает той внутренней свободой, которая восхищает нас в шекспировских комедиях. Героини Лопе де Вега верны дворянскому идеалу чести. В их облике есть жестокие, мало привлекательные черты, связанные с тем, что они разделяют предрассудки своего сословия.

Драматурги школы Лопе

Лопе де Вега выступает не один, а в сопровождении целой плеяды драматургов. Одним из непосредственных учеников и преемников Лопе был монах Габриэль Тельес (1571—1648), известный под именем Тирсо де Молина. То место, которое Тирсо занимает в мировой литературе, определяется прежде всего его комедией «Севильский озорник, или Каменный гость», в которой он создал образ знаменитого обольстителя женщин Дон-Хуана. У героя пьесы Тирсо ещё нет того обаяния, которое пленяет нас в образе Дон-Жуана у писателей позднейших эпох. Дон-Хуан — развратный дворянин, помнящий о феодальном праве первой ночи, соблазнитель, который стремится к наслаждениям и не брезгает никакими средствами, чтобы добиться своего. Это — представитель придворной камарильи, оскорбляющий женщин всех сословий.

Педро Кальдерон

Испанская драма ещё раз поднялась на огромную высоту в творчестве Педро Кальдерона де ла Барка (1600—1681). Фигура Кальдерона глубоко противоречива. Выходец из знатного аристократического рода, Кальдерон был рыцарем ордена Сант-Яго, священником и почётным капелланом короля Филиппа IV. Он писал не только для народного, но и для придворного театра.

Светские пьесы Кальдерона непосредственно примыкают к драматургии Лопе. Он писал «комедии плаща и шпаги», но особой реалистической мощи Кальдерон достиг в своих «драмах чести». Так, в драме «Врач своей чести» Кальдерон нарисовал выразительный портрет испанского дворянина XVII в. Фанатическая религиозность и столь же фанатическая преданность своей чести уживаются у этого дворянина с безжалостной трезвостью, иезуитской хитростью и холодным расчётом.

Драма Кальдерона «Саламейский алькальд» является переработкой одноимённой пьесы Лопе де Вега. Деревенский судья Педро Креспо, который обладает развитым чувством собственного достоинства и гордится своим крестьянским происхождением, осудил и казнил дворянина-офицера, обесчестившего его дочь. Борьба простого деревенского судьи против дворянина-насильника изображена с большой художественной силой.

Большое место в наследии Кальдерона занимают религиозные драмы — драматизированные «жития святых» и др. Основная идея этих пьес чисто католическая. Но Кальдерон выводит обычно gracioso — шута, который трезво смеётся над религиозными чудесами.

К религиозным пьесам близка замечательная драма «Чудодейственный маг». Маркс назвал это произведение «католическим Фаустом». Герой пьесы — ищущий и дерзающий человек. В его душе происходит борьба между чувственным влечением к женщине и христианской идеей. Пьеса Кальдерона кончается торжеством христианско-аскетического начала, но великий художник изображает земную, чувственную стихию как нечто могучее и прекрасное. В этой пьесе действуют два шута. Они осмеивают чудеса, высказывая своё грубоватое недоверие по отношению к религиозной фантастике.

С особой силой философская концепция Кальдерона сказалась в его драме «Жизнь есть сон». События, происходящие в пьесе, носят не только реальный, но

и символический характер. Король Польши Басилио, астролог и маг, узнаёт, что новорождённый сын его будет негодяем и убийцей. Он заключает своего сына Сехисмундо в башню, расположенную в пустынной местности, и держит его там закованным в цепи и одетым в звериную шкуру. Таким образом, Сехисмундо от рождения является узником. Этот образ закованного в цепи юноши является символическим изображением человечества, находящегося в рабской зависимости от общественных условий. Желая проверить слова оракула, король велит перенести спящего Сехисмундо во дворец. Проснувшись и узнав, что он повелитель, Сехисмундо сразу проявляет черты деспота и злодея: он грозит смертью придворным, поднимает руку против собственного отца. Человек — узник, раб, скованный цепями, или деспот и тиран — такова мысль Кальдерона.

Выводы, к которым приходит Кальдерон, носят фантастический и реакционный характер. Возвращённый обратно в башню Сехисмундо просыпается и решает, что всё, что произошло с ним во дворце, было сном. Он полагает теперь, что жизнь есть сон. Сон — богатство и бедность, власть и подчинение, право и бесправие. Если это так, то человек должен отказаться от своих стремлений, подавить их и примириться с потоком жизни. Философские драмы Кальдерона — новый тип драматического произведения, неизвестный Лопе де Вега.

Кальдерон сочетает в своём творчестве глубокий реализм с реакционными чертами. Выход из трагических противоречий действительности он видит в следовании идеям феодально-католической реакции, в культе дворянской чести.

Несмотря на все противоречия, присущие испанской литературе XVI—XVII вв., созданные ею художественные ценности, особенно испанский роман и драма, являются выдающимся вкладом в мировую культуру.

Архитектура

Большой высоты достигли в эту эпоху и пластические искусства. После длительного периода господства готики и расцвета мавританского зодчества в Испании XVI в. пробуждается интерес к архитектуре итальянского Ренессанса. Но, следуя его образцам, испанцы оригинально преобразуют формы итальянской архитектуры.

Ко второй половине XVI столетия относится деятельность гениального архитектора Хуана де Эрреры (1530—1597), создателя особого стиля «эрререск». Стиль этот принимает формы античного зодчества. И всё же величайшее создание Эрреры — знаменитый дворец Филиппа II Эскориал очень мало похож на традиционные формы классической архитектуры.

Сама идея Эскориала, который является одновременно королевским дворцом, монастырём и усыпальницей, весьма характерна для эпохи контрреформации. По своему внешнему виду Эскориал напоминает средневековую крепость. Это — квадратное сооружение с башнями по углам. Квадрат, разделённый на ряд квадратов,— таков план Эскориала, напоминающий решётку (решётка — символ св. Лаврентия, которому посвящено это здание). Мрачная, но величественная громада Эскориала как бы символизирует суровый дух испанской монархии.

Мотивы Ренессанса в архитектуре уже во второй половине XVII в. вырождаются в нечто вычурное и жеманное, а рискованная смелость форм скрывает лишь внутреннюю пустоту и бессодержательность.

Живопись

Живопись была второй после литературы сферой, в которой Испания создала ценности всемирно-исторического значения. Правда, испанское искусство не знает гармонических произведений в духе итальянской живописи XV—XVI вв. Уже во второй половине XVI в. испанская культура выдвинула художника поразительной оригинальности. Это — Доменико Теотокопули, выходец с острова Крит, известный под именем Эль Греко (1542—1614). Эль Греко долгое время жил в Италии, где многое воспринял у знаменитых мастеров венецианской школы Тициана и Тинторетто. Его искусство является одним из ответвлений итальянского маньеризма, оригинально развившимся на

испанской почве. Картины Греко не имели успеха при дворе, он жил в Толедо, где нашел много почитателей своею таланта.

В искусстве Греко с большой драматической силой отразились мучительные противоречия его времени. Это искусство облечено в религиозную форму. Но

Эскориал.
Архитектор Хуан де Эррера 1563 г.

неофициальная трактовка церковных сюжетов отдаляет живопись Эль Греко от казенных шаблонов церковного искусства. Его Христос и святые предстают перед нами в состоянии религиозного экстаза. Их аскетически-изможденные, вытянутые фигуры изгибаются, как языки пламени, и словно тянутся к небу. Эта страстность и глубокий психологизм искусства Греко сближают его с еретическими движениями эпохи.

Настоящий расцвет испанская живопись переживает в XVII столетии. Среди испанских художников XVII в. следует назвать прежде всею Хосе Рибейру (1591— 1652). Примыкая к традициям итальянца Караваджо, он развивает их вполне оригинально и является одним из самых ярких национальных художников Испании. Основное место в его наследии занимают картины, изображающие казни христианских подвижников и святых. Мастерски лепит художник выступающие из мрака человеческие тела. Характерно, что Рибейра придает своим мученикам черты людей из народа. Мастером больших композиций на религиозные темы, соединяющих в одно целое молитвенный экстаз и довольно холодный реализм, был Франсиско Сурбаран (1598—1664)

Диего Веласкес

Величайший испанский художник Диего де Сильва Веласкес (1599—1660) до конца жизни оставался придворным живописном Филиппа IV. В отличие от других испанских художников Веласкес был далек от религиозной живописи, он писал жанровые картины и портреты. Ранние его произведения — сцены из народной жизни. С этим жанром связаны в известном отношении и мифологические сцены Веласкеса «Вакх» (1628 г.)

и «Кузница Вулкана» (1630 г.). В картине «Вакх» (иначе — «Пьяницы») бог вина и винограда похож на крестьянского парня и окружён грубоватыми крестьянами, одного из которых он венчает цветами. В «Кузнице Вулкана» Аполлон появляется среди полуголых кузнецов, бросивших работу и с изумлением взирающих на него. Веласкес добился удивительной естественности в изображении народных типов и сцен.

Свидетельством полной зрелости художника была его знаменитая картина «Взятие Бреды» (1634—1635 гг.) — праздничная военная сцена с глубоко продуманной композицией и тонкой психологической трактовкой лиц. Веласкес — один из величайших портретистов мира. Его работы отмечены правдивым психологическим анализом, часто беспощадным. К числу лучших его произведений относится портрет знаменитого фаворита испанского короля — герцога Оливареса (1638—1641 гг.), папы Иннокентия X (1650 г.) и др. На портретах Веласкеса члены королевского дома представлены в позах, полных важности, торжественности и величия. Но показное величие не может скрыть того, что эти люди отмечены печатью вырождения.

Особую группу портретов Веласкеса составляют изображения шутов и уродцев. Интерес к таким персонажам характерен для испанских художников этой эпохи. Но Веласкес умеет показать, что уродство так же принадлежит человечеству, как и красота. Скорбь и глубокая человечность часто светятся в глазах его карликов и шутов.

Особое место в творчестве Веласкеса занимает картина «Пряхи» (1657 г.), изображающая королевскую мануфактуру по выделке гобеленов. На первом плане видны женщины-работницы; они мотают шерсть, прядут, носят корзины. Их позы отличаются свободной непринуждённостью, движения сильны и прекрасны. Этой группе противопоставлены нарядные дамы, осматривающие мануфактуру, очень похожие на тех, которые вытканы на гобеленах. Солнечный свет, проникающий в рабочее помещение, накладывает на всё свой весёлый отпечаток, вносит поэзию в эту картину обыденной жизни.

Живопись Веласкеса свободными красочными мазками передаёт движение формы, свет и прозрачность воздуха.

Самым выдающимся из учеников Веласкеса был Бартоломе Эстебан Мурильо (1617—1682). Его ранние произведения изображают сцены с уличными мальчишками, которые свободно и непринуждённо разместились на грязной улице города, чувствуя себя в своих лохмотьях настоящими господами. Религиозная живопись Мурильо отмечена чертами сентиментальности и свидетельствует о начинающемся упадке великой испанской школы.

ГЛАВА XI
НИДЕРЛАНДЫ В XVI И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

1. Нидерландская революция

В XV в. в Европе существовало крупное государство, носившее название герцогства Бургундского. Оно простиралось обширной полосой с юга до севера Европы между Францией и Германией. Его самую северную часть образовали Нидерланды — ряд провинций, расположенных по нижнему течению Шельды, Мааса и Рейна.

Нидерланды занимали территорию, на которой ныне расположены современные Нидерланды (Голландия), Бельгия, Люксембург и некоторые районы северо-восточной части Франции. В них насчитывалось 17 провинций, крупнейшими из которых были: Фландрия, Брабант, Голландия, Зеландия, Фрисландия, Артуа и Геннегау. С 1519 г. Нидерланды, являясь частью герцогства Бургундского, и в то же время издавна связанные с империей вассальной зависимостью, оказались включёнными в огромную империю Карла V.

Государственное устройство Нидерландов оставалось весьма своеобразным. Объяснялось это особенностями их исторического развития. В Нидерландах уже в XIV—XV вв. товарно-денежные отношения и ремесленное производство достигли очень высокого развития. Возникли первые капиталистические мануфактуры. Это придало большую силу и самостоятельность городам. В то же время Нидерланды до середины XVI в., несмотря на известные успехи Габсбургов в создании централизованного бюрократического аппарата, представляли собой федерацию ранее самостоятельных небольших феодальных графств и герцогств, сохранивших ряд старинных вольностей и привилегий.

Политический строй Нидерландов носил двойственный характер. Существовал централизованный правительственный аппарат. Фактическим правителем Нидерлан-

дов обычно являлся наместник (генеральный штатгальтер) императора, а после распада империи Карла V в 1556 г. — короля Испании. При наместнике существовали государственный совет, состоявший из представителей знати, и советы — финансовый и тайный, включавшие представителей дворянства, городской буржуазии и королевских легистов (законоведов). Представителями центральной власти на местах были провинциальные штатгальтеры, обычно — выходцы из местной аристократии.

Наряду с органами центральной королевской власти Габсбургов существовали сословные представительные учреждения — Генеральные штаты в центре и провинциальные штаты в каждой провинции. Штатам принадлежало право устанавливать налоги. Кроме того, в городах и местечках существовали органы самоуправления, находившиеся в руках бюргерской верхушки и патрициата, а каждая из 17 провинций и каждый город обладали особыми привилегиями. Таким образом королевская власть в Нидерландах была в известной мере ограничена в своих действиях.

Нидерланды представляли для Карла V огромную ценность. Они не только давали ему колоссальные финансовые средства (6692 тыс. ливров в одном лишь 1552 г.), но и были важнейшим военно-стратегическим плацдармом против Франции и противников Карла V из числа немецких князей.

Нидерланды также извлекали некоторые выгоды из своей принадлежности к империи Карла V. Будучи экономически наиболее развитой страной Европы, они захватили в свои руки почти всю торговлю с испанскими колониями и значительную часть финансовых операций и внешней торговли империи, что способствовало дальнейшему экономическому развитию Нидерландов. Они занимали особое положение в империи Карла V и использовали вытекавшие из этого экономические выгоды.

Однако уже во второй половине царствования Карла V вследствие бесконечных финансовых вымогательств и разорительных войн, которые велись Габсбургами в интересах общеевропейской феодально-католической реакции на средства, получаемые с Нидерландов, в стране стало назревать недовольство. Выражалось это как в увеличении количества восстаний городской и сельской бедноты, так и в распространении различных вероучений, противопоставлявших себя католической религии, — лютеранства, кальвинизма, анабаптизма и др. Для борьбы с ересями правительство уже с 1525 г. начало издавать жестокие законы против еретиков, так называемые плакаты. Но главная причина назревавшего общего конфликта лежала глубже, коренилась в самом характере и условиях социально-экономического развития Нидерландов.

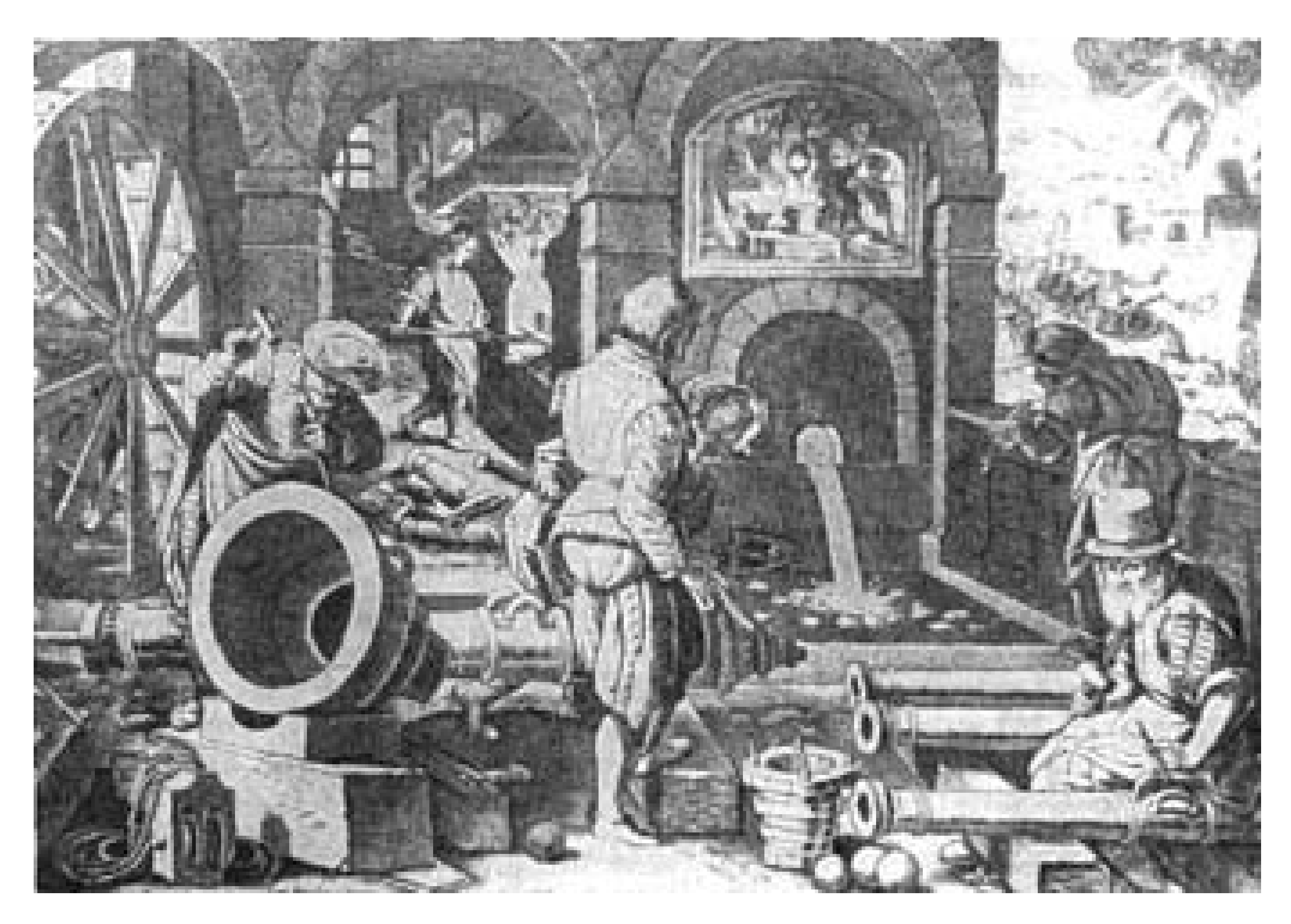
Развитие капиталистических отношений в первой половине XVI в.

К середине XVI в. Нидерланды переживали период расцвета и являлись самой густонаселённой страной Европы: на небольшой территории было расположено более 300 городов и 6500 деревень.

Господствующей тенденцией экономического развития Нидерландов являлось разложение феодальных отношений, процесс так называемого первоначального накопления, складывание отношений буржуазных. Однако не все 17 провинций Нидерландов достигли одинаковой степени развития. Они делились в этом отношении на три группы: центральный промышленный район — Фландрия и Брабант; северная промышленная группа провинций, ядром которой были Голландия и Зеландия; окраинные, преимущественно сельскохозяйственные провинции — Артуа, Люксембург, Намюр, Гельдерн. Остальные провинции по своему хозяйственному развитию занимали промежуточное положение.

Старые «добрые» города Фландрии и Брабанта — Гент, Ипр, Брюссель, Лувен уже с XIII в. были центрами развитого цехового ремесла и вели широкую по тогдашним масштабам торговлю. Но к середине XVI в. цеховая система пришла в упадок. Главные цехи — цехи суконщиков — под влиянием конкуренции развившегося

в деревне и новых городских центрах (в Хондсхоте, Валансьене, Антверпене и др.) капиталистического мануфактурного шерстоткацкого производства потеряли своё значение. Другие цехи, внешне сохраняя старые традиции и формы, также разлагались и хирели. Олигархическая верхушка цеховых мастеров вела ожесточённую борьбу против развивавшейся капиталистической мануфактуры. Одновременно она

Литьё пушек в XVI в.
Гравюра Ф. Галле по рисунку Ж. Страдануса.

низвела подмастерьев до положения бесправных наёмных рабочих, лишённых возможности сделаться когда-либо самостоятельными ремесленниками. Многие цеховые мастера сами обеднели, попали в цепкие лапы ростовщиков и скупщиков и лишились былой самостоятельности.

Капиталистическое производство в форме мануфактур по изготовлению шерстяных, шёлковых, льняных и хлопчатобумажных тканей, ковров, гобеленов, кружев, стекольных, кожевенных и металлических изделий развивалось быстрыми темпами. Во Фландрии и Брабанте имелись как централизованные, так и рассеянные мануфактуры, подчинившие себе труд сельских и городских кустарей, работавших у себя дома, а также мануфактуры смешанного типа.

Антверпен, самый крупный портовый город Брабанта, превратился в важный центр торговой и финансовой деятельности. К нему тяготели мануфактуры городов. Фландрии и Брабанта, связанные преимущественно с экспортом; в них производилась отделка английских сукон, вырабатывались стеклянные изделия, мыло, сахар и другие товары. Огромный и хорошо устроенный порт Антверпена был местом стоянки тысяч кораблей, прибывавших из всех стран света, в том числе из испанских и португальских колоний. В Антверпене были сосредоточены

конторы всех крупнейших финансистов Европы, на его биржу ежедневно сходилось до 5 тыс. купцов различных национальностей.

В Голландии, Зеландии и Утрехте цеховое производство также уступало место капиталистическим мануфактурам, производившим в больших количествах шерстяные и льняные ткани (Лейден), корабельное снаряжение, парусину. Широко развились мореходство и кораблестроение. Таким образом, наряду с разорением цеховых мастеров и обнищанием мелких самостоятельных ремесленников, которые становились наёмными рабочими мануфактур, шло выделение кучки крупных капиталистов, владельцев денежных богатств и средств производства.

Важное место в экономике северных провинций занимали рыболовство и торговля. Амстердам, а также порты Зеландии — Миделбург и Флиссинген вели оживлённую торговлю с Англией, Шотландией, Прибалтикой, Ганзой и Русским государством. Отсталые сельскохозяйственные провинции — Гельдерн, Дрент, Оверейссел сбывали через голландские и зеландские порты продукты животноводческого хозяйства и через эти же порты получали недостающий им хлеб и другие товары.

В сельском хозяйстве Фландрии и частично Брабанта цензива постепенно уступала место краткосрочной феодальной аренде. Возникала и аренда капиталистического характера. Фермеры и богатые горожане, скупавшие дворянские земли, всё настойчивее вытесняли дворян из хозяйственной деятельности. В Голландии и Зеландии проводились большие работы по осушению болот, а осушенные участки, так называемые польдеры, сдавались на условиях капиталистической аренды фермерам, которые, располагая большими деньгами, заводили на этих землях крупные молочно-животноводческие хозяйства предпринимательского типа. Сами дворяне здесь переходили к капиталистическим методам ведения хозяйства. Это сопровождалось захватами общинных земель, сгоном крестьян-держателей на феодальном праве с их земельных участков, актами прямого ограбления и насилия по отношению к крестьянам. Множество крестьян превращалось в батраков, рабочих мануфактур и просто бездомных бродяг.

В целом все эти процессы характеризуют складывание в Нидерландах в недрах феодального общества капиталистических отношений. Суть их заключалась в концентрации капиталов в руках буржуазии и экспроприации трудящихся слоев города и деревни — ремесленников, подмастерьев и крестьян, которые превращались в лишённых средств производства работников мануфактур, батраков, подёнщиков, а нередко и в бездомных бродяг, против которых уже в начале XVI в. издавались свирепые «рабочие законы».

Несмотря на кажущуюся однородность экономического развития центральной и северной промышленных групп провинций, между ними имелись различия, которые в дальнейшем всё больше и больше усиливались. Капиталистические шерстоткацкие мануфактуры Фландрии и Брабанта в значительной мере зависели от ввозимой из Испании шерсти и ориентировались на подчинённые Испании рынки. По своей структуре это были преимущественно рассеянные мануфактуры. В этих провинциях дворянство пользовалось большим политическим влиянием. Скупавшие землю богатые горожане сами эксплуатировали крестьян феодальными и полуфеодальными методами.

Несмотря на довольно быстрый темп экспроприации крестьянства и развитие арендных отношений, в целом крестьянство центральных провинций было ещё опутано многими феодальными повинностями, связанными с землёй. Поэтому внутренний рынок был здесь ещё мало развит. Торговля Антверпена являлась преимущественно посреднической. Этот город почти не имел собственных кораблей. Всё это делало экономику Фландрии и Брабанта весьма уязвимой и ставило в большую зависимость от Испании.

На севере, наоборот, даже сравнительно отсталые сельскохозяйственные провинции были втянуты в товарно-денежные отношения. В Голландии, Зеландии и Фрис-

ландии дворянство владело сравнительно небольшой частью земель, и в этих провинциях существовала довольно значительная прослойка исконно свободных крестьян, владевших землёй на правах собственности. Ёмкость внутреннего рынка, а, следовательно, и база для развития капиталистических отношений были гораздо шире, а наличие мощного морского флота и ориентация торговли на Англию, Прибалтику и Ганзу делали всю экономику этих провинций почти независимой от Испании. Более того, сама Испания не могла обходиться без хлеба, привозимого голландскими купцами. Быстро развивался торговый центр северных провинций — Амстердам.

Между двумя экономическими центрами Нидерландов — Антверпеном на юге и Амстердамом на севере возникло соперничество, которое чем дальше, тем больше ослабляло первый из этих городов и укрепляло второй.

В провинциях Геннегау, Артуа, Люксембург, Намюр, Гельдерн феодальные отношения и позиции дворянства были весьма сильны. Нарождающиеся капиталистические отношения и в этих провинциях подтачивали и разлагали феодальное производство, но эти процессы протекали здесь в замедленном темпе.

Расстановка классовых сил накануне революции

Нидерландская буржуазия по своему характеру была ещё близка к средневековому бюргерству: это был период превращения средневекового третьего сословия в класс буржуазии. Противоречия между буржуазией, с одной стороны, испанским абсолютизмом и дворянством — с другой, ещё не приняли антагонистического характера. Поэтому нидерландская буржуазия была склонна к колебаниям и компромиссам, особенно в лице своей экономически наиболее сильной части — крупной торговой буржуазии.

Лишь передовая часть нидерландской буржуазии начинала осознавать свои классовые интересы. В её состав входили преимущественно владельцы мануфактур и купцы, связанные с внутренним рынком, к ней примыкали представители интеллигенции — адвокаты, врачи и пр. Эти слои населения облекали свои классовые требования в доктрину кальвинизма. Политической формой их организации были кальвинистские консистории, которые оказывали известное влияние на крестьянство, а также на мелкобуржуазные и плебейско-демократические элементы городов.

В среде народных масс большой популярностью пользовались анабаптистские секты, из которых многие проповедовали насильственное свержение существующего строя, идею имущественного равенства и уничтожения всех властей — светских и духовных.

Усиление испанского гнёта во второй половине XVI в.

С вступлением в 1556 г. на испанский престол сына императора Карла V, короля Филиппа **II,** которому после раздела империи достались Нидерланды, оппозиционные настроения в стране усилились.

В Испании к этому времени уже вполне определилась победа феодальной реакции над слабыми ростками капитализма. Господствующий класс феодалов строил своё благосостояние на ограблении подвластных стран, к числу которых принадлежали и Нидерланды. Планы Филиппа II подчинить феодально-католической реакции всю Европу являлись отражением тех целей, которые ставили перед собой реакционные испанские феодалы.

Филипп II с самого начала решил установить в Нидерландах бюрократическую систему испанского абсолютизма с целью полного экономического, политического я религиозного подчинения страны. Для достижения этой цели испанское правительство наметило следующие мероприятия: увеличение количества испанских войск в стране; сосредоточение фактической власти в руках узкого состава государственного совета (консульты), членами которого были верные слуги испанского правительства, придание епископам инквизиционных полномочий по борьбе с ересями и создание 14 новых епископств; безоговорочное исполнение законов против еретиков — «плакатов», которые при Карле V применялись с известной осторожностью.

За этим последовал ряд новых мероприятий, затронувших самые насущные экономические интересы Нидерландов. В 1557 г. Филипп II объявил государственное банкротство, вследствие которого многие нидерландские банкиры понесли огромные убытки. В 1560 г. был введён налог на вывозимую из Испании шерсть, в связи с чем её своз в Нидерланды сократился сразу с 40 тыс. до 25 тыс. кип в год. Нидерландские купцы были фактически отстранены от торговли с колониями, которую испанцы объявили своей монополией. Большой вред нанесла Нидерландам враждебная Англии внешняя политика Филиппа II, так как торговля с Англией составляла значительную часть внешнеторговых операций Нидерландов и в ней были заняты десятки тысяч людей. Эти реакционные мероприятия испанских властей нанесли удар по интересам почти всех социальных слоев населения Нидерландов и грозили разрушить экономику страны. Закрылись многие мануфактуры, тысячи людей лишились работы и вместе со своими семьями были обречены на голод и нищету. Началась эмиграция ремесленников и торговцев в другие страны.

Ратуша в Графте.
1613 г.

То обстоятельство, что все эти акты исходили от чужеземных правителей, придавало им характер национального гнёта. Проводниками политики национального угнетения явились, в частности, наместница испанского короля в Нидерландах Маргарита Пармская и её главный советник Гранвелла, заслуживший всеобщую ненависть нидерландцев.

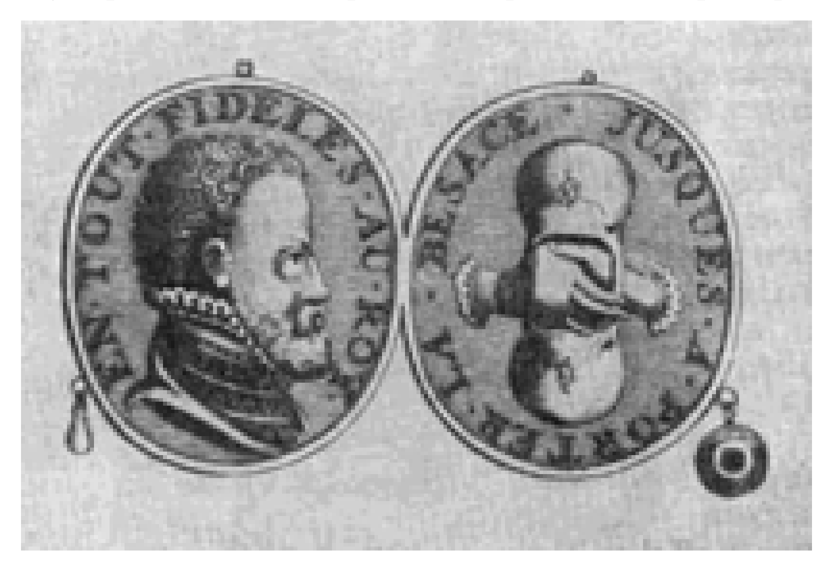
Итак, развивавшиеся в недрах феодального общества новые, капиталистические формы производства и стоявшие за ними новые классы повсюду встречали на пути своего дальнейшего роста ожесточённое сопротивление отживающих сил феодализма.

В этих условиях ниспровержение феодального строя и иноземного испанского владычества — оплота феодальных порядков в стране — могло произойти лишь путём буржуазной революции и войны за независимость. Революционные элементы буржуазии, выступавшие под знаменем кальвинизма, возглавили эту борьбу. Главной движущей силой выступали крестьянство и городской плебс, которые больше всех страдали от переплетения феодальной и капиталистической эксплуатации. Им противостояли испанский абсолютизм и его главная опора — католическая церковь и основная часть дворянства. Однако другая часть дворянства, в особенности мелкое, которое вытеснялось испанцами с различных должностей и из армии, была настроена оппозиционно по отношению к испанскому правительству.

Назревание революционной ситуации

Под влиянием описанных событий в начале 60-х годов в стране началось сильное брожение среди городского плебса и крестьянства. Кальвинизм и анабаптизм сделали огромные успехи в промышленных городах, деревнях и местечках Фландрии, Брабанта, Голландии, Фрисландии и других провинций. По свидетельству одного инквизитора, окрестности городов приморской Фландрии были полны еретиками. Толпы вооружённых людей собирались слушать еретических проповедников, и наместница испанского короля в Нидерландах Маргарита Пармская оценивала эти события как «величайшее потрясение общественного спокойствия».

В Валансьене в 1561 г. народ разогнал жандармерию и членов магистрата и спас от казни двух еретиков. В Антверпене, который был центром ересей, в 1564 г., во время казни монаха-расстриги Кристофа Фабрициуса, произошли столкновения между народом и стражей. Проповедями, а порой и массовыми выступлениями руководили буржуазные кальвинистские консистории.

Медаль дворянских гёзов.
1566 г.

В оппозиционную борьбу против испанского абсолютизма начало втягиваться и нидерландское дворянство, которое опасалось за судьбу своих средневековых привилегий. Ядро дворянской оппозиции вначале сформировалось вокруг трёх членов государственного совета: графа Эгмонта, принца Оранского и адмирала Горна. Все трое были представителями старинных аристократических семей. Выражая волю дворянства Нидерландов, они стали выступать против правительства в государственном совете, требовали восстановления вольностей страны, вывода испанских войск, отставки Гранвеллы, отмены «плакатов» против еретиков.

Дворянской оппозиции удалось добиться удовлетворения лишь некоторых из своих требований: отставки Гранвеллы (1564 г.) и вывода испанских войск, но Филипп II категорически настаивал на неуклонном исполнении «плакатов» и проявлял полное равнодушие к экономическим и политическим нуждам страны. Поэтому антиправительственные выступления и проповеди протестантов принимали всё больший размах.

Антииспанские настроения усиливались также потому, что иноземное господство сковывало национальное развитие Нидерландов, а реакционные действия испанского абсолютизма воспринимались как национальные преследования.

В 1565—1566 гг. положение в Нидерландах стало чрезвычайно напряжённым. Буржуазные кальвинистские консистории, которые сами воли агитацию против «плакатов» и инквизиции, с трудом сдерживали революционный напор масс. Даже дворянская оппозиция в условиях нараставшей волны народного возмущения вынуждена была идти дальше, чем она первоначально хотела, надеясь использовать народное движение в своих классовых интересах.

В ноябре 1565 г. дворянская оппозиция оформилась в союз «Соглашения», или «Компромисса». Дворяне противопоставляли абсолютизму свои средневековые вольности, а реформу, католической церкви хотели использовать для личного обогащения за счёт отобранных у церкви земель и богатств. Вместе с тем они протестовали против испан-

ского гнёта и испанской инквизиции. Был выработан текст обращения к правительству, являвшийся одновременно и программой оппозиции. 5 апреля 1566 г. это обращение в торжественной обстановке было вручено наместнице испанского короля Маргарите Пармской депутацией союза «Компромисса» в составе нескольких сот дворян. Их бедная одежда дала одному из вельмож повод презрительно обозвать их гёзами, т.е. нищими. Кличка эта была подхвачена всеми борцами за независимость Нидерландов, с гордостью называвшими себя гёзами.

Требуя соблюдения старинных вольностей и смягчения преследования еретиков, дворяне указывали в обращении, что невыполнение этих условий может вызвать «всеобщее волнение и бунт» и первыми жертвами его станут дворяне, как «наиболее подверженные затруднениям и бедствиям, которые обычно проистекают из подобных злоключений».

Летом 1566 г. лига дворян заключила союз с консисториями, которые в своём заявлении требовали от дворян «не останавливаться на пороге, но двинуться вперёд» и доказывали необходимость этого тем, что натиск народных масс невозможно более сдерживать. Было решено создать объединённый совет.

Классовые интересы буржуа, возглавлявших консистории, и их более тесная связь с народными массами толкали их на путь революционных действий. Они заявляли, что если правительство откажется удовлетворить их требования, то надо будет «избивать священников, громить церкви и разрушать изображения святых».

Испанские власти в Нидерландах оказывались в положении всё большей и большей изоляции. Стало ясно, что править прежними методами уже невозможно. В стране назревала революционная ситуация.

Иконоборческое восстание 1566 г.

Летом 1566 г. проповеди и шествия еретиков собирали многие тысячи вооружённых участников. Власти не могли им противодействовать. В августе 1566 г. движение принимает форму открытого вооружённого восстания, направленного против главного оплота испанского господства — католической церкви. Происходили многочисленные разгромы церквей, уничтожение икон и статуй святых (иконоборчество). Центрами движения были промышленные районы Хондсхота, Ипра, Касселя и Армантьера. Толпы вооружённых рабочих мануфактур, ремесленников и крестьян повсеместно громили католические церкви и монастыри, уничтожали иконы, статуи, забирали драгоценную утварь и передавали её городским магистратам на нужды бедных.

В Антверпене инициаторами иконоборческого движения были ремесленники и городская беднота. В Турне в разгроме церквей приняли участие 800 крестьян из окрестных деревень. К восстанию были причастны многие богатые купцы. Здесь были созданы специальные военные отряды, которые несли охрану порядка в городе. Они содержались за счёт конфискованных имуществ. Повстанцы сожгли все документы, содержавшие привилегии церквей и монастырей. То же происходило и в Валансьене.

В Миделбурге иконоборцы при поддержке богатых лиц и даже некоторых членов магистрата принудили магистрат города освободить заключённых в тюрьме еретиков. В Утрехте действия иконоборцев носили ярко выраженный социальный и политический характер, и Маргарита Пармская оценивала их не только как «ниспровержение религии, но и как уничтожение судопроизводства и всего политического порядка».

Общий размах иконоборческого восстания был грандиозен. За несколько дней оно охватило 12 из 17 провинций. В одной лишь Фландрии было разгромлено свыше 400 церквей и монастырей, а всего в Нидерландах — 5500. Это свидетельствует о массовом характере восстания. В стороне от него остались отсталые сельскохозяйственные провинции, где иконоборческие выступления имели место лишь в нескольких крупных городах.

Власти оказались бессильными перед этим мощным движением народных масс. Маргарита Пармская вынуждена была пойти на некоторые уступки. 23 августа 1566 г. она официально заявила о своём согласии на отмену, инквизиции, смягчение «плака-

тов», амнистию членам дворянского союза «Компромисса» и на допущение кальвинистского богослужения в специально для этого отведённых помещениях.

Размах и сила восстания напугали не только правительство. Напуганы были члены союза «Компромисса» и буржуазия. Дворяне безоговорочно приняли условия Маргариты, распустили свой союз и совместно с правительственными войсками приступили к подавлению восстания. Консистории вели переговоры с правительством, но уже отрекались от своего участия в восстании и от руководства им, утверждая, что оно произошло без их «ведома и согласия».

Примиренческая, нерешительная позиция буржуазии лишала восстание руководства. Консисториальные проповедники везде призывали народные массы «прекратить мятежи» и повиноваться властям. Некоторое время народные массы продолжали стихийную героическую борьбу. Однако уже к весне 1567 г. последние островки восстания в Антверпене и Валансьене были подавлены

Несмотря на обещания Маргариты Пармской, Нидерланды по-прежнему остались во власти деспотизма и инквизиции. В Мадриде было решено, что герцог Альба соберёт сильную армию и, вторгнувшись в Нидерланды, жестоко покарает всех «бунтовщиков» и «еретиков».

Террористический режим герцога Альбы

22 августа 1567 г. армия Альбы вступила в Брюссель. Тысячи семей ещё до её вступления в панике покинули пределы страны. В числе их были некоторые аристократы, в частности принц Вильгельм Оранский, который стал руководителем Дворянско-эмигрантской оппозиции. Маргарита Пармская была отозвана.

Дон Фердинанд Альварец де Толедо, герцог Альба, испанский гранд и католический фанатик, отличался деспотическим характером и непреодолимым упрямством. Опытный полководец и дипломат, он, однако, не был способен разобраться в событиях, происходивших в той стране, «усмирить» которую он был послан.

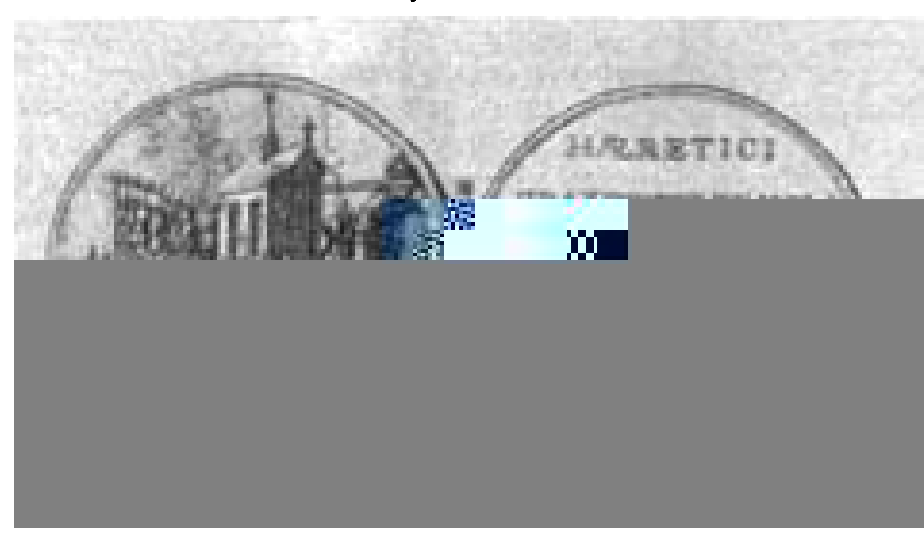
Данные ему Филиппом II инструкции были категоричны. Альба фактически получил права диктатора. Все носители «духа мятежа» и «ереси» подлежали физическому истреблению. Герцог Альба тотчас же принялся за осуществление этих предначертаний. Испанские гарнизоны расположились во всех крупных городах и цитаделях страны и обращались с «недосожжёнными» (так они называли всех нидерландцев), как с туземцами испанских колоний. 9 сентября Альба арестовал главарей аристократической оппозиции — графов Эгмонта и Горна, а также бургомистра Антверпена Ван Стралена. Альба, как и Филипп II, всё ещё был склонен считать оппозиционных дворян и их лидеров главными зачинщиками «беспорядков».

В сентябре был учреждён и приступил к своей деятельности «Совет по делам о мятежах», прозванный «кровавым советом». На основании приговоров этого террористического судилища за период 1567—1569 гг. было казнено свыше 8 тыс. человек, не считая многих тысяч, подвергшихся другим видам наказаний. 5 июня 1568 г. были казнены лидеры аристократической оппозиции Эгмонт и Горн. Уничтожая все оппозиционные элементы, Альба одновременно хотел превратить судебные конфискации в источник обогащения испанской казны.

В марте 1569 г. на утверждение Генеральных штатов был внесён законопроект о введении в Нидерландах испанской системы налогообложения, носившей название алькабалы. В алькабалу входил 1%-ый налог со всех движимых и недвижимых имуществ, 5%-ый — с продажи всех недвижимых имуществ и 10%-ый — с каждой торговой сделки по движимости. В условиях Нидерландов, где каждый товар проходил через многие руки, прежде чем попасть к потребителю, введение 10%-ого налога на каждую сделку было равносильно экономической катастрофе. Возмущение охватило всю страну. С большим трудом Генеральные штаты уговорили Альбу отложить введение алькабалы до 1571 г., а пока ограничиться взиманием с Нидерландов ежегодного платежа в испанскую казну в размере 2 млн. флоринов, 1%-ый налог был всё же взыскан и дал 3300 тыс. флоринов.

Партизанская народная борьба против испанского деспотизма

Борьба народных масс против террора Альбы началась сразу по его прибытии. Множество мелких ремесленников рабочих мануфактур и крестьян, бросив свои дома, скрылось в лесных массивах окрестностей Дьеппа, Ипра, Касселя и Оденарде во Фландрии. Отсюда они повели ожесточённую партизанскую войну против испанцев и их пособников. Они истребляли мелкие отряды испанских солдат, казнили — по приговорам тайных консисторий — католических священников и судейских чиновников. Сотни вооружённых фламандских эмигрантов возвращались обратно из Англии и присоединялись к этим лесным гёзам. Крестьяне окрестных деревень снабжали народных мстителей продовольствием и сообщали им о действиях правительственных войск и властей.

Медаль, выбитая в знак протеста против инквизиции. 1568 г.

Такие же события происходили и на севере страны. В 1567—1568 гг. в Северной Голландии разразилось сильное крестьянское восстание, но, лишённое руководства, оно было разгромлено. Тогда рыбаки и матросы Голландии, Фрисландии и Зеландии — «морские гёзы» — на своих лёгких и быстроходных кораблях начали ожесточённую борьбу с испанцами на море. Вначале принц Оранский не желал поддерживать связей с «морскими гёзами», но в дальнейшем установил с ними связь и постарался подчинить их себе. Вильгельм Оранский начал выдавать «морским гёзам» каперские свидетельства, которые предоставляли им право вести войну против испанцев и захватывать их суда. Через год на кораблях гёзов появились дворяне (де Люмэ, де ля Марк и др.), постепенно забравшие руководство в свои руки. Несмотря на это, во флоте гёзов царил революционный дух.

Однажды «морские гёзы» захватили целый флот испанцев в количестве 46 кораблей с деньгами и ценностями. В другой раз они овладели караваном из 30 кораблей и совершили опустошительный налёт на город Моникендам.

Базировались гёзы на морские порты Англии, некоторое время оказывавшей им покровительство в целях ослабления своего врага — Испании.

Политика принца Оранского и дворянской эмиграции

Принц Вильгельм Оранский не был нидерландцем по происхождению. Он родился в Германии, в семье владетельного князя Нассауского. Свои нидерландские владения он получил по наследству от дяди Воспитанный при дворе Карла V, Вильгельм Оранский сохранил тесные связи со своими родственниками в Германии, женился на немецкой принцессе и всегда демонстративно подчёркивал своё положение имперского князя. На первом этапе революции он стремился стать независимым имперским князем, курфюрстом брабантским или голландским Его веротерпимость сочеталась в то же время с ненавистью к анабаптистам, а склонность к реформации объяснялась стремлением извлечь материальные выгоды из конфискации церковных владений и обеспечить себе иноземных союзников в лице французских гугенотов, немецких протестантских князей и правительства Англии.

После подавления испанцами иконоборческого движения Вильгельм Оранский бежал с группой своих приверженцев в Германию и здесь начал собирать силы для вооружённой борьбы против Альбы. Отсюда, собрав субсидии от богатых купцов и консисторий нидерландских городов, при покровительстве и содействии немецких протестантских князей и французских гугенотов, он совершил несколько походов в Нидерланды для борьбы с испанцами. Однако все они были неудачны. Причиной этому было не только отсутствие полководческих дарований у принца, но и характер его политики и стратегии. Он ориентировался в тот период главным образом на наёмные войска и помощь иноземных государей.

Потерпев поражение в военной кампании 1568—1569 гг., принц Оранский в 1571 г. начал секретные дипломатические переговоры с Францией и Англией. Целью переговоров было заручиться военной помощью этих государств. В уплату за «помощь» Франции были обещаны провинции Геннегау, Артуа и Фландрия; Англии — Голландия и Зеландия, а сам принц должен был получить Брабант и некоторые другие провинции и стать имперским курфюрстом брабантским.

Однако социально-политическая обстановка, в условиях которой развивалась деятельность принца Оранского, конкретная расстановка классовых сил, сложившаяся в дальнейшем ходе революции и освободительной войны, внесли серьёзные поправки в его планы. В конце концов он стал фактически исполнителем воли крупной, преимущественно торговой буржуазии Нидерландов, которая видела в принце Оранском нужного ей «сильного человека». В то же время Вильгельм Оранский сумел обеспечить себе поддержку в среде самых разнообразных социальных слоев: дворян, зажиточных горожан и даже со стороны некоторой части народных масс.

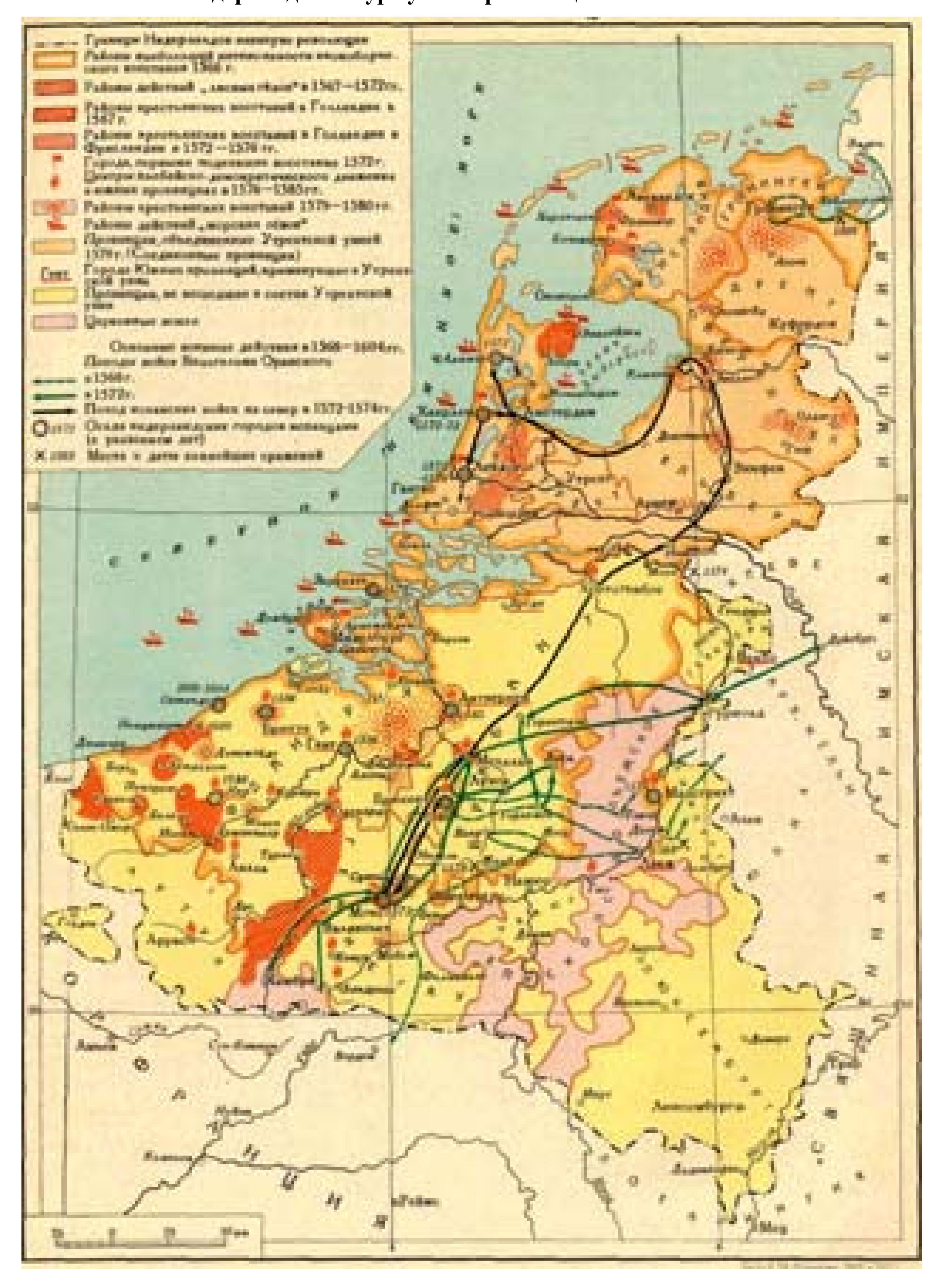
Восстание 1572 г. и зарождение буржуазной республики на севере

В 1571 г. Альба ввёл алькабалу. Вся экономическая жизнь страны приостановилась, расторгались сделки, закрывались лавки и мануфактуры, обанкротились многие фирмы и банки. Атмосфера в стране накалилась до чрезвычайности, особенно в Голландии и Зеландии. Началась массовая эмиграция населения.

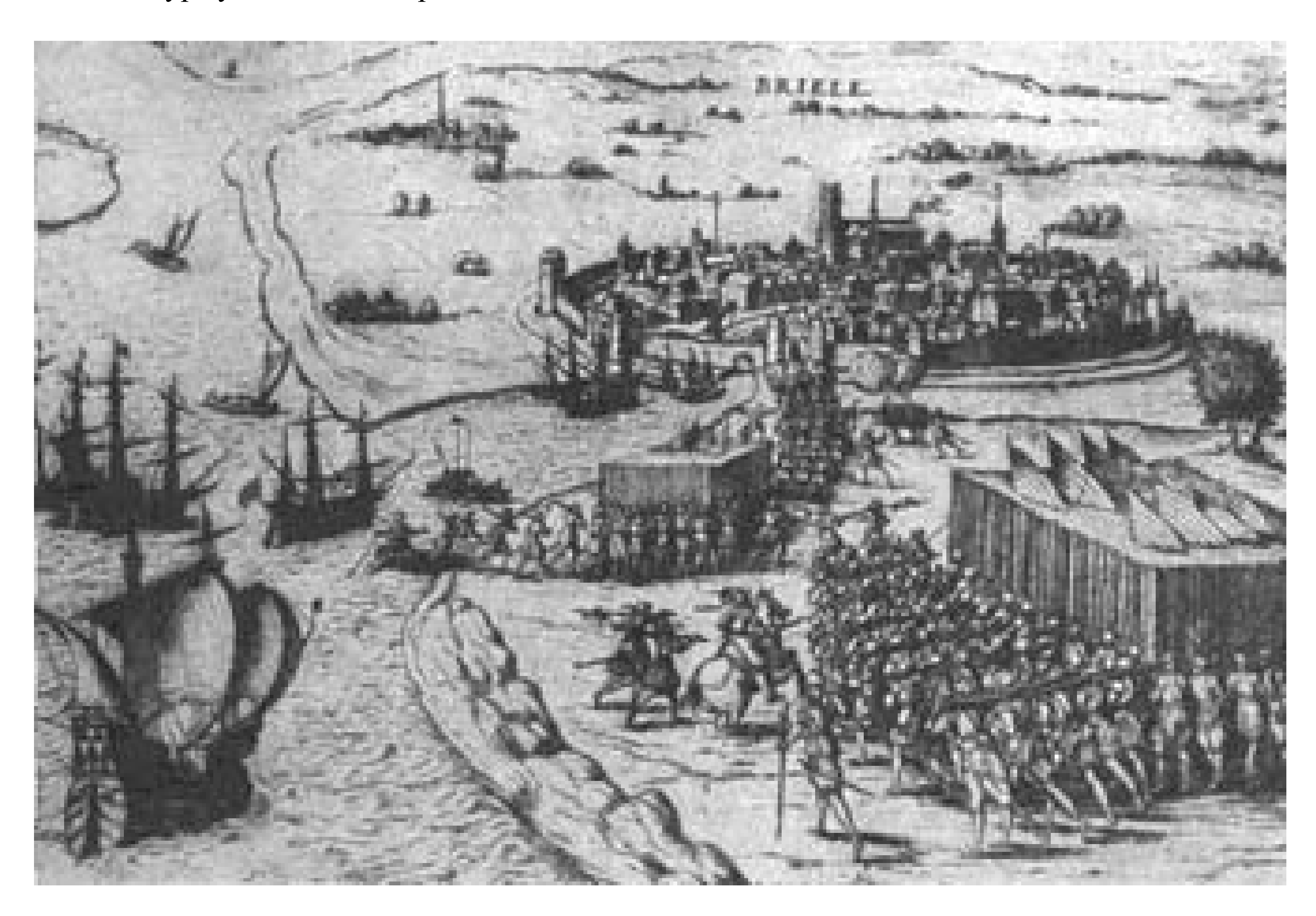
В такой обстановке отряд «морских гёзов», изгнанных из английских портов указом королевы Елизаветы, уступившей настояниям испанского правительства, внезапным налётом 1 апреля 1572 г. овладел портовым городом Брилем, расположенным на острове в устье Рейна. Указанный эпизод в условиях вновь обострившейся революционной ситуации послужил сигналом к всеобщему восстанию в северных провинциях. 5 апреля 1572 г. городские массы Флиссингена восстали и впустили в город революционные отряды гёзов. Окрестное крестьянство активно поддерживало восставших и энергично истребляло небольшие отряды испанских войск. Вслед за этим произошли восстания в городе Веер, в котором находился главный арсенал испанской армии, в Арнемейдене, Энкхёйзене, а через несколько недель весь север пылал в огне всеобщего восстания. На путь борьбы с испанцами встала и та часть дворянства северных провинций, которая сблизилась с буржуазией и приняла кальвинизм. Эти успехи на суше были подкреплены рядом сильных ударов по испанскому флоту на море.

Народное восстание на севере, руководимое революционной кальвинистской буржуазией, заложило основу будущей буржуазной республики Соединённых провинций. Характерно, что ни Альба, ни принц Оранский не смогли оценить всю важность этого события. Принц, целиком погружённый в организацию нового вторжения иностранных войск в Нидерланды, «...узнав об этом народном движении, не проявил никакого удовольствия. Наоборот, он жаловался, что эти небольшие успехи помешают главному мероприятию, которое он готовил»,— писал в своей хронике Гуго Гроций. Альба с пренебрежением отнёсся к «бунту мужиков» и высокомерно заявил: «Это не важно». Он считал, что главная опасность грозит со стороны принца Оранского и его союзников из числа немецких князей. Все свои основные силы Альба двинул в Геннегау, на город Монс, который был захвачен братом принца Оранского Людовиком Нассауским.

Нидерландская буржуазная революция 1566—1609 гг.

Принц Оранский лишь тогда обратил серьёзное внимание на восстание на севере, когда его очередной военный поход на юг Нидерландов потерпел полный крах. Тем временем в северных провинциях «морские гёзы», сформированные из плебса, ремесленников и радикальной буржуазии новые городские ополчения стали господами

Взятие Бриля «морскими гёзами» в 1572 г.
Гравюра 1583 г.

положения. Они вели активные боевые операции против испанцев на суше и на море, организовывали оборону городов и методами революционного террора расправлялись с противниками революции и с испанской агентурой. Но богатое купечество Голландии и Зеландии, поддерживавшее политический союз с дворянством и высшим слоем средневекового бюргерства, постепенно начало прибирать власть к своим рукам. Одним из шагов в этом направлении было призвание Вильгельма Оранского. Ему была вручена высшая исполнительная власть и командование войсками и флотом. Эти общественные слои надеялись, что принц «обуздает» народные массы и обеспечит ведение войны против Испании, используя для этого иноземных союзников. Уже в 1572 г. в Голландии и Зеландии стали высаживаться французские и английские отряды, которые под видом «помощи» преследовали корыстные, захватнические цели в отношении Нидерландов.

Период с 1573 по 1575 г. был тяжёлым для восставших. Поняв свою ошибку, Альба всеми силами обрушился на «мятежников». Повсюду народные массы оказывали отчаянное и героическое сопротивление испанцам. Семь месяцев (с декабря 1572 по июль 1573 г.) население Хаарлема вело героическую борьбу с осаждавшими город испанскими войсками, и лишь угроза голодной смерти заставила его капитулировать. Не меньший героизм проявили жители осаждённого Лейдена (май — октябрь 1574 г.), борьба которых закончилась блестящей победой. Восставшие провинции широко и с большим

эффектом применяли метод затопления водой территорий, занятых испанцами хотя это и наносило очень большой ущерб крестьянам.

Восстание 1576 г. и «Гентское умиротворение»

Наконец в Мадриде поняли, что политика Альбы провалилась. В декабре 1573 г. он был смещен и покинул Нидерланды. Сменивший герцога Альбу Рекезенс перестал взимать алькабалу и объявил весьма ограниченную амнистию, но это были запоздалые, половинчатые меры, и положение в стране не изменилось к лучшему. Восставшие же провинции севера самоотверженно переносили

Зверства испанцев после взятия Хаарлема в 1573 г.
Гравюра 1583 г.

самые тяжёлые испытания. Испанские наёмники годами не получали жалованья. Встретившись с героическим сопротивлением народа и тяжёлыми материальными лишениями, они быстро превратились в скопище мародеров и насильников.

В 1576 г. испанские солдаты подняли мятеж. Сместив своих командиров и покинув «негостеприимный» север, они самовольно двинулись всей своей массой на юг, оставляя за собой руины и запустение.

Однако и на юге быстро назревал революционный кризис. Городские магистраты и народные массы готовили отпор наемным грабителям. Отряды крестьян уничтожали мелкие группы испанских солдат. На улицах Брюсселя убивали испанцев и их пособников. Даже дворянство и духовенство проявляли сильное недовольство политикой испанского абсолютизма.

4 сентября 1576 г. отряд городской милиции Брюсселя под командованием офицера-оранжиста (сторонника принца Оранского) при поддержке населения арестовал

членов государственного совета. Народные массы восстали. Испанское владычество было низвергнуто и в южных провинциях. Власть перешла к Генеральным штатам.

Восстание 4 сентября получило отклик во всей стране. Повсюду народные массы брались за оружие и низвергали реакционные городские магистраты. К политической деятельности приобщались широкие слои городского плебса и крестьянства. Революционные элементы буржуазии стремились овладеть и руководить этим движением масс. В то же время реакционное дворянство, богатое консервативное бюргерство и купечество не желали терять своих руководящих позиций. Они старались закрепиться в городских магистратах и правительственном аппарате. Дворяне захватывали командные должности в армии, организованной штатами, и энергично набирали собственные отряды. В целом же политическая обстановка была крайне запутанной и противоречивой.

В частности, положение особенно осложнялось тем обстоятельством, что взбунтовавшиеся испанские войска овладели цитаделями в ряде крупных городов: Антверпене, Генте, Алосте и др. Население этих городов оказалось под постоянной угрозой насилий и грабежей со стороны взбунтовавшихся испанских наёмников.

В этих условиях в Генте собрались в том же 1576 г. Генеральные штаты. По своему составу они мало отражали изменения, происшедшие в политической жизни страны. Южные провинции были представлены здесь реакционным дворянством, католическим духовенством и консервативными слоями бюргерства. Делегаты северных провинций были в меньшинстве, и их радикальные предложения тонули в потоке бесплодной дискуссии.

Тем временем взбунтовавшиеся испанские наёмники антверпенской цитадели 4 ноября овладели городом, подвергнув его грабежу и разгрому. 8 тыс. горожан было убито и замучено, сгорело около 1000 зданий, общий ущерб оценивался в 24 млн. гульденов.

Эти события заставили Генеральные штаты поспешить с выработкой решения. Принятый ими 8 ноября 1576 г. текст «Гентского умиротворения» не содержал, однако, чёткой программы действий. Правда, кровавое законодательство герцога Альбы объявлялось отменённым, декларировалась необходимость сохранения единства страны и ведения решительной борьбы с мятежными испанскими войсками (которые объявлялись вне закона) до тех пор, пока страна не будет освобождена от испанцев. На юге сохранялось господство католической религии; за Голландией и Зеландией признавалось право сохранить протестантизм. Но целый ряд важнейших вопросов оставался нерешённым. Власть ненавистного народу Филиппа II не была свергнута. Не были восстановлены отменённые за последние 5—10 лет испанцами вольности и привилегии, которые давали право городским низам принимать некоторое участие в местном управлении. В частности, не были восстановлены вольности Гента, отменённые Карлом V после гентского восстания 1539—1540 гг. Такие вопросы, как ликвидация феодальных поземельных отношений, даже не обсуждались Генеральными штатами, а предложение о секуляризации церковных земель было отвергнуто большинством депутатов. Всё это показывало, что те, кто выработал текст «Гентского умиротворения» — богатые бюргеры, дворяне, представители городского патрициата и католического клира, стремились не к дальнейшему развитию революции, а к её ограничению.

Обострение классовой борьбы на юге страны

Вопреки воле народа Генеральные штаты повели переговоры с присланным Филиппом II в качестве наместника Нидерландов дон Хуаном Австрийским. В феврале 1577 г. дон Хуан согласился принять условия «Гентского умиротворения» и подписал так называемый вечный эдикт. Но уже 24 июля он открыто порвал с Генеральными штатами и начал стягивать войска в Намюр.

В ответ по всей стране прокатилась новая волна народных восстаний. В Брюсселе и некоторых других городах Фландрии и Брабанта были созданы революционные

«комитеты восемнадцати», состоявшие из представителей 9 цеховых «наций»[1] города, по 2 от каждой.

Членами «комитетов восемнадцати» являлись буржуа, адвокаты, ремесленники, мелкие лавочники, купцы. Фактически эти комитеты представляли собой органы революционной власти. Их главной задачей была организация обороны городов и их окрестностей от испанских войск. Война за независимость страны являлась наиболее насущной жизненной задачей в стране, и революционность любой партии определялась тем, насколько энергично она способна была вести войну с испанцами. Но, начав с организации обороны городов, «комитеты восемнадцати» стали вторгаться во все области городской жизни, контролировать действия магистратов и оказывать давление на государственный совет и Генеральные штаты в Брюсселе. Летом и осенью 1577 г. «комитет восемнадцати» Брюсселя официально требовал у Генеральных штатов удаления из государственного аппарата засевших в нём реакционеров и испанской агентуры. Он обложил особым налогом доходы зажиточных горожан Брюсселя.

Однако народные массы не были достаточно организованны, а революционная буржуазия не смогла выдвинуть из своей среды руководителя общегосударственного масштаба. Этим воспользовался принц Оранский. Осенью 1577 г. он прибыл в Брюссель. Опираясь на энергичную деятельность своих сторонников, он добился должности руварда (наместника) Брабанта.

Дворянская партия тем временем пыталась закрепиться во Фландрии и сделать её столицу — город Гент — центром своих контрреволюционных комбинаций. Восстание гентского плебса 28 октября 1577 г. смело дворянских реакционеров. Их лидер — герцог Арсхот и ряд других заговорщиков были арестованы, а хозяином города стал «комитет восемнадцати», находившийся под влиянием кальвинистских консисторий.

Всюду организовывались демократические военные отряды, революционные «комитеты восемнадцати», собирались пожертвования и изготовлялось оружие. Демократические элементы захватили власть и в Аррасе — центре провинции Артуа, в которой преобладало влияние реакционно-дворянских элементов. Но повсюду в состав «комитетов восемнадцати» проникали и сторонники Вильгельма Оранского, которые старались проводить свою программу действий.

Генеральные штаты и поддерживавшие их социальные слои находились в растерянности. Напуганные мощным размахом народных выступлений, они видели своё спасение в его подавлении путём сговора с силами феодально-католической реакции, что вызывало в народе ещё большее возмущение.

Демократическое движение в Генте

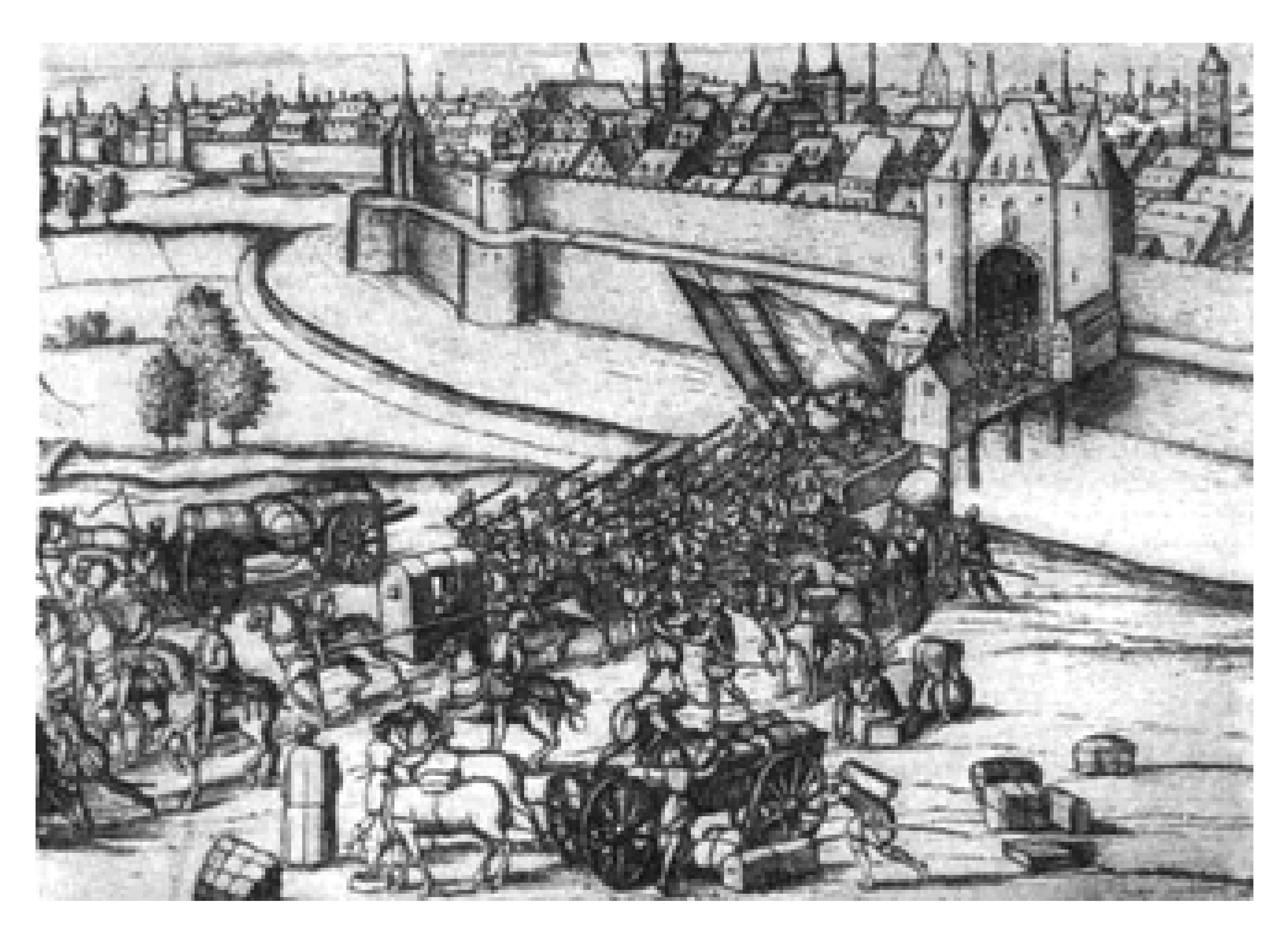
Наиболее острая социально-политическая борьба разгорелась в Генте, «Комитет восемнадцати» здесь ввёл свободу вероисповедания, правительственные войска были изгнаны из города, а вместо них созданы военные формирования из демократических элементов — плебса и ремесленников. Руководство этой армией находилось в руках представителей революционной буржуазии. Церковные имущества были конфискованы и распродавались по дешёвой цене. Вырученные от их продажи деньги шли на оплату войск и помощь беднякам. Осенью 1578 г. гентцы казнили ярых реакционеров, сторонников Испании — бывшего члена «кровавого совета» Гессельса и Яна де Виша, по вине которых погибло много людей.

Не желая поддерживать политику Генеральных штатов, гентцы отказались платить налоги и в целях объединения сил революционно-освободительного движения заключили союз с Брюсселем и городами Фландрии.

После того как настроенное происпански дворянство Геннегау и Артуа, разгромив городскую демократию в Аррасе и Валансьене, подняло мятеж осенью 1578 г., гентцы в союзе с фламандским крестьянством повели против них активные военные действия. Во Фландрии разгорелась настоящая крестьянская война. Крестьянство

[1] Нацией называлась группа цехов родственных специальностей.

Фландрии не получило от Генеральных штатов ни земли, ни освобождения от феодальных повинностей. В то же время оно подвергалось грабежу и насилиям со

Отступление испанцев из Брабанта в 1577 г.
Гравюра Ф. Гогенберга.

стороны дворян и военных наёмников, призванных в Нидерланды Генеральными штатами и принцем Оранским.

Для борьбы против наёмных войск и дворян крестьяне создавали отряды самообороны. Крестьяне захватывали дворянские земли, громили замки и монастыри. Дворяне и католическое духовенство опасались полной своей гибели.

Крупные крестьянские восстания имели место также в ряде северных провинций — Оверейсселе, Фрисландии, Дренте, Гельдерне, Гронингене.

Напуганные ростом массового революционного движения, Генеральные штаты отправили войска, которые свирепо расправлялись с восставшим крестьянством.

Аррасская и Утрехтская унии 1579 г.

6 января 1579 г. в Аррасе представители дворянства провинций Артуа и Геннегау заключили союз, целью которого являлось общее соглашение с Филиппом II как «законным повелителем и государем». Это было открытое предательство национальных интересов страны феодально-католической реакцией.

В ответ на это 23 января 1579 г. была создана Утрехтская уния, ядро которой составляли революционные северные провинции: Голландия, Зеландия, Утрехт и Фрисландия. К ним примкнули вскоре города Фландрии и Брабанта во главе с Гентом.

Целью Утрехтской унии было ведение революционной войны против Испании до победного конца.

Католическая реакция, ободрённая достигнутыми ею успехами в Геннегау и Артуа, осмелела. В крупных городах Фландрии и Брабанта — Антверпене, Брюсселе, Брюгге испанская агентура организовала ряд мятежей, которые, однако, разбились о бдительность и сопротивление сил революционного движения.

Низложение Филиппа II

26 июля 1581 г. в обстановке войны с Испанией и острой политической борьбы внутри страны штатами провинций, заключивших Утрехтскую унию, был официально низложен как суверен Нидерландов Филипп II. Ещё до этого принц Оранский разгромил в августе 1579 г. демократическое движение в городе Генте. На севере специальным законом демократические городские корпорации, так называемые милиции или стрелковые гильдии, были лишены в 1581 г. права принимать участие в решении городских и общегосударственных дел. В феврале 1582 г. принц Оранский и Генеральные штаты вопреки воле народа призвали в страну в качестве её правителя герцога Анжуйского. В январе 1583 г. герцог Анжуйский, опираясь на наёмные французские войска, поднял реакционный мятеж, имевший целью присоединение Фландрии и Брабанта к Франции. Мятеж был подавлен силами вооружённого народа, но в сочетании с общей обстановкой, сложившейся в центральных провинциях страны, он имел катастрофические последствия для дальнейших судеб революции.

Поражение революции на юге страны и его причины

Политика сторонников Вильгельма Оранского, подавлявших демократическое движение, имела своим следствием ослабление борьбы широких народных масс за независимость и привела к тому, что усиленному военному натиску испанцев в 1583 г. противостояло на юге лишь сопротивление разрозненных городских центров — Ипра, Гента, Брюгге, Брюсселя, Антверпена. Революционные защитники героически оборонявшихся городов могли иметь лишь временные успехи. Присланный из Испании в качестве наместника короля Александр Фарнезе овладевал одним городом за другим, используя свой перевес в силах и разрозненность действий городов.

Теперь сказались как особенности экономической структуры Фландрии и Брабанта, так и связанное с этим своеобразие расстановки классовых сил в этих провинциях.

Плебейские ремесленные массы городов Фландрии и Брабанта, дезорганизованные изменой своих руководителей, не смогли оказать успешного сопротивления натиску испанских войск и внутренней реакции.

Крестьянство ещё раньше потеряло способность к борьбе, так как Генеральные штаты потопили в крови его выступления, имевшие своей целью ликвидацию феодальной собственности на землю.

Наиболее радикальные и предприимчивые элементы городской буржуазии — владельцы мануфактур и связанное с ними купечество — массами эмигрировали на север. В городах Фландрии и Брабанта всё большую силу и значение приобретали консервативные слои буржуазии, высшие слои средневекового бюргерства, связанные своими политическими и экономическими интересами с Испанией. В итоге испанцы захватили южную часть Нидерландов.

Республика Соединённых провинций в конце XVI в.

Иначе складывалось положение на севере. Здесь Голландия и Зеландия, провинции с относительно более развитыми формами капиталистических отношений, особенно окрепшими в ходе революции, представляли центр национально-освободительного движения, который притягивал к себе революционные элементы других провинций Нидерландов. Религиозные преследования и испанская налоговая система — алькабала вызывали здесь одинаковое возмущение в городе и деревне, что создавало прочную основу для совместной борьбы крестьян и городского плебса.

Революционные элементы буржуазии, сгруппировавшиеся вокруг кальвинистских консисторий, были сильнее и сплочённее, чем на юге, и постоянно пополнялись за счёт эмиграции с юга. Буржуазия и народные массы участвовали в северных провинциях в совместной борьбе против испанцев, католической церкви и наиболее ненавистных феодальных институтов. Идеологическим знаменем движения был кальвинизм, и в этом заключается смысл слов Энгельса. «...кальвинизм создал республику в Голландии...» [1]

Предоставив южным провинциям после восстания 1576 г. роль военного заслона, голландская буржуазия успешно использовала созданную этим временную передышку. Заключением Утрехтской унии 1579 г. она положила начало политическому существованию нового независимого буржуазного государства — Соединённых провинций Нидерландов, называемых чаще по наиболее крупной и важной провинции Голландией.

Вильгельм Оранский.
Портрет работы А. Т. Кея.

Государственным аппаратом Соединённых провинций постепенно полностью овладевала консервативная купеческая олигархия. Приглашение принца Оранского на должность штатгальтера, формальное сохранение вплоть до 1581 г. суверенитета Филиппа II над Нидерландами, отстранение кальвинистских консисторий и стрелковых гильдий от участия в решении государственных и городских дел, поддержка внешней политики оранжистов — всё это было делом её рук.

Летом 1584 г. агентом Филиппа II Балтазаром Жераром был убит Вильгельм Оранский. Однако социально-политическая основа, на которой сложился и вырос оранжизм, продолжала существовать. Генеральные штаты Соединённых провинций по-прежнему занимались усиленными поисками нового иноземного государя на престол Нидерландов. Когда король Франции Генрих III отклонил сделанное ему предложение, восторжествовала английская ориентация. В сентябре 1585 г. граф Лестер, приближённый королевы Елизаветы, вступил в обязанности фактического правителя Соединённых провинций. Опасность этой политики не замедлила обнаружиться. Выполняя инструкции английского правительства, граф Лестер стремился превратить республику в бесправный придаток Англии, а английским купцам помочь захватить в свои руки традиционные внешние голландские рынки. С этой целью Франция и Германия были объявлены «союзниками» Испании и торговля с ними

[1] *Ф. Энгельс,* Развитие социализма от утопии к науке, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, М. 1955, стр. 95.

была запрещена. Войну с Испанией граф Лестер вёл неудачно, а затем, по приказу английского правительства, завязал с испанцами предательские переговоры и поднял военный мятеж в целях захвата Нидерландов.

Мятеж графа Лестера был разгромлен, а сам он вынужден был покинуть республику. Лишь после этого правящая купеческая олигархия покончила с поисками иноземных государей и перешла в своих отношениях с соседними государствами к самостоятельной политике.

Перемирие 1609 г.

В 1587—1609 гг. республика в союзе с Англией и Францией продолжала вести войну против Испании. Южные провинции были завоёваны испанскими войсками (в 1584 г. были взяты Брюгге и Гент, в 1585 г. — Брюссель и после ожесточённого сопротивления — Антверпен, которому буржуазия северных провинций, видевшая в нём торгового конкурента Амстердама, не оказала должной помощи). В 1598 г. южные провинции превратились в вассальное по отношению к Испании государство под управлением эрцгерцога Альберта и его жены, дочери Филиппа II — Изабеллы. Сын Вильгельма Оранского — Мориц, избранный в 1585 г. штатгальтером Голландии и Зеландии, был талантливым полководцем и сумел не только освободить области, захваченные ранее испанцами, но и присоединить к северным провинциям ряд районов в Северном Брабанте и Фландрии. Одновременно флот республики, используя ослабление Испании на море, вёл активные военные операции на её морских коммуникациях и в колониях, закладывая этим основу будущей колониальной империи Голландии.

Понеся ряд тяжёлых военных поражений, Испания вынуждена была в 1609 г. заключить перемирие на 12 лет. По договору Испания признала независимость Соединённых провинций и право их Вести торговлю с португальскими колониями в Ост-Индии. Устье Шельды было закрыто для торговли, что обрекало Антверпен на неминуемое экономическое разорение. Заключение перемирия 1609 г. знаменовало собою победу революции на севере Нидерландов.

Характер Нидерландской революции

В статье «Буржуазия и контрреволюция» Маркс писал: «Революция 1789 года имела своим прообразом (по крайней мере, в Европе) только революцию 1648 года, а революция 1648 года — только восстание нидерландцев против Испании. Каждая из этих революций ушла на столетие вперед по сравнению со своими прообразами не только по времени, но и по своему содержанию» [1].

Маркс, таким образом, подчёркивает, что уже Английская революция 1648 г., во время которой буржуазия выступала в союзе с новым дворянством, ушла на столетие вперёд по сравнению со своим прообразом, т. е. с Нидерландской революцией.

Особый характер Нидерландской революции по сравнению с революциями 1648 и 1789 гг. обусловливался тем, что в Нидерландах буржуазия была ещё политически незрелым классом. Особенно это относится к южным провинциям Нидерландов. Неразвитым был и классовый антагонизм нидерландской буржуазии по отношению к дворянству и абсолютизму. В условиях войны за независимость затушёвывалась социальная сущность событий, так как на первый план выдвигалась национально-освободительная борьба с Испанией. Поэтому нидерландская буржуазия в ещё большей степени, чем английская, особенно в лице её экономически наиболее сильной части — крупной торговой буржуазии, поддерживала союз не с крестьянством и городским плебсом, а с дворянством. Нидерландское дворянство в противоположность английскому обуржуазившемуся «новому дворянству» XVII в. являлось в своей основной массе феодальным, и подобный союз был сопряжён с гораздо большими уступками со стороны нидерландской буржуазии феодальным элементам, чем в Англии XVII в.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Буржуазия и контрреволюция, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч., т. 6, стр. 114.

КРЕСТЬЯНСКАЯ СВАДЬБА
Питер Брейгель Старший. Около 1567 г.

2. Южные Нидерланды и Голландия в первой половине XVII в.

Испанские Нидерланды в первой половине XVII в.

Экономика оставшихся под властью Испании южных провинций Нидерландов, позднее названных по имени обитавшего здесь в древности племени белгов Бельгией, переживала после перемирия 1609 г. тяжёлый кризис. Таможенный тариф с высокими вывозными и низкими ввозными пошлинами гибельно отражался на местной промышленности. Бельгийские купцы были лишены права торговли с испанскими колониями. Мануфактурное производство Фландрии и Брабанта пришло в упадок, города запустели, и провинции, в которых ранее существовала развитая промышленность, превратились в аграрные области. В разорённых городах закрепили своё монопольное господство цехи, а реакционные слои бюргерства и патрициат заняли господствующее положение в городских магистратах.

В упадок приходило и сельское хозяйство испанских Нидерландов. Была установлена жестокая система взыскания недоимок с крестьян. Феодалы сохранили собственность на землю.

Экономическое развитие Голландии

Голландия в результате доведённой до конца революционной борьбы против иноземного господства не только сбросила с себя испанское иго, но и стала первой буржуазной республикой, в то время как во всех остальных странах Европы ещё господствовал феодализм. Правда, незавершённость Нидерландской революции сказалась и в Голландии. И в области экономики, и в государственном устройстве проведённые преобразования носили компромиссный характер. Впоследствии это привело к упадку Голландии, но на первых порах она быстро пошла вперёд по пути прогресса. Бурно развивалось мануфактурное производство. Шерстоткацкие мануфактуры Лейдена в начале XVII в. поставляли на рынок 70—120 тыс. кусков тканей в год. В Роттердаме и ряде других городов развилось производство плюша, шёлка, льняных тканей и других изделий. На верфях Амстердама и Заандама строились корабли всех типов не только для нужд самой республики, но и для иностранных государств. В рыболовецком промысле было занято до 2000 кораблей, и годовой улов оценивался в 22 млн. флоринов.

Но главные богатства были сосредоточены во внешней торговле и мореплавании. В середине XVII в. флот Соединённых провинций почти вдвое превосходил флоты Англии и Франции, взятые вместе, а общий торговый оборот достигал 75—100 млн. флоринов в год. Крупное значение для Голландии в XVII в. имела её торговля с Россией. Так, в 1624 г. русско-голландские торговые сделки оценивались в 2 млн. флоринов. Испанский агент писал по этому поводу в секретной записке: «Надо принять во внимание, что самая большая торговля, которую голландцы ведут теперь и вели долгие годы и которую они считают наиболее обеспеченной... это торговля с севером» а главным образом — с Московией».

Крупнейшую роль в торговле республики играла основанная в 1602 г. Ост-Индская торговая компания, заправилами которой были амстердамские купцы. Это было государство в государстве, превратившее самые органы управления Голландской республики в свои филиалы.

Амстердам стал европейским центром торговли и кредита. Здесь возникли первые в Голландии страховые компании, а в 1609 г. — банк, который занимался депозитными (приём вкладов) и кредитными операциями широкого масштаба.

Это господство торговой буржуазии в экономической жизни республики объясняется тем, что она переживала ещё мануфактурный период развития капитализма, когда «...торговая гегемония обеспечивает промышленное преобладание» [1].

---

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 757.

Политическое устройство Соединённых провинций

Торговая и крупная промышленная буржуазия, связанная с внешней торговлей (ведущее место в которой занимала Голландия с её главным центром — Амстердамом), захватила руководящее положение в политической жизни республики. Государственное устройство Голландии базировалось на положениях Утрехтской унии. Основное законодательство, решение общегосударственных вопросов и налогообложение являлись прерогативой Генеральных штатов. Каждая из 7 провинций пользовалась в них, независимо от числа депутатов, одним голосом. Депутаты были обязаны голосовать строго в соответствии с инструкциями своих избирателей (императивный мандат), и каждое решение должно было приниматься единогласно. Но это либеральное на первый взгляд устройство дополнялось весьма действенной и энергичной исполнительной властью в лице штатгальтера, которому к тому же предоставлялось далеко идущее право арбитража в том случае, если Генеральные штаты не приходили к согласованному решению.

Государственный совет ведал преимущественно военными вопросами. В нём места распределялись в зависимости от той доли общей суммы налогов, которую уплачивала каждая провинция, вследствие чего Голландия и Зеландия имели 5 мест из 12.

Каждая провинция во внутренних делах пользовалась широкими автономными правами. Провинциальные штаты, магистраты городов и штатгальтеры являлись местными органами управления. Социальный состав штатов провинций и форма их работы были различны. В Голландии из 19 членов штатов 18 являлись представителями крупной буржуазии и лишь 1 депутат представлял дворянство. Активным избирательным правом в этой провинции из 1 млн. 200 тыс. населения пользовалось лишь несколько тысяч человек. В штатах «вольной Фрисландии» вместе с дворянскими депутатами заседали представители крестьян и городов. Все вопросы здесь решались простым большинством голосов. В отсталых восточных провинциях — Гельдерне и Оверейсселе в штатах преобладало дворянство.

Классовая борьба в первой половине XVII в.

Внутренняя политика господствовавшей в стране крупной буржуазии была откровенно антидемократической. Народные массы были политически бесправны. На них возлагалось путём системы косвенных налогов главное бремя огромных государственных и военных расходов. Высокими налогами облагались крестьянская земля, производство и экспорт сельскохозяйственных продуктов. Феодальные пережитки в деревне в известной мере сохранились. Была осуществлена лишь конфискация и распродажа земель дворян и священников, перешедших на сторону испанцев. Остальные церковные земли были переданы кальвинистским общинам. В условиях таких провинций, как Голландия, Фрисландия, где значительная часть крестьянства была искони свободной, эти мероприятия привели к почти полной ликвидации феодальной зависимости крестьян. Но зато часто крестьянин вместе с освобождением от зависимости «освобождался» и от земли, которая переходила в руки представителей буржуазии. В отсталых аграрных провинциях — 'Гельдерне, Оверейсселе и на территории Северного Брабанта — дворяне удержали в своих руках собственность на землю и частично — свои привилегии, а феодальная зависимость крестьян сохранилась до конца XVIII в.

Правящие слои крупной, главным образом торговой, буржуазии не обращали достаточного внимания и на нужды национального мануфактурного производства. Они не ввели защитительных таможенных тарифов для своей промышленности и охотно ввозили в Голландию более дешёвые товары иностранного происхождения. Поэтому национальное мануфактурное производство в республике развивалось в очень невыгодных условиях.

Положение трудящихся масс Голландии, являвшейся «образцовой капиталистической страной XVII столетия» [1], было очень тяжёлым. Продолжительность рабочего

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. 1, стр. 755.

дня составляла 12—16 часов при низкой заработной плате и крайне высоких ценах на предметы первой необходимости. Трудящиеся массы Голландии уже в1648 г. «более страдали от чрезмерного труда, были беднее и терпели гнёт более жестокий, чем народные массы всей остальной Европы» [1].

В молодой буржуазной республике шла ожесточённая классовая борьба. Время от времени вспыхивали крестьянские волнения. В первой половине XVII в. произошёл ряд самостоятельных выступлений объединённых в гильдии мелких ремесленников и наёмных рабочих, которые требовали улучшения условий труда. Городские массы оказались вовлечёнными и в борьбу политических партий. Резкого обострения эта борьба достигла при штатгальтере Морице Оранском, после заключения перемирия 1609 г.

Иоганн Олденбарнвелде.
Портрет работы Мирвельдта.

Мориц Оранский — штатгальтер Голландии и Зеландии с 1585 по 1625 г., и жившее за счёт войны дворянство, которое поддерживало стремления штатгальтера к усилению личной власти, хотели возобновления войны и выдвигали требование укрепления центральных органов власти, ослабления сепаратизма и более тесного объединения провинций. Поэтому партию штатгальтера прозвали «унитаристами» (объединителями).

Правящая торговая буржуазия Голландии, заинтересованная в существовании должности штатгальтера для обеспечения централизованного руководства военными операциями и сильным аппаратом исполнительной власти, всё же не желала предоставлять ему диктаторские полномочия, которых он домогался. Она противопоставляла «унитаризму» традиционную автономию провинций, под видом которой отстаивались свобода безграничного обогащения, политического произвола голландской крупной буржуазии и фактическая гегемония Голландии над остальными провинциями. Название этой партии — «провинциалисты».

Эта борьба отражалась и в сфере идеологии. Отвергая претензии кальвинистских консисторий на участие в решении государственных дел, правящая олигархия противопоставляла воинствующему непримиримому кальвинизму, идеологом которого был Гомар, политику веротерпимости, которая отстаивалась Арминием. Борьба «гомаристов» и «арминиан», отражавшая борьбу национальной промышленной и мелкой буржуазии против правящей купеческой олигархии, которая в разгар войны торговала с Испанией, протекала в очень острых формах. Гомаристы сумели привлечь на свою сторону симпатии городских масс, страдавших от корыстной политики и произвола купеческой олигархии.

Мориц Оранский и его сторонники воспользовались этой борьбой в своих интересах. Для того, чтобы укрепить своё положение в борьбе с «провинциалистами», штат-

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 757.

гальтер прибегал вначале к демагогической политике «защиты» гомаристов. Когда та часть правящей торговой буржуазии, которая была непримиримо настроена против Морица Оранского, подняла открытое восстание, Мориц Оранский легко подавил его, так как штатгальтера поддержали в этом как народные массы и гомаристы, так и умеренные круги господствующей торговой буржуазии. Возглавивший восстание великий пенсионарий провинции Голландии Олденбарнвелде был захвачен, обвинён в государственной измене и казнён 13 мая 1619 г.

Разгром восстания Олденбарнвелде устранил от власти наиболее агрессивную фракцию правящей купеческой олигархии и дал временный перевес партии «унитаристов». Однако это не привело к сколько-нибудь существенному изменению политического режима в Соединённых провинциях и расстановки классовых сил.

Возобновление военных действий. Вестфальский мир

В 1621 г. закончился срок перемирия с Испанией и возобновились военные действия. Военные операции, связанные с общими событиями Тридцатилетней войны, шли с переменным успехом. Господствующая купеческая буржуазия Голландии склонялась к миру с Испанией, мешала взятию Антверпена войсками республики, опасаясь, что он будет включён в союз Соединённых провинций и станет опасным конкурентом Амстердама. Более того, голландские купцы даже снабжали испанцев, осаждённых в Антверпене, оружием и продовольствием, разумеется, за хорошую плату.

Вместе с окончанием Тридцатилетней войны была закончена и война Соединённых провинций с Испанией. В 1648 г. была признана независимость Соединённых провинций и ликвидирована их формальная связь с империей. К республике отошёл ряд городов и территорий Брабанта, Фландрии и Лимбурга, которые, однако, остались на положении бесправных и жестоко эксплуатируемых «генералитетных земель». Устье Шельды осталось закрытым для торговли, и Антверпен окончательно запустел.

3. Культура эпохи Возрождения в Нидерландах

Гуманизм XVI в.

Начиная с XV столетия Нидерланды становятся одним из основных очагов европейской культуры. Формирование нового социально-экономического уклада, крушение религиозной догматики средневековья и зарождение нового, светского по своему характеру мировоззрения — все эти процессы были по существу аналогичны явлениям, происходившим в Италии, однако в Нидерландах они протекали вначале в менее отчётливых формах. Новый общественный уклад, зарождавшийся в богатых, экономически развитых городах, формировался пока ещё в рамках феодального Бургундского государства, и это наложило свой отпечаток на общий характер нидерландской культуры.

Включение Нидерландов в состав Габсбургской империи означало конец относительной замкнутости нидерландской культуры. Устанавливаются тесные культурные связи Нидерландов с Германией, Испанией и — что особенно важно — с Италией. С другой стороны, испанское иго породило растущее чувство национального протеста, под знаком которого происходило развитие нидерландской культуры XVI в.

В XVI столетии в Нидерландах начинается открытая борьба за церковную реформу. Буржуазия, особенно в северных провинциях, была настроена решительно в пользу кальвинизма. Подъём гуманистической литературы в XVI в. отчасти связан с Реформацией, отчасти представляет собой самостоятельное явление, не совпадающее с религиозным движением и даже враждебное ему.

Гуманистическая литература была проникнута светским жизнерадостным духом Возрождения (Коорнгерт и др.). Наиболее авторитетной фигурой гуманистического движения на севере Европы в начале XVI столетия был уроженец Нидерландов Эразм Роттердамский, виднейший деятель немецкого и международного гуманизма.

ПОРТРЕТ КАМЕРИСТКИ
П. Рубенс. 1625 г.

Гуманистическая образованность распространялась главным образом через университеты и научные общества. Одним из центров гуманизма стал основанный в 1575 г. Лейденский университет. В Амстердаме возникла академия, ставившая своей задачей популяризацию памятников античного мира на родном языке. Огромную роль в этом культурном подъёме сыграло книгопечатание. Нидерланды славились своими типографиями; наиболее известной из них была очень большая по тем временам типография Плантена в Антверпене, насчитывавшая 160 рабочих.

Особенно радикальный характер приобрела литература революционных лет. Её крупнейшим представителем был один из активных деятелей революции Филипп Марникс ван Синт Альдехонде (1539—1598), который в своей песне «Виллельмус», ставшей боевым гимном Нидерландской революции, прославляет восстание против испанского ига. Сатирическое сочинение Марникса «Улей святой римской церкви» — яркий памфлет, направленный против католицизма. К этому же периоду относятся полные боевого пафоса революционные песни гёзов.

Риторические общества

В культурной жизни Нидерландов играли особую и очень значительную роль так называемые риторические общества. Возникли они ещё в XIV—XV вв. и первоначально объединяли вокруг себя преимущественно университетскую интеллигенцию и зажиточные слои бюргерства. Риторические общества занимались устройством местных празднеств и соревнований в красноречии, составлением торжественных речей и поэм, а также инсценированием католических мистерий.

В XVI в. как круг деятельности, так и социальный состав участников риторических обществ значительно изменились. Они возникали повсеместно, даже в крупных деревнях, а членами их стали сотни и тысячи простых ремесленников и крестьян. Изъяснялись и писали «риторики» на местных наречиях, понятных простому народу. Поэтому влияние риторических обществ в народных массах было очень значительным. В повседневной жизни риторических обществ сделались обычными диспуты на религиозные и политические темы, инсценировки на злобу дня, составление листовок и памфлетов, порою резко антицерковного и антиправительственного содержания. Периодически созывались съезды риторических обществ по провинциям, которые привлекали огромную по тем временам аудиторию.

Не ограничиваясь этим, наиболее революционно настроенные участники риторических обществ принимали деятельное участие в классовых столкновениях предреволюционного периода. В северных провинциях многие члены риторических обществ Амстердама, Лейдена и других городов примкнули к революционному анабаптизму и активно участвовали в крестьянско-плебейских восстаниях 1534—1536 гг., находившихся в прямой связи с Мюнстерской коммуной. Из их среды вышли и некоторые руководители Мюнстерской коммуны, в частности Иоанн Бокельзон (Лейденский).

Съезд риторических обществ Фландрии летом 1539 г. в Генте послужил прологом к знаменательному в истории Нидерландов гентскому восстанию 1539—1540 гг., которое получило мощный отклик по всей Фландрии.

Немало беззаветных борцов против испанского ига и феодально-католической реакции вышло из риторических обществ во время революции и войны за независимость, а там, где революция победила, риторические общества стали центрами, в которых формировались национальный голландский язык и литература.

Нидерландская живопись XVI в.

В нидерландском искусстве первой половины XVI в. происходил процесс полного освобождения от принципов средневекового искусства. Среди нидерландских художников этого времени, сохранивших связь с национальной реалистической традицией, наиболее замечательным является Лукас ван Лейден (Лука Лейденский, 1494—1533), прославившийся как живописец и ещё более как гравёр (особенно ценны его гравюры, изображающие эпизоды народного быта).

В годы, непосредственно предшествовавшие революции, нидерландская живопись переживает новый подъём. Обращение к реальной жизни народа — такова главная особенность искусства крупнейших мастеров этого времени — Питера Артсена (1508 —1575) и его ученика Иоахима Бейкелара (около 1533—1573).

Питер Брейгель Старший

Вершиной нидерландского искусства XVI в. является творчество Питера Брейгеля Старшего, прозванного «Мужицким» (родился между 1525 и 1530 гг., умер в 1569 г.). В начале своей творческой деятельности Брейгель создал ряд сатирических произведений с элементами острой социальной критики (гравюры «Битва сундуков и копилок», «Пиршество тощих», «Пиршество жирных»). Глубокой оригинальностью отмечены его картины на темы нидерландского фольклора, иллюстрирующие народные пословицы, а также произведения фантастического характера. Основная тема его искусства зрелой поры — изображение жизни народа. В композициях «Уборка урожая» и «Возвращение стада» он первым даёт яркие картины крестьянского труда; не меньшей яркостью отмечены сцены отдыха и веселья жителей нидерландской деревни в картинах «Крестьянская свадьба» и «Крестьянский танец». Эти произведения, написанные с чувством любви к простым людям, лишены какой бы то ни было идеализации. В крепких, сильных фигурах крестьян художник подчёркивает грубоватую мужественность; с замечательной верностью передаёт Брейгель черты крестьянского быта.

Острые социальные противоречия эпохи, мрачные годы испанского террора нашли своё выражение в некоторых трагических по замыслу поздних произведениях Брейгеля. Его «Избиение младенцев»—это реальная сцена расправы отряда испанских войск над жителями нидерландской деревушки; картина «Калеки», изображающая похожих на обрубки безногих нищих, проникнута острым чувством протеста против жестокости жизни; знаменитая композиция «Слепые» перерастает в обобщённый образ трагической судьбы человечества. Живопись Брейгеля отличают особая острота реалистического видения, доходящая иногда до гротеска, чёткий твёрдый рисунок, яркие красочные силуэты.

Наряду с жанровой картиной, поднятой Брейгелем на небывалую высоту, особенно велики его заслуги в истории пейзажной живописи. Первым в Нидерландах он перешёл от полусказочных ландшафтов к изображению реальных мотивов природы, к передаче настроения различных времён года («Зима», «Пасмурный день» и др.). Брейгель — великий поэт природы. Многие творческие достижения этого гениального художника стали исходным пунктом для реалистического искусства XVII столетия.

Музыка

Что касается других видов искусства, то наибольшую славу в XV—XVI вв. стяжала себе нидерландская музыкальная школа, которая заняла по существу господствующее положение и в других странах Европы. Нидерландские композиторы писали главным образом сочинения для хора, исполнявшиеся обычно без инструментального сопровождения; самостоятельная инструментальная музыка культивировалась в значительно меньшей степени. Вклад нидерландских мастеров в историю музыки заключался в наиболее полном и совершенном развитии полифонии— искусства хорового многоголосия.

4. Культура Фландрии в первой половине XVII в.

Разделение Нидерландов по окончании Нидерландской революции привело к образованию двух самостоятельных национальных художественных школ — фламандской и голландской.

Поражение революции и сохранение испанского гнёта на территории Фландрии [1] во многом отрицательно сказались на культурном развитии страны в XVII

[1] Под Фландрией подразумеваются здесь все южные провинции Нидерландов, оставшиеся под властью Испании.

столетии. Резко усилилась католическая реакция; Фландрия более, чем какая-либо другая страна Европы, была наводнена иезуитами. Однако порождённый Нидерландской революцией подъём общественного сознания оказался слишком значительным, чтобы силы реакции могли заглушить его в первые десятилетия восстановления испанского ига и повернуть к средневековью сознание широких слоев фламандского общества. Абсолютистско-клерикальные круги во Фландрии были бессильны уничтожить завоевания нидерландской культуры предшествующих столетий, искоренить жизнерадостный свободолюбивый дух народа.

Прогрессивные общественные тенденции проявлялись во Фландрии не в открытой, а в косвенной форме — почти всецело в области искусства и прежде всего во фламандской живописи, пережившей в первой половине XVII в. замечательный расцвет. Яркое, полнокровное восприятие жизни, стихийное чувство природы, грубоватое, но здоровое ощущение красоты окружающего мира, общее настроение радости и наслаждения жизнью становятся наиболее характерными качествами фламандского искусства.

Архитектура

В памятниках фламандской архитектуры зависимость от идеологии господствующего класса выражается более резко. Победа католицизма имела своим результатом обширное церковное строительство. В пышных церковных сооружениях все средства синтеза архитектуры, скульптуры, живописи и декоративного искусства использованы для того, чтобы поразить, ослепить, потрясти зрителя, заставить его проникнуться религиозным чувством. Образцами такого рода построек являются церковь бегинок в Брюсселе и иезуитская церковь в Лувене, сооружённые крупнейшим фламандским архитектором Лукасом Фейдербом (1617—1697).

Фламандская школа в живописи. Рубенс

Реалистические основы фламандского искусства с необычайной яркостью проявились в живописи. Её мировое значение тесно связано с деятельностью Питера Пауля Рубенса, который благодаря своему огромному художественному дарованию и широте творческого диапазона стал крупнейшим мастером фламандского искусства эпохи его расцвета.

Рубенс родился в 1577 г. в семье юриста и получил прекрасное гуманистическое образование. В 23-летнем возрасте, пройдя обучение у фламандских живописцев, он отправился в Италию. В 1608 г. Рубенс возвращается во Фландрию. Он выполняет сложные дипломатические поручения испанской наместницы инфанты Изабеллы, совершая для этого поездки во Францию, Испанию, Англию. Слава художника привлекает к нему множество учеников. Заказы поступают в таком изобилии, что Рубенс не может один справиться с их выполнением, и его мастерская превращается в некое подобие художественной мануфактуры, где многочисленные ученики работают по эскизам мастера (из стен рубенсовской мастерской вышло около 3 тыс. полотен).

Весь свой художественный пафос Рубенс вкладывал в изображение человеческого тела, которое отличается у него необычайной мощью и чувственной прелестью. Горячий колорит произведений Рубенса строится на сопоставлении тонов обнажённого тела с яркими пятнами одеяний и благородным, сдержанным по тональности фоном. Рубенсу не чуждо преувеличение, но оно искупается огромной жизненной силой его образов, живым, бьющим через край темпераментом.

Первые крупные произведения, созданные Рубенсом вскоре после приезда из Италии, — грандиозные полотна в Антверпенском соборе «Воздвижение креста» и «Снятие с креста» — представляют людей титанической мощи, в чьём облике нет ничего общего с религиозным аскетизмом. Эти качества получают ещё более яркое выражение в последующие годы, особенно в произведениях на темы античной мифологии, где само содержание благоприятствовало проявлению наиболее привлекательных черт фламандского искусства — яркой жизнерадостности образов, их огромного

полнокровия, ощущения неразрывной слитности человека и природы. Таковы «Похищение Диоскурами дочерей Левкиппа», «Возвращение Дианы с охоты», «Персей, освобождающий Андромеду».

Рубенс создал получивший широкое распространение в XVII—XVIII вв. своеобразный тип исторической картины, объединяющей изображение реального события с аллегорическим прославлением героя. Рубенс является также одним из создателей характерного для эпохи абсолютизма парадного портрета; в его портретных работах торжественная представительность не заслоняет, однако, жизненной свежести образов («Портрет Марии Медичи», «Конный портрет Фердинанда Австрийского»).

Не менее оригинальным мастером проявил себя Рубенс и в других жанрах. Необычайным драматизмом отличаются его «Охоты» — большие полотна, изображающие напряжённые схватки охотников с разъярёнными зверями («Охота на львов» и «Охота на крокодила и гиппопотама»). Наконец, значительный вклад внёс Рубенс в искусство пейзажа. Пейзажи Рубенса отличаются широтой охвата и динамической передачей природы; высокий горизонт увеличивает их пространственный размах; как бы в движении перед зрителем открываются горные хребты, бурные потоки, дороги, уходящие вдаль, тучные стада, пасущиеся на цветущих лугах. Общий замысел и каждая подробность в пейзажах рождают ощущение неиссякаемого плодородия, вечной животворной силы земли («Пейзаж с Филемоном и Бавкидой», «Возчики камней» и др.).

Последнее десятилетие в жизни Рубенса — 30-е годы XVII в. — представляет особый этап в его творчестве. Он уходит от придворной и дипломатической деятельности, меньше внимания уделяет заказным работам и пишет главным образом для самого себя. Произведения этого периода отличаются особенной глубиной восприятия жизни («Вирсавия», «Меркурий и Аргус»). В портретах Рубенса теперь преобладает не столько парадно-представительная, сколько интимная трактовка образов (цикл портретов второй жены художника Елены Фоурмен); в пейзаже также нарастают черты лирического восприятия и вместе с тем более конкретной передачи мотивов природы («Ночной пейзаж» и «Пейзаж с замком Стен»). В последние годы жизни Рубенс впервые обращается к бытовому жанру, к изображению жизни фламандского крестьянства. Его «Кермесса» (сельский праздник) и «Крестьянский танец» — ярчайшее воплощение бурной жизнерадостности и неиссякаемых жизненных сил фламандского народа. Рубенс скончался в 1640 г., будучи ещё в полном расцвете творческих сил.

Ученики Рубенса

Крупнейший из учеников Рубенса, также достигший общеевропейской известности, Антонис Ван-Дейк (1599—1641) прославился прежде всего как портретист. Ему в меньшей степени, чем Рубенсу, присуще стихийно-полнокровное восприятие натуры; он тяготеет к утончённым образам, к более острой психологической обрисовке модели, примером чего могут служить «Семейный портрет» и особенно знаменитый «Автопортрет».

В 20-х годах Ван-Дейк совершил путешествие в Италию. Созданные им в это время портреты отличаются особой торжественностью замысла, подчёркнутым величием, пышностью аксессуаров. Вернувшись на родину, художник обращается к живым истокам фламандского искусства, обогащённый опытом своего итальянского путешествия. Конец 20-х — начало 30-х годов — время расцвета искусства Ван-Дейка (портреты художников Снайерса, Броувера и Снейдерса). Его лучший женский портрет этого времени — портрет светской красавицы Марии Луизы де Тассис — привлекает особой внутренней содержательностью, мастерством воплощения характера.

В 1632 г. Ван-Дейк по приглашению английского короля Карла I Стюарта переезжает в Англию и занимает место придворного живописца. Он осыпан почестями, ему присваивают дворянский титул. Но отрыв от родных корней, сама атмосфера англий-

НОЧНОЙ ДОЗОР
Рембрандт. 1642 г.

ского двора накануне революции и краха абсолютизма — всё это губительно отозвалось на творчестве Ван-Дейка. Его лучшие произведения английского периода — «Портрет Карла I» и «Портрет жены художника» — отмечены ещё высокими художественными достоинствами. Но постепенно в его портретах всё более проявляются черты идеализации» а в самой живописи на первый план выступает чисто внешняя виртуозность.

Иную, более демократическую линию во фламандском искусстве представляет Якоб Иорданс (1593—1678). Он был связан с Рубенсом в качестве сотрудника при выполнении некоторых заказов и остался многим обязан Рубенсу в формировании своего художественного стиля. У Иорданса нет рубенсовской высоты художественного обобщения, его образы проще, элементарнее, натура нередко предстаёт у него во всей своей грубости. С другой стороны, он более непосредственно выражает стихийное народное начало. Его влечёт к полным неприкрашенной правды крестьянским типам («Оплакивание Христа», «Поклонение волхвов»). С особым желанием повторяет он композицию на сюжет басни Эзопа «Сатир в гостях у крестьянина». Здесь образы крестьян, показанные в их повседневном бытовом окружении, отличаются подлинной монументальностью. Интерес Иорданса к реальному быту нашёл своё выражение в его многочисленных картинах на темы фламандских народных празднеств («Праздник бобового короля», «Большие свистят, а малые пищат» и др.). Эти полотна — настоящий апофеоз неудержимого веселья, свидетельство могучих жизненных сил народа.

В художественном окружении Рубенса сложились принципы фламандского натюрморта, крупнейшим представителем которого был Франс Снейдерс (1579—1657). Фламандский натюрморт поражает своим размахом; это обычно монументальные полотна, предназначавшиеся для украшения дворцовых зал и монастырских трапезных. Излюбленные мотивы Снейдерса — мясные или рыбные лавки, огромные столы, заваленные дичью, плодами. Изобилие в натюрмортах Снейдерса выражает то же чувство неиссякаемого плодородия земли, ликующей радости бытия, которое свойственно картинам Рубенса и Иорданса.

Крестьянский жанр

Вне орбиты Рубенса развивалось по существу только одно направление в живописи, связанное преимущественно с изображением жизни крестьян и близкое по своему характеру к голландскому крестьянскому жанру. Крупнейшим представителем этого направления был Адриан Броувер (1606—1638), проживший несколько лет в Голландии, где он в значительной степени сформировался как художник.

Мир Броувера — это заполненные клубами табачного дыма тёмные деревенские хижины с одетыми в лохмотья уродливыми фигурами крестьян, зверские драки во время выпивок или за игрой в кости, искажённые криком лица больных, которых оперирует странствующий шарлатан. Броувер — меткий наблюдатель, мастер острой характеристики, замечательный колорист. Его обращение к низменным сторонам действительности, гротескный характер его образов резко контрастируют с героически приподнятыми образами крестьян и общим мажорным характером жанровых картин Рубенса и Иорданса. Этот контраст несёт в себе отражение реальных противоречий общественной жизни Фландрии.

Более мягким настроением проникнуто творчество другого известного представителя фламандской жанровой живописи — Давида Тенирса (1610—1690). Сценам крестьянского быта Тенирс придаёт идиллический характер. Его обычный мотив — изображение чинно веселящихся крестьян. Процесс постепенного измельчания образов, утраты большого жизненного содержания наглядно проявляется в искусстве Яна Сиберехтса (1627—1703), последнего из крупных жанристов этого направления, творчество которого относится уже к годам экономического и художественного упадка Фландрии.

5. Голландская культура XVII в.

Политические идеи

Победа буржуазной революции и развитие капитализма на раннем его этапе — такова была база для расцвета голландской культуры в XVII столетии. Небольшая страна, насчитывавшая около 2 млн. жителей, не только достигла большого экономического могущества, но и опередила другие государства на пути культурного прогресса. Освобождение от феодальных сословных ограничений и испанской инквизиции создавало в Голландии благоприятные условия для развития передовой общественной мысли. Республика Соединённых провинций стала убежищем преследуемых реакцией передовых мыслителей из других стран Прославленная своими типографиями, она была местом издания политической литературы, тайно распространявшейся по всей Европе.

Сложившиеся в буржуазной республике новые формы государственного устройства нашли своз обоснование в политической теории народного суверенитета. Одним из главных политических публицистов революционной эпохи был Марникс. На первых порах речь шла, собственно, не об отмене монархии, а о верховном праве народа распоряжаться троном и устранять короля, если он превратился в тирана. Эти идеи были с достаточной ясностью выражены в знаменитом акте о низложении Филиппа II: «Не народ создан для государя, а государь для народа, ибо без народа не было бы и государя. Государь существует для того, чтобы править своими подданными по закону и справедливости... Если же он поступает с ними не так, а как с рабами, то тем самым перестаёт быть государем и становится тираном, и подданные... имеют право по законному решению своих представителей на Генеральных штатах его покинуть». С этой точки зрения Марникс оправдывает Нидерландскую революцию.

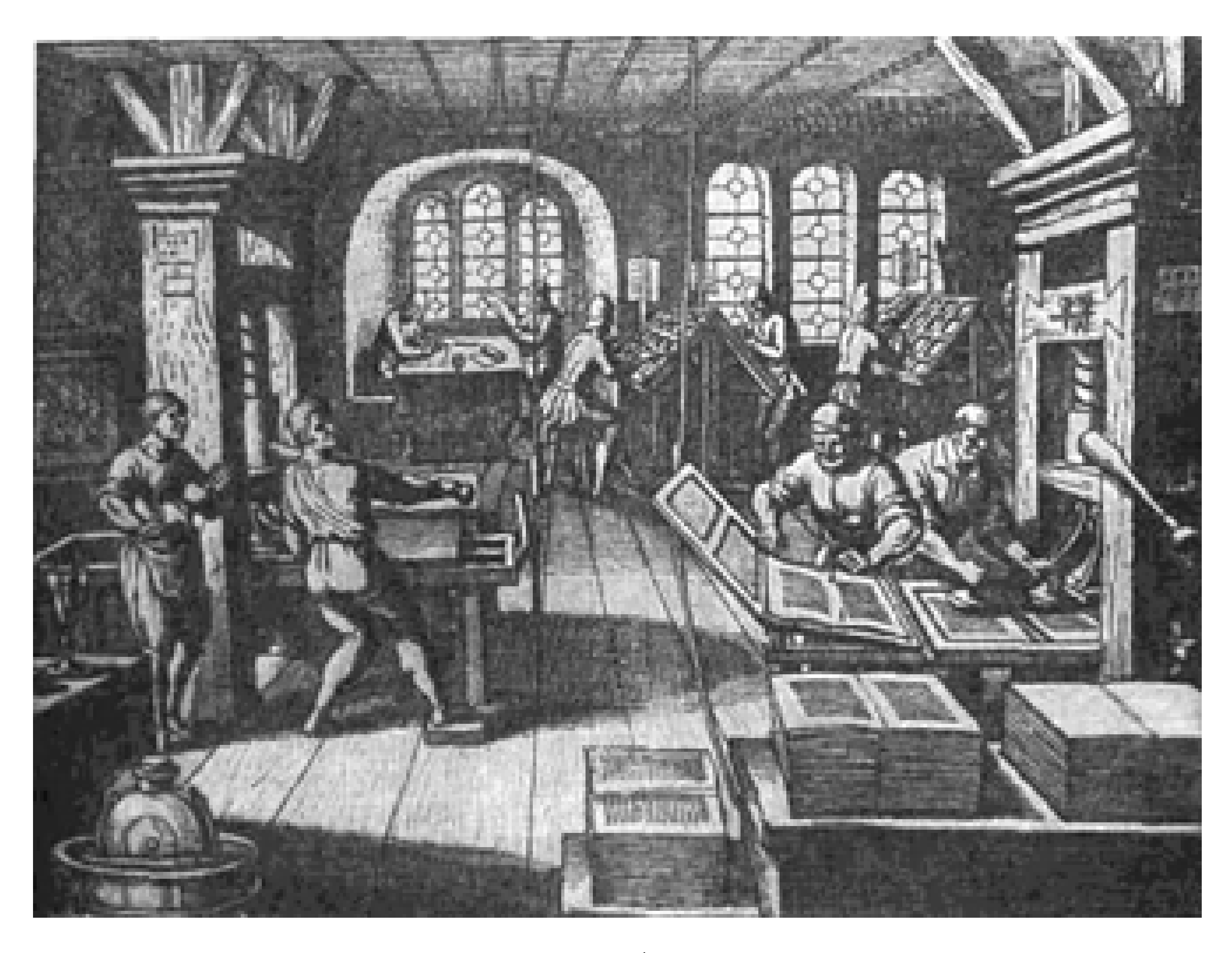
Идеи народного суверенитета получили наиболее яркое и систематическое выражение у синдика города Эмдена, бывшего ректора Герборнского университета — Иоганна Алтузия (1557—1638). Его «Книги о политике» являются слепком с политического устройства, сложившегося в семи Соединённых провинциях. Сочинение Алтузия от начала до конца проникнуто духом религии Кальвина, которому принадлежали знаменитые слова: «Лучше плюнуть в лицо безбожному королю, чем повиноваться его велениям». Иоганн Алтузий утверждал, что сумма верховных прав может принадлежать только народу. Под народом голландские авторы политических теорий XVI—первой половины XVII в. понимают лишь имущий слой, входивший в рамки сословно организованного представительства. Но Алтузий, будучи деятелем крестьянской Фрисландии, сожалеет о том, что крестьянство остаётся за пределами политической жизни и не имеет своего самостоятельного представительства в большинстве стран. Происхождение государства Алтузий выводит из «общественного договора» — политической фикции, характерной для теоретиков поднимающейся буржуазной демократии, которая принимает за аксиому, что общество состоит из независимых товаропроизводителей, юридических лиц, вступающих между собой в договорные отношения. Задолго до Руссо Алтузий признал верховную власть (суверенитет) правом, принадлежащим народу в целом, неразделимым и неотчуждаемым. Как ревностный кальвинист, он требует единства вероисповедания, обязательного признания государственной религии.

В освободившихся от испанского гнёта провинциях Нидерландов вспыхнули религиозные преследования; фанатизм верующих усиленно раздували протестантские богословы. Борьба велась из-за догматов новой церкви, но больше всего пострадали защитники свободной мысли. Между прочим, преследованию подвергся великий французский мыслитель Декарт, который искал убежища в свободной Голландии.

Но религиозные конфликты были только внешним выражением борьбы партий «унитаристов» и «провинциалистов». Стоявшие во главе партии «провинциалистов» Олденбарнвелде и Гроций (Гуго де Гроот) были ближе к идеалу буржуазной рес-

публики. Являясь сторонниками гуманистической традиции, они выступали в защиту веротерпимости.

В начале XVII в. политический опыт Соединённых провинций имел громадное значение для всего мира. Гуго Гроций (1583—1645), как противник оранского дома, должен был бежать из родной страны. Его главное сочинение «О праве войны и мира» (1625 г.) несёт на себе отпечаток передовых идей Нидерландской

Типография.
Гравюра И. Аммана.

революции. Основная идея его книги состоит в том, что беззастенчивая борьба своекорыстных интересов не является безусловным законом международных отношений и что между странами, так же как и в отношениях между отдельными лицами внутри государства, могут быть установлены нормальные взаимоотношения, вытекающие из «естественного закона». В отличие от итальянских теоретиков — Макиавелли и Гвиччардини — Гуго Гроций находит в природе человека не только эгоизм, но и «стремление к общежитию».

Литература

Первая половина XVII столетия — это время общего подъёма голландской культуры при безусловном преобладании в ней демократических тенденций, время накопления сил и подготовки наступающего расцвета. На этой демократической основе возникли высшие достижения голландской общественной мысли и искусства.

Голландская литература XVII в. не выдвинула имён, сопоставимых по масштабам дарования с крупнейшими представителями литературы других европейских стран,

но голландские поэты опережали своих современников прогрессивностью своей политической программы, открытым провозглашением идеалов свободы и национальной независимости.

Идейная направленность голландской литературы XVII в. тесно связана с революцией и национально-освободительной борьбой против Испании. Особо следует отметить, что голландские драматурги обращались нередко к сюжетам недавнего героического прошлого своей страны.

Первым примером героической трагедии на тему из национальной истории является пьеса поэта и драматурга Питера Гофта (1581—1647) «Герард ван Вельсен», где автор предпринял попытку создать образ национального героя, борца против феодального гнёта. Эту линию продолжает Иост ван Вондель (1587—1679), самый крупный голландский поэт и драматург, автор героических трагедий на библейские сюжеты («Самсон», «Давид»), эпических поэм, лирических стихотворений. Основная тема Вонделя — национально-освободительная борьба Нидерландов, которую он рисует то иносказательно, обращаясь к библейским сюжетам (драма «Пасха»), то в эпизодах истории своей родины (трагедия «Гейсбрехт ван Амстель»). В трагедии «Люцифер» в аллегорических образах воспевается борьба Нидерландов с Испанией.

Другая линия голландской литературы связана с непосредственным изображением реальной действительности. В драматургии ей положили начало своими комедиями на темы бюргерского быта Питер Гофт и Гербранд Бредеро (1580—1618). Якоб Катс (1577—1660) в поэме «Брак» и в дидактических рассказах выступает в качестве апологета ортодоксального кальвинизма и буржуазной морали. В его произведениях с наибольшей наглядностью выражаются ограниченные стороны мировоззрения голландского бюргерства. Как и в других странах, одним из популярных литературных жанров в Голландии явился плутовской роман; главным представителем этого жанра был Николас Гейнзиус.

Зодчество

В то время как в абсолютистско-католических государствах основное внимание уделялось пышным церковным и дворцовым сооружениям, в протестантской и буржуазной Голландии воздвигались преимущественно гражданские постройки — ратуши, торговые строения и т. п. Внешнему виду этих обычно кирпичных зданий, украшенных архитектурными деталями из белого камня, присущи скромность и простота. Ни в одной другой стране бюргерские жилые дома не отличались такой рациональной и экономной планировкой, таким комфортом, как в Голландии, где ценился каждый клочок земли и где издавна сложились специфические формы бюргерского быта. Только начиная с середины XVII в. в голландской архитектуре начался поворот к классицизму.

Что касается скульптуры, то сфера её распространения в Голландии была весьма ограниченной — кальвинизм не допускал культовых изображений в церквах; в буржуазной Голландии не существовало также крупных дворцовых комплексов, для украшения которых могла бы понадобиться скульптура.

Живопись

Высшие достижения голландского искусства связаны почти всецело с живописью. Ни в одной из европейских стран живопись не знала столь быстрого подъёма и такого широкого распространения. На протяжении всего лишь полувека в Голландии появляется множество живописцев, причём действительно выдающиеся мастера насчитываются десятками. Профессия живописца становится одной из самых распространённых; картины приобретают не только богатые меценаты, но и мелкие бюргеры, ремесленники, даже зажиточные крестьяне. Обилие картин обусловило их крайнюю дешевизну; ими торговали повсюду — на специальных аукционах, через торговых посредников, даже на сельских ярмарках. Если в других странах художник зависел от придворных и церковных заказов или пользовался покровительством знатных меценатов, то голландский живописец работал на рынок, являясь по существу таким же продавцом своего товара, как купец или ремесленник. Рыночный спрос определял зависимость художника от

АВТОПОРТРЕТ С САСКИЕЙ НА КОЛЕНЯХ.
Рембрандт. 1634 г.

буржуазного общества: те из голландских живописцев, которые имели смелость выступить наперекор господствовавшим вкусам, были обречены на забвение и нищету.

Буржуазно-республиканский строй Голландии и кальвинистская реформа определили некоторые особенности голландской живописи. В отличие от других национальных художественных школ Голландия не знала придворного искусства; редки были в Голландии и церковные заказы. Кальвинистская церковь не вмешивалась в вопросы искусства, религиозная тема не занимала поэтому в голландском искусстве большого места, и — что ещё важнее — голландский художник, не связанный церковной догматикой, был сравнительно свободен в трактовке религиозных сюжетов.

Голландская живопись XVII в. представляет собой важный этап в развитии мирового искусства. Громадное большинство голландских живописцев отходит от идеализированных образов и обращается непосредственно к самой жизни, к натуре. Реальный человек в его жизненном окружении — таково содержание их искусства, Мировосприятие голландского живописца прекрасно передают слова величайшего из живописцев Голландии Рембрандта: «Небо, земля, море, животные, добрые и злые люди—всё служит для нашего упражнения. Равнины, холмы, ручьи и деревья дают достаточно работы художнику. Города, рынки, церкви и тысячи природных богатств взывают к нам и говорят: иди, жаждущий знания, созерцай нас и воспроизводи нас. В отечестве ты откроешь так много любезного сердцу, приятного и достойного, что, раз отведав, найдёшь жизнь слишком короткой для правильного воплощения всего этого».

В целом история голландской живописи XVII в. делится на три основных этапа: период формирования —до 1640 г.; период расцвета — 1640—1670 гг.; после 1670 г. — быстро нарастающий упадок.

Франс Гальс

Ведущим мастером периода формирования голландского искусства был замечательный портретист Франс Гальс (около 1580—1666). На полотнах Гальса представлены все слои голландского общества — от государственных деятелей до простых людей из народа, которых художник изображал с особым интересом и симпатией. В своих произведениях Гальс отбрасывал условную значительность позы и другие каноны портретного жанра, служившие искусственному возвышению модели. Движения его героев естественны и непринуждённы, они жестикулируют, улыбаются, смеются. К лучшим произведениям Гальса относятся «Портрет Хетхейзена», изображающий знатного хаарлемского патриция в непринуждённой позе; задорная «Цыганка» — образ бьющей через край жизнерадостности; «Малле Баббе» — почти гротескный по остроте характеристики портрет старухи, содержательницы харчевни, прозванной «Хаарлемской ведьмой»; художник изобразил её с совой на плече и с огромной кружкой пива в руке.

Франс Гальс был крупнейшим представителем специфически голландского жанра — группового портрета, зародившегося ещё в XVI в., но достигшего расцвета только в следующем столетии. Существовали установившиеся типы групповых портретов членов стрелковых корпораций (т. е. бюргерской милиции), регентов (попечителей) благотворительных учреждений, цеховых старшин, врачей, учёных. Корпоративный дух буржуазной республики, ещё живые воспоминания о героической борьбе за независимость — всё это отразилось в исполненных Гальсом групповых портретах офицеров стрелковых рот св. Адриана и св. Георгия. Его бюргеры в офицерских костюмах — сильные, полные энергии, жизнерадостные люди. Но не всегда художник с таким весёлым сочувствием относится к своим моделям. Лучшие образцы его группового портрета — это написанные им уже в глубокой старости полные разоблачительной силы изображения регентш и регентов приюта для престарелых.

Верность Гальса на протяжении всего его долгого творческого пути реалистическим принципам, демократический характер его искусства были причиной того, что

в последние десятилетия своей жизни он утратил былую популярность, его материальное положение пошатнулось. Аристократизирующаяся буржуазия предпочитала других мастеров, умевших польстить своей модели.

Воздействие Гальса на современников было очень велико; оно сказалось не только в портрете, но и в бытовом жанре. Стремление Гальса к живой и правдивой характеристике человеческих образов, его оптимистическое мироощущение подготовили почву для расцвета голландской жанровой живописи 40—60-х годов XVII в.

Бытовой жанр

Бытовой жанр, наиболее популярный в голландской живописи, свидетельствует о близости этого искусства к реальной жизни. Излюбленные темы живописцев голландской школы взяты из бюргерского быта: это повседневные заботы хозяйки дома, сцены развлечений — игра в карты, домашний концерт, галантные беседы, угощения. Это также эпизоды крестьянского быта — чаще всего сцены в сельских трактирах, попойки, драки. Небольшие, «кабинетного» размера картины голландской школы отличаются тщательным исполнением, высоким качеством живописи. Изображая комнаты или дворики бюргерских домов, где обычно происходит действие, голландские мастера с необыкновенной осязательностью передают не только окружающий человека мир вещей, но и само настроение уюта» размеренного течения жизни.

Из огромного числа голландских жанристов нужно назвать несколько наиболее значительных мастеров. Адриан ван Остаде (1610—1685), самый крупный представитель крестьянского жанра, прошёл длительный путь от условно-гротескных сцен попоек и драк, где крестьяне представлялись в карикатурном виде, к более глубоким образам жителей голландской деревни. Герард Терборх (1617—1681) — высокоодарённый живописец; его картины, обычно посвящённые жизни голландского патрициата, выделяются тонкой характеристикой действующих лиц и изысканностью цветового решения. Питер де Хоох (1629—после 1684) изображал освещённые солнцем комнаты голландских домов, в которых протекала неторопливая жизнь голландского бюргера.

Высшие достижения голландской жанровой живописи связаны с именем Яна Вермеера Дельфтского (1632—1675). Скудные данные источников свидетельствуют о том, что Вермеер подолгу работал над каждой картиной, выполняя её с необычайной тщательностью. По характеру своих сюжетных мотивов Вермеер почти не отличается от других голландских жанристов, но простые эпизоды быта патрицианских домов он умеет возвысить до уровня большой образной значительности, высокой поэзии.

Излюбленные мотивы Вермеера — одна или несколько фигур в залитом солнечном светом интерьере. Мягкое лирическое настроение уюта, свойственное другим голландским жанристам, у Вермеера перерастает в ощущение глубокого покоя, прекрасной гармонии, улавливаемой художником в мирном течении человеческой жизни. К лучшим из жанровых картин Вермеера принадлежат «Девушка, читающая письмо», «Служанка с кувшином молока», «Бокал вина», «Мастерская художника».

Велик вклад голландских мастеров и в пейзажную живопись. Они обратились к изображению конкретных мотивов природы. Скромные ландшафты Голландии — медленные реки с городами и селениями на низких берегах, тихие каналы, высокое небо, почти всегда покрытое серыми облаками,—изображали Ян ван Гойен (1596—1656) и Соломон ван Рейсдаль (около 1600—1670). Изобразителем укромных лесных уголков, заброшенных водяных мельниц был Мейндерт Хоббема (1638—1709). Особым, характерным именно для Голландии жанром были морские пейзажи (марины).

Крупнейшим мастером голландского пейзажа был Якоб ван Рейсдаль (1628—1682). С одинаковой глубиной проникновения писал он эпические равнинные ландшафты и насыщенные драматизмом пейзажи с замками и руинами, многолюдную городскую площадь и засыпанную снегом деревушку, бурное море и лесные чащи, песчаные дюны и сумрачные горные ландшафты с водопадами.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА.
Рембрандт 1668—1669 гг.

Свойственное голландским живописцам реальное ощущение мира вещей, умение за каждым самым обычным предметом бытовой обстановки почувствовать стоящего за ним человека позволили им даже в изображении неодушевлённых предметов создавать образы большого поэтического содержания. Крупнейшие мастера раннего голландского натюрморта Питер Клас (около 1597—1661) и Виллем Хеда (1594 — около 1680) в соответствии с простыми вкусами своего времени изображали скромные «завтраки»: накрытый белой скатертью стол с пирогом или окороком, румяную булку, оловянный кувшин; их картины выполнены в сдержанной коричневато-серой гамме. Во второй половине века на смену им приходят изысканные по подбору предметов и по живописи «десерты» Абрахама ван Бейерена (около 1620 — около 1690) и Виллема Кальфа (1622—1693).

Рембрандт

Вершиной голландского реализма является творчество Рембрандта. Присущие его образам идейное содержание и замечательное художественное мастерство ставят Рембрандта в ряд с величайшими представителями мирового искусства. Он одинаково велик и как живописец и как мастер гравюры и рисунка.

Рембрандт Гарменс ван Рейн родился в 1606 г. в Лейдене, в семье владельца мельницы. Призвание к живописи проявилось у него очень рано. Первые годы его творческого пути, протекавшие в родном Лейдене, проходят под знаком поисков творческой самостоятельности. В 1632 г. он переезжает в Амстердам — средоточие культурной жизни республики. В принёсшем ему крупный успех «Уроке анатомии доктора Тульпа» Рембрандт по-новому решает задачу группового портрета, объединяя его единством действия. Слава Рембрандта растёт, в его мастерскую стекается множество учеников, 30-е годы — пора наибольшего жизненного успеха Рембрандта; наряду с картинами на библейские и мифологические сюжеты он пишет огромное число заказных портретов, много работает в технике офорта и рисует. Произведения этого десятилетия отмечены чувством большого жизненного подъёма, подчёркнутой драматической выразительностью, хотя и не свободны подчас от внешних эффектов. К лучшим созданиям 30-х годов относится «Даная», где традиционный мифологический образ обретает черты поразительной жизненной правды. Складывается живописная система художника, в которой ведущую роль играют контрасты светотени, усиливающие эмоциональное звучание образов.

В начале 40-х годов в творчестве Рембрандта происходит перелом: художник освобождается от некоторых черт ограниченности, свойственных его более ранним работам, углубляется его реалистический метод, который, однако, не встречает признания буржуазных кругов. Показательна в этом отношении история его знаменитой картины, известной под названием «Ночной дозор». Выполняя заказ на групповой портрет стрелков роты капитана Баннинга Кока, Рембрандт нарушил все традиции. Вместо серии чинно сидящих фигур, изображённых на одном полотне, он представил сцену на улице, полную реализма и высокой поэзии, торжественное выступление стрелков в окружении городской толпы, привлечённой этим событием. В этом монументальном произведении слышится отзвук героических времён Нидерландской революции. Враждебный приём, встретивший «Ночной дозор», был показателем ограниченности вкусов голландской буржуазии, её отхода от прогрессивных идеалов революционной эпохи.

В произведениях 40-х годов Рембрандт обращается к миру простых и бедных людей — именно в этой среде он находит носителей высокого нравственного благородства, сильных, искренних чувств. В таких картинах, как «Святое семейство» или «Милосердный самаритянин», евангельские события изображаются как эпизоды повседневной жизни. Это придаёт религиозной теме особый социальный смысл. В том же направлении развивается графика Рембрандта. В прославленном офорте «Христос, исцеляющий больных» образы бедняков и страждущих противопоставлены самодовольным фарисеям.

Последние 20 лет — самое трагическое время в жизни Рембрандта. Его расхождение с господствующими вкусами буржуазии привело к уменьшению заказов и завершилось в 1656 г. банкротством: имущество и коллекции художника были распроданы с аукциона, а сам он вынужден был поселиться в беднейшем квартале Амстердама.

Сатир в гостях у крестьян.
Я. Иорданс.

Его преследуют тяжёлые семейные утраты. Но именно в эти годы искусство Рембрандта достигает своей вершины. Монументальный характер образов, глубокое раскрытие внутреннего мира человека, поразительная по энергии живопись, основанная на созвучиях как бы горящих изнутри красноватых и коричневатых тонов, — таковы черты его позднего искусства. Лучшие из произведений этого времени — «Ассур, Аман и Эсфирь», «Давид перед Саулом» и др. В эти же годы Рембрандт создаёт свою полную героической мощи историческую композицию «Заговор Юлия Цивилиса», посвящённую освободительной борьбе батавов (считавшихся предками нидерландцев) против римского владычества.

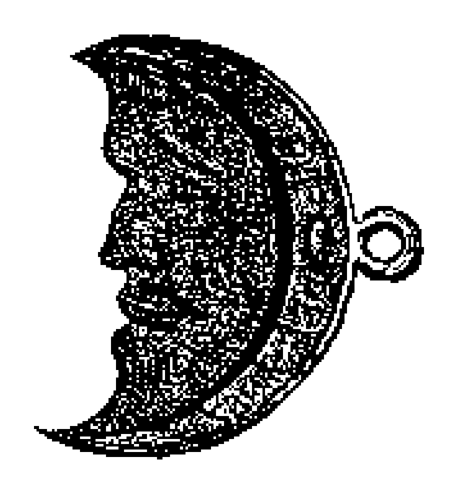
В поздние годы достигает своей вершины портретное искусство мастера. В своих портретах Рембрандт не ограничивается каким-либо одним психологическим аспектом, но даёт как бы картину всей духовной жизни человека, непрерывного внутреннего движения мысли и чувства. Для Рембрандта богатство человеческой личности неисчерпаемо; многократно обращаясь к одной и той же модели, мастер всегда находит в ней нечто новое, неповторимое. Так, например, Рембрандт создал свыше ста автопортретов. К лучшим созданиям Рембрандта относятся портреты Брейнинга,

бургомистра Сикса, второй жены художника Хендрикье Стоффельс, его сына Титуса за чтением.

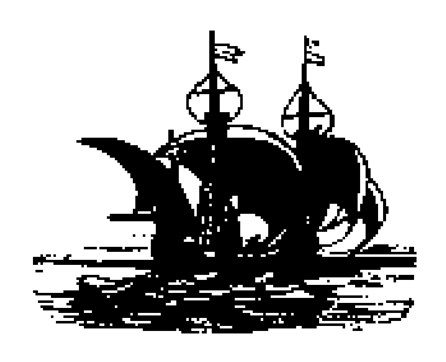
Финал творчества Рембрандта — его знаменитое полотно «Возвращение блудного сына» — потрясает излучением глубокого человеческого чувства. Утверждение гуманистических идеалов в условиях Голландии в XVII в. означало неизбежный разрыв художника с буржуазией, отошедшей от своих революционных традиций. Весьма показательно, что смерть великого мастера в 1669 г. прошла совершенно незамеченной.

К числу немногих учеников, усвоивших высокие принципы рембрандтовского реализма, принадлежали рано умерший Карель Фабрициус (около 1622—1654) и Арт де Гельдер (1645—1727).

В последней четверти XVII в. наступает период полного упадка голландского искусства.

ГЛАВА XII
НАЧАЛО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АНГЛИИ

1. Социально-экономические изменения в Англии в XVI в.

Англия XVI в. отличалась от других стран феодальной Европы тем, что разложение феодальных отношений и развитие капиталистического производства происходили в ней более интенсивно и притом как в городе, так — и в деревне. Это было начало того процесса экономического развития Англии, который привёл её в середине XVII столетия к буржуазной революции, а через два столетия, в XIX в., превратил Англию в самую могущественную капиталистическую страну, в «мастерскую мира», как её тогда называли.

Развитие промышленности

В XVI в. главной отраслью промышленности Англии являлось сукноделие; ему прежде всего была обязана Англия ростом своего богатства. В предшествовавший период, начиная с XI в., главную статью английского вывоза составляли тонкая шерсть и овчины; особенно много шерсти вывозилось во Фландрию. Но уже в первой половине XVI в. вывоз из Англии в другие страны шерстяных тканей значительно превышал вывоз шерсти. В середине XIV в. Англия вывозила ежегодно около 32 тыс. мешков шерсти и около 5 тыс. кусков сукна. К середине же XVI в. ежегодный вывоз сукна поднялся до 122 тыс. кусков, в то время как количество вывозимой из Англии шерсти не превышало 5—6 тыс. мешков. Уже в 1564—1565 гг. сукна и шерстяные изделия составляли 81,6 % всего английского экспорта. «Из Англии Антверпен получает большое количество тонких и грубых сукон, бахрому и другие вещи этого рода на большие суммы, тончайшую шерсть...», — сообщает итальянский историк Гвиччардини об английском экспорте в Нидерланды во второй половине XVI в. «Английское сукно», или «сукно-лундыш» (лондонское сукно), с середины XVI в. стало импортироваться в Россию; из Москвы его доставляли в Иран, Крымское ханство, в Ногайскую Орду. В первой половине XVII в. оно привозилось русскими купцами даже на далёкие земли Сибири.

Производство шерстяных тканей получило широкое распространение на юго-западе и на востоке Англии. В юго-западном районе главным образом вырабатывались тонкие широкие сукна. В Восточной Англии развилось производство камвольных {т. е. обработанных из чёсанной пряжи шерстяных и полушерстяных тканей) и грубых тканей; центром сукноделия в этом районе был город Норич с прилегающими к нему деревнями и местечками. В XVI в. производство сукна стало успешно развиваться в северных графствах — в Йоркшире и Ланкашире; так, например, в главном районе йоркширского сукноделия — Вест-Райдинге в 1574 г. было изготовлено 56 тыс. кусков тонкого сукна двойной ширины и 72 тыс. кусков грубого сукна. Сукноделие главным образом распространялось в деревнях и местечках, где не было цехового режима, стеснявшего своей регламентацией производство и ограничивавшего конкуренцию. Это способствовало упадку старинных ремесленных центров Англии. В жалобе суконщиков графства Вустершир, поданной в 1534 г., говорилось, что «разные лица», проживавшие в деревнях и местечках, «ради своего личного обогащения... не только скупили и взяли в свои руки много разных ферм и сделались фермерами, скотоводами и сельскими хозяевами, но также стали заниматься производством сукна, валянием и стрижкой», что привело многие города графства к упадку, обезлюдению и гибели.

Важнейшей чертой шерстяной промышленности в Англии было то, что капиталистическое производство в ней развивалось быстрее, чем в других отраслях; «каждый обыкновенный суконщик даёт работу многим сотням бедняков»,— говорит о сукноделии в Англии в первой половине XVII в. один современник. Поскольку цеховая регламентация в сукноделии была слабее, чем в других отраслях производства, процесс имущественного расслоения среди ткачей и других ремесленников-сукноделов происходил гораздо быстрее, чем среди прочих ремесленников. К тому же возможность увеличения прибылей, обусловленная всё повышавшимся спросом на английские сукна как в самой Англии, так и в других странах, рано стимулировала проникновение в производство сукна накопленных в торговле капиталов и переход от мелкого производства к крупному, к мануфактуре. Успехи английского овцеводства и наличие дешёвой рабочей силы, созданной процессом имущественного расслоения крестьянства и особенно насильственным обезземелением крестьян в XVI в., также способствовали возникновению капиталистических мануфактур в сукноделии. Уже с середины XV в. в Англии появились децентрализованные, или рассеянные, суконные мануфактуры. В XVI в. децентрализованная мануфактура стала широко распространённой формой крупного производства в шерстяной промышленности. Но было немало и крупных централизованных суконных мануфактур. В одном произведении конца XVI в. подробно описывается централизованная мануфактура богатого суконщика. В просторном помещении, говорится в нём, стояло 200 ткацких станков, на них работало в один ряд 200 человек, столько же учеников-мальчиков помогало им, приготовляя челноки, а в соседних помещениях 100 женщин чесали шерсть и 200 девушек её пряли, работая веретеном и самопрялкой. Шерсть сортировали 150 «детей бедных, слабых родителей», получая за свой труд очень низкую плату. Далее, сотканное сукно проходило через руки 50 стригальщиков и 80 декатировщиков. Кроме того, при этом предприятии имелись сукновальня с 20 рабочими и красильня, где работало 40 человек.

Но суконные мануфактуры не уничтожили мелкого производства, оно в XVI в. всё ещё преобладало в сукноделии, хотя многие деревенские и городские ткачи не выдерживали конкурентной борьбы с крупным мануфактурным производством и разорялись, превращаясь в мануфактурных рабочих. «Эти богатые суконщики, — сказано в одной жалобе ткачей, поданной в 1539 г., — держат в своих домах ткацкие станки, а также ткачей и валяльщиков на подённой работе, и вследствие этого ваши просители, работающие в своих домах, имеющие жён и детей, постоянно лишаются заработка... но, чтобы избежать безработицы, ваши бедные подданные принуждены брать работу за плату, назначенную суконщиками».

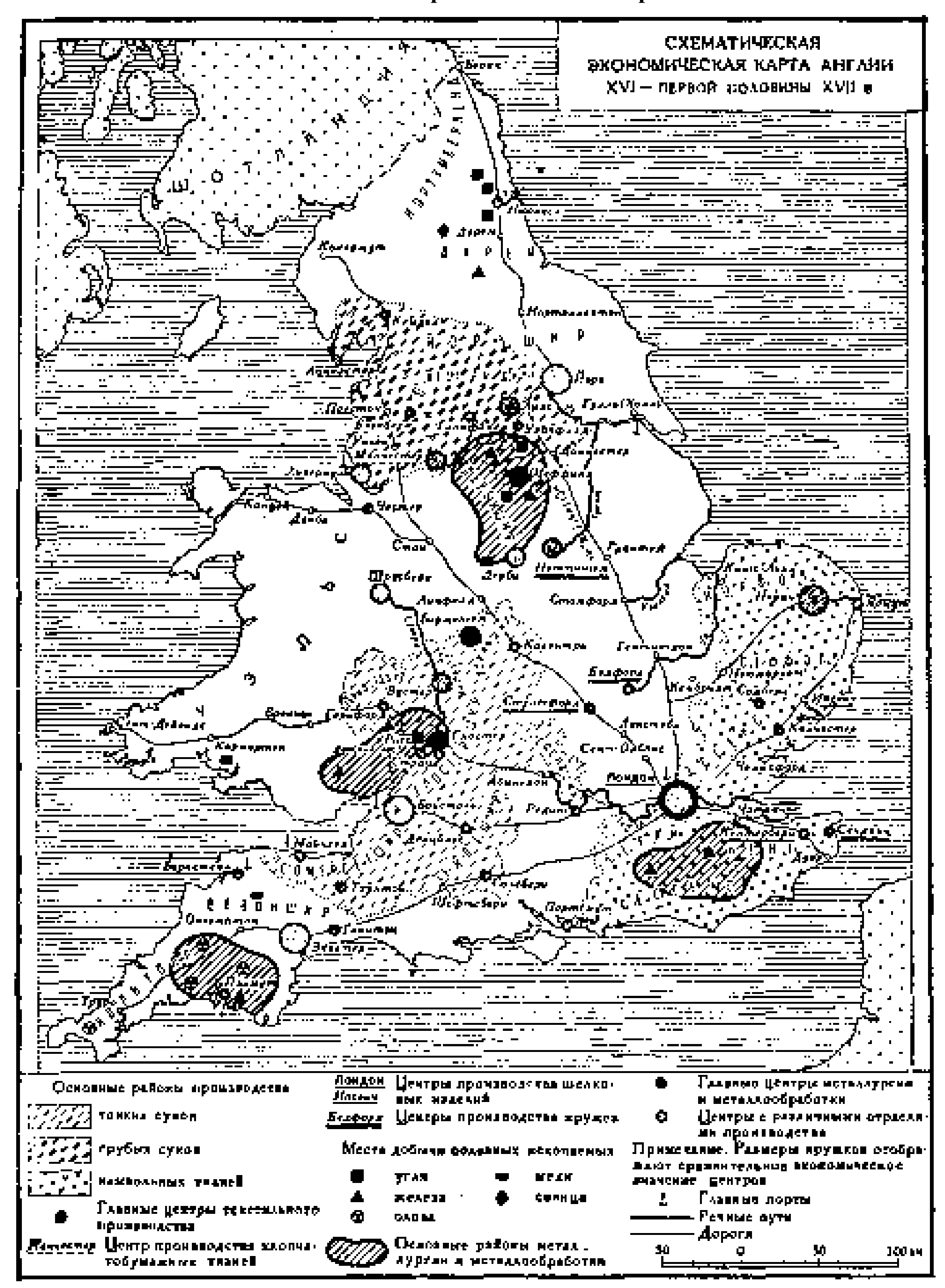
В XVI в. наблюдались успехи и в развитии других отраслей английской промышленности. На корабли, отправленные в 1580 г. лондонскими купцами на поиски северо-восточного прохода в Китай, были погружены образцы важнейших товаров, производившихся в Англии во второй половине XVI в., — сукна различных сортов и расцветок, шерстяные вещи, чулки шерстяные и шёлковые, обувь из различных сортов кожи и бархата, стекло, зеркала, очки, ножи, иголки, замки, ключи, пружины, болты, железная и медная проволока, свинец, железо и чугун, названный в описи «основным товаром» Английского государства. Производство шёлка, полотна, кожи и кожевенных изделий успешно развивалось в это время в Нориче и Колчестере, чулок и кружев — в графстве Ноттингемшир, замков, ножей и других скобяных изделий — в Бирмингеме и Шеффилде, стекла и мыла — в Лондоне и Бристоле. В этих отраслях производства тоже появились мануфактуры. С начала XVII в. в восточных графствах и Ланкашире стали возникать предприятия, вырабатывавшие хлопчатобумажные ткани из хлопка, который привозился из Леванта. Из деревень вырастают города — Бирмингем, Шеффилд, Манчестер и др. На судоходных реках и во многих портах побережья в XVI в. строилось большое количество судов различного типа, сыгравших свою роль в развитии торговой и колониальной экспансии Англии. Жители побережья с успехом занимались ловлей сельди и китобойным промыслом; Ярмут (Восточная Англия) был центром ловли сельди. Свинец и олово с древнейших времён добывались на полуострове Корнуолл и в средние века наряду с шерстью являлись важными предметами английского вывоза. Во второй половине XVI в. в Англии увеличивается добыча свинца, олова, меди, железной руды, возникает производство латуни. На заводах в Кенте и Сессексе производились бронзовые пушки. Выплавка чугуна и железа развивалась в XVI в. главным образом в Сессексе, Глостершире и Южном Уэльсе, весьма богатых залежами руды и лесом и являвшихся старинными центрами металлургии страны. Но развитие металлургии в Англии XVI в. отставало от развития других отраслей производства и, прежде всего от сукноделия. Хотя Англия и была богата железной рудой и каменным углем, техника производства железа в XVI в. была примитивной, каменный уголь в металлургии ещё не применялся. Плавильные печи, как и прежде, работали на дровах, для нагнетания воздуха в них употреблялись мехи, приводимые в движение ветром, водой или лошадьми. Железо было низкосортным, его производилось гораздо меньше, чем требовалось, и недостаток покрывался посредством ввоза из других стран, главным образом из Швеции.

В связи с развитием промышленности в Англии быстро истреблялись леса. Тем большее значение получило применение каменного угля. Каменный уголь ещё с XIV в. применялся в Англии главным образом для отопления жилищ. В XVI в. успехи развития производства стимулировали увеличение добычи каменного угля. Центром этой добычи был город Ньюкасл в северном графстве Нортумберленд, откуда уголь перевозился по реке Тайн и морем в Лондон и другие города, а также за границу. Разрабатывались залежи каменного угля и в графстве Глостершир.

Добычу угля и руды вели организованные в особые ассоциации (подобно цехам в городах) шахтёры и рудокопы, которые получали шахты и рудники в держание у землевладельцев. В XVI в. в связи с углублением шахт и усложнением их оборудования шахты и рудники начинали переходить в руки предпринимателей, подчинявших себе ассоциации шахтёров и рудокопов.

Развитию производства в Англии XVI в. оказывали помощь опытные мастера — эмигранты из других стран Европы. Много фламандских ткачей, спасаясь от произвола испанских властей во время Нидерландской революции, переселилось в Англию. Они принесли с собой секрет производства лучших сортов сукон, их отделки и окраски. Французские гугеноты-эмигранты занялись производством шёлка и трикотажных изделий. Во второй половине XVI в. в Англию была приглашена из Южной Германии большая группа рудокопов и мастеров — специалистов по обработке цветных металлов.

Схематическая экономическая карта Англии XVI первой половины XVII в.

Несмотря на значительные успехи в развитии мануфактуры, в Англии XVI в. в целом по-прежнему преобладало мелкое ремесленное производство. Во многих городах ещё удерживался цеховой строй ремесла.

Процесс первоначального накопления и начало аграрного переворота в деревне

Экономическому развитию Англии в XVI в. немало способствовало то обстоятельство, что после переворота в мировой торговле, связанного с великими географическими открытиями, она оказалась в центре мировых морских торговых путей. Однако основным условием, определившим успехи развития капитализма в Англии в это время, явилось то, что процесс первоначального накопления, образующий предысторию капиталистического способа производства, проходил в ней гораздо интенсивнее, чем в других странах. Экспроприация крестьянства, составлявшая основу этого процесса, как указывает Маркс, в классической форме совершалась только в Англии. Она началась в конце XV в. и закончилась во второй половине XVIII в. исчезновением всего английского крестьянства.

Земля в средневековой Англии была феодальной собственностью, она находилась в руках дворян, церкви и короны. Основная масса английских крестьян не обладала правом собственности на свои земельные наделы. Свободные держатели — фригольдеры платили лордам за земельные участки незначительную ренту и имели право свободно распоряжаться ими. Но фригольдеры составляли меньшую часть английского крестьянства, его большинство состояло из копигольдеров — выкупивших в прошлом свою свободу вилланов. Условия держания копигольда были зафиксированы ещё в XIV—XV вв., во время освобождения крестьян от крепостной зависимости, и стали обычаем манора; копигольдер был лишь наследственным или пожизненным держателем своего участка, он платил за него лорду феодальную ренту, как правило денежную. При передаче этого участка в наследство детям, продаже или обмене он был обязан испрашивать разрешение на это у лорда и вносить определённую плату. Копигольдер приносил лорду присягу верности и судился в манориальной курии.

Для английской деревни всё ещё были характерны примитивная техника полеводства (трёхполье) и принудительный севооборот; превращение пахотных земель после уборки урожая в общее пастбище было обязательным для всех членов общины.

В XVI в. в положении английского крестьянства наступили резкие изменения. С увеличением с конца XV в. спроса на английскую шерсть как во Фландрии, так и внутри страны и с повышением цен на неё овцеводство стало выгоднее земледелия. Многие крупные землевладельцы занимались прибыльным овцеводством.

Они стали превращать земли своих поместий в пастбища. Не довольствуясь этим, они начали захватывать общинные земли, которыми ранее пользовались совместно со своими крестьянами-держателями, а также сгонять крестьян-держателей с их наделов и обращать эти наделы в свои пастбища, снося при этом крестьянские дома и целые деревни; захваченные земли дворяне огораживали частоколом, канавами, живой изгородью. Изымая таким образом эти земли из общинного землепользования, они сдавали их в аренду крупным фермерам-скотоводам, получая высокую ренту, а иногда и сами разводили на них большие стада овец или превращали их в парки для охоты. Этот процесс насильственного обезземеления английского крестьянства получил название *огораживаний.* «Ваши овцы, — писал современник этих событий Томас Мор, — обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неутолимыми, что поедают даже людей и опустошают целые поля, дома и города».

Многие зажиточные крестьяне стремились освободиться от стеснительных общинных порядков землепользования, мешавших им повысить доходность своего хозяйства; они тоже производили захваты и огораживания общинных пастбищ и своих наделов, способствуя таким образом разорению односельчан.

Согнанные с земли крестьяне заполняли собою ряды бродяг, и в конце концов оказались вынужденными продавать свой труд предпринимателям города и деревни. Увеличению числа людей, лишённых средств существования, способствовали и политические события того времени. Генрих VII (1485—1509) в целях ослабления старой аристократии, уцелевшей после войны Алой и Белой розы, издал статут о роспуске всех военных дружин. Большое количество людей, которые раньше были заняты в качестве дружинников на службе у крупных феодалов, оказались выброшенными на рынок труда.

Важную роль в процессе экспроприации крестьянства в Англии сыграла реформа церкви, проведённая при Генрихе VIII (1509—1547).

Около трети земель Англии находилось во владении церкви, составляя «религиозную твердыню традиционных отношений земельной собственности» [1]. Реформа церкви сопровождалась упразднением всех монастырей и конфискацией короной их имущества и земель. Монастырские земли были частью розданы королевским фаворитам в качестве подарков, частью проданы по очень низким ценам дворянам, фермерам, различным земельным спекулянтам и богатым горожанам. Среди новых собственников монастырских земель было немало землевладельцев нового типа, стремившихся получить с приобретённых земель как можно больше дохода. Они стали увеличивать ренту, а также интенсивно огораживать земли, массами сгоняя крестьян, державших эти земли по обычаю и пользовавшихся наследственными правами на свои наделы. После ликвидации монастырей лишилась источника существования и большая часть монахов и других служителей монастырей.

Во второй половине XVI в. вследствие роста городского населения повысился спрос на хлеб, мясо и другие продукты сельского хозяйства. В деревне стали возникать крупные специализированные хозяйства, для которых требовались выделенные из общинных угодий компактные участки земли, что также способствовало распространению огораживании и экспроприации крестьян.

Гибель бедным крестьянским хозяйствам несло, помимо прямого захвата крестьянских земель, также повышение рент и других платежей, осуществляемое в условиях «революции цен» теми крупными землевладельцами, которые ломали традиционные формы и условия наследственного держания. По словам Гаррисона, автора «Описания Британии», опубликованного в 1578 г., «лендлорды удваивали, утраивали, иногда раз в семь увеличивали плату за допуск крестьян к владению при получении наследства, принуждая копигольдеров за всякий пустяк расплачиваться большими штрафами и потерей держания».

Таким образом, в Англии создавалась масса обезземеленных, лишённых средств существования и крова людей, вынужденных продавать свою рабочую силу владельцам мануфактур и крупных ферм за самую низкую заработную плату.

Этот процесс насильственного обезземеления английских крестьян дворянами был предпосылкой аграрного переворота, посредством которого старое, феодальное землевладение в Англии превращалось в новое, буржуазного типа, и совершался переход к капиталистической организации сельского хозяйства; этот переворот продолжался почти 300 лет. «В Англии, — указывает В. И. Ленин, — это пересоздание шло революционно, насильственно, но насилия производились в пользу помещиков, насилия производились над крестьянскими массами, которые изнурялись поборами, выгонялись из деревень, выселялись, вымирали и эмигрировали» [2].

Большую часть земель, захваченных посредством огораживаний, дворяне, как уже указывалось, сдавали в аренду фермерам. Наиболее богатые фермеры переходили

---

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 727.

[2] *В. И. Ленин,* Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905— 1907 годов, Соч., т. 13, стр. 249. См. также *К. Маркс,* Теории прибавочной стоимости, *К. Маркс* и Ф. *Энгельс,* т. 2, ч. 2, Партиздат, 1936, стр. 8; *Ф. Энгельс,* Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950, стр. 331.

к эксплуатации наёмного труда сельскохозяйственных рабочих — коттеров и малоземельных крестьян и таким образом становились капиталистическими фермерами. К концу XVI в. из представителей различных социальных групп деревни и города — зажиточных крестьян, мелких и средних дворян, купцов и предпринимателей — уже образовался слой богатых капиталистических фермеров, уплачивающих землевладельцам капиталистическую ренту, более высокую, чем была в то время фиксированная феодальная рента.

Титульный лист книги по сельскому хозяйству. XVII в.

Быстро возрастало применение наёмного труда в деревне. В XVI в., по свидетельству описей поместий, в Англии увеличилось число сельскохозяйственных рабочих и малоземельных крестьян. В одном диалоге конца 40-х годов XVI в. говорилось о том, что среди деревенского населения есть много коттеров, которые «не имеют своих земель, а только свои рабочие руки». Зажиточные хозяева в деревне наделяли таких бедняков клочками земли на условиях краткосрочной аренды, что, однако, не давало этим беднякам возможности существовать без продажи своей рабочей силы. Коттер был сельскохозяйственным рабочим с наделом; земельный надел коттера был для сельских предпринимателей выгодным средством привязать рабочих к своему хозяйству и усилить их эксплуатацию.

С ростом капиталистического уклада в деревне увеличивалось сельскохозяйственное производство, возрастала его товарность и специализация. Значительные успехи в XVI в. сделало английское овцеводство. По указу Елизаветы вывоз овец из Англии за границу запрещался под угрозой сурового наказания. Во второй половине XVI в. с повышением спроса и цен на продукты сельского хозяйства наблюдался рост и других отраслей сельского хозяйства. Увеличились посевы зерновых культур, льна, конопли, шафрана, овощей, хмеля; стали лучше удобрять почву навозом, известью, морскими водорослями, а в деревнях, расположенных поблизости от Лондона, и отбросами с его улиц; с целью повышения плодородия почвы начали сеять клевер. В конце XVI в. начались работы по осушке болот в восточных графствах страны. В течение этого века в Англии было издано 34 агрономических сочинения, в чём нашёл своё выражение растущий интерес к рациональным методам ведения сельского хозяйства; во многих из этих сочинений защищались огораживания, как важное средство поднять доходность хозяйства, и пропагандировался опыт передового в то время сельского хозяйства Нидерландов.

Но развитие капиталистического уклада в деревне происходило неравномерно. Оно имело место главным образом в центральных и юго-восточных графствах. Согласно данным правительственной комиссии, обследовавшей случаи огораживаний в 1517 г., на центральные графства приходилось наибольшее количество огороженных

земель, экспроприированных крестьян и разрушенных крестьянских домов; во второй половине XVI в. огораживания в этих графствах ещё более увеличились. В то время как в Центральной и Юго-Восточной Англии процесс первоначального накопления и возникновения капиталистических отношений в городе и деревне развивался весьма интенсивно, север Англии в XVI в. был экономически отсталым краем: сукноделие и добыча каменного угля развивались медленно, экономическое значение городов было невелико, и их торговые связи с центром и югом Англии ещё слабы. Земля обрабатывалась феодально-зависимыми крестьянами, дворяне обычно своего хозяйства не вели и жили на феодальную ренту. Большую роль играло скотоводство. Крестьянское хозяйство было слабо связано с рынком, сохраняя натурально-хозяйственные черты. Правда, и на севере имели место случаи повышения дворянами ренты, взимаемой с крестьян, захватов лордами общинных угодий с целью превращения их в охотничьи парки. Однако случаев огораживаний для хозяйственных целей было ещё немного, и деревенская жизнь в графствах севера по большей части сохраняла почти нетронутым свой средневековый феодальный строй.

Изменения в социальном строе Англии XVI в.

Начало развития капитализма в Англии сопровождалось важными социальными изменениями. Ещё в XV в. в связи с интенсивным развитием товарного производства в Англии класс феодалов стал расслаиваться на новое и старое дворянство.

Новое дворянство, или джентри, складывалось из тех представителей мелкого или среднего дворянства, которые перешли в своих поместьях к товарному производству, разводили овец, выгодно торговали шерстью и другими продуктами своих поместий; помимо эксплуатации крестьян-держателей, джентри начинали успешно использовать наёмный труд для обработки земель, быстро увеличивая таким образом свои доходы. Те из дворян, для которых феодальная эксплуатация крестьян оставалась главным источником существования, составляли старое дворянство. Аграрный переворот и начало развития капиталистического уклада в деревне в XVI в. усилили этот процесс расслоения английского дворянства. Многие представители мелкого и среднего дворянства и даже некоторые аристократы, преимущественно в передовых в экономическом отношении графствах, стали быстро превращаться в буржуазных землевладельцев: они энергично экспроприировали и огораживали общинные и крестьянские надельные земли, широко применяли в своих поместьях труд коттеров и бедных крестьян в качестве наёмной рабочей силы, переходили к сдаче своих земель в аренду фермерам, вводили агротехнические улучшения для повышения доходности своих поместий; их поместья были тесно связаны с рынком. В драме Шекспира «Король Генрих IV», написанной в 1597 г., мировой судья в графстве Глостершир Шеллоу олицетворяет собой преуспевающего представителя джентри XVI В.: он умел «всё превращать в золото», его дом был полная чаша, он сеял пшеницу, был скотоводом и продавал волов и овец на Стемфордской ярмарке, имел отличный сад и сам прививал в нём яблони, держал наёмных работников и вычитал из их заработка за малейшую оплошность. В условиях перехода к капиталистическим формам производства в сельском хозяйстве земля стала объектом выгодного вложения капитала; богатые крестьяне, горожане и чиновники в XVI в. охотно приобретали землю. Многие из них таким образом вливались в ряды джентри, потому что в Англии в отличие от других стран дворянами становились не по происхождению, а по земельному богатству, и всякий, кто приобретал земельную собственность в количестве, достаточном для того, чтобы вести образ жизни дворянина, обычно получал дворянский титул.

В течение XVI в. значительно возросли земельные владения нового дворянства за счёт захватов общинных угодий и крестьянских участков, покупки монастырских земель (после упразднения монастырей) и поместий разорившихся аристократов. «Каждый джентльмен бежит в деревню», - замечает один королевский капеллан в первой половине XVI в., подчёркивая стремление этих дворян увеличить свои земель-

ные владения. Кроме того, преуспевающие джентри нередко занимались и буржуазным предпринимательством в сфере промышленности и торговли, ещё более увеличивая таким образом своё состояние. При всём этом не следует представлять себе новое дворянство, как буржуазию в полном смысле слова. Это были землевладельцы, и значительную часть их доходов составляла земельная рента. Их сельскохозяйственное предпринимательство и образ жизни были тесно связаны с феодальными порядками английской деревни. Поэтому их следует называть не буржуазией, а обуржуазившимся дворянством. Вместе с тем значительная часть дворян в XVI в. получала свои доходы главным образом в виде феодальной ренты, взимаемой с крестьян-держателей, оставаясь, стало быть, старым, феодальным дворянством. К нему принадлежала основная масса аристократии, состоявшей из представителей старинных аристократических фамилий, уцелевших после войны Алой и Белой розы и репрессий против мятежной знати в XVI в., и значительная часть новой аристократии, созданной Тюдорами из своих фаворитов посредством земельных пожалований. Феодальным в массе своей оставалось дворянство северных графств. И в остальных графствах страны далеко не все мелкие и средние дворяне обуржуазивались.

На почве заинтересованности в развитии капиталистических отношений в Англии в XVI в. началось сближение нового дворянства с подымающимся классом буржуазии. «Эти землевладельцы, — писал Маркс о новом дворянстве, — с одной стороны, поставляли промышленной буржуазии необходимые для ее мануфактур рабочие руки, а с другой — были в состоянии дать сельскому хозяйству направление, соответствующее состоянию промышленности и торговли» [1]. Кроме того, как уже указывалось, в Англии XVI в. богатые горожане сами начали приобретать и арендовать земли и превращаться в дворян-землевладельцев и крупных фермеров. Это также способствовало сближению буржуазии и нового дворянства. Так в XVI в. начал складываться союз нарождавшейся буржуазии и нового дворянства, сыгравший важную роль в буржуазной революции XVII в.

В условиях аграрного переворота XVI в. и начала развития капитализма в деревне усилился процесс имущественного расслоения в среде крестьянства. Многие зажиточные крестьяне стали переходить к аренде земли у дворян и к эксплуатации наёмного труда, превращаясь таким образом в капиталистических фермеров. Основная же масса крестьян начала превращаться в безземельных батраков и малоземельных держателей, полукрестьян-полупролетариев.

Эти изменения в имущественном положении английских крестьян, а также сами акты насильственного сгона крестьян с земли и захватов общинных земель наносили сильный удар по порядкам общинного землевладения, ослабляли сопротивление крестьянской общины натиску дворян-огораживателей; богатые крестьяне, нередко превращавшиеся в фермеров, разлагали общину изнутри.

Борьба английского крестьянства за землю

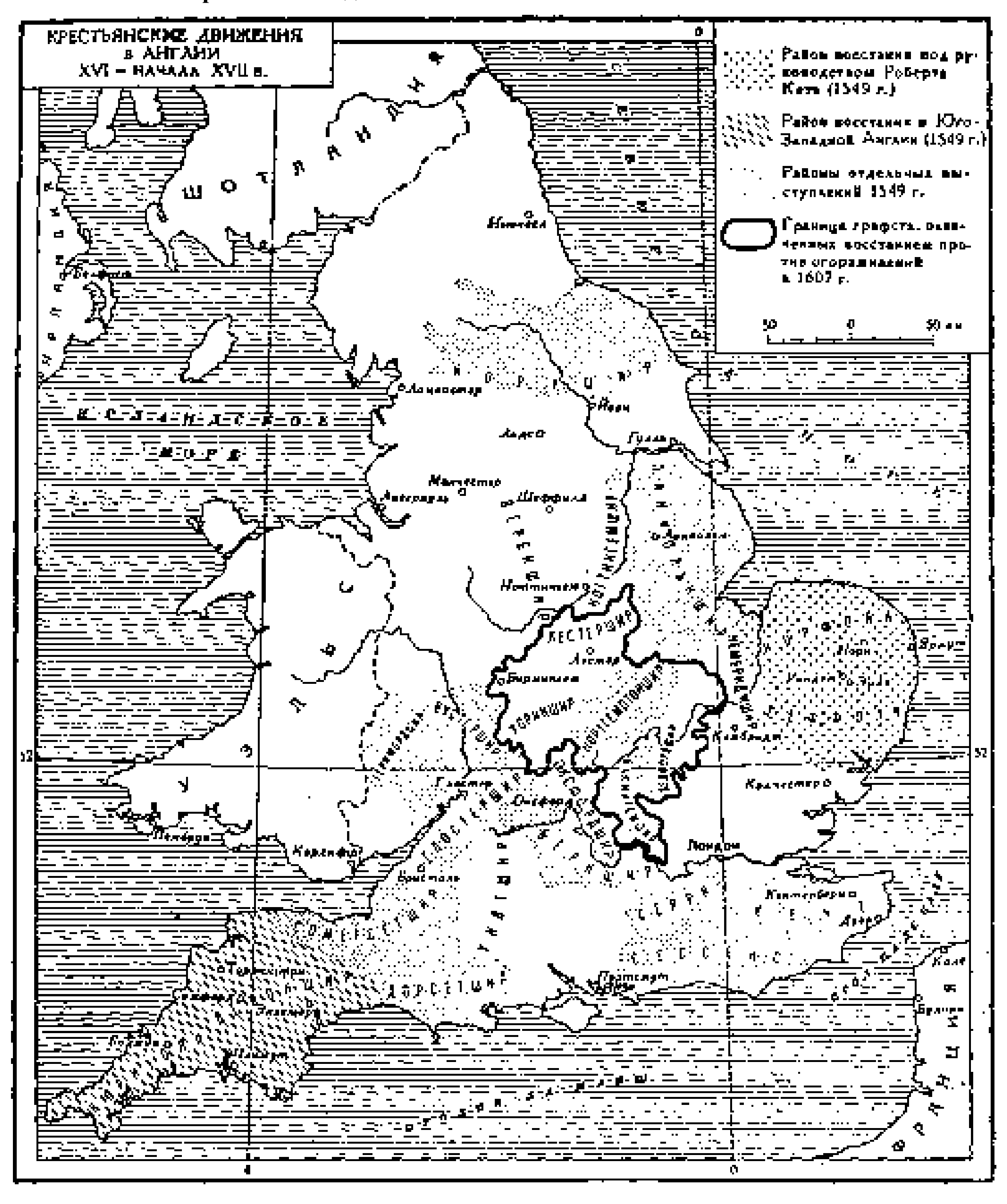
Несмотря на отмеченные выше экономические и социальные изменения, в Англии господствующим оставался феодальный строй, и капиталистическое производство развивалось лишь как новый уклад в его недрах. Большая часть земли оставалась феодальной собственностью, и основная масса крестьян находилась на положении феодально-зависимых держателей земли у дворян.

В таких условиях вопрос о том, какой класс и каким путём будет ломать средневековые аграрные отношения и создавать свободную от феодальных ограничений буржуазную собственность на землю — либо новое дворянство в союзе с буржуазией, либо крестьянство,— решался в острой борьбе классов в деревне.

Английские крестьяне в XVI в. усилили борьбу как против феодализма, так и против совершавшегося в интересах дворян и буржуазии аграрного переворота.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс, Ф.* Гизо: Почему удалась английская революция? *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Соч.. т. VIII, стр. 279.

Крестьянские движения в Англии XVI — начала XVII в.

В 1536—1537 гг. серьёзные крестьянские волнения произошли в графствах Линкольншир и Йоркшир. «Причинами восстания, — заявлял на допросе один из активных участников этих волнений, — были разорение сёл... повышение ренты, огораживания и захваты общинных земель». Вследствие недостаточной сознательности восставших крестьян во главе этих выступлений оказались дворяне и католическое духовенство, которые попытались направить их в защиту католицизма и монастырей против осуществляемой Генрихом VIII реформы церкви. Это нашло своё выражение в выработанных восставшими требованиях, которые были переданы королю. На знамени восставших были изображены плуг, чаша и хлеб для причастия — предметы культа католической церкви — и «пять ран Христа», а в Йоркшире сами восставшие называли своё выступление «благодатным паломничеством», подчёркивая религиозные цели его. Однако руководство движением со стороны дворянства и духовенства не остановило роста антифеодальной борьбы крестьян, и напуганные этой борьбой дворяне очень скоро пошли на соглашение с королём, что облегчило правительству Генриха VIII разгром всего движения.

В 1547 г. выступления крестьян против огораживаний опять происходили в ряде районов Англии; особенно упорной была крестьянская борьба в Кенте. Летом 1549 г. вспыхнуло два крупнейших крестьянских восстания — одно в Юго-Западной Англии, в графствах Девоншир и Корнуолл, другое в Восточной Англии, в графствах Норфолк и Сеффолк, в районе интенсивных огораживаний; оба эти восстания получили отклик в крестьянских выступлениях против огораживаний в соседних графствах Средней и Южной Англии. Это было самое значительное крестьянское движение в Англии после восстания Уота Тайлера. Оно началось в местечке Уиндем (Норфолк), где крестьяне в ночь на 23 июля 1549 г. сломали изгороди, которыми окружил свои земли один местный лендлорд; скоро большая часть графства была охвачена восстанием. К восстанию присоединилось много пауперов, ремесленников, зажиточных крестьян и даже часть мелких и средних дворян, рассчитывавших использовать восстание в своей борьбе с земельной аристократией. Во главе восставших крестьян встал мелкий дворянин Роберт Кет и его брат Вильям. Кет повёл вооружённые отряды крестьян к столице графства, крупному экономическому центру Восточной Англии — городу Норичу, но после того как городские власти не пустили их в Норич, восставшим пришлось расположиться лагерем в лесу, недалеко от города, на Маусхолдском холме. Сюда стекались массы безработных ткачей, разорившихся ремесленников, бездомных бродяг, и отряды Кета вскоре стали насчитывать около 20 тыс. вооружённых людей. Кет был «капитаном» восставших; он укрепил лагерь, превратив Маусхолдский холм в неприступную позицию, установил строгую дисциплину в отрядах. Кет разбирал жалобы окрестных крестьян на сеньоров и улаживал споры между членами его отрядов. Жители соседних деревень и городов снабжали восставших продовольствием; даже норичская буржуазия была вынуждена поддерживать с армией Кета внешне дружеские отношения, хотя тайно готовила измену.

В лагере под Норичем была выработана так называемая Маусхолдская программа восставших, переданная правительству. Основные требования этой программы были направлены против крупных землевладельцев: снижение ренты, запрещение превращать фригольд в копигольд, лишение лордов права пользоваться общинными угодьями, уничтожение манориальных судов, ликвидация остатков крепостного права. В этой программе крестьян отсутствовали требования уничтожения дворянской земельной собственности и всех форм поземельной зависимости крестьян, а также полного запрещения производить огораживания. В первой статье крестьяне просили короля запретить все огораживания, за исключением огораживании, произведённых для разведения шафрана, выгодной технической культуры. Это исключение, равно как и общая умеренность требований, было следствием влияния участвовавших в выработке программы зажиточных крестьян, которые начинали сами огораживать

земли с целью повысить доходность своего хозяйства. Ряд статей был составлен и в интересах мелких дворян.

Разумеется, эта программа не могла удовлетворить беднейшие слои восставших крестьян и городского плебса. Один современник восстания, описывая события в Уиндеме, передаёт содержание речей, которые произносились наиболее радикальными участниками восстания. Они требовали имущественного уравнения дворян и крестьян. «Мы, — заявляли эти крестьяне, — снесём изгороди, засыплем канавы и дадим возможность каждому пользоваться общинным пастбищем. Мы желаем свободного, одинакового и равноправного пользования всеми вещами». Некоторые участники восстания требовали введения даже общности имущества.

Правительство было напугано размерами восстания. Стремясь выиграть время для сбора сил, необходимых для подавления восстания, оно обещало удовлетворить часть требований крестьян. Однако восставшие не расходились по домам: они взяли Норич, вскоре им удалось разгромить отряд правительственных войск, посланный против восставших. Тем не менее попытки руководимых Кетом крестьян соединиться с восставшими в Девоншире и Корнуолле оказались безуспешными; осада Ярмута, предпринятая отрядами Кета, тоже окончилась неудачей. Правительству представилась возможность уничтожить очаги восстания поодиночке. После подавления восстания в Юго-Западной Англии в Норфолк против Кета была направлена большая армия, усиленная отрядом немецких и итальянских наёмников, а также местными ополчениями норфолкских и сеффолкских дворян. Использовав измену норичской буржуазии, правительственные войска под командованием Уорика вошли в Норич, куда затем подошли отряды наёмников.

В это время в лагере восставших обострилась борьба между революционными и умеренными элементами, возглавляемыми Кетом, который даже пытался покинуть лагерь, рассчитывая, очевидно, на амнистию. Но эта попытка была сорвана рядовыми участниками восстания, требовавшими решительных действий. 27 августа 1549 г. в долине Дюссендейль произошло сражение, в котором армия крестьян была разгромлена. Восставшие накануне сражения совершили грубую ошибку: они оставили свой укреплённый лагерь в лесу и приняли сражение в долине, где оказались беззащитными против конницы немецких наёмников. Сам Кет бежал с поля сражения ещё до его исхода. После разгрома крестьянских отрядов дворяне учинили кровавую расправу над восставшими. Роберт Кет и его брат были повешены.

В 1569 г. огораживания вызвали серьёзные крестьянские волнения в северных графствах Англии. В 1596 г. такие волнения начались в Оксфордшире, а в 1607 г. и другие центральные графства стали ареной нового большого крестьянского движения против огораживании.

В соответствии с объективными экономическими условиями Англии XVI в. борьба английских крестьян была прогрессивной борьбой за крестьянский аграрный переворот, за свободное крестьянское хозяйство, за расчистку пути для развития капитализма в Англии без дворян и дворянского землевладения, за капитализм в деревне, который возникает в результате разложения свободного крестьянского хозяйства, ведущего товарное производство, что по сравнению с лендлордизмом при капиталистической аренде обеспечило бы наиболее быстрое развитие производительных сил в стране.

Борьбе английских крестьян, как и всякому другому крестьянскому движению, были присущи черты, ослаблявшие его,— стихийность, недостаточная сознательность и организованность, локальный характер выступлений. Английская буржуазия выступила союзником нового дворянства. Кроме того, в среде крестьянства в XVI в. усилился процесс имущественного расслоения, вследствие чего различные в имущественном отношении слои крестьян поразному относились к борьбе с огораживаниями, к вопросу о земле. В силу всех этих обстоятельств борьба английских крестьян против огораживаний потерпела поражение.

Кровавое законодательство против экспроприированных. Мануфактурные рабочие

Мануфактурные предприятия и фермерские хозяйства в XVI в. были не в состоянии поглотить всю массу экспроприированных крестьян. Толпы безработных, нищих и бродяг заполнили города и дороги Англии; «сколько бедных, слабых, хромых, слепых, увечных, больных, к которым примешиваются и праздные бродяги и негодные преступники, лежат и ползают, прося милостыню, на грязных улицах», — сказано о Лондоне в одной проповеди 1550 г. В начале XVII в. в Лондоне насчитывалось до 50 тыс. пауперов. Короли династии Тюдоров стали издавать свирепые законы против бродяг и нищих, которые Маркс назвал «кровавым законодательством против экспроприированных». Генрих VIII разрешил собирать милостыню только старым и неспособным к труду нищим, а работоспособных бродяг приказывал бичевать и после этого брать с них клятвенное обязательство возвратиться на родину и «приняться за труд»; если наказанный после этого не перестанет бродяжничать, — бичевать его второй раз и, кроме того, отрезать половину уха; а если же он будет задержан в третий раз, то казнить его как преступника. По закону, изданному Эдуардом VI (1547—1553), уклоняющийся от работы безработный отдавался на время в рабство тому, кто донесёт властям, что он является бродягой. Хозяин имел право плетьми принуждать его ко всякой работе, продать, завещать по наследству и т. д. Такого раба за самовольный уход в первый раз осуждали на пожизненное рабство и клеймили, выжигая на щеке или на лбу букву «s» (slave — раб), за второй побег ставили ему на лицо второе клеймо, а в случае побега в третий раз казнили как государственного преступника.

При королеве Елизавете продолжали издаваться жестокие законы о рабочих. «Отцы теперешнего рабочего класса, — пишет Маркс по поводу этого законодательства, — были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их насильственно превратили в бродяг и пауперов» [1]. Эти кровавые законы имели своей целью предотвратить опасность восстаний экспроприированных, обеспечить приток дешёвой рабочей силы в промышленность и сельское хозяйство и подчинить массу бывших крестьян и ремесленников, ещё недавно самостоятельных мелких хозяев, новому для них режиму наёмного труда, воспитать из них послушных рабочих, безропотно несущих ярмо капиталистической эксплуатации. В ответ на народные восстания Тюдоры ещё больше усиливали жестокость этих законов.

«Революция цен» понизила реальную заработную плату английских рабочих и способствовала обогащению капиталистов, а массовая экспроприация крестьян и ремесленников в XVI в. создавала множество лишённых средств существования людей, вынужденных за самую низкую заработную плату продавать свою рабочую силу. Но заработная плата снижалась и вследствие королевских законов относительно наёмного труда. Особое значение среди них имел так называемый статут о подмастерьях, изданный в 1563 г. Елизаветой. По этому статуту всякий в возрасте от 20 до 60 лет, не имеющий определённых занятий, был обязан работать у того хозяина, который пожелает его нанять; до истечения контракта о найме ему запрещалось бросать работу, а продолжительность рабочего дня устанавливалась в зависимости от времени года. Размер заработной платы должны были определять мировые судьи в графствах (т. е. представители интересов нанимателей) в соответствии со временем года и местными ценами на товары.

Мануфактурные рабочие в Англии XVI в. получали всего несколько пенсов в день; рабочим деревенских мануфактур, имевшим обычно небольшое крестьянское хозяйство, платили ещё меньше, чем городским рабочим. Кроме того, часть заработной платы выдавалась товарами, что было очень выгодно предпринимателю, так как фактически давало ему возможность снижать плату. В крупных мануфактурах начинал применяться дешёвый женский и детский труд. В деревне фермеры повышали цены на продукты сельского хозяйства и снижали заработную плату сель-

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 738.

скохозяйственным рабочим, перекладывая таким образом на плечи трудящихся уплату высокой ренты лендлордам. По этим причинам в Англии XVI в. реальная

Лондонская биржа (открыта в 1571 г.).
Старинная гравюра.

заработная плата рабочих намного отставала от роста цен на товары: в 1600 г. она составляла около 47% реальной заработной платы 1500 г.

Развитие торговли

Сдвиги в экономике Англии XVI в. сопровождались ростом внутренней и внешней торговли. В это время сложился единый национальный рынок; Лондон стал экономическим центром страны, и даже отсталые графства севера все более втягивались в торговые связи с ним. В XIV—XV вв. торговля Англии с Италией и странами Востока велась главным образом при посредничестве венецианских купцов. Торговые связи Англии со странами Северной Европы находились в руках немецких купцов, входивших в Ганзейский союз. В XVI в. монополия как тех, так и других была уничтожена, всю внешнюю торговлю Англии взяли в свои руки крупные торговые компании английских купцов, получившие ряд привилегий от правительства: Левантская, Восточная, Московская. В 1588 г. возникла Гвинейская компания, сосредоточившая в своих руках главным образом работорговлю; в 1600 г. была организована Ост-Индская компания, положившая начало английскому проникновению в Индию. Корона обычно предоставляла таким крупным компаниям монопольное право на торговлю, что позволяло им произвольно повышать цены на товары. Монополии, охранявшие компании от конкуренции, являлись серьёзным препятствием для свободы торговли.

Англия вывозила в другие страны сукна, шерсть, кожи, воск, пиво, олово, свинец, медь, железо и другие товары, а ввозила тонкие полотна, шёлковые ткани, кружева,

корабельный лес, овощи и фрукты, растительные масла, пряности, аптекарские товары, серебряную посуду, клинки. Ежегодный товарооборот Англии с Антверпеном в середине XVI в. оценивался в 12 млн. золотых экю, из них на вывоз из Англии приходилось 7,5 млн. экю, а на ввоз—4,5 млн. экю. Быстро росло английское судоходство; короли поощряли его, разрешая перевозить ряд товаров только на английских кораблях и с командой, состоящей в большинстве из английских моряков.

Заседание парламента при Елизавете.
Гравюра XVI в.

В то же время возрос в Англии и ростовщический капитал. Английские купцы и предприниматели во второй половине XVI в. стали занимать деньги у лондонских ростовщиков, отказавшись от услуг банкиров Антверпена, итальянских и южно-немецких городов, у которых они прежде обычно делали займы. Королевское правительство впервые обратилось за займом к английским ростовщикам в 1569 г.

Следствием роста английской промышленности, торговли и ростовщичества было усиление значения Лондона, превращение его в международный центр торговли и кредита; этому немало способствовал и разгром Антверпена испанцами в 1576 г. Окраины Лондона быстро заселялись пролетаризирующейся беднотой; это были настоящие трущобы. На Темзе, ниже Лондонского моста (построен в XIII в.), быстро рос порт с массой пристаней, доков и складов; «а через реку Темз меж посадов мост камен, а на мосту устроены домы каменые и лавки, и торг великий устроен со всякими товары», — описывал Лондонский мост русский посол в 1600 г. В 1571 г. в Лондоне была открыта биржа. С этого времени начинается расцвет лондонского Сити, центральной части города, где сосредоточивались банковские конторы и крупные торговые предприятия.

В XVI в. возросло также и торговое значение Бристоля и Ливерпуля, крупных портов на западном побережье Англии.

2. Внутренняя и внешняя политика Англии

Абсолютизм Тюдоров

В период разложения феодальных отношений и возникновения элементов капитализма в Англии, так же как и в других странах, создаётся феодально-абсолютистская монархия. С 1485 по 1603 г. Англией правили короли из династии Тюдоров; они значительно укрепили свою власть, сделав её по существу неограниченной. Первый король этой династии — Генрих VII (1485—1509) успешно боролся с крупными феодалами, противниками усиления королевской власти в стране. Созданная им для наблюдения за исполнением статутов о роспуске вооружённых дружин знати так называемая Звёздная палата превратилась в грозный суд короля по делам политической измены, каравший противников королевского абсолютизма. В первой половине XVI в. была усилена власть английского короля над слабо связанными с Лондоном окраинами — Уэльсом, Корнуоллом и северными графствами, для управления которыми были созданы специальные учреждения.

Тюдоры смогли использовать в качестве орудия усиления своей власти также парламент. Нижняя палата парламента, состоявшая главным образом из мелких и средних дворян и верхушки буржуазии городов, при Тюдорах беспрекословно утверждала законы, внесённые королём, раболепствовала перед ним; верхняя же палата состояла в своём большинстве из представителей аристократии, получившей от Тюдоров большие земельные пожалования и потому покорной им. Однако, несмотря на усиление королевской власти при Тюдорах, бюрократический аппарат на местах был слабым, и местное самоуправление, как и при сословной монархии, продолжало играть крупную роль — через него в графствах и приходах приводились в исполнение все королевские указы. Важные должности в графствах и городах занимали главным образом представители джентри и привилегированной верхушки городской буржуазии.

Эти черты отличали английский абсолютизм от абсолютной монархии в других странах. Они объясняются тем, что в Англии силы крупных феодалов — главных противников абсолютной власти короля — были в результате войны Алой и Белой розы и репрессий Тюдоров основательно подорваны, а в парламенте и органах местного самоуправления вследствие процесса обуржуазивания широких слоёв среднего и мелкого дворянства не было такого антагонизма между дворянством и буржуазией, какой имелся в других странах Европы, где восторжествовал абсолютизм.

Особенностью английского абсолютизма было также отсутствие постоянной армии. Тюдоры главное внимание обращали на создание сильного военного флота, а английская армия в XVI в. сохраняла характер старинного ополчения, собираемого и экипируемого за счёт свободных подданных короля, в соответствии с их имущественным достатком.

Реформация в Англии

Важным средством укрепления абсолютизма при Тюдорах послужила реформа церкви в Англии, которая началась при Генрихе VIII. Поводом к её проведению послужил отказ папы римского утвердить развод короля Генриха VIII с его первой женой Екатериной Арагонской, родственницей Карла V. В ответ на этот отказ английский парламент в 1534 г. освободил церковь в Англии от подчинения Риму и «Актом о супрематии» провозгласил её главой, вместо папы, Генриха VIII; при этом было объявлено о сохранении всех других католических догматов и обрядов. В основе разрыва с Римом лежало стремление английских дворян и королевской власти использовать церковь как орудие абсолютизма и завладеть землями и имуществом церкви. Парламентскими актами 1536 и 1539 гг. были закрыты в Англии все монастыри, а их имущество и земли конфискованы королём, в 1545 г. были закрыты все часовни, имуществом которых также завладела корона. Как уже говорилось выше, эти конфискации в конечном итоге

увеличили земельные владения дворянства и буржуазии Секуляризация монастырских имуществ значительно пополнила королевскую казну Генрих VIII с 1536 г. за 9 лет получил от конфискованных богатств около 1,5 млн. ф. ст. дохода, не считая большого количества дорогой одежды, драгоценных камней и церковной утвари, оставленных королем из награбленной добычи для себя.

Генрих VIII.
Портрет работы Ганса Гольбейна Младшего 1537 г.

Реформация проводилась путем жесточайшего террора. От англичан требовалось полное подчинение новой церкви. За отрицание ее основных принципов полагалась смертная казнь, как за государственное преступление. Опасаясь роста народной оппозиции к новой церкви, Генрих VIII в 1547 г. запретил чтение Библии мастеровым, поденщикам, земледельцам и слугам, которые могли истолковать ее в духе радикальных сектантских учений. При Эдуарде VI англиканская церковь больше отошла от католицизма и восприняла некоторые элементы протестантизма

При преемнице Эдуарда VI — Марии Тюдор (1553—1558), дочери Генриха VIII от первого брака, ярой католичке, вышедшей замуж за Филиппа II испанского, в Англии на короткое время восторжествовала католическая реакция. Опираясь на недовольные абсолютистской политикой слои дворянства, главным образом из экономически отсталых районов Англии, Мария восстановила католичество и стала преследовать деятелей реформации, за что и получила от них прозвище «кровавой». Однако Мария не решилась возвратить церкви монастырские земли и имущества, отнятые короной при ее отце и перешедшие в руки светских владельцев.

Сближение Марии с Испанией, самой опасной соперницей Англии, испугало широкие слои англичан. В 1554 г. под лозунгом защиты Англии от испанцев вспыхнуло восстание, руководимое кентским дворянином Уайаттом. Собрав значительный отряд из крестьян Кента, Уайатт двинулся к Лондону. Восстание было подавлено, потому что как лондонская буржуазия, так и дворяне и зажиточные крестьяне из числа восставших испугались угрозы народного движения в Лондоне.

После смерти Марии английская корона перешла к Елизавете I (1558—1603), дочери Генриха VIII от второго брака, непризнанного папой. Елизавета восстановила реформированную церковь. В этом её поддержало большинство дворян и буржуазии. При Елизавете английский абсолютизм достиг вершины своего могущества. При ней была составлена окончательная редакция англиканского символа веры (так называемые 39 статей), которая была принята парламентом в 1571 г.

Церковь, созданная в Англии реформацией, стала называться англиканской. Она была национальной церковью и заняла среднее положение между католической и протестантской церквами. В «39 статьях» признавались и протестантские догматы об оправдании верой, о Писании как единственном источнике веры, и католический догмат о спасающей силе церкви (с некоторыми оговорками). Главой англиканской церкви стал король, а сама церковь превратилась в часть государственного аппарата феодально-абсолютистской монархии. «Король имеет верховную власть в церкви над всеми сословиями и лицами; но он не имеет права проповедовать слово божие и совершать таинства»,— говорится в «39 статьях». Богослужение совершалось на английском языке. Отвергалось учение католической церкви об индульгенциях, о почитании икон и мощей, было уменьшено число праздников в честь святых. Однако признавались таинства крещения и причащения, были сохранены епископат, а также литургия и ряд других обрядов, характерных для католической церкви. По-прежнему взималась десятина, которая стала поступать в пользу короля и превратилась в важное средство обогащения короля и новых владельцев монастырских земель. Корона, передавая монастырские земли светским собственникам, одновременно передавала им также право на десятину, ранее собираемую монастырями. Так появился в Англии слой светских лиц, получавших десятину.

Политика Тюдоров

Классовой опорой абсолютизма в Англии были феодалы, старое дворянство. В условиях разложения феодальных отношений этот класс, теряя свои экономические позиции, с помощью сильной монархии стремился удержать крестьянство под гнётом феодальной эксплуатации, сохранить своё господство, сломить силы мятежной знати, препятствующие укреплению власти класса феодалов в целом, а также использовать в своих интересах богатство растущей буржуазии и примыкавшего к ней нового дворянства. Именно этими задачами определялась как внутренняя, так и внешняя политика Тюдоров.

Стоя на страже интересов феодального способа производства, Тюдоры пытались остановить огораживания и развитие крупных шерстяных мануфактур.

Огораживания разрушали феодальную деревню, они обостряли недовольство среди крестьян и увеличивали число нищих и бродяг в стране, угрожая серьёзными социальными потрясениями. Абсолютная монархия была заинтересована в сохранении крестьянства как класса феодального общества ещё и по той причине, что важнейшей статьёй её доходов были налоги, взимаемые с крестьян; из них же набиралось главным образом военное ополчение. Поэтому Тюдоры, опираясь на своё право верховных сеньоров всех земель Англии, издали ряд законов против огораживаний. В парламентском акте от 1489 г., направленном против разрушения деревень, запрещалось уничтожение домов и строений. Генрих VIII запретил скотоводам держать более 2 тыс. овец, а скупщикам ферм — владеть более чем одной фермой, предписав огораживателям восстановить все разрушенные со времени воцарения его отца (1485 г.) крестьянские хозяйства и постройки. В 1517 г. была послана в графства королевская комиссия для расследования случаев огораживании и наказания всех нарушителей этих законов. Во второй половине XVI в. тоже издавались законы против огораживаний. Однако законодательство Тюдоров против огораживаний потерпело полную неудачу. Короли феодальной монархии, Тюдоры пытались остановить огораживания, сохраняя при этом незыблемой феодальную собственность дворян на землю и все их привилегии: ни один их акт против

огораживаний не предоставлял крестьянам права полной частной собственности на их земельные участки, оставлял их в положении феодально-зависимых держателей дворянской земли, что существенно облегчало дворянам экспроприацию крестьян. Кроме того, дворяне-огораживатели в графствах и приходах не подчинялись актам против огораживаний, всякими способами скрывали от королевских комиссаров действительные размеры огороженных ими земель, произведённые разрушения, количество овец. Контроль за исполнением этих актов на местах осуществляли мировые судьи, очень часто сами заинтересованные в огораживаниях и даже являвшиеся их активными участниками.

В 1541 г. Генрих VIII создал специальную палату для сборов платежей, которые все дворяне, как его вассалы, обязаны были вносить в казну короля в случаях отчуждения своих земель, передачи их по наследству, опеки и т. д. Эта мера должна была укрепить феодальную структуру землевладения в Англии в условиях интенсивно происходившего в XVI в, процесса перехода земель в руки буржуазных элементов и увеличить доходы короны. Тюдоры поощряли развитие сукноделия в Англии, но в то же время они пытались законодательным путём остановить рост шерстяных мануфактур и упадок цехового ремесла. Акт 1555 г. о ткачах сильно ограничивал число станков, которые имел право держать суконщик в городе или в деревне; другой акт даже запрещал заниматься сукноделием вне городов. Но эти акты были бессильны остановить рост мануфактурного производства сукна, и правительство в конце концов само было вынуждено ограничивать действие их, отказываясь от их распространения на целые районы, где суконное производство уже стало важнейшей отраслью хозяйства.

Однако в то же время Тюдоры политически объединили под своей властью всю страну, подавляя выступления мятежной знати, поощряли развитие торговли, предоставляя купцам ряд льгот, поддерживали первые колониальные захваты, мореплавание, работорговлю, морское пиратство, издавали свирепые законы против бродяг и нищих, жестоко подавляли народные движения в стране. Это не только отвечало интересам класса феодалов в целом, но и обеспечивало абсолютизму Тюдоров поддержку со стороны подымающегося класса буржуазии и примыкающего к нему нового дворянства, которые на первых порах весьма нуждались в защите их интересов сильной монархией. Используя эту поддержку, Тюдоры смогли укрепить свою власть и разрешить ряд важнейших задач в своей внешней и внутренней политике. Таким образом, политика Тюдоров была противоречивой. С одной стороны, они стремились сохранить незыблемость феодального строя, с другой стороны, они оказывали покровительство деятельности буржуазии. В этой противоречивой политике английской монархии XVI в. нашёл своё выражение тот факт, что в недрах феодального общества возникал новый уклад, который Тюдоры стремились использовать в интересах класса феодалов и феодального государства.

Шотландия в XVI в.

Соседняя с Англией Шотландия в XVI в. была самостоятельным королевством, занимавшим северную часть острова. Она делилась на две области — на Северную, или Горную, Шотландию и Южную, или Долинную, Шотландию. Горная Шотландия была самой отсталой областью королевства; в ней господствовали феодально-патриархальные отношения; её жители занимались скотоводством и охотой и жили ещё родовыми общинами — кланами. Во главе кланов стояли вожди, которые жестоко эксплуатировали крестьян, взимая с них различные поборы, главным образом в натуральном виде. В XVI в. в этой области товарное производство развивалось ещё медленно, городов было мало. Южная Шотландия развивалась быстрее, её жители наряду со скотоводством занимались и земледелием, а товарное производство в ней сделало большие, чем на севере, успехи. В ней имелось много городов, оживлённо торговавших с Англией, Нидерландами и Францией, куда вывозились кожи и шкуры, мясо, сало и масло, лососина, шерсть и шерстяные ткани. Особенно быстро развивались

связи Южной Шотландии с экономически более развитой Англией; многие англичане переселялись в шотландские города и долины.

Шотландская деревня была очень бедной. Большинство крестьян Южной Шотландии являлось краткосрочными держателями земли у феодалов, которые пользовались этим для произвольного повышения ренты. Под влиянием успехов товарного производства в XVI в. феодалы начали осуществлять коммутацию крестьянских повинностей, нередко при этом сгоняя с земельных участков прежних владельцев и передавая эти участки новым держателям за более высокую ренту. На севере шотландские короли в XVI в. начали превращать вождей кланов в лендлордов, создавая из них своих вассалов, держателей земли от короны. Всё это усиливало гнёт феодалов в деревне. Крупные феодалы увеличивали свои доходы также междоусобными войнами и грабежами, пользуясь раздробленностью страны и слабостью королевской власти,

В XVI в. шотландский престол занимала династия Стюартов. Вследствие медленного и неравномерного развития экономических связей между областями страны процесс централизации в Шотландии в этот период ещё не закончился (отсутствовала даже единая денежная система). Крупные феодалы Южной Шотландии и вожди кланов в северной части страны сохраняли свою независимость, им подчинялось много вассалов из мелких феодалов-дворян; у крупных феодалов имелись сильные дружины и свои свиты, а в качестве сеньоров они удерживали под своей властью ряд городов, особенно на юге. Управление в городах Южной Шотландии находилось в руках купеческой олигархии, которая ревниво оберегала свои старинные привилегии, полученные от королей или от крупных феодалов. Буржуазные элементы в городах только начали зарождаться, кроме того, многие из горожан были более заинтересованы в развитии связей с другими странами и прежде всего с Англией, чем в объединении с отсталым севером Шотландии. В таких условиях Стюарты, не имея прочной опоры в городах, не могли сломить всесилие магнатов и часто сами становились орудием в руках той или иной феодальной клики, боровшейся за власть, особенно когда на троне сидели несовершеннолетние короли. В Англии не без основания сравнивали Шотландию в этом отношении с Польшей.

Экономически слабая, раздираемая внутренней борьбой Шотландия стала в XVI в. объектом захватнических устремлений Англии, а также Франции и Испании. Она была вовлечена в их борьбу, что привело в конечном счёте к потере ею независимости. Особенно активной в борьбе за Шотландию была Англия. Война с Англией в первой половине XVI в. велась с перерывами в течение ряда десятилетий. В 1542 г. шотландский король Яков V, потерпевший поражение в этой войне, умер. Шотландская корона перешла к его малолетней дочери Марии Стюарт, которую отправили во Францию и воспитали ярой католичкой. Шотландией в качестве регента стала управлять мать королевы — Мария Гиз, представительница могущественного во Франции рода Гизов. Для помощи в войне с англичанами на территорию Шотландии были введены французские войска, которым в 1551 г. удалось изгнать английскую армию из Шотландии. Но в результате этого Шотландия оказалась под властью французской короны: Мария стала женой французского короля Франциска II, которому были переданы все доходы шотландской короны в уплату долга за военную помощь против англичан, его войска оккупировали важнейшие крепости страны, а высшие должности в государстве заняла французская знать.

В это время в Шотландии усилилось движение за реформу церкви под знаменем кальвинизма. Кальвинизм получил здесь широкое распространение не только среди горожан, но и среди значительной части феодалов (особенно на юге), которые рассчитывали при помощи реформации завладеть всеми церковными богатствами и использовать пресвитерианский строй новой церкви для усиления своих позиций в борьбе против Стюартов, отдавших страну под власть католической Франции. Вождём и идеологом шотландской реформации был Джон Нокс (1505—1572), профессор богословия, священник англиканской церкви, который эмигрировал во время

католической реакции из Англии и прожил несколько лет в Женеве. После своего возвращения в 1555 г в Шотландию Нокс возглавил кальвинистов. Нокс обычно заканчивал свои проповеди перед народом словами: «Боже! Избави нас от тирании блудницы», имея в виду Марию Стюарт. Был создан союз кальвинистов — «Ковенант». Когда в стране начались народные выступления против католической церкви, кальвинисты открыли военные действия против французов Им помогала оружием и деньгами только что вступившая на английский престол Елизавета; она рассчитывала с помощью кальвинистов не только подчинить себе Шотландию, но и избавиться от опасной для нее претендентки на английскую корону в лице Марии Стюарт. После прихода к власти Елизаветы и восстановления ею англиканской церкви папа и католические державы стали строить планы свержения её с престола и возведения на ее место Марии Стюарт, которая, по их расчётам, должна была навсегда покончить с реформацией в Англии. В 1559 г. Мария и её муж приняли титул английских королей, в ответ на это Елизавета усилила помощь шотландским кальвинистам. В 1560 г. английский флот осадил шотландскую крепость Лейт. Шотландские кальвинисты одержали победу, и в Эдинбурге был подписан договор, по которому французские войска выводились из Шотландии, власть в стране переходила в руки совета из 12 представителей аристократии (5 из них назначались парламентом, а 7 — королевой), объявлялась свобода вероисповедания, Мария Стюарт и её муж должны были отказаться от своих прав на английскую корону. Шотландский парламент, воспользовавшись победой, ввел в Шотландии пресвитерианскую церковь и произвёл секуляризацию церковных богатств, раздав большую их часть аристократии.

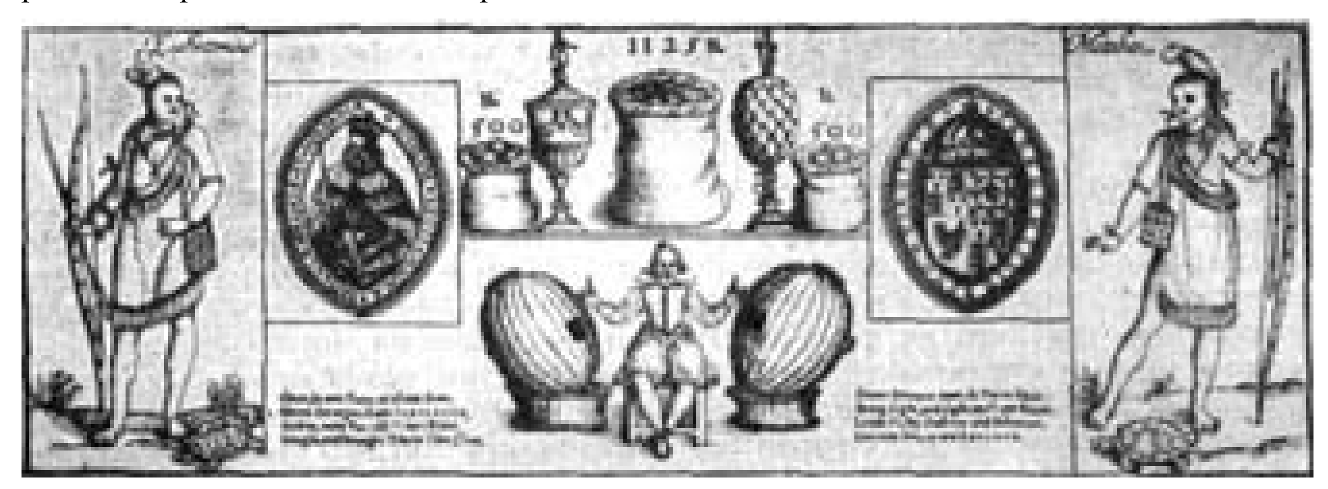
Мария, находясь во Франции, отказалась признать Эдинбургский договор. Гизы уже готовились к новой интервенции в Шотландию; однако смерть Франциска II лишила их влияния во Франции, и Марии пришлось возвратиться в своё королевство, где она вскоре для подкрепления своих претензий на английскую корону вышла замуж за Дарнлея, родственника Тюдоров. С возвращением Марии внутренняя борьба в Шотландии разгорелась с новой силой. Мария приблизила к себе католическую знать, преследовала кальвинистов, получала денежную помощь от папы и Гизов, установила секретные связи с католической знатью в Англии, тайно готовившей мятеж против Елизаветы. Со своей стороны Елизавета субсидировала борьбу шотландских кальвинистов, возглавляемых графом Мюрреем. В 1567 г. кальвинисты подняли восстание против Марии, обвинив её в связях с убийцами её мужа Дарнлея. Оказавшись в руках восставших, Мария была вынуждена отречься от престола в пользу своего малолетнего сына Якова VI. Вскоре ей удалось бежать, но королевские войска, посланные против восставших, потерпели поражение, и Мария была вынуждена покинуть страну. Елизавета, у которой Мария искала убежища, заключила её в замок.

Таким образом, в конце 60-х годов XVI в. в Шотландии у власти оказались проанглийские элементы из кальвинистов, регентом при Якове VI стал Мюррей, а сама Мария оказалась в плену у Елизаветы. «Лучшая политика — это сохранить нашу власть над королем Шотландии и его страной, удержать его в наибольшем повиновении и дружбе, вследствие чего его связи с другими державами не смогут принести нам вреда»,— заявлял один из активных деятелей правительства Елизаветы. В 1586 г., в условиях обострения англо-испанской борьбы, Елизавета закрепила английское влияние в Шотландии, заключив союз с Яковом VI. Яков обязался не поддерживать Испанию, не помогать шотландским и ирландским католикам, за что его обещали признать наследником английской короны.

Борьба Англии с Испанией

Ко второй половине XVI в. относится начало английской колониальной экспансии, первые попытки создать колониальную империю. В колониях рассчитывали найти золото и серебро, выгодный рынок сбыта и источник сырья для английской промышленности, земли для создания поместий колонистов и для выселения из Англии большого количества бродяг и нищих.

Но на пути английской экспансии стояла Испания, обладавшая богатыми колониями в Америке и. усилившаяся в 1581 г. в результате присоединения Португалии со всеми её колониями в Азии. С середины XVI в. борьба Англии с Испанией приняла форму контрабандной торговли с колониями Испании и пиратского грабежа её портов и судов, перевозивших американское золото и серебро. В Англии возникли специальные купеческие компании для снаряжения пиратских экспедиций против

Лотерейный билет, выпущенный в Англии в 1616 г.
для финансирования колонизации Виргинии.

испанцев. Елизавета и многие представители высшей знати Англии были пайщиками ряда таких компаний. Пиратские экспедиции наносили громадный ущерб Испании, исчислявшийся до 3 млн. дукатов в год. Однажды английские корсары ограбили испанские корабли, вёзшие в Нидерланды для расплаты с войсками 450 тыс. дукатов, занятых в Генуе.

В 1562 г. Джон Хаукинс, плимутский судовладелец, достиг берегов Гвинеи в Африке, откуда вывез большую группу негров и доставил их контрабандой на о. Эспаньолу (Гаити), где и продал в рабство испанским колонистам, положив начало английской работорговле. Позже он совершил ещё несколько удачных рейсов в Вест-Индию. Елизавета за эти «подвиги» возвела Хаукинса в дворянство и сделала его адмиралом; на гербе этого дворянина-работорговца был изображён связанный негр-невольник. Примеру Хаукинса последовали другие английские корсары.

Пират Френсис Дрейк (позднее — адмирал королевы) прославился и разбогател на грабежах испанских колоний в Америке. В 1578 г. он с небольшой эскадрой, пройдя через Магелланов пролив, ограбил испанские города по побережью Чили и Перу, где были приготовлены большие запасы золота и серебра для отправки в Европу. Потом Дрейк пересёк Тихий океан, побывал на Молуккских островах и затем, обогнув мыс Доброй Надежды, вернулся в 1580, г. с огромной добычей в Англию, совершив, таким образом, второе после Магеллана кругосветное путешествие. Тщетно испанский посол в Лондоне требовал от Елизаветы возмещений за учинённый Дрейком грабёж. Королева лично посетила корабль Дрейка в Плимуте, возвела Дрейка в рыцари, а бриллиантом, подаренным ей Дрейком из числа награбленных сокровищ, украсила свою корону.

В 1583 г. гавань Сен-Джон и прилегающие к ней территории на острове Ньюфаундленд были объявлены владениями королевы Елизаветы. Вскоре фаворит королевы пират Уолтер Рэли исследовал часть восточного побережья Северной Америки, названную им Виргинией, и основал там первую английскую колонию.

Таким образом, английские купцы и крупные торговые компании при поддержке государства начали активную борьбу с Испанией и, действуя пиратскими методами, вступили на путь создания английской колониальной империи.

Со своей соперницей Испанией английская монархия сталкивалась не только на мировых торговых путях того времени, но и в сфере европейской политики. Поскольку католические силы в Европе являлись орудием испанской политики, английская монархия поддерживала их противников.

Елизавета поддерживала гугенотов во Франции и помогала восставшим Нидерландам, а Испания оказывала помощь ирландским католикам в их борьбе против английского господства в Ирландии, засылая туда своих агентов, главным образом иезуитов, и готовя вторжение на её территорию. В самой Англии испанские агенты организовали ряд католических заговоров против Елизаветы. В центре этих заговоров стояла бывшая шотландская королева Мария Стюарт, находившаяся в Англии в заточении.

В 1569 г. в северных графствах Англии вспыхнуло вооружённое восстание; его возглавляли графы Нортумберленд, Уэстморленд и другие представители феодальной знати, недовольные усилением абсолютизма при Елизавете. В прокламации восставших говорилось, что их выступление направлено против тех людей, которые окружают королеву, ибо они ради собственного возвышения «ниспровергли в стране истинную веру» и «уничтожают аристократию». Целью мятежников было посадить на трон вместо Елизаветы «законную» королеву Марию Стюарт, освободив её из заключения, восстановить католичество и подчинить Англию союзу католических держав Европы. Главари мятежа тайно получали денежную помощь и инструкции от папы и испанского короля, поддерживали связь с Марией; намечалась высадка в северной Англии испанских войск герцога Альбы из Нидерландов и выступление католической знати Шотландии. Восставшим феодалам удалось за демагогическим лозунгом восстановления «истинной веры» на время скрыть свои узкоклассовые и антинациональные цели и повести за собой в северных графствах довольно широкие слои народа, использовав обострение социальной борьбы в этих графствах и направив её на первых порах против абсолютистской политики Елизаветы и английской реформации. Восставшие создали значительную армию, которая, овладев важнейшими пунктами на севере, пыталась направиться на юг с целью поднять остальные графства страны и взять Лондон.

Однако в борьбе против восстания на севере страны Елизавета опиралась на широкие слои дворянства и буржуазии большинства графств Англии, понимавшие, что победа мятежников серьёзно ослабит королевскую власть в стране, приведёт к разгулу феодально-католической реакции и подчинит Англию её главной сопернице — Испании. Не поддержали восстание на севере и крестьяне других графств Англии. Воспользовавшись этим, Елизавета направила против отрядов мятежных феодалов большие силы своей армии и флота, которым удалось принудить восставших к отступлению на север. В это время в северных графствах крестьяне и городская беднота вопреки религиозным лозунгам восстания начали борьбу против феодализма; «стало опасно доверять в этом кипящем котле простому народу»,— характеризовал положение, сложившееся на севере, один из участников восстания. Испугавшись антифеодальной войны в своём тылу, мятежные феодалы поспешили отступить на север, распустив при этом многочисленные крестьянские и городские отряды, примкнувшие к их армии. Испанская интервенция отпала в связи со вспыхнувшей Нидерландской революцией и войной с турками на Средиземном море. При таких обстоятельствах восстание на севере было подавлено осенью 1569 г. правительственными войсками с большой жестокостью. Многие главари восстания успели бежать в Шотландию, а затем в Испанию и Рим; они продолжали оттуда борьбу против Елизаветы.

В 1570 г. папа Пий V издал буллу об отрешении Елизаветы от власти как незаконной королевы, об отлучении её от церкви как еретички и об освобождении её подданных от присяги верности и о запрещении повиноваться ей.

После подавления восстания на севере, несмотря на жестокие репрессии против

католиков в стране, испанским агентам всё же удалось организовать ряд заговоров английских католиков с целью провозглашения Марии королевой Англии. Крупнейшим из них был заговор Бабингтона. Заговорщики предполагали убить Елизавету, освободить Марию, поднять восстание католиков в Англии и Ирландии и тем самым помочь высадке в Англии испанских и французских войск, которые должны были захватить Лондон, расправиться со сторонниками Елизаветы, уничтожить ненавистный испанцам английский флот и восстановить католицизм. Заговорщики были связаны с папой, Филиппом II, Гизами, Марией Стюарт. Но правительство Елизаветы через своих многочисленных шпионов внимательно следило за подготовкой заговора; через руки государственного секретаря Англии Уолсингема — одного из главных организаторов борьбы с Испанией — проходила даже тайная переписка Марии. Заговорщики в Англии были схвачены и казнены в сентябре 1586 г. Мария как государственная преступница была предана специальному суду, который вынес ей смертный приговор, встреченный в Лондоне всеобщим одобрением; в феврале 1587 г. она была обезглавлена.

Френсис Дрейк.
Гравюра Р. Элстрейка.

Казнь Марии Стюарт явилась серьёзным поражением католической реакции в Европе. Папа Сикст V особой буллой призвал католиков к войне с Англией. Испания стала готовить вторжение в Англию. Филипп II снарядил для осуществления этого вторжения большой флот—«Непобедимую армаду», состоявший главным образом из тяжёлых кораблей, имевших на борту более 20 тыс. отборных солдат и около 3 тыс. орудий. Армада должна была пройти в Дюнкерк, взять там на борт испанские войска, находившиеся в Нидерландах, и затем высадить десант в устье Темзы, недалеко от Лондона. Испанцы рассчитывали, что их вторжение будет поддержано восстанием английских католиков.

В Англии война с Испанией получила значение борьбы за национальную самостоятельность страны. Были созданы сухопутная армия для отпора десанту и защиты Лондона и флот, насчитывавший около 200 боевых и транспортных кораблей. Большую часть этого флота составляли частные купеческие и пиратские суда, присланные различными городами Англии; ими командовал Дрейк. В противоположность испан-

скому английский флот состоял из лёгких быстроходных кораблей и был лучше вооружён артиллерией. В соответствии с этим была принята такая тактика: избегать генерального морского сражения, но активно атаковать отдельные корабли и мелкие соединения на флангах и в тылу армады. Экипажи английских судов состояли из моряков, прошедших хорошую школу в торговом или рыболовном флоте и нередко участвовавших в пиратских налётах на испанские корабли. Хаукинс, Рэли и другие крупные пираты и мореходы этого времени приняли участие в сражении с армадой Англичанам помогал голландский флот.

26 июля 1588 г. армада вышла из Ла-Коруньи и через несколько дней достигла английских вод у Плимута; отсюда она направилась к Дюнкерку. Это был момент, удобный для атаки со стороны английского флота. Морские сражения длились две недели, и в итоге армада не смогла дойти до Дюнкерка. Испанскому флоту не удалось соединиться с сухопутными войсками; он был оттеснён в Северное море, потеряв большое количество кораблей. «Перья у испанцев выщипывались одно за другим»,— говорили тогда англичане. Большие потери и деморализация моряков и солдат заставили командование армады начать отступление. Но сильный южный ветер не позволил совершить обратное плавание через Ла-Манш. Разразившаяся буря разбросала корабли армады у берегов Шотландии и довершила её разгром. На западном побережье Ирландии было взято в плен более 5 тыс. выброшенных сюда бурей испанцев.

Победа английского абсолютизма над мятежной аристократией и поддерживающими её силами международной католической реакции закрепила политическое объединение Англии и спасла её от угрозы чужеземного владычества. К. Маркс в «Хронологических выписках», оценивая деятельность Елизаветы, отмечал: «...несмотря на гнусный характер ее правления и на бедствия народа в ее царствование», опасность, угрожавшая самостоятельности Англии со стороны католической реакции, сделала «пребывание ее во *главе правительства вопросом национального значения*» [1].

С гибелью испанской армады было подорвано морское могущество Испании. Господство на море стало переходить к Англии и Голландии, что открывало перед ними возможность осуществить большие колониальные захваты и ускорить посредством грабежа колоний процесс первоначального накопления и развитие капитализма. В 1596 г. английские корабли разгромили испанский флот в гавани Кадиса. В последние годы царствования Елизаветы флот Ост-Индской компании побывал на «Островах пряностей» (Молуккских островах) и в индийском порту Сурат, положив начало торговле Англии с Индией; после того как в 1612 г. английские корабли разбили португальскую эскадру близ Сурата, компания создала в этом городе свою постоянную торговую факторию.

Подчинение Ирландии и начало массового обезземеления ирландцев

Ирландия была первой английской колонией. Её завоевание началось в XII в. К началу XVI в. большая часть Ирландии ещё не подчинялась англичанам. Англичане господствовали только в юго-восточной прибрежной полосе, называемой Пэль. Но и здесь англичане вынуждены были платить могущественным ирландским вождям и правителям так называемую чёрную ренту, чтобы обезопасить себя от их нападений. Однако ирландцы к этому времени уже были лишены самых богатых и плодородных областей и оттеснены в горы, леса и болота. Это обрекло производительные силы и общественный строй Ирландии на длительный застой, сохранило раздробленность страны и господство в ней феодально-патриархальных отношений вплоть до начала XVII в. На многих территориях не покорённых англичанами областей главным занятием жителей в XVI в. было скотоводство, а земледелие играло второстепенную роль. Ирландцы вели в этих областях полукочевой образ жизни, редко употребляли

[1] *К. Маркс,* Хронологические выписки, «Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 379.

деньги, и купля-продажа часто совершалась в форме натурального обмена. Жили они родовыми общинами—кланами, насчитывавшими до 5—6 тыс. родственников, а их общественная жизнь регулировалась брегонскими законами, представлявшими собой свод «варварского» права Ирландии, кодифицированный ещё в 438 г. н. э. В случае убийства человека преступник, как во времена варварских «Правд», уплачивал родным убитого вергельд — «эрик». Значительное количество земель продолжало находиться как общая собственность в распоряжении кланов. Эти земли разделялись между главами патриархальных семей, входивших в состав кланов. Если кто-либо из участвовавших в разделе умирал, то его участок не переходил по наследству детям, а все участки снова соединялись вместе и производился их передел; такие переделы обычно совершались каждые 2—3 года. Этот обычай назывался *гевелкайнд.* У ирландцев существовал и другой обычай: *танистри.* Согласно ему члены кланов избирали вождей и их преемников-танистов; каждому из них из земель клана выделялся особый участок, который не передавался по наследству его детям, а переходил к преемнику по должности как собственность клана. Но должности вождей очень рано были монополизированы в руках отдельных богатых семей, и должностные наделы, следовательно, превратились в их постоянные владения; кроме того, вожди различными путями приобретали в свою собственность значительное количество земли и вместе с должностными наделами использовали их как средство феодальной эксплуатации пришельцев и своих обедневших родичей. Они взимали повинности, частично в денежной форме, как с держателей своих земель, так и со свободных, но находящихся под их властью крестьян. Освящённые традициями родовых отношений, эти феодальные повинности были велики и являлись средством беззастенчивого грабежа ирландских крестьян клановой знатью. Страна в XVI в. была раздроблена на самостоятельные владения вождей, королевская власть фактически отсутствовала, вожди часто враждовали между собой и вели войны, что способствовало подчинению Ирландии Тюдорам.

Экономически и политически слабая Ирландия обладала большими природными богатствами; она представлялась английскому дворянству и буржуазии XVI в. весьма заманчивым объектом колониального грабежа и важным опорным пунктом для утверждения господства Англии на море в борьбе с Испанией. Эти классы требовали от Тюдоров завоевания всего острова и превращения Ирландии в покорную английскую колонию. Усиление королевской власти при Тюдорах позволяло предпринять это завоевание. Генрих VII и Генрих VIII прежде всего укрепили свою власть над Пэлем. Генрих VIII прекратил выплату «чёрной ренты». Многие могущественные фамилии англо-ирландской знати, которые боролись между собою за власть в Ирландии, были истреблены. Парламент Пэля мог отныне созываться лишь с разрешения английского короля и обсуждать только те законы, которые были предварительно обсуждены в Лондоне. В 1541 г. Генрих VIII присвоил себе титул короля Ирландии, потребовал от ирландских феодалов присяги верности, начал принимать от них земли кланов и передавать им эти земли снова в качестве своего пожалования с включением их владельцев в состав английской феодальной иерархии. Реформация и связанная с ней конфискация монастырских земель в Ирландии явились важным средством подчинения Ирландии и обезземеления ирландцев — бывших держателей монастырских земель, что ещё более углубило рознь и борьбу между Англией и Ирландией. «Ирландцы считают, что наступит день, когда англичане навсегда изгонят их и лишат земли», — сообщал один английский чиновник из Ирландии. Большинство ирландцев осталось католиками, чем много раз пытались воспользоваться Рим и Испания в борьбе с Англией.

Основным средством ограбления и подчинения Ирландии англичанами в XVI в. стали массовые конфискации земель ирландцев и передача их английским колонистам.

Первая массовая конфискация была проведена при Марии Тюдор. Воспользовавшись распрями между ирландскими вождями двух соседних с Пэлем графств и

лордами Пэля, королева объявила действия вождей мятежом и конфисковала земли обоих графств. Это было грубейшим нарушением ирландских поземельных отношений, сохранивших следы клановой собственности на землю и не допускавших конфискации земли за те или иные проступки членов клана, в том числе и вождей. Конфискованные земли были розданы в 1563—1564 гг. на очень выгодных условиях английским военным и чиновникам; ирландцам оставили $^{1}/_{3}$ земель, причём это были самые худшие земли. При Елизавете английские власти в Ирландии, вмешавшись в борьбу ирландских вождей в Манстере (Юго-Западная Ирландия), спровоцировали восстание против англичан, а затем, жестоко подавив его, конфисковали в 1586 г. большую часть земель ирландцев этой обширной области. Эти земли были розданы крупными участками английским колонистам — главным образом представителям знати к фаворитам королевы — с условием их заселения англичанами и введения в них английской системы феодальных поземельных отношений.

Елизавета.
Портрет работы неизвестного мастера второй половины XVI в.

Колонизаторская политика Тюдоров в Ирландии усилила борьбу ирландцев за освобождение своей страны от гнёта английских захватчиков. Во второй половине XVI в. произошло несколько крупных восстаний против английского господства, а в 1594 г. на севере Ирландии, в Ольстере, началось новое большое народное восстание, во главе которого стали графы Тирон и Тирконель. Восставшие требовали свободы вероисповедания для католиков, прекращения земельных конфискаций и возврата ирландцам ранее отнятых земель, назначения чиновников из ирландцев, устранения стеснений, введённых английской короной в области торговли. Вожди восставших составили «Лигу Севера», создали и обучили армию, насчитывавшую до 16 тыс. человек. Эта армия нанесла английским войскам серьёзное поражение на реке Блекуотере. Положение англичан было критическим, южные районы Ирландии поддерживали восставших, которые ждали денежной и военной помощи от Испании. Елизавета послала на подавление восстания 22-тысячную армию во главе со своим фаворитом графом Эссексом. Но Эссекс потерпел поражение и начал вести с восставшими переговоры о перемирии, за что был отозван из Ирландии и лишён всех занимаемых им должностей. Новый наместник Ирландии, Маунтджой повёл против ирландцев опустошительную войну. Он уничтожал мирное население, сжигал деревни, истреблял посевы. В 1601 г. в Ирландии в порту Кинсал высадился 5-тысячный отряд испанских войск, стремившихся использовать ирландское восстание в интересах своей борьбы против Англии. Однако Маунтджой предотвратил соединение испанского отряда с главными силами восставших,

подошедших к городу Кинсалу, и разгромил их порознь. В 1603 г. восстание было» жестоко подавлено. «Вашему величеству не над чем повелевать в этой стране, как только над трупами и кучами пепла», — писал Маунтджой Елизавете.

Новый король Яков I Стюарт конфисковал земли в шести графствах Ольстера; он роздал их английским колонистам с условием вести хозяйство по английскому образцу и заселить их англичанами. Много ирландцев было выселено из Ольстера.

Вследствие этих больших конфискаций в Ирландии уничтожались родовые пережитки в области поземельных отношений, создавалось крупное феодальное землевладение английских лендлордов, а ирландцы насильственно лишались земли и превращались в мелких держателей земель английской аристократии на очень тяжёлых условиях аренды. Это было английским лендлордам выгоднее, чем привозить сюда, согласно условиям пожалований, держателей из Англии. Массовое обезземеление и грабёж ирландцев были одним из рычагов процесса первоначального накопления в Англии.

Так при Тюдорах вся Ирландия стала быстро превращаться в английскую колонию, в «... цитадель английской земельной аристократии» [1], — как называл её Маркс.

Отношения Англии с Россией в XVI в.

В 1524 г. русские послы по дороге в Испанию, ко двору Карла V, впервые посетили Англию. В 1552 г. один из кораблей экспедиции Уиллоуби — Ченслера, отправившейся на поиски северо-восточного пути в Китай, прошёл через Белое море в Холмогоры (в устье Северной Двины). После прибытия Ченслера в Москву (1553 г.) между Русским и Английским государствами установились регулярные торговые и дипломатические связи. Русское государство не имело возможности вести торговлю со странами Западной Европы через Балтийское море. В этих условиях приобретала важное значение связь России с Англией беломорским путём. Иван Грозный покровительствовал развитию русско-английской торговли. Он даровал купцам английской Московской компании право свободного въезда, передвижения и беспошлинной торговли в русских землях, подарил им дом в Москве. Расцвет деятельности Московской компании приходится на 60—70-е годы XVI в. Англичане привозили в Россию сукна, галантерейные товары, оружие, серу, селитру, свинец, а русские купцы продавали англичанам лён, пеньку, сало, воск, меха. Московская компания монополизировала поставку английскому флоту русских канатов, признававшихся в это время лучшими.

Английские купцы и дворяне, члены Московской компании, преследовали цели подчинения русского рынка и установления через Россию непосредственных торговых связей с Ираном, Средней Азией и Индией по Волжскому пути. Елизавета не желала поддерживать Россию в её борьбе за выход к Балтийскому морю. В конце 60-х годов, в трудный для России момент Ливонской войны, Иван Грозный, стремясь приобрести союзников в Европе против Габсбургов, оказывавших скрытую поддержку его противникам, предложил Елизавете вступить в династический брак и заключить с ним военно-политический союз. Однако она отказалась от такого союза, боясь серьёзных столкновений с Габсбургами, враждебно относившимися к русскому продвижению в Прибалтику. В ответ на это Иван Грозный лишил в 1570 г. Московскую компанию ряда привилегий (в дальнейшем часть отнятых привилегий была восстановлена). В своём послании к Елизавете Иван Грозный упрекал её в том, что в Лондоне с русским послом вели переговоры только о торговых делах. Угрожая немилостью английским купцам, он заявлял: «А Московское государство пока и без английских товаров не бедно было». В начале 80-х годов снова велись переговоры с Елизаветой относительно заключения русско-английского военно-политического союза, однако и на этот раз английское правительство отказалось от него, выставив неприемлемые для России условия.

---

[1] Письмо К. Маркса — З. Мейеру и А. Фогту, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные письма, 1953, стр. 234.

Англия не поддерживала Россию и в борьбе с турецкой опасностью. Более того, в своей борьбе с Испанией Англия пыталась использовать в качестве своего союзника турецкого султана. Хотя султан и не оказал в это время прямой военной помощи Англии, турецкая угроза на Средиземном море всё же отвлекла от Англии часть испанских сил.

В конце XVI в. русское правительство было встревожено слухами о том, что англичане помогают Турции людьми и деньгами против Габсбургов и папы. Елизавета в 1598 г. писала русскому царю, что это — ложные слухи и что деятельность англичан в Турции ограничивается только областью торговли. Тем не менее в 1600 г. в Лондон было направлено русское посольство, перед которым была поставлена задача добиться изменения отношений Англии с Турцией. Однако посольство было безуспешным.

Обострение социальных противоречий в Англии в конце XVI и начале XVII в.

Поддержка английской буржуазией и новым дворянством феодально-абсолютистской монархии была временной. Уже во второй половине XVI в. с успехами в развитии капитализма среди этих классов стала складываться оппозиция абсолютистскому режиму. Среди них начал быстро распространяться кальвинизм. Королевская реформация не удовлетворяла нарождающийся класс буржуазии. Английские кальвинисты хотели очистить официальную церковь от остатков католицизма; поэтому их называли *пуританами* (от латинского слова «purus» — чистый). Пуритане стремились также освободить церковь от подчинения королю. Среди пуритан было два направления. Умеренные пуритане — так называемые *пресвитериане* — выдвигали требование установить в Англии организацию кальвинистской церкви, подчинённой государству. Радикальные пуритане — *индепенденты,* первая община которых возникла в 1581 г. в городе Нориче, полностью отвергали принцип государственной церкви, считая, что каждая религиозная община должна быть независимой и свободно придерживаться избранного ею вероисповедания.

Пуританизм был лишь религиозной формой складывавшегося в Англии буржуазного мировоззрения. Наряду с требованием церковных реформ пуритане противопоставляли старой, феодальной морали свои идеалы скопидомства и стяжательства, являвшиеся идеалами буржуазии на ранней стадии развития капиталистических отношений. Поэтому они осуждали всякие развлечения, весёлые праздники, игры, театр и музыку.

В последние годы царствования Елизаветы буржуазия начала тяготиться той опекой, которую осуществлял абсолютизм в отношении производства и торговли, стесняя свободу конкуренции и предпринимательской деятельности. В 1601 г. парламент резко запротестовал против практики продажи короной патентов на монопольное производство разных товаров; этот протест поддержали народные массы Лондона, и королева была вынуждена объявить о запрещении продажи монополий. Однако впоследствии это запрещение не соблюдалось.

Это были первые признаки назревающего разрыва буржуазных слоёв Англии с абсолютизмом — разрыва, который в 40-х годах XVII столетия привёл к Английской буржуазной революции, уничтожившей господство феодализма и абсолютистское государство.

В конце XVI в. в Англии резко обострилось и недовольство широких народных масс. В связи с «революцией цен», протекционистской политикой монархии и войной с Испанией возросли дороговизна и налоговый гнёт, ряд графств пострадал от неурожаев и голода, в деревне интенсивно шёл процесс огораживаний, города были переполнены пауперами, а успехи развития капитализма и разложения цеховой системы ухудшили положение ремесленников и городской бедноты. На этой почве в английских городах и деревнях участились волнения и беспорядки. Летом 1595 г. произошли серьёзные волнения подмастерьев и городской бедноты Лондона. В центре страны, в графстве Оксфордшир, серьёзно затронутом огораживаниями

и пострадавшем от неурожая и голода, в ночь на 9 сентября 1596 г. плотник Бартелемью Стэр начал призывать народ к восстанию с целью уничтожить изгороди, убить всех дворян графства, отнять у них хлеб и раздать его беднякам и затем двинуться в Лондон для объединения с подмастерьями. На этот призыв собралось около 300 деревенских жителей; Стэр предполагал захватить у местного лорда лошадей, оружие и продовольствие. Но власти были осведомлены о готовящемся восстании одним предателем и своевременно приняли меры для ликвидации начавшегося выступления. Пять главных организаторов этих волнений были казнены.

В 1598 г. выступления против налогового гнёта и дороговизны происходили среди населения Линкольншира и Ланкашира, а также в окрестностях Лондона.

Среди народных масс, особенно в городе, несмотря на жестокие религиозные преследования, в это время распространялись различные радикальные еретические учения, проповедовавшие социальное равенство.

Растущее в стране недовольство попытались использовать для захвата власти наказанный за неудачи в Ирландии граф Эссекс и несколько других представителей высшей знати. Они составили заговор против правительства Елизаветы и 8 февраля 1601 г. в Лондоне вышли на улицу под знаменем с изображением герба графов Эссексов, рассчитывая вызвать в городе восстание. Но большинство лондонцев, справедливо ожидая от победы заговорщиков только возвращения мрачных времён феодальных распрей, не поддержало мятежников. Солдаты королевы легко разогнали выступивших мятежников, граф Эссекс и другие его сообщники были схвачены и посажены в Тауэр. Тем не менее Елизавета, опасаясь волнений среди лондонской бедноты, держала столицу на военном положении в течение двух недель. Неспокойно было и в соседнем с Лондоном графстве Мидлсекс. В таких условиях Тайный совет поспешил вынести Эссексу смертный приговор, и в конце февраля он был казнён; были наказаны и другие участники мятежа.

Начало образования английской буржуазной нации

Вместе с успехами развития капиталистических отношений в феодальной Англии XVI в. складывалась английская буржуазная нация. Рост торговых связей и возвышение Лондона как экономического, политического и культурного центра страны ускорили процесс образования единого общеанглийского языка на основе слияния местных диалектов. Политическое объединение страны, достигнутое при Тюдорах, рост общественного разделения труда и складывание на этой почве единого национального рынка создали общность экономической жизни англичан — важнейшую черту всякой буржуазной нации.

XVI век характеризуется серьёзными успехами в формировании английской национальной культуры, в которой нашли своё отражение экономические и социальные условия жизни различных слоев общества в это время.

Начало складывания английской буржуазной нации совпало с образованием единого централизованного государства Тюдоров и в XVI в. проходило в рамках этого государства. Феодальное государство при абсолютизме до известной степени содействует образованию буржуазной нации. Однако при господстве феодального строя не мог завершиться процесс образования английской буржуазной нации; его завершила лишь Английская буржуазная революция XVII в.

3. Культура Возрождения в Англии

Культура Возрождения с её идейной основой — философией и эстетикой гуманизма — возникает прежде всего на итальянской почве. Неудивительно, что влияние Италии можно заметить у всех английских писателей эпохи Возрождения. Но гораздо заметнее, чем влияние итальянского образца, самобытный характер английской куль-

туры этого времени. Трагическая судьба свободного крестьянства в эпоху первоначального накопления, быстрая ломка средневековых порядков под натиском силы денег, развитие национального государства с его противоречиями — всё это придаёт

Оксфордский университет.
Гравюра XVII в.

общественным вопросам в Англии особую остроту. Широкий народный фон английского Возрождения — его основное достоинство, источник таких достижений XVI столетия, как «Утопия» Томаса Мора и театр Шекспира.

Английский гуманизм

Раннее английское Возрождение относится к XIV в.; наиболее выдающимися представителями его были Джеффри Чосер и Уильям Ленгленд.

Феодальные междоусобицы XV в. надолго задержали развитие английского гуманизма. В литературной жизни периода войны Алой и Белой розы преобладают богословские сочинения и эпигонские рыцарские романы. Сравнительно высокого уровня достигает лишь устная народная поэзия. В начале XVI столетия снова оживает гуманистическая литература.

Рассадником новых гуманистических идей явился Оксфордский университет. Правда, эти идеи нередко имели богословскую оболочку; в этом отношении Англия походила на Германию. Характерно, что Эразм Роттердамский, признанный авторитет немецких гуманистов, находит в Оксфордском университете благодарную аудиторию и верных друзей.

Английские гуманисты Гросин (1446—1519), Линекр (1460—1524) и Джон Колет (1467—1519), ездившие в Италию, увлекаются там преимущественно филологическими изысканиями, не проявляя интереса к натурфилософским и эстетическим проблемам. Свою филологическую учёность они используют чаще всего для изучения вопросов религии и морали. Так, Джон Колет читает лекции о посланиях апостола Павла. Однако подлинное значение деятельности Колета заключается в том, что он был горячим защитником гуманистической системы воспитания, высказывался против телесных наказаний в школе, боролся против схоластики. Благодаря Колету возникли в Англии светские, так называемые грамматические, школы. Но главной фигурой среди оксфордских гуманистов был Томас Мор.

«Утопия» Томаса Мора

Канцлер Генриха VIII Томас Мор (1478—1535) воочию наблюдал начало глубокой перемены в положении трудящихся классов Англии, картину народных бедствий, вызванных прежде всего системой огораживании. В своём романе-трактате «Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии» (латинский текст — 1516 г., первый английский перевод — 1551 г.) Мор в беспощадно резком свете изображает Англию XVI в. с тунеядством её высших классов и кровавым законодательством против экспроприированных, Англию, где «овцы поедают людей». Из своего описания английской действительности Мор делал вывод: «Где только есть частная собственность, где всё мерят на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел». От имени вымышленного путешественника Рафаила Гитлодея Мор рассказывает о счастливой стране на далёком острове Утопия (по-гречески — «несуществующее место»). В этой стране нет частной собственности, Все жители острова трудятся, занимаясь ремеслом, а поочерёдно — и сельским хозяйством. Благодаря труду всех членов общества имеется изобилие продуктов, которые распределяются по потребностям. Образование, основанное на соединении теоретического обучения с трудовым, доступно всем жителям Утопии. Обществом руководят избираемые не более чем на год граждане (за исключением князя, чьё звание остаётся пожизненным, если нет подозрений, что он стремится к единовластию). Дела, имеющие важное значение, решаются в народном собрании. Своё презрение к деньгам утопийцы выражают тем, что в их государстве золото служит лишь для изготовления цепей для преступников и для ночных горшков.

Томас Мор.
Портрет работы Ганса Гольбейна Младшего. 1527 г.

Представление Томаса Мора о коммунизме несёт на себе отпечаток условий средневековой жизни. Не представляя себе организации ремесла иначе как в форме

идеализированной средневековой семейно-ремесленной системы, Мор всю систему управления связывает с патриархально-родительским авторитетом. В своём идеальном государстве, где господствует полное социальное и политическое равенство всех граждан, он сохраняет элемент рабства (рабами становятся в Утопии в наказание за совершённое преступление, рабы исполняют тяжёлую, грубую работу). Человек своего времени, Томас Мор не знал и не мог ещё знать реальных путей для устранения несправедливого общественного строя, основанного на частной собственности. Но гениальность его основной идеи достаточно ярко выражена в принципе обязательного для всех труда, в предвидении уничтожения противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, в отрицании эксплуатации человека человеком. Книга Мора была живым откликом на процесс развития капиталистических отношений в Англии и выражала самые глубокие чаяния английских народных масс. Коммунистический идеал Мора был как бы фантастическим предвосхищением будущего.

В средние века критика частной собственности выступала обычно в религиозном облачении. Мор очистил эту критику от её мистической оболочки и связал её с политическими, экономическими, моральными и философскими вопросами.

Генрих VIII привлёк Томаса Мора к государственной деятельности. Некоторое время могло казаться, что такие идеи Мора, как установление мирных отношений между государствами, сокращение государственных расходов и т. п., оказывают влияние на политику двора. Тем не менее различие целей неизбежно должно было привести к резкому конфликту между королём и его канцлером. Мор выступил решительным противником английской реформации. По требованию короля лорд-канцлер был осуждён. Послушные судьи приговорили бывшего лорда-канцлера к страшной казни, которую «милостивый» Генрих VIII заменил отсечением головы.

Отсюда легенда о Томасе Море как о католическом мученике. На самом же деле он был сторонником полной веротерпимости. В его утопическом государстве каждый верует во что хочет, и никакие религиозные преследования не допускаются. Даже атеисты могут излагать свои взгляды в кругу образованных лиц, им не разрешается только публичная агитация против религии.

Поздний гуманизм

В дальнейшем влияние гуманизма продолжало расти. Реформация, произведённая сверху государством Тюдоров, уничтожила монастыри и подорвала систему схоластического образования. Вслед за Оксфордом Кембриджский университет так же открыл свои двери новым идеям. Вторая половина XVI столетия (так называемый век Елизаветы) — время расцвета гуманистического просвещения. Показательно большое количество переводов на английский язык разнообразных авторов древнего и нового мира, от Гомера до Ариосто. Немалым распространением пользуется в эту эпоху итальянская повествовательная литература — новеллы Боккаччо, Банделло, описания географических открытий, книги исторического характера.

Во второй половине века окончательно утверждается светская культура. В то же время церковные споры XVI в. породили громадную богословскую литературу. Вслед за официальной реформацией поднимается новая волна религиозного фанатизма — движение пуритан, враждебных жизнерадостному, светскому духу Возрождения, гуманистической литературе, искусству, поэзии.

Искусство

Век Возрождения в Англии, как и в других странах, ознаменован расцветом искусства и литературы. Общий характер английского искусства этого времени — национальный и реалистический.

В лучших его образцах отражается исторический опыт народа, обогащённый великой ломкой средневековых порядков, массовыми движениями XIV—XVI вв.,

участием Англии в мировой торговле и мировой политике, развитием земледелия, ремесла, мануфактуры.

Не все роды и виды искусства расцветают в одинаковой мере на почве английского Возрождения. В архитектуре XVI в. так называемый стиль Тюдоров представляет не больше чем первый шаг к освобождению от средневековой готики. Её элементы сохраняются вплоть до крупнейшего зодчего — Айниго Джонса (1573—1651), выступающего уже на закате этой эпохи (его архитектурная деятельность началась с 1604 г.). Лучшее произведение Айниго Джонса — проект королевского дворца Уайтхолл, — осуществлённое лишь в незначительной части (павильон Банкетинг хауз), соединяет стиль Высокого Ренессанса с архитектурными формами, имеющими свои национальные корни в Англии.

Что касается живописи, то в XV—XVI вв. в Англию приезжает много фламандских и французских мастеров. При дворе Генриха VIII работал гениальный немецкий живописец Ганс Гольбейн Младший, последователями которого были англичане Смит, Броун, Боссэм, миниатюристы братья Оливер и Хиллард. Жанры изобразительного искусства в Англии ограничены почти исключительно портретом. Здесь нет национальной школы живописи, которую можно было бы поставить рядом с итальянским или немецким искусством эпохи Возрождения. Велики были достижения в английской музыке: отличавшаяся интимностью выражения и. тонким изяществом, она прославилась своими камерными мадригалами и церковными хорами.

Поэзия и художественная проза

В литературе XVI в. сталкиваются различные общественные тенденции. Воспитанник Кембриджского университета Джон Скельтон (около 1460—1529) — певец земных радостей, грубоватый сатирик, задевающий духовенство и рыцарство, придворных и кардиналов. У Скельтона живы традиции средневековой народной поэзии, и самый стих его часто восходит к шуточным песням простого люда.

Позднее английская поэзия продолжает развиваться придворными поэтами знатного происхождения. Томас Уайет (1503—1542), граф Серри (1517—1547), Филипп Сидней (1554—1586) и самый одарённый среди них — секретарь графа Лестера Эдмунд Спенсер (1552—1599) выражали образ мысли новой аристократии. Их звучный, изящный стих (в области стихосложения особенно велики заслуги Спенсера) несёт на себе отпечаток влияния Петрарки, Боярдо и Ариосто. Изображаемое ими рыцарство как бы примиряет средние века и Возрождение в условной атмосфере пастушеских идиллий или в мире фантастики.

Те же тенденции мы видим в художественной прозе. У придворных писателей стремление к усовершенствованию языка принимает односторонний характер. В романах Джона Лили (1552—1606) «Эвфуэс, или Анатомия остроумия», Сиднея — «Аркадия», Томаса Лоджа — «Розалинда» и др. рождается особый вычурный стиль, получивший название «эвфуизма». Гораздо ближе к реальности плутовские повести Роберта Грина «Жизнь и смерть Неда Брауна», Томаса Нэша «Жизнь Джека Уилтона» и особенно романы писателя-ткача Томаса Делонэ (1543—1600) «Джек из Ньюбери», «Благородное ремесло», «Томас из Рэдинга» — проникнутые живым юмором картины ремесленного быта эпохи Возрождения. Джек из Ньюбери — простой рабочий — становится владельцем мастерской. Принимая в своём доме короля Генриха VIII, Джек гордо отказывается от пожалованного ему дворянского звания и сравнивает рабочего с муравьём, а придворного паразита — с бабочкой. Ремесленник в романах Томаса Делонэ напоминает крестьянина из пьесы «Векфильдский полевой сторож» Роберта Грина. Эти простые люди, защищающие благородство труда, полны гордости. В комедии Грина впервые в английской литературе крестьянин изображён в героических тонах.

Театр и драма

Искусством, наиболее полно воплотившим в себе общественный подъём эпохи Возрождения, стал английский театр. Театр в Англии был как бы местом народных собраний. Это — своеобразный демократический «парламент» XVI в. Среди театральных зрителей были крестьяне, приехавшие на рынок, матросы, корабельные и канатные мастера из лондонского порта, ткачи, шерстобиты, механики. Посещали театр и джентльмены, чиновники, купцы (иногда являлась, скрывая лицо под маской, сама «королева Бэсс» — Елизавета). Но больше всего драматургу приходилось считаться с простым народом, живо реагирующим на игру актёров то шумным одобрением, то криками возмущения. И эта публика заставила служить ей не только малообразованных сочинителей — полупоэтов-полуремесленников, но и писателей типа Кристофера Марло и Бена Джонсона, принадлежавших к так называемым университетским умам. Со времени античного театра ещё не было такой органической связи между пьесой (которую не считали тогда самостоятельным литературным произведением) и спектаклем, между спектаклем и воспринимающим его зрителем.

Внутренний вид лондонского театра «Лебедь».
Рисунок Иоганна де Витта. 1596 г.

За короткое время, начиная с 70-х годов, в Лондоне появляется значительное число публичных и частных театров («Лебедь», «Глобус», «Красный Бык» и др.). Различие между ними состояло в распределении доходов: первые принадлежали пайщикам актёрского коллектива, вторые — частным владельцам. Находившийся по решению городских властей на самой окраине Лондона, на южном берегу Темзы, театр имел вид огромного сарая-колодца, без крыши и элементарного комфорта. Представления давались днём, поэтому искусственного освещения не существовало. Вместимость зрительного зала в так называемых публичных театрах была значительной — от 1500 до 1800 человек. Вокруг «партера» шли три яруса лож — более дорогие места для состоятельной публики. Около 1596 г. появился обычай сажать знатных посетителей по бокам сценической площадки. Эта площадка, знаменитая «шекспировская сцена», представляла собой простой помост, поднятый над уровнем партера. В некоторых театрах, например в «Лебеде», он выдавался мысом в зрительный зал. Сцена делилась на переднюю и заднюю; в свою очередь задняя сцена делилась на нижнюю и верхнюю. Разные части сцены имели различное назначение: авансцена изображала всякое открытое место: поле, площадь перед замком, городскую улицу, зал во дворце и т. д.; задняя часть сцены, отгороженная занавесками, обозначала закрытое помещение: комнату, келью, склеп; верхняя часть задней сцены обозначала любое место, приподнятое над уровнем почвы, в том числе — спальню, которая устраивалась в английских домах во втором этаже (отсюда сцена у балкона в «Ромео и Джульетте»). Наконец, актёры в отдельных случаях могли использовать также и верхнюю сцену, когда надо было изобразить

городскую стену, дозорного на крепостной башне или на мачте. Занавеса не было, поэтому на глазах у зрителей расставлялась примитивная бутафория: два искусственных дерева указывали на то, что действие происходит в лесу, серые четырёхугольники с чёрным крестом обозначали окна и, следовательно, действие, происходящее в доме. Всё дополнялось фантазией зрителей, и драматург должен был помочь им, строя диалог так, чтобы они с самого начала могли узнать место и время действия. Поэт должен был также учитывать, что даже привыкший к условностям театра зритель не потерпит, если убитые и умершие на их глазах герои трагедии поднимутся после окончания спектакля и сами уйдут со сцены. В таких случаях необходимо было появление лица, не связанного с ходом действия, но дающего приказание унести покойников (таков, например, Фортинбрас в «Гамлете»). В английском театре этого времени женские роли исполнялись мужчинами.

Всё это показывает, что отнюдь не сложность и богатство сценического оформления привлекали публику. Она шла в театр для того, чтобы услышать живое слово, так как драматургия ставила насущные вопросы современности. В обличии легендарных или исторических персонажей зритель видел типы, взятые из самой жизни, а в созданных фантазией драматурга коллизиях — конфликты, стоявшие в порядке дня.

Мистерии, миракли, нравоучительные моралитэ средневекового театра XIV—XV вв. постепенно вытеснялись драмой с исключительно светским, земным содержанием.

При этом английскому театру приходилось отстаивать своё право на существование как против строгой цензуры государства, органом которого стала реформированная церковь, так и против недоброжелательства благочестивых пуритан, которые, осуждая праздность и развлечения, отвергали вместе с ними и зрелища. Множество памфлетов было направлено против этой «грешной забавы». В 1583 г. придворный поэт сэр Филипп Сидней написал свою знаменитую «Защиту поэзии». Сам Яков I в «Книге о народных увеселениях» защищает игры и пляски от проклятия пуритан.

Составившая эпоху не только в английской, но и в мировой культуре национальная драматургия оказалась неизмеримо выше «учёной драмы» на латинском языке по образцам Плавта и Сенеки, а соревнование между придворным театром, одобрявшим преимущественно аллегорические пьесы-маскарады, и театром лондонских окраин увенчалось полным торжеством последнего. Характерной особенностью народного театра было обилие в его постановках исторических пьес о прошлом Англии и драматических произведений на сюжеты из жизни чужеземных народов, с которыми англичане сталкивались на мировой арене. Испанцы — католические противники и торговые конкуренты англичан, французы — их недавние враги, нидерландские протестанты, немцы, итальянцы часто встречаются в английских пьесах эпохи Возрождения, образующих поистине целый поэтический мир, не мыслимый в древнегреческом театре, где героем драмы должен был быть преимущественно эллин.

В отличие от тех гуманистов, которые строго придерживались культа античности, авторы пьес для народного театра проявляют живое внимание к средневековью — этой ещё во многом не изжитой эпохе, когда создавалось английское национальное государство. «Король Джон» Д. Бэлля (1495—1563), «Яков IV» и «Векфильдский полевой сторож» Роберта Грина (1560—1592), «Эдуард II» Кристофера Марло (1564—1593) — пьесы, проникнутые духом оптимизма и национальной гордости, первые опыты подлинно исторической драмы в Англии.

Наряду с этим совершенствуются бытовые комедии («Иголка кумушки Гертон» Дж. Стилла, «Ральф Ройстер Дойстер» Н. Юдолла). Возникает трагедия человеческих характеров и страстей; лучшей пьесой этого типа была «Испанская трагедия» Томаса Кида (1558—1594), несмотря на то, что неистовые страсти её героев часто неправдоподобны. Ещё значительнее произведения Марло («Тамерлан Великий»,

«Доктор Фауст». «Мальтийский еврей»). Герои Марло, жаждущие неограниченной свободы, всегда вступают в титанический поединок с религиозной или сословной моралью средневекового общества, и, хотя они терпят поражение, борьба их является дерзким вызовом всему старому укладу жизни, всем отжившим традициям феодального мира. Взаимная связь исторических хроник, героических драм и бытовых пьес благотворно сказалась на всех драматических жанрах. Исторические события и личный конфликт, высокое и низкое, трагическое и смешное сочетаются на сцене театра, подобно тому как они соединялись в жизни этой противоречивой эпохи.

Вильям Шекспир

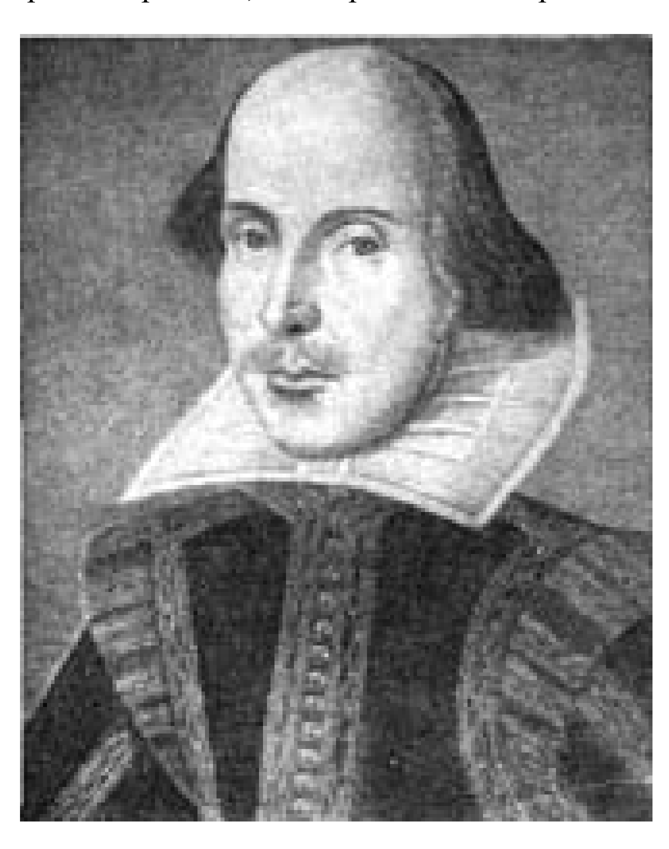
Так постепенно сложились условия, сделавшие возможным появление величайшего английского писателя XVI в. Вильяма Шекспира (1564—1616). Биографические сведения о Шекспире необычайно скудны. Известно, что он родился в Стратфорде (на р. Эйвоне) в семье горожанина и учился в «грамматической школе». В 1585 г. Шекспир пришёл в Лондон искать удачи. Он был актёром в труппе лорда-адмирала, затем в труппе лорда-камергера — актёром и пайщиком. Подновляя пьесы других авторов, Шекспир вскоре начал создавать собственные инсценировки новелл и хроник для театра «Глобус». Деятельность Шекспира-драматурга длилась с 1590 по 1612 г.

Шекспир был сыном народа, похожим на тех безымённых мастеров, которые создавали соборы и ратуши в средние века. В его 154 сонетах редко проглядывают детали личной жизни, а в 37 пьесах ни один персонаж не берёт на себя роль непосредственного рупора его мыслей и настроений. Все они говорят так, как должны были говорить в подобных обстоятельствах люди их положения и характера. Точку зрения автора зритель может выяснить только из самого развития пьесы. Все используемые Шекспиром драматургические жанры и приёмы свидетельствуют о его верности традициям английского народного театра и достижениям своих предшественников драматургов: в инсценировке летописи он — преемник Грина и Марло, в проблемно-героической трагедии — Кида и Марло, в брызжущей весельем комедии — Грина, Лоджа и Хейвуда. Шекспир не относится с пренебрежением и к приёмам балаганных интерлюдий с их шутами, нарушающими все правила приличия и вкуса. Он лишь незаметно вносит художественную меру в обычные приёмы английской сцены и наполняет своё произведение глубокими философско-этическими проблемами, наиболее важными для его эпохи.

Шекспир сохраняет и такие черты, присущие народной поэзии, как пренебрежение к внешнему правдоподобию, грандиозность художественных образов, сочетание трагики с комизмом. Чтобы затронуть проблемы современности, он обращается к знакомой исторической легенде, к давно известному сюжету новеллы. Он не изобретает фабул, не строит замысловатых интриг, которыми изобилует, например, испанский театр этого времени или более поздняя английская драма. Зритель «Глобуса», как это было и в древнегреческом театре, заранее знает персонажей, ход действия и развязку шекспировских пьес; интерес драматурга направлен к освещению темы, обобщению идей, динамике индивидуализированных и подлинно жизненных характеров.

В исторических драмах («Генрих VI», «Ричард III», «Ричард II», «Король Джон», «Генрих IV», «Генрих V») Шекспир стремится запечатлеть не только события прошлого. но и отношение к ним, оценку их со стороны широких масс английского народа. С огромной силой фантазии и удивительной проницательностью, которую нельзя обнаружить у Холла и Голиншеда (их историческими хрониками пользовался Шекспир), он создаёт грандиозную картину развития средневековой Англии, начиная с короля Джона (Иоанна) Безземельного до первого Тюдора — Генриха VII. Драму Шекспира отличает образное воплощение «исторической атмосферы», глубокий анализ политической борьбы. Влияние народа на ход событий или его отношение к этим событиям всегда выступают в пьесах Шекспира с достаточной ясностью.

Правда, Шекспир не жалует мятежную толпу, рвущую ленные грамоты, убивающую знать и грамотеев-чиновников. Он не сомневается в привилегиях дворянства и предпочитает монархию республике. Но, несмотря на свои монархические иллюзии, Шекспир остаётся глубоким реалистом. Если в его драматических произведениях на первом плане представители высших классов, то за ними всегда чувствуется широкий социальный фон, заполненный разнородными элементами от опустившихся рыцарей до крестьян, от «гордого шекспировского йомена», по выражению Маркса, до мастеровых, слуг и солдат. Дух подобострастия к монархам и аристократии отсутствует у Шекспира. Он не щадит ни титула, ни высокого ранга своих героев. Рисуя подъём национального государства, он сталкивает власть имущих с исторической необходимостью, прокладывающей себе дорогу через борьбу интересов, ошибки и преступления отдельных лиц.

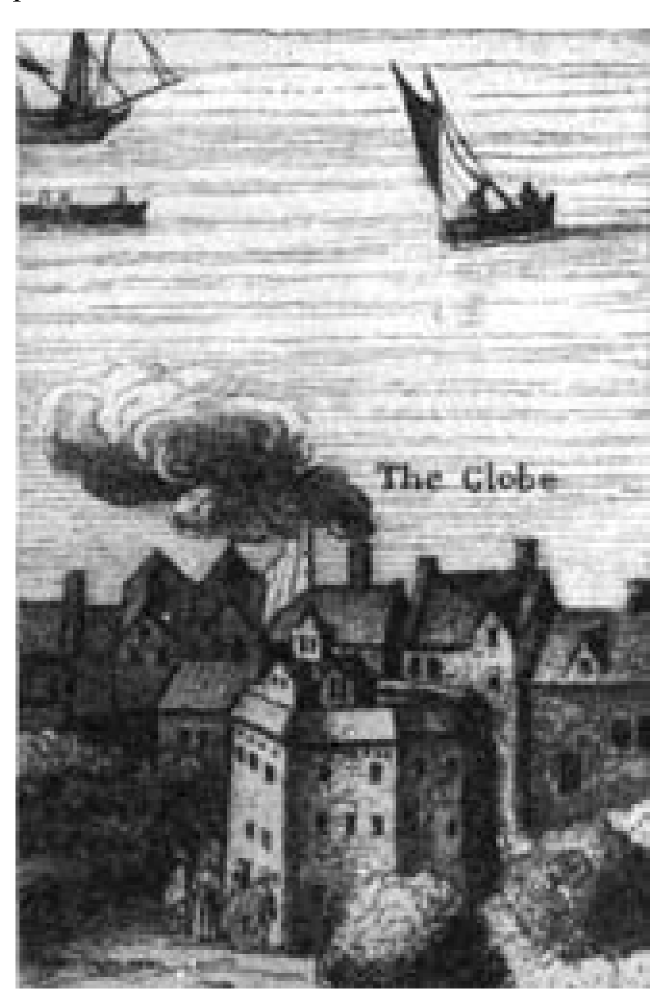
Вильям Шекспир.
Гравюра М. Дресаута. 1623 г.

«Хроники» Шекспира отражают историю английского народа. В плане исторической драмы некоторым дополнением к национальным «Хроникам» является группа пьес из истории древнего Рима («Юлий Цезарь», «Кориолан», «Антоний и Клеопатра»), которые по своему характеру примыкают к трагедиям второго периода творчества Шекспира (1601—1608). Если в «Хрониках» показаны феодальные распри и борьба баронов против королей — вчерашний день английской истории, то в римских трагедиях раскрывается антагонизм плебеев и аристократии, столкновение республиканских и монархических тенденций, т. е. трактуются живые проблемы XVI в. Улавливая отдалённое сходство между современной ему Англией и древним Римом, Шекспир отнюдь не стремится модернизировать прошлое. Напротив, он сохраняет чёткий контур римской жизни. В характеристике государственных и военных деятелей, патрициев и плебеев Шекспир во многом объективнее самого Плутарха, у которого он черпает свои сюжеты. Даже наличие таких наивных анахронизмов, как башенные часы, пушки, костюмы лондонских подмастерьев в отдельных сценах, ни в какой степени не лишают пьесы Шекспира чисто римского колорита. Вот почему они совсем не похожи на условные драмы с античными сюжетами Бена Джонсона, Чапмена и др. и ещё менее — на римские трагедии Корнеля, Расина и Вольтера. Поэтический историзм Шекспира был по достоинству оценён и понят только в XVIII—XIX вв.

Отбросив средневековую мистическую точку зрения на ход истории, Шекспир, не склоняется к преувеличенной оценке личности, столь характерной для исторической литературы эпохи Возрождения. Приоритет права и мудрости народа перед умом, волей, судьбой отдельного человека, как бы ни было велико его значение в обществе, составляет основу любой шекспировской драмы.

В произведениях великого английского поэта нашёл разностороннее выражение его гуманистический идеал. В ранней трагедии «Ромео и Джульетта», в комедиях «Много шума из ничего», «Сон в летнюю ночь», «Венецианский купец» домини-

рует чувство уверенности в близкой победе человека над тёмными силами. Позднее, в драмах начала XVII в., резко углубляется атмосфера трагизма — отражение растущих противоречий общественной действительности.

Театр «Глобус».
Фрагмент гравюры Вишера «Вид Лондона». 1606-1614 гг.

В своих величайших трагедиях («Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Тимон Афинский») Шекспир обнажает глубокую пропасть между надеждами людей Возрождения и действительностью. Разлагающая сила денег, падение нравственного уровня личности под влиянием свободной игры частных интересов — одна из главных тем Шекспира. Борьбу феодального миропорядка с новым миром денежных отношений он рисует как непримиримый конфликт, где на стороне нового материальные, но далеко не всегда моральные преимущества. Сознавая эту историческую коллизию, Шекспир не ищет компромисса, подобно многим гуманистам в придворным поэтам XVI в. Только в Англии, где наиболее бурно происходил процесс разложения феодальных отношений, могла появиться шекспировская трагедия, построенная на подлинно народной основе.

В конце эпохи Возрождения надежды гуманистов подверглись серьёзному испытанию. Цивилизация, вышедшая из недр средневекового общества, оказалась чреватой глубокими внутренними конфликтами. Великий сердцевед и психолог Шекспир нашёл ключ к душевному миру человека, стоящего на грани двух эпох — средневековья и капитализма. Он показал, как благороднейшие натуры становятся жертвой грубых, жестоких сил, рождённых противоречивым развитием общества. И всё же, с точки зрения Шекспира, это развитие, при всех его враждебных человеку формах, необходимо и оправдано. Истории Лира, Гамлета, Отелло, несмотря на их печальный конец, укрепляют веру в конечное торжество человека.

Английская драма после Шекспира

Из современников и следующих за Шекспиром драматургов на первом месте стоит Бен Джонсон (около 1573—1637). Сторонник подражания античным образцам, он создал «учёную», «правильную» трагедию («Падение Сеяна», «Заговор Катилины»), - близкую к гуманистической историографии его времени. Гораздо полнее выражен дух народного английского Возрождения в бытовых комедиях Бена Джонсона («Всяк в своём нраве», «Вольпоне», «Варфоломеевская ярмарка»). В этих комедиях имеется морализующая тенденция.

Последний этап елизаветинской драматургии представлен именами Джона Флетчера, Джона Тернера, Джона Вебстера и Мессинджера. Сохраняя некоторые прогрессивные черты, эти драматурги являются уже выразителями глубокого внутрен-

него кризиса культуры Возрождения. Они проявляют чрезмерный интерес к идее роковой обреченности человека, освобожденного от всяких моральных норм. С политической точки зрения поздняя английская драма несет на себе отпечаток феодальной реакции. Начало упадка драматической поэзии в Англии служит свидетельством перерождения гуманизма и постепенного отрыва театра от запросов народного зрителя.

Философия эпохи Возрождения

В конце эпохи Возрождения в Англии, как и в других странах Европы, пробуждается философская мысль. Не случайно одной из первых больших фигур новой философии был англичанин — Френсис Бэкон (1561—16,26). Выросший в Англии — стране наиболее развитой торговли и промышленности, Бэкон стал основоположником материалистической теории научного познания, построенной на наблюдении и эксперименте. В его учении гуманизм и натурфилософия эпохи Возрождения принимают новую форму, обращенную к практике. Цель Бэкона — достижение regnum hominis («царства человека») на земле, борьба с природой, которую люди сумеют покорить, если они подчинятся её законам, с тем чтобы направить их действие в нужную сторону. Средством для достижения этой цели является безграничное развитие науки, прежде всего физики.

Написанная сто лет спустя после «Утопии» Томаса Мора «Новая Атлантида» Бэкона также рисует идеальное царство будущего. Но различие между двумя утопиями очень большое. Мор защищает интересы народа и с недоверием относится к развитию капитализма, который в его эпоху делал свои первые шаги. Бэкон имеет в виду подъём национального богатства и укрепление английской государственности. Он рисует грандиозную перспективу покорения человеком природы, но в его утопическом государстве сохраняются деньги, частная собственность, классовое неравенство. Только обилие техники и почти сказочные условия для развития науки делают жизнь в «Новой Атлантиде» прекрасной. Утопия Бэкона не имеет отношения к социализму. Тем не менее это произведение замечательное. Оно отражает лучшую сторону буржуазной цивилизации — её способность развивать производительные, силы в таких масштабах, которые неизвестны прежним общественным формациям.

Бэкон принадлежал к дворянскому роду, возвысившемуся при Тюдорах. Яков I оказывал ему покровительство и сделал его своим лордом-канцлером. В 1621 г. парламент начал борьбу против денежных злоупотреблений двора при раздаче патентов на монополии, и высокие покровители решили пожертвовать канцлером, предложив ему принять всю вину на себя. Бэкон был осужден, но получил пенсию и возможность жить в своём поместье, занимаясь естественными науками. Он умер, простудившись во время физического эксперимента. В последнем письме к одному из своих друзей, уже тяжело больной, Бэкон с торжеством сообщает своему другу, что опыт удался.

Политические взгляды Бэкона изложены в его сочинении «Опыты» (1597 — 1625 гг.), написанном под влиянием Монтеня. Отдавая дань уважения республике, Бэкон считал монархию неизбежной формой развития национального государства и с полным равнодушием к моральной стороне дела судил о методах поддержания власти. Тем не менее Бэкон не являлся безусловным сторонником абсолютизма. Главная мысль философа состоит в том, что самые жестокие меры не могут избавить государство от потрясений, если народ голоден. Причины мятежей — прежде всего материальные, хотя поводы к ним могут быть разнообразными. Обнищания народных масс нельзя избежать, если в стране слишком много непроизводительного населения, т. е. дворян, духовенства и чиновников. Устранение причин, грозящих революцией, достигается, по мнению Бэкона, открытием торговых путей, благоприятным торговым балансом, поощрением мануфактур, усовершенствованием земледелия, уменьшением налогов и пошлин. К этим идеям чисто буржуазного характера присоединяются некоторые средневековые иллюзии. Так, например, Бэкон приписывает монархии способность ограничивать отрицательные стороны

развивающегося денежного хозяйства. Он требует издания законов, имеющих своей целью сохранение крепкого крестьянства, которое, с его точки зрения, является основой процветания и военного могущества Англии.

Френсис Бэкон.
Гравюра середины XVII в.

Начав, таким образом, с верной мысли о зависимости политической жизни от материальных интересов, Бэкон отступает к утопической попытке слить воедино два взаимно исключающих начала — свободное развитие капиталистических отношений и защиту мелкой крестьянской собственности. Столь же двойственным было отношение Бэкона к дворянству. С одной стороны, он недвусмысленно даёт понять, что дворяне только объедают страну, но с другой стороны, признаёт необходимость дворянства с политической точки зрения, как сословия, способного ограничить абсолютную власть монарха. Купечество также является, сего точки зрения, полезной частью нации, хотя источник его богатства не вполне чистый. В общем, Бэкон стремится найти научную формулу для примирения общественных противоречий времени Ренессанса. Революционная буря 40-х годов XVII в. опрокинула все эти построения.

Заслуги великого английского мыслителя лежат прежде всего в области теории познания и философского учения о природе. Бэкон хотел создать энциклопедию научного знания. Осуществить это намерение ему удалось лишь отчасти в сочинениях «О достоинстве и умножении наук» (1605—1623 гг.) и «Новый органон» (1612—1620 гг.). Важнейшей частью учения Бэкона является критика им схоластического метода, опирающегося на авторитет церкви и на логику Аристотеля, оторванную от всякого реального содержания. В отличие от филологов-гуманистов, преклонявшихся перед античностью, Бэкон подчёркивал значение великих открытий своего времени, благодаря которым человечество достигло новых горизонтов и превзошло уровень древности. Чтобы двинуться с еще большим успехом вперёд, необходимо отбросить привычные предрассудки. Эти предрассудки или суеверия Бэкон разби-

вает на четыре группы: «призраки рода», заставляющие людей судить обо всём по аналогии с человеком, «призраки пещеры» — привычка смотреть на окружающий мир со своей узкой точки зрения, «призраки рынка» — условности, созданные общением с другими людьми, особенно при помощи языка, и, наконец, «призраки театра» — чрезмерное доверие к принятой догме.

Вместо пустой игры в силлогизм наука должна опираться на опыт, на данные наших чувств. Бэкон не сомневается в том, что чувственное познание даёт нам верную картину мира, нужно только отказаться от чрезмерного полёта фантазии, которая заставляет наш ум делать необоснованные обобщения. С другой стороны, учёный не должен быть подобен муравью, превращаясь в простого собирателя фактов. И Бэкон предлагает целую систему рациональной обработки данных нашего опыта посредством анализа и осторожного обобщения.

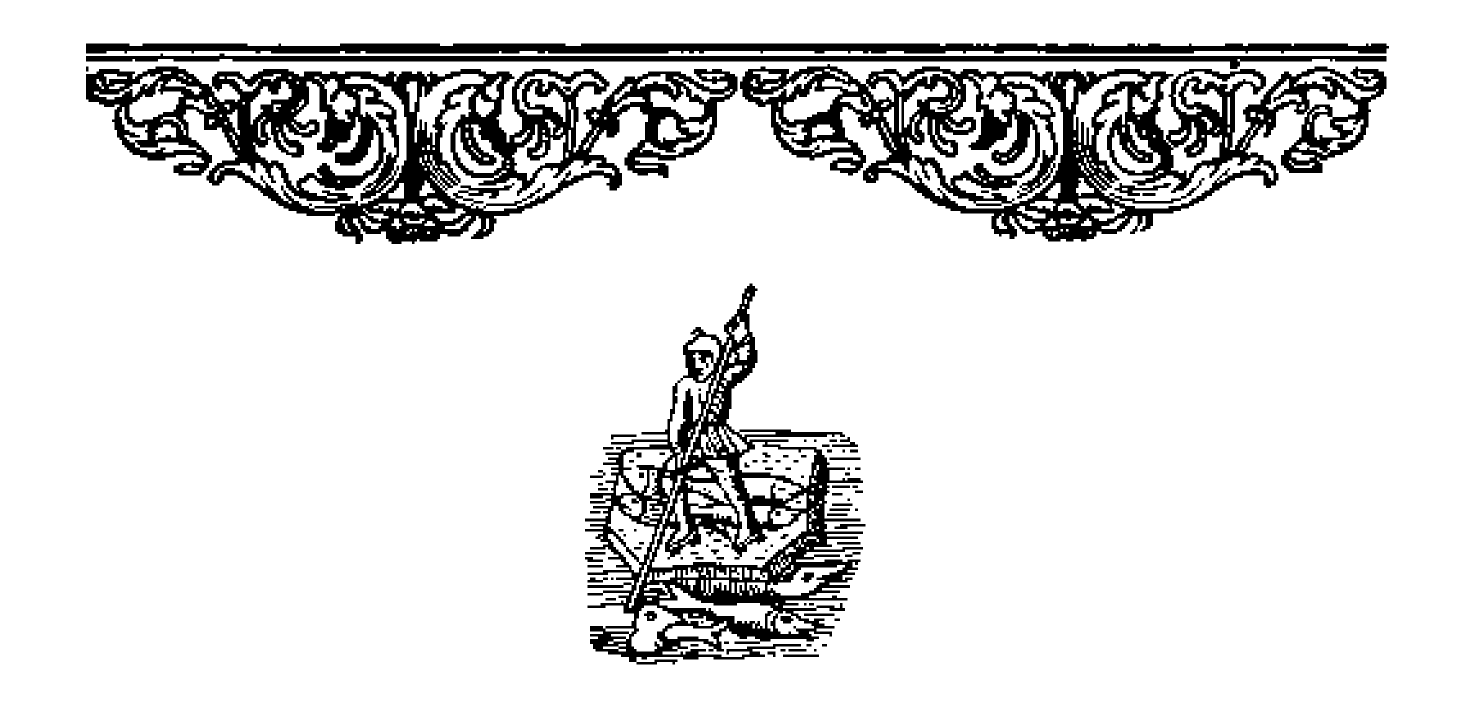
Метод, предложенный Бэконом, включает как «восходящее» движение от единичного к всеобщему, так и «нисходящее» — в обратном направлении, от общих аксиом к частным выводам. Однако автор «Нового органона» не справился с более сложными вопросами научного метода, которые требуют диалектического решения. Перед лицом этих трудностей он колеблется либо в сторону одностороннего эмпиризма, либо в сторону фантастических догадок, типичных для натурфилософии эпохи Возрождения. Эта двойственность проходит через всю систему взглядов великого английского материалиста.

Бэкон полагал, что философский материализм сам по себе не в состоянии объяснить единства и внутренней стройности мироздания как целого и нуждается в дополнении в виде «естественного богословия». Эта теологическая непоследовательность подкрепляется у него практическими соображениями. Бэкон смотрит на религию с чисто политической точки зрения. Характерно, что идеальное утопическое государство «Новой Атлантиды», государство учёных, имеет официальную христианскую церковь.

Рассматривая религию как орудие политических интересов, в духе Макиавелли, Бэкон сам вынужден подчиниться её требованиям. Он выходит из затруднения при помощи старого способа, известного ещё в средние века, — теории «двух истин». То, что нелепо в мире науки, может быть понято в свете религиозного откровения. Всякое вмешательство веры недопустимо, пока речь идёт об исследовании природы, но за пределами научного знания следует признать без рассуждений догматы государственной церкви. Эта точка зрения характерна для начала XVII в., когда с обеих сторон, и с протестантской, и с католической, церковь снова перешла в наступление против свободной мысли.

Среди таких противоречий оканчивает свой путь история английской культуры эпохи Возрождения. Её последним словом была философия Френсиса Бэкона, возвещавшая начало быстрого развития техники и естествознания.

ГЛАВА XIII
СКАНДИНАВСКИЕ СТРАНЫ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

В XVI в. общеевропейское значение приобрёл так называемый балтийский вопрос, т. е. вопрос о господстве на Балтийском море. «Революция цен», рост городов, развитие мануфактур, увеличение армии и флота в странах Западной Европы открыли дорогу для широкого и выгодного сбыта на западноевропейских рынках русского льна, полотна, пеньки, кожи, дёгтя, польского и ливонского зерна, датских продуктов животноводства, шведского железа, меди, поташа, норвежского леса и рыбы. Рост экономического значения Балтики и всего европейского севера повлёк за собой жестокую длительную борьбу держав за обладание крупнейшими портами Балтийского моря, устьями впадающих в него рек, побережьем проливов. Для европейского севера XVI и еще больше XVII века стали порой ещё не виданных здесь вооружённых столкновений на суше и на море, сложных дипломатических комбинаций и территориальных переделов. К концу Тридцатилетней войны первенствующего положения в районе Балтики добилась Швеция, прежде всего за счёт Дании.

Скандинавские страны этого периода являют, собой пример возникновения элементов нового, буржуазного уклада в обстановке незавершённого феодализма, проникнутого рядом дофеодальных, патриархально-родовых пережитков. Прежде всего это относится к собственно Скандинавскому полуострову — к Швеции и Норвегии, поскольку в Дании таких пережитков уже почти не осталось в XVI в., а в Финляндии и Исландии ещё далеко не сложились условия для зарождения капитализма.

К этим дофеодальным пережиткам относилось прежде всего право выкупа наследственной крестьянской земли широким кругом родственников. Крестьянские семьи нередко представляли собой настоящую домовую общину — патриархальную большую семью из трёх поколений. В отдельных сельских общинах сохранилась практика

передела земли — лугов и даже пашен, а также система местных судебных собраний — тингов с участием выборных заседателей из крестьян; крестьянские выборные привлекались и к работе сословно-представительных учреждений, причем учреждения эти обнаруживали большую, чем в других странах, близость к древним народным собраниям.

Не менее важно и то обстоятельство, что в Скандинавских странах закон формально признавал за определенной категорией крестьян, именно за податными крестьянами, право собственности и на землю, а такие податные крестьяне на рубеже XV—XVI вв. составляли в Дании около одной пятой, в Норвегии — около одной трети, а в Швеции — больше половины всего крестьянства. По существу полной собственности на землю у податных крестьян не было Их феодальная зависимость выражалась в уплате податей и несении повинностей либо непосредственно в пользу короля, верховного собственника земли, либо его знатному наместнику — леннику. Крестьянам вменялось в обязанность исправное ведение хозяйства. В позднее же средневековье феодальная зависимость податных крестьян Скандинавии усилилась, и фактически они стали наследственными зависимыми держателями своих земель. Так, в Дании, Швеции, Финляндии короли стали продавать и дарить податных крестьян с их землей дворянам по своему усмотрению. Именно эта часть крестьянства, нередко еще сохранявшая в своих руках оружие, возглавляла в XV—XVII вв. многочисленные антифеодальные крестьянские восстания в Скандинавии.

Что касается другой, большей части скандинавской крестьянства — держателей дворянской и собственно коронной (королевской) земли, то у них не было сколько-нибудь прочных владельческих прав на свои наделы. В XVI—XVII вв. в Скандинавских странах продолжался процесс дальнейшего ухудшения положения крестьян. По этой причине в Скандинавии, как и в ряде других стран Европы, позднее средневековье отличалось обострением крестьянской борьбы против феодалов.

1. Дания

Усиление королевской власти при Кристиане II

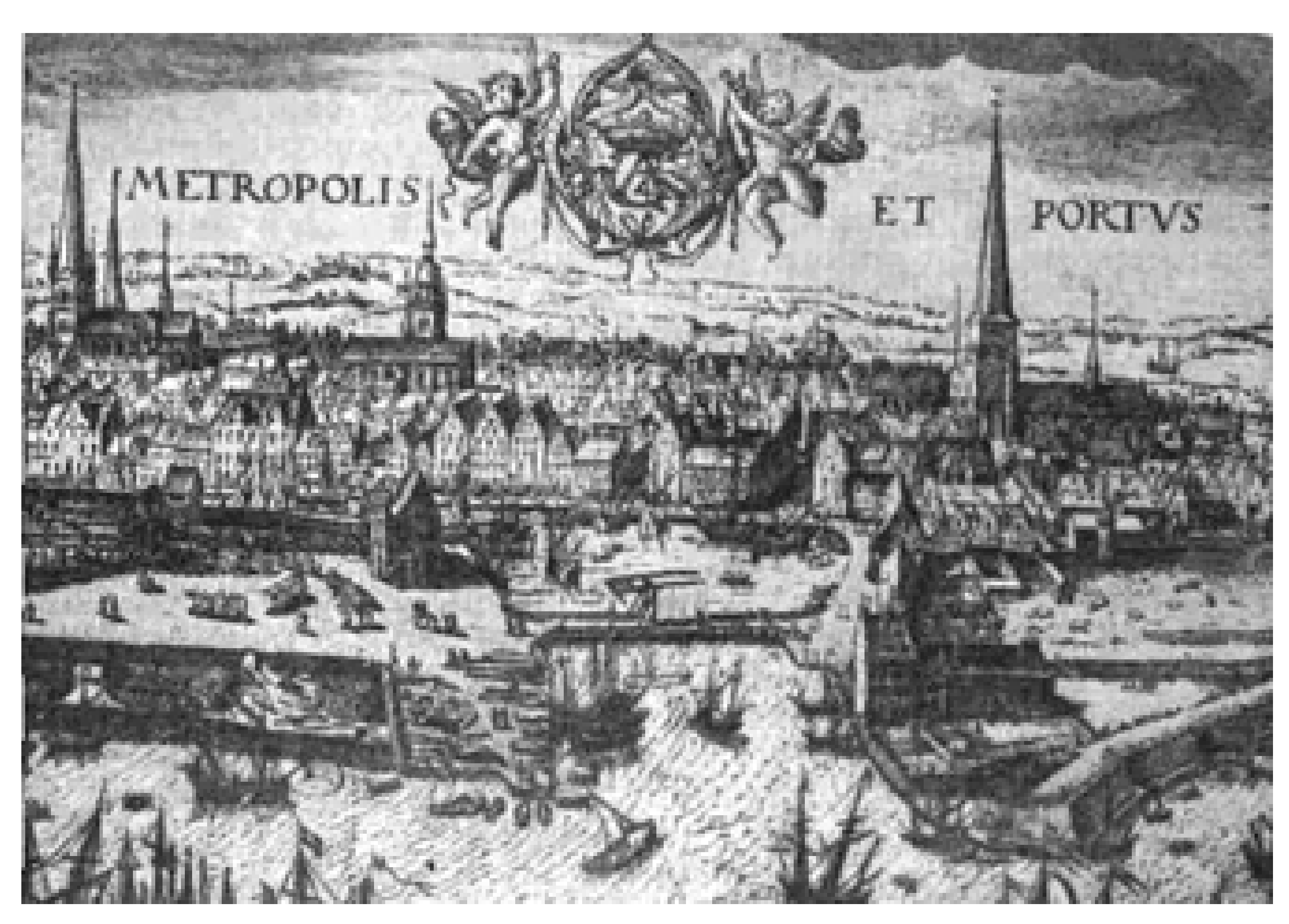
Дания в XVI в. являлась наиболее населённой и экономически развитой из Скандинавских стран. Датским королям принадлежали Норвегия и Исландия, а в составе «Священной Римской империи» — герцогства Шлезвиг и Гольштейн. На юге Скандинавского полуострова Дания издавна владела богатыми областями Сконе, Халландом и др. В отличие от Швеции средневековая Дания имела крупные для того времени города, главным образом портовые во главе с Копенгагеном, и богатое купечество.

Феодальная эксплуатация датских крестьян в течение всего рассматриваемого периода усиливалась, правовое их положение неуклонно ухудшалось. Лично свободных податных крестьян, обладавших прочными владельческими правами на земельные участки, становилось все меньше и меньше. За их счет росло число помещичьих крестьян, обязанных барщиной. Помещичьи крестьяне на островах Зеландии, в Шлезвиге и Сконе могли быть насильно удержаны господами на своих наделах, т. е. становились крепостными.

Датские дворяне вели широкую внешнюю торговлю продуктами своих поместий. Здесь, хотя и в меньшей степени, чем в Польше, торговая прибыль все чаще, минуя купца-горожанина, доставалась феодалу. Дальнейшее закрепощение крестьян и экономическое усиление дворян в ущерб горожанам вели к упадку средневекового сословного представительства, в котором участвовала верхушка податных сословий. На рубеже XV—XVI вв. королевская власть в Дании оказалась под полным контролем органа феодальных магнатов, светских и духовных, — государственного совета (риксрода). Члены совета избирали короля, правда, из одной и той же (Ольден-

бургской) династии. Каждый новый король в особой грамоте — «капитуляции» подтверждал привилегии дворянства в целом и государственного совета в особенности

Попытку вырваться из-под власти магнатов предпринял король Кристиан II (1513—1523). Используя борьбу внутри класса феодалов — между магнатами и рядовым дворянством, Кристиан II с 1517 г. отстранил риксрод от власти

Копенгаген в XVI в.
Фрагмент гравюры Виекса

и приблизил к себе советников — купцов и незнатных дворян, за что и был прозван аристократической историографией «Тираном». Позднее король предоставил горожанам исключительное право на внешнюю торговлю и несколько ослабил крепостную зависимость крестьянства. Такая политика Кристиана вызвала недовольство дворян-крепостников.

Обострение классовой борьбы. «Графская распря». Реформация

Лишившись поддержки большинства дворянства, растратив свои военно-финансовые ресурсы и потеряв престиж в неудачных походах против шведов, Кристиан II был низложен в результате аристократического заговора (1523 г.).

Изгнанного Кристиана сменил на престоле его дядя, крупнейший феодал, герцог Шлезвига и Гольштейна Фредерик I. Нововведения Кристиана были отменены, а восстание датских горожан в его пользу — подавлено. Но борьба на этом далеко не закончилась. После смерти Фредерика I (1533 г.) развернулась междоусобная война за престол, получившая название «графской распри». Эта война вылилась в 1533—1536 гг. в крупное восстание, в котором участвовали крестьяне и бюргеры. В разных концах Дании пылали господские замки Подобно недавним классовым боям в Германии, датское народное движение проходило под лозунгами религиозной реформации. Во главе восстания горожан стояли бургомистры Копенгагена и

Скандинавские государства в XVI — первой половине XVII в.

Мальмё. Жители осаждённого Копенгагена долгое время сопротивлялись королевским войскам и сдались лишь под угрозой голодной смерти. Подавив восстание, ставленник дворянства Кристиан III вместе с тем осуществил в 1536 г. так называемую королевскую лютеранскую реформацию. Духовенство и монастыри лишались земли, которая досталась главным образом королю. Он же был признан главой реформированной церкви.

В дальнейшем наметилось сплочение господствующего класса вокруг короля. Дворяне беспрепятственно урезывали крестьянские наделы и захватывали общинные земли, расширяя своё барщинное хозяйство. Одновременно развернулась более успешная, чем в Швеции, ликвидация остатков феодальной раздробленности: лены, на которые Дания издавна делилась, так же как и Швеция, из феодальных владений превращались в административные округа, и доходы с них шли уже в казну.

Борьба Дании за господство на Балтике

Укрепление дворянского государства позволило датским королям возобновить агрессивную внешнюю политику. В связи с подъёмом во второй половине XVI в. балтийской торговли, особенно торговли хлебом, первостепенное значение приобрели позиции держав на Балтике, из-за которых развернулась ожесточённая борьба. Уже в середине XVI в., после того как союзники ганзейцев — восставшие датские города — потерпели поражение в «графской распре», Дания одержала верх над немецкой Ганзой. Главным соперником Дании в борьбе за господство на Балтике стала Швеция.

Несмотря на формальное расторжение датско-шведско-норвежской Кальмарской унии в 1523 г., датские короли ещё долго продолжали выдвигать притязания на шведский престол. Во второй половине XVI в. датчане вновь столкнулись со шведами. Датско-шведская война 1563—1570 гг. сохранила выгодный для Дании статус-кво на Балтике и, в частности, право датчан на беспрепятственную торговлю с Россией через Нарву. Ещё при Кристиане II купцы Дании-союзницы России в борьбе против Швеции — получили в Москве торговые привилегии. Датские короли приняли деятельное и на первых порах успешное участие в дележе наследства Ливонского ордена. Они овладели в 1559 г. эстонским островом Сааремаа и рядом богатых территорий в нынешней Латвии и Эстонии.

Полевые работы.
Акварель Холкенхавена. 1568 г.

Войны, которые вела Дания в XVII в., — это преимущественно торговые войны за удержание господства на Балтике. Обладание обоими берегами Зундского пролива давало датской казне постоянный и всё возрастающий доход в виде таможенных сборов — «золотое дно» королевства. Вершины своего могущества Дания достигла при короле Кристиане IV (1588—1648).

В 1611—1613 гг. датчане остановили экспансию шведов на север, к Ледовитому океану, и на юг, к проливам между Северным и Балтийским морями. В 1625 г. Дания вмешалась в Тридцатилетнюю войну, но, потерпев ряд поражений, в 1629 г. заключила Любекский мир. С 30-х годов главным противником Дании снова стала Швеция. Вспыхнувшая в 1643 г. датско-шведская война закончилась в 1645 г. значительными уступками со стороны Дании и ослаблением её позиций на северных морских путях. При Кристиане IV Дания стала на путь колониальной экспансии. В 1616 г. была основана датская колония в Индии, а в 1671 г. — на островах Вест-Индии. Были организованы Ост-Индская и Вест-Индская компании, а также специальные компании для торговли с Русским государством (Восточная) и с Исландией.

Дания в начале XVII в.

На рубеже XVI—XVII вв. в Дании появились первые централизованные мануфактуры, применявшие наёмную рабочую силу. Первые мануфактуры в Дании были не частными, а королевскими предприятиями и обслуживали потребности государства в оружии, порохе, обмундировании. Частнокапиталистические мануфактуры стали распространяться лишь к концу XVII в. Датская ману-

фактурная промышленность оставалась крайне слабой, крупные капиталы помещались не в неё, а во внешнюю торговлю. Ёмкость внутреннего рынка оставалась небольшой также потому, что именно на конец средневековья пришлось дальнейшее ухудшение условий жизни датского крестьянина.

Короли и отдельные датские дворяне соревновались друг с другом в устройстве крупных имений по восточногерманскому образцу. В связи с этим усиливалось поглощение лучших крестьянских земель дворянами. Рост господского хозяйства в XVII в. сопровождался вытеснением земледелия скотоводством. Поэтому барщина не получила всеобщего распространения, как в Восточной Прибалтике. Крестьяне, нёсшие трёхдневную барщину в неделю, в середине XVII в. составляли лишь 18% общей массы крестьян. Уровень крестьянского хозяйства был крайне низок. Урожай на крестьянской земле в XVI—XVII вв. порой составлял лишь сам-два.

Тяжесть феодальной эксплуатации усугублялась военными неудачами, которые преследовали Данию начиная с 20-х годов XVII в., и общим сокращением торговли сельскохозяйственными продуктами во время Тридцатилетней и последующих войн.

Оскудение феодальной аристократии; восстановление — после разгрома «графской распри» — сил городского сословия, к которому к середине XVII в. принадлежали весьма состоятельные купцы, судовладельцы, первые мануфактуристы; внешнеполитические опасности, прежде всего натиск со стороны усилившейся Швеции, диктовавшие проведение военных реформ, — всё это создавало почву для замены аристократической монархии с могущественным государственным советом абсолютной. Это осуществилось уже в следующую эпоху.

2. Швеция

Швеция начала XVI в. представляла собой страну с отсталым сельским хозяйством и незначительным городским населением. Единственными отраслями шведской промышленности, имевшими к тому же международное значение, были горное дело и металлургия. Все крестьяне были лично свободны, а повинности большинства из них — довольно умеренны. Подати и оброки в основном взимались в виде поставок зерна, масла, скота, железа, леса. Еженедельную барщину несли только те держатели, которые жили близ господских хозяйств, но таких хозяйств было мало, и они имели небольшие размеры. Жизненно важное значение для шведских, как и для датских, крестьян имела сельская община с её принудительным распорядком полевых работ, совместным пользованием лесами и пастбищами и даже подчас с переделами.

В XVI в. в Швеции сохранялись значительные остатки натурального хозяйства. Часть королевских чиновников получала жалованье натурой. Даже в XVII в. внутренняя торговля часто носила характер натурального обмена. Однако уже в XVI—XVII вв. усилило свою деятельность шведское купечество, главным образом Стокгольма, единственного значительного города страны. Крупные скупщики всё чаще проникали в горное дело и металлургию, экономически подчиняли себе мелких производителей. С конца XVI в. иностранные, особенно голландские, купцы стали закупать у шведских крестьян и дворян масло, скот, необработанное железо и другие товары.

Ещё на рубеже XV—XVI вв. шведам в кровопролитных войнах приходилось отражать упорные попытки датских королей восстановить Кальмарскую унию Дании с Швецией. В последний раз такая попытка удалась в 1518—1520 гг. датскому королю Кристиану II, жестоко расправившемуся со своими противниками

из числа шведской знати и горожан («Стокгольмская кровавая баня» 1520 г.). Однако террор лишь ненадолго продлил датское господство. Крестьянское восстание против иноземных поработителей началось уже в 1521 г.

Задачи освободительной борьбы временно сблизили с крестьянством часть господствующего класса, особенно мелкое и среднее дворянство. Народное ополчение возглавил дворянин Густав Ваза, избранный после изгнания датчан королём Швеции (1523—1560). В отличие от Дании, где позднее средневековье отмечено упадком сословного представительства, независимое Шведское государство явилось одной из самых прочных сословных монархий Европы на рубеже нового времени.

При этом незавершённость шведского феодализма, большой удельный вес свободных крестьян привели к тому, что сословно-представительное собрание — риксдаг — состояло не из трёх курий, как обычно в Западной Европе, а из четырёх: к дворянству, духовенству и горожанам добавлялось здесь податное крестьянство. Это, однако, не означает, что риксдаг был в Швеции органом всего народа и выражал общенародные интересы. Наоборот, решающей силой в риксдаге было феодальное дворянство. Депутатами от горожан и духовенства являлись в большинстве случаев платные королевские чиновники; последних было немало и среди крестьянских депутатов. Тем не менее представительство в риксдаге давало шведским крестьянам некоторые возможности для отпора королевскому и дворянскому нажиму.

Реформация. Внешняя экспансия

В Швеции почва для победы реформации была подготовлена общим недовольством огромными размерами церковного землевладения, а также тем, что католические прелаты и сам папа, отлучивший шведов от церкви, проявили себя как лютые враги шведской независимости. Именно на высшее духовенство Швеции опирался Кристиан II Датский в своих попытках увековечить Кальмарскую унию. В то же время проповедники новых, лютеранских идей выступали как борцы за независимость страны. Реформация была начата крупным государственным деятелем — королём Густавом Вазой в 1527 г. и завершена в 1544 г. Король захватил все церковные земли и движимые имущества, новая церковь была прямо подчинена государственной власти. В Швеции, как и в других Скандинавских странах, был принят весьма умеренный вариант реформации — так называемое Аугсбургское вероисповедание 1530 г.

В борьбе как с крестьянскими антиналоговыми восстаниями, так и с церковно-аристократической оппозицией Густав Ваза и его преемник Эрик XIV укрепляли шведскую централизованную монархию. С середины XVI в. Швеция включилась в борьбу за господство в районе Балтийского моря. В это время грузооборот на Балтике рос из года в год. Экономическое преобладание в этом районе Европы переходило тогда от дряхлеющих ганзейских городов к голландцам. Военное господство цепко держала в своих рудах Дания, обладавшая обоими берегами Зунда и важнейшими островами Балтики. В этих условиях взоры шведских королей и дворянства обращались к наиболее доступной и вместе с тем богатой добыче — к землям слабого в военно-политическом отношении Ливонского ордена в Восточной Прибалтике. Обладание Ливонией — одной из житниц Европы — было ценно не только само по себе. В Ригу, Ревель и Нарву сходились торговые пути с Востока, из России и Литвы, из далёких азиатских стран.

Традиции грабительских «восточных походов» были живы среди потомков шведских викингов и крестоносцев. Уже Густав Ваза незадолго до своей смерти пытался (в 1554 г.) возобновить агрессию против Русского государства в Карелии, но неудачно. Успехи Ивана Грозного в Ливонской войне встревожили шведов так же, как и других западных соседей России. Король Эрик XIV не замедлил захватить часть земель Ливонского ордена. В 1561 г. шведы овладели Ревелем (Таллином) и северной частью Эстонии. Семилетняя война 1563—1570 гг. велась между Данией и Швецией в значительной степени из-за того, в чьих руках

будет находиться балтийская торговля с Русским государством. Шведские феодалы яростно стремились не допустить утверждения крепнущего Русского государства на берегах Балтики. Это нашло своё выражение в трёх русско-шведских войнах на протяжении четверти века — с 1570 по 1595 г. В XVI в., однако, шведам еще не удалось полностью оттеснить Русское государство от Финского залива.

Стокгольм в 1580 г.
Гравюра Ф. Гогенберга.

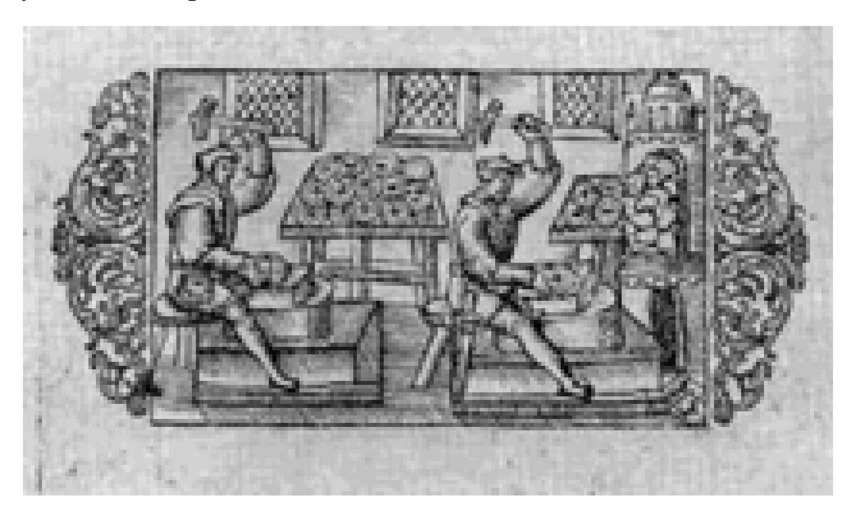
В ходе Ливонской войны создался военно-политический союз Швеции и Речи Посполитой, направленный своим остриём против России. При шведском короле Иоанне III (1568—1592) в Швеции стало заметным влияние польской культуры и католицизма. Намечалось приближение шведского богослужения к католическому. Сближение обоих государств проявилось и в заключении династических браков. С 1592 г. Швеция и Польша оказались соединёнными личной унией: воспитанник иезуитов Сигизмунд III был одновременно королём Швеции и Польши. Для Швеции возникла угроза католической контрреформации и подчинения Речью Посполитой.

Национально окрашенное, антикатолическое движение мелкого дворянства, горожан и массы податных крестьян возглавил младший сын Густава Вазы, герцог Карл. Сигизмунд был в 1599 г. изгнан, а феодальная аристократия, на которую он опирался, подверглась суровым преследованиям.

Усиление феодального гнёта в первой половине XVII в. Антифеодальные выступления крестьян и горожан

Вовлечение северных стран в международную торговлю, ускоренное с конца XVI в. общеевропейским повышением цен на продукты сельского хозяйства и горной промышленности, приводило в Швеции, как и в ряде стран Восточной и Центральной Европы, к усилению феодального гнёта. Разбогатевшие благодаря балтийской торговле дворяне добились для себя в 1612 и 1644 гг. широких сословных привилегий (право беспошлинной торговли, полицейской власти над своими крестьянами и др.). При Густаве II Адольфе (1611—1632) и особенно при королеве Кри-

стине (1632—1654)широко развернулись продажа, заклад и раздача дворянству на разных условиях коронных и особенно податных земель. Зависимость от короны теперь сменилась для массы крестьян зависимостью от отдельных дворян. Шведский феодализм терял свои «самобытные» черты незавершённости.

Монетный двор.
Гравюра на дереве О. Магнуса.

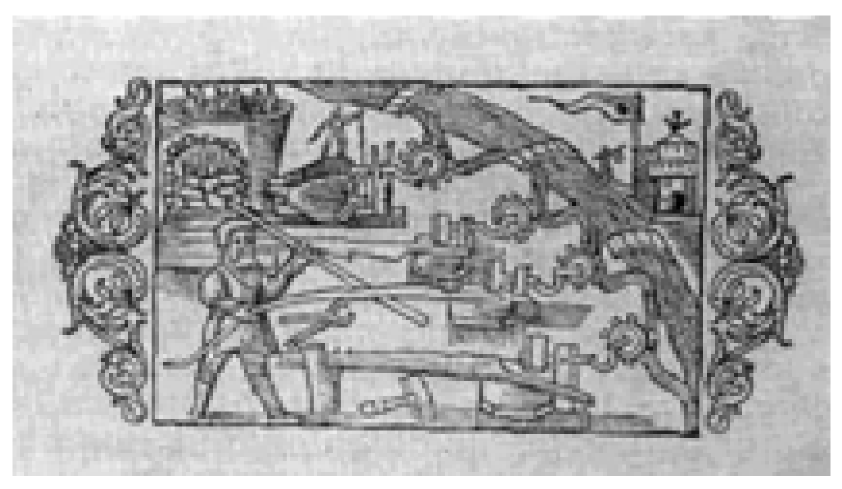
Менялась не только форма, но и степень феодальной зависимости. Росло число и увеличивался размер дворянских имений. Дворяне добивались увеличения всех видов ренты, а главное, перевода своих новых крестьян на барщину и всячески пытались лишить бывших податных крестьян их старинных прав на землю, присвоить общинные угодья, согнать крестьян с удобной земли. Над крестьянством нависла угроза крепостничества.

Рост крестьянских выступлений в 30—50-х годах XVII в. и явился ответом на феодальный нажим, а также на рекрутские наборы и новые налоги. Ряд обстоятельств препятствовал распространению крепостничества в Швеции. Для торжества крепостного права здесь не было достаточной экономической основы, так как крупное сельскохозяйственное производство на сбыт имело лишь ограниченные размеры. Наличие четырёх сословий риксдага и прочной системы местных судов с участием крестьян также давало последним средства для отпора феодалам. Кроме того, дворянская экспансия вызвала недовольство и у шведских горожан. Опасаясь народного восстания в грозные для европейских монархов годы Английской революции, считаясь с единодушным протестом верхушки податных сословий, представленной в риксдаге, правительство королевы Кристины в 1650— 1652 гг. подтвердило незыблемость личной свободы и прав крестьян на землю, несколько ограничило дальнейший рост повинностей. Несмотря на это, раздача земель дворянству даже усилилась, а крестьянские волнения в провинциях Смоланд и Нерке в 1652—1653 гг. были жестоко подавлены.

Развитие капиталистических отношений. Шведское «великодержавие»

Во второй половине XVII в. спрос на шведское железо и медь, возросший за годы крупных европейских войн, привёл к быстрому умножению числа мануфактур. Техника металлургии совершенствовалась. Крупные рудники, чугунолитейные, железоделательные и медеплавильные мануфактуры использовали наряду с наёмными рабочими, частью из иностранцев, также труд местных крестьян, выполнявших в промышленности государственные повинности. Первыми капиталистами-предпринимателями в Швеции были иностранцы — выходцы из Нидерландов, Германии, Франции. Промышленной деятельностью занимались также шведские горожане и дворяне. Условия труда в мануфактурной промышленности были крайне тяжёлыми, и среди рабочих часто вспыхивали волнения. Одновременно в Швеции основывались монопольные купеческие компании для внешней морской торговли на новых началах, с участием знатных сановников. Подъём горно-металлургической и металлообрабатывающей мануфактурной промышленности явился одной из причин военного и политического усиления Швеции в XVII в. — шведского «великодержавия».

Вся первая четверть XVII в. заполнена борьбой Швеции и Польши из-за Восточной Прибалтики. Вражда усугублялась династическими притязаниями Сигизмунда на шведский престол.

Кузница.
Гравюра на дереве О. Магнуса.

В ходе этой борьбы под видом «помощи» русскому царю Василию Шуйскому развернулась шведская интервенция в Россию (1609 г.). Захватнические планы в отношении России поддерживали в первую очередь такие крупные феодальные магнаты, как Яков Делагарди, мечтавшие о расширении своих крепостнических хозяйств и умножении доходов. Освободительная борьба русских народных масс вынудила шведского короля Густава II Адольфа уйти из захваченного было Новгорода и отказаться от своих притязаний на русский престол. Однако, пользуясь временным ослаблением России, шведы надолго удержали за собой часть русской территории (по Столбовскому миру 1617 г.). Шведы нанесли чувствительные удары Речи Посполитой, захватив у неё в 20-х годах XVII в. Ригу, всю Лифляндию и прусские порты, прежде всего Пиллау — морской порт Кёнигсберга.

Стремление шведских дворян и купцов к господству на Балтийском море и его южных берегах наряду с угрозой католической контрреформации привело в 1630 г. к вступлению Швеции в Тридцатилетнюю войну.

Усиление международной роли Швеции было закреплено Вестфальским миром 1648 г., по условиям которого она получила всю Западную Померанию, часть Восточной, город Штеттин (Щецин) и некоторые другие территории. В Европе образовалась новая великая держава, опоясавшая своими владениями почти всю Балтику. Шведское господство в Прибалтике и Северной Германии с самого начала легло тяжёлым бременем на плечи прибалтийских народов, прежде всего латышских, эстонских, немецких и русских крестьян. Шведские дворяне осели в баронских замках Лифляндии и Эстляндии. Шведские таможенные чиновники, прошедшие буржуазную голландскую школу, перехватывали значительную долю прибыли от торговли Западной Европы с Восточной.

«Великодержавие» малонаселённой и во многом ещё отсталой Швеции стало возможным из-за ослабления именно в первые десятилетия XVII в. таких соседей Швеции, как Речь Посполитая и Россия, а также благодаря войне в Германии. Эти обстоятельства в сочетании со стратегической уязвимостью шведской «балтийской империи», с полным отсутствием общих интересов у входивших в состав её народов и малочисленностью самой господствующей нации—шведов предопределили её недолговечность.

3. Финляндия

Финляндия в XVI в.

К началу XVI в. территория нынешней Финляндии всё ещё оставалась заселённой лишь по морскому побережью. В XVI и начале XVII в. заселение внутренних районов страны достигло немалых успехов. Наряду с коренным финским населением в Финляндии жило много шведов,

составлявших подавляющее большинство феодалов, значительную часть горожан и духовенства и крайне небольшую — крестьянства. В экономике Финляндии большое место занимало земледелие. Широко распространены были сельские промыслы: охота, рыболовство, смолокурение, а также добыча железа сыродутным способом. В административном отношении Финляндия представляла собой формально равноправную составную часть шведского государства и также делилась на лены во главе с наместниками. Имущие слои финляндских сословий посылали выборных в шведский риксдаг. Однако крестьянство испытывало, помимо обычного феодального (до XVII в. почти исключительно податного), ещё и национальный гнёт: государственным и литературным языком был шведский, финская культура не имела иных форм выражения, кроме фольклора и прикладных искусств. Удалённость от центра государства давала возможность наместникам, сборщикам и всем местным феодалам сравнительно безнаказанно нарушать законы. В русско-шведских войнах и в ходе внутренних усобиц Финляндия служила ареной борьбы и тяжело от этого страдала. Более суровые, чем в Швеции, условия климата и почвы ухудшали жизнь финского трудового люда.

Финляндия послужила последним оплотом датским гарнизонам Кристиана II в их безуспешном сопротивлении Густаву Вазе. Проповедь реформации была начата здесь передовой частью духовенства ещё в 20-х годах XVI в. Церковные преобразования не встретили со стороны народа такого сопротивления, как в Норвегии и Исландии. С другой стороны, масса финского населения была всё ещё слишком привязана к своим дохристианским обычаям и верованиям, а страна в целом была — слишком отсталой, чтобы здесь могло развернуться широкое народное движение за реформацию, как это имело место в Дании. Значение реформации для Финляндии как, впрочем, и для всего Севера, было противоречивым. Секуляризация церковных земель повлекла за собой усиление феодального гнёта для сидевших на них крестьян. Вместе с тем именно реформация дала финскому народу собственную письменность и тем самым содействовала развитию его национальной культуры. Первым букварём и Евангелием на родном языке Финляндия обязана Михаилу Агриколе (1510—1557). Он был сыном рыбака, учился в Виттенберге и в 1554 г. стал одним из первых лютеранских епископов в стране, именно в Або — административном центре тогдашней Финляндии (в нём насчитывалось до 5 тыс. жителей).

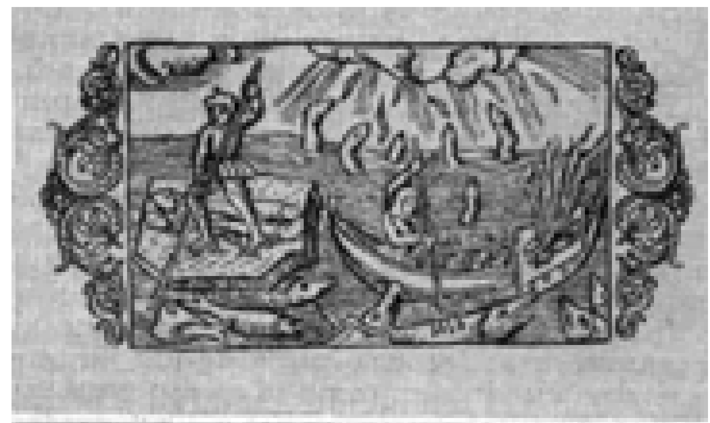
Социально-экономическое» развитие Финляндии в позднее средневековье в общем сходно со шведским, однако с некоторыми местными особенностями. И здесь правление Густава Вазы сопровождалось ростом королевских налогов, что в начале 50-х годов привело к серьёзным волнениям в юго-восточных районах страны, прекратившимся лишь после казни крестьянских вожаков.

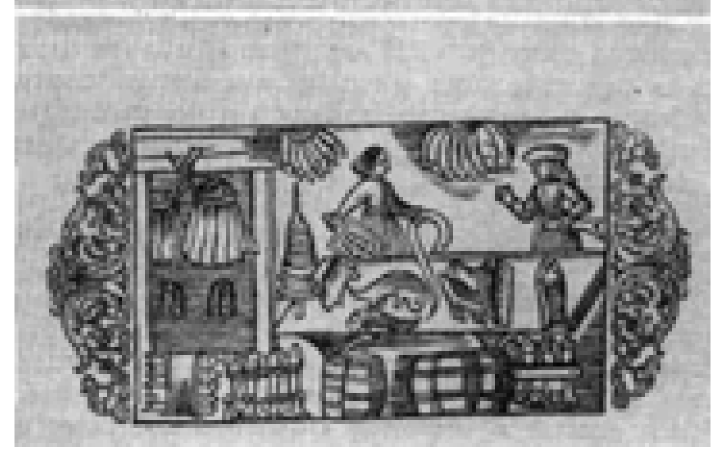
В особых условиях оказались в XVI в. финляндские города. С одной стороны, их небогатое и малочисленное бюргерство тяжело переживало разрыв многовековых связей с ганзейским купечеством Гданьска, Риги, Ревеля: шведские власти ревниво следили за тем, чтобы эти связи были полностью прекращены, стремясь изменить направление торговых путей и поднять значение Стокгольма. В противовес ливонскому Ревелю в 1550 г. был основан Гельсингфорс (Хельсинки) — будущая столица Финляндии. В течение XVI в. города Гельсингфорс, Або и др. смогли стать немаловажными перевалочными пунктами для русско-шведской торговли.

Успехи экономического развития страны создавали предпосылки для отделения от Швеции. Такую попытку предпринял после смерти Густава Вазы его сын Иоанн, получивший Финляндию в качестве герцогства. Подняв мятеж против короля Эрика XIV, Иоанн опирался на местную феодальную оппозицию. Однако независимое от Стокгольма правление герцога продолжалось лишь несколько лет; в 1663 г. Иоанн попал в руки брата и был заключён в крепость, откуда его освободил новый заговор — уже в самой Швеции. Став шведским королём, он уже не помышлял об отделении Финляндии.

Следующая попытка отделения имела место в самом конце XVI в., когда Финляндия оказалась как бы проходным двором для шведских войск, направлявшихся в очередной поход против России. Постои, налоги, ямские повинности, мародёрство разношёрстной солдатни — всё это усугубляло бедствия крестьянства. Десятилетия войн ослабили контроль центральной власти, и произвол феодалов усилился. Одновременно королевские земельные пожалования позволяли им из года в год округлять свои владения.

Накопившийся народный гнев вырвался наружу в 90-х годах, когда финляндское дворянство поддержало короля Швеции и Польши Сигизмунда в противовес герцогу Карлу Седерманландскому и стоявшим за ним патриотическим силам самой Швеции. Финляндия стала ареной крупнейшей за всю свою историю крестьянской войны.

Ловля и засолка рыбы.
Гравюры на дереве О. Магнуса.

«Война дубинок» (1596—1597 гг.)

После вступления в силу шведско-польской унии (1592 г.) маршал Клас Флеминг, крупнейший феодал Финляндии и командующий шведскими войсками в стране, получил от Сигизмунда весьма широкие полномочия, обеспечившие ему как наместнику Финляндии фактическую независимость от Стокгольма. После открытого разрыва стокгольмских властей с Сигизмундом (1595 г.) Финляндия в лице Флеминга осталась верна королю-католику и фактически отделилась от Швеции. У широких слоев населения и у лютеранского духовенства политика маршала не встречала поддержки. Больше того, бесчинства его солдат и особенно распространение солдатского постоя на районы Западной Финляндии (Эстерботния), издавна свободные от этого бремени, привели там осенью 1596 г. к восстанию. Известную роль сыграла и пропаганда герцога Карла. Крестьянские вооружённые отряды, увеличиваясь в числе, двинулись на юг, к Або, громя и сжигая господские усадьбы («война дубинок»). Слабость руководства и недостаток вооружения привели зимой 1597 г. к разгрому этих отрядов порознь. Около 3 тыс. повстанцев были замучены.

Финляндия в составе «великодержавной» Швеции

В самом конце XVI в. господство приверженцев Сигизмунда в Финляндии было свергнуто. Централизаторская политика королевской власти, пополнение господствующего класса за счёт иностранцев и неродовитых лиц, выдвинувшихся на королевской службе, способствовали слиянию финляндского дворянства с шведским.

К началу XVII в. Финляндия представляла собой самую разорённую часть шведской монархии. Шведские короли, в особенности Густав II Адольф, стремились

упорядочить местную администрацию и суд. В 1623 г. во главе Финляндии был поставлен генерал-губернатор. На этом посту проявил себя граф Пер Браге (1602—1680). В значительной мере его усилиями в стране были созданы гимназии и приходские школы, а в 1640 г. — университет, или академия в Або. Впрочем, как университет, так и гимназии, где преподавание велось на латыни и на шведском языке, посещались в те времена не столько финнами, сколько шведами и служили не только делу просвещения, но и подчинению финнов шведскому влиянию, способствовали культурной разобщённости высших и низших слоев финского общества.

Для Финляндии, как и для Швеции» XVII век явился «золотым веком» дворянства. В отличие от своих отцов и дедов финляндские дворяне участвовали не в политических заговорах, а в заморских боевых походах шведских королей, а у себя дома усиленно торговали продуктами, получаемыми от крестьян, изощряясь в попытках увеличить размеры феодальной ренты. К середине XVII в. подавляющая часть пригодной для земледелия площади страны уже стала феодальной собственностью дворянства. В Финляндии нажим феодалов принимал более тяжёлые формы, чем в Швеции. Для этого времени характерны арендаторы за отработки (торпари), трудившиеся на барщине половину или большую часть недели. В Финляндии они получили значительно большее распространение, чем в самой Швеции.

Для шведских королей XVII в. Финляндия служила также важным источником воинских пополнений. Рекрутчина была новым и страшным бичом населения, именно из-за неё население уходило в северные глухие углы Финляндии, Швеции и за рубеж — в восточную Карелию и Россию. Проблема «перебежчиков» из шведской Финляндии служила предметом специальных русско-шведских переговоров в Стокгольме (1649 г.).

4. Норвегия

Экономический и политический упадок, характерный для Норвегии ещё с XIV в., продолжался и в начале XVI столетия. Редко населённая, преимущественно скотоводческая, зависевшая от хлебного импорта страна с конца XIV в. находилась в унии с Данией. Фактически уния всё более превращалась в подчинение более слабой и отсталой Норвегии датскому владычеству. Общей династией была датская, норвежский язык вытеснялся из канцелярий, из деловой жизни, из литературы. Тем не менее в начале XVI в. процесс ликвидации норвежской независимости ещё не завершился. Норвегия сохраняла собственное правительство — государственный совет — риксрод из местных феодалов, светских и духовных.

«Норвежский крестьянин *никогда не был крепостным*» [1]. По сравнению со своими собратьями в соседних Скандинавских странах норвежский крестьянин находился в несколько лучшем положении. Поземельные права норвежских податных крестьян (так называемое право «одаль») подверглись по сравнению с Данией и Швецией меньшему ограничению со стороны верховного феодального собственника — королевской власти. Остальные крестьяне сидели на землях короля, церкви и светских феодалов. Их право на землю юридически не было обеспечено, феодальная аренда была по закону срочной или пожизненной. В самом крестьянстве издавна существовало глубокое имущественное неравенство. Имелись богатые хуторяне с 10— 20 строениями в усадьбе, с крупными стадами. С другой стороны, существовало значительное количество батраков (хусменов), собственность которых состояла из клочка земли. Сельское население жило в Норвегии (и в Исландии) хуторами, а не деревнями, как в Дании и в большей части Швеции.

В начале XVI в. норвежское крестьянство страдало не столько от своих обычных арендных платежей, хотя и они возрастали, сколько от королевских налогов и от

[1] Письмо Ф. Энгельса — П. Эрнсту, *К. Маркс и Ф. Энгельс,* Избранные письма, стр. 420.

произвола датских наместников. Местные крестьянские волнения стали с конца XV в. обычным явлением в жизни страны. Нередко они приобретали народно-освободительный характер. Таково было наиболее крупное крестьянское восстание под руководством дворянина Кнута Альфсона в 1502 г. Восставшие установили связь со шведами, также поднявшимися против датского короля. Однако освобождению Норвегии от датского господства мешала малочисленность её населения и особенно горожан. Известную роль играла здесь и экономическая зависимость от земледельческой Дании. Следующее крестьянское восстание против датских наместников — восстание Герлога Гудфата в 1508 г. — тоже было подавлено. Свободолюбивые чувства норвежцев были использованы католическим духовенством для организации упорного сопротивления лютеранской реформации, осуществлённой датскими властями в 1537—1539 гг. Немногочисленная норвежская знать во главе с епископом Олафом Энгельбректсоном участвовала в «графской распре» на стороне ранее низложенного Кристиана II. Победа его противника — датского короля Кристиана III привела к упразднению в 1537 г. норвежского риксрода. Страна стала бесправной датской провинцией, дворянство и значительная часть нового духовенства Норвегии состояли почти сплошь из иностранцев — датчан и немцев. Навязанная стране реформация на первых порах стала в руках иностранцев орудием борьбы против норвежской культуры. Языком лютеранской церкви стал датский язык, так же как её главой — датский король. Вплоть до XVII в. страна не имела своего книгопечатания — книги ввозились из Дании. Литературным языком Норвегии надолго стал датский. Только народные массы, главным образом крестьяне, оставались в этих тяжёлых условиях хранителями норвежского языка и древней культуры страны.

В 30-х годах XVI в. Норвегия избавилась от торговой монополии ганзейских купцов, распоряжавшихся до этого в Норвегии, как у себя дома. Вслед за тем великие географические открытия, экономический подъём Нидерландов и Англии понемногу начали оказывать своё влияние и на норвежскую экономику. Усилился спрос англичан, голландцев и др. на норвежский строевой лес. Возникли первые лесопильни с водяным колесом, расширились рыбные ловли, у норвежцев появился торговый флот. За период с 1537 по 1660 г. городское население увеличилось втрое. С развитием в XVII в. добычи серебра и меди в Норвегии появились первые мануфактуры, основанные горожанами.

Как и в других Скандинавских странах, в Норвегии XVI в. и первой половины XVII в. крестьянское землевладение сокращалось в пользу дворянского. В 1652 г., по сохранившимся данным, уже только четверть земли принадлежала крестьянам. Росли крестьянские повинности, в том числе и барщина в расширявшихся господских хозяйствах. Впрочем, для крупного хозяйства рельеф и почва Норвегии были ещё менее пригодны, чем в Швеции. На барщину могла быть переведена лишь ничтожная часть крестьян-держателей. Почти столь же тяжким был гнёт королевских налогов и повинностей (извоз, сплав леса, поставка древесного топлива для горных заводов), давивший на крестьян всех категорий.

Несмотря на политическое подчинение Норвегии, её социально-экономический строй по существу остался отличным от датского. Это проявилось в усилении зажиточной верхушки, в крестьянском происхождении местного рядового чиновничества и духовенства; в острой экономической конкуренции горожан и богатых крестьян, главным образом в области торговли лесом.

Потребность в налоговых поступлениях, опасность присоединения норвежцев к соседней Швеции и нужда в военной помощи против шведов заставили датские власти считаться с интересами имущих слоёв Норвегии. С конца XVI в. чаще стал практиковаться созыв местных сословно-представительных собраний, иногда с участием депутатов от крестьянства. Выходцы из местных дворян стали постепенно допускаться к занятию высоких должностей. В 1628—1641 гг. была создана регулярная норвежская армия. Во время датско-шведских войн XVII в. норвежцы

оказали яростное сопротивление шведским феодалам в их агрессивных попытках расчленения страны. В ходе этих войн национальное самосознание норвежцев постепенно крепло. Положение Норвегии под властью датских королей было всё же лучше, чем положение внутренней колонии шведских феодалов — Финляндии.

5. Упадок Исландии под властью Дании

Исландия» подвластная норвежским королям ещё с XII в., всё больше подпадала к XVI в. под датское влияние. Высшие чиновники и служители церкви вербовались из датчан. Реформация XVI в. вместе с последовавшей за ней ликвидацией политической автономии Норвегии содействовала уничтожению последних остатков самостоятельности исландцев, хотя древнее судебно-законодательное собрание — альтинг — и продолжало функционировать. Последний католический епископ острова Йон Арасон оказался во главе оппозиции датским властям (1550 г.) и был казнён вместе с сыновьями. Эта казнь послужила толчком к возмущению исландцев, которые расправились со всеми датчанами на острове (1551 г.). Однако карательной экспедиции Кристиана III нетрудно было навести «порядок» в маленькой стране. В 1567 г. у исландских крестьян было отнято оружие, и им пришлось надолго смириться с чужеземным господством. На протяжении XVI—XVII вв. упрочились и экономические связи с Данией, торговля с ганзейскими городами постепенно прекратилась, и немцев сменили датские купцы-монополисты.

Основное население Исландии составляли хуторяне-скотоводы, являвшиеся либо наследственными держателями, либо срочными арендаторами земли, верховная собственность принадлежала датским королям.

После реформации и секуляризации церковных земель корона стала крупнейшим землевладельцем на острове, а налоги и государственные повинности — главной формой феодальной ренты в Исландии. Из всех северных стран в Исландии феодализм пустил наименьшие корни.

На протяжении XVI—XVII вв. исландский народ жестоко страдал и от стихийных бедствий — неурожаев, эпидемий, вулканических извержений. Исландия к началу нового времени была во многих отношениях самой отсталой территорией на севере Европы.

6. Культура Скандинавских стран

В культуре Скандинавских стран позднего средневековья существовало два течения: самобытное крестьянское, проникнутое древними традициями ещё дофеодальных времён (в Дании, впрочем, исчезнувшими), и дворянско-бюргерское, глубоко пропитанное иностранными влияниями. Ценнейшим достоянием народной традиции была деревянная архитектура, резьба по дереву, а в области устного творчества — саги, песни и сказки. В Норвегии крестьянство оказалось единственным, а в Исландии и Финляндии — основным хранителем языка своей народности в феодальную эпоху. Иным был характер культуры, отражавшей потребности и вкусы дворянства и бюргерства. Эти классы были не только тесно связаны с придворным и городским миром других европейских стран, но и постоянно пополнялись выходцами оттуда. На улицах Бергена долгое время преобладала немецкая речь, на улицах Гётеборга — голландская. Неудивительно, что итальянские художники и французские архитекторы, немецкие богословы и голландские учёные оставили неизгладимый след в духовной жизни скандинавских народов XVI—XVII вв.

В культурном отношении первенство среди Скандинавских стран изучаемого периода бесспорно принадлежало Дании. На рубеже XVI—XVII вв. европейскую известность заслужили датские учёные — анатом Бартолин Старший и особенно знаменитый астроном Тихо Браге (1546—1601), чья обсерватория Урани-

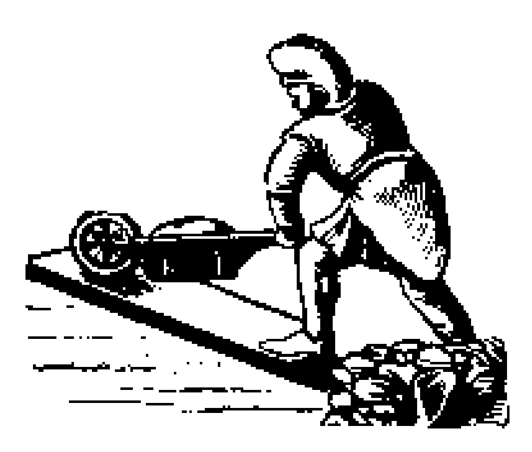
борг, лучшая в тогдашней Европе, одно время была научным центром Дании. Расцвет дворянской монархии отразился в возведении великолепных дворцов и замков при Кристиане IV (так называемое датское Возрождение). Менее известны, хотя и крайне важны для развития национальной культуры, произведения датских прозаиков и поэтов XVI—XVII вв. Реформация оказалась для Дании, как и для Швеции, чрезвычайно плодотворной в культурном отношении. Переводы Библии сыграли большую роль в развитии литературных языков обеих стран. Наряду с чисто религиозной поэзией протестантизма, в Дании XVI—XVII вв. распространялись и гуманистические идеи, являвшиеся важным стимулом к изучению языка и истории страны (например, труды историка Веделя).

В Швеции крупнейшим писателем XVI в. был главный деятель реформации в этой стране Олаус Петри (1493—1552). Особенно ценна его «Шведская хроника» — старейшее произведение по истории страны. Для шведской литературы и особенно историографии XVII в. показательно крайнее преувеличение места своей страны в истории и культуре человечества — явное следствие шведского «великодержавия». Поэзия стала преимущественно придворной. Широкое распространение в ней получили классические формы. К первой половине XVII в. относится появление шведской исторической драмы и светской лирики. «Золотой век» дворянства ознаменовался усиленной строительной деятельностью в стиле барокко. Живописцы, композиторы, как и в Дании, творили главным образом при королевском дворе и были большей частью иностранцами. Великий французский рационалист Декарт, переселившись в Швецию, был постоянным собеседником шведской королевы Кристины, едва ли не образованнейшей женщины своего времени.

Политический упадок Норвегии сказался, как уже отмечалось, и в её культуре. Если в Дании и Швеции первые университеты были основаны ещё в конце XV в., то в Норвегии это случилось лишь в XIX в. (правда, состоятельная норвежская молодёжь имела возможность учиться в Дании). Живопись продолжала носить преимущественно церковный характер. В архитектуре главным строительным материалом оставалось дерево. Для национального самосознания норвежцев большое значение имело издание норвежскими гуманистами древних историко-литературных памятников. На рубеже XVI—XVII вв. Норвегия уже имела своих, хотя и писавших по-датски или по-латыни, учёных (Клауссен, автор «Описания Норвегии», умер в 1614 г.) и поэтов — религиозных лириков. Тем не менее подлинно национальной культуры у норвежцев ещё не было, как не было её у исландцев и финнов. Процесс превращения средневековых, народностей в буржуазные нации, уже далеко зашедший в Дании и Швеции, ещё только начинался у политически несамостоятельных народов Севера.

ГЛАВА XIV
АВСТРИЙСКОЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

Австрия в средние века и в начале нового времени входила в состав «Священной Римской империи германской нации». Однако уже в средние века она складывалась в особое государство. В конце XIV в. Австрия заняла место среди крупнейших княжеств империи. С XV в. австрийские герцоги из дома Габсбургов (с 1414 г. — эрцгерцоги) стремились использовать своё положение самых сильных князей империи для того, чтобы подчинить себе более мелкие государства Германии и стать в ней господствующей силой. С 1438 г. представители австрийского дома Габсбургов неизменно избирались императорами «Священной Римской империи».

Австрия, расположенная на берегах Дуная, обладала в средние века наиболее важным и безопасным водным торговым путём между Восточной и Западной Европой. Сухопутные дороги связывали её с Русским государством и Польшей и, с другой стороны, через альпийские перевалы — с Италией. В стране, занимавшей столь выгодное положение на перекрёстке торговых путей, рано возникли и достигли значительного развития города — Маркт-Медлинг, Винер-Нейштадт, Линц и др. В конце XIV в. население Вены составляло уже около 100 тыс. человек. Вначале австрийские города вели главным образом посредническую торговлю товарами других стран, но уже в XIII в. наблюдалось значительное развитие в самой стране текстильной, металлургической и горной промышленности, производства предметов роскоши и других отраслей ремесла, продукция которых экспортировалась в разные страны.

Для XVI в. наряду с развитием цехового ремесла характерна деятельность крупных купцов-предпринимателей, которые подчиняли себе многих сельских и городских производителей. Таким образом, в горной и других отраслях промышленности начали зарождаться капиталистические отношения.

В целом Австрия не отставала от наиболее развитых в экономическом отношении районов Германии. Вместе с тем она имела свою особую экономическую структуру, отличавшую её от Германии. В Австрии города и сельское население были более или менее равномерно распределены по территории страны. Все её части почти в равной степени находились в сфере оживлённых международных торговых путей и в основном были одинаково развиты.

Своеобразно сложилась и политическая судьба Австрии. Её население, прежде всего крестьянство, закалённое на ранней стадии своего исторического существования в борьбе против набегов кочевников, приобрело хорошие военные качества, с которыми не могли не считаться австрийские герцоги и феодалы. Это было одной из причин того, что до XV в. австрийские крестьяне находились в более лёгких условиях феодальной зависимости, чем крестьяне соседних германских земель. В некоторых областях страны крестьяне имели право ношения оружия.

Военное и политическое влияние Австрии в Центральной и Юго-Восточной Европе обусловливалось как боевыми навыками её населения, так и интенсивным экономическим развитием и ранним ростом её городов. Австрийские герцоги (сначала Бабенберги, затем Габсбурги) сумели использовать эти преимущества, равно как и слабость своих соседей, и завоевать славянские земли — Штирию, Каринтию, Крайну, Горицу, Градишки. Под власть Габсбургов перешли также Тироль и разбросанные мелкие немецкие владения в Верхней Швабии и Южном Шварцвальде (так называемая Передняя Австрия). Обладая в Австрии и в завоёванных землях богатыми ресурсами и используя при этом то обстоятельство, что Австрия была самым крупным княжеством «Священной Римской империи», Габсбурги продолжали расширять свои владения в XV—XVI вв.

В системе габсбургских владений Австрия занимала особое место. Она была не только их важной составной частью, но и политическим центром, особенно после того, как в 1521 г. Австрия вместе с рядом других обширных территорий габсбургского дома была передана в управление брату императора Карла V — эрцгерцогу Фердинанду (1521—1564), ставшему в 1556 г. императором под именем Фердинанда I. В состав Австрии вошли тогда наряду с Верхней и Нижней Австрией на Дунае также Передняя Австрия и, кроме того, Тироль и южнославянские земли — Штирия, Каринтия, Крайна и др.

То обстоятельство, что южнославянские земли находились в составе Австрийского эрцгерцогства, препятствовало самостоятельному экономическому и культурному развитию их населения. Для самой же Австрии её роль в габсбургской державе имела своим результатом подчинение материальных и военных ресурсов, а также политических интересов Австрии широким планам Габсбургов и папства, являвшихся реакционнейшими силами Европы.

Возникновение Австрийского многонационального государства

Происходивший в Европе с конца XV в. процесс образования крупных централизованных государств протекал по-разному в странах Восточной и Западной Европы. На западе Европы на основе развития капиталистических отношений и складывания наций возникли национальные государства. В восточных же странах Европы образовались многонациональные государства.

В XV в. Османская империя завоевала весь Балканский полуостров, за исключением лишь части Адриатического побережья — Далмации, оставшейся под властью Венеции, и славянского богатого торгового города на далматинском побережье — Дубровника, отстоявшего свою независимость. К концу XV в. турки сумели продвинуться за Саву и Дунай в Молдавию и Валахию и стали непосредственно угрожать Венгрии, Чехии, Польше и землям Австрии. Рост турецкой опасности требовал образования крупных централизованных государств, способных отразить натиск завоевателей.

Австрия в начале XVI в. была сильным государством Юго-Восточной Европы, над которым в первую очередь нависла опасность турецкого нашествия. Для соседних государств Австрия являлась силой, способной стать в этой части Европы центром сопротивления турецкой угрозе. Таким образом, созданы были предпосылки образования Австрийского многонационального государства. Однако Австрия была частью

Вена.
Гравюра 1493 г.

державы Габсбургов, которые пытались жестокими репрессиями задушить свободолюбивые стремления южнославянских народов, лишить их национального языка и культуры. В интересах своей агрессивной политики Габсбурги старались использовать желание народов организовать общий отпор турецким захватчикам. В начале XVI в. усилились стремления Габсбургов к подчинению ослабленных внутренней борьбой Чехии и Венгрии, которым грозило турецкое нашествие.

В 20-х годах XVI в. войска турецкого султана Сулеймана Великолепного взяли Белград и обрушились на территорию Венгрии.

Судьба Чехии и Венгрии решилась в битве при Мохаче 29 августа 1526 г., когда соединённое венгерско-чешское войско было разгромлено превосходящими силами турок. В этой битве погиб король Венгрии и Чехии — Людовик II. Вскоре пала столица Венгрии — Буда.

Поражение при Мохаче заставило чешских магнатов и часть венгерского дворянства искать покровительства Австрии. Сеймы Чехии и Венгрии уступили нажиму Габсбургов и провозгласили королём Фердинанда Габсбурга.

Чехия вошла, таким образом, в состав Австрийской монархии. В Венгрии же борьба продолжалась, потому что одновременно с Фердинандом был провозглашён в Буде королём Венгрии турецкий ставленник Ян Заполья (Янош Запольяи). В результате власть Фердинанда утвердилась лишь в западной и северо-западной, прилегающей к Австрии, части страны.

Габсбурги не оставили своих притязаний на остальную территорию Венгрии и на Трансильванию. Но происходившие между Турцией и Австрией войны, в которых участвовали сами народы Венгрии и Трансильвании, отстаивавшие свою независимость, долго не давали прочных территориальных приобретений ни той, ни другой стороне.

Таким образом, Австрийская монархия, остановившая дальнейшее продвижение турок в районе Дунайского бассейна, стала многонациональным государством. Несмотря на то, что это обстоятельство имело тогда, несомненно, положительное значение для народов Юго-Восточной Европы, оно не привело к внутреннему сближению между Австрийским государством и вошедшими в его состав странами. Навязанное народам этих стран господство Габсбургов имело крайне отрицательные последствия для всего их дальнейшего экономического и культурного развития. Для народных масс стран Юго-Восточной Европы господство Габсбургов было двойным бедствием. Своими жестокими расправами и репрессиями Габсбурги не только подавляли свободное национальное развитие народов, но и стремились подорвать силу сопротивления эксплуатируемых масс усиливавшемуся гнёту иноземных и своих феодалов.

Аппарат Австрийского многонационального государства состоял из двух так называемых управлений, созданных ещё Максимилианом I в 1498—1501 гг. Оба управления, каждому из которых была подведомственна часть австрийских земель, объединялись учреждённым в 1527 г. дворцовым советом — гофратом в составе подобранных эрцгерцогом советников (из числа дворян и учёных юристов) и дворцовой канцелярии. Рассмотрение важнейших вопросов внешней политики сосредоточено было в тайном совете из четырёх лиц при государе. В ведении особого центрального органа — дворцовой казны — находились финансовые дела государства.

Особенности экономического развития в австрийских землях

Удобное положение Австрии на перекрёстке оживлённых торговых путей, рост городского ремесла, особенно же развитие горной промышленности Тироля, Штирии, Каринтии, Крайны и связанного экономически с Австрией Зальцбурга, оказывали уже в XVI в. значительное влияние на сельское хозяйство и на характер аграрных отношений в австрийских землях. Рост населения городов и расширение горных промыслов имели своим результатом возрастание спроса на продукты сельского хозяйства, всё большее и большее вовлечение деревни в сферу рыночных отношений.

Результаты этих новых явлений для крестьянства были, как и в других странах, различны для разных прослоек. Особенности же австрийских условий заключались в том, что крестьянские поля, начиная с 70-х годов XV в., подвергались частым опустошениям со стороны проходивших войск во время войн с венграми, турками и венецианцами. Наряду с этим крестьян австрийских земель разоряли также возраставшие налоги, взимавшиеся Габсбургами на ведение этих многочисленных войн. Документы конца XV в. свидетельствуют о большой задолженности многих крестьян. Только те крестьяне, которые находились в особо благоприятных условиях, могли успешно вести своё хозяйство, извлекая выгоду из рыночных отношений. Однако феодалы старались использовать конъюнктуру рынка в своих интересах за счёт крестьян и ставили крестьянам ряд препятствий в сбыте продуктов их хозяйства. Типичными были случаи, когда феодалы запрещали крестьянам продавать наиболее ходкие на рынке товары (например, мясо, сыр и др.) кому-либо другому, кроме них. Характерным для этого

времени является также стремление феодалов к расширению своего барского хозяйства за счёт крестьянского и к ведению своего хозяйства посредством барщинного труда, а также к увеличению феодальных поборов.

Рост налогов и увеличение феодальных повинностей и ограничений, равно как и разорение крестьян вследствие военного постоя и уничтожения солдатами посевов, имели своим результатом во многих местах упадок крестьянского хозяйства. В горных районах разорявшиеся крестьяне оставляли свои хозяйства, отправлялись в города и на горные разработки, образуя там резерв дешёвой рабочей силы.

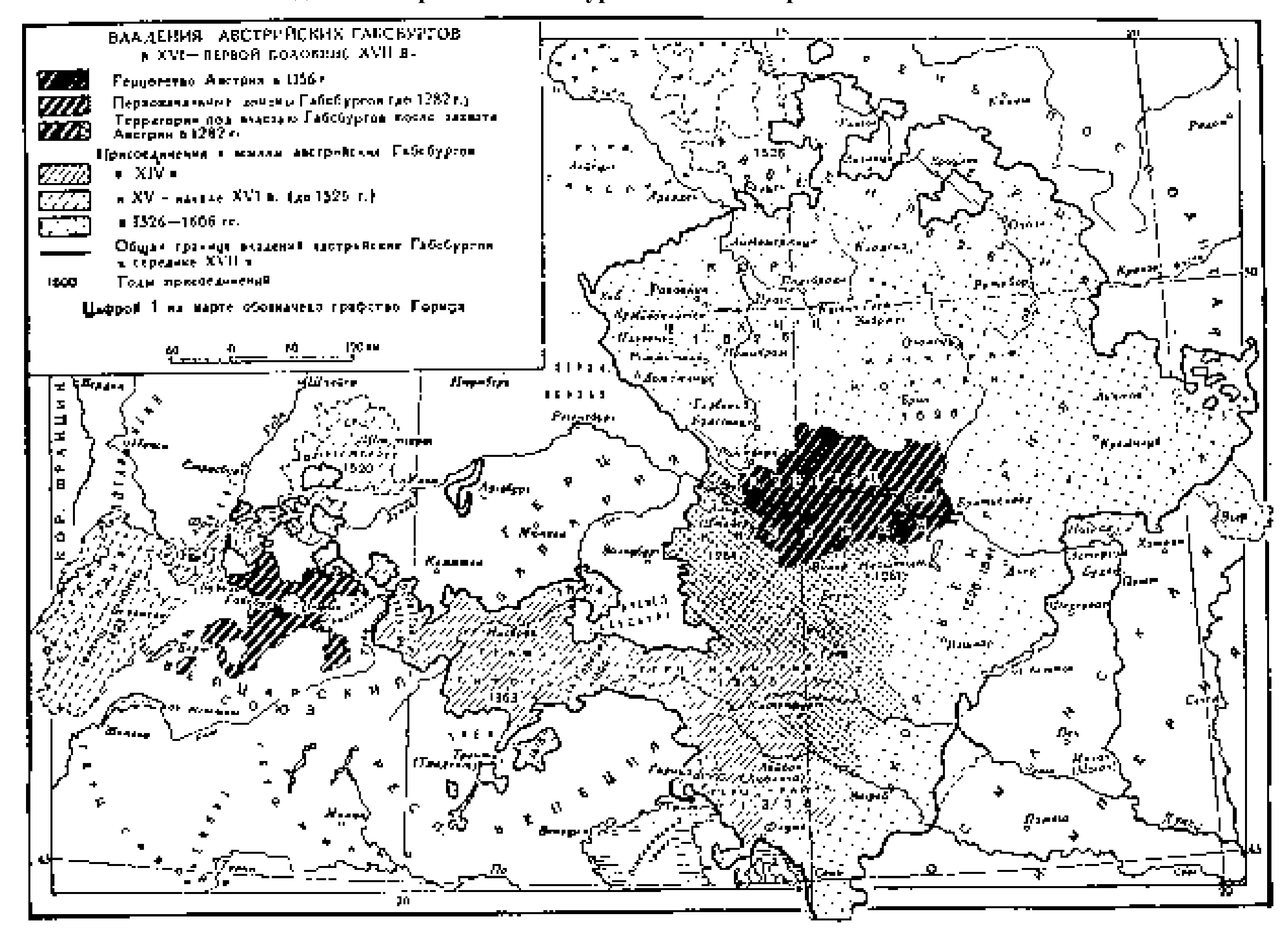

Промывка руды.
Гравюра из книги Г. Агриколы «О металлах». 1556 г.

Зарождение элементов капиталистических отношений в промышленности происходило в то время в Австрии, как и в Германии, в основном путём проникновения в промышленность торгового капитала и подчинения ему мелких производителей. Общей предпосылкой этого подчинения была усилившаяся уже в XV в. связь с отдалёнными рынками сырья и сбыта. Так стала возникать в XVI в. капиталистическая мануфактура в текстильной промышленности и в производстве предметов роскоши в Вене. Авансирование купцами капиталов имело место главным образом в области добычи железа и производства железных изделий, добычи ртути, свинца и в других отраслях горной промышленности. Здесь связь с отдалёнными рынками сбыта играла особую роль. Штирийское железо отправлялось не только во все районы Австрии, но и в Италию, Венгрию, во все области «Священной Римской империи», в Нидерланды, Польшу и Россию. По тем же путям шли свинец и медь из Каринтии и ртуть из Идрии (Крайна). Другая предпосылка подчинения отраслей горной промышленности купцам-капиталистам заключалась в усложнении оборудования шахт и в ряде технических усовершенствований, в устройстве плавильных печей, внедрении тяжёлого молота и т. п. Применение сложного оборудования и сбыт возросшей продукции на отдаленных рынках были мелким производителям не под силу.

До последней трети XV в. купеческий капитал, применявшийся в промышленности австрийских земель, был отечественным. В последние же десятилетия XV в. и особенно в XVI в. он вытесняется крупными иностранными торговыми фирмами, преимущественно южнонемецкими — Фуггерами, Гохштеттерами, Розенбергами, Унгельтерами и др. Фуггеры ещё более расширили сферу сбыта продукции горной

Владения австрийских Габсбургов в XVI — первой половине XVII в.

и металлургической промышленности Тироля, Штирии, Каринтии и Крайны. Через Кадис, Лиссабон и Антверпен они отправляли их по океанским путям на отдалённые мировые рынки. В 1488 г. Фуггеры стали хозяевами тирольских шахт, затем они обратили внимание на каринтийский свинец, который стали применять в своих горных разработках Тироля и Венгрии для получения серебра. Они начали вкладывать капитал в свинцовые разработки Каринтии, приносившие им огромный доход. Яков Фуггер сам поселился в Каринтии и построил там замок Фуггерау. К Фуггерам перешло также штирийское торговое подворье в Венеции, через которое каринтийский свинец отправлялся наряду с другими продуктами горной промышленности на мировые рынки.

Солеварня.
Гравюра из книги Г. Агриколы «О металлах». 1556 г.

Проникновение Фуггеров и других крупных южно-немецких торговых домов в горную и металлургическую промышленность австрийских земель имело своим результатом значительное расширение рынков сбыта для продукции этой промышленности и на первых порах вело к подъёму, производства и улучшению оборудования шахт. Однако в целом подчинение основных богатств страны иностранным торговым фирмам наносило ей вред. Фуггеры не заботились о рациональном ведении производства и сохранении длительного функционирования шахт. Наоборот, они старались максимально использовать их и исчерпать в кратчайший срок. Многие шахты приходили в негодное состояние, что в конце концов вело к упадку производства, наблюдавшемуся уже во второй половине XVI в. Вместе с тем Фуггеры, получавшие от Габсбургов крупные привилегии и монопольные права, использовали свои преимущества для оттеснения и разорения местных капиталистов. Это нарушало нормальный ход экономического развития страны. Часто Фуггеры использовали предоставленные им привилегии во вред промышленности австрийских земель вопреки воле самих Габсбургов. Так, Максимилиан I, желая, чтобы серебряные рудники Тироля были обеспечены дешёвым свинцом из Каринтии, запретил вывоз каринтийского свинца в Венецию. Однако Фуггеры добились отмены этого запрета и вывозили каринтийский свинец в Венецию в большом количестве.

Установление господства южно-немецких торговых фирм в основных отраслях промышленности австрийских земель являлось в значительной степени результатом политики Габсбургов, которые делали крупные займы у этих фирм, отдавая им

в залог горные богатства своих наследственных земель. Габсбургская великодержавная политика, заставлявшая их прибегать к финансовой помощи Фуггеров и других торгово-ростовщических компаний, поставила, таким образом, экономику страны в зависимость от чужеземных сил, которые вмешивались в начавшийся здесь процесс зарождения капиталистической мануфактуры, ускоряли процесс разорения и обнищания непосредственных производителей, увеличивали страдания народных масс и вместе с тем оттесняли и разоряли местных предпринимателей. Частые закрытия шахт, вызывавшиеся хищническими методами их эксплуатации, оставляли массу людей без работы и обрекали их на нищету и голод. Крах южно-немецких торгово-ростовщических фирм в конце XVI — начале XVII в. являлся одной из причин общего упадка торговли и промышленной жизни в горных районах австрийских земель.

Классовая борьба

Политика Габсбургов вызывала недовольство в различных слоях населения австрийских земель. Оппозиционные настроения часто обнаруживались и в среде дворянства, особенно в Штирии и в Верхней Австрии. Всё же во всех землях Австрийской монархии большинство феодалов поддерживало Габсбургов, которые возлагали главную тяжесть своей военной и налоговой политики на крестьян и горожан. Австрийские феодалы рассчитывали извлечь большие политические и материальные выгоды для себя из того, что Австрия сделается центром мощной мировой державы. Решающее значение для позиции дворянства австрийских земель имело то обстоятельство, что Габсбурги поддерживали происходивший там с XV в. процесс усиления феодального нажима на крестьян, владевших оружием и привыкших к сравнительно более лёгким условиям феодальной зависимости.

Связанные в своей европейской политике с папством и католическим духовенством Габсбурги оказывали во всех подчинённых им землях особое покровительство церкви и её феодальным владениям. Это обстоятельство наложило свой отпечаток на ход классовой борьбы в Австрийском государстве XVI в.: как антифеодальные выступления крестьян, так и оппозиционное движение в городах имели здесь особенно сильную антицерковную направленность. Большое место в крестьянских и городских движениях занимала борьба против налогового и административного гнёта Австрийской монархии и её великодержавной политики, а также против деятельности крупных иноземных торгово-ростовщических компаний.

Начавшиеся со второй половины XV в. крестьянские движения в Штирии, Каринтии и Крайне получили особый размах в первые годы реформации, когда общее движение против католической церкви в городах и деревнях охватило Тироль, Зальцбург и земли Верхней и Нижней Австрии. Весной 1525 г., в дни наивысшего подъёма Великой крестьянской войны в Германии, это движение приняло характер всеобщего восстания и в австрийских землях. Здесь между борьбой крестьян и горожан наблюдалась более тесная связь, чем в Германии. В программах тирольских крестьян содержались пункты, направленные против роста налогов, повышения поборов и увеличения барщины, узурпации общинных угодий и против других проявлений феодальной реакции. Кроме того, крестьяне требовали, чтобы духовенству было запрещено иметь богатства, чтобы церковные земли были секуляризованы, а крестьянам было предоставлено право свободного избрания протестантских проповедников. Восставшие требовали устранения юристов и ненавистных чиновников габсбургской администрации, а также издания общих для всего государства законов и установления единства мер и весов. Важное значение для крестьян и горожан имели требования, направленные против размещения на территории Тироля императорских войск.

Восстание в австрийских землях продолжалось и после подавления основных очагов Великой крестьянской войны в Германии. Под предводительством Михаила Гайсмайера, одного из последователей Томаса Мюнцера, крестьяне разбили в районе

Зальцбурга войска эрцгерцога Фердинанда и баварских князей. Восставшие крестьяне и горожане Тироля стали в 1526 г. на короткое время фактическими хозяевами этой земли.

Программа Гайсмайера была для своего времени весьма передовой и глубоко демократической. Наряду с общими антифеодальными требованиями она содержала следующие пункты: демократизация суда, призрение бедных, строительство государственных больниц, превращение монастырей в больницы и приюты для детей, государственное содействие подъёму сельского хозяйства и разведению новых культур, строительство дорог и мостов, государственная организация горного дела, борьба с ростовщичеством и т. п.

Военные и политические планы Гайсмайера были весьма широкими. В конце 1525 г. и в 1526 г. он стремился восстановить боевые силы боровшегося крестьянства и организовать их в мощную армию. Для этой цели он формировал революционные отряды из тех крестьян и горняков Тироля и Зальцбурга, которые сохранили волю к борьбе и после поражения восстания немецкого крестьянства. К отрядам Гайсмайера примкнули также многие из участников Великой крестьянской войны, которые нашли убежище в горных районах Тироля. Гайсмайер намеревался объединить горняков и крестьян Тироля, Зальцбурга и Южной Германии в борьбе против феодалов и князей Австрии, Баварии и войск Швабского союза. Весной 1526 г. Гайсмайер готовил общее восстание в Тироле, рассчитывая, что народные массы Южной Германии и соседнего архиепископства Зальцбургского присоединятся к нему. Гайсмайер рассчитывал также, что в борьбе с эрцгерцогом Фердинандом и южно-немецкими феодалами он встретит поддержку извне — со стороны Швейцарского союза и Венеции.

Враги Гайсмайера и прежде всего эрцгерцог Фердинанд считали положение, создавшееся весной 1526 г. в Тироле и Зальцбурге, весьма опасным для себя. С целью расколоть движение эрцгерцог пошёл на переговоры и уступки умеренным элементам горожан и крестьянской верхушке. Обещано было установление строго фиксированных норм барщины и оброка, проведение реформ в области законодательства и суда, равно как и в устройстве церкви. Эти переговоры вызвали разногласия среди крестьян и горняков, и ожидавшееся общее восстание тирольцев не состоялось.

Отряды Гайсмайера в Тироле, против которых двинулись с разных сторон войска австрийского эрцгерцога, баварцев и Швабского союза, одерживали летом 1526 г. победы в отдельных столкновениях. Обладая хорошими военными знаниями, Гайсмайер рядом блестящих операций воспрепятствовал своим врагам объединиться, вовремя отступал в удобные для обороны места и предпринимал также наступательные действия, осадив Раштатт и угрожая Инсбруку. Умело маневрируя, Гайсмайер смог вывести свои отряды в Венецианскую область. Там он приступил к организации новой армии для борьбы в австрийских землях и начал переговоры о союзе со швейцарцами и венецианцами, но погиб от руки убийцы, подосланного австрийским правительством.

Административная реформа Фердинанда I. Католическая реакция в Австрии в конце XVI — начале XVII в.

Разгром крестьянского восстания Габсбурги стремились использовать в целях усиления католической реакции. Желая добиться реальной власти в Германии, Габсбурги передали все административные дела империи в ведение центрального органа австрийских наследственных земель — гофрата. Однако добиться укрепления своей власти им не удалось даже в пределах австрийских земель. И во второй половине XVI в. оппозиционное движение горожан и дворянства под знаменем реформации развивалось здесь одновременно с продолжавшимися в отдельных местах крестьянскими волнениями, вызванными усилением феодального гнёта. Кроме того, Габсбурги не обладали финансовой и военной базой для проведения своей политики в жизнь и превращения гофрата в эффективный верховный административный

орган как для австрийских наследственных земель, так и для империи. Главное же заключалось в том, что между подвластными Габсбургам землями не было достаточного внутреннего единства.

Провал политики Габсбургов имел своим следствием раздел австрийских земель после смерти Фердинанда I между его сыновьями. Максимилиан II (1564—1576), которому досталась имперская корона, получил, кроме Австрийского эрцгерцогства, Чехию и Венгрию, к Фердинанду перешли Тироль и Передняя Австрия; третьему сыну — Карлу достались Штирия, Каринтия и Крайна, которые в 1619 г. при его сыне Фердинанде Штирийском были вновь объединены с остальными владениями Габсбургов.

Деталь собора св. Стефана в Вене.

Максимилиан II пытался успокоить дворянскую и бюргерскую оппозицию в австрийских землях путём предоставления уступок лютеранам на основе Аугсбургского религиозного мира 1555 г. Однако во время правления его преемника Рудольфа II (1576—1612) при активном вмешательстве испанского короля Филиппа II и папы взяли верх воинствующие сторонники католической реакции. В стране стали хозяйничать иезуиты, Которые полностью подчинили своему влиянию слабовольного императора. Под руководством главаря иезуитов — венского епископа Клевеля — в Передней Австрии и в Австрийском эрцгерцогстве начались расправы с протестантской оппозицией и насильственное насаждение католического культа и католических школ. Это вызвало новый подъём протестантской оппозиции среди дворянства и бюргерства, активно выступавшего в ландтагах.

В условиях торжества контрреформации были ликвидированы прежние уступки крестьянам.

Крестьянское восстание 1595—1597 гг.

Последовало новое усиление феодального режима, феодальные повинности снова стали повышаться, некоторые поборы вводились впервые. Расширяя господское хозяйство, феодалы захватывали общинные угодья, а иногда—даже крестьянские наделы. Феодалам было предоставлено право использовать в своём хозяйстве принудительный труд крестьянских детей.

Феодальная реакция вызвала подъём крестьянского движения. В 1595 г. в Верхней Австрии вспыхнуло крупное крестьянское восстание. Оно началось с выступлений против проводимой правительством политики, замены протестантских пасторов

католическими священниками. Скоро, однако, выявились антифеодальные цели восставших крестьян. Они требовали устранения произвольной, нефиксированной барщины, ликвидации многообразных феодальных поборов и всякого рода вымогательств, вытекающих из судебных прав феодалов и бесправного положения крестьян. Остриё крестьянских требований было направлено против установленных после Великой крестьянской войны новшеств, т. е. против актов сеньориальной реакции и новой волны закрепощения. Многие крестьяне вкладывали в это требование более радикальное содержание, добиваясь полной ликвидации феодального гнёта. В связи с возобновившимися тогда военными действиями против турок восставшие крестьяне выразили возмущение тем, что на них возложено основное бремя военных тягот, равно как и тем, что наёмным солдатам разрешено грабить их хозяйства и вытаптывать посевы.

Весной и летом 1595 г. крестьянское восстание охватило всю Верхнюю Австрию. Объединившиеся для подавления восстания верхнеавстрийские феодалы не могли справиться с ним собственными силами. Посланный ими вооружённый отряд был наголову разбит многократно превосходившими его силами восставших. Феодалы перешли тогда к тактике обмана, используя доверчивость крестьян и отсутствие в их рядах единства. Это было тем легче сделать, что в лагере восставших наибольшим влиянием пользовались не беднейшие слои крестьян, а зажиточные элементы, которые охотно шли на компромисс. Обещав крестьянам обсудить их требования на ландтаге, верхнеавстрийские феодалы добились перемирия, использованного ими для установления связи с габсбургскими властями в Праге. Узнав об этом, крестьяне в 1596 г. вновь восстали, 15-тысячное крестьянское войско возглавил в одном из округов Верхней Австрии бывший трактирщик Георг Таш, который, однако, не действовал с достаточной решительностью. В 1596 и 1597 гг. восстание расширилось, охватив также ряд районов Нижней Австрии. Между крестьянами Верхней и Нижней Австрии была установлена связь. Восстание грозило также перекинуться в Штирию, где начались волнения среди горнорабочих. Габсбургское правительство, перешедшее к активным действиям, приложило всемерные усилия к тому, чтобы расколоть движение и предотвратить возможность объединения всех его очагов. Правительство вступило в переговоры с крестьянами Верхней Австрии, одновременно направив войско, которое с исключительной жестокостью расправилось с восстанием в Нижней Австрии. Только тогда император Рудольф II издал в мае 1597 г. указ об ограничении некоторых поборов и уменьшении барщины, которая фиксировалась в размере 14 дней в году. После опубликования этого указа умеренно настроенная часть восставших прекратила борьбу. Отдельные разрозненные группы крестьян продолжали бороться, но феодалам удалось теперь сломить их сопротивление. К концу 1597 г. восстание было повсеместно подавлено. Георг Таш и другие вожди крестьян были казнены.

Австрия в начале XVII в.

Подавлением крестьянского восстания 1595—1597 гг. создана была благоприятная обстановка для расправы и с протестантской оппозицией дворян и бюргеров, которые сами немало испугались размаха революционной борьбы крестьян. Другим обстоятельством, облегчившим правительству борьбу против протестантской оппозиции, было заключение в 1606 г. мира с Турцией на условиях сохранения за каждой стороной её владений. Габсбурги не нуждались больше в такой степени, как прежде, в помощи сословий при изыскании средств на военные расходы; они могли поэтому не считаться с их оппозицией в ландтагах. Во всех частях Габсбургской монархии одержали верх сторонники самой воинствующей католической реакции. В Верхней и Нижней Австрии правительство Рудольфа II насаждало с помощью солдат католический культ. Тироль был наводнён тысячами иезуитов, которые заняли все церковные должности в этой области. Особой свирепостью отличался штирийский герцог Фердинанд, двоюродный брат императора Рудольфа II. Этот воспитанник

иезуитов, фанатичный католик-изувер, провозгласил целью своей политики истребление всех протестантов. Фердинанд штирийский был теснее других Габсбургов связан с испанским королём Филиппом II и с папской курией.

Австрия в начале Тридцатилетней войны. Восстание 1626 г.

Во время Тридцатилетней войны выявилось недовольство народных масс Австрии тем, что их интересы приносились Габсбургами в жертву своей реакционной политике. Уже в начале Тридцатилетней войны Верхняя Австрия была отдана Фердинандом, который в 1619 г. вступил на императорский престол (Фердинанд II, 1619—1637), «в залог» баварскому герцогу за военную помощь против чехов и немецких протестантов. Баварский герцог Максимилиан не скрывал своих захватнических стремлений в отношении Верхней Австрии и не собирался выводить оттуда свои войска. Его наместник Гербердорф вёл себя в Верхней Австрии, как в завоёванной стране. Баварские гарнизоны грабили население, реквизировали продовольствие, оплачивая его лишь в отдельных случаях и притом по низким ценам. Крестьянство разорялось. Экономические затруднения в стране, вызванные войной, обострились вследствие занятия её баварскими войсками. Экспорт металлических изделий и продукции горной промышленности резко падал. За проявление недовольства баварский наместник наказывал солдатским постоем, заставляя австрийских крестьян бесплатно содержать грабившие страну чужеземные войска.

С 1624 г. баварцы в обстановке нараставшего недовольства иноземными войсками приступили к проведению в Верхней Австрии политики контрреформации, выражавшейся в закрытии протестантских школ, изгнании протестантских проповедников, священников и учителей, а также многих других протестантов. Фердинанд II не только не боролся против баварцев, но явно поддерживал проводившуюся ими политику.

Весной 1626 г. в Верхней Австрии развернулось большое крестьянское восстание. Главным руководителем восстания был крестьянин Стефан Фадингер, служивший в молодости в войсках и обладавший хорошим знанием военного дела.

Основным требованием восставших было освобождение верхнеавстрийской территории от господства чужеземцев, восстановление её свободы и воссоединение с Австрийским государством. Для достижения этой цели восставшие намеревались перебить баварских солдат и изгнать баварских чиновников.

Начавшееся в районе Штейера, южнее Линца, восстание быстро охватило другие районы Верхней Австрии. Оно было сравнительно хорошо организовано. Столица Верхней Австрии — город Линц — была вскоре осаждена самым крупным из семи крестьянских отрядов. В лагере под Линцем находился штаб восставших и их «парламент». В этом и других отрядах действовали крестьянские комитеты. «Парламент» крестьян и их комитеты рассматривали себя как органы власти почти во всей Верхней Австрии.

Благодаря своему освободительному характеру крестьянское восстание привлекло к себе сочувствие других классов австрийского общества. К нему примкнули широкие слои бюргерства ряда городов, в том числе и богатые его слои. В ряды восставших влились и некоторые представители оппозиционного протестантского дворянства. Массами стекались в ряды восставших добровольцы из Чехии, образовавшие особые отряды.

В июле 1626 г. в среде восставших возникли разногласия по вопросам тактики и по социальным вопросам. Особенно обострились разногласия после того, как Фердинанд с целью выигрыша времени добился открытия переговоров между Баварией и крестьянскими комитетами при посредничестве его представителей. Фердинанд лицемерно заявил о своём стремлении к освобождению Верхней Австрии от баварских войск и о том, что им уже получено на этот счёт обещание баварского герцога. Хотя крестьяне продолжали осаду Линца и настаивали на своём основном

требовании, начавшиеся переговоры всё же ослабили их активность и породили в их среде раскол. Немало этому содействовали богатые бюргеры и дворяне, которые были встревожены антифеодальными требованиями, всё настойчивее выдвигавшимися революционной массой восставших и направленными своим остриём против австрийских феодалов. Незадолго перед началом переговоров погиб в бою под Линцем Стефан Фадингер.

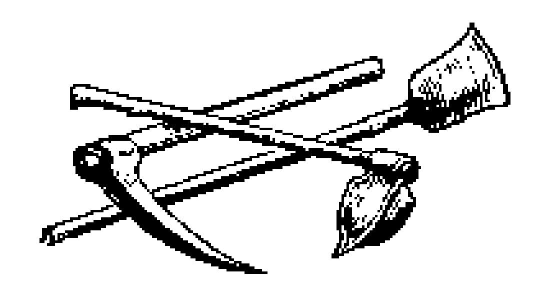
Затянувшиеся переговоры и раскол в крестьянском лагере отразились на боеспособности армии повстанцев; она начала распадаться. В это время Фердинанд ввёл в Верхнюю Австрию большую армию ландскнехтов, которые, так же как и баварцы, стали чинить насилия и грабежи. Фердинанд потребовал немедленного заключения мира. Крестьянам была обещана амнистия и смягчение введённого баварцами в Верхней Австрии военного режима. Что же касается вопроса о воссоединении с Австрией, то обещания на этот счёт оставались весьма неопределёнными. От крестьян же требовался немедленный роспуск армии.

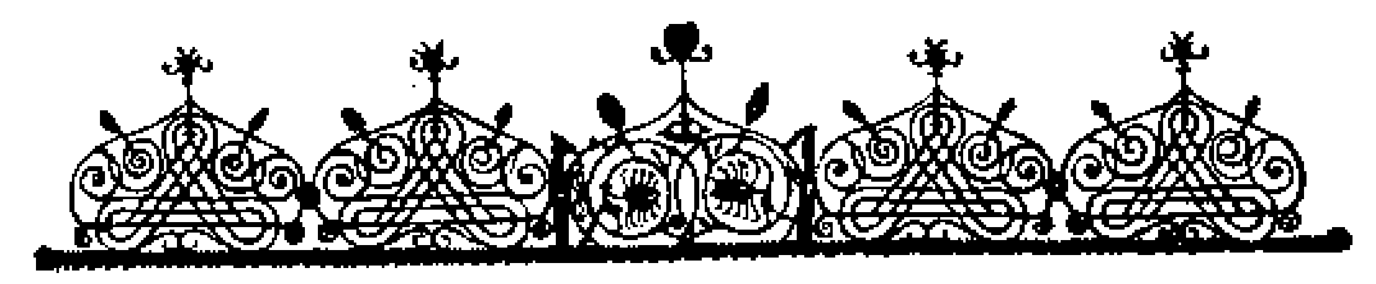
Руководители восставших подписали мирное соглашение и распустили армию, Вопреки условиям соглашения баварцы перешли к жестоким репрессиям против австрийцев. Они намеревались перебить всех участников восстания и окончательно разорить оккупированную территорию. В Верхнюю Австрию стали прибывать всё новые и новые отряды баварских войск.

Однако в крестьянских отрядах было немало революционных элементов, являвшихся противниками переговоров и не признавших соглашения. Они выражали настроения широких масс, возмущённых предательством Фердинанда и не желавших примириться с продолжавшимися насилиями баварских войск. Осенью 1626 г. восстание вспыхнуло снова. Вновь собравшаяся крестьянская армия ожесточённо боролась вплоть до зимы. Но она не могла устоять перед баварцами, которые превосходили её не только численно, но также вооружением и военной организацией. Восстание было подавлено. Большинство командиров героической крестьянской армии пало в боях, а те, кто остался в живых, были преданы баварцами жестокой казни.

Несмотря на поражение, широкий размах восстания и героическое упорство восставших убедили и баварцев в невозможности установления их господства в Верхней Австрии. В 1628 г. они вернули эту область Австрии. Таким образом, в годы Тридцатилетней войны народные массы Австрии проявили своё недовольство реакционной великодержавной политикой Габсбургов. Вместе с тем восстание 1626 г. носило антифеодальный характер. В этом его основное историческое значение.

В ходе Тридцатилетней войны австрийские земли, не являвшиеся ареной военных действий, пострадали сравнительно мало. После окончания войны процесс государственного обособления Австрии происходил более быстрыми темпами.

ГЛАВА XV
ЧЕХИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ГАБСБУРГОВ

Несмотря на поражение гуситского революционного движения и наступившую после этого реакцию, крестьянская война XV в. не прошла бесследно для чешского народа. Влияние иностранцев в Чехии было значительно ослаблено. Чешский язык стал официальным языком государственных учреждений. Усилилась политическая роль городов. На некоторое время улучшилось положение крестьян.

К концу XV в. города переживали экономический подъём. Росла специализация ремёсел. Создавались новые ремёсла и целые отрасли производства, например типографское дело, беление тканей в производстве полотна. Начинался новый подъём горной промышленности, в частности, увеличилась добыча серебра в Яхимове. Широко развивалось производство стеклянных изделий. К началу XVI в. от потрясений военных лет оправилась и торговля. Значительно возросло число местных рынков. Вместе с тем расширилась внешняя торговля с Германией, Польшей, Италией и Нидерландами. Наряду с сельскохозяйственной продукцией, которая частично также уже была предметом экспорта, вывозились чешские и моравские сукна. Довольно оживлённой была торговля с Россией. Из русских земель поступали в Чехию собольи, лисьи и волчьи меха, кожи. Наиболее распространёнными товарами, вывозившимися из чешских земель в Россию, были стеклянные изделия и сукна, которые доставлялись через польские земли — Познань, Краков и др. Чехия была в то время одной из передовых стран Европы.

В то же время всё более обнаруживались тяжёлые для чешского народа последствия поражения гуситских войн, прежде всего в форме распространения барщинно-крепостнических порядков. Продолжался процесс образования крупных

магнатских владений. Ещё в 1467 г. был принят закон, устранявший контроль короны над скупкой феодалами свободных земель. Продолжался и упадок мелкопоместного землевладения.

Стремясь повысить доходность хозяйства и увеличить его товарность, феодалы старались восстановить и расширить свои права в отношении крестьянства, в чём их решительно поддерживало правительство. Решениями сеймов и постановлениями земских судов крестьянам был запрещён уход в города без отпускной грамоты пана, а также переход к другому господину. В соглашении между чешскими и моравскими панами по этому поводу указывалось, что ни одному человеку родом из Моравии и Чехии не может быть дано отпускной грамоты, «кроме как по воле его пана». В 1487 г. чешский сейм принял общее решение, которым запрещался свободный уход крестьян от своих панов. Введены были крупные штрафы за укрывательство беглых.

Феодалы посягнули и на частично уцелевшие права крестьян на общинные угодья. Крестьянам не разрешалось заниматься охотой в лесах, ставить тенёта на птиц. Появились такие новые повинности, как бесплатное рытьё водоёмов для барских прудов, ловля рыбы для панов за ничтожную плату и т. п.

Резкое ухудшение положения крестьянства отмечалось современниками. Чешский юрист конца XV — начала XVI в. Викторин Корнелий из Вшегрд писал: «Паны себе людей урочных, служебников и батраков покупают за деньги и имеют над людьми полную власть распоряжаться жизнью и смертью». Он указывал на постоянные насилия панов над крестьянами. «Такого беззакония не творят даже нехристиане», — продолжал Викторин. В начале XVI в. один современник отмечал, что крестьяне не могут доискаться правды и закона, поскольку «король далеко, а бог высоко». Владелец феодального поместья угрожал крестьянам: «Предупреждаю вас (крестьян. — *Ред.*), что вы должны нести повинность, которую обещали мне. Знайте, что в случае невыполнения этой повинности я уничтожу вас и предам огню то место, где вас найду».

За годы гуситских войн население Чехии сократилось. Недостаток рабочей силы вынудил феодалов, по крайней мере на первых порах, укреплять и расширять своё хозяйство за счёт малотрудоёмких занятий. Очень важное место уже тогда занимало рыбоводство, которое достигло значительного развития, особенно на юге страны, где было много естественных водных бассейнов и началась так называемая прудостроительная горячка. В некоторых крупных поместьях доход от торговли рыбой превышал по размерам другие доходные статьи. В господских хозяйствах повысилась также роль овцеводства, лесного хозяйства и пивоварения.

К концу XV в. проявились отрицательные результаты поражения гусистского революционного движения. В конце XV и начале XVI в. продолжалось ослабление королевской власти и росло засилье знати. Вместе с тем уменьшалась политическая роль городов. В напряжённой борьбе городов с крупными феодалами низшее дворянство стало в конце концов на сторону магнатов; в результате города лишились ряда своих прежних привилегий. Проявившаяся в это время тенденция к закрепощению крестьян вела к резкому сокращению притока нового населения в города. Старым городам мешала также конкуренция новых рынков и городов, возникших во владениях панов. Победа магнатов над городами отрицательно сказалась на последующем развитии страны. Что же касается низшего дворянства, то оно ничего не получило от этой победы.

Классовая борьба

Усилившаяся в стране феодальная реакция вызывала нарастание классовой борьбы. Бегство крестьян от феодалов в конце XV — начале XVI в. приняло массовые размеры. Появились многочисленные «пророчества», выражавшие протест против закабаления народа. В одном из них говорилось, что паны отнимут у крестьян землю и займут её под рыбные пруды, будут «вырывать хлеб из уст» крестьян. Автор угрожал феодалам, заявляя, что

крестьяне захотят отомстить своим господам за творимые над ними насилия. Наряду с побегами частым явлением были вооружённые выступления крестьян, требовавших сохранения «старых прав и обычаев», что являлось своеобразной формой борьбы против новых поборов и повинностей. В 1494 г. происходили волнения крестьян в Забрежском панстве в Моравии, в 1498 г. — в Литомержицкой

Прага.
Гравюра начала XVII в.

области. В 1517 г. в Крживоклатске до 400 крестьян с оружием в руках выступили против владельца одного селения, пытавшегося заставить их признать свою личную зависимость.

В городах подмастерья, ученики и наёмные рабочие вели напряжённую борьбу против городской и цеховой верхушки. Нередки были случаи своеобразных стачек и восстаний мелких ремесленников и подмастерьев против богатых мастеров и цехового управления. Неоднократно вспыхивали волнения горнорабочих. В 1494—1496 гг. восстали против чрезмерной эксплуатации горняки Кутной-Горы. Десять вожаков горнорабочих, которые собирались идти с жалобой к королю, были казнены. В Праге и других городах в первые десятилетия XVI в. имели место волнения подмастерьев. В 1519 г. провели стачку подмастерья-шляпники в Праге, а в 1523 г. там выступили против мастеров подмастерья-банщики и парикмахеры. Так же как и крестьянские волнения того периода, выступления городских низов были разрозненны и носили стихийный характер. Восставшие верили в возможность помощи со стороны властей и короля.

В 1521 г. в Прагу прибыл из Германии Томас Мюнцер, призвавший народ к новым антифеодальным выступлениям. В своём воззвании к чехам Мюнцер выразил уверенность в том, что чешский народ «станет образцом для всего мира», что победа над угнетателями будет достигнута прежде всего в Чехии, а затем — повсюду. Великая крестьянская война в Германии нашла широкий отклик среди крестьян, горнорабочих и плебейских масс чешских земель. В Западной Чехии, в новом центре горной промышленности Яхимове, насчитывавшем 14 тыс. жителей, в 1525 г. вспыхнуло восстание горнорабочих и городского плебса, поддержанное крестьянством окрестных деревень. Там вёл агитацию Вольф Гефтель из Тюрингии. На подавление восстания правительство послало 2500 солдат. Однако подавить движение они не смогли, и местные власти были вынуждены пойти на некоторые уступки. Тогда же восстали жители Хеба. Горожане Теплова, поддержанные крестьянами из окрестностей этого города, штурмовали местный монастырь. Аббат был вынужден принять требования крестьян: отмену десятины, возвращение общинных привилегий и пр. Одновременно происходили крестьянские волнения также в Раковницкой и Пльзенской областях.

В среде чешского бюргерства и части дворянства довольно широко распространялись идеи лютеранства. Их распространение стимулировалось близостью лютеранства идеям умеренного гусизма. Чешские протестанты приветствовали заявление Лютера на лейпцигском диспуте 1519 г.: «Сами того не замечая, мы все гуситы». Крупные волнения пражского бюргерства в 1524 г. проходили под лозунгами реформации.

Включение Чехии в состав монархии Габсбургов

После поражения чешско-венгерского войска в битве с турками при Мохаче Фердинанд Габсбург перед лицом турецкой опасности был провозглашён королём Чехии. Переход к Габсбургам чешской короны был по форме актом личной унии между Австрией и Чехией, т. е. установлением власти одного общего монарха. Однако на деле Габсбурги поставили своей целью полностью подчинить Чехию и ликвидировать её как суверенное государство в интересах своей великодержавной политики. Монархия Габсбургов сыграла вначале известную положительную роль, воспрепятствовав захвату турками чешских земель. Однако в конечном счёте ликвидация суверенитета, античешская финансовая, национальная политика и контрреформация имели отрицательные последствия для экономического, политического и культурного развития чешских земель.

Восстание 1547 г.

Став королём Чехии, Фердинанд Габсбург обязался сохранить все права и привилегии чешских сословий, не нарушать порядков и обычаев страны. Согласно обязательствам Фердинанда чешские земли сохраняли внутреннюю автономию. В стране продолжали существовать местные сеймы, чешская администрация и т. д. Во главе областей стояли избираемые из чешского дворянства гетманы. Дворянство по-прежнему играло решающую роль и в остальных звеньях государственного аппарата. Чехам было обещано сохранение политической и религиозной независимости.

Но Фердинанд не выполнил данных им обещаний. Уже при нём австрийские власти тяжёлыми налогами и препятствиями, чинимыми торговле, наносили ущерб экономическому развитию Чехии. Они истощали её материальные ресурсы, стремясь превратить её, как и другие подчинённые страны, в источник финансовой и военной силы Габсбургов, Очень часто с населения взимались внеочередные налоги. Чешские земли выплачивали наибольшую сумму налога, причём степень налогового обложения была там выше, чем в австрийских землях. Большая часть этих средств уходила за пределы Чехии. Социальная борьба переплеталась с национальной, поскольку увеличилось число немецких феодалов и представителей городского патрициата. Правление Фердинанда было ознаменовано особым покровительством католикам в Чехии. К протестантам король относился враждебно. Особенно преследовались Габсбургами общины «чешских братьев».

Фердинанд старался свести на нет политические права чехов. Уже в 1528 г. он запретил созывать в Чехии областные съезды дворян и сеймы без его разрешения, старался внести раскол между дворянами и горожанами, чтобы предотвратить возможность их общей борьбы против габсбургской политики.

В тяжёлом положении оказались королевские (т. е. зависящие непосредственно от короля), наиболее развитые города страны, которые постепенно теряли своё политическое значение.

Вскоре после включения Чехии в состав Габсбургской монархии в стране начали возникать локальные крестьянские волнения. Длительные волнения происходили в 1530—1533 гг. в Радоушове. В 1532—1534 гг. в пограничных солениях произошло восстание крестьян-ходов (жителей пограничной полосы) в окрестностях Домажлице. В 30-х годах выступления под лозунгом защиты «старого права» произошли в Прахенской, Литомержицкой, Подебрадской областях.

Проводимая Габсбургами политика национального и религиозного гнёта вызвала в 1547 г. крупное общечешское восстание, центром которого явилась Прага. Поводом к восстанию послужила попытка Фердинанда использовать чехов в борьбе Габсбургов с немецкими протестантами. Фердинанд потребовал от чехов мобилизации военных сил и средств для борьбы со Шмалькальденским союзом немецких протестантских князей. Представители чешских сословий отвергли требование короля и 19 марта собрали сейм в Праге без его разрешения. Программа восставших содержалась в принятой на этом сейме и поданной королю жалобе из 57 статей. На первом этапе восстания в нём принимали участие многие феодалы, хотя главная роль, принадлежала жителям королёвских городов. Социальные противоречия в лагере восставших нашли своё отражение и в 57 статьях, в которых отстаивались привилегии бюргерства и феодалов. Эти статьи касались устройства земского суда, сеймов, областных съездов дворянства. Отдельные политические статьи содержали и более широкие требования, носившие общенациональный характер. Таково было требование сословий сохранить за ними право и в дальнейшем выбирать королей, носившее явно антигабсбургский характер, а также требования, чтобы король соблюдал старинные права королевства и не давал никаких обязательств римскому папе. Представители сословий категорически отвергали все узаконения, которые противоречили старинным привилегиям чехов. Классовая ограниченность 57 статей видна в том, что в них даже не ставился вопрос о непосредственных правах и нуждах крестьянства и городского плебса. Лишь в одной статье было выдвинуто требование сохранить за ходами старые права, касавшееся лишь крайне незначительной в количественном отношении группы крестьян и связанное со стремлением руководителей движения использовать ходов как военную силу восстания.

Мартовский сейм принял также решение о созыве ополчения для защиты выдвинутых им требований и избрал гетманов королевства. Однако городская верхушка Праги, стоявшая во главе восстания вместе с некоторыми дворянами, объявив набор в армию, заняла выжидательную позицию, стремясь получить уступки от короля без вооружённой борьбы и без массового народного движения. Это обстоятельство дало возможность Фердинанду собрать силы для подавления восстания. С помощью обещаний восстановить старые привилегии король добился отхода от восстания большинства дворянства, боявшегося активизации плебса Праги и крестьянства окрестных селений. Измена дворянства привела к усилению колебаний в среде городской верхушки Праги.

В конце апреля 1547 г. наметился перелом в ходе Шмалькальденской войны в пользу императора. Узнав об этом, руководители чешского восстания растерялись, постановили отозвать свои войска, посланные ранее в лагерь немецких протестантов, и отправили послов для переговоров с Фердинандом. Когда же их действия вызвали волнения пражского плебса, в город были впущены королевские войска, которые стали

чинить насилия в предместьях. В начале июля вопреки призывам руководителей произошли стычки горожан с королевскими солдатами. Участниками этой борьбы были трудовые слои, которые выражали наиболее полно национальные интересы чехов. 5—6 июля в Праге произошло вооружённое выступление народных масс города против короля и его чужеземных войск. На помощь пражанам собрались тысячи людей из окрестных сёл. Однако это восстание народных масс явилось лишь эпизодом; оно было быстро подавлено. Пассивная тактика городской верхушки и дворянства, боявшихся повторения крестьянской войны XV в., сделала невозможным более активное участие народных масс и была главной причиной поражения восстания 1547 г.

Подавление пражского восстания 1547 г. Фердинанд использовал для расширения династических прав Габсбургов, власть которых в Чехии была объявлена наследственной, и для дальнейшего ограничения прав чешских земель. Фердинанд стремился использовать победу над восставшими также в целях углубления раскола между дворянством и горожанами, с тем, чтобы легче было держать в покорности тех и других. Наиболее тяжёлыми были последствия поражения для горожан. Все города, за исключением четырёх (Праги, Пльзеня, Будеёвице, Усти-на-Лабе — последние три города не принимали участия в восстании вследствие засилья в них немецкой верхушки), были лишены представительства в сейме. Они были вынуждены отказаться в пользу короля от всех своих земельных владений и заплатили огромную денежную контрибуцию. Городское самоуправление было в значительной мере ограничено, и все важнейшие дела поставлены под контроль короля. Поражение восставших усилило дальнейшее проникновение в страну немецких феодалов, крупных торговцев и предпринимателей.

Началась волна преследований членов радикальных сект. Собрания «чешских братьев» были запрещены, а их церкви переданы католикам или чашникам. В 1548 г. всем «чешским братьям» было предложено отказаться от принадлежности к братствам или покинуть Чехию.

В то же время Фердинанд не применял репрессий к большинству примкнувших вначале к восстанию чешских панов, так как в их лице он рассчитывал найти себе опору в дальнейшей борьбе против сил национально-освободительного движения в Чехии. Дворянству были сохранены его старые права.

Всё же Габсбургам не удалось сломить волю чешского народа к независимости, к сопротивлению политике национального угнетения.

Углубление феодальной реакции и начало экономического упадка Чехии со второй половины XVI в.

Экономические условия второй половины XVI и начала XVII в., «революция цен» и увеличение численности городского населения способствовали росту панского хозяйства, связанного с внутренним и внешним рынком. Цены на пшеницу, рожь, мясо и другие продовольственные продукты возросли в 2 раза. Из Чехии хлеб вывозился в Саксонию, Лужицы, Баварию, Австрию. Высокие цены на сельскохозяйственную продукцию внутри страны и на внешнем рынке, расширение барской запашки и увеличение производства продуктов сельского хозяйства на рынок имели своим результатом обострение борьбы за землю. Феодалы начали захватывать общинные и индивидуальные крестьянские участки земли, хотя наиболее широкого развития этот процесс достиг позднее — после Тридцатилетней войны. Таким образом, в целом продолжался рост крупного феодального землевладения. Паны Смиржицкие, владевшие 6 городами и 22 местечками, имели в собственности 478 селений с 56 тыс. подданных. В их имениях было 3500 голов крупного рогатого скота, 1 тыс. рабочих лошадей, до 15 тыс. овец. В Моравии огромные поместья принадлежали роду Жеротинов и Лихтенштейнам. В феодальных поместьях расширяется производство сельскохозяйственных продуктов на рынок, растёт дворянское предпринимательство.

Значительная часть расширявшейся барской запашки засевалась зерновыми культурами, которые большей частью шли на пивоварение. Повсюду строилось множество панских пивоварен. Феодалы присвоили себе монопольное право на торговлю пшеничным пивом и обязывали крестьян покупать пиво только у своего пана. Усиление товарности барского хозяйства проявилось и в дальнейшем развитии рыбоводства. Во второй половине XVI в. в чешских землях наблюдается новая волна «прудостроительной горячки». Число прудов в Чехии превышало уже 78 тыс. Росли также овцеводство, торговля скотом, молочными продуктами, лесом. Развитие всех видов барского хозяйства сопровождалось появлением новых крестьянских повинностей. В ряде случаев у крестьян были отняты некоторые из прав, которыми они пользовались прежде. Им разрешалось молоть зерно только на господской мельнице, продавать свою продукцию лишь в пределах поместья. Суды оставались в руках феодалов, которым правительство помогало в расширении их прав по отношению к крестьянам. Сейм 1575 г. запретил крестьянам охотиться в лесах, ловить рыбу в панских владениях. Продолжался процесс закрепощения крестьянства. Всё более увеличивается барщина. Теперь главный тип барского товарного хозяйства определился совершенно отчётливо как тип хозяйства, основанного на старых, феодальных методах эксплуатации крестьянина.

Мелкопоместное хозяйство было не в состоянии конкурировать с хозяйством магнатов. Феодальные магнаты, особенно на юге страны, постепенно поглощали владения низшего и среднего дворянства. Экономический упадок низшего дворянства объясняет и его активное участие в антигабсбургской борьбе 1618—1620 гг.

Во второй половине XVI в. в Чехии имели место новые явления в развитии ремесла и торговли. Крупным шагом в области техники горного дела и металлургии явились с конца XVI в. первые домны, значительно повысившие производительность труда. В горной промышленности и металлургии более широко стала применяться наёмная рабочая сила. При покровительстве Габсбургов в Чехию проникает иностранный капитал. Фуггеры, Вельзеры и другие крупнейшие немецкие купцы и предприниматели стремятся захватить в свои руки горные богатства Чехии.

Заметны были успехи в области строительных ремёсел. В крупных городах появилось большое количество каменных домов. Во второй половине XVI в. в городах увеличилось число внецеховых ремесленников. Развитие книгопечатания способствовало расширению производства бумаги.

О возникавших в стране ростках капиталистических отношений свидетельствовало широкое развитие в некоторых районах производства полотна крестьянами на дому. Зародилась система «факторства», при которой купец, владелец торгового капитала, выступал уже и как раздатчик сырья крестьянам, работавшим на дому, а также как скупщик продуктов их труда. Типографское дело, не связанное с цеховой организацией, также складывалось как производство нового типа, основанное на применении наёмного труда. Капиталистическая организация производства получила распространение особенно в горном деле.

Горнорабочие. Фрагмент росписи Пржибрамского собора. 1583 г. (Прорисовка).

Однако в Чехии не было тогда благоприятных условий для развития капиталистического производства; зарождавшиеся первые капиталистические элементы довольно быстро зачахли. Несмотря на расширение местных рынков, внутренний чешский рынок в целом был весьма слаб. Во второй половине XVI в. про-

явились и отрицательные для Чехии результаты великих географических открытий. Чехия, не обладавшая собственным выходом к морю, не имела возможности поддерживать непосредственные торговые связи со странами Азии, Америки и др. Перемещение торговых путей в Европе сказалось неблагоприятно на чешских землях, потерявших своё прежнее место в торговле Восточной и Западной Европы. С конца

XVI в. начинается экономический упадок Чехии. Резко понизилась добыча серебра. Длительная борьба с дворянством за торговые права закончилась поражением городов. Получив в 1545 г. право беспошлинного ввоза иноземной продукции для своих нужд, феодалы закупали её в ущерб чешской промышленности и торговле. Развитие ремесла и торговли в панских городах и местечках, переживавших в XVI — начале XVII в. период своего расцвета, отрицательно сказывалось на экономике королевских городов. Всё более препятствовало экономическому развитию страны дальнейшее распространение крепостничества, мешавшее притоку населения в города, где промышленность нуждалась в рабочих руках. Требование панов, чтобы крестьяне покупали все продукты первой необходимости только в их поместьях, также препятствовало экономическому развитию городов. Большой помехой являлась и античешская политика Габсбургов, покровительство, которое они оказывали немецким промышленникам, купцам и патрициату в ущерб национальным интересам, а также взимаемые ими многочисленные поборы. После подавления восстания 1547 г. значительно возрос налоговый гнёт. С 1552 г. берна (прямой налог) была повышена и взималась в размере 12 грошей с каждой тысячи коп недвижимого имущества. В 1567 г. введена была подомовая берна. Большим бременем на население падала «турецкая» берна, предназначенная для войны с турками. Неоднократно взимались с населения экстраординарные налоги.

Нарастание социальной и национальной борьбы в конце XVI и начале XVII в.

Развитие крупного хозяйства феодалов, основанного на барщинном труде, имело крайне отрицательные последствия для хозяйства закрепощённых крестьян. Задавленное поборами феодалов и государственными налогами крестьянское хозяйство лишалось перспективы развития. Постоянными спутниками жизни чешской деревни становятся массовые эпидемии, неурожаи, грандиозных размеров голодовки, охватывавшие всю страну.

С конца XVI в. вновь усиливаются антифеодальное движение в деревне и борьба городской бедноты против панов и городской верхушки. Нередки были волнения крестьян. В 1569 г. произошли волнения на юге Чехии на рыбных промыслах пана Петра Вока из Рожмберка. В 1575 г. имели место крестьянские волнения в Пржибрамском и Рожмитальском панствах. В Глубоцком панстве в Южной Чехии в 1580 г. начались волнения крестьян, отказавшихся нести барщину и выполнять другие феодальные повинности, которые продолжались в конце XVI — начале XVII в. Особую ненависть вызывали новые повинности и поборы. Эти выступления, хотя и носили локальный характер, свидетельствовали о наличии в крестьянстве активных сил, стремящихся воздействовать на существующие общественные порядки.

Происходили также серьезные выступления горнорабочих, особенно на промыслах Кутной-Горы, где работало много беглых крестьян. Они выступали против крайне тяжёлых условий труда на горных промыслах, а также против попыток феодалов добиться поддержки правительства в возврате своих беглых крестьян. Правительство вынуждено было принять новый горный устав и признать, что горняки должны рассматриваться как люди свободные и на них не распространяется действие решений сеймов о возврате беглых. В начале XVII в. имели место волнения подмастерьев и в других отраслях производства.

Во второй половине XVI и в начале XVII в. растёт национальное самосознание чехов. Ещё в 1564 г. чешские дворяне провели в сейме решение о том, что король не имеет права давать дворянское звание иноземцам в Чехии. Обострилась

борьба вокруг вопроса о пользовании чешским и немецким языком в стране. В королевских учреждениях в то время наряду с чешским языком применялся и немецкий. Сейм в 1615 г. принял специальный закон о защите чешского языка, предусматривающий, что в число горожан должны приниматься лишь лица, знающие чешский язык, и чтобы в судах говорили только по-чешски. Создавались типографии, печатавшие произведения только на чешском языке.

Для рассматриваемого времени характерна также острая борьба вокруг религиозных вопросов. Габсбурги выступали решительными защитниками римско-католической церкви и контрреформации. В Чехии наряду с умеренным дворянско-бюргерским направлением реформации существовали организации «чешских братьев», в которых были сильны национальные традиции, и анабаптистские секты, проповедовавшие идеи социального равенства. Габсбургские власти принимали жестокие меры против чешских протестантов всех направлений. Неоднократно чехам отдавались категорические предписания отказаться от протестантских убеждений под угрозой конфискации имущества и изгнания из пределов родной страны. В 1556 г. Фердинанд I пригласил в Чехию иезуитов. Иезуиты выступали в Чехии ярыми защитниками Габсбургской династии, всячески способствовали её упрочению и вели борьбу против движения чешского народа за независимость.

В борьбе против контрреформации чешские лютеране и «чешские братьям выработали в 1575 г. совместную «чешскую конфессию» (исповедание веры), предусматривавшую некоторую внутреннюю самостоятельность протестантской церкви, её право иметь собственную консисторию для общего руководства своими делами. Габсбурги не желали признать автономию протестантской церкви в Чехии. Король Рудольф II (1576—1611), который всю жизнь находился под влиянием испанцев и иезуитов, отказался подписать грамоту о веротерпимости. Однако, когда чешские сословия пригрозили ему вооружённым восстанием, он в 1609 г. был вынужден подписать «Грамоту величества», подтверждавшую «конфессию» 1575 г. Чешские протестанты получили право свободно исповедовать свою веру, публично совершать богослужение, иметь свои церкви и учреждать свои школы. Они получили управление Пражским университетом. Это были вынужденные временные уступки, которые Рудольф II не собирался выполнять.

Между тем в Габсбургском доме продолжались усобицы, вылившиеся с 1608 г. в открытые столкновения между Рудольфом и его братом Матвеем. Борьба между братьями велась силами чужеземных солдат, которые держали себя в Чехии, как в завоёванной стране, грабили и разоряли жителей. Ответом на солдатские грабежи было вооружённое выступление ремесленных масс Праги, которые не дали чужеземцам проникнуть в столицу. В ходе этого восстания пражская беднота выступила против верхушки католического духовенства, бросилась на штурм ненавистных ей монастырей и разрушила некоторые из них. После отречения в 1611 г. от чешского престола Рудольфа II его преемник Матвей (1611—1619) вынужден был формально подтвердить «Грамоту величества», однако на деле нарушал её под разными предлогами. Матвей продолжал античешскую политику и преследования протестантов. В ряде городов и селений иезуиты и католическое духовенство насильно закрывали протестантские церкви. В 1617 г. король назначил своим наследником Фердинанда Штирийского, воспитанника иезуитов. Это обстоятельство и религиозные притеснения послужили в Чехии поводом к выступлению против Габсбургов (1618 г.), которое явилось началом Тридцатилетней войны.

Общие причины антигабсбургского движения 1618 г.

Накануне выступления против Габсбургов в Чехии образовалась оппозиция, очень сложная по своему социальному составу и интересам. Общие причины чешского движения 1618 г. связаны с указанными выше экономическими и политическими изменениями в стране, происходившими с конца XVI в. Чешское дворянство никак не могло приспособиться к новым экономическим условиям. Оно по-

степенно оттеснялось чужеземным дворянством от службы при дворе и от государственных должностей. Бюргерство было недовольно быстрым ростом налогов, неблагоприятной для него экономической политикой правительства в обстановке вторичного закрепощения крестьянства, резким ограничением политических прав горожан. Именно эти слои населения, особенно дворянство, и выступили в 1618 г. Все слои чешского населения, кроме магнатской верхушки, служившей Габсбургам, были ущемлены и крайне недовольны античешской и прокатолической политикой Габсбургов и преследованиями, чинившимися чешской культуре и языку. Но в результате отказа дворянства поддержать антикрепостнические требования крестьян основная масса чешского народа не приняла активного участия в событиях 1618—1620 гг. Борьба чешского народа против реакционного режима Габсбургов на протяжении второй половины XVI и начала XVII в. была по существу борьбой против сил католической реакции в Европе. К началу Тридцатилетней войны антигабсбургское движение в Чехии приобрело международное значение.

Чешская культура в эпоху Возрождения

Народный подъём, нашедший наиболее яркое выражение в гуситских войнах и последующем общественном движении XV—XVI вв., оставил глубокий след в истории чешской культуры. Память о славных революционных событиях времён Гуса и Жижки не исчезла в сознании народа. Под этим влиянием окрепла национальная традиция во всех областях культуры, развилась любовь к чешской речи и уважение к «хорошим чехам», т. е. людям, которые заботились о сохранении и развитии родного языка в противовес латыни и немецкому языку империи. XVI столетие было «золотым веком» чешской художественной прозы. Героическая борьба гуситов против церковной и феодальной реакции получила широкий отклик в других европейских странах и оказала большое влияние на развитие реформационной мысли в Германии и Швейцарии. Со своей стороны Чехия не осталась в стороне от общих духовных течений этой революционной эпохи. Прага и другие чешские города были тесно связаны с важнейшими центрами гуманизма и Реформации. Ещё в XV в. Пражский университет становится одним из центров изучения античной литературы и философии.

Рядом с чисто классическим направлением, представленным именами Богуслава из Лобковиц, Станислава Турзо, Августина Оломоуцкого и др., в чешском гуманизме сложилось и другое направление, более связанное с национальным языком и культурой. В конце XV и начале XVI в. появляется обильная юридическая литература на чешском языке. Цтибор из Цимбурка и Товачова, один из ближайших соратников короля Иржи Подебрада, составил свод моравского обычного права «Книга Товачовская» (1481 г.). Выходец из старинного дворянского рода, Цтибор излагает юридическую традицию с точки зрения аристократии и защищает её интересы. Другие взгляды лежат в основе сочинения Викторина Корнелия из Вшегрд (умер в 1520 г.) — «Девять книг о правах, судах и досках чешской земли». Этот свод обычного права составлен в демократическом духе и содержит много важных сведений по социальной истории Чехии.

Обширная историческая литература XVI в. также захвачена живыми интересами времени. Это в большинстве случаев сочинения, описывающие бурные события недавних лет. Так, «Пражская хроника» Бартоша Писаря касается истории утверждения на чешском престоле Фердинанда I Габсбурга. Сикст из Оттерсдорфа описывает борьбу чешских сословий против короля в 1546—1547 гг. Мартин Кутен является автором патриотической «Хроники чешской земли» и «Хроники о Жижке». Большая часть исторических сочинений была связана с движением «чешских братьев». Правда, «Чешская хроника» Вацлава Гаека из Либочан, написанная с католической точки зрения, также получила распространение благодаря живости изложения и многочисленным фантастическим подробностям, относящимся к древней истории Чехии.

Характерным жанром XVI в. были также описания путешествий в разные страны, главным образом на Восток, где деятели демократических религиозных организаций искали подтверждения своим церковным учениям. Так, по поручению общины «чешских братьев» Мартин Кабатник ещё в 90-х годах XV в. написал «Путешествие из Чехии в Иерусалим и Египет».

Могучим орудием культуры Возрождения была печатная книга. В Чехии книгопечатание получило широкое распространение ещё в XV в.

Знаменитые печатники этого времени были учёными, писателями и переводчиками. Характерной фигурой чешского Возрождения является, например, Николай Конач (умер в 1546 г.), который был переводчиком на чешский язык «Разговоров» Лукиана и «Богемской истории» Энео Сильвио Пикколомини.

Ко второй половине XVI в. относится деятельность выдающегося чешского переводчика и типографа Юрия Мелантриха Рождялевского. Из его типографии вышло множество книг различного содержания на чешском, немецком, латинском и греческом языках. По своему изяществу и совершенству печати издания Мелантриха могут быть поставлены в один ряд с книгами знаменитых издателей эпохи Возрождения — Альда Мануция и Эльзевира.

Ещё более значительной фигурой является продолжатель дела Мелантриха, муж его дочери — Даниил Адам Велеславин (1546—1605), учёный и переводчик, мастер чешской прозы, которую он довёл до высокого совершенства. Последний период чешского Возрождения называют иногда «веком Велеславина». Сын мельника, получивший образование в Пражском университете, где он впоследствии занимал кафедру истории, Велеславин в 1576 г. оставил преподавание, чтобы заняться издательской деятельностью. После смерти Мелантриха он унаследовал его типографию, расширил её и достиг замечательных результатов. Обилие, внешнее изящество, необычайная тщательность изданий «пражского архитипографа» доставили ему известность далеко за пределами страны. К числу изданий Велеславина относится знаменитая «Московская хроника» Ал. Гваньини, переведённая на чешский язык. Главным учёным трудом Велеславина был «Исторический календарь» (1578—1590), составленный в назидательном духе. Велеславин является также составителем чешско-латинского и четырёхъязычного словарей, юридического руководства и др.

Наиболее значительные явления чешской культуры XVI в. связаны с деятельностью общины «чешских братьев» — демократической секты, в которой сохранились отзвуки высокого духовного подъёма времён таборитов. Основанная ещё в XV в. обедневшим рыцарем Петром из Хельчиц община «чешских братьев» отвергала всякое участие в органах государственной власти, подчинение суду, полиции, службу в войсках и т. п. Неоднородность социального состава общины «чешских братьев» предопределила борьбу внутри общины, обострившуюся после смерти ближайших преемников Хельчицкого.

Постепенно взяло верх умеренное направление, представителями которого были люди учёные — бакалавры Пражского университета Прокоп, Лукаш, Лавр Красовицкий. Одним из главных средств борьбы за идеал христианской жизни была признана печатная книга. Община насчитывала в своих рядах большое число писателей, переводчиков и учёных. На чешский язык была переведена с еврейского и греческого Библия (знаменитая Кралицкая библия). Этот образцовый перевод был исполнен восемью членами общины по инициативе её выдающегося руководителя — Яна Благослава (1523—1571).

Ян Благослав отстаивал принципы веротерпимости и гуманизма, которые были заложены в учении Петра Хельчицкого наряду с уравнительными идеями. Он доказывал важность для членов общин высшего образования. Ян Благослав придавал большое значение культуре чешского языка, сам был замечательным стилистом и составил «Грамматику» (1571 г.), которая до сих пор не утратила своего значения. Важная роль принадлежала ему также в создании обширной «Братской исто-

рии». Наконец, Ян Благослав является крупнейшим выразителем и теоретиком музыкальной культуры «чешских братьев». В 1561 г. он выпустил новую редакцию «Братского канционала», т. е. собрания духовных песен. Ему принадлежат также два сочинения по теории музыки.

Созданная общиной сеть школ охватила широкие круги чешского населения. В этих школах обучение велось на родном языке. В соответствии с общим «раннехристианским» духом общины сословные различия между учениками не допускались. Школьники получали трудовое воспитание. Всё это привело к тому, что популярность общинных школ вышла далеко за рамки самой организации. В них получало образование множество детей из семейств, не имевших прямого отношения к общине.

Самым выдающимся борцом за воспитательные идеи «чешских братьев» был гениальный Ян Амос Коменский (1592—1670).

Родившийся в Моравии Ян Амос Коменский учился в Гейдельбергском университете. После возвращения на родину он руководил школьным делом в Пршерове и Фульнеке. В годы преследований, после Белогорской битвы, Коменский должен был скрываться, а затем и вовсе бежать из Чехии. Эти же годы выдвинули его на одно из первых мест в общине. Он поселился в польском городке Лешне, где провёл в общей сложности 28 лет. Первым из замечательных сочинений Коменского был философский трактат «Лабиринт света и рай сердца» (1631 г.), сочинение глубоко религиозное, но заключающее в себе горькую и проницательную критику общественных отношений.

В Лешне возникли главные философско-педагогическпе сочинения Коменского: «Дидактика», «Открытая дверь к языкам» и «Преддверие» к ней, «Физика», «Предтеча всеобщей мудрости» и др. (первое собрание сочинений чешского мыслителя вышло в Голландии в 1657 г.). Эти сочинения доставили Коменскому европейскую известность. Во время путешествия в Венгрию он написал свою знаменитую книгу для детей «Мир в картинках».

Значение деятельности Яна Амоса Коменского вышло далеко за пределы истории «чешских братьев». Он является отцом педагогической науки нового времени.

Несмотря на то, что воспитательный идеал Коменского ещё облачён в одежды христианской религии, в нём нет ничего аскетического. Его содержание носит совершенно светский, земной, гуманистический характер. В основе мировоззрения Коменского лежит идея единства вселенной. Человек не является случайным гостем в мире природы. Он часть её и вместе с тем «микрокосм» — отражение целого в малой части.

Наше познание, говорит Коменский, является образом, отражением вещи, подобно отражению в зеркале или отпечатку на воске. Нет ничего в уме, чего, не было бы раньше в чувствах. Поэтому наглядное созерцание, опыт является исходным пунктом всякого знания. Но знание должно быть универсальным, охватывающим всё, что существует в мире. И человек способен на это, ибо его природные задатки заключают в себе лучшие возможности. Только испорченность семьи, государства и церкви мешает ему достигнуть вечного блаженства. Средство для преодоления этой испорченности состоит именно в воспитании человека, как гармонического существа. Целью воспитательной деятельности является развитие нравственное и религиозное, но путь к этой цели лежит через развитие ума, через внешнее познание мира,

Взгляды Коменского глубоко враждебны системе схоластического образования, которую оставил нетронутой протестантизм. Коменский отвергает заучивание отвлечённой латинской премудрости. Воспитатель должен развивать чувства учащегося, показывать ему всякую вещь наглядно, ибо заблуждения людей проистекают из того, что они склонны запоминать имена вещей, не понимая их сущности. Точно так же опасна для правильного развития человеческой личности грубая насильственность обучения. Задача воспитателя состоит в том, чтобы открыть дорогу

для свободного развития природных способностей ученика. Дисциплина необходима, но в ней должен быть только минимум принуждения.

Коменский исходит из одинаковых принципов обучения для молодых людей независимо от их сословия и положения. Девочки так же могут учиться в школе, как и мальчики. Отдавая должное природным способностям, Коменский подчёркивал большое значение коллективности в школьном деле. Метод одиночного обучения, господствовавший в тогдашней школе, является, с его точки зрения, несовершенным. Он заменяется классно-урочной системой, которую Коменский подробно разработал. По мысли великого чешского педагога, школа должна давать как умственное развитие, так и физическое, она должна воспитывать в учащемся любовь к труду и уменье трудиться. Признавая необходимость изучения древних языков, Коменский рассматривает их только как средство для усвоения и передачи знания, но не как часть самого знания.

Ян Амос Коменский.
Портрет работы Я. Овенса.

Многое в воспитательной системе Яна Амоса Коменского устарело, но основные идеи великого чешского учёного эпохи Возрождения прочно вошли в историю педагогики и навсегда сохранили своё значение.

Заметную роль в жизни Чехии XVI—XVII вв. играл театр. Если при королевском дворе и во дворцах меценатов ставились классические комедии Теренция и Плавта, то народная драма, пусть несложная по композиции и грубоватая по языку, затрагивала подчас живые общественные и моральные проблемы. Обстановка народных театральных представлений была очень простой. В Праге из мостовой на площади вынимались камни. Колья, вбитые в землю, ограждали место представления. Публика сидела и стояла вокруг, причём нередко зрители помещались на балконах, в окнах ближайших зданий и даже на крышах домов. Представление могло продолжаться от полудня до поздних летних сумерек.

Пьеса обычно начиналась прологом, в котором, кроме предварительного рассказа о содержании и перечисления действующих лиц, заключалось обычно какое-нибудь поучительное рассуждение. Сама пьеса состояла из нескольких актов (до 5 и более), а в промежутках между ними разыгрывались интермедии.

Большим успехом пользовалась «Трагедия о мясопусте» Дачицкого. Эта шутовская «трагедия» заключала в себе различные намёки на известных лиц и местные нравы. По форме она представляет собой вольную смесь диалога с простым рассказом от лица автора.

Немалое распространение получили в XVI в. инсценировки библейских сюжетов. Наиболее известными из религиозных пьес были «Юдифь» в обработке Николая Конача и «Комедия о вдове» Павла Кирмезера (по происхождению — словака). «Юдифь» в общих чертах воспроизводит известное древнее сказание, «Комедия о вдове» является драматизированным пересказом одной из глав «Книги царств»

Однако действия этой комедии изобилуют разного рода намёками на отрицательные явления современного автору чешского общества. Эти бытовые черты, придающие произведению Кирмезера характер жизненности, объясняют её особую популярность у зрителей.

Театр XVI в. имел глубокие народные корни, и недаром пражская коллегия иезуитов, основанная в 1556 г., вела упорную борьбу с этим детищем эпохи Возрождения.

Чешские города сильно пострадали во время гуситских войн, а церковная архитектура с этого времени вообще утратила в Чехии то значение, которое она имела в других странах Европы, например во Франции или Германии. Некоторое возрождение церковного зодчества относится к послевоенному времени; при Владиславе II (1461—1516) было завершено самое выдающееся создание чешской готики— церковь св. Варвары в городе Кутна-Гора, — начатое ещё в XIV в. Над завершением этого замечательного здания трудились выдающиеся чешские архитекторы эпохи «поздней», или «владиславовской», готики — Матвей Рейсек и Бенедикт Рейт.

В светской архитектуре более ясно выступает близость поздней готики к Ренессансу. Восстановленные после разрушений времён гуситских войн чешские города на первых порах вернулись к традиционному местному архитектурному стилю, выработанному средневековой бюргерской жизнью. Но в отличие, например, от готической заострённости немецкой гражданской архитектуры, чешские строители предпочитают более спокойные пропорции. Своды постепенно принимают форму «лунок», фронтоны с каменной резьбой образуют почти равнобедренные треугольники. Кирпичная кладка часто покрывается клеевой краской, как в Северной Италии. К переходному стилю относится нарядная Пороховая башня — часть укреплений Старого города в Праге, построенная (в главной своей части) Матвеем Рейсеком. Почти незаметно старый готический стиль переходит в новую систему архитектурных образов в искусстве Рейта (зал Владислава в Пражском кремле, 1493—1502 гг.).

Увлечение итальянским Ренессансом начинается в Чехии несколько позднее, во второй четверти XVI в. С этого времени вплоть до битвы при Белой Горе (1620 г.) чешское зодчество развивалось под знаком возрождения античных форм, в той переработке, которую они получили в искусстве великих итальянцев.

Итальянец Джованни де Спацио построил для Фердинанда I увеселительный дворец в королевском саду Пражского кремля (1536—1556 гг.). Примеру короля следует аристократия. Одной из величественных построек нового типа является дворец Шварценберга в Праге, украшенный «сграффито» (особая техника воспроизведения рисунка на штукатурке посредством процарапывания и раскрашивания), карнизами и т. д. Ратуша в Пльзене, построенная Спацио, представляет собой тип публичного здания в стиле, более близком к национальной традиции.

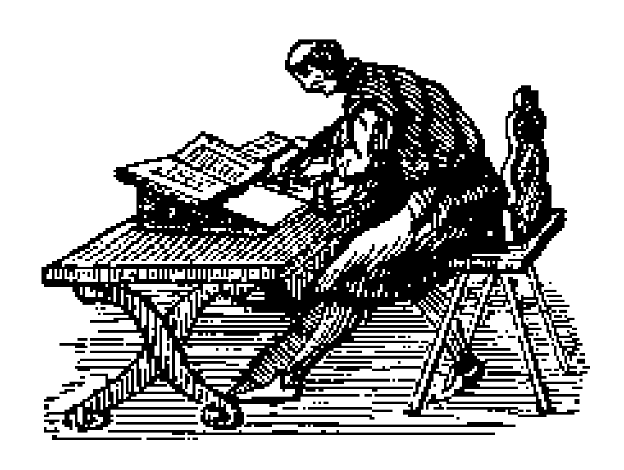
Стиль чешского Ренессанса представляет собой одно из достижений гуманистической культуры, особый вклад Чехии в историю искусства. Ратуши, церкви общины «чешских братьев», бюргерские дома в соединении с дворцовыми зданиями повсюду в Чехии образуют оригинальные городские ансамбли. Особенностью чешской архитектуры этой поры являются фасады с двойными окнами, украшенные часто каменной облицовкой, искусственным мрамором и т. п. Карнизы и небольшие окна, башенки под куполом, коньки над крышей дополняют гармонический и нарядный облик зданий XVI в., более уютных в Праге или Пльзене, чем в городах Италии. Наследие Возрождения продолжает жить в течение всего следующего столетия, однако белогорская битва, утрата национальной независимости, католическая реакция — всё это положило конец лучшей эпохе чешской архитектуры. Первым образцом чешского «барокко» является дворец Валленштейна в Праге (1623— 1629 гг.), построенный по проекту архитектора Андреа Спецца.

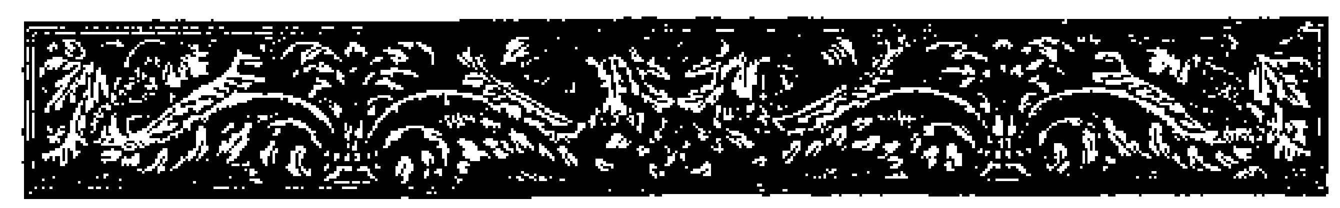
В области скульптуры искусству, связанному с идеями Возрождения, также предшествует время поздней готики. Скульптурная декорация играет большую роль

в постройках Матвея Рейсека. Чешские мастера конца XV в., работая по камню, достигли известной тонкости в создании пластических украшений для площадей и дорог (городские фонтаны и т. п.). В украшении церквей процветает деревянная скульптура. Творческие приёмы скульптурных школ Праги, Кутной-Горы, Раковика и других городов обнаруживают большое разнообразие. Однако над всем этим господствует влияние немецкого искусства с его готической условностью. Мотивы итальянского Возрождения появляются около 1500 г. Пластика XVI в. — каменные надгробия, церковные алтари и т. д. (так же как прикладное искусство, особенно литьё колоколов и металлической посуды) —достигает высокого мастерства. Но самостоятельного значения, которое можно было бы сравнить с оригинальностью архитектурного стиля этой эпохи, чешская пластика XVI в. не имеет.

Чешская живопись XVI столетия несёт на себе отпечаток влияния немецкого искусства, главным образом школы Кранаха. Характерное для немецкого Возрождения соединение наивных, провинциальных черт с излишней зрелостью «маньеризма» постоянно встречаются и у чешских мастеров, не сохранивших для истории свои имена. Но чешская живопись поздней готики и Ренессанса имеет свои оригинальные черты. В одежде святых здесь перед нами обычно простые крестьяне, крепкого сложения, с явно выраженным славянским типом лица. Живой национальный отпечаток имеют и женские образы. Характеру изображения при всей его условности присущи черты реализма. Среди апостолов и святых встречаются образы удивительной жизненности (таков, например, старик в очках Святоиржского алтаря — тип начётчика, знатока Библии). Титульный лист кутногорского градуала (сборник церковных гимнов, исполняемых во время мессы) даёт изображение горнорудного дела.

В конце XVI — начале XVII в., при императоре Рудольфе II, в Праге работало много иностранных художников, заслугой которых было введение новых, светских жанров живописи (пейзаж, натюрморт, сцены из жизни животных). Большое распространение получает портретный жанр. Это придворное искусство, далекое от национальной жизни, исчезло в годы Тридцатилетней войны, почти не оставив следа.

ГЛАВА XVI
ВЕНГРИЯ И БАЛКАНСКИЕ СТРАНЫ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ТУРЕЦКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ

1. Венгрия и Трансильвания в XVI и первой половине XVII в.

В состав Венгерского королевства к концу XV в. входили, кроме собственно венгерских земель, Трансильвания, Хорватия, Славония, Далмация, а также области, населённые словаками, закарпатскими украинцами и сербами.

Последний период самостоятельного политического существования средневековой Венгрии (1490—1526 гг.) характеризуется нараставшей опасностью турецкого завоевания. Народные массы Венгрии боролись за независимость своей родины. В конце XV в. в Южной Венгрии, по словам далматинского хрониста, была обращена в бегство 25-тысячная турецкая армия «крестьянами этой области, которые не имели военного руководителя, а также военного оружия». Господствующий класс Венгрии признал необходимым объединиться с Чешским королевством, которому также угрожало турецкое нашествие. После смерти Матьяша (Матвея) Корвина (1490 г.) венгерские феодалы избрали на престол чешского короля Владислава (Уласло) II Ягеллона, который сделал своей столицей Буду в Венгрии. При нём и его сыне Людовике (Лайоше) II Венгерское государство объединено было личной унией с Чехией (до 1526 г.)

Крестьянское восстание 1514 г.

К началу XVI в. в Венгрии завершается процесс закрепощения крестьянства. Уже при Матьяше Корвине венгерское крестьянство фактически было лишено права перехода. При первом Ягеллоне государственное собрание Венгрии законом 1495 г. ограничивает в сильной степени даже вывод крестьян феодалами из чужих имений. В то же время государство принимает меры к юридическому оформлению крепостного состояния крестьянства. В этом духе в течение первого десятилетия XVI в. королевским юристом Иштваном Вербёци подготовлялось уложение — так называемый Трипартитум.

Развернувшаяся на этой почве в начале XVI в. борьба венгерского крестьянства нашла своё наиболее яркое выражение в восстании, разразившемся в 1514 г.

Предысторию этого восстания составляют провозглашение главой католической церкви Венгрии крестового похода против турок и сбор крестьян в апреле 1514 г. в крестоносное ополчение. Однако крестьяне, собравшиеся в это ополчение, восстали против собственных феодалов. Во главе восставших крестьян стал Дьёрдь Дожа, отличившийся в борьбе против турок и получивший незадолго до этого дворянство. Дожа командовал самым крупным, но далеко не единственным отрядом восставших крестьян: на территории Венгерского королевства действовало ещё около 10 отрядов. Крестьянским восстанием летом 1514 г. оказались охваченными все земли Венгерского королевства. Активное участие в восстании принимали наряду с венгерскими крестьянами также валахи, словаки, закарпатские украинцы, сражавшиеся против общего врага — венгерских феодалов.

Сильной стороной тактики восставших являлся наступательный характер действий большинства отрядов. Спасаясь от расправы крестьян, феодалы бежали в Буду. Дожа со своим отрядом совершил победоносный поход через весь Алфёльд (Среднедунайская низменность), присоединяя к себе массы восставших крестьян. При Надьлаке им был разбит дворянский отряд Стефана Батория, а затем он приступил к осаде хорошо укреплённого Темешвара (Тимишоары). В июне — июле восстание достигает наибольшей силы.

Дьёрдь Дожа на «огненном троне».
Современная гравюра.

Действия отдельных крестьянских отрядов оставались до конца восстания разобщёнными, хотя Дожа предпринял некоторые меры к объединению сил повстанцев. Показателем слабости восставших крестьян явилась затянувшаяся на целый месяц осада Темешвара отрядом Дожи. Это дало возможность феодалам объединить своя силы. Под Темешваром отряд Дожи был разбит, а сам Дожа, попав в плен, был подвергнут страшной казни — его посадили на раскалённый трон и короновали раскалённой короной. Восстание после этого пошло на убыль. Однако сопротивление крестьян отдельных областей продолжалось до осени 1514 г.

Восстание крестьянства Венгрии, являвшееся одной из великих классовых битв средневековья, характерно не только своим размахом, но и тем, что в ходе его повстанцы выдвинули весьма радикальные требования, которые дошли до нас в изложении хронистов. Дожа и другие руководители восставших крестьян, среди которых выделялся священник Лаврентий, призывали истребить дворян всех до единого. В своём обращении к крестьянам Дожа нарисовал яркую картину угнетения крестьянства господами. Главное зло он видел в крепостном состоянии крестьянства, которое он именовал рабством. Уничтожение крепостничества Дожа считал основной целью борьбы. Развивая требование уничтожения дворянства и установления равенства, руководители восстания пришли к выводу о необходимости раздела дворянских земель. Таким образом, в ходе венгерского восстания 1514 г. было выдвинуто революционное требование уничтожения феодально-крепостнического строя.

Разгромив отряды восставших крестьян, венгерские феодалы поспешили законодательно закрепить свои пошатнувшиеся позиции. На состоявшемся в том же году государственном собрании прикрепление крестьян к земле, фактически существовавшее уже задолго до восстания, было провозглашено в качестве закона. Но

удары восстания 1514 г. были настолько сильны, что венгерские феодалы не могли оправиться от них в течение длительного времени. Об этом свидетельствовали законы о возвращении крестьян, ушедших от своих господ во время восстания 1514 г., издаваемые на протяжении всей первой половины XVI в.

Закрепощение крестьянства и разгром крестьянского восстания привели к политическому и военному ослаблению Венгерского государства и в значительной степени способствовали поражению Венгрии в войне против турок и последовавшему вслед за этим распаду государства на три части. Запретив в 1514 г. вооружение крестьян и отстранив их от участия в деле обороны страны, венгерское дворянство заранее обрекло на неудачу борьбу с турками.

Восстание в горных словацких городах 1524-1526 гг.

Словацкие крестьяне приняли активное участие в крестьянской войне 1514 г. Словаки комитатов Гонт и Новоград были в числе первых, ставших под знамя восстания. Однако жители большинства городов не поддержали выступления крестьян. В этом заключалась одна из главных причин поражения восстания 1514 г.

Положение изменилось к 20-м годам XVI века, когда в Венгрию, в том числе и в словацкие земли, начали проникать реформационные учения, получившие распространение в широких слоях населения. Распространение Реформации облегчалось тем обстоятельством, что в Словакии положение жителей городов резко ухудшилось. Особенно тяжёлой была жизнь словацких горняков. В 1524 г. начинается восстание в горных словацких городах. Владельцы рудников Фуггеры и Турзо жестоко эксплуатировали горняков. Не меньшим притеснениям подвергались рабочие и со стороны городского патрициата, состоявшего в основном из чужеземцев.

Непосредственным поводом к восстанию послужил отказ горняков в Кремнице, Банска-Бистрице и других городах принимать неполноценные деньги, которыми расплачивались Фуггеры. Рабочие изгнали представителей Фуггеров и прекратили работу, дав клятву не приступать к её возобновлению до выполнения их требований. Одновременно рабочие добивались смещения городских властей. В мятежные города были посланы королевские чиновники, которым было передано отнятое у Фуггеров управление рудниками в Банска-Бистрице. Но положение горняков не улучшилось, и недовольство рабочих продолжало расти.

В первых числах марта 1526 г. горняки Банска-Бистрицы, к которым присоединились и бюргеры, выступили с оружием в руках и потребовали повышения оплаты своего труда. Государственный совет счёл это событие делом величайшей важности и поручил королевскому юристу Вербёци отправиться в горные города, чтобы подавить восстание, истребить «лютеровскую ересь».

Вербёци прибыл в Бистрицу 8 апреля. Здесь он собрал чрезвычайный суд из местной шляхты. Справедливые требования рабочих и их выступления были квалифицированы как преступления, руководители восстания были преданы жестокой казни, а их имущество, так же как и имущество бежавших, конфисковано.

Совершив эту расправу, Вербёци покинул горные города, но не успел он уехать, как, в словацких городах вновь вспыхнуло восстание. В августе 1526 г. правительство опять посылает карателей. Почти одновременно с восстаниями в горных городах отмечаются выступления городского плебса и в Братиславе (в начале 1526 г.).

Крайне раздробленное, обескровленное феодальным террором крестьянство не оказало поддержки городам, так же точно, как и города в 1514 г. не помогли крестьянам в их борьбе против феодалов.

Потеря Венгрией независимости и её раздел

Сотрясаемая внутренними усобицами, Венгрия оказалась неспособной справиться с турецким нашествием. После поражения венгерско-чешской армии в битве с турками при Мохаче венгерское дворянство, так же как и чешское, провозгласило королём (вместо убитого при Мохаче Людовика II) Фердинанда I Габсбурга; феодалы Хорватии и Славонии также подчинились Габсбургам.

Но власть Габсбургов утвердилась только в западной части Венгрии, в то время как восточные земли оказались под властью турок, захвативших в 1541 г. Буду. В вассальную зависимость от турок попала и Трансильвания. Трансильванское дворянство поставило во главе страны Яноша Запольяи (Яна Заполья), жестокого усмирителя крестьянского восстания 1514 г., крупнейшего трансильванского магната, признавшего себя вассалом турецкого султана. Венгрия перестала, таким образом, существовать как самостоятельное государство.

Политика венгерского и трансильванского дворянства не только способствовала падению Венгерского государства, но и поставила под угрозу турецкого нашествия народы Центральной Европы. «Венгерская олигархия, — подчёркивает Маркс, — проложила туркам дорогу в Германию» [1].

Социально-экономические последствия раздела Венгерского государства

Более полутора столетий Венгерское государство оставалось разобщённым на три части. Это был период хозяйничанья на венгерской земле турецких янычар и габсбургских наёмных войск, период, в течение которого Венгрия являлась ареной постоянных войн (австро-турецких, войн венгерских магнатов). Непрерывные набеги турок на пограничные области вели к уничтожению крестьянских хозяйств и истреблению самих крестьян. В это время исчезает с лица земли значительное число деревень.

Раздел государства явился основным препятствием для развития в Венгрии внутреннего рынка и имел также своим последствием упадок венгерских и словацких городов. В областях турецкого господства ремесло и торговля в городах резко сократились. В габсбургской же Венгрии и в Трансильвании феодальная раздробленность, постоянные междоусобные войны, наконец, прикрепление крестьян к земле, делавшее невозможным их уход в города, предопределили экономическую слабость городов. Вследствие этого венгерские, словацкие и трансильванские города не имели в то время какого-либо политического веса. Хотя городская верхушка и была представлена в Венгерском государственном собрании, основную' роль там играло дворянство.

Венгерские земли под турецким игом

На захваченной территории Венгрии крестьянство рассматривалось турецкими феодалами как объект беспощадной эксплуатации. Венгерский крестьянин, так же как хорватский и сербский, был обязан нести повинности в пользу турецкого военно-феодального государства (в частности, поземельную подать — харадж), а также в пользу турецких феодалов — спахиев, отдавая половину своего урожая. Крестьяне страдали также от периодических набегов турецких отрядов на отдельные районы, в результате чего крестьяне лишались скота, имущества, массами угонялись в рабство. Кроме того, крестьяне пограничных районов этой части Венгрии часто подвергались набегам отрядов бежавших с занятых турками земель венгерских феодалов, которые продолжали требовать с крестьян различного рода поборы. Всё это вело к разрушению производительных сил и подрывало развитие товарно-денежных отношений. Многие города Венгрии, захваченные турками, были покинуты ремесленниками и торговцами и сохранялись лишь как военно-административные центры.

Господство турок являлось серьёзным препятствием для культурного развития народов Венгрии. Турецкие феодалы не считались с традициями, обычаями, культурным наследством немусульманских народов. Более чем полуторавековое иноземное владычество задержало историческое развитие Венгрии.

В борьбе с чужеземными захватчиками венгерские и славянские народы проявляли массовый героизм. В 1532 г. защитники города Кёсега заставили отступить превосходящую по силам турецкую армию. Благодаря стойкости народных масс в 1552 г. город Эгер в течение нескольких месяцев выдерживал трудную осаду со стороны многочисленной турецкой армии. В 1566 г. отряд венгерских и

---

[1] *К. Маркс,* Хронологические выписки, «Архив Маркса и Энгельса», т. VII, стр. 212.

Раздел Венгерского государства (XVI—XVII вв.)

хорватских воинов ценой своей жизни задержал у Сигетвара турецкую армию, продвигавшуюся по направлению к Вене. На границе были воздвигнуты и постоянно восстанавливались руками венгерских крестьян крепости, задерживавшие продвижение турок в глубь Центральной Европы.

Венгерские и словацкие области под властью Габсбургов

После поражения при Мохаче западная часть Венгрии, населённая главным образом венграми и словаками, была присоединена к владениям Габсбургов в качестве зависимых земель. Венгерское государственное собрание было сохранено, но решения его приобретали силу лишь после утверждения их венским двором. Габсбурги стремились использовать Венгрию прежде всего в целях защиты от турок своих наследственных владений. Венгерское крестьянство содержало армию австрийских наёмников, подвергавших страну беспощадному грабежу. Имения же венгерских дворян были освобождены от воинского постоя.

Союз с Габсбургами обеспечивал венгерскому дворянству усиление феодально-крепостнической эксплуатации венгерских и славянских крестьян и подавление их сопротивления. Габсбурги сохранили за венгерским дворянством власть над невенгерскими народами, населявшими страну. К ним относились прежде всего словаки и закарпатские украинцы, которые подвергались насильственной мадьяризации. Несмотря на это, словаки и украинцы сумели сохранить свою национальную самобытность. Словацкие ремесленники составляли основную массу непосредственных производителей многочисленных городов Словакии, сохранивших

значение центров ремесла и торговли благодаря отдалённости от турецкой пограничной линии и недоступности для турецких набегов. Словацкое крестьянство неоднократно восставало против феодального гнета.

Трансильванское княжество

В состав Трансильванского княжества входили собственно Трансильвания, а также ряд восточных комитатов Венгрии, населённых венграми, словаками и закарпатскими украинцами. Князья Трансильвании признавали себя вассалами турецкого султана, сохраняя известную самостоятельность в решении внутренних дел.

Трансильванские князья избирались обычно трансильванским государственным собранием в котором были представлены венгерское дворянство, секейская знать (секеи — венгерское племя, поселившееся в Трансильвании) и верхушка саксонских городов [1], основанных в Трансильвании выходцами из Германии. Это государственное собрание неоднократно принимало законы, закреплявшие крепостную зависимость трансильванского крестьянства.

Трансильванские князья Иштван Бочкаи (1605—1606), Габор Бетлен (1613— 1629), Дьёрдь Ракоци I (1630—1648), считавшие себя единственными законными претендентами на венгерский престол, вели войны против Габсбургов, выдвигая лозунги освобождения Венгрии. Бочкаи при этом привлекал на свою сторону отряды гайдуков, составлявшиеся из беглых крестьян. Габор Бетлен был одним из инициаторов проекта создания широкой антигабсбургской коалиции всех некатолических держав; он направил с этой целью посольство в Москву. Габор Бетлен и Дьёрдь Ракоци I участвовали в Тридцатилетней войне, первый — в качестве союзника протестантской Чехии, второй — как союзник Швеции и Франции. Вместе с тем трансильванские князья и дворянство подчинённой Габсбургам части Венгрии совместно выступали против восстававшего крестьянства. В 1619 г. Габором Бетленом издано было распоряжение о суровом наказании крестьян за нападения на дворянские усадьбы.

Положение крестьянства в габсбургской Венгрии и в Трансильвании

Усиление крепостной зависимости крестьянства и упрочение феодальной собственности на землю закреплялись законодательством XVI—XVII вв. В системе феодальных повинностей важное значение имела барщина. Законом, она была ограничена 52 днями в году, однако во второй половине XVI в. в начале XVII в. в отдельных частях Венгерского королевства феодалы заставляли крестьян работать на них 2—3 дня в неделю, а в ряде мест устанавливалась произвольная барщина «по воле господина». Рост значения барщины в XVI—XVII вв. связан с дальнейшим развитием в этот период барского хозяйства. Венгерские и трансильванские феодалы сбывали сельскохозяйственные продукты, в первую очередь зерно и скот, императорской армии и на внешний рынок — в Северную Италию, Австрию, Чехию, Швецию и Германию. Во время полевых работ в угоду феодалам крестьяне освобождались законом от выполнения государственных повинностей.

Город Трнава.
Гравюра XVI в.

[1] Саксы — венгерское (мадьярское) наименование немцев, живших в Трансильвании.

С целью расширения барской запашки феодалы Венгрии и Трансильвании захватывали крестьянские земли. От этого времени сохранились многочисленные жалобы крестьян на произвольное увеличение барщинных работ, равно как и на лишение крестьян общинных угодий и пахотных земель. Кроме «обычных» повинностей, феодал облагал крестьян штрафами.

Церковь в этот период стремится к увеличению десятины, натуральной и денежной. Часто сбор десятины церковь сдавала на откуп, причём преимущественное право откупа закон предоставлял дворянам. Тяжелы были повинности крестьян и по отношению к государству, в пользу которого шли регулярные и чрезвычайные денежные налоги, натуральные поборы на содержание войск. Особенно обременительными были извозная повинность, обязанность по охране и сопровождению пленных, а также работы по восстановлению и ремонту крепостей. Часто сбор государственных налогов производился самими феодалами.

Рост крестьянских повинностей, увеличение барщины, расширение барской запашки приводят в XVI—XVII вв. к упадку крестьянского хозяйства. Ещё в 1539 г. эстергомский архиепископ говорил, что «угнетённое положение крестьян делает невозможным земледелие, хотя бог и наградил Венгрию плодороднейшей почвой».

Классовая борьба крестьянства габсбургской Венгрии и Трансильвании в XVI и первой воловине XVII в.

После разгрома крестьянской войны 1514 г. в Венгрии в течение более 10 лет продолжались выступления крестьянства отдельных местностей.

В 1526 г. началось восстание венгерских, молдавских, валашских и сербских крестьян под руководством Ивана Чёрного. Восстание охватило большую территорию и было подавлено только в июле 1527 г. Напуганные восстанием, феодалы приняли на государственном собрании 1527 г. закон о создании в каждом комитате особого дворянского суда для расправы над «ворами, разбойниками, поджигателями, убийцами и другими подобными им злоумышленниками» (так дворянство именовало выступавших против феодальной эксплуатации крестьян).

Секейский крестьянин. Венгерская миниатюра 1600 г.

В течение апреля и мая 1562 г. в Трансильвании происходило крупное восстание секейских крестьян под руководством Дьёрдя Надя. По свидетельству хрониста, в войске секеев насчитывалось около 60 тыс. вооружённых всадников и пехотинцев. Трансильванскому князю Яношу Жигмонду удалось в конце мая 1562 г. подавить восстание, использовав предательство секейских дворян, временно примкнувших к нему. Руководители восстания, в том числе и Дьёрдь Надь, были казнены в городе Сегешваре (Сигишоаре), и в том же году государственное собрание Трансильвании объявило секейских крестьян государственными крепостными.

В конце 60 — начале 70-х годов XVI в. происходит ряд новых восстаний крестьян, наиболее крупные из них — на Тисской равнине и в Хорватии. Сохранились свидетельства о распространении радикальных реформационных учений, становившихся во время крестьянских восстаний идеологией восставших масс.

Ещё в конце 50-х годов XVI в. в Трансильвании и в восточных комитатах Венгрии получают распространение анабаптизм и антитринитаризм (отрицание троичности бога); проповедниками этих учений выступают Гашпар Хелтаи, Ференц Давид и Матьяш Хеблер. Их устная (путём диспутов) и печатная проповедь (Ференц Давид, например, в конце 60 — начале 70-х годов выпустил около 10 книг)

находила благоприятную почву среди крестьянства, которое принимало их как выражение протеста против социального гнёта. Понимая опасность распространения этой ереси, католическое духовенство ещё в 1558 г. добивалось осуждения и сожжения Хелтаи, Давида и Хеблера. Вспыхнувшее в 1569 г. в районе Дебрецена крестьянское восстание под руководством Дьёрдя Карачоньи проходило под лозунгом борьбы за принципы анабаптизма и антитринитаризма. В 1570 г. 10-тысячная армия Карачоньи была рассеяна венгерскими феодалами и турками. Однако учения представителей левого крыла Реформации широко распространялись в Венгрии и Трансильвании и после этого восстания.

Вторым крупным восстанием 70-х годов XVI в. было восстание хорватских и словенских крестьян под руководством Матии Губеца. Доведённые до отчаяния произвольными действиями феодалов, крестьяне обратились сначала с жалобой к королю, но безуспешно. После этого, в 1572 г., началось восстание, охватившее районы Загреба и Варашда; центром его стало Загорье. Поддержку восставшие нашли у крестьян областей в долине Савы, а также у словен Каринтии и Штирии. К началу февраля 1573 г. в рядах восставших насчитывалось около 20 тыс. крестьян, которые, собравшись у Штубицы, объявили Губеца «крестьянским королем». Восставшие требовали уравнения в правах крестьян я господ, ликвидации власти феодалов, уничтожения барщины и десятины, раздела дворянских имений между крестьянами.

17 февраля 1573,г. потерпел поражение у Штубицы главный отряд Губеца. Сам же он был взят в плен и подвергнут мучительной казни. Поражению восстания способствовало разделение крестьянского войска на ряд мелких самостоятельных отрядов.

В XVII в. антифеодальная борьба крестьян Венгрии и Трансильвании продолжалась. Осенью 1631 г. восстали венгерские и словацкие крестьяне в Токае (Хедьялья). Причиной восстания было увеличение барщины местными феодалами. Восставшие выдвинули из своей среды руководителя — Петера Часара. Веря в возможность мирного соглашения с господами и надеясь на помощь императора, Петер Часар с другими руководителями крестьян отправился в город Кошице для переговоров с дворянами. Там они были схвачены, подвергнуты пыткам и убиты. После этого восстание вспыхнуло с новой силой и охватило, кроме венгерских комитатов, значительную территорию Словакии и Закарпатской Украины. Однако восставшие действовали разрозненно и вскоре были вынуждены сложить оружие.

В начале 50-х годов XVII в. восстали хорватские и венгерские крестьяне в районе Загреба. Это восстание было подавлено лишь в 1659 г.

С восстаниями крепостных крестьян в XVII в. сливалась борьба горнорабочих Трансильвании и Словакии. В 1637 и 1659 гг. выступали работавшие в рудниках крестьяне посёлка Тороцко (Трансильвания), которые боролись против стремления владельцев рудников свести их на положение крепостных.

Крестьяне применяли и пассивные формы борьбы, из них наиболее распространённой формой в этот период являлось бегство крестьян. Так, например, в 1625 г. в одном имении графа Чаки на каждые 100 крепостных приходилось 20, а в 1657 г. — 17 беглых. Почти каждое государственное собрание XVI—XVII вв. принимало законы, направленные против беглых крестьян. Опасаясь потери рабочих рук, венгерские дворяне добиваются у Максимилиана II в 1574 г. запрещения дворянам Австрии и Чехии принимать беглых крестьян из Венгрии.

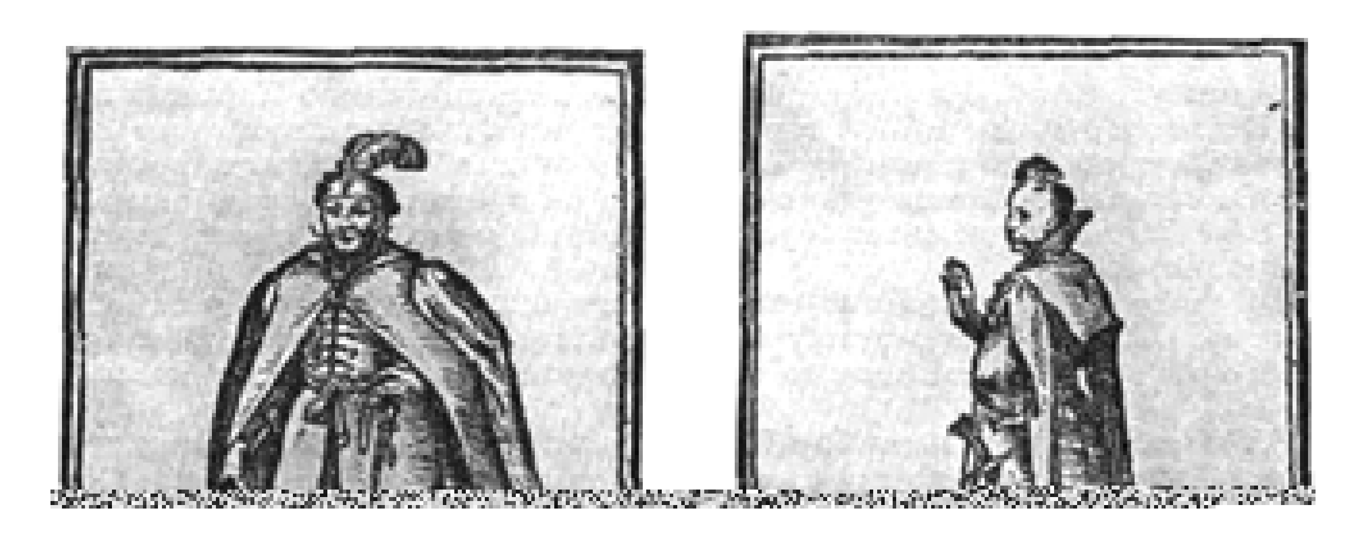
Беглые крестьяне, поселившиеся на восточных границах Венгрии, основывали здесь гайдуцкие посёлки. Отряды вольных гайдуков, как их именуют законы второй половины XVI в., громили помещичьи усадьбы. Гайдуки не признавали дворянских властей и не платили государственных налогов. В гайдуцкие посёлки шёл постоянный приток беглых крестьян. В 1604—1606 гг. отряды гайдуков были приняты на служ-

бу трансильванским князем Иштваном Бочкаи, который привлекал их для борьбы с Габсбургами и дал их посёлкам ряд привилегий, в частности узаконил освобождение гайдуков от налогов.

Реформация и контрреформация в Венгрии

Идеи реформации появляются в Венгрии с 20-х годов XVI в. В религиозную борьбу втягиваются все классы общества. Представителями крестьянско-плебейской ереси в Венгерском королевстве были анабаптисты, основную массу которых составляли крестьяне, рабочие-лесорубы, горнорабочие.

Характерно, что и в Венгрии идеи народной реформации получают наибольшее распространение в период подъёма классовой борьбы крестьянства (конец 60 — начало 70-х годов XVI в.), во время восстаний под руководством Дьёрдь Карачоньи и

Венгерские дворяне.
Венгерская миниатюра 1600 г.

Матии Губеца, когда были выдвинуты основные требования крестьянско-плебейской ереси. Даже в период, когда Габсбурги допускали для дворян свободу религии, феодальное законодательство сурово карало за принадлежность к секте анабаптистов. В обстановке политического распада страны и экономического упадка городов венгерское бюргерство не занимало самостоятельной позиции в реформации и примыкало к протестантскому направлению. Это направление возглавлялось дворянством, которым руководило прежде всего желание захватить церковные земли.

Уже в середине XVI в. начинается переход католической реакции в наступление. Опорой католицизма выступают Габсбурги. В 1548, 1550 и 1563 гг. ими были изданы законы о возвращении католической церкви всех её земельных владений.

Напуганное классовой борьбой крестьянства во второй половине XVI и начале XVII в., венгерское дворянство возвращается к католицизму, принуждая к этому и крепостных крестьян.

Культура Венгрии в XVI и первой половине XVII в.

Культура венгерского народа в XVI—XVII вв. отразила бурную эпоху острой классовой борьбы и упорного сопротивления венгерского народа турецким завоевателям и ассимиляторской политике австрийских Габсбургов. Замечательной чертой венгерской литературы и музыки этого периода является насыщенность не только мотивами суровой борьбы с превосходящими силами врагов, но также и светлыми гуманистическими мотивами наслаждения природой, любовью и радостями жизни. Ярким представителем такого гуманистического искусства, неразрывно связанного с самоотверженной борьбой за родину, был Балинт Балашша (1554—1594), самый ранний лирический поэт Венгрии, последователь Петрарки. Он писал лирические любовные стихи («Журавлям» и др.), весёлые солдатские песни («Тем, кто пьёт вино», «Солдатская песнь»), патриотические стихотворения, проникнутые болью и тревогой за судьбу родины («Плач», «Прощание с родиной» и др.). Преданность родине он засвидетельствовал не только всей жизнью и творчеством, но и своей смертью: поэт пал в борьбе против турок.

Балашша ввёл в венгерскую поэзию как новую гуманистическую тематику, так и новую форму стихосложения, получившую название «строфа Балашши».

Крестьянская война 1514 г. запечатлелась в народных песнях, в сказаниях о мученической смерти предводителя крестьянских отрядов Дожи и о гибели его палачей. Поэма Таурина «Крестьянская война» (1519), написанная на латинском языке, отражала церковно-католическую идеологию её автора — враждебного крестьянству оломоуцкого епископа.

Борьба против турецких завоевателей породила множество народных песен. Широко известен был бродячий певец, музыкант, поэт и хронист Шебештьен Тиноди-Лантош (1505—1556), издавший в 1554 г. рифмованную «Хронику», сборник, содержавший также светские музыкальные произведения с текстом на венгерском языке.

Европейскую известность приобрёл венгерский композитор Балинт Бакфарк (1507—1576). Его танцевальные пьесы оказали влияние на развитие этого музыкального жанра в Польше, Австрии, Франции и Италии XVI—XVII вв., где композиторы создавали произведения «в венгерском стиле».

Среди венгерского народа наибольшей популярностью пользовалось крупнейшее эпическое произведение этого периода — вышедшая в свет в 1651 г. поэма «Сигетская осада» Миклоша Зриньи (1620—1664), получившая в дальнейшем название «Зриньиада». Сюжетом поэмы послужил эпизод героической борьбы венгров против турецких завоевателей. Зриньи написал также много религиозных гимнов, элегий, идиллий, публицистических работ, глубоко патриотическое произведение под названием «Не трогай мадьяра, или Турецкий дурман», в котором призывал венгров к единству и борьбе за независимость. Зриньи всю свою энергию писателя и политического деятеля (с 1647 г. он был баном Хорватии) посвятил делу изгнания турецких завоевателей и борьбе против национального и религиозного гнёта со стороны Габсбургов. Его слова о том, что пишет он не пером, а обагрённым мечом, необычайно ярко определяют боевой характер всей венгерской культуры XVI— XVII вв.

Развитие литературы на родном языке являлось в этих условиях борьбой за сохранение венгерской народности. В 1527 г. в Кракове вышел первый печатный труд на венгерском языке.

В 1559 г. там же вышла всемирная хроника Секея, написанная в прозе со стихотворным введением. В 1569 г. появилась первая национальная драма «Балашши Менигерт», написанная Каради. Борьба венгерских протестантов против насильственного восстановления Габсбургами католицизма нашла своё отражение в произведениях Хелтаи, Стораи и ряда других авторов.

Культура Словакии

В Словакии, испытывавшей в течение многих веков национальный гнёт венгерских феодалов, в XV в. широкое распространение получило революционное учение гуситов. После поражения таборитов в Чехии многие из них эмигрировали в Словакию. В XV—XVI вв. распространилось в Словакии учение общины «чешских братьев». Её деятелями было создано много школ, где преподавание велось на чешском языке. Чешский язык становится литературным языком Словакии и оказывает большое влияние на дальнейшее развитие словацкого народа.

Представители реформационного направления в Словакии связывали свою деятельность с сопротивлением ассимиляторской политике Габсбургов, с защитой национальной независимости, в то время как их противники из лагеря контрреформации, способствовали усилению национального гнёта и подавлению гуситских традиций.

Деятели Реформации и представители народной культуры Словакии подвергались преследованиям со стороны как габсбургских властей, так и католического духовенства. Одним из наиболее ревностных преследователей протестантов, автором многочисленных теологических, исторических и стихотворных произведений являлся Николай Олах (1493—1568), архиепископ эстергомский, бывший королевским наместником в Словакии. Он организовал иезуитский центр в Трнаве, где издавалось большое количество католической литературы.

Тяжёлые условия национального и религиозного гнёта не могли, однако, остановить развитие самостоятельной словацкой культуры. В XVI и первой половине XVII в. создаются светские литературные произведения, появляется ряд научных трудов.

Юрий Тржановский (1591—1637), уроженец города Тешина, писал латинские стихи, но наибольшую известность приобрела написанная на чешском языке «Аугсбургская конфессия», протестантский сборник молитв, псалмов и песен. Песни его были чрезвычайно популярны.

Одним из наиболее видных учёных Словакии этого времени был Бенедикт из Нудожер (1555—1615). Своими исследованиями в области грамматики словацкого языка он способствовал развитию народной культуры.

В XVI в. широкое распространение в Словакии получили печатное дело и книжная иллюстрация. Многочисленные изображения сцен из народной жизни свидетельствуют о демократическом и национальном направлении, существовавшем в этой области культуры.

2. Балканские страны в XVI и первой половине XVII в.

Балканские народы под властью Османской империи

Начавшееся с середины XIV в. наступление турок на Европу коренным образом изменило судьбу балканских и других народов Юго-Восточной Европы. К началу XVI в. в состав Османской империи вошли все континентальные области Греции, Болгария, Сербия, Босния и Герцеговина, Черногория и Албания. В вассальные от Турции государства были превращены Молдавия и Валахия.

Лишь узкая полоса Адриатического побережья и населённые греками острова Эгейского и Ионического морей остались под властью Венеции. В результате упорной борьбы за эти земли, которая шла между Турцией и Венецией в течение XVI— XVII вв., почти все острова и часть побережья Адриатического моря перешли под власть государства османов.

Турецкое господство задержало историческое развитие балканских народов и привело к консервации у них феодальных отношений.

Результатом турецкого завоевания было значительное разрушение производительных сил в покорённых областях. Города и сёла, которые оказывали сопротивление турецким войскам, разграблялись и сжигались; жителей массами истребляли или угоняли в рабство. Спасаясь от турецкой неволи, множество людей переселялось в другие страны. Население Балканского полуострова сократилось, многие некогда цветущие области опустели, значительное количество участков земли было заброшено. Крупные города превращались захватчиками в крепости и в центры турецкого управления. Из таких городов коренное торгово-ремесленное население нередко изгонялось.

Непрерывные войны тяжело отразились на торговле Балканского полуострова. Экономическим результатом турецких завоеваний было расстройство торговли по Средиземному и Чёрному морям и значительное сокращение торговых связей между Европой и странами Востока. Отдаление мировых путей торговли от Балканского полуострова в результате великих географических открытий затрудняло развитие торговли в захваченных Турцией государствах Юго-Восточной Европы. Турецкое иго привело в покорённых странах и к упадку культуры.

Однако результаты завоевания были неодинаковыми для отдельных слоев населения покорённых стран. Часть балканских феодалов, приняв ислам, влилась в господствующий класс Османской империи. В первое время турецкого господства были оставлены в неприкосновенности и владения феодалов-христиан, подчинившихся власти завоевателей.

Основная тяжесть турецкого ига выпала на долю народных масс. Покорённое христианское население в Османском государстве не имело никаких политических прав и подчинялось ряду унизительных правил. Запрещение носить оружие, ездить верхом, богато одеваться, строить красивые дома должно было, по расчётам турецких поработителей, воспитать подчинённые народы в духе рабской покорности завоевателям и лишить их возможности бороться за своё освобождение. Городские жители страдали от поборов и насилий турецких властей. Особенно тяжёлым в Османской империи было положение крестьянства порабощённых народов. Государство и феодалы взимали с крестьян многочисленные налоги и поборы. Нередко происходили массовые уводы мирных жителей в рабство. В XVI— XVII вв. в рабов обращались несостоятельные должники, участники восстаний. Во время карательных экспедиций в различные области Балкан захватывались в плен юноши, красивые девушки, дети. Рабы использовались турецким правительством на общественных работах, в качестве гребцов на галерах, домашних слуг.

Турецкие захватчики проводили политику религиозных притеснений. Все дела православной церкви были переданы в ведение послушного турецким властям Константинопольского патриаршества, которое собирало в свою пользу особые налоги, пользовалось правом юрисдикции в гражданских делах православных подданных Турции и другими привилегиями. Таким образом, политическое и социальное угнетение со стороны турецкого правительства и местных феодалов дополнялось гнётом высшего греческого духовенства.

Одним из средств ассимиляторской политики был продолжавшийся с XV в. принудительный набор христианских мальчиков и юношей для пополнения янычарского корпуса (так называемая система девширме). Их обращали в ислам, обучали военному делу и воспитывали в духе непримиримого мусульманского фанатизма. Принятие ислама давало возможность рабам-христианам получить свободу и было поэтому среди них распространенным явлением. Из числа перешедших в мусульманство рабов и янычар нередко выходили государственные деятели Турции, везиры, военачальники, придворные сановники.

Однако результаты ассимиляторской политики турок оказались незначительными. Подавляющая масса покорённых народов оказывала ассимиляторам упорное сопротивление и оставалась верной своим обычаям, языку и религии.

Социально-экономическое и политическое положение балканских народов под властью Турции

Османские владения в Европе представляли собой пёстрый конгломерат областей, населённых различными народами, отличавшимися друг от друга не только по языку и культуре, но и своим общественным укладом и уровнем социально-экономического развития. В состав Румелийского бейлербейства, или эялета, объединявшего в XVI в. балканские владения Турции, входили и экономически развитые области Греции, Болгарии, Сербии и горные лесные районы Балкан, где феодальные отношения не получили полного развития и сохранялись значительные пережитки первобытнообщинного строя. Поэтому турецкое правительство не смогло ввести на всех завоёванных территориях общую систему управления. Области, находившиеся ближе к центру Османской империи, управлялись турецкими чиновниками, в них действовали общетурецкие законы и порядки. В окраинных областях, в ряде горных и лесных районов часто сохранялось самоуправление, и турецкое господство нередко сводилось к сбору с населения тяжёлых налогов и дани.

Турецкие завоеватели не меняли феодальные порядки, сложившиеся у покорённых народов в течение веков, но они старались приспособить старые феодальные институты для удовлетворения нужд Османской империи. Так, в Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговине, континентальных областях Греции большое распространение получило военно-ленное землевладение. Военные ленники — сипахи, в число которых влилось большое количество балканских феодалов, собирали с крестьян земельную ренту и имели ряд феодально-административных прав в своих поместьях.

Из всех славянских стран Балканского полуострова наиболее близко расположенной к центру Османской империи была Болгария. Покорённая раньше других государств Балканского полуострова, она служила турецким феодалам плацдармом при осуществлении дальнейших завоеваний в Европе. Власть турецких чиновников и феодалов в Болгарии была гораздо более прочной, чем в окраинных областях империи. В Болгарии находились крупные турецкие феодальные владения, в том числе и принадлежавшие мусульманской церкви вакуфы. Уже с конца XIV в. шла усиленная колонизация турками районов Пловдива и Стара-Загоры, а в XV в. города Софии. По долинам рек Дуная и Марицы, по побережью Чёрного моря и на других стратегических путях создавались поселения турецких крестьян. В придунайских городах были расположены сильные турецкие гарнизоны. В течение XV—XVI вв. были обращены в ислам жители многих сёл в области Родоп.

С конца XVI в. Константинопольское патриаршество начало проводить политику эллинизации болгар. На высшие церковные должности в Болгарии назначались обычно греки. Греческое духовенство стремилось искоренить традиции национальной культуры, уничтожить болгарскую письменность.

Сербия по сравнению с Болгарией находилась в несколько лучшем положении. В Сербии турки жили главным образом в городах и крепостях. В стране сохранялось много пережитков патриархально родового строя. В ряде районов, особенно горных, сохранились большие семьи-задруги, объединявшие нередко по несколько десятков членов. Были распространены сельские общины, в некоторой мере ограждавшие крестьянскую массу от произвола турецких феодалов и чиновников. Представители общинного самоуправления — кнезы и кметы — собирали налоги с населения, выступали посредниками в отношениях крестьян с турецкими феодалами а чиновниками, судили членов общин. Особенно большой самостоятельностью пользовались общины в горных скотоводческих районах, где представители общинного самоуправления сосредоточивали в своих руках значительную власть над крестьянами-общинниками.

В середине XVI в. (1557) с помощью великого везира Мехмеда Соколлу (Соколи), герцеговинца по происхождению, было восстановлено самостоятельное сербское патриаршество в Пече (Инеке), церковная власть которого распространялась на православное население Сербии, Боснии и Герцеговины, Черногории, некоторые области Западной Болгарии, северной Македонии, Венгрии. Независимость от Константинопольского патриаршества обеспечила сербам некоторую свободу в религиозных делах. В XVI—XVII вв. высшее сербское духовенство — печские патриархи, митрополиты — играло большую роль в политической жизни страны. Сербское духовенство нередко принимало активное участие в освободительной борьбе народа.

Осада Белграда турками в 1521 г.
Турецкая миниатюра XVI в.

Весьма тяжёлым было положение порабощённого населения в Боснии и Герцеговине. После подчинения этих земель Турции подавляющая часть местных феодалов приняла мусульманство, в то время как большинство крестьян осталось христианами. В этих областях империи власть местных пашей и беев была почти безграничной.

Установив своё господство над всеми народами Балканского полуострова, турецкие феодалы так и не добились полного подчинения своей власти маленькой горной страны — Черногории. В конце XV в. Черногория вошла в состав Османской империи, но сохранила внутреннюю автономию. Дань, которую должна была платить Черногория, туркам приходилось собирать с помощью военной силы. Страна была крайне слабо развита в экономическом отношении. Главной отраслью хозяйства в Черногории являлось пастбищное скотоводство. Земледелием черногорцы занимались мало. Население постоянно ощущало недостаток продовольствия, часто страдало от голодовок. Непрерывное военное напряжение, в котором находился этот свободолюбивый народ, слабая связь с внешним миром способствовали сохранению экономической отсталости Черногории, живучести в ней патриархально-родовых пережитков. Страна была разделена на ряд территориальных общин — «племён». Во главе этих общин стояли вожди, которые в имущественном и социальном отношениях выделялись среди крестьян-общинников и по существу являлись прослойкой мелких феодалов. Племена жили обособленной жизнью и часто враждовали между собой. Они объединялись только православной церковью, сохранившей значительные владения. В XVII в. благодаря

этому обстоятельству усиливалась и светская власть главы православной церкви — митрополита, или владыки.

В Албании, как и в Черногории, существовало племенное устройство, сохранилось много пережитков первобытно-общинного строя. Часть племён Албании держалась православия, другие — католицизма. В XVI—XVII вв. многие племена под давлением турецких властей приняли ислам. Религиозные различия способствовали сохранению политической разобщённости племён и вражде между ними, которая усиленно разжигалась турецким правительством. Много албанских феодалов приняло ислам и перешло на службу к турецкому правительству. Из числа албанских феодалов-мусульман турецкое правительство назначало пашей, правителей отдельных частей Албании. Албанские феодалы участвовали со своими войсками в турецких походах, совершали нередко грабительские нападения на соседние области. Трудовое же население Албании подвергалось феодальному гнёту.

Области Балканского полуострова, населённые греками (Эпир, Фессалия, Морея, острова Эгейского и Ионического морей), были совершенно разорены в результате турецкого завоевания. В течение XVI—XVII вв. они страдали от частых войн между Турцией и Венецией, происходивших на греческой территории. Население греческих областей резко сократилось из-за истребления его турецкими завоевателями и вследствие массовой эмиграции в другие страны. В Греции, как и в Сербии, сохранялось общинное устройство. Представители общинного самоуправления в греческих областях фактически находились на службе у завоевателей и собирали для них налоги. Турки проникли в греческие города и сёла в гораздо большей степени, чем в сербские.

Только определённая часть константинопольской знати и греческого купечества, проявившая полную покорность завоевателям, сумела воспользоваться экономической и политической отсталостью Османской империи в своих интересах. Греческая знать стала получать высокие государственные должности. Греческое купечество добилось для себя ряда торговых привилегий и постепенно захватило в свои руки значительную долю внутренней и внешней торговли Турции. Там, где в подвластных Османской империи землях сохранялось православие, турецкая администрация содействовала внедрению греческого духовенства.

После падения независимости Венгрии славянская городская республика Дубровник признала свою зависимость от Османской империи. В XVI в. Дубровник был самым значительным ремесленным и торговым центром на Адриатическом побережье Балкан. В городе были развиты разнообразные ремёсла, в особенности текстильное, кожевенное, ювелирное, имелась кораблестроительная промышленность. Город имел свой флот и вёл широкую торговлю в Средиземноморье.

Дубровницкие купцы поддерживали тесные торговые связи с Сербией, Боснией, Болгарией, Константинополем. Они ввозили в турецкие владения изделия местного ремесла, товары из итальянских городов и других областей Западной Европы. Признание зависимости от Османской империи дало возможность дубровницким купцам получить от Порты большие торговые привилегии: они ввозили товары в Турцию, уплачивая крайне низкие пошлины (2%), а иногда и вовсе без пошлин, пользовались монополией на ввоз и вывоз некоторых товаров. Дубровник имел свои колонии в ряде балканских городов, с которыми он поддерживал тесные связи, нередко выступая посредником в отношениях жителей этих городов с Австрией, итальянскими городами, Испанией. В XVII в. Дубровник начал приходить в упадок в связи с общим упадком средиземноморской торговли.

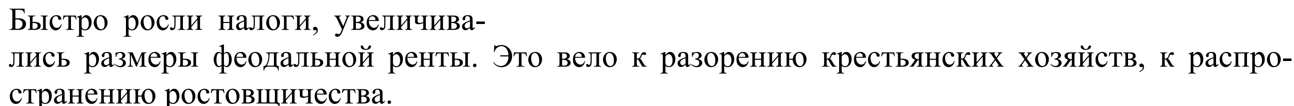
Несмотря на тяжёлые условия существования балканских народов под турецким игом, ряд городов Балканского полуострова, расположенных на общетурецких торговых магистралях, в XVI—XVII вв. достиг значительного развития. Такие города, как Белград, Скопле, Салоники, София, Пловдив, были крупнейшими ремесленными и торговыми центрами Османской империи, поддерживали торговые связи

с рядом европейских государств. На торговых путях возникали новые города. Так, в Боснии в XVI в. вырос г. Босна (Сараево), быстро превратившийся в крупный ремесленный и торговый центр. В XVII в. в горных районах Болгарии начинают возникать новые города, населённые почти исключительно болгарскими ремесленниками и торговцами (Сливен, Габрово, Самоков и др.).

Внутренняя галерея дворца в Дубровнике. XV в.

Однако в условиях иноземного господства экономическое развитие Балканских стран не могло проходить нормально. Начавшееся в конце XVI в. ослабление центральной власти в Османской империи сопровождалось усилением власти местных пашей и чиновников, ростом взяточничества и всевозможных злоупотреблений турецких властей и судей, бесчинствами и грабежами непомерно выросших и часто выходивших из повиновения султану янычарских частей. Началось разложение военно-ленной системы. Феодалы значительно расширили свои права на ленную землю и сидящих на ней крестьян. Рост товарного производства и оживившаяся торговля сельскохозяйственными продуктами повысили заинтересованность турецких феодалов в усилении эксплуатации крестьян. Втягиваясь в развитие товарно-денежных отношений, они нередко заводили своё собственное хозяйство, используя труд феодально-зависимых крестьян. Быстро росли налоги, увеличивались размеры феодальной ренты. Это вело к разорению крестьянских хозяйств, к распространению ростовщичества.

Молдавия и Валахия в XVI и первой половине XVII в.

Дунайские княжества — Молдавия и Валахия —признали вассальную зависимость от Турции, но в своих внутренних делах сохранили самостоятельность. Они должны были ежегодно уплачивать в султанскую казну дань. Кроме того, молдавское и валашское войско было обязано участвовать в турецких походах. Турецкие султаны утверждали в этих княжествах господарей.

Раздоры и междоусобицы среди молдавского и валашского боярства позволили Турции постепенно усилить вмешательство во внутренние дела княжеств. Должности господарей Молдавии и Валахии нередко открыто продавались тем претендентам, которые платили за них дороже. Господари часто менялись: многие из них княжили

не больше года, и каждый старался увеличить налоговое обложение, чтобы выполнить обязательства, данные турецким властям, и обеспечить себя на будущее.

В лице молдавских и валашских господарей и всего боярства, которое ценой полной покорности завоевателям сохранило земли и феодальные привилегии, турецкие правители видели опору своего господства в дунайских княжествах.

Валашский пастух.
Венгерская миниатюра. 1600 г.

Молдавия и Валахия снабжали своими продуктами Стамбул и многие турецкие крепости. Дань, которую должно было вносить трудовое население в султанскую казну, непрерывно возрастала: в конце XV в. княжества платили по 3—4 тыс. золотых, а в конце XVI в. — 60— 80 тыс. золотых в год.

Всё же в XVI—XVII вв. городское ремесло и торговля Молдавии и Валахии сделали дальнейший шаг в своём развитии. Крупными ремесленными и торговыми центрами княжеств были такие города, как Яссы, Бухарест, Хотин, Васлуй, на торговых путях выросли города Фокшаны, Галац, Плоешти, Крайова и др. Увеличение товарного производства разрушало экономическую замкнутость различных областей.

В связи с развитием внутреннего рынка и ростом вывоза продуктов сельского хозяйства в соседние страны бояре расширяли свои хозяйства за счёт захвата наделов крестьян и земель сельских общин. Феодалы стремились всеми способами закрепить за собой рабочие руки, заставляли крестьян нести барщину и усиливали их феодальную зависимость. В течение XVI—XVII вв. большая часть молдавских и валашских крестьян превратилась в крепостных. Уже в конце XVI в. делаются попытки оформить крепостничество законодательными актами. Так, в 1595 г. валашский господарь Михаил Храбрый издал декрет, устанавливавший, что «всякий крепостной, где бы он ни был обнаружен, остаётся навеки крепостным там, где он находится». Постановления о возврате беглых крестьян, запрещении покидать землю неоднократно издавались молдавскими господарями в первой половине XVII в. В 1646 г. в Молдавии было составлено первое Уложение («Правила»), в котором был окончательно запрещён свободный переход крестьян.

Крестьянство упорно боролось против произвола и беззаконий феодалов, отказывалось исполнять повинности, бежало от своих господ, уходило в казаки на Украину. В XVI—XVII вв. в дунайских княжествах неоднократно вспыхивали антифеодальные восстания крестьянства. Одно из таких восстаний произошло, например, в 1566 г. в Молдавии, когда в Трансильванских Альпах появился самозванец — претендент на господарский престол. Во главе крестьянского войска он отправился завоёвывать молдавский престол, но потерпел вскоре поражение. Сильное крестьянское движение началось в Молдавии в 1591 г.; оно приняло такие размеры, что многие бояре, спасаясь от мести своих крестьян, бежали из княжества.

Борьба порабощённых народов Юго-Восточной Европы против турецкого ига

Балканские народы вели постоянную партизанскую борьбу против поработителей: в Болгарии и Сербии происходило движение гайдуков, на далматинском побережье, в Хорватии, — ускоков, в Греции — клефтов. Отряды партизан иногда достигали больших размеров и действовали организованно. Они совершали не только мелкие нападения, но иногда и налёты на крупные города. Живя в лесах и горах, партизаны поддерживали тесные связи с окрестным населением, получали от него постоянную поддержку и помощь.

Упорную борьбу за освобождение от турецкой зависимости вели в XVI—XVII вв. молдавский и валашский народы. Большую роль в борьбе молдавского народа за свою свободу сыграли дружественные связи с народами России и Украины: их сплачивала общая необходимость борьбы против опустошительных турецких и татарских набегов. Запорожские казаки не раз посылали в Молдавию свои отряды, которые вместе с молдаванами сражались против татарских и турецких войск.

В 30-х годах XVI в. молдавский господарь Пётр Рареш, опираясь на дипломатическую помощь России, сделал попытку освободиться от турецкой зависимости. Однако эта попытка окончилась неудачей из-за предательства бояр, покинувших господаря. Вслед за тем турецкие и татарские войска временно оккупировали Молдавию, отторгли от неё часть земель между реками Прутом и Днестром.

В 70-х годах XVI в. господарь Иоан Вода отказался удовлетворить требование Порты об уплате удвоенной дани и, заручившись согласием бояр, начал готовиться к отпору туркам. На помощь молдаванам пришёл отряд украинских казаков. Весной 1574 г. посланная против Молдавии турецкая армия потерпела поражение от молдаван и казаков. Вслед за тем молдавские и казацкие отряды заняли столицу Валахии Бухарест, осадили турецкие крепости Браилу и Бендеры. Но когда Порта двинула против молдаван новую большую армию, бояре и на этот раз пошли на предательство и начали со своими войсками переходить на сторону врага. Сражение с турками было проиграно. Молдавия снова подверглась опустошительным грабежам турецких полчищ.

В 1594 г., во время австро-турецкой войны, турецкие вассалы — трансильванский князь Сигизмунд Баторий, молдавский господарь Арон Воевода и валашский господарь Михаил Храбрый образовали союз для борьбы с Турцией. Особенно большую активность проявил валашский господарь Михаил Храбрый, который ставил своей целью освободить от турецкого господства Молдавию, Валахию и Трансильванию и объединить их под своей властью.

В том же 1594 г. поднялось на борьбу сербское население Баната, которое рассчитывало получить помощь от австрийских войск и трансильванского князя. Восстание быстро расширялось, восставшие заняли несколько городов и подступили к Темешвару. Однако австрийские войска не оказали им поддержки. Отряды повстанцев скоро были разбиты превосходящей турецкой армией.

В конце 1594 г. Михаил Храбрый начал поход против Турции и дошёл до Балканских гор. В сражениях против турецкой армии принимали участие болгарские и сербские гайдуки. В 1595 г. Михаил с небольшими силами одержал блестящую победу у Тырговиште над многочисленной турецкой армией. Вскоре вся Валахия была освобождена от турецких войск. Турецкое правительство, опасаясь, что восстание валахов и молдаван вызовет выступления и других порабощённых народов, пошло на заключение мира с Михаилом Храбрым, признав его валашским господарем.

Австро-турецкая война и успешная борьба Михаила Храброго оказали большое влияние на рост освободительного движения на Балканах. В 1595 г. гайдуцкий отряд под руководством Баба-Новака напал на Софию. В 1596 г. ускоки временно овладели городом Клисом на далматинском побережье. В 1596—1597 гг. вспыхнули восстания в южной части Сербии, Герцеговине, Черногории и Албании. Однако эти восстания были подавлены.

Широкий размах движение приняло в Болгарии. Здесь в подготовке восстания принимали участие представители купеческой и ремесленной верхушки городов Северной Болгарии, отдельные феодалы-болгары, а также высшее духовенство. Руководители движения рассчитывали на активное участие в восстании не только городского населения, но и крестьянства. В тоже время они заручились поддержкой императора, который обещал послать в Болгарию вспомогательное 6-тысячное войско и помочь деньгами. Восстание началось в 1598 г. в нескольких городах Северной Болгарии. Центром его явился город Тырново, где мнимый потомок

болгарских царей был провозглашён царём под именем Шишмана III. Но плохо подготовленное восстание не приняло общенародного характера и было подавлено в самом начале.

Заключив в 1595 г. мир с Османской империей, валашский господарь Михаил Храбрый не отказался от борьбы за освобождение от турецкой зависимости. В 1598— 1599 гг. ему удалось без большого труда подчинить своей власти Молдавию и Тран-

Битва валахов с турками у Тырговиште 16 октября 1595 г.
Гравюра конца XVI в.

сильванию. Но планы Михаила Храброго не нашли поддержки среди молдавских и трансильванских феодалов, опасавшихся, что объединение под главенством Валахии приведёт к усилению власти валашского боярства и к умалению их собственного влияния. Крестьянство относилось равнодушно к планам Михаила, который, вступив на престол как ставленник валашского боярства, издал указ о прикреплении крестьян к земле. Михаил Храбрый не мог рассчитывать и на поддержку Габсбургов, которые сами претендовали на включение в своё государство Трансильвании и дунайских княжеств. Всё это имело печальные последствия для Михаила Храброго. Магнаты Трансильвании, в сговоре с которыми находилось и молдавское боярство, двинули своё войско на Валахию и одержали победу в сражении с войском Михаила Храброго. Михаил Храбрый бежал и был вскоре убит (в 1601 г.).

Население западной части Балканского полуострова не прекращало борьбы с Турцией ив первом десятилетии XVII в. В 1603 г. восстали жители города Клиса. Вели упорную борьбу за свободу черногорские племена. Шкодрский санджак-бей неоднократно совершал карательные экспедиции против черногорцев, но так и не мог сломить их сопротивления. Лишь во втором десятилетии XVII в. турецкое правительство сумело расправиться с главными вождями движения и остановить волну народно-освободительных восстаний в своих европейских владениях.

В первой половине XVII в. наступил временный спад освободительного движения порабощённых Турцией народов. Тридцатилетняя война отвлекла внимание европейских государств от борьбы с Османской империей. Балканские народы не могли рассчитывать в это время на помощь извне, но они готовились к продолжению борьбы.

Ещё с конца XVI в. католические миссионеры при активной поддержке римских пап и Габсбургов начали проводить среди православного населения на Балканах католическую пропаганду. Переход в католичество, по расчётам римской курии и Габсбургов, должен был вовлечь балканские народы в сферу влияния католических государств.

Церковь в Яссах.
1639 г.

В этот период, пользуясь постепенным ослаблением Османской империи, Габсбурги начали делать активные попытки захватить в свои руки Трансильванию и Валахию. На дунайские княжества претендовала и Польша, планы которой находили поддержку со стороны части молдавского и валашского боярства.

В первые десятилетия XVII в. Молдавия стала ареной польско-турецких войн. В княжестве происходила жестокая борьба боярских группировок, ориентировавшихся на Польшу или Турцию. Разгорелись распри и среди валашского и трансильванского боярства, что помогало Порте усилить вмешательство во внутренние дела княжеств.

Два наиболее сильных господаря Молдавии и Валахии первой половины XVII в. — Василий Лупу (1634—1653) и Матвей Басараб (1632—1654) делали безуспешные попытки свергнуть друг друга с престола и объединить княжества под единой властью. Эта борьба крайне истощала княжества в экономическом отношении и мешала борьбе с Османской империей, которую пытался организовать Матвей Басараб.

Таким образом, народы Балканского полуострова не примирились с турецким господством. Несмотря на неравные силы, они вели упорную борьбу за освобождение от чужеземной зависимости. Покорённые народы стойко сохраняли свой язык, обычаи, культуру.

Близость русского народа по языку, религии и культуре к южным славянам, религиозная и культурная общность с молдаванами, валахами, греками способствовали укреплению в XVI—XVII вв. издавна возникших политических и культурных связей России с балканскими народами, которые возлагали надежды на то, что русский народ поможет им сбросить иго турецких завоевателей. В Болгарии вера народных масс в освободительную миссию России нашла яркое выражение в своеобразной легенде о «дядо Иване» («дедушке Иване»), могучем исполине, защитнике православных народов. Легенда о «дядо Иване» берёт своё начало от вре-

мени правления русского великого князя Ивана III. В образе «дядо Ивана» болгарский народ олицетворял свои представления о великом русском народе, о сильном Русском государстве. Венецианский посланник в Османской империи писал в 1576 г.: «По двум причинам султан опасается русских: во-первых, потому, что у них есть страшная кавалерия в 400 тыс. человек, отважных, смелых и послушных, а, во-вторых, ещё потому, что все народы Болгарии, Сербии, Босны, Мореи и Греции весьма преданы московскому великому князю, с которым их соединяет единство вероисповедания, и вполне готовы взяться за оружие, чтобы освободиться от турецкого рабства и подчиниться его власти».

Эта уверенность, что Россия освободит балканские народы от турецкого ига, глубоко внедрилась в сознание порабощённых народов и передавалась из поколения в поколение.

Культура балканских народов

Завоевание балканских народов Османской империей привело к упадку их культуры, уничтожению многих памятников письменности, литературы и искусства. Важную роль в сохранении достижений культуры южнославянских народов и греков в XVI— XVII вв. играли монастыри, например монастыри на Афоне (Халкидонский полуостров), Рильский монастырь в Болгарии и др. В монастырях имелись иногда школы, где монахи обучали детей грамоте и церковной службе. В их стенах сохранялись старинные рукописи и произведения искусства, переписывались церковные книги, создавались основные литературные произведения.

Памятники южнославянской литературы XVI—XVII вв. представляют собой произведения религиозного содержания. Широко распространены были в это время «жития святых», которые часто имели ярко выраженное патриотическое содержание. Так, в «Житии св. Николая Софийского», автором которого является крупный болгарский писатель XVI в. Матвей Грамматик, описывается мученическая смерть болгарского ремесленника, не пожелавшего изменить своей религии.

Особенно большое значение в развитии народной культуры, сохранении национальных традиций имело устное народное творчество балканских народов. В песнях, сказках, героическом эпосе, исторических преданиях и т. д., созданных безымёнными талантливыми поэтами и писателями, ярко отразились думы и чаяния народа, стонущего под иноземным игом. В них часто воспеваются народные герои, борцы за свободу.

В XVI—XVII вв. достигла расцвета художественная литература в Дубровнике, где жило и работало много писателей, поэтов, драматургов. Выдающимся дубровницким писателем первой половины XVII в. был Иван Гундулич, создавший эпическую поэму «Осман», в которой прославлял победу казаков и поляков над турецкой армией под Хотином.

В XVI и первой половине XVII в. народы Молдавии и Валахии сделали заметный шаг вперёд в своём культурном развитии. В Валахии и особенно в Молдавии было написано много летописей. В 30—40-х годах XVII в. в городах был основан ряд школ для боярских детей и горожан.

В XVI—XVII вв. болгары, сербы, черногорцы, молдаване и валахи через православное духовенство поддерживали связи с Россией, которая систематически оказывала денежную помощь православным церквам и монастырям на Балканах, снабжала их церковными книгами и утварью.

Русское и украинское культурное влияние в Молдавии и Валахии проявлялось в распространении просвещения и книгопечатания. Из Киева в княжества были завезены первые типографии. Культурные связи с Россией и Украиной способствовали освободительной борьбе балканских народов.

ГЛАВА XVII
ОБРАЗОВАНИЕ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

В конце XV — начале XVI в. Польша являлась одной из сильнейших держав в Центральной и Восточной Европе. Политическое укрепление Польши было обусловлено экономическим подъёмом XIV—XV вв. и стояло в тесной связи с успешным исходом борьбы с основным противником Польши — Тевтонским орденом. Длительная борьба с германскими феодалами-захватчиками способствовала росту национального самосознания польского народа.

Экономический, культурный и политический подъём Польши оказался, однако, непрочным. К концу XVI в. стали явственно наблюдаться признаки надвигающегося упадка.

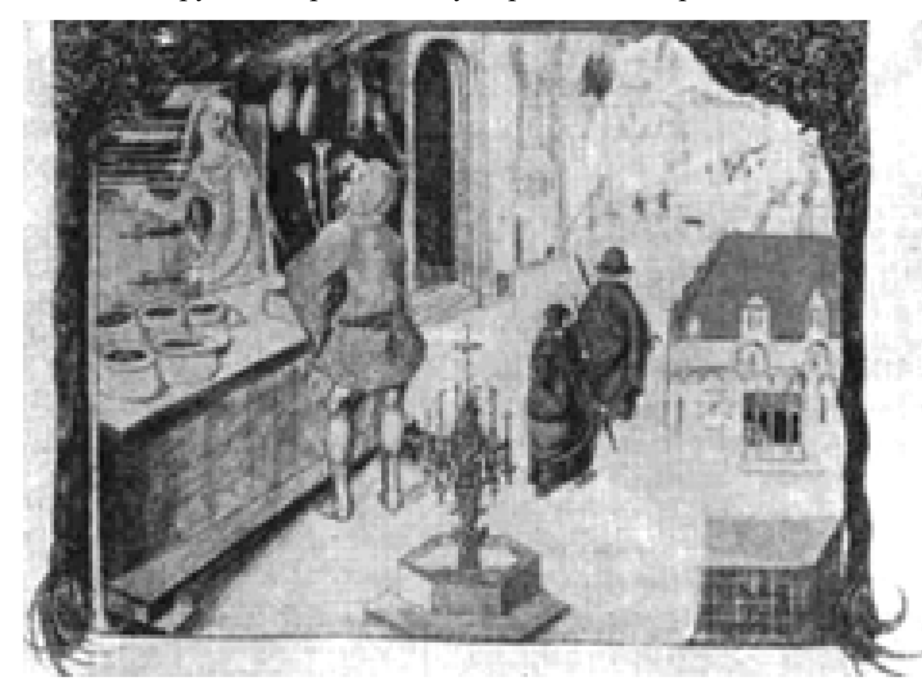
Рост польских городов

Вторая половина XV и начало XVI в. являлись временем весьма заметного подъёма городов в Польше, хотя они и в этот период экономически были значительно слабее городов более развитых стран Европы, а их политическое значение в стране в целом было невелико. Возникали новые городские центры и вырастали старые, не игравшие раньше большой экономической роли. Примером быстро развивавшегося города являлась Варшава, ставшая в XVI в. столицей государства. Быстро росло торговое значение городов, связанных с Балтийским морем, — Торуня, Эльблонга и особенно Гданьска. В результате 13-летней войны с Тевтонским орденом (1454—1466 гг.) Польша опять приобрела выход к Балтийскому морю, что содействовало быстрому росту её внешней торговли. Висла стала основной торговой артерией, связывавшей Польшу с внешним миром.

Ярким показателем развития польских городов являлся рост численности городского населения. В таких крупных городах страны, как Краков, Познань, Люблин, Калиш, Торунь и др., в XV — начале XVI в. численность населения возросла примерно вдвое.

Производительность труда городских ремесленников повысилась благодаря некоторым важным техническим усовершенствованиям и в свою очередь стимулировала дальнейшее развитие техники производства. Особенно большое значение имело широкое применение водяного, колеса (мельниц). В XV—XVI вв. Польша располагала значительным числом высококвалифицированных ремесленников.

В цехах усиливалась борьба между мастерами, с одной стороны, подмастерьями и учениками — с другой. Борьба между городским патрициатом и цехами осложнялась борьбой национальной. В ряде крупных польских городов среди патрициата всё ещё имелся сильный немецкий элемент. В поморских городах последний продолжал даже усиливаться. В городах других частей Польши, в условиях общего экономического подъёма, развивался процесс быстрой полонизации городской торгово-ремесленной верхушки.

Лавка.
Миниатюра. XVI в.

Развивалось производство на сравнительно отдалённые рынки, и спорадически появлялись элементы капиталистического производства. Примером капиталистической мануфактуры может служить предприятие по изготовлению проволоки и жести, организованное членом краковского городского совета Кауфманом. Характер мануфактуры имели первые типографии. В производстве суконно-шерстяных и льняных тканей можно отметить наличие рассеянной мануфактуры, когда организаторами производства, использовавшими труд крестьянского населения, являлись купцы и богатые городские ремесленные мастера.

Рост и совершенствование городского производства имели серьёзные последствия и для польской деревни. Изделия вотчинных ремесленников не могли конкурировать с более совершенными изделиями городского ремесла. Для приобретения городских изделий и дорогих иноземных товаров феодалы нуждались в резком увеличении своих денежных доходов.

Переход к фольварочно-барщинной системе феодального хозяйства

Основным фактом в социально-экономическом развитии Польши во второй половине XV и в XVI в. являлся переход к фольварочно-барщинной системе хозяйства. Это было самым тесным образом связано с экономическим подъёмом городов, развитием экономических связей между польскими землями, начавшимся

процессом образования национального общепольского рынка. Наряду с ростом потребностей внутреннего рынка переход к фольварочно-барщинной системе был обусловлен также открывшимися возможностями вывоза хлеба в страны Северной и Западной Европы. Первоначально этот процесс охватил лишь некоторые районы страны. В ряде случаев в конце XV — начале XVI в. можно отметить дальнейшее увеличение денежной ренты. Только со второй половины XVI в. переход к фольварочной системе под влиянием быстрого роста сельскохозяйственного вывоза из Польши в Голландию, Фландрию, Англию, Францию и другие страны Западной Европы принял всеобщий характер.

Бочары.
Миниатюра XVI в.

Увеличившийся спрос на сельскохозяйственные продукты толкал феодалов на такие преобразования своего хозяйства, при которых они могли бы выступить в качестве продавцов сельскохозяйственных продуктов в городах и на внешнем рынке. Этим целям удовлетворяло создание фольварков — имений, основанных на барщинном труде и производивших зерно и другие сельскохозяйственные продукты не только для удовлетворения потребностей феодала, но и на продажу.

Создание и расширение фольварков сопровождалось ростом барщинной эксплуатации крестьянства. Отработочная рента становилась основной формой феодальной ренты. Господство отработочной ренты означало резкое усиление эксплуатации крестьян. Крестьянин под гнётом крепостничества был обречён на нищенское существование. Как и в ряде других стран Восточной и Центральной Европы, развитие товарного производства в сельском хозяйстве в данных исторических условиях не вело к возникновению капиталистических отношений, а, наоборот, способствовало возрождению и приспособлению к рынку самых грубых форм феодального производства.

С ростом старых и основанием новых фольварков происходил процесс обезземеления крестьянства. Увеличивая барскую запашку, феодалы экспроприирова-

ли общинные земли, захватывали крестьянские наделы. В результате развития фольварочно-барщинной системы сократилось число крестьянских хозяйств, располагавших наделом в один лан [1]. И наоборот, выросло число хозяйств, имевших половину, четверть лана и менее. Резко увеличилось количество крестьян, имевших только крошечные приусадебные наделы, и безземельных.

Фольварочно-барщинная система повлекла за собой резкое ухудшение не только экономического, но и правового положения крестьянства. Феодалы были заинтересованы в обеспечении своего хозяйства максимальным числом рабочих рук. Поэтому они добились юридического оформления крепостных отношений в польской деревне. Ещё конституция 1496 г. резко ограничила крестьянский переход. С 1518 г. крестьяне оказались под исключительной юрисдикцией своих феодалов, а в 1543 г. переход крестьян был полностью запрещён.

Крестьянин и пан.
Гравюра XVI в.

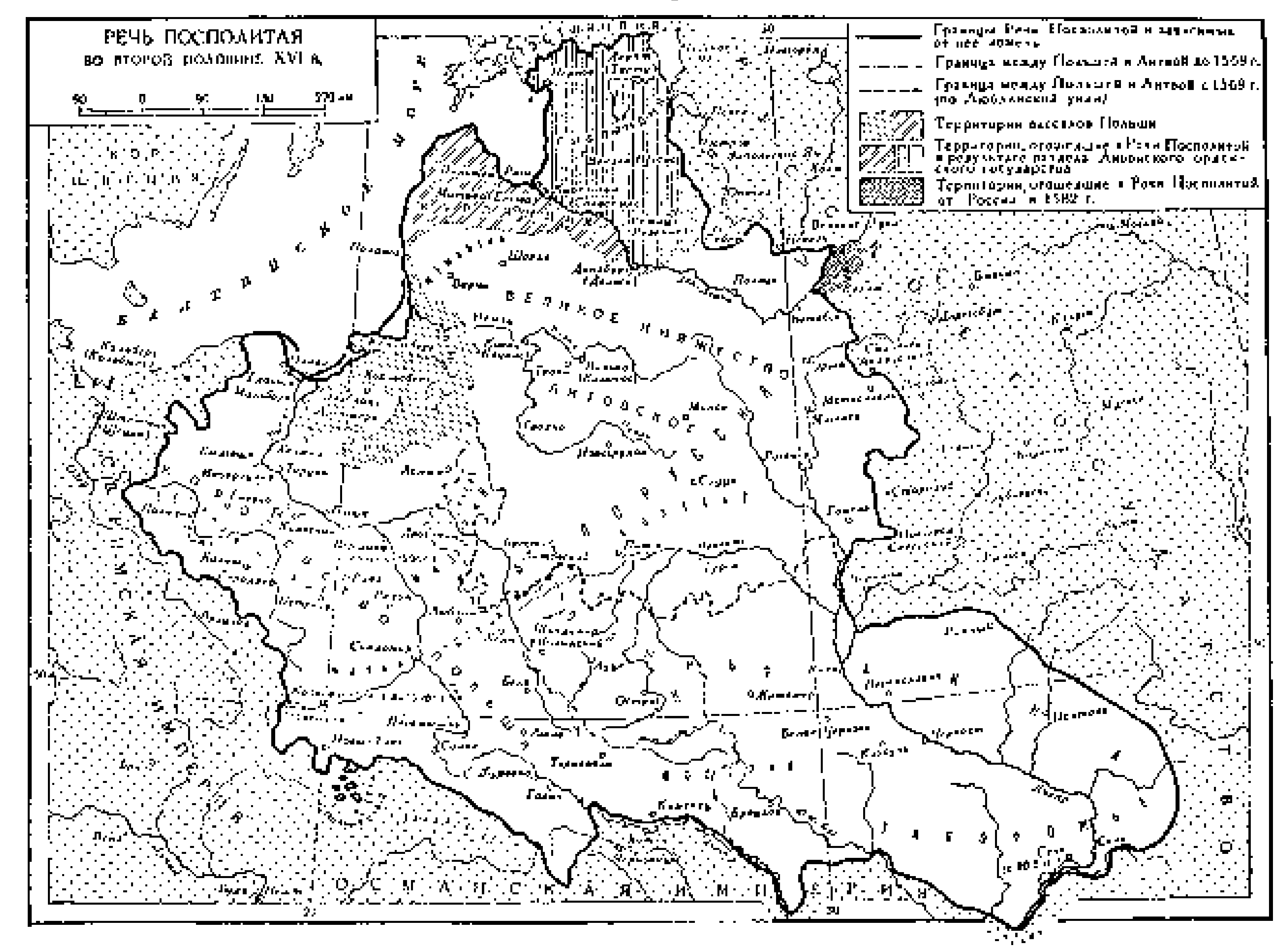
Горожанам было запрещено владеть шляхетскими имениями. В 1496 г. шляхта добилась предоставления ей исключительного права пропинации (винокурения и продажи спиртных напитков) и освобождения своего ввоза и вывоза от пошлин. Феодалы участвовали во внешней торговле, минуя посредничество городов. Доходы от внешней торговли начали играть весьма значительную роль в бюджете землевладельцев. Освободившись от ввозных и вывозных пошлин, магнаты и шляхта в то же время добились строгой регламентации хозяйственной деятельности горожан, что подрывало экономические основы польского города.

Окончательное оформление сословной монархии

С переходом к фольварочно-барщинной системе было тесно связано политическое усиление мелкой и особенно среднепоместной шляхты. В начале XVI в. в Польше завершается процесс оформления сословной монархии. Он происходил в условиях столкновения отдельных слоев господствующего класса магнатов, шляхты и церковных феодалов. В 1501 г. магнатам удалось добиться издания Мельницкого привилея, поставившего королевскую власть в полную зависимость от сената, в состав которого входили высшие должностные лица и высшие духовные иерархи, архиепископы, епископы, представлявшие интересы крупных феодалов. Однако этот успех магнатов оказался очень непродолжительным. Воспользовавшись военными затруднениями короля Александра (1501—1506) — в это время Русское государство вело успешную войну с Великим княжеством Литовским, связанным с Польшей узами личной унии, — шляхта в 1505 г. добилась издания Радомской конституции, начинавшейся словами: «Никаких нововведений» (Nihil novi). По этой конституции новые законы могли издаваться лишь с согласия обеих палат вального (общего) сейма, который стал высшим законодательным органом, ограничивающим

[1] 1 лан=16 *га*.

Речь Посполитая во второй половине XVI в.

королевскую власть в пользу феодалов. Нижняя палата вального сейма — посольская изба — состояла из представителей шляхты (земских послов), избираемых на местных шляхетских сеймиках. Верхнюю палату составлял сенат. С течением времени в сейме всё большую роль стала играть посольская изба. От участия в сейме были совершенно устранены не только крестьянство, но и города.

В борьбе с магнатами шляхта поддержала на сейме 1538 г. короля Сигизмунда I (1506—1548), потребовавшего редукции (возврата) заложенных коронных имений, большая часть которых находилась в руках крупных землевладельцев. Проведение этой редукции встретило большое сопротивление со стороны магнатов. Однако при Сигизмунде II Августе (1548—1572) на сейме 1562—1563 гг. магнаты вынуждены были дать согласие на возврат коронных имений, полученных ими после 1504 г. Это была значительная победа шляхты, не подорвавшая, однако, крупного землевладения — экономической основы могущества магнатов. В то же время шляхта стремилась подчинить королевскую власть своему контролю и упорно отказывала королю в деньгах для формирования постоянной армии.

Противоречия в лагере польских феодалов не мешали им солидарно выступать против польских крестьян и горожан, используя государственный аппарат.

Укрепление шляхты в условиях сравнительной слабости городов способствовало тому, что начавшийся в XIV—XV вв. процесс централизации государственной власти оказался незавершённым.

Реформация в Польше

Реформационные идеи находили отклик во всех слоях польского общества — среди плебейских масс города и крестьянства, в средних слоях горожан и в шляхте, а также в среде светских магнатов.

Причины этого заключались в могуществе и особых привилегиях католического духовенства. В XVI в. церковные владения составляли в Польше $^1/_5$ всей земли. Церковная десятина, взимавшаяся как с крестьян, так и с других слоёв населения, была весьма разорительна и вызывала всеобщее возмущение, равно как и особые сборы в пользу папской курии, церковных судов и т. п.

Требования отмены десятины, церковной юрисдикции и распространения на духовенство государственных повинностей и налогов сделались важными пунктами, вокруг которых развёртывалась политическая борьба на сеймах. Как и в других странах Европы, широкие слои населения ставили в связь погоню католического духовенства за материальными богатствами с его моральным вырождением, с его формальным и равнодушным отношением к вопросам веры. Краковскому епископу приписывали фразу: «Ты уплачивай десятину, верить же ты можешь хоть в козла». Нараставшее в разных слоях польского общества возмущение против церковного землевладения, против стяжательства католического духовенства и его бесцеремонных методов феодальной эксплуатации содействовало распространению в Польше реформационных идей.

Уже в XV в. в Польшу проникло гуситское учение. Оно нашло особенно благоприятную почву в Великой и Малой Польше и в Поморье.

Под его влиянием реформационное движение зародилось в Польше ещё до выступления Лютера. Одним из его ранних представителей в конце XV — начале XVI в. был Бернат из Люблина, который свои разоблачения папской церкви и борьбу против схоластики сочетал с пропагандой в духе учения таборитов, направленной против феодальной эксплуатации. Одновременно в оппозиционных шляхетских кругах Польши распространялись идеи умеренного гусизма.

После выступления Лютера в Германии немецкая часть населения польских городов стремилась придать реформационному движению в Польше характер лютеранства. Вначале идеи Лютера были популярны и в плебейских кругах польских городов. Однако вскоре отдельные плебейские элементы, особенно в Поморье, стали толковать учение Лютера в радикальном духе. Появились также приверженцы ана-

баптистских идей. В Пруссии в 1525 г. под влиянием происходивших тогда в Гданьске волнений выдвигались народные «статьи» в духе радикальных требований анабаптистов.

Пропагандистом гуманистических и народно-реформационных идей в Малой Польше был профессор Краковской академии Яков из Ильжи, сторонники которого поддерживали тесную связь с «чешскими братьями»и с моравскими анабаптистами. Свою пропаганду среди ремесленников и крестьян Яков из Ильжи и его ученики связывали с восхвалением физического труда и технических знаний и с критикой схоластики.

Сенокос.
Гравюра. XVI в.

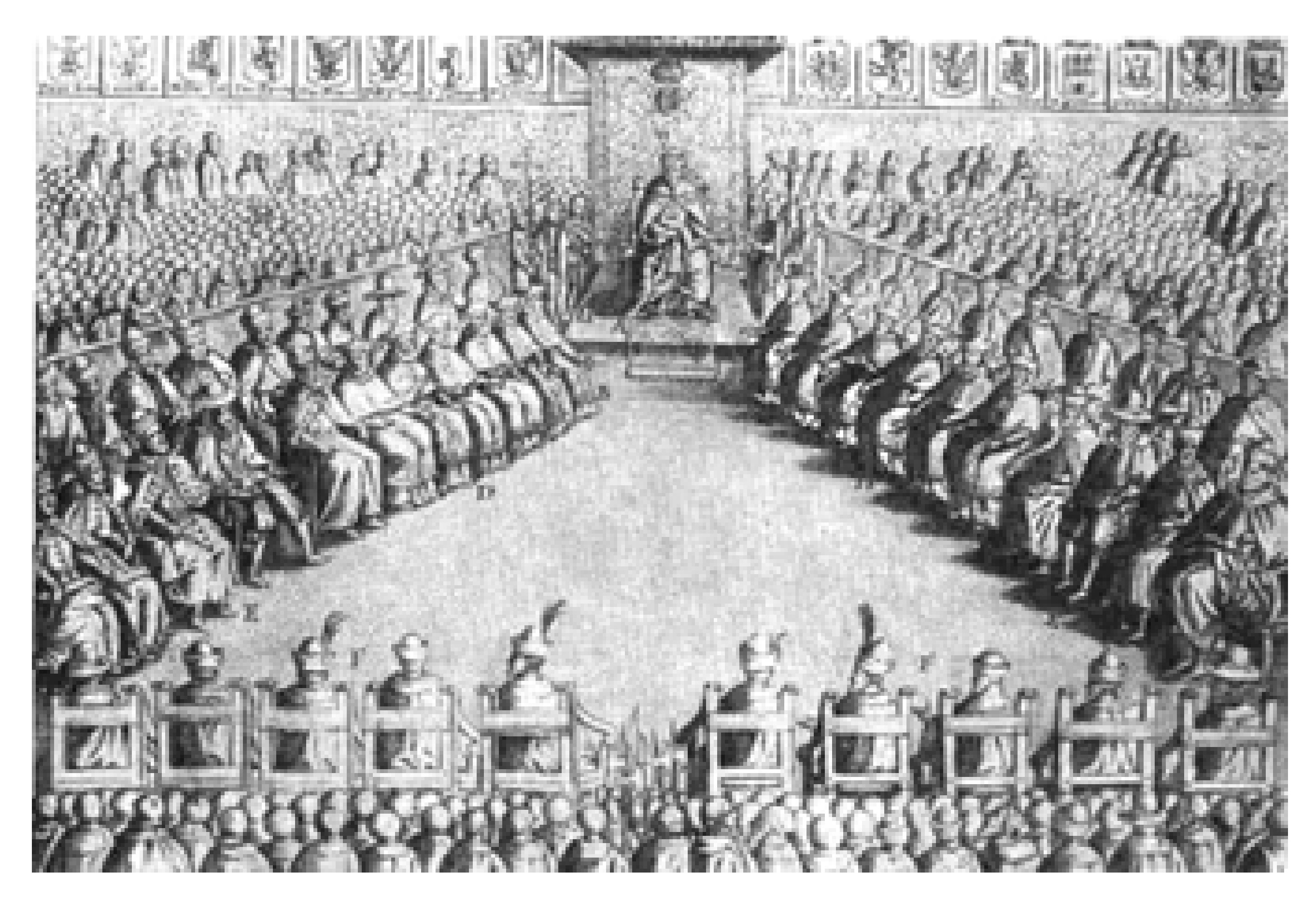
Как и в других странах, в Польше со второй половины 20-х годов XVI в. в анабаптизме одержали верх сторонники непротивленчества и мирного сектантства.

Политической слабостью польских городов объясняется то обстоятельство, что они были мало затронуты реформационным движением. Отдельные прогрессивные деятели из числа сторонников Реформации, проникнутые патриотическим настроением и стремлением к социальной свободе, оставались одинокими. В Кракове реформационное движение горожан приняло характер гуманистического вольнодумства и критики церковной идеологии с позиций естествознания.

С конца 30-х годов XVI в. реформационные учения интенсивно распространяются среди шляхты и части магнатов. Светские феодалы, стремившиеся к обогащению путём секуляризации церковных земель и к достижению большей независимости от государственной власти, избрали орудием своей политики кальвинизм. Он привлекал шляхту своей церковной организацией, облегчавшей вмешательство именитых людей на правах старейшин общин в церковную жизнь, в деятельность синодов и школ, что привело бы к зависимости церковных общин от шляхты. Интересам шляхты отвечал и тезис Кальвина о праве сословно-представительных учреждений не повиноваться королевской власти. В то же время представители шляхетско-кальвинистской реформации не допускали изменений и новшеств в области феодального строя. Даже такие просвещённые кальвинисты, как Миколай Рей и Анзельм Гостомский, считали необходимостью умеренную феодальную эксплуатацию крестьян.

Поэтому примкнувшие вначале к кальвинизму демократические элементы из мещан и крестьян отошли от него, образуя своё особое направление реформации — арианство, или антитринитаризм (т. е. отрицание троичности божества), последователи которого называли себя «польскими братьями».

Внутри арианства вскоре выявились два течения. Его умеренное крыло состояло из шляхетских деятелей, которые выступали противниками коренных социальных преобразований. Радикальное же крыло ариан требовало не только освобождения крестьян от крепостной зависимости и от барщины, но и введения «общности имущества». Это последнее требование являлось по существу плебейским выражением

Заседание польского сейма.
Гравюра. XVI в.

требования упразднения феодального землевладения и установления равноправия сословий. На состоявшемся в 1568 г. арианском синоде раздавались такие обращения к шляхте: «Не следует вам есть хлеб, добываемый тяжёлым трудом бедных холопов ваших, но сами работайте; не следует вам жить в имениях, пожалованных предкам вашим за пролитие крови, продайте же такие имения и раздайте нищим». Радикальные общины ариан по образцу «моравских братьев» ввели у себя общее потребление.

Ариане, как и анабаптисты, традиции которых они продолжали, оставались сектой, не искавшей революционных путей. Их организация сложилась уже в эпоху католической реакции и контрреформации. Значение движения «польских братьев» заключалось, однако, в том, что оно отражало дух социального протеста народных масс против усилившегося феодально-крепостнического гнёта и их стремление к свободе мысли.

Превращение Польши в шляхетскую «республику»

Особенностью политического развития Польши было то обстоятельство, что сословная монархия не стала в ней ступенью к установлению абсолютизма. Польские города не смогли дать отпор наступлению феодальной реакции и выступить в роли серьёзного союзника центральной власти. Происходившая внутри

господствующего класса борьба магнатов, шляхты и крупных церковных феодалов завершилась во второй половине XVI в. компромиссом. Конституция Польского государства, оформившаяся в 1569—1573 гг., укрепила политические позиции шляхты, но вместе с тем не подорвала могущества крупных духовных и светских феодалов.

Одним из основных принципов шляхетской конституции являлось утверждение принципа выборности польских королей. Когда в 1572 г. умер последний король из династии Ягеллонов — Сигизмунд II Август, то шляхта, возглавляемая Яном Замойским, добилась права участия в выборах нового короля и выступила во время предвыборной борьбы как решающая политическая сила. Избранный королём Польши французский принц Генрих Валуа (1573—1574) принял ряд предложенных ему условий, известных как «Генриховы артикулы». Артикулы подтверждали принцип свободной элекции (избрания) королей. Король был обязан регулярно каждые два года созывать сейм. Без согласия сейма король не мог ни объявлять войну, ни заключать мир, ни созывать «посполитое рушение» (всеобщее феодальное ополчение). При короле состояла постоянная сенатская рада (совет). Отказ короля от исполнения своих обязательств освобождал феодалов от повиновения ему. В сейме решения могли приниматься лишь при наличии единогласия всей посольской избы, представлявшей шляхту. Любой депутат нижней палаты мог воспрепятствовать принятию решения, хотя бы за него голосовали все остальные депутаты. Это был так называемый принцип liberum veto. Шляхетские депутаты сейма — земские послы — в свою очередь должны были строго придерживаться инструкций, выработанных для них местными сеймиками.

Образование многонациональной Речи Посполитой

Превращение Польши в дворянскую «республику» с избираемым королём во главе совпало с заключительным этапом образования многонационального Польского государства. До середины XV в. польско-литовская уния оставалась ещё могущественным фактором борьбы с германской феодальной агрессией на востоке. С середины XV в. объективное значение польско-литовской унии резко изменилось. В результате 13-летней войны Тевтонский орден был окончательно разбит. Польские феодалы не использовали, однако, победы над орденом для того, чтобы добиться его полной ликвидации. Они не ставили в это время своей задачей воссоединение с Польшей её западных земель, захваченных германскими феодалами.

Во второй половине XV — первой половине XVI в. в политике польского господствующего класса определённо брала верх линия на экспансию в сторону украинских и белорусских земель. Проводя эту агрессивную политику, польские феодалы игнорировали национальные интересы своей страны на западе.

В 1519—1521 гг. между Польшей и магистром Тевтонского ордена Альбрехтом Бранденбургским, отказавшимся принести вассальную присягу польскому королю, вновь происходила война. Тевтонский орден снова потерпел поражение; тем не менее Сигизмунд I и польские феодалы разрешили Альбрехту превратить орден в светское государство и стать наследственным герцогом прусским, продолжавшим, правда, оставаться вассалом Польши. Впоследствии Сигизмунд II Август признал за бранденбургскими маркграфами право на наследование прусского престола в случае прекращения линии Альбрехта. Таким образом, создалась реальная угроза объединения в руках одной династии маркграфства Бранденбургского и герцогства Прусского, с двух сторон охватывавших польские владения на Балтике. В руках бранденбургских маркграфов находилась и значительная часть польских западных земель.

Наряду с существовавшей династической, или личной, польско-литовской унией у Польши сложились во второй половине XV в. отношения династической унии с Чехией и Венгрией, престолы которых (сначала чешский, затем венгерский) занял представитель династии Ягеллонов. Это могло иметь важное международное значе-

ние. Польше, как и Чехии и Венгрии, угрожала растущая турецкая агрессия. Однако польские феодалы отказались от активного участия в борьбе с турецкой опасностью. Ягеллоны и стоявшие за их спиной польские феодалы уступили руководящую роль в Дунайском бассейне Габсбургам.

Польские феодалы стремились к укреплению польско-литовской унии, к включению в состав Польши Великого княжества Литовского, что открыло бы магнатам и шляхте широкие возможности для проникновения в украинские и белорусские земли Литвы; вместе с тем это неизбежно повело бы к борьбе Польши с растущим Русским централизованным государством. К более тесному объединению Польши с Литвой стремилась также литовская шляхта, рассчитывавшая занять в едином Польско-Литовском государстве те же политические позиции, которые занимала уже шляхта в Польше. Противниками инкорпорации (т. е. включения Литвы в состав Польши) были литовские магнаты, опасавшиеся ослабления своего политического могущества. Они желали сохранения только династической унии с Польшей. Но стремление к подавлению украинского и белорусского народов и враждебность к Русскому государству объединяли польских и литовских феодалов.

Воспользовавшись тяжёлым положением Литвы во время Ливонской войны, польская шляхта добилась от литовских панов в 1569 г. на сейме в Люблине согласия на новый унитарный договор (Люблинскую унию), по которому Польша и Литва образовали одно государство — Речь Посполитую («республику»), с общим центральным органом — вальным сеймом. Глава Речи Посполитой подлежал избранию шляхтой обеих частей государства и должен был считаться одновременно королём польским и великим князем литовским. Каждое из объединившихся государств — Литва (Княжество) и Польша (Корона) сохраняли свою внутреннюю автономию: отдельную администрацию, суд, бюджет и войско.

Польские и литовские феодалы стремились отрезать Русское государство от Прибалтики и не допустить его дальнейшего усиления. Иван Грозный, боровшийся с Ливонским орденом за выход к Балтийскому морю, вступил в длительную и ожесточённую войну сначала с Литвой, а затем с Польско-Литовским государством. Эта война достигла особого напряжения в конце 70-х и начале 80-х годов при Стефане Батории (1576—1586), избранном королём Речи Посполитой после того, как Генрих Валуа покинул Польшу, чтобы занять французский трон. По перемирию, заключённому в Запольском Яме (1582) на 10 лет, Ливония передавалась Речи Посполитой. Вскоре Баторий стал готовиться к возобновлению войны с Русским государством. Военные приготовления прервала его смерть.

Речь Посполитая была многонациональным государством, в котором господство принадлежало польским и литовским феодалам. Быстрая полонизация феодальной верхушки в Литве, на Украине и в Белоруссии и проникновение на Украину и в Белоруссию польских землевладельцев привели к тому, что классовые противоречия в восточных областях государства осложнились национальными и религиозными. С 60-х годов XVI в. и особенно в конце XVI и начале XVII в. при Сигизмунде III в с гране свирепствовала католическая реакция, проводившаяся иезуитами. На церковном соборе в Бресте в 1596 г. провозглашена была так называемая Брестская уния, которая сделалась орудием феодальной колонизации восточных областей страны польским магнатством и шляхтой и усиления в этих районах крепостнического гнёта. Все это резко обостряло национальные и классовые противоречия, особенно на Украине и в Белоруссии.

Начало экономического и политического упадка Польши

За счёт резкого увеличения феодальной эксплуатации крепостного крестьянства магнатам и шляхте удалось добиться временного повышения общей продуктивности сельского хозяйства. Однако это временное увеличение производительности феодального хозяйства не могло долго продолжаться. Всё усиливавшаяся эксплуатация и угнетение крестьян имели своим следствием деградацию крестьян-

ского хозяйства. Крестьянин, занятый на барщине, постоянно отрывался от своего хозяйства, которому, кроме того, наносила большой ущерб потеря лесов и выпасов. За упадком крестьянского хозяйства неизбежно следовал и упадок тесно связанного с ним хозяйства феодала (который принял особенно яркие формы уже во второй половине XVII — начале XVIII в.).

Переход к фольварочно-барщинной системе в Польше не просто затормозил начавшийся процесс складывания польского национального рынка, а надолго прервал его. Экономические связи между польскими городами, а равным образом между деревней и городом были нарушены. Развитие капиталистических отношений в странах Западной Европы и «революция цен», выражавшаяся, в частности, во вздорожании сельскохозяйственных продуктов, оказали громадное влияние на экономику Польши. Феодалы предпочитали направлять свои товары на внешний рынок. Особенно вырос вывоз за границу в конце XVI — начале XVII в. Главным предметом вывоза являлся хлеб. В начале XVII в. ежегодный вывоз хлеба из Польши (он шёл главным образом через Гданьск) достигал 100 тыс. ластов, т. е. около 200 тыс. *т.* При этом, как уже отмечалось, польские магнаты и шляхта вывозили сельскохозяйственные продукты за границу и приобретали изделия заграничного ремесла сами, минуя городское купечество. Вместе с тем они усиленно поощряли развитие вотчинного ремесла в своих фольварках.

Купец.
Миниатюра XVI в.

Так подрывалось польское городское ремесленное производство. Число ремесленников в городах начало сокращаться. Особенно это было заметно в таких крупных городах, как Краков, Познань и др. В городах заглохли зачатки капиталистической мануфактуры. Во второй половине XVI в. в польских городах стал наблюдаться экономический застой, а в XVII в. они вступили в период упадка. В то же время, используя благоприятную торговую конъюнктуру за рубежом, феодалы продолжали всё более расширять свои фольварки, разоряя крестьян.

Упадок городов и крестьянского хозяйства привели к политическому ослаблению Польского государства.

В обстановке наступившей феодальной реакции в Польше не только не развивался дальше процесс централизации государства, а, наоборот, всё больший вес приобретали силы феодальной анархии, которым шляхетская конституция открывала широкий простор. Частые срывы сеймов, являвшиеся результатом отсутствия единогласия, привели впоследствии, во второй половине XVII в., к тому, что реальная власть в пределах отдельных частей государства сосредоточилась в местных сеймиках, в которых преобладало влияние богатых и сильных магнатов — носителей феодальной анархии в стране.

Интервенция польских феодалов в пределы Русского государства

После смерти Батория в Речи Посполитой возобновилась острая борьба различных феодальных группировок. На королевский престол был избран шведский принц Сигизмунд Ваза (1587—1632). Избирая его, шляхта надеялась мирным путём урегулировать польско-шведское столкновение из-за Ливонии и создать мощную польско-шведскую коалицию против Русского государства. Однако планы эти потерпели крах. Временно овладев шведским престолом, Сигизмунд III вскоре потерял его и вовлек Речь Посполитую в войну с Швецией. Чтобы обеспечить нейтралитет Русского государства в этой войне, он в 1600 г. заключил с русским правительством 20-летнее перемирие. Вскоре это перемирие было нарушено польской стороной, так как магнаты Речи Посполитой попытались воспользоваться начавшейся крестьянской войной в России для осуществления дальнейшей экспансии на восток и превращения России в зависимую от Речи Посполитой страну. Сигизмунд III оказал поддержку Лжедмитрию I, осуществляя по существу интервенцию в Русское государство. Затем польские феодалы поддержали Лжедмитрия II. В 1609 г. Сигизмунд начал открытую вооружённую интервенцию в Русское государство. Польско-литовские войска захватили Москву. Часть бояр перешла на сторону Сигизмунда III и признала русским царём его сына Владислава.

Мастерская краковского оружейника.
Миниатюра. XVI в.

В освободительной войне 1612 г. русский народ разбил и изгнал интервентов. Изгнание из Москвы польских интервентов означало провал агрессивных планов польских феодалов и Сигизмунда III. По заключённому в Деулине в 1618 г. перемирию в руках Речи Посполитой оставались Смоленск, Чернигов и Новгород-Северский. Однако ослабленная Речь Посполитая подверглась нападению Турции и Швеции. В 1621 г. с помощью украинского казачьего войска Речь Посполитая одержала победу над турецким войском под Хотином и таким образом избежала турецкого нашествия. Неудачно развивалась борьба Речи Посполитой с Швецией за Прибалтику. В 1629 г. Речь Посполитая была вынуждена заключить крайне

невыгодное перемирие с Швецией в Альтмарке. Объединение Бранденбурга и Пруссии под властью Гогенцоллернов, происшедшее в 1618 г., резко ослабило польские позиции на западе. При короле Владиславе IV (1632—1648) международное положение Речи Посполитой продолжало ухудшаться. В результате войны 1632—1634 гг. с Россией Владислав IV должен был отказаться от своих притязаний на русский престол. Поддержка Польшей Габсбургов во время Тридцатилетней войны лишила её возможности использовать ослабление Австрии и вернуть Силезию.

Борьба народных масс Речи Посполитой против национального и феодального гнёта

Источником постоянной военной и политической слабости Польши являлись фольварочно-барщинная система, принявшая уродливые формы, и царивший в Польше феодальный и национальный гнёт.

В Польше борьба крестьянских масс против жестокого крепостнического гнёта выражалась главным образом в массовом бегстве от своих феодалов, в поджогах и разрушениях имений.

Антифеодальное движение польского крестьянства перерастало временами в вооружённые восстания. В ходе этих восстаний крепли связи между антифеодальным движением польского крестьянства и освободительной борьбой украинского и белорусского народов. Так, отклик среди польского крестьянства получило крестьянско-казацкое восстание на Украине 1591—1596 гг. Возникли отряды польских крестьян-повстанцев в Мазовии. Известно крестьянское движение 1592 г. в Суражском старостве (Подляшье), а в 1610 г. — в Осецком старостве. В 1630 г. началось крупное крестьянское движение в Новотаргском старостве (Малая Польша).

Дворянская «республика» жестоко подавляла выступления крепостного крестьянства. Польские феодалы, используя свою мощную сословную организацию, располагавшую многочисленными отрядами вооружённых шляхтичей, сумели предотвратить перерастание выступлений польского крестьянства в крестьянскую войну.

Культура

XVI век — время высокого расцвета польской культуры, важный этап в процессе формирования польского литературного языка. Большое влияние на культурное развитие Польши имели временный подъём городов на рубеже XV и XVI вв., а также распространение в разных слоях польского общества идей гуманизма и реформации. Католическая церковь утратила свою господствующую роль в сфере культуры, что придало всему культурному развитию Польши в XV и особенно в XVI в. резко отличный от предшествующего периода характер. В науку и искусство пришли новые люди — выходцы из шляхетских слоёв и мещанства.

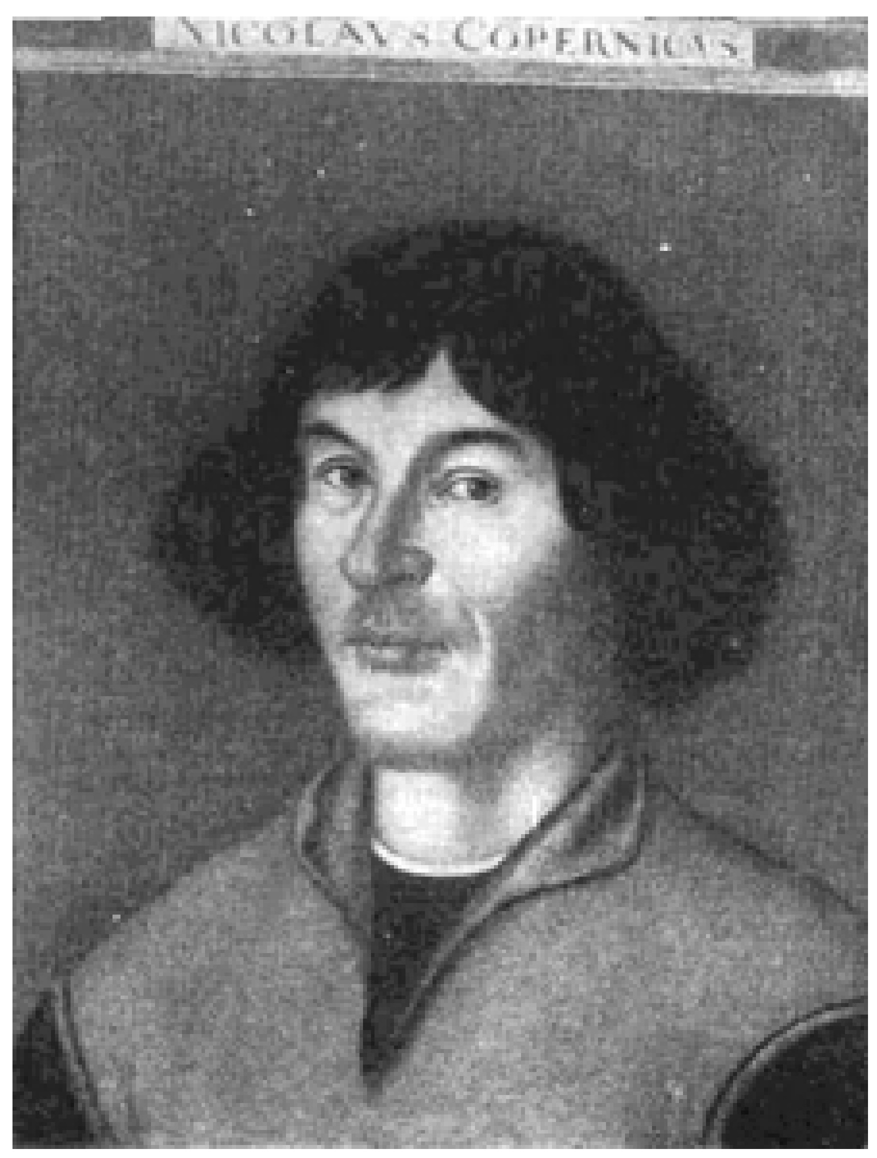
В XVI в. продолжался начавшийся ещё в XV в. подъём польской науки. Центрами распространения нового научного мировоззрения явились гуманистические и научно-литературные кружки в различных городах Польши, особенно в Кракове. Такими, в частности, были гуманистический кружок Калимаха, кружок естествоиспытателя Ежи Ретика в Кракове и другие аналогичные кружки, возникшие в Пинчове и в Гданьске. Особенно успешно развивались в Краковском университете астрономические изыскания, начавшиеся ещё во второй половине XV в.

Гениальным представителем польской астрономической и математической школы был Николай Коперник (1473—1543), обосновавший в своём знаменитом произведении «Об обращении небесных тел» гелиоцентрическую систему, нанёсшую сильнейший удар авторитету церкви и средневековому богословию. Астрономическое учение Коперника, которое рассматривается более подробно в XXXII главе данного тома, принадлежит к крупнейшим достижениям естественнонаучного материализма эпохи Возрождения.

Коперник учился в Краковском университете и продолжал своё образование в Италии. В 1506 г. он вернулся на родину.

Подобно другим титанам эпохи Возрождения, Коперник был широко образованным и разносторонним учёным. Он много работал в области тригонометрии,

занимался гидравликой и межеванием, строил водопроводы и был врачом Известны работы Коперника по исторической хронологии. Он работал над географическими картами Польши и был выдающимся экономистом. Николаю Копернику принадлежит трактат «Об исправлении монеты», в котором он ярко показал, как порча монеты дезорганизует хозяйственную жизнь. Напряженная научная деятельность не мешала Копернику интересоваться литературой, заниматься переводами с греческого на латинский язык. Он и сам сочинял поэмы и эпиграммы на этих языках.

Николай Коперник.
Портрет работы неизвестного художника XVI в.

В Краковском университете в XVI в. значительное развитие получили также география и медицина. Ян из Стобницы в 1512 г. дал первое систематическое описание новых географических открытий. Мацей из Мехова в произведении «О двух Сарматиях» (1517 г.) дает ценные географические сведения о Восточной Европе, Бернард Ваповский в 1526 г. составил первую большую карту Польши, а Мартин Кромер дал впервые наиболее полное географическое описание Польши («Польша», 1577 г.). Появились выдающиеся исследования и в других областях науки.

Реформационное движение и гуманистические идеи особенно содействовали подъёму гуманитарных наук Польская филология получает развитие в трудах Яна Мончинского, составившего польско-латинский словарь. Польский язык в XVI в. проникает во все области общественной и культурной жизни страны, вытесняя в ряде случаев латынь. С 1543 г. сеймовые акты стали писать по-польски, в 1547 и 1548 гг. на польском языке был написан первый дневник (диарий) сейма, в 1559 г. на польский язык были переведены с немецкого труды по городскому праву.

Расцвет польской литературы в XVI в был в известной мере обусловлен развитием публицистики, чему способствовали успехи книгопечатания. Борющиеся лагери стремились идеологически обосновать свои позиции и вступали в ожесточенную полемику между собой. Обращаясь к широким кругам шляхты, писатели-публицисты должны были пользоваться польским языком. В польской публицистике XVI в. боролись различные политические направления. Идеологом реакцион-

ных взглядов, теоретиком шляхетской диктатуры и глашатаем «шляхетской вольности» был Станислав Ожеховский; Станислав Загоровский в своём произведении «О природе королевских прав и имуществ» (1507 г.) выдвинул программу государственного устройства, отражавшую политические взгляды шляхты. Прогрессивно настроенные публицисты обсуждали в своих произведениях вопросы, связанные с распространением реформации, и подвергали уничтожающей критике католическое духовенство, политику римской курии. Вместе с тем они касались широких внешнеполитических проблем, обсуждали проекты реформы государственного строя.

Самые прогрессивные публицисты поднимались даже до критики существовавшего в Польше феодально-крепостнического режима. К таким публицистам принадлежал Андрей Фрыч Моджевский (1503—1572). Его лучшим произведением является трактат «Об исправлении Речи Посполитой». В нём он выступил за равноправие сословий перед законом, требовал ликвидации патримониальной юрисдикции в имениях магнатов и шляхты, выдвигал проект создания трибунала, избираемого всеми сословиями. Доказывая, что в далёком прошлом земля была общим достоянием, Моджевский обрушивался на произвол феодалов, резко усилившийся в связи с переходом к фольварочно-барщинной системе. Он боролся против экспроприации шляхтой крестьянских земель, против сгона крестьян с их наделов. Известны выступления Моджевского в защиту мещанства. Знаменательными и прогрессивными были взгляды этого публициста на войну. Моджевский призывал различать достойные войны — войны в защиту родины — и захватнические войны. Он считал справедливой борьбу за воссоединение с Польшей захваченных немецкими феодалами западных польских земель.

XVI век был «золотым веком» польской литературы. Уже начало XVI в. ознаменовалось расцветом гуманистической польско-латинской поэзии, которая решительно отошла от традиций религиозной тематики и средневековой идеологии. Выдающимся представителем этого направления был поэт крестьянского происхождения Клеменс Яницкий (1516—1543), увенчанный лавровым венком в Риме, как лучший латинский поэт.

Поэтом, впервые широко пользовавшимся польским языком, был выходец из мещанских слоёв Бернат из Люблина, являвшийся сторонником радикальной общественно-политической программы. Ярко выраженный сатирический обличительный характер имели произведения Миколая Рея из Нагловиц (1505—1569), выступавшего последовательным противником папского Рима и горячим польским патриотом. Характерно, что в своих произведениях Рей подверг критике и крайние проявления фольварочно-барщинной системы. Его важнейшим сочинением является «Жизнь достойного человека». Рей писал только по-польски. Прекрасное знание народной жизни, любовь к яркому и сочному родному языку определили исключительный успех этого первого в полном смысле слова национального польского писателя.

Для всего дальнейшего развития польского литературного языка и литературы особое значение имело творчество гениального поэта Яна Кохановского (1530—1584), сумевшего использовать в своей поэтической деятельности величайшие достижения народного творчества и являвшегося замечательным реформатором польского литературного языка. Кохановским было написано несколько поэм, он явился создателем польской светской национальной драмы. Но самыми высокими образцами его поэзии были лирические произведения — «Элегии», «Песни», «Фрагменты», «Фрашки» (безделушки), «Трэны» (плачи, написанные в связи со смертью маленькой дочери поэта). Это были произведения, отстаивавшие достоинство человеческой личности, произведения, посвящённые человеческому счастью и горю.

Самым видным польским поэтом, отражавшим настроения городского патрициата, был Себастьян Фабиан Клёнович (1545—1602), находившийся под сильным влиянием Кохановского. Клёнович обличал произвол шляхты и особенно магнатов, толкав-

ших, по его мнению, страну к гибели, и выступал против жестокой эксплуатации крепостного крестьянства. О тяжёлом крестьянском труде и о жестокости крепостников писал и другой видный поэт второй половины XVI — начала XVII в., выходец из зажиточных мещан Шимон Шимонович (1558—1629).

Особое место занимали произведения, выражавшие настроения крестьянства и городской бедноты. В народных песнях, исполнявшихся «сельскими дедами»—лирниками-певцами, звучали резкие социальные мотивы. Таковы песни о барщине, песни, высмеивающие сословные привилегии шляхты, и т. д. Произведения, созданные в среде крестьянства и городских низов, оставались в большинстве случаев анонимными. Всем своим содержанием они были направлены против существующего феодального строя.

Успешно развивалась светская вокальная и инструментальная музыка. Польские композиторы Миколай из Кракова, Вацлав из Шамотул, Цыприан Базилик, Миколай Гомулка, Якуб Поляк и Войцех Длугорай были выдающимися для своего времени, их произведения распространялись и за пределами Польши.

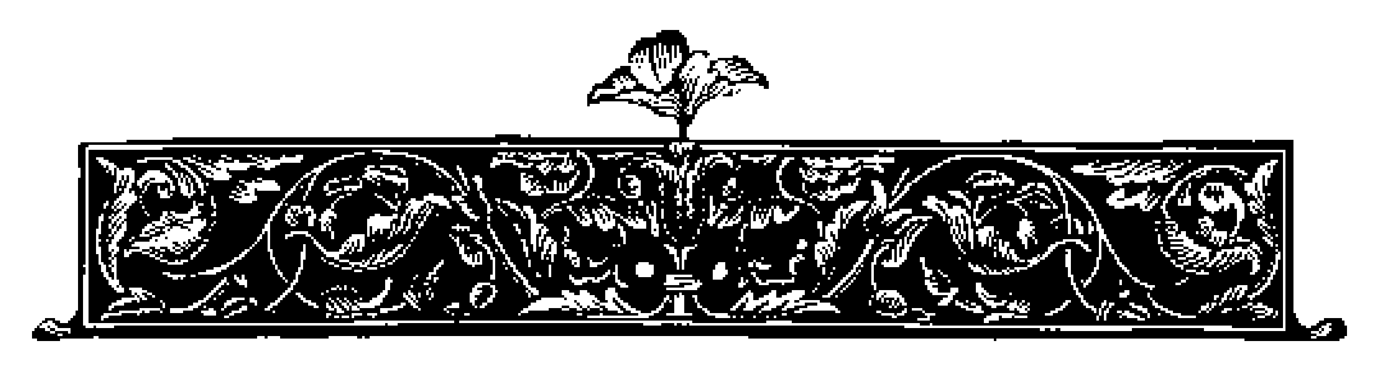
В польской архитектуре XVI в. широкое развитие получил стиль Ренессанса. В этом стиле были реконструированы городские ратуши. Выдающимся скульптором XVI в. был Ян Михалович из Ужендова, получивший прозвище польского Праксителя. Ему принадлежат многие скульптуры в мавзолеях польских магнатов.

Шедевром польской архитектуры и скульптуры XVI в. был королевский дворец на Вавеле в Кракове. В дворцовом ансамбле, выстроенном здесь в первые десятилетия XVI в., были творчески переработаны лучшие образцы итальянского Возрождения. Вавельский дворец явился поэтому оригинальным произведением польского искусства эпохи Возрождения, он органически связан с польскими традициями и в свою очередь оказал влияние на дальнейшее развитие архитектуры Польши. В 1519—1533 гг. на Вавеле было создано классическое произведение польского Ренессанса — «Капелла Сигизмунда», центральное место в котором занимают надгробные памятники польским королям — Сигизмунду I (произведение поселившегося в Польше итальянского скульптора Бартоломео Берецци) и Сигизмунду Августу (произведение Яна Мария Падовано).

Выдающимся мастером живописи был краковский художник Станислав Самостшельник, или Станислав из Могилы (около 1480—1541), — автор замечательных польских миниатюр, портретов и полихромий. Особенно известны его работы в монастыре в Могиле под Краковом. Самостшельник многие мотивы заимствовал из народной живописи.

Расцвет польской культуры эпохи Возрождения оказался, однако, непродолжительным. Уже в первой половине XVII в. наблюдается её упадок, связанный с общим экономическим и политическим упадком страны. Восторжествовавшая в Польше контрреформация самым губительным образом отразилась на развитии польской культуры.

ГЛАВА XVIII
УКРАИНА, БЕЛОРУССИЯ И ПРИБАЛТИКА

1. Украина, Белоруссия и Литва

К началу XVI в. вся Белоруссия и большая часть Украины (от Владимира-Волынского и Винницы до городов Ромны и Гадяч включительно) находились под властью Великого княжества Литовского. В состав Великого княжества Литовского тогда входила почти вся Литва; только северо-западная часть её (полоса к югу и западу от Паланги — Юрбаркаса) была захвачена Тевтонским орденом. Западная Украина (от Карпат до Сокаля, Тарнополя, Бара) принадлежала Польше; Закарпатье — Венгрии; Черновицкая область — Молдавии; причерноморские и приазовские районы Украины — Крымскому ханству и Турции.

Социально-экономическое развитие Украины, Белоруссии и Литвы в первой половине XVI в.

На Украине, в Белоруссии и Литве основным занятием подавляющего большинства населения было земледелие. Преобладало трёхполье. Перелог и подсека применялись главным образом при разработке нови. Занималось население и скотоводством. Получило развитие не только бортное, но и пасечное пчеловодство. Ещё в XIV—XV вв. в чернозёмной части Западной Украины было создано много прудов, в которых разводили рыбу.

На территории Великого княжества Литовского были распространены издавна существовавшие крупные крестьянские хозяйства (дворища, службы), состоящие из группы семей. Большинству из них принадлежала земельная площадь по несколько десятков гектаров; у многих хозяйств было по несколько сотен гектаров. Хозяйство носило в основном натуральный характер; лишь немногочисленные продукты предназначались непосредственно для продажи (мёд, воск, меха, железо, гончарные изделия).

Киев.
Рисунок А. Вестерфельда. 1651 г.

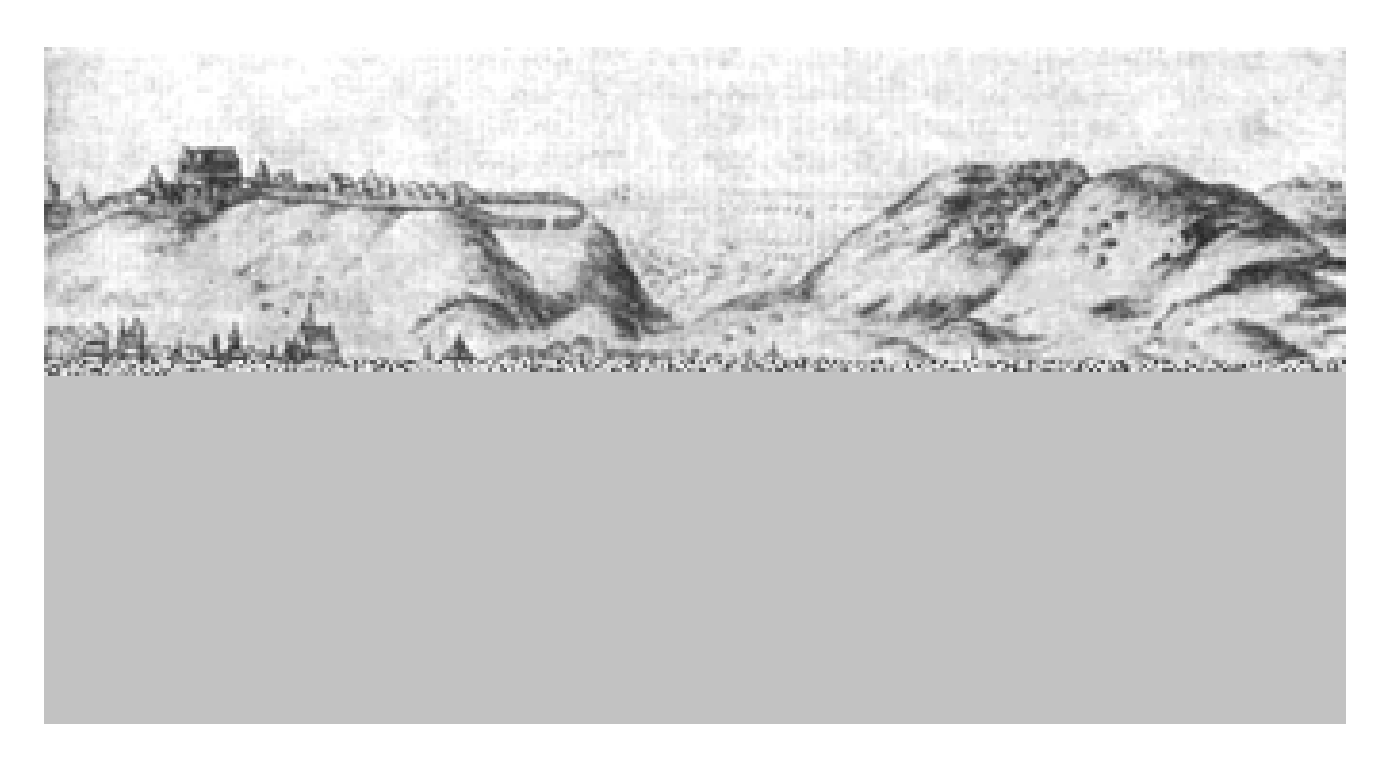
Происходил значительный рост городов, товарного производства и обращения. В середине XVI в. в Волынском воеводстве насчитывалось уже 68 городов, Подольском — 37. В 1589 г. в Русском воеводстве было свыше 100 городов, Белзском — 18. Многие города имели значительное население и были крупными по тем временам торговыми и ремесленными центрами. Например, в Каменце-Подольском в 1578 г. уплатили налог 230 ремесленников-мастеров (не считая мясников, пекарей, винокуров) и 90 их «товарищей»; в 1589 г. в Новом Самборе — 90 ремесленников, в Дрогобыче — 57, Стрые — 51.

О развитии товарооборота свидетельствует число торговцев: в 1577—1578 гг. в Ковле уплатили налог 111 торговцев, в Каменце-Подольском — 80 (не считая в последнем продавцов мяса, хлеба, спиртных напитков). В XVI в. значительно возросла и внешняя торговля Великого княжества Литовского со странами Западной Европы, Османской империи, Россией: ввозили меха, сукно, шёлк, бархат, ковры, бумажные материи, полотна, выделанные кожи, изделия из дерева и железа, пряности, соль; вывозили — мёд, воск, скот, поташ и золу, дерево, хлеб, овчины и другие товары. Торговля с Россией шла главным образом через Киев, Чернигов, Могилев, Вильнюс, Полоцк, Витебск. Рост городов привёл к усилению экономического и политического значения горожан. Укрепилось положение городского патрициата, состоявшего из крупных землевладельцев-мещан, торговцев, ростовщиков. Господство патрициата над городом осуществлялось через городское самоуправление по так называемому магдебургскому праву.

В городах был многочисленный плебс. Многие городские жители не имели своих домов и вынуждены были снимать угол (их называли каморниками).

Рост товарного производства и обращения вызвал увеличение потребностей феодалов и усиление эксплуатации зависимого населения, прежде всего крестьян.

В середине XVI в. феодалы Великого княжества Литовского, стремясь к укреплению своей земельной собственности, приступили к проведению так называемой волочной реформы. При осуществлении этой реформы вся земля, которой пользовались крестьяне с незапамятных времён, забиралась в общий фонд имения и пере-

Киев.
Рисунок А. Вестерфельда. 1651 г.

меривалась на волоки [1]. Из этого общего фонда жители деревни получали на новых участках водочные, полуволочные и другие наделы. Владелец имения приобретал больше возможностей рассматривать землю, находившуюся в пользовании крестьян, как свою собственность.

До волочной реформы феодалу непосредственно были подчинены лишь главы больших хозяйств (дворищ, служб). Теперь семьи, жившие в дворищах и службах, получали самостоятельные наделы и ставились в непосредственную зависимость от владельца имения.

Крестьяне за предоставленную им владельцем имения землю были обязаны выполнять в его пользу определённые повинности работой, продуктами, деньгами. Волочная реформа была проведена и на землях, которыми пользовались горожане.

Наступление феодалов вызвало со стороны крестьян резкий отпор. Разрозненные крестьянские восстания охватили значительные районы. Проведение «волочной померы» затянулось более чем на столетие, а на Украине, вследствие сопротивления крестьян, вообще было сорвано. В 1545 г. феодалы Винницкого повета жаловались великому князю: «хлопы распустились», крестьянин «для пана совсем не работает», паны жили здесь в постоянном страхе, ожидая от крестьянина всяких «бед».

В 1563 г. восстали крестьяне Ляховецкой волости, Волынского воеводства, и убили своего владельца — крупного феодала Матвея Сенюту. В 1567 г. выступили с оружием в руках крестьяне Чернечгородка (Волынское Полесье). В течение нескольких месяцев восстание распространилось на окрестные деревни. Восставшие крестьяне заявили комиссарам короля, что они новых повинностей выполнять не будут.

Упорно боролись против своих угнетателей и крестьяне Литвы. В 1525—1528 гг. происходило большое крестьянское восстание в части Литвы, подвластной Тевтонскому ордену; оно было подавлено лишь с помощью литовских и польских феодалов—великого князя литовского и короля польского Сигизмунда I. Часты были

[1] Волока — земельный участок, который отдавался в надел крестьянам. Волока равнялась 30—33 моргам, т. е. около 20,3 *га*.

выступления крестьян Жемайтии: около 1530 г. восстали крестьяне Дирвенской волости, в 1536 г. — крестьяне Вешвенской волости, а в 1536—1537 гг. — крестьяне Тельшяйской, Биржиненской, Тверийской и Годигской волостей. В 1544 г. отказались выполнять повинности крестьяне Аникшайской и Укмергской волостей. Сопротивление крестьян Литвы феодалы подавляли военной силой.

Рост классовой и национально-освободительной борьбы в конце XVI и первой половине XVII в.

Использовав обострение классовых и национальных противоречий в Великом княжестве Литовском, польские феодалы в 1569 г. на сейме в Люблине добились заключения унии Литвы с Польшей и образования единого Польско-Литовского государства — Речи Посполитой, в которой им обеспечивалась главенствующая роль.

После заключения Люблинской унии в составе Великого княжества Литовского остались Литва и Белоруссия. Ранее подвластные Литве украинские области были включены непосредственно в состав так называемых коронных земель, т. е. Польского государства.

В каждой части Речи Посполитой (Польше и Литве) были свои коронные и литовские высшие должностные лица: гетманы (командующие войсками), великие и польные (заместители великих) канцлеры, казначеи.

Башня («Острые ворота») и часть городской стены в г. Вильнюсе.

Государство распадалось на воеводства, воеводства — на поветы. На местах решающую роль играли шляхетские сеймики.

Вся административная и судебная власть над крестьянами принадлежала владельцу имения. Города имели свои органы самоуправления, которые под контролем владельца города разрешали административные и судебные вопросы, касающиеся мещан.

После принятия Люблинской унии польские и украинские крупные феодалы начали захватывать новые имения к югу от линии Киев — Винница. Вся территория к югу и юго-востоку от Белой Церкви была объявлена «пустыней»; закон 1590 г. предоставил королю право раздавать эти земли людям шляхетского сословия.

Однако Украина к югу от Белой Церкви на самом деле пустынной не была. Здесь жили феодалы, крестьяне, горожане, а также казаки. Казачество составилось из крестьян и горожан, бежавших из Северной и Западной Украины, Белоруссии и России в поисках спасения от феодального гнёта. Казаки и в дальнейшем сохраняли тесные связи со своей родиной. Казачество пополнялось и за счёт местных жителей — крестьян, горожан и отдельных дворян. В середине XVI в. казаки создали свой центр, Запорожскую Сечь, и вели вооружённую борьбу с татарскими и

турецкими вторжениями. В ходе этой борьбы казаки приобрели большой военный опыт и стали грозной силой, с которой польское правительство вынуждено было считаться.

Захватывая имения к югу от Белой Церкви, польские и украинские феодалы пытались расколоть казаков, часть их привлечь на свою сторону и использовать в борьбе против Крымского ханства, Турции и местного населения, В 1572 г. польское правительство зачислило более зажиточную часть казаков на государственную службу; несколько сотен казаков были записаны в особый список—реестр, откуда их название—реестровые казаки. Это мероприятие не обеспечило покорности казачества феодалам, ибо в реестр попадало меньшинство казаков. Реестровые казаки были тесно связаны с нереестровыми и с остальным населением Украины.

Украинские казаки.
Перерисовка с гравюры на карте Украины, сделанной Бопланом в 1650 г.

Укрепив свои силы, феодалы Польши, Литвы, Украины и Белоруссии усилили эксплуатацию крестьян, они увеличивали барщину, которая становилась главной формой феодальной ренты. Во второй половине XVI в. барщина возросла вдвое. В 1588 г. был издан Третий литовский статут, усиливавший крепостную зависимость крестьянина от феодала.

В городах феодалы увеличивали налоговое обложение и монополизировали многие отрасли торговли.

Крестьяне боролись против нового усиления эксплуатации; отказывались выполнять повинности, поджигали барские усадьбы, убивали феодалов. Вместе с крестьянами выступали казаки. В 1591 г. против местных магнатов восстали казаки на Украине, предводителем их был Косинский; вместе с казаками восстали крестьяне и горожане Киевского, Брацлавского, Волынского и Подольского воеводств. Украинские магнаты получили помощь от польских феодалов. В начале 1593 г. войска, возглавляемые украинским магнатом князем Острожским, нанесли восставшим поражение у города Пятки (к юго-западу от Житомира). Косинский принуждён был подписать договор о прекращении борьбы. Казаки обратились к русскому царю с просьбой о принятии их в подданство с теми землями, на которых они жили. В мае 1593 г. казацкий отряд Косинского был разбит под Черкассами, а сам Косинский погиб. После этого переговоры казаков с Россией были прерваны.

В 1594 г. крестьянско-казацкое восстание вспыхнуло с новой силой. Вождём восставших был Наливайко. В 1595 г. отряды восставших под предводительством Наливайко действовали на Волыни, затем в Белоруссии, где взяли Слуцк. В окрестностях Слуцка повстанцы разбили отряд феодалов, шедший на подавление восстания. В конце ноября они штурмом взяли Могилёв, где укрывались местные шляхтичи. С начала 1596 г. против Наливайко развернула операции 18-тысячная армия феодалов. Умело маневрируя, Наливайко отвёл свои отряды до Уманских лесов,

а отсюда в район Белой Церкви, где соединился с восставшими реестровыми казаками. Отбиваясь от врагов, отряды восставших сумели переправиться через Днепр и уйти на Левобережье, но возле Лубен были окружены армией Речи Посполитой. Реестровые казаки схватили и выдали панам предводителей восстания, в том числе Наливайко; окружённые сдали панской армии оружие. Сдавшиеся повстанцы вместе с женщинами и детьми были перебиты; лишь часть казаков вырвалась из вражеского кольца и ушла в Запорожье.

Феодалы Украины, Белоруссии, Литвы, борясь против народных масс вместе с феодалами Польши, всё теснее сближались с последними — перенимали их язык, религию, ополячивались. Крестьяне и горожане видели в панской Польше силу, поддерживающую и укрепляющую их врагов, и ориентировались на Русское государство. Украинский и белорусский народы были близки русскому народу; их связывала не только близость языков, исторического прошлого, но и многовековые культурные связи, единство религии. Чтобы укрепить свою власть над украинским и белорусским народами, польские феодалы решили оторвать церковь Украины и Белоруссии от православия и связать её с католичеством. Инициатором и ревностным проповедником этой идеи было католическое духовенство, в первую очередь иезуиты. В 1596 г. была провозглашена уния украинской и белорусской православной церкви с церковью римско-католической (Брестская уния). Высшее украинское и белорусское духовенство охотно признало унию; но рядовое православное духовенство, подавляющее большинство горожан и крестьян, а также казачество её не признали. Правительство Речи Посполитой объявило единственно законной церковь униатскую, а православную церковь поставило вне закона.

В первой половине XVII в. продолжался начавшийся ещё в предыдущем столетии захват украинских и белорусских земель польскими магнатами: обширные владения на территории Украины принадлежали Потоцким, Конецпольским, Калиновским и др. Распространение магнатских владений приводило к резкому усилению крепостнического гнёта.

В начале XVII в. в России происходила крестьянская война под предводительством Ивана Болотникова. Трудящиеся Украины и Белоруссии помогали русским крестьянам и холопам в их борьбе против эксплуататоров. В отрядах Болотникова было много украинцев и белорусов. Первоначально район восстания охватывал юго-западную часть Русского государства, т. е. территорию с русским и украинским населением. Борьба украинского и белорусского народов против феодалов Речи Посполитой облегчала русскому народу успешное отражение польской интервенции, так как значительную часть польского войска приходилось оставлять для подавления «своеволия» на Украине и в Белоруссии. В 1601 г. белорусские крестьяне, присоединившись к казацкому отряду под предводительством Дубины, громили своих угнетателей в районах Витебска и Полоцка. В 1602—1603 гг. казацкие отряды возглавили антифеодальные выступления белорусских крестьян в окрестностях Гомеля, Речицы, Быхова, Орши, Мстиславля. В 1606 г. началось восстание городской бедноты в Могилёве; оно было подавлено королевскими войсками только в 1610 г. В 1606 г. крестьяне и мещане в районе Глуска разгромили один из шляхетских отрядов, направлявшийся в пределы Русского государства.

На Украине в 1604—1605 гг. произошло большое восстание в Корсуне, а одновременно и в Брацлаве. В 1607 г. значительные крестьянские волнения были в Западной Украине.

В 1605 г. князь Януш Острожский говорил на польском сейме о том, что нереестровые казаки «очень подняли голову», что владельцы имений весьма опасаются, как бы к ним не присоединились крестьяне, что «своеволие» казаков нужно быстро подавить. Сейм в начале XVII в. неоднократно упоминал в своих постановлениях «украинское своеволие», «разбой и злодейства украинные». Громадное количество

населения на Украине «показачилось»: отказалось подчиняться администрации имений и выполнять какие бы то ни было повинности.

После провала попытки подчинить себе Русское государство феодалы Речи Посполитой выдвинули на первый план задачу подавления сопротивления украинского казачества. Однако сделать это было весьма трудно, ибо в начале XVII в. отношения между Польско-Литовским государством и Турцией крайне обострились, правительство Турции собиралось приступить к завоеванию Речи Посполитой. Между тем казаки наносили серьёзные удары по Турции и её вассалу — Крымскому ханству, ослабляли их натиск на Речь Посполитую. В 1614 г. казаки на лодках пересекли Чёрное море, взяли Синоп, уничтожив гарнизон и стоявший там турецкий флот. В 1615 г. они совершили поход на столицу Османской империи Стамбул, сожгли гавани в его окрестностях, разбили преследовавший их флот. В 1616 г. казаки взяли Кафу (Феодосию) и уничтожили находившиеся там военные корабли, а также 14-тысячный турецкий гарнизон. В 1616 г. ими был совершён удачный поход на Трапезунт (Трабзон).

Белорусские крестьяне.
Деталь иконы начала XVII в. из г. Минска.

Правительство Речи Посполитой принуждено было на Украине лавировать, стремясь использовать казачество в своих политических целях.

В 1621 г. Турция направила против Речи Посполитой большую армию. Армия Речи Посполитой преградила ей дорогу у Хотина. Активное участие в боях значительных отрядов казаков содействовало поражению турецкой армии. Правительство Турции на этот раз отказалось от своих завоевательных планов в отношении Речи Посполитой и заключило с ней мир.

В 1625 г. польская армия была отправлена против казаков, оказавших ей сопротивление. После боя у Курукова озера (возле Кременчуга) было подписано соглашение: устанавливался реестр в 6 тыс. человек, не попавшие в него должны были возвратиться «в послушенство» к своим владельцам. Однако не попавшие в реестр казаки (выписчики) соглашения не признали, причём часть их ушла на Русь.

В 1629 г. против вступившей в соглашение с Речью Посполитой казацкой старшины поднялись нереестровые казаки во главе с Тарасом Федоровичем. Вслед за казаками поднялись крестьяне. Отправленная на подавление восстания армия Речи Посполитой потерпела ряд поражений. Были сделаны некоторые уступки казацкой верхушке, в частности реестр увеличен до 8 тыс. После разгрома больших крестьянско-казацких восстаний, вспыхнувших в 1637 и 1638 гг. в Приднепровье, казацкий реестр был снова уменьшен до 6 тыс. человек. Выборность казацкой старшины и казацкий суд отменялись; во главе казацкого войска были поставлены назначенные правительством Речи Посполитой шляхтичи. И на этот раз после подавления восстаний происходил массовый уход в пределы Русского государства казаков, мещан и крестьян.

Подавление крестьянско-казацких восстаний не привело к укреплению власти Польши над Украиной. Усиление гнёта вызывало озлобление крестьян, мещан и казаков. Реестровые казаки после ограничения их привилегий в 1638 г. стали ещё более ненадёжными.

Большой силой тогда было украинское и белорусское мещанство, владевшее значительными материальными средствами и игравшее заметную роль в культурной жизни страны. Мещанство, подвергавшееся преследованиям со стороны польских феодалов, было враждебно настроено по отношению к Речи Посполитой. Идея воссоединения с Русским государством была популярной среди мещанства, особенно в городах Приднепровья и Левобережья, экономически теснее, чем другие, связанных с Россией.

Георгий Скорина.
Гравюра из Библии, изданной в 1517 г.

В 40-х годах XVII в. на Украине, а также в Белоруссии зрела идея освободительной войны против Польши, за воссоединение с Россией.

Культура

Украинцы и белорусы унаследовали свою культуру от древнерусской народности, от которой происходят как тот, так и другой народы. Они были очень близки друг другу по языку, находились в то время под властью одного и того же государства, исповедовали общую религию— православие, вместе боролись против полонизации. Они совместно развивали свою культуру, у них были общие культурные центры.

Русский народ оказывал большое влияние на развитие культуры украинского, белорусского и литовского народов.

Города Белоруссии и Литвы в XVI в. стали играть видную роль в культурной жизни. Выходец из мещан города Полоцка Георгий Скорина (род. около 1490 г. — ум. после 1535 г.) известен печатанием книг для «своей братии Руси». По образованию Скорина был врачом, но подлинным делом его жизни стала разработка литературного языка братских народностей Белоруссии, Украины и Русского государства. Скорина называл этот язык «русским», хотя в нём имеются элементы различных наречий славянских народов. 22 книги,

переведённые им на этот язык, Скорина издал в Праге. Скорина, по-видимому, сам перевёл на этот язык Библию, которую он издал и снабдил комментариями.
Издания Скорины снабжались иллюстрациями, в которых дана реалистическая трактовка человеческих фигур.

Ряд книг был напечатан как сторонниками, так и противниками получившего некоторое распространение на Украине и в Белоруссии реформационного движения. Первой печатной книгой на литовском языке были изданные в 1547 г. проповедником реформации Мартинасом Мажвидасом «Простые слова катехизиса».

Во второй половине XVI в. польские феодалы предприняли широкое наступление на культуру Украины, Белоруссии, Литвы. Проводило это наступление в первую очередь католическое духовенство, возглавляемое орденом иезуитов. Иезуиты создали много своих школ для борьбы с православием и ересями, в 1578 г. открыли в Вильнюсе (Вильно) свою высшую школу (академию). Иезуиты наводнили Украину, Белоруссию и Литву своими изданиями.

Католическая пропаганда имела большой успех среди украинских, белорусских и литовских феодалов. Исходя из своих классовых интересов, феодалы, изменяя своему народу, принимали католицизм, ополячивались.

Горожане и крестьяне не поддерживали церковную унию. Для борьбы с польско-католической агрессией горожане объединялись в братства при своих церквах. В защиту православия выступили и некоторые из феодалов, не желавших совсем оторваться от своего народа.

Создаются православные школы в Остроге (князя К. К. Острожского), Львове, Вильнюсе, Могилеве на Днепре, Луцке, Киеве и др. (братские школы). Открылись православные типографии в Остроге, Львове, Вильнюсе, Могилеве и др. В развитии типографского дела на Украине и в Белоруссии большую роль сыграл русский первопечатник Иван Фёдоров. На Украине он был основоположником книгопечатания. Сначала Иван Фёдоров открыл типографию в Заблудове (Белоруссия), его помощник Пётр Мстиславец основал типографию в Вильнюсе. Затем Иван Фёдоров работал в созданных им типографиях во Львове и Остроге. В Львове в 1574 г. он напечатал первый русский букварь и «Апостол», в Остроге в 1580—1581 гг. — Библию, являвшуюся выдающимся образцом печатного дела того времени.

ГРАММАТІКИ

Титульный лист «Грамматики» Мелетия Смотрицкого.
Вильнюс 1613 г.

Братства и православная церковь подготовили своих полемистов и богословов. Направленные против католической церкви полемические сочинения

писались в защиту православия. Важнейшими из них были: «Апокрисис, алба отповедь на книжны о соборе берестейском» (1597 г.), «Тренос» («Плач») по поводу отступничества от православия феодалов, «Палинодия — книга обороны... церкви» (1621 г.), «Протестация» — против притеснения украинского и белорусского народов шляхетской Польшей. Большой успех имели «послания» — памфлеты Ивана Вышенского благодаря своей остроте и политическому содержанию.

Важное значение в борьбе за спасение своей народности от полонизации имело изучение родного языка. Был создан ряд букварей и грамматик. Выдающимся трудом в области филологии был «Лексикон славенорусский и имён толкование» Памвы Беринды. Развивались поэзия и драматургия. В живописи наблюдается отход от религиозной тематики. Часто встречаются портреты общественных и политических деятелей, батальные сцены. Излюбленным образом художника становится казак.

В устном народном творчестве широко были распространены песни, поговорки, пословицы, сказки. Лучшими произведениями украинской народной поэзии того времени были исторические песни и думы. В них народ выразил горячую любовь к своей родной стране, ненависть к внешним и внутренним врагам.

2. Прибалтика (Латвия и Эстония)

Прибалтика в конце XV и первой половине XVI в.

До середины XVI в. Латвия и Эстония продолжали составлять территорию Ливонского орденского государства. В это государство входило несколько различных феодальных владений: Ливонский орден, Рижское архиепископство, три епископства (Тартуское, Сааремаа-Ляанемааское на территории Эстонии и Курземское на территории Латвии) и города. Важнейшим феодальным владением средневековой Ливонии был Ливонский орден.

Орденское рыцарство регулярно пополнялось пришельцами из Германии, которые прибывали в Ливонию в поисках наживы и славы. Тесными узами с немецкой метрополией были связаны также ливонские вассалы, которые происходили в основном из потомков немецких захватчиков XIII в. Из этих вассалов образовалось местное дворянство в епископских и орденских владениях. Орден, епископы и их церковные чины являлись наиболее крупными феодальными землевладельцами. В некоторых орденских землях, например в Северной Эстонии (Харью-Виру), и епископствах преобладающая часть земель принадлежала вассалам-дворянам, угнетавшим эстонские и латышские народные массы. Политика Ливонского орденского государства сохранила до конца своего существования резко выраженный захватнический характер.

В конце XV — первой половине XVI в. наиболее характерным процессом в социально-экономической жизни Ливонии являлось интенсивное развитие помещичьего землевладения. Это было обусловлено повышением спроса на зерно и другие сельскохозяйственные продукты вследствие роста городов и увеличения неземледельческого населения в стране. Но главной причиной был всё более увеличивавшийся в Западной Европе спрос на основной предмет ливонского экспорта — зерновой хлеб и значительное повышение цен на него. Ливонские феодалы (Орден, епископы и вассалы-помещики) не преминули использовать благоприятную конъюнктуру и увеличили производство товарного зерна, что достигалось прежде всего путём усиления феодальной эксплуатации крестьянства. Для расширения господской запашки крестьян сгоняли с их исконных земель, которые превращались в помещичьи и обрабатывались барщинным трудом крестьян. Наиболее распространённой формой сопротивления крестьян возросшему феодальному гнёту стали побеги, феодалы стремились прикрепить крестьян к земле. В связи с этим в конце XV и в первой поло-

вине XVI в. в Ливонии происходило закрепощение крестьян и юридическое оформление крепостного права.

Закрепощение охватило в первую очередь дворохозяев, которые составляли основную массу крестьянства и отбывали барщину в феодальных поместьях. В XVI в. процесс закрепощения, неуклонно расширяясь, охватил и прослойку безземельного крестьянства — бобылей, живших в крестьянских дворах и усадебных

Таллин.
Гравюра 1656 г.

пристройках и работавших у дворохозяев подёнщиками, мастеровыми, рыбаками. Особую группу беднейших крестьян составляли «пешеходцы» (юксъялги), которые обычно возделывали запустевшие и целинные земли и, не имея своего рабочего скота, выполняли только пешую барщину. Несмотря на значительную дифференциацию крепостного крестьянства в Ливонии, его борьба своим остриём была направлена против общего классового врага — феодалов.

В обстановке расширения и углубления феодальной эксплуатации подневольного крестьянства увеличивался удельный вес дворянского сословия в политической жизни Ливонии. Большое значение с конца XV в. приобрёл ландтаг, т. е. представительное учреждение господствующих сословий страны — Ордена, епископств, «рыцарств» и наиболее крупных городов. На деле ландтаг был орудием дворянства, которое с успехом использовало его для укрепления своего политического влияния.

В конце XV и в первой половине XVI в. возросла также политическая роль городов, в первую очередь крупнейших из них — Риги, Таллина (Ревеля) и Тарту. Города эти были членами Ганзейского союза и пользовались весьма развитым самоуправлением, всячески противодействуя стремлению крупных феодалов и их вассалов распространить на них свои права и привилегии.

Высшие органы городского самоуправления оставались в руках городских верхов, в первую очередь немецких купцов. При разрешении важнейших вопросов

городской жизни в Риге, Таллине и Тарту особенно значительную роль играла Большая гильдия, объединявшая крупных купцов и представителей некоторых ремесленных профессий (например, ювелиров). Из членов этой гильдии выбирался магистрат (рат) — высший орган управления города. Члены магистрата и Большой гильдии составляли городской патрициат. Основной массой бюргерства являлись ремесленники и мелкие торговцы, объединявшиеся по профессиям в цехи, входившие в свою очередь в состав Малой гильдии. Среди ремесленников в Риге было значительное количество латышей, а в Таллине и Тарту — эстонцев. Городская беднота, не входившая в гильдии и цехи и не пользовавшаяся гражданскими правами, состояла главным образом из бежавших в город крестьян, занятых в качестве домашней прислуги и разного рода чернорабочих. В крупных городах Ливонии в конце XV и в первой половине XVI в. жило также значительное количество русских купцов и ремесленников. Они составляли в этих городах население особых улиц — «концов».

Классовая борьба между патрициатом, рядовым бюргерством и плебейской массой в первой половине XVI в. нередко проявлялась в весьма острых формах. Классовые противоречия в городах Ливонии переплетались с национальными — между немецкими верхами, с одной стороны, и массами эксплуатируемого эстонского и латышского населения — с другой.

Укрепление политических позиций крупнейших городов Ливонии происходило в условиях роста их посреднической торговли между Западом и Востоком. Оживлённой была торговля Риги с Литвой по главному торговому пути — реке Даугаве (Западной Двине). Немаловажное значение имела для Риги, а также для Таллина и Тарту торговля с Россией. Роль ливонских городов в посреднической торговле с Россией стала возрастать после закрытия ганзейской конторы в Новгороде в 1494 г. Это способствовало росту экономического и политического влияния ливонских городов в первой половине XVI в. Однако на почве стремления захватить в свои руки монополию на роль посредника в торговле России с Западом у ливонских городов возникли острейшие противоречия с русским купечеством и правительством, а также с западно-ганзейскими городами, в частности с Любеком.

Ливонские города принимали активное участие в осуществлении политики Ордена и епископов, направленной к изоляции и экономической блокаде России. Такая политика содействовала развязыванию военного конфликта между Русским государством и орденской Ливонией.

Увеличение удельного веса городов и местного дворянства содействовало разложению Ливонского орденского государства.

Обострение противоречий в Орденском государстве происходило в условиях подъёма реформационного движения. Реформация, начавшаяся в начале 20-х годов XVI в., распространилась среди городского бюргерства и вассалов. Ею были охвачены также городские низы и крестьяне.

Наиболее радикальное крыло реформации в Ливонии было представлено странствующим ремесленником, скорняком Мельхиором Гофманом, который своей деятельностью достиг выдающихся успехов в некоторых крупных городах страны. Вынужденный под давлением феодалов и городского патрициата покинуть Ливонию, Гофман после подавления Крестьянской войны в Германии стал там одним из вождей радикального анабаптизма.

Победило в Ливонии умеренное реформационное движение — лютеранство, явившееся идеологией дворянства и немецких бюргеров Ливонии. Около середины XVI в. большинство населения Ливонии формально считалось принявшим лютеранство. В 1554 г. на ландтаге в Валмиере была провозглашена свобода вероисповедания для лютеран всей Ливонии.

Успехи реформации, подрывая авторитет Ордена, как детища католической церкви, создавали значительные затруднения для пополнения его состава новыми «ры-

царями», которые, как правило, вербовались вне страны, прежде всего в Германии. Военная мощь Ордена шла на убыль. Реформация подрывала также основы существующей феодально-иерархической государственной организации, верхушка которой в руководстве Ордена и в лице епископов и их капитулов продолжала оставаться тесно связанной с католической церковью.

Таким образом, в последние десятилетия перед Ливонской войной как в экономике, так и в расстановке классовых сил в стране происходили большие изменения, содействовавшие обострению социальных противоречий. В этих условиях Ливонское орденское государство стало явным анахронизмом.

На политическом положении Ливонии также сказывались крупные сдвиги, которые происходили в международной обстановке.

Активными конкурентами ганзейских купцов, отстаивавших в прибалтийской торговле свои прежние права и привилегии, стали выступать Англия и Нидерланды. В то же время в Восточной Европе возросла политическая роль Русского государства, а также Великого княжества Литовского, Польши, Швеции и Дании, стремившихся ликвидировать прежнее монопольное положение ганзейцев.

В начале XVI в. магистр Ливонского ордена Вальтер фон Плеттенберг (1494—1535) предпринял попытку вторжения в русские земли. После тщательной дипломатической подготовки Плеттенберг в августе 1501 г. перешёл в наступление на псковские земли. Главные русские силы ответили контрударом, вторгшись осенью того же года в глубь Ливонии. Получив значительную помощь от папской курии и ганзейских городов, Плеттенберг предпринял в 1502 г. новое крупное наступление на Псков, согласованное с военными операциями великого князя Литвы Александра Казимировича против русских. В последовавших сражениях с войсками Плеттенберга русские вышли победителями, и в 1503 г. между Ливонией и Россией было заключено перемирие, возобновлявшееся впоследствии и остававшееся в силе до Ливонской войны. Однако и в это время Ливония продолжала участвовать в экономической блокаде Русского государства, которую осуществляли Литва, Польша и Швеция.

Орден, епископства и города Ливонии всячески препятствовали развитию внешней торговли и расширению дипломатических связей Русского государства со странами Западной Европы. Они не допускали проезда в Москву нанятых за границей мастеров, в особенности знатоков военного дела. Назревала борьба России против Ливонии за выход к Балтийскому морю.

В правящих кругах Ливонии к середине XVI в. уже имелась значительная группа, ориентировавшаяся на тесное сотрудничество с Польшей и Литвой. С другой стороны, антипольские тенденции влиятельной части Ордена привели к обострению отношений между политическими группировками в Ливонии. Противникам сближения с Польшей удалось на ландтаге в Валмиере в 1546 г. провести постановление, по которому избрание коадъюторов (заместителей и преемников магистра, а также епископов) в ливонских землях было поставлено в зависимость от одобрения всех правителей. После продолжительного вооружённого конфликта между рижским архиепископом, поддержанным Польшей, и Орденом (так называемая «коадъюторская распря») Ливонский орден потерпел поражение и принял условия, навязанные ему королём Сигизмундом II Августом в мирном договоре, подписанном в Посволе в сентябре 1557 г. Рижский архиепископ Вильгельм был восстановлен в своих правах, а его родственник — мекленбургский герцог Кристоффер признавался коадъютором. Орден заключил с Польшей и Литвой договор о союзе.

Исход «коадъюторской распри» и конфликта с Польшей показал политическую и военную слабость Ливонского ордена. Заключение союза между Ливонией и Польшей было прямым нарушением договора 1554 г. между Россией и Ливонией, по которому Ливония обязалась не вступать в союз с Польшей и Литвой, соглашалась уплачивать подать с Тартуского епископства. Русским купцам должна была

обеспечиваться свободная торговля в Ливонии и свободный провоз товаров через неё Иностранцам и русским ливонские власти были обязаны предоставить право свободного проезда в русские земли и обратно.

Ливонская война и народы Прибалтики

В 1558 г. началась война между Россией и Ливонским орденом, позднее расширившаяся и охватившая ряд европейских государств. Эстонский и латышский народы, видевшие в русских своих союзников и защитников в борьбе против ненавистных угнетателей, выступали в начальный период Ливонской войны с оружием в руках против своих немецких господ, оказывали помощь и содействие русским войскам. Осенью 1560 г. эстонские крестьяне подняли против немецких феодалов восстание, которое приняло значительные размеры и потребовало немалых усилий для его подавления.

Война приняла затяжной характер, в неё вмешался ряд европейских держав. Дания захватила на западе страны Сааремаа-Ляанемааское епископство. В июне 1561 г. Швеция утвердилась в Таллине и стала расширять своё владычество в Северной Эстонии. Ливонский орден и рижский архиепископ полностью подчинились польскому королю и литовскому великому князю Сигизмунду II Августу.

Ликвидация орденского государства, явившаяся результатом Ливонской войны, имела положительное значение для судеб эстонского и латышского народов. Вместе с тем после окончательного распада Орденского государства Ливонская война вступила в новую фазу, превратилась в борьбу держав, соперничавших между собой в разделе ливонского наследства,— России, Польши и Литвы, Швеции и Дании. Русское государство тогда не достигло своей цели — получения широкого выхода к Балтийскому морю. Такой исход войны имел тяжёлые последствия и для эстонского и латышского народов. Попавшие в ходе Ливонской войны под власть соперничавших между собой государств — Швеции, Речи Посполитой и Дании — народы Прибалтики оказались под гнётом новых иноземных захватчиков.

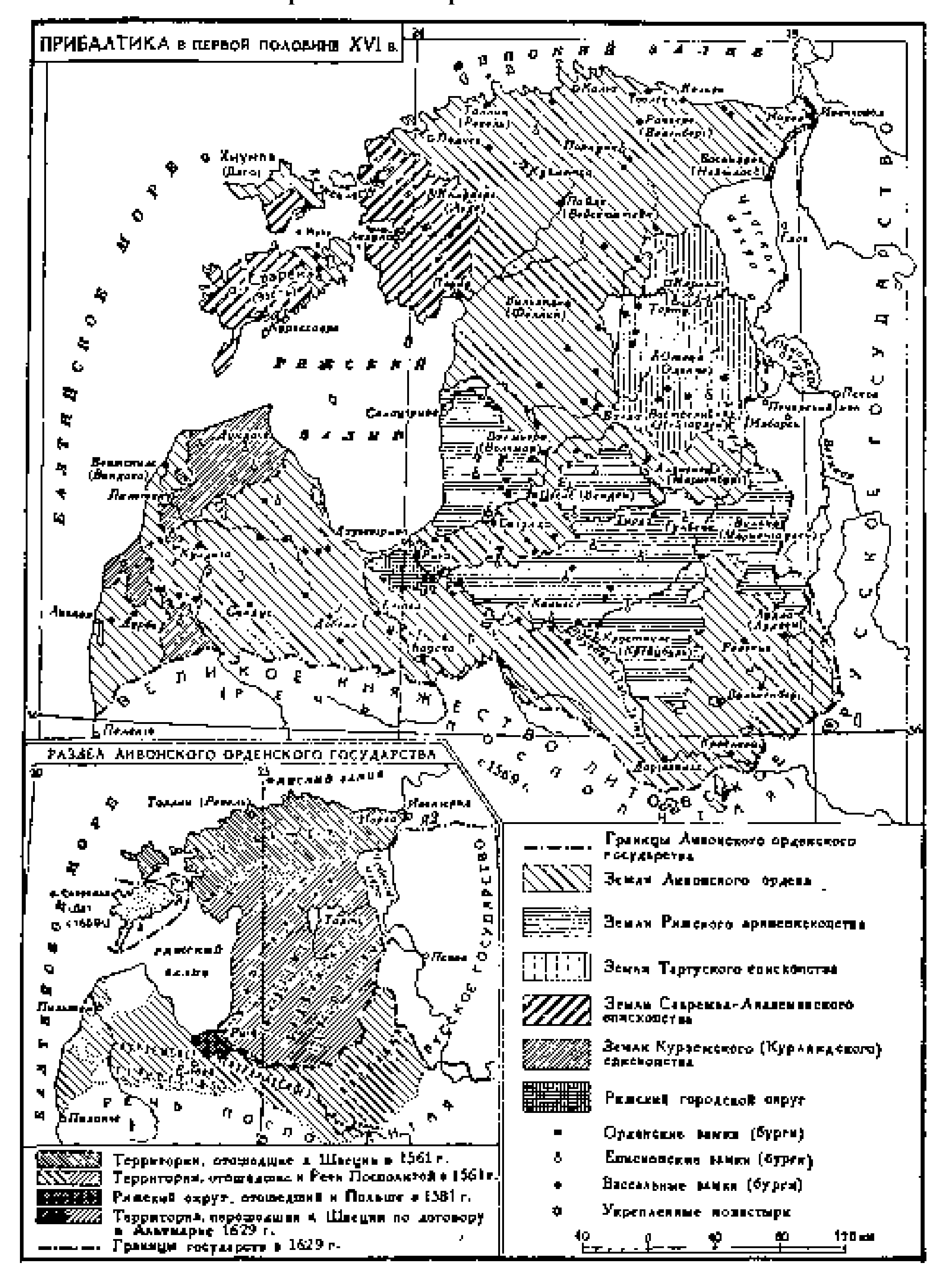
На протяжении следующих 150 лет Прибалтика являлась театром бесконечных войн, приводивших к опустошению её территории и гибели значительной части местного населения.

Прибалтика под властью Швеции и Речи Посполитой в конце XVI и начале XVII в.

Политическая карта Прибалтики после окончания Ливонской войны стала не менее пёстрой, чем она была до этих событий. Речь Посполитая захватила в своё владение северную часть Латвии (к северу от реки Даугавы) и Южную Эстонию, которая в период Ливонской войны была занята русскими войсками. Вся эта территория образовала особую провинцию под названием Задвинского герцогства. В 1581 г. под власть Польши перешла и Рига. К югу от Даугавы образовалось зависимое от Речи Посполитой Курземское и Земгальское (Курляндское) герцогство, доставшееся в наследственное ленное владение последнему магистру Ливонского ордена Готарду Кетлеру. Особую территорию составило Курляндское епископство, из которого впоследствии была образована автономная Пильтенская область, подчинённая непосредственно польскому королю. Северная Эстония была захвачена Швецией. Острова Сааремаа и Муху, захваченные Данией в ходе Ливонской войны, остались в её владении до 1645 г., когда они в результате войны перешли к Швеции.

Задвинское герцогство, вначале находившееся в зависимости от короля Польши и великого князя литовского Сигизмунда II Августа, после Люблинской унии 1569 г. было включено в состав Речи Посполитой. Польское правительство рассматривало Задвинское герцогство, в первую очередь, как аванпост против Швеции и России. Поэтому оно урезывало здесь привилегии немецкого дворянства и в то же время щедро раздавало имения польским и литовским феодалам, расширяя также их права в местном управлении. Со стороны немецкого дворянства последовали

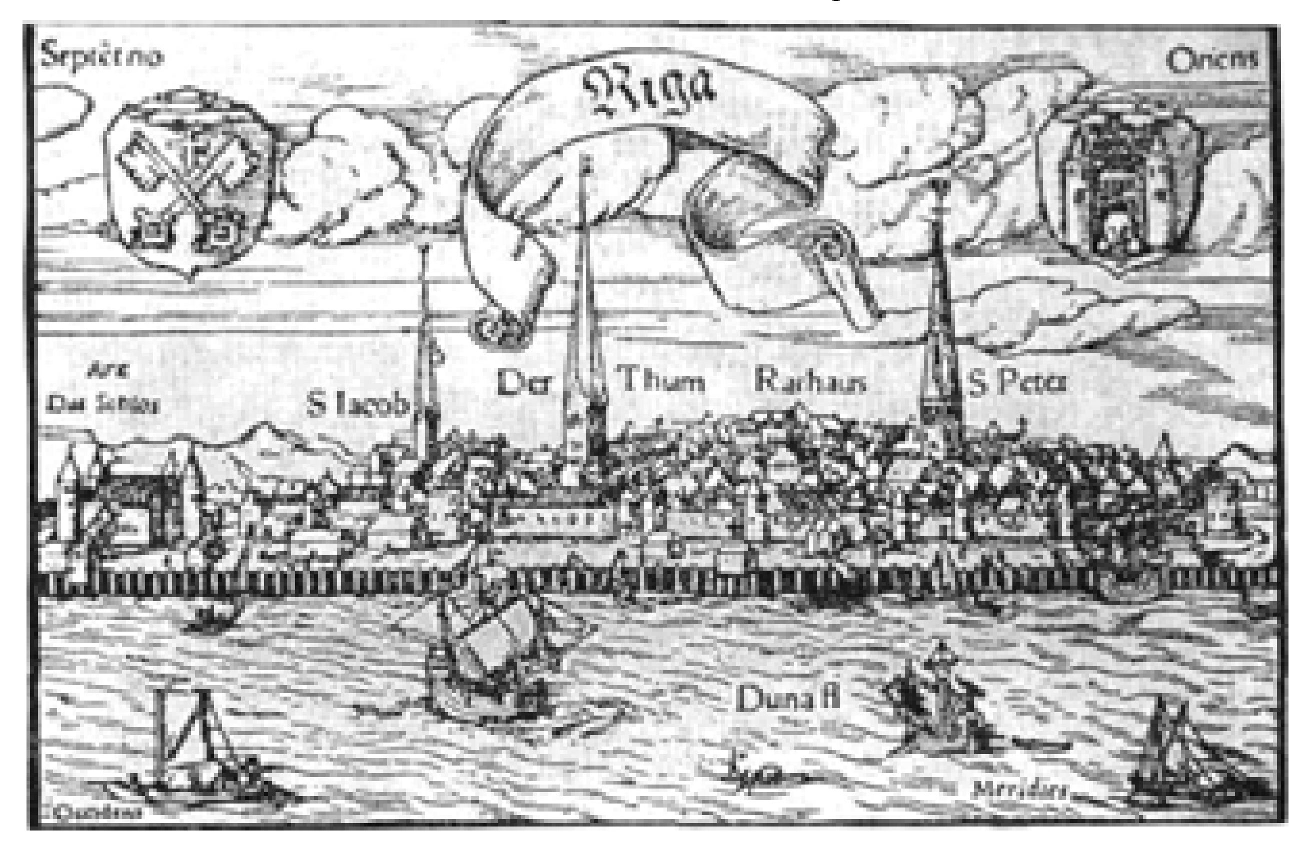
Прибалтика в первой половине XVI в.

резкие оппозиционные выступления, которые особенно обострились в период польско-шведской войны начала XVII в.

С целью искоренения лютеранства и восстановления католицизма правительство провело в Задвинском герцогстве в широких размерах контрреформацию.

Территория Задвинского герцогства вышла из Ливонской войны весьма опустошённой. Большая часть населения погибла от голода и эпидемий. Страна заселя-

Рига.
Гравюра 1550 г.

лась очень медленно. К концу XVI в. плотность населения составляла примерно 4 человека на квадратный километр. В годы польско-шведской войны, в первой четверти XVII в., численность населения ещё более сократилась. Крестьянству приходилось нести не только старинные феодальные повинности. К ним прибавились новые налоги и повинности, связанные главным образом с восстановлением помещичьего хозяйства.

Особое положение в Задвинском герцогстве занимала Рига, по-прежнему остававшаяся наиболее крупным городом Прибалтики. Рига вела в основном посредническую торговлю, способствовавшую обмену между землями Даугавского бассейна и Западной Европой.

В последней четверти XVI в. в Риге происходили крупные столкновения между городским патрициатом и бюргерской оппозицией, известные под названием «календарных беспорядков» (1584—1589 гг.). Поводом для них было введение польскими властями нового, григорианского календаря.

Вследствие раскола в среде бюргерства, боявшегося роста влияния городских низов, патрициат города в ходе «календарных беспорядков» вышел победителем. Но через несколько лет, в условиях польско-шведской войны, магистрат Риги в 1604 г. пошёл на известные уступки бюргерству, допустив представителей гильдий к участию в управлении городскими финансами.

Курляндское герцогство, ставшее династическим владением последнего магистра Ордена Готарда Кетлера, вассала польского короля, являлось фактически дворянской республикой. По «Привилегии Готарда» 1570 г. ленные владения помещиков превратились в наследственную собственность. Власть дворянства в стране была закреплена в составленном в 1617 г. основном законе Курляндского герцогства — так называемой «Формуле правления». Высший орган сословного представительства местного немецкого дворянства — ландтаг стал надёжным средством для обеспечения его обширных прав и привилегий как в управлении страной, так и в отношении крестьян.

«Шведские ворота» на улице Торня в Риге. XVI в.

В Курляндском герцогстве в первой половине XVII в. продолжало увеличиваться производство товарного хлеба, экспортируемого в Западную Европу. Расширение в связи с этим барской запашки обусловливало и в дальнейшем рост барщины и усиление закрепощения крестьян. По «Курляндскому статуту» 1617 г. крестьяне были признаны собственностью дворян, так же как скот и другое имущество. Судебная власть над крестьянами обеспечила помещикам неограниченные возможности для эксплуатации подневольного крепостного населения.

Развитие ремесла, которое сосредоточивалось главным образом в сельских местностях, шло всё время весьма медленными темпами. В конце XVI в. в Курляндии стали появляться крепостные мануфактуры. Одной из более значительных среди них был основанный герцогом железоделательный завод, на котором отливали также пушки и ковали гвозди. Слабое развитие городов как ремесленных и торговых центров налагало сильный отпечаток на экономическую и политическую жизнь страны. Столицей герцогства стал новый город Елгава (Митава).

С 1600 г. Прибалтика превратилась опять в арену активных военных действий между Речью Посполитой и Швецией. Они продолжались с перерывами около четверти века. По Альтмаркскому перемирию Швеция удержала свои завоевания в Задвинском герцогстве и город Ригу. Таким образом, вся материковая часть Эстонии и западная часть латышских земель из Задвинского герцогства вошли в состав шведской провинции. Юго-восточная часть польских владений, расположенных к северу от Даугавы, осталась под властью Речи Посполитой.

Захваченная шведами часть Прибалтики продолжала служить плацдармом против Русского государства и источником извлечения средств для проводимой Швецией дорогостоящей внешней политики. Швеция получала из своих прибалтийских владений огромные доходы. Были введены новые налоги и пошлины, стаци-

онная подать с крестьян, лиценция (таможенная пошлина) и др. Эти налоги, собиравшиеся главным образом в виде натуральных податей, дали такие значительные доходы, что в конце вена Лифляндию стали называть житницей Швеции.

Швеция опиралась в Прибалтике на местных помещиков. В то же время в период правления Густава II Адольфа (1611—1632) и его дочери Кристины (1632—1654) крупные государственные земельные участки в Прибалтике были розданы шведским дворянам и магнатам. Всё это приводило к усилению феодальной эксплуатации латышских и эстонских крестьян.

Благодаря поддержке Шведского государства немецкому дворянству в прибалтийских провинциях удалось добиться создания своей сословной организации. Подвластные Швеции Эстляндская и Лифляндская провинции, а также провинция Сааремаа имели каждая свой особый ландтаг в качестве высшего органа местного самоуправления с широкой компетенцией. Право голоса на ландтагах принадлежало только владельцам «рыцарских» — дворянских имений, а также некоторым городам в Лифляндии. В руках немецкого дворянства оставались все органы местного самоуправления и почти полностью административный и судебный аппарат. Представителями королевской власти были шведские генерал-губернаторы и губернаторы провинций.

Установившиеся в Прибалтике порядки обеспечивали классовое господство местного немецкого дворянства и содействовали дальнейшему закрепощению эстонского и латышского крестьянства.

Большинство городов Прибалтики, перешедших под власть Швеции, продолжало в течение долгого времени оставаться в состоянии экономического упадка. Это было следствием ряда причин: длительных и опустошительных военных действий, господствовавшего феодально-крепостнического строя, обременительной как для внутренней, так и внешней торговли таможенной политики шведского правительства и т. д. Посредническая роль прибалтийских городов в торговле с Россией пришла в упадок в связи с крупными внешнеполитическими переменами в восточных землях бассейна Балтийского моря и, в частности, вследствие роста значения Северного морского пути.

Город Нарва, развившийся в период Ливонской войны в крупный торговый центр именно в связи с оживленной русской торговлей, превратился в незначительней посёлок. Тарту, занимавший раньше видное место в транзитной торговле России, пришел в полный упадок. Таллин, потерявший свою былую посредническую роль в торговле с Востоком, не сумел в течение долгого времени подняться до уровня, достигнутого в первой половине XVI в.

Культура

Сложное сплетение классовых и национальных противоречий в Прибалтике нашло свое выражение и в области культуры. Культура немецких феодалов и бюргерства складывалась и развивалась под сильным влиянием феодальной культуры Германии. В трудных условиях продолжала развиваться культура латышского и эстонского народов.

Новым явлением в области культуры в Прибалтике в XVI и начале XVII в. являлся некоторый подъем школьного образования в городах. Это было обусловлено потребностями в более грамотных людях для государственного аппарата и церкви. Известному оживлению в развитии школ способствовало также соперничество между католической и лютеранской церквами. Однако и в этот период школы в городах оставались немногочисленными и предназначались в основном для сыновей немецких феодалов и бюргеров. Многие из окончивших эти школы продолжали свое учение в университетах Германии, откуда возвращались юристами и теологами.

После окончательного укрепления своей власти в Прибалтике правительство Швеции приняло некоторые меры для поднятия здесь школьного образования. В ряде крупных городов открылись школы более высокого типа — гимназии. В 1632 г. был основан Тартуский университет. Общей целью этих мероприятий являлась

подготовка настроенных в пользу Швеции чиновников и церковных служителей. Для крестьян доступ в эти школы был фактически закрыт. Тартуский университет в течение всего периода шведского господства не имел ни одного студента эстонской или латышской национальностей.

В обстановке острой борьбы между католиками и лютеранами появились первые печатные издания на эстонском и латышском языках. В 1535 г. вышла из печати первая книга на эстонском языке — лютеранский катехизис. Около 1560 г. появилось на латышском языке руководство по лютеранскому обряду богослужения. В середине 80-х годов XVI в. в связи с контрреформацией издаются католические богослужебные книги на латышском и эстонском языках. Первые печатные памятники на эстонском и латышском языках были изданы немецкими священниками в интересах насаждения среди местного коренного населения враждебной ему идеологии.

Из-за отсутствия местных типографий эти церковные книги были напечатаны за пределами Прибалтики. Первые типографии были основаны в Риге в 1588 г., в Тарту и Таллине — в 30-х годах XVII в. За границей, в Германии, были напечатаны и некоторые ливонские хроники того времени, ставшие популярными в связи с громадным интересом западноевропейских читателей к событиям Ливонской войны. Так, в 1558 г. вышла из печати и была вскоре переиздана хроника католического теолога Бреденбаха (1526—1587), выдержанная в строго католическом духе. В 1578 г. была опубликована хроника таллинского лютеранского пастора Руссова (1542—1600), написанная с позиций прибалтийского бюргерства. Апологетом последнего магистра Ордена Кетлера выступил орденский чиновник Геннинг (1528—1589), выпустивший в свет свою хронику в 1578 г. Все эти хроники отражали интересы и взгляды разных прослоек чужеземных господ в Ливонии и являлись враждебными эстонскому и латышскому народам.

Оставаясь в стороне от этой культуры, угнетённые народы Прибалтики искали путей для своего творчества в создании устной литературы. В песнях, сказаниях, сказках, загадках, пословицах эстонского и латышского народов проявлялось их страстное стремление к освобождению из-под ига ненавистных феодальных захватчиков.

ГЛАВА XIX
РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ И УКРЕПЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА В XVI В.

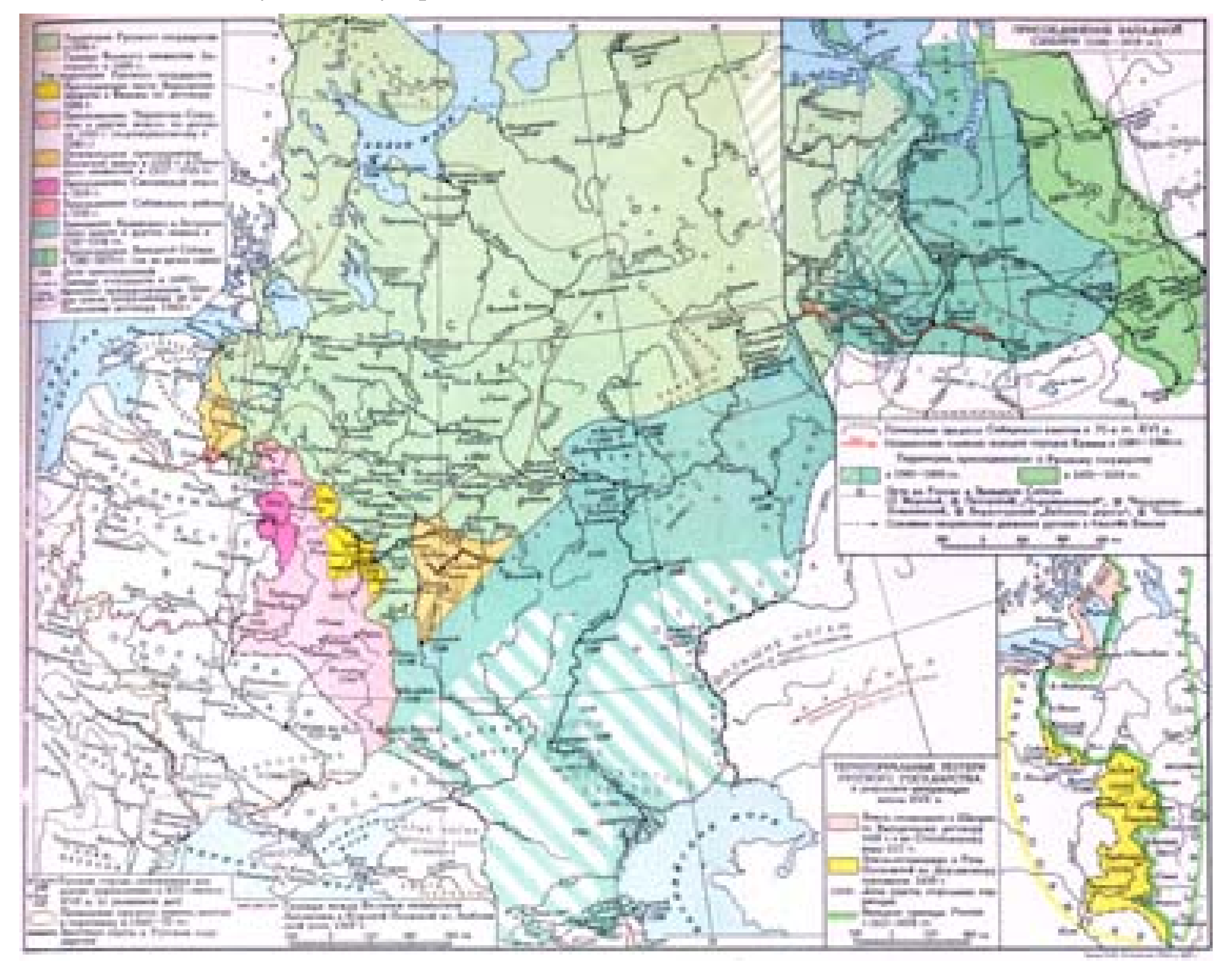
К середине 80-х годов XV в. объединение Северо-Восточной Руси под властью Москвы в основном было закончено. Русское государство [1] простиралось от берегов Северного Ледовитого океана до линии Тула — Коломна — Темников на юге и от истоков Волги на западе до Уральского хребта и реки Суры (приток Волги) на востоке. В результате слияния большого числа «великих» и «удельных» княжеств возникло объединённое государство во главе с русской народностью, включившее в себя ряд народов Севера (карелы, коми, ненцы, ханты, манси) и Поволжья (мордва, удмурты). В XVI в. территория Русского государства значительно расширилась.

Особенности исторического процесса, приведшие к возникновению этого государства, во многом определили характер его дальнейшего развития.

Образование объединённого государства ещё не означало окончательной ликвидации всех явлений, характерных для феодальной раздробленности; следы последней были живы в экономике страны и в её политической жизни. В России, как и в ряде других стран Восточной Европы в XVI в., социально-экономическое развитие ещё не создало предпосылок для возникновения капиталистических Отношений. Для истории России этого периода характерен был процесс роста по-

[1] В документах XVI—XVII вв. оно часто именуется Московским государством.

Русское государство в XVI — начале XVII в. (в 1490—1618 гг.)

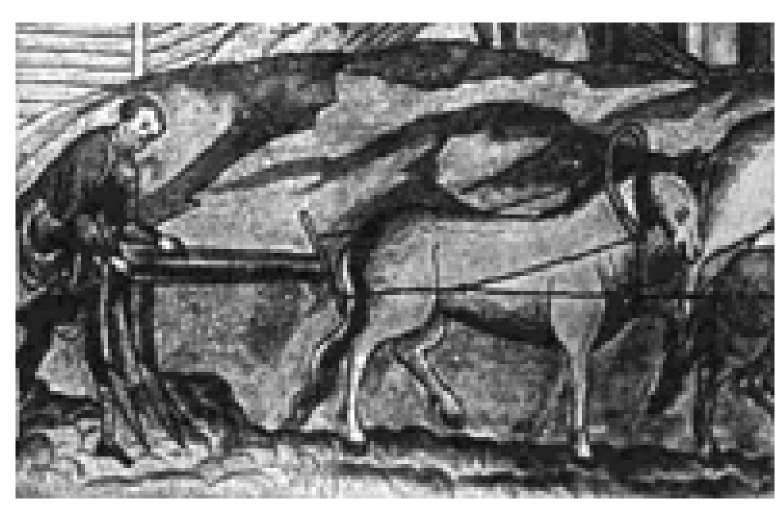
мещичьего землевладения и крестьянских повинностей, среди которых всё большее место начинала занимать барщина. Усиление феодального гнёта обостряло классовую борьбу закрепощаемого крестьянства и горожан. Положение в стране осложнялось борьбой внутри класса феодалов, в частности между феодальной аристократией, экономическое и политическое положение которой ухудшалось, и поместным дворянством, являвшимся верной опорой великокняжеской, а затем и царской власти. В период перехода от феодальной раздробленности к централизованному государству произошло обострение социальных противоречий в стране.

1. Социально-экономический строй Русского государства в конце XV и в XVI в.

Развитие сельского хозяйства

Ведущей отраслью экономики в России оставалось земледелие. Неотъемлемой частью хозяйства являлось скотоводство. Охотничьи и рыболовные промыслы сохраняли существенную роль в хозяйстве населения крайнего севера и северо-востока.

В этот период земледелие сделало некоторые успехи. Увеличилось количество земледельческих районов. Хлеб начали возделывать в северной, приморской части Новгородской области и во вновь присоединённых районах (Поволжье, Урал). Неземледельческими районами оставались крайний север, северо-восток и ещё не освоенные районы южнее Орла, Новосиля, верховьев Дона.

Пашущий крестьянин.
Миниатюра из «Жития Сергия Радонежского». Конец XVI в.

В более широких размерах утверждается трёхполье, которое в то время господствует в центральных и западных районах государства. В связи с распространением трёхполья стало шире применяться удобрение почвы. Наряду с паровой системой земледелия продолжала существовать, особенно в степных районах, и система переложная. На севере широко применялась также подсека. Урожайность в XVI в. была невелика (в среднем сам-три) и неустойчива.

С конца XV в. хлеб становится заметным товаром на внутреннем рынке. Главным его потребителем было городское население. Одновременно предъявляло в больших размерах спрос на хлеб и население малохлебных или бесхлебных районов. В связи с растущим спросом на хлеб происходит увеличение его производства. Хлеб на рынок поставляли землевладельцы, в частности монастыри, а также крестьяне.

Продавать хлеб крестьян побуждала зачастую нужда в деньгах для уплаты государственных податей и помещичьих денежных оброков. Однако дальнейшему развитию рыночных связей крестьянского хозяйства серьёзно препятствовало усиление феодальной эксплуатации, в первую очередь рост барщины.

Рост поместного землевладения

В результате перемен в экономической жизни (и, прежде всего в связи с ростом внутреннего рынка) с конца XV и особенно с середины XVI в. у землевладельцев возрос интерес к земле, необходимой для расширения барского хозяйства. Поэтому в XVI в. происходил интенсивный процесс перераспределения земель между феодалами и крестьянами, сущность которого заключалась в захвате феодалами крестьянских

земель. Это перераспределение земельного фонда шло как внутри владений феодалов, так и вне их. В первом случае оно означало уменьшение крестьянских наделов и увеличение за их счёт барской пашни, во втором — захват «чёрных», т. е. государственных, земель частными землевладельцами.

Процесс сокращения размера крестьянской запашки протекал неодинаково в различных районах Русского государства. Наиболее резкое сокращение наблюдалось в центре государства, где оно достигло к концу XVI столетия по сравнению с серединой этого века 40%, и в Новгородско-Псковской области. Здесь крестьянская запашка сократилась с 8—10 четвертей [1] до 2—3 четвертей на один крестьянский двор. В южных районах государства запашка тоже сократилась, но и теперь она продолжала оставаться значительно большей, чем в других районах государства, — 5—6 четвертей на один двор. Этот процесс не затронул Поморья, которое по-прежнему оставалось районом черносошных земель.

Крестьяне, приносящие оброк в монастырь.
Миниатюра из «Жития Сергия Радонежского». Конец XVI в.

В конце XV и в XVI в. происходили крупные изменения в соотношении различных форм феодального землевладения. Наряду с прежней формой феодальной собственности на землю — вотчинной — получала развитие другая форма — поместная. Ко второй половине XVI в. поместье стало самым распространённым видом землевладения.

В отличие от вотчины, т. е. полной и наследственной собственности, поместье являлось условным владением, которое нельзя было ни продавать, ни менять, ни передавать тем или иным образом в другие руки. Владение поместьем юридически носило личный характер, оно продолжалось лишь до смерти владельца или до прекращения им службы. Условные формы феодального землевладения были известны и ранее, но для поместной системы характерны массовое испомещение дворян и регламентация их службы. В таком виде поместная система, поглотившая все другие виды условных держании, могла сложиться только в условиях централизованного государства.

Мелкое и среднее землевладение в большей мере приспособилось к развивающимся товарно-денежным отношениям и оказалось экономически более жизнеспособным, чем крупное землевладение феодальной аристократии. Позднее, в XVII в., когда закладываются основы всероссийского рынка и земля вовлекается в товарный оборот, грани между поместным и вотчинным землевладением постепенно исчезают.

Развитие поместной системы привело к формированию нового слоя феодалов — поместного дворянства, являвшегося той социальной силой, которая поддерживала

[1] Четверть — половина десятины.

государственную власть в её борьбе с пережитками феодальной раздробленности. Осуществляя волю помещиков, государство санкционировало усиление крепостнического гнёта и беспощадно расправлялось со всеми попытками социального протеста порабощённого крестьянства.

Развитие поместного землевладения изменило распределение земли внутри господствующего класса. Быстрое расширение площади поместного землевладения требовало наличия значительного земельного фонда. С конца XV в. дворцовых земель, из которых шло наделение дворян землёй, уже не хватало. Вопрос о земле приобретал всё большую остроту, ибо лучшие земли давно были захвачены боярами и монастырями. В этих условиях поместное землевладение неизбежно росло за счёт не только чёрной крестьянской земли, но и землевладения боярского и монастырского. Так в земельном вопросе столкнулись интересы различных групп господствующего класса.

Помехой для дальнейшего расширения поместного землевладения являлись земельные богатства церковных феодалов. В середине XVI в. церкви принадлежала одна треть всех населённых земель. У одного только Волоколамского монастыря было более 30 тыс. десятин пахотной земли. Церковные вотчины продолжали расти за счёт вкладов, на «помин души», путём покупки земель и другими способами. Правительство дважды (в 1503 и 1550 гг.) пыталось провести секуляризацию церковных земель. Эти попытки натолкнулись на сильную оппозицию церкви и потерпели неудачу. Всё же в середине XVI в. было осуществлено некоторое сокращение источников роста церковного землевладения.

С уничтожением самостоятельных феодальных княжеств высший слой класса феодалов состоял из московского боярства, многочисленных потомков великих и удельных князей и их бояр и некоторого количества выходцев из Литвы, Золотой Орды и других стран. Родовитые княжата в конце XV в. составляли около половины всех боярских фамилий.

В конце XV — начале XVI в. произошли существенные изменения в положении этой части господствующего класса; их экономическое и политическое значение стало падать.

Бывшие удельные князья и их потомки, а также представители крупного боярства вели борьбу за сохранение своих прав и привилегий, являвшихся наследием порядков времён феодальной раздробленности. Постепенно феодальная аристократия превращалась в тормоз, задерживающий развитие страны.

Вместе с тем позиции боярства в экономической и политической жизни страны ещё были довольно сильны. В его руках находился огромный земельный фонд с многочисленным зависимым крестьянским населением. Боярские дворы с отрядами вооружённой челяди представляли серьёзную угрозу для великокняжеской власти.

Усиление феодальной эксплуатации крестьян

Рост феодального землевладения и перераспределение земель внутри класса феодалов приводили к крупным изменениям в размерах и характере крестьянских повинностей. Землевладельцы стремились прежде всего расширить самый контингент зависимого крестьянства, используя для этой цели различные методы экономического и внеэкономического принуждения. Феодалы всё чаще отказывались от использования в своих хозяйствах холопов, отпускали, их на свободу или превращали в обычных феодально-зависимых крестьян, работавших на господской пашне. Это объяснялось низкой производительностью труда холопов.

Ещё в конце XV в. появляется особый разряд зависимых людей — кабальные люди, или кабальные холопы, взявшие в долг известную сумму денег и обязанные за «рост» (т. е. проценты) работать на господина. Появление кабальных людей, более заинтересованных в труде, чем полные холопы, было одним из путей постепенного изживания холопства. Вместе с тем оно свидетельствовало о растущем разорении крестьянства, опутываемого крепостной кабалой.

Ухудшение положения крестьянства выражалось в распространении таких категорий сельского населения, как новопорядчики, бобыли, половники и детёныши. Новопорядчики, или «новоприходцы», заключая порядную (договор о вступлении в феодальную зависимость), входили в состав зависимых людей феодала, а по истечении известного срока превращались в старожильцев, составлявших основную массу крестьянства. На севере эксплуатация крестьянского труда часто проходила в виде издольщины. Крестьянин, лишённый достаточного количества земли, попадал в зависимость от феодала и становился половником: обрабатывая господскую землю, он был обязан долю урожая (от половины до четверти) отдавать феодалу.

Обнищавшие крестьяне пополняли ряды бобылей, обычно лишённых пашни и не плативших «тягла» (государственных налогов и повинностей), и детёнышей, работавших за «оброк» (натуральную и денежную плату) в хозяйствах духовных феодалов.

Часть крестьян оставалась ещё и в XVI в. вне зависимости от церковных и светских феодалов и составляла категорию «чёрных», или «черносошных», крестьян, эксплуатировавшихся непосредственно феодальным государством. Феодалы в течение всего XVI в. различными путями добивались увеличения контингента закрепощённого ими крестьянства.

В рассматриваемый период численность зависимого крестьянства непрерывно увеличивалась. Наличие сильного государственного аппарата, обеспечивающего интересы феодалов-землевладельцев, способствовало ускорению этого процесса.

Одновременно с увеличением контингента зависимых крестьян происходит дальнейшее усиление их эксплуатации. Характерным явлением для России, как и для ряда других стран Восточной и Центральной Европы в конце XV и в XVI в., был рост барщины, неразрывно связанный с сильным увеличением господской запашки. Первыми на путь расширения барщины вступили средние и мелкие землевладельцы. Помещик-крепостник теперь уже не довольствовался оброком, размер которого обычно определялся стариной («пошлиной»), а заводил собственную пашню, обрабатывать которую также должны были крестьяне.

Рост барщины шёл как за счёт привлечения к обработке господских полей крестьян, ранее плативших натуральные оброки, так и за счёт вновь закрепощаемых слоев крестьянства.

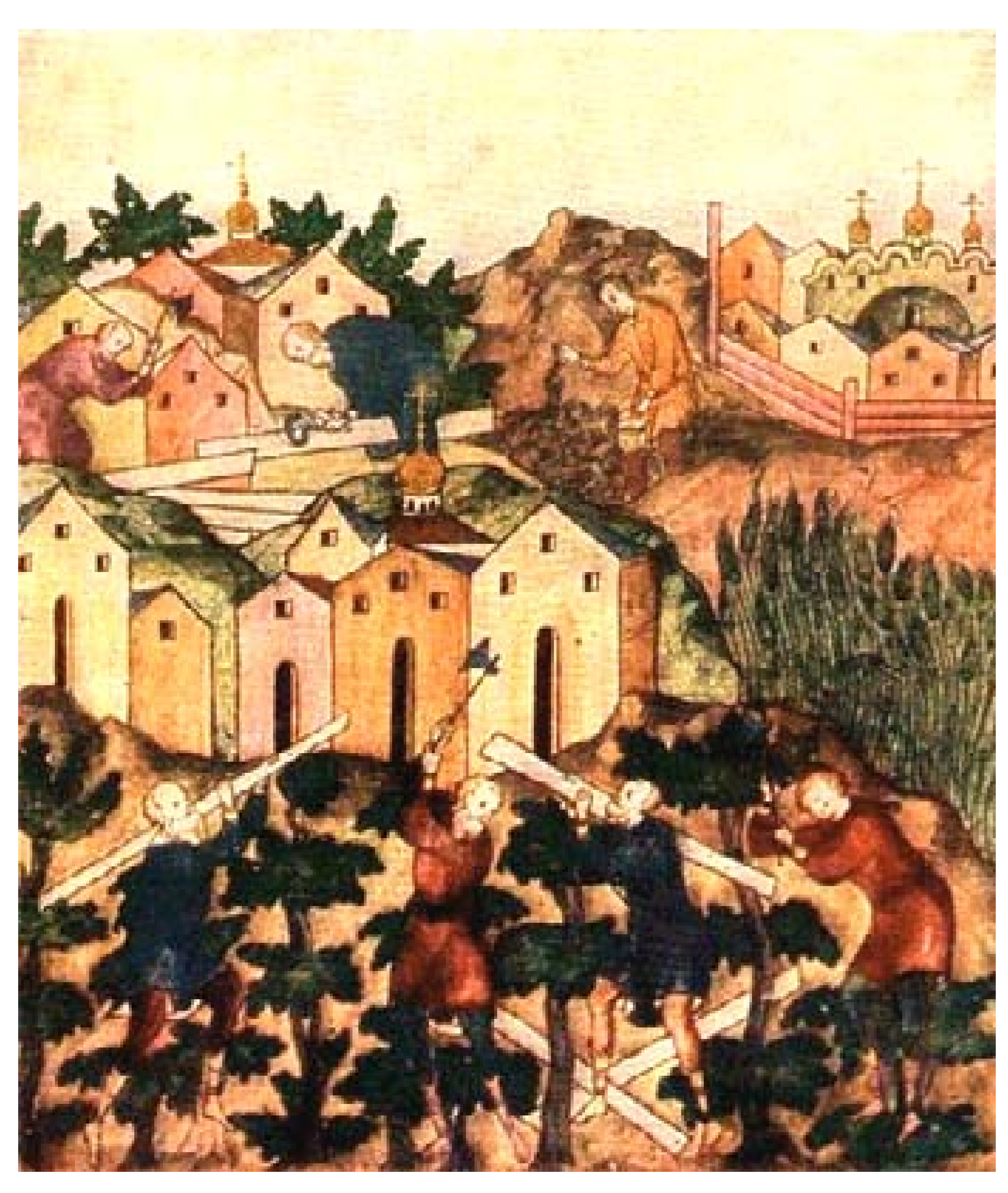
Наряду с отработочной рентой продолжала существовать и рента продуктовая. В ряде районов она оставалась господствующей формой эксплуатации крестьянства. Так, например, в южных частях страны даже в конце XVI в. господствовал натуральный оброк.

В то же время происходил и некоторый рост денежной ренты, знаменовавший собой важные изменения в экономической жизни страны и в характере крестьянского хозяйства.

Сопутствующие низкой, рутинной технике сельского хозяйства неурожаи в отдельные годы резко ухудшали и без того тяжёлое положение крестьянства, приводили к голодовкам, вызывали большую смертность. Тяжесть крестьянской жизни увеличивали и многочисленные войны XVI в., особенно Ливонская.

Усиление феодального гнёта вызывало протест крестьянства, выражавшийся, в частности, в уходе крестьян со своих участков в поисках лучших условий существования. Уход крестьян подрывал хозяйства вотчинников и помещиков и во второй половине XVI в. создал угрозу их запустения. Этим объяснялось обострение вопроса о крестьянах. Перед землевладельцем возникли две задачи: как удержать за собой уже имеющуюся рабочую силу и как привлечь к себе новые рабочие руки. Для привлечения новых крестьян землевладельцы пользовались различными средствами, в том числе выдачей ссуд («серебра»), предоставлением временных льгот новопорядчикам и т. д. Через специальных «отказчиков» феодалы организовывали поиски крестьян, желающих переменить владельца.

С образованием Русского централизованного государства в отношения между крестьянами и феодальными землевладельцами энергично вмешивается сильная

ОСВОЕНИЕ КРЕСТЬЯНАМИ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ.
Миниатюра из «Жития Сергея Радонежского». XVI в.

государственная власть. В основные законодательные кодексы (судебники) вводятся особые статьи, содержащие ограничения ухода крестьян от своих владельцев.

Наступление феодалов на крестьянство, перевод части крестьян на денежный оброк, захват феодалами земель для расширения барской пашни, обрабатываемой трудом зависимого населения, — всё это свидетельствовало о перестройке феодального сельского хозяйства. И крестьянин на своём наделе и феодал на своей пашне всё больше стремились к производству хлеба, часть которого шла на продажу: у одного с целью получения средств для уплаты денежного оброка и покупки предметов, которые не могли быть произведены в самом крестьянском хозяйстве, у другого — для увеличения своих доходов.

Кузнецы.
Миниатюра из «Лицевого летописного свода». XVI в.

С этим было связано и развитие имущественного неравенства среди крестьян. В то время как в процессе юридического оформления крестьянской крепости в XVI в. происходило постепенное сближение отдельных категорий крестьянства, внутри этой, теперь уже более равномерно закрепощённой массы, шёл процесс имущественной дифференциации. Из крестьянской среды выделялось некоторое количество богатых крестьян, имевших запас денежных средств. Крестьянская верхушка занимала важнейшие выборные должности в волости, вершила мирские дела, стремилась к расширению своих земель. Развитие товарно-денежных отношений обогащало одних и ухудшало экономическое положение основной массы крестьян.

Развитие ремесла

Рост производительных сил страны выражался в конце XV и в XVI в. не только в подъёме сельского хозяйства, но и в дальнейшем развитии ремесла, в совершенствовании техники, орудий производства и навыков мастеров, В XVI в., особенно во второй его половине, усилилось развитие как в городе, так и в деревне мелкого товарного производства. Всё с большей отчётливостью выделяются районы, специализирующиеся на производстве тех или иных предметов. Эта специализация была связана с наличием сырьевой базы. Так, в XVI в. приобретает широкую известность своей железоделательной промышленностью Устюжна Железопольская. Железо производилось также в Новгородском районе, Тихвине, Белозерском крае, Карелии, Лопских погостах. Вологда и Холмогоры начали приобретать известность как центры «лодейного» дела. Калуга и Тверь славились своей деревянной посудой, широкое распространение имели деревянные ложки из Белозерского края. Крупными районами производства сукон были Можайский уезд, Ржев, Вологда. Оружие выделывали московские ремесленники, изделия которых ценились далеко за пределами страны. Специализация в производстве определённых видов изделий становилась характерным явлением как для домашней крестьянской промышленности, так и для вотчинного и ещё более городского ремесла. Специали-

зация деревенских и городских ремесленников, несомненно, предполагала производство изделий не только на заказ, но и на рынок, иногда значительно удаленный от места производства.

Ведущую роль в развитии техники ремесла и товарного производства в стране играл город. В русском городе XVI в. насчитывалось свыше 200 различных ремесленных специальностей. Ремесленники были заняты главным образом производством продуктов питания, одежды, обуви. При этом существовали уже сравнительно большая дробность и разнообразие специальностей внутри отдельных отраслей ремесленного производства. Например, выпечкой хлеба занимались хлебники, калачники, пирожники, обувь делали сапожники и башмачники, иногда одни из них специализировались на выделке голенища, другие — подошвы и т. д. Это свидетельствует как об общем росте ремесленного производства, так и о связи ремесла с рынком.

Совершенствование техники производства способствовало также созданию и развитию таких крупных предприятий, основанных на разделении труда, как Пушечный двор, Оружейная палата и т. д. Разделение труда между отдельными профессиями достигло большой степени на крупнейших соляных варницах Поморья (водоливы, варщики и т. д.). На этих варницах, как и в кузнечном деле, в известной мере применялся труд наёмных людей.

Развитие ремесла выражалось в ускорении процесса отделения ремесла от сельского хозяйства и в превращении городов в сравнительно крупные центры ремесленного производства и торговли.

Развитие внутренней торговли

В XVI в. города уже предъявляли значительный спрос на продукты сельского хозяйства. Наибольшего развития товарообмен вообще и продажа продуктов сельского хозяйства в частности достигли в центральных районах Русского государства. Самым большим центром хлебной торговли была Москва, куда стекалось огромное количество хлеба. По одной только Ярославской дороге, по свидетельству английского мореплавателя Ричарда Ченслера, побывавшего в 50-х годах в России, ежедневно прибывало в Москву 700—800 возов с зерном. Наблюдаемая со второй половины XVI в. меньшая зависимость цен от местных случайных причин и намечающаяся нивелировка их являются несомненным свидетельством взаимной связи рынков. Специализация ряда районов по производству того или иного вида продуктов приводила к усилению торговли ремесленными изделиями. Возросла роль скупщика в торговых операциях. Русские города становятся оживлёнными торговыми центрами с многочисленными лавками, амбарами и гостиными дворами. По данным 80-х годов XVI в., в Новгороде Великом было 2 гостиных двора — «Тверской» и «Псковский» и 42 торговых ряда, в которых находилось 1500 лавок; в Пскове насчитывалось 40 торговых рядов с 1478 лавками; в Серпухове 50-х годов XVI в. было 250 лавок и амбаров.

Таким образом, между отдельными городами, а также и между городами и сельскохозяйственными округами устанавливались более или менее постоянные торговые связи, которые с развитием товарно-денежных отношений неуклонно росли. Во второй половине XVI в. намечаются предпосылки к возникновению всероссийского рынка, процесс сложения которого относится уже к XVII в. Вместе с тем широкие круги крестьянства были еще слабо втянуты в товарное производство, в торговле заметную роль играли феодалы, в том числе духовные, защищенные от конкуренции разнообразными иммунитетными привилегиями. Экономическая раздробленность страны не была ещё преодолена.

Рост внешней торговли

Регулярные торговые связи существовали не только между отдельными районами Русского государства, но и с другими странами. Оживлённой была торговля с Украиной и Белоруссией. Русские торговые люди привозили на ярмарки Украины и Белоруссии меха, кожи, полотна, оружие и другие товары, а покупали здесь западноевропей-

ские сукна, восточные шёлковые ткани и пряности и местные продукты и изделия — соль, водку, бумагу, ювелирные изделия. Украинские и белорусские купцы регулярно бывали в Москве и других русских городах.

Молдавия в XVI в. не прекращала торговых связей с Украиной и Русским государством, вывозя в основном продукты сельского хозяйства и ввозя промышленные изделия.

Об интенсивных торговых связях между Россией и Прибалтикой свидетельствует наличие в Риге с 1522 г. специального цеха русских розничных торговцев.

Торговля мёдом и хлебом в Новгороде.
Миниатюра из «Лицевого летописного свода». XVI в.

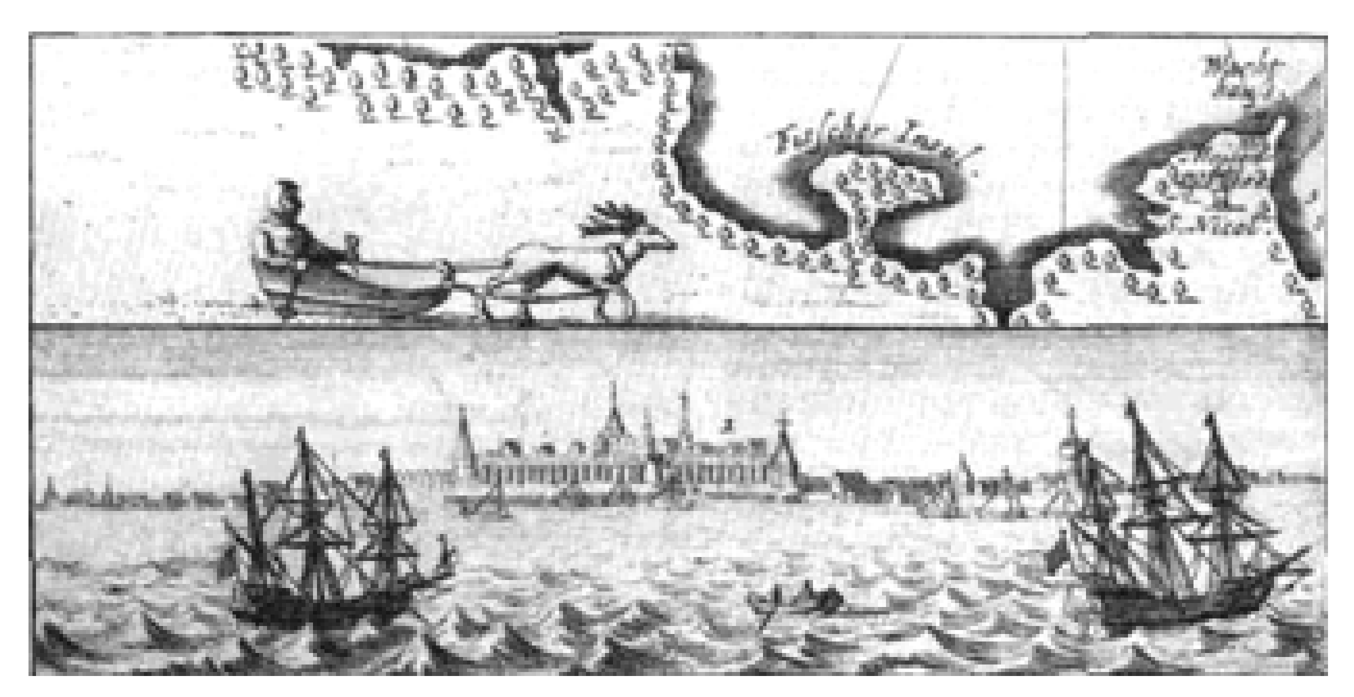
В XVI в. в торговых путях, по которым шла торговля России с зарубежными странами, произошли значительные изменения. Многие старые дороги потеряли своё значение. Южные пути через Крым перехватываются татарами. Дороги через Смоленск и через Балтийское море были закрыты после Ливонской войны.

Зато широкое развитие получил северный морской путь вокруг Скандинавского полуострова, издавна хорошо известный русским поморам и не раз использовавшийся русскими дипломатами. Русский дипломат и учёный Дмитрий Герасимов в княжение Василия III трижды плавал вокруг Скандинавского полуострова. Он высказал мысль о возможности плавания через Ледовитый океан в Китай и Индию. Английские, голландские и другие западноевропейские купцы и путешественники также весьма интересовались поисками Северного морского пути в Индию. Северным путём попал в 1553 г. в Белое море корабль Ричарда Ченслера; это положило начало регулярным русско-английским торговым отношениям.

В 1555 г. в Англии была организована Московская компания, сосредоточившая в своих руках торговлю с Русским государством. В 1565—1566 гг. в русских поселениях на Кольском полуострове (Кола, Печенгский монастырь) появились антверпенские купцы. Позднее голландцы начали вести торговые операции в устье Северной Двины. В связи с большим торговым значением, которое приобретал Северный путь, на Северной Двине, на месте, где стоял Михайло-Архангельский монастырь, в 1584 г. был заложен новый город — Архангельск, ставший на длительное время главным торговым портом Русского государства. Англичане и голландцы стремились стать единственными посредниками в снабжении других стран русскими товарами, главнейшими из которых были техническое сырьё (пенька, лён, воск, кожи, дёготь, зола), а также меха, канаты и другие предметы.

Из Западной Европы ввозились главным образом сукна, металлы и металлические изделия, военное снаряжение, вино, писчая бумага, драгоценные металлы, преимущественно в монетах.

Одновременно с развитием торговли с Западом усиливаются экономические связи с восточными странами. С конца XV в. устанавливаются сношения с Турцией, откуда едут в Москву турецкие и греческие купцы. Также регулярно бывали в Москве крымские и ногайские купцы. Присоединение к Русскому государству в середине XVI в. Казани и Астрахани облегчило торговые сношения с

Архангельск.
Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия». 1656 г.

Кавказом, Средней Азией, Ираном. Уже через год после присоединения Астрахани в ней появились торговцы из Хивы, Бухары, Шемахи и Дербента. В 1557 г. был заключён торговый договор с Шемахой, через которую шли на Русь «кызылбашские» (иранские) товары. В 1559 г. в Москву прибыло первое посольство из Средней Азии. Позднее, особенно в 80—90-х годах XVI в., торговые и дипломатические представители среднеазиатских государств бывали на Руси почти ежегодно.

Из России на Восток вывозили главным образом изделия ремесленного производства—кожевенного, металлообрабатывающего, деревообделочного, текстильного и продукты промыслов—пушнину, воск, мёд. С Востока шли хлопчатобумажные ткани, шёлк, краски, нефть, ковры, сафьян, оружие, драгоценные камни, бакалейные товары. Ряд привозимых с Востока товаров (краски и др.) играл большую роль в производстве и использовался ремесленниками. Широким спросом пользовались дешёвые хлопчатобумажные ткани. При посредстве среднеазиатских купцов попадали в Москву с конца XVI в. и китайские ткани.

Существенное место во внешней торговле России занимала транзитная торговля. Восточные товары шли через Русь в западноевропейские государства, и, наоборот, товары ряда европейских стран через Русь шли на Восток. Торговые пути из Англии и Голландии в Иран и Среднюю Азию пролегали через Русское государство. Уже в XVI в. английские и другие купцы пытаются использовать русские торговые пути для проникновения на Восток. Вдоль русских северных берегов ищут путей в Индию экспедиции Уиллоуби и Ченслера (1553 г.), Стифена Берроу (1556 г.), Баренца (1596 г.) и др. Транзитную торговлю вели не только иностранные, но и русские купцы, перепродававшие ширванские шелка западным купцам и английские сукна крымцам и ногайцам. Вместе с тем основная масса ввозимых товаров в XVI в.

оседала внутри страны, так же как основная масса вывозимых товаров была русского происхождения.

В XVI в. в связи с расширением внутреннего и международного рынка на Руси становится заметен новый тип торгового человека — крупного предпринимателя, осуществляющего свои торговые операции в различных местах при помощи более

Встреча русских «промышленных людей» с голландскими купцами на берегу Ледовитого океана.
Гравюра 1595 г.

или менее значительного количества агентов — приказчиков. Так, например, «именитые люди» Строгановы вели свои торговые операции и в Нидерландах и в Бухаре.

Рост городов

Для XVI в. характерны укрупнение ранее существовавших городов и появление новых, усиление, особенно во второй половине XVI в., значения городов как центров ремесла, а также местных и областных рынков. Процесс обособления ремесла от сельского хозяйства и следовавший за ним рост внутреннего рынка вели к выделению поселений городского типа — рядков, посадов, торгово-промышленных сёл, которые в конечном счёте становились центрами ремесла и торговли, т. е. городами.

В новгородских землях в конце XV и XVI в. появляется особый тип поселений — рядок, с ремесленным и торговым населением, с лавками, гостиным двором, амбарами и складами зерна и муки, с жилыми дворами. Рядки — это предшественники городов. Обитателями рядка были «рядовичи», вчерашние крестьяне, постепенно отрывавшиеся от земледелия и превращавшиеся в посадских людей, т. е. настоящих горожан. Удельный вес рядков в жизни Новгородской области был значителен; здесь насчитывалось 1500 дворов «рядовичей».

Общее количество городов в Русском государстве в течение XVI в. более чем удвоилось: к началу XVI в. их было 96, к середине — 160 и к концу столетия — 230.

Одновременно с ростом количества городов происходит и рост населения в старых городах, увеличивается их значение как ремесленных и торговых центров.

Русский город XVI в. всё больше изживал черты старых порядков времён феодальной раздробленности, когда часть городов находилась под властью отдельных феодалов. В конце XV и начале XVI в. громадное большинство городов стало «государевыми» городами. В XVI в. за бывшими удельными князьями, митрополичьей кафедрой и монастырями остались лишь отдельные города. Население русского города XVI в. по своему отношению к несению государственных повинностей делилось на «чёрное» население и на «белое». «Чёрное» городское население составляли посадские люди, обязанные тянуть в пользу государя посадское тягло.

К категории «белого» населения относились городские жители, освобождённые от несения повинностей со своих дворов: бояре, дворяне, духовенство, служилые люди по «прибору», т. е. по вербовке, — воротники, пушкари и др. Крупные светские и духовные феодалы имели в городах, кроме своих дворов, большие земельные участки, населённые зависимыми от них людьми. Последние несли повинности не в пользу государства, а в пользу владельцев городских земель, на которых они жили. Так, на городской территории существовали более или менее крупные частновладельческие слободы. Больше всего их было в Москве и пограничных городах. В XVI в. проводилась конфискация «белых» — частновладельческих земель, слобод и отдельных дворов и обращение их в «чёрную» государеву — посадскую — землю. Однако процесс этот не был закончен: «белые» земли в городах продолжали существовать вплоть до середины XVII столетия. Потеря крупными феодалами значительной части их владельческих прав в городах происходила одновременно с усилением экономических и политических позиций великокняжеской власти, централизаторскую политику которой поддерживала основная масса городского населения.

Во второй половине XVI в. в пёстром по своему составу городском населении ремесленники составляли не менее 25% жителей. В некоторых городах население продолжало ещё частично заниматься сельским хозяйством, в других — окончательно порвало с земледелием и занималось только ремеслом и торговлей. Например, в Коломне ремесленники составляли 60%, а в Можайске 86% всего посадского населения. Рост ремесленного населения городов находился в прямой связи с тем, что ремесленник работал не только на заказ, т. е. на непосредственного потребителя, но и на более или менее широкий рынок.

Помимо ремесленников в русских городах сосредоточивались мелкие и крупные торговцы. Здесь же проживало подчас весьма значительное количество лиц, занятых на строительных работах. Наконец, в городах имелись и плебейские элементы. Они обычно жили случайными заработками, нанимаясь на тяжёлые транспортные и другие подённые работы.

Москва в XVI в.

Среди городов XVI в. столица Русского централизованного государства Москва занимала особенно значительное место. В середине XVI в. в Москве насчитывалось до 100 тыс. жителей. О быстром росте территории Москвы свидетельствуют и воздвигнутые вокруг посада стены: так, стены Китай-города, построенные в 1534—1535 гг., охватывали площадь в 92 *га,* Белого города (сооружённого в 1585—1591 гг. по линии нынешнего Бульварного кольца) — 533 *га,* а Земляного города (выстроенного в 1591—1592 гг. по линии нынешнего Садового кольца) — уже 1878 *га.* Вся московская торговля первоначально сосредоточивалась в Китай-городе, где в середине XVI в. было не менее 26 торговых рядов. В конце XVI в. в Китай-городе были построены новые каменные торговые ряды. К концу века насчитывалось много лавок, торговавших съестными припасами в Белом городе.

Москва являлась центром не только внутренней, но и внешней торговли. В Москву стекались, по свидетельству современника, «купцы иноязычные — турцы и армены и немцы и литва». В XVI в. в Москве были Английский торговый двор,

Панский торговый двор для купцов, приезжающих из Литвы и Польши, и Армянский торговый двор для восточных купцов.

Москва была крупным потребляющим центром, получавшим продукты питания, сырьё и ремесленные изделия, как из ближайшей округи, так и из более отдалённых мест: хлеб шёл из Рязани и других южных районов, рыба с Волги, масло из Вологды, соль из Поморья, железные изделия из Устюжны Железопольской, пушнина с Урала и из Сибири. Заграничные товары шли в Москву через Новгород Великий, Псков и Смоленск, позднее через Архангельск. Будучи крупным ремесленным центром, Москва снабжала своими изделиями также ряд рынков. Часть московских изделий вывозилась за границу.

Укреплению экономического значения Москвы в XVI в. способствовали и мероприятия правительства, которое практиковало принудительные «своды» в Москву ремесленников и торговых людей из других городов.

Социальная дифференциация в городе

Население «белых» и «чёрных» дворов не было одинаковым и по своему имущественному положению. В «белых», т. е. в льготных, дворах жили зависимые от светских и духовных феодалов ремесленники и дворовая челядь. Наличие «белых» дворов и слобод задерживало развитие русского города и ухудшало положение «чёрного» (т. е. тяглого) населения, на которое всей тяжестью ложилось бремя государственных податей и повинностей. Имущественная дифференциация «чёрных» посадских людей зашла в XVI в. далеко. По своему имущественному положению они делились на «лучших», «середних» и «молодших» людей. Отнесение в ту или иную категорию производилось по величине налога, определяемого размером имущества посадского человека. К категории «лучших» людей относились крупные торговцы и владельцы ремесленных предприятий, имевшие подмастерьев и учеников.

Высший слой московского купечества в XVI в. образовал три привилегированные организации. Сначала появилась организация самого крупного купечества — гостей. Во второй половине XVI в. сложились ещё две организации, получившие название гостиной и суконной сотен. Торговые люди, входившие в эти корпорации, освобождались от посадского тягла, получали право судиться только в Москве и ряд других льгот. Помимо собственных торговых операций гости и торговые люди гостиной и суконной сотен выполняли различные казённые поручения — торговали разными принадлежавшими казне товарами в русских городах и за границей, собирали таможенные пошлины и т. п.

Рост богатства крупных торговых людей сопровождался разорением мелкого посадского люда, на который ложилась основная тяжесть многочисленных и всё возрастающих податей и повинностей. К тому же мелкий посадский люд страдал от конкуренции, а иногда и открытых насилий со стороны населения «белых» дворов.

О том, насколько далеко зашла социальная дифференциация города, свидетельствуют нормы Судебника 1550 г., устанавливающие за «бесчестье» гостя штраф в 50 руб., за «бесчестье» «середнего» посадского человека — 5 руб. и «молодшего» — 1 руб.

Таким образом, развитие феодального города приводило к резкому росту противоречий внутри городского населения между богатыми и обедневшими, между феодалами и зависимым от них населением, между так называемыми беломестцами (не платившими податей) и «чёрными» людьми.

Классовая борьба в деревне и городе

Наступление господствующего класса на непосредственных производителей материальных благ резко ухудшало положение крестьян и посадских низов, приводило к обострению классовой борьбы в деревне и городе, где борьба велась, с одной стороны, «чёрными» тяглыми людьми против господствующего класса феодалов, а с другой — низами — против купеческой верхушки посада.

В XVI в. широкое распространение получили крестьянские побеги. Спасаясь от непосильного гнёта, крестьяне и холопы в поисках лучшей доли бежали в южные степи и на Урал, содействуя колонизации и освоению новых районов страны. Побеги крестьян и холопов особенно участились с середины XVI в. и явились одной из причин запустения многих сёл и деревень в центре страны. Временами классовая борьба народных масс принимала и более активные формы открытых покушений на собственность и жизнь феодалов. Нередки были случаи насильственной запашки земель феодалов крестьянами, порубки их леса, захвата покосов. Особенно напряжённой была борьба черносошных (государственных) крестьян против захвата волостных земель феодалами. К концу XV — началу XVI в. относятся многочисленные протесты крестьян против захвата их земли монастырями-вотчинниками. Известны случаи отказа частновладельческих крестьян от выполнения тех или иных повинностей в пользу своих господ. При нападении на помещичьи усадьбы часто уничтожались документы, закреплявшие право помещиков на землю и крестьян. В официальных документах конца 30-х и 40-х годов XVI в. появляется всё больше указаний на действия «разбойников», под которыми правительство зачастую разумело тех, кто с оружием в руках выступал против крепостнического гнёта.

В XVI в. угнетённые слои посадского населения неоднократно пытались заявить свой протест путём открытых выступлений. Волнения происходили в Москве, Пскове, Новгороде, Опочке, Великом Устюге и в других городах.

Крестьянские и городские движения конца XV и XVI в., вспыхивавшие в отдельных местах Русского государства, были стихийными и неорганизованными, что позволяло правящим кругам подавлять их. Тем не менее они заставили господствующий класс феодалов приступить к реорганизации центрального государственного аппарата с целью упрочения своей власти над эксплуатируемым большинством населения страны.

Напряжённость классовых отношений в стране влияла и на развитие русской общественной мысли. Для конца XV и для XVI в. характерно оживление религиозного вольнодумства, постепенное распространение реформационного движения.

2. Завершение объединения русских земель. Международное положение России в конце XV — первой трети XVI в.

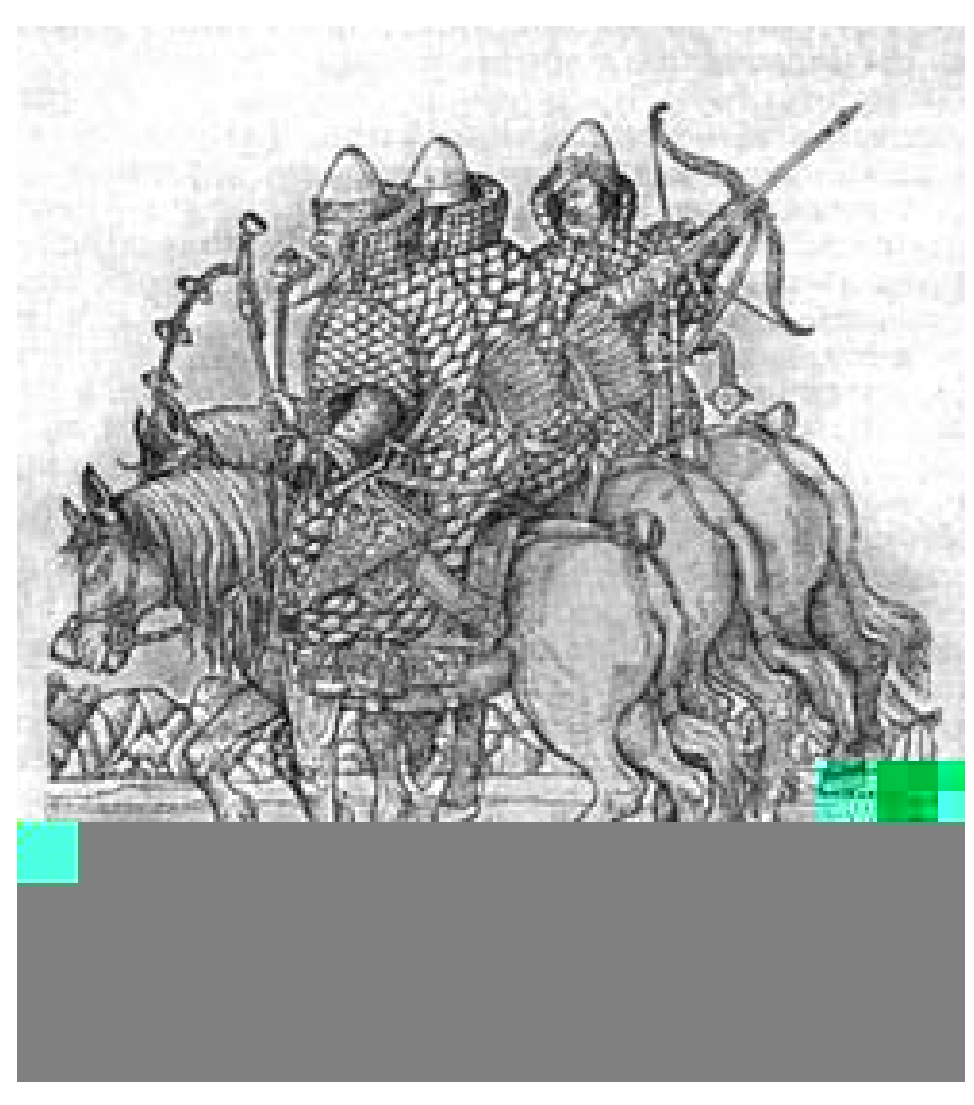
Централизация государственного аппарата в конце XV и начале XVI в.

В конце XV — начале XVI в. центральный и местный государственный аппарат сохранял ещё ряд черт старой дворцово-вотчинной системы управления, характерной для периода феодальной раздробленности. Сколько-нибудь прочное объединение Северо-Восточной Руси в единое государство было невозможно без дальнейшей централизации этого аппарата. Проведение её развернулось уже в конце XV — начале XVI в., т. е. вскоре после того, как в основном были объединены русские земли под главенством Москвы. В борьбе за укрепление Русского государства великокняжеская власть опиралась на растущее дворянство и использовала поддержку городов.

В составе России конца XV—XVI в. ещё существовали отдельные земли, частью даже княжества, сохранявшие свои особенности в управлении, — удельное княжество Волоцкое, полусамостоятельное Рязанское княжество и Псковская феодальная республика. В 1504 г. даже были созданы новые, уделы — Дмитровский, Калужский, Угличский и Старицкий для младших сыновей Ивана III. Эти и некоторые другие, более мелкие княжества представляли собою прямое наследие периода феодальной раздробленности. Удельно-княжеские дворы не раз на протяжении XVI в. делались очагами феодальных смут. Их ликвидация являлась важной задачей великокняжеского правительства, разрешённой в начале века.

Верховную власть в Русском государстве конца XV — начала XVI в. осуществляли великий князь, авторитет которого постепенно возрастал, и Боярская дума.

Будучи советом представителей феодальной аристократии, Боярская дума по существу значительно ограничивала власть великого князя. Без совета с боярами великий князь обычно не принимал решений по важнейшим вопросам, касавшимся законодательства, внешнеполитических сношений и суда. Порядок назначения в Думу, как и вообще на высшие судебно-административные должности, определялся системой местничества, т. е. положением феодала на сословно-иерархической лестнице, которое зависело прежде всего от знатности «рода», частично от «выслуги» самого феодала и его предков. Всё это приводило к засилью представителей феодальной аристократии в правительственном аппарате. Боярская дума состояла обычно из сравнительно небольшого числа бояр и окольничих (к концу 1533 г., например, в её составе было 12 бояр и 3 окольничих), происходивших, как правило, лишь из среды чернигово-северских князей (Глинские и др.) и «гедиминовичей» — потомков литовского великого князя Гедимина (Бельские и др.), либо из ростово-суздальских княжат (Ростовские, Шуйские и др.), либо, наконец, из старомосковского боярства (Морозовы, Воронцовы, Захарьины-Юрьевы). Кичливая феодальная знать вела постоянную борьбу за чины и звания.

Поместная конница.
Гравюра XVI в.

Стремясь ослабить аристократический состав Боярской думы, Иван III (1462— 1505) и Василий III (1505—1533) стали привлекать к участию в её заседаниях дьяков, ведавших делопроизводством Думы и получивших позднее название «думных дьяков», а также наиболее преданных великому князю дворян, которые впоследствии именовались «думными дворянами». Однако в конце XV — начале XVI в. в целом Дума ещё представляла собою орган власти крупной земельной аристократии, выступавшей против дальнейшей централизации государственного аппарата.

Основой формирования исполнительных учреждений стали великокняжеский дворец во главе с дворецким и казна во главе с казначеем. Дворец управлял прежде всего личными великокняжескими землями, казна была государственной канцелярией. К числу важнейших дворцовых чинов в начале XVI в. принадлежали также «конюший», «кравчий» (подносивший во время пиров великому князю чаши с напитками), «оружничий» (ведавший огнестрельным оружием и его изготовлением) и др. Дворцовые чины обычно получали нетитулованные представители старомосковского боярства, издавна связанного с великокняжеским двором. Одним из средств обеспечения этих дворцовых чинов были «кормы», сбиравшиеся с «путей», т. е. специальных подведомственных им территорий.

Практическую работу в государственных учреждениях в значительной степени осуществлял дьяческий аппарат казны, формировавшийся главным образом из дворян. Казначей ведал государственными финансами, являлся хранителем государственного архива. Вместе со своим помощником — печатником (хранителем великокняжеской печати) он принимал участие в организации дипломатической службы. С конца XV в. в составе казны уже начали выделяться специальные дьяки, которым поручались определённые отрасли управления. Так, в связи с широкой организацией в стране ямской службы (службы связи и перевозок казённых грузов) появились ямские дьяки, в связи с развитием поместной системы — поместные дьяки и т. д. Из состава Боярской думы также начинают выделяться особые комиссии из бояр и дьяков, ведавшие отдельными отраслями управления (например, посольские комиссии, «бояре, которым разбойные дела приказаны», и т. п.). Начавшееся обособление отдельных отраслей центрального управления свидетельствовало о зарождении новой системы управления, получившей впоследствии название приказной.

В конце XV — начале XVI в. происходили существенные изменения и в составе вооружённых сил. Основной частью русского войска оставалась дворянская конница. Вместе с тем в связи с распространением огнестрельного оружия — «пищалей», овладение которым требовало специальных навыков, в начале XVI в. появились отряды пищальников, набиравшиеся из среды посадских людей. Отряды пищальников явились зародышем постоянного войска на Руси. Возросло также значение артиллерии («наряда»). Изготовлением пушек и пищалей занимался специальный Пушечный двор в Москве. Постепенно в военных действиях всё большее участие начинает принимать «посошная рать», т. е. пешее ополчение, набиравшееся из крестьянского и посадского населения. Авангардом русских вооружённых сил, выдвинувшихся в южные степи, стали конные отряды («станицы») казаков, которые несли дозорную службу.

С конца XV в. происходит перестройка и местного управления. Система кормлений, существовавшая в период образования Русского централизованного государства, в первой половине XVI в. постепенно изживает себя. Получение наместниками и волостелями «кормов» (денежных и натуральных поборов) непосредственно с подведомственного им населения открывало простор для всяческих злоупотреблений властью и не позволяло сосредоточить финансы в великокняжеской казне. Крупнейшие наместничества находились в руках феодальной знати, не склонной поступаться своими правами и привилегиями. Стремясь ограничить власть наместников и волостелей, великокняжеское правительство с конца XV в. всё чаще и чаще выдаёт местным землевладельцам, посадскому населению и черносошному крестьянству специальные уставные грамоты, содержащие регламентацию поборов в пользу наместников и волостелей. Срок пребывания на наместничестве постепенно сокращался и в первой половине XVI в. обычно не превышал одного года.

Ограничение власти наместников было сопряжено с увеличением политического влияния дворянства на местах и с дальнейшей централизацией местного управления. С начала XVI в. постепенно вводился институт городовых приказчиков, в руки

которых передавалась административно-финансовая власть в городами относившихся к ним уездах. Городовые приказчики ведали строительством городских укреплений, распоряжались организацией материального обеспечения обороны городов, собирали ряд податей с населения (ямские деньги и пр.). Появление городовых приказчиков, набиравшихся из мелкого дворянства, знаменовало новое ограничение власти наместников и укрепление политических позиций дворянства на местах.

Судебник 1497 г.

Процесс централизации государственного аппарата нашёл отражение и в законодательстве. В 1497 г. был составлен Судебник — первый кодекс Русского централизованного государства. Судебник не только являлся обобщением правовых норм, существовавших до этого в отдельных феодальных центрах, но и представлял собою новый этап в развитии общерусского феодального права. Основная часть статей Судебника касалась упорядочения судопроизводства и судоустройства Русского государства. В нём регламентировался порядок деятельности центральных судебных органов, находившихся в руках боярства. Судебные функции наместников ограничивались благодаря введению обязательного участия в наместничьем суде представителей верхов посадского населения и черносошного крестьянства. Защищая интересы господствующего класса, Судебник вводил тяжёлые наказания (смертную казнь) за убийство господина и вообще за деяния, совершённые «ведомыми лихими людьми», к числу которых могли быть отнесены все выступавшие против феодального правопорядка. Специальной статьёй суживалось право крестьянского «выхода». Отныне крестьянин мог покинуть своего господина только раз в году (за неделю до и после Юрьева дня осеннего, т. е. 26 ноября), уплатив ему «пожилое» (плату за пользование двором). В этом постановлении нашла яркое отражение крепостническая сущность законодательства феодальной эпохи, когда все законы «сводились в основном к одному — удержать власть помещика над крепостным крестьянином» [1].

Кодификация норм феодального права в свою очередь содействовала дальнейшей централизации государственного управления и способствовала борьбе со своеволием феодальной аристократии.

Укрепление великокняжеской власти

Об укреплении самодержавной власти русских государей свидетельствовала торжественная церемония венчания «шапкой Мономаха» внука Ивана III Дмитрия (сына умершего наследника Ивана Ивановича Молодого), состоявшаяся в Успенском соборе в феврале 1498 г. За Дмитрием отныне было закреплено звание великого князя Владимирского и наследника русского престола. Венчание Дмитрия шапкой, якобы полученной Владимиром Мономахом от византийского императора, отражало рост международного престижа России.

В связи с этим событием сложилось особое публицистическое произведение — «Сказание о князьях Владимирских», в котором излагались официальные политические идеи. В «Сказании» рассказывалось о происхождении русских князей от римского императора Августа. Московские государи рассматривались в «Сказании» как непосредственные преемники киевских князей и наследники византийских императоров. «Сказание» служило целям идеологического обоснования самодержавной власти московских государей. Вместе с тем оно обосновывало право московских государей на воссоединение земель, входивших ранее в состав древнерусского государства. Аналогичные задачи преследовали и другие публицистические произведения, появившиеся в конце XV — начале XVI в. Так, в повести о Вавилонском царстве развивалась идея преемственности власти византийских монархов от правителей Вавилона, а в дополнениях к повести сообщалось о передаче византийским императором Львом знаков царского достоинства Владимиру Мономаху.

[1] *В. И. Ленин,* О государстве. Соч., т. 29, стр. 445.

Укреплению великокняжеской власти ожесточённо сопротивлялась боярская оппозиция, недовольная ростом самодержавия. К концу XV в. при дворе Ивана III сложились две группировки, между которыми шла борьба за власть. Одну из них возглавлял сын Ивана III — Василий и его мать Софья Палеолог, опиравшиеся, по-видимому, на широкие круги дворянства, другая концентрировалась вокруг малолетнего Дмитрия и его матери Елены, дочери, молдавского господаря Стефана Великого. Вероятно, к этой группировке принадлежали видные представители боярства — князь Семён Ряполовский, князья Иван и Василий Патрикеевы, посольский дьяк Фёдор Курицын и др. В 1499 г. князь Семён Ряполовский был казнён, а Иван и Василий Патрикеевы насильственно пострижены в монахи (последний — под именем Вассиана). Окончательное падение Дмитрия-внука произошло в 1502 г., когда он был заточён в темницу, а Василий Иванович провозглашён наследником престола. Основная причина опалы Дмитрия заключалась в связях его окружения с княжеско-боярской оппозицией. Падению Дмитрия-внука содействовала близость Елены Стефановны и Фёдора Курицына к московскому кружку еретиков, тогда как Василия Ивановича и его окружение поддерживала официальная церковь.

Новгородско-московская ересь

Укрепление самодержавной власти сопровождалось усилением классовой борьбы. Одной из её форм в конце XV — начале XVI в. была новгородско-московская ересь, своим остриём направленная против официальной церкви и самих основ церковной идеологии (идейные противники еретиков называли их «жидовствующими», в связи с тем, что еретики, развивая свои взгляды, ссылались на Ветхий завет). В этой ереси, носившей характер реформационного движения, отчётливо выделяются два направления. Одно обладало чертами бюргерской оппозиции. Его идеологами были выходцы из новгородского духовенства (священники Алексей, Дионисий и др.) и купечества (Игнат Зубов, Семён Клёнов). Новгородские еретики отрицали основные догматы православия (в том числе троицу), божественность Христа, выступали против обрядности и т. п. Уже вскоре после появления ереси в Новгороде она начала распространяться и при великокняжеском дворе. Московский кружок, идеологами которого стали дьяки Фёдор и Иван Волк Курицыны, представлял иное, умеренное направление и был поддержан феодально-княжескими кругами, в частности Ряполовским и Патрикеевыми. В России, как в Польше и других европейских странах, элементы реформационного и гуманистического движения использовались теоретиками боярской оппозиции, превращавшими гуманистическую проповедь свободы личности в проповедь самовластия бояр. Вместе с тем московские еретики выступали с критикой монашества, выдвигали требования секуляризации монастырских земель и являлись сторонниками распространения научных знаний и просвещения. На церковном соборе 1490 г. Дионисий и другие новгородские еретики были отлучены от церкви и преданы «анафеме» (Алексей к этому времени умер). После заключения в тюрьму Дмитрия церковный собор в 1504 г. приговорил к сожжению; Ивана Волка (брата умершего Фёдора Курицына) и других виднейших московских еретиков. Несмотря на разгром ереси, передовые идеи вольнодумцев конца XV — начала XVI в. оказали заметное влияние на развитие русской общественной мысли, способствовали её высвобождению от пут церковной идеологии, развитию гуманистических тенденций. К передовым гуманистам более позднего поколения принадлежал, например, окольничий Фёдор Карпов, видный политический деятель времён Василия III. Широко образованный человек, хорошо знавший классиков античной литературы и философии, Фёдор Карпов в своих посланиях выступал против попыток реакционных церковников подчинить политическую деятельность русского правительства узкоцерковным интересам.

Осифляне и нестяжатели

Распространение реформационных и гуманистических учений заставило представителей официальной церкви задуматься о путях укрепления её идеологических позиций. Вокруг новгородского архиепископа Геннадия уже в конце XV в. группировались воинствующие церковники, которые настаивали на беспощадной борьбе с ересью по примеру «шпанского (испанского) короля». В кружке Геннадия развивались реакционные идеи о превосходстве церковной власти над светской и о незыблемости монастырского землевладения. В «Повести о белом клобуке» говорилось, что белый клобук (символ власти новгородского архиепископа) попал в Новгород из Рима, а этот клобук «честнее» царского венца, т. е. царская власть должна подчиняться духовной.

Учеником и последователем Геннадия был игумен Волоколамского (Волоцкого) монастыря Иосиф Санин (Волоцкий). Его основной труд «Книга на еретиков», получившая в XVII в. название «Просветитель», и другие публицистические сочинения посвящены критике воззрений новгородских и московских еретиков, обоснованию положений воинствующих церковников (в особенности защите монастырского землевладения). В последние годы своей жизни волоцкий игумен попытался упрочить союз воинствующих церковников с великокняжеским правительством. Он разработал теорию божественного происхождения власти московских государей, содействуя тем самым идеологическому укреплению самодержавия. Путём установления строжайшей дисциплины в монастырях, поднятия внешнего благочестия и подавления всякого вольнодумия Иосиф Волоцкий и его последователи (осифляне) стремились поднять пошатнувшийся авторитет церкви. Осифлянскую доктрину разделял и старец одного из псковских монастырей Филофей, в годы правления Василия III развивший далее идею об исторической преемственности власти московских государей от византийских императоров. Согласно его теории, Москва являлась третьим Римом, причём «два Рима падоша, а третий стоит, а четвёртому не бывать».

Иные по сравнению с осифлянами пути церковной реформы намечал Нил Сорокин, выходец из дьяческой семьи Майковых. Побывав в молодости на Афоне, Нил основал на реке Соре в Заволжье пустынь (отсюда его последователей иногда именуют «заволжскими старцами»), где начал проповедовать своё учение.

Взгляды Нила Сорского формировались под сильным влиянием средневековых мистиков; он отрицательно относился к внешнему благочестию и настаивал на необходимости аскетизма и нравственного самосовершенствования. В отличие от осифлян, преданных каждой букве церковной литературы, Нил Сорский требовал критического подхода к церковным писаниям. Его последователи возражали против осифлянских жестокостей по отношению к еретикам, а заволжские скиты часто делались очагами ересей.

Учение Нила Сорского также было использовано идеологами боярства и, прежде всего Вассианом Патрикеевым, который отстаивал мысль о необходимости секуляризации недвижимых имуществ церкви.

Открытое столкновение Иосифа Волоцкого с Нилом Сорским и его последователями произошло на церковном соборе 1503 г., на котором Нил Сорский, поддержанный Иваном III, поставил вопрос о секуляризации церковных владений (отсюда последователей Нила называют «нестяжателями»). Осифлянское большинство собора решительно отвергло предложение о ликвидации монастырского землевладения. Но борьба нестяжателей с осифлянами продолжалась и в дальнейшем.

Максим Грек и нестяжатели

Годы правления Василия III были временем дальнейшего роста великокняжеской власти. Решительной борьбе с вельможным боярством предшествовал период, когда Василий III пытался опереться в своей политике на нестяжателей, секуляризационная программа которых отвечала интересам великокняжеского правительства. Василий III приблизил к себе Вассиана Патрикеева. Специальным уложением было запрещено жи-

телям ряда районов Русского государства, а также потомкам ярославских, суздальских и стародубских князей продавать и давать на «помин души» свои вотчины в монастыри без ведома великого князя. В 1511 г. митрополитом стал близкий к нестяжателям Варлаам, который для исправления богослужебных книг вызвал с Афона учёного монаха Максима Грека (гуманист — грек Михаил Триволис), в своё время находившегося под влиянием Савонаролы. На Руси Максим Грек сделался видным публицистом, воспринявшим нестяжательские идеи Вассиана Патрикеева.

Сближение Василия III с нестяжателями оказалось кратковременным, ибо оно противоречило основной политической линии русского правительства, направленной на ограничение боярского своеволия. Нестяжатели и их боярские союзники не склонны были поддерживать самодержавные стремления московских государей. В 1522 г. вместо попавшего в опалу Варлаама на митрополичий престол был назначен ученик Иосифа Волоцкого и глава осифлян Даниил, сделавшийся горячим сторонником укрепления великокняжеской власти. В 1525 г. правительство раскрыло заговор, во главе которого стоял один из видных придворных деятелей — Берсень-Беклемишев. Берсень выступал в защиту прерогатив феодальной знати и возмущался тем, что «государь наш запершись сам-третей у постели всякие дела делает», не советуясь, как это бывало прежде, с боярами. Берсень был казнён. Одновременно началось преследование нестяжателей. В 1525 и 1531 гг. дважды подвергался осуждению Максим Грек, которого заточили в монастырь. В 1531 г. после судебного разбирательства в заточение попал и Вассиан Патрикеев, вскоре после этого скончавшийся.

Завершение объединения русских земель

Укрепление Русского государства в конце XV — начале XVI в. сделало возможным решение большой исторической задачи — воссоединения с ним русских земель, находившихся под властью Великого княжества Литовского. Первым шагом на этом пути была так называемая пограничная война между Россией и Великим княжеством Литовским (1487—1494 гг.). Уже в ходе этой войны отчётливо обнаружилась тяга русского населения Великого княжества Литовского к Москве, показателем чего был переход на сторону Ивана III князей Воротынских, Белевских и Вяземских вместе со своими владениями. По договору 1494 г. Литва признавала за Русским государством все перечисленные территории. Расстояние между Москвой и государственной границей на западе увеличилось более чем в два раза.

Договор 1494 г., не решавший всей проблемы присоединения русских земель, находившихся под властью Литвы, оказался недолговечным. Новая русско-литовская война началась переходом в начале 1500 г. на сторону Ивана III князей Семёна Бельского, Семёна Ивановича Стародубского и Василия Ивановича Шемячича Новгород-Северского. Переход этих князей с их «отчинами» показал непрочность Великого княжества Литовского. Летом 1500 г. в битве на реке Ведроши у Дорогобужа литовская армия была наголову разбита, а её воевода князь Константин Острожский попал в плен. Одновременно русские войска заняли Северскую Украину.

Выступление Ливонского ордена на стороне литовских феодалов не облегчило положение князя Александра Казимировича, получившего в 1501 г. и польскую корону. В 1501 г. войска Ивана III нанесли поражение литовцам под Мстиславлем и Ордену под Гельмедом (в Ливонии). Активные действия на литовских рубежах союзников Ивана III — крымского хана Менглы-Гирея и господаря молдавского Стефана ещё более ослабили позиции Литвы, принуждённой начать мирные переговоры с Русским государством. Перемирие 1503 г. закрепило победы русских войск в войне с Великим княжеством Литовским. В состав России отныне вошла огромная территория на всём протяжении русско-литовской границы, в том числе Чернигово-Стародубское княжество (с городами Черниговом, Стародубом, Гомелем), Новгород-Северское княжество (с городами Новгород-Северским и Рыльском), а также города Брянск, Карачев, Мценск, Дорогобуж и др. Присоединение всех этих земель созда-

вало благоприятные условия для развития экономических и культурных связей России с белорусским и украинским народами. В том же 1503 г. заключил перемирие с Русским государством и Ливонский орден. Это перемирие неоднократно возобновлялось, причём русской дипломатии удалось добиться от Ордена согласия на уплату дани за Юрьев (Тарту), некогда входивший в состав древнерусского государства.

Преемник Ивана III, его сын Василий III, продолжал политику объединения русских земель. В годы правления Василия III был присоединён ряд выморочных удельных княжеств, в том числе Волоколамское (1514 г.), Калужское (1518 г.), Угличское (1521 г.). Военная угроза, нависшая над южными границами Руси со стороны Крыма и Литвы, заставила Василия III поспешить с ликвидацией Стародубского и Новгород-Северского уделов и присоединить к Русскому государству Рязанское княжество (1522 г.). Северский князь Василий Шемячич был «пойман» и брошен в заточение, а последнему великому князю рязанскому Ивану Ивановичу удалось бежать в Литву, где он продолжал интриговать против Василия III. Для управления уничтоженными уделами в Москве создавались особые учреждения — дворцы во главе с дворецкими, осуществлявшие контроль над деятельностью местной администрации. В первой трети XVI в. существовали новгородский, тверской, рязанский и, по-видимому, угличский дворцы, позднее был учреждён дмитровский дворец. Областные дворцы сыграли свою роль в деле включения бывших удельных земель в систему централизованного управления. Их ликвидировали во второй половине XVI в. в связи с формированием приказов, в которых намечалась замена территориального принципа управления функциональным (когда приказу подведомственна какая-либо одна отрасль управления).

В начале XVI в. завершился длительный процесс присоединения Псковской республики к Русскому государству. В 1510 г. Псков был окончательно включён в состав Русского государства, вече уничтожено, знатнейшие семьи псковского боярства выведены в центральные районы страны, а на их место поселены московские служилые люди.

Крупную победу одержали русские войска в новой войне с Великим княжеством Литовским (продолжавшейся с перерывом с 1507 по 1522 г.): после трёхмесячной осады в 1514 г. был взят Смоленск, древний русский город и важнейшая крепость на путях в Белоруссию. Таким образом, в первой трети XVI в. закончилось воссоединение русских земель в единое государство. Вопрос о воссоединении украинского и белорусского народов с русским народом удалось разрешить значительно позднее.

Рост международного значения России в конце XV — первой трети XVI в.

Успехи, достигнутые Русским государством в объединении русских земель, содействовали росту его международного престижа. На востоке страны ещё правительству Ивана III удалось добиться стабилизации границы. В результате похода русских войск 1487 года на казанский престол был посажен Мухаммед Эмин, признавший вассальную зависимость от Руси. Крымский хан Менглы-Гирей до самого начала XVI в. в ряде случаев действовал совместно с Россией против общих врагов. Положение на юге и на востоке осложнилось в начале 20-х годов XVI в., когда новый крымский хан, Мухаммед-Гирей, организовал переворот в Казани, добившись установления там власти своего брата Сагиб-Гирея, и одновременно в 1521 г. совершил большой поход на Москву. Это нападение было отбито, но опасность новых вторжений с юга и востока устранить не удалось.

С конца XV в. установились дипломатические отношения России с Турцией. Русский посол Михаил Плещеев был принят в 1497 г. султаном Баязидом с таким почётом, какой в Османской империи не оказывали представителям других европейских держав. Русско-турецкие отношения ухудшились на время лишь в 20-х годах XVI в., когда султан поддержал своего крымского вассала в его враждебной политике по отношению к Русскому государству.

В конце XV — первой трети XVI в. участились поездки в Москву дипломатических представителей из других стран Востока. Здесь побывали в конце XV в. посольства из Грузии, Ширвана и Хорасана. В 1532 г. двор Василия III посетило посольство Бабура, основателя династии Великих Моголов в Индии.

В конце XV и в первой трети XVI в. Россия стала играть заметную роль в политических отношениях государств Европы. С Русским государством завязали дипломатические сношения Габсбурги, видевшие в «Московии» союзника в их борьбе с польскими Ягеллонами и настойчиво стремившиеся втянуть Россию в антитурецкую коалицию. Немецкие послы были частыми гостями в Москве, а русские дипломаты неоднократно посещали двор Карла V. Во время одной из таких поездок русские послы побывали в Лондоне и возобновили сношения с Англией, прерванные в период феодальной раздробленности на Руси.

Союзником России в конце XV в. стала Дания, с которой Иван III в 1493 г. заключил договор, оказавший существенную помощь в борьбе датского короля Иоанна со шведским правителем Стеном Стуре и обеспечивший России нейтралитет Швеции в годы русско-литовской войны.

Развитие дипломатических отношений между Русским государством и странами Запада и Востока приводило к росту торгового и культурного общения между ними. Окрепшее Русское государство уже в конце XV и первой половине XVI в. сделалось одной из значительных европейских держав.

3. Боярская реакция 30 — 40-х годов. Обострение классовой борьбы в середине XVI в.

Несмотря на значительные успехи, достигнутые в деле укрепления центральной власти во время правления Ивана III и Василия III, преодоление пережитков феодальной раздробленности не было окончательно завершено в силу того, что развитие социально-экономических отношений ещё не подготовило для этого реальной почвы.

По мере углубления процесса централизации нарастало сопротивление великокняжеской власти со стороны удельных княжат и вельможного боярства, цеплявшихся за свои права и привилегии. В этом и заключалась сущность боярской реакции 30—40-х годов XVI в.

Регентство Елены Глинской

После смерти в декабре 1533 г. великого князя Василия III престол перешёл к его трёхлетнему сыну Ивану. Фактически правительницей сделалась энергичная мать малолетнего Ивана IV Елена Глинская и её фаворит князь Телепнев-Оболенский. В годы регентства Елены Глинской знаменосцами боярской реакции выступили братья Василия III — князья Юрий Иванович Дмитровский и Андрей Иванович Старицкий, стремившиеся воспользоваться ослаблением центральной власти для укрепления своих позиций в удельных княжествах. Правительство Елены Глинской предприняло против них решительные меры. Уже через неделю после смерти Василия III князь Юрий Иванович был схвачен и брошен в темницу, где он вскоре и умер. В 1537 г. попытался поднять мятеж против Ивана IV князь Андрей Иванович, рассчитывавший на поддержку служилых людей Великого Новгорода. Однако его надежды не оправдались. Схваченный воеводами Елены Глинской, князь Андрей Старицкий, как и Юрий, кончил свою жизнь в заключении.

Борясь с удельно-княжеской оппозицией, правительство Елены Глинской проводило дальнейшую централизацию аппарата управления. В этой политике оно находило опору в широких кругах дворянства, используя также поддержку городов. Продолжалось сокращение иммунитетных привилегий духовных феодалов. В результате денежной реформы 1535 — 1538 гг. в стране была установлена единая монетная система.

Возросшую роль городов как центров развивающегося товарного производства и потребности обороны страны от нападений извне отражала градостроительная политика правительства Елены Глинской. Наиболее населённая часть посада Москвы была опоясана каменными стенами Китай-города. В течение 1534—1538 гг. развернулось строительство крепостных сооружений во многих русских городах. Были возведены укрепления в Балахне, построены Темников, Пронск, Буй-город и Любим. Все эти крепости защищали русские земли от набегов крымских и казанских татар. Западная граница государства прикрывалась новыми городами-крепостями Себежем, Велижем, а также отстроенными укреплениями Стародуба и Почепа.

Строительство городских укреплений содействовало росту безопасности русских городов.

Вероятно, ещё в конце правления Елены Глинской началось осуществление губной реформы (первые губные грамоты относятся к октябрю 1539 г.). Сущность реформы сводилась к тому, что важнейшие уголовные дела, касавшиеся «ведомых лихих людей», отныне изымались из компетенции наместников и волостелей и передавались в руки уездного дворянства, выборные представители которого («излюбленные головы», или губные старосты) становились во главе карательных органов на местах. Реформа проводилась ещё не повсеместно, а в отдельных округах («губах»), по челобитью местного дворянства и верхушки посадских людей. Своим остриём она была направлена против растущего сопротивления народных масс.

Борьба за власть боярских группировок в 1538—1547 гг.

Скоропостижная смерть Елены Глинской в апреле 1538 г. дала возможность активизироваться княжеско-боярской оппозиции, недовольной твёрдой политикой правительства. В результате переворота, совершённого «боярским советом» через несколько дней после смерти княгини Елены, её фаворита И. Ф. Телепнева-Оболенского бросили в темницу. Состав боярского правительства, захватившего власть, не был однородным: в него входили две основные группировки — одну из них возглавляли князья Шуйские, являвшиеся защитниками боярских привилегий, во главе другой стояли Бельские, опиравшиеся на сторонников централизаторской политики. Уже вскоре после прихода к власти нового правительства между обеими группировками началась острая борьба. Осенью 1538 г. И. Ф. Бельский был посажен «за сторожи» (т. е. в темницу), а дьяк Фёдор Мишурин, один из активных сторонников политического курса Василия III, казнён. В начале 1539 г. Шуйские достигли нового успеха, сведя с престола осифлянского митрополита Даниила. Поставленный на его место Иоасаф, близкий к нестяжателям, не оправдал, однако, расчётов Шуйских и добился в конце 1540 г. освобождения И. Ф. Бельского. Бельский на некоторое время взял власть в свои руки. Но его правление было недолговечно. В результате очередного дворцового переворота, возглавленного Шуйскими (начало 1542 г.), Бельский был «пойман» и отправлен в заточение на Белоозеро, где он и умер. Место строптивого митрополита Иоасафа, сосланного в Кириллов монастырь, занял новгородский архиепископ Макарий, сумевший заручиться поддержкой Шуйских. События 1542 г. знаменовали собою кульминационный пункт боярской реакции в годы малолетства Ивана IV. Подраставший великий князь и стоявшие за его спиной представители старомосковского боярства (Воронцовы, Морозовы и др.) уже в 1543 г. расправились с Шуйскими и их сторонниками: глава оппозиции Андрей Шуйский был казнён, а его сподвижники отправлены в ссылку. Но на этом смена боярских группировок у кормила власти не кончилась. После казни с 1546 г. Воронцовых при дворе Ивана IV укрепилось влияние его родичей: бабки Анны и дядьёв Михаила (конюшего) и Юрия (кравчего) Васильевичей Глинских.

Принятие царского титула в январе 1547 г. Иваном IV содействовало укреплению центральной власти. В феврале 1547 г. достигший совершеннолетия Иван IV женился на Анастасии Романовне, принадлежавшей к семье старомосковских бояр Захарьиных-Юрьевых, давнишних сторонников централизаторской политики

великокняжеской власти. Однако новая царская родня с завистью смотрела на Глинских, державших в своих руках бразды правления страной, и готова была в борьбе за власть поддержать тех представителей княжеско-боярской оппозиции, которых Глинские отодвинули на задний план. Назревали новые феодальные усобицы.

Годы правления различных групп придворной знати отмечены неисчислимыми бедствиями народных масс. Шуйские, Глинские, Бельские, Воронцовы и другие боярские временщики стремились использовать своё положение для самого беззастенчивого обогащения путём непомерного усиления феодальной эксплуатации крестьян и горожан.

В годы малолетства Ивана Грозного резко ухудшилось и внешнеполитическое положение России. В результате неудачной войны с Великим княжеством Литовским пришлось в 1537 г. временно уступить Литве Гомель и Любеч. Восточные и юго-восточные окраины страны систематически подвергались опустошительным набегам казанских и крымских феодалов, сжигавших селения и города и полонивших многие тысячи русских людей. Ответом народных масс на господство представителей боярской олигархии явился невиданный дотоле подъём классовой борьбы.

Обострение классовой борьбы

В поисках лучшей доли крестьяне бежали на северо-восток (на Урал) и на юг — в «поле» (степь). Случаи самовольной порубки крестьянами лесов, запашки земель у феодалов становятся к середине XVI в. весьма распространённым явлением. В годы боярского правления имел место ряд убийств отдельных феодалов и их приказчиков крестьянами. Писцовая книга Тверского уезда 1548 г. отмечает случаи, когда «разбойники» (так в официальных документах часто именовались борцы против феодального гнёта) нападали на помещиков и захватывали документы, которыми закреплялись права феодалов на земли и крестьян.

Не менее напряжённой была борьба ив городах. Горожане боролись против феодального грабежа и насилия. Наибольшее их возмущение вызывали действия наместников, которые рассматривали города как объект для самых бессовестных вымогательств. Особенно прославился в этом отношении псковский наместник князь Андрей Шуйский, который путём организации фиктивных судебных процессов взыскивал с населения непомерно высокие судебные штрафы. Этот факт не был единичным. Борьба против произвола наместнического аппарата в 40-х годах XVI в. принимала в отдельных городах характер открытого неповиновения (например, в Пскове и Новгороде). Обстановка в стране накалялась.

Городские восстания середины XVI в.

Наибольшего напряжения классовая борьба достигла в период московского восстания 1547 г. Непосредственным поводом к событиям в Москве послужил огромный пожар 21 июня 1547 г., истребивший часть посада. Своим остриём восстание было направлено против правительства Глинских, с деятельностью которых у посадских людей связывались все тёмные стороны боярского правления. В народе распространились слухи, что Глинские подожгли столицу. Основной движущей силой восстания были широкие круги московских посадских людей («чёрные люди»). Вместе с тем движение стремились использовать отдельные представители разгромленной группировки Шуйских (бояре И. П. Фёдоров, Ф. Скопин-Шуйский и др.), чтобы расправиться со своими политическими противниками, т. е. в первую очередь с Глинскими. 26 июня, собравшись предварительно на вечевой сходке, массы посадских людей двинулись в Кремль, где потребовали выдачи на расправу Глинских как виновников пожара. Испуганные размахом народного движения, бояре выдали Юрия Глинского, который пытался укрыться в Успенском соборе, но был извлечён оттуда и убит. Михаила Глинского спасло только то, что он находился вне пределов столицы. Однако дворы Глинских и их сторонников были сожжены восставшими.

29 июня огромные толпы вооружённых посадских людей направились в подмосковное село Воробьёво, где после пожара находился Иван IV. Приход вооружённого народа произвёл большое впечатление на молодого царя, который позднее, вспоминая события 1547 г., говорил, что с этих пор «вниде страх в душу мою и трепет в кости моя». Восставшие требовали выдать им Михаила и Анну Глинских. Царь с величайшим трудом убедил пришедших, что он Глинских не прячет. Не имея чётко выраженной программы и плана действий, восставшие покинули Воробьёво. После этого начались казни и преследования участников восстания. Глинские, ненависть к которым в народе достигла крайней степени, были устранены от власти. Михаил Глинский пытался бежать в Литву, но был задержан и отправлен в ссылку. Власть на время перешла к представителям княжеско-боярской оппозиции. Это только усугубило и без того тяжёлое положение в стране. В городах и деревнях усилились волнения против феодального гнёта. Тем же летом 1547 г. жители псковского «пригорода» Опочки посадили в заключение царского сборщика налогов. Понадобилась посылка специального войска, чтобы усмирить недовольных. Борьба на севере разгорелась в связи с резким ростом податей и хлебным недородом конца 40-х годов. В 1549 г. происходили движения в Великом Устюге, а в 1550 г. — в Пскове. Все эти выступления носили локальный и неорганизованный характер, но они свидетельствовали об обострении классовых противоречий в стране в середине XVI в.

Восстание в Москве в 1547 г.
Миниатюра из «Лицевого летописного свода».
XVI в. (Перерисовка.)

Реформационное движение середины XVI в.

С большими усилиями правительству Ивана IV удалось подавить городские восстания и крестьянские волнения середины XVI в. Однако положение в стране оставалось по-прежнему напряжённым. В 1554 — 1555 гг., очевидно в связи с каким-то волнением на посаде, в Москве было казнено «многое множество» торговых людей.

Одной из форм, в которых выражалось обострение классовых противоречий, являлось реформационное движение. Середина XVI в. отмечена новым подъёмом этого движения в России. Если в конце XV и начале XVI в. еретики выступали прежде всего против церкви, как носительницы официальной идеологии, то уже в середине XVI в. русские вольнодумцы выдвигают социальные вопросы. В этот период складывается и плебейская ересь, идеологом которой являлся Феодосий Косой. Холоп одного из царских вельмож, Косой вместе с группой единомышленников бежал в заволжские скиты, где и начал проповедовать своё учение, но был схвачен в середине 50-х годов и предан церковному суду. Косому удалось, однако, бежать в Великое княжество Литовское; здесь он продолжал свою

деятельность, оказывая заметное влияние на развитие передовой общественно-политической мысли Литвы и Белоруссии.

Феодосий Косой, взгляды которого имели черты сходства с воззрениями антитринитариев, отрицал троичность божества, выступал против основных догм православной церкви и обрядности. Являясь идеологом крестьянской и посадской бедноты, Феодосии Косой призывал к неповиновению властям и к отказу от уплаты всяких податей. Проповедуя равенство всех народов, он говорил, что «все людие едины суть у бога и татарове, и немцы и прочие языцы (т. е. народы)». Косой являлся также противником войн, тяжело отражавшихся на положении народных масс. Учение Феодосия Косого было направлено против самых основ феодального строя.

Большей умеренностью отличались взгляды сына боярского Матвея Башкина, вокруг которого в начале 50-х годов XVI в. в Москве сложился кружок вольнодумцев. Башкин подвергал рационалистической критике сочинения «отцов церкви». Своеобразно истолковывая книги «священного писания», Башкин выступал против полного и кабального холопства. Не ограничиваясь теоретическим осуждением рабства, он освободил всех своих холопов, предпочитая пользоваться трудом свободных людей по найму.

Реакционным церковникам удалось добиться на церковных соборах 1553— 1555 гг. осуждения еретиков. Башкина заточили в Волоколамский монастырь, его сподвижника И. Борисова — в Валаамский монастырь, откуда он бежал в Швецию. Разгром реформационного движения в России объяснялся в первую очередь его сравнительно слабым размахом. В России, где города не достигли ещё в XVI в. такого экономического подъёма и политического влияния, как на Западе, реформационное движение лишь в крайне слабой степени затронуло посадских людей.

4. Реформы 50-х годов XVI в. Присоединение Казани и Астрахани

Начало реформ

В обстановке широкой волны народных движений, прокатившейся по стране в середине XVI в., представители различных групп феодалов вынуждены были прекратить на время свои распри и образовать правительство, способное обеспечить господство класса феодалов-крепостников над широкими массами трудящихся. Феодальная аристократия, учитывая возросшую роль дворянства, должна была поступиться рядом своих прав и привилегий, чтобы удовлетворить его требования. К началу 1549 г. при дворе Ивана IV образовался правительственный кружок («избранная рада»), в состав которого входили представители княжат, бояр и дворянства. Возглавил правительство любимец царя, талантливый политический деятель Алексей Адашев, происходивший из богатой, но незнатной дворянской семьи. Большое влияние на царя Ивана в это время оказывал придворный священник Сильвестр, близкий по своим взглядам к нестяжателям. Сильвестр был склонен идти на уступки княжатам и боярам, чьи интересы защищали Д. И. Курлятев, князь Д. Ф. Палецкий и другие члены правительства. Правительство Адашева в своей деятельности осуществляло политику компромисса между отдельными прослойками класса феодалов. Первым шагом к проведению реформ государственного аппарата явился созыв в феврале 1549 г. земского собора — собрания представителей высших слоев господствующего класса: бояр, высшего духовенства, московского дворянства. Собор открылся речью Ивана IV, содержавшей обвинения в злоупотреблениях и насилиях, которые чинились боярами в его малолетство. Однако уже в этой речи царь призывал к компромиссам, обещая боярам простить их прошлые насилия. На соборе было объявлено о подготовке к изданию нового Судебника и о других намечавшихся реформах. Если в заседаниях первого земского собора 1549 г. участвовали только феодалы, то среди деятелей собора, созванного в 1566 г., были и представители

верхов торгово-промышленного населения страны. Русское государство в середине XVI в. превращалось в сословно-представительную монархию, в которой важнейшие государственные мероприятия осуществлялись с санкции земского собора. Решающую роль в земском соборе играло дворянство. Основная масса населения страны — крестьянство — на соборах не имела своих представителей.

Привлечение представителей дворянства и других сословных групп к участию в управлении страной укрепило централизованную систему Русского государства.

Вскоре после собора 1549 г. было положено основание другому важному правительственному учреждению — Челобитной избе, где Адашев и Сильвестр разбирали челобитные, т. е. жалобы и просьбы. Челобитная изба обладала, кроме того, функцией надзора за деятельностью центральных ведомств.

Иван Пересветов

Начало реформы вызвало к жизни целый ряд предложений о дальнейших путях государственных преобразований. С предложениями выступали видные политические мыслители того времени. Осенью 1549 г. Ивану IV подал свои сочинения, изложенные в виде челобитных и сказаний о взятии Константинополя турками, Иван Семёнович Пересветов — выходец из русских земель, находившихся в составе Великого княжества Литовского. Проведя первую половину своей жизни на военной службе в Польше, Венгрии и Чехии, Пересветов около 1538—39 г. попал на Русь, где долгое время испытывал всевозможные притеснения от всесильных бояр. Проекты реформ, предложенные им в своих сочинениях, отражали интересы растущего дворянства и были направлены к укреплению самодержавия и ограничению боярского самовластия. Ссылаясь на пагубный пример засилья вельмож при дворе последнего византийского императора Константина, публицист советует царю держать бояр в повиновении и возвышать «воинников» (дворян) не по их происхождению, а по воинским заслугам. Путём централизации суда и финансов, введением постоянного денежного жалованья «воинникам» и другими мероприятиями должна быть обеспечена активная внешняя политика России и прежде всего присоединение «подрайской землицы», т. е. Казани. Пересветов особенно подчёркивал, что на Русское государство с надеждой смотрят порабощённые славянские народы, ожидающие от России помощи в деле их освобождения от турецкого ига.

Оставаясь в целом идеологом дворянства, Пересветов в своих социальных и философских воззрениях выходил за рамки дворянской ограниченности. Подобно Матвею Башкину, он восставал против холопства и кабальной зависимости, считая, что в стране, где существует «порабощение», неизбежно совершается «всякое зло». Пересветов придавал огромное значение «книгам» и «мудрости», которыми должен руководствоваться монарх при проведении преобразований. В его представлении высшим критерием деятельности людей является «правда», а не «вера». По глубине и широте воззрений Пересветов занимает заметное место в мировой общественно-политической мысли XVI в. среди таких теоретиков сильной монархической власти, как Жан Боден, Макиавелли, Андрей Фрыч Моджевский и др.

Судебник 1550 г. и Стоглав

Важным мероприятием в области кодификации норм русского права и упорядочения судопроизводства было составление в июне 1550 г. нового Судебника. В Судебнике Ивана IV получила отражение дальнейшая, хотя и не всегда последовательная, централизация аппарата государственной власти. В судопроизводстве увеличивался удельный вес центральных органов управления и дьяческой бюрократии; ещё более ограничивались судебные функции наместников за счёт более широкого привлечения к участию в суде представителей зажиточных кругов посадского населения и черносошных крестьян. Усиливались суровые наказания «ведомым лихим людям», и вводился «розыск» по делам, связанным с «разбоем» и «душегубством». Судебник 1550 г. подтвердил постановление Судебника 1497 г. относительно крестьянского «выхода» в Юрьев день, увеличив плату за выход. Судебник 1550 г. носит на себе следы

компромиссного характера политики правительства Адашева. Дворянству не удалось добиться сколько-нибудь серьёзного ограничения боярского землевладения.

Вопрос о судьбах церковно-монастырского землевладения сделался предметом специального рассмотрения на заседаниях церковного собора 1551 г., получившего название Стоглавого собора, или Стоглава (соборные решения были сформулированы в сборнике, содержавшем 100 глав, отсюда и название собора). Правительство предполагало осуществить с согласия собора ликвидацию церковно-монастырского землевладения и «белых» слобод, принадлежавших духовным феодалам и обладавших большими податными льготами. Однако осифлянское большинство Стоглава решительно поддержало принцип незыблемости прав духовенства на владение недвижимой собственностью, в защиту которого выступил митрополит Макарий. Дело окончилось принятием компромиссного решения. Монастырское землевладение несколько сократилось. Аннулировались, в частности, сделанные после смерти Василия III княжеско-боярские земельные пожалования в монастыри. Монастырям запрещалось без доклада царю покупать земли, а потомкам удельных княжат — передавать земли на «помин души». Духовные феодалы не могли впредь основывать новые «белые» слободы и дворы в городах. В результате пересмотра жалованных грамот, произведённого в мае 1551 г., отдельные церковно-монастырские корпорации лишались некоторых своих земель, население монастырских городских дворов приравнивалось в податном и судебном отношении к посадским людям, а главные податные привилегии («тарханы»), распространявшиеся на другие поземельные владения духовных вотчинников, были ликвидированы. Только позднее, в годы опричнины, церковникам удалось добиться частичного восстановления податных привилегий.

На Стоглаве митрополит Макарий и другие осифлянские иерархи провели ряд реформ, направленных к унификации некоторых церковных обрядов и ликвидации отдельных злоупотреблений духовенства. Собор принял также постановление об организации специальных училищ для подготовки священников. Все эти мероприятия должны были поднять авторитет церкви.

Реформы начала 50-х годов XVI в.

С целью повышения боеспособности войск Русского государства правительством в 1549—1550 гг. были ограничены на время военных действий местнические счёты между военачальниками и введён принцип единоначалия в армии. Хотя этим местничество не было ликвидировано, правительству Алексея Адашева удалось поднять боеспособность дворянской армии.

В связи с ростом значения отрядов пищальников, использовавшихся в качестве гарнизонов в южных городах для обороны от набегов казанских и крымских татар, проводится реорганизация их в стрелецкое войско. В 1550 г. за пищальниками официально закрепляется наименование стрельцов и из их среды выделяется трёхтысячный отряд «выборных» (московских) стрельцов. Созданием хорошо вооружённых и дисциплинированных отрядов стрельцов подготовлялось формирование постоянного войска.

В октябре 1550 г. правительство решило наделить землёй в Московском и соседнем уездах 1078 дворян (так называемую «избранную тысячу»), не имевших подмосковных владений. Этот проект реформы преследовал цель укрепления экономических позиций верхушки дворянства. В 1551—1552 гг. правительство оформило выделение привилегированной части дворянства (так называемого дворового дворянства), из среды которого правительство выдвигало кандидатов на высшие государственные должности; для её учёта составили особую Дворовую тетрадь.

Начатые преобразования государственного аппарата и осуществление внешнеполитической программы требовали изыскания новых денежных средств, для чего была необходима реформа финансовой системы. С 50-х годов в центральных территориях Русского государства постепенно начала распространяться московская

«соха» как главная единица поземельного обложения [1]. Она была введена с таким расчётом, чтобы на земли черносошного крестьянства и духовных феодалов падало больше налогов, чем на земли дворянства. С середины XVI в. резко увеличился и податной гнёт. Крестьянство и посадское население должны были отныне платить ряд новых обременительных податей, в том числе деньги пищальные (на содержание стрелецкого войска) и полоняничные (на выкуп пленных).

Реформы начала 50-х годов XVI в. отвечали интересам всего класса феодалов, заинтересованного в укреплении своей власти над широкими народными массами. Вместе с тем реформы свидетельствовали о росте политической роли дворянства.

Возвышение дворянства вызывало тревогу в кругах боярской оппозиции, решительно противившейся дальнейшему осуществлению его требований. Весной 1553 г. во время серьёзной болезни Ивана IV возник вопрос о наследнике престола. Царь Иван и его ближайшие сподвижники (Алексей Адашев и др.) потребовали от Боярской думы присяги малолетнему сыну царя. Феодальная знать, поддержанная Сильвестром, выдвинула кандидатуру двоюродного брата царя — старицкого удельного князя Владимира Андреевича. Боярский заговор окончился неудачей. По выздоровлении Иван Грозный подверг опале наиболее активных сторонников Владимира Старицкого. Всё это позволило Ивану IV осуществить ряд новых реформ, отвечавших требованиям дворянства.

Реформы 1555—1556 гг.

Одним из важнейших преобразований середины 50-х годов XVI в. была реорганизация центральных органов управления, за которыми несколько позднее (примерно с конца 60-х годов XVI в.) закрепилось наименование «приказов». В каждом приказе сосредоточивалась какая-либо одна отрасль управления страной. Новая система правительственных учреждений, пришедшая на смену дворцово-вотчинному аппарату, свидетельствовала о значительных успехах централизации государственной власти. Всем делопроизводством приказов ведали дьяки, происходившие, как правило, из дворянской среды. Несмотря на то, что во главе важнейших приказов находились бояре или окольничие, удельный вес боярской аристократии в управлении страной значительно уменьшился. В 1555 г. оформились Поместный приказ, занимавшийся вопросами поместного землевладения, и Разрядный приказ, который служил центральным органом комплектования дворянской армии и одновременно выполнял функции военно-оперативного характера. Ещё в 1549 г. возник Посольский приказ, ведавший внешнеполитическими делами. К 1554 г. относится появление Большого прихода, в который поступали важнейшие общегосударственные налоги. Позднее были созданы Стрелецкий и Земский приказы. Последний выполнял полицейские функции в городе Москве. В связи с присоединением к России новых территорий сложились некоторые областные приказы (в том числе Казанский).

В результате реорганизации местного управления власть феодальной аристократии на местах была значительно подорвана. К 1555 г. губные учреждения распространились по всей стране, и, таким образом, суд, касавшийся важнейших уголовных преступлений, перешёл в уездах от наместников и волостелей в руки губных старост, выбиравшихся из местного дворянства. В 1554 г. правительство преобразовало в специальный Разбойный приказ боярскую комиссию, которая разбирала «разбойные дела». Губная реформа, проведённая в интересах дворянства, нанесла решительный удар по системе кормлений. Окончательная ликвидация кормлений связана с земской реформой, осуществлённой в основном в 1555—1556 гг. Смысл этой реформы, получившей распространение главным образом на черносошном севере, сводился к замене наместников и волостелей органами земского управле-

[1] «Соха» состояла из определённого количества четвертей (четверть — половина десятины) и колебалась в размере в зависимости от социальной принадлежности землевладельца и качества земли (от 1200 до 500 четвертей в одном поле).

ния — «излюбленными головами» и «целовальниками», выбиравшимися из среды посадского населения и зажиточных кругов черносошного крестьянства. Земские

Иван IV.
Портрет работы неизвестного русского художника XVI в.

власти творили суд и расправу по делам второстепенной важности и собирали подати, которые ранее платились кормленщикам («кормленный окуп»). Эти подати теперь поступали в царскую казну, а позднее — в особые финансовые приказы (четверти) и шли прежде всего на обеспечение дворянской армии. Губные и земские учреждения были сословно-представительными органами дворянства, а также верхов посада и зажиточного черносошного крестьянства. Реформа местного управления содействовала уничтожению пережитков феодальной раздробленности в местном правительственном аппарате.

Согласно Уложению о службе 1556 г. каждый светский феодал должен был выставлять со всей имевшейся у него земли конных воинов в полном вооружении по расчёту: один воин с каждых 150 десятин, причём недодача воинов или вооружения

каралась денежным штрафом. Это способствовало увеличению численности дворянской конницы. Уравнение в отношении службы вотчинников и помещиков лишало привилегий представителей феодальной аристократии, которые окончательно превращались в служилых людей, обязанных царю военной службой в его войсках.

Наряду с изданием Уложения 1556 г. был проведён ряд других мероприятий, укрепивших армию. Правительство установило систему строгого контроля, которая обеспечивала исправное несение службы светскими феодалами. На военных смотрах наличный состав служилых людей тщательно проверялся по «десятням», т. е. военно-учётным спискам. В целях дальнейшего ограничения местничества в 1555 г. был составлен «Государев родословец», где содержались сведения о происхождении наиболее знатных княжеских и дворянских фамилий. Возникший в 1556 г. «Государев разряд» включал в себя записи о службе бояр и дворян начиная с 70-х годов XV в. Государев родословец и Государев разряд были официальным справочным документом, позволявшим контролировать местнические счёты феодальной знати.

В целом военные реформы середины 50-х годов XVI в. упрочили боеспособность армии и содействовали успехам русского оружия.

Борьба с Казанским ханством. Народы Поволжья под игом казанских ханов

Основной задачей внешней политики русского правительства в конце 40-х — начале 50-х годов являлось решение казанской проблемы.

Постоянные нападения на юго-восточные рубежи Русского государства казанских феодалов, особенно усилившиеся в годы боярского правления, приводили к опустошению русских земель, к порабощению десятков тысяч русских людей, которых уводили в полон и продавали в рабство. В середине XVI в. возросло военно-политическое могущество Турции, поддерживавшей агрессивные планы крымских и казанских ханов. Необходимость обороны от постоянных набегов казанских феодалов побуждала русское правительство ускорить решение казанского вопроса.

Важное значение имело и то обстоятельство, что Казанское ханство всячески препятствовало расширению старинных экономических и культурных связей России с народами Средней Азии, Кавказа, Передней Азии и Сибири. Присоединение Поволжья открывало также новые возможности для обеспечения землёй дворянства.

Существенным фактором, облегчавшим Русскому государству борьбу с Казанским ханством, была заинтересованность народов Среднего Поволжья в присоединении к России. Эти народы (мордва, удмурты, мари, чуваши и татары) страдали под игом казанских феодалов. Весь военно-феодальный аппарат Казанского ханства, одного из обломков Золотой Орды, служил орудием эксплуатации закрепощённого населения государства, представлявшего собою искусственно созданный конгломерат различных народов. Подавляющее большинство населения Поволжья жило в сёлах и деревнях, занимаясь земледелием. Верховным собственником земли был хан, раздававший её своим вассалам на условиях ленного держания (союргал). Главной формой эксплуатации феодально-зависимых крестьян являлась рента продуктами. В пользу хана собирались также многочисленные подати (в том числе харадж— поземельный налог). Различные поборы шли на содержание мусульманского духовенства. Особенно тяжело жилось в Поволжье нетатарскому населению, обязанному платить высокий ясак (натуральная подать — мехами, мёдом и т. д.). В хозяйстве феодалов применялся труд военнопленных. Городов в Среднем Поволжье было мало. Наиболее крупным из них являлась Казань, игравшая роль центра транзитной торговли на Волжском пути. Русские торговые люди часто посещали Казань, а в Москве имелась специальная татарская слобода, заселённая казанскими купцами.

Несмотря на то, что мусульманское духовенство проповедовало покорность хану, народные массы Поволжья всё чаще с оружием в руках выступали против национального и социального гнёта. Голоса за включение ханства в состав Русского государства раздавались и в некоторых кругах казанских феодалов, учитывавших

тяготение трудящегося населения Поволжья к русскому народу. В годы войны с Казанским ханством народные массы Поволжья оказали поддержку Москве. Уже в 1546 г. к России добровольно присоединились чуваши и марийцы, населявшие правый берег Волги.

Присоединение Казани и Астрахани

Решающему наступлению на Казань предшествовала длительная военная и дипломатическая подготовка. Весной 1551 г. у места впадения реки Свияги в Волгу был построен город-крепость Свияжск, имевший в качестве военной базы большое значение в борьбе за Казань. В самой Казани вспыхнули новые усобицы между отдельными группировками феодалов, усилилось недовольство народных масс и части местной знати политикой крымских ставленников.

Вступление русского войска в Казань.
Миниатюра из «Лицевого летописного свода». XVI в.

Ивану IV удалось расколоть коалицию мусульманских правителей и привлечь на свою сторону ногайского мурзу Исмаила. В июне 1552 г. начался решающий поход на Казань. Во главе русской армии, насчитывавшей до 150 тыс. человек, стал сам Иван IV. Пытаясь сорвать движение русских вооружённых сил, крымский хан Девлет-Гирей, войско которого было оснащено турецкой артиллерией и пополнено янычарами, перешёл русскую границу и направился к Туле. Однако на открытое столкновение с основными русскими войсками Девлет-Гирей не решился и вскоре повернул вспять.

В августе 1552 г. началась осада Казани. Русское войско располагало передовой военной техникой и возглавлялось талантливыми полководцами. Во время осады широко использовались артиллерия и инженерное искусство. Постройкой сложных осадных сооружений руководил выдающийся русский инженер Иван Выродков, с именем которого связано также строительство Свияжска. Взятие Казани было ускорено взрывом части городских стен. После ожесточённого штурма 2 октября 1552 г. Казань пала, и Казанское ханство перестало существовать.

К 1556 г. относится ликвидация и Астраханского ханства. Астрахань была взята без сколько-нибудь значительного сопротивления. Волжский путь на всём его протяжении сделался водной магистралью Русского государства.

В 1557 г. Большая Ногайская Орда признала свою зависимость от Москвы. Присоединение Среднего Поволжья к Русскому государству сказалось и на исторических судьбах башкирского народа. Вскоре после ликвидации Казанского ханства к России присоединилась Западная Башкирия, ранее подчинявшаяся казанским ханам. К 1557 г. русское подданство добровольно приняли также все ногайские башкиры, которым Иван IV выдал специальные грамоты, содержавшие признание нерушимости их прав на земли и обещание экономических льгот. Зауральские башкиры вошли в состав России позднее, после разгрома сибирского хана Кучума.

Решение казанской проблемы способствовало активизации русской политики на южных рубежах страны. Для организации активного отпора крымским феодалам, чьи постоянные набеги наносили большой ущерб русским землям, особое значение имело строительство в 50-х годах XVI в. по Оке от Нижнего Новгорода до Серпухова и далее на Тулу — Козельск засечной черты (так называемой Тульской), т. е. укреплённой линии, состоявшей из системы городов-крепостей, между которыми устраивались остроги, лесные завалы из срубленных деревьев (засеки) и т. п. В дальнейшем были построены новые засечные линии южнее и юго-восточнее Тульской. Эта система укреплений облегчала защиту южных границ государства. На юг страны начал усиливаться приток населения, бежавшего от крепостнического гнёта из центральных районов.

Прием ногайских послов Иваном IV.
Миниатюра из «Лицевого летописного свода». XVI в.

Народы Среднего Поволжья и Южного Приуралья в составе Русского государства

В результате ликвидации Казанского ханства для народов Поволжья и Приуралья исчезла опасность порабощения крымскими ханами и Турцией. Кроме того, они получили защиту от нападения соседних кочевых феодалов. В составе Русского многонационального государства народы Поволжья и Южного Приуралья получили новые, более благоприятные условия для экономического и культурного роста. Во второй половине XVI в. появились новые города в Поволжье и Приуралье. В 1557 г. были построены Чебоксары, затем Лаишев, Тетюши, Самара, Уфа.
Эти города являлись не только опорными пунктами царского правительства на территории Поволжья и Приуралья, но и средоточием торгово-ремесленной жизни края. Крупнейшими торгово-промышленными городами Среднего Поволжья сделались Казань и Свияжск. В сельском хозяйстве расширялось применение трёхполья. Постепенно внедрялось земледелие и в Башкирии, где его ранее не знали. Освоение земель в Поволжье русским крестьянством также способствовало развитию производительных сил края.

Наряду с этим присоединение Поволжья и Приуралья к России сопровождалось осуществлявшейся царизмом политикой национально-колониального угнетения. Учреждённая в Казани епархия проводила христианизацию местного населения. Православная церковь получила большие земельные угодья в Поволжье. Наделялись землями там и русские помещики. Местное трудящееся население, сохранившее свои земли, было обязано платить ясак в царскую казну. Выступления крестьян и горожан Поволжья были направлены как против русских помещиков, так и против местных феодалов. В совместной борьбе русского, татарского, мордовского, удмуртского, марийского и башкирского крестьянства против эксплуататоров росла и крепла дружба русского народа с народами Поволжья.

5. Ливонская война. Опричнина

Предпосылки Ливонской войны

Реформы государственного аппарата, укрепившие вооружённые силы России, и успешное решение казанского вопроса позволили Русскому государству приступить к борьбе за выход к Балтийскому морю. Русское дворянство стремилось приобрести в Прибалтике новые земли, а купечество рассчитывало получить свободный доступ на европейские рынки.

Ливонские феодалы, так же как и правители Великого княжества Литовского и Швеции, проводили политику экономической блокады России. В Русское государство запрещался ввоз отдельных товаров, не пропускались специалисты, набиравшиеся в европейских странах, и т. д.

Эстонский и латышский народы ещё со времён древнерусского государства были связаны с русским народом. Эта связь прервалась в результате завоевания Прибалтики немецкими крестоносцами и создания там Ливонского ордена.

Ведя борьбу с немецкими феодалами, трудящиеся массы Эстонии и Латвии видели в русском народе своего союзника, а в присоединении к России Прибалтики — возможность своего дальнейшего экономического и культурного развития.

К середине XVI в. балтийский вопрос стал занимать заметное место в международных отношениях европейских держав. Наряду с Россией особенную заинтересованность в выходе к Балтийскому морю проявляли Польша и Великое княжество Литовское, в экономике которых торговля со странами Западной Европы имела существенное значение. В борьбе за Прибалтику активное участие принимали Швеция и Дания, стремившиеся усилить свои экономические и политические позиции в этом районе. В ходе этой борьбы Дания обычно выступала союзником Ивана IV, а противник Дании — Швеция в 1554—1557 гг. вела безрезультатную трёхлетнюю войну с Россией. Наконец, в восточноевропейских рынках сбыта заинтересованы были и соперничавшие между собой Англия и Испания. Благодаря дружественным дипломатическим и торговым отношениям с Россией Англия уже с конца 50-х годов XVI в. сильно потеснила на прибалтийских рынках ганзейцев, торговавших фландрским сукном.

Таким образом, Ливонская война начиналась в сложных международных условиях, когда за её ходом внимательно следили или принимали участие в ней крупнейшие европейские державы.

Начало Ливонской войны

Непосредственным поводом к Ливонской войне послужил срыв Ливонией соглашения о выплате «юрьевской дани». Фактически против России был направлен военный союз Ливонии с Литвой, заключённый в 1557 г. в нарушение обязательств, принятых на себя Ливонией по соглашениям с Русским государством 1503 г. и последующих лет. В январе 1558 г. началась Ливонская война. В ходе военных действий весной и летом 1558 г. была занята вся восточная часть Эстонии, включая Нарву и Тарту. Поход русских войск в начале 1559 г. закончился разгромом вооружённых сил рижского архиепископа и осадой Риги.

Первые успехи русского оружия вызвали оживлённые отклики в Западной Европе. Так, в августе 1558 г. французский протестант Юбер Ланге писал Кальвину о России, что «если суждено какой-либо державе в Европе расти, то именно этой».

Буквально накануне полного разгрома Ливонии правительство Адашева пошло на заключение перемирия с ливонскими феодалами (1559 г.). Адашев и близкие к нему представители феодальной аристократии (в том числе князь Курбский) были противниками войны в Прибалтике. Они стремились к приобретению южных земель, выдвигая идею войны против Крыма и Турции.

Воспользовавшись передышкой, ливонские феодалы в 1559 г. заключили с Сигизмундом II Августом договор, согласно которому король польский и великий

князь литовский принял Орден (а вскоре и рижское архиепископство) под свой протекторат. В том же году епископ Курземе (Курляндии) и острова Сааремаа продал свои владения Дании.

Новая обстановка в Прибалтике осложнила положение Русского государства, против которого вместо одного Ордена выступили теперь Литва, Польша, Дания, а вскоре и Швеция.

Перемирие 1559 г. противоречило интересам Русского государства и явилось одной из непосредственных причин падения правительства Адашева. Сложившееся в обстановке обострения классовой борьбы в России, это правительство стремилось путём объединения сил всего класса феодалов добиться укрепления централизованного аппарата власти. К концу 50-х годов XVI в. оно уже выполнило эту основную свою задачу. Пойти на завершение борьбы с боярской оппозицией и на дальнейшее осуществление требований дворянства правительство компромисса не могло, раздираемое противоречиями между разнородными социальными элементами, из которых оно состояло. Разногласия по внешнеполитическим вопросам лишь ускорили падение Адашева.

После смерти в 1560 г. жены Ивана Грозного Анастасии Романовны Адашев и Сильвестр были обвинены в её отравлении. Сильвестр был заточён в далёкий Соловецкий монастырь, где он вскоре и умер. Адашев, находившийся под надзором в Юрьеве (Дерпте), умер накануне готовившейся расправы над ним. В 1561— 1562 гг. начались казни и опалы сторонников Адашева.

Разгром Ливонского ордена

Перемирие 1559 г. оказалось недолговечным. Военные действия возобновились, и уже в феврале 1560 г. русские войска взяли город Мариенбург (Алуксне) и, разгромив в августе того же года лучшие вооружённые силы Ордена, овладели сильнейшей крепостью Ливонии Вильянди (Феллин). Магистр Ордена Фюрстенберг попал в плен, а Ливонский орден в качестве самостоятельной военной силы перестал существовать. Успешные действия русских войск в Прибалтике облегчались той поддержкой, которую оказывали им эстонские и латышские крестьяне. Прибалтийские крестьяне рассматривали Ливонскую войну как борьбу за изгнание немецких феодалов, за присоединение к Русскому государству. Занятие Восточной Эстонии русскими войсками привело к уничтожению землевладения немецких духовных феодалов. Латышские и эстонские крестьяне искали помощи и защиты от своих феодалов и орденских войск у русских, сообщали им сведения о ливонских рыцарях, снабжали их продовольствием, расправлялись со своими помещиками. Во многих местах Ливонии вспыхнули крестьянские восстания. Наиболее крупное из них произошло осенью 1560 г. на островах Харьюмаа и Вирумаа, причём эстонским крестьянам оказала поддержку таллинская беднота. Волнения эстонских и латышских крестьян продолжались и в 1561 г.

Успехи Русского государства обострили борьбу вокруг балтийской проблемы. На Шпейерском имперском сейме в 1560 г. обсуждался вопрос о создании коалиции для борьбы с Россией. В том же году император Фердинанд I, считавшийся сеньором Ливонского ордена, обратился к Ивану IV с предложением прекратить войну в Ливонии. Иван IV ответил отказом. Несмотря на неудачу этой попытки, Габсбурги в течение всей Ливонской войны пытались вовлечь Ивана IV в войну с Турцией и тем ослабить действия русских войск на Западе.

Новые победы русских войск ускорили открытое вмешательство в Ливонскую войну Швеции и Литвы.

В 1561 г. Швеция захватила Таллин (Ревель) и значительную часть Северной Эстонии. Виленским договором 1561 г., заключённым между ливонскими феодалами и Сигизмундом II Августом, Орден был ликвидирован. Территория, расположенная к северу от Даугавы (Западной Двины), была включена в состав Литвы (Задвинское герцогство), а на территории, находившейся южнее Даугавы, образовалось

Курляндское герцогство во главе с последним магистром Ордена Кетлером, который становился отныне вассалом литовского великого князя и польского короля. Швеция, Дания и Литва предприняли блокаду Нарвы и ждали только удобного момента для решительного выступления против русских в Прибалтике. Ливонская война приобретала международный характер. России приходилось теперь иметь дело вместо раздробленной Ливонии с рядом сильных европейских держав.

В результате военных действий против Литвы, начатых ещё в 1562 г., в феврале 1563 г. был взят Полоцк. Овладение этим древнерусским городом на Западной Двине не только давало возможность предпринять наступление на Ригу, но и открывало путь к столице Великого княжества Литовского — Вильнюсу.

Учреждение опричнины

1564 год начался для России рядом крупных военных неудач. Русские войска дважды потерпели поражение: на реке Улле (близ Полоцка) и под Оршей. Дело осложнялось изменой видных представителей русского командования. В апреле 1564 г. с театра военных действий в Литву бежал князь Курбский.

Измена князя Курбского, договорившегося перед бегством с литовским командованием и королём Сигизмундом, обнажила противоречия между политикой Ивана IV и стремлениями крупного боярства. Даже в дни правления «избранной рады», наступившего после боярско-княжеской реакции, эти противоречия постоянно давали себя чувствовать. Неудача попытки отменить местничество, натолкнувшейся на сопротивление бояр, провал предложения приравнять новые слободы светских феодалов в податном отношении к посадам, стремление боярства пользоваться правом отъезда в Литву — всё это говорило о наличии серьёзных расхождений, продолжавших существовать и после реформ 50-х годов XVI в. Бурные январские дни 1553 г., когда часть бояр вопреки указанию больного царя отказалась присягнуть его сыну Дмитрию и выдвинула в качестве кандидата на престол князя Владимира Старицкого, особенно ярко подчеркнули остроту этих расхождений. В начале 60-х годов эти расхождения обострились в связи с началом Ливонской войны. Военные неудачи на Улле объяснялись если не прямой изменой, то преступной небрежностью воевод. С событиями на фронте совпали «многие неисправления и неправды» князя Владимира Старицкого, ещё в 1553 г. рассматривавшегося частью бояр в качестве кандидата на престол.

В этих условиях Иван IV поспешил с проведением задуманных мероприятий, имевших целью сломить сопротивление боярской аристократии и осуществить основные требования дворянства (в первую очередь земельные). Эти мероприятия были задуманы уже вскоре после падения правительства Адашева.

В декабре 1564 г. царь Иван IV, не чувствуя себя в безопасности в Москве, покинул столицу и направился в Александрову слободу (в нынешней Владимирской области), которая по его приказу была превращена в укреплённый лагерь. В январе 1565 г. царь послал в Москву две грамоты. В первой из них, адресованной духовенству, придворной знати и служилым людям, князья и бояре обвинялись в измене, казнокрадстве и в уклонении от военной службы. Духовенство осуждалось за пособничество боярам. Иван IV сообщал также о своём решении покинуть царский престол. В грамоте, посланной московским посадским людям, царь объявлял, что у него «гнева на них и опалы никоторые нет». Посад выступал союзником Ивана IV в борьбе с боярской оппозицией.

Под давлением московских посадских людей в Александрову слободу была направлена депутация, просившая Ивана IV о возвращении в Москву. Царь использовал эту обстановку для борьбы с оппозиционными боярскими кругами. Специальным указом Иван IV провозгласил установление опричнины [1]. Всё государство

[1] Термин «опричнина», происходящий от слова «опричь» (кроме), обозначал часть наследия, выделенного в особое владение.

делилось на две части: *земщину* — государственную территорию, и *опричнину* — владения, лично принадлежащие государю.

В опричнину были взяты некоторые улицы и слободы Москвы, Поморье с его богатыми торговыми городами и важным речным путём в Белое море, ряд городов и уездов в центре и на юге государства. За земщиной оставались главным образом окраинные территории на западе и северо-западе, а также на юге и юго-востоке. Таким образом, в опричнину вошли области большого торгового и промышленного значения, районы землевладения дворян, являвшихся опорой центральной власти, а также районы, где имелись старинные княжеские владения. Земли, взятые в опричнину, составляли приблизительно половину всей площади Русского государства. С территории опричнины вывели крупных землевладельцев, которые получили некоторую компенсацию землёй в других уездах. Создание опричнины привело к разгрому экономической мощи княжат и бояр, подорвав тем самым и их политическое значение. На место выведенных вотчинников в опричнине поместили «опричных служилых людей», образовавших особый корпус опричников.

Основную массу опричников составляло мелкое и среднее дворянство — главная опора Ивана IV в его антибоярской политике. Однако, кроме неродовитых людей, в опричнину входили и отдельные представители княжеско-боярских родов, преданность которых не вызывала у царя сомнений. В состав опричников нередко попадали и всякого рода авантюристы, стремившиеся под видом борьбы с боярской крамолой добиться личного обогащения самыми неблаговидными способами.

В земщине продолжал действовать прежний порядок управления. Во главе её стояли Боярская дума и московские приказы. Первоначально управление опричным двором должно было строиться по образцу дворцового ведомства. Позднее для управления перешедшими в опричнину обширными землями правительство образовало приказы — Дворцовый, Разрядный, Ямской и др., действовавшие параллельно с одноимёнными земскими приказами.

Опричнина постепенно организовывала силы, способные содействовать укреплению царской власти. Вместе с тем разделение государства на две части (опричнину и земщину) имело ряд отрицательных последствий, ибо создавало новые перегородки на пути к экономическому и политическому слиянию русских земель.

Политика царя Ивана IV, прозванного Грозным, опиравшаяся на поддержку дворянства, встретила сочувствие зажиточных кругов посада, извлекавших значительные выгоды как непосредственно из тех льгот, которые они получали, попадая в опричнину, так и от укрепления централизованного государства. Церковь и её земельные владения не были затронуты опричной ломкой. Поэтому, следуя осифлянской традиции, она поддерживала самодержавную власть царя. Введению опричнины сопротивлялись те слои феодалов, против которых она была направлена. Выселяя с опричных территорий потомков титулованной знати, Иван Грозный с корнем вырывал остатки княжеского землевладения и удельной обособленности, подрывая землевладельческое могущество и политическое значение реакционного боярства и княжат. Однако борьба с феодальной аристократией, проводившаяся Иваном Грозным в крайне сложной внутренней и внешнеполитической обстановке террористическими средствами, сопровождалась многочисленными казнями как противников опричнины, так и многих непричастных к этой борьбе людей. При разгроме боярской вотчины нередко истреблялись и дворовые люди, и население боярского села.

Раньше других репрессиям подверглись сторонники боярской группировки, участвовавшей в событиях 1553 г. Были казнены бояре А. Горбатый-Шуйский, князь П. Горенский и близкие к ним лица. Карательные меры Ивана IV вызвали протест ряда служилых людей (во главе с князем В. Пронским), которые вскоре после земского собора 1566 г. потребовали у царя прекратить насилия оприч-

ников. Ответом были новые казни и другие кары. Широкая сеть нового заговора охватила московское боярство, высшее духовенство и часть приказной бюрократии. Заговорщики связались с польским королём Сигизмундом Августом. Предполагалось захватить Ивана Грозного во время осеннего похода 1567 г., а на русский престол посадить князя Владимира Старицкого или даже отдать страну под власть польского короля. Правительство, однако, раскрыло заговор. Прежде всего был казнён его глава — боярин И. Фёдоров. Митрополит Филипп (происходивший из боярской семьи Колычевых) пытался выступить в защиту заговорщиков, но был осуждён, сослан, а позднее умерщвлён. В 1569 г. царь умертвил князя Владимира Старицкого и ликвидировал его княжество, являвшееся одним из последних уделов в составе Русского государства. Боярские изменники, не имевшие никакой опоры в кругах рядовых феодалов, рассчитывали на помощь извне. Они готовили сдачу ливонских и пограничных русских городов польским войскам. Поэтому в 1570 г. Иван Грозный с опричным войском двинулся к Новгороду. Население Новгорода было признано ответственным за измену бояр. Во время произведённой расправы число казнённых в Новгороде и в новгородских землях дошло до нескольких десятков тысяч. Уже одно число пострадавших показывает, что казни подвергались не только бояре, но и представители других слоев населения.

По возвращении царя в Москву было закончено следствие о боярской измене. В числе лиц, преданных жестоким казням, оказались печатник И. Висковатый, глава Посольского приказа и некоторые другие представители приказной администрации.

Опричнина пронеслась грозой по княжеским и боярским владениям, уничтожая сотни представителей старой знати.

Тем временем шла подготовка к новому наступлению как в Прибалтике, так и против войск Великого княжества Литовского. Земский собор 1566 г. отверг предложение Литвы о заключении мирного договора на условиях передачи Русским государством Литовскому княжеству Смоленска и Полоцка и поддержал Ивана Грозного в его стремлении добиться присоединения всей Прибалтики. Крупным успехом русской дипломатии было заключение в 1567 г. договора между Иваном IV и шведским королём Эриком XIV, согласно которому Швеция обязалась снять осаду с Нарвы.

Второй период опричнины (1572—1584 гг.)

В начале 70-х годов XVI в. внешнеполитическое положение России ухудшилось. После заключения на Люблинском сейме 1569 г. польско-литовской унии Русскому государству противостояла теперь объединённая Речь Посполитая. В Швеции власть перешла к финляндскому герцогу Иоанну, враждебно настроенному по отношению к России. Усилилась опасность крымско-турецкой агрессии. Ещё в 1569 г. турецкий султан совершил поход под Астрахань. Поход окончился неудачей вследствие обострения противоречий между турецкими и крымскими феодалами, но опасность новых турецко-крымских вторжений не миновала. И действительно, в мае 1571 г., воспользовавшись предательством некоторых рядовых опричников из служилых татар, крымский хан Девлет-Гирей разбил опричный отряд, высланный ему навстречу, подошёл к Москве и почти целиком сжёг посады. Вторичный набег Девлет-Гирея на Москву в 1572 г. был отражён земскими войсками во главе с князем Воротынским на реке Лопасне в 50 *км* от столицы.

В сложившейся обстановке правительство Ивана Грозного в 1572 г. произвело реорганизацию опричнины. Официальное название «опричнина» было отменено. Несмотря на это, установленная система и методы сохранились. Переименованная в государев «двор», опричнина восприняла внешние формы дворцового ведомства. Наступил второй период в истории опричнины. Несмотря на то, что существовали «земская» и «дворовая» половины государства, резкая грань между ними постепенно стиралась. Во главе земщины Иван Грозный ставил преданных ему лиц. В 1575—1576 гг. Симеон Бекбулатович (татарский выходец, бывший хан касимовский, давно

находившийся на московской службе) носил титул «великого князя всея Руси». Впрочем, реальная власть концентрировалась в руках самого Ивана Грозного, хотя в 1575—1576 гг. он именовал себя только «князем московским». Репрессии во второй период опричнины коснулись бояр, проникших в состав опричного корпуса. В начале 70-х годов были казнены видные в своё время опричники князь Тёмкин-Ростовский, князь Н. Одоевский и др. Так называемые возвращения некоторым из земских вотчинников старых земель, отобранных у них в опричнину, по существу знаменовали новый этап в ликвидации землевладения княжеско-боярской оппозиции. Получая назад свои разорённые пепелища, княжата и бояре оказывались под бдительным надзором опричников. Укрепление централизованного аппарата власти означало усиление нажима на крестьян и посад. В руки опричников попала не только масса боярских вотчин, но и значительная часть черносошных и дворцовых земель. Захват земли помещиками сопровождался усилением крепостнического гнёта. Опричный приказный аппарат выжимал из населения средства, необходимые для ведения Ливонской войны. Крестьянство отвечало на всё это ростом сопротивления в различных формах, начиная от массовых побегов и кончая открытыми выступлениями против опричников. Особенно обострилось положение во второй период опричнины, когда страна переживала тяжёлые хозяйственные потрясения, опустошения центральных районов, мор, голод и т. д. В этот период борьба за рабочие руки принимала часто форму насильственного захвата крестьян и «своза» их в поместья опричников. Взимание недоимок и налогов превращалось нередко в открытый грабёж крестьянского имущества («животов»). В 80-х годах государство целой системой крепостнических мероприятий (перепись, фактическая отмена крестьянского выхода и др.) стремилось обеспечить дворянство столь необходимыми ему рабочими руками.

Укрепление государственной централизации осуществлялось в напряжённой борьбе с боярской оппозицией. Уничтожить полностью политическую мощь боярства Ивану IV не удалось. Боярская дума и феодальная аристократия занимали ещё видное место в государственном аппарате.

Опричнина проводилась варварскими средневековыми методами. Подозрительность и жестокость царя сыграли немалую роль в том, что пытки и мучительные казни широко применялись опричниками как против их политических противников из среды бояр, так и против лиц, случайно привлечённых к следствию и часто не имевших политической связи с боярской оппозицией.

Послания Ивана IV. Сочинения Андрея Курбского

В годы опричнины защитником идеологии самодержавия выступил сам царь Иван Грозный, человек для своего времени весьма образованный, знакомый с произведениями иностранной литературы и сочинениями античных авторов.

В своих посланиях князю Курбскому, опричнику Грязному и другим лицам Иван IV провозглашает принцип неограниченности царской власти, освящённой божественным авторитетом. «Жаловати есми своих холопей вольны, — писал Грозный, — и казнити (т. е. наказывать. — *Ред.*) вольны же». Иван Грозный обличает своеволие аристократии, свидетелем которого он был в годы боярского правления. Ссылаясь на ряд исторических примеров, Иван IV показывает, что засилье вельмож приводит государство к междоусобным распрям и гибели. Используя для обоснования идеологии самодержавия осифлянскую теорию богоустановленности царской власти, он решительно отметает все притязания высшего духовенства на управление государством. Однако, объявляя богоугодными все деяния самодержавия, царь Иван тем самым оправдывал любое проявление тирании и деспотизма монарха.

Послания Ивана Грозного своим остриём направлены против сочинений князя Андрея Курбского, отстаивавшего взгляды боярской оппозиции. Написанные за рубежом «эпистолии» (послания) к Ивану IV и «История о великом князе москов-

ском» князя Курбского содержали беспощадное обличение опричнины Ивана Грозного, которая представляется Курбским как результат ничем не оправданной «лютости» царя. Курбский оказался не в состоянии противопоставить мероприятиям Ивана Грозного сколько-нибудь определённой политической платформы. В его сочинениях идеализирована компромиссная политика 50-х годов XVI в., деятельность «мудрых советников» царя (в том числе Адашева и Сильвестра), или, как он называл их, «избранной рады». Мировоззрение Курбского сложилось в кружке Максима Грека и отражало отдельные черты воззрений нестяжателей. В связи с этим «прелукавые осифляне» рисовались Курбским в качестве основных инициаторов опричных репрессий. В своих произведениях Курбский пытался оправдать политическую программу оппозиционных царю Ивану IV кругов боярства. В его сочинениях содержатся элементы рационалистического освещения явлений общественной жизни.

Завершение Ливонской войны

Несмотря на ожесточённую борьбу с боярством, в ходе войны русское правительство достигло ряда дипломатических и военных успехов. Для обеспечения нейтралитета Дании Иван IV создал в Ливонии в 1570 г. вассальное королевство, во главе которого поставил брата датского короля — Магнуса, женив его на своей племяннице. (Вассальное королевство в Ливонии просуществовало до 1577 г., когда Магнус изменил царю и перешёл на сторону Речи Посполитой.) Одновременно Иван IV организовал борьбу с польским и шведским каперством в Балтийском море путём найма на русскую службу датских каперов.

В период «бескоролевья» и феодальной анархии в Польше (1572—1575 гг.) Ивану Грозному в результате огромного напряжения сил удалось добиться новых крупных успехов на Западной Двине и занять почти всю Ливонию, за исключением Риги и Таллина.

В июле — августе 1579 г. войска нового польского короля Стефана Батория, заключившего союз с Крымом и Турцией, взяли Полоцк. Осенью 1580 г. польские войска захватили Велиж, Великие Луки, Остров и осадили Псков. Одновременно выступили шведы; отряды под командованием Делагарди в 1581 г. заняли Нарву и вели военные действия в Карелии.

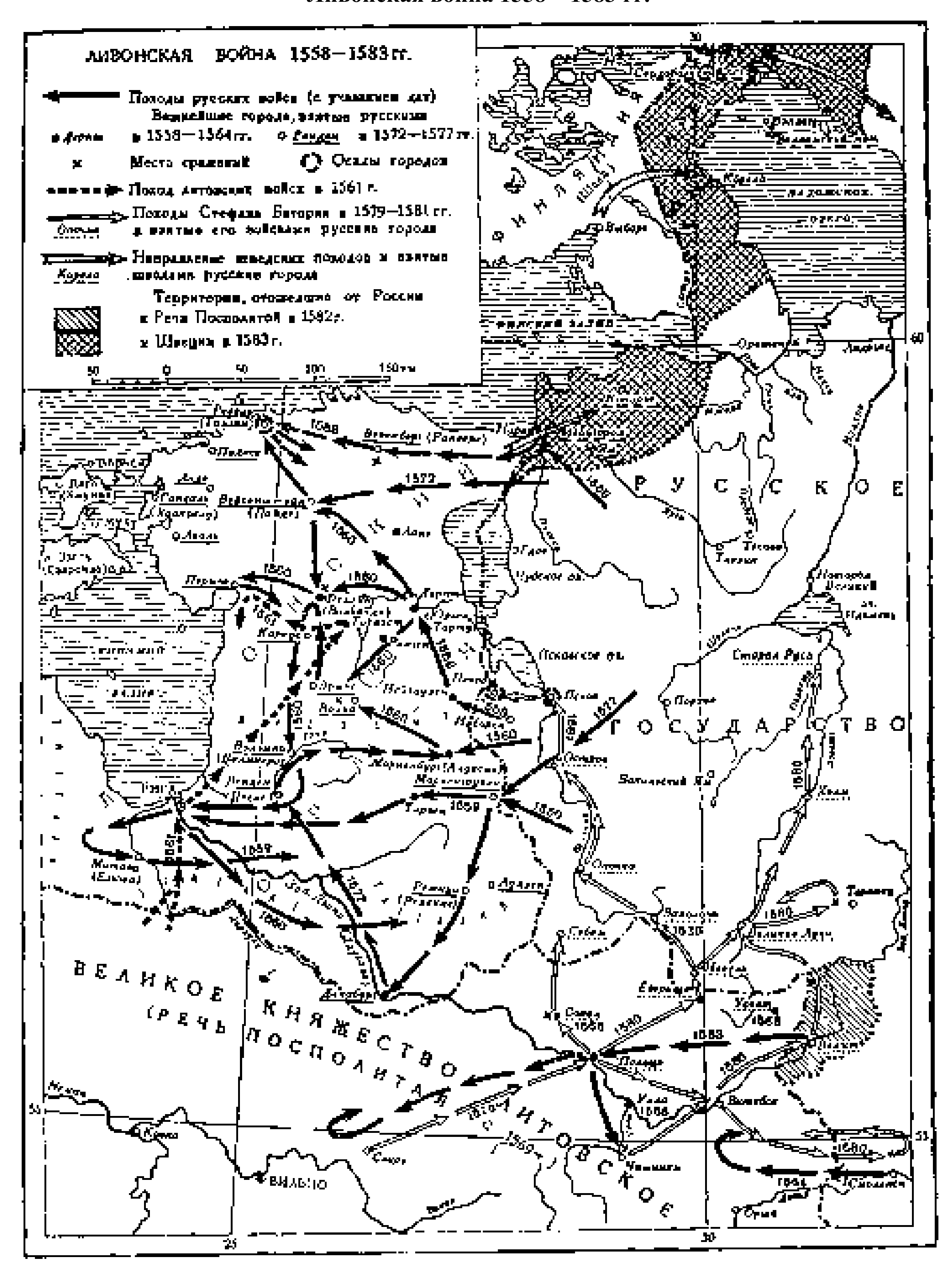
Попытки Стефана Батория взять Псков штурмом разбились о мужественное сопротивление осаждённых. Это заставило его перейти к длительной осаде. Гарнизон Псковской крепости вместе с мирными жителями в течение пяти месяцев героически оборонялся. Во время штурмов становились на защиту родного города не только ратные люди, но и женщины, дети, старики, которые подносили снаряды, землю, сеяную известь. С изумительной стойкостью и мужеством псковичи бились с неприятелем. Несмотря на сильную бомбардировку и яростные штурмы врагов, численно превосходивших осаждённых, взять Псков не удалось.

Героическая оборона Пскова заставила польского короля отказаться от своих дальнейших планов и заключить в 1582 г. перемирие с русским правительством в Запольском Яме на 10 лет. По условиям этого перемирия сохранялась старая государственная граница. Для Русского государства это означало потерю Ливонии. В следующем 1583 г. на реке Плюссе было заключено перемирие со шведами, которые удержали за собой русские города Копорье, Ям, Ивангород и всё побережье Финского залива, кроме небольшого выхода к Балтийскому морю в районе устья Невы.

Ливонская война, длившаяся четверть века (1558—1583 гг.) и стоившая огромных жертв Русскому государству, не разрешила исторической задачи выхода России к Балтийскому морю.

В результате Ливонской войны Ливония была разделена между Польшей, получившей Видземе, Латгалию, Южную Эстонию, Курляндское герцогство, и Швецией, к которой отошла Северная Эстония с Таллином и русская территория

Ливонская война 1558—1583 гг.

у Финского залива; Дания получила остров Сааремаа и отдельные области в бывшем Курземском епископстве. Таким образом, латышский и эстонский народы оставались по-прежнему политически раздробленными под гнётом новых завоевателей.

Но Ливонская война не была безрезультатной для Русского государства. Её значение состояло в том, что русские войска разгромили и окончательно уничтожили Ливонский орден, являвшийся жестоким врагом русского, латышского, эстонского и литовского народов. В годы Ливонской войны окрепла дружба эстонского и латышского народов с русским народом.

Присоединение народов Западной Сибири к Русскому государству

К первой половине 80-х годов XVI в. относится начало присоединения к многонациональному Русскому государству народов Западной Сибири, находившихся под властью Сибирского ханства.

Сибирское ханство, образовавшееся в Западной Сибири в XV—XVI вв., имело пёстрый этнический состав. Кроме основного населения — татар, под властью сибирских ханов находились ханты (остяки) и манси (вогулы).

Основным занятием всех этих народов являлось кочевое скотоводство, в более северных районах охота на пушного зверя и рыбная ловля, в некоторых местах существовало бортничество. Сибирские татары занимались и земледелием.

К XVI в. в общественном строе сибирских татар произошли серьёзные изменения, характеризующиеся постепенным складыванием феодального способа производства: из массы общинников («чёрных людей») выделялась знать, которая захватывала в частную собственность земельные и промысловые угодья.

У хантов и у манси господствовали родо-племенные отношения, находившиеся в стадии разложения.

Сибирское ханство было раздроблено. Под главенством хана находились многочисленные владельцы мелких улусов (владений), сохранявших свою самостоятельность. Их зависимость от хана сводилась к уплате ясака, состоявшего главным образом из мехов, и к участию в военных походах хана. Отсутствие прочной связи между отдельными улусами, острая политическая борьба за ханский престол ослабляли Сибирское ханство.

В 1574 г. Иван IV дал богатым русским купцам Строгановым грамоту, разрешавшую им строить городки на Тоболе, Иртыше, Оби и других реках. Основной целью этого решения была подготовка наступления на сибирского хана Кучума, порвавшего вассальные отношения с Русским государством, существовавшие с 1555 г.

В 1582 г. началось первое вторжение в центр Кучумова ханства, организованное на средства Строгановых дружиной казаков во главе с атаманом Ермаком Тимофеевичем. Не встретив серьёзного сопротивления, казаки на время овладели столицей Кучума — Кашлыком и начали собирать ясак с манси и хантов, живших по Иртышу и нижнему течению Оби. Поход Ермака не дал прочных результатов, но показал возможность присоединения Сибири. Судьба же самого Ермака оказалась трагичной. В августе 1585 г. он с казаками попал в засаду и утонул в Иртыше при попытке добраться вплавь до лодки. В народной поэзии с образом Ермака связываются черты мужественного человека, в котором сочетаются удаль, широта натуры и тяга к открытиям новых, неизведанных земель.

После похода Ермака началось постепенное освоение и закрепление главного пути из России в Сибирь силами правительства путём постройки крепостей в наиболее важных пунктах. В 1586 г. был построен город на Туре — Тюмень. В ближайшем соседстве с Кашлыком, в самом центре Сибирского ханства, был основан в 1537 г. город Тобольск. Он стал главным административным центром Сибири. Затем в 1594 г. был выстроен город Тара, откуда начались походы на барабинских татар, вскоре признавших над собой власть Русского государства. В 1598 г. тарские воеводы нанесли окончательное поражение Кучуму, который ушёл в Среднюю Азию, где и погиб.

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО В РЕГЕНСБУРГЕ В 1576 г.
Раскрашенная гравюра. XVI в.

С основанием в 1593 г. Берёзова в составе Русского государства оказалось все нижнее течение Оби, а с постройкой в 1594 г. города Сургута, в 1598 г. Нарыма и в 1604 г. Томска началось движение вверх по Оби. Вхождение сибирских земель в состав Русского государства должно было иметь важное значение для экономического и политического развития государства, для его укрепления и расширения, для развития товарно-денежных отношений.

Сибирь привлекала правительство России и торгово-промышленных людей своими пушными богатствами, ценность которых особенно повысилась после того, как были налажены торговые сношения с Западной Европой через Архангельск в середине XVI в. Пушнина — «мягкая рухлядь», которую государство получало частично в виде дани с местного населения — ясака, была наиболее доходной статьёй русского экспорта, обогащавшей царскую казну, а также торговцев и промышленных людей русского Севера, осваивавших новые земли с целью увеличения своего промысла и собственной наживы. За открывателями новых земель в Сибирь следовало переселенческое движение крестьян и посадских людей из центральных районов России, стремившихся таким путём избавиться от непосильного крепостнического гнёта.

Выйдя на Обь, русские на рубеже XVI—XVII вв. начинают быстро продвигаться дальше на восток по двум основным направлениям — северному (с низовьев Оби) и южному (со среднего течения Оби по её правому притоку Кети). К началу XVII в. малочисленные отряды служилых и промышленных людей северным путём вышли к Тазовской губе и низовьям Енисея. Основанный в 1601 г. на реке Тазе город Мангазея стал важным торгово-промысловым центром для русских землепроходцев в их продвижении в глубь Сибири.

Местное население вновь присоединённых областей было обложено тяжёлым ясаком. Положение населения ещё более ухудшилось вследствие грабительских методов колониальной торговли.

Несмотря на это, совместная жизнь русского и местного трудового населения уже в то время оказала и благотворное влияние на развитие народов Западной Сибири.

Местное хозяйство было вовлечено в экономику Русского государства. Под влиянием русского населения народы Сибири восприняли новые занятия и новые хозяйственные навыки. Благодаря русским переселенцам в Сибири получило распространение земледелие, что явилось важным сдвигом в экономической жизни края. Русское государство достигло крупных успехов в борьбе за объединение своих земель. Оно объединило значительное число народов Восточной Европы и Западную Сибирь под главенством русского народа.

Международное положение Русского государства

Русское государство принимало активное участие в европейской международной жизни. Правительства различных стран спешили завязать и укрепить дипломатические и торговые отношения с далёкой «Московией». Дипломатические связи были установлены с Англией, Нидерландами, Испанией, Венгрией, Молдавией, Грузией, Ираном, Турцией и другими странами. Договоры с Россией заключили Дания, Швеция и другие державы. Во время «бескоролевья» 70-х годов XVI в. польско-литовская шляхта выдвигала кандидатуру Ивана IV на польский престол.

Присоединение Казани и Астрахани способствовало развитию торговых и дипломатических связей со странами Средней Азии, Кавказа и Ираном.

Возросший интерес к Русскому государству нашёл своё отражение в западноевропейской литературе, которая спешила ознакомить своих читателей с Россией. Во второй половине XVI в. появляются содержательные описания России, составленные английскими мореплавателями и дипломатами (Ченслер, Флетчер и др.). Видный французский мыслитель Жан Боден уже в 1566 г. призывал изучать историю «московитов, которые победоносно продвинулись до Волги и до Дона и до Днепра и недавно завоевали Ливонию».

Особенно активны были дипломатические связи России с непосредственными соседями: Польшей, Литвой, Швецией и Крымом, осложнявшиеся, однако, частыми военными столкновениями. С надеждой смотрели на Русское государство родственные народы: украинцы, белорусы, южные славяне. Они видели в Русском государстве ту силу, которая была способна помочь им в их борьбе с иноземными угнетателями. С этими народами в XVI в. постепенно налаживаются экономические, культурные и политические связи.

Русское государство выступает в роли защитника порабощённых турками народов. Ещё в 1576 г. один венецианский дипломат писал, что народы Болгарии, Сербии и Греции, борясь против турецкого ига, рассчитывали на помощь Русского государства. Оно поддержало тырновское восстание в Болгарии и дало возможность разгромленным повстанцам скрыться в пределах России.

Развивались и династические связи русских государей с греческими и сербскими правящими домами. Иван Грозный был в родстве как с домом последних Палеологов, так и с сербскими владетелями.

6. Русская культура в конце XV и в XVI в.

В конце XV и в XVI в., несмотря на усиление в стране самодержавно-крепостнических тенденций и господство церковно-схоластического мировоззрения, русская культура, объединяя культурное наследие ранее разобщённых земель, вступила на путь новых успехов и втягивалась в общее русло передовой культуры своей эпохи.

Возникновение книгопечатания в России

Одним из наиболее крупных достижений середины XVI в. явилось книгопечатание. Оно было подготовлено общим подъёмом ремесленного производства, наличием большого опыта в создании рукописных книг, а также культурным общением с другими европейскими государствами.

Первая типография возникла в Москве в 1553 г., и вскоре здесь были напечатаны книги церковного содержания. К числу наиболее ранних печатных книг относятся «Триодь постная», изданная около 1553 г., и два евангелия, напечатанные в 50-х годах XVI в. Эти книги по своим внешним данным и технике производства близки к современным им сербским, молдавским и венецианским изданиям, что свидетельствует о культурных связях Русского государства с южнославянскими странами, а также с Италией, являвшейся крупным центром книгопечатания.

В 1563 г. организация «государева Печатного двора» была поручена выдающемуся деятелю в области книгопечатания в России Ивану Фёдорову. Вместе со своим помощником Петром Мстиславцем 1 марта 1564 г. он выпустил книгу «Апостол», а в следующем году «Часовник». Книги, созданные в типографии Ивана Фёдорова, отличались прекрасной техникой исполнения и высокой художественностью орнаментации.

Деятельность Ивана Фёдорова, способствовавшая развитию просвещения, была враждебно встречена в реакционных кругах боярства и духовенства. Начавшаяся с их стороны травля русского первопечатника заставила его покинуть Россию. Свою работу он продолжал сначала в Белоруссии, в городе Заблудове, затем на Украине. Последний период своей жизни он находился во Львове, где умер в 1584 г.

Двадцатилетние труды Ивана Фёдорова в области книгопечатания не ограничивались изданием богослужебных книг для нужд церковного культа. Удовлетворяя потребности в первую очередь дворянства и городского населения в образовании, он стремился издать книги, необходимые для полного курса обучения. Оно должно было начинаться с изучения букваря, изданного им во Львове в 1574 г. Эта книга состояла из азбуки и текстов для чтения и заучивания наизусть. Затем

учащийся должен был читать «Часовник» и псалтырь, а после овладения ими переходил к чтению «Апостола» и евангелий.

Деятельность Ивана Фёдорова за пределами Русского государства, в Белоруссии и на Украине, способствовала укреплению культурных связей русского народа с украинским и белорусским. Великий «друкарь московитин» Иван Фёдоров явился основателем украинского книгопечатания.

Букварь, изданный Иваном Фёдоровым во Львове в 1574 г.
(Послесловие).

С отъездом из Москвы Ивана Фёдорова книгопечатание там, несмотря на сопротивление реакционных сил, не прекратилось. На протяжении второй половины XVI в. русскими печатниками было издано около 20 книг, при этом «Апостол» 1597 г. был напечатан большим для того времени тиражом — 1050 экземпляров. Книги, издававшиеся в центре Русского государства, находили читателей во всей стране.

Просвещение и школа

Перемены в экономической и политической жизни и появление книгопечатания определили дальнейшее распространение грамотности и просвещения не только в среде феодалов и духовенства, но и среди посадских людей. Об этом свидетельствуют делаемые ремесленниками пометки имён заказчиков на сапожных изделиях, отметки цифрами на венцах деревянных срубов, надписи имён владельцев на бочках и других хозяйственных предметах. Указание на сравнительно широкое распространение грамотности среди городского населения, особенно зажиточного, находится в известном памятнике литературы XVI в. — «Домострое», в котором говорится о необходимости вести в хозяйстве письменный учёт.

Обучение велось, как правило, при монастырях, где детей «грамоте и писати, и пети, и чести (т. е. считать. — *Ред.*) учили». Помимо этого, среди феодалов и зажиточной городской верхушки было распространено домашнее обучение под руководством специальных учителей — «мастеров грамоты».

В XVI в. был издан и учебник по арифметике — «Книга, рекомая по-гречески Арифметикой, а по-немецки Алгоризмой, а по-русски цифирной счётной мудростью». В этом и других пособиях XVI в. по арифметике рассматривалось сложение, вычитание, умножение, деление и действия с дробями; при этом, как правило, приводились примеры из области торговли.

С укреплением международного положения Русского государства, развитием дипломатических, экономических и культурных связей с европейскими и восточными странами возрастала потребность в людях, знающих иностранные языки.

Так, во второй половине XVI в. несколько человек, готовясь к дипломатической карьере, обучались в Константинополе «греческой грамоте и языку», один был послан «на науку» в Германию «и тамо навык добре алеманскому (т. е. немецкому) языку и писанию»; на рубеже XVI и XVII вв. группа молодых людей обучалась иностранным языкам в Лондоне, Любеке и во Франции.

Несмотря на всё это, круг высокообразованных людей в стране был ещё очень ограниченным. Задавленные нуждой народные массы не имели средств и условий для получения большого образования и расширения своих знаний.

Как высокообразованный человек, «многим разумом украшенный», был известен крупный политический деятель первой половины XVI в. Фёдор Карпов, из посланий которого видно, что он знал в подлиннике Аристотеля и Овидия. Сочинения Вассиана Патрикеева, Ивана Пересветова, Ивана Грозного, Андрея Курбского также свидетельствуют о широком кругозоре их авторов. О значительном интересе к научной и художественной литературе в среде образованных людей говорят большие собрания книг на русском, а также на греческом, латинском и других языках, которые хранились в библиотеках многих крупных светских феодалов и монастырей.

Научные знания

В это время наблюдалось стремление привести в определённую систему накопленный опыт в области измерительного и строительного дела, математики, географии, химии, медицины и других отраслей знания. Развитие научных знаний способствовало постепенному освобождению мысли от мистических представлений. Однако это происходило крайне медленно в силу господства церковно-схоластического мировоззрения, поддерживаемого укреплявшейся самодержавной властью.

Развитие математических знаний определялось прежде всего практическими потребностями. В качестве наставления для измерения «сох» (единица обложения) была создана «Книга сошному письму», которая свидетельствует о знании довольно сложных приёмов математических расчётов. К этой книге была приложена статья «О земном верстании, как земля верстать», которая была первым в России геодезическим руководством. Являясь практическим пособием, статья на конкретных примерах указывала способы приведения земельных участков разной формы к образцовым фигурам (треугольник, прямоугольник, квадрат, трапеция) и пути измерения их площадей.

Потребность в развитии математических знаний увеличивалась в связи с усложнением строительного и военного дела, в частности артиллерии, где в XVI в. решались задачи на определение расстояний от далёких предметов.

Составление новых «пасхалий» (специальных таблиц, погодно указывающих пасху и другие церковные праздники) также требовало значительных математических и астрономических знаний. Эта работа была выполнена при дворе московского митрополита Зосимы, где составили пасхалию на 20 лет. Почти в то же время в Новгороде при участии архиепископа Геннадия была исчислена пасхальная таблица на 70 лет. В 1538 г. новгородский священник Агафон составил новую пасхалию под названием «Круг миротворный», которая была доведена до 7980 г. (2472 г. н. э.).

Сочинения, излагавшие гелиоцентрическую систему Коперника, которая являлась важнейшим достижением европейской научной мысли XVI в., появились в России лишь в середине XVII в. Тем не менее и в русской литературе XVI в., незнакомой

ещё с учением Коперника, был ряд оригинальных и переводных сочинений, которые в трактовке отдельных явлений природы выходили за рамки богословско-мистического представления о мире. Так, в «Космографии», например, правильно был указан порядок расположения планет, окружающих Землю, верно описан зодиак и периоды обращения планет по нему, правильно отмечалось, что Луна меньше по размерам, чем планеты, и т. п.

В XVI в. значительно расширяются географические знания русских людей. Уже в конце XV в. становится известным морской путь из Белого моря в западноевропейские страны. В 1496 г. этим путём проехал в Данию русский посол Григорий Истома. В XVI в. плавания по европейским водам Ледовитого океана становятся обычным делом. В это же время делались отдельные попытки пройти по «Студёному морю» (Ледовитому океану) на восток от Печоры. Интерес к изучению Северного Ледовитого океана заметно увеличился после установления в 50-х годах XVI в. регулярного сообщения с Англией через Белое море. В этот период появилось несколько проектов экспедиций для открытия Северного морского пути в Индию и Китай.

С расширением географического кругозора, а также в связи с потребностями административного управления значительно возросшей территорией Русского государства появились первые русские карты («чертежи»).

В период реформ 50-х годов XVI в. началось составление генерального чертежа всей страны. Созданный на рубеже XVI—XVII вв. «Чертёж всему Московскому государству» до нас не дошёл, но о его содержании и характере даёт представление сохранившееся описание его в «Книге Большому чертежу». Составленный на основе значительного числа частных картографических источников, «Большой чертёж» охватывал огромную территорию — от Ледовитого океана на севере до Чёрного моря на юге, от Финского залива («Котлина озера») на западе до реки Оби на востоке. В «Большом чертеже» были изображены и соседние с Русским государством страны, например часть Левобережной Украины, Крым, часть Северного Кавказа, «кочевая казацкая орда», кочевья Больших ногаев, отдельные территории Ирана и «Турской земли». В «Выписи из новгородских изгонных книг» конца XVI в. показаны важнейшие торговые дороги Новгородской земли, а также пути, связывавшие Новгород с другими землями Русского государства. Во второй половине XVI в. были составлены «Чертёж Лукам Великим и Псковским пригородкам с литовским городом с Полотцком», «Чертёж Смоленской и рубеж смоленским волостям», «Чертёж и списки украинских городов» и др.

Одновременно появляются и труды по экономической географии. Специальная «Торговая книга» содержала сведения об иностранных товарах, о денежных системах различных стран, справки о мерах, о ценах и т. д.

В тесной связи с практической деятельностью находилось развитие химических знаний. С конца XV в. в России освоили изготовление пороха, а вслед за этим для его производства была создана крупная мастерская (пороховой «завод»). Приобретённые навыки в области солеваренного производства были обобщены в специальном руководстве («Росписи»), составленном во второй половине XVI в., которое свидетельствует о знании химических свойств соляных растворов.

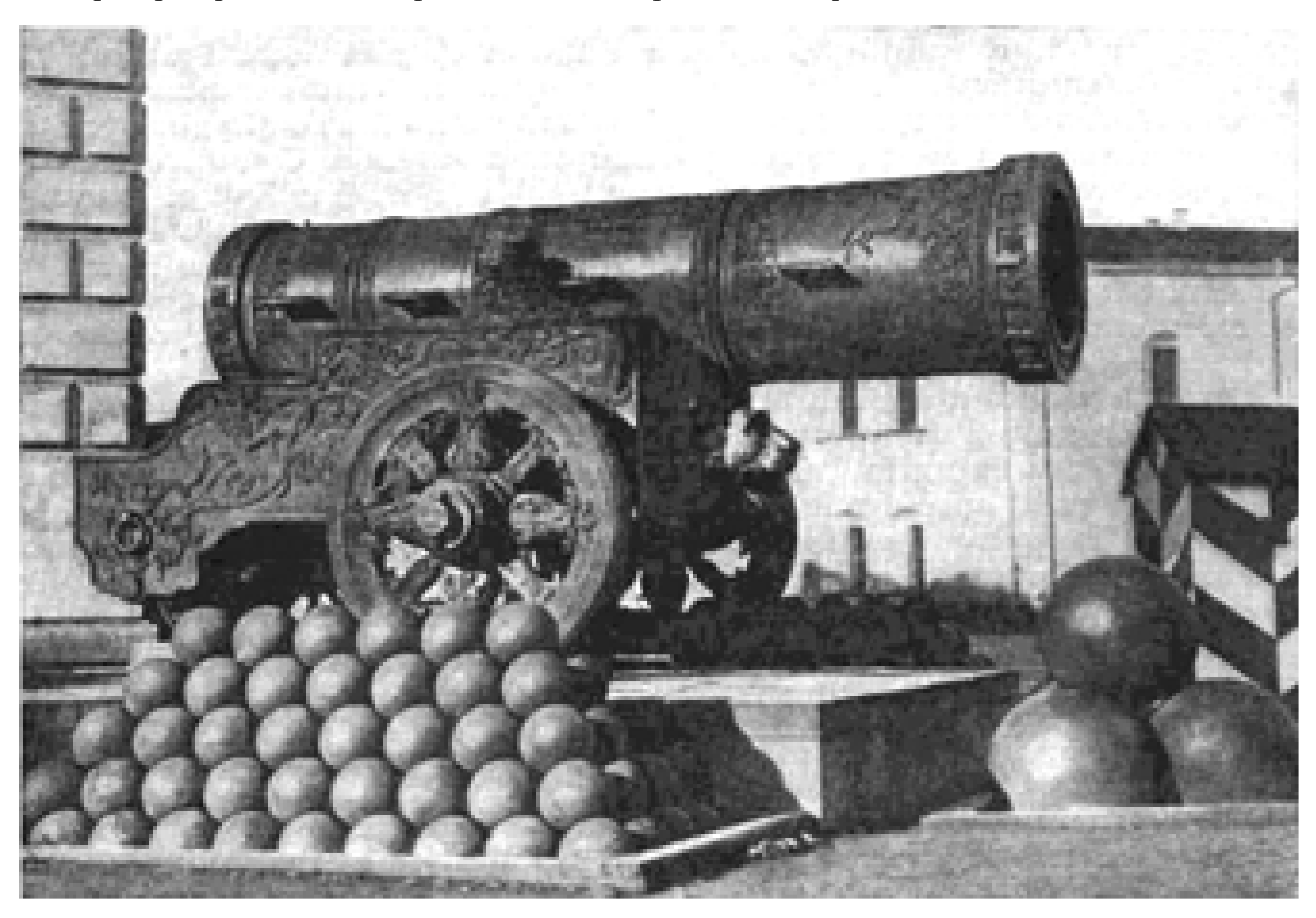
В XVI в. устанавливается классификация почв по урожаям ржи. О применении ряда агрономических приёмов свидетельствует «Домострой».

Представление о развитии биологических и медицинских знаний дают имевшие широкое распространение «травники» и «лечебники». Травники давали подробное описание растений, а после этого говорили об их лечебных качествах; в лечебниках сообщалось прежде всего об общих свойствах лекарств, а затем рассказывалось о способах их использования. В XVI в. было сделано несколько переводов на русский язык польских медицинских книг.

Развитие научно-технических знаний выразилось в увеличении технических механизмов и расширении сферы их применения. Особенно высокого уровня достигает

строительная техника. Примером этому может служить сооружение деревянных и каменных зданий высотою в 50—60 метров или постройка в течение одного месяца во время войны с Казанью в 1551 г. города Свияжска.

В XVI в. умели делать часы, причём была специальная профессия «часовников». Значительно совершенствуется водяной двигатель, который использовался не только для мельниц, но и в кузнечном деле для приведения в действие тяжёлого молота. В этот же период получают распространение самопрялка с конным приводом и горизонталь-

Царь-пушка в Московском Кремле.
Мастер Андрей Чохов. 1586 г.

ный ткацкий станок. В связи с увеличением применения огнестрельного оружия совершенствуется техника орудийно-оружейного производства. В Москве, Туле и Новгороде уже с конца XV в. существовали крупные предприятия по изготовлению пушек («Пушечные дворы»). Выдающимся пушечным и колокольным мастером второй половины XVI в. был Андрей Чохов, отливший знаменитую «Царь-пушку» (1586 г.), которая и сейчас хранится в Кремле. Её длина 5 *м,* вес 2400 пудов, калибр (диаметр канала ствола) — 89 *см.* В XVI в. начали применяться орудия, заряжаемые не с дула, а с «казённой» части, что создало возможность обеспечить большую скорость и дальность полёта ядра.

Быстрое расширение кругозора, рост знаний в различных областях вызвали появление «азбуковников». Азбуковники, своего рода небольшие энциклопедии, содержали разнообразные сведения, расположенные в алфавитном порядке.

Литература

Официальные литературные и исторические произведения писались в этот период в приподнято торжественном стиле. Однако всё в большей степени в русскую письменность вливались элементы живой разговорной речи. По преимуществу на материале актов и юридических доку-

ментов в центре Русского государства — Москве складывается близкий к народному язык деловых бумаг. Этот язык проникает и в такие литературные произведения, как «Домострой» и челобитные Ивана Пересветова, делая их более доступными для чтения.

В этот период литература значительно обогащается новыми жанрами. Обострение классовых противоречий и политическая борьба в процессе становления самодержавной монархии определили ведущую роль в литературе XVI в. публицистических произведений — посланий, обсуждавших вопросы правления, памфлетов, челобитных и т. п.

Рост национального самосознания в связи с созданием и укреплением единого Русского государства вызвал усиленный интерес к историческому прошлому, а также стремление понять историю Русского государства в рамках всемирной истории.

С конца XV в. в Москве появляется ряд новых летописных памятников, общерусских по своему характеру, составители которых стремились исторически доказать преемственность власти московских великих князей от князей Киевской Руси, а в связи с этим право московских государей на владение всей территорией северо-восточной и юго-западной Руси. Середина XVI в. была периодом дальнейшего развития общерусского летописания, создания многотомных летописных сводов, освещавших русскую историю на основе предшествовавших летописей, правительственных документов и переводных византийско-славянских всемирных хроник.

Своеобразной энциклопедией исторических знаний эпохи явился Лицевой свод. Это сочинение, насчитывавшее около 20 тыс. страниц, подробно излагало историю человечества от «сотворения мира» до середины XVI в. Свод получил наименование «лицевого», так как был украшен 16 тыс. превосходных миниатюр. Некоторые из этих иллюстраций написаны лёгкой прозрачной акварелью и являются выдающимися образцами изобразительного искусства.

В начале 1560-х годов была создана «Степенная книга». В ней освещалась история русского самодержавия не по годам, а в виде восхождения по степеням (т. е. по великим княжениям); вершину (17-ю степень) являло собой самодержавие Ивана Грозного, деятельность которого безмерно восхвалялась.

В 1564—1566-х годах неизвестным русским автором была написана «История о Казанском царстве» от его основания. Особенно подробно описывался последний период существования ханства и взятие Казани русскими войсками, которое изображалось как великая победа. Автор, отличавшийся наблюдательностью и литературным талантом, с большой художественной силой отобразил жизнь казанских феодалов, быт и нравы местного населения, положение русских пленных в Казани и т. п.

Ещё в середине XV в. появились особые исторические сочинения — хронографы, ставившие своей задачей осветить всемирную историю. С начала XVI в. составители хронографов преследовали более широкие задачи — определить и подчеркнуть во всемирной истории роль Русского государства. В дошедшем до нас «Хронографе» 1512 г. изложение всемирной истории ведётся от «сотворения мира». Затем говорится об Ассирийском и Персидском царствах, об Александре Македонском и т. д. Особая глава посвящена «началу царства христианских царей», после которой события русской истории встречаются всё чаще. «Хронограф» 1512 г. заканчивается повестью о взятии Царьграда турками.

В последующих хронографах ещё более заметно стремление показать важную роль, которую играла Россия в мировой истории.

Централизация церковного управления и создание общерусского культа святых выдвигали задачу объединения всех памятников церковной литературы. Эта колоссальная задача была выполнена большим числом писателей, художников и писцов, работавших под руководством митрополита Макария более 20 лет и создавших в 1554 г. «Четьи-Минеи» (ежемесячные чтения). Этот труд, состоявший из 12 боль-

ших томов (27 тыс. страниц), включал в свой состав всю «чтомую» (т. е. читаемую. — *Ред.*) на Руси церковную литературу, переработанную в духе прославления русской земли как единственного центра истинного христианства.

Более разнообразной и богатой по содержанию становится художественная литература. На её развитии благотворно сказалось расширение политического и культурного общения России с другими странами. Так, в результате развития связей с Молдавией и Валахией возникла «Повесть о Мутьянском воеводе Дракуле», главный герой которой ставил своей целью искоренение зла и восстановление правды. С установлением дружественных отношений с Грузией связано появление повести о грузинской царице Динаре. В основе повести лежала легенда о царице Тамаре.

Обострение классовой борьбы в стране, вызванное усилением феодального гнёта, повысило в литературе интерес к положению народных масс и, в частности, к крестьянскому вопросу. Отдельные представители господствующего класса считали чрезвычайно опасными неограниченный произвол феодальных господ по отношению к крестьянству и злоупотребления кормленщиков. Эти настроения нашли своё отражение у одного из крупнейших публицистов середины XVI в. — Ермолая-Еразма (священника, а впоследствии монаха), выступившего с осуждением чрезмерной тяжести феодальных повинностей, особенно денежных, и всякого рода злоупотреблений. Ермолай-Еразм признавал необходимым сохранение крепостнических отношений. Но, утверждая, что труд крестьян является основой общественной жизни, призывал улучшить положение «простых людей» путём замены всех повинностей единым натуральным оброком в размере пятой части урожая.

Своеобразным литературным произведением, рисующим быт богатого купеческого дома, является «Домострой», представлявший собой свод правил поведения в сфере религиозной, государственно-общественной и семейной. Созданный в конце XV в. в среде богатого новгородского боярства и купечества, «Домострой» был в середине XVI в. переработан протопопом Сильвестром, который стремился пронизать всё произведение идеей неограниченной власти мужа и отца в семье. Регламентируя поведение человека, «Домострой» в мельчайших деталях рисует положительный, с точки зрения автора, религиозный, нравственный и бытовой уклад, которому должна следовать семья, возглавляемая домовладыкой.

Для местной литературы этого времени характерно проникновение в неё патриотических мотивов и выход за пределы узких рамок местной обособленности. Примером может служить замечательная «Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков». Написанная патриотом-псковичем по свежим следам героической обороны Пскова 1581—1582 гг., она с гордостью изображала горячую любовь русских людей к своей земле, их героизм и отвагу в борьбе с иноземными врагами. Наоборот, перебежчики в стан врага — бояре во главе с Курбским сурово осуждаются автором как «богомерзкие христоненавистцы».

Народное поэтическое творчество

Для устного народного творчества этого времени характерно продолжение развития былинного эпоса, в котором всё более и более проявлялось отрицательное отношение социальных низов к князьям и боярам. Это нашло своё выражение в развенчании образа князя Владимира, который выступает теперь в некоторых былинах как олицетворение всего зла, свойственного правящим классам. В замечательной былине этого периода — «О Вавиле и скоморохах» социальное зло представлено обобщающим образом царя Собаки, в борьбе с которым народ выходит победителем. Царству зла, насилия, социальной несправедливости противопоставляется в былинах иная жизнь, героями которой выступают «крестьянский сын» Илья Муромец и пахарь Микула Селянинович.

Вместе с тем большой размах событий, связанных с объединением русских земель и образование национального Русского государства, способствовал раз-

ДЕТАЛЬ ФРЕСКИ ФЕРАПОНТОВА МОНАСТЫРЯ РАБОТЫ ДИОНИСИЯ.
1500 г.

СОБОР ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО В МОСКВЕ.
Зодчие Барма и Постник. 1553—1560 гг.

витию нового вида народного эпоса — исторической песни, где повествование органически связывается с конкретными историческими деятелями и событиями.

В XVI в. складывается первый большой цикл исторических песен» в котором отражены важнейшие события середины и второй половины XVI в.

Горячим патриотизмом проникнута песня, посвящённая одному из крупнейших исторических событий внешней политики — взятию Казани. Здесь прославляется Иван Грозный как руководитель похода, но главные герои песни — представители народа, «славные мастера» — пушкари и зажигальщики, «люди умные, люди разумные», своей стойкостью и мужеством решившие победоносный исход войны.

Не только в исторических песнях, но и в народных сказках бояре изображались жадными, трусливыми, своекорыстными. Ненависть к ним народа очень ярко выражена в сказке «Расправа с боярами», где царь, изгнанный с престола изменниками-боярами, вскоре вернулся в Москву и «перекрушил бояр, словно мух».

Несмотря на то, что для народно-поэтических произведений характерны были царистские иллюзии, народ в своих песнях сурово осуждал жестокость самодержавного правителя. Так, в песне «Грозный и сын» не находит оправдания в глазах народа убийство царём своего сына и расправа Ивана IV с новгородцами в 1570 г.

Прямая угроза крестьянина расправиться со своими угнетателями и вера в силу народную выражена в песне о Кострюке, в котором народ изобразил боярина-поработителя.

Носителями подлинно народного искусства были песенники, скоморохи, домрочеи и др. Развитие народно-сатирического творчества входило в конфликт с официальной светской и церковной идеологией. Церковная и светская власти преследовали скоморохов, распространявших народную сатиру, и стремились не допускать проникновения её образов и форм в официальную литературу. Протест против социального угнетения отразился также в пословицах.

Архитектура

Особенно значительными в конце XV и в XVI в. были достижения в области русской архитектуры. Органически усвоив традиции народного зодчества, она создала свой стиль, классический по зрелости и мастерству, в котором особенно ярко выразилось своеобразие и высокий уровень национальной художественной культуры.

Дошедшие до нашего времени в небольшом числе памятники деревянного зодчества этого периода отличаются совершенством форм и большой выразительностью. Такова, например, построенная в 1493 г. величавая Георгиевская церковь в селе Юксовичах (нын. Ленинградская область).

Самым крупным достижением русской деревянной архитектуры был шатровый стиль. Постройки этого типа представляли собой «столп», т. е. поднятое вверх сооружение, заканчивающееся пирамидой, напоминающей обычный шатёр со скатами по граням. Устремлённые ввысь шатровые церкви, стоявшие по берегам рек, красиво выделялись на фоне русской равнины. Прекрасным сооружением шатрового стиля была выстроенная в 1501 г. деревянная церковь в селе Уне, Архангельской области (сгорела в 1892 г.).

Примером деревянного сооружения нецерковного характера могут служить выстроенные в 1565 г. и простоявшие 233 года хоромы купцов Строгановых. Они представляли собой трёхэтажное деревянное здание, высотою в 14 сажен с живописным асимметричным крыльцом и шатровыми башнями.

Многообразное и красочное русское деревянное зодчество, накопившее богатый опыт, выработало формы и приёмы, которые легли в основу каменного зодчества.

С образованием единого Русского государства коренным образом менялось положение его столицы Москвы, игравшей ведущую роль в объединении страны. В связи с этим подвергается значительной перестройке великокняжеская резиденция — Кремль, превращённый на рубеже XV—XVI вв. в грандиозный замок и первоклассную крепость. Именно в этот период как символ политической мощи Рус-

ского государства был создан величественный архитектурный ансамбль Кремля, удивительный по силе оставляемого им впечатления, до наших дней являющийся национальной гордостью русского народа.

В короткий срок были построены главные кремлёвские соборы—Успенский (1475—1479 гг.), Благовещенский (1484—1489 гг.) и Архангельский (1505—1508 гг.).
гг.), Благовещенский (1484—1489 гг.) и Архангельский (1505—1508 гг.).

Деревянная церковь в селе Уне, Архангельской области.
1501 г.

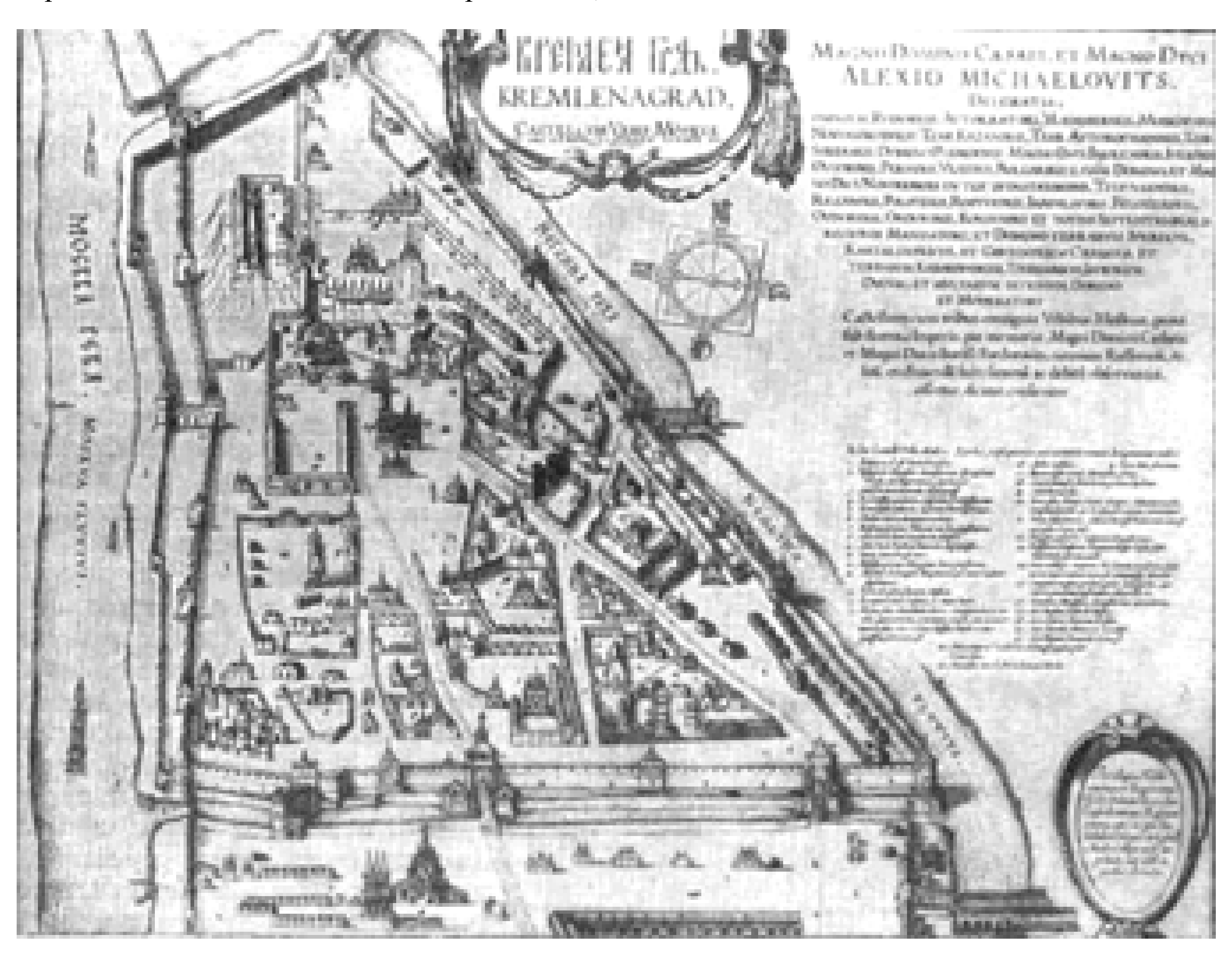
Почти одновременно строились кремлёвские стены. К 1495 г. основные работы по возведению стен и башен Кремля были завершены. Кремлёвские стены толщиною в основании 4—5 *м* и высотою от 8 до 17 *м* сомкнулись, образовав в плане неправильный треугольник протяжением 2270 *м.* Кремль имел всего 21 башню: три угловые башни и по 6 вдоль его стен. Некоторые из них имели проездные ворота. Центральными воротами считались выходящие на Красную площадь Фроловские, позже названные Спасскими. Однако на этом работы не закончились. С некоторыми перерывами они продолжались до 1516 г., когда вдоль северо-восточной стоны Кремля (со стороны Красной площади) был прорыт ров и возведены вторые оборонительные стены. Ров наполнялся водой из реки Неглинки.

Толстые кремлёвские стены со стрельницами, мощные башни, доминировавшие над прилегающей местностью, и окружающая Кремль со всех сторон вода — всё это превращало резиденцию московских великих князей в крепость, отвечавшую самым высоким требованиям оборонительной техники.

С ростом авторитета великокняжеской власти возникла потребность в создании нового Кремлёвского дворца. По замыслу архитекторов, он должен был состоять из нескольких палат, главной из которых являлась Грановитая, предназначенная для торжественных приёмов. Это замечательное архитектурное сооружение, сохранившееся до наших дней, было построено в 1487—1491 гг. Марко Руффо и Пьетро Антонио Соляри с учётом московских традиций. Почти квадратная в плане, поддерживаемая в центре мощным четырёхгранным столбом, переходящим в своды, эта палата, площадью 485 *кв. м,* являлась самым большим и самым величественным залом в России того времени. В конце XVI в. стены палаты были украшены фресками.

На протяжении всего XVI в. существовала ещё реальная опасность вторжений

крымских татар в пределы Русского государства и продвижения их до Москвы. В связи с этим правительство принимает меры к укреплению территории быстро растущего московского посада. К 1534 г. торговая часть Москвы была окружена земляным валом, обнесённым деревянной плетеницей. По всей вероятности, по име-

План Московского Кремля начала XVII в.
Гравюра 1663 г.

ни плетеницы — киты — эта стена получила наименование Китай-города. В 1535— 1538 гг. деревянная стена Китай-города была заменена мощной кирпичной, фундамент которой сложили из крупных плит белого окаменелого известняка. Работы по сооружению этой стены проводились под руководством архитектора Петра Фрязина. Строительные работы в Москве и других городах приняли столь широкий размах, что руководство ими было сосредоточено в созданном в 1583 г. Приказе каменных дел. Первой крупной работой, проведённой приказом, было сооружение третьей линии каменных укреплений — Белого города. Это грандиозное сооружение протяжённостью около 8 вёрст было создано под руководством замечательного русского архитектора Фёдора Коня в очень короткий срок — с 1586 по 1593 г.

В 1591 г. приступили и в 1592 г. закончили сооружение четвёртой оборонительной линии — Земляного вала протяжением около 15 вёрст.

Создание этих сооружений, окружавших центр Москвы — Кремль, закрепило радиальную застройку столицы Русского государства, которая сохраняется в основе современной планировки Москвы.

Во второй четверти XVI в. по образцу русского деревянного зодчества начинают создаваться изумительные по красоте каменные шатровые храмы.

В 1532 г. в честь рождения сына Василия III — будущего царя Ивана IV неизвестным русским зодчим селе Коломенском была выстроена церковь Вознесения. Удивительная оригинальность и красота этого храма поразили летописца. В числе других особенностей этого храма летописец отметил и ту, что он был построен «вверх на деревянное дело», т. е. по образцу деревянных построек. Как и деревянные шатровые храмы, церковь имеет в плане квадрат, поставленный на подклет. На квадрате покоится восьмерик[1], переходящий в высокий, 20-метровый шатёр. Храм увенчивается лёгким крестом, покоящимся на полумесяце. Строителям церкви удалось с таким искусством соблюсти все пропорции, что огромное каменное сооружение, достигающее 60 *м* высоты, кажется необычайно стройным и лёгким. Красиво расположенная на крутом, обрывистом берегу Москвы-реки, церковь как бы сливалась с окружающей её местностью.

Церковь Вознесения в село Коломенском под Москвой. 1532 г.

В 1553—1554 гг. был выстроен храм Иоанна Предтечи в селе Дьякове (неподалёку от села Коломенского), исключительный по оригинальности декоративного убранства и архитектурного замысла.

Непревзойдённым шедевром русского зодчества является воздвигнутый в Москве в 1554—1560 гг. Покровский собор, «что на рву», позже получивший название храма Василия Блаженного. Он был сооружён в ознаменование покорения Казани. Строителями его были гениальные русские зодчие Постник и Барма.

В основании Покровского собора лежит типичная для русского деревянного зодчества форма креста. В центре стоит главная шатровая церковь, по кресту — четыре церкви, а по диагонали ещё четыре, но меньшего размера. Наиболее характерную черту храма составляет многообразие и яркость архитектурного облика, отдельные части здания не повторяют друг друга. При осмотре храма с разных сторон вид его непрестанно меняется, а расположение главной церкви не в самом центре создаёт впечатление, что, вся живописная композиция храма устремлена к Кремлю.

Созданием храма Василия Блаженного замечательные русские зодчие предвосхитили художественные принципы, которые получили развитие лишь в XVII в. Выдающимся архитектурным памятником того же периода был пятишатровый

[1] Часть архитектурного сооружения, имеющая в плане восьмиугольник.

Старицкий собор, построенный в 1557—1561 гг. Менее декоративный, чем другие памятники зодчества этого периода, собор отличался строгостью линий, даже суровостью, придавашей ему, однако, своеобразную красоту.

Усиление самодержавия в конце XVI в. вызвало появление в русской архитектуре стремлений к созиданию массивных, сверхмонументальных храмов. Таковым, например, был Успенский собор Троице-Сергиева монастыря, законченный в 1585 г. Однако выстроенный в 1593 г. собор Донского монастыря поражал стройностью и гармоничностью своих форм. Столь же совершенным архитектурным сооружением была надстроенная при Борисе Годунове церковь-колокольня Ивана Лествичника (известная впоследствии под названием колокольни Ивана Великого). Это монументальное сооружение, свыше 80 *м* высоты, композиционно завершило величественный ансамбль Московского Кремля.

Колокольня Ивана Великого и церковь Ивана Лествичника в Московском Кремле. 1600 г.

Живопись

Подъём русской национальной культуры нашёл своё выражение в творчестве крупнейшего русского живописца второй половины XV — начала XVI в.— Дионисия. Уже в ранний период своего творчества, в 60—80-х годах XV в., Дионисий создал ряд замечательных фресок в Боровском Пафнутьевом и Иосифо-Волоколамском монастырях и в Успенском соборе в Москве. Однако вершиной его творчества являются хорошо сохранившиеся до наших дней росписи храма Рождества Богородицы в Белозерском Ферапонтовом монастыре, исполненные Дионисием вместе с сыновьями в 1500—1502 гг. Поразительна прежде всего гармонически уравновешенная композиция фресок, придающая им спокойно-величавый характер. Гибкие, стройные фигуры кажутся лёгкими и одухотворёнными, а нежная гамма светлых и ликующих красок, бирюзовых, сиреневых и т. п., выразительно передаёт радостное мироощущение художника. Конкретность в изображении фигур и окружающей их обстановки предвосхищала появление светского начала, получившего своё развитие в живописи XVI—XVII вв.

Прошедший хорошую школу под руководством Дионисия его сын Феодосий в начале XVI в. занял ведущее место в русской живописи. Под его руководством была исполнена стенопись кремлёвского Благовещенского собора, которая изображала преемственность власти московских князей от киевских, а через них от византийского императора Константина. Крупнейшие (и наиболее хорошо сохранившиеся) композиции этого собора отличаются необычайной смелостью и яркостью изображения. Они принадлежали самому Феодосию. Ряд фресок был написан его братом Владимиром.

В середине XVI в. было создано много замечательных произведений русской монументальной живописи. К их числу, например, принадлежат фрески Покровской церкви Александровой слободы с торжественными и стройными фигурами князей Владимира, Бориса и Глеба. Наиболее крупным произведением монументальной живописи этого периода были фрески Золотой палаты Кремлёвского дворца. Созданные в 1547—1552 гг., они на основных сюжетах «Сказания о князьях Владимирских» должны были символически выразить величие царской власти и христианской церкви.

Золотое чеканное с чернью блюдо Ивана IV.

С взятием Казани связано создание в 50-х годах XVI в. грандиозной иконы «Церковь воинствующая». Эта икона, близкая по живописной манере к историческим батальным картинам, изображает торжественное возвращение русских воинов-победителей из объятого пламенем города. По замыслу художника, икона должна была изобразить триумф Ивана Грозного, а в его лице всего православного самодержавия над неверными. Хотя икона имела церковное содержание, в характеристике изображаемых лиц звучат и светские мотивы.

Введение светского элемента в церковную живопись не было единичным явлением. Так, в знаменитой «Четырёхчастной» иконе, созданной в середине XVI в., помимо лиц, причисленных к лику «святых», изображались цари, князья, рядовые священнослужители и даже представители простого народа, т. е. люди, которые «живы суще». Элементы реализма, проникавшие в живопись, находились в противоречии со старыми, привычными канонами и вызывали протесты со стороны поборников старины. К числу их принадлежал дьяк Висковатый, которого смущало, например, что в росписи Золотой палаты рядом со Спасом «написана жёнка, спустя рукава, кабы пляшет». Этот вопрос обсуждался на соборе 1554 г., который вопреки мнению Висковатого признал допустимым в живописи не только каноническое, но и «бытийное» письмо, т. е. исторические сюжеты, а также притчи, допускавшие художественный вымысел. Уступки новому, признанные собором, не переходили, однако, пределов, приемлемых для церкви и «богоустановленного» самодержавия.

Областью живописного творчества, более отвечавшей потребностям демократических слоёв русского общества, являлась миниатюра. В ней, начиная с XVI в., помимо религиозных тем, получили распространение исторические и бытовые сюжеты. Таковы например, миниатюры жития Сергия Радонежского, где изображены работы по постройке зданий, земледельческие занятия крестьян, хозяйственная деятельность монастыря, школьные занятия и т. п., а также миниатюры «Лицевого летописного свода».

В последней четверти XVI в. в Москве возникло новое направление русской живописи, получившее благодаря покровительству со стороны Строгановых наи-

менование строгановской школы. Работы мастеров этой школы отличались от произведений монументальной живописи тончайшей миниатюрной техникой, тщательным исполнением мелких деталей. Отвечая вкусам и запросам феодальной верхушки, художники строгановской школы стремились к внешней красивости, изысканности и утончённости фигур, изяществу отделанных золотой штриховкой изображений. Вместе с тем, особенно в произведениях крупнейших представителей этой школы Прокопия Чирина, Истомы и Никифора Савиных и др., заметно стремление к предельной выразительности и повествовательности. Большое внимание к бытовым деталям свидетельствует о проникновении черт реализма, который получает своё дальнейшее развитие в XVII в.

Золотой ковш Ивана IV с чеканными украшениями и камнями.

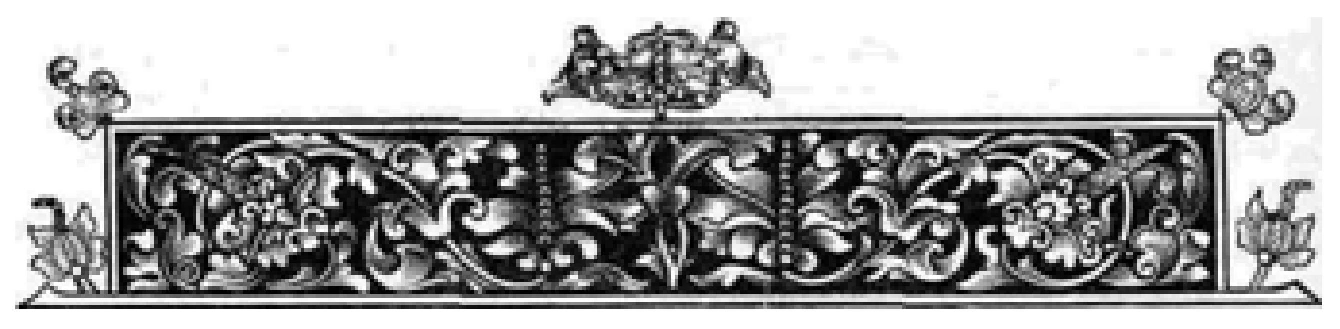
Декоративно-прикладное искусство

Высоким уровнем развития отличались тонкие художественные ремёсла. Благодаря применению разнообразных технических приёмов русские ювелиры достигли совершенства в технике скани (филиграни), перегородчатой эмали и т. п. К образцам ювелирного искусства XVI в. принадлежит ряд вещей, изготовленных для Ивана Грозного и Бориса Годунова. В числе их — золотая чаша с изумрудами и яхонтами, покрытая тончайшим орнаментом, наведённым черньюю.

Большого совершенства достигли русские мастера в резьбе по дереву и кости. Образцом рельефной резьбы по дереву может служить находящееся в Успенском соборе Кремля царское место, боковые стенки которого покрыты рельефными изображениями эпизодов из легенды о передаче византийским императором Константином царских регалий Владимиру Мономаху. Резьба по кости процветала особенно в крупных северных городах, где существовали специальные мастерские, изготовлявшие в массовом количестве высокохудожественные рукоятки и орнаментированные пластинки для тростей и посохов, гребни и тому подобные изделия.

Замечательными образцами прикладного искусства являлись работы русских вышивальщиц. Высокой техникой исполнения и большим художественным вкусом отличалась вышитая шёлком по заказу княгини Елены Стефановны пелена в память венчания на царство в 1498 г. ее сына Дмитрия Ивановича, сохранившая портретные изображения Ивана III и других представителей великокняжеской семьи. В середине XVI в. большой известностью пользовались мастерские художественного шитья царицы Анастасии Романовны, князей Старицких и некоторые другие. Особенно распространённым в шитье XVI в. был так называемый живописный стиль, создававший красочный силуэт путём умелого сочетания разноцветных тёмных и светлых тонов.

ГЛАВА XX
КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА НАЧАЛА XVII В. В РОССИИ. РАЗГРОМ ПОЛЬСКО-ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

1. Русское государство в конце XVI — начале XVII в.

Экономика страны в 70—80-х годах XVI в. испытывала временный упадок, выразившийся в уменьшении населения по ряду районов, сокращении общей площади возделываемых земель, расстройстве торговли, финансовых затруднениях и т. п. Причины хозяйственного разорения были как внешнего, так и внутреннего порядка. Сказались длительные и дорогостоящие войны (Казанский поход, Ливонская война), опустошительные набеги врагов, в особенности крымских татар на южные и центральные районы Русского государства. Серьёзное значение имела и опричнина с её перетасовкой земельных владений и злоупотреблениями опричников. Хозяйственное потрясение сопровождалось запустением ряда районов страны.

С начала 90-х годов XVI в. наступает экономический подъём, характеризующийся увеличением площади возделываемых полей, освоением запустевших земель, ростом населения.

Предпосылки крестьянской войны

Восстановление экономики, происходившее на базе старой техники и в условиях неизменившихся социальных отношений, означало укрепление хозяйства феодалов за счёт дальнейшего наступления на крестьянство. Оно совершалось путём расширения земельных владений феодалов, роста эксплуатации крестьян и усиления их крепостной зависимости.

Рост феодального землевладения приводил к уменьшению, а в ряде районов и прежде всего в центре государства даже к почти полному исчезновению черносошного крестьянства.

Опричнина, укрепившая основы классового господства феодалов-крепостников, явилась новым шагом в развитии феодально-крепостнической эксплуатации крестьянства. В то же время опричнина, сопровождавшаяся появлением массы новых поместий, обострила борьбу за крестьян. Право крестьянского перехода всё больше принимало форму перевода помещиками крестьян из одного поместья в другое. Всё это приводило к разорению крестьянских хозяйств и вызывало бегство крестьян.

На массовое бегство крестьян феодалы-землевладельцы и выражавшая их волю государственная власть ответили в последние два десятилетия XVI в. рядом мероприятий, которые имели своей целью усиление личной зависимости крестьянина от помещика и обеспечение его беспрепятственной эксплуатации. Решающим из этих мероприятий явилось установление с 1581 г. «заповедных лет», впредь до отмены которых крестьянам запрещалось переходить от одного владельца к другому. «Заповедные годы», которые были введены как временное, явление, фактически означали ликвидацию права крестьянского выхода и отмену статей Судебников о Юрьеве дне. Составленные в результате общего описания земель в 80—90-х годах писцовые книги явились основным документом, удостоверявшим права феодалов на крестьян, живших в то время в их владениях.

Отмеченные мероприятия начали осуществляться в последние годы жизни Ивана IV и при его сыне Фёдоре (1584—1598), когда полновластным правителем государства сделался член регентского совета Борис Годунов. После смерти Фёдора Борис Годунов стал царём (1598—1605). Поддержанный некоторыми сподвижниками Ивана IV, Борис Годунов продолжал его политику и стремился удовлетворить основные требования дворянства.

Важным законодательным актом правительства Бориса Годунова по крестьянскому вопросу явился указ 1597 г. о сыске беглых крестьян, сыгравший большую роль в развитии процесса закрепощения. Согласно указу крестьяне, бежавшие после 1592 г., подлежали безусловному возвращению их прежнему владельцу; крестьяне же, бежавшие ранее 1592 г., оставались за новым владельцем.

Изданный в том же 1597 г. закон о кабальных людях лишил лиц, которые попали во временную зависимость на основании долга, взятого по служилой кабале с обязательством отрабатывать проценты во дворе господина, права освобождаться от зависимости путём уплаты долга. Этот закон оставлял их в этой зависимости вплоть до смерти господина и называл «кабальными холопами». Одновременно закон превратил в кабальных холопов итак называемых добровольных людей, живших у своих хозяев «без крепостей», предписав взять на лиц, служивших своим хозяевам более полугода, служилые кабалы. Тот же закон ввёл запись всех кабальных холопов в особые кабальные книги, которые, подобно писцовым книгам, закрепляли зависимое положение человека.

Указы о крестьянах и холопах вместе с увеличением барщины и других крестьянских повинностей накалили социальную атмосферу и вызвали взрыв борьбы крестьянства против растущего феодального гнёта.

Рост феодальной эксплуатации приводил также к резкому ухудшению положения низших слоев городского населения. Дальнейшее развитие ремесла и торговли в конце XVI в. увеличивало имущественное неравенство среди посадских людей, обострившее классовую борьбу в городах. Она развивалась по двум направлениям. С одной стороны, посадские люди стремились вырваться из-под феодального гнёта, а, с другой, «молодшие люди» посадов вели борьбу с городскими верхами.

Крестьянские волнения конца XVI в.

В 1594—1595 гг. произошли крестьянские волнения в вотчине Иосифо-Волоколамского монастыря. Крестьяне прекратили выполнять барщину, платить оброк, а также повиноваться монастырским властям. Волнение было настолько сильным, что монастырь обратился за помощью к представителям государственной власти. Острая и напряжённая борьба крестьян происходила в конце XVI в. и в других районах

Русского государства. Наступление монастырей на чёрные крестьянские земли Белозерского края сопровождалось упорной борьбой крестьян, выливавшейся в самые различные формы — от порубки лесов и насильственного покоса лугов до избиения представителей монастырской администрации. То же самое можно

Крестьяне.
Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия». 1656 г.

было наблюдать и на севере страны, в вотчине Антониево-Сийского монастыря. Крестьяне отказались выполнять монастырские «изделья», уплачивать оброк, открыто выступив против угнетателей. Борьба имела упорный и затяжной характер.

Все эти разрозненные выступления явились предвестниками надвигавшейся крестьянской войны.

Голод 1601—1603 гг.

На обострение классовой борьбы оказали большое влияние неурожай и голод 1601—1603 гг. Цены на хлеб резко возросли, чем немедленно воспользовались купцы, крупные духовные и светские землевладельцы, скопившие огромные запасы зерна в ожидании ещё большего роста цен. В то время как население массами умирало от голода, правящие классы безудержно спекулировали хлебом. Крестьяне целыми деревнями бросали свои насиженные места и уходили на поиски работы и хлеба. Они бродили по дорогам, шли в Москву, хотя население столицы тоже голодало.

По рассказам современников, в Москве ежедневно умирало от голода от 90 до 300 человек. Боясь народного гнева, Борис Годунов велел выдавать хлеб из казённых житниц и производить раздачу денег. Однако количество раздаваемых де-

нег и хлеба не соответствовало потребностям населения. Кроме того, в значительной своей части деньги и хлеб попадали в руки приказных. Разорившиеся и голодающие крестьяне, ремесленники, свободные люди самых различных слоев вынуждены были идти в кабалу. Всё это ускорило процесс вовлечения свободных элементов населения в сферу феодальной эксплуатации. На годы голода падает массовое «похолопление» городского и сельского населения.

Усилившееся бегство крестьян осложняло положение многих мелких и средних помещиков. Поэтому указами царя Бориса в 1601 и 1602 гг. было частично и временно восстановлено за помещиками право вывоза крестьян. На словах правительство как бы восстанавливало свободу крестьянского перехода, отменённую указами о «заповедных годах». В действительности указ лишь разрешал мелким и средним помещикам «возити меж себя» крестьян — одного или двух. Крестьянский переход был подменён вывозом крестьян помещиками и то в очень ограниченных размерах, причём эта мера не распространялась на Московский уезд. Как денежная «помощь» голодающим Москвы, так и указы 1601—1602 гг. не облегчили положения голодающего крестьянства. Эти указы не имели серьёзного значения и для укрепления хозяйства мелкопоместных дворян. По указу 1603 г. холопы, брошенные в голодные годы своими господами на произвол судьбы, могли получить свободу и отпускные грамоты в Приказе холопьего суда, но и этот указ ни в какой мере не улучшил положения голодающих людей. Получившие отпускную шли в кабалу к другим землевладельцам или бежали на окраины страны, где надеялись найти лучшие условия жизни.

Восстание Хлопка

В прямой связи с голодом стоит восстание Хлопка в 1603 г. Оно охватило центральные районы государства. Восставшие крестьяне и холопы расправлялись со своими господами. Карательные отряды, посылаемые Борисом Годуновым, терпели поражения. Восстание приближалось к Москве, в которой начались выступления городских низов против богатой верхушки населения. Создавшаяся угроза для господствующего класса вызывала большую тревогу в правящих кругах. Осенью 1603 г. правительство приняло решение дать восставшим генеральное сражение и направило против них воевод с «многою ратью». Сражение произошло близ Москвы. В ожесточённом бою Хлопко и его товарищи проявили геройство, но были разбиты. Часть уцелевших участников восстания бежала на Северскую Украину, где вскоре вспыхнуло восстание Болотникова.

Таким образом, хотя правительству Бориса Годунова и удалось подавить восстание, однако практически это означало лишь перемещение основного очага классовой борьбы из центра на южную окраину Русского государства, населённую мелким служилым людом и казачеством, основная масса которого состояла из беглых крестьян.

Борьба в городах

Последняя четверть XVI в. отмечена рядом городских движений. В 1584 г., сразу же после смерти Ивана Грозного, вспыхнуло восстание в Москве. В нём принимали участие низы московского посада и стрельцы. Ещё более серьёзное значение имело выступление московских посадских людей в 1587 г., когда правительству пришлось сесть в осаду в Кремле. В 1586 г. произошло восстание в Соли Вычегодской, направленное против Строгановых, один из которых, Семён, был убит. В этом же году происходило волнение посадских людей в Ливнах. В 1592 г. произошло крупное восстание угличского посада. Толчком к нему послужил распространившийся слух о том, что смерть царевича Дмитрия, сына Ивана IV, была делом рук людей, подосланных Борисом Годуновым. Основную силу восстания составляли чёрные посадские люди и судовые «казаки» (чернорабочие), а также уездные «посошные люди», оказавшиеся в то время в Угличе. Движение было направлено против царской администрации и посадской верхушки. Завершилось оно разгромом «дьячей избы», убийством государева дьяка и нескольких «добрых» (зажиточных) посадских людей.

Противоположность интересов городской бедноты, с одной стороны, богатых посадских людей и феодалов — с другой, ярко сказалась в годы голода, когда посадская беднота «богатых домы грабила».

2. Начало польской интервенции

Захватнические планы польско-литовских феодалов

Магнатско-шляхетское правительство Речи Посполитой внимательно следило за положением в Русском государстве, надеясь не только снова захватить Смоленск и Чернигово-Северскую землю, но и подчинить себе русский народ. Папство также ожидало благоприятного момента для введения на Руси католицизма.

Польские правящие круги были недовольны результатами Ливонской войны. Большая и весьма влиятельная часть господствующего класса Речи Посполитой стремилась пересмотреть условия перемирия, заключённого в Запольском Яме.

Стефан Баторий почти непосредственно после заключения перемирия начал разрабатывать авантюристический проект завоевания России. Смерть Ивана IV в 1584 г. и воцарение слабоумного Фёдора, казалось, создавали благоприятные условия для осуществления этого плана. Его реализации помешали смерть самого Стефана Батория в 1586 г. и наступившее бескоролевье.

13 борьбе за престол победила группа, поддерживавшая кандидатуру шведского принца. Последний в 1587 г. стал королём Польши под именем Сигизмунда III. В Польше предполагали благодаря этому присоединить всё балтийское побережье вместе с Эстонией и получить помощь Швеции в борьбе против России. Не надеясь на овладение всем Русским государством, магнатско-шляхетские круги полагали всё же, что Сигизмунд захватит хотя бы Псков и Смоленск, закроет с помощью шведского флота путь через Белое море и добьётся таким образом блокады России. При этом польские магнаты рассчитывали на обострение русско-шведских отношений, особенно после Тявзинского мира 1595 г., позволившего Русскому государству ликвидировать наиболее тяжёлые последствия Ливонской войны и вернуть выход к Балтийскому морю.

Однако эти расчёты не оправдались. Швеция была не в состоянии начать войну с Россией, так как борьба между Швецией и Речью Посполитой за берега Балтийского моря, осложнявшаяся борьбой Сигизмунда III за шведский престол, значительно ослабляла её силы. Швеция даже искала в Москве союзника для совместной борьбы против Речи Посполитой, усиление которой не отвечало интересам ни Швеции, ни России.

Всё это заставило Польшу временно отказаться от реализации планов Стефана Батория в отношении Русского государства. Магнатско-шляхетское правительство Речи Посполитой переходит теперь к другим методам осуществления своих планов. В 1600 г. Сигизмунд III отправил в Москву посольство во главе с Львом Сапегой, предложив Борису Годунову заключить «вечный мир» и тесный союз между обоими государствами, условия которого отражали интересы польских феодалов. Польша претендовала на передачу ей Смоленска, Чернигово-Северской земли и установление политической унии между обоими государствами, которая ограничивала бы самостоятельность России.

Русское правительство отклонило этот проект и пошло лишь на заключение 20-летнего перемирия на прежних условиях. Новое перемирие было фактически нарушено польско-литовским правительством через 3 года после его заключения.

Неустойчивость положения Бориса Годунова, вызванная борьбой в правительственных кругах, дала польско-литовским магнатам возможность возобновить попытки подчинения Русского государства. Не решаясь на открытую войну, Речь Посполитая пытается прибегнуть к другим способам захвата русских земель. Одним из этих способов было выдвижение авантюриста Лжедмитрия I.

Лжедмитрий I

Первые сведения о пребывании Лжедмитрия I в Речи Посполитой относятся к 1601 г., когда он появился сначала в Киево-Печерском монастыре, а затем у киевского воеводы князя Константина Острожского. Претендентом на русский престол самозванец начал называть себя позднее, когда жил у влиятельного магната Адама Вишневецкого, владения которого находились вблизи от русской границы по левому берегу Днепра. Здесь в 1603 г. Лжедмитрий I «открыл» своё «царское происхождение», присвоив имя сына Ивана IV царевича Дмитрия, погибшего в Угличе в 1591 г. Предполагают, что это был беглый монах Григорий Отрепьев. О «чудесном» спасении царевича Вишневецкий осенью 1603 г. уведомил польского короля Сигизмунда III. Таким образом, авантюра Лжедмитрия I зародилась в кругу польского магнатства, заинтересованного в расширении своих владений за счёт территории Русского государства. В марте 1604 г. Лжедмитрий был принят королём в Кракове. Сигизмунд обещал Лжедмитрию тайную поддержку, помог ему деньгами и разрешил частным образом набрать войско из шляхтичей. Лжедмитрий согласился после захвата русского престола передать Речи Посполитой Смоленскую и Северскую области, помочь Сигизмунду III овладеть шведским престолом, способствовать распространению католичества в русских землях. В Кракове Лжедмитрий вступил в сношения с католической церковью, тайно перешёл в католицизм и отдался под покровительство папы.

Таким образом, Речь Посполитая рассчитывала без «большой войны» реализовать планы Стефана Батория. Вокруг Лжедмитрия 1 в надежде на богатую добычу собралось до тысячи крупных и мелких авантюристов. Среди них был и разорившийся сандомирский воевода Юрий Мнишек, давший согласие на брак с Лжедмитрием I своей дочери Марины.

В конце октября 1604 г. отряды Лжедмитрия вступили в пределы Русского государства в районе Северской Украины и начали поход на Москву, явившийся началом вооружённой интервенции Речи Посполитой. Главными организаторами вторжения в Россию были польско-литовские магнаты, получившие поддержку короля, папского нунция и иезуитов.

Появление самозванца совпало с моментом крайнего ослабления правительства Годунова, продолжавшего политику Ивана IV в отношении боярства и тем вызвавшего ненависть бояр к неродовитому царю. Заговор против Русского государства, организованный в Речи Посполитой, смыкался с боярским заговором в Москве против Годунова. Часть бояр и дворян открыто перешла на сторону самозванца.

В то же время в стране развёртывалась мощная антифеодальная борьба крестьян. Крепостное крестьянство и городская беднота наивно полагали, что найдут в Лжедмитрии «хорошего царя», лучшего, нежели Борис, и это обеспечило Лжедмитрию их временную поддержку. Проводимые правительством жестокие репрессии в отношении сторонников Лжедмитрия I не могли укрепить положения Бориса Годунова и только лишь накаляли атмосферу.

Путь наступления Лжедмитрия на Москву проходил по юго-западным окраинам Русского государства, где население уже поднялось против Бориса Годунова. Поэтому войско Лжедмитрия быстро росло и стремительно продвигалось вперёд Царские воеводы в ряде случаев оказывались не в состоянии вступать в борьбу и без боя сдавали города. Отдельные воеводы, недовольные правлением Годунова, прямо переходили на сторону Лжедмитрия. В течение двух недель Лжедмитрия I «признали» Путивль, Рыльск, Севск, Курск, Кромы и ряд других городов. В обширной Комарицкой волости, расположенной между городами Севском и Кромами, вспыхнуло большое крестьянское восстание против правительства Годунова.

Первое серьёзное сопротивление Лжедмитрий встретил лишь под Новгородом-Северским. В январе 1605 г. под Добрыничами он потерпел поражение. Однако этот

военный успех не улучшил положения царя Бориса. Восстание продолжало расти, охватывая всё новые территории. Оно было использовано самозванцем. Вскоре на сторону Лжедмитрия перешли Рязань, Тула, Алексин, Кашира.

В апреле 1605 г. Борис Годунов умер. Его смерть ускорила развёртывание событий. В начале мая остатки царских войск, стоявших под Кромами, перешли на сторону Лжедмитрия, путь к Москве был открыт. В обстановке развернувшихся антифеодальных выступлений народных низов Москвы, использованных боярами, с Годуновыми было покончено. Возведённый на престол после смерти Бориса его сын Фёдор был убит.

20 июня 1605 г. Лжедмитрий во главе польского отряда вошёл в столицу, а через месяц венчался на царство.

Стараясь найти поддержку у московской аристократии, Лжедмитрий возвратил из ссылки бояр, пострадавших при Борисе Годунове. Однако опереться на боярство Лжедмитрию не удалось. Он стал не нужен княжатам и боярам, как только династия Годуновых была уничтожена. Наибольшие усилия Лжедмитрия были направлены на привлечение на свою сторону средних и мелких землевладельцев-дворян. Дворянам, находившимся на военной службе, были повышены денежные оклады, им усиленно раздавались земли. Крестьяне, бежавшие в голодные годы, были закреплены за помещиками, на землях которых они осели. Закон 7 января 1606 г. закрепил положение кабальных холопов, определённое законом 1597 г. Закон 1 февраля 1606 г. сохранил пятилетний срок сыска беглых крестьян.

Все эти мероприятия носили ярко выраженный крепостнический характер и по сути дела представляли собой продолжение политики, отчётливо наметившейся в предыдущие годы. Поэтому борьба городских низов и крепостного крестьянства, сначала направленная против Бориса Годунова, обратилась против Лжедмитрия. Крепостническое законодательство 1606 г. отражало прежде всего интересы дворянства и не удовлетворяло бояр. Бояре, расправившиеся с помощью самозванца с Годуновым, искали теперь удобного случая для устранения самого Лжедмитрия. Русское духовенство было также настроено против Лжедмитрия, который обложил крупные монастыри большими денежными поборами и отобрал у некоторых из них часть земель. Антинациональная политика Лжедмитрия I, стремившегося в ущерб интересам страны вознаградить за оказанную помощь польское магнатство и католическую церковь, вызывала резкое недовольство всех слоёв населения.

Главная же опасность грозила Лжедмитрию со стороны обманутых им народных масс, недовольство которых стремилась использовать феодальная знать.

Развязка была ускорена поведением самого Лжедмитрия и прибывших вместе с ним польских авантюристов, которые вели себя в Москве, как в завоёванном городе, позволяли себе всякого рода насилия.

2 мая 1606 г. в Москву прибыла из Польши невеста Лжедмитрия I Марина Мнишек в сопровождении 2 тыс. вооружённых шляхтичей. 8 мая состоялось бракосочетание. Во время празднества наехавшие в Москву польские паны и солдаты бесчинствовали и грабили жителей. Разнузданное поведение шляхты в русской столице ускорило взрыв народного восстания.

Народное восстание в Москве. Захват власти Василием Шуйским

На рассвете 17 мая 1606 г. в Москве вспыхнуло восстание против интервентов. Ударили в набат. Толпа бросилась в Кремль и к дворам, где стояли польские паны с их свитой. Лжедмитрий был убит. Началось избиение интервентов.

В восстании 17 мая 1606 г. решающей силой были широкие слои посадского населения Москвы. Вооружённое восстание против интервентов приняло большой размах. В Лжедмитрии и его окружении народные массы видели своих врагов. Бо-

ярская же верхушка, напротив, принимала меры к охране членов польского «посольства».

Напуганные силой народного движения бояре боялись, что восстание против интервентов может превратиться в вооружённую борьбу, направленную на свержение феодального гнёта. Поэтому они приняли все меры к тому, чтобы водворить в городе «порядок». Бояре-заговорщики ловко использовали в своих интересах результаты выступления городских низов. После свержения Лжедмитрия участвовавшие в заговоре князья и бояре немедленно приступили к организации власти и укреплению своего политического положения. Победителем в борьбе за власть между отдельными группировками вышел князь Василий Иванович Шуйский, провозглашённый 19 мая 1606 г. царём небольшой кучкой бояр.

Новый царь не имел прочной социальной базы, на которую мог бы опереться. Бояре взяли с Василия Шуйского крестоцеловальную запись, которая гарантировала личную и имущественную безопасность высшего слоя класса феодалов и верхов посадского мира.

1 июня 1606 г. Шуйский венчался на царство. Тотчас же он осуществил ряд мероприятий с целью раскрыть обман Лжедмитрия и не допустить возможности выступления нового самозванца. «Убиенный» царевич Дмитрий был объявлен «святым чудотворцем», а его прах торжественно перенесён из Углича в Москву, в Архангельский собор. В грамотах, рассылаемых по городам, Шуйский, обосновывая свои права на престол, указывал на своё родство с прежним царским домом и на якобы состоявшееся избрание его на царство всеми людьми Русского государства.

Однако эти мероприятия Шуйского успеха не имели. В Москве очень скоро начали распространяться слухи о спасении Лжедмитрия I, вместо которого будто бы был убит кто-то другой.

Реакционная политика правительства Шуйского, стремившегося обеспечить привилегированное положение боярству и осуществлявшего дальнейшее наступление на крестьян, вызвала новый подъём народного движения. В самой Москве сначала в конце мая, а затем в середине июня и в июле 1606 г. произошли волнения низов посадского населения. Кремль был поспешно приведён в состояние боевой готовности. В это же время вспыхнуло восстание в Астрахани и на Тереке. Попытка правительства Шуйского подавить народное движение окончилась неудачей. Позднее на Тереке был выдвинут против Шуйского «царевич» Пётр, выдававший себя за сына царя Фёдора. Главный же очаг волнений находился на юго-западной окраине государства, на Северской Украине (Чернигово-Северский край).

3. Восстание Болотникова (1606—1607 гг.)

Начало восстания

Летом 1606 г. на Северской Украине началось одно из самых крупных крестьянских восстаний феодальной Руси. Главной силой восстания были закрепощённые крестьяне и холопы. Вместе с ними против феодального гнёта поднялись казаки, посадские люди и стрельцы пограничных (украинных) городов.

Восстание не случайно началось на юго-западе Русского государства. Здесь в большом числе скопились беглые крестьяне и холопы, искали убежища уцелевшие участники восстания Хлопка. Население этого района, в частности население обширной и многолюдной Комарицкой волости, расположенной невдалеке от границы, уже выступало против Годунова и поддержало Лжедмитрия I. Борис Годунов ответил на это полным разорением волости. В такой обстановке легко могло возникнуть новое восстание. Выдающуюся роль в восстании Болотникова сыграли крестьяне Комарицкой волости, ставшей одним из основных центров движения. Активно участвовало в нём и посадское население.

Вместе с русским крестьянством против феодальных порядков выступили и трудящиеся массы многонационального населения Среднего Поволжья — марийцы, мордва, чуваши, татары.

Иван Исаевич Болотников был военным холопом князя Телятевского, что помогло ему приобрести профессиональные навыки и знание военного дела. В молодости Болотников бежал от Телятевского в степь к казакам. Он был захвачен в Диком Поле татарами, которые продали его в рабство в Турцию, где Болотников стал невольником на галере. Из невольничества он был освобождён во время поражения турок в морском бою и привезён в Венецию. Отсюда через Германию и Польшу он вернулся на родину. Летом 1606 г. он появился на «московском рубеже» в тот момент, когда на Северской Украине быстро нарастало народное движение, вождём которого он стал. Сохранившиеся показания современников рисуют Болотникова мужественным, энергичным вождём, человеком, способным пожертвовать за народное дело своей жизнью, талантливым полководцем.

Поход на Москву

Восстание, начавшееся летом 1606 г., быстро распространялось на новые районы. Население городов и деревень южной окраины Русского государства присоединялось к восставшим.

В июле 1606 г. Болотников начал поход на Москву из Путивля через Комарицкую волость. В августе под Кромами восставшие одержали крупную победу над войсками Шуйского; она открыла дорогу на Орёл. Другим центром развернувшихся военных операций был имевший важное стратегическое значение Елец, который примкнул к восставшим. Попытка осадивших Елец царских войск взять город окончилась неудачей. Победой восставших под Ельцом и Кромами завершается первый этап похода на Москву.

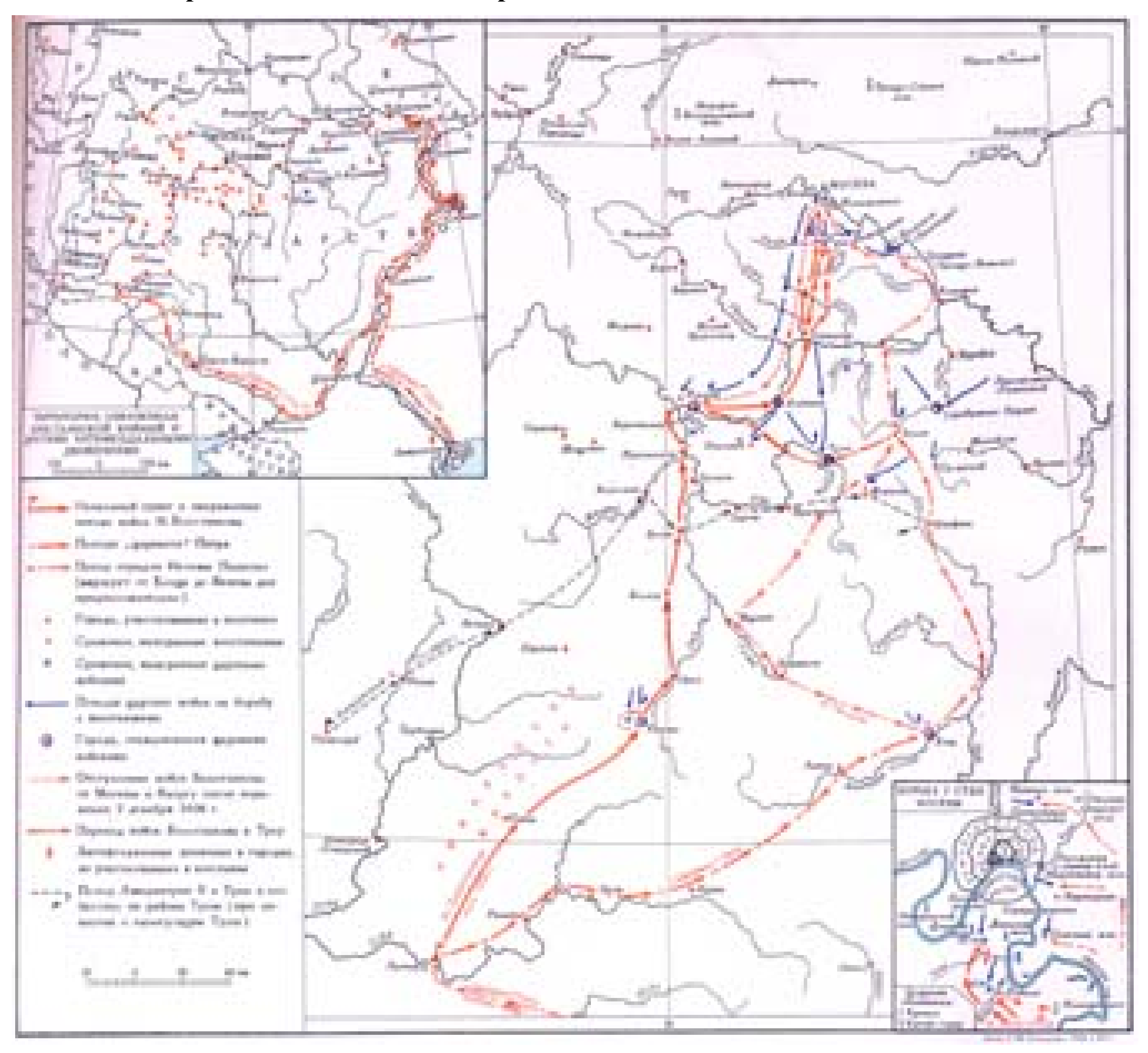
23 сентября 1606 г. Болотников одержал победу под Калугой, где сосредоточивались основные силы армии Шуйского. Это событие имело огромное значение для дальнейшего хода борьбы. Оно открывало восставшим путь на Москву, вызывало распространение восстания на новые большие районы, вовлекало в восстание новые слои населения.

Осенью к отрядам Болотникова, продвигавшимся по направлению к столице, присоединились служилые землевладельцы. Рязанские дворяне-помещики пришли во главе с Григорием Сумбуловым и Прокопием Ляпуновым, а тульские и венёвские — под предводительством сотника Истомы Пашкова. Увеличение армии Болотникова за счёт дворянских дружин сыграло отрицательную роль. Дворяне присоединились к Болотникову только из желания воспользоваться крестьянским движением как средством для борьбы с правительством царя Василия Шуйского. Социальные же интересы дворянства были противоположны интересам основной массы восставших.

Цели восставших

Главной задачей восстания являлось уничтожение крепостнических отношений, ликвидация феодальной эксплуатации и гнёта. В этом заключался смысл тех призывов, с которыми Болотников обращался в своих «листах» (прокламациях) к «боярским холопам» и бедноте Москвы и других городов. Призывы Болотникова сводились к тому, чтобы восставшие горожане «побивали бояр... гостей и всех торговых людей», а крестьяне растравлялись бы с феодалами в деревне, захватывали их земли и ликвидировали крепостническую зависимость. Политическим лозунгом восстания Болотникова было провозглашение царём «царя Дмитрия». Вера в него была присуща не только рядовым участникам восстания, но и самому Болотникову, называвшему себя лишь «большим воеводой» «царя Дмитрия». Этот идеальный «царь Дмитрий» не имел ничего общего с польским ставленником Лжедмитрием I. Лозунг «хорошего» царя представлял собой своеобразную крестьянскую утопию.

Крестьянская война под предводительством И. И. Болотникова

Расширение территории восстания

В период похода на Москву к восставшим присоединялись новые города и области. Сначала примкнули к восставшим северские, польские и украинные города (расположенные на юго-западной границе Русского государства), а затем рязанские и береговые города (прикрывавшие Москву с юга); позже восстанием были охвачены города, лежавшие у литовской границы, — Дорогобуж, Вязьма, Рославль, тверские пригороды, заокские города — Калуга и др., низовые города — Муром, Арзамас и др. К моменту прихода войска Болотникова к Москве восстанием было охвачено свыше 70 городов.

Одновременно с восстанием Болотникова развёртывается борьба на северо-востоке в городах Вятско-Пермского района, на северо-западе — в Пскове и на юго-востоке — в Астрахани. Общей чертой событий в городах всех трёх районов была борьба между высшими и низшими слоями посада, явившаяся результатом классовых противоречий внутри городского населения. В городах Вятско-Пермского района в 1606 г. население городов расправлялось с представителями царской администрации, посылаемыми сюда для сбора «даточных» людей и денежных налогов. Одновременно произошли выступления горожан против верхушки посада, в частности старост, избиравшихся из числа «лучших людей».

Наиболее острой и яркой была борьба в Пскове. Здесь она развернулась между «большими» и «меньшими» людьми. Борьба псковских «меньших» людей носила ярко выраженный патриотический характер. «Меньшие» люди весьма решительно противодействовали планам изменников — «больших» людей, намеревавшихся отдать Псков шведам. Открытая борьба «больших» и «меньших» людей началась во второй половине 1606 г., закончилась же она значительно позднее подавления восстания Болотникова.

Одним из крупнейших центров борьбы во время восстания Болотникова была Астрахань. Астраханские события далеко выходили за хронологические рамки восстания Болотникова. Правительству удалось подавить это движение лишь в 1614 г., начало же открытой борьбы в Астрахани относится ещё к последнему году царствования Годунова. Астрахань являлась одним из самых стойких центров борьбы. Восстание в городе было направлено не только против дворян, но и против торговых людей. Движущей силой астраханского восстания была беднейшая часть городского населения (холопы, ярыжки, работные люди), кроме того, в восстании активную роль играли стрельцы и казаки. Выдвинутые астраханскими низами «царевичи» (один холоп, а другой пашенный крестьянин) коренным образом отличались от таких самозванцев, как Лжедмитрий I и впоследствии Лжедмитрий II, являвшихся ставленниками иностранных интервентов.

Отсутствие связи между восставшим населением отдельных городов лишний раз подчёркивает стихийный характер восстания Болотникова.

Осада Москвы

Продвигаясь от Калуги, восставшие одержали победу над войсками Василия Шуйского у села Троицкого (под Коломной) и в октябре подошли к Москве. Осада Москвы явилась кульминационным пунктом восстания. Положение в осаждённой столице было крайне напряжённым вследствие обострения классовых противоречий среди населения Москвы. Ещё до прихода Болотникова правительство, боясь народных масс, заперлось в Кремле. Осада ещё более обострила обстановку. В Москве появились прокламации («листы») Ивана Болотникова, в которых он призывал население к сдаче города. Болотников посылал в Москву своих верных людей, перед которыми ставил задачу поднимать народные массы на борьбу. Однако уже в этот период сказались слабые стороны восстания, приведшие затем к его спаду и подавлению.

Отряды Болотникова не были ни однородны по своему классовому составу, ни едины по своей организации. Их основное ядро составляли крестьяне, холопы и

казаки, которые и в дальнейшем остались верными Болотникову и сражались до конца. Присоединявшиеся же к Болотникову по мере его продвижения к Москве дворяне изменили на определённом этапе восстания и перешли на сторону правительства Василия Шуйского.

Осаждавшая Москву армия Болотникова насчитывала в своих рядах около 100 тыс. человек. Она распадалась на полусамостоятельные отряды, имевшие во главе своих воевод (Сумбулов, Ляпунов, Пашков, Беззубцев). Иван Болотников был «большим воеводой», осуществлявшим верховное командование.

Правительство Шуйского предприняло ряд мер с целью разложения армии Болотникова. В результате этого изменили Болотникову случайные попутчики и дворянско-помещичьи элементы — рязанцы во главе с Ляпуновым и Сумбуловым. Позднее изменил Болотникову Истома Пашков. Это был крупный успех Василия Шуйского в борьбе с Болотниковым.

Поражение Болотникова под Москвой

27 ноября Василию Шуйскому удалось нанести поражение Болотникову, а 2 декабря выиграть решающее сражение у деревни Котлы. Поражение Болотникова под Москвой произошло в результате изменения соотношения сил борющихся сторон. В конце ноября Шуйский получил большое подкрепление: на помощь ему подошли смоленские, ржевские и другие полки. В армии Болотникова также произошли изменения, ослабившие её: к этому времени относится измена Истомы Пашкова, перешедшего 27 ноября на сторону Шуйского вместе со своим отрядом. Поражение Болотникова 2 декабря коренным образом изменило обстановку в стране: оно означало снятие осады Москвы, переход инициативы в руки воевод Шуйского. Царь жестоко расправился с захваченными участниками восстания. Однако борьба восставших крестьян и холопов не прекратилась.

Калужский период восстания

После поражения под Москвой главными базами восстания становятся Калуга и Тула. Район, охваченный восстанием, не только не уменьшился, а, наоборот, расширился, включив в себя города Поволжья. В Поволжье против крепостников выступили татары, мордва, мари и другие народы. Таким образом, борьба шла на большой территории. Особенно острым было положение в районе Рязани — Брянска и в Среднем Поволжье, не затухала борьба и в Новгородско-Псковской области, на Севере и в Астрахани. Кроме того, возникшее на Тереке движение, возглавлявшееся самозванцем «царевичем» Петром, мнимым сыном Фёдора Ивановича (это имя принял Илья Горчаков, происходивший из посадских людей города Мурома), к началу 1607 г. переросло рамки чисто казацкого выступления и слилось с восстанием Болотникова. Правительство Шуйского стремилось подавить все центры и очаги восстания. Болотников был осаждён в Калуге войсками Шуйского. Безуспешная осада Калуги продолжалась с декабря 1606 г. по начало мая 1607 г. Во втором важнейшем центре восстания — Туле находился «царевич» Пётр.

Безуспешность попытки Василия Шуйского одним ударом завершить разгром восстания Болотникова показала, что, несмотря на поражение под Москвой, силы восставших были далеко ещё не сломлены. Поэтому продолжая борьбу против основных сил Болотникова под Калугой, правительство Шуйского одновременно принимает меры и для подавления восстания в других районах.

Борьба под Калугой завершилась в мае 1607 г. битвой на реке Пчельне, где войска Шуйского были наголову разбиты и бежали. Поражение войск Шуйского и снятие осады Калуги означало огромный успех восстания Болотникова. Это привело к острому конфликту между царём и боярами, требовавшими отречения Василия Шуйского.

После поражения войск Шуйского на Пчельне и снятия осады с Калуги Болотников отошёл к Туле и объединился там с «царевичем» Петром.

За это время Шуйскому удалось собрать новые силы и достигнуть временного

соглашения между основными группами господствующего класса — боярами и дворянами. Поддержка дворянства была получена Шуйским благодаря ряду мероприятий,

Одним из важнейших среди них было законодательство по крестьянскому вопросу. Дело сыска беглых крестьян в результате противоречивого законодательства Бориса Годунова и Лжедмитрия I находилось в очень запутанном состоянии. Из-за беглых крестьян шла острая борьба между землевладельцами. Уложение 9 марта 1607 г., являвшееся основным законодательным актом правительства Шуйского по вопросу о крестьянах, имело своей целью пресечение крестьянских переходов от одного землевладельца к другому. Уложение устанавливало 15-летний срок для сыска беглых крестьян. Издание этого закона отвечало требованиям землевладельцев и в первую очередь помещиков. Оно должно было повлечь за собой прекращение острой борьбы из-за беглых крестьян между отдельными группами землевладельцев, а, следовательно, и объединить их для борьбы с Болотниковым. Законодательство Шуйского, укрепляя крепостничество, ухудшало положение крестьян. Политика Шуйского в отношении крестьян и холопов была подчинена целям подавления восстания Болотникова.

21 мая 1607 г. Василий Шуйский начал новый поход против Болотникова и «царевича» Петра, закрепившихся в Туле. В Серпухове были сосредоточены войска, предназначенные для осады Тулы, во главе которых стал сам царь. Первая встреча царских войск с отрядами Болотникова произошла на реке Восьме и закончилась поражением восставших. Неудачным для Болотникова было и сражение на реке Вороньей (в 7 *км* от Тулы). Шуйский начал осаду Тулы, четырёхмесячная оборона которой явилась заключительным этапом в истории восстания Болотникова.

Несмотря на численное превосходство войск Шуйского, осаждённые мужественно защищали Тулу, отражая все штурмы врага. Осенью на реке Упе осаждающими была сделана плотина, вызвавшая наводнение. Вода залила в Туле погреб с боеприпасами, испортила хлебные и соляные запасы. Но и положение Василия Шуйского под Тулой было сложным. В стране шла непрекращающаяся борьба крестьян и холопов. Появился новый самозванец, объявивший себя в городе Стародубе-Северском «царём Дмитрием». Этот авантюрист, выдвинутый враждебными Русскому государству польскими феодалами, широко использовал социальную демагогию, пообещав крестьянам и холопам «вольность». Имя «царя Дмитрия» первоначально привлекало к самозванцу широкие народные массы. В сентябре 1607 г. Лжедмитрий II начал поход из Стародуба на Брянск.

В этих условиях Шуйский предпринял переговоры с защитниками Тулы о капитуляции, обещав сохранение жизни осаждённым. Истощённый гарнизон Тулы сдался 10 октября 1607 г., поверив ложным обещаниям царя. Падение Тулы было концом восстания Болотникова. Закованные в железо Болотников и «царевич» Пётр были доставлены в Москву.

Сразу же по возвращении Василия Шуйского в Москву «царевич» Пётр был повешен. На расправу же с подлинным вождём восстания Иваном Болотниковым Шуйский решился лишь через полгода после взятия Тулы. Иван Болотников был отправлен в Каргополь и там в 1608 г. был сначала ослеплён, а затем утоплен.

Историческое значение восстания Ивана Болотникова

Восстание Болотникова, охватившее огромную территорию, является первой крестьянской войной в России. Крепостные крестьяне составляли основную движущую силу восстания. Причины, вызвавшие его, коренились в тех отношениях, которые существовали между крестьянством и феодалами-землевладельцами. Восстание Болотникова относится ко времени резкого усиления крепостнической эксплуатации крестьянства, юридического оформления крепостного права.

Осуществление целей восставших под руководством Болотникова крестьян и низов посада могло бы привести к существенным социальным переменам в жизни страны, к ликвидации крепостнического строя.

Крестьянские восстания эпохи феодализма (в том числе и восстание Болотникова) носили стихийный характер. Это выражалось, в частности, в том, что восставшие не имели программы переустройства общества. Они стремились разрушить существующий крепостнический строй, но не знали, как построить новый. Вместо этого они выдвинули лозунг замены одного царя другим. Отсутствие ясной программы ограничило задачу движения борьбой с конкретными носителями угнетения в той или иной местности без установления сколько-нибудь прочной связи между различными очагами восстания, вызывало организационную слабость движения. Отсутствие класса, способного возглавить это движение, преодолеть его стихийный характер, выработать программу движения и придать ему организационную крепость, определило и самый исход восстания. Ни мужество участников восстания, ни таланты руководителей не могли устранить его слабых сторон, обусловленных самой природой восстания.

Великая заслуга восставших в 1606 г. заключалась в том, что они развернули первую в России крестьянскую войну против феодального гнёта.

4. Усиление польской интервенции. Шведская интервенция

Неудача авантюры Лжедмитрия I, а также начавшееся в Польше восстание части шляхты («рокош») против короля Сигизмунда III на время сковали агрессивную политику польского правительства. Положение изменилось, когда «рокошане» летом 1607 г. были разбиты гетманом Жолкевским. С этого момента начинается новый этап в развитии польской интервенции.

Лжедмитрий II— новый ставленник польских интервентов

Вместо погибшего Лжедмитрия I шляхетско-панская Польша выдвинула нового авантюриста, известного под именем Лжедмитрия II. В июле 1607 г. самозванец, выдававший себя за царевича Дмитрия, якобы спасшегося в 1606 г., появился в пограничном городе Стародубе. Он прибыл из Речи Посполитой, где до того сидел в тюрьме.

В сентябре 1607 г., когда Тула ещё оборонялась против войск Василия Шуйского, Лжедмитрий II с отрядом польских шляхтичей двинулся из Стародуба к верховьям Оки. Падение Тулы в октябре 1607 г. заставило Лжедмитрия II бежать в район Севска (Комарицкую волость). Отсюда он вновь стал продвигаться к северу и в начале 1608 г. задержался в Орле, где стал собирать войска. В течение зимы и лета 1607—1608 гг. вокруг Лжедмитрия II собрались значительные польско-литовские отряды. Родственник литовского канцлера Льва Сапеги — Ян Сапега с разрешения короля открыто собирал войска для нового похода. Польское правительство, стремясь избавиться от участников шляхетского восстания — «рокошан», давало им возможность уйти в пределы Русского государства. Так в армии Лжедмитрия II оказался один из участников «рокоша», Лисовский. За крупными польскими панами — князьями Рожинским, Вишневецким (бывший покровитель Лжедмитрия I) и другими тянулись мелкие польские и литовские шляхтичи и всякие авантюристы.

Помимо основного польско-литовского военного ядра к Лжедмитрию II стали присоединяться те, кто продолжал борьбу с правительством Шуйского. В Чернигово-Северских городах к нему примкнули мелкие служилые люди, потом подошли отряды казаков, ещё позже присоединились остатки разбитых отрядов Болотникова, в том числе атаман Заруцкий, ставший предводителем казачьих отрядов.

Разбив весной 1608 г. царские войска под Болховом, отряды Лжедмитрия II 1 июня подошли к Москве и начали её осаду.

Главная ставка интервентов была устроена в 12 *км* от Москвы, в селе Тушине. Поэтому за Лжедмитрием II утвердилось прозвище «тушинский вор». Вскоре в Тушинском лагере оказалась Марина Мнишек, «признавшая» в новом самозванце своего покойного мужа Лжедмитрия I. В лагерь стали поодиночке и целыми группами вливаться московские служилые люди, а также отдельные представители боярских ро-

дов, недовольные Василием Шуйским, — Трубецкие, Романовы и др. В Тушине образовался свой царский двор, боярская дума. Фактическая же власть в Тушинском лагере принадлежала «комиссии децемвиров», состоявшей из 10 польских шляхтичей. Римско-католическая церковь внимательно следила за тем, что происходило в России, в надежде использовать Лжедмитрия II для своих целей. Боярско-дворянская группа в Тушинском лагере численно увеличивалась. Крестьяне же и холопы, приставшие к Лжедмитрию II после разгрома восстания Болотникова, наоборот, отходили от него. Политика властей Тушинского лагеря и действия польских отрядов показали трудовому населению подлинное лицо тушинского «царика», который являлся игрушкой в руках польской знати и части московских бояр, связавшей свою судьбу с интервентами.

Не будучи в силах овладеть Москвой, тушинцы приступили к её блокаде. Они принялись расширять район своих операций. В первое время население некоторых городов, выступавшее против боярского правительства Шуйского, добровольно переходило на сторону Лжедмитрия II. Очень скоро дальнейшее расширение территории стало возможно лишь путём вооружённого захвата городов. Особенно привлекал тушинцев ряд богатых северных и волжских городов: Ростов, Суздаль, Владимир, Ярославль, Вологда и др. К осени 1608 г. они захватили и разграбили 22 города.

Правительство Шуйского, неспособное возглавить борьбу с интервентами, всё более и более теряло влияние в стране. Именно в этот период в ряде районов (Псков, Поволжье, Поморье, Западная Сибирь) развернулась борьба против крепостнического угнетения и олицетворявшего его правительства Шуйского.

Тушинцы подвергали ограблению не только захваченные города, с не меньшим усердием они грабили крестьян. Лжедмитрий 11 раздавал сельские местности и города своим приверженцам, подвергавшим население полному разорению. Перед русским народом раскрывалась действительная роль польского авантюриста Лжедмитрия II. На насилия тушинцев горожане и крестьяне уже в конце 1608 г. ответили стихийно поднявшейся народной войной.

Центрами народного движения были крупные города: Новгород Великий, Вологда, Великий Устюг, Нижний Новгород и др. В конце ноября 1608 г. восстание охватило уже ряд поморских и поволжских городов. В течение зимы 1608/09 г. во многих городах создавались вооружённые отряды из посадских людей и окрестных крестьян. Во главе этих отрядов обычно становились стрельцы, казаки, посадские люди, крестьяне и холопы. Предводителем одного такого крестьянского отряда был холоп Василия Шуйского Семён Свистунов. Города обменивались грамотами и призывали друг друга крепко стоять против захватчиков. Плохо вооружённые крестьяне и посадские люди, хотя и не могли очистить страну от захватчиков, всё же затрудняли интервентам грабёж русской земли. Крестьяне и посадские люди нападали на отдельные отряды интервентов, а затем уходили от их преследований в лесные дебри. Примером героической борьбы с захватчиками является оборона Троице-Сергиева монастыря. Крестьяне, собравшиеся за стенами этого монастыря, упорно оборонялись в течение 16 месяцев (сентябрь 1608 — январь 1610 г.) от 15-тысячного отряда интервентов. Большие людские потери, безрезультатность многочисленных штурмов вынудили интервентов снять осаду. Оборона Троице-Сергиева монастыря свидетельствовала о высоком патриотическом подъёме народных масс.

Переход Речи Посполитой к открытой интервенции

В 1609 г. польский король Сигизмунд III, окончательно убедившись в том, что Лжедмитрий II не в состоянии овладеть Москвой, решил начать открытое вторжение в пределы Русского государства. На Сигизмунда III повлияло также заключение в феврале 1609 г. договора между правительством Шуйского и шведским королём Карлом IX. По этому договору шведы при условии уступки Русским государством Корелы с уездом и его отказа от притязаний на Ливонию выделили Василию Шуйскому 15-тысячный отряд. Ведший переговоры со шведами племянник царя князь Михаил Скопин-Шуйский во главе собранного

им русского войска и при участии шведского отряда (кроме небольшого числа шведских солдат в него входили наёмники из разных стран Европы) начал в 1609 г. наступление от Новгорода к Москве. В наиболее важный момент шведы отказались участвовать в военных действиях на стороне правительства Шуйского и потребовали выплаты денег и очищения города Корелы от русского гарнизона. Скопину-Шуйскому удалось с помощью восставшего против Лжедмитрия II населения ряда городов очистить от тушинцев значительную территорию, подойти к Москве и освободить её от осады. Успехи воеводы Скопина-Шуйского и народная борьба с захватчиками предопределили полную неудачу польской авантюры, связанной с именем Лжедмитрия II.

М. В. Скопин-Шуйский.
Портрет работы неизвестного художника. XVII в.

С весны 1609 г. в Польше началась деятельная подготовка к большому походу против России. При королевском дворе происходила детальная разработка плана военных операций, в пограничных районах сосредоточивались войска. В середине сентября 1609 г. польские войска перешли русскую границу и появились у ворот Смоленска.

Польская шляхта хвастливо уверяла, что старая русская крепость Смоленск падёт быстро. Однако Смоленск оказал героическое сопротивление. Его осада длилась 20 месяцев. Обороной города руководил воевода М. Б. Шеин.

Всё население Смоленска, как местное, так и укрывшееся за его стенами, было вооружено, организовано в военные отряды и несло службу на городских укреплениях, отражая приступы врагов.

Большинство смоленских дворян участвовало в борьбе с интервентами. Наиболее же активной силой в обороне города были посадские люди и укрывшиеся за крепостными стенами окрестные крестьяне.

Начав открытую интервенцию, Сигизмунд III предложил полякам, находившимся в Тушине, присоединиться к его войску. Часть польских отрядов ушла к королю. Боярская группа тушинцев пошла на сговор с Сигизмундом и заключила с ним 4 февраля 1610 г. договор, по которому польский королевич Владислав должен был стать русским царём. Произошёл полный развал тушинского лагеря. «Тушинский вор», как называли Лжедмитрия II, бежал в Калугу, где он был убит в конце 1610 г. одним из своих сообщников.

Предательство семибоярщины и захват Москвы интервентами

Сигизмунд III, не снимая осады Смоленска, двинул к Москве значительное войско во главе с гетманом Жолкевским. В июне 1610 г. Жолкевский разбил около села Клушина войска Василия Шуйского. Путь к Москве оказался открытым для польских отрядов.

17 июля 1610 г. дворяне во главе с Захаром Ляпуновым свергли Василия Шуйского. Однако власть была захвачена большой группой родовитых бояр во главе с

Осада поляками Смоленска в 1609—1611 гг.
Гравюра начала XVII в.

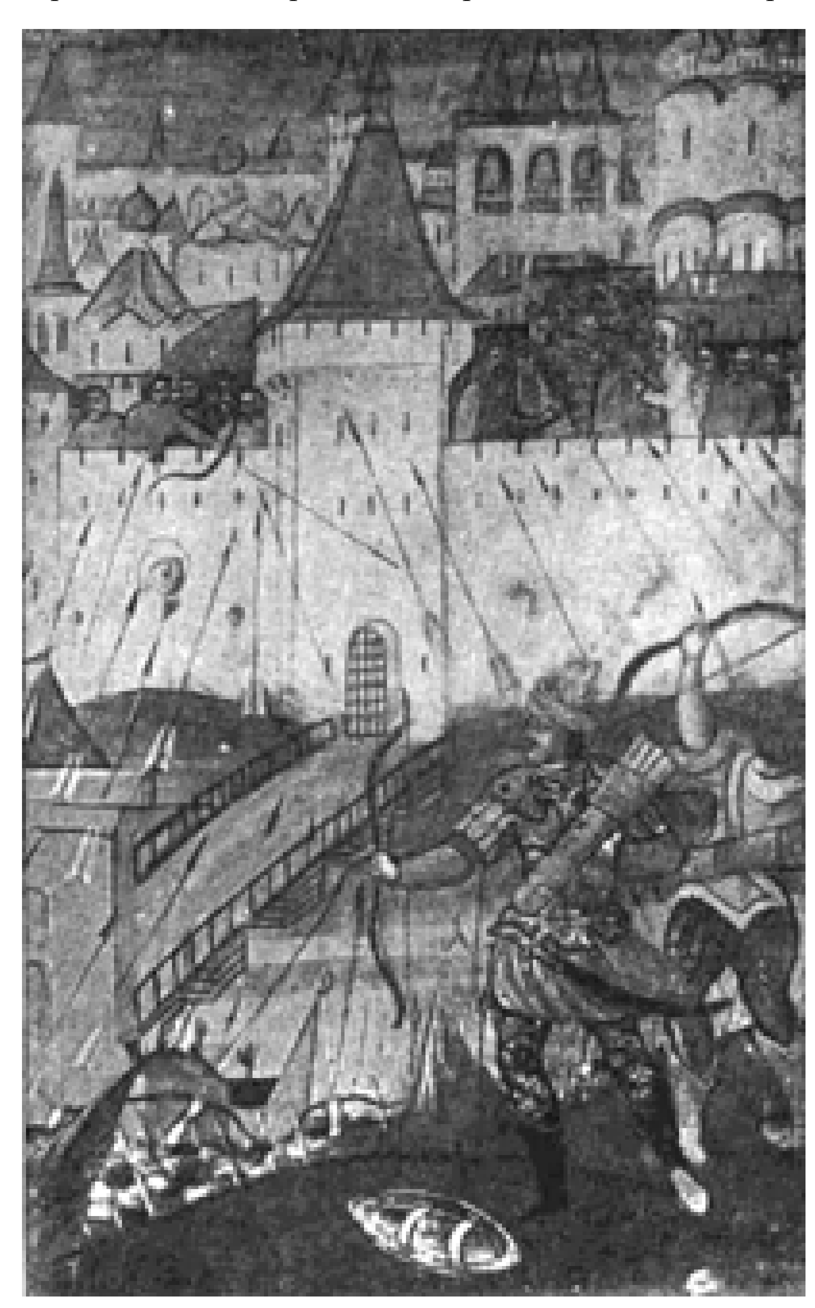
князем Мстиславским, образовавшей правительство из 7 представителей крупной феодальной знати, так называемое правительство седьмочисленных бояр.

Боярское правительство, неспособное подняться выше своих групповых интересов, предало интересы родины и заключило в августе 1610 г. договор с Сигизмундом III, по которому согласилось признать царём его сына, королевича Владислава, и впустить польские войска в столицу. Москва в конце сентября была занята польским гарнизоном, начальником которого стал А. Гонсевский.

Боярское правительство фактически не пользовалось никакой властью. В Москве началось хозяйничанье польских захватчиков. Они беспощадно грабили и избивали жителей, издевались над русскими обычаями, разворовывали ценности, собранные в дворцах и церквах. В правящих кругах Речи Посполитой при поддержке русских изменников подготовлялось провозглашение царём Сигизмунда III с целью полного подчинения Русского государства. В столице всё более росло негодование против иноземных захватчиков.

После занятия Москвы войсками Сигизмунда III пал Смоленск. Падение Смоленска произошло 3 июня 1611 г., после почти двухлетней осады.

Шведская интервенция Трудное положение Русского государства попытался использовать северо-западный сосед России — Швеция. Ожесточённая борьба с Польшей помешала шведам открыто вмешаться в русские дела в первые годы иностранной интервенции. Шведское правительство прибегает в это время к тайному подкупу и дипломатическому давлению. Карл IX пытался путём подкупа склонить русских воевод городов Корелы, Орешка и Ивангорода перейти на шведскую сторону. Однако эта попытка успеха не имела. В 1605 г. шведское правительство предлагало Борису Годунову вооружённую «помощь» для борьбы с шляхетской Польшей, рассчитывая в связи с этим получить исконные русские земли — западную часть Ижорской земли и Корельский уезд.

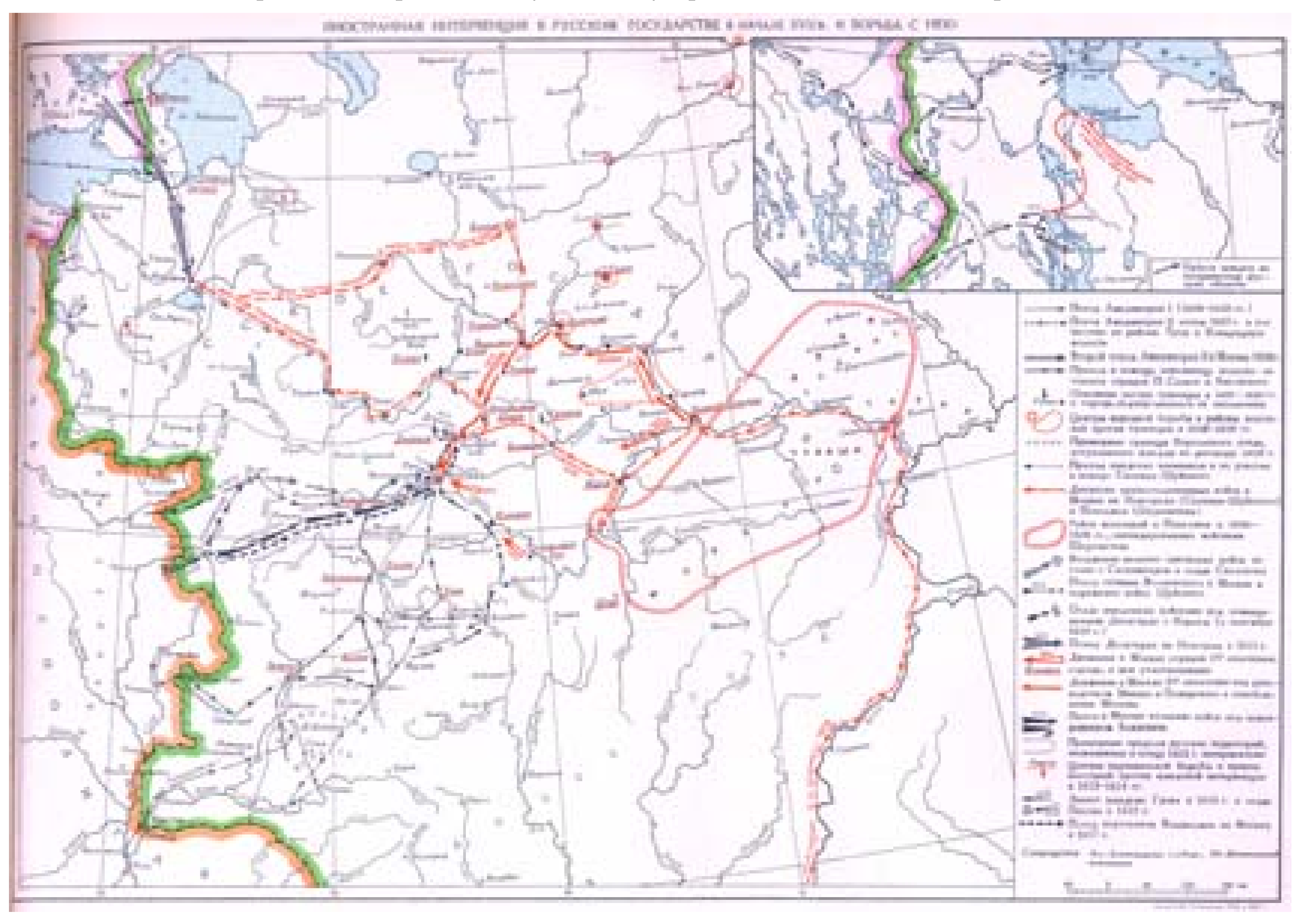
Оборона Новгорода от шведов в 1611 г.
Деталь иконы XVII в.

В 1608 г., когда положение Шуйского было критическим, он решил воспользоваться давно предлагаемой помощью шведов. Обращение Шуйского было расценено в Швеции как удобный случай для осуществления её захватнических планов. Присланный из Швеции военный отряд, как ранее отмечалось, принимал участие в наступательных действиях войска Скопина-Шуйского.

Свержение Василия Шуйского и временное отсутствие прочной государственной власти в Москве создали исключительно благоприятные условия для перехода шведов к открытой интервенции. В июле 1610 г. шведы вторглись на территорию Корельского уезда. С сентября началась осада Корелы, длившаяся полгода. Мужественный гарнизон Корелы отвлёк на себя всё внимание и военные силы интервентов. Подобно тому как оборона Смоленска задержала развёртывание польской интервенции, так и оборона Корелы задержала осуществление планов шведских захватчиков, облегчила подготовку освободительного движения русского народа.

После овладения Корелой и Корельским уездом летом 1611 г. шведы начали военные операции в Новгородской земле. Карл IX и его преемник, ставший королём Швеции в 1611 г., Густав Адольф мечтали о захвате не только погранич-

Иностранная интервенция в Русском государстве в начале XVII в. и борьба с нею

ного Корельского уезда и Ижорской земли, но и всего русского севера, включая Беломорскую Карелию, Кольский полуостров, Подвинье. Захват русского севера с такими пунктами, как Кола, Сумский острог, Печенгский монастырь, выход шведов к берегам Балтийского и Белого морей отрезал бы Русское государство от морских путей и поставил его в зависимость от Швеции.

В начале лета 1611 г. шведский полководец Делагарди с многочисленным войском двинулся к Новгороду Великому. В результате неожиданного нападения в июле 1611 г. шведы захватили Новгород и оккупировали всю Новгородскую землю. К середине 1612 г. на всём северо-западе страны шведы не смогли занять только Псков и его пригород Гдов. Во всех завоёванных городах были поставлены шведские гарнизоны. В 1612 г., когда в качестве претендента на русский престол был выдвинут шведский королевич, правительство Швеции приостановило активные военные действия. Оно возобновило их в 1613 г.

5. Борьба русского народа за независимость. Разгром интервентов

После того как при содействии изменивших интересам родины «седьмочисленных бояр», признавших русским царём королевича Владислава, Москву захватили польские интервенты, а Новгород Великий оказался в руках шведских оккупантов, борьба народных масс за независимость быстро приобрела широкий размах. Народное движение принимало разные формы. В одних случаях посадские люди и крестьяне «садились в осаду», как это было в Троице-Сергиевом монастыре, Смоленске и других городах. В других случаях население бежало в леса, и враг не мог найти в занятых им деревнях ни продовольствия, ни фуража, ни проводников. Нередко оно начинало партизанскую борьбу, не давая врагу передышки ни на минуту. Наконец, создавались народные ополчения.

Первое ополчение

В районах, менее опустошённых тушинцами и отрядами польских захватчиков и населённых по преимуществу черносошным крестьянством и посадскими людьми, началось движение за организацию широкой народно-освободительной борьбы с интервентами.

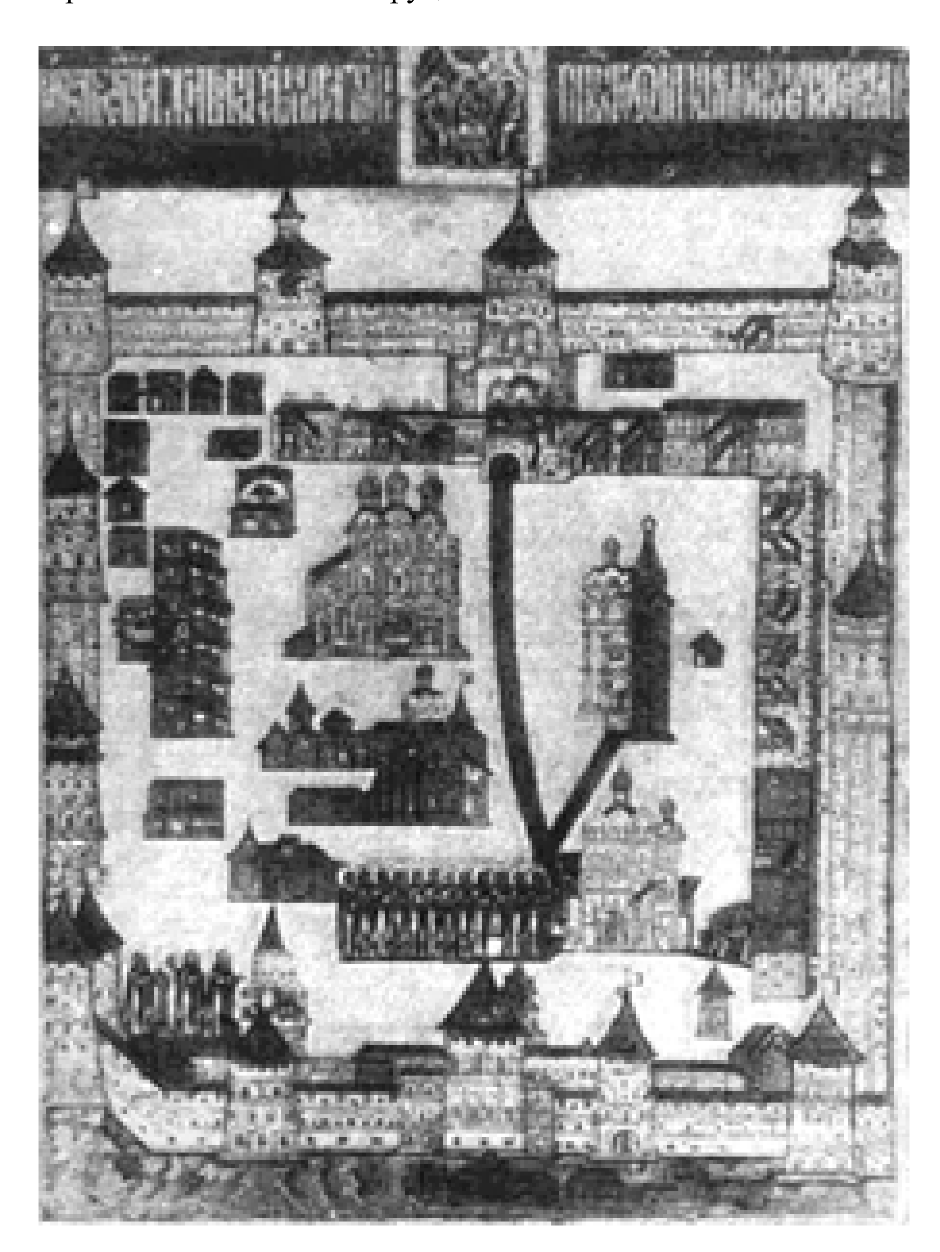
Организаторами народного движения были крестьянские и посадские «миры». Уже к концу 1610 г. всё более зрели предпосылки для подъёма этого движения. В Москве освободительное движение начало крепнуть после свержения Василия Шуйского. В конце 1610 и в начале 1611 г. в столице появляются воззвания, призывающие к вооружённой борьбе с польскими захватчиками. («Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском» и др.). В это же время против польской власти выступил глава православной церкви патриарх Гермоген.

Интервенты знали о развёртывании широкого народного движения в стране и о росте возмущения в Москве. Ими были приняты меры предосторожности. В Москве у населения отобрали не только оружие, но и топоры. Каждый въезжавший в Москву воз тщательно осматривался. Хождение по улицам ночью было запрещено. Но это не ликвидировало, а, наоборот, усиливало озлобление против захватчиков. Население Москвы отказывалось продавать им продовольствие, на улицах постоянно происходили вооружённые столкновения. Интервенты боялись появляться на улицах Москвы в одиночку.

В начале 1611 г. в Рязани и Нижнем Новгороде начало собираться ополчение, ставившее своей целью изгнание из России польских интервентов.

Начавшись в Рязани, движение в короткий срок охватило всю область к югу от Оки. Оно распространилось также из Нижнего Новгорода по всему Поволжью. Города посылали друг другу грамоты с призывами начать борьбу и создать ополчение. Движение возглавил рязанский воевода Прокопий Ляпунов. К Ля-

пунову присоединились тульские, калужские, северские и украинные служилые люди — дворяне, дети боярские, казаки. К ополчению примкнули некоторые военные отряды, служившие ранее царю Василию Шуйскому, а также остатки вооружённых сил распавшегося Тушинского лагеря во главе с Иваном Заруцким и князем

Троице-Сергиев монастырь.
Деталь иконы XVII в.

Дмитрием Трубецким. Для ополчения Ляпунова характерна разъединённость, обособленность отдельных отрядов. В начале 1611 г. первое ополчение двинулось к Москве.

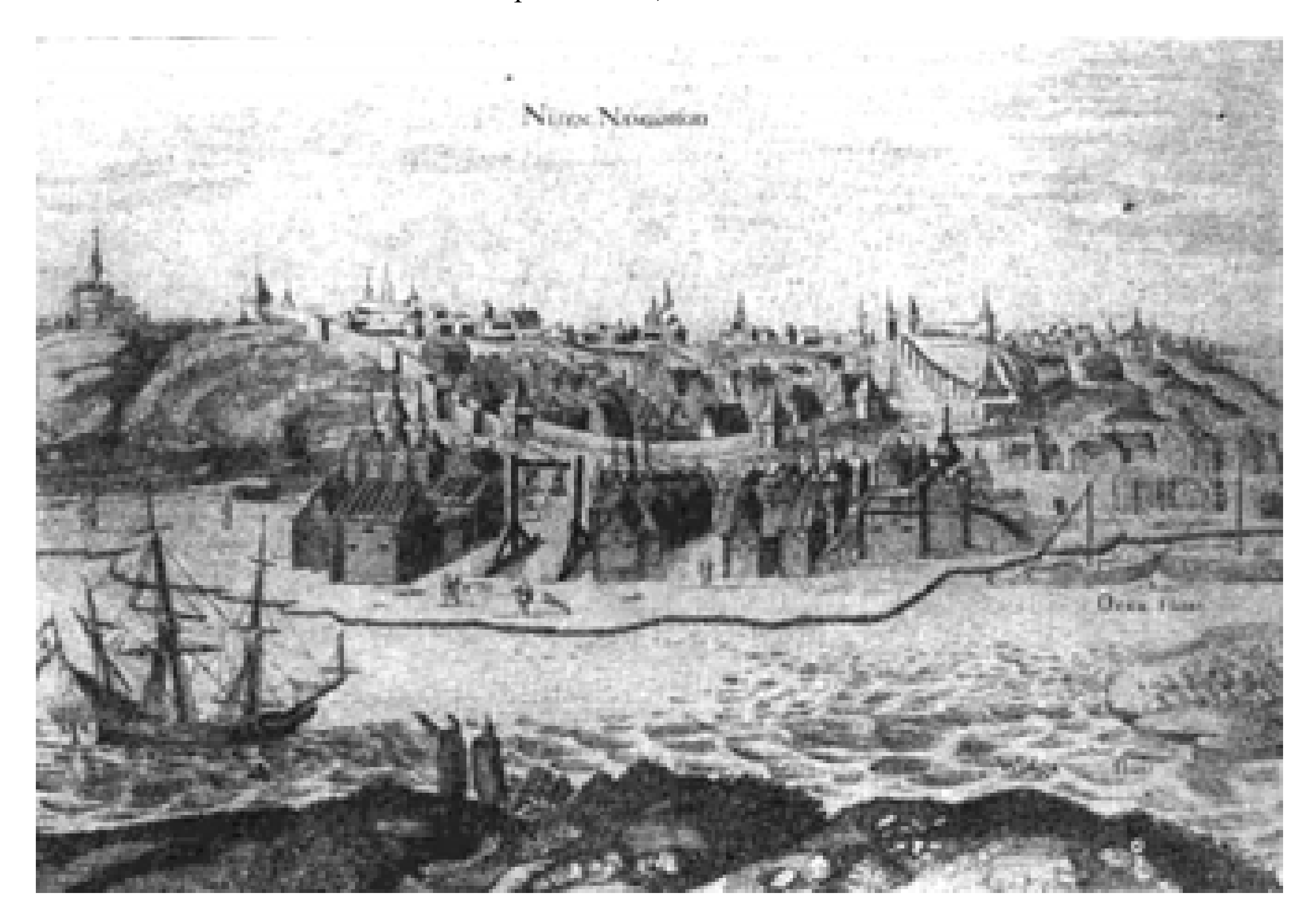
Восстание в Москве

Возмущение и отдельные выступления против иноземных захватчиков в Москве 19 марта 1611 г. переросли в восстание. Восстание начали посадские низы. Повстанцы захватили пушки, построили на улицах Москвы баррикады из возов и брёвен. На улицах развернулись ожесточённые бои. С крыш домов, с заборов, из окон в интервентов стреляли, бросали камни. Особенно сильное сопротивление захватчикам оказал отряд, которым командовал князь Дмитрий Пожарский. Он укрепился на Сретенке и превратил эту часть города в крепость. Во время сражения Пожарский был тяжело ранен и уве-

зён в Троице-Сергиев монастырь. Уличные бои шли в течение 19 и 20 марта. Польские захватчики подожгли Москву. Китай-город, Белый город и Замоскворечье были опустошены пожарами.

20 марта интервенты получили подкрепление, которое помогло им подавить восстание и произвести дикую расправу над жителями столицы.

Московское восстание 19—20 марта 1611 г., сожжение столицы и избие-

Нижний Новгород.
Гравюра из книги А. Олеария «Описание путешествия». 1656 г.

ние её жителей вызвали у русских людей бурный рост патриотизма. Ряды ополчения, подходившего к Москве, быстро пополнялись.

21 марта к Москве подошли передовые части ополчения. Отряд поляков под командованием Гонсевского попытался разбить ополченцев в открытом бою, но успеха не имел. 1 апреля многочисленные, но разношёрстные полки первого ополчения расположились вдоль стен Белого города и осадили вражеский гарнизон, запершийся в Китай-городе и в Кремле.

Ополчение состояло из разнородных социальных групп. В нём были сильны внутренние противоречия, которые оказались для него роковыми. Резко расходились классовые интересы служилых людей (дворян, детей боярских) и значительной массы казачества, а также крестьянства. Руководители отдельных частей ополчения — Ляпунов, Трубецкой и Заруцкий составили временное правительство, наибольшим влиянием в котором пользовался Ляпунов. Порядок управления страной был определён «Земским приговором» от 30 июня 1611 г. В этом приговоре нашли своё выражение дворянские интересы подчёркивалась ведущая роль дворянства в правительственном аппарате, уделялось большое внимание вопросам зе-

мельного обеспечения дворян и детей боярских, восстанавливался старый порядок управления государством. Крепостнический характер приговора ярко сказался в требовании возвращать беглых крестьян и холопов. Вместо обещанных Ляпуновым присоединившимся к ополчению холопам «воли» и «жалованья» приговор утверждал их крепостное состояние. Приговор внёс ещё больший разлад в ряды ополчения. Особенно он обострил взаимоотношения дворян и казаков. 22 июля 1611 г. казаки подняли бунт, во время которого был убит Ляпунов. Его смерть послужила поводом к распаду ополчения. Овладеть Москвой первому ополчению не удалось.

Под Москвой остались лишь казаки во главе с Иваном Заруцким и Дмитрием Трубецким. Но они были бессильны очистить столицу от интервентов. Трубецкой и Заруцкий целовали крест «царёнку» (сыну Лжедмитрия II и Марины Мнишек). Это окончательно лишило их доверия тех слоёв населения, которые стремились продолжать борьбу с захватчиками.

Второе ополчение. Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский — организаторы и руководители освободительной борьбы

Летом 1611 г. после захвата Смоленска поляками и проникновения шведов в Новгород положение стало особенно тяжёлым. Стране угрожали политический распад и потеря национальной независимости. Население, особенно в центральных уездах, было разорено и вымирало от голода и болезней. Крестьяне, спасаясь от насилий интервентов, бросали дома и скрывались в лесах. Многолюдные посады пустели, торговля замерла.

Осенью 1611 г. поднимается новая, более мощная волна национально-освободительного движения. Центром его снова оказался Нижний Новгород. Движение зародилось в посадской среде. Организатором народных сил явился земский староста Кузьма Минин. По его призыву в Нижнем Новгороде начало формироваться второе ополчение.

Организация ополчения, требовавшая крупных расходов, сразу была поставлена Кузьмой Мининым на прочное материальное основание. Помимо добровольных взносов, был установлен обязательный оклад в размере одной пятой от общей стоимости имущества. Сбор средств давал возможность приступить к созданию крупных военных сил. Для руководства военными делами требовался военачальник, который соединял бы опытность в ратных делах с преданностью и верностью своему народу.

По предложению Кузьмы Минина военачальником был избран князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Пожарский в «смутные годы», когда боярская знать показала себя политически неустойчивой, не проявлял никаких колебаний в своём отношении к польским захватчикам. В 1608 г. он наголову разбил польский отряд, пытавшийся захватить Коломну, а весной 1611 г. был в рядах восставших москвичей и сражался до тех пор, пока, обессиленный от полученной раны, не был увезён из Москвы. Минин и Пожарский стали организаторами и руководителями второго ополчения.

Ядро ополчения первоначально состояло из посадских и мелких служилых людей Нижнего Новгорода и крестьян близлежащих уездов. Грамоты с призывом подняться на борьбу за освобождение Москвы быстро распространились среди населения Поволжья и за его пределами. Одними из первых на этот призыв откликнулись мелкие смоленские, вяземские и другие помещики из западных уездов, изгнанные поляками из родных мест. Затем поднялось население городов Верхней Волги. К Нижнему Новгороду присоединились и районы, лежащие по Оке и за ней. Таким образом, народное ополчение становилось общерусским делом. К ополченцам, основное ядро которых составляли посадские люди северных городов и черносошное крестьянство, присоединились и широкие круги дворянства. Наряду с русскими в ополчении приняли участие татары, мордва, чуваши, мари и удмурты. В начале 1612 г. ополчение насчитывало в своих рядах от 20 до 30 тыс. человек.

К этому времени польский гарнизон в Москве был усилен, а казацкие отряды, стоявшие под Москвой, вместо того чтобы объединиться с народным ополчением, вели переговоры с новым самозванцем, объявившимся в Пскове. На северо-западной окраине Русского государства хозяйничали шведы. Общая обстановка не позволяла немедленно начать поход на Москву.

Из Нижнего Новгорода второе ополчение двинулось в конце февраля 1612 г. в Ярославль. Переход в область Верхнего Поволжья позволил ополчению вобрать в себя действовавшие там ещё с 1608 г. многочисленные партизанские отряды, состоявшие из посадских людей и крестьян. Население сёл и городов выходило встречать ополченцев, передавало им собранные деньги и припасы. Ряды ополченцев непрерывно пополнялись добровольцами. Ополчению предоставило свои богатые экономические ресурсы не разорённое интервентами Поморье.

Народное ополчение простояло в Ярославле с апреля по август 1612 г. За это время было закончено военное устройство ополчения и создана общегосударственная власть — «земское» правительство. Новое правительство состояло «из всяких чинов выборных людей» от всех городов. В него вошли представители дворянства, посада и отчасти крестьян («уездных людей»). В нём почти не было высшей феодальной знати; совсем отсутствовали представители крепостного крестьянства. Были восстановлены и органы центрального управления — приказы.

Руководителям второго ополчения пришлось заниматься в Ярославле и вопросами внешней политики. Пожарский в тактических целях вёл переговоры со шведами о принятии шведского королевича, но одновременно укреплял города на пути движения шведов. Ему удалось удержать шведов от выступления против ополчения и тем самым обеспечить возможность развёртывания борьбы с главным врагом — польскими захватчиками. Дипломатические способности Пожарского проявились также и в умелом использовании возникших противоречий между Польшей и австрийскими Габсбургами. В результате этих дипломатических переговоров и Габсбурги и Швеция не препятствовали действиям второго ополчения.

К концу 1612 г. власть правительства народного ополчения распространилась уже на половину территории государства. Территория, занятая врагами» освобождалась при участии местного населения. Крестьяне, вооружённые топорами, вилами, беспощадно уничтожали захватчиков, рыскавших по деревням в поисках продовольствия. Всюду в тылу врага действовали крестьянские партизанские отряды.

В то время, как ополчение укрепляло свои силы, среди казачества, стоявшего под Москвой, началось разложение. Некоторые атаманы «отъехали» в Ярославль и присоединились к ополчению. Заруцкий выступил против Пожарского и организовал покушение на его жизнь, окончившееся неудачей. Авантюрист Заруцкий пошёл на сговор с интервентами. Часть казаков с Трубецким во главе поддержала второе ополчение.

Интервенты, обеспокоенные успехами ополчения, обратились к Сигизмунду III с просьбой о помощи. Летом 1612 г. последний направил в Москву значительные силы наёмников под командой гетмана Ходкевича. К этому времени Заруцкий с частью казаков ушёл к Ходкевичу.

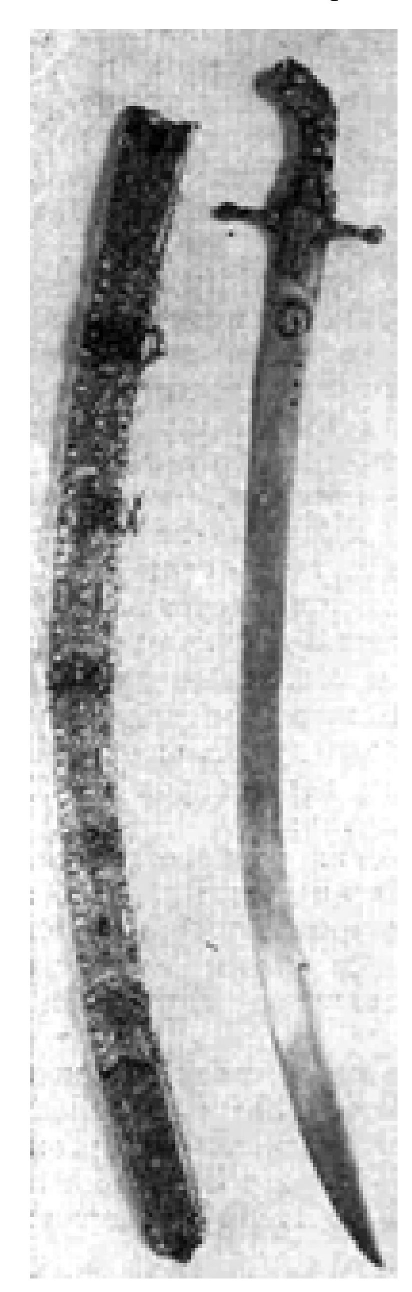
Освобождение Москвы

Известие о движении Ходкевича к Москве ускорило выступление второго ополчения из Ярославля. Руководители ополчения хотели помешать соединению Ходкевича с польским гарнизоном в Москве.

Первый отряд ополченцев численностью в 400 всадников подошёл к Москве 24 июля и стал в построенном им острожке у Петровских ворот. 2 августа другой отряд в 700 всадников укрепился у Тверских ворот. Эти отряды перерезали связь поляков со Смоленской дорогой, по которой шёл Ходкевич. Казаки Трубецкого стояли в Замоскворечье.

Главные силы ополчения выступили из Ярославля в конце июля, 20 августа они подошли к Москве и укрепились у стен Белого города.

22 августа Ходкевич переправился через Москву-реку у Новодевичьего монастыря. Завязался бой, не давший решительных результатов. 24 августа в новом бою Ходкевич потеснил русские войска. Положение спас смелый контрудар отряда ополченцев под командованием Минина. Он переправился из Замоскворечья через Москву-реку и ударил во фланг врага у Крымского двора (около современного Крымского моста). Этот неожиданный для поляков удар вызвал смятение в их стане. Сражение 24 августа закончилось полным разгромом войск Ходкевича, остатки которых отошли к Вязьме.

Сабля князя
Д. М. Пожарского.

22 октября ополченцы пошли на штурм Китай-города и после короткого боя овладели им. Засевшие в Кремле интервенты, оказавшись в безвыходном положении, 26 октября 1612 г. капитулировали.

Ворота Кремля раскрылись — польский гарнизон вышел, сдавая знамёна и оружие. В освобождённый Кремль вступили войска народного ополчения. Очищением Москвы от интервентов было обеспечено освобождение всей страны и восстановление независимости Русского государства.

Одержанная победа окружила ореолом славы имена героев этой битвы и первых среди них — «выборного человека» Кузьму Минина и «большого богатыря» Дмитрия Пожарского.

Имена многих героев, отдавших жизнь для защиты родины, не сохранились. Народная память сберегла лишь имя крестьянина села Домнина, Костромского уезда, Ивана Сусанина, заведшего польский отряд в глухие леса и ценою своей жизни сорвавшего попытку интервентов выйти к Костроме.

В борьбе русского народа с польскими и шведскими захватчиками активно участвовали и нерусские народности, входившие в состав Русского многонационального государства. Мужественно боролись со шведскими захватчиками карелы, давно уже связавшие свою судьбу с русским народом. Непосредственное участие в ополчении Минина и Пожарского приняла башкирская конница, содействовавшая освобождению Москвы. Начиная с 1608 г. в борьбе с интервентами участвовал народ коми, что выразилось в даче ратных людей в войска Скопина-Шуйского, первого и второго ополчений, а также в сборе «переходных денег» — на содержание ратников.

Успех второго ополчения был обеспечен высоким подъёмом народно-освободительного движения, охватившего самые широкие слои русского народа, и проявленными в борьбе с иноземными захватчиками исключительным мужеством и героизмом. Успеху содействовала хорошая организация второго ополчения. Его руководители, опираясь на освободительное движение широких масс русского и других народов страны, сумели объединить и направить силы патриотов на активную и решительную борьбу с польско-шляхетскими и шведскими захватчиками.

6. Создание нового правительства. Столбовский мир и Деулинское перемирие

Земский собор 1613 г. Важнейшей задачей правительства народного ополчения было восстановление государственной власти и освобождение ещё занятых интервентами областей.

Восстановление государственной власти мыслилось руководителями ополчения в привычной для того времени форме монархии. Эту задачу должен был выполнить

Заседание земского собора 1613 г.
Миниатюра из рукописи «Избрание на царство М. Ф. Романова». 1673 г.

земский собор, которому предстояло избрать царя. Грамоты о созыве земского собора были разосланы правительством второго ополчения в ноябре 1612 г. Заседания собора, одного из самых больших и полных по числу участников, открылись в январе 1613 г. В отличие от других земских соборов XVI—XVII вв. в нём была слабо представлена знать, главную роль играли дворянство и духовенство, были представлены посадские люди, казаки, стрельцы, возможно и черносошные крестьяне.

Вопрос об избрании нового царя решался в обстановке острой борьбы. Бояре пытались выдвинуть кандидата из иностранцев и прежде всего польского королевича Владислава или шведского Карла Филиппа, но встретили противодействие со стороны громадного большинства собора. Не встретили поддержки и кандидаты из старых княжеских фамилий. Московские дворяне, поддержанные посадскими людьми, выдвинули кандидатуру 16-летнего Михаила Романова, сына Фёдора Никитича Романова (бывшего митрополита в Тушино — Филарета, двоюродного брата покойного

царя Фёдора). Михаила поддержали и казаки, с которыми его отец имел большие связи. На этой кандидатуре сошлись интересы большинства участников собора. В феврале 1613 г. Михаил Романов был избран на русский престол (1613—1645).

Продолжение борьбы с интервентами

Перед новым правительством стояла задача окончания военных действий с Польшей и Швецией и очищения территории страны от бродивших во многих местах вооружённых отрядов, не признававших власти нового царя.

Вести о победе народного ополчения над польскими захватчиками, об освобождении Москвы оказали большое влияние на население занятой шведами Новгородской земли. С весны 1613 г. здесь началось народное движение против оккупантов. Первыми выступили жители Тихвина, освободившие город от захватчиков в мае 1613 г., затем восстало население Порхова и Гдова.

Борьба со шведами велась главным образом в районе Тихвина, стоявшего на пути из Новгородской земли в центральные районы России. После провала попыток взять Тихвин штурмом Делагарди начал длительную осаду города, также закончившуюся неудачей. Жители Тихвина, укрывавшиеся за его стенами окрестные крестьяне и воинский отряд, прибывший из Москвы, сумели нанести шведам поражение, заставившее их не только снять осаду Тихвина, но и отказаться от дальнейших наступательных операций в направлении к центру Русского государства.

Разбитая под Тихвином шведская армия разбрелась по всему северу. Отдельные отряды её действовали в Заонежских погостах, грабя и убивая местное население, разоряя и сжигая деревни; они подходили к Холмогорам, пытаясь взять их штурмом. Однако шведские отряды наёмников теперь были не страшны.

Героическая оборона Пскова

К этому же времени относятся и безуспешные попытки шведов овладеть сильной русской крепостью Псковом. Шведы пять раз пытались взять Псков (в 1611, 1612, два раза в 1615 и в 1616 гг.). Особенной остроты борьба за Псков достигла в 1615 г., когда сам шведский король Густав II Адольф начал осаду города. Армия Густава Адольфа под Псковом насчитывала более 13 тыс. наёмников различных национальностей. Полное окружение Пскова было закончено в 20-х числах августа 1615 г. Осаждённые, которых было значительно меньше, чем осаждающих, вели активную оборону, нанося своими вылазками большие потери врагу. Большую помощь осаждённым оказывали партизанские отряды из окрестных крестьян. Они мешали захватчикам заготовлять продовольствие, уничтожали их мелкие группы. Правительство оказало осаждённому Пскову поддержку, прислав под его стены отряд под командой Плещеева. 17 октября 1615 г. интервенты были вынуждены снять осаду Пскова и отступить к Нарве. Героическая оборона Пскова ещё раз продемонстрировала неиссякаемую стойкость и силу русского народа и заставила шведов начать переговоры о мире.

Швеция спешила закончить войну, пока в её руках находилась ещё значительная часть русской территории. Русскому государству, продолжавшему войну с Польшей, также нужен был мир с Швецией. В октябре 1615 г. начались мирные переговоры.

Столбовский мир 1617 г.

23 февраля 1617 г. в деревне Столбово (вблизи Тихвина) был заключён мирный договор России с Швецией. Шведы возвратили захваченный ими Новгород, но русское правительство принуждено было согласиться с захватом Швецией старых русских городов (Ивангород, Ям, Копорье, Орешек), а также Корелы и Корельского уезда. Таким образом, к Швеции переходила территория, имевшая важное политическое и экономическое значение. Русское государство лишалось выхода к Балтийскому морю. Территория Карелии и карельский народ оказались разорванными на две части, причём центр Карелии — город Корела отошёл к шведам. На это карелы ответили массовым переселением с захваченного шведами Карельского перешейка внутрь Рос-

сии, которое продолжалось в течение нескольких десятилетий (до середины XVII в.) и закончилось выходом всех карел из пределов Швеции.

Тяжёлый для Русского государства Столбовский мир позволил, однако, решить вопрос о прекращении войны с Польшей.

Деулинское перемирие 1618 г.

Сопротивление русских городов и особенно неудачная для польской шляхты битва под Волоком Ламским сорвали предпринятый Сигизмундом III новый поход на Москву. Со стороны Северской Украины действовали отряды польского авантюриста Лисовского, разбитые князем Пожарским лишь в 1616 г.

Отряды королевича Владислава и гетмана Ходкевича вновь вторглись в русские земли в 1617 г. Продвигаясь через Вязьму, польские отряды к октябрю 1618 г. подошли к Москве и заняли Тушино. 1 октября военные действия развернулись у стен Белого города (в районе Арбатских ворот). Приступ был отбит, и интервенты отошли к Троице-Сергиеву монастырю и Калуге. Против захватчиков активно действовали окрепшие правительственные войска и население занятых интервентами территорий.

Авантюры магнато-шляхетской верхушки истощили Польшу, и новые попытки интервентов уже не имели успеха. Международная обстановка, обострившаяся накануне Тридцатилетней войны, также затрудняла для Речи Посполитой продолжение завоевательной политики на Востоке. Речь Посполитая вынуждена была заключить в декабре 1618 г. в селе Деулине (близ Троице-Сергиева монастыря) перемирие на $14^1/_2$ лет, при этом она удержала за собой захваченные ею смоленские, черниговские и новгород-северские земли. Потеря этих территорий была тяжела для Русского государства, но оно получило передышку после длительной борьбы.

Таким образом, к концу 1618 г. территория Русского государства была освобождена от врагов, за исключением земель, отошедших к Швеции по Столбовскому миру и оставшихся под властью Речи Посполитой по Деулинскому перемирию.

7. Ликвидация последствий интервенции. Смоленская война

Улучшение хозяйственного положения страны

В результате польско-шведской интервенции страна находилась в состоянии сильнейшего экономического упадка. На месте сотен сёл и деревень на территории, подвергшейся оккупации, в центральной части страны, а также на западной и юго-западной окраинах оставались только развалины. В уцелевших поселениях большая часть дворов стояла пустыми, владельцы их были перебиты или разбрелись. Значительно сократилась площадь возделываемых полей. Число малопашенных или беспашенных дворов на помещичьих землях доходило до 70%. Однако производительные силы страны не были полностью подорваны. После окончания военных действий хозяйственная жизнь начала восстанавливаться.

В разрешении трудных вопросов восстановления экономики страны правительство Михаила Романова исходило из интересов дворянства, возведшего нового царя на престол.

Упрочение новой династии на троне в значительной мере зависело от удовлетворения основных требований дворянства, в частности в сфере вотчинного и поместного землевладения. Новое правительство пересмотрело старые земельные пожалования, подтвердив те из них, которые были получены землевладельцами, поддерживавшими правительство Михаила Романова. Помимо этого, была проведена широкая раздача дворянству дворцовых и чёрных земель в районах, наименее подвергшихся разорению. От нового правительства дворянство получило землю в наиболее выгодной для него форме. Большинство земельных дарений было передано дворянству в вотчинное владение. Это представляло собой крупную победу дворянства, стремившегося приравнять поместья к вотчинам.

Для закрепления за дворянскими хозяйствами крепостного крестьянства был установлен по желанию дворянства 10-летний срок сыска беглых крестьян. Правительство не решилось подтвердить закон 1607 г. о 15-летнем сроке сыска. Оно вынуждено было затягивать петлю крепостной зависимости медленнее, чем само того хотело. Кроме того, бояре, имевшие более широкие возможности для крестьянского своза и не желавшие уступать свезённых ими в свои вотчины крестьян, выступали против увеличения срока урочных лет.

Внутренняя политика нового правительства, направленная на укрепление помещичьего хозяйства, не могла не ухудшить положение крестьянства. Крепостные крестьяне должны были своим трудом восстанавливать дворянские хозяйства. Усилившееся бремя государственных налогов легло на плечи посада и черносошного крестьянства.

Полная истощённость государственной казны и острая нужда правительства в средствах вызвали практику усиленного обложения (чрезвычайные сборы пятой, десятой и двадцатой деньги, т. е. 20, 10 и 5% от стоимости имущества). В 10— 20-х годах XVII в. пятинные деньги собирались 7 раз. Эти сборы взимались главным образом с посадского населения и огромной тяжестью ложились на его низшие слои.

Таким образом, народные массы, крестьяне и посадские люди, освободившие страну от гнёта иноземных захватчиков, отстоявшие независимость и единство Русского государства, оказались в результате политики, проводимой новым правительством, в более тяжёлом положении, чем это было до крестьянской войны и борьбы с интервентами.

Второй задачей нового правительства было укрепление государственного аппарата, расшатанного за годы интервенции, усиление его централизации. В этот период активизировалась деятельность земских соборов; в первое десятилетие царствования Михаила Романова они действовали непрерывно. Земские соборы в основном занимались изысканием средств для пополнения оскудевшей государственной казны и вопросами внешней политики. Правительство при проведении чрезвычайных мероприятий искало поддержки у представителей господствующего класса, созываемых на земский собор. По мере укрепления государственной власти правительство начинает реже обращаться к помощи земских соборов. С целью улучшения деятельности центральных учреждений было увеличено количество приказов, возросло число дьяков и их значение. В большей степени были подчинены центру органы местного управления. В городах вводилось воеводское управление во главе с назначаемыми правительством воеводами, ведавшими всеми сторонами управления. Воеводам были подчинены органы земского самоуправления. Губные старосты там, где они сохранились, превращались в помощников воевод.

К 30-м годам XVII столетия последствия интервенции можно было считать изжитыми. Уже писцовые книги 20-х годов XVII в. отражают процесс восстановления хозяйства страны. Сёла и деревни, числившиеся в 1614—1615 гг. пустыми, заселяются. Соотношение крестьянских и бобыльских дворов меняется в пользу первых. Размер пашни быстро растёт.

Восстановление народного хозяйства и укрепление внутреннего положения в стране позволяли выдвинуть на очередь решение ряда внешнеполитических задач.

Смоленская война

Деулинское перемирие и Столбовский мир нарушали жизненные интересы Русского государства. Укрепление экономического и политического положения страны позволило правительству Михаила Романова перейти к более активной внешней политике и начать борьбу за возвращение областей, захваченных Речью Посполитой во время интервенции.

Поражения, нанесенные шведским королём Густавом II Адольфом габсбургско-католической группе государств во время Тридцатилетней войны, создавали благоприятную обстановку для вступления России в войну с Польшей. Начавшаяся весной 1632 г. война получила название Смоленской войны, так как Русское государство пре-

следовало в ней цель возвращения Смоленска, черниговских и новгород-северских земель. Этой войне, кроме дипломатической подготовки, предшествовала и серьёзная военная подготовка. К началу войны Россия имела несколько полков, сформированных и вооружённых в соответствии с состоянием военного дела в Европе в эпоху Тридцатилетней войны. Русская армия насчитывала 40 тыс. человек.

Осенью 1632 г. русские войска заняли ряд городов на Северщине и Смоленщине и вскоре подошли к Смоленску.

Одновременно с наступлением войск началось стихийное движение русских крестьян Смоленского и Дорогобужского уездов. Крестьяне создавали партизанские отряды. Успешно действовали отряды Ивана Балашова, Семёнова, Верёвкина, Осипа Бакшеева и др. Партизанское движение становилось большой силой в борьбе с вражескими войсками. Однако командование царской армии боялось народного движения и не использовало его.

Летом 1633 г. на помощь осаждённому польскому гарнизону Смоленска пришёл новый король — Владислав IV с большим войском. Русские войска оказались отрезанными и прижатыми к стенам Смоленска. В армии начались сильный голод, болезни, высокая смертность. Русское командование капитулировало в феврале 1634 г. Ни в этот момент, ни позже Россия не получила обещанной поддержки со стороны держав, боровшихся против Габсбургов в Тридцатилетней войне. Турецкий вассал — крымский хан, действуя в контакте с Речью Посполитой, совершил опустошительный набег на русские земли, что отвлекло часть вооружённых сил с западного фронта.

Война была закончена в 1634 г. Поляновским миром, который подтвердил условия Деулинского перемирия, дополнив их отказом Владислава от притязаний на русский престол.

Обманутое в своих расчётах на поддержку держав антигабсбургской группировки, успехам которых оно способствовало, русское правительство ослабило свои связи с Данией, Голландией и Швецией. Отпуск хлеба и селитры в эти страны был сокращён и производился теперь в тех масштабах и на тех условиях, которые соответствовали экономическим интересам Русского государства.

Смоленская война, не разрешившая задачи освобождения Смоленска и Северской области и вместе с тем потребовавшая больших затрат, тяжело отразилась на хозяйственном и финансовом положении страны. Правительство постаралось восстановить расстроенный бюджет посредством сильного увеличения налогов.

Политика правительства Романовых, восстанавливавшая дворянскую Россию путём дальнейшего наступления на крестьянство и посадские низы, обостряла классовые противоречия. Классовая борьба угнетённых масс широко развернулась с 40-х годов XVII в. и вылилась в крупные городские восстания в середине века и крестьянскую войну под предводительством Степана Разина во второй половине столетия.

8. Отражение крестьянской войны и борьбы с интервентами в литературе и устном народном творчестве первой четверти XVII в.

Публицистические произведения начала XVII в.

В начале XVII в. появилось большое количество литературных произведений, в которых отразилось крестьянское восстание, возглавленное Болотниковым, борьба русского народа с польскими и шведскими интервентами. Произведения литературы этой эпохи носили по преимуществу публицистический характер и являлись острым оружием политической борьбы.

В самом раннем из публицистических произведений начала XVII в. — «Повести 1606 года» нашла выражение идеология боярских кругов. «Повесть» написана одним из монахов Троице-Сергиева монастыря. Сочувствие автора на стороне знати. Он превозносит Шуйского и созданный им режим. В то же время Борис Годунов под-

вергается резкому осуждению. В «Повести» его деятельность изображена мрачными красками, автор обвиняет Годунова во всевозможных злодеяниях. Не скрывает «Повесть» и своего враждебного отношения к дворянству. Впоследствии «Повесть» была продолжена, изложение событий в ней доведено вплоть до 1645 г. В дополненном виде это литературное произведение известно теперь под названием «Иное сказание».

Резкий протест против насилий интервентов и негодование по адресу поддерживавших их изменников-бояр содержатся в агитационном произведении «Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском». Оно создано в конце 1610 г. или в начале 1611 г. неизвестным автором, принадлежавшим к дворянству. «Новая повесть» прославляет защитников осаждённого врагами Смоленска и горячо призывает население подняться на борьбу с иноземными захватчиками.

В годы интервенции появились публицистические произведения особого типа — «видения», в которых излагались различные легендарные эпизоды и предсказания. Целью их распространения была агитация за спасение родины. Ряд сочинений облекался в форму «плачей». Наиболее значительным из них является «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства» (1611 — первая половина 1612 г.). В нём содержится лирическое сетование о судьбах родной страны, о тяжёлых бедствиях, причинённых ей врагами, и вместе с тем выражена ненависть к интервентам и к предателям из числа московских бояр.

Некоторые литературные произведения, созданные в дворянской среде, направлены против крестьян и холопов, восставших под предводительством Болотникова. Автор «Письма дворянина к дворянину» помещик Иванец Фуников рассказывает о том, как участники крестьянской войны боролись с господствующим классом. Описание хода восстания Болотникова с позиций дворянства дано также в «Казанском сказании». Выступления угнетённых слоев населения против феодалов охарактеризованы в этих сочинениях в резко враждебных тонах.

Совсем по-иному оцениваются события в публицистических произведениях, вышедших из лагеря восставших крестьян. Во время крестьянской войны начала XVII в. широко распространялись яркие по содержанию «листы» (прокламации) Ивана Болотникова. Они призывали угнетённые народные массы к ликвидации феодальной земельной собственности и крепостной зависимости, к расправе с представителями господствующего класса.

В эту эпоху появилось несколько больших литературных памятников, в которых даётся общий обзор исторических событий конца XVI— начала XVII в. К ним принадлежат «Временник» (1619 г.) дьяка Ивана Тимофеева и «Сказание» келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына (1620 г.). Оба произведения проникнуты идеологией правящего класса. Авторы осуждают движение народных масс, в выступлении которых против крепостнического гнёта они видят основную причину «смуты». Вместе с тем в названных сочинениях, несмотря на классовую ограниченность взглядов их авторов, можно почерпнуть ценные сведения для характеристики одного из переломных моментов в истории нашей родины. Иван Тимофеев дал яркое описание бедствий, причинённых Русскому государству иноземными захватчиками. Он рассказал по личным впечатлениям о тяжёлом положении Новгорода в период шведской оккупации. В труде Авраамия Палицына центральное место занимает повествование об осаде Троице-Сергиева монастыря в 1608—1610 гг. польскими интервентами. Автор рисует стойкость и мужество простых людей, которые предпочитали погибнуть в бою, но не сдаться врагу.

Летописание, занимавшее центральное место в литературе предшествующего времени и имевшее официальный характер, прекращает в Москве своё существование и сохраняется лишь в Новгороде, Пскове, а также в отдельных монастырях и церквах.

В новгородском и особенно псковском летописании нашла отражение социальная борьба между «молодшими» и «лучшими» людьми, обострившаяся в этих городах в начале XVII в. В ряде случаев летописание Новгорода и Пскова содержит антибояр-

ские высказывания, выражает взгляды демократических слоев общества. Также характерны для него чувство единства русского народа, сознание того, что Новгород и Псков являются неотъемлемой частью Русского государства, жгучая ненависть к иноземным поработителям. Новгородское и псковское летописание этой поры близко к фольклору, язык его прост и выразителен.

Произведения на исторические темы, написанные в первой четверти XVII в., резко отличаются от предшествующих летописей рядом особенностей и в первую очередь проникновением светской идеологии в литературу. Характеристики деятелей этого времени занимают видное место в публицистике. Стремление дать изображение исторических личностей и оценку их деятельности наблюдается в «Ином сказании», «Временнике» Ивана Тимофеева, «Сказании» Авраамия Палицына и в других сочинениях. Включение портретных характеристик в изложение было большим новшеством. Особенно интересно в этом отношении «Написание вкратце о царях московских, об образах их, и о возрасте и о нравах», помещённое в конце «Повести» князя И. М. Катырева-Ростовского. Автобиографические моменты имеются в «Словесах дней и царей и святителей московских» князя И. А. Хворостинина и «Повести» князя С. И. Шаховского.

Произведения начала XVII в. способствовали обогащению русского литературного языка, появлению в языке и литературе новых образов и понятий, усилению в русской литературе патриотических и народных элементов.

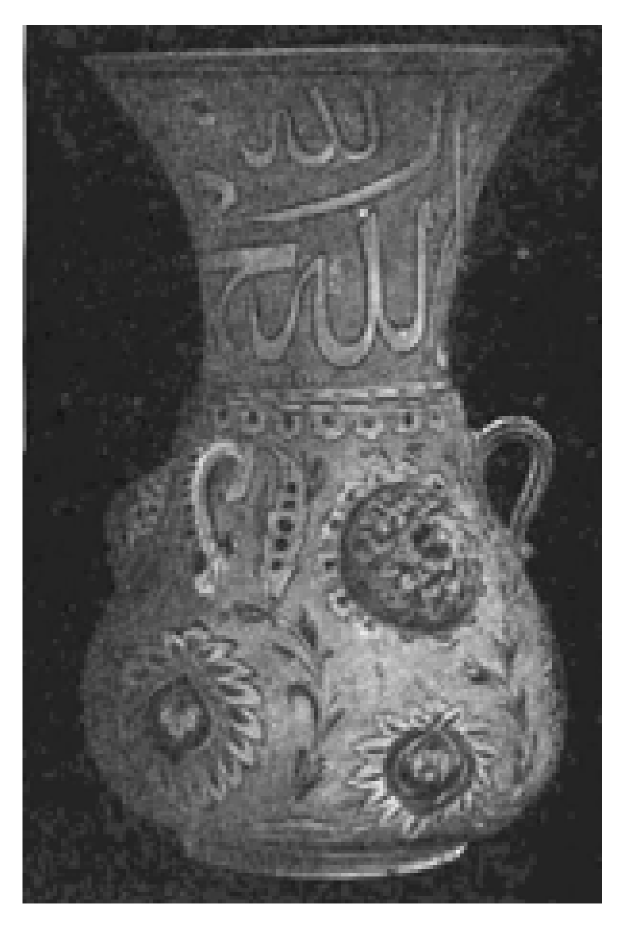
Устное народно-поэтическое творчество

Основной темой народной поэзии этого времени становится тема социальной борьбы. Это обстоятельство сделало народную поэзию могучим оружием в борьбе народа со всё усилившимся гнётом феодально-крепостнического государства. Она получила широкое распространение среди трудового населения сёл и городов — об этом свидетельствуют специальные указы правительства, запрещавшие исполнение произведений народного творчества.

Основной формой народной поэзии начала XVII в., имевшей большую популярность и широкое распространение, была историческая песня. Эти песни слагались в различных социальных слоях — их создавали и казаки, и торгово-ремесленные люди, и холопы, и крестьяне. Они воспроизводили конкретные исторические факты того времени, давали характеристику и оценку отдельным участникам событий. Исторические песни ярко отразили события крестьянской войны и народно-освободительной борьбы против польских и шведских захватчиков. Для них характерно резко отрицательное отношение к боярскому царю Василию Шуйскому, задушившему движение Болотникова и способствовавшему дальнейшему развитию крепостничества, отрицательное отношение к Лжедмитрию I и Марине Мнишек. Благодарную память сохранил народ о Минине и Пожарском, которым он придал в песнях черты эпических героев.

В битве 1514 г. при Чалдыране турецкое войско во главе с султаном Селимом I, располагавшее сильной артиллерией, нанесло поражение армии Сефевидского государства. Захватив Тебриз, Селим I вывез оттуда огромную военную добычу, в том числе личную казну шаха Исмаила, а также отправил в Стамбул тысячу лучших иранских мастеров для обслуживания двора и турецкой знати. Привезённые тогда в Изник иранские мастера положили начало производству в Турции цветной керамики, которая использовалась при строительстве дворцов и мечетей Стамбула, Бурсы и других городов.

Фаянсовая лампа из Изника.
XVI в.

В 1514—1515 гг. турецкие завоеватели покорили Восточную Армению, Курдистан и Северную Месопотамию до Мосула включительно.

В походах 1516—1517 гг. султан Селим I направил свои армии против Египта, находившегося под властью мамлюков, которые владели также Сирией и частью Аравии. Победа над мамлюкским войском отдала в руки османов всю Сирию и Хиджаз вместе со священными для мусульман городами Меккой и Мединой. В 1517 г. османские войска завоевали Египет. Огромная военная добыча в виде драгоценной утвари и казны местных правителей была отправлена в Стамбул.

В результате победы над мамлюками турецкие завоеватели приобрели контроль над важнейшими торговыми центрами в Средиземном и Красном морях. Такие города, как Диярбекир, Халеб (Алеппо), Мосул, Дамаск, были превращены в опорные пункты турецкого господства. Здесь вскоре были размещены сильные янычарские гарнизоны, предоставленные в распоряжение султанских наместников. Они несли военно-полицейскую службу, охраняя границы новых владений султана. Названные города являлись одновременно и центрами турецкой гражданской администрации, осуществлявшей главным образом сбор и учёт налогов с населения данных провинций и других поступлении в казну. Собранные средства отправлялись ежегодно в Стамбул ко двору.

Завоевательные войны Османской империи в царствование Сулеймана Кануни

Своего наибольшего могущества Османская империя достигла к середине XVI в. при султане Сулеймане I (1520—1566), названном турками Законодателем (Кануни). За свои многочисленные военные победы и роскошь двора этот султан получил у европейцев наименование Сулеймана Великолепного. В интересах знати Сулейман I стремился расширить территорию империи не только на Востоке, но также и в Европе. Захватив в 1521 г. Белград, турецкие завоеватели предприняли на протяжении 1526—1543 гг. пять походов против Венгрии. После победы при Мохаче в 1526 г. турки потерпели серьёзное поражение в 1529 г. под Веной. Но

это не освободило Южную Венгрию от турецкого господства. Вскоре и Центральная Венгрия была захвачена турками. В 1543 г. завоёванная турками часть Венгрии была разделена на 12 областей и передана в управление наместнику султана.

Завоевание Венгрии, как и других стран, сопровождалось ограблением её городов и селений, что способствовало ещё большему обогащению турецкой военно-феодальной верхушки.

Походы против Венгрии Сулейман перемежал с военными кампаниями и в других направлениях, В 1522 г. турками был захвачен остров Родос. В 1534 г. турецкие завоеватели предприняли опустошительное нашествие на Кавказ. Здесь они захватили Ширван и Западную Грузию. Завладев также прибрежной Аравией, они вышли через Багдад и Басру к Персидскому заливу. В это же время средиземноморский турецкий флот вытеснил венецианцев с большей части островов Эгейского архипелага, а на северном побережье Африки к Турции были присоединены Триполи и Алжир.

Во второй половине XVI в. Османская феодальная империя раскинулась на трёх материках: от Будапешта и Северной Таврии до северного побережья Африки, от Багдада и Тебриза до границ Марокко. Чёрное и Мраморное моря стали внутренними бассейнами Османской империи. В границы империи оказались таким образом насильственно включёнными обширные территории Юго-Восточной Европы, Передней Азии и Северной Африки.

Турецкие нашествия сопровождались жестоким разорением городов и сёл, разграблением материальных и культурных ценностей, угоном в рабство сотен тысяч мирных жителей. Они были для балканских, кавказских, арабских и других народов, подпавших под турецкое иго, исторической катастрофой, надолго задержавшей процесс их экономического и культурного развития. Вместе с тем завоевательная политика турецких феодалов имела крайне отрицательные последствия для самого турецкого народа. Способствуя обогащению лишь феодальной знати, она усиливала экономическую и политическую власть последней над своим собственным народом. Турецкие феодалы и их государство, истощая и разоряя производительные силы страны, обрекали турецкий народ на отставание в экономическом и культурном развитии.

Аграрный строй

В XVI в. в Османской империи господствующими были развитые феодальные отношения. Феодальная собственность на землю выступала в нескольких формах. До конца XVI столетия большая часть земельных угодий Османской империи являлась государственной собственностью, верховным распорядителем её был султан. Однако в непосредственном управлении казны находилась лишь часть этих земель. Значительную часть государственного земельного фонда составляли владения (домен) самого султана — лучшие земли в Болгарии, Фракии, Македонии, Боснии, Сербии и Хорватии. Доходы с этих земель целиком поступали в личное распоряжение султана и на содержание его двора. Многие области Анатолии (например, Амасья, Кайсери, Токат, Караман и др.) также представляли собой собственность султана и его семьи — сыновей и других близких родственников.

Султан раздавал государственные земли феодалам в наследственное владение на условиях военно-ленного держания. Владельцы малых и больших ленов («тимаров» — с доходом до 3 тыс. акче и «зеаметов» — от 3 тыс. до 100 тыс. акче) обязаны были по зову султана являться для участия в походах во главе положенного количества экипированных всадников (в соответствии с получаемым доходом). Эти земли служили основой экономической мощи феодалов и важнейшим источником военной силы государства.

Из того же фонда государственных земель султан раздавал придворным и провинциальным сановникам земельные угодья, доходы с которых (они назывались хассами, и доход с них определялся в размере от 100 тыс. акче и выше) целиком шли на содержание государственных сановников взамен жалованья. Каждый сановник пользовался доходами с предоставленных ему земель лишь до той поры, пока за ним сохранялся его пост.

Османская империя и ее агрессия в XVI—XVII вв.

В XVI в. владельцы тимаров, зеаметов и хассов обычно жили в городах и не вели собственного хозяйства. Они собирали феодальные повинности с сидящих на земле крестьян с помощью управителей и сборщиков податей, а нередко и откупщиков.

Другой формой феодальной собственности на землю являлись так называемые вакуфные владения. К этой категории принадлежали огромные земельные площади, находившиеся в полной собственности мечетей и различного рода других религиозных и благотворительных учреждений. Эти земельные владения представляли собой экономическую базу сильнейшего политического влияния мусульманского духовенства в Османской империи.

К категории частной феодальной собственности принадлежали земли феодалов, получавших за какие-либо заслуги особые султанские грамоты на неограниченное право распоряжаться предоставляемыми имениями. Эта категория феодальной собственности на землю (она называлась «мюльк») возникла в Османском государстве на ранней стадии его образования. Несмотря на то, что количество мюльков постоянно возрастало, их удельный вес до конца XVI столетия был невелик.

Крестьянское землепользование и положение крестьянства

Земли всех категорий феодальной собственности находились в наследственном пользовании крестьянства. На всей территории Османской империи крестьяне, сидевшие на землях феодалов, включались в писцовые книги под названием *райя* (райя, реайя) и были обязаны обрабатывать отведенные им наделы. Прикрепление райятов к их наделам было зафиксировано в законах ещё в конце XV в. В течение XVI в. шёл процесс закрепощения крестьянства на всей территории империи, и во второй половине XVI в. законом Сулеймана окончательно утверждалось прикрепление крестьян к земле. В законе говорилось, что райят обязан жить на земле того феодала, в реестр которого он вписан. В том случае, если райят самовольно оставлял отведённый ему надел и переходил на землю другого феодала, прежний владелец в течение 15—20 лет мог разыскать его и принудить возвратиться назад, наложив на него ещё и штраф.

Обрабатывая отведённые им наделы, крестьяне-райяты несли в пользу земельного собственника многочисленные феодальные повинности. В XVI в. в Османской империи существовали все три формы феодальной ренты — отработочная, продуктовая и денежная. Наиболее распространённой была рента продуктами. Райя-мусульмане были обязаны платить десятину с урожая зерновых, садовых и огородных культур, налог со всех видов скота, а также выполнять фуражную повинность. Землевладельцу принадлежало право наказывать и штрафовать провинившихся. В некоторых районах крестьянам приходилось также отрабатывать несколько дней в году у землевладельца на винограднике, на постройке дома, доставлять дрова, солому, сено, приносить ему всевозможные подарки и т. п.

Все перечисленные выше повинности обязаны были выполнять и райя-немусульмане. Но сверх того они платили в казну особый подушный налог — джизью с мужского населения, а в некоторых областях Балканского полуострова были также обязаны поставлять через каждые 3—5 лет мальчиков для янычарской армии. Последняя повинность (так называемое девширме), служившая турецким завоевателям одним из многочисленных средств насильственной ассимиляции покорённого населения, являлась особенно тяжкой и унизительной для тех, кто был обязан её выполнять.

Помимо всех повинностей, которые райяты выполняли в пользу своих землевладельцев, они должны были ещё выполнять ряд специальных военных повинностей (называвшихся «авариз») непосредственно в пользу казны. Взимавшиеся в виде отработок, различного рода натуральных поставок, а нередко и в денежной форме, эти так называемые налоги Дивана были тем многочисленнее, чем больше войн вела Османская империя. Таким образом, оседлое земледельческое крестьянство в Османской империи несло на себе основные тяготы по содержанию господствующего класса и всей огромной государственной и военной машины феодальной империи.

Значительная часть населения Малой Азии продолжала вести жизнь кочевников, объединённых в племенные или родовые союзы. Подчиняясь главе племени, состоящему в вассальной зависимости от султана, кочевники считались военными. В военное время из них формировались отряды кавалерии, которые во главе со своими военачальниками должны были являться по первому зову султана в указанное место. У кочевников каждые 25 мужчин составляли «очаг», который должен был отправлять из своей среды пять «очередных» в поход, обеспечивая их за свой счёт конями, оружием и продовольствием в течение всего похода. За это кочевники освобождались от уплаты налогов в казну. Но по мере того, как возрастало значение конницы ленников, обязанности отрядов, составлявшихся из кочевников, всё в большей мере стали ограничиваться выполнением вспомогательных работ: строительством дорог, мостов, обозной службой и т. д. Главными местами расселения кочевников были юго-восточные и южные области Анатолии, а также некоторые районы Македонии и Южной Болгарии.

Стамбул.
Немецкая миниатюра 1490 г.

В законах XVI в. сохранялись следы неограниченного права кочевников передвигаться со своими стадами в любом направлении: «Пастбищным землям нет границ. С древних времён установлено так, куда скот направляется, в том месте пусть он и бродит... С древних времён не совместимо с законом установленные пастбища продавать и возделывать. Если кто-либо обработает их насильно, — следует снова превратить в пастбища. Жители деревень не имеют касательства к пастбищам и потому не могут запрещать кому-либо кочевать на них».

Пастбища, как и прочие земли империи, могли быть собственностью государства, духовенства, частного лица. Владели ими феодалы, к числу которых принадлежали и вожди кочевых племён. Во всех этих случаях реализация права собственности на землю или права владения ею принадлежала лицу, в пользу которого поступали с кочевников, прошедших через его земли, соответствующие налоги и сборы. Эти налоги и сборы представляли собой феодальную ренту за право пользования землёй.

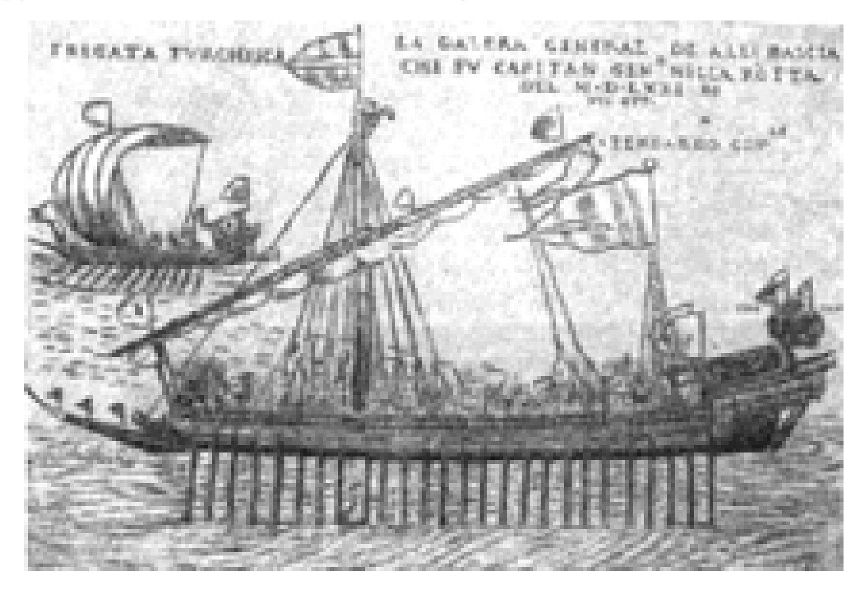
Кочевники не приписывались к владельцам земли и не имели индивидуальных наделов. Они пользовались пастбищной землёй сообща, общинами. Если владелец или собственник пастбищных земель не являлся одновременно главой племени или рода, он не мог вмешиваться во внутренние дела кочевых общин, так как они подчинялись только своим племенным или родовым начальникам.

Община кочевников в целом находилась в экономической зависимости от феодальных собственников земли, однако каждый отдельный член кочевой общины экономически и юридически зависел полностью от своей общины, которая была связана круговой порукой и где властвовали племенные вожди и военачальники. Традиционные родовые связи прикрывали социальную дифференциацию внутри кочевых общин.

Только порвавшие связь с общиной кочевники, оседая на землю, превращались в райятов, уже прикреплённых к своим наделам. Однако процесс оседания кочевников на землю происходил чрезвычайно медленно, так как они, стремясь сохранить общину как средство самозащиты от притеснений со стороны землевладельцев, упорно сопротивлялись всем попыткам ускорить этот процесс насильственными мерами.

Административное и военно-политическое устройство

Государственный строй, административная структура и военная организация Османской империи в XVI в. получили своё отражение в законодательстве Сулеймана Кануни. Султан распоряжался всеми доходами империи и её вооружёнными силами. При посредстве великого везира и главы мусульманского духовенства — шейх-уль-ислама, которые совместно с другими высшими светскими и духовными сановниками составляли Диван (совет сановников), он управлял страной. Канцелярия великого везира называлась «Высокая Порта».

Турецкое военное судно XVI в.
Гравюра М. Лорихса.

Вся территория Османской империи была разделена на провинции, или наместничества (эялеты). Во главе эялетов стояли назначаемые султаном наместники — бейлер-беи, которые держали в своём подчинении всех ленных владетелей данной провинции с их феодальным ополчением. На войну они были обязаны выступать лично, возглавляя эти войска. Каждый эялет делился на области, называемые санджаками. Во главе санджака стоял санджак-бей, обладавший теми же правами, что и бейлер-бей, но только в пределах своей области. Он был подчинён бейлер-бею. феодальное ополчение, поставляемое держателями ленов, представляло собой в XVI в. основную военную силу империи. При Сулеймане Кануни численность феодального ополчения достигала 200 тыс. человек.

Главным представителем гражданской администрации в провинции являлся кадий, который ведал всеми гражданскими и судебными делами в подведомственном ему округе, называвшемся «каза». Границы казы обычно, по-видимому, совпадали с границей санджака. Поэтому кадии и санджак-бей должны были действовать согласованно. Однако кадии назначались по султанскому указу и подчинялись непосредственно Стамбулу.

Янычарское войско состояло на казённом жаловании и комплектовалось из христианских юношей, которых в возрасте 7—12 лет насильственно отбирали от родителей, воспитывали в духе мусульманского фанатизма в турецких семьях в Анатолии, а потом в училищах в Стамбуле или Эдирне (Адрианополе), Это войско, численность которого в середине XVI в. достигала 40 тыс. человек, было серьёзной ударной силой в турецких завоеваниях: особо важное значение оно имело в качестве гарнизонной охраны в важнейших городах и крепостях империи, прежде всего на Балканском полуострове и в арабских странах, где всегда существовала опасность народного возмущения против турецкого ига.

С середины XV и особенно в XVI в. турецкие султаны уделяли большое внимание созданию собственного морского флота. Используя венецианских и других ино-

земных специалистов, они создали значительный галерный и парусный флот, который постоянными корсарскими налётами подрывал нормальную торговлю в Средиземном море и был серьёзным противником венецианских и испанских морских сил.

Внутренняя военно-политическая организация государства, отвечавшая в первую очередь задачам содержания огромной военной машины, с помощью которой осуществлялись завоевания в интересах класса турецких феодалов, делала Османскую империю, по словам К. Маркса, «единственной *подлинно военной державой средневековья*» [1].

Город, ремёсла и торговля

В покорённых странах турецким завоевателям достались многочисленные города, в которых с давних пор сложилось развитое ремесло и велась оживлённая торговля. После завоевания крупные города были превращены в крепости и в центры военной и гражданской администрации. Ремесленное производство, регулируемое и регламентируемое государством, было обязано в первую очередь обслуживать потребности армии, двора и феодалов. Наибольшее развитие получили те его отрасли, которые вырабатывали ткани, одежду, обувь, вооружение и т. д. для турецкой армии.

Городские ремесленники были объединены в цеховые корпорации. Никто не имел права работать вне цеха. Производство ремесленников подвергалось строжайшей регламентации со стороны цехов. Ремесленники не могли производить тех изделий, которые не предусматривались цеховым уставом. Так, например, в Бурсе, где было сосредоточено ткацкое производство, по цеховому уставу для каждого сорта материи разрешалось употреблять только определённые сорта ниток, указывалось какими должны быть ширина и длина кусков, цвет и качество ткани. Ремесленникам были строго предписаны места продажи изделий и покупки сырья. Им не позволялось покупать нитки и другие материалы более установленной нормы. В цех никто не мог вступить без особого испытания и без специального поручительства. Регламентированы были и цены на ремесленные изделия.

Торговля, так же как и ремесло, регламентировалась государством. Законы устанавливали количество лавок на каждом рынке, количество и качество продаваемых товаров и цены на них. Эта регламентация, государственные налоги и местные феодальные поборы препятствовали развитию свободного товарообмена внутри империи, сдерживая тем самым и рост общественного разделения труда. Преимущественно натуральный характер крестьянского хозяйства в свою очередь ограничивал возможности развития ремесла и, торговли. Кое-где существовали местные рынки, на которых производился обмен между крестьянами и горожанами, между оседлыми земледельцами и кочевниками-скотоводами. Эти рынки функционировали раз в неделю или два раза в месяц, а иногда и реже.

Результатом турецких завоеваний явилось серьёзное расстройство торговли по Средиземному и Чёрному морям и значительное сокращение торговых связей между Европой и странами Востока.

Тем не менее Османская империя не смогла полностью порвать традиционные торговые связи Востока с Западом. Турецкие правители извлекали выгоду из торговли армянских, греческих и других купцов, собирая с них таможенные сборы и рыночные пошлины, ставшие доходной статьёй султанской казны.

Заинтересованные в левантийской торговле Венеция, Генуя и Дубровник ещё в XV в. добились от турецких султанов разрешения вести торговлю на территории, подвластной османам. Иноземные корабли заходили в Стамбул, Измир, Синоп, Трабзон, Салоники. Однако внутренние области Малой Азии оставались почти совсем не втянутыми в торговые сношения с внешним миром.

В Стамбуле, Эдирне, в анатолийских городах и в Египте существовали невольничьи рынки, где велась обширная работорговля. Турецкие завоеватели во время своих походов уводили из порабощаемых стран десятки тысяч взрослых и

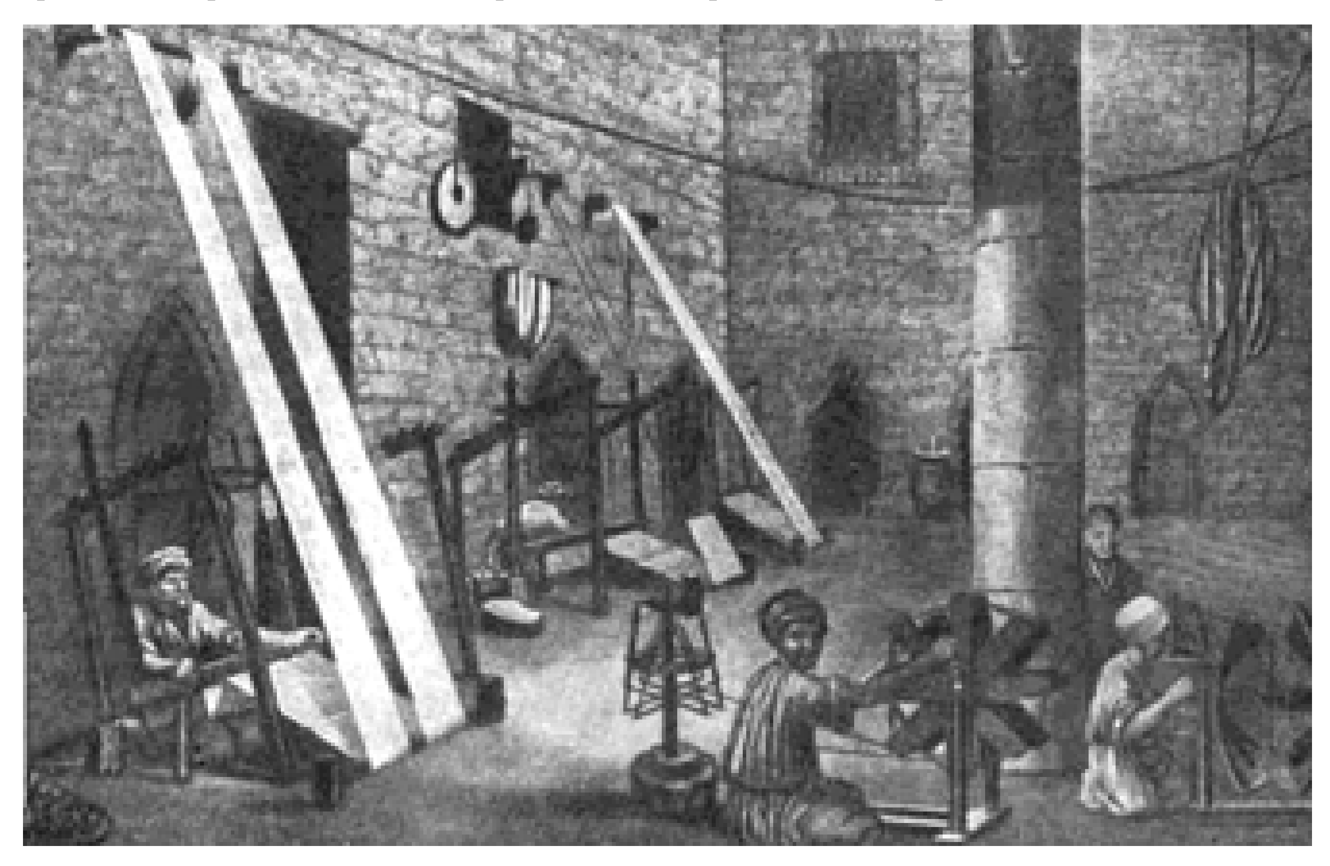
---

[1] *К. Маркс,* Хронологические выписки, II, «Архив Маркса и Энгельса», т. VI, стр. 189.

детей в качестве пленных, превращая их в рабов. В домашнем быту турецких феодалов широко использовались рабы. Множество девушек попадало в гаремы султана и турецкой знати.

Народные восстания в Малой Азии в первой половине XVI в.

Войны турецких завоевателей с начала XVI в. повлекли за собой увеличение и без того многочисленных поборов, в частности поборов в пользу действующих армий, которые непрерывным потоком проходили через деревни и города Малой Азии или сосредоточивались в них для подготовки к новым наступлениям против Сефевидского государства и арабских стран. Феодальные владетели требовали с крестьян всё больше средств для содержания своих отрядов, а казна

Турецкая ткацкая мастерская.
Старинная гравюра.

именно в это время стала вводить чрезвычайные военные налоги (авариз). Всё это вело к нарастанию народного недовольства в Малой Азии. Это недовольство нашло своё выражение не только в антифеодальных выступлениях турецкого крестьянства и кочевников-скотоводов, но и в освободительной борьбе нетурецких племён и народов, в том числе жителей восточных областей Малой Азии — курдов, арабов, армян и др.

В 1511—1512 гг. Малая Азия была охвачена народным восстанием под предводительством Шах-кулу (или Шайтан-кулу). Восстание, несмотря на то, что оно происходило под религиозными шиитскими лозунгами, было серьёзной попыткой земледельцев и кочевников-скотоводов Малой Азии оказать вооружённое сопротивление усилению феодальной эксплуатации. Шах-кулу, провозгласив себя «спасителем», призывал к отказу от повиновения турецкому султану. В боях с повстанцами в районах Сиваса и Кайсери султанские войска неоднократно терпели поражения.

Султан Селим I вёл ожесточённую борьбу против этого восстания. Под видом шиитов в Малой Азии было истреблено более 40 тыс. жителей. Шиитами объявля-

лись все, кого можно было заподозрить в неповиновении турецким феодалам и султану.

В 1518 г. вспыхнуло другое крупное народное восстание — под руководством крестьянина Нур Али. Центром восстания были районы Карахисара и Никсара, оттуда оно распространилось позднее до Амасьи и Токата. Восставшие и здесь требовали отмены поборов и повинностей. После неоднократных боёв с султанскими войсками восставшие рассеялись по деревням. Но вскоре новое восстание, возникнув в 1519 г. в окрестностях Токата, в короткий срок охватило всю Центральную Анатолию. Количество восставших достигало 20 тыс. человек. Руководителем этого восстания был один из жителей Токата, Джелал, по имени которого все подобного рода народные восстания стали впоследствии называться «джелали».

Турецкий солдат.
Гравюра И. Аммана.

Как и предыдущие восстания, восстание Джелала было направлено против произвола турецких феодалов, против бесчисленных повинностей и поборов, против бесчинства султанских чиновников и сборщиков налогов. Вооружённые повстанцы захватили Карахисар и направились на Анкару.

Для подавления этого восстания султану Селиму I пришлось послать в Малую Азию значительные военные силы. Восставшие в сражении под Акшехиром были разбиты и рассеяны. Джелал попал в руки карателей и подвергся жестокой казни.

Однако расправа с восставшими ненадолго усмирила крестьянские массы. В течение 1525—1526 гг. восточные районы Малой Азии вплоть до Сиваса были вновь охвачены крестьянским восстанием, во главе которого встали Коджа Соглун-оглу и Зуннун-оглу. В 1526 г. восстание под руководством Календер-шаха, насчитывавшее до 30 тыс. участников — турок и курдских кочевников, охватило район Малатьи. Земледельцы и скотоводы требовали не только сокращения повинностей и налогов, но и возврата земельных угодий и пастбищ, которые были присвоены султанской казной и розданы турецким феодалам.

Восставшие неоднократно наносили поражения карательным отрядам и были разбиты только после того, как против них была прислана многочисленная султанская армия из Стамбула.

Крестьянские восстания начала XVI в. в Малой Азии свидетельствовали о резком обострении классовой борьбы в турецком феодальном обществе. В середине XVI в. был издан султанский указ о размещении янычарских гарнизонов в крупнейших пунктах всех провинций империи. Этими мерами и карательными экспедициями султанской власти удалось на некоторое время восстановить спокойствие в Малой Азии.

Внешние сношения

Во второй половине XVI в. международное значение Османской империи, как одной из сильнейших держав, весьма возросло. Круг внешних сношений её расширился. Турецкие султаны вели активную внешнюю политику, широко используя не только военные, но и дипломатические средства для борьбы со своими противниками, в первую очередь с империей Габсбургов, столкнувшейся с турками в Юго-Восточной Европе.

В 1535 г. (по другим источникам в 1536 г.) Османская империя заключила союзный договор с Францией, которая была заинтересована в том, чтобы с помощью турок ослабить империю Габсбургов; тогда же султан Сулейман I подписал так называемые капитуляции (главы, статьи) — торговое соглашение с Францией, на основе которого французские купцы получили, как особую милость султана, право свободно вести торговлю во всех его владениях. Союзный и торговый договоры с Францией усиливали позиции Османской империи в борьбе против Габсбургов, поэтому султан не скупился на льготы французам. Французские купцы и вообще французские подданные в Османской империи на основе капитуляций пользовались особо привилегированными условиями.

Франция держала в своих руках почти всю торговлю Османской империи с европейскими странами до начала XVII в., когда Голландии и Англии удалось добиться подобных же прав и для своих подданных. До той поры английским и голландским купцам приходилось торговать в турецких владениях на судах под французским флагом.

Официальные отношения между Османской империей и Россией начались в конце XV столетия, после покорения Крыма Мехмедом II. Завоевав Крым, турки стали чинить препятствия торговле русских купцов в Кафе (Феодосии) и Азове.

В 1497 г. великий князь Иван III отправил в Стамбул первого русского посла Михаила Плещеева с жалобой на указанные притеснения русской торговле. Плещееву был дан приказ «дать список притеснениям, чинимым гостям нашим в турецких землях». Московское правительство неоднократно протестовало и против опустошительных набегов крымских татар на русские владения Турецкие султаны через посредство крымских татар делали попытки распространить своё владычество к северу от черноморского побережья. Однако борьба народов Русского государства против турецкой агрессии и оборонительные мероприятия русских властей на Дону и на Днепре не позволили турецким завоевателям и крымским ханам осуществить их захватнические планы.

Культура

Мусульманская религия, освящавшая господство турецких феодалов, наложила свой отпечаток на науку, литературу и искусство турок. Школы (медресе) существовали лишь при больших мечетях и служили целям воспитания служителей культа, богословов, судей. Из числа воспитанников этих школ выходили иногда учёные и поэты, которыми любили себя окружать турецкие султаны и сановники.

Конец XV и XVI век считаются периодом расцвета, «золотым веком» турецкой классической поэзии, которая находилась под сильным влиянием поэзии персидской. Из последней были заимствованы такие поэтические жанры, как касыда (хвалебная ода), газель (лирический стих), а также сюжеты и образы: традиционные соловей, роза, воспевание вина, любви, весны и т. п. Знаменитые поэты этого времени — Хамди Челеби (1448—1509), Ахмед-паша (умер в 1497 г.), Неджати (1460—1509), поэтесса Михри Хатун (умерла в 1514 г.), Месихи (умер в 1512 г.), Ревани (умер в 1524 г.), Исхак Челеби (умер в 1537 г.) — писали главным образом лирические стихотворения. Последние поэты «золотого века» — Лями (умер в 1531 г.) и Бакы (1526—1599) повторяют сюжеты классической поэзии.

XVII век в турецкой литературе называется «веком сатиры». Поэт Вейси (умер в 1628 г.) писал о падении нравов («Увещевание к Стамбулу», «Сновидение»), поэт Нефи (умер в 1635 г.) за свой цикл сатирических стихов «Стрелы судьбы», в которых зло обличались не только знать, но и султан, поплатился жизнью.

В области науки наибольшую известность в этот период приобрёл Кятиб Челеби (Хаджи Халифе, 1609—1657) своими сочинениями по истории, географии, био-библиографии, философий и др. Так, его труды «Описание мира» («Джихан-нюма»), «Летопись событий» («Фезлеке»), био-библиографический словарь арабских, турецких, персидских, среднеазиатских и других авторов, содержащий сведения о 9512 авторах, не утратили своей ценности до наших дней. Ценные исторические

летописи событий в Османской империи составили Ходжа Садэддин (умер в 1599 г.), Мустафа Селяники (умер в 1599 г.), Мустафа Аали (умер в 1599 г.), Ибрагим Печеви (умер в 1650 г.) и другие авторы XVI и первой половины XVII в.

Политические трактаты Айни Али, Кятиба Челеби, Кочибея и других авторов XVII в. являются ценнейшими источниками для изучения военно-политического и экономического состояния империи конца XVI и первой половины XVII в. Знаменитый путешественник Эвлия Челеби оставил замечательное десятитомное описание своих путешествий по Османской империи, югу России и Западной Европе.

Строительное искусство в значительной мере было подчинено прихотям турецких султанов и знати. Каждый султан и многие крупные сановники считали обязательным отметить период своего правления постройкой мечети, дворца или каких-либо других сооружений. Многие из сохранившихся до наших дней такого рода памятников поражают своим великолепием. Талантливый архитектор XVI в Синан построил множество различных сооружений, в том числе более 80 мечетей, из которых наиболее значительными в архитектурном отношении являются мечети «Сулеймание» в Стамбуле (1557 г.) и «Селимие» в Эдирне (1574 г.).

Турецкая архитектура возникла на основе местных традиций в покорённых странах Балканского полуострова и Передней Азии. Традиции эти были разнообразны, и создатели архитектурного стиля Османской империи прежде всего стремились объединить их в нечто целое. Наиболее важным элементом этого синтеза была византийская архитектурная схема, особенно проявившаяся в константинопольском храме СР. Софии.

Запрещение исламом изображать живые существа имело своим следствием то, что турецкое изобразительное искусство развивалось главным образом как одна из отраслей строительного мастерства: стенная роспись в виде растительного и геометрического орнамента, резьба по дереву, металлу и камню, рельефные работы по гипсу, мрамору, мозаичные работы из камня, стекла и т. п. В этой области как принудительно переселёнными, так и турецкими мастерами была достигнута высокая степень совершенства. Известно также искусство турецких мастеров в области украшения оружия инкрустацией, резьбой, насечкой по золоту, серебру, слоновой кости и т. п. Впрочем, религиозный запрет изображения живых существ нередко нарушался; например, для украшения рукописей во многих случаях применялись миниатюры, на которых изображались и люди, и животные.

Высокого совершенства в Турции достигло искусство каллиграфии. Надписи из Корана широко применялись и для украшения стен дворцов и мечетей.

Начало упадка Османской империи

К концу XVI в., в то время, когда в Европе начали складываться сильные централизованные государства, в обширной и многоплемённой Османской империи внутренние экономические и политические связи не только не укреплялись, но, наоборот, стали ослабевать. Антифеодальные движения крестьянства и борьба нетурецких народов за своё освобождение отражали непримиримые внутренние противоречия, преодолеть которые султанская власть была не в состоянии. Консолидации империи мешало также то обстоятельство, что центральная область империи — отсталая в экономическом отношении Анатолия — не стала и не могла стать для покорённых народов центром экономического и политического притяжения.

По мере развития товарно-денежных отношений увеличивалась заинтересованность феодалов в повышении доходности своих военно-ленных владений. Они стали самовольно превращать эти условные владения в свою собственность. Военные ленники начали уклоняться от обязанности содержать для султана отряды и от участия в военных походах, стали присваивать доходы от ленных владений. Одновременно с этим началась борьба между отдельными феодальными группировками за обладание землёй, за её концентрацию. Как писал современник, «между ними есть люди, имеющие по 20—30 и даже по 40—50 зеаметов и тимаров, плоды которых они пожирают». Это привело к тому, что государственная собственность на землю стала ослабе-

вать и постепенно утрачивать своё значение, а военно-ленная система — разлагаться. Усилился феодальный сепаратизм. В конце XVI в. появились несомненные признаки ослабления султанской власти.

Расточительность султанов и их придворных требовала огромных средств. Значительную долю государственных доходов поглощал непрерывно растущий бюрократический военно-административный и финансовый аппарат государства в центре и

Осада венецианцами турецкой крепости Сопоро на острове Корфу в 1570 г.
Гравюра около 1572 г.

в провинциях. Очень большая часть средств тратилась на содержание армии янычар, численность которых возрастала по мере того, как разлагалось и сокращалось феодальное ополчение, поставлявшееся ленниками. Численность янычарского войска увеличивалась ещё и потому, что султану нужна была военная сила для подавления растущей борьбы турецких и нетурецких народных масс против феодального и национального гнёта. Янычарская армия в начале XVII в. превышала 90 тыс. человек.

Государственная власть, стремясь увеличить доходы казны, стала из года в год повышать старые и вводить новые налоги. Налог джизья, в начале XVI в. равный 20—25 акче с человека, к началу XVII в. достиг 140 акче, а чрезвычайно злоупотреблявшие своими полномочиями сборщики налогов доводили его иногда до 400—500 акче. Возросли также феодальные поборы, взимавшиеся землевладельцами.

Вместе с тем казначейство стало отдавать право сбора налогов с государственных земель откупщикам. Так появилась и начала усиливаться новая категория земельных владельцев — откупщики, превращавшиеся фактически в феодальных собственников целых областей.

В качестве откупщиков часто выступали придворные и провинциальные сановники. Большое количество государственных земель через посредство откупов попало в руки янычар и сипахиев.

В этот же период завоевательная политика Османской империи наталкивалась на всё более серьёзные препятствия.

Сильное и всё возраставшее сопротивление этой политике оказывали Россия, Австрия, Польша и на Средиземном море — Испания.

При преемнике Сулеймана Кануни — Селиме II (1566—1574) был предпринят поход на Астрахань (1569 г.). Но это мероприятие, потребовавшее значительных затрат, не принесло успеха: турецкая армия потерпела поражение и была вынуждена отступить.

В 1571 г. соединённый флот Испании и Венеции нанёс в заливе Лепанто сокрушительное поражение турецкому флоту. Неудача астраханского похода и поражение при Лепанто свидетельствовали о начавшемся военном ослаблении империи.

Тем не менее турецкие султаны продолжали вести изнурительные для народных масс войны. Начатая в 1578 г. и принёсшая огромные бедствия народам Закавказья война турецкого султана с Сефевидами закончилась в 1590 г. подписанием договора в Стамбуле, по которому за Турцией закреплялись Тебриз, Ширван, часть Луристана, Западная Грузия и некоторые другие районы Кавказа. Однако эти области (кроме грузинских) она смогла удержать под своей властью только в течение 20 лет.

Крестьянские восстания в конце XVI — начале XVII в.

Свои военные расходы государственное казначейство стремилось компенсировать за счёт дополнительных поборов с податного населения. Всевозможных чрезвычайных обложений и «надбавок» к существующим налогам было такое множество, что, как писал летописец, «в провинциях государства чрезвычайные налоги довели подданных до того, что им опротивел этот мир и всё, что находится в нём». Крестьяне массами разорялись и, несмотря на грозившие им кары, бежали со своих земель. Из одной провинции в другую переходили толпы голодных и оборванных людей в поисках сносных условий жизни. Крестьян наказывали, заставляли платить повышенные налоги за самовольный уход с земли. Однако эти меры не помогали.

Произвол чиновников, откупщиков, всевозможные повинности и отработки, связанные с необходимостью обслуживать султанскую армию во время постоев, вызывали вспышки недовольства среди крестьян в течение последней четверти XVI в.

В 1591 г. произошло восстание в Диярбекире в ответ на жестокие меры, принятые бейлербеем при сборе недоимок с крестьян. Столкновения населения с войском произошли в 1592—1593 гг. в районах Эрзурума и Багдада. В 1596 г. восстания вспыхнули в Кермане и соседних районах Малой Азии. В 1599 г. недовольство, став всеобщим, вылилось в крестьянское восстание, которое охватило центральные и восточные области Анатолии.

Возмущение восставших было и на этот раз направлено против феодальных поборов, против налогов, взяточничества и произвола султанских чиновников и откупщиков. Движение крестьянства было использовано мелкими ленниками, которые в свою очередь выступали против узурпации их прав на землю выходцами из придворно-бюрократической аристократии, крупными землевладельцами и откупщиками Мелкий анатолийский феодал Кара Языджи, собрав армию в 20—30 тыс. человек из восставших земледельцев, кочевников-скотоводов и мелких ленников, в 1600 г. завладел городом Кайсери, объявил себя султаном захваченных областей и отказался повиноваться стамбульскому двору. Борьба султанских армий с народными антифеодальными восстаниями продолжалась в течение пяти лет (1599—1603). В конце концов султану удалось договориться с мятежными феодалами и жестоко подавить восстание крестьян.

Однако и в последующие годы, в течение всей первой половины XVII в., антифеодальные выступления крестьянства в Малой Азии не прекращались. Особенно мощным было движение «джелали» в 1608 г. В этом восстании нашла своё отражение и

борьба порабощённых народов Сирии и Ливана за освобождение от ига турецких феодалов. Руководитель восстания Джанпулад-оглу провозгласил независимость захваченных им областей и прилагал усилия к тому, чтобы привлечь для борьбы против султана некоторые средиземноморские государства. Он заключил, в частности, договор с великим герцогом Тосканы. Применяя самый жестокий террор, султанские каратели беспощадно расправлялись с участниками движения «джелали». По свидетельству летописцев, ими было уничтожено до 100 тыс. человек.

Ещё более сильными были восстания нетурецких народов империи в Европе, особенно на Балканах, направленные против турецкого владычества.

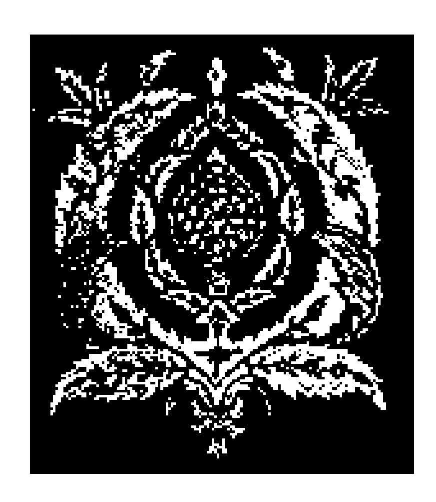
Борьба с антифеодальными и народно-освободительными движениями требовала от турецких правителей огромных средств и постоянного напряжения сил, что ещё более подтачивало режим султанской деспотии.

Борьба феодальных группировок за власть. Роль янычар

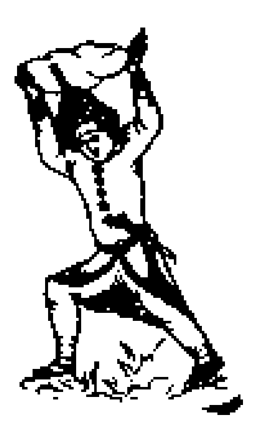
Османскую империю расшатывали также многочисленные феодально-сепаратистские выступления. В течение всей первой половины XVII в. восстания Бекира Чавуша в Багдаде, Абазы-паши в Эрзеруме, Вардара Али-паши в Румелии, крымских ханов и многих других могущественных феодалов следовали одно за другим.

Ненадёжной опорой султанской власти стала и янычарская армия. Это многочисленное войско требовало огромных средств, которых часто не хватало в казне. Усилившаяся борьба за власть между отдельными группировками феодальной аристократии сделала янычар силой, активно участвующей во всех придворных интригах. В результате янычарское войско превратилось в очаг придворных смут и мятежей. Так, в 1622 г. при его участии был свергнут и умерщвлён султан Осман II, а через год свергнут его преемник — Мустафа I.

Османская империя в первой половине XVII в. ещё была сильной державой. Под властью турок оставались обширные территории в Европе, Азии и Африке. Долголетняя война с австрийскими Габсбургами закончилась в 1606 г. Ситваторокским договором, который фиксировал прежние границы Османского государства с империей Габсбургов. Война с Польшей закончилась захватом Хотина (1620 г.). В результате войны с Венецией (1645—1669 гг.) турки завладели островом Крит. Новые войны с Сефевидами, продолжавшиеся с небольшими перерывами почти 30 лет, завершились в 1639 г. подписанием Касри-Ширинского договора, по которому к Ирану отходили земли Азербайджана, а также Ереван, но турки сохранили за собой Басру и Багдад. Тем не менее военная мощь турок была уже подорвана. Именно в этот период — в первой половине XVII в. — получили своё развитие те тенденции, которые в дальнейшем обусловили распад Османской империи.

ГЛАВА XXII
ГОСУДАРСТВО СЕФЕВИДОВ

Народы и племена, населявшие в конце XV — начале XVI в. Иранское плоскогорье, разнились по своему социально-экономическому и культурному развитию, равно как и по этническому происхождению, языку и религии. Наряду с оседлым земледельческим населением, обладавшим старинной высокоразвитой техникой искусственного орошения и земледелия, здесь жили народности и племена, ведшие полуоседлый или кочевой образ жизни. Но даже самые отсталые из кочевников всё же давно миновали стадию первобытно-общинных производственных отношений; у них господствовали феодальные отношения. Немногочисленная группа светских феодалов — ханы, эмиры, беки, — а также духовные феодалы — мусульманские и христианские — владели почти всей землёй в Иране. Крестьянин-земледелец был, как правило, совершенно лишён земельной собственности.

Правда, и в XVI в. сохранился небольшой слой крестьянства, продолжавшего именоваться «свободным». Эти «свободные» крестьяне формально считались собственниками обрабатывавшихся ими клочков земли, но это право собственности было чистой фикцией. Их «собственность» могла быть отнята и продана феодалами, как, земля любой другой сельской общины. Подавляющее же большинство крестьян состояло из лишённых собственности на землю и поэтому находившихся целиком в зависимости от феодалов.

Основной формой феодальной эксплуатации крестьянства была издольная аренда. Согласно давнему обычаю урожай делился на пять частей в зависимости от того, кому принадлежали земля, вода, семена, тягловый скот, рабочие руки. Так как в

большинстве случаев из всех перечисленных пяти элементов крестьянину мог принадлежать лишь последний, то и доля его чаще всего составляла лишь одну пятую урожая. Однако крестьянин-издольщик часто не получал и этой доли; сложная шкала всяких повинностей и оброков обязывала его отдавать более или менее значительную часть и из этой пятой части урожая представителям государственной власти и мулле. Число таких повинностей доходило до трёх, а иногда до четырёх десятков.

Голодовки и эпидемии, сопровождавшиеся нередко вымиранием целых крестьянских селений, были обычным явлением. Встречающиеся кое-где на Иранском плоскогорье невысокие, отлого спускающиеся к долинам холмы представляют собой остатки занесённых песком и глиной когда-то населённых деревень.

Иран к началу XVI в.

В рассматриваемое время в Иране развитие производительных сил было чрезвычайно медленным. Ярким показателем этого являлся сильно задержавшийся в Иране процесс отделения ремесла от сельского хозяйства. В Иране в XV, XVI и даже XVII в. сельская община всё ещё производила многие виды ремесленной продукции, а город носил полу аграрный характер. Значение большей части городов определялось не столько количеством ремесленников, крупных и мелких торговцев, сколько наличием в них землевладельческой знати, ханов и их дворов. Весьма характерно разделение городских ремесленников на две группы: так называемых свободных ремесленников, объединённых в цехи, и ремесленников, работавших в мастерских, принадлежавших феодалу, на тех же примерно условиях издольщины, что и крестьянин. Внешний вид такого города явственно говорил о его социальном устройстве. Среди грязных разваливающихся мазанок, тесно лепившихся друг к другу, здесь и там возвышались мощные стены, ограждавшие тенистые парки, в которых стояли роскошные дворцы и мечети. Земля в городе также принадлежала феодалу.

Не менее характерным признаком отсталости был большой удельный вес, который имело в экономической и политической жизни Ирана того времени кочевое скотоводческое население. Как и оседлое земледельческое население, кочевое скотоводческое общество уже давно вышло из стадии первобытно-общинных отношений. Феодальные производственные отношения стали господствующими среди курдов, луров, бахтиар, афшар и других племён. Немногочисленная ханская верхушка, знать племён обладали огромными землями и пастбищами. Рядовые кочевники всё больше и больше теряли своё прежнее положение равноправных членов общин. Общинные пастбища переходили в частное владение представителей кочевой знати, превращаясь в их феодальную собственность, а сами общинники становились феодально-зависимыми и эксплуатируемыми членами племени. В XVI—XVII вв. эта эксплуатируемая часть племён принимала участие в некоторых народных движениях, направленных против феодалов. И всё же процесс феодализации в кочевом обществе шёл значительно медленнее, чем у оседлого земледельческого населения. Архаические родо-племенные патриархальные обычаи прикрывали рост классового антагонизма у племён кочевников; и такие явления, как кровная месть, родо-племенное побратимство и т. д., находили широкое распространение среди членов племени. Всё это, создавая кажущееся единство, делало из племён кочевников военную силу, которая, как правило, исправно служила классовым целям феодалов.

Находившиеся на разных ступенях социально-экономического развития, различные по языку, культуре и религии народы и племена Иранского плоскогорья в начале XVI в. не были объединены какой-либо единой государственной властью. Один из историков-летописцев того времени перечисляет имена двенадцати ханов, которые враждовали друг с другом, заявляя: «Я, и никто другой». Среди множества всякого рода эмиратов и ханств, на которые тогда распадался нынешний Иран, наиболее крупными являлись ханства на юге Азербайджана и на западе Ирана. Эти районы достигли более высокого уровня экономического развития по сравнению с другими областями Ирана. Тебриз, Хамадан и другие города на юге Азербайджана и Запад-

ного Ирана были важными торгово-ремесленными центрами. Здесь сосредоточивались производство хлопчатобумажных, шерстяных, ковровых и в особенности шёлковых изделий, находивших сбыт в различных странах Европы и Азии. Через территорию Закавказья проходили торговые пути, связывавшие Запад и Восток. Азербайджан и соседние прикаспийские области были центром производства шёлка-сырца, который не только шёл в большом количестве на местное ремесленное производство, но и вывозился на Запад.

Пастух.
Миниатюра работы Ага-Реза Аббаси. 1632 г.

Сравнительно крупными государствами-княжествами в этих районах были в конце XV в. следующие: государство Ак-Коюнлу («Белого барана»), государство ширван-шахов и, наконец, государство шейхов района Ардебиль.

Азербайджанская по происхождению династия Ак-Коюнлу владела землями в южной части Азербайджана (кроме Ардебиля и его округи), Центрального и Юго-Западного Ирана, а также Карабаха, значительной части Армении, Курдистана, Ирака. Северная часть Азербайджана в это время находилась под властью ширван-шахов.

Ардебильским районом владели шейхи Сефевиды, стоявшие во главе духовного ордена «Сефевие», основанного в начале XIV в. шейхом Сефи ад-Дином. Резиденцией Сефевидов был город Ардебиль, расположенный у подножья горного хребта, славившегося своими превосходными пастбищами. Опираясь на военную силу ардебильских скотоводческих племён, шейхи Сефевиды мало-помалу завладели всем Ардебильским районом и превратились во владетельных князей. Вслед за этим они вступили в ожесточённую борьбу с ширван-шахами, стремясь отнять у них их владения, расположенные на севере Азербайджана.

Стоявший на относительно высокой ступени социально-экономического развития Азербайджан составил ядро того обширного феодального государства, которое сложилось в начале XVI в. на территории Ирана и Закавказья. Это государство включило в себя множество племён и народностей, но длительное время преобладали в нём азербайджанские феодалы, на военную силу которых опирались первые Сефевиды. Иным в государстве Сефевидов было положение грузинских феодальных княжеств, которые были включены в него насильственно, в результате завоевания.

Сефевидское феодальное государство в XVI в.

Во второй половине XV столетия в Иране и Закавказье неоднократно проявлялось открытое недовольство народных масс, переходившее иногда в вооружённые выступления против феодалов. Вместе с крестьянами и ремесленниками в этих выступлениях принимала участие и обедневшая масса скотоводов-кочевников. Для борьбы с народными

движениями господствующий класс нуждался в сильной власти. Правители мелких владений были неспособны отстоять привилегии феодалов от народного возмущения. Угроза Закавказью и Ирану со стороны могущественной Османской империи также требовала организации сильной государственной власти.

Ардебильские шейхи Сефевиды оказались теми правителями, которые сумели осуществить чаяния класса феодалов и создать более или менее могущественную державу. Основателем этого государства стал Исмаил Сефевид. Исмаил выступил на историческую арену в начале XVI в. совсем ещё молодым человеком. Смелый воин и тонкий политик, Исмаил сумел привлечь на свою сторону землевладельческую знать азербайджанских племён — зулькадар, афшар, каджар, шамлу, румлу и т. д. Эти племена стали затем главной опорой в его завоеваниях. Один из европейских путешественников рассказывает, что воины Исмаила сами себя содержали, снаряжались за собственный счёт и шли в поход вместе со всем своим скарбом и семьями.

Шлем иранской работы. XVI в.

Желая привлечь на свою сторону народные массы, Исмаил объявил себя шиитом; сектантская шиитская религиозная доктрина со своим догматом об имаме-мессии, воплощавшем несбыточную мечту народа о справедливом правителе, была широко распространена среди оседлого и кочевого населения Азербайджана, жестоко страдавшего от гнёта и эксплуатации со стороны ханов и феодальных землевладельцев. Все приверженцы Исмаила в знак своей принадлежности к шиизму носили головные уборы, отличительной особенностью которых были двенадцать красных складок, по числу почитаемых шиитами имамов-мессий. Благодаря этому головному убору племена, поддерживавшие Исмаила, получили название «кызыл-баши», т. е. «красноголовые». Прозвище «кызыл-баши» скоро стало синонимом Сефевидов. В русских документах XVI — XVII вв. династия и государство Сефевидов преимущественно именуются кызыл-башами.

Исмаил Сефевид получил поддержку и среди армянского и персидского торгово-ремесленного населения, страдавшего из-за захвата Османской империей старинных торговых путей, ведших из Ирана и Закавказья на Запад, и из-за феодальных усобиц.

Первым из княжеств, подвергшихся нападению «кызыл-башей», был Ширван, правитель которого считался исконным врагом ардебильских шейхов. Захватив Шемаху, Баку и другие города на севере Азербайджана, Исмаил двинулся на юг, где разгромил главные силы султана Ак-Коюнлу и занял в 1502 г. Тебриз. Здесь Исмаил (1502—1524) провозгласил себя шахом, а шиизм — государственной религией. Так сложилось сефевидское феодальное государство.

Провозглашение шиизма государственной религией имело важные последствия. Сектантская шиитская доктрина была популярна в широких массах, видевших в шиизме противопоставление господствующей в исламе идеологии — суннизму. В начале XVI столетия такое противопоставление носило антитурецкий характер, поскольку в османской Турции государственной религией был признан суннизм. Наконец, провозглашение шиизма государственной религией позволяло Сефевидам секуляризовать огромные земельные фонды и богатства, находившиеся до этого времени в руках суннитского мусульманского духовенства. Борясь за торжество шиизма, Исмаил получал «законное» основание для захвата земель и у светских феодалов, но желавших переменить веру.

В руках первого шаха династии Сефевидов оказался огромный земельный фонд. Для управления им был создан особый вазират, глава которого именовался «вазир высокого Дивана» в отличие от вазира, управлявшего остальной частью страны. Наряду с шахом крупнейшими землевладельцами стали ханы племён, принимавшие активное участие в образовании Сефевидского государства, и шиитское духовенство; такие шиитские святыни, как Мешхед, где находится могила одного из наиболее почитаемых имамов, как Кум, где, по легенде, похоронена сестра этого имама, и многие другие религиозные центры обросли огромным вакуфным землевладением.

Захват владений ширван-шахов и Ак-Коюнлу был только началом завоеваний Исмаила Сефевида. Скоро в состав Сефевидского государства вошла территория всего Ирана (кроме Хорасана), а также Ирак (Месопотамия) с Багдадом (1508 г.). Здесь скрещивались важнейшие торговые пути и находились священные шиитские города Неджеф и Кербела.

Образование сильного Сефевидского государства было встречено враждебно его соседями: узбекским государством Шейбани-хана, сложившимся в конце XV в. в Средней Азии, и Османской империей. В 1510 г. в сражении под Мервом (в Хорасане) армия Сефевидов нанесла поражение войскам Шейбани-хана. В результате этой войны Сефевиды овладели Хорасаном.

Особенно большое значение имели для Сефевидского государства XVI столетия военные столкновения с турками. В войне против султана Селима I в 1514 г. Исмаил потерпел поражение. Длительная и опустошительная война с Османской империей продолжалась и при ближайшем преемнике Исмаила — шахе Тахмаспе I (1524— 1576). В 1534 г. турецкие феодалы вновь вторглись в пределы Сефевидского государства. Как и прежде, основными местами сражений были Закавказье и Ирак. Турки захватили Тебриз, а некоторое время спустя и Багдад (1534 г.). Тебриз, правда, был вскоре вновь занят «кызыл-башами», но Багдад и Ирак надолго остались в руках турок. Опасаясь неожиданного турецкого вторжения, Сефевиды перенесли столицу в город Казвин, подальше на восток от границы с Турцией.

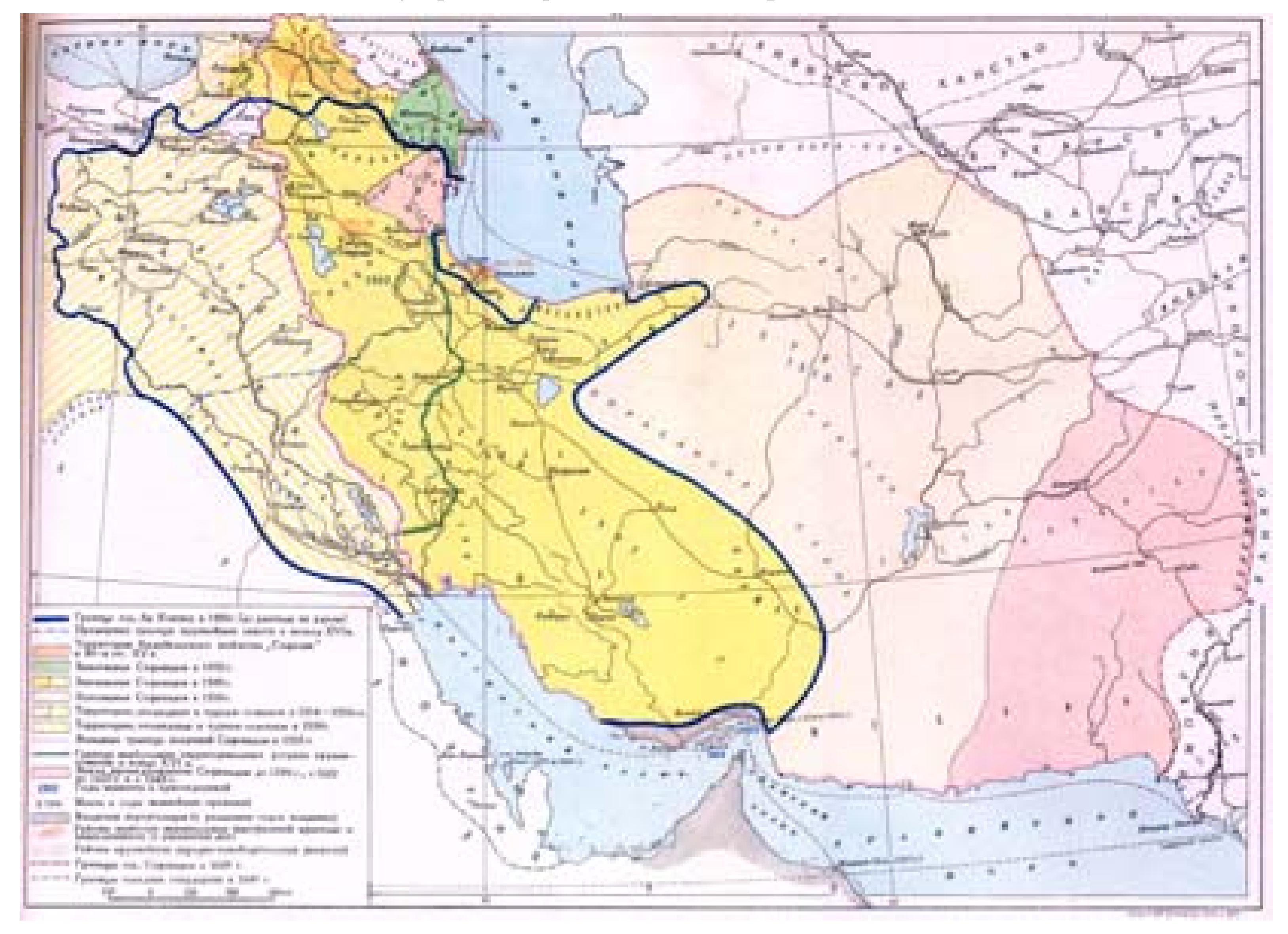
В 1547 г. началась новая война, продолжавшаяся свыше восьми лет и закончившаяся в 1555 г. мирным договором, разделившим Закавказье между Ираном и Турцией. Следующая, наиболее продолжительная война Сефевидского государства с Османской империей началась в 1578 г. и длилась до 1590 г. Во время этой войны турки заняли всё Закавказье. Турецкие суда плавали по Каспийскому морю, прерывая сообщение между северными и южными его берегами.

В то же время в Сефевидском государстве не прекращались антифеодальные народные движения. Источники сообщают об открытых выступлениях крестьян и ремесленников (например, городское восстание в Тебризе 1571—1572 гг., восстание 1591—1592 гг. в Гиляне).

Войны шаха Аббаса I

Восстановление могущества Сефевидского государства произошло при шахе Аббасе I (1587 — 1628), прозванном феодальной историографией Великим. Аббас I пытался решить эту задачу главным образом путём увеличения размеров и реальной экономической мощи своих непосредственных земельных владений — шахского домена. В возникшей

Государство Сефевидов в XVI — середине XVII в.

в связи с этим борьбе с враждебными ему группировками знати Аббас I опирался на ту часть феодалов, которая находилась в вассальной зависимости от него, а также на торгово-ростовщические элементы городов.

Верхушка племён «кызыл-башей», поддерживавшая шаха Исмаила, состояла ко времени Аббаса I из крупнейших землевладельцев. Владения — уделы— некоторых ханов соперничали по величине с шахским доменом. Таков, например, был удел ханов азербайджанских племён зулькадар, владевших Фарсом и Керманом. Собирая налоги и подати, содержа собственную дружину, набранную из среды подвластного племени, творя суд и расправу над оседлым и кочевым населением, ханы зулькадар чувствовали себя не менее самостоятельными, чем сам шах. Двор этих ханов в Ширазе был столь же роскошен, как и сефевидский двор.

Фарфоровая сулея иранской работы. XVI в.

Наряду с такими вновь образовавшимися кызыл-башскими уделами сохранились старые феодальные владения с наследственными владетельными князьями. К числу таких князей, например, относился хан Гиляна, который вёл независимую от шаха внешнюю политику, отправляя послов в Стамбул к турецкому султану. Борьба с этими ханствами и составила первоначальный этап правления шаха Аббаса I. Его деятельность носила решительный характер, она завершалась обычно казнью непокорных феодалов, конфискацией их земельных владений, переходивших, как правило, в собственность шаха. По подсчётам летописцев, в этой борьбе погибло не менее половины общего числа различных владетельных ханов и эмиров Шахский домен при Аббасе I поглотил множество подобных удельных владений, именовавшихся на языке сефевидской канцелярии «мамалек» — «государствами».

Охрана и упорядочение эксплуатации этого домена — таковы были цели последующей деятельности шаха Аббаса I. В годы его правления азербайджанская знать и азербайджанские племена потеряли своё господствующее положение в государстве. В поисках надёжной опоры Аббас стал всё более ориентироваться на местную персидскую знать. В 1598 г. он перенёс столицу из Казвина в город Исфахан.

Особым вниманием шаха Аббаса пользовалось войско, необходимое для борьбы как с собственным народом и непокорной знатью, так и с Турцией. Вместо племенного ополчения, составлявшего до этого времени основную опору Сефевидской династии, было организовано постоянное войско, часть которого была вооружена огнестрельным оружием и даже артиллерией. Создание постоянной армии оказало решающее действие на конечный исход военных столкновений с Османской империей.

В 1603 г. Аббас I смог вновь начать военные действия на западных границах своего государства; к этому времени шах обладал уже постоянным войском и артил-

лерией. В результате долгих, но успешных для Аббаса военных действий в 1612 г. между враждующими сторонами был заключён новый мирный договор, по которому

Сельскохозяйственные работы.
Миниатюра работы Мохаммеда. 1578 г.

Сефевидское государство вернуло себе значительную часть Грузии, Армении, а также Азербайджан, Курдистан, Диярбекир, Мосул, Багдад. Во владение Сефевидской державы перешли также Хорасан, являвшийся предметом спора между узбекскими ханами и Сефевидами, и западная часть нынешнего Афганистана.

В 1622 г. сефевидское войско под командованием полководца Аллаверды-хана изгнало португальцев из Ормуза в Персидском заливе. В этой операции оно было поддержано флотом английской Ост-Индской компании, за что англичане потребовали предоставления им права беспошлинной торговли в пределах всего Сефевидского государства, права иметь свои конторы и торговые дома в Исфахане, Ширазе, Бендер-Аббасе. Так было положено начало проникновению английской Ост-Индской компании в Иран.

Экономическое развитие в XVII в.

Территориальное расширение, организация постоянного войска, военные успехи превратили государство Сефевидов в мощную державу. Европейские путешественники, посещавшие двор шаха Аббаса и его ближайших наследников, заявляли, что Сефевиды в XVII столетии были «самыми богатыми монархами в мире». Будучи крупнейшим феодалом, шах выступал вместе с тем и как самый крупный купец. Как территория Сефевидского государства делилась, с одной стороны, на домен шаха, а с другой — на прочие феодальные владения — уделы, так и вся торговля разделялась на огромную по своим размерам шахскую торговлю и торговлю остальных феодалов и купцов. Обладая неограниченной властью, шах объявлял монополию на наиболее выгодные предметы торговли: шёлк, соль, мыло и т. д.

Весь производившийся в стране шёлк, сырой и обработанный, должен был сдаваться шахским приёмщикам по ценам, устанавливавшимся государственными чиновниками; шахские купцы торговали шёлком за границей. Аббас стремился завязать непосредственные торговые сношения с Европой, вывозя туда шёлк морским путём. В своих торговых делах шах не терпел никакой конкуренции. Так, например, чтобы избавиться от соперничества армянского купечества, шах разорил центр армянской торговой деятельности в Закавказье — город Джугу и переселил армянское население в Исфахан, в пригород, названный Новой Джугой (Новая Джульфа). Много армянских ремесленников и бедноты погибло при переселении; богатые армянские купцы превратились в приказчиков шаха по продаже шёлка и других товаров за границей. Откупщики широко использовали разные монополии, наживаясь на откупах таможенных, налоговых и других сборов. Для удобства торговли Аббас организовал строительство дорог, мостов и ирригационных сооружений.

Исфахан, местопребывание шах а, и другие города при Сефевидах вели оживлённую торговлю, главным образом предметами роскоши, с самыми отдалёнными странами. Особенно ценились в XVI—XVII вв. некоторые предметы европейского ремесленного производства. Европейский купец, мастер-ремесленник, художник-живописец были частыми гостями при дворе шаха и крупного феодала. Строительство и украшение роскошных дворцов, культовых сооружений, помпезность обихода требовали больших средств. Единственным способом получить эти средства был всё усиливавшийся нажим на крестьянина и ремесленника.

На первых порах образование Сефевидской державы, предпосылкой которого было развитие производительных сил, в свою очередь оказало положительное влияние на рост земледелия, ремесла и торговли. В XVI в. большинство земель, обращённых во время монгольского завоевания и войн XIII—XIV вв. в пастбища, вновь были обработаны, заняты под поля, сады и огороды. Основную часть сельскохозяйственной продукции составляли зерновые, за ними шли продукты садоводства. Весьма интенсивного развития достигла культура шёлка-сырца. Техника искусственного орошения находилась на высоком уровне. С глубокой старины хранил земледелец Иранского плоскогорья своё необычайное умение ирригатора; пользуясь примитивными инструментами, нередко просто на глаз земледельцы-крестьяне проводила воду в самых сложных топографических условиях. В городе и в деревне были широко распространены текстильное, шёлкоткацкое, гончарное ремёсла, производство бумаги, чеканка металлов, выделка оружия, кожевенное дело. Как оседлое, так и особенно кочевое население славилось умением ткать ковры из шерсти и шёлка слож-

нейших расцветок, с узорами. Хозяйственному подъёму страны способствовало упорядочение и некоторое сокращение налогового и податного бремени, осуществлённое первыми сефевидскими шахами.

Однако хищническая эксплуатация трудящихся со стороны ханов, беков и феодального государства с течением времени всё больше усиливалась, тормозя развитие производительных сил и разрушая экономическую основу государства. Ухудшению экономического положения Сефевидской державы в немалой степени способствовало изменение мировых торговых путей. Торговля Ирана шёлком не могла не пострадать от того, что европейское купечество нашло путь к такому рынку шёлка, как китайский. К тому же сефевидский феодал-землевладелец, грабивший крестьян и ремесленников, не принимал никакого участия в организации сельскохозяйственного и ремесленного производства. Даже работы по проведению и поддержанию ирригационных сооружений в XVI—XVII вв. были в значительной мере возложены на сельские общины. Феодал, как правило, проживал не в своём владении, а в городе.

Обострение классовой борьбы. Восстание Адиль-шаха

В 1629 г., вскоре после смерти шаха Аббаса, началось крупное антифеодальное народное восстание в Гиляне. Лахиджан и Решт — центры шелководства — явились главными очагами восстания. Поводом к выступлению послужили насилия, чинившиеся шахскими чиновниками над крестьянами-шелководами. В движении приняли активное участие ремесленники и городская беднота. Повстанцы захватывали дворцы и дома знатных людей, уничтожали особенно ненавистных и жестоких притеснителей. Вместе с тем народное восстание было использовано гилянскими феодальными кругами, выступавшими против централизаторской политики шаха и произвольных действий сефевидской администрации.

В местностях, занятых повстанцами, была создана новая власть во главе с одним из обедневших потомков местной княжеской династии. Он получил прозвище Адиль-шаха, что значит «Справедливый государь»; ближайшими его помощниками были «эмиры державы», среди последних видное место занимало духовенство.

Восстание Адиль-шаха было массовым. Повстанцы захватывали городские центры и одновременно уничтожали знать и шахскую бюрократию в деревне.

С большим трудом сефевидские войска подавили восстание. Отряды племён, которыми располагали местные ханы, не хотели бороться с повстанцами, действовали медленно и нерешительно. Судьбу восстания решили измена и недостаточная организованность восставших. Участие представителей господствующего класса в народном движении оказалось роковым для судьбы восстания. Страх перед восставшим народом, боровшимся не только против Сефевидов, но и за уничтожение феодальной эксплуатации, боязнь углубления борьбы диктовали этой группе участников восстания политику компромиссов и предательства. Сефевидским войскам удалось в конце концов разрознить силы повстанцев. Адиль-шах был схвачен и казнён. Шах Сефи, наследник шаха Аббаса, собственноручно расстрелял из лука на исфаханской площади распятого вождя восстания. Жестокие репрессии обрушились на народные массы.

Народное восстание 1629 г. сыграло существенную роль в судьбе Сефевидского государства. Оно, как и ряд восстаний в Закавказье и других областях, расшатало могущество Сефевидской феодальной державы, облегчив тем самым освободительную борьбу народов, насильственно включённых в державу Сефевидов.

Культура

Народы сефевидского Ирана были хранителями большого культурного наследия, накопленного тысячелетиями упорного труда. Музыка, танцы, поэтическое творчество составляли неотъемлемую часть культурного обихода населения города и деревни. Многие знали наизусть «бейты» (двустишья) замечательных поэтов прошлого, любили читать и импровизировать стихи, отражая в них свои настроения, воспоминания и чаяния.

Однако классовый гнёт и господство религиозной мусульманской идеологии придавали культурному развитию Ирана специфический и однобокий характер. Господст-

вующей религиозной системой являлся шиизм. Отражая в своей традиции борьбу против ортодоксального ислама — суннизма, шиизм, так же как и суннизм, представлял собой в это время схоластико-догматическую мусульманскую систему. Как и суннизм, шиизм стремился подавить всякую попытку нерелигиозного и материалистического миропонимания.

Даже персидская поэзия, так рельефно отражавшая в раннее средневековье чаяния народных масс, приобрела в XVI—XVII вв. мистический, абстрактный характер. Построенная на искусственном сочетании слов, буквенных загадок, недоступная народу, она стала придворной поэзией.

Запрещение исламом изображать живые существа, в особенности человека, тормозило развитие живописи и скульптуры, которые в древности достигли высокого подъёма у народов Иранского плоскогорья. Из различных жанров изобразительного искусства в XVI—XVII вв., как и в последующее время, наибольшей популярностью пользовалась художественная каллиграфия. Созданные мастерами каллиграфии рукописи и даже небольшие отрывки, так называемые китэ, составляли такое же украшение богатого дома, как картинные галереи в Европе. Рукописи и китэ таких выдающихся мастеров, как Султан-Али из Мешхеда, Мир-Али из Герата и др., ценились любителями и продавались за пределами Ирана, в Индии, Турции, Средней Азии и т. д. Иногда такие рукописи украшались небольшими картинами-миниатюрами, которые достигли высокого совершенства. Герат, Тебриз, Исфахан и другие центры Сефевидского государства славились мастерскими, где создавались написанные художественным почерком и украшенные миниатюрами рукописи. Среди художников-миниатюристов большой известностью пользовались Бехзад из Герата, Султан-Махмуд из Тебриза, Ага-Реза Аббаси, работавший в Исфахане» Культура Сефевидского государства имела отчётливые черты взаимовлияния культур тех народностей, которые входили в это государство, равно как и черты культурного взаимообмена с соседними странами Средней Азии. Именно этим объясняется тог факт, что Герат в течение длительного времени представлял собой центр культуры одновременно для многих народностей Ирана и Средней Азии и что такие крупные мастера искусства, как Бехзад, были одинаково близки как народам Ирана, так и народам Средней Азии.

Развитие культуры в сефевидском Иране происходило преимущественно в узких рамках придворных и высших аристократических кругов. Ханы и эмиры старались привлечь к себе на службу как можно больше художников, строителей, каллиграфов и других искусных мастеров.

Резиденции знати, а также мечети Сефевидского Ирана поражали своей роскошью. Богатый растительный или геометрический орнамент, лепные украшения, похожие на сталактиты, керамическая мозаика украшали дворцы и мечети.

ГЛАВА XXIII
НАРОДЫ КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ В XVI И В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

1. Кавказ

К началу XVI столетия развитие феодализма в странах Закавказья достигло уже большой зрелости. Здесь установились типичные для феодализма формы земельной собственности. Для Грузии того времени характерно крупное безусловное наследственное землевладение князей и духовенства, пользовавшихся полным иммунитетом; грузинское дворянство под условием службы испомещалось преимущественно на княжеских же землях. В Азербайджане и Армении наряду с безусловным наследственным землевладением — мульком — были развиты на государственных землях условные формы землевладения — тиуль и союргал из которых первая означала временное пожалование с правом сбора ренты-налога, а вторая — наследственное владение, хотя и под условием службы, с полным иммунитетом. Местные светские феодалы в результате войн были здесь, особенно в Армении, в значительной степени заменены иноземными завоевателями. Однако армянской церкви и монастырям удалось сохранить на правах мулька обширные земельные владения, не уступавшие вакуфным владениям мусульманского духовенства.

Захват феодалами земли и права распоряжения водой, подаваемой на поля системами оросительных каналов, вёл к тяжёлой эксплуатации крепостного крестьянства. При преобладании натурального хозяйства основной формой ренты был натуральный оброк. Барщина имела меньшее значение. В Азербайджане и Армении были распространены также кабальные формы издольной аренды. Ввиду большого спроса на рабов в соседних Турции и Иране закавказские феодалы продавали нередко в мусульманские страны не только захваченных в междоусобных войнах пленников, но и собственных крепостных. Умелые земледельцы и искусные ремесленники Закавказья высоко ценились на рабовладельческих рынках Востока.

В Армении и Азербайджане часть населения составляли кочевые или полукочевые скотоводческие племена. В XVI—XVII вв. количество кочевников здесь даже увеличилось благодаря политике завоевателей, переселявших сюда кочевников — курдов и туркмен с целью разъединить и ослабить местное оседлое население. Феодальная эксплуатация рядовых кочевников племенной знатью была прикрыта пережитками патриархальных отношений.

Население повсеместно занималось земледелием, садоводством, виноградарством и скотоводством. Климат Закавказья и издавна привитые навыки орошаемого земледелия позволяли возделывать пшеницу, ячмень, просо, а в некоторых районах и рис. Развивались шелководство и хлопководство, благодаря которым в домашней крестьянской промышленности было распространено изготовление шёлковых и бумажных материй. Ширванский шёлк славился на мировых рынках. Население занималось также рыболовством на Каспийском море и добычей нефти в районе Баку, производившейся из колодцев примитивными способами — вручную или лошадиной тягой.

Серебряный головной убор, чеканный, с инкрустацией золотом и камнями, азербайджанской работы.
XVI в.

В рассматриваемый период в Закавказье продолжало господствовать натуральное хозяйство. Однако среди городов Закавказья были значительные ремесленные и торговые центры. Изделия местных ремесленников, особенно ткачей, оружейников, ювелиров, кожевников, находили сбыт и на внешних рынках. Ремесленники объединялись в цехи, торговцы — в купеческие объединения. Значительная часть ремесленников была феодально-зависимой. Стоявшие на давних транзитных торговых путях города Закавказья, такие, как Тбилиси, Ереван, Шемаха, Баку и др., страдали от бесконечных войн, а также от таможенных перегородок, затруднявших торговый обмен.

Народы Кавказа в период ирано-турецких войн

XVI—XVII века — период ожесточённой борьбы за Кавказ между Османской империей и сефевидским Ираном. Разгоревшаяся в начале XVI в. между ними война закончилась договором 1555 г., по которому Закавказье было поделено между султаном и шахом: Имеретинское царство, княжества Гурия и Мегрелия и западная часть Месхети (Грузия), а также области Васпуракан, Алашкерт и Баязет (Армения) отходили к Турции, а восточные части Грузии и Армении и весь Азербайджан — к Сефевидам. Феодальная усобица в Иране во второй половине XVI в. ослабила Сефевидское государство и содействовала усилению позиций Турции. В результате войны 1578—1590 гг. всё Закавказье отошло к Турции. Лишь шаху Аббасу I после десятилетней войны 1603—1612 гг. удалось добиться восстановления границ, определённых договором 1555 г. Новая война, разразившаяся несколько лет спустя после заключения договора 1612 г., продолжалась с перерывами до 1639 г. и не внесла каких-либо существенных изменений в распределение закавказских владений между Турцией и Ираном. В сфере влияния шахов оказался и приморский Дагестан, в то время как Турция и Крым стремились распространить своё влияние на адыгские племена Северного Кавказа.

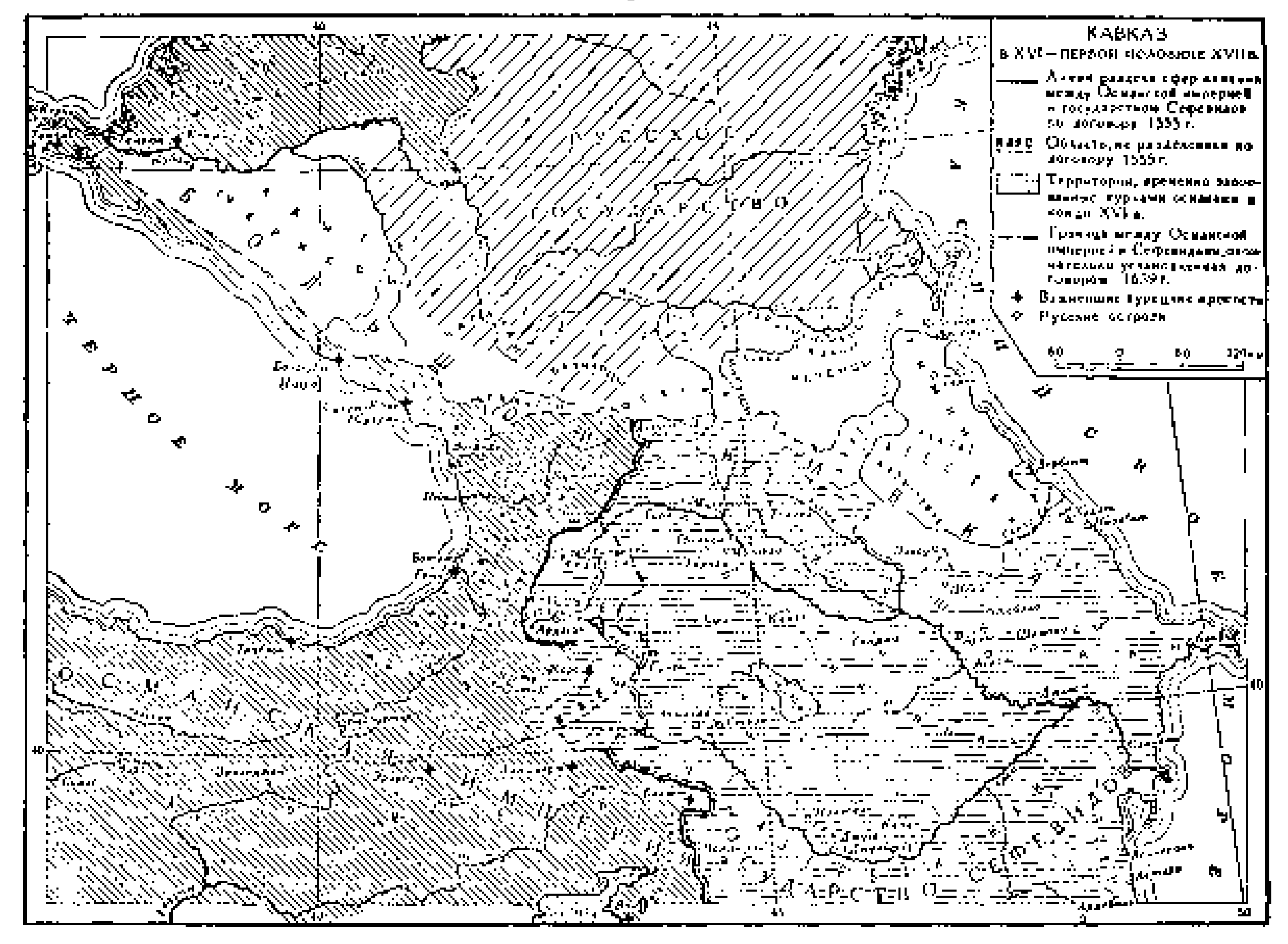
В условиях борьбы за Кавказ двух крупных и сильных в военном отношении держав феодальные государства Закавказья оказались неспособными сохранить независимость. Экономическая и политическая разобщённость кавказских народов и нескончаемые междоусобные войны не давали им возможности сплотиться для отпора завоевателям. В начале XVI в. Грузия окончательно распалась на три царства — Имеретинское, Картлийское и Кахетинское — и на несколько княжеств, некоторые из них, такие как Гурия, Мегрелия или Абхазия, фактически были независимы от царской власти. Каждое из этих царств раздирала междоусобная борьба крупных феодалов.

В Армении в начале XVI в. вовсе не существовало армянских государственных образований. В Азербайджане государство ширван-шахов, территория которого занимала большую часть северных районов Азербайджана, и Шекинское ханство прекратили своё существование к середине XVI в. в результате завоевательной политики Сефевидов. На территории Армении и Азербайджана было введено частью турецкое, частью характерное для Сефевидского государства административное устройство. В Западной Армении, находившейся под властью Османской империи, были образованы вилайеты и санджаки, в Восточной Армении и в Азербайджане, включённых в состав Сефевидского государства, — беглербегства, внутри которых выделялись обширные земельные владения, пожалованные шахами представителям кызыл-башской знати или местных феодальных династий. В течение XVI—XVII вв. некоторые из таких пожалований закрепляются как наследственные владения. Это привело в дальнейшем к образованию в Северном Азербайджане и Армении ряда отдельных ханств.

В равнинной и предгорной частях Дагестана в XVI—XVII вв. сложились миниатюрные феодальные владения, в которых наряду с развивавшимися феодальными отношениями существовали патриархальные пережитки. У адыгских племён Северного Кавказа, живших в условиях неполной оседлости, не было сколько-нибудь прочных и развитых государственных образований. Для населения высокогорных областей Кавказского хребта характерна чрезвычайная этническая пестрота. По уровню своего социально-экономического развития эти области отставали от равнинных и предгорных частей Кавказа. Основным занятием горцев было отгонное скотоводство. Родовые отношения сохраняли ещё устойчивость, и процесс феодализации лишь начинался.

Нашествия завоевателей сопровождались разрушением производительных сил, уничтожением культурных ценностей, гибелью и угоном в рабство десятков тысяч людей. Такие наиболее значительные города Закавказья, как Тбилиси, Ереван, Ше-

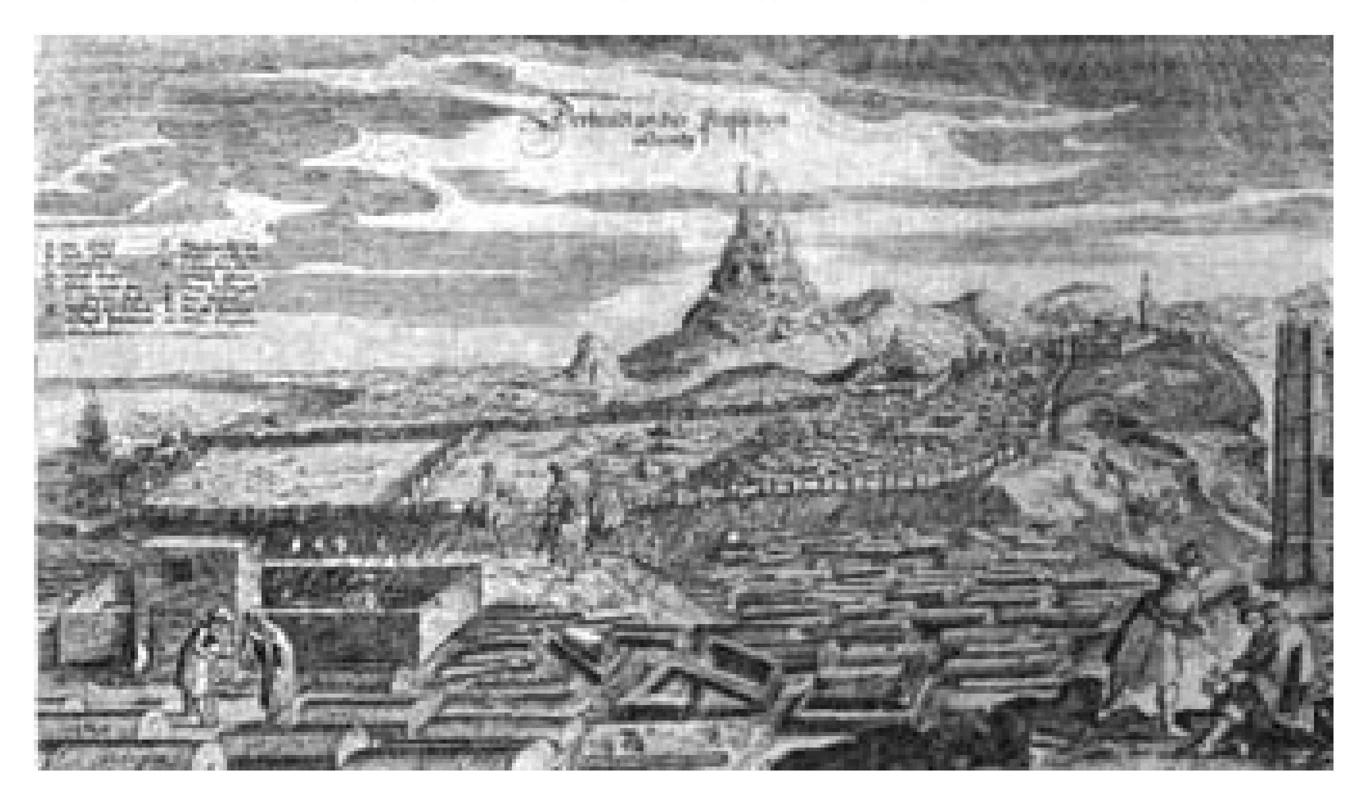
Кавказ в XVI — первой половине XVII в.

маха, десятки раз переходили из рук в руки и подвергались беспощадному разграблению.

Примером вопиющего произвола и насилий завоевателей было и разрушение в 1603 г. по приказанию шаха Аббаса I крупного центра международной торговли шёлком — города Джуги с поголовным выселением его жителей в глубь Ирана.

Период борьбы Турции и сефевидского Ирана за Кавказ — это период упадка экономической, политической и культурной жизни Армении, Грузии и Азербайд-

Дербент.
Гравюра из «Описания путешествия» А. Олеария. 1656 г.

жана. Во многих местах лишь поросшие густым лесом развалины свидетельствовали, что ранее здесь била ключом ремесленная или сельскохозяйственная деятельность.

Освободительная борьба кавказских народов

В это тяжёлое для народов Кавказа время их борьба против завоевателей не прекращалась. Освободительное движение носило временами широкий и упорный характер: в нём принимала участие наряду с крестьянами и ремесленниками и часть землевладельцев, духовенства, купечества. Но если для представителей господствующего класса, примкнувших к движению, конечной целью было изгнание иноземцев-завоевателей, то крестьяне и беднейшее население городов стремились освободиться не только от иноземного гнёта, но и от феодальной эксплуатации.

Султаны и шахи нередко должны были сосредоточивать большие военные силы с целью подавить народное сопротивление. Героической была в XVI в. борьба грузинского народа против турецких и иранских войск, отмеченная такими победами, как Гарисская битва с Сефевидами в 1558 г. или освобождение от турок крепости Гори во время восстания в Картли в 1598—1599 гг. В начале XVII в. турки были вытеснены из Азербайджана не только сефевидскими войсками, но и в результате восстаний местного населения, освободивших крепости Дербент и Баку Восстание 1615 г. в Закавказье вынудило самого шаха Аббаса стать во главе карательной экспедиции.

В 1623—1625 гг. в Грузии вновь вспыхнуло восстание, одним из руководителей которого был тбилисский моурав (представитель феодальной администрации) Георгий Саакадзе. Под знаменем восстания объединилось около 20 тыс. грузин. Потерпев в 1624 г. поражение в открытом бою с шахскими войсками у Марабды, повстанцы перешли к партизанской войне. Лишь с большим трудом сефевидским войскам удалось подавить движение. Саакадзе бежал в Турцию и там погиб. Действия повстанческих крестьянских отрядов в Армении и в Азербайджане в первые десятилетия XVII в. связаны с именем народного героя Кёр-оглу, вошедшего в народный эпос в образе борца за обездоленных и угнетённых, против богачей и угнетателей. В этом движении освободительная борьба против завоевателей сплелась с антифеодальной борьбой. Классовая направленность особенно ярко выражена в движении 1616—1625 гг., которое происходило на территории Армении и Азербайджана и возглавлялось монахом-расстригой Мехлу-баба (или Мехлу-вардапетом). Движение было направлено главным образом против крупных духовных феодалов армянской церкви, опиравшихся на сефевидскую администрацию. Мехлу нашёл последователей не только среди христиан-армян, но и среди мусульман-азербайджанцев. Из районов Гянджи и Карабаха движение распространилось до Еревана, где оно было подавлено беглербегом области по требованию высшего армянского духовенства. Сам Мехлу пропал без вести в Западной Армении.

Международные связи народов Кавказа

Благодаря своему экономическому значению, особенно в сфере производства шёлка, и большой роли в ирано-турецких войнах Кавказ в XVI—XVII вв. привлекает внимание европейских государств. Через Малую Азию Кавказ был связан торговыми путями со странами Средиземноморского бассейна, особенно с Венецией, а через черноморское побережье и Крым—с Польшей и отчасти с Германией. Со второй половины XVI в. открылся новый путь — через Архангельск и Астрахань, которым пользовались преимущественно англичане, получившие в этот период от русского правительства монопольное право транзитной торговли с Востоком. Западноевропейские купцы вывозили с Кавказа шёлк и шёлковые изделия, привозили сюда изделия стран Запада, особенно сукна.

С другой стороны, в этот период наибольшей агрессии Турции в Средиземном море и в сторону Центральной Европы упорная борьба народов Кавказа против турецкой агрессии привлекала внимание дипломатических и военных кругов европейских стран. В XVI—XVII вв. Кавказ посещали, обычно проездом в Иран, многие западноевропейские путешественники, купеческие агенты и послы, собиравшие сведения о Кавказе, его богатствах, освободительной борьбе народов Кавказа против завоевателей. В конце 40-х, в 60-х и 80-х годах XVI в. делегации от армянского духовенства, армянской знати и именитого купечества направлялись в Европу с просьбой о помощи против турок.

Народы Кавказа и Русское государство

Сношения Кавказа с Россией в XVI—XVII вв. расширялись и укреплялись. Кавказские купцы постоянно торговали в Астрахани и приезжали в Москву. Русские купцы, спустившись в Астрахань по Волге, ездили отсюда на Кавказ или сухим путём через Дербент, или морем, высаживаясь обычно в Низабате, так называемой Низовой пристани между Дербентом и Баку; отсюда шёл путь на Шемаху, где был особый квартал русских купцов.

Длительные ирано-турецкие войны затрудняли развитие русско-кавказских экономических связей; вассальная зависимость крымских ханов от султанов и возможность для турок действовать со стороны Крыма и Азова через Северный Кавказ угрожали присоединённой к России Астрахани и южным областям государства; выход турок через Закавказье к Каспийскому морю в конце XVI в. создал новые препятствия для русской торговли с Востоком.

Несмотря на то, что во второй половине XVI и в первой половине XVII в. Россия была занята в основном решением внешнеполитических задач на своих западных границах, её политика на Кавказе имела большое значение как для хода ирано-турецких войн, так и для судеб народов Кавказа.

Выход России через Астрахань к Каспийскому морю укрепляет и расширяет её влияние на Кавказе. Присоединение Кабарды в 1557 г. к России, а также укрепле-

Астрахань.
Гравюра из «Описания путешествия» А. Олеария. 1656 г.

ние связей с Дагестаном ведут к постройке русской крепости в стратегически важном пункте в центре Северного Кавказа при впадении реки Сунжи в Терек. Были установлены сношения Грузии с Москвой через Дарьяльский проход, за которыми последовала посылка в помощь кахетинскому царю Левану русского военного отряда. Значение Астрахани и острога на Сунже было понято султаном, который сначала попытался отнять у русских Астрахань в неудачном походе 1569 г., а затем опустошительным набегом крымских войск на Москву в 1571 г. заставил русских временно уйти с Терека.

Последняя четверть XVI в. была временем наибольших успехов султанов в борьбе за овладение Кавказом. Турция вышла к Каспийскому морю, здесь появился турецкий флот, препятствовавший русской восточной торговле; турецкие военные суда строились в той самой пристани у Низабата, куда ранее приходили русские торговые суда; возник план постройки нескольких турецких крепостей в Дагестане и на Тереке, а также похода на Астрахань со стороны Кавказа.

В это время, когда решалась судьба народов Кавказа, их сношения с Россией и военные действия русских войск в северокавказских областях были одним из факторов, которые помогли вытеснить турок из Азербайджана, Дагестана и Восточной Грузии. По просьбе кабардинских князей и кахетинского царя Александра, принявшего в 1587 г. русское подданство, после дипломатических переговоров с Дагестаном и шахом, как противником султана, была создана целая система русских крепостей я укреплений на Волге, Тереке и у устья других рек. Дорога в Азербайджан через Северный Кавказ снова оказалась полностью закрытой для турок.

Из Астрахани и русского Терского города в 90-х годах XVI в. и в начале XVII в. предпринимались походы русских войск в Дагестан с целью прервать сношения турок и крымских татар с Дагестаном, отрезать крымско-турецким силам путь в Закавказье и укрепить положение Кахети.

Несмотря на то, что наиболее крупный поход — 1604—1605 гг. — кончился неудачей, а в дальнейшем активная политика русского правительства на Кавказе была

Шемаха.
Гравюра из «Описания путешествия» А. Олеария. 1656 г.

прервана начавшейся польской интервенцией и крестьянской войной, итоги русско-кавказских сношений конца XVI — начала XVII в. надо признать значительными и в военном, и в политическом отношениях. Политические связи России на Кавказе расширились, восстания против турок в начале XVII в. в Дербенте и Азербайджане прикрывались с севера русскими крепостями, стратегические позиции Турции были ослаблены. В дальнейшем султанам уже не удалось вернуть на Кавказе позиции, утерянные в первое десятилетие XVII в.

В начале XVII в. международная обстановка на Кавказе сильно изменилась. К этому времени русский город в устье Терека стал центром экономических и политических связей. Через него проходила сухопутная дорога в Азербайджан, отсюда шли пути к перевалам в Грузию. Ближайшие к Терской крепости области на Северном Кавказе втягиваются в сферу русского влияния, благодаря чему крымским ханам уже не удаётся выполнять приказания из Стамбула о походах в Закавказье

через Дербентский проход. Для участия крымской конницы в военных действиях против Ирана приходилось теперь предпринимать громоздкие перевозки её из Крыма в Синоп на специальных транспортных судах. С другой стороны, планы шахов закрепиться в Дагестане и постройкой крепости в среднем течении Терека обеспечить своим войскам сообщение через Дарьяльское ущелье встречали упорное сопротивление местных сил, поддержанное из Астрахани и Терского города.

Экономические и политические связи России с Закавказьем значительно расширяются. Поездки азербайджанских и армянских купцов на Русь приобретают систематический характер, в Астрахани и в Москве возникают постоянные армянские колонии. Также и в Грузии, страдавшей от турецко-иранских войн и ожесточённой внутренней борьбы местных феодальных группировок, усиливается стремление найти в России поддержку в освободительной борьбе. В первой половине XVII в. и в начале 50-х годов в Москве побывало несколько посольств из Кахети (первое из них, 1618 г., представляло также Имерети, Гурию и Мегрелию), специальные посольства из Имерети, Мегрелии и Картли. Ответные русские посольства познакомились с экономическим и политическим состоянием разных частей Грузии и с путями туда через горные перевалы. В результате этих сношений кахетинский царь Теймураз в 1639 г. подтвердил присягу о вступлении Кахети в русское подданство; в 1651 г. вступил в подданство России царь Имерети Александр. Грузинские послы прямо ставили перед русским правительством вопрос о военной помощи против Турции и Ирана. В этот период русское правительство не могло пойти на развёртывание военных действий против шаха и султана, но оно оказывало грузинам материальную и дипломатическую поддержку.

Русско-кавказские связи привлекли к себе внимание некоторых западноевропейских государств, что нашло отражение в их дипломатических сношениях с Москвой. Переговоры шли в двух направлениях. С одной стороны, ставился вопрос о предоставлении купцам Западной Европы права свободного проезда через Русское государство для торговли с Ираном. При этом имелись в виду не только внутренние области Ирана, но и Шемаха. В положительном решении этого вопроса были особенно заинтересованы англичане и голландцы. Русское правительство не разрешило транзита, считая, что это нарушило бы интересы как русского купечества, так и казны. С другой стороны, переговоры были связаны с планами организации широкого союза против турок и привлечения в него России. Русское правительство проявляло к этому вопросу значительный интерес, но европейская антитурецкая лига в то время так и не была создана.

Культура народов Кавказа

Развитие культуры народов Кавказа в XVI и в первой половине XVII в. протекало в трудной обстановке длительных и тяжёлых войн. В грузинской литературе этого времени преобладала патриотическая тема. Она звучит в творчестве поэта-лирика царя Теймураза, посвятившего поэму «Кетеваниани» описанию смерти своей матери Кетеваны в персидском плену. Во второй половине XVII в. поэт Иосиф Саакадзе написал поэму «Дидмоуравиани» (Книга о великом Моураве) о борьбе грузин за независимость. Исторические события отразились в летописных записях, вошедших впоследствии в свод грузинских летописей «Картлис Цховреба» (Жизнь Картли). Поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре») переписывалась и иллюстрировалась миниатюрами. Её широкое распространение способствовало формированию прогрессивной общественной мысли и поэтического творчества.

В народе продолжали бытовать различные формы фольклора: песни, легенды, сказки, пословицы. Для архитектуры характерны ансамбли крепостных сооружений. Таковы Ананурский замок в долине реки Арагвы, Горийская крепость, замок Ацкур и др. На архитектуре купольных бань, караван-сараев, дворцов феодалов сказывалось иранское влияние. Крестьянские жилища сохраняли традиции многовековой давности.

Фресковые росписи церквей, выполненные в XVI—XVII вв., довольно многочисленны, но отличаются сухостью письма и бедностью колорита. Так как не хватало местных художников, для реставрационных работ были приглашены русские иконописцы, которые работали в Грузии в первой половине XVII в.

Светская поэзия Армении указанного периода тесно связана с народным песенным творчеством. В XVI в. творили поэт Григор Ахтамарци, бывший вместе с тем и художником-миниатюристом, а также знаменитый народный певец Кучак.

В конце XVI в., в обстановке опустошительных войн, монах Симеон Апаранци написал историческую поэму о прошлом Армении, где проводил идею восстановления независимого Армянского государства. Труд Аракела Тебризского «Книга историй» даёт ценные сведения по истории Армении первых 60 лет XVII в.

Замечательным явлением в культурной жизни армянского народа XVI—XVII вв. было возникновение и развитие книгопечатания на армянском языке. Первые армянские типографии возникли в Италии в XVI в., в 1639 г. была основана типография в Новой Джульфе (армянской колонии близ Исфахана).

Живопись развивалась главным образом в форме книжной миниатюры, отчасти портрета и стенных росписей. В XVII в. был известен армянский художник Минас.

Тариэл громит войско князя Ростевана.
Грузинская миниатюра. XVII в.

Выдающееся место в истории литературы и общественной и философской мысли Азербайджана XVI в. принадлежит поэту Физули, который большую часть жизни прожил в Багдаде. Его произведения оказали большое влияние на развитие азербайджанского литературного языка и азербайджанской поэзии. Наиболее крупное литературное произведение Физули — поэма «Лейли и Меджнун». Некоторые его стихи имеют яркую антифеодальную тенденцию.

Традиции Физули в поэзии продолжал в XVII в. поэт Масихи.

В народном творчестве Азербайджана XVI—XVII вв. был распространён жанр героико-романтических поэм, исполнявшихся народными певцами — ашугами. Поэма «Асли и Керем» воспевала любовь азербайджанского юноши к армянской девушке. Особенно популярной была поэма «Кёр-оглу» о борьбе азербайджанского народа против завоевателей и местных феодалов. Знаменитым ашугом XVI в. был Гурбани.

В области архитектуры известны такие постройки, как («ворота Мурада» в Баку, ряд зданий в Гяндже — мечеть, бани, караван-сарай. Эти здания продолжают традиции портально-купольных сооружений, характерных как для Азербайджана, так и для Передней Азии.

В городах и сёлах Азербайджана было распространено художественное ремесло — изготовление тканей и ковров, глазурованной керамики, разнообразных металлических изделий.

Народы, обитавшие в высокогорных частях Главного Кавказского хребта и в предгорьях Северного Кавказа, почти не знали письменности. Широкое развитие получило устное народное творчество. Исторические предания сохранили память о событиях XVI—XVII вв. Обрядовые песни отражали державшиеся среди кавказских горцев языческие представления

В горных областях Кавказа было развито каменное строительство. К XVI— XVII вв. относится постройка боевых башен в Сванети, Хевсурети и Ингушети. К этому времени сложилась архитектура многоярусных горных аулов, тесно связанная с условиями местности.

Разнообразны были распространённые на Кавказе виды прикладного искусства — резьба по камню, применявшаяся на фасадах жилых домов, резьба по дереву, художественная обработка металла.

2. Средняя Азия и Казахстан

В начале XVI в» в Средней Азии и Казахстане произошли большие политические перемены, связанные прежде всего с передвижением кочевников из Дешт-и Кыпчака в земледельческие районы Средней Азии. В XVI в. в Средней Азии возникло два государства, возглавленных узбекскими династиями: Бухарское ханство в Мавераннахре и Ургенчское в Хорезме [1]. В пределах этих двух государств находилась основная масса оседлого населения Средней Азии, а также кочевое и полукочевое население, относительно более многочисленное в Хорезмском ханстве. Влияние правителей Хорезма распространялось временами на обширные пространства туркменских земель: в XVI в. почти вся территория нынешнего Туркменистана попала под власть узбекских феодальных владетелей, во главе которых стояли ханы Хорезма.

Экономические и политические связи между населением оседлых земледельческих и кочевых скотоводческих районов составляли в XVI—XVII вв., как и раньше, характерную черту исторического развития народов Средней Азии. В XVI в. наступил последний этап формирования узбекской народности. Кочевники, передавшие этому народу своё общеплеменное название, начали постепенно оседать, смешиваясь с потомками согдийцев, хорезмийцев и различных тюркских племён и народностей, населявших с давних времён территорию нынешнего Узбекистана.

В XVI—XVII вв. происходило переселение ряда туркменских племён из Хорезмского оазиса и соседних с ним районов в южную часть Туркменистана. Вызванное этим перемешивание южных и северных туркменских племён сыграло большую роль в складывании туркменской народности. Казахские ханства возникли уже в XV в. В XVI в. в основном завершилось формирование казахской народности, явившееся результатом длительного процесса слияния различных тюркских племён Дешт-и Кыпчака, По-видимому, к этому же времени относится и сложение таких соседних с казахами тюркских народностей Средней Азии, как киргизы и каракалпаки [2].

Сложившаяся к середине XVII в. карта расселения народов Средней Азии и Казахстана в главных чертах сохранилась и в последующие столетия.

---

[1] Впоследствии (с XVII в.) за Ургенчским ханством утвердилось название Хивинского ханства в связи с перенесением столицы из Ургенча в Хиву.

[2] Письменные источники дают первые несомненные сведения о киргизах на Тянь-Шане в начале XVI в., а этническое название каракалпаков упоминается в источниках с конца XVI в.

ИЗБИЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ САМАРКАНДА ВОИНАМИ БАБУРА.
Миниатюра могольской школы из «Записок» Бабура. XVI в.

Развитие феодальных отношений при сохранении значительных родо-племенных пережитков, облекавших эти отношения в патриархальные формы, имело место у всех кочевников Средней Азии и Казахстана в XVI — первой половине XVII в.

Кочевники-узбеки, осваивая земледельческие районы Средней Азии и входя в тесное соприкосновение с более развитым феодальным обществом, принесли с собой отношения, свойственные ранним этапам феодализма. Это сказалось на дальнейшем развитии Мавераннахра, Ферганы и особенно Хорезма, где вновь усилилась феодальная раздробленность, что затормозило их социально экономическое развитие.

Другой причиной наметившегося к середине XVII в. хозяйственного и культурного упадка в земледельческих областях Средней Азии было перемещение торговых путей, происходившее в результате великих географических открытий, развития морской торговли европейских стран с Востоком, что повлекло снижение роли караванной торговли. Эту торговлю подрывали также турецкие завоевания в Передней Азии. В XVI в. потеряли былое значение старинные сухопутные торговые пути из Китая в страны Средиземноморья, проходившие через Семиречье и Фергану.

В это же время вследствие нарушения безопасности торговых путей в Китай почти совершенно прекратились не только хозяйственные, но и дипломатические сношения с ним. После прихода к власти в Иране династии Сефевидов в результате войн, которые вели Сефевиды с узбекскими Ханами значительно сократились хозяйственные связи Средней Азии с Ираном.

Международное положение Средней Азии и Казахстана осложнялось угрозой со стороны джунгарских феодалов и иранских шахов.

В создавшихся условиях всё большее значение приобретали развивавшиеся экономические и дипломатические взаимоотношения Казахстана и Средней Азии с Русским государством. Они сыграли очень важную роль в дальнейшем, создавая исторические предпосылки присоединения этих областей к России.

Политические события конца XV — начала XVI в., войны и междоусобицы серьёзно подорвали хозяйственную жизнь Средней Азии, в экономике которой ещё не были полностью преодолены тяжёлые последствия монгольского завоевания. В результате войн и усобиц вновь были разрушены многие ирригационные сооружения и приведены в запустение целые области. Особенно трудное положение создалось в первой половине XVII в., когда в Бухарском ханстве и в Хорезме значительно ослабела власть верховных правителей и усилилась феодальная раздробленность этих государств.

Сельское хозяйство

Основным занятием оседлого населения Средней Азии было поливное земледелие; урожайность полей зависела от состояния ирригационной сети Устройство и очистка арыков, засорявшихся илом во время разливов Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи (повторявшихся несколько раз в году), требовали много рабочих рук и больших затрат труда.

Архаические орудия труда в сельском хозяйстве оставались почти неизменными на протяжении столетий. Земледелец Средней Азии пахал примитивным плугом (омач), пользовался деревянной бороной (мала), употреблял деревянную лопату для веянья зерна и т. п. Для землекопных работ применялась в качестве универсального орудия своеобразная мотыга — кетмень.

В XVI—XVII вв., как и в предшествовавшие столетия, основными земледельческими культурами в Средней Азии были пшеница, ячмень, рис и хлопок. Возделывались также кукуруза, просо, мак и т. п. Большое значение имели шелководство, огородничество, садоводство, виноградарство и бахчеводство Плоды и овощи (местные сорта персиков, винограда и дыни) играли серьёзную роль в питании населения, а сушёные фрукты (абрикосы и виноград) не только продавались на базарах Средней Азии, но шли и на вывоз Сушёные фрукты, в частности, занимали со второй половины XVI в. значительное место в вывозе в Россию.

Скотоводство, являвшееся второстепенной отраслью хозяйства в земледельческих областях, было главным занятием кочевников и имело экстенсивный характер.

Основными видами скота были: курдючная овца, двугорбый верблюд, рогатый скот и лошади различных пород. Кони из Средней Азии (в основном туркменские) в XVI— XVII вв. пользовались большим спросом в Индии и поставлялись тысячами ежегодно на рынки Кабула.

Ремесло и торговля

В XVI—XVII вв. увеличение спроса на хлопчатобумажные и шёлковые ткани на русских и восточных рынках вызвало довольно значительное развитие текстильного ремесленного производства в Средней Азии; развивалось и кожевенное производство. Значительная часть тканей и кожевенных изделий вывозилась в другие страны, составляя важную статью торговли на внешнем рынке. Такие виды производства городских ремесленников, как изготовление оружия и военного снаряжения, металлической посуды и ювелирных изделий, обслуживали главным образом потребности местных рынков.

В городах существовала цеховая организация ремесла, которая регламентировалась особыми уставами («рисоля»). Велика была зависимость ремесленников от феодальных правителей. Они должны были уплачивать специальные налоги (промысловый и полавочный) изделиями своего ремесла. Старинный обычай делать подарки хану во время празднеств превратился в феодальную повинность.

Ремесленники в Средней Азии обычно сами продавали свои изделия. Многие из них имели свои лавки на базарах.

Многие города Средней Азии находились в XVI—XVII вв. в состоянии упадка, особенно в Хорезме. Об этом свидетельствовало ухудшение строительной техники и архитектуры, снижение качества керамических изделий и других видов ремесленного производства.

Среднеазиатские купцы ездили в различные страны Востока и в Россию, где выменивали изделия для «ханского обихода» и вели торговлю также и своими товарами. Широко используя купцов и послов как посредников при обмене, ханы старались монополизировать торговлю на внешнем рынке.

Внешняя торговля в значительной степени определялась потребностями феодальной верхушки, о чём свидетельствует ассортимент ввозимых в Среднюю Азию товаров: ценная пушнина (соболь, выдра), моржовые клыки («рыбий зуб»), дорогая красная кожа, охотничьи птицы (соколы и кречеты). Товарное хозяйство в Средней Азии развивалось очень медленно.

Усиление феодальной эксплуатации. Классовая борьба

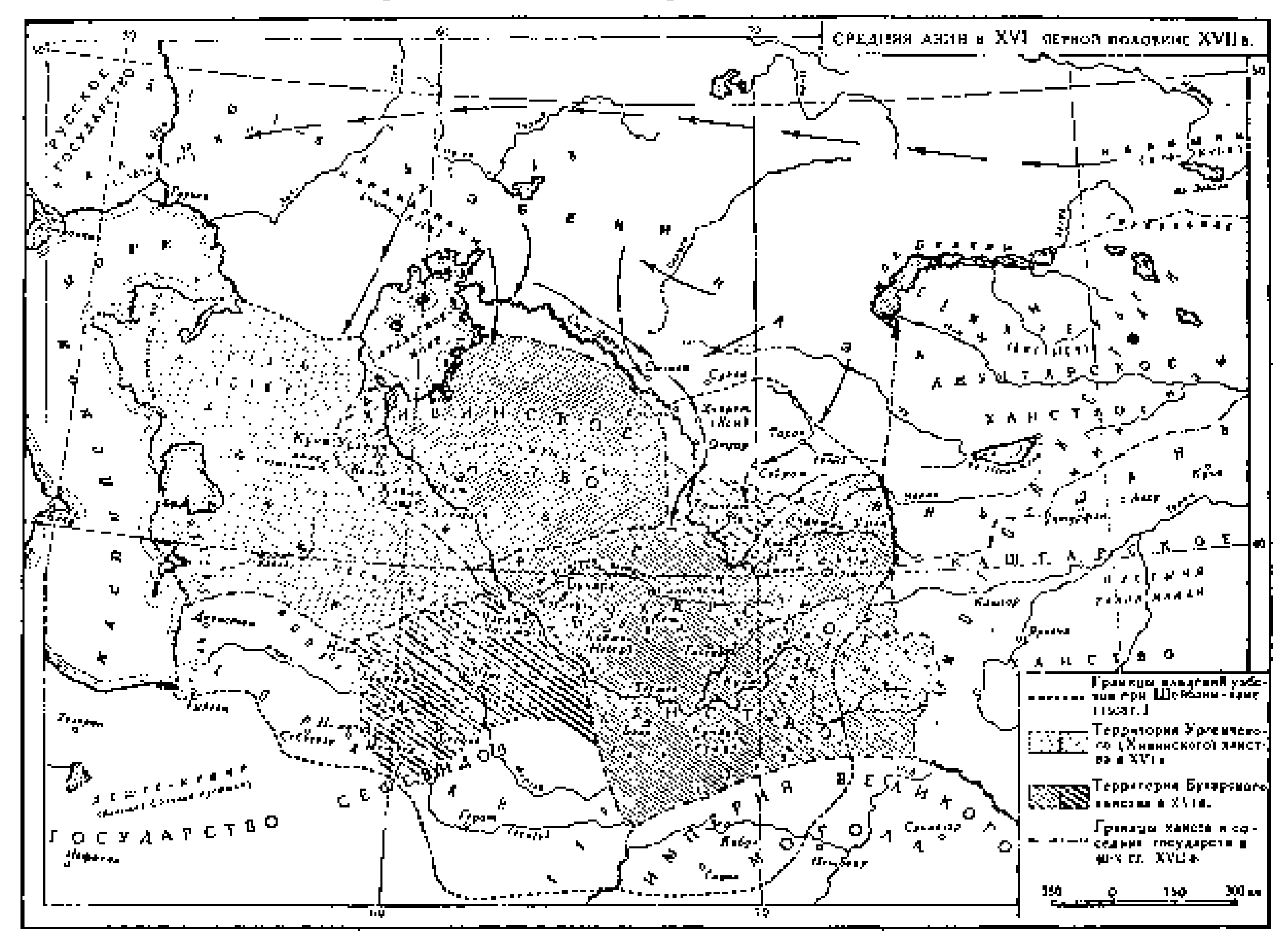
Собственность феодалов на землю и воду являлась основой господствовавшего в Средней Азии способа производства. В XVI—XVII вв. в среднеазиатских ханствах продолжался рост феодального землевладения, в частности владений мусульманского духовенства. У казахов и киргизов в этот период укреплялась собственность феодальной верхушки на землю, хотя номинально земля продолжала считаться общинной собственностью.

С развитием феодального землевладения усиливалась эксплуатация крестьян» Типичной формой эксплуатации была кабальная издольщина. В большинстве своём крестьяне юридически считались лично свободными, фактически они целиком зависели от феодалов.

Крестьяне платили множество различных налогов и были обременены тяжёлыми повинностями в пользу феодалов и феодального государства. На ирригационные, дорожные, строительные и другие работы крестьянин обязан был выходить со своим рабочим скотом, инструментом и продуктами питания» Ко многим из таких работ привлекались и ремесленники. Трудящееся население страдало от войн и феодальных усобиц, во время которых оно должно было давать людей в ополчение, выходить на постройку крепостей, принимать на постой войска, поставлять подводы, верховых и вьючных животных и т. п.

Усиление классовых противоречий и феодального гнёта в XVI—XVII вв. вело к обострению классовой борьбы в среднеазиатских ханствах. Правда, сведения об

Средняя Азия в XVI — первой половине XVII в.

антифеодальных выступлениях трудящихся того времени, даваемые источниками, редки и отрывочны, ибо придворные историки интересовались ими мало, уделяя внимание прежде всего политическим событиям, происходившим во дворцах правителей, феодальным войнам и походам. Однако имеются данные, с несомненностью свидетельствующие о происходивших в различных районах Средней Азии массовых движениях и восстаниях.

Некоторые восстания были непосредственно связаны с военными событиями начала XVI в., в частности с завоевательными походами Шейбани-хана и борьбой узбекских феодалов с Тимуридами. Горожане выступали против насилий сборщиков податей, восставали против феодалов. Так, анонимный автор одного сочинения о Шейбани-хане («Избранные летописи побед») упоминает о жестоком подавлении этим завоевателем восстания жителей города Каракула в 1501 г. В «Записках» правителя Ферганы, впоследствии основателя династии Великих Моголов в Индии, Бабура коротко, но вполне определённо рассказывается о восстаниях «черни» в различных городах Ферганы, направленных против властей. Бабур сообщает о выступлении «черни» города Оша в 1498—1499 гг. В 1502—1503 гг. союзные Бабуру моголистанские ханы оставили гарнизоны в покорившихся Бабуру городах Оше и Маркинане (Маргелане). «Вопреки надеждам народа, — пишет Бабур, — они начали творить жестокости и насилия». Жители подняли восстание и изгнали гарнизоны.

В XVI в. жители Самарканда, возмущённые жестокостью феодала Хосров-шаха, выступили против него с оружием в руках. Имеются сведения о крупном восстании населения во второй половине XVI в. в Кулябе и о вооружённых выступлениях в Зарафшанской долине в XVII в. Эти выступления, насколько позволяют судить сообщения источников, имели локальный характер и не охватывали одновременно больших территорий.

Образование Бухарского ханства

Хозяйственные потребности кочевников-скотоводов, особенно их феодализирующейся знати, всё более нуждавшихся в земледельческих продуктах и в ремесленных изделиях, нередко служили побудительными мотивами к передвижениям кочевников из глубины степей к земледельческим оазисам и городам. Именно в связи с этим в XV—XVI вв. развивался обмен в сыр-дарьинских городах, возрастало хозяйственное и политическое значение некоторых из них, в частности Ташкента.

В начале XVI в. в результате завоевания территорий, входивших в состав государства Тимуридов, узбекским ханом Мухаммедом Шейбани основные земледельческие районы Средней Азии оказались под властью узбекских феодалов. Номинально подчинились власти Шейбанидов и горные владения, расположенные на территории современного Таджикистана.

Однако держава Шейбани была непрочным военно-административным объединением. Феодальные усобицы вскоре ослабили обширное, но не успевшее окрепнуть Узбекское государство. Создались благоприятные условия для военных вторжений иранского шаха Исмаила и его союзника — Бабура. В 1510 г. в ожесточённой битве с войсками Исмаила в районе Мерва было убито много узбекских воинов, погиб и сам Шейбани. Часть его завоеваний была утеряна. В конце 1512 г. Бабуру удалось овладеть Самаркандом. Но уже в следующем году Бабур потерпел в Мавераннахре поражение и Самарканд вновь стал столицей Шейбанидов. В процессе дальнейшего роста феодальной раздробленности многие среднеазиатские города (Бухара, Ташкент, Фергана и др.) превратились в независимые владения. В середине XVI в. столица образовавшегося на территории Мавераннахра узбекского ханства Шейбанидов была перенесена из Самарканда в Бухару, после чего за этим ханством утвердилось название Бухарского.

В конце 50-х годов XVI в. усилился шейбанид Абдулла-хан, посадивший на трон своего отца Искандер-хана (1561—1583). Действуя от его имени и приняв на себя обязанности командующего войсками, Абдулла-хан успешно закончил борьбу

Взятие крепости Гондри войсками Бабура
Миниатюра Могольской школы XVI в.

с другими претендентами на престол и значительно расширил пределы Бухарского государства: он подчинил Ферганскую долину и взял Балх, а в 1576 г. овладел Ташкентом и Самаркандом. В 1583 г., после смерти своего отца, Абдулла-хан занял трон и правил до 1598 г. В борьбе за укрепление ханской власти он опирался на поддержку высшего мусульманского духовенства и действовал с беспощадной жестокостью, уничтожая непокорных сородичей и вассалов. Достигнутое такими мерами временное ослабление феодальной раздробленности в шейбанидских владениях и объединение Мавераннахра вокруг одного центра — Бухары создали в стране относительное спокойствие и сравнительно благоприятные возможности для развития торговли и хозяйственной жизни населения.

Военные походы и политические действия Абдуллы-хана, стремившегося щедрыми пожалованиями уделов склонить на свою сторону казахских султанов, обеспечили ему в 70—80-х годах немалое влияние и в землях Южного Казахстана. Однако в 1588 г. казахский хан Тевеккель порвал свои вассальные отношения с правителем Бухары и выступил против него. Последовали длительные войны между бухарскими и казахскими феодалами, продолжавшиеся почти непрерывно и в течение всей первой половины XVII в. В 1584 г. Абдулла-хан завоевал Бадахшан, где до этого времени оставались ещё правители из династии Тимуридов, затем овладел городами Мервом, Гератом и Мешхедом, а в 1593—1594 гг. покорил Хорезм.

Обострение отношений с шахом Ирана Аббасом I побудило Абдуллу-хана искать союза против него с Турцией и индийской державой Великого Могола. В 1585 г. состоялся обмен посольствами между Бухарой и Индией.

После смерти Абдуллы-хана и вскоре последовавшего убийства его сына феодалами династия Шейбанидов прекратила своё существование и бухарским престолом овладели Аштарханиды (1599—1753), потомки астраханских ханов, бежавших из покорённой войсками Ивана Грозного Астрахани.

В начале XVII в. политическое значение Бухары резко пало. Уже в 1598 г. возвратили свою самостоятельность правители Хорезма, а затем были утрачены и многие другие завоевания Абдуллы-хана. После Имамкули-хана (1611—1642), укрепившего в известной мере власть и совершившего несколько крупных набегов на казахские степи, в Мавераннахре вновь наступили худшие времена феодальной раздробленности.

Аграрные отношения в Бухарском ханстве

Существовавшая в Бухарском ханстве государственная феодальная собственность на землю в ряде случаев была только номинальной и фактически прикрывала собственность крупных феодалов и высшего мусульманского духовенства.

В государстве Шейбанидов уже в первой половине XVI в. узбекская феодальная верхушка обладала крупной земельной собственностью. Среди крупных феодалов было немало и представителей старинной тимуридской знати, примирившихся с династией Шейбанидов и удержавших (если не полностью, то частично) свои земельные владения.

Основой экономического и политического господства феодалов являлись земельные пожалования, предоставлявшиеся им ханской властью. Институт условных пожалований, известных в Средней Азии до Тимуридов под термином *икта,* а при Тимуридах называвшихся *союргал* и *тиул,* получил дальнейшее развитие в XVI в. Тогда же получило распространение пожалование тому или иному лицу права взимать в свою пользу поземельную подать с определённого числа крестьянских дворов или даже с целых кишлаков и районов (танхо).

Наряду с условным военно-ленным землевладением существовала и безусловная феодальная собственность на землю — так называемый *мульк.* Большинство мульков находилось в руках высшей феодальной знати и мусульманского духовенства. В частности, владельцами крупнейших мульков являлись сами ханы и их родственники из правящей династии. Были также и мелкие мульковые

владения, удельный вес которых был, однако, невелик; Происхождение мулькового землевладения было различно. Одним из его источников было введение в сельскохозяйственный оборот «мёртвых», неорошённых земель. Мульковые земли приобретались путём покупки и посредством ханских пожалований. Практиковалась и передача земли ханами светским и духовным феодалам в мульк за какие-либо заслуги, причём пожалованная земля освобождалась от всяких налогов и в этом случае называлась свободным от государственных повинностей владением. Эта категория пожалований называлась «мульк-и хурр» или «мульк-и холис», что значит «очищенный», «обелённый». Среди мульковых земель феодальной знати были и заброшенные, неорошаемые земли; они раздавались на кабальных условиях безземельным и малоземельным крестьянам. Пользуясь этой землёй, крестьяне обязаны были строить на ней ирригационную сеть и выплачивать высокий оброк с урожая зерновых культур и хлопка.

Некоторые крупные землевладельцы получали звание тархана, освобождавшее их от налогов и повинностей в пользу государства. Между тем крестьяне, работавшие на земле тархана, не освобождались от налогов; они обязаны были платить их тархану.

Увеличивался фонд земли, пожертвованной религиозным учреждениям на различные культовые и благотворительные цели (вакуфы). Владение вакуфными землями открывало широкие возможности эксплуатации трудящихся духовенством.

В руках духовенства и шейхов дервишских орденов концентрировалась значительная часть земель. Так, например, бухарский шейх Ходжи-Исмаил был владельцем нескольких сот мелких и крупных владений, разбросанных по разным областям Средней Азии. Кроме того, этот шейх являлся и крупнейшим скотовладельцем. Представители мусульманского духовенства наживали огромные доходы, отправляя караваны на Восток и в Россию. Их хозяйства обслуживались в значительной мере также и рабским трудом.

Образование Хорезмского (Хивинского) ханства

В 1505 г. Хорезм, в котором правили Тимуриды, был завоёван Шейбани-ханом, а через несколько лет после его смерти на этот оазис распространили свою власть узбекские ханы из рода, враждебного династии Шейбанидов. Основателем новой династии был Ильбарс. Усилившись в результате продвижения в Хорезм кочевых узбекских племён из Дешт-и Кыпчака, правители этой династии использовали благоприятную для них обстановку, создавшуюся в связи с ослаблением Ирана, и присоединили к своим владениям территорию нынешнего Южного Туркменистана и туркменские земли Балхан и Мангышлак. Но Хорезмское ханство в этот период переживало тяжёлый экономический упадок и находилось в состоянии крайней феодальной раздробленности. На обширных территориях, подчинявшихся номинально ханам Хорезма, находился ряд уделов, во главе которых стояли царевичи — члены правящего дома. Наряду с господствовавшей узбекской знатью во многих таких уделах видное место занимала туркменская знать. В XVI в. на территории современной Туркмении существовали четыре феодальных владения, правители которых, как правило, лишь формально признавали верховенство ханов Хорезма.

В XVI в. ханы Бухары неоднократно пытались подчинить себе Хорезм, а в XVII в. начались нападения кочевников-калмыков.

В 1598—1601 гг. территории Южного Туркменистана были вновь завоёваны шахами Ирана, которые ликвидировали местные феодальные княжества и назначили в Мерв и Нису своих наместников. В первой половине XVII в. оформилось Аральское феодальное княжество, впоследствии отделившееся от Хивинского ханства.

В самом Хорезмском оазисе, где главными ставками ханов в XVI — первой половине XVII в. были сначала Вазир, затем Ургенч и, наконец, Хивак (Хива), после Ильбарса и вплоть до середины XVII в. продолжалась борьба за власть между различными группировками феодально-племенной знати.

Внутриполитическая обстановка в Хорезме осложнялась непрекращавшейся борьбой между узбекскими и туркменскими феодалами за господство. К началу XVII в. всё большее влияние стала приобретать туркменская знать, занявшая первенствующее положение при хане Асфендиаре (1623—1643). Выступившей против неё узбекской знати удалось после длительной борьбы посадить на трон Абулгази (1643—1663), с годы правления которого несколько укрепилась ханская власть и был предпринят ряд походов на туркменские племена, от которых особенно пострадало племя салоров.

Население Хорезмского ханства состояло из трёх групп, различавшихся как в этническом, так и в экономическом и культурном отношениях. Жители городов и земледельческих селений были в основном потомками хорезмийцев — древних обитателей оазиса, смешавшихся со многими пришлыми, главным образом тюркскими, элементами. Вторую группу составляли туркменские племена, населявшие в основном западные и южные части ханства и занимавшиеся главным образом кочевым скотоводством. Третьей группой были кочевые узбеки, основная масса которых переселилась в Хорезм при Ильбарсе; значительная часть узбеков начала переходить к оседлому земледелию. В дальнейшем узбеки и хорезмийцы постепенно сливаются в одну народность.

Трудящееся население Хорезма было обременено всевозможными налогами и феодальными повинностями. Туркмены должны были платить, кроме *ушура* ($^{1}/_{10}$ части урожая) и *зякета* ($^{1}/_{40}$ части скота), «котловую подать» (на ханский котёл), исчислявшуюся десятками тысяч баранов. Туркмены, занимавшиеся земледелием, платили налог зерном. Некоторые туркменские племена поставляли воинов-нукеров для ханской гвардии.

Трудящиеся-туркмены страдали и от гнёта «своих» феодалов, занявших видные должности при ханском дворе и нередко игравших большую роль во внутриполитической жизни Хорезма.

Однако полностью подчинить туркмен феодалы Хорезма не смогли. Об этом свидетельствуют неоднократные выступления туркмен против ханов и их чиновников. Так, например, в середине XVI в. туркмены племени эрсари перебили 40 сборщиков податей, посланных к ним ханом, и отказались платить зякет. В ответ на это ханскими властями был организован карательный поход против туркмен. Последним пришлось выселиться в безводную степь и уплатить тяжёлую дань — 40 тыс. баранов, по тысяче за каждого убитого сборщика податей. В дальнейшем эта дань превратилась в ежегодный налог.

Низший, совершенно бесправный слой населения Хорезма составляли рабы. В рабов обращали военнопленных. В XVI — первой половине XVII в., как и позднее, Хорезм являлся главным невольничьим рынком Средней Азии.

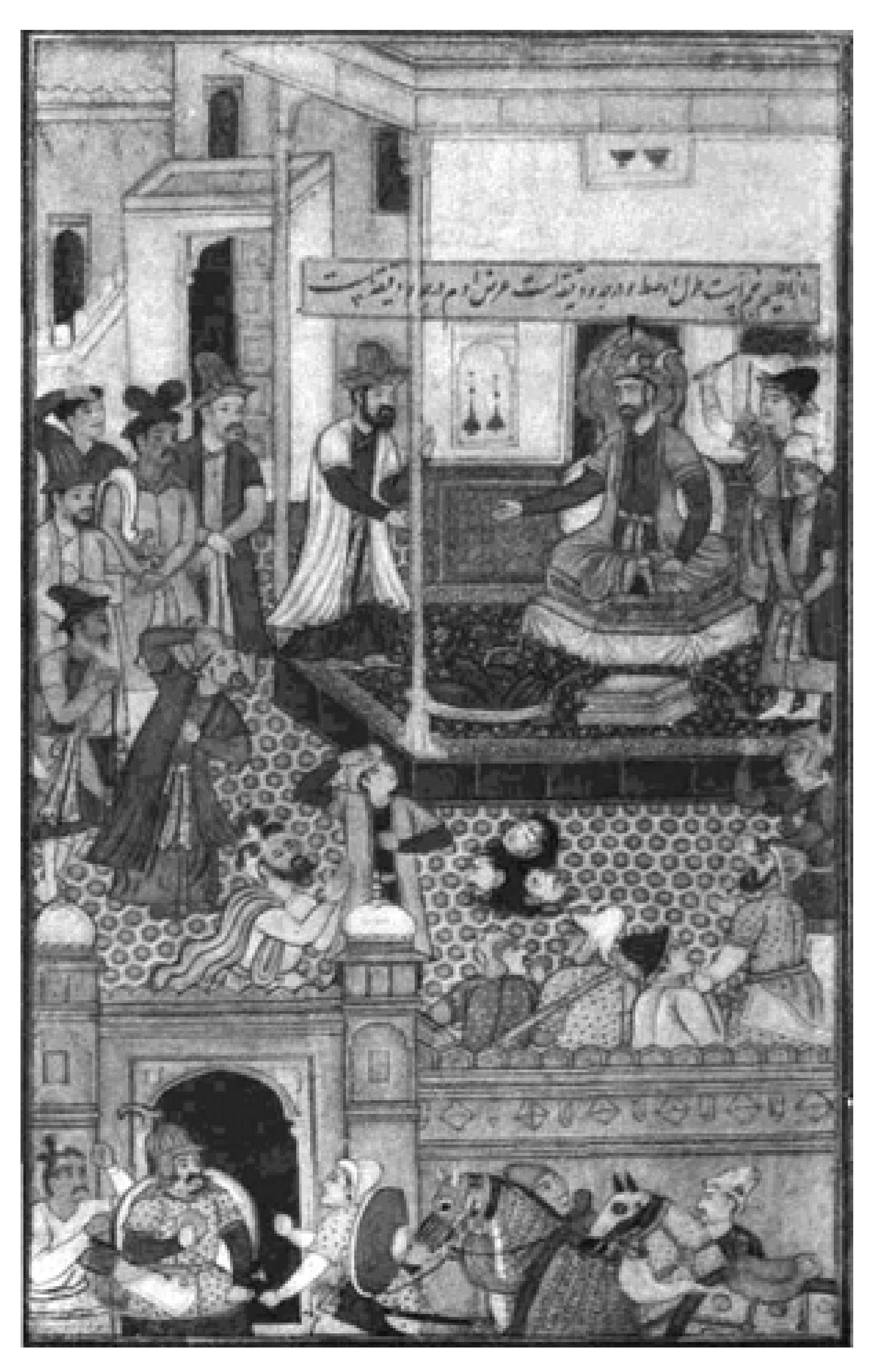
Казахские ханства

В XVI — первой половине XVII в. существовало одновременно несколько казахских ханств. Попытки ханов Касыма и Хакк-Назара создать одно большое Казахское государство успеха не имели.

Касым (1511 — ок. 1520 г.) вёл борьбу с Шейбанидами за Ташкент и успел утвердить свою власть над обширными территориями, в основном Южного Казахстана. Но после его смерти разгорелись усобицы между ханами. В правление Тагира (1523—1533), вероломного и жестокого хана, многие казахские племена покидали подвластную ему территорию. Хакк-Назар (1538—1580), сын Касыма, пытался укрепить свою власть и расширить владения, используя, в частности, междоусобия ногайских феодалов. В первые годы его правления продолжалась совместная борьба казахов и киргизов против ханов Моголистана. Войны казахских ханов с правителями Моголистана велись с переменным успехом. В 60-х годах Хакк-Назар потерпел серьёзное поражение от моголистанского хана Абдур-Рашида, после чего казахские ханы на длительное время утратили влияние в Семиречье, где впоследствии преобладание от моголистанских ханов перешло к ойратским (иначе — джунгарским) феодалам. Тевеккель (1586—1598) вёл войны против Абдуллы-хана Шейбанида, совершал неоднократные

ХОСРОВ ХАН ИЗЪЯВЛЯЕТ ПОКОРНОСТЬ БАБУРУ.
Миниатюра могольской школы из «Записок» Бабура. XVI в.

ПРИЕМ ПОСЛОВ БАБУРОМ.
Миниатюра могольской школы из «Записок» Бабура. XVI в.

набеги на Ташкент и другие города Средней Азии. Есим (1598 — 1628) заключил мир с бухарским ханом; Ташкент, из-за которого шла в основном борьба между казахскими и бухарскими феодалами, был признан подвластным казахскому хану.

В XVII в. всё более серьёзной угрозой для казахских ханств становились наступательные действия со стороны Джунгарского государства. В свою очередь правители Джунгарии испытывали возраставшее давление со стороны правившей в Китае маньчжурской династии, которая стремилась распространить свои завоевания и на Среднюю Азию. Таким образом, судьбы казахских ханств оказались тесно связанными с событиями в Центральной Азии[1]. Эти события оказывали влияние также на положение киргизов Тянь-Шаня и всех северных окраин Средней Азии

В противоположность кочевникам-узбекам, подвергавшимся сильному влиянию древней земледельческой и городской культуры Мавераннахра, казахи-скотоводы в основной своей массе оставались кочевниками Земледелие у казахов было развито слабо Небольшие очаги земледелия имелись в южных и центральных районах Казахстана — по Сыр-Дарье, в Семиречье и по Тургаю. Но и здесь земледелие не отделилось от скотоводства и имело подсобное значение. Техника возделывания земли была примитивной. Употреблялись архаические сельскохозяйственные орудия, мотыга, деревянная соха, вместо бороны — суковатый пень или вязанка хвороста. Урожайность была очень низкой. Полив посевов производился примитивными водоподъёмными сооружениями (атпа и чигирь). Эта изнурительная работа требовала много времени и труда. Земледелием у казахов занимались главным образом бедняки (джатаки), не имевшие возможности вести скотоводческое хозяйство

Ремёсла, существовавшие у казахов, — валяние кошм, обработка кожи и дерева, примитивное ткачество, кузнечный промысел — при низком уровне производительных сил и слабом развитии общественного разделения труда были тесно связаны со скотоводческим хозяйством и существовали слитно с ним. Внутристепной обмен был нерегулярным и незначительным; он производился главным образом летом и без посредников. Ремесленники северных районов, изготовлявшие деревянные части юрт, сёдла и т. п., сами продавали свои изделия скотоводам степных районов. При неразвитом земледелии почти не имелось излишков хлеба, лишь небольшое количество зерна обменивалось на скот Незначительной была и продукция ремесла, становившаяся объектом внутристепного обмена.

Участие рядовых скотоводов-кочевников в меновых операциях было весьма слабым. В их хозяйствах отсутствовали не только излишки, но подчас и самое необходимое для удовлетворения насущных нужд семьи. В ином положении находились феодалы: они всё более и более расширяли обмен за счет феодальных поборов и эксплуатации трудящегося населения. Стоимость товаров определялась в переводе на скот. Своеобразным эквивалентом, заменявшим деньги, была овца.

В Казахстане в описываемое время земля и пастбища формально считались собственностью «рода» и входивших в него аульных общин. Фактически же пастбищами распоряжались родоначальники — феодалы, управлявшие общинами. Право распоряжения перекочёвками в распределения пастбищ представляло собой форму, в которой и выражалась собственность феодалов на землю. Используя это своё право, они закрепляли для своих многотысячных стад наибольшие и наилучшие пастбищные угодья и превращали рядовых кочевников в феодально-зависимых крестьян.

Основную массу населения казахских ханств составляли мелкие крестьяне-скотоводы *(шаруа)*. Эти крестьяне были собственниками орудий труда, некоторого

[1] До конца XIX в. в географической науке не отличали Среднюю Азию от Центральной Азии. Материалы, собранные многочисленными, главным образом русскими, экспедициями, убедительно доказали, что физико-географические и естественно-исторические условия этих двух частей азиатского материка имеют существенные различия. С тех пор понятие «Средняя Азия» прочно вошло в научный обиход.

количества голов скота, но, лишённые пастбищных угодий, они неизбежно попадали в экономическую зависимость от феодалов — фактических собственников земли. Степень этой зависимости определялась тем, насколько аульные общины, бывшие в прошлом собственниками земли, сохранили свою силу и влияние.

Казахские общины устойчиво сохраняли свою родовую форму, нередко они носили родо-племенные названия. Сохранялась также родовая генеалогия. Устойчивыми были и родовые традиции. Отдельные части казахского войска собирались по родам; каждый род имел свой боевой клич *(уран)*. Но родовой облик общины лишь маскировал усиливавшуюся экономическую зависимость её от феодалов.

Казахские крестьяне-скотоводы, шаруа, были обременены всевозможными феодальными повинностями. Некоторые повинности приобретали характер регулярных податей. С шаруа взыскивался зякет в скотоводческих районах и ушур в районах земледельческих [1]. Шаруа обязаны были содержать хана и султанов во время их разъездов по степи, оплачивать за султана значительную часть калыма, поставлять воинов для походов в полном снаряжении (два коня, оружие, боеприпасы, запасы продовольствия).

Многие малоимущие скотоводы и бедняки, не имевшие скота, попадали в кабалу. За временное пользование молочным скотом или овцами они обязаны были отрабатывать в феодальных хозяйствах, возвращая затем взятый у них скот с приплодом. Нередко бедняки вынуждены были вместе со своими семьями постоянно работать в хозяйстве феодала, пасти и доить скот, стричь овец, обрабатывать кожу, шерсть и т. п.

В казахских ханствах XVI—XVII вв. существовало и рабство, главным источником которого был плен. Но оно носило в Казахстане патриархальный характер и не принимало таких тяжёлых форм, как в Бухаре и Хиве. Нередко раб в Казахстане получал от своего хозяина юрту и скот, обзаводился хозяйством, превращаясь в феодально-зависимого.

Богатую верхушку аульных общин составляли баи, представлявшие собой самую многочисленную группу класса феодалов, а также бии — родоначальники и судьи. Широко используя своё богатство и власть, опираясь к тому же на патриархально-родовые институты и родовые традиции, эти феодалы жестоко эксплуатировали трудовую массу общин.

Нередко общины возглавлялись батырами, военными предводителями, каковыми, как правило, были феодалы, имевшие в своём распоряжении отряды джигитов, что расширяло возможности накопления скота путём барымты [2]. Власть батыра над общиной особенно тяжело сказывалась во время феодальных войн, когда требовалось много молодых воинов. Большим источником обогащения была для батыров военная добыча.

Султанами, стоявшими на верхней ступени феодальной лестницы, могли быть только потомки Чингис-хана, а потому султаны не входили в родовые группы казахов, представляя собой особый род — торе, из членов которого выбирались ханы. Эти «выборы» по существу были лишь церемонией, призванной замаскировать фактически наследственную власть ханов. Однако строгого порядка наследования ханской власти не было, иногда смена ханов вызывала жестокую борьбу между соперничавшими феодальными группировками.

Ханам принадлежало право распоряжения всей землёй ханства. Но в условиях феодальной раздробленности это право ограничивалось реальной силой биев — правителей родов, распоряжавшихся пастбищами аульных общин.

---

[1] Размеры этих поборов в XVI — первой половине XVII в. ещё не были у казахов оформлены юридически. Они были фиксированы в конце XVII в. так называемыми законами Тауке: зякет составлял $^{1}/_{20}$ часть скота, ушур $^{1}/_{10}$ часть урожая.

[2] Барымта (бармта) — набег на аул ответчика с отгоном скота, совершаемый по решению суда биев.

Ближайшее окружение хана и султанов составляли тюленгуты, т. е. дружинники, которые выполняли роль исполнительного аппарата, обеспечивая реализацию судебных решений и расправу над непокорными плательщиками оброков.

Привилегированное положение в казахском обществе занимали мусульманские служители культа, особенно в южных районах Казахстана, где религия ислама успела более укрепиться. Наряду с мусульманской религией у казахов сохранялись остатки шаманизма и пережитки других древних языческих верований.

В XVI—XVII вв. у казахов произошло существенное изменение в способах передвижения, играющего исключительно большую роль в жизни кочевника. Ещё в начале XVI в. у них не только сохранялся, но, по-видимому, преобладал способ передвижения жилища (шатра, юрты) на повозках, запряжённых верблюдами, волами или лошадьми. В последующие десятилетия этот способ передвижения выходит из употребления, уступая место передвижению верхом и перевозке жилищ в разобранном виде на вьюках.

Киргизы Тянь-Шаня

Северо-восточная часть Средней Азии — Семиречье (Джетысу), входившее в состав Моголистана, представляло собой типичную скотоводческую область. Существовавшие здесь в прошлом города и очаги земледелия пришли после монгольского нашествия в XIII в. в полный упадок.

Один из современников, проезжавший в 1543 г. через Среднюю Азию в Китайское государство, приписывал кочевникам-киргизам монгольское происхождение и отмечал, что они повинуются не какому-либо государю, а своим старшинам, которые носят название *кашка.*

Занимая труднодоступные горные районы, киргизы сравнительно мало подвергались воздействию земледельческой и городской культуры среднеазиатских феодальных государств. Феодальные отношения у киргизов развивались крайне медленно, переплетаясь с патриархально-родовыми пережитками.

Сведения о киргизах в восточных источниках XVI—XVII вв. носят фрагментарный характер и в основном сводятся к упоминаниям о киргизских родах и племенах, принимавших то или иное участие в политической жизни соседствовавших с Тянь-Шанем феодальных государств. Эти сведения до сих пор ещё мало изучены.

Мусульманская религия среди киргизов начала распространяться ещё позднее, чем среди казахов. Распространению этой религии активно содействовала феодализирующаяся родовая верхушка киргизов, экономически и политически связанная с соседними мусульманскими ханствами, поддерживавшая мусульманских шейхов, которые приезжали к киргизам из Ферганы и других соседних с Тянь-Шанем областей. По описаниям таких шейхов, многие киргизы в XVI в. были ещё многобожниками и поклонялись идолам. С распространением ислама феодальный гнёт усиливался в Казахстане, в Киргизии и в других кочевых районах Средней Азии.

Связи среднеазиатских ханств с Русским государством

С середины XVI в., особенно после присоединения к Русскому государству Казани и Астрахани, связи Хивы, Бухары и казахских ханств с Россией заметно оживились. Через казахские степи проходили караванные пути, связывавшие Россию со Средней Азией и странами Востока: из Тобольска на Сарысу, до Туркестана и Бухары; из Астрахани к Гурьеву, а затем через Хивинский оазис на Чарджоу и Бухару. Полуостров Мангышлак исстари служил воротами в Среднюю Азию на путях с Поволжья. На Мангышлаке были две пристани: Караганская и Карбалыкская, служившие стоянками для русских торговых судов («бусов»), приходивших из Астрахани с русскими и азиатскими товарами.

В 1557 г. в Астрахань приезжали купцы из Ургенча. Посольства среднеазиатских ханств вели в России переговоры о торговле.

Бухарский хан Абдулла просил Ивана IV о свободном пропуске его купцов в Астрахань. Ответом на эту просьбу было разрешение азиатским купцам торговать не только в Астрахани, но и в других русских городах.

В 1573 г. было отправлено к казахским ханам посольство Чебукова для переговоров о совместной борьбе против сибирского хана Кучума. Хотя посольство Чебукова и не достигло цели, связи казахских ханств с Россией продолжали развиваться. Время от времени они нарушались вооружёнными набегами казахских феодалов на русские поселения и торговые караваны, но возникавшие конфликты успешно преодолевались.

С разгромом Кучума и присоединением Сибири к Русскому государству границы России ещё более приблизились к казахской степи. С конца XVI в. началась русская колонизация Западной Сибири. На северных границах Казахстана возникли русские города. Тара, Тюмень, Верхотурье, Тобольск. Эти города, становясь экономическими и культурными центрами Западной Сибири, связывали Казахстан с центральными районами России. Расширялся обмен продуктов казахского хозяйства на русские товары; через Тобольск отправлялись посольства из Казахстана в Россию; усилилось транзитное значение торгового пути, проходившего из Бухары в Западную Сибирь через центральные районы Казахстана.

Возникавшие в Западной Сибири русские деревни, населённые главным образом черносошными крестьянами, вплотную подошли к казахским аулам. Создавались условия для возникновения обмена между русскими крестьянами-земледельцами и казахами-скотоводами.

В конце XVI в. в связи с приездом в Москву послов хана Тевеккеля возник вопрос о принятии казахскими ханствами русского подданства. Для переговоров по этому вопросу в 1595 г. было отправлено к Тевеккелю посольство Степанова, а в марте того же года ему была дана жалованная грамота о принятии казахов в подданство России. Этот документ знаменовал собою начало нового этапа в развитии экономических и политических связей Казахстана с Россией.

Культура народов Средней Азии и Казахстана

С конца XV в. Самарканд стал терять значение политического и культурного центра Средней Азии. Поэзия и историческая литература, развивавшиеся здесь под сильным влиянием ислама и дервишизма, пришли в упадок. В Самарканде почти совершенно прекратились занятия светскими науками. Роль политического и культурного центра Средней Азии перешла к Герату, расположенному на скрещении торговых путей из Ирана, Средней Азии, Индии и Китая. Нов результате военных и политических событий начала XVI в. Герат также утратил своё значение культурного центра народов Средней Азии.

Многие художники и писатели вынуждены были эмигрировать из Герата в другие восточные страны и там продолжать свою творческую деятельность. К числу таких деятелей относится талантливый гератский художник Кемаледдин Бехзад, заслуживший своими замечательными миниатюрами широкую известность на Востоке и на Западе. Бехзад начал свою творческую деятельность в конце XV в., но в основном она развернулась в первой четверти XVI в. В своих произведениях Бехзад чётко и верно обрисовывал характерные особенности изображаемых им людей; особенно выразительно удавалось ему немногими штрихами передавать движение. Бехзад был большим мастером композиции и отличался высоким искусством в изображении природы.

В первой половине XVI в. в Бухаре возникла особая бухарская школа мастеров-миниатюристов, выдающимися представителями которой были Шейх-заде Махмуд, прозванный Музаххибом (т. е. позолотчиком), и его ученик Абдулла Ага-Риза. Работы мастеров этой школы характеризуются простотой и стройностью композиции, свежестью и яркостью красок.

Большим мастерством отличалось в Бухаре оформление рукописных книг, творчество народных мастеров по декоративной отделке зданий, резьба по дереву и по камню, цветная майолика. Развитие этих видов искусства и художественного ремесла было связано с тем, что во второй половине XVI в. Бухара стала полити-

ческим и культурным центром Мавераннахра; в ней строились дворцы, мечети и медресе, разбивались парки, сооружались водохранилища и т. п.

Однако в этот же период в Бухаре почти полностью прекратилось преподавание светских наук. Наступило засилье богословия и схоластики. Учёные Средней Азии XVI—XVII вв. в отличие от своих предшественников не дали почти ничего нового в области математики, астрономии, географии, медицины. Если ещё в XV в. среднеазиатские учёные обогатили мировую науку трудами по обработке астрономических наблюдений, проводившихся в самаркандской обсерватории Улугбека, то в XVI в. астрономические исследования всё более заменяются занятиями астрологией. Круг деятельности среднеазиатских учёных ограничивается в основном изучением арабского языка, богословия и мусульманского права. Впрочем, были и в это время, как и позднее, отдельные исключения. До нас дошла часть большой энциклопедии, составленной в Балхе в первой половине XVII в. по поручению одного из узбекских правителей местным учёным Мухаммедом ибн Вели. Составной частью энциклопедии являлось большое историческое сочинение Ион Вели, в котором излагаются события истории Средней Азии от Чингис-хана до первых Аштарханидов.

Гератский историк Хондемир составил обширную историческую хронику «Круг жизнеописаний», в которой изложение событий всеобщей истории и биографий знаменитых людей доводится до 1510 г. В XVI в. были написаны также «Книга бухарского гостя» Фазлуллы Рузбе-хана, «Книга шахского благородства» Хафиза Таныша и замечательные «Мемуары» Бабура. Эти произведения являются важными источниками для изучения истории Средней Азии XVI в.

В первой четверти XVI в. в Самарканде был переведён на староузбекский («джагатайский») язык персидский свод летописей всемирной истории Рашид-ад-дина (XIII—XIV вв.), а также «Зафар-наме», сочинение Шарафуддина Иезди, посвящённое истории Тимура. В первой половине XVII в. появился ещё один тюркский перевод части сочинения Рашид-ад-дина, выполненный туркменом Салор-Баба.

Не только в историографии, но и в художественной литературе Средней Азии в XVI в. всё большее значение начинал приобретать староузбекский язык, хотя многие поэты продолжали писать на таджикском языке. В начале XVI в. создавали свои произведения поэт и историк Кемаледдин Бенаи, а также автор весьма интересных мемуаров, Зайнуддин Васифи. Изобличая пороки окружавшей его среды, Васифи проявил себя тонким и острым сатириком. Бенаи описал военные события своего времени в поэме «Шейбани-наме» (на староузбекском языке). Бенаи писал и сатирические произведения в прозе. Поэт Хилали, казнённый в 1639 г. по обвинению в шиизме, прославился своими лирическими стихами. В 60—80-х годах XVI в. в Бухаре при дворе Абдуллы-хана Шейбанида находилось много видных поэтов. Наиболее замечательным из них был Абдурахман Мушфики (умер в 1588 г.), обличавший в некоторых своих сатирических стихотворениях неравноправие женщин и другие тяжёлые стороны жизни и быта того времени. В творчестве Мушфики в известной мере отражались интересы трудящихся, в частности городских ремесленников.

Значительно снизился в XVI в. уровень культуры в Хорезме, где ещё в большей степени, чем в Мавераннахре, сказывались упадок хозяйства и феодальная раздробленность.

Данные источников о культуре кочевых народов (казахов, киргизов и туркмен) для XVI—XVII вв. очень скудны. В XVI—XVII вв. культурные связи кочевой степи с земледельческими районами Средней Азии хотя и развивались, но оставались ещё слабыми. В кочевом обществе были сильны пережитки доисламских верований и обрядов. Грамотность в кочевых районах была распространена мало. Не было в это время у казахов и письменной литературы на родном языке, а потому большое место в духовной жизни казахского народа, равно как и киргизов, занимало устное творчество, создавшее разнообразные жанры.

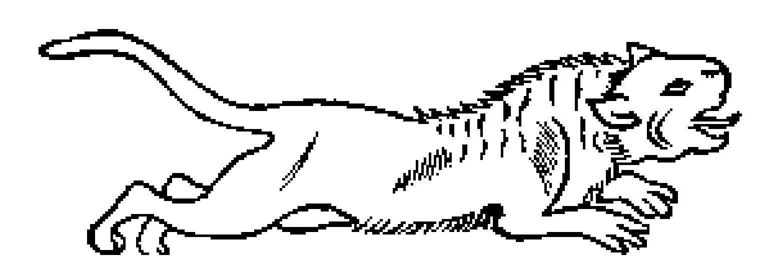
Широко бытовали у казахов, туркмен и киргизов песни и пословицы, отражавшие трудовой опыт кочевника-скотовода, а также семейно-бытовые песни, свадебные, похоронные, поминальные («кыз-танысу» — прощание невесты с близкими и с родным аулом, «жоктау» — плач по умершему и пр.). В бытовых сказках трудовой народ воплощал свои мечты о хороших пастбищах («Жупар-корыгы»), о семейном счастье и т. п., в фантастических сказках — стремление разгадать тайны природы («Ер-тостик»), поиски счастливой земли, на трудном пути к которой в обширных пространствах степи человек вступает в борьбу со стихийными силами природы («Тулпар»).

Казахский героический эпос XVI в. запечатлел наряду с фантастикой подлинные исторические события, например длительные войны между кипчаками, иранцами и ойратами (поэма о Кобланды), совместную борьбу казахов и узбеков с внешним врагом (поэма о Камбаре) и пр.

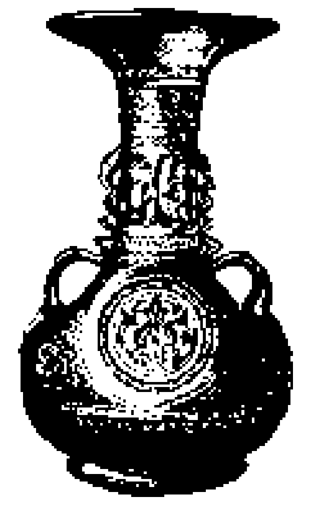
Исполнение песен сопровождалось игрой на различных, преимущественно струнных, инструментах. Наиболее талантливые музыканты создавали произведения на исторические и бытовые темы. Сочетание водном лице музыканта и певца является характерным для музыкального творчества казахов.

Народы Средней Азии, создавая свою культуру, проявляли большое мастерство в области прикладного искусства; высокого совершенства достигли художественная обработка шерсти у казахов (орнаментированные кошмы для внутреннего убранства юрты, полосы для стягивания деревянного остова юрты), тканьё ковров у туркмен, резьба по дереву и кости, ювелирное мастерство у узбеков и таджиков и т. д. В прикладном искусстве создавался особый для каждой народности стиль орнамента.

В XVI—XVII вв., в период упадка среднеазиатской феодальной культуры, науки и искусства, народное творчество узбеков, таджиков, казахов, туркмен, киргизов и других народов продолжало развиваться, обогащая сокровищницу культурного наследия народов Средней Азии.

ГЛАВА XXIV
УСТАНОВЛЕНИЕ ТУРЕЦКОГО ГОСПОДСТВА В АРАБСКИХ СТРАНАХ

В XVI в. почти все арабские страны были завоёваны турецкими феодалами и включены в состав Османской империи. Первыми из арабских стран утратили политическую независимость Сирия (включавшая тогда также Палестину и Ливан) и Египет, господство в которых находилось в руках своеобразной военно-феодальной касты мамлюков. Мамлюкские беи и их глава — мамлюкский султан, имевший свою резиденцию в Каире, хищнически эксплуатировали арабских феллахов (крестьян) и бедуинов (кочевников). Они не проявляли заботы о развитии сельского хозяйства и — что было особенно важно для районов поливного земледелия — о поддержании на должном уровне системы искусственного орошения. Зато они всеми мерами усиливали давление податного пресса. Такая политика приводила к сокращению сельскохозяйственного производства, к резкому ухудшению положения народных масс и к росту недовольства среди феллахов и бедуинов. Эти обстоятельства облегчали турецким феодалам завоевание арабских стран.

Завоевание Сирии и Египта

Трудящееся население Сирии подвергалось двойной эксплуатации: со стороны египетских мамлюкских беев и сирийских феодалов. Мамлюки смотрели на Сирию, как на завоёванную страну. Они облагали очень тяжёлыми податями сирийских феллахов, которые и без того отдавали значительную часть своего урожая местным феодалам и духовенству. От произвола и хищничества мамлюков страдало также плебейское население городов, в первую очередь ремесленники и мелкие торговцы. Нередко мамлюкские власти производили конфискацию имущества и у богатых купцов. Крупная караванная торговля сильно страдала от высоких пошлин, взимавшихся на многочисленных таможнях, а иногда и от грабительских нападений мамлюков и местных феодалов. В конце XV и начале XVI в. налоговое обложение ещё более возросло: был введён

налог даже с тех, кто собирал на улицах и дорогах коровий помёт, шедший на топливо. Чрезвычайно обременительной для населения была практика военного постоя, когда грубых и разнузданных мамлюков в порядке повинности распределяли по частным домам, возлагая на хозяев ещё и обязанность кормить их.

В начале XVI в. возмущение мамлюкским господством охватило все классы сирийского населения, — не только крестьян и плебейские массы, но и многих местных арабских феодалов. Ограбление населения мамлюками сокращало возможности эксплуатации его местными феодалами. Поэтому, когда надвинулась угроза турецкого вторжения, некоторые крупные сирийские феодалы заверили турецкого султана Селима I, что его войскам в Сирии не будет оказано сопротивление.

Летом 1516 г. турецкая армия во главе с Селимом I вторглась из Малой Азии в Северную Сирию. Мамлюкское войско, прибывшее из Египта под командованием султана Кансу Гури, потерпело полное поражение под Халебом (Алеппо). Турецкая армия имела артиллерию как самостоятельный род войска, а пехота (янычары) хорошо владела ручным огнестрельным оружием. Умело использовав своё преимущество, турецкое командование легко разгромило мамлюкские конные отряды, имевшие только холодное оружие (мечи, копья и луки со стрелами). В битве погиб и мамлюкский султан Кансу Гури.

Поражение мамлюкского войска под Халебом послужило сигналом к восстанию против мамлюкского гнёта во всей Сирии. Остаткам мамлюкских войск пришлось спешно отступать в Египет по стране, охваченной восстанием. Попытка этого войска укрыться за стенами Халеба встретила решительное противодействие горожан. Закрыв городские ворота перед мамлюками, жители Халеба захватили имущество мамлюкских беев и склады с товарами, продовольствием и амуницией. Когда турецкий султан приблизился со своей армией к Халебу, навстречу ему вышла большая толпа жителей во главе с представителями местного духовенства, нёсшими старинные рукописи Корана.

Не только Халеб, но и другие города Сирии без сопротивления сдавались при приближении к их стенам турецкой армии.

В столице Сирии — Дамаске — перед приходом турок вспыхнуло восстание против мамлюкских властей. Однако после въезда Селима I в Дамаск многие жители этого города стали жертвами грабежей и насилий, учинённых янычарами.

Дезорганизованные отряды мамлюков во время их бегства из Южной Палестины подверглись нападению бедуинских племён. Но бедуины выступали не только против мамлюков. Не желая подчиняться турецким завоевателям, они предпринимали налёты и на армию Селима, когда она двигалась из Палестины в Египет.

В Египте мамлюки оказали турецкой армии довольно упорное, но безуспешное сопротивление. Туман-бей, бывший раб, ставший преемником Кансу Гури, приказал построить укреплённый военный лагерь, чтобы задержать турецкие силы на границе пустыни, но турки обошли этот лагерь. Рассчитывая остановить турецкую армию на подступах к Каиру, Туман бей приобрёл у венецианцев 80 пушек, но среди мамлюков не нашлось артиллеристов.

В начале 1517 г. турецкая армия Селима I вступила в Каир, не встретив сопротивления, и подвергла грабежу египетскую столицу. Мамлюкские отряды под командованием Туман-бея были в конце концов отброшены в Верхний Египет, а через некоторое время окончательно разгромлены турками. Туман-бей, выданный Селиму египетскими бедуинами, был повешен в Каире.

Завоевание Египта имело своим следствием установление власти турецкого султана также и в Хиджазе. Эта священная для мусульман страна с городами Меккой и Мединой, ежегодно посещаемая сотнями тысяч паломников, целиком зависела в продовольственном отношении от Египта. Прекратив снабжение Хиджаза египетской пшеницей и другими продуктами питания, правители Египта могли в любое время вызвать голод в Хиджазе, что неизбежно повлекло бы волнения как среди паломников,

так и среди местного населения, существовавшего главным образом за счёт доходов, извлекаемых от паломничества. Поэтому с переходом Египта под власть турецких султанов неизбежно должен был разделить его судьбу и Хиджаз. В год завоевания Египта Селим I получил ключи от мекканского храма Каабы — главной мусульманской святыни, и включил в свою титулатуру почётное звание: «слуга обоих святых городов», т. е. Мекки и Медины. Впоследствии, во второй половине XVIII в., в период распада Османской империи, была создана легенда о том, что аббасидский халиф Аль-Мотаваккиль, состоявший в придворном штате мамлюкского султана в Каире, передал турецкому султану Селиму I титул и прерогативы халифа всех мусульман.

Сирия и Ливан под властью турецких завоевателей

Турецкое завоевание не внесло существенных изменений в общественный строй арабских стран. Те из сирийских и ливанских феодалов, которые поддерживали мамлюков, были лишены турецкими властями части их земельных владений. Наоборот, те феодалы, которые, перейдя на сторону турецких завоевателей, выступили против мамлюков, значительно расширили свои владения за счёт земель, отобранных у приверженцев мамлюков. Турецкая военно-ленная система была введена только в Халебском округе. Здесь турецкие власти роздали тимары сипахиям, переселённым из Малой Азии. Халебский округ был превращён в военный плацдарм, предназначенный для подавления восстаний сирийского населения против турецких захватчиков. Действительно, уже в 1517 г., возвращаясь из Египта в Турцию, Селим I получил в Халебе известия о восстаниях, вызванных во многих пунктах Сирии ужасным голодом и болезнями, а главное — беспощадными грабежами завоевателей. В первые же месяцы турецкого господства янычары совершенно опустошили Дамаск.

При турецком господстве Сирия была разделена на 4 провинции — пашалыка с центрами в Дамаске, Триполи, Сайде и Халебе. Халебский пашалык находился, как отмечалось выше, на особом положении, и в нём были поселены турецкие тимариоты. В других пашалыках продолжали господствовать местные феодалы, сохранившие свои земельные владения и привилегии в качестве вассалов турецких пашей. Паша, являвшийся представителем султанской власти, собирал с населения пашалыка подати через арабских феодалов. Меньшую часть собранных податей он отсылал в султанскую казну в Стамбул (Константинополь), а большую часть оставлял в своём бесконтрольном распоряжении. На эти средства паша был обязан содержать войско, находившееся под его командованием и комплектовавшееся первоначально из янычар и сипахиев, а позднее из наёмников. В целях личного обогащения паши старались собрать как можно больше податей, вовсе не считаясь ни с экономическим состоянием пашалыков, ни с платёжеспособностью населения.

Жестокая эксплуатация населения вела к упадку хозяйства, особенно земледелия. Торговля тоже значительно сократилась. На размерах сирийской транзитной торговли отрицательно сказались и великие географические открытия конца XV в., в результате которых товары из Индии и Индонезии стали поступать в Западную Европу преимущественно по океанским путям, минуя страны Передней Азии. Сирийская торговля страдала также от высоких, часто произвольных пошлин, взимаемых на многочисленных таможнях, а главное — от разбойничьих нападений пашей и феодалов на купеческие караваны. Паши нередко захватывали ценные товары прямо на складах местных купцов или путём грубого вымогательства отнимали у них значительные суммы денег. Тем не менее караванная торговля товарами, поступавшими из Северной Индии, Ирана и Средней Азии, не прекращалась, равно как продолжался и вывоз сельскохозяйственных продуктов и ремесленных изделий (тканей, изделий из металла, стекла и т. д.) из Сирии в Европу.

Турецкому правительству приходилось считаться с силой и влиянием наиболее крупных арабских феодалов. Но оно старалось ослабить их, используя старые племенные и родовые распри, религиозную рознь, политическое соперничество, часто приводившие к междоусобным вооружённым столкновениям.

Относительной независимостью при турецком господстве пользовались феодалы Ливана, горной страны, подчинить которую только силой оружия было весьма трудно. Наибольшим влиянием в Ливане в течение более столетия после турецкого завоевания пользовался феодальный род Маанидов. С целью ослабления Маанидов турецкие власти поощряли выступления против них других феодалов, но эта политика не имела большого успеха.

В 1584 г. вооружённый отряд ливанцев напал на турецкий караван, вёзший в Стамбул собранные в Египте и Сирии подати. Тогда султанское правительство поручило египетскому паше произвести расправу с маанидским эмиром, которого оно обвинило в организации этого нападения. Турецкое войско под командованием египетского паши вторглось во владения Маанидов и подвергло население жестокой расправе, хотя оно не имело никакого отношения к ограблению каравана. Маанидский эмир, засевший в неприступном замке в горах, вскоре умер. Некоторые другие ливанские феодалы были вынуждены отправиться в Стамбул и при помощи крупных взяток «доказывать» турецкому правительству свою непричастность к ограблению каравана.

Подобные расправы турецких властей, эксплуатация, произвол и насилия янычар вызывали в Ливане всеобщее возмущение. Против ненавистного турецкого ига вспыхивали восстания, которые беспощадно подавлялись завоевателями.

Используя борьбу народных масс против турецкого господства, Мааниды попытались добиться полной политической независимости Ливана от Турции. Эта попытка связана с именем эмира Фахр-ад-дина II. Он был признан ливанскими феодалами правителем родовых земель Маанидов ещё в 1585 г., когда ему исполнилось всего 13 лет. Действительную власть Фахр-ад-дин приобрёл в конце XVI в. и правил всё более разраставшимися владениями до 1635 г., с перерывом в 5 лет. Вначале Фахр-ад-дин исправно выполнял свои вассальные обязательства по отношению к турецкому султану, вносил в султанскую казну подати с подвластного ему населения, воздерживался от нападений на округа, управляемые непосредственно турецкими пашами. Поэтому турецкие власти не препятствовали ему расширять территорию своего эмирата за счёт владений других местных феодалов. В распоряжении Фахр-ад-дина имелись значительные вооружённые силы наёмных отрядов, а также ливанских ополченцев. Численность его войска достигала 40 тыс. бойцов.

В начале XVII в. владения Фахр-ад-дина простирались от ливанского побережья (с городами Бейрутом и Сайдой) до Сафада и Баниаса на юге. Он установил своё влияние также на территории к востоку от Иордана. Его войска находились на подступах к Иерусалиму, и для них был открыт путь в Египет. С расширением территории возрастали поступавшие в казну Фахр-ад-дина налоги и таможенные пошлины.

Располагая большими вооружёнными силами и денежными средствами, Фахр-ад-дин попытался завязать непосредственные дипломатические отношения (минуя турецкое правительство) с итальянскими государствами и с Францией, которые, ведя значительную торговлю с Сирией и Ливаном, были со своей стороны заинтересованы в установлении связей с влиятельным ливанским эмиром. Фахр-ад-дин заключил торговый договор с Флоренцией. Это создало благоприятные условия для торговли итальянских купцов и вообще для экономического и политического проникновения европейцев в страны Леванта.

Укрепление фактически самостоятельного государства Фахр-ад-дина вызвало решительное противодействие со стороны турецкого правительства. В 1609 г. на пост дамасского паши был назначен Ахмед Хафиз, пользовавшийся репутацией энергичного и решительного военачальника. В его распоряжение турецкое правительство предоставило значительные вооружённые силы из Анатолии и предписало ему восстановить турецкое господство во владениях Фахр-ад-дина. К Ахмеду Хафизу примкнуло немало местных феодалов с их ополчениями, в том числе некоторые феодалы из рода Шихабов, являвшихся соперниками Маанидов. Но и соединённые турецкие и арабские силы не смогли сразу сломить сопротивление войск маанидского эмира.

Только в 1613 г., когда турецкий военный флот в 60 галер блокировал сирийско-ливанское побережье, Фахр-ад-дин отказался от дальнейшего сопротивления и отплыл на французском корабле в Италию. Здесь, находясь при дворе великих герцогов тосканских Медичи, он в течение 5 лет безуспешно старался вызвать вооружённое вмешательство итальянских государств и Франции в его борьбу с Османской империей.

В 1618 г. Фахр-ад-дин вернулся в Ливан. Прежняя борьба с турками создала ему славу героя. Поэтому его призыв к возобновлению борьбы против турецкого гнёта нашёл широкий отклик. Фахр-ад-дин быстро сформировал войско в 100 тыс. бойцов. Пользуясь поддержкой широких народных масс, он ликвидировал турецкое господство на большой территории — от Антиохии до Сафада. Через 5 лет он разбил войско дамасского паши, а затем завоевал Палестину.

Захват обширных территорий привёл, однако, к распылению вооружённых сил Фахр-ад-дина. Его наиболее боеспособные части были разбросаны по крепостям, составляя их гарнизоны. Местные ополченцы, утомлённые длительной борьбой, не желали надолго оставаться оторванными от своих деревень, садов, полей и виноградников. В то же время возраставшие налоговые тяготы, связанные с войной, вызывали недовольство крестьян, в том числе и тех, которые входили в состав ополченских отрядов.

Используя эти обстоятельства, турецкое правительство нанесло поражение Фахр-ад-дину. Сам он был захвачен в плен и в 1635 г. казнён в Стамбуле.

Египет под турецким господством

В Египте установление турецкого господства также не внесло существенных изменений в общественный строй. Феодалы, как местные, так и турецкие, эксплуатировали феллахов. Верхний слой класса феодалов по-прежнему составляли мамлюкские беи и высшее мусульманское духовенство. Ещё султан Селим I в год завоевания Египта признал за 24 мамлюкскими беями их прежние права на владение землями и подтвердил их привилегии.

Недовольство народных масс Египта турецким господством проявилось уже в первые годы после завоевания. В различных районах страны возникли волнения и восстания. В связи с этим турецкий султан Сулейман Кануни в 1525 г. направил своего фаворита Ибрахима-пашу в Египет для «наведения порядка». Ибрахим, прибыв во главе крупного вооружённого отряда, организовал ряд карательных экспедиций, сопровождавшихся казнями восставших. В Египте был введён составленный при Сулеймане I свод законов — «канун-наме», определивший привилегии феодалов и повинности крестьян, прикрепление которых к земле было подтверждено этим сводом.

Турецкий паша, правивший от имени султана в Египте, назначался на свой пост султанским указом сроком на 1 год. Но обычно этот срок увеличивался до 2 и 3 лет. Его местопребыванием служил Каир. Паша окружал себя гвардией из янычаров и мамлюков. Высшим командирам этой гвардии он раздавал во владение земли, ранее принадлежавшие мамлюкским султанам, и назначал их на различные административные посты. Так турецкие феодалы стремились создать себе опору в завоёванной стране.

Однако при сохранении земельных владений и феодальных привилегий в основном за прежним господствующим классом власть турецкого паши редко простиралась за пределы Каира и его окрестностей. Каирский паша превратился в посредника между турецким султаном и египетскими феодалами. Его основной (а нередко и единственной) обязанностью стала доставка податей в султанскую казну.

В соответствии с принципом феодально-государственной собственности на землю все орошаемые и возделываемые земли считались собственностью турецкого султана. Фактическими же владельцами земли были феодалы — мультазимы, которые получали её во владение от каирского паши, как представителя султана. В качестве мультазимов выступали мамлюки различных рангов, арабские шейхи (т. е. предводители бедуинских племён и их родственники), командиры турецкого войска, а также местные купцы и ростовщики. Размеры и доходность владений мультазимов были

весьма различны: одни из них владели целыми округами с сотнями деревень и несколькими городами, а другие — землями, обрабатываемыми населением одной деревни. Основной обязанностью мультазима по отношению к государству было взимание государственных податей («мири») с феллахов и внесение этих податей паше. Мультазим собирал подати при посредстве деревенских старост или особых сборщиков, со-

Венецианское посольство в Каире.
Школа Беллини. XVI в.

стоявших у него на службе. Подати взимались как в денежной, так и в натуральной форме. Ежегодная подать сутану с населения Египта первоначально была установлена в 600 тыс. пиастров, не считая сборов натурой.

Несвоевременный пли неполный взнос податей паше имел своим последствием лишение мультазима его земельных владений. Владения мультазима могли передаваться по наследству, но при непременном условии уплаты наследником высокой пошлины.

Помимо «мири», мультазим взимал с зависимых от него феллахов различные другие подати и сборы. Фактически ничем не ограниченный в своей жадности и произволе, мультазим оставлял в распоряжении феллаха только ту ничтожную часть продукта, которая едва обеспечивала существование феллаха и его семьи. Площадь общинных земель, владельцем которых являлось трудящееся население деревни, всё более сокращалась. При переходе феллахского земельного надела по наследству наследники умершего должны были платить крупную денежную сумму. Поскольку наследники часто оказывались не в состоянии её внести, мультазим присваивал себе этот надел. Мультазимы эксплуатировали феллахов также посредством различных форм барщи-

ны. Они заставляли феллахов изготовлять для них пряжу и ткани, давая им сырьё. Во владениях крупных мультазимов стала практиковаться и барщина на полях, особенно там, где выращивались культуры, являвшиеся предметами вывоза на внешние рынки.

Проводя жестокую политику эксплуатации и закрепощения непосредственных производителей, египетские и турецкие феодалы вызывали этим дальнейшее обнищание феллахов, разорение сельского хозяйства и общий упадок производительных сил в Египте.

С установлением турецкого господства в Египте происходило дальнейшее и довольно быстрое сокращение ремесленного производства. Наряду с уменьшением количества наблюдалось ухудшение и качества ремесленной продукции. Падение производства объяснялось главным образом резким усилением налогового гнёта, неизбежным результатом чего было уменьшение платёжеспособного спроса со стороны горожан и крестьян. Немалое значение имело и сокращение торговли Египта с Индией и Индонезией вследствие появления португальских торговых и пиратских кораблей в Индийском океане и в Красном море. Падение ввоза товаров из этих стран в Египет, через который обычно большая их часть направлялась транзитом в Европу, привело к разорению многих египетских купцов и к значительному уменьшению доходов феодалов, лишившихся таможенных поступлений. Всё это, а также перемещение мировых торговых путей обусловили экономический упадок Египта, утратившего своё былое значение в транзитной торговле.

Северная Африка

Экономический упадок стран Северной Африки, находившихся в XV в. в состоянии феодальной раздробленности и междоусобных войн, ослаблял силу их сопротивления вторжениям извне.

Первые европейские вторжения, имевшие своей целью территориальные захваты в Северной Африке, были совершены в Марокко. В 1415 г. вооружённые отряды португальцев заняли город Сеуту, а во второй половине XV в. они захватили ряд важных населённых пунктов, в том числе Танжер (в 1471 г.). В начале XVI в., обосновавшись во многих пунктах Северного Марокко и на его атлантическом побережье, построив на захваченной территории укреплённые пункты и поместив в них гарнизоны, португальские завоеватели начали взимать постоянную дань деньгами, ценностями и местными продуктами с населения марокканского побережья. Жестокие и жадные завоеватели предпринимали также время от времени грабительские экспедиции внутрь страны, иногда проникая до Маракеша. Эти экспедиции сопровождались разрушением городов и деревень, ограблением и истреблением жителей, захватом в плен мужчин, женщин и детей. Захваченные пленники обращались в рабство, причём большую часть мужчин направляли гребцами на галеры, а женщин и детей продавали на невольничьих рынках.

В самом конце XV в., после окончания реконкисты в Испании, испанские воинственные идальго под видом продолжения «богоугодной войны» против «неверных» — мусульман стали нападать на страны Северной Африки. Уже в первое десятилетие XVI в. испанские войска захватили некоторые важные города севере африканского побережья. В Марокко они поместили свои гарнизоны в Мерс-аль-Кебире и в Оране, в Алжире они захватили остров, расположенный около города Алжира, и построили на нём крепость Пеньон, пушки которой были нацелены на алжирскую столицу, затем завоевали Буже и Тенес и обложили данью население этих городов и их районов. В Триполитании испанские войска летом 1510 г. взяли штурмом город Триполи и произвели в нём повальный грабёж и истребление многих тысяч жителей. Опираясь на захваченные ими пункты на побережье, испанцы распространили своё господство на ряд внутренних районов, требуя дань с населения, производя грабежи, разрушения и угоняя жителей, обращая их в рабство. Так, в Марокко испанцы установили своё господство над Тлемсенским государством — одним из наиболее сильных, богатых и культурных в тогдашней Северной Африке.

В начало XVI в. в Северной Африке появились новые завоеватели — турки, прибывшие из Восточного Средиземноморья. Хайреддин Барбаросса с острова Митилен (Лесбос), предприимчивый предводитель пиратских шаек, часто совершавших грабительские налёты с моря на североафриканское побережье, обосновался в Алжире и объявил его присоединённым к владениям турецкого султана Селима I. По приказу этого султана в распоряжение Хайреддина были отправлены турецкие батареи с 2 тыс. артиллеристов и 4-тысячный отряд, сформированный по образцу янычарского войска. Такие значительные подкрепления дали Хайреддину возможность произвести крупные завоевания в Северной Африке. Он был назначен султанским наместником завоёванных областей, получив от султана титулы паши и бейлербея. Его отряды, имевшие артиллерию и большое количество быстроходных кораблей, в течение десятилетия (начиная с 1518 г.) овладели многими населёнными пунктами алжирского побережья, в том числе крупными портовыми городами Бон, Колло, Шершель. Они проникли также внутрь страны, захватили Константину и обложили податями некоторые племена горной Кабилии. В 1529 г. они окончательно утвердились в городе Алжире, а затем взяли приступом и разрушили испанскую крепость Пеньон.

Турецкие завоеватели сохранили за местными феодалами, как оседлыми, так и кочевыми, их владения и классовые привилегии; они не вмешивались во взаимоотношения феодалов и их крепостных. Но представитель турецкого султана — паша с титулом бейлер-бея, имевший своей резиденцией город Алжир, требовал уплаты податей, часть которых отсылал в Стамбул, а часть расходовал на себя, на содержание своей свиты, канцелярии и войска. Кроме того, паша, стремившийся к быстрейшему обогащению, не только усиливал давление податного пресса, но и прибегал к открытым грабежам и вымогательствам у населения.

С течением времени в Алжире, как и в других областях Северной Африки и вообще в Османской империи, стало возрастать политическое значение янычарского войска.

Янычары получали определённое жалованье из казначейства местного паши и пользовались правом приобретать по очень низким, специально для них установленным ценам пищевые продукты, ткани и другие товары на местных базарах. Они были освобождены от всех налогов и сборов. Их представители присутствовали на заседаниях Дивана паши. Но приказы паши эта своевольная и буйная солдатчина выполняла только в тех случаях, когда они соответствовали её интересам. Янычарская вольница стремилась стать главенствующей политической силой в Алжире и в других турецких владениях в Северной Африке. Впоследствии алжирским янычарам удалось добиться политической власти: из их среды стал назначаться *дей,* фактически правивший Алжиром под номинальным сюзеренитетом турецкого султана.

Другой организованной силой были североафриканские пираты и прежде всего те из них, которые базировались в городе Алжире. Пираты, занимавшиеся разбоем в открытом море и подвергавшие ограблению прибрежные районы западноевропейских стран, действовали под командованием своих раисов, т. е. начальников, или капитанов. Раисы составляли особую корпорацию, располагавшую большими материальными средствами и пользовавшуюся значительным влиянием в Алжире и в других крупных портовых городах североафриканского побережья.

Экипажи пиратских кораблей состояли в своём большинстве из принявших ислам европейцев, взятых в плен пиратами или бежавших из своих стран.

Оспаривая власть у янычар, раисы поддерживали пашу и местных феодалов. До середины XVI в. алжирские паши были ещё достаточно сильны, чтобы расширять сферу турецкого господства в Северной Африке. Преемники Хайреддина не только сумели организовать отпор вторжению испанцев, нанеся поражение войску Карла V под городом Алжиром в 1541 г., но и вытеснили испанцев из всех их укреплённых пунктов в Алжире. На западе они успешно завершили борьбу с марокканскими феодалами за область Тлемсена, а в 1553 г. заняли на некоторое время даже Фес. Длительная и

ожесточённая борьба с Карлом V, происходившая как в Северной Африке, так и на море, имела своим следствием улучшение отношений алжирских правителей с Франциском I французским, постоянно воевавшим с Карлом. Франциск I считался первым союзником алжирских правителей.

В Тунисе испанцы, используя затянувшиеся феодальные междоусобицы, возвели в 1535 г. на престол одного хафсидского эмира, который признал себя вассалом Карла V. Однако позднее во внутренних областях Туниса развернулось восстание против испанского ставленника и разгорелась междоусобная борьба между местными племенами. Алжирские турки, вполне освоившие область Константины, не преминули воспользоваться смутой в соседней стране и установили свою власть в Тунисе. Но вскоре, когда к тунисским берегам подошёл испанский флот с солдатами дона Хуана Австрийского, они вывели свои войска из Туниса. Опасность превращения Туниса в испанское владение побудила турецкого султана направить значительный флот с войском, которое, вытеснив испанцев, оккупировало Тунис и превратило его в провинцию (пашалык) Османской империи (1574 г.).

В Триполитании, пустынной стране с редкими оазисами и немногими городами на побережье, борьба между европейцами и турками происходила за единственный крупный город — Триполи. Этот город находился во власти испанцев с 1510 по 1530 г., после чего им владели мальтийские рыцари, вытесненные турками с острова Родос. В своём новом североафриканском владении мальтийские рыцари могли держаться только с помощью итальянских и испанских наёмников, составлявших гарнизон города. Этот гарнизон, однако, принуждён был вести непрерывную борьбу с местными арабскими племенами. С моря же на Триполи нападали пираты, пользовавшиеся поддержкой турецкого командования. В 1551 г. объединённые силы трёх пиратских раисов предприняли штурм города и взяли его. Рыцарям удалось бежать на кораблях на Мальту, а наёмники почти полностью были уничтожены пиратами; оставшиеся в живых были прикованы к скамьям гребцов на пиратских кораблях.

Так три страны Северной Африки — Алжир, Тунис и Триполитания были подчинены турецкому господству, которое, впрочем, с XVII в. являлось только номинальным. При турецком господстве политическая история этих стран характеризовалась бесконечными распрями различных группировок феодалов, которые вели между собой борьбу за отдельные территории.

Что касается Марокко, то там выявились силы, которые оказались в состоянии противостоять захватам европейцев и остановить продвижение турок. Наиболее активными вдохновителями и отчасти организаторами этих сил выступили марабуты. Это были своеобразные представители мусульманского воинствующего монашества, проникнутые идеями суфизма. Они объединялись в братства, а укреплённые поселения — завии (своего рода монастыри, иногда являвшиеся крупными феодальными собственниками) служили опорными пунктами их военной и проповеднической деятельности. Эти фанатичные проповедники и воители по всему Марокко призывали население к «священной войне» (джихад) против христианских завоевателей — португальцев и испанцев. Наряду с этим марабуты, в большинстве своём вышедшие из простого народа и тесно связанные с рядовыми крестьянами, кочевниками и городским плебсом, выступали против господствовавшей в Марокко династии Маринидов и поддерживали стремление к власти шерифов, т. е. людей, претендовавших на происхождение от «основателя ислама» Мухаммеда. Марабуты проповедовали, что шерифы в силу их происхождения обладают более высокими моральными и политическими качествами, чем обычные владетельные феодалы. Поэтому с возможным приходом шерифов к власти они связывали надежды на будущее переустройство государства и общества с целью их улучшения.

В 1550 г. один из шерифов — Мухаммед аль-Махди, уже задолго до этого правивший в Южном Марокко и получавший большие доходы от разведения в его

владениях сахарного тростника, овладел Фесом. Попытка маринидского государя восстановить свою власть, воспользовавшись военной поддержкой турок из Алжира, привела в 1554 г. к окончательному падению его династии.

Правда, уже с 1544 г. в Марокко правила династия шерифов, власть которых распространилась на всю страну. Во второй половине XVI и в начале XVII в. марокканцы не только одержали решительные победы в борьбе с португальцами и алжирцами, но и совершили завоевания в Западном Судане и дошли до Сенегала. Шерифский двор в Маракеше поражал современников великолепием и пышностью, а столица была украшена замечательными памятниками архитектуры.

Шерифы уделяли крупные средства арабским племенам Южного Марокко, служившим их военной опорой. При шерифе Ахмеде аль-Мансуре (1578—1603) эта опора была расширена и усилена путём раздачи военных ленов в области Феса вождям арабских племён, не пожелавшим остаться под властью турок в Северо-Восточном Марокко.

В целях дальнейшего повышения обороноспособности Марокко и для борьбы с сепаратистскими стремлениями местных феодалов было сформировано регулярное войско, которым ведало особое учреждение — махзен. Это войско комплектовалось из обратившихся в ислам европейцев, а также из мавров, бежавших или изгнанных из Испании, и из суданских и иных негров. Обучение войска проводили турецкие офицеры и солдаты, перебежавшие на службу к шерифу.

Но это войско, обеспечивавшее шерифскому правительству относительно регулярный сбор податей, было не в состоянии воспрепятствовать распадению Марокко на отдельные феодальные владения к середине XVII в., когда против господства шерифов выступили разочаровавшиеся в них марабуты.

Культура

Культурная жизнь народов арабских стран в описываемое время носила признаки упадка. Одной из важных причин этого являлось турецкое господство, сопровождавшееся усилением гнёта и произвола и создававшее угрозу ассимиляции значительной части населения, особенно городского. Арабский язык был заменён в правительственных и военных органах турецким. Но в научной, художественной и богословско-юридической литературе арабский язык продолжал господствовать, и даже некоторые турецкие учёные стали писать свои сочинения на этом языке. Это объясняется более высоким уровнем арабской культуры, в которой давно уже выработались твёрдые литературные традиции.

Однако в позднее средневековье эти традиции омертвели. Совершенно оторванная от жизни схоластика царила в сравнительно многочисленных сочинениях мусульманских богословов и правоведов (факихов). Многие представители этих традиционных мусульманских наук писали сочинения на избитые темы, составляли бесполезные комментарии на старые сочинения и на старые комментарии. Единственной новой темой, имевшей видимость практического значения и вызвавшей оживлённое обсуждение среди мусульманских схоластов, явился вопрос о допустимости курения табака, потребление которого в то время стало быстро распространяться.

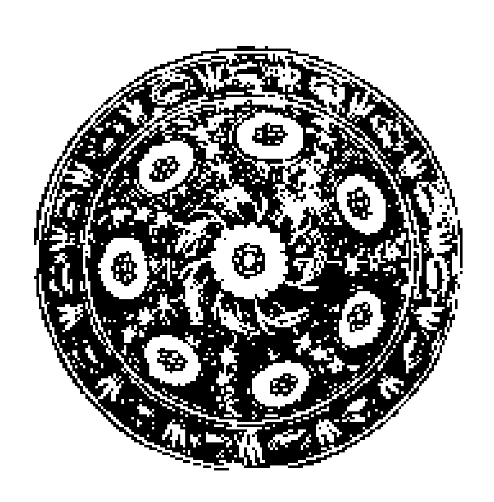
В период турецкого господства получили распространение различные мистические настроения и учения. Проповедь мистицизма — суфизма, обезоруживавшая народные массы, укрепляла это господство. Мусульманские богословы и правоведы, устно и письменно призывавшие верующих к воздержанию и терпению, сами вовсе не были отшельниками и постниками. Они раболепствовали перед иноземными правителями в надежде получить от них должности, награды и подарки.

Исключительной фигурой среди этих людей выступает аш-Шарани (умер в 1565 г.), автор «Книги рассыпанных жемчужин» и ряда других сочинений. Этот крупный египетский деятель и учёный осуждал безнравственность, лицемерие и ханжество лжеучёных святош и поднимал голос в защиту угнетённых и обездоленных народных масс.

В области историографии были забыты теоретические положения и критический метод выдающегося арабского историка и социолога Ибн Халдуна (1332—1406). Арабские историки XVI—XVII вв. занимались составлением мусульманских «всеобщих историй» по старым образцам, переписывая труды предшественников, составляли биографии и своды биографических материалов. Вместе с тем в их трудах содержались сведения об учёных, писателях и правителях, факты политической и военной истории, относящиеся к отдельным феодальным государствам, областям и городам. Наиболее известным произведением историографии этого периода является антология марокканца Маккари (около 1590—1632) по истории арабского господства на Пиренейском полуострове — «Веяние аромата от свежей ветви Андалусии», в 4-х больших томах.

В художественной литературе не появилось ни одного выдающегося мастера слова. Поэты и прозаики, занимавшиеся подражанием арабским классическим образцам, были бессильны возбудить воображение или чувства читателя.

Светлым и ярким явлением были художественные произведения народного творчества. Как раз в этот период было завершено составление свода сказок «Тысяча и одна ночь»; наиболее поздние сказки относятся к XVI в.

ГЛАВА XXV
ГОСУДАРСТВО ВЕЛИКИХ МОГОЛОВ В ИНДИИ

В XVI в. исторические судьбы Южной и Северной Индии складывались по-разному. В Южной Индии крупнейшим государством был Виджаянагар, во главе которого стояла индусская династия. Значительное развитие товарно-денежных отношений в Виджаянагаре привело к усилению эксплуатации народных масс феодалами и к обострению классовых противоречий. Крестьяне отдавали подавляющую часть своего дохода в виде ренты-налога. В виджаянагарских надписях встречаются упоминания о том, что крестьяне бросали свои деревни и разбегались. Часто возникал голод. В 1540 г. от голода вымерло около $^{2}/_{3}$ населения окрестностей столицы Виджаянагара.

Виджаянагар вёл вооружённую борьбу с другими, более мелкими государствами в Декане — с Биджапуром, Ахмеднагаром, Бидаром, Бераром и Голкондой, в которых правили мусульманские династии.

В начале 40-х годов XVI в. в Виджаянагаре начались споры из-за престолонаследия, во время которых боровшиеся между собой феодальные клики призывали на помощь войска мусульманских правителей упомянутых выше государств.

Воспользовавшись ослаблением центральной власти Виджаянагара, вассальные правители стали стремиться к независимости. Внутреннее положение страны, в которой в этот период обострялись классовые противоречия, было тяжёлым. Рост феодального сепаратизма в Виджаянагаре был связан с ослаблением государственной собственности на землю и отделением налога от ренты. Крупные феодальные землевладельцы выплачивали в казну не больше половины тех сумм, которые они сами взимали с крестьян в качестве ренты. Усилившись экономически, они стремились отделиться от центральной власти и стать собственниками земель, которые принадлежали им на правах временного держания за службу. Армия Виджаянагара не смогла противостоять объединённым войскам Биджапура, Ахмеднагара, Бидара и Голконды.

В битве при Таликоте (иначе Ракшас-Тагди) в 1565 г. армия Виджаянагара потерпела поражение. Войска мусульманских правителей взяли столицу государства, разграбили город и разрушили его. Вассальные князья отложились от Виджаянагара. Государство распалось. Виджаянагар превратился в небольшое княжество с главным городом — крепостью Пенукондой.

Предпосылки создания объединённого государства Северной Индии

К началу XVI в. Индостан (индийские земли, расположенные к северу от реки Нарбады) находился в состоянии политической раздробленности, распадаясь на многочисленные феодальные государства (Кашмир, Синд, Мультан, Гуджарат, Джаунпур, Мальва, Бенгалия, Бихар и др.). Раджпутана освободилась из-под власти султанов Дели, но вечные распри раджпутанских князей взаимно ослабляли их. В первой четверти XVI в. завершился распад самого крупного государства Индостана — Делийского султаната. Власть делийских султанов теперь распространялась фактически лишь на территории, непосредственно примыкавшие к столице, и на Пенджаб.

В прекращении феодальных усобиц и войн, разорявших сельское хозяйство и затруднявших торговлю, были заинтересованы крестьяне и горожане. Вместе с тем тяга к политическому объединению страны проявлялась и среди влиятельной прослойки мусульманских феодалов. Занимая господствующее положение в стране, они опасались усиления феодалов-индусов, оттеснённых на второй план в результате тюркских, таджикских и афганских завоеваний. Однако по мере распада Делийского султаната и учащения войн между государствами, где правили мусульманские династии, феодалы-индусы вновь стали усиливаться. Так, в 1452 г. джаунпурский раджа осадил Дели, что вызвало войну, длившуюся 26 лет. Туземные князья стали достаточно сильными для того, чтобы бороться против мусульманского господства. Это привело к объединению мусульманских феодалов под властью Бабура, сильного правителя Кабула, мечтавшего подчинить своей власти обширные индийские земли.

Образование Могольской империи

Бабур, бывший правитель Ферганы, изгнанный из Средней Азии кочевниками-узбеками Шейбани-хана, был способным полководцем, поэтом и наблюдательным писателем. Его мемуары, написанные простым языком, служат важнейшим источником наших знаний об экономической и политической жизни Средней Азии, Афганистана и Северной Индии того времени и содержат яркие характеристики его современников. В 1526 г. Бабур, одержав решающие победы при Панипате над правителем делийского султаната Ибрахимом Лоди и при Сикри в марте 1527 г. над предводителем раджпутанских князей Раном Сангамом, положил начало Могольской империи [1] в Индии.

Победами над индийскими феодалами Бабур был обязан своей опытной, закалённой в боях армии, состоявшей из тюрков, таджиков и афганцев, отличной артиллерии и новым приёмам ведения боя (например, прикрытие своей пехоты и артиллерии заграждением из повозок, соединённых цепями).

Бабур умер в 1530 г., разделив перед смертью свои владения между сыновьями. Основную часть Индии он отдал старшему сыну Хумаюну.

Период феодальных усобиц

Каждый из сыновей Бабура считал себя независимым правителем и не желал быть вассалом Хумаюна. Борьба с братьями отвлекла силы Хумаюна. Этим воспользовался Шер-хан, потомок афганцев из племени сур, обитавших в Бенгалии и Бихаре. Шер-хан разбил Хумаюна в двух сражениях и короновался в качестве правителя Индии (1539—1545). Хумаюн вынужден был бежать в Иран, но позднее, укрепившись на афганской территории, он продолжал борьбу за власть.

---

[1] «Моголами» называли население «Моголистана», к которому относили районы Северной Индии и юга Центральной и Средней Азии. Поэтому и государство выходца из Средней Азии Бабура получило название «Могольского». Европейцы называли Могольскую империю «Государством Великого Могола».

Воспользовавшись слабостью преемников Шер-хана, которые не могли справиться с борьбой различных феодальных клик, Хумаюн в 1555 г. вторгся в Индию и занял Дели; В 1556 г. Хумаюн внезапно умер. Падишахом стал его 13-летний сын Акбар. В решающей битве при Панипате в 1556 г. Акбару удалось разбить своих наиболее серьёзных противников и укрепить власть Могольской династии в Дели.

На опыте длительного периода усобиц многие мусульманские феодалы Индии убеждались в том, что без сильного государства невозможно ни организовать оборону страны от нашествий кочевых племён с северо-запада, ни подавить крестьянские волнения. Создание именно такой мощной державы, стоявшей на страже интересов феодалов, и осуществил Акбар, правивший с 1556 по 1605 г.

Феодальное землевладение

Важной чертой общественного строя Могольской империи было существование феодальной государственной собственности на землю. Все завоёванные земли первоначально попадали в государственный фонд — халисэ (арабское слово, означающее землю «чистую», «свободную»). Налог с таких земель собирался специальными правительственными чиновниками и пересылался в финансовое ведомство. Однако земли халисэ в дальнейшем составили незначительную часть земельного фонда страны, не более 1,7% всей обрабатываемой земли. Большая же часть этих земель была роздана в военные пожалования — джагиры — крупным феодалам, так называемым джагирдарам, которые получали право взимания с этих владений земельной ренты-налога. Некоторая часть земель оставалась во владении прежних правителей, ставших теперь вассалами-заминдарами.

Правительство Могольской державы устанавливало размер и способ взимания земельного налога на всех землях, независимо от их владельцев (за исключением заминдаров), причём обработка земли считалась государственной повинностью крестьян. Местным феодалам предоставлялось право взыскивать с крестьян земельный налог и всякого рода мелкие поборы и использовать принудительный, неоплачиваемый труд крестьян на оросительных работах, при проведении дорог, а также на государственных и собственных постройках (мостов, мечетей, гробниц, дворцов и даже целых городов). Права земельных общин и входивших в них крестьян заключались в том, что они могли распоряжаться своей землёй, покупать, продавать или передавать её по наследству (однако только со всеми лежащими на ней обязанностями), не испрашивая никакого разрешения от местного феодала или государственных чиновников.

Господствующей формой феодального землевладения в Северной Индии являлись джагиры — условные земельные пожалования. Джагирдар был обязан содержать отряды наёмных войск, главным образом конницы, сообразно своему чину и установленным доходам. Джагир не был связан с одной определённой местностью. При пожаловании джагира принималась во внимание лишь цифра получаемого с него дохода, т. е. следуемой джагирдару с крестьян ренты-налога. Чиновники финансового ведомства определяли, какие деревни должны идти в джагир тому или иному феодалу, причём при повышении в чине часто меняли эти деревни, отводя джагирдару земли в какой-либо иной части страны. Владения джагирдара не передавались по наследству и даже не были пожизненными. Как правило, джагир был владением крупным.

В 50—60-х годах XVI в., когда Могольская империя охватывала ещё сравнительно небольшую территорию, земель для раздачи в джагиры не хватало; поэтому владения джагирдаров имели значительно меньшие размеры и давали меньше доходов, чем было официально зафиксировано в пожаловании. Когда Акбар распространил свою власть на значительную часть Индии, увеличилось количество джагирдаров и размеры их владений.

Заминдары (местные князья и предводители племён) обязаны были уплачивать центральной власти определённую ежегодную дань и, по требованию государя, выступать в поход со своим ополчением. Заминдары могли передавать свои земли (заминдарства) по наследству с согласия падишаха. Они сами устанавливали ренту-налог в пределах своего заминдарства.

ВЪЕЗД БАБУРА ВО ДВОРЕЦ СУЛТАНА ИБРАГИМА В АГРЕ.
Миниатюра могольской школы из «Записок» Бабура. XVI в.

Заминдарства не были типичной формой феодального землевладения в Могольской империи. Они находились главным образом на окраинах или в труднодоступных для могольской конницы холмистых местах, в основном в Раджпутане, Ориссе, Бенгалии

Сцена охоты на аллигатора.
Миниатюра Могольской школы XVI в.

и Кабуле. Заминдары в отличие от джагирдаров иногда вели собственное барское хозяйство и применяли в небольших размерах барщинный труд крестьян.

Большинство заминдаров исповедовало индуизм и принадлежало к коренному населению Индии в отличие от джагирдаров, которые большей частью были мусульманами, потомками среднеазиатских и афганских завоевателей.

Земельные владения шейхов (мусульманских мелких и средних духовных феодалов) и мусульманских религиозных учреждений назывались в Индии суюргалами. Суюргалы раздавались правительством. Они были владениями мелкими, передававшимися по наследству и без всяких обязательств военной службы. Суюргальные участки в общем составляли около 4% земельного фонда страны. Экономическая слабость мусульманских религиозных организаций определялась главным образом тем, что ислам исповедовало меньше $^{1}/_{4}$ населения страны. Что же касается земель, ранее принадлежавших индусским храмам, то они были отняты у храмов еще при делийских султанах. Лишь во владениях заминдаров сохранились более или менее крупные массивы индусских храмовых земель.

Земледелие на значительной части территории Индии, особенно на юге, было тесно связано с орошением. Забота о поддержании системы ирригации являлась функцией государственной власти. Именно поэтому феодальные раздоры, отвлекавшие внимание от этой задачи, наносили такой огромный вред экономике страны.

Сельская община

Одной из характернейших черт индийской деревни было существование сельской общины, сохранившейся с древнейших времен и почти не изменившей своего характера. По словам Маркса, индийские общины «покоятся на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом и на упрочившемся разделении труда, которое при основании каждой новой общины дает готовый план и схему производства» [1]. Индийская община при существовавших тогда примитивных, почти

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 364.

исключительно деревянных, орудиях сельскохозяйственного производства выполняла известные общественно полезные функции. Она обеспечивала крестьянам возможность удовлетворять их несложные хозяйственные потребности и облегчала борьбу с наступавшими джунглями, что было не под силу отдельному крестьянскому хозяйству. В то же время феодальное государство сумело приспособить общину к своим интересам, используя её как удобную фискально-податную единицу и средство прикрепления крестьян к тяглу.

Бенгальский владетель.
Миниатюра Могольской школы. XVII в.

Соединение ремесла с земледелием продолжало оставаться основной чертой всех сельских общин в Индии и усиливало натуральный характер сельского хозяйства.

В некоторых сельских общинах сохранялась ещё коллективная обработка полей, хотя в подавляющем большинстве общин пахотные поля были уже поделены между общинниками. Но выгоны и пустоши находились в коллективном владении и пользовании всей общины, которая распоряжалась ими по своему усмотрению. Выгоны и пустоши не подлежали обложению налогом.

В Индии существовали два главных типа общин, отличавшихся между собой по способу раздела обрабатываемой земли между крестьянами. В северной части Индии, а также в Бенгалии поля делились по едокам, по плугам и т. п. В Раджпутане и Гуджарате была другая, более древняя система: земля делилась в зависимости от родовой близости общинника к реальному или воображаемому предку, основателю деревни. В общинах преобладала крайняя чересполосица, так как каждая доля должна была содержать равные части плохой и хорошей, орошаемой и неорошаемой, удобной и неудобной земли.

Как и раньше, общины продолжали объединять четыре группы лиц, различавшихся по своему положению: привилегированные должностные лица, рядовые общинники-крестьяне, общинные ремесленники и бесправные, так называемые пришлые.

Среди общинников было много всяких делений по кастовым, религиозным и ряду других признаков, от которых зависели размеры их налоговых платежей.

Община коллективно содержала 8—12 ремесленников, обслуживавших потребности крестьян. Крестьянин должен был обычно лишь приносить материал, но за выполненную для него работу расплачивалась община, выделявшая ремес-

.ленникам после жатвы долю урожая. Некоторые профессии (например, кузнечное дело) считались почётными, другие же ремесленники (как, например, кожевники) принадлежали к «неприкасаемым», вынуждены были селиться в особой части деревни, пользоваться водой из особых колодцев и т. д.

Кроме полноправных общинников, в деревне были ещё и «пришлые». Им предоставляли для обработки наименее удобные земли, за что они, помимо обычных налогов, должны были еще платить общине, т. е. фактически её должностным лицам, различные натуральные или денежные сборы и выполнять для них разные работы.

В индийской общине строжайшим образом соблюдалась традиция передачи по наследству функций и должностей. Все права и обязанности, начиная с привилегированной верхушки (старосты и писца) и кончая рядовыми общинниками — земледельцами и ремесленниками, передавались по наследству от отца к сыновьям. Это строгое наследование функций обусловливало застойность, малую изменчивость общины, которая крепко привязывала крестьян и сельских ремесленников к земле. Только в своей общине, там, где поколениями жили и работали его предки, крестьянин и ремесленник имели право на какое-то место в жизни. За пределами общины они становились обездоленными и бесправными «пришлыми».

Община закрепляла примитивность организации и орудий сельскохозяйственного труда и, сохраняя в значительной мере самодовлеющий характер общинного мирка, затрудняла разделение труда между городом и деревней, а вместе с тем и прогресс общества.

В XVI столетии земельный налог, являвшийся основной формой эксплуатации тяглового крестьянства, составлял примерно $^{1}/_{3}$ валового урожая крестьянского хозяйства. Крестьянин мог забрать оставшуюся часть урожая только после взноса своей доли платы должностным лицам, ремесленникам и слугам общины. По-видимому, в хороший год крестьянин, выплатив налог, мог просуществовать до нового урожая. Однако в неурожайные годы крестьяне не могли уплатить государственный налог, он был для них слишком высок. Тогда сбор налогов, разорявший крестьянские хозяйства, производился с помощью войск.

Торговля и ростовщичество

В Индии в XVI—XVII вв., несмотря на господство натурального хозяйства, торговля и товарно-денежные отношения получили дальнейшее развитие.

Внешняя торговля Индии была очень значительна. Из Индии шли морские пути в Китай, Малайю, Иран, Африку, Аравию и Европу. Караванные пути шли из Индии через Кабул в Иран и Среднюю Азию, а через Кашмир — в Китай.

Вся морская торговля с Европой была захвачена португальцами, обосновавшимися на индийском побережье. Караванной торговлей занимались крупные индийские купцы, снаряжавшие караваны, а также ряд афганских кочевых племён.

Перевозить на далёкие расстояния в трудных условиях морской и караванной торговли имело смысл лишь портативные и дорогие товары. Такими товарами в индийском вывозе были пряности, ткани и индиго, а в импорте — главным образом предметы роскоши для феодалов. Обладая значительными денежными средствами, джагирдары порой сами участвовали в торговых операциях, вкладывая свои средства в экспортную торговлю.

Известную роль играла также и внутренняя торговля. Из всех провинций Могольской империи, а особенно из Бенгалии, привозили в столицу государства Агру большое количество продовольствия для двора и армии правителя. Оживлённые ярмарки часто устраивались также у индусских и мусульманских мест паломничества, где было большое скопление людей.

Внутренняя торговля расширяла экономические связи между отдельными районами, создавая некоторую экономическую базу для существования огромной империи, составленной из народностей, говорящих на разных языках, разделённых кастовыми и религиозными перегородками.

Наряду с торговлей значительную роль в жизни Индии играло и ростовщичество. Богатые ростовщики ссужали деньги джагирдарам и отдельным правителям, главным образом на цели найма войск. В Могольской империи стала намечаться ещё одна отрасль приложения денежного капитала: откуп земельного налога.

Город и ремесло. Развитие товарно-денежных отношений

Городов как крупных населённых центров в Индии было очень много. Самыми многолюдными являлись города, представлявшие собою ставки феодальных правителей. Основным населением такого города-ставки были обслуживающие феодала лица: его военные контингенты, свита, управители, слуги, ремесленники. Когда феодал со своей армией уезжал в другое место, город сразу терял своё значение и быстро приходил в упадок. Таким непрочным городом-ставкой оказался, например, созданный Акбаром город Фатхпур-Сикри, опустевший еще при жизни Акбара, когда тот переехал в Агру.

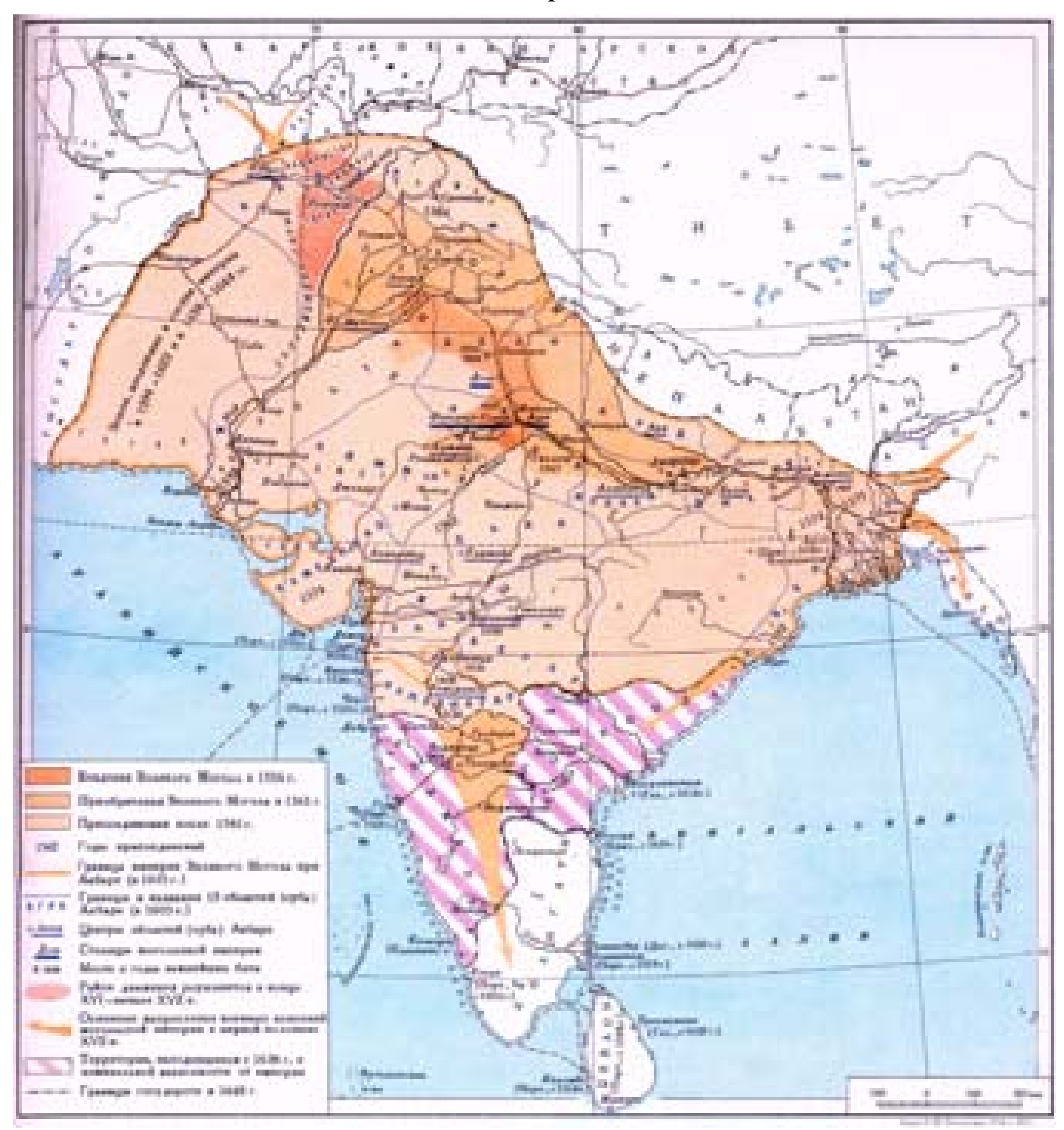

Мавзолей Шер-хана в Сасараме.
1540 г.

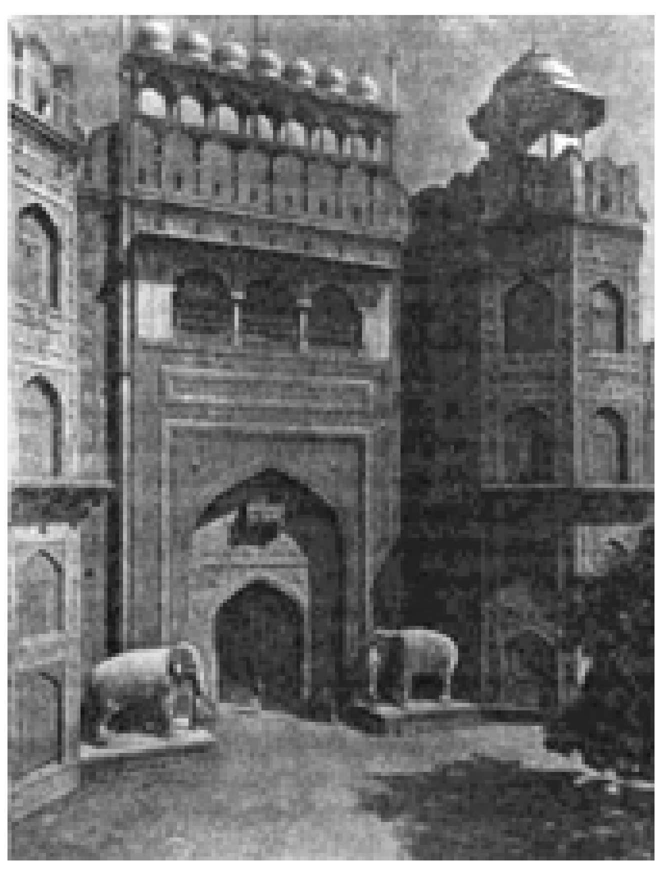
Несколько иной облик имел город, возникший в месте паломничества, обычно тесно связанный с торговлей и ремеслом. Там часто процветало производство предметов культа, а также торговля предметами первой необходимости для масс паломников, стекавшихся туда в дни религиозных празднеств. Занимавшиеся нищенством члены духовных орденов, как индусских, так и мусульманских (факиры и дервиши), торговцы и паломники наводняли его улицы. Такого рода городом был, например, Бенарес.

Основное население портового города составляли купцы и моряки. Почти в каждом приморском городе процветала какая-нибудь специальная отрасль ремесла. Одним из знаменитых портов Могольской империи был, например, Сурат.

Индия в XVI — середине XVII в.

Некоторые города были настоящими торговыми центрами с обширными ремесленными предместьями. Однако даже торгово-ремесленные центры возникали, как правило, вокруг жилища феодала, светского или духовного, и зависели от него. Поэтому ремесленные предместья и улицы города обычно носили имя феодала, на которого работал ремесленный люд.

Ворота форта Дели.
Первая половина XVII в.

Ремесленники были совершенно бесправными. Они были организованы не в цехи, а в касты. В отличие от цеха ремесленная каста была организацией, не дававшей почти никакой защиты ремесленнику от произвола феодала. В касте не было деления на мастеров, подмастерьев и учеников, не было приёма в ученичество. Никто из посторонних не мог заниматься данным ремеслом. Способы и примитивные орудия труда были освящены вековыми традициями и не могли быть изменены. Феодальные власти назначали главу каждой городской ремесленной касты, а также и того, кто ведал в ней торговыми сделками, и вмешивались тем самым в вопросы производства и сбыта ремесленной продукции.

Объединение большей части Индии державой Великих Моголов, некоторая централизация государственного управления и меры, принятые падишахской властью для упорядочения сбора ренты-налога, создали условия для некоторого экономического подъёма страны. В сельском хозяйстве произошло увеличение посевов более трудоёмких культур, рассчитанных на продажу,— индиго и сахарного тростника. В этом же направлении развивались домашние промыслы крестьянства и в первую очередь производство хлопчатобумажных тканей, которыми издавна славилась Индия. Ростовщики ссужали крестьян деньгами, что приводило нередко к долговой кабале крестьян. Все эти явления говорили о проникновении товарно-денежных отношений в индийскую деревню. Однако этот процесс происходил очень медленно [1].

Экономические связи между разными областями Индии укреплялись. Об этом свидетельствовали массовые перевозки товаров по реке Ганг, являвшейся в те времена основной транспортной артерией, связывавшей Бенгалию с северо-западными областями индийского полуконтинента. Из Бенгалии вверх по реке везли рис, пшеницу, сахар, хлопчатобумажные и шёлковые ткани дорогих сортов, а также голубую

[1] По вопросу об уровне экономического развития Индии в XVI—XVII вв. среди советских учёных существуют разные точки зрения. Одна из них отражена в данной главе. По мнению других историков, развитие товарно-денежных отношений в Индии в описываемое время происходило как в городе, так и в деревне, подрывая вековечную замкнутость и изолированность индийской общины, увеличивая имущественное неравенство среди общинников, стимулируя превращение общинных верхов в фактических собственников общинных земель, общинников-крестьян — в фактических батраков, а общинных ремесленников—в мелких товаропроизводителей, работавших не только на общину, но и на рынок *(Ред.)*.

краску индиго, вниз — в Бенгалию отправляли соль, добытую в Раджпутане, знаменитые кашмирские шали из тончайшей шерсти, афганских и среднеазиатских лошадей, ценившихся особенно высоко в Бенгалии и на юге Индии, оружие, кольчуги и щиты, изготовленные искусными ремесленниками Лахора и Дели. Если дорогие ткани, оружие и доставленные издалека породистые кони были явно рассчитаны на удовлетворение потребностей феодалов, то пшеница, рис, сахар находили сбыт среди рядовых горожан северо-индийских городов, а индиго являлось одним из видов сырья в производстве хлопчатобумажных тканей. Гуджарат, обладавший относительно более развитыми городами, — что, может быть, объясняется его исключительно выгодным положением на скрещении путей морской и сухопутной торговли,— поддерживал экономические сношения с соседними областями Индии; он привозил пшеницу и рис из Махараштры, Мальвы и Раджпутаны, вывозя туда в обмен свои ремесленные изделия.

Воин на слоне.
Индийская миниатюра. XVI в.

Хотя общеиндийский рынок в XVI — XVII вв. ещё не складывался, но для этого периода совершенно очевиден процесс образования местных, областных рынков, о чём, в частности, свидетельствовало то, что разрыв цен на пшеницу в различных областях Северной Индии был невелик.

Рост мелкотоварного производства, увеличение числа городов как торгово-ремесленных центров, складывание областных рынков и развитие экономических связей между различными частями Могольской империи — всё это было показателем дальнейшего развития феодальных отношений в Индии. Эти процессы не привели тогда к крупным изменениям строя жизни крестьян и ремесленников или к заметному развитию техники. Сельская община фактически прикрепляла крестьянина к его земле, а кастовость ремесла мешала свободному выбору профессии или изменениям традиционных навыков и орудий труда.

Народные движения

Создав большое и сильное государство, Акбар смог подавить крестьянские восстания. В дальнейшем своей земельно-податной и религиозной политикой он сумел на некоторое время ослабить массовую антифеодальную борьбу крестьян. Известны всё же три крупных народных движения XVI в.: движения бхакти, махдистов и роушанитов. Все эти движения имели религиозную оболочку, но по существу отражали антифеодальные устремления масс. Они длились ряд десятилетий, охватывая значительные слои населения и постепенно перерастая из проповеди сектантства в вооружённую борьбу с Могольским государством за весьма смутно представлявшиеся идеалы «справедливости». Эти движения были в значительной мере локальными и разрозненными. В движении роушанитов участвовали афганские племена севера Индии, боровшиеся против проникновения феодальных отношений в их родо-племенное устройство в. против могольского правительства, поддерживавшего афганских феодалов:

движения же бхакти и махдистов хотя и были однородны по своему классовому составу и содержанию, но движением бхакти были в основном охвачены индусы, а движением махдистов — исключительно мусульманские слои.

Страница из рукописи Абд ул Хакка Дехлеви «Жизнеописания индийских шейхов», написанной в 1590 г. Список начала XVII в.

Сектантские вероучения, объединенные общим названием «бхакти» («преданность богу»), проповедовались в течение нескольких веков и получили значительное распространение. Они выражали антифеодальный протест городских слоев населения. Все течения бхакти независимо от различий между ними провозглашали четыре основных принципа: религиозное объединение всех индийцев (т. е. индусов и мусульман), равенство их перед богом, борьбу против кастового неравенства и принцип личной, а не сословно-кастовой оценки человека, при которой в отличие от официальных принципов индуизма праведный человек низшей касты мог быть признан лучше и выше неправедного брахмана (т. е. члена высшей касты).

Идеологи этого движения в своем большинстве были индусами и вышли из ремесленной и торговой среды. Так, Кабир был ткачом, Нанак, руководитель сикхов[1], — сыном торговца. Из его преемников один был неграмотным деревенским прядильщиком, второй — лоточником-коробейником. Даду, руководитель движения бхакти в Раджпутане, был прядильщиком хлопка. Последователи учения бхакти во времена Акбара принадлежали к индусским городским слоям — купцам, мелким и крупным, и ремесленникам (ткачам, корзинщикам, водовозам, часто к представителям низших, презираемых ремесленных каст). В XVII в. в движение бхакти вовлекается крестьянство и оно становится подлинно массовым. В Пенджабе бхакти в форме сикхизма превратилось в вооружённую борьбу народных масс против их притеснителей — феодалов и Могольского государства.

Движение бхакти было прогрессивным, поскольку оно ставило своей целью ликвидацию сословно-кастовых перегородок. Касты более чем что-либо другое, раздроб-

[1] Сикхи — последователи религиозного учения в Пенджабе, отражавшего антифеодальную идеологию народных масс.

ляли всё индийское население, как индусов, так и мусульман, на множество мелких замкнутых групп. По существу учение бхакти было проповедью мирного переустройства общества. Лишь у сикхов и отчасти у маратхов, когда в движение бхакти в XVII в. включились крестьянские массы, это движение приобрело характер вооружённой борьбы против Могольского государства и феодалов.

Проповедники этого учения вербовали себе последователей, странствуя и излагая своё учение в доходчивых песнях-гимнах.

В начале XVI в. в центре Делийского султаната, в городе Биана, началось движение махдистов. В отличие от движения бхакти, затронувшего не только индусов, но отчасти и мусульман, руководители махдистов обращались исключительно к мусульманам. Во главе махдистов стоял шейх Алаи, имевший много приверженцев в торговых кругах Бианы, и Абдулла Наязи, пользовавшийся влиянием среди Окрестных «дровосеков и водоносов», а также среди поселившегося в окрестностях Агры афганского племени наязи. Вооружённые махдисты ввели свои порядки в городе Биана и его округе, устраняя, по словам хрониста, беззакония, если можно, то уговорами, «а если им не подчинялись, то силой». Они имели общую кассу, куда сдавали $^{1}/_{10}$ всех своих доходов, и распространяли свое учение, завербовав много сторонников даже в Раджпутане. В основе их учения лежала вера в «праведного правителя» — махди, т. е. мессию, с воцарением которого будет установлен справедливый порядок.

Феодальные власти жестоко подавили движение, казнив шейха Алаи и избив палками до полусмерти Абдуллу Наязи. Вспыхивавшие время от времени в Пенджабе и других районах в течение всего XVI — начала XVII в. местные локальные народные волнения зачастую проходили под флагом махдизма.

Весьма опасный для Могольской империи характер приняло выступление роушанитов. Укрепившись в Тирахе, роушаниты завладели выгодной стратегической позицией и грозили ещё более ослабить политическое подчинение Кабула падишаху Индостана и прервать караванные торговые связи Индии со Средней Азией и Ираном. Падишах Акбар, а затем его преемник Джахангир посылали крупные карательные экспедиции против роушанитов. Борьба шла с переменным успехом, но в конце концов Джахангиру удалось разгромить афганцев-роушанитов.

Основы политики Акбара

Когда Акбар вступил на престол, его владения состояли из районов Дели и Агры и части Пенджаба, но и эти земли ещё приходилось отстаивать в боях. В вассальной зависимости от Акбара считался Кабул, т. е. основная часть нынешнего Афганистана. Однако зависимость кабульской территории была почти номинальной. Большинство внутренних вопросов, наместник Кабула фактически решал самостоятельно.

Военной Опорой Акбара были сравнительно немногочисленные отряды пришедших с Бабуром. и Хумаюном завоевателей-мусульман, чуждых по религии и языку основной массе индийского населения. Акбару удалось тем не менее значительно расширить опору своей власти. Он привлёк на свою сторону весь класс феодалов Индии — как мусульман, так и индусов, а также торгово-ростовщические элементы из индусов, сикхов и джайнов. Могольская империя ограждала эксплуататорские интересы класса феодалов, обеспечивая его вооружённой силой для подавления крестьянства. На усмирение крестьянских волнений посылались не только карательные отряды феодалов, но и правительственные войска Моголов — конница и пехота.

С помощью своей армии и отличавшейся высокими боевыми качествами раджпутской конницы Акбар раздвинул пределы своей державы от границ Тибета на севере до реки Годавари на юге, от Гуджарата на западе до Бенгальского залива на востоке. Только юг полуострова, где правили султаны Ахмеднагара, Биджапура, Бидара, Голконды и ряд мелких индусских князей, остался за пределами Могольского государства. Большое значение имело завоевание в 1573 г. богатой провинции Гуджарат с её портами.

С объединением всей этой обширной территории в пределах одного государства господствующий класс Могольской державы получил в своё распоряжение огромный земельный фонд. Доходы феодалов чрезвычайно возросли. Вместе с тем относительная безопасность торговых путей и низкие внутренние пошлины дали некоторый толчок развитию торговли и товарно-денежных отношений.

Реформы Акбара

В 1574 г., после присоединения Гуджарата, Акбар отказался на некоторое время от дальнейших крупных завоевательных походов и приступили освоению уже покорённых территорий. Он провёл ряд внутренних реформ, целью которых были: централизация государственной власти, укрепление феодального строя и развитие торговли.

Серьёзную реформу государственного аппарата Акбару не удалось провести. Он пытался ликвидировать систему джагиров, предполагая оплачивать своих военачальников деньгами, а сбор земельного налога в казну поручить правительственным чиновникам при условии внесения ими крупного денежного залога. Однако Акбар и поддерживавшие его круги натолкнулись на решительное сопротивление феодалов-землевладельцев, вовсе не собиравшихся поступаться своими землями и доходами. С другой стороны, новые откупщики из чиновников так начали грабить крестьян, не считаясь ни с законом, ни с обычаями, что в короткое время довели многие округа до полного разорения. Крестьяне в этих местностях разбегались, а поля были заброшены. По истечении трёх лет Акбару пришлось вернуться к системе джагиров.

Поземельно-податная реформа

При Акбаре в релях упорядочения эксплуатации крестьянства был утверждён новый порядок взимания поземельного налога на основе тщательного обмера полей, причём налог был установлен в размере $^1/_3$ урожая с каждого поля. Акбар перевёл в 1574—1575 гг. в центральной части страны натуральные) подати в денежные, приняв за основу среднюю цену на земледельческие продукты в разных районах страны за 10 лет. Реформа эта была возможна только на основе роста товарно-денежных отношений и в свою очередь содействовала их дальнейшему развитию.

Для получения денежных средств на уплату налога крестьянин должен был сразу по уборке урожая выбросить свою продукцию на рынок, что вело к снижению цен. Наличие низких цен на продовольствие вынудило Акбара четыре раза — в 1585, 1586, 1588 и 1590 гг. — снижать ставки земельных податей в среднем на 10—25% как на казённых землях, так и на землях феодалов, ибо крестьянство было не в состоянии выручить за свои продукты сумму, достаточную для уплаты налога. Немаловажным следствием перевода поземельного налога в денежную форму стала необходимость для крестьянства прибегать к помощи ростовщиков, нередко забиравших власть в деревне.

Крестьяне страдали от засух, которые приводили к периодическим голодовкам. Так, голод 1583—1584 гг. охватил сразу несколько областей Могольской державы, а в 1595—1597 гг. по всей Индии были засуха и голод в течение трёх лет подряд.

Религиозная реформа

Стремясь укрепить свою империю и добиться большего сплочения класса феодалов, Акбар принимал меры к тому, чтобы привлечь к себе индусских феодалов, а также индусские торгово-ростовщические круги. Поэтому Акбар стал постепенно переходить к политике веротерпимости. Завершением религиозной политики Акбара было введение в 1582 г. новой, так называемой божественной веры. Она должна была, по замыслу Акбара, объединить всех его подданных и примирить их религиозные разногласия, так как эклектически соединяла элементы индуизма, ислама и джайнизма. Из идей бхакти и махдистов Акбар выбрал то, что отвечало его собственной политике: возвеличение власти «праведного правителя» (каким он считал себя) и стремление к прекращению религиозных разногласий между подданными.

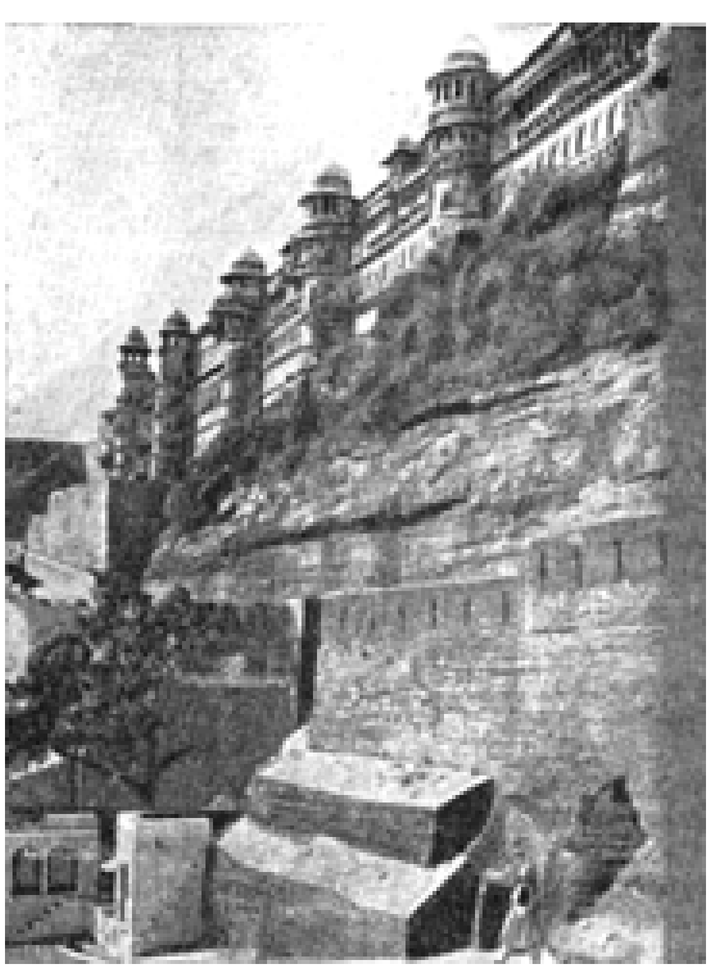
Ввиду резкого противодействия новой «божественной вере» со стороны значительной части мусульманских феодалов и духовенства, стремившихся сохранить ислам в

качестве господствующей религии, Акбар вынужден был провести ряд антимусульманских мер, чем вызвал недовольство не только шейхов, но и связанных с ними тех самых джагирдаров, для упрочения власти которых и проводилась в конечном счёте религиозная политика Акбара. В 1580—1582 гг. крупнейшие мусульманские феодалы подняли восстание, которое Акбар подавил главным образом с помощью индусских феодалов.

Мероприятия Акбара не могли остановить центробежные процессы в империи. По мере того как при преемниках Акбара завоевательные войны переставали быть успешными, для индийских феодалов стала всё больше терять свою привлекательность сильная центральная власть, возобновились сепаратистские бунты.

Индия в первой половине XVII в.

После смерти Акбара в царствование его сына Джахангира (1605—1627), а позднее внука — Шах-Джахана (1628—1657) центробежные процессы усилились. Территория Могольской империи несколько расширилась путём завоевания Декана. Армия становилась всё менее гибкой, военная техника не совершенствовалась, отдельные военачальники начинали действовать по своему усмотрению, меньше считаясь с планами своего правителя. Сила армии падала.

Дворец крепостного типа в Гвалиоре.
Около 1500 г.

Лишённые возможности расширять свои владения за счёт завоевания новых земель, могольские феодалы ещё более усилили эксплуатацию крестьянства. В результате в некоторых местах налоги стали достигать таких размеров, что делали невозможным даже простое воспроизводство крестьянского хозяйства. Усилению эксплуатации крестьян способствовало и введение при Джахангире системы откупов земельного налога, ещё более распространившейся при Шах-Джахане. Непрекращавшиеся военные действия в Декане приводили к подрыву сельского хозяйства. Войны в Декане и на севере, равно как и подавление часто вспыхивавших феодальных бунтов, истощали казну и вели к ещё большему усилению налогового гнёта.

Нуждаясь в средствах, Джахангир стал требовать от джагирдаров, чтобы они часть доходов отдавали в казну, а в обеспечение взноса этих сумм от джагирдаров стали взимать при новых пожалованиях крупные денежные залоги. Таким образом, сбор земельного налога фактически стал отдаваться на откуп. Однако в отличие от времён Акбара в роли откупщиков стали выступать джагирдары. Характер джагира стал меняться. Джагирдары постепенно начали превращаться в феодальных землевладельцев-откупщиков.

Несколько изменился и характер заминдарства. Поскольку многие заминдары поступали на службу к Моголам и в дополнение к своим заминдарствам получали

джагиры, разница между заминдарами и джагирдарами стала стираться. На имения заминдаров начинали уже смотреть, как на условные владения.

Феодальные мятежи при Джахангире приняли серьёзный характер и ослабляли центральную власть. При самом восшествии на престол Джахангира произошло

Мавзолей Тадж-Махал.
Первая половина XVII в.

восстание под руководством его сына Хусру, подавленное Джахангиром с большой жестокостью. Более 8 лет продолжалось восстание Усман-хана в Бенгалии. В 1622 г. восстал другой сын Джахангира, правивший впоследствии Могольской империей под именем Шах-Джахана. Наконец, в 1626 г. взбунтовавшийся полководец Джахангира Махабат-хан захватил в плен самого государя, которому лишь с трудом удалось бежать.

При Шах-Джахане Могольская держава достигла своего наибольшего территориального расширения. Многолетними кампаниями в Декане Шах-Джахану удалось расширить пределы империи. В 1633 г. он захватил Ахмеднагар, в 1636 г. Голконда в Биджапур стали вассалами Могольской империи, а в 1656— 1657 гг. они вынуждены были уступить Могольской империи часть своих территорий. На части этих новых земель (например, в стране маратхов, Махараштре) наряду с крупным землевладением мусульманских джагирдаров сохранялось землевладение мелких и средних феодалов-индусов. Моголы вынуждены были опираться на эту прослойку местных феодалов в недавно завоёванной и враждебной стране.

Стремясь покорить целиком Южную Индию, Шах-Джахан всю свою жизнь продолжал вести войны в Декане. Джагирдары, посылаемые на долгие годы сражаться на окраинах, стремились и там окружать себя привычной роскошью. Они брали с собой в поход огромную свиту, гаремы, массу слуг. Армии Моголов становились все менее боеспособными и малоподвижными. В 1645 г. могольские войска захватили Балх и Бадахшан, но не смогли там удержаться и через два года вынуждены

были уйти оттуда. В 1638 г. могольским войскам удалось отобрать у иранцев Кандагар, но в 1649 г. Иран снова овладел им, и три осады Кандагара Шах-Джаханом в 1649—1653 гг. не принесли Моголам военного успеха. При этом обнаружилось также плохое качество и недостаточное количество осадных орудий и пушек, отлитых в Могольской империи.

Налоговое бремя крестьян при Шах-Джахане ещё более увеличилось. Пышность двора Шах-Джахана поражала путешественников. Контраст между роскошью двора и нищетой народных масс бросался в глаза даже придворным хронистам. В 1630— 1632 гг. голод поразил плодороднейшие прежде местности Декана и Гуджарата. Несмотря на внешние успехи, в правление Шах-Джахана продолжался процесс внутреннего ослабления империи, который привёл во второй половине XVII в. к упадку Могольского государства.

В XVI в. в Могольскую империю проникают европейские торговые компании, которые во второй половине XVII в. прочно укрепились в Индии и начали приобретать не только торговое, но и значительное политическое влияние, положив тем самым начало её колониальному порабощению.

Русские купцы не могли попасть в Индию прямым морским путём. Им приходилось проезжать туда через много владений чужих, часто враждебных правителей. Торговлю с Россией вели главным образом индийские купцы, в начале XVII в. основавшие торговое поселение в Астрахани. Русское правительство всячески поддерживало эту торговлю, предоставив индийцам (в своём большинстве — выходцам из Пенджаба) различные льготы. Два русских посольства в Могольскую империю в 1646 и в 1651 гг. не были пропущены через Иран и потому не достигли места назначения. Однако, несмотря на неудачу в установлении прямых дипломатических сношений в первой половине XVII в., торговые связи между Россией и Индией были относительно широки.

Культура Индии в XVI и первой половине XVII в.

Литература и искусство народов Индии в XVI и первой половине XVII столетия достигли высокого уровня. В Индию издалека приезжали ко двору падишаха художники, поэты, архитекторы и поселялись в стране. Индийское искусство отмечено слиянием местных традиций с лучшими чертами, перенесёнными из Средней Азии и Ирана. Это сказалось в первую очередь в архитектуре. Ярким примером мастерства индийских зодчих является временная столица Акбара — «каменная сказка» — Фатхпур-Сикри и всемирно известная гробница жены Шах-Джахана — Тадж-Махал в Агре.

Открытые террасы и павильоны на тонких колоннах, резьба по камню, иногда производящая впечатление ажурной, присущая ещё искусству древней Индии, сочетались с арками и стройными минаретами, занесёнными в Индию из Средней и Передней Азии.

Широкое распространение получило искусство миниатюры и в меньшей мере фрески. Сохраняя тонкость рисунка персидской миниатюры, индийское искусство отличалось большим реализмом красок, воспроизведением в виде фона индийской природы и архитектуры вместо условного розово-золотого фона многих персидских миниатюр и изображением чисто индийского быта. При дворе Акбара наиболее известными миниатюристами были Дасванатх и Басаван, а также приехавший с Хумаюном из Шираза Абд-ус Самад.

Знаменитыми поэтами при дворе Акбара считались индиец Файзи и ширазец Урфи. Оба они писали на персидском языке (фарси).

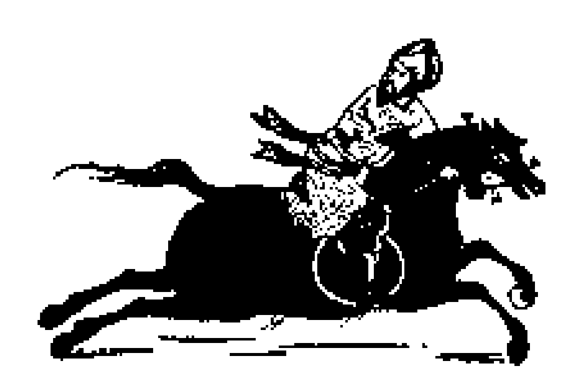
Продолжали дальше развиваться отдельные национальные языки и литература. Крупнейшее поэтическое творение создал широко известный всем говорящим на языке хинди поэт Тулси Дас (1532—1624), чья огромная поэма «Рамаяна», написанная на тему индийского эпоса, пользовалась такой популярностью, что её читали на деревенских празднествах. В ней проповедовались идеи бхакти. Сле-

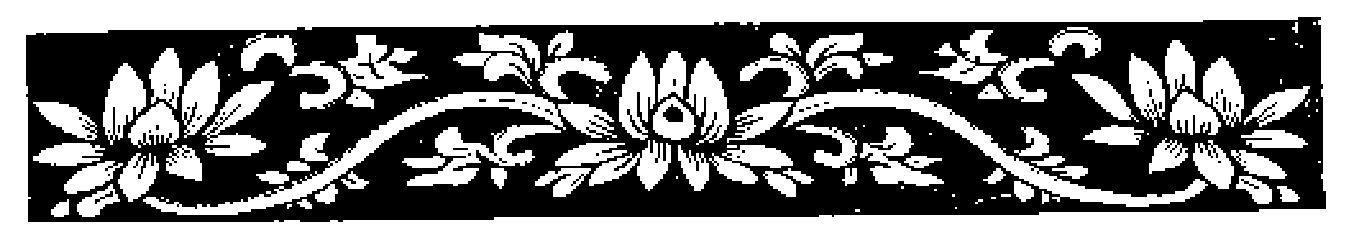
пой поэт Сур Дас, писавший на другом диалекте хинди, тоже во второй половине XVI в., воспевал в поэме «Сурасагасра» идеи бхакти в связи с восхвалением эпического героя — бога Кришны. Любовная лирика Сур Даса до сих пор трогает сердца читателей. Однако наибольшей популярностью пользовался певец при дворе Акбара — Тансен. Его мелодичные, выразительные песни, воспевающие природу Индии, можно услышать и до сих пор. В первой половине XVII в. поэт из Джайпура Бихар Лал написал сборник песен на хинди «Сатсайя» («700 стихов»). На языке маратхи в это же время сочинял гимны на темы бхакти Эканатх. Эти поэты, писавшие лирические стихи, в которых они распространяли идеи движения бхакти, создавали творения на народных языках, а не на придворном фарси. Большинство этих поэтов сочиняло одновременно и мелодии к своим песням. Тансен, например, известен более как музыкант, чем как поэт. И в словах и в музыкальных мотивах эти слагатели песен широко обращались к народному творчеству, одновременно обогащая его. Поэтому и в наши дни некоторые их песни ещё живы и способны волновать людей. С песней были органически связаны формы танца, более быстрого и живого, чем старый классический.

За пределами Могольской империи при дворе правителей Голконды процветала поэзия на деканском наречии языка хинди. Самым крупным из поэтов той поры в Голконде был Гаваси, написавший в 30—40-х годах XVII в. две большие поэмы-сказки и много стихов.

Придворные хронисты записывали современные им события обычно в духе восхваления царствовавшего правителя. Хроники тем не менее служат ценным историческим источником. Из них наиболее интересны: хроника Бадауни, поскольку она была написана противником Акбара, рассказывавшим иногда то, о чём умалчивали официальные летописцы, хроника Абу-л Фазла «Акбар-намэ», в которой приведено много подлинных указов и документов и содержится редкое для средневековья собрание экономических данных о налогах, ценах, оплате рабочих (главным образом строителей) и т. п., и хроника Феришты, подробно излагающая историю различных государств средневековой Индии.

В этот период были также созданы ценный словарь языка фарси под названием «Фарханг-и Джахангири», переводы на фарси санскритского эпоса «Махабхараты» и «Рамаяны» и изложение вероучений почти всех религиозных сект Индии с жизнеописанием их основателей в книге «Дабистан-и мазахиб», которая тоже является ценным историческим источником.

ГЛАВА XXVI
КИТАЙ В XVI—XVII ВВ.

К XVI в. при Минской династии Китайская империя охватывала территорию современных внутренних провинций Китая и часть Маньчжурии (нынешнего Дунбэя — Северо-Востока). Вассалами Китая являлись Корея, Вьетнам и Тибет. Страна была разделена на 15 крупных административных единиц. Управлялись они чиновниками, назначавшимися центральной властью.

В XVI—XVII вв. рост производительных сил в Китае нашёл своё отражение в развитии ремесла, улучшении техники земледелия, дальнейшем развитии товарного производства и денежных отношений. В феодальной Минской империи появились элементы новых, капиталистических производственных отношений (зарождается и развивается мануфактура). В то же время действовали причины, тормозившие общественное развитие Китая. К ним в первую очередь относятся высокая норма феодальной эксплуатации, обусловившая нищету крестьян, а также существование замкнутых сельских общин, где земледелие было соединено с домашним ремеслом. С другой стороны, вторжение в XVII в. маньчжуров и захват ими власти в Китае, сопровождавшиеся длительной войной и разрушением производительных сил, привели к «варварской и герметической изоляции» (*К. Маркс*) страны от внешнего мира, что не могло не сказаться резко отрицательно на темпах прогрессивного развития Китая.

1. Аграрные отношения

Аграрные отношения в XVI—XVII вв. Формы землевладения

В рассматриваемое время продолжали развиваться ранее сложившиеся феодальные формы землевладения и эксплуатации. Однако в это время проявились и некоторые новые черты: небывало высокая степень концентрации земли в руках феодалов,

массовое обезземеливание крестьян и превращение их в арендаторов-издольщиков, дальнейшее проникновение в деревню товарно-денежных отношений и появление денежной ренты. Специфической чертой этого периода является также широкое применение наёмного труда на землях крупных землевладельцев.

Формы крестьянской зависимости были различными. Крепостного права формально не существовало, крестьянин юридически был лично свободным, однако эта свобода фактически была ограниченной. Существование системы круговой поруки, предусматривавшей строгий учёт населения и контроль над ним путём создания десятидворок во главе со старостой (десятским), обязанность крестьянства выполнять тяжёлые работы в пользу государства или феодалов — всё это сильно ограничивало личную свободу крестьян. В ещё большей зависимости находились издольщики, обрабатывавшие землю феодалов на условиях феодальной аренды. Наконец, фактически приближались к положению крепостных те непосредственные производители, земли которых были переданы в так называемое покровительство крупным феодалам.

Согласно классификации, принятой китайскими источниками, все земли в Минской империи делились на казённые (государственные) и «народные», или частные. К казённым землям относились: государственные земли, сохранившиеся от предшествующих периодов Сун и Юань (X—XIV вв.); земли, конфискованные у лиц, совершивших преступления; пастбища; пустопорожние общественные поля; пригородные земли; принадлежавшие императорскому дому земли (так называемые царские поместья); земли, пожалованные князьям различных степеней, заслуженным чиновникам, даоским и буддийским храмам; земли военных поселений и т. п. Все остальные земли считались «народными полями». По существу под последними понимались земли, находившиеся в частной собственности как у феодалов, так и у крестьян.

Формы государственной собственности на землю

Крупнейшими землевладельцами в XVI—XVII вв. являлись императоры Минской династии. Ещё в XVI в. были созданы первые в минский период императорские поместья, число которых в дальнейшем непрерывно росло. К началу XVI в. только в столичном округе (на территории современной провинции Хэбэй) находилось 36 поместий с общей площадью более чем в 37 тыс. цин. В течение XVI — начале XVII в. продолжался рост императорского землевладения за счёт захвата частных земель, преимущественно земель крестьян.

Как правило, земли этих поместий обрабатывались прикреплёнными к ним оброчными крестьянами. Размер оброка номинально составлял около $^1/_{10}$ урожая. Но фактически взималось гораздо больше. Вот как один из источников характеризует бесчинства и произвол управителей императорских поместий в начале XVI в.: «Чиновники, подобно голодным шакалам и волкам, наносят большой вред народу. Дело доходит до того, что разорённые семьи продают имущество, сыновей и дочерей, народ повсеместно ропщет, беглые заполняют дороги...».

К числу крупных землевладельцев относились представители различных групп феодальной знати. Пожалованные им земли считались наследственными.

Земельные владения титулованной знати были огромными, причём источником их роста являлись не только пожалования, но и прямые захваты пастбищ, заброшенных земель, пустошей, а также земель крестьян и мелких феодалов. В 1561 г. цзингунский князь Цзай захватил в провинции Хугуан (теперь — провинции Хубэй и Хунань) несколько десятков тысяч цин земли и стал взыскивать с населения земельный налог. В 1589 г. луский князь И-лю получил прежние земельные владения цзинского князя в размере 40 тыс. цин. У других князей было по несколько тысяч цин земли.

Крупными землевладельцами являлись также представители высших слоёв служилого дворянства, по терминологии китайских источников — «заслуженные сановники», и родичи императриц, имевшие титулы, пожалованные за службу. Но не являясь членами царской семьи, они стояли на ступень ниже последних.

В XVI—XVII вв. землевладение этой группы феодалов значительно расширилось, главным образом за счёт захвата крестьянских и пустующих казённых земель.

Особенно отличались в захвате земель могущественные евнухи — представители придворной бюрократии, которые пользовались тогда большим влиянием при дворе. В начале XVI в. один из высокопоставленных евнухов Гу Да-юн захватил свыше 10 тыс. цин «народных полей».

Портрет сановника.
Картина неизвестного мастера. XVI в.

Расширение земельных владений служилой знати происходило также путём присоединения земель тех лиц, которые искали у неё покровительства. Китайские источники приводят многочисленные данные о том, что мелкие землевладельцы, стремясь избавиться от налогового обложения и произвола со стороны властей, переходили под покровительство могущественных феодалов, передавая им свои земли или фиктивно записывая их на имя феодалов. Такой переход под «покровительство», соответствующий европейской коммендации, и в связи с ним присвоение крупными феодалами земли «покровительствуемых» имели место ещё в XV в., неширокое распространение они получили в XVI в. Правящая династия пыталась вмешаться в этот стихийный процесс перехода под «покровительство», даже приостановить его, так как он приводил к сокращению налоговых поступлений, ибо феодальная знать была освобождена от уплаты налогов. Лица, переходившие под «покровительство», стали клеймиться как «предатели», «негодяи», против них издавались императорские указы. Так, например, в период царствования Сяо-цзуна (1488—1505) было решено отправлять на границу для несения военной службы, т. е. по существу ссылать, тех, кто передавал землю под «покровительство» князьям.

Однако эти меры не смогли уничтожить институт коммендации, так как значительная часть знати была заинтересована в его сохранении и, пользуясь ослаблением центральной власти, всячески саботировала мероприятия последней. В результате этого в конце XVI и в начале XVII в. практика коммендации получила ещё более широкое распространение.

Особую категорию землевладения составляли государственные земли, передававшиеся чиновничеству, не имевшему титулов знатности, за службу в государственном аппарате. Эти земли, носившие название «должностных полей», передавались во владение на срок службы, а при увольнении или добровольном уходе со службы возвращались в казну.

К этой же группе земель относились и так называемые «поля для поддержания бескорыстия пограничных чиновников», передававшиеся чиновникам отдельных местностей в дополнение к месячному довольствию натурой. Предполагалось, что плохо оплачиваемые чиновники на далёкой периферии не будут брать взяток,

если получат дополнительные доходы от земли. Отсюда и название этой категории земель.

Своеобразной формой государственного землевладения были военные земледельческие поселения, созданные ещё в начале 70-х годов XIV в. на государственных землях в пограничных и во внутренних районах (в провинциях Хэнань, Шаньдун, Шэньси, Шаньси и др.). На каждого военнопоселенца давали 50 му земли. Власти отпускали поселенцам рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь. В пограничных районах военнопоселенцы 30% времени уделяли военному обучению и 70% — обработке земли, во внутренних районах — соответственно 20% и 80%.

В течение первых трёх лет с поселенцев не взимался земельный налог. В дальнейшем те поселенцы, которые пользовались казённым скотом и семенами, выплачивали ренту-налог в размере 50% урожая, а те, кто обходился своими орудиями производства и семенами, отдавали 30% урожая.

Если в XV в. земельные владения военных поселений составляли 900 тыс. цин, около $^{1}/_{9}$ части посевной площади всей страны, то к концу XVI — началу XVII в. посевные площади этих поселений сократились больше чем на 25%, составив лишь 644 тыс. цин, что объяснялось захватом земель военных поселений различными группами феодалов.

Частное землевладение

Категория частных, или «народных», полей охватывала как земли феодалов, так и земли мелких собственников, личным трудом обрабатывавших свои поля. Эти земли, независимо от того, кому они принадлежали, облагались государственным налогом.

К феодалам, владевшим землёй на правах частной феодальной собственности, принадлежали, кроме части дворянства, богатые люди из числа купцов и лиц, занимавшихся различными промыслами, шэньши — обладатели учёных степеней и прав на государственные посты, а также мелкие чиновники, сельские старосты и др. Многие из них обладали значительной земельной площадью. В конце XVI — начале XVII в. в ряде провинций (Хэбэй [1], Шэньси, Хэнань, в бассейне реки Янцзы) были крупные феодалы, имевшие в частной собственности десятки тысяч и даже свыше 100 тыс. му земли. В уезде Фынхуа (провинция Чжэцзян), например, семья феодала Дай Ао, сельского чиновника, владела значительной частью земли данного уезда, он платил почти половину всех налогов, падавших на уезд.

Поля таких феодалов, как правило, обрабатывались арендаторами за установленную долю урожая. Часть земель феодальных собственников — тех, которые сами вели своё хозяйство, — обрабатывалась наёмными работниками. Источников, свидетельствующих о широком применении труда наёмных работников, больше всего сохранилось от второй половины XVI в. для провинции Шэньси.

Крестьянское землевладение и землепользование

Крестьянское землепользование было мелким, парцелльным. Ещё в начале царствования Минской династии, пришедшей к власти в результате народного восстания, крестьянство добилось некоторого перераспределения земли: часть безземельных крестьян получила для обработки заброшенные пустоши или целинные земли, а также рабочий скот. Земля передавалась крестьянам в наследственное владение, со временем она становилась их собственностью и могла свободно продаваться. Размеры крестьянских владений были неодинаковыми, они зависели от численности населения и наличия свободной земельной площади в той или иной местности. На севере, например, близ городов, где было много заброшенной земли, крестьяне получали по 15 му пахотной и по 2 му огородной земли на человека, причём в течение трёх лет они освобождались от налога. В других частях страны максимальный размер крестьянского землевладения составлял 100 му. Эти земли так же, как и земли феодальных собственников, считались «народными», т. е. частными.

[1] Наименования провинций Китая даются в данной главе в соответствии с нынешним административным делением (*Ред.*).

Крестьяне — собственники земли были, по-видимому, немногочисленны. В своём большинстве крестьяне оставались безземельными и являлись держателями государственных земель или земель феодалов. Один из китайских источников XVII в. отмечает, что в бассейне озера Тайху лишь $^{1}/_{10}$ часть населения имела свою землю, а $^{9}/_{10}$ — обрабатывали чужие поля. Вероятно, так же обстояло дело и в других районах.

Держатели государственной земли составляли вторую группу крестьян. По численности они превышали крестьян — мелких собственников и отличались от них тем, что находились в большей зависимости от феодального государственного аппарата и класса феодалов в целом.

Третью группу крестьян, самую многочисленную, составляли держатели или арендаторы частных земель, т. е. земель, находившихся в полной собственности феодалов.

Все эти группы крестьянства не были отгорожены друг от друга непреодолимой стеной. В их положении происходили постоянные изменения: мелкие собственники превращались в держателей государственной земли или арендаторов частных, «народных», полей в связи с непрерывным поглощением крестьянских земель феодалами. С другой стороны, и арендаторы частных земель могли превратиться в держателей государственной земли в случае конфискации земель мелких феодалов государством или захвата феодальной знатью, бюрократией.

Общей тенденцией развития аграрных отношений в XVI—XVII вв. были рост крупного частного феодального землевладения, сокращение государственного землевладения и в особенности поглощение мелкой крестьянской земельной собственности. Значительная часть крестьянских земель оказалась захваченной феодалами. Многие крестьяне, лишившись полностью или частично своей земли, становились издольщиками.

Сельская община. Налоги и повинности

В Минской империи проводился тщательный учёт населения в целях обложения его налогами и повинностями. Каждые 10 лет составлялись так называемые жёлтые списки (реестры), куда заносились податные лица по профессиям и сословиям. Учёт населения значительно облегчался благодаря существованию сельских общин и системе десятидворок — так называемой системе лицзя. Община выступала в качестве административной единицы и использовалась в фискальных целях. В сельской местности 100 дворов составляли деревню (сельскую общину), во главе которой стоял староста. Община делилась на 10 десятидворок, каждая из которых возглавлялась десятским. Такая система административного деления облегчала взимание налогов и податей и вместе с тем позволяла властям следить за благонадёжностью населения.

До второй половины XVI в. господствующей формой эксплуатации была рента продуктами: она взималась государственной властью в форме налога с крестьян, обрабатывавших государственные земли, а также с крестьян, обрабатывавших собственные мелкие участки. Феодалы, выступавшие в качестве частных собственников земли, взимали ренту с крестьян, пользовавшихся этой землёй. Этот вид ренты часто значительно превышал налоги, составляя, как правило, половину урожая.

Налоги, взимавшиеся два раза в году — летом и осенью, включали зерно (рис и пшеницу), шёлк-сырец или шелковые ткани, хлопок или хлопчатобумажные ткани, а также деньги. В конце XV — начале XVI в. в летний налог входило до 20 различных наименований продуктов земледелия и домашнего ремесла, а осенний налог насчитывал до 10 названий. Основным видом налогов было зерно, а вспомогательными — шёлк-сырец, ткани и деньги. Налог-рента официально устанавливался в размере $^{1}/_{10}$ урожая, но фактически взимался в значительно большем объёме. Крестьяне обязаны были сами доставлять зерно в казённые амбары, причём расходы по доставке часто превышали сумму налога в 2—3 раза. Иногда рента-налог с государственных земель по своему размеру не отличалась от ренты, выплачивавшейся кре-

стьянином феодальному собственнику. В бассейне озера Тайху после конфискации земель крупных феодалов, боровшихся против основателя Минской династии, крестьяне — держатели земли выплачивали государству такую же ренту-налог,

Лаковый шкафчик для лекарств с золотой отделкой (время династии Мин).

какую прежние арендаторы платили феодалам. О норме эксплуатации в этом районе можно судить по замечанию китайского источника XVII в., указывающего на то, что крестьяне «сегодня выплатят полностью ренту, а завтра просят ссуду».

В 1581 г. натуральный налог-рента был заменён денежным, взимавшимся серебром по числу му земли. В дальнейшем налоги и с частных земель, выплачивавшиеся земельными собственниками государству, а также арендная плата вносились деньгами. Несомненно, этот факт свидетельствовал о значительном развитии товарно-денежных отношений.

В XVI—XVII вв. существовала и отработочная рента. Она выражалась как в форме различного рода отработок на землях феодалов, так и главным образом в форме государственных повинностей, представлявших собою по существу государственную барщину. Эти повинности выполняли совершеннолетние мужского пола в возрасте от 16 до 60 лот. Феодалы различных групп, в том числе крупные землевладельцы, даже не принадлежавшие к дворянскому сословию, и богатые горожане освобождались от повинностей. По закону, изданному ещё основателем Минской империи Чжу Юань-чжаном в 1368 г., в районах, находившихся недалеко от столицы — Нанкина, землевладельцы, имевшие 100 му земли, выделяли одного совершеннолетнего для

выполнения повинностей в столице в течение 30 дней в году в свободное от сельскохозяйственных работ время.

Повинности выполнялись как в столице, так и по месту жительства. Существовали постоянные и временные или, как их называли, разные повинности. Самыми тяжёлыми для крестьян повинностями являлись те, которые надолго отрывали от хозяйства рабочие руки — на строительстве городов, дворцов, каналов, плотин, по перевозке зерна в отдалённые, пограничные районы, по обслуживанию почты и др. От государственных повинностей можно было откупиться или нанять кого-нибудь вместо себя. Но это было под силу только богатым людям. Трудовое население страдало от тяжести всё возраставших феодальных повинностей. Стремясь избавиться от них, крестьяне нередко покидали родные места, бросали дома и семьи, а иногда и восставали с оружием в руках против феодальной эксплуатации.

Крестьяне, вынужденные отдавать большую часть собранного урожая феодалам, влачили жалкую, нищенскую жизнь. Им часто приходилось просить ссуды у ростовщиков, в качестве которых нередко выступали те же помещики. Положение трудящихся становилось особенно тяжёлым в периоды стихийных бедствий (наводнения, засухи, налёты саранчи), столь частых в феодальном Китае. Ссужая крестьян зерном или денежными средствами, феодалы взимали высокие ростовщические проценты. Так, в первые годы господства Цинской династии (40 гг. XVII в.) в провинции Шэньси ростовщики брали за ссуду 400% в год. Вероятно, столь же высокий процент взимался и в последний период Минской империи.

От ростовщической эксплуатации страдали не только крестьяне, но и городское население, в основном ремесленники.

2. Ремёсла, мануфактура, города и внутренняя торговля

Развитие ремесла

В XVI в. ремесленное производство в Китае достигло высокого уровня. К этому времени в ряде отраслей производства существовали крупные государственные мастерские, основанные главным образом на крепостном труде, и частные предприятия, где применялся труд наёмных рабочих.

В Минской империи получили дальнейшее развитие такие отрасли производства, как выделка шёлковых и хлопчатобумажных тканей, фарфоровое производство, судостроение, производство бумаги, плавка металла, горнодобывающая промышленность (добыча золота, серебра, меди, железной руды), добыча соли, выделка стекла. Стали использовать водную энергию для производства бумаги, приспособив для этой цели водяные рисорушки, которые были особенно широко распространены в провинции Фуцзянь.

Широкий размах получило строительство городов, дворцов, храмов, мостов, каналов, арок, в особенности в южной и северной столицах — Нанкине и Пекине. Масштабы строительства были значительны. Как правило, число лиц, занятых на государственной барщине, ежегодно доходило до 100 тысяч, а на строительстве дворцов в Нанкине отбывали повинности до 200 тысяч работников разных специальностей. На строительстве крупных сооружений применялись подъёмные механизмы, правда, весьма примитивные.

Большое распространение в Китае имели изделия из лака, славившиеся своим высоким качеством. Значительный прогресс был достигнут в производстве огнестрельного оружия. Развивалось также полиграфическое производство.

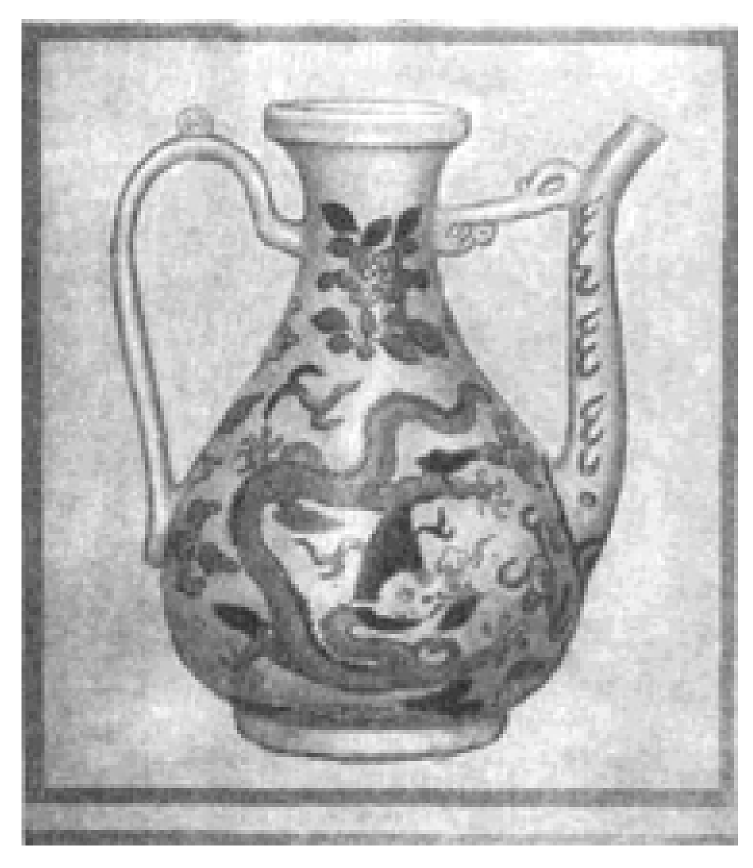
Центральная власть Минской империи уделяла большое внимание выращиванию хлопка и выделке хлопчатобумажных тканей. На сельское население возлагалось обязательство часть земли отводить под тутовые деревья, коноплю и хлопок. По свидетельству Спафария, возглавлявшего русское посольство в Китае (1675—1676 гг.), только в одном Шанхае в XVII в. выделкой хлопчатобумажных тканей занимались 200 тыс. человек.

Минская империя в XVI — начале XVII в.

Значительное развитие получило кораблестроение в связи с борьбой против европейских колонизаторов (португальцев, испанцев и голландцев), а также ростом внутренней и внешней торговли и расширением речных и морских связей. В провинции Фуцзянь строились крупные морские корабли, на каждом из которых могли быть размещены несколько сот пассажиров и значительный груз.

Производство фарфора издавна было широко распространено в Китае. В XVI—XVII вв. оно сосредоточивалось в провинциях Шаньси, Шаньдуне, Хэнани, Цзянси, Цзянсу, Чжэцзяне. Крупные фарфоровые мастерские были только государственными, в них применялся главным образом труд крепостных. В XV в. существовало и частное производство фарфоровых изделий. Но правительство Минской династии издало указ, запрещающий частное производство фарфора всех цветов Нарушение этого запрета каралось смертной казнью. В дальнейшем был установлен строгий государственный контроль над производством фар фора. Из столицы посылались чиновники для руководства государственными мастерскими. Объем производства определялся правительством. Так, например, в годы правления Лун-цина (1567—1572) императорским указом был установлен объем производства фарфоровых изделий в провинции Цзянси в количестве 100 тыс. штук, а в 1591 г. — 159 тыс. Самым крупным центром фарфорового производства был город Цзиндэчжэнь, занимавший площадь в 10 *кв. км.* Здесь было сосредоточено около 3 тыс. мелких и крупных мастерских. Фарфоровые изделия Цзиндэчжэня распространялись по всей стране.

Кувшин
Минский фарфор Конец XVI — начало XVII в.

Формы организации ремесла. Государственные предприятия

По своей организации и социальной сущности ремесленное и мануфактурное производство в XVI—XVII вв. разделялось на 4 вида: 1) сельское домашнее ремесло, оно обслуживало не только внутренний, но и внешний рынок, занимались им главным образом женщины, наибольшее распространение оно имело в юго-восточных районах, 2) городское мелкое ремесло, мелкие мастерские имели в своем составе, как правило, главу семьи — мастера, членов семьи и иногда небольшое число учеников, 3) казенные, или государственные, предприятия и 4) частная мануфактура.

Государственное производство охватывало главные отрасли хозяйства, в частности фарфоровое производство, судостроение, соляной, горнорудный и литейный промыслы, добычу угля и др. Среди государственных предприятий были и крупные, типа мануфактур, например мастерские по производству фарфоровых изделий в Цзиндэчжэне и др.

Государственное производство играло едва ли не главную роль, являясь преобладающим по своим масштабам и значению. В государственных предприятиях того времени были представлены мастеровые 188 специальностей.

В государственных мастерских и мануфактурах работали в основном феодально-зависимые, по существу крепостные, обязанные по закону выполнять трудовые повинности, отбывать государственную барщину. Они делились на несколько групп: военные (цзюньфу), мастеровые (цзянху) и солевары. Мастеровые в свою очередь разделялись на две категории — одни из них ежемесячно отбывали повинность в течение 10 дней, другие по очереди отбывали повинность в течение 3 месяцев в году, но могли откупаться от её выполнения, внося в месяц 6 цянь серебра, поэтому они назывались «уплачивающие за смену (очередь)». Все эти группы барщинников включались в регистрационные списки навеки: их потомки обязаны были наследовать повинности предков и выполнять по сути дела принудительную барщину. Число барщинников увеличивалось по мере расширения производства. Например, в период наибольшего увеличения соледобычи (XVI — начало XVII в.) число солеваров достигло свыше 155 тыс. человек.

Варка коконов и мотание ниток.
Рисунок 1648 г.

Кроме вышеупомянутых категорий барщинников, на государственных предприятиях использовались также осуждённые преступники и частично рабы.

Тяжёлый, по существу каторжный труд на государственных предприятиях, в особенности в горных промыслах, вынуждал население уклоняться от повинностей, бежать из родных мест. В результате число зарегистрированных барщинников ко второй половине XVI в. резко сократилось. Например, если в царствование первою минского императора, т. е. в конце XIV в., мастеровых (цзянху) числилось в списках свыше 232 тыс. человек, то к 1562 г. их было немногим больше 142 тыс. человек.

О тяжёлом положении государственно-зависимых работников, использовавшихся в горных промыслах, и о высокой смертности среди них свидетельствует «История Мин», которая сообщает, что в 1465—1487 гг. на 21 руднике в провинции Хугуан «...ежегодно отбывали повинность 550 тыс. человек, умирали без счёта, а добывали золота только 53 ляна». Не менее тяжёлой и опасной для жизни была добыча жемчуга. Он добывался на юге, главным образом в Гуандуне. Размеры добычи постоянно изменялись, причём иногда были крайне незначительными. Так, в 1526 г. было добыто всего 80 лян, при этом погибло 50 человек.

Как и в более раннее время, в минский период центральная власть осуществила ряд мероприятий в целях контроля над мастеровыми-барщинниками и сохранения рабочей силы для государственных мастерских. К их числу относятся строгий учёт мастеровых, внесение их в особые списки и запрещение им менять профессию. Уклонение от регистрации или исключение из регистрационных списков по сговору с чиновниками каралось строгим наказанием, причём наказывались и виновные в этом чиновники.

Контроль над ремесленными рабочими осуществлялся и путём создания специальных административных организаций, имевших внешнее сходство со средневековыми цехами Европы. Но их главной целью была не защита интересов ремесленников, а надзор над ними со стороны представителей государственной власти.

Одной из мер, применявшихся в целях закрепления за государственными предприятиями мастеровых, было предоставление последним земельной площади для обработки. Так, например, солеварам разрешалось поднимать целину близ соляных разработок. На кораблестроительных предприятиях в Лунцзяне мастеровым предоставлялись в аренду государственные земли.

Однако дальнейший рост товарно-денежных отношений и всё углублявшееся отделение ремесла от земледелия разлагали систему барщинного труда, порождали новые формы труда на государственных предприятиях ремесленного и мануфактурного типа и способствовали развитию частной мануфактуры.

Применение наёмного труда в ремесленном производстве имело место в Китае и за несколько сот лет до этого, но в XVI—XVII вв. труд мастеровых уже широко использовался во многих отраслях производства, контролируемых государством, и оплачивался в зависимости от выполненной работы или затраченного времени. Так, например, в годы правления Ваньли (1573—1620) Палатой труда были выработаны правила оплаты различных категорий рабочих: каменотёсов, землекопов, резчиков-гравёров, горняков, сталеваров, оружейников, плотников. Каменотёсы, обработавшие определённое количество камня, получали 7 фэнь серебра. Плотникам за ремонт амбаров платили от 3,5 фэнь до 6 фэнь, по-видимому, в зависимости от затраченного рабочего времени. Хотя эти условия напоминают форму оплаты наёмных рабочих, получающих заработную плату, однако «нанятые» мастеровые минского периода ещё не были свободными рабочими, продающими свою рабочую силу. Во-первых, они были феодально-зависимыми, обязанными отбывать повинности, хотя и получали возмещение за труд. Во-вторых, они существенно отличались от рабочих эпохи капитализма ещё и тем, что имели собственные средства производства. Но они в то же время отличались и от обычных барщинников. Появление этих мастеровых, носивших название «чжао-му», т. е. «призванные» (мобилизованные), знаменовало собой дальнейшее развитие товарного производства, разложение отработочной системы в государственном производстве и переход к новому виду эксплуатации.

Частные мануфактуры

Наряду с государственным ремесленным производством и государственной мануфактурой в XVI—XVII вв. существовали и частные крупные предприятия, которые по своему характеру приближались к западноевропейским мануфактурам. К сожалению, вопрос о мануфактурном производстве в Китае XVI—XVII вв., в особенности о частной мануфактуре, ещё не изучен как следует. Кое-какие данные имеются о частных ткацких мастерских. В одном из китайских источников приводится рассказ крупного чиновника конца XVI — начала XVII в. Чжан Ханя о том, как один из его предков в конце XV в. организовал ткацкое производство, начав с одного станка, и, постепенно обогащаясь и получая 20% прибыли на вложенный капитал, стал владельцем свыше 20 ткацких станков и обладателем значительных денежных средств. В другом китайском источнике рассказывается, как некий Ши Фу, живший в XVI в., в течение 10 лет значительно расширил свою ткацкую мастерскую и довёл количество станков в ней с 1 до 40.

Такие явления не были единичными, они свидетельствовали о превращении мелкого ремесленника в хозяина мануфактуры.

Центром шёлкоткацкого производства, в том числе и частного, был город Сучжоу. Здесь, по описанию источников, в годы правления Вань-ли северо-восточная часть города целиком состояла из ремесленных мастерских и мануфактур. «Владельцы станков отдают (свои) средства, а ткачи силу (труд)», — говорится в китайском источнике. В городе было несколько тысяч ткачей и красильщиков тканей, продававших свою рабочую силу, они разделялись на временных (подённых) и постоянных.

Частные мануфактуры были и в других отраслях производства. Известно, например, о частной плавке железа купцами в Лунмыне (провинция Гуандун) во втором десятилетии XVII в. Данные источников, относящиеся к началу царствования династии Цин, свидетельствуют о существовании в провинции Гуандун мощных печей по плавке металла, каждая из которых обслуживалась сотнями рабочих и давала в день свыше 6 тыс. цзиней (т. е. больше 3 *т*) металла.

Развитие частной мануфактуры в XVI—XVII вв. проходило в неблагоприятных условиях, встречая препятствия со стороны феодального государства. Так, в китайских источниках часто встречаются указания на запрещения частным лицам заниматься добычей угля, железной руды и другими промыслами. Несмотря на эти запрещения, частное мануфактурное производство развивалось, знаменуя появление капиталистических элементов в феодальной экономике того времени.

Рост городов. Развитие внутренней торговли

Развитие ремесла и мануфактуры в минский период привело к расширению старых и возникновению новых городов, ставших в XVI—XVII вв. центрами ремесленного производства и торговли. Крупнейшими городами, являвшимися одновременно и административно-политическими и экономическими центрами, были Нанкин и Пекин. В Пекине к началу XVI в. численность населения достигла 660 тыс. человек.

Шёлкоткацкий станок.
Рисунок 1656 г.

В этих городах, где были весьма развиты ремёсла и торговля, имелись особые районы, в которых кварталы, переулки, улицы и рынки носили специальные названия, связанные с определённой отраслью ремесла или торговли. Так, в Нанкине были кварталы медников, слесарей, ткачей и т. п. Одновременно Нанкин являлся важным торговым центром. В Пекине были угольные, сенные, зерновые и гончарные рынки.

Пекин, став в начале XV в. столицей, развивался и как крупный торгово-промышленный город. Об этом свидетельствует китайский источник, указывающий, что в XVI в. в Пекин «... приезжают купцы из Хуайаня, Цзинина, Дунчана, Линьцина и Дэчжоу, товаров там в два раза больше, чем прежде».

Кроме Нанкина и Пекина, в Китае имелось ещё 33 крупных торговых города и ремесленных центра — таких, как Сучжоу, Ханчжоу, Фучжоу, Учан, Кантон, Цзиндэчжэнь и др. Большинство из них пользовалось известностью и раньше, но больше всего они развились в минский период в связи с ростом ремесла внутренней и внешней торговли. Наибольшее развитие получила торговля в трёх юго-восточных провинциях — Цзянсу, Чжэцзян и Фуцзянь, где имелось 12 крупных городов.

Самые крупные и известные торговые города были расположены вдоль Великого канала, являвшегося важнейшим средством связи и торговли между севером и югом страны. Великие реки Китая Хуанхэ и Янцзы облегчали проникновение товаров в отдалённые районы страны. Фарфоровые изделия Цзиндэчжэня распрост-

ранялись по всему Китаю. Юго-Восточный район славился производством шёлковых тканей, которые вывозились для продажи на северо-запад, где было слабо развито в сельских местностях домашнее ткачество. Туда же доставлялись и хлопчатобумажные ткани из провинций Хэнань и Хубэй. С севера на юг купцы вывозили хлопок для текстильных предприятий.

Несмотря на налоговое обложение, на существование во многих районах таможенных застав и ограничение частной продажи соли, чая, угля, железа, торговля в XVI—XVII вв. продолжала расширяться. О развитии торговли можно судить по следующему косвенному свидетельству: после 1511 г. доходы государства от налогового обложения торговцев выросли по сравнению с предшествующим периодом в ассигнациях в 4 раза, в серебре — на 300 тыс. цянь.

Обороты купцов были немалые. Как сообщает китайский источник, богатые купцы, приезжавшие на рынок, имели при себе крупные суммы: «Серебро, которое они пускают в оборот, исчисляется несколькими десятками тысяч, самое большое сотнями тысяч лян, самое меньшее — десятью тысячами».

Увеличение налогового обложения торговли и усиление произвола феодальных властей вызывали резкое недовольство торговцев и их активное участие в городских движениях.

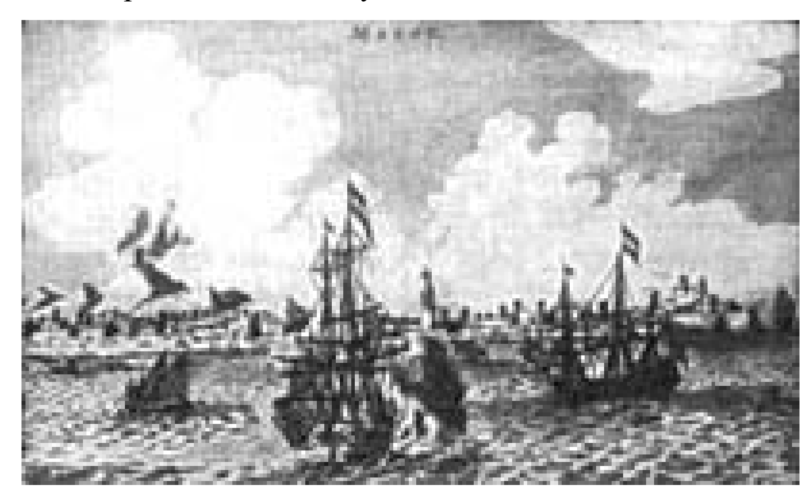
3. Торговые и внешнеполитические связи Китая

Внешняя торговля

Китай имел широкие связи как со среднеазиатскими государствами, так и со странами Тихого океана. Минские императоры рассматривали большую часть этих государств в качестве вассалов Китая.

Часто экономические связи — главным образом торговые — принимали своеобразную форму «дани», получаемой китайскими императорами от правителей «вассальных» стран, и ответных подарков Китая, эквивалентных по стоимости. Первоначально это было признаком реального могущества Китая. Однако со временем это могущество становилось всё более призрачным, а сохранение торговли в форме дани — пережитком, мешавшим развитию товарно-денежных отношений.

По существу это был торговый обмен равными по стоимости товарами. Многочисленные посольства среднеазиатских государств и стран Южных морей привозили в Китай различные товары, главным образом предметы роскоши. Часть привезённых товаров-подарков браковалась китайскими чиновниками. Признанное годным регистрировалось как «дань», остальные товары могли продаваться на рынке. После вручения в столице китайскому императору «дани» привёзшие её получали ответные подарки.

Вид порта Макао.
Гравюра начала XVII в.

Посольства, привозившие «дань», были весьма многочисленными, что свидетельствовало о большом развитии внешнеторговых связей. Известно, например, что в 1536 г. в столицу Китая прибыли послы 150 правителей различных владений, называвших себя «королями» (ван). Каждое такое посольство насчитывало несколько десятков, а иногда сотен представителей, содержавшихся, по китайской традиции, за

счёт казны. Большой наплыв иностранцев вынуждал минское правительство ограничивать количество прибывающих с «данью» и число их посещений (например, не чаще одного раза в 3—5 лет).

Кроме указанной выше формы своеобразной государственной торговли, развивались и частные торговые отношения с иностранными купцами. Однако и частная торговля находилась под контролем государства, регламентировалась им. Феодальные власти взимали в торговых портах Минской империи, куда прибывали иностранные товары, значительные таможенные пошлины, доходившие до 30% стоимости товаров. Местные чиновники брали с купцов взятки, заставляли купцов продавать им товары по низким ценам. Всё это тормозило развитие внешней торговли.

Китай вывозил главным образом фарфор, шёлковые и металлические изделия, ввозил же благовония, краски, лекарства, серебро, жемчуг и другие драгоценности.

Внешняя морская торговля велась через порты Юго-Восточного и Южного Китая — Цюаньчжоу, Нинбо и особенно Кантон. В XVI—XVII вв. приобрёл значение порт Чжанчжоу.

До XVI в. центром наибольшей концентрации морской торговли был район Южных морей. В XVI—XVII вв. торговля со странами Южных морей резко сократилась в связи с вторжением в этот район европейских колонизаторов и купцов. Центр тяжести внешней торговли Китая постепенно перемещается в сторону Португалии, Испании и Голландии.

В орбите китайского влияния находилась и Япония. В XVI в. между Японией и Минской империей велась сравнительно широкая торговля, в которой участвовали сёгун, крупнейшие феодалы, буддийская церковь и частные купцы. Эта торговля тоже носила внешнюю форму представления «дани» и получения ответных «подарков». Японцы привозили в Минскую империю серу, железо, медь, художественные изделия, различные виды оружия, среди которых особенно славились японские мечи, и др. Из Китая японцы вывозили серебро, медную монету, ткани, шёлк.

Торговля с Японией в виде «даннических» отношений продолжалась до 1547 г. Её прекращение было связано с разбойничьими действиями японских пиратов, приведшими к обострению отношений между Китаем и Японией.

Политическое и культурное влияние Китая на соседние страны

Китай в XVI—XVII вв. распространял своё политическое и культурное влияние на целый ряд стран Восточной Азии. Но особое влияние он оказывал на страны Южных морей, что было связано с широкой китайской колонизацией в этом районе, начавшейся задолго до XVI в. Китайские поселенцы проникли на Филиппины, в Японию, на побережье Явы, в восточную часть Суматры, в Сиам, Малакку и Бирму, но особенно широко распространялась китайская эмиграция в северную часть Индо-Китайского полуострова. Правители указанных стран регулярно посылали «дань» минским императорам. Китайская колонизация была настолько сильной, что в отдельных случаях приводила к захвату власти выходцами из Китая. Так обстояло дело в Палембанге (остров Суматра). В княжестве Пали на Борнео политическое влияние выходцев из Китая было весьма сильным, здесь неоднократно власть переходила в их руки. В Аннаме одна из правивших династий была по своему этническому происхождению китайской. Влияние китайской колонизации на экономику всех этих стран было значительным.

Огромным было и культурное влияние Китая на страны Южных морей, о чём говорит широкое распространение здесь китайской письменности, литературы и философских учений.

Борьба с японскими набегами в XVI в.

Нападения японцев на восточное побережье Китая имели место ещё в XIV—XV вв., но угрожающие размеры они приняли в XVI в., когда прибрежные провинции Китая стали подвергаться частым и опустошительным набегам. В 1549 г. японцы нанесли большой ущерб провинциям Чжэцзян и Фуцзянь. Борьба с японским

вторжением затруднялась тем, что японцы находили себе союзников в лице китайских продажных чиновников — правителей областей и провинций. Только в 1563 г. китайской армии под командованием генерала Ци Цзи-гуана удалось нанести жестокое поражение японцам в провинции Фуцзянь и вытеснить их оттуда.

Спустя 30 лет, в 1592 г., японские войска вторглись в Корею. Минская империя оказала помощь Корее, в результате чего втянулась в войну, которая продолжалась с перерывами до 1598 г. Военные действия, которые велись на территории Кореи, чередовались с дипломатическими переговорами и попытками подкупить японских военачальников. В 1598 г. японские войска были окончательно вытеснены из Кореи.

Первые столкновения с западноевропейскими колонизаторами

В XVI в. европейцы предприняли ряд попыток проникнуть в Китай. Первыми были португальцы. В 1511 г. они захватили Малакку, бывшую центром китайской торговли в Юго-Восточной Азии, и отсюда постепенно распространили свой контроль на весь район Южных морей, частично вытеснив китайцев.

В 1516 г. португальцы с Малакки прибыли в Китай. Подкупив местных чиновников, они получили разрешение обосноваться в Кантоне. Португальские купцы вели себя на китайской территории как захватчики: они не допускали разгрузки джонок с товарами, прибывавшими из Сиама (Таи) и Камбоджи, до тех пор, пока сами не распродавали свои товары. Больше того, в 1522 г. они напали на китайскую территорию и подвергли грабежу китайское население уезда Синьхойсянь (провинция Гуандун). Отказ португальских купцов оставить китайскую территорию привел к вооружённому столкновению.

Несмотря на наличие пушек у португальцев, последние потерпели поражение в сражении с китайскими войсками, потеряв в бою несколько орудий, и были вынуждены покинуть территорию Китая. Однако продолжать борьбу с португальцами за пределами Китая Минская империя была не в состоянии. Португальцы остались на Малакке, и в последующие 30 с лишним лет, несмотря на запрещение, продолжали торговать с китайцами. Но теперь уже не Минская империя и её посланцы диктовали условия в торговых отношениях, а португальцы установили контроль над ними, держа в своих руках всю торговлю Китая в этом обширном районе. Одновременно в странах Южных морей в связи с укреплением позиций португальцев было подорвано и политическое влияние Минской империи.

С 1554 г. торговля с португальцами возобновилась в самом Китае, им было разрешено селиться в Макао, где они создали свою торговую колонию, насчитывавшую до 1000 человек. В 1557 г., подкупив крупного представителя бюрократии Минской империи, португальцы добились концессии на Макао, за аренду которого была установлена ежегодная плата в размере 20 тыс. лян серебра. Так впервые европейские колонизаторы приобрели концессию на китайской территории.

Во второй половине XVI в. испанцы захватили и сделали своей опорной базой архипелаг у берегов Китая, названный в честь испанского короля Филиппинами. После захвата Филиппин (1565—1571) испанцы начали грабить и убивать местных коренных жителей и китайских колонистов-купцов, поселившихся на архипелаге в период X—XIII вв. В результате неудачного восстания китайцев на Филиппинах в 1574 г. китайских купцов полностью изгнали с архипелага. Правда, с 1575 г. торговые отношения между испанцами на Филиппинах и Минской империей были вновь налажены. Однако местные испанские власти чинили всяческие препятствия китайским купцам, облагая их высокими налогами и ограничивая их допуск на Филиппины.

Голландцы появились у берегов Китая в конце XVI — начале XVII в. Сначала они сделали попытку вытеснить португальцев из Макао, но это им не удалось. В 1622 г. голландский флот появился в районе Амоя, но получил отпор со стороны морских сил Китая. В следующем году голландцы напали на острова Пенхуледао, ограбили и сожгли ряд поселений, захватили и продали в рабство свыше 1000 человек из местного

населения. В 1624 г. голландские колонизаторы были вытеснены китайскими войсками с Пенхуледао, но в том же году голландцам удалось захватить часть острова Тайвань, исконную китайскую территорию, и удерживать её в течение 40 лет. В 1661 г. они были вытеснены оттуда знаменитым китайским патриотом Чжэн Чэн-гуном (известным в европейской литературе под именем Коксинга), который впоследствии превратил Тайвань в базу борьбы с маньчжурскими завоевателями.

Англичане сделали безуспешную попытку проникнуть в Китай в конце XVI в. Позднее, в 1637 г., английские вооружённые торговые корабли попытались подойти к Макао, но их не допустили португальцы. Тогда они направились к Кантону, где им было разрешено торговать.

Со второй половины XVI в. в Китай проникли европейские миссионеры-иезуиты. Завоевав доверие китайских властей, миссионеры стали заниматься не только распространением христианства, но и сбором широкой информации о Китае по поручению своих правительств. Наиболее активная деятельность миссионеров относится ко второй половине XVII и к XVIII в.

Вторжение европейцев в Китай в XVI—XVII вв. имело своим следствием ослабление экономических и политических позиций Китая в районе Южных морей, а также резкое сокращение морской торговли Минской империи в связи с утратой ею контроля над южными морскими путями.

Отношения с монголами

После уничтожения монгольского господства в Китае в конце 60-х годов XIV в. и создания Минской империи последней ещё в течение длительного времени пришлось вести борьбу с монгольскими феодалами.

В XVI в., в период укрепления в Монголии власти Даян-хана, нападения монголов на китайскую территорию приняли систематический характер, причём больше всего страдали Шаньси, столичный округ (ныне провинция Хэбэй) и отчасти Ганьсу. Наиболее крупный поход Даян-хан совершила 1532 г., когда он вторгся в Китай во главе крупной армии и захватил большую добычу. После смерти Даян-хана внук его — Алтан-хан попытался в 1541 г. восстановить торговые отношения с Минской империей, но его предложения не были приняты. В последующем происходили постоянные нападения Алтан-хана на китайскую территорию. Лишь в 1570 г. был официально заключён мирный договор. Для торговли с монголами были открыты рынки в пограничных пунктах. Кроме того, монголам разрешалось ежегодно присылать в столицу 500 лошадей под видом «дани» для обмена на подарки, причём состав посольства не должен был превышать 150 человек. Кроме лошадей, монголы пригоняли на рынки рогатый скот, привозили шкуры и конский волос, иногда захваченное у китайцев же золото и серебро. Китайские купцы продавали хлопчатобумажные материи, шелка и котлы для варки пищи, находившие большой спрос у монголов.

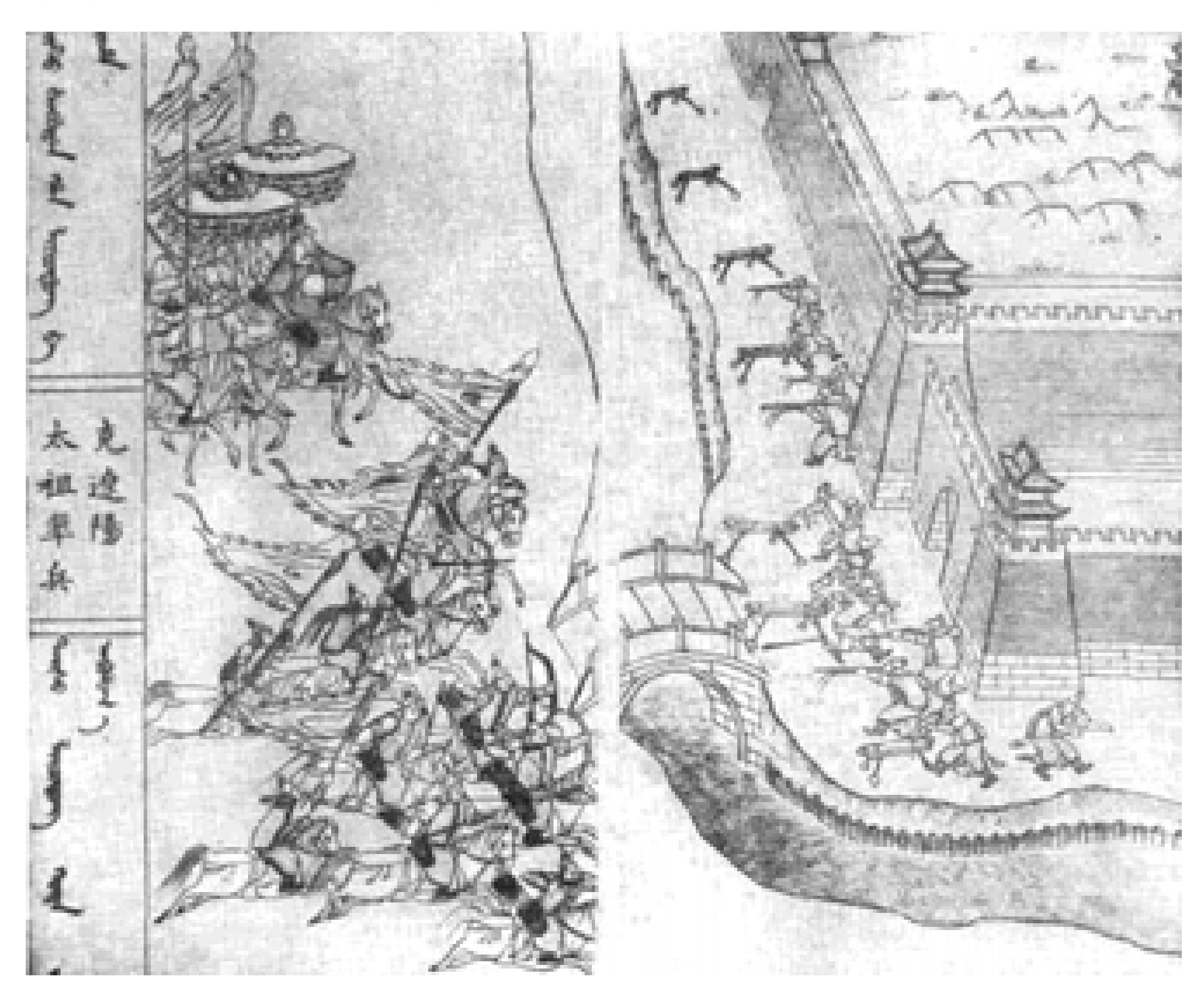
Объединение чжурчженьских (маньчжурских) племён и их борьба с Минской империей

В конце XVI в. на северо-восточных границах Китая возникла опасность вторжения чжурчженей, принявших с 1636 г. название маньчжуров. К этому времени Минская империя распространила своё политическое влияние на южную часть и некоторые другие районы Маньчжурии (нынешнего Дунбэя). На остальной территории Маньчжурии обитали различные независимые кочевые и полукочевые чжурчженьские племена. Чжурчжени разделялись в основном на три крупных племенных объединения, делившиеся в свою очередь на более мелкие группы.

В XVI в. у них уже выделилась наследственная знать — ханы и князья, эксплуатировавшие своих соплеменников. Между отдельными ханами велась ожесточённая борьба за господство над племенами. В конце XVI в. среди чжурчженьских ханов выдвинулся Нурхаци (1575—1626), возглавивший в 1582 г. одну из групп племенного объединения. Китайское правительство считало Нурхаци вассалом

империи и неоднократно привлекало его к участию в военных действиях, в частности к борьбе против японских войск.

В течение двух десятилетий Нурхаци вёл борьбу за объединение чжурчженьских племён и в конечном счете создал единое ханство, господствовавшее на значительной территории. Это было раннефеодальное государство со значительными пережитками родового строя. Большую роль в нём играла военная организация.

Осада Ляояна маньчжурскими войсками под предводительством Нурхаци.
Китайская ксилография. XVIII в.

В 1601 г. Нурхаци создал войско, состоявшее вначале из четырёх воинских частей, а в дальнейшем, в связи с увеличением численности войск, из 8 подразделений. Каждая воинская единица имела своё знамя определённого цвета. Отсюда происходит название «восьмизнамённые войска». В каждое «знамя» включались не только воины, но и члены их семей. В мирное время мужчины и женщины «знамён» занимались земледелием и ремёслами. При Нурхаци в 1599 г. была введена новая письменность, известная под названием маньчжурской, заменившая употреблявшуюся ранее чжурчженьскую и монгольскую письменность.

С 1609 г. Нурхаци перестал посылать дань Минской империи, а в 1616 г. провозгласил себя ханом, назвав свою династию «Золотой» (Цзинь). Так называлось в прошлом чжурчженьское государство. Поэтому, принимая это наименование,

Нурхаци подчёркивал преемственность своей власти от прежних владетелей Маньчжурии и Северного Китая. Через два года после этого маньчжуры вторглись на территорию Минской империи — в Ляодун, захватили город Фушунь. Посланная в следующем году китайская армия во главе с Ян Хао была разгромлена, причём погибло около 50 тыс. солдат.

К 1620 г. в руках Нурхаци оказался почти весь Ляодун. В том же году маньчжуры покорили ряд монгольских княжеств, а в 1627 г. при хане Абахае с большой армией вторглись в Корею, принудив её к заключению договора. Однако Корея не прекратила своих связей с Китаем и оказывала ему помощь в борьбе с маньчжурами. Последующие годы проходят в войнах маньчжуров на территории Минской империи и частично Кореи.

Преемник Нурхаци Абахай (1626—1643) продолжал войну с Китаем. В 1636 г. Абахай провозгласил себя императором (хуанди) и переименовал свою династию, назвав её Цин («светлая»). Под этим именем и известна маньчжурская династия, подчинившая позднее своей власти весь Китай.

В последующие годы после захвата Внутренней Монголии и окончательного подчинения Кореи (1637 г.) маньчжуры безнаказанно нападали на провинции Чжили (нынешний Хэбэй), Шаньдун и Хэнань, грабили их, захватывали города и угрожали даже столице.

Сопротивление китайского народа маньчжурам было парализовано бездействием правительства, развалом военного аппарата, бездарностью, трусостью и продажностью многих военачальников. Часть господствующего класса шла на предательские сделки с маньчжурами.

4. Обострение классовых противоречий и антифеодальные движения в XVI — начале XVII в.

Крестьянские восстания в XVI в.

Феодальная эксплуатация порождала резкое недовольство широких крестьянских масс и городских низов. «Минская история» сообщает, что к концу первого десятилетия XVI века в разных концах страны одновременно возникли крестьянские восстания. Наиболее крупным из них было восстание в столичном округе, в уездах Бачжоу и Бэньань. Здесь к началу XVI в. усилились захваты крестьянских земель и присоединение их к императорским поместьям. Крестьяне пытались оказать сопротивление беззаконию властей ив 1509 г. подняли восстание, вначале носившее локальный характер. Жестокая расправа с восставшими и провокационное поведение местных властей, обвинявших в «бандитизме» даже тех, кто не участвовал в выступлениях, а лишь отказывался удовлетворить домогательства чиновников, привели к расширению восстания и присоединению к нему представителей шэньши — мелких чиновников и интеллигенции.

Восстание возглавили два брата — Лю Чун (Лю шестой) и Лю Чэнь (Лю седьмой) и их соратник Ян Ху.

Весной 1511 г. к восстанию присоединился представитель шэньши Чжао Суй, сыгравший большую роль в крестьянском движении. Он внёс в стихийное движение некоторые элементы организованности и создал воинские отряды повстанцев. Все источники отмечают дисциплинированность повстанцев, их благожелательное отношение к интеллигенции и мелким чиновникам. Широкие крестьянские массы оказывали помощь повстанцам, снабжая их продовольствием и лошадьми. Это позволяло отрядам восставших быстро передвигаться и неожиданно нападать на правительственные войска.

Разделившись на несколько колонн, повстанцы проникли в провинции Хэнань, Шаньдун и Шаньси, где к ним присоединились местные крестьяне. В 1512 г.

восстание приняло ещё больший размах, охватив также провинции Цзянсу, Аньхуэй и Хубэй. Повстанцы трижды угрожали столице, вызвав панику в правящих кругах.

Как и многие участники крестьянских движений феодальной эпохи, восставшие верили в «хорошего царя». Руководитель восстания Чжао Суй в письме на имя императора выражал надежду, что император будет самостоятельно принимать решения, казнит окружающих его безнравственных сановников. Повстанцы весь свой гнев обращали против крупных феодалов, представителей местной власти и питали иллюзии, что император, если ему пожаловаться, наведёт порядок и накажет своих подчинённых, издевавшихся над крестьянами.

Несмотря на то, что повстанцам в ряде боёв удалось нанести поражение правительственным войскам, восстание было подавлено в 1512 г. объединёнными силами провинциальных и столичных войск, а также пограничных армий.

Почти одновременно с этим крестьянским движением происходили восстания крестьян в провинциях Цзянси и Сычуань. Отличительной чертой в действиях крестьянских повстанцев в Цзянси было то, что они вели главным образом борьбу в хорошо укреплённых пунктах, используя для обороны естественные рубежи на севере провинции. Нежелание крестьян покидать родные места ограничивало рамки движения, не позволяло им установить связь с соседними провинциями.

Другой особенностью восстания в Цзянси было сильное влияние на повстанцев родовых и религиозных традиций.

Правительственные войска вначале использовали части, укомплектованные представителями некитайских народностей соседних провинций. Это была попытка натравить одну народность на другую. Такая тактика на время принесла успех правительственным войскам и в 1513 г. они подавили восстание. Но жестокая расправа, повальные грабежи и насилия, осуществлявшиеся карателями, привели в 1517 г. к новой вспышке: поднялись крестьяне в южной части провинции Цзянси, в районах, граничащих с провинциями Хугуан и Гуандун.

Здесь карательные войска возглавлял философ Ван Шоу-жэнь (Ван Ян-мин), занимавший в то время в Южной Цзянси пост сюньфу (назначаемый правительством военный чиновник, на которого возлагалось «умиротворение» той или иной местности). Он придерживался тактики, отличавшейся от той, которая была применена карателями в северной части этой провинции. Ван Шоу-жэнь использовал отряды, организованные местными феодалами, стремясь внести раскол в родовые и религиозные организации, натравить различные социальные группы деревни друг на друга, взорвать лагерь повстанцев изнутри. В то же время он широко прибегал к круговой поруке, принуждая крестьян следить друг за другом. Использование этих мер наряду с применением вооружённой силы дало возможность Ван Шоу-жэню в течение двух лет полностью подавить восстание в Цзянси.

В конце 1509 г. восстание, возникшее в провинции Шэньси, распространилось на обширные районы в северной части Сычуани, где повстанцы использовали удобные для борьбы естественные рубежи — реку Ханьшуй и хребет Дабашань. Руководили восстанием Лань Тин-жуй, Ляо Хой и др. В подчинении у них находилось свыше 100 тыс. повстанцев. Лань Тин-жуй и другие вожаки приняли титулы ванов («королей»), создали свои органы управления.

Другая группа повстанцев действовала на юге Сычуани, но она была менее сильной, и район её операций не был столь обширен, как на севере. На юге восстание возглавлял сначала житель Чунцина — Цао Би, затем к нему присоединился со своей группой восставших Цао Фу. После их смерти руководство перешло к Фан Сы, безземельному крестьянину, работавшему по найму на землях феодалов. Он был стойким борцом за интересы крестьянства. Все попытки властей склонить его к покорности потерпели неудачу. Не оказал на Фан Сы воздействия и арест членов его семьи. Под его руководством повстанцы действовали не только в Южной Сычуани,

но и совершали сравнительно далёкие походы на юг — в провинцию Гуйчжоу, на север — по рекам Тоцзян и Цзялинцзян, достигая северной части провинции Сычуань.

В борьбе с крестьянскими повстанцами в Сычуани минские власти использовали местные некитайские народности. Подкупом, обманом и принуждением им удалось привлечь на свою сторону некоторых старшин и часть населения этих народностей, в особенности для подавления восстания на севере Сычуани. Однако на юге Фан Сы сумел установить связь с народностью мяо и совместно с ними оказывал сопротивление карательным войскам. Это было едва ли не первое объединение сил восставшего китайского крестьянства с угнетёнными малыми народностями в борьбе против общего врага — китайских феодалов.

В 1514 г. восстание в Сычуани было подавлено. Однако борьба крестьянства продолжалась в других районах страны.

Вскоре, однако, почти вся страна была вновь охвачена массовыми крестьянскими восстаниями. Столицу империи неоднократно приходилось объявлять на осадном положении. Восставшим крестьянам удавалось на время освобождать от господства феодалов не только сельскую местность, но и города. Например, в Шаньдуне они захватили 90 городов.

В ходе восстания крестьянские массы убивали наиболее ненавистных эксплуататоров, местных чиновников, сжигали их усадьбы, захватывали землю, уничтожали податные реестры, на время освобождаясь от феодальной эксплуатации. Восставали не только крестьяне. Иногда против феодальных властей выступали также солдаты (в 1533—1535 гг. в Датуне и на Ляодуне) в связи с тем, что им не выплачивали жалованья и бесчеловечно обращались с ними. Китайским феодалам в конце тридцатых годов XVI в. удалось подавить основные очаги восстания в различных районах страны.

К концу XVI в. поднимается новая волна крестьянских восстаний, которые в дальнейшем перерастают в крестьянскую войну.

Борьба работников государственных и частных мануфактур. Городские движения

Одновременно с крестьянскими восстаниями происходила борьба работников государственных предприятий, направленная против феодальной эксплуатации. Эта борьба принимала различные формы: рабочие сознательно снижали качество производимой ими продукции (в оружейном производстве, кораблестроении и др.), убегали с промыслов. Высшей формой была активная борьба против чиновников, управлявших государственными предприятиями,— борьба, выливавшаяся иногда в вооружённые выступления. Наибольшего обострения она достигла в конце XVI — начале XVII в. Борьба работников государственных предприятий сопровождалась подчас выступлением более широких слоёв городского населения (купечества, ремесленников, наёмных рабочих частных мануфактур), причём причиной этих выступлений обычно были усиление налогового гнёта, произвол и беззакония со стороны представителей властей.

Тяжёлые условия на государственных рудниках и бедственное положение работавших там барщинников были основными причинами бегства последних, а иногда и нападения их на начальников рудников и надсмотрщиков. Один из чиновников конца XVI в. в своём докладе, рисуя положение горных промыслов, отмечал, что «народ, работая в рудниках, забрасывает земледелие и шелководство»; «нанятое (для работы) население голодает в связи с недостатком продовольствия...»; «чиновники самовольничают, злоупотребляют наказаниями, чем подстрекают к выступлениям... Рудокопы калечат себя, умирают...». В докладе отмечается, что по призыву беглых «разбойников с рудников» легко могут возникнуть беспорядки.

Источники часто сообщают о выступлениях на рудниках, называя их грабежами, разбоем. Они отмечают такие «грабежи» на рудниках в провинциях Чжэцзян и Цзянси в годы правления Ши-цзуна (1522—1566) и приводят краткое сообщение о

ФАРФОРОВОЕ КИТАЙСКОЕ БЛЮДО.
Конец XVI — начало XVII в.

более раннем восстании в 1504 г. в провинции Гуандун в литейных мастерских, возглавленном Тан Да-бинем. Наиболее частые и крупные выступления, в которых участвовали мастеровые государственных и частных предприятий, имели место в конце XVI — начале XVII в.

Самым крупным и организованным было восстание ткачей частных мастерских и мануфактур в городе Сучжоу в 1601 г. Об обстоятельствах, вызвавших выступление ткачей, известно следующее. В пятую луну 1601 г. евнух Сунь Лун, ведавший ткацким производством в Сучжоу, Ханчжоу и других городах, решил обложить дополнительным налогом частные ткацкие мастерские, взимая по 3 цяня с каждого станка. Владельцы мастерских закрыли свои предприятия; наёмные рабочие оказались без работы и были обречены на голодную смерть.

С введением нового налога «закрылись красильные мастерские, и несколько тысяч рабочих было уволено. Закрылись ткацкие мастерские, и ещё несколько тысяч ткачей оказались уволенными. Всё это было благонадёжное население, кормившееся за счёт своего труда, которое внезапно оказалось на краю гибели».

По призыву жителя Сучжоу — Гэ Сяня поднялись ткачи, они окружили помещение, где находилось управление ткацким производством, и потребовали отмены налогов. Затем ткачи схватили 6—7 чиновников, собиравших налоги, и бросили их в реку, убили Хуан Цзянь-цзе, одного из наймитов Сунь Луна, сожгли дом другого ненавистного населению чиновника. Восставшие ткачи расправлялись с представителями феодальной власти, непосредственно угнетавшими народ. Но они, как сообщает источник, снисходительно относились к тем мелким чиновникам, которые не притесняли население. Вместе с тем ткачи отличались организованностью и дисциплинированностью. Они были неподкупны, боролись с мародёрами. Даже минский император вынужден был признать, что ткачи «разоряли только семьи, вызвавшие разлад, но не тронули ни одного невинного человека».

Руководитель ткачей Гэ Сянь был человеком честным, благородным и решительным, способным на самопожертвование. После того как ткачи добились успеха в борьбе, расправившись с ненавистными чиновниками-феодалами, Гэ Сянь, стремясь избавить участников движения от репрессий со стороны властей, добровольно явился с повинной, приняв на себя всю вину. Движение ткачей в Сучжоу было первым значительным по размаху выступлением наёмных рабочих мануфактур в Китае.

В 1602 г. имело место выступление горожан крупного центра фарфорового производства — Цзиндэчжэня, направленное против Пань Сяна, руководившего производством в провинции Цзянси. Есть основание предполагать, что это было выступление мастеровых, поддержанных и другими слоями городского населения.

В тесной связи с борьбой работников государственных и частных мастерских находилось движение широких слоёв населения многих городов, носившее более умеренный характер.

Оно проходило в основном под лозунгом борьбы против усилившегося налогового гнёта. Наиболее крупным движением такого рода была борьба купечества и ремесленников в городах провинции Хугуан, направленная против местного сановника Чэнь Фына. В 1599 г. Чэнь Фын прибыл в город Цзинчжоу (в нынешней провинции Хубэй) для сбора налогов и одновременно для управления рудниками. С его прибытием усилились поборы и произвол, что вызвало резкое недовольство населения, в частности купечества. Вследствие этого, как сообщает источник, «несколько тысяч возбуждённых человек собрались на дороге, стали собирать черепицы и камни и бросать их в Чэнь Фына. Последний спасся бегством». Вслед за этим борьба распространилась на другие города — Учан, Ханькоу, Хуанчжоу, Сянъян, Баоцин, Дэань и Сянтань. Борьба продолжалась свыше двух лет. В Учане, куда в 1601 г. прибыл Чэнь Фын, свыше 10 тыс. горожан окружили его резиденцию, схватили 16 человек из приближённых Чэнь Фына и бросили их в Янцзы. Чэнь Фыну удалось спастись бегством.

В городе Линьцин, где поборами занимался налоговый инспектор Ма Тан, также поднялось свыше 10 тыс. местных жителей, которые сожгли помещение налогового инспектора и убили 37 человек его подчинённых.

Аналогичные выступления произошли в 1606 г. в провинции Юньнань, где городское население тяжело страдало от произвола налогового инспектора Ян Жуна, не только открыто грабившего население, но и производившего беспричинные аресты и даже совершавшего убийства мелких чиновников и других горожан. Возмущённые горожане сожгли помещение налогового управления и убили ряд присланных чиновников. После того как Ян Жун жестоко отомстил за это, истребив несколько тысяч человек, вспыхнуло восстание, в котором участвовало свыше 10 тыс. человек под руководством Хэ Ши-сюня. Восставшие убили Ян Жуна, бросив его в огонь, сожгли его младшего брата и 200 с лишним его прислужников.

Итак, городские движения, основным содержанием которых было требование снижения налогов и устранение произвола феодальных властей, охватили в начале XVII в. многие районы страны. Эти движения свидетельствовали о появлении новых сил, бросавших вызов феодалам.

Борьба внутри господствующего класса

Одновременно с обострением классовой борьбы между феодалами и крестьянами нарастали противоречия внутри господствующего класса. В основе этих противоречий лежала борьба за долю в распределении феодальных доходов, выражавшаяся в стремлении тех или иных групп феодалов укрепить свои позиции в государственном аппарате.

Активное участие в борьбе принимали дворцовые евнухи, которые в Минской империи впервые выдвинулись в качестве политической силы в XV в. Они были крупными феодалами, занимавшими высокое положение в государственном аппарате.

Большое влияние, оказывавшееся этой группировкой придворных сановников на внешнюю и внутреннюю политику императоров, вызывало острое недовольство среди других групп феодалов — со стороны высшего (рангового) чиновничества и представителей учёного сословия (шэньши) — кандидатов на государственные посты, тесно связанных с поместным землевладением. Эти группы феодалов видели в могуществе евнухов постоянную угрозу собственному положению, так как по клеветническому доносу евнухов можно было лишиться не только занимаемой должности, но и жизни. Борьба между феодальными кликами была длительной и весьма ожесточённой.

В 1506—1521 гг., когда власть находилась в руках евнухов и их противники были заточены в тюрьмы или казнены, император превратился в простую марионетку евнухов, создавших свою организацию. Восемь человек из них, наиболее могущественные, получили прозвище «восьми тигров». Они фактически управляли страной. Однако вскоре на почве соперничества между ними возникла борьба, закончившаяся поражением в 1510 г. всесильного временщика Лю Цзина, который был обвинён в подготовке мятежа, арестован и казнён. При конфискации его имущества были обнаружены огромные богатства, составлявшие, по данным источника, «80 связок крупной яшмы, 2500 тыс. лан жёлтого золота, 50 млн. лан серебра, других драгоценностей — без счёта».

Борьба среди различных групп феодалов обостряется в конце XVI — начало XVII в., расшатывая и без того ослабевшую феодальную империю Мин.

Организация Дунлинь

Обострилась также борьба между крупными феодалами и зажиточными городскими слоями, поддержанными прогрессивной частью шэньши. Эта борьба нашла своё отражение в создании организации Дунлинь и в её выступлениях против феодальных порядков.

Организация Дунлинь сложилась в конце XVI в. Её руководителем был крупный дворцовый чиновник и учёный Гу Сянь-чэн, ушедший в отставку из-за происков евнухов. Вернувшись к себе на родину в Уси, он стал читать лекции в местной академии «Дунлинь шуюань», критикуя методы управления страной, применявшиеся

представителями феодальных клик. Поэтому Гу Сянь-чэна и его сторонников стали называть «дунлиньцами», «организацией Дунлинь».

Сторонники Дунлинь требовали предоставления более широких возможностей для частного предпринимательства в торговле и ремесленном производстве, а также смягчения феодальной эксплуатации (снижения налогов, освобождения крестьян от некоторых повинностей), борьбы с коррупцией чиновничества, наведения порядка в армии, усиления охраны границ и т. д.

Хотя организация Дунлинь была создана наиболее передовыми представителями шэньши, объективно она отражала интересы не только тех групп шэньши, которые были тесно связаны с рынком и городскими промыслами, но и купечества, владельцев крупных ремесленных мастерских и мануфактур. Иными словами, Дунлинь представляла оппозиционную группировку зажиточных городских слоев и связанных с ними шэньши.

Дунлинь активизировалась в XVII в. В течение некоторого времени её сторонники получили возможность занимать крупные государственные посты. Но как только при дворе усиливались временщики-евнухи, Дунлинь подвергалась преследованию. Тяжёлые удары обрушились на сторонников этой организации в 20-х годах XVII в., когда власть в стране фактически находилась в руках евнуха Вэй Чжун-сяня. Многие из них были занесены в «чёрные списки», обвинены по ложным доносам и казнены.

5. Крестьянская война XVII в. Свержение Минской династии

Ухудшение внутреннего и внешнего положения Минской империи

В 20-х годах XVII в. резко ухудшилось внутреннее и внешнее положение Минской империи. В верхах, среди различных групп феодалов, продолжалась острая борьба за власть. Армия разваливалась в результате плохого снабжения продовольствием и вооружением. Вторжения западноевропейских колонизаторов и пиратские нападения японцев привели к тому, что был утрачен контроль над морскими путями и потеряны экономические и политические позиции в странах Южных морей. На северо-востоке Минская империя утратила значительную территорию, захваченную маньчжурами.

Захват крестьянских земель феодалами продолжался в более широких размерах, чем в XVI в., усиливалась феодальная эксплуатация. Росли налоги и поборы, вызванные увеличением военных расходов. В 1592 г. на три похода — в Нинся (против монголов), в Корею (против японцев) и в провинцию Гуйчжоу (против местных повстанцев) — было затрачено свыше 10 млн. лан серебра. В течение 10 лет борьбы с маньчжурами (с 1618 по 1627 г.) было израсходовано свыше 60 млн. лан серебра, кроме обычных ассигнований на армию.

Велики были и расходы императорской семьи, ложившиеся всей тяжестью на плечи народных масс. Например, в 1599 г. было взято из государственного казначейства 24 млн. лан серебра для покрытия расходов, связанных с женитьбой сыновей императора. Огромные средства тратились на строительство дворцов. В 1627 г. расходы на строительство дворцов составили около 6 млн. лан.

В 1618 г. был введён дополнительный земельный налог на «снабжение армии в Ляодуне», который в последующие годы значительно возрос. В 1620 г. только один этот дополнительный земельный налог составил громадную сумму в 5200 тыс. лан серебра. В дальнейшем правительство вводит новые таможенные пошлины, соляной налог и др. Эти новые налоги выразились в сумме почти 7500 тыс. лан серебра. Общие размеры обложения населения выросли за одно десятилетие на 50%.

Народные массы страдали и от постоянных стихийных бедствий, особенно частых в XVII в. Отсутствие со стороны государственной власти и феодалов заботы о содер-

жании в должном порядке старых и строительстве новых плотин и ирригационных каналов приводило к наводнениям и засухе, а, следовательно, к голоду и высокой смертности среди населения. Страницы «Минской истории» и других китайских летописей пестрят сообщениями об этих фактах.

Особенно тяжёлым было положение народных масс в провинции Шэньси. Хронический голод и высокая смертность были здесь обычными явлениями. Вот что рассказывает один чиновник в своём докладе от 1629 г. о положении в этой провинции: «...В округе Яньань в течение года не было дождей. В августе — сентябре народ ел в городах полынь, в октябре стали есть кору с деревьев, к концу года вся кора была ободрана — принимались поедать мел. Через несколько дней после этого вспухали животы, люди падали и были обречены на смерть... Во всех уездах — за городом вырыты большие ямы, в каждой из которых хоронят по несколько сот человек. В общем, севернее Цинъян и Яньань — голод очень сильный...».

В таких условиях крестьянские массы вновь поднимаются на борьбу.

Восстание в Шэньси

Наибольшего подъёма крестьянское движение достигло в 20—30-х годах XVII в. Началось оно в провинции Шэньси, в которой крестьянские массы находились в худших условиях, чем в других районах, а затем распространилось в значительной части страны. По своему размаху, широте, сравнительной организованности это движение представляло собой подлинную крестьянскую войну. Восставших поддерживали местные войска.

Первые вспышки восстания в Шэньси имели место ещё в 1626 г. В 1627 г. на попытки вновь назначенного губернатора провинции Шэньси принудительным путём взыскать налоги крестьянство отвечает более широким восстанием.

Вначале отряды крестьян действовали в одиночку, изолированно, затем произошло объединение нескольких отрядов. Ряд руководителей повстанцев объявили себя «королями». Среди них выдвинулись способные организаторы, такие, как Гао Ин-сян, Чжан Сянь-чжун и Ли Цзы-чэн, ставшие впоследствии полководцами крестьянских войск.

Ли Цзы-чэн родился в 1606 г. в бедной крестьянской семье, в уезде Мичжи (провинция Шэньси). Его отец имел свой клочок земли, который им самим и обрабатывался. Отец был разорён налогами и повинностями, и Ли Цзы-чэну пришлось в юные годы работать пастухом в хозяйстве чиновника. В дальнейшем он поступил на почту. Ли Цзы-чэн питал глубокую ненависть к эксплуататорам. Он видел, как разорился отец, как умирали обездоленные труженики земли. В гневе он убил одного из угнетателей. Ему пришлось бежать в соседнюю провинцию Ганьсу, где он стал солдатом. В 1629 г. он принял участие в восстании, сначала в качестве рядового, а затем с 1631 г. возглавил отряд, находясь в подчинении у Гао Ин-сяна. Ли Цзы-чэн отличался природным умом, настойчивостью и целеустремлённостью.

Другой руководитель восстания, Чжан Сянь-чжун, житель Яньаня, родился тоже в 1606 г. Вместе с отцом — бродячим торговцем, продававшим финики, Чжан Сянь-чжун в юности разъезжал по Шэньси. После разорения семьи Чжан Сянь-чжун стал солдатом. Впоследствии по ложному обвинению он был брошен в тюрьму, и его ожидала смертная казнь. Спасшись бегством благодаря содействию одного из тюремных стражей, он посвятил себя борьбе с ненавистным феодальным строем. В 1630 г. он присоединился к восстанию в Шэньси, захватив ряд опорных пунктов в уезде Мичжи. По своему характеру Чжан Сянь-чжун был неуступчив, вспыльчив и в известной мере честолюбив. Озлобленность против эксплуататоров и тяжёлый характер иногда мешали ему проводить более гибкую тактику в отношении мелких чиновников и обедневших феодалов. Это обстоятельство неоднократно вызывало разногласия между ним и Ли Цзы-чэном.

В 1631 г., когда восстанием была охвачена вся провинция Шэньси и на подавление крестьянского движения по приказу императора были посланы подкрепления из других провинций, произошло объединение 36 отрядов восставших под общим руко-

водством Ван Цзы-юна. По своей численности отряды были неодинаковыми, наиболее крупные из них охватывала до 10 тыс. человек. Общее число повстанцев к моменту объединения составляло не меньше 200 тыс. человек. Главные силы под командованием Ван Цзы-юна после объединения передвигаются в Шаньси, ставшую с 1631 г. центром движения. В отличие от первого периода движения здесь, в Шаньси, восставшие ведут борьбу под общим руководством. Однако по мере расширения сферы восстания единое руководство в полной мере не осуществлялось, в особенности после гибели в 1633 г. Ван Цзы-юна. Часть отрядов после поражения в Шаньси переходит в провинции Хэнань и Хэбэй, затем Хубэй и Сычуань. В 1635 г. восстаниями крестьян было охвачено несколько провинций.

Совещание в Хэнани

В 1635 г. в Хэнани был созван совет руководителей крестьянских отрядов, на котором присутствовали 13 крупнейших вождей крестьян, представлявших 72 отряда. К этому времени многие из прежних командиров погибли в неравных боях с правительственными войсками. Но на смену погибшим пришли новые люди, отряды пополнялись повсеместно восстававшими крестьянами, выросла их численность.

На совещании в Хэнани, где обсуждались вопросы тактики, по предложению Ли Цзы-чэна (который тогда являлся руководителем одного из отрядов и непосредственно подчинялся Гао Ин-сяну) был принят план дальнейшей борьбы с правительственными войсками. Все повстанческие силы разделялись на 4 больших соединения, каждое из которых действовало на определённом направлении. При этом на трёх направлениях (западном, северном и южном) преследовались задачи обороны, а на четвёртом — восточном — предполагались операции наступательного характера. Большой отряд был выделен в качестве резерва. Он должен был обладать хорошей маневренностью и оказывать помощь тем, которые окажутся в тяжёлом положении. По окончании совещания принесены были в жертву небу быки и лошади и дана клятва верности общему делу.

Совещание в Хэнани имело большое значение. Оно дало возможность планировать операции восставших крестьян и координировать действия руководителей крупных отрядов. Впервые в крестьянском движении проявились объединение сил и стремление вести организованные и согласованные операции, что свидетельствовало о новом этапе восстания.

Среди многочисленных крестьянских повстанцев, державших в это время в своих руках провинции Хэнань, Хубэй, Хунань и Шэньси, самыми сильными являлись 13 отрядов, оперировавших в Хэнани, а среди них наилучшие части сосредоточивались под командованием Гао Ин-сяна, Ли Цзы-чэна и Чжан Сянь-чжуна. Это были главные силы восставших.

Совещание в Хэнани укрепило ряды восставших, вдохновило их на решительную борьбу с феодалами. Повстанцы переходят от обороны к нападению. Им удаётся захватить не только сельские местности, но и города, где они творят суд и расправу над ненавистными феодалами. В городах к восставшим присоединяются мелкие ремесленники, подмастерья и наёмные работники.

Разногласия в лагере восставших. Их временное поражение

Однако в лагере восставших крестьян не было полного единодушия. Вскоре возникли разногласия между Ли Цзы-чэном и Чжан Сянь-чжуном, результатом чего был уход Ли Цзы-чэна вместе с Гао Ин-сяном в провинцию Шэньси.

Разногласия отчасти были вызваны нежеланием Чжан Сянь-чжуна идти на соглашение с разорившимися феодалами и шэньши, частично они объяснялись его стремлением к самостоятельным действиям. Это ослабило силы восставших в Хэнани и привело к вытеснению оттуда правительственными войсками крестьянских отрядов (Чжан Сянь-чжуна, Цао Цао и др.). В дальнейшем повстанцы, разделившись на 13 отрядов, вновь вступили в Хэнань, захватывая округа и уезды. Гао Ин-сян с Ли Цзы-чэном не принимали участия в этом походе, оставшись действовать в Шэньси.

Раздробление сил восставших было одной из причин их временного поражения. Летом 1636 г. в Шэньси попал в окружение отряд Гао Ин-сяна. Предводитель отряда был захвачен, привезён в столицу и казнён. Военачальники Минской империи по праву считали Гао Ин-сяна душой восстания и наиболее сильной фигурой среди его руководителей. Один из усмирителей говорил про Гао Ин-сяна: «...Необходимо получить его голову, тогда остальных повстанцев, конечно, легко будет усмирить».

И, действительно, после пленения и казни Гао Ин-сяна восстание идёт на убыль; возглавленные им войска были частично истреблены или захвачены в плен. Лишь небольшая часть перешла под руководство Ли Цзы-чэна, который принял титул «чуан-вана» («чуанский король»), принадлежавший ранее Гао Ин-сяну. Восставшие действовали мелкими группами, многие из них скрывались в горах. Ли Цзы-чэн со своим отрядом пробился в Сычуань (1637 г.), осадил её столицу город Чэнду, но через неделю вынужден был снять осаду. Отступив оттуда, он вскоре был разбит правительственными войсками. С большим трудом ему удалось вырваться из окружения. С 18 всадниками он прорвался в Шэньси, где некоторое время скрывался в горах.

В 1638 г., потерпев серьёзное поражение, Чжан Сянь-чжун принёс повинную минским военачальникам. Вслед за ним покорились 13 руководителей крупных крестьянских отрядов.

Новый подъём крестьянского движения

В 1639—1640 гг. начинается новый подъём крестьянского движения. Вновь восстаёт Чжан Сянь-чжун. Вместе с другими он создаёт свою базу в городе Гучэне (провинция Хубэй). Спускается с гор, включаясь в борьбу, и Ли Цзы-чэн. В 1640 г. он был окружён минскими войсками, значительно превосходившими его силы. Положение казалось безнадёжным, но стойкость Ли Цзы-чэна и окружавших его таких же выходцев из народа, как и он сам, их преданность народному делу в вера в него спасают положение. Ли Цзы-чэн с лёгкой конницей вырывается из окружения, бежит в Хэнань, где, встретив поддержку крестьянских масс и пополнив силы своего отряда, захватывает один город за другим. В это время к Ли Цзы-чэну присоединяются представители шэньши. Один из них — поэт Ли Янь стал впоследствии ближайшим советником Ли Цзы-чэна.

Об облике поэта Ли Яня (его настоящее имя Ли Синь) свидетельствует его совет Ли Цзы-чэну: «Не допускать убийства невинных людей, все захваченные богатства раздать для оказания помощи голодающему народу». Ли Янь сочинил песню, в которой воспевались справедливость Ли Цзы-чэна, его стремление помочь крестьянству. В этой песне были такие слова: «Кто примет „храброго вана" (т. е. Ли Цзы-чэна), тот не будет платить оброка и будет избавлен от повинностей». Песня звала к освобождению от феодального гнёта, крестьянским массам она была понятна и находила среди них живейший отклик. Столь же понятными и близкими народным массам были и другие лозунги повстанцев: «Уравнение земель», т. е. равномерное распределение земли; «Справедливая торговля», т. е. покупка и продажа товаров по справедливым ценам. Этот лозунг привлекал горожан. После занятия той или иной местности земли крупных феодалов конфисковались, а богатства раздавались нуждающимся крестьянам. В то же время издавались приказы об освобождении от налогов и повинностей на три года или на пять лет.

Такая политика повстанцев приветствовалась широкими слоями населения деревни и города и приводила к пополнению их рядов крестьянами, ремесленниками, подмастерьями и наёмными рабочими.

В 1641 г. Ли Цзы-чэн добивается крупных успехов в провинции Хэнань. Овладев городом Лояном, он захватил земли князя Чан Сюня (Фу-вана), казнил его, сжёг дворец, а богатства роздал голодающим. Так же поступали восставшие и с другими феодалами. В дальнейшем крестьянские отряды под руководством Ли Цзы-чэна, продвигаясь по Хэнани, разбили правительственные войска, при-

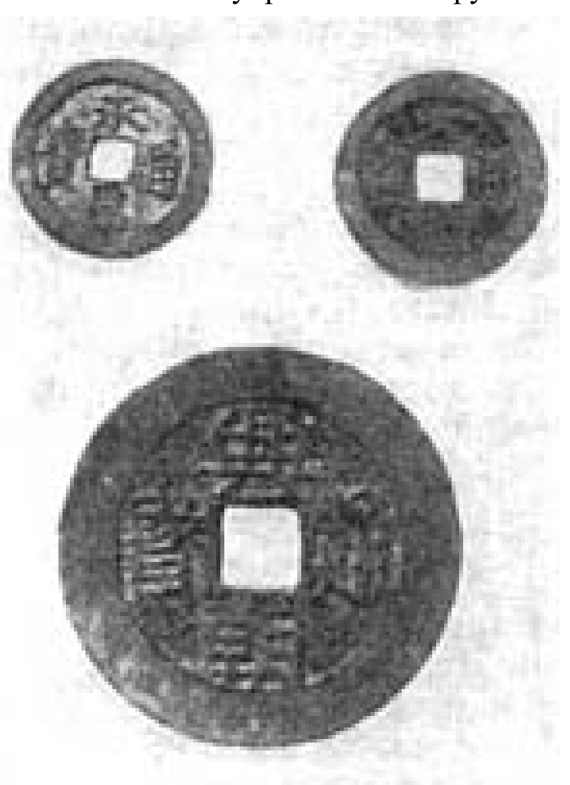
сланные на помощь провинциальным властям, и осадили город Кайфын. Город был хорошо укреплён и упорно защищался. Осада его отняла много времени и сил. Осаждённые взорвали плотину на реке Хуанхэ, чтобы затопить лагерь Ли Цзы-чэна.

К Ли Цзы-чэну один за другим присоединяются отряды, ранее шедшие за Чжан Сянь-чжуном. Силы Ли Цзы-чэна крепнут, он становится общепризнанным вождём восстания.

Из Хэнани Ли Цзы-чэн вступает в Хубэй, здесь он захватывает значительную территорию, в том числе крупный город Сянъян. В это время Чжан Сянь-чжун, также находившийся в провинции Хубэй со своим отрядом, вновь подчинился Ли Цзы-чэну. Однако усилившиеся разногласия между ними привели к уходу Чжан Сянь-чжуна в провинцию Хунань, где он занял главный город Чанша и ряд других крупных центров. К этому времени Ли Цзы-чэн берёт курс на захват крупных городов и создание новой государственной власти. Им была выдвинута задача свержения прогнившей Минской монархии.

Государственный аппарат и организация войск у восставших крестьян

Центральный аппарат повстанцев состоял из верховного органа — государственного совета (в него входили три человека) и шести административных управлений: чинов, финансов, ритуалов, военное, строительное и уголовных дел (наказаний). По существу образцами для них служили шесть палат, существовавших в Минской империи. Было создано также и местное самоуправление в округах и уездах. Прежние чиновники были всюду смещены. Административные органы повстанцев комплектовались главным образом за счёт выходцев из крестьян, принимавших с самого начала участие в восстании, а также ремесленников, но кое-где использовали и прежних минских чиновников — шэньши, если они не скомпрометировали себя в глазах народа.

Монеты, выпущенные вождями китайского восстания 1628 — 1645 гг.

Восставшие крестьяне создали и свою военную организацию. Всё войско состояло из пяти больших соединений. Во главе их стояли 20 высших начальников. Самым крупным соединением являлось центральное. Оно имело в своём составе 100 подразделений (отрядов) и возглавлялось 8 высшими военачальниками, в то время как в остальных соединениях было по 30 с лишним отрядов и по 3 высших начальника. В каждый отряд входили пехотинцы (100—150 человек), кавалеристы (50 человек) и обслуживающий персонал (носильщики, повара и др.). В общей сложности в пяти соединениях насчитывалось около 60 тыс. кавалеристов и пехотинцев. Это были лучшие силы, комплектовавшиеся из мужчин от 15 до 40 лет. К каждому такому воину прикреплялись 2—4 лошади и 10 человек — для ухода за лошадьми, переноски тяжестей и варки пищи. Общее число обслуживающего персонала достигало 500—600 тыс. человек, которые тоже иногда принимали участие в боях.

Высшее командование пяти соединений состояло из наиболее близких Ли Цзы-чэну лиц, проявивших свои способности и преданность крестьянским массам: бывшего кузнеца Лю Цзун-миня, поэта Ли Яня, двух близких родственников Ли Цзы-чэна (Чжан Син и Ли Шуан-си) и др. Они образовали нечто вроде военного совета для обсуждения важнейших военных вопросов.

В отрядах повстанцев поддерживалась строгая дисциплина. Обычно движение войск происходило в строгой тайне, о направлении удара не знали даже многие командиры. Принятое военным советом решение беспрекословно выполнялось подчинёнными. В походе центральное соединение было направляющим, все остальные следовали за ним. Восставшие не имели тяжёлого обоза, не брали даже запасов продовольствия и провианта, снабжаясь главным образом за счёт обложения феодалов.

Во время сражений впереди выстраивали всадников в три ряда, тройной стеной. Если передний ряд отступал, задние давили и даже закалывали отступавших, не давая им возможности бежать. Если сражение затягивалось, прибегали к хитрости: кавалеристы, притворившись разбитыми, отступали, заманивали в засаду вражеские войска, а в это время значительные силы пехотинцев, вооружённых длинными копьями, нападали на противника и уничтожали его, после чего вновь появлялась конница, помогавшая довершить разгром врага.

Обычно при осаде городов пехота повстанцев занимала позиции у самых городских стен, а конница производила объезды, не позволяя осаждённым бежать из города. Применялись и другие военные уловки: в города, занятые противником, засылались лазутчики, переодетые в одежду купцов, в форму правительственных солдат и т. п.

Рядовые и командиры крестьянских отрядов вели себя весьма скромно в быту. Им запрещалось иметь в частной собственности золото и серебро. Разрешалось владеть лишь небольшой суммой денег, полученной в виде награды. Захваченные трофеи обычно раздавались населению, а оставшееся распределялось в соединениях в виде наград — по заслугам и занимаемому положению. Высшей наградой считались лошадь или мул, далее следовали лук и стрелы, огнестрельное оружие, одежда и деньги. Жёнам разрешалось следовать за мужьями-воинами, других женщин брать с собой запрещалось. Ли Цзы-чэн в быту не отличался от рядового солдата. Он казнил некоторых присоединившихся к нему руководителей крупных отрядов за недостойное поведение и стяжательство.

Повстанцы охотно принимали в свои ряды эксплуатируемое население освобождённых ими местностей, создавая отряды по профессиональному признаку — портных, музыкантов, хлеборобов (в этот отряд включались не имевшие какой-либо особой специальности), конюхов и др. Отличавшимся физической силой и способностью к военному делу давали лошадей, оружие и зачисляли в войска.

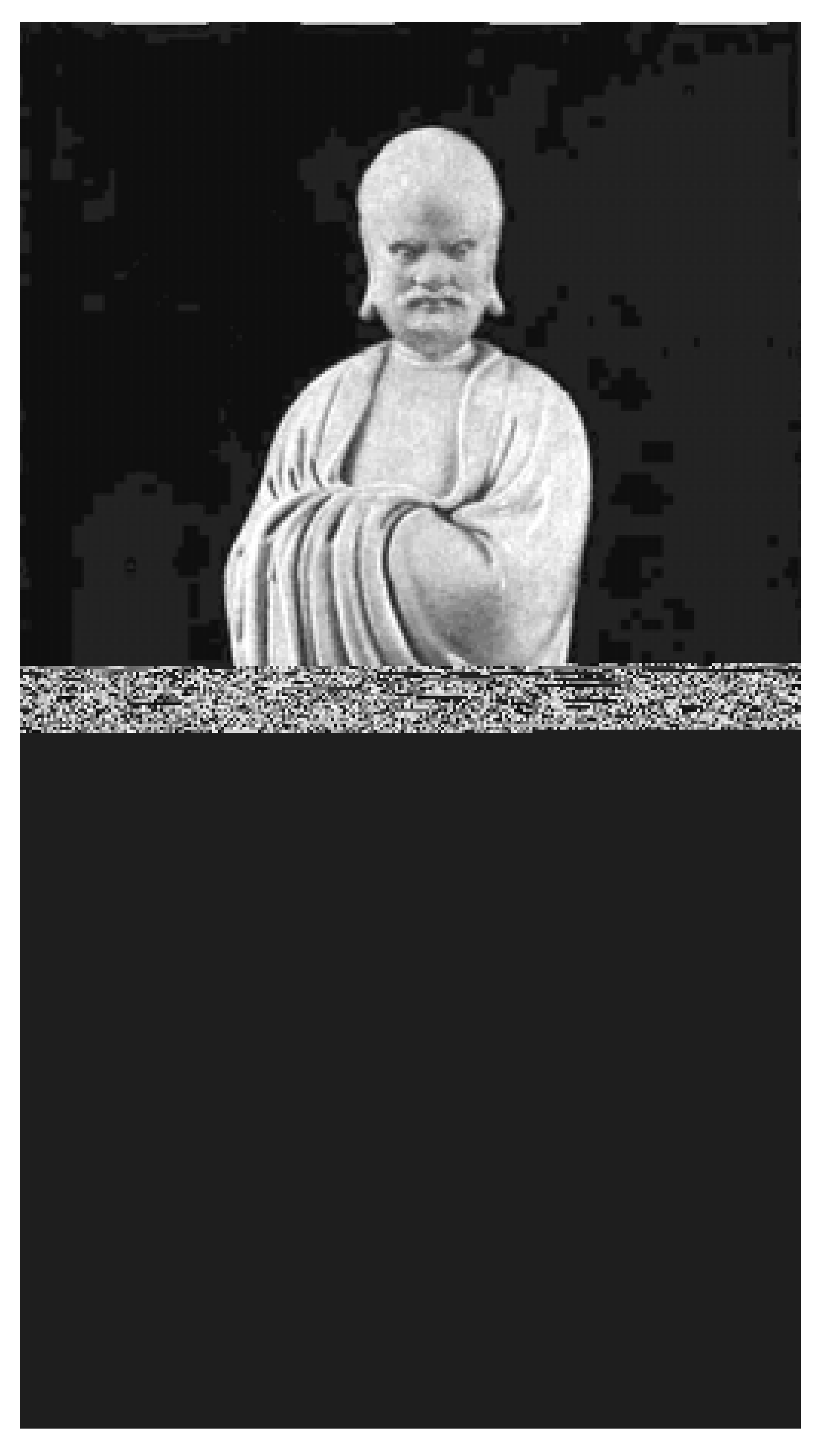
Северный поход. Занятие Пекина

В 1643 г. в Сянъяне на совещании совета руководителей повстанцев было принято решение о проведении похода в провинции Шэньси, Шаньси и дальнейшем наступлении на столицу — Пекин. Начался новый поход. В конце 1643 г. крупные силы повстанцев вступили в Хэнань, разгромив здесь армию генерала Сунь Чуань-тина, захватили Тунгуань и затем вступили в Сиань — главный город Шэньси. Другая колонна войск Ли Цзы-чэна успешно действовала в провинциях Нинся и Ганьсу.

Дальнейшие операции значительно выросшей армии Ли Цзы-чэна осуществлялись на территории провинции Шаньси. Затем с главными силами он вступил в столичный округ. В это же время (1644 г.) Чжан Сянь-чжун громил войска феодалов в Сычуани.

При подходе армии Ли Цзы-чэна к столице защищавшие её войска, не желая сражаться, стреляли в воздух, часть войск подняла восстание и перешла на сторону Ли Цзы-чэна. В руки наступавших попала артиллерия. 25 апреля 1644 г. крестьянская армия во главе с Ли Цзычэном вступила в столицу Минской империи. Император Чжу Ю-цзянь (1628—1644) перед вступлением повстанцев в город повесился.

Заняв столицу, Ли Цзы-чэн сурово расправился с представителями знати и феодальной бюрократии. Многих феодалов казнили, имущество их конфисковали. Однако чиновники ниже четвёртого ранга (всего было девять рангов) были помилованы и даже допущены в государственный, аппарат.

БУДДА.
XVI в. Фарфор

БОДИСАТВА ГУАНЬИНЬ.
XVI в. Фарфор

Положение крестьян было облегчено, с них не брали налогов, содержание армии и государственного аппарата осуществлялось за счёт обложения феодалов и богатых городских жителей.

Союз части китайских феодалов с маньчжурскими феодалами. Конец Минский династии

Отряды Ли Цзы-чэна занимали столицу всего 42 дня. Дальнейший ход событий вынудил их оставить Пекин. Китайские феодалы, напуганные победой восставших, пошли на сделку с внешними врагами — маньчжурскими феодалами. Один из минских генералов, У Сань-гуй, крупный феодал, защищавший от маньчжуров крепость Шаньхайгуань, попросил помощи у маньчжуров для борьбы с восставшими. Эту помощь он получил. Огромная армия маньчжуров во главе с принцем Доргунем (регент при малолетнем маньчжурском императоре) выступила против повстанцев. Войска У Сань-гуя помогали маньчжурам. Двухсоттысячная армия Ли Цзы-чэна, не задерживаясь в столице, двинулась навстречу объединённым силам врагов.

В кровопролитном бою армия восставших потерпела поражение и была вынуждена отступить. Несмотря на это, Ли Цзы-чэн принял титул императора. Намереваясь уйти в родные места, на северо-запад, он полагал, что титул китайского императора позволит ему с успехом организовать борьбу с маньчжурами.

На другой день после коронации Ли Цзы-чэн с войсками оставил Пекин, предварительно отправив в Сиань значительное количество золота и серебра, конфискованного у феодальной знати и бюрократии. 6 июня 1644 г. маньчжурская армия вместе с войсками изменника У Сань-гуя вступила в Пекин. Это событие является концом Минской династии. С этого года китайская историография начинает уже историю Цинской династии, т. е. историю Китая под властью маньчжурских завоевателей.

Последний период восстания

Маньчжурам и их сообщникам — китайским феодалам — понадобилось, однако, ещё сорок лет, чтобы окончательно подавить сопротивление китайского народа. В 1645 г. был настигнут и убит Ли Цзы-чэн, но один из его соратников — Ли Го возглавил оставшиеся силы повстанцев и, соединившись с минскими войсками, оказывавшими сопротивление маньчжурам, ещё некоторое время продолжал борьбу с завоевателями.

В 1646 г. был убит Чжан Сянь-чжун, базой которого являлась провинция Сычуань. Один из соратников Чжана — Ли Дин-го, соединившись на юге с минскими войсками, в течение 15 лет вёл борьбу с маньчжурскими завоевателями в Хунани, Юньнани и Гуйчжоу. Лишь к 1683 г. были подавлены последние очаги сопротивления китайских патриотов.

Так в результате измены феодалов и вмешательства чужеземной силы, а также в известной мере и в связи с внутренними противоречиями в лагере восставших потерпело поражение великое народное движение. Маньчжурские завоеватели установили в стране режим феодальной реакции, соединённой с национальным порабощением.

6. Развитие культуры

В минский период продолжала развиваться китайская культура, обогатившись новыми достижениями. Дальнейшее развитие получила литература; главным образом издавались обширные исторические труды, появились новые энциклопедии, по своей полноте превосходившие любые издания этого рода в других странах. Обогатилось и китайское искусство, в особенности архитектура. Значительный шаг в своём развитии сделали лакирование и производство тончайшего фарфора.

Общественная мысль и наука развивались, несмотря на то, что они были ограничены и скованы рамками средневековой конфуцианской схоластики.

Наука

В XVI—XVII вв. интерес в Китае к технике, естественным и математическим наукам заметно повысился. В конце минского периода появляется усовершенствованное водоподъёмное колесо для орошения полей, более широко, чем раньше, применяются кузнечные мехи при плавке металла. Развивается кораблестроение, ярким показателем этого явились ещё морские экспедиции XV в., возглавленные Чжэн Хэ. В одну из таких экспедиций одновременно было отправлено 62 крупных морских корабля, на борту которых находилось около 28 тыс. человек и значительный груз. Все эти корабли, отличавшиеся большой грузоподъёмностью, были построены в Китае.

Первый итальянский миссионер Маттео Риччи и Сюй Гуан-ци. Современный рисунок.

В XVI в. появился многотомный труд по фармакологии — «Трактат о деревьях и растениях» (автор Ли Ши-чжэнь). Это сочинение содержало описание не только лечебных трав, но и минералов, а также животного мира. Большой популярностью пользовался труд по медицине учёного Чжан Чжун-цзина («О тифе»).

В XVII в. была издана большая сельскохозяйственная энциклопедия, составленная учёным Сюй Гуан-ци. Она освещала развитие земледелия и сельскохозяйственной техники не только в Китае, но частично и в Европе. В 30-х годах XVII в. учёным Сун Ин-сином был написан труд под названием «Тянь гун кай у», представлявший собой своеобразную техническую энциклопедию, освещавшую развитие в Китае в различные времена, в том числе и в минский период, ремесленного производства.

Особенное развитие получили филология и история. Китайское языкознание основное внимание уделяло изучению живых северных диалектов китайского языка. Крупнейшим учёным-энциклопедистом XVII в., в частности филологом, был Гу Янь-у (1613—1683), ему принадлежит «Пятикнижие по фонетике» — классическое произведение по исторической и современной фонетике, а также другие труды по истории, экономике, философии, филологии и т. д. Гу Янь-у являлся не только учёным, но и политическим деятелем, патриотом, принимавшим активное участие в борьбе с маньчжурами.

Продолжала развиваться официальная историография: издавались династийные истории, составлялись продолжения летописи «Всеобщее зерцало, помогающее управлению», начатой ещё в XI в.

В Минской империи развивались и другие жанры исторической литературы, например произведения, описывавшие события не в хронологическом, а в сюжетном порядке (так называемое «Описание событий от начала до конца»), составление которых было впервые начато ещё в XI—XII вв. Издавались географические сочинения, не без основания отнесённые средневековой традицией тоже к историческим: в этих многотомных изданиях приводятся данные по административному делению в различные периоды, географические и экономические сведения по отдельным провинциям, уездам, городам, а также краткая история образования их, описание исторических памятников данной местности, воспроизводятся биографии крупных местных деятелей и т. д. Важным географическим сочинением является труд

Гу Янь-у под названием «Книга о недостатках и пользе областей и уделов в Поднебесной». Это сочинение даёт не только географическую характеристику страны, но освещает также социально-экономическое положение Китая. К историческим трудам относились и различные своды, сборники типа энциклопедий.

Философия. Развитие общественной мысли

Наиболее известным китайским философом начала XVI в. был Ван Ян-мин (или Ван Шоу-жэнь, 1472—1528). Ван Ян-мин утверждал, что реальный мир не существует вне нашего сознания, что весь мир, все вещи — порождение духа или сердца. «Нет вещей вне ума, и нет ума вне вещей, — говорил Ван Ян-мин, — ничего не существует вне нашего разума»; «Сердце, сознание есть корень и источник всего». По Ван Ян-мину, критерием истины является субъективное сознание, человек обладает врождённым знанием, интуицией, которая помогает познать истину. Идеализм и интуитивизм Ван Ян-мина имели своих многочисленных последователей не только в Китае, но и в Японии, где это учение с XVII в. стало одним из главных философских течений.

Философские взгляды Ван Ян-мина и его последователей в своё время принесли известную пользу делу борьбы с неоконфуцианской философией, сложившейся в эпоху Сун и превращённой её позднейшими представителями в схоластику.

Однако политические взгляды Ван Ян-мина отражали интересы класса феодалов» напуганного мощным крестьянским движением того времени. Ван Ян-мин защищал политику обуздания крестьянства, укрепления позиций феодалов, возглавлял карательные экспедиции против крестьян. Им были выдвинуты предложения о введении «Закона о десятидворках», «Закона о старостах десятидворок» и т. д. Все эти предложения были направлены на усиление контроля над сельским населением, укрепление института круговой поруки, усиление полицейской власти в деревнях, регламентирование быта и поведения крестьян в общественной и частной жизни. Предложения Ван Ян-мина имели целью создать такие условия, при которых была бы исключена всякая возможность протеста против феодальной эксплуатации.

Острая борьба между феодалами и зависимыми крестьянами, обострение противоречий внутри господствующего класса нашли своё отражение и в области идеологии: в XVI—XVII вв. развивалась прогрессивная мысль, боровшаяся с неоконфуцианской схоластикой. Её развитию способствовало появление новых общественных сил, связанных с ростом городов, товарно-денежных отношений и зарождением мануфактуры.

Представители наиболее прогрессивных течений были выходцами из трудовых народных слоёв, а также из среды зажиточных горожан. К первым следует отнести современника Ван Ян-мина — Ван Синь-чжая (1483—1541), его последователей Янь Шань-нуна, Лян Жу-юаня (он же Хэ Синь-инь) и др., подвергавшихся преследованиям со стороны властей. Их философские взгляды не отличались резко от идеализма и интуитивизма Ван Ян-мина. По своим этическим взглядам Ван Синь-чжай приближался к древнекитайскому философу Мо Ди (V—IV вв. до н. э.) с его учением о «всеобщей любви». Ван Синь-чжай и его последователи выдвигали утопическую в тех условиях идею создания такого общества, в котором не было бы богатых и бедных, все были бы равны. К этой же группе прогрессивных мыслителей надо отнести и Ли Чжи (или Ли Чжо-у, 1527—1602). Он, как и другие прогрессивные деятели его времени, упомянутые выше, подвергался преследованиям со стороны Минской династии. Его учение объявили еретическим, так как оно было направлено против господствовавшей идеологии конфуцианства. Ли Чжи выступал против того, чтобы безоговорочно признавать истиной всё то, что утверждал Конфуций, он заявлял: «Мы не можем правду или неправду Конфуция считать правдой или неправдой». Сочинения Ли Чжи неоднократно подвергались сожжению, а сам он был замучен.

Литература

В период Минской династии наиболее важным явлением в области литературы было продолжавшееся развитие народной литературы на живом, народном языке — рассказов, драм и романов. Наиболее яркие образцы новеллы даны в сборнике «Удивительные истории нашего времени и древности», появившемся в 30—40-х годах XVII в.

Резные колонны в городе Цюфу, провинция Шаньдун. XVI в.

Драматургия обогатилась новым жанром, так называемой местной провинциальной, или «южной» пьесой, отличавшейся простотой изложения и доступностью языка. К такого рода драматическим произведениям относятся «Лютня», «Лунная беседка», «Сказание о белом зайце» — пьесы XIV в., часто исполняемые и в настоящее время в Китае. Из драматических произведений XVI в. большой интерес представляет пьеса Тан Сянь-цзу (1550—1617) — «Пионовая беседка», в которой был брошен вызов старым моральным устоям. Многие драматурги являлись в то же время исполнителями роли героев своих пьес. Хотя профессия актёра считалась унизительной, театральное искусство приобрело широкую популярность благодаря существованию многочисленных домашних театров.

Первые романы — «Троецарствие», «Речные заводи», написанные на живом, разговорном языке, относятся к XIV в., но в дальнейшем они появлялись всё в новых и новых переработках.

Кроме исторического романа, в период Минской династии появились фантастический и бытовой романы. «Путешествие на Запад» — фантастический роман У Чэн-эня (1500—1582) - построен на преданиях о путешествии в Индию известного буддийского паломника VII в. н. э. Сюань Цзана. Бытовой роман «Слива в золотой вазе», по-видимому, был создан в конце XVI в. Его авторство приписывается минскому учёному Ван Ши-чжэню (1526—1593), дослужившемуся до поста главы палаты наказаний, что примерно соответствует должности министра юстиции в настоящее время.

Искусство

Период XVI—XVII вв. наиболее богато представлен архитектурными памятниками. До нашего времени сохранились пагоды, гробницы, дворцы, храмы, триумфальные ворота, различного рода общественные здания и, наконец, жилые дома этого периода. С XVI в. изменяется архитектурный стиль: на смену прежней строгости и монументальности приходит тонкое изящество. Оно проявляется в широком распространении орнамента крыш карнизов, в появлении резных баллюстрад мраморных мостов, в развитии архитектурного ансамбля. Китайское здание, как правило, — одноэтажный четырёхугольный павильон, разделенный колоннами; оно отличалось оригинальной крышей высокой, изогнутой по углам и опирающейся на столбы. Крыша, покрытая блестящей цветной черепицей, белизна террас и яркая роспись деревянных частей придавали зданию необычайную красочность и нарядность.

Яркими образцами архитектурного ансамбля, характерного для минского периода, являются «запретный город» (или «Город императорских дворцов») в северной части Пекина, построенный в XV в. и состоящий из ряда дворцов, расположенных по оси, а также храмовый ансамбль «Храм неба», находящийся в южной части Пекина. Этот ансамбль состоит из нескольких храмов, построенных в период XV—XVI вв.

Живопись XVI—XVII вв. не сделала большого шага вперёд — в ней сохранялись прежние традиции. Работы известных художников этого времени (Люй Цзи, Бянь Вэнь-цзин и др.), хотя и отличались значительным мастерством, представляли собой подражание старым образцам. Широкое применение получила гравюра для иллюстрации книг. Цветные гравюры на дереве впервые в мире появились в Минской империи.

Большое развитие в XVI—XVII вв. получило прикладное искусство: производство фарфора, выделка шёлковых тканей и изделий из лака. Новым в фарфоровом производстве явились введение подглазурной росписи синим кобальтом, красной глазури и переход со второй половины XV в. от одноцветной к многоцветной росписи фарфора.

В минский период в Китай проникают произведения европейского искусства, но влияние последнего на китайское искусство было тогда незначительным. С другой стороны, в XVII в. китайское искусство проникает в Европу, влияние его сказывается в орнаментации; в дальнейшем подражание китайскому стилю принимает более широкие размеры.

ГЛАВА XXVII
НАРОДЫ ИНДОНЕЗИИ

В начале XVI в. Индонезия не была единым государством. На многих крупных и мелких островах, составляющих ныне Индонезийскую Республику (Ява с Мадурой, Суматра, Борнео, Целебес, Малые Зондские и Молуккские острова), существовали более или менее самостоятельные племенные или государственные объединения. Их основное население было этнически однородным, но по социально-экономическому и культурному уровню — весьма пёстрым. Если на Яве и в некоторых районах Суматры уже господствовали развитые феодальные отношения, то в прибрежных районах многих других островов ещё только завершался процесс складывания классового общества, а в глубинных районах всё ещё господствовал первобытно-общинный строй.

Важнейшую роль в истории Индонезии играла Ява, где ещё в конце XIII в. возникло крупное и могущественное государство Маджапахит. Опираясь на густонаселённые районы Восточной и Центральной Явы с их интенсивным земледелием и высокоразвитым ремеслом, Маджапахитская династия постепенно, в течение XIV и XV вв., превратила в своих данников и вассалов почти все княжества и все территории нынешней Индонезии, распространяя временами свой контроль и на Малаккский полуостров, а также на архипелаг Сулу.

Государство Маджапахит

Существование огромной Маджапахитской империи способствовало росту внутренних связей и развитию внешней торговли Индонезии с Китаем, Индией и странами Передней Азии. В казну феодального Маджапахита стекались огромные богатства в виде всякого рода поборов и дани. От вассалов и данников за пределами Явы поступали

пряности, олово, ценные породы дерева и т. п. От феодально-зависимого крестьянства Явы отбирались в форме ренты-налога рис и изделия домашней промышленности. Многое из этого вывозилось на внешние рынки, обогащая маджапахитскую феодальную верхушку.

Маджапахитская династия, завоёвывая и подчиняя своей власти новые территории, не ломала существовавших там общественных отношений. От подчинённых требовалась лишь уплата регулярной дани. Однако высокая культура Маджапахита и рост торговли не могли не влиять на более отсталые районы, ускоряя их социально-экономический и культурный прогресс.

Маджапахитские императоры выступали в роли верховных собственников всей земли Явы. Вассальные князья Явы, являвшиеся ранее наследственными держателями земли, превратились в губернаторов и наместников, ответственных перед императорской властью.

Пышные титулы, право на определённую долю собираемой ренты-налога и на труд крестьянина всё больше связывались с чиновничьими постами. Вся громадная территория Маджапахита делилась на провинции и округа. Многие из них совпадали с территорией прежних княжеств. Однако вместо прежних наследственных владельцев-феодалов ими управляли наместники. Они сочетали фискальные функции с административными и судебными.

Наместники находились под верховным наблюдением пати, являвшегося правой рукой повелителя Маджапахита и подчас фактически правившего государством. Характер наследственного дворянства сохранила многочисленная родня маджапахитских императоров. Значительная часть земель, особенно близ столицы, была в непосредственном владении императора. В этих императорских имениях надзор за крестьянами, сбор ренты и т. д. осуществлялись при помощи специальных управителей. Они не были подчинены чиновникам и отчитывались лишь перед императором. Жёнам и родичам императора также выделялись на кормление отдельные деревни и даже целые уделы.

Большим влиянием пользовалась верхушка индуистского (шиваистского) и буддийского духовенства. Монастыри и храмы владели землями и получали богатые дары. Главы шиваистов и буддистов жили при дворе и принимали участие в императорском совете, в подготовке правительственных эдиктов и кодексов.

Эксплуатация основной массы населения — крестьянства осуществлялась по-прежнему при посредстве общинной организации. Яванская община являлась коллективным владельцем земли, которая периодически переделялась между её полноправными членами. Сочетание земледелия с ремеслом превращало общины в замкнутые самодовлеющие мирки. Однако внутри общины росло неравенство. В каждой деревне имелись бедняки. Зажиточная часть деревни и в особенности деревенская администрация эксплуатировали безземельных, неполноправных жителей селений в качестве издольщиков. Деревенские старосты и прочие представители сельской администрации хотя формально ещё и выбирались, однако всё больше превращались в назначаемое феодальной властью низшее звено феодально-бюрократического аппарата. За деревенскими старостами закреплялись служебные наделы, свободные от налогов. Эти наделы обрабатывались трудом крестьян и служили источником обогащения сельской администрации.

Согласно законам рента-налог не должна была превышать $^{1}/_{10}$ продукции крестьянского хозяйства, но на практике зачастую взималось значительно больше. Всё взрослое население обязано было определённое время в году отрабатывать государственную барщину по строительству и ремонту дорог и ирригационных сооружений, по перевозкам и т. п.

Хотя сельские общины и носили самодовлеющий характер, постепенно развивался обмен между отдельными районами. Рис из центральных областей Явы шёл на запад и на восток острова, вывозился на Молуккские острова в обмен на пряности. Соле-

варни на восточном побережье Явы снабжали весь остров солью. В городах-портах, в столице и близ крупных административных центров развивалось ремесло. Наряду с прядением хлопчатобумажных тканей и изготовлением набойной ткани — батика, посуды, циновок, примитивных сельскохозяйственных орудий ремесленниками в сельских общинах в городах росло ремесло, обслуживающее двор, армию, городское население.

Целые деревни близ столицы изготовляли оружие; знаменитые яванские кинжалы — крисы — славились далеко за пределами страны. Высокого искусства достигли изготовление батика, парчи, украшений, медных и бронзовых сосудов, художественная обработка ценных пород дерева и т. д.

Городские ремесленники должны были отдавать государству в качестве налогов $^{1}/_{10}$ часть вырабатывавшихся ими изделий, а также выполнять наряду с крестьянами государственную барщину.

Культура

В Маджапахите поощрялись искусство и литература. Достигшая расцвета с конца XIV в. литература была представлена плеядой поэтов, наиболее крупным из которых считается Прапанча, автор обширной хвалебной поэмы «Негаракартагама», посвящённой одному из наиболее известных маджапахитских императоров Хайаму Вуруку (1350—1389). Большой популярностью пользовался поэт Тантулар.

При Маджапахитском дворе широко поощрялся перевод классических произведений индийского эпоса на яванский язык. Значительного развития достигает составление исторических хроник. Образцом может служить сохранившаяся до наших дней, впервые ставшая известной европейским учёным лишь в конце XIX в. «Книга царей Тумапеля и Маджапахита», составленная, очевидно, в конце XV в.

Любовь к поэзии, театру, музыке была характерна для индонезийского населения и особенно для населения Явы. Своеобразный оркестр — «гамеланг» был необходимой частью народных празднеств. Большого изящества достигли народные танцы. При дворе правителя Маджапахита содержались целые балетные труппы.

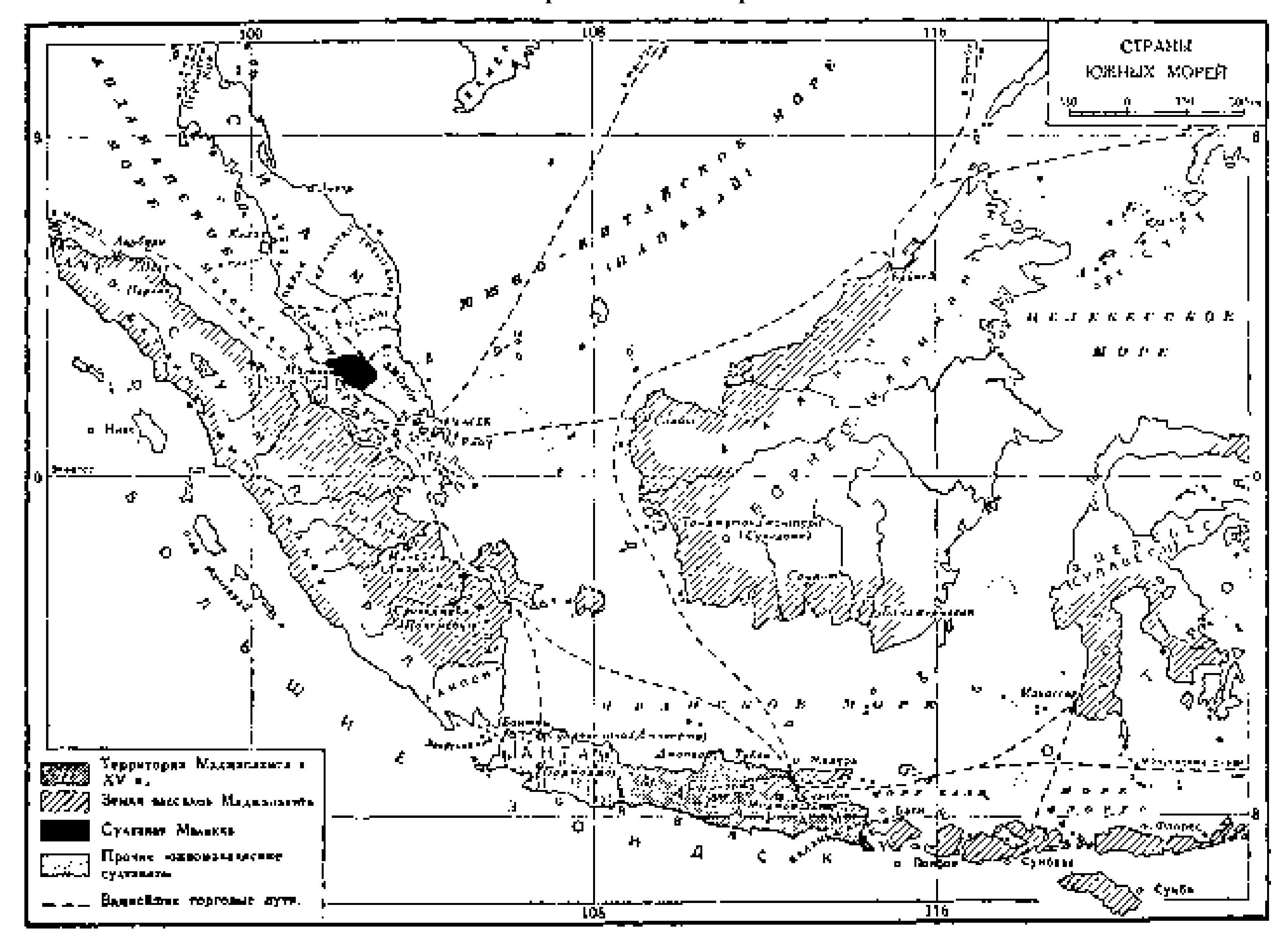
Дальнейшего развития достиг и знаменитый театр теней — «вайанг». Вырезание из буйволовой кожи многочисленных причудливых, но строго канонизированных изображений для теневого театра и их раскраска представляли собой тонкое художественное ремесло, широко распространённое на Яве. Репертуар театра теней основывался на мотивах индийского эпоса, получавшего, однако, всё более яркий местный колорит. Бродячий кукольник со своим экраном и ящиком с многочисленными марионетками был всегда желанным гостем в деревне. Больших успехов достигла скульптура и монументальная архитектура, хотя и не создавшая в Маджапахите таких грандиозных сооружений, как знаменитая ступа Борободур и другие храмы VIII—IX вв.

Начало упадка Маджапахита

Рост внешних связей и проникновение в страну иностранных купцов способствовали возвышению ряда городов, расположенных на северном побережье Явы. В Джапаре, Тубане и других портовых городах возникали многочисленные колонии купцов и ремесленников из Китая, Индии и стран Передней Азии. Наместники таких городов сами втягивались в торговлю, вступали в деловые и семейные связи с иностранными купцами и быстро богатели.

Опираясь на свои связи и богатства, пользуясь поддержкой купеческих кругов, правители портовых городов постепенно превращались в фактически самостоятельных князей, власть которых распространялась как на самый город, так и на прилегающую к нему область. Они стремились к полной самостоятельности от центральной власти. В борьбе против централизованной власти маджапахитских императоров местные феодалы использовали в качестве идеологического оружия религию ислама, проникшую на Яву из Индии через посредство мусульманских купцов и проповедников. Народные массы воспринимали новую религию как идеологию борьбы против

Страны Южных морей

эксплуататорской власти императоров и маджапахитской аристократии, официальной религией которых был индуизм.

Возникновение мусульманских княжеств на развалинах Маджапахита

В 1520 г. Маджапахитская империя пала в результате объединённой борьбы исламизированных наместников и вассалов. Ява оказалась раздробленной на мелкие княжества во главе с мусульманскими династиями. Лишь на восточной окраине острова сохранилось княжество Баламбаган, управлявшееся потомками маджапахитских императоров. После падения Маджапахита завершилось обращение яванского населения в ислам.

Распад Маджапахита привёл к освобождению территорий, находившихся в вассальной зависимости от него. Стали самостоятельными многочисленные княжества на побережье Суматры и других островов. Развитие этих княжеств шло неравномерно. Некоторые из них, такие, как Малайя на восточном берегу Суматры, пришли в упадок. В это же время на небольших островах близ острова Хальмахейры возникли довольно значительные мусульманские султанаты Тидор и Тернате. Эти княжества, соперничая друг с другом, сумели подчинить себе богатые пряностями острова Восточной Индонезии, привлекавшие купцов из стран Запада и Востока. Это обеспечило Тидору и особенно Тернате значительную роль в жизни архипелага и в отношениях с внешним миром.

Распад Явы на большое число мелких феодальных княжеств повлёк за собою длительную борьбу между ними за власть и преобладание. Лишь к концу XVI в. правителю одного из княжеств Матараму Сутувиджойя удалось объединить под своей властью почти всю Яву, кроме индуистского княжества Баламбаган на востоке и Бантама на западе.

Возвышение Бантама на Яве, равно как и укрепление на северной оконечности Суматры государства Аче, подчинившего себе в XVI — начале XVII в. ряд районов Суматры, оказалось косвенно связано с перемещением торговых морских путей, установлением португальцами, захватившими в 1511 г. Малакку, контроля над морскими путями из Индийского в Тихий океан и над торговлей между Индонезией и странами Дальнего Востока.

Португальская экспансия

Используя соперничество между султанатами Тернате и Тидор и их борьбу за владычество над районами производства муската и гвоздики на Молуккских островах, Португалия добилась права построить крепость на территории Тернате и получила монополию на скупку пряностей. Португальские колонизаторы устанавливали произвольно низкие цены на пряности, обрекая население на разорение и голод.

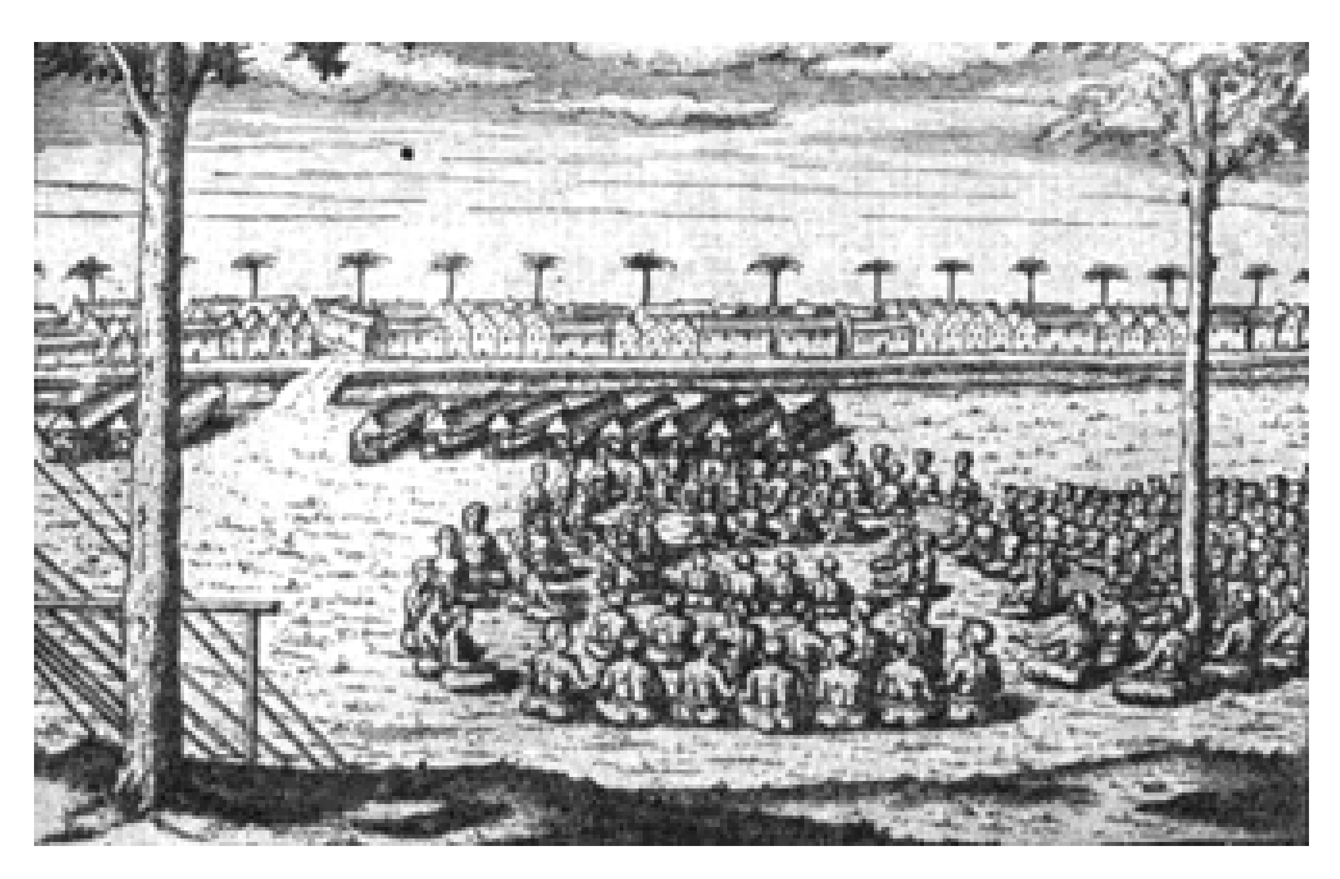
Владея Малаккой, превратившейся в сильную крепость, и контролируя благодаря этому путь через Малаккский пролив, португальские колонизаторы облагали проходившие корабли тяжёлыми пошлинами. Китайские и индийские купцы, стремясь избежать этих разорительных поборов, стали пользоваться другим путём: через Зондский пролив и вдоль западного берега Суматры. Это обстоятельство способствовало превращению Бантама в важный торговый порт, а затем и в центр довольно мощного государства. Феодальная верхушка Бантама, разбогатевшая на посреднических услугах, подчинила своей власти сунданезские племена, обитавшие во внутренних районах Западной Явы.

Государство Бантам

В западных районах Явы во второй половине XVI в. наблюдается значительный рост сельского хозяйства, расширение системы ирригации. Одновременно идёт процесс закрепощения крестьян, обязанных не только уплачивать высокую ренту-налог в натуральной форме, но и выполнять различные повинности по сооружению оросительных каналов, постройке дорог, перевозке сельскохозяйственных продуктов в столицу. Рост внешней торговли и всё увеличивавшийся спрос на пряности со стороны европейских купцов способствовали внедрению в крестьянское хозяйство новой культуры — перца. В районах, где он

культивировался, крестьяне уплачивали налоги перцем. Оставшийся перец скупался торговцами и также шел на вывоз. По китайским сведениям, к концу XVI в. в Бантаме сбор перца достигал 3 млн. фунтов в год.

Рост феодальной эксплуатации, сопровождавший развитие товарно-денежных отношений, обусловил процесс обезземеления значительной части крестьянства.

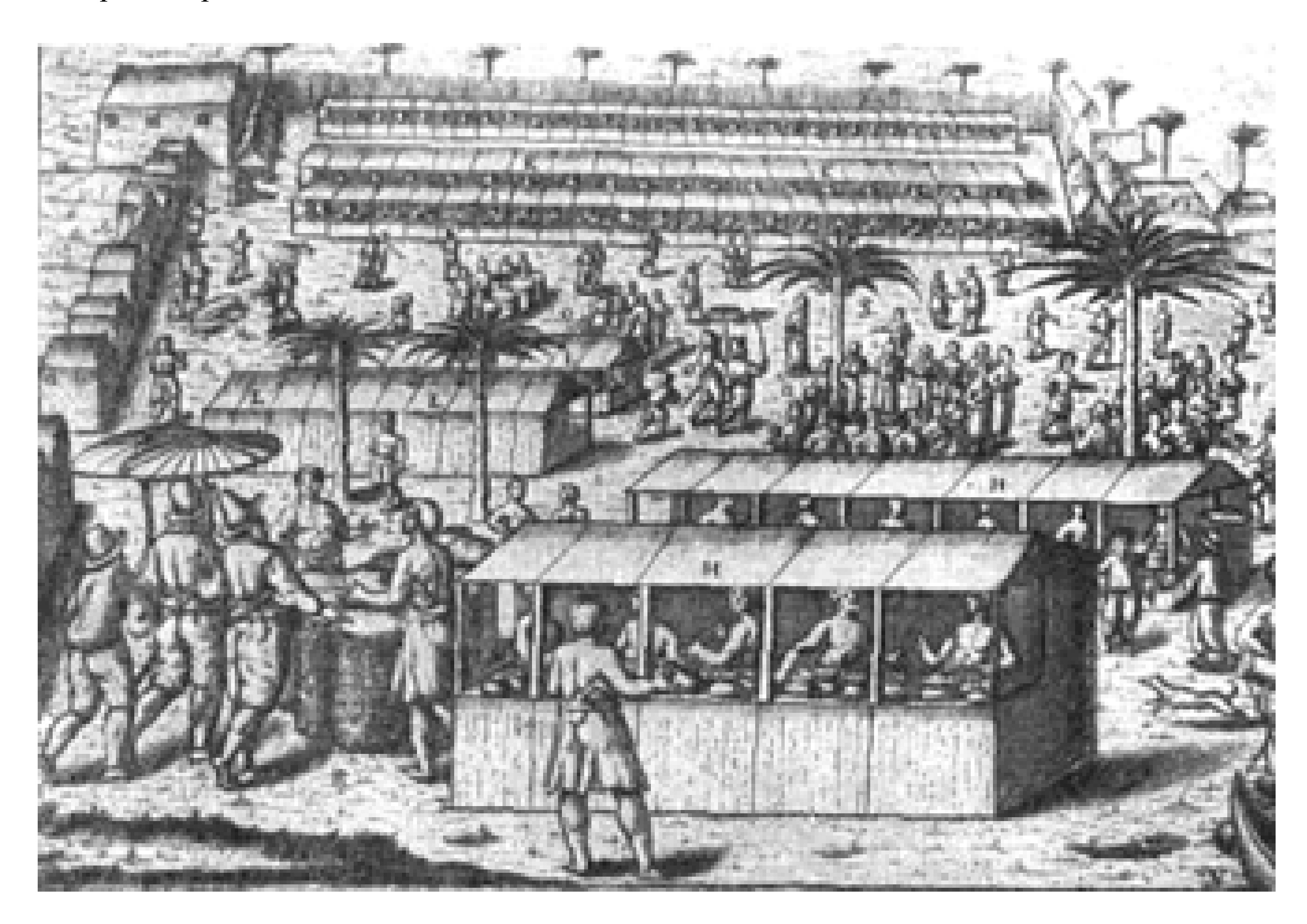
Совет старейшин в Бантаме.
Гравюра Конец XVI в.

В отличие от остальных районов Явы в Бантаме уже в этот период разрушается общинное землевладение, прекращается передел земельных участков. Беднейшие крестьяне, разоряясь, превращаются в бесправных издольщиков и попадают в долговое рабство. Законы страны официально разрешали родителям продавать в рабство своих детей. Рабство за долги стало распространенной формой закабаления сельскою населения и ремесленников. Обострение классовых противоречий вызывало неоднократные вспышки борьбы со стороны крестьян, жестоко подавлявшиеся феодалами. В то же время отдельные представители разных прослоек и групп класса феодалов, боровшиеся за власть и влияние, стремились использовать недовольство крестьян в своих интересах.

Внешняя торговля Бантама

На основе жестокой эксплуатации трудового населения богатели феодальная верхушка, ростовщики и скупщики. Бантам — порт и столица княжества Бантам — к концу XVI в. не уступал, по свидетельству португальцев, многим крупнейшим торговым городам Востока. Сюда устремлялись купцы из многих стран. Здесь можно было встретить иранцев из Хорасана с драгоценными камнями и медикаментами, гуджаратцев с льняными и хлопчатобумажными тканями, пегуанцев из Бирмы с живыми слонами, арабов и даже эфиопов. Малайцы и китайцы сосредоточивали в своих руках ростовщические операции. Китайские торговцы в Бантаме, как и во многих других районах Индонезии, играли весьма крупную роль. Они жили в отдельном квартале и пользовались

внутренним самоуправлением. Бантам стал центром обмена многих индонезийских товаров на ввозные. Сюда привозился рис не только из Центральной Явы, но и из Макассара на острове Целебес и с острова Сумбава, мед из Джакарты и с Тимора соль с восточного побережья Явы, хлопок и краски с островов Бали и Ломбок, олово и свинец из Перака и Кедаха, железо с острова Карамата. Бантам имел довольно

Рынок в Бантаме.
Фрагмент гравюры. Конец XVI в.

сильные укрепления, располагал пушками и военным флотом. Португальским колонизаторам не удалось подчинить Бантам, так же как и Матарам, своему контролю.

Аче на северной оконечности Суматры также превратился в крупный торговый центр. Его сутаны подчинили себе многие районы и племена Суматры. На юге острова Целебес приобретало возрастающее влияние государство Гао. Центром этого государства был Макассар, куда предприимчивые бугинезские мореплаватели привозили, в обход португальской монополии, пряности, привлекавшие иностранных купцов.

Попытки португальцев добиться разрешения на постройку укрепленных факторий на Яве не увенчались успехом. Они были не в силах прервать торговые связи Бангама и Аче с Китаем, равно как с Индией и со странами Передней Азии

Голландская экспансия

23 июня 1596 г. в Бантам прибыла первая голландская торговая экспедиция во главе с Корнелиусом Хутманом. После этого успешного проникновения в португальские заповедники в городах и штатах Нидерландов возник целый ряд компаний для торговли со странами Востока. В 1602 г. они были слиты в Объединенною Ост-Индскую компанию с большим по тому времени акционерным капиталом.

Образцовая капиталистическая страна XVII в — Голландия совместно с Англией вела борьбу против колониальною господства Португалии и Испании. В то же

время голландские колонизаторы использовали в собственных интересах ненависть индонезийского населения к португальским завоевателям. Выдавая себя за союзников феодальных правителей индонезийских княжеств и государств, голландская Ост-Индская компания медленно, но неуклонно укрепляла свои позиции в стране. Так, под предлогом защиты «союзников», компания создала цепь своих укреплений в Тернате, на Амбоине, на островах Банда и др., полностью вытеснив оттуда португальцев. Остатки владений последних сохранились только на острове Тимор. С ослаблением Португалии возрастала конкуренция между Голландией и Англией.

С большими трудностями столкнулась Ост-Индская компания в своём стремлении укрепиться на острове Ява. Правители Матарама и Бантама решительно отклоняли домогательства голландских колонизаторов, добивавшихся права строить на территории острова укреплённые фактории. Наконец, на территории княжества Джакарта, правитель которого находился в вассальной зависимости от Бантама, голландцам удалось создать факторию с укреплённым фортом, соблазнив правителя обещанием перенести сюда всю свою торговую деятельность на архипелаге. Попытки Бантама, не без поддержки англичан, силой изгнать голландцев из Джакарты не удались. Подоспевший вовремя в 1619 г. с Молуккских островов голландский флот, а также соперничество и раздоры в лагере бантамцев не только спасли осаждённый в форту голландский гарнизон, но и позволили голландской компании нанести бантамцам тяжёлое поражение. На развалинах Джакарты возникла первая на Яве голландская колония. Вокруг форта, переименованного ещё во время осады в Батавию, вскоре возникли посёлки китайских торговцев и ремесленников и постепенно вырос город. Батавия стала опорным пунктом постепенного завоевания голландской компанией всей Явы и центром разраставшихся голландских колониальных владений и факторий, цепь которых раскинулась от Африки до Японии.

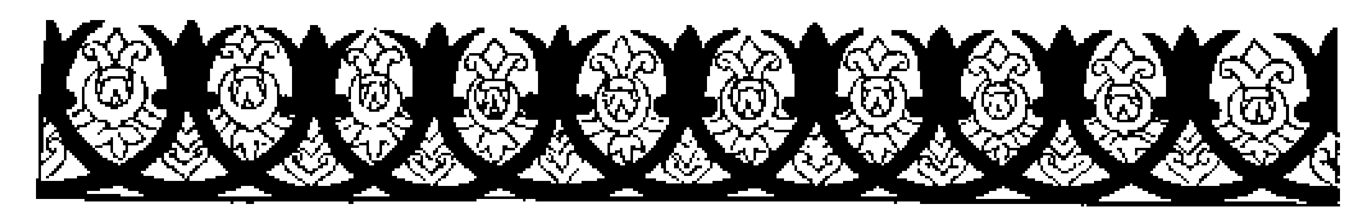
В независимых от голландской компании княжествах и султанатах португальцы ещё пытались удерживать свои позиции в торговле. Лишь захват голландской Ост-Индской компанией в 1641 г. Малакки полностью покончил с португальским господством в Индонезии. Сохранившиеся на острове Тимор остатки португальских владений уже не мешали установлению монопольного господства Голландии.

Последствия колониальной эксплуатации голландцев в XVII в. особенно тяжело ощущались на Молуккских островах. Вытеснив оттуда португальцев, голландская компания установила ещё более строгий монопольный контроль над торговлей. Принудительно низкие цены и отсутствие снабжения островов рисом обрекали население на голод и вымирание. Попытки сопротивления колонизаторам жестоко подавлялись. В 1621 г. доведённое до отчаяния население островов Банда восстало. Однако регулярные войска компании, вооружённые европейским оружием, жестоко расправились с восставшими. Многие были перебиты, остатки загнаны в скалистые внутренние районы островов и буквально уморены голодом. Острова обезлюдели. Голландцы пытались найти выход в организации на островах Банда рабовладельческих плантаций. Собственникам плантаций было разрешено устраивать ловлю рабов на всех прилегающих островах. Рабов скупали и за деньги. Князья Целебеса являлись основными поставщиками рабов для компании, использовавшей их труд на плантациях, а также развившей широкую торговлю рабами на восточных рынках. К. Маркс по этому поводу писал: «Нет ничего более характерного, как практиковавшаяся голландцами система кражи людей на Целебесе для пополнения кадров рабов на острове Ява. С этой целью подготовлялись особые воры людей. Вор, переводчик и продавец были главными агентами этой торговли, туземные принцы — главными продавцами. Украденная молодежь заключалась в целебесские тайные тюрьмы, пока не достигала возраста, достаточно зрелого для отправки на кораблях, нагруженных рабами» [1].

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 755.

Однако к середине XVII в. голландская колониальная система ещё далеко не приняла своего законченного вида. Даже Ява не была к этому времени покорена. Батавия находилась под постоянной угрозой осады со стороны ещё достаточно мощных Матарама и Бантама. Голландская компания вынуждена была сочетать интриги с униженными просьбами при дворе Матарама, от которого она зависела в снабжении продовольствием своих колониальных владений на архипелаге. Лишь к середине XVII в. голландцам удалось добиться признания со стороны Матарама своих территориальных захватов в Батавии и её окрестностях. Однако потребовался ещё длительный срок до окончательного захвата всей Явы и закабаления её народа.

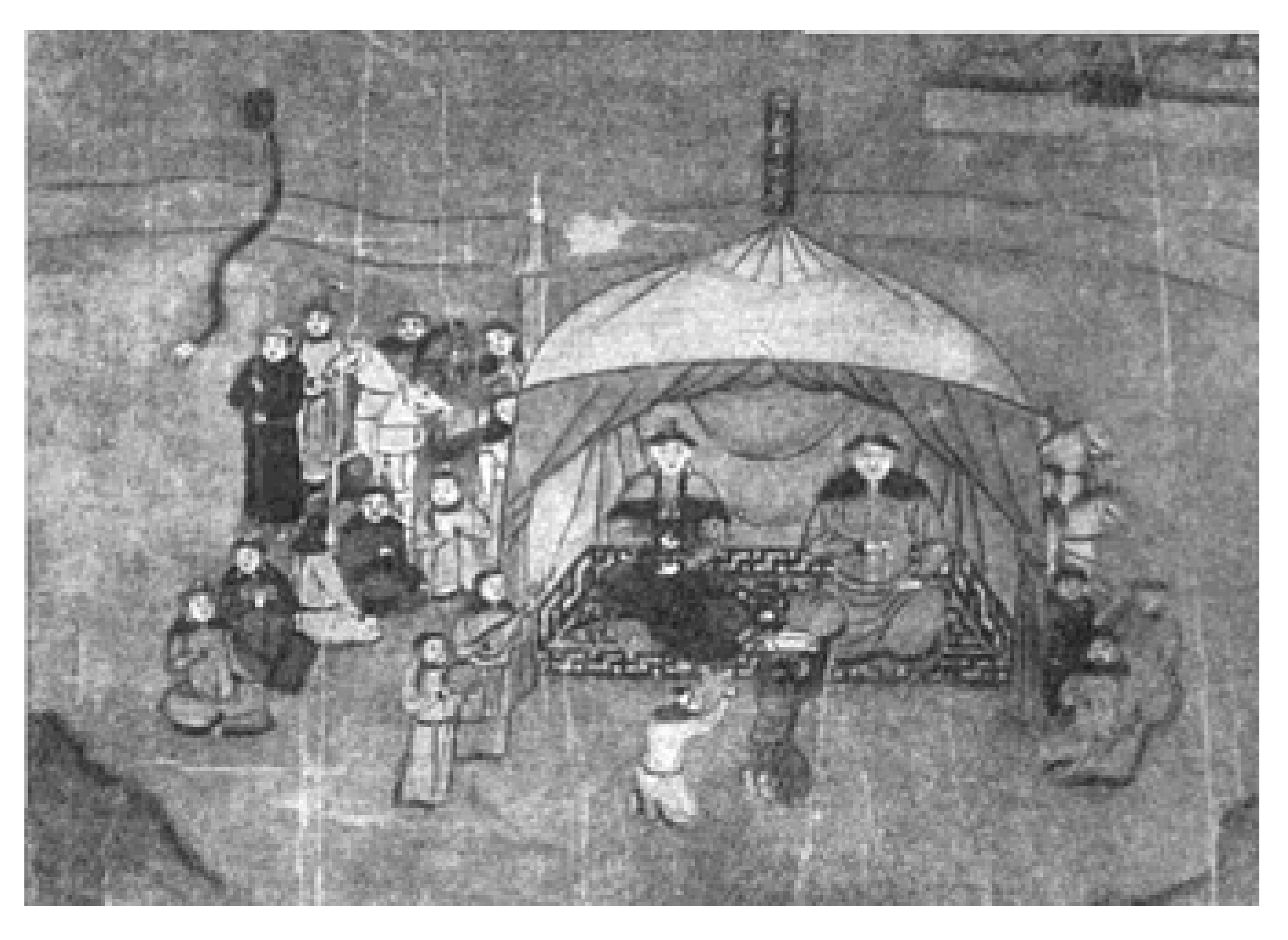

ГЛАВА XXVIII
МОНГОЛИЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

В 1368 г. народные массы Китая свергли Юаньскую династию монгольских феодалов и изгнали их из своей земли. Эфемерная военно-феодальная империя Чингис-хана и его преемников начала распадаться. Полуторавековая завоевательная политика монгольских феодалов имела резко отрицательные последствия не только для народов завоёванных стран, но и для самого монгольского народа. Завоевательные войны отвлекали основную массу населения Монголии от мирного производительного труда, разбрасывали монголов по необъятным пространствам Азии и Европы, причём значительная их часть оказалась навсегда оторванной от своей родины.

К началу XVI столетия монголы были расселены на огромной территории от Байкала и предгорьев Хингана на востоке до Тянь-Шаня на западе, от верховьев Иртыша и Енисея на севере до Великой Китайской стены на юге. Основным, почти единственным видом производственной деятельности монгольского народа было по-прежнему экстенсивное кочевое животноводство. Монгольские крестьяне — араты кочевали небольшими группами, переходя с одного места на другое в поисках пастбищ для скота. Каждая группа аратов передвигалась в определённом порядке — с зимних на весенние, потом на летние, осенние и вновь на зимние пастбища — в границах владения того феодала, к земле которого араты были законодательством Чингис-хана и его преемников прикреплены не только фактически, но и юридически. Войны монгольских феодалов с Китаем и междоусобицы, не прекращавшиеся в течение почти всего XV в., привели к тому, что захирели те немногие очаги земледелия и те центры ремесленного производства, которые были созданы монгольскими

правителями главным образом за счёт труда пленных. К началу XVI в., насколько можно судить по данным источников, ни земледелием, ни сенокошением в княжествах Южной и Северной Монголии почти никто из монголов не занимался.

Совещание в шатре Алтан-хана.
Китайский рисунок. XVI в.

Роль охоты также упала; массовые облавные охоты всё больше уступали место индивидуальному охотничьему промыслу.

Хозяйство страны оставалось натуральным, ремесло было развито слабо. Каждая аратская семья сама, своим трудом производила необходимые ей предметы домашнего обихода и хозяйственного инвентаря. Шерсть овец шла на изготовление войлока — основного материала для юрт, из шкур и шерсти домашних животных вырабатывали головные уборы, обувь, сбрую, сосуды для воды и молока. Из дерева делали посуду, повозки и остовы для юрт. Луки и боевые доспехи были предметом специального производства, для которого при ставках владетельных князей содержались особые мастера, но наконечники для стрел изготовлялись в аратских кочевьях.

Натуральное хозяйство и низкий уровень общественного разделения труда обусловили почти полное отсутствие внутренней торговли в стране. Тем большей была зависимость Монголии от внешней торговли с соседними странами, от которых она получала жизненно важные для неё продукты земледелия и ремесленного производства в обмен на скот, продукты животноводства и охоты. Главную роль в этой торговле играли монгольские феодалы, собиравшие большое количество скота и сырья в порядке натуральных поборов от трудящихся монголов. Из этих поборов состав-

лялась наибольшая часть товарного фонда для меновых операций. Такая торговля не затрагивала основ натурального хозяйства Монголии.

Несколько иным было положение на крайнем севере Монголии, где обитали бурят-монголы, стоявшие на более низкой ступени социально-экономического развития. Они находились ещё на пути от первобытно-общинного строя к феодализму. У бурят-монголов примитивное земледелие сочеталось с охотой, рыболовством, скотоводством и собирательством. При этом хозяйственном укладе бурят-монголы значительно меньше, чем население других частей Монголии, нуждались во внешней торговле.

Княжества Западной Монголии, населённые ойратами, находясь в непосредственном соседстве с культурными областями Средней Азии, могли путём торговли с ними в известной мере удовлетворять свои потребности в продуктах земледелия и ремесла. Однако торговля с этими областями не могла заменить им рынок Китая, откуда ввозились в Монголию чай, табак и многие другие товары, необходимые монгольскому населению.

Зависимость от внешнеторговых связей с Китаем сказывалась с наибольшей силой в княжествах Северной и Южной Монголии, хозяйство которых базировалось почти исключительно на кочевом животноводстве и для которых Китай был единственным рынком сбыта и источником снабжения.

После изгнания монгольских феодалов и их армий из Китая Монголия длительное время была отрезана от китайского рынка. Разрыв связей с Китаем тяжело отражался на экономике Монголии. Трудности усиливались и обострялись вследствие того, что монгольские феодалы вели нескончаемые войны с Китаем, пытаясь то восстановить своё господство над страной, то добиться от правителей Китая торговых привилегий, а с другой стороны, императоры Минской династии Китая сами не раз вторгались в Монголию, стремясь сокрушить монгольских феодалов и подчинить их своей власти.

Общественный строй

Самую верхнюю ступень феодальной иерархии в Монголии составляли потомки Чингис-хана и тайджи (члены ханского дома, царевичи), именовавшие себя «белой костью» («цаган ясун»). Им в свою очередь подчинялись представители служилой знати, потомки прежних темников и тысячников, допущенные за заслуги перед Чингис-ханом и его преемниками в среду господствующего класса. Каждый крупный феодал имел свой наследственный удел, являвшийся самостоятельным владением (улусом). Средние и мелкие феодалы были наследственными правителями тех или иных частей улуса и находились в вассальной зависимости от его владельца.

Имеющиеся источники не дают возможности проследить процесс превращения в Монголии условных пожизненных пожалований — старинных «хуби», соответствовавших европейским бенефициям,— в наследственные феоды. Несомненно, однако, что в описываемое время типичными для Монголии были не бенефиции, а феоды.

В отличие от времён империи, когда верховным собственником земли являлся великий хан, по своему усмотрению жаловавший земли вассалам и отнимавший эти земли у них, фактическими собственниками земли в XVI в. были владетельные князья, правители улусов и более мелких княжеств.

Обладая землёй, огромными стадами скота, лучшими пастбищами, а также политической властью, феодалы угнетали и эксплуатировали массу непосредственных производителей.

Трудящиеся массы, именовавшиеся «чёрная кость», «чернь» («хара ясун», «харачу»), находились в феодальной зависимости от своих господ. В основе этой зависимости лежала монопольная собственность класса феодалов на землю. Феодалы выделяли соответствующие пастбищные угодья аратам, которые вели мелкое кочевое животноводческое хозяйство, основанное на их личном труде.

Феодальное владение являлось самодовлеющим и замкнутым хозяйством, экономически мало связанным с другими феодальными владениями. Непосредственный производитель — арат был наделён основным средством производства — пастбищным угодьем. Он был вместе с тем прикреплён к земле своего господина. Наличие мелкого аратского животноводческого хозяйства составляло одно из важнейших условий существования крупного хозяйства феодалов, ибо оно обеспечивало последнее рабочей силой. Араты или привлекались феодалом непосредственно в его хозяйство для пастьбы господских стад, стрижки овец, переработки молочных продуктов и т. п., или обязывались выпасать господские стада вместе со своим скотом, отвечая перед хозяином за каждую голову скота. Араты находились в личной зависимости от феодалов. Арат не только не мог откочевать от своего господина, покинуть его, он не мог по своему усмотрению выбирать кочевье, место для установки юрты. Всё это указывалось ему господином, а нарушение этих указаний каралось. Арат не мог без разрешения господина выделять имущество детям, получать ссуду, давать взаймы и т. п.

В описываемое время в Монголии получила широкое распространение продуктовая рента. Однако отработочная рента сохранялась как основная форма эксплуатации и решающее условие существования крупного животноводческого хозяйства феодалов. Помимо основных видов ренты монгольские араты несли на себе бремя многих других поборов и повинностей. Они обязаны были оплачивать штрафы, ^налагаемые на их господ вышестоящими феодалами, готовить дары и подношения феодалам разных рангов, выполнять по требованию своих господ всякую работу при их ставках, служить в войсках, содержать в исправности оружие, выступать в поход и сражаться за интересы своих феодалов. Одной из наиболее тяжёлых повинностей была уртонная, состоявшая в том, что араты своим трудом и своими средствами обязывались обеспечивать бесперебойную работу конно-почтовой службы в стране и безвозмездное снабжение проезжающих феодалов и чиновников продовольствием.

Но аратство не было единым, в его среде медленно, но неуклонно развёртывались процессы имущественной дифференциации. На первом месте стояли богатые семьи, так называемые «лучшие люди» («сайн хумун»), за ними шла средняя группа («дунд хумун»), на последнем месте находились бедняки, «чёрный люд» («хара хумун»).

Привилегированное положение занимала прослойка дарханов, получившая широкое распространение ещё при Чингис-хане и его преемниках. В дарханы зачислялись люди, отличившиеся по службе у того или иного феодала и освобождённые от всех или от части повинностей, от наказаний за первые девять любых проступков, пользовавшиеся также некоторыми другими привилегиями.

На самой нижней ступени монгольского общества стояли рабы («богол»). Рабовладение сохранялось в форме домашнего рабства. Рабы могли обладать имуществом, но не признавались его собственниками. Рабство было пожизненным и наследственным.

Феодальная раздробленность

Феодальная раздробленность Монголии, затянувшаяся на ряд столетий, явилась одной из главных причин её дальнейшего социально-экономического и культурного отставания. Отделённые друг от друга обширными пространствами, одинаково нуждавшиеся в экономических связях с Китаем, но экономически независимые друг от друга, феодальные княжества Монголии стали превращаться в мелкие деспотии, не желавшие никому подчиняться. Авторитет и реальная власть всемонгольского хана быстро падали.

В результате войн и усобиц XV в. Монголия к началу XVI в. отчётливо делилась на две обособившиеся друг от друга части: западную и восточную. Западная Монголия, основное население которой составляли ойрат-монголы, объединяла фео-

дальние владения к западу от Хангайских гор до верховьев Енисея и Иртыша. Восточную Монголию составляла территория к востоку от Хангайских гор, населённая предками современных халха-монголов, бурят-монголов и монголов Внутренней Монголии. Каждая из этих частей в свою очередь делилась на более или менее значительное число самостоятельных княжеств. В Западной Монголии было четыре крупных княжества и много мелких; область халха-монголов в середине XVI в. распалась на 7 самостоятельных владений; число княжеств в Южной Монголии XVI в. точно неизвестно, но в середине XVII в. их насчитывалось 49.

Феодально-раздробленная Монголия находилась в состоянии непрекращавшихся междоусобных войн, перемежавшихся с вооружёнными набегами монгольских феодалов на Китай. В основе внутренней борьбы лежала борьба феодалов за господство над торговыми путями в Китай, за пастбища и скот. Войны и усобицы ослабляли и обессиливали страну, препятствовали переходу к более совершенным формам хозяйствования.

Минская империя активно вмешивалась в междоусобную борьбу монгольских феодалов, что объяснялось стремлением ослабить опасность вооружённых вторжений со стороны Монголии и обезопасить северную границу Китая. Политика Минской династии по отношению к Монголии в основном сводилась к тому, чтобы не допустить объединения страны, сохранить состояние её раздробленности и междоусобной борьбы.

В качестве важного средства воздействия на монгольских феодалов Минская империя использовала заинтересованность всех монгольских княжеств в открытии меновых рынков. Борьба за открытие рынков была главной причиной тех бесконечных мелких и крупных вооружённых набегов монгольских феодалов на пограничные районы Китая, которыми изобилует хроника XVI—XVII вв. Минская империя строго регулировала торговлю с Монголией, временами совершенно запрещая её, чтобы оказать давление на своих беспокойных северных соседей.

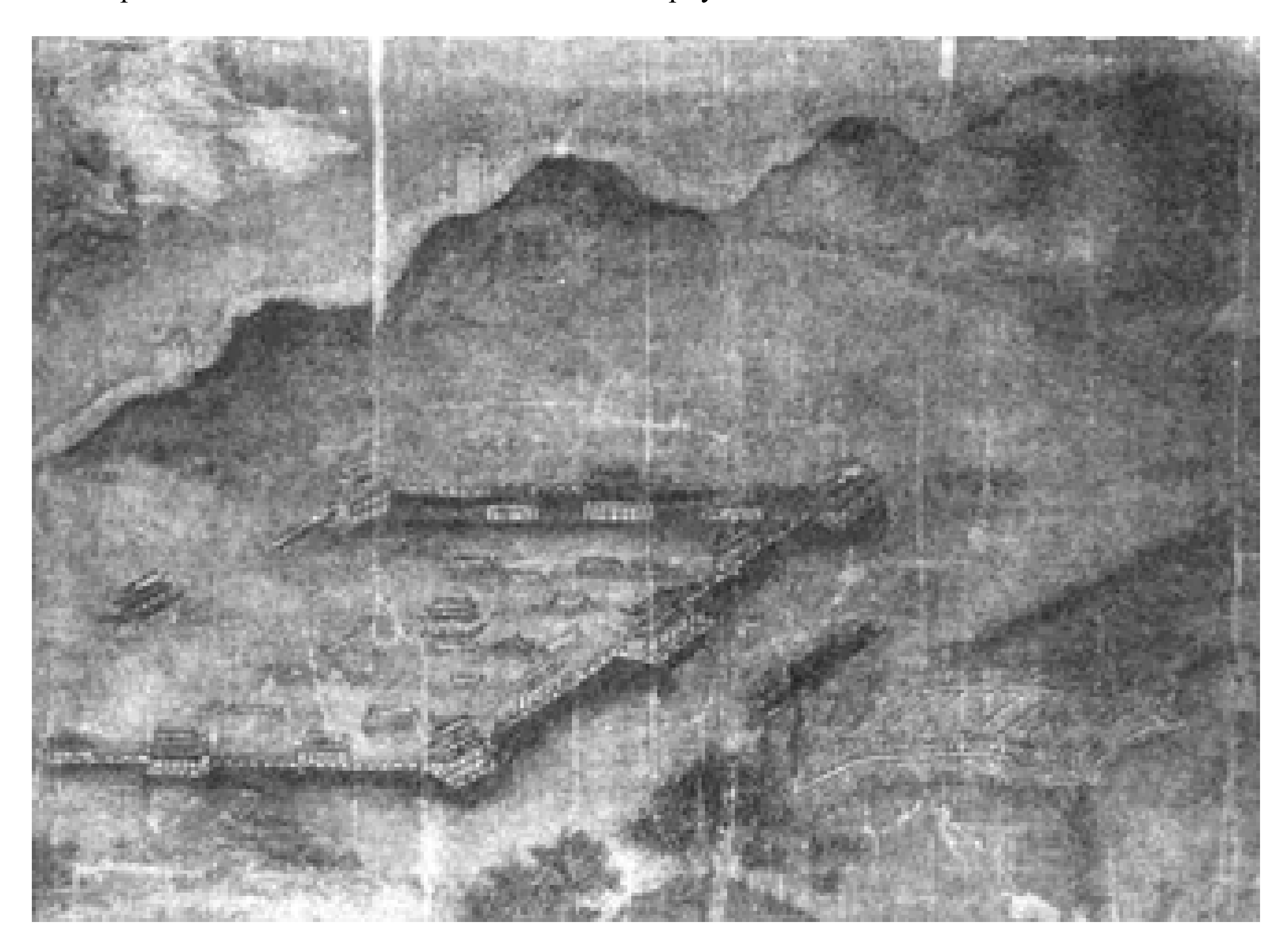
Попытки объединения Монголии

Серьёзная попытка преодолеть феодальную раздробленность и образовать объединённое государство была предпринята на рубеже XV—XVI вв. Бату-Мункэ, известным в истории под именем Даян-хана (1479—1543). Сломив сопротивление вассальных князей, Даян-хан к 1488 г. добился подчинения большей части страны своей власти. В 1488 г. он отправил в Пекин посольство с сообщением о своём вступлении на престол «великого юаньского хана» и с предложением мира. Мир был заключён. Минское правительство, согласно условиям мирного договора, в том же году издало закон об открытии меновых рынков для торговли с Монголией. Закон строго регулировал правила этой торговли. Было установлено, что меновые рынки будут открываться в пограничной полосе три раза в год в определённых пунктах.

Такой порядок в течение известного времени строго соблюдался обеими сторонами. Монгольские феодалы пригоняли на рынки скот, привозили пушнину и другие продукты животноводства из своих хозяйств и из хозяйств аратов, поставлявших им эти продукты и скот в виде ренты натурой. Что касается китайских купцов, то они доставляли на рынки шёлковые и хлопчатобумажные ткани, котлы для варки пищи, чай, табак, предметы роскоши и другие товары домашнего и хозяйственного обихода монголов.

В 1500 г. мирные отношения между Китаем и Монголией внезапно прервались. Началась новая полоса вооружённых вторжений монгольских феодалов в пограничные провинции Китая. Одновременно с этим внутри Монголии вспыхнул ряд феодальных мятежей, направленных против Даян-хана. Мятежники-феодалы стремились восстановить своё былое самовластье. Наиболее сильный мятеж произошёл в 1510 г. Однако Даян-хан подавил все эти мятежи, сурово расправившись с их участниками и сохранив за собой трон всемонгольского хана.

В течение 64 лет Даян-хан правил Монголией. Однако объединение страны было непрочным. После смерти Даян-хана в 1543 г. страна вновь распалась на части, на этот раз окончательно. Даян-хан оказался последним всемонгольским ханом. Если до Даян-хана и в первые годы его правления Монголия делилась на Восточную и Западную, то после его смерти началось разделение Восточной Монголии на Северную

Город в Южной Монголии.
Китайский рисунок XVI в.

и Южную, границей между которыми была пустыня Гоби. Старшие сыновья Даян-хана обосновались в Южной Монголии, а его младший сын Гэрэсэндзэ стал родоначальником владетельных князей на севере страны — в Халхе.

Положение народных масс Монголии было тяжёлым, они вели борьбу против гнёта своих феодальных правителей. Известен случай, относящийся к 40-м годам XV в., когда один из монгольских феодалов обратился к императору Китая с просьбой о помощи против 1500 самовольно откочевавших от него аратских семейств, которых этот князь не в состоянии был собственными силами заставить вернуться. Император Китая не отказал ему в помощи; беглецы были возвращены их «законному» владельцу. События позднейшей истории монгольского народа позволяют предположить, что наиболее распространённой формой народной борьбы против бесправия и феодальной эксплуатации были самовольные откочёвки аратов, попытки в бегстве найти спасение от произвола и гнёта своих господ.

Вскоре после смерти Даян-хана из среды монгольских феодалов выделился его внук, известный под именем Алтан-хана Тумэтского (умер в 1582 г.), при жизни Даяна управлявший одним из княжеств Южной Монголии. Алтан-

хан заботился об укреплении экономики княжества, поощряя переход подданных к оседлости, к занятию земледелием и промыслами, привлекая в своё владение китайских земледельцев и ремесленников. В 50-х годах XVI в. Алтан-хан на месте своей княжеской ставки начал строить город Куку-хото. В своей внешней политике Алтан-хан стремился к установлению мира и прочных торговых связей с Китаем. В 1570 г. был заключён мир и открыты меновые рынки. В 1571 г. на 4 рынках монголы продали китайским купцам и китайским властям за 12—14 дней более 28 тыс. лошадей, не считая других видов скота и продуктов животноводства. Алтан-хан строго соблюдал условия мира и решительно пресекал попытки князей нарушить его. Такой внутренней и внешней политикой Алтан-хан стремился сколотить под своей властью крепкое феодальное княжество, не претендуя, однако, на распространение своей власти на всю Монголию.

Распространение ламаизма

Алтан-хан первым среди крупных монгольских феодалов принял ламаизм и положил начало его распространению в Монголии в качестве официальной государственной религии. Ламаизм — одно из течений в буддизме. Основателем ламаизма является тибетский монах Дзонхава (1357—1419). Дзонхава сохранил в неприкосновенности основные догматы первоначального буддизма. Внесённые им изменения касались не сущности, а формы буддийской идеологии — они имели целью облегчить распространение влияния церкви на народные массы в интересах господствующего класса феодального Тибета. Идеологи ламаизма шли на компромисс с местными религиозными верованиями и обычаями, включая в буддийский пантеон шаманистские божества. В полном согласии с первоначальным буддизмом Дзонхава и его ученики внушали верующим, что материальный мир — иллюзия, жизнь — страдание, причина страдания — жажда жизни, а средством избавления от страданий является преодоление жажды жизни и её радостей. Исходя из буддистского представления о бессмертии души, Дзонхава учил, что страдания человека объясняются его неправедной жизнью в прошлых существованиях и что, наоборот, добродетельная жизнь в прошлом объясняет благополучное существование в настоящем.

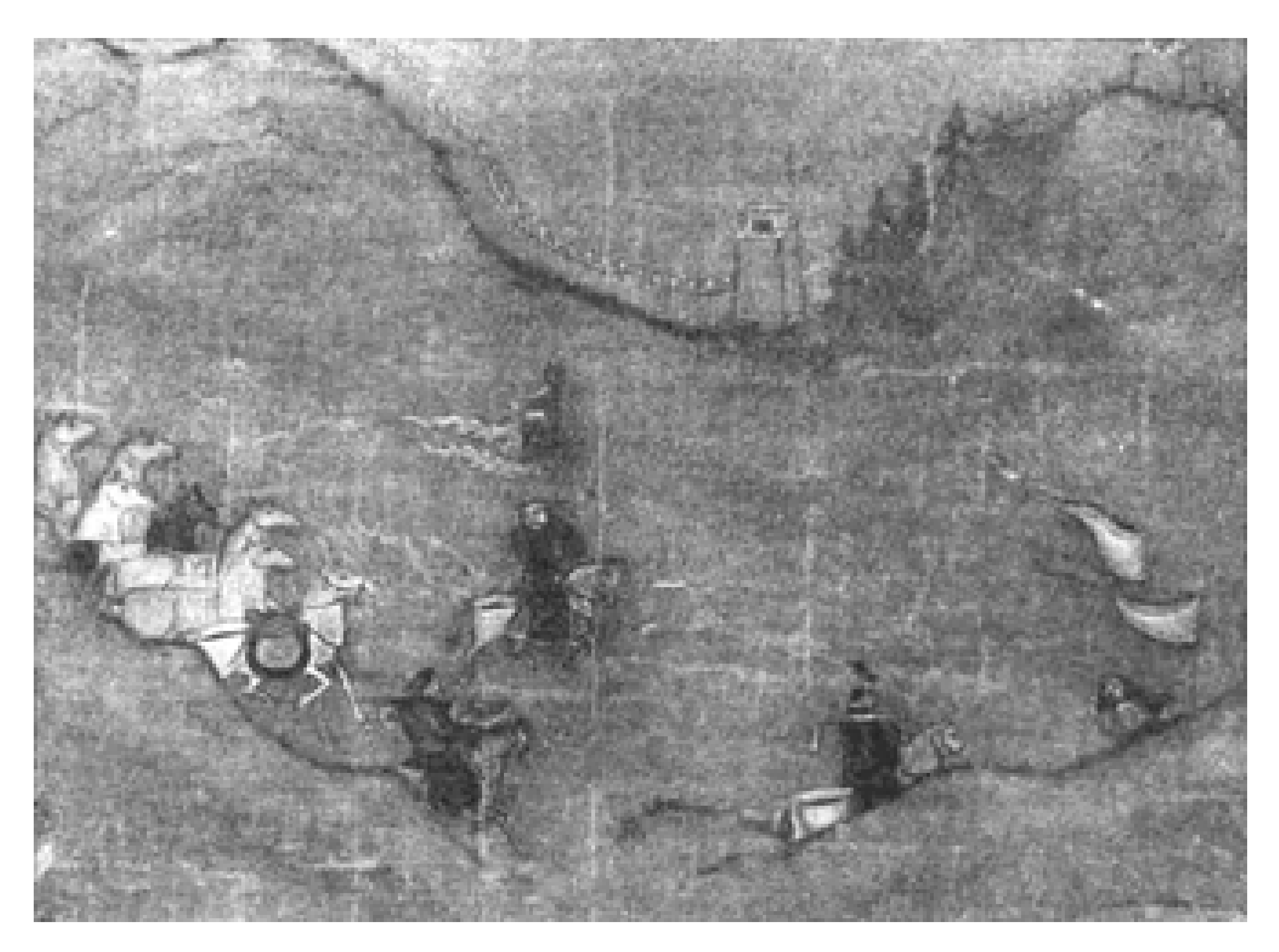
Ламаизм нёс в массы трудящихся проповедь отказа от всякой борьбы за улучшение их жизни на земле, призыв к кротости и смирению. В отличие от первоначального буддизма, в основе которого лежало аскетическое отречение от мира, Дзонхава разрешил ламам (монахам) иметь собственность, поощрял поддержание ламами тесных связей с мирянами. Он создал централизованную церковь с многочисленной армией лам, спаянную строгой внутренней дисциплиной.

Бесконечные междоусобицы в Монголии вели к усилению феодальной эксплуатации масс, что в свою очередь вызывало растущее сопротивление со стороны трудящихся. В этих условиях ламаистская церковь могла явиться для монгольских феодалов мощным союзником, призванным укрепить и увековечить их власть над народом, и они оказывали ей всемерное покровительство. Другой причиной, способствовавшей распространению ламаизма в Монголии, было стремление одних феодалов использовать ламаистскую церковь в борьбе за преобладание над другими феодалами. Центр ламаизма — Тибет — представлял собой феодально-теократическое государство, к союзу с которым в XVI в. стремились многие влиятельные монгольские феодалы. Внутренняя борьба в Тибете в свою очередь заставляла его теократических правителей видеть в монгольских феодалах желанных союзников.

В 1577 г. Алтан-хан объявил себя сторонником ламаизма и приступил к строительству монастырей, приглашая своих аратов идти в ламы и обещая за это освободить их от поборов и повинностей. Почти одновременно с Алтан-ханом объявил себя ламаистом один из наиболее влиятельных феодалов Северной Монголии Абатай, который вскоре сам поехал в Тибет, где получил от далай-ламы благословение и

титул Тушету-хана. Широкое содействие со стороны феодалов обеспечило быстрый рост числа монастырей и лам. Араты, задыхавшиеся под бременем непосильных повинностей, шли в ламы, привлекаемые перспективой освобождения от феодальных поборов и надеждой заслужить лучшую долю в последующих «перерождениях».

С течением времени возникла потребность в объединении новосозданной в Монголии церкви. Её руководитель был найден в семье внука Абатай-хана — могущественнейшего феодала Тушету-хана Гомбо. Одного из его сыновей далай-лама в 1655 г.

Группа всадников под Великой Китайской стеной.
Китайский рисунок. XVI в.

объявил перевоплощением (хубилганом) известного буддийского «святого» Джебдзун-Даранаты и главой ламаистской церкви всей Монголии. Так зародилась единая ламаистская церковь в Монголии.

Ламаистская церковь вскоре стала надёжным оплотом монгольских феодалов, а впоследствии и иноземного маньчжурского гнёта.

Начало маньчжурского господства в Монголии

Сложившееся в конце XVI в. в Восточной Азии маньчжурское военно-феодальное государство с первого дня своего существования явилось силой, угрожавшей независимости Китая, Монголии, Кореи и других стран Азии. В 1593 г. произошло первое вооружённое столкновение между одним из южно-монгольских княжеств и маньчжурскими завоевателями, закончившееся поражением монголов. В дальнейшем, используя феодальную раздробленность Монголии, маньчжуры постепенно ломали их сопротивление и подчиняли своей власти.

Серьёзное сопротивление маньчжурские завоеватели встретили в Южной Монголии со стороны Чахарского ханства, крупнейшего в этой части страны. Правитель чахаров Лигдан, правнук старшего сына Даян-хана, добивался от вассальных ему князей беспрекословного подчинения своей власти, применяя самые суровые меры борьбы против тех, кто противился его воле. Правители маньчжуров пытались склонить Лигдан-хана к союзу с ними для совместной завоевательной войны против Китая, обещая ему почёт и богатства. Но Лигдан-хан решительно отклонил все предложения подобного рода. Он вступил в союз с Минской династией, направленный на совместную борьбу против маньчжурских завоевателей. В 1634 г. произошло решающее сражение между армией маньчжурских завоевателей и силами Лигдан-хана. Не получив достаточной поддержки от других монгольских князей, Лигдан-хан потерпел поражение и покончил самоубийством. Его сын Эчжэ пытался продолжить борьбу против завоевателей, но был вскоре схвачен ими и убит. После этого маньчжуры созвали съезд 49 владетельных князей Южной Монголии. Съезд этот в 1636 г. провозгласил повелителя маньчжуров своим ханом. Южная Монголия, сделавшаяся частью империи маньчжуров, стала после этого называться Внутренней Монголией.

Оказавшись перед угрозой потери независимости, монгольские феодалы Северной и Западной Монголии предприняли попытку объединить свои силы. В 1640 г. в Джунгарии по инициативе ойратского правителя Батур-хунтайджи состоялся съезд 44 владетельных князей с целью обеспечить внутренний мир между феодалами и общими силами отразить маньчжурскую угрозу. Этот мир оказался, однако, очень непродолжительным. Династические и территориальные споры и конфликты, сознательно разжигаемые и обостряемые маньчжурами, привели к новой острой вспышке борьбы между феодалами. В результате спровоцированной маньчжурами междоусобной войны халха-монгольские феодалы в 1688 г. потерпели жестокое поражение от ойратского хана Галдана и отдались под власть Маньчжурской (Цинской) династии. С этого времени Северная Монголия стала именоваться маньчжурами Внешней Монголией.

К концу XVII в. сохраняло свою независимость лишь одно ойратское (Джунгарское) ханство.

Монголия и Русское государство

Процесс формирования Маньчжурского государства совпал по времени с распространением власти Русского государства на Сибирь и Дальний Восток. Первая встреча между русскими поселенцами и монгольскими кочевниками произошла в пограничных районах Сибири в 1606 г. С этого времени сношения между монгольскими княжествами и Русским государством стали приобретать всё более регулярный характер. В 1608 г. в Москву впервые прибыло посольство из Монголии, в этом же году в Монголию направилось ответное русское посольство. В дальнейшем обмен посольствами всё более учащался, отражая рост экономических и политических связей между монголами и Россией. Монгольские феодалы в ходе возникавших переговоров ставили перед Русским государством вопросы о предоставлении им торговых привилегий, о посылке к ним кузнецов, оружейников и других мастеров, об оказании им помощи в борьбе против врагов. Наряду с этим они жаловались на обиды, чинимые им местными сибирскими начальниками, и добивались права собирать подати с ранее подчинявшихся им племён и народностей Сибири. Русские власти со своей стороны добивались улучшения условий транзита в Китай, расширения русско-монгольской торговли, наказания тех монгольских князей, которые совершали нападения на русские поселения, и т. п.

Испытывая на себе всё более растущее давление со стороны Маньчжурской династии, некоторые монгольские феодалы ставили перед Москвой вопрос о переходе в подданство России. Переговоры об этом вёл в Урге в 1665 г. русский посол

Бубенной, в 1666 г. — Кульвинский, в 1675 г. этот же вопрос был поставлен в Москве послами Халхи, но монгольские феодалы колебались между Маньчжурской империей и Россией. С другой стороны, и правительство России опасалось вступить в серьёзный конфликт с Маньчжурской империей.

Культура

Войны и усобицы, непрерывной чередой тянувшиеся ряд столетий, создавали обстановку, не благоприятствовавшую развитию монгольской культуры.

Тяжёлые жизненные условия народа, его мечты о лучшей жизни находили своё отражение главным образом в устном творчестве. Наибольшей популярностью пользовалось эпическое сказание о Гессер-хане, справедливом и храбром батыре, боровшемся против злых притеснителей народа. В начале XVII в. появились первые дошедшие до нас записи эпоса о Гессер-хане. Широкое распространение имели также разного рода хоралы и благопожелания, о характере которых может дать представление одно из них, гласящее: «Да пошлёт нам вечное блаженство, с миром без войны, со здравием без боли, с зимой без снега, с пастбищем, покрытым богатой растительностью! Да устранит от нас судебные тяжбы, клевету, клятву и пр.».

Страница из исторического сочинения Саган-сэцэна. 1620 г.

Литературная жизнь Монголии в этот период не была богатой событиями. В конце XVI в. появилась анонимная литературная обработка сказания об Убаши-хунтайджи и его борьбе против ойратов. К началу XVII в. относится деятельность Цокто-тайджи, из поэтического наследия которого до нас дошли стихи лирического содержания, высеченные его друзьями на скале на берегу реки Толы, недалеко от Урги.

В первой половине XVII в. в Монголии появились два значительных исторических сочинения. Одно из них, озаглавленное «Золотые застёжки», принадлежит перу Лубсан-данзана, другое — «История» — написано Саган-сэцэном. Оба автора — выходцы из класса феодалов. Отражая влияние ламаистской идеологии, они сначала приводят различные религиозные формулы ламаизма, затем излагают буддийскую космогоническую теорию, потом дают историю индийских и тибетских правителей и лишь после всего этого переходят к изложению истории своей страны. Из исторической литературы этого времени до нас, кроме того, дошли жизнеописания двух крупных деятелей ламаистской церкви — Нейджи-тойна и Зая-пандита, — представляющие собой значительную ценность.

Распадение единой монгольской народности и обособление её западной ветви — ойратов привело к тому, что в середине XVII в. у последних появилась своя, ойратская письменность. В основе этой письменности лежали старый монгольский алфавит и старая графика, но в отличие от них новая письменность получила несколько дополнительных букв и диакритических знаков, значительно приблизивших письменность к устной речи.

В связи с распространением ламаизма в Монголии появились переводы обширной буддийской канонической литературы на монгольский язык с тибетского. С ламаизмом в Монголию стали проникать образцы тибетской архитектуры, что находило своё отражение прежде всего в оформлении монастырских сооружений; ламаизм вызвал к жизни производство бурханов (изображений Будды и многих других «святых» ламаистского пантеона). Материалом для изготовления бурханов служили дерево и металл, часто они рисовались на тканях.

ГЛАВА XXIX
ЯПОНСКОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

К началу XVI столетия Япония распалась на несколько крупных феодальных княжеств, правители которых не желали признавать над собой никакой власти. Иностранцы именовали их «королями», так как часто не имели представления о том, что в Японии существует центральная власть. Центральное правительство в Киото — сёгуны из дома Асикага — потеряло всякое реальное влияние. По всей стране шли междоусобные войны крупных феодалов, вследствие чего столетний период — с 60-х годов XV в. до 60-х годов XVI в. — именуется в японской литературе сэнгоку дзидай — «период воюющих государств». Не прекращались и крестьянские восстания. Антифеодальная борьба достигла большой остроты.

Аграрные отношения

Земля, номинально принадлежавшая императору, фактически была захвачена в собственность несколькими крупными феодалами, в подчинении у которых находились мелкие и средние феодалы, все вместе составлявшие привилегированное сословие воинов-самураев. В ряде районов средние феодалы сохранили ещё свою самостоятельность. Огромные земельные владения были сосредоточены в руках храмов и монастырей.

Старая форма феодальной земельной собственности — мелкое частнопоместное землевладение (так называемые сёэн) — постепенно теряла своё первенствующее значение, уступая место крупным феодальным латифундиям. Количество сёэн всё больше и больше сокращалось. Владельцам сёэн — самураям трудно становилось сохранять свою экономическую независимость от крупных и средних феодалов, а политическая обстановка, связанная с непрерывными междоусобицами, также побуждала мелких феодалов становиться вассалами более могущественных. Крупные феодалы были заинтересованы в ликвидации расположенных на их территории сёэн,

поскольку самостоятельность последних препятствовала сосредоточению в их руках всех доходов, получаемых от эксплуатации крестьян данной территории. Немаловажное значение имело и то, что крупные и средние феодалы стремились поселить всех подвластных им самураев в своих замках или вблизи от них, чтобы иметь всегда наготове войско для нападения на соседние княжества или для обороны. Бесконечные междоусобные войны надолго лишали самураев возможности заниматься хозяйством. Постепенно всё большее количество мелких феодалов переходило на положение простых воинов, получающих от своих сюзеренов-князей жалованье натурой, примерно соответствовавшее тому количеству риса, которое мелкий феодал и ранее получал в своём сёэне. Замки крупных и средних феодалов, в которых сосредоточивалось большое количество самураев, стали превращаться в военно-административные центры. Около них селились во всё возрастающем количестве ремесленники и торговцы. Так возникли и стали развиваться многие города, получившие название призамковых *(дзёкамати).*

Феодалы жестоко эксплуатировали крестьян, которые были прикреплены к земле. Крестьяне платили феодалу в основном ренту продуктами. Барщина постепенно теряла значение, продолжая применяться на постройке дорог и ирригационных сооружений, при дворе феодала и т. п. Размеры ренты заметно повышались: к началу XVI в. она составляла значительно более половины валового дохода крестьянского хозяйства.

Во второй половине XV и в XVI в., несмотря на то, что в результате расширения экономических связей с Китаем и странами Юго-Восточной Азии в Японию проникли новые сельскохозяйственные культуры (хлопок, сладкий картофель, сахарный тростник и т. д.), земледелие после предыдущего относительного подъёма переживало упадок. Это вызывалось главным образом междоусобными войнами феодалов, во время которых вытаптывались крестьянские поля, а крестьяне надолго отвлекались от мирного труда. Снизилась урожайность, упали общие сборы риса. По данным японских историков, в период сэнгоку дзидай обрабатываемая площадь сократилась более чем на 50 тыс. *га* (свыше 5% всей площади). Крестьяне уходили в города в поисках заработков.

Развитие городов, ремесла, торговли

Конец XV и XVI век характеризуются в Японии ростом городов, ремесла и торговли, несмотря на упадок сельского хозяйства страны. Значительно выросли в этот период старые города — такие, как Сакаи на острове Хонсю. Появились и новые города — Хирадо и Нагасаки на острове Кюсю. Город Сакаи (близ Осака) по своему внутреннему строю близко подходил к средневековым европейским городским республикам; европейские миссионеры называли его «Венецией Японии». Сакаи управлялся советом из 36 членов, которые избирались из среды наиболее богатых купцов — жителей города. Сакаи имел своё наёмное войско из ронинов (деклассированных самураев) для охраны от нападений феодалов; его предместья были защищены рвами с водой. Всё это в известной мере обеспечивало безопасность города. Уже в XV в. Сакаи стал центром торговли с Китаем и островами Рюкю. Некоторой независимостью от феодалов пользовались также города Хирано в провинции Сэцу и Кувана в провинции Исэ. Однако большинство японских городов, в частности призамковые, не сумели добиться не только самостоятельности, но даже ограниченных форм самоуправления.

Князья, стремясь к максимальному увеличению доходов и беспощадно эксплуатируя своих крестьян, облагали в то же время высокими налогами цехи и гильдии. Светские феодалы, равно как и монастыри и храмы, часто сами выступали в роли организаторов и владельцев производственных предприятий, особенно горнорудных, строили суда, вели обширную внешнюю торговлю.

Японские купцы значительно расширили сферу своих операций. Помимо центральной части Китая, с которой шла оживлённая торговля в течение всего XV в., они

предпринимали путешествия со своими товарами на Тайвань, Филиппины и к индокитайскому побережью. Там создавались постоянные японские фактории с населением по несколько тысяч человек. Расширились географические сведения японцев, развились судостроительное искусство, навигационное дело.

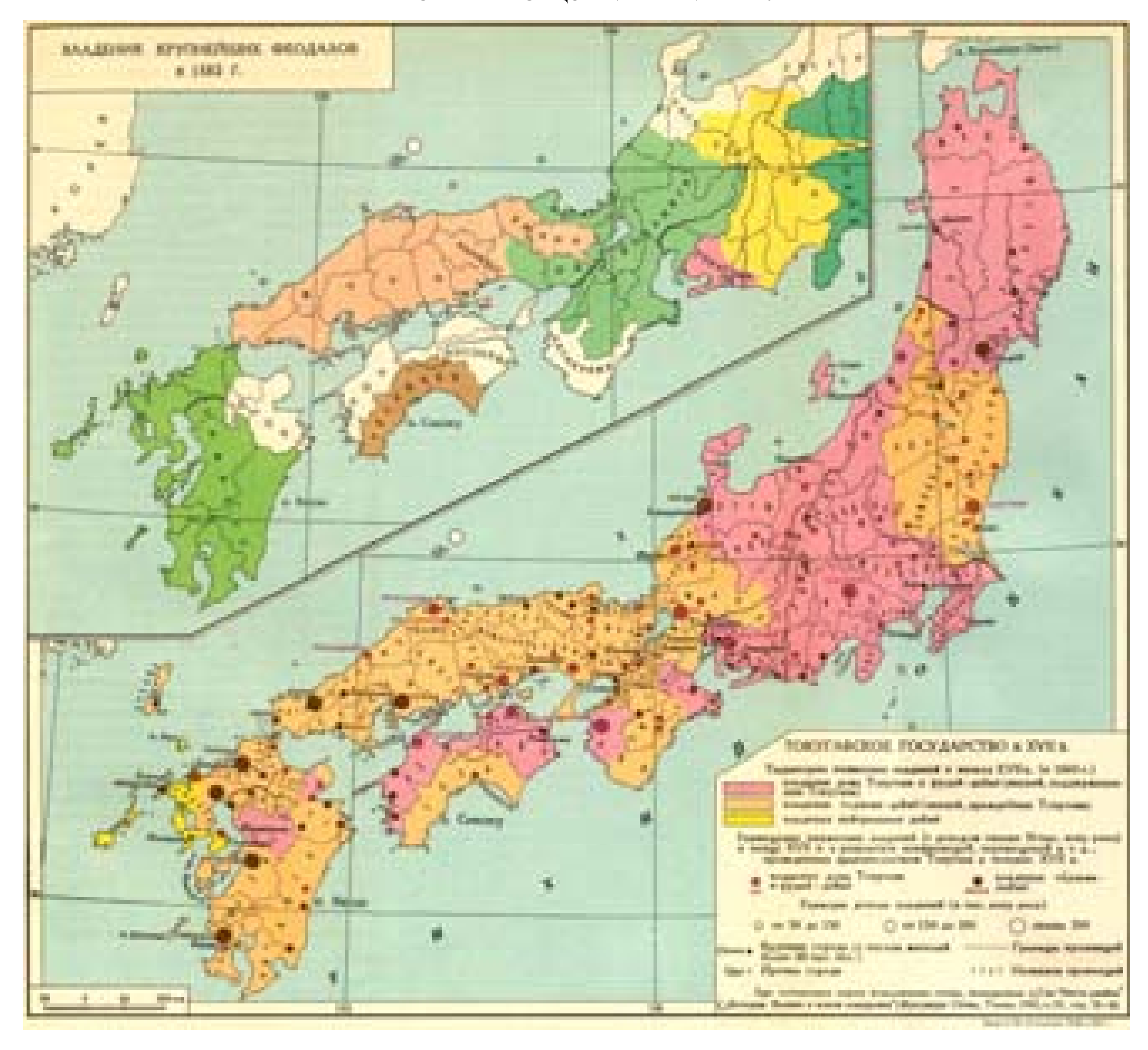
Замок в Нагое.
Построен в 1610 г.

Заморская торговля приносила огромные барыши. Постепенно стали возникать крупные торговые фирмы; некоторые из них имели собственные промышленные предприятия. Например, купец Камигая Содзин, который вёл во второй половине XVI в. торговлю с Кореей, Китаем, Сиамом и Люсоном (Филиппины), организовал на своей родине (остров Кюсю) добычу красильных веществ, поднял производство ставших знаменитыми тканей города Хаката (на острове Кюсю), начал разработку серебряных рудников на юге Хонсю. Он занимался также строительными работами: построил замок для одного крупного феодала, строил лагерь диктатора того времени Хидэёси в Нагоя. В качестве фактического банкира Хидэёси он принимал участие и в политической жизни страны.

Другой богатейший купец Японии, Симай Сосицу, имел свои торговые агентства в Корее, Китае, на Люсоне, в Сиаме. Он принимал участие в подготовке похода Хидэёси на Корею и Китай.

Промышленное производство было сосредоточено в тот период главным образом в цехах ремесленников, так называемых дза. Организация цехов имела много общих черт с обычными в средние века цеховыми организациями. Японские цехи строились, как и в странах Европы, на началах монополии производства, наследственности занятия ремеслом и т. д. Князья предоставляли цехам привилегии и, защищая их монополию, вместе с тем использовали их как источник доходов. Несмотря на феодальную регламентацию и другие ограничения, в Японии с течением времени стали возникать первоначальные формы капиталистической промышленности в виде домашнего крестьянского производства, подчинённого в той или иной мере крупному купцу, бравшему на себя снабжение производителей сырьём и сбыт их готовой продукции. Такие предприятия назывались *тоякогё* (промышленность оптового торговца). Возникавшие в то время крупные промышленные предприятия в большинстве своём принадлежали феодалам; работали на них крестьяне, частично в порядке отработочной повинности, но были и наёмные рабочие из беглых крестьян. Главным стимулом для развития промышленного производства являлись внешняя торговля и военные потребности феодалов. В городе Сакаи, а также в ряде других городов было сосредоточено производство оружия (мечи, алебарды), частично вывозивши-

Япония в конце XVI—XVII вв.

гося в другие страны. Так, вывоз мечей в Китай в 1483 г. достиг значительной цифры — 37 тыс. штук, в 1539 г. эта цифра снизилась до 24862. Вывозились также изделия художественных промыслов — лакированные изделия, веера, изделия из фарфора и др. Для нужд внутреннего рынка помимо оружия производились ткани, водка *(сакэ),* примитивные сельскохозяйственные орудия и т. д.

Наибольшее развитие в XV—XVI вв. получило горное дело. На многочисленных рудниках, возникших во многих районах, от острова Садо на севере до острова Кюсю на юге, добывались в значительных для того времени количествах золото, серебро, медь, железная руда, сера. В этот период было основано подавляющее большинство горнорудных предприятий современной Японии. Князья считали горнорудное дело одним из важнейших источников доходов и держали эти предприятия в своих руках. Работали на рудниках, особенно в малонаселённых северных районах, зависимые крестьяне, а также крестьяне, бежавшие из районов, опустошённых войной.

Медь и серный колчедан вывозились в значительных количествах в Китай: в 1539 г., например, было вывезено 179 *т* меди. Торговля с Китаем велась при посредстве официальных посольств, направлявшихся сёгунатом, южными князьями (Оути, Хосокава) и монастырями; в этих посольствах всё более активное участие принимали и купцы из города Сакаи и других городов. Из Китая в Японию привозилась медная монета, которую там ещё не чеканили, китайский шёлк-сырец, качество которого было значительно выше японского, шёлковые ткани и другие товары. Не удовлетворяясь этими мирными формами торговых связей, японские князья и крупные купцы выступили организаторами пиратских набегов на Китай и Корею. Корабли японских пиратов грабили прибрежные города этих стран, сбывая вместе с тем японские товары.

Набеги японских пиратов (вако) приняли особенно широкий размер в XV—XVI вв. и явились одной из серьёзных причин, в силу которых Китай был вынужден в середине XVI столетия прекратить официальную торговлю с Японией. Пиратство стало уменьшаться лишь к 70-м годам XVI в. главным образом вследствие укрепления обороны берегов Китая и Кореи.

Появление европейцев в Японии

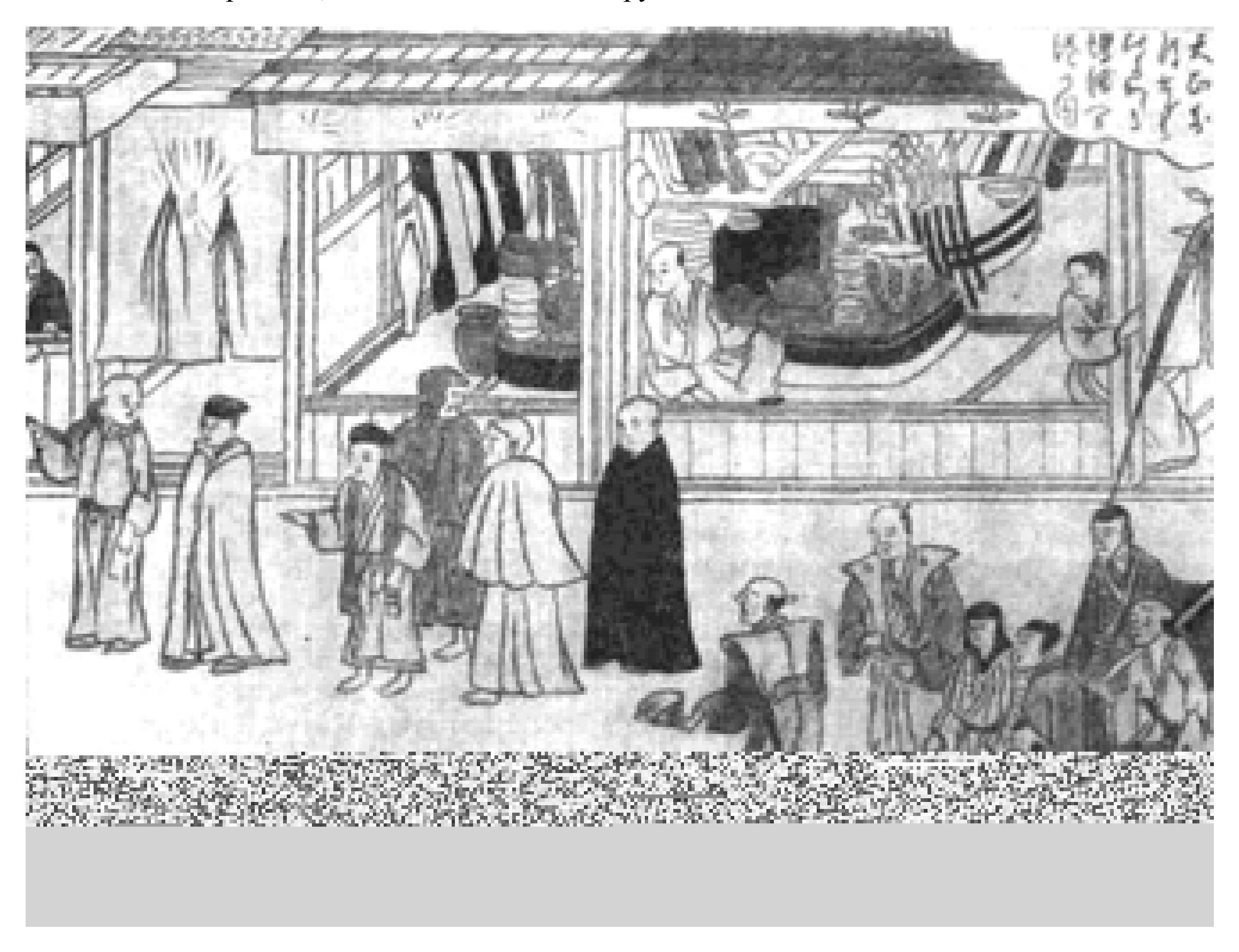
Европейцы, появившиеся на берегах Тихого океана в начале XVI в., в 1542 г. прибыли к берегам Японии. Первым из европейцев, высадившихся в Японии (на острове Танэгасима, южнее Кюсю), был португалец Мендец Пинто, а в 1580 г. туда прибыли и испанцы. Португальцы и испанцы привозили в Японию из Европы огнестрельное оружие, боевые припасы, а также изделия из Индии и стран Юго-Восточной Азии; португальцы стали вести также посредническую торговлю между Китаем и Японией, поскольку прямые торговые сношения между этими двумя странами из-за японских пиратских набегов фактически были прерваны. Скупая китайский шелк-сырец, шёлковые ткани и другие товары в Индо-Китае, на Филиппинах и в Макао, португальцы продавали их в Японии в обмен на золото, серебро и медь; они вывозили из Японии мечи и различные японские художественные изделия. В XVI и в начале XVII в. Япония была одним из крупных экспортёров золота и серебра в Европу. Торговля с португальцами способствовала развитию ряда прибрежных городов и обогащению японского купечества. Особенно выросли такие города, как Хирадо, Нагасаки, Хаката, Сакаи и Осака.

Японские феодалы продавали европейцам и невольников, главным образом из числа людей, захваченных в пиратских набегах или в междоусобных войнах.

Главным предметом ввоза в Японию стало огнестрельное оружие — аркебузы и мушкеты, получившие наименование *танэгасима,* по имени острова, на котором впервые высадились европейцы. Князья стремились приобрести как можно больше этого оружия, рассчитывая таким путём увеличить шансы на победу над своими соперниками. Несмотря на то, что огнестрельного оружия ввозилось много, его не хва-

тало. Князья, купцы города Сакаи и даже некоторые монастыри приступили к организации собственного производства огнестрельного оружия.

Соприкосновение с европейской цивилизацией внесло крупные изменения в военное дело в Японии. Если раньше, когда войско было вооружено лишь мечами и

Португальцы в японском портовом городе Сакаи.
Рисунок на ширме. Начало XVII в.

копьями, оно состояло главным образом из самурайской конницы, приученной в основном к ведению рукопашного боя, то вслед за появлением огнестрельного оружия главное значение получили пехотинцы, так называемые *асигару* — «лёгкие на ногу». Пехотинцы, принудительно набиравшиеся обычно из крестьян, существовали и раньше, но их роль сводилась тогда к обслуживанию самураев. Теперь, в новых условиях, пехота стала главной силой, решающей исход боя.

Внедрение огнестрельного оружия привело к значительному увеличению численности войск каждого крупного феодала; в войска стали больше набирать крестьян. Появились солдаты-профессионалы из крестьян, умевшие хорошо владеть оружием. Самурайство в значительной мере пополнилось этими выходцами из крестьянской среды. Некоторые из солдат-профессионалов, в прошлом крестьяне, превратились в период междоусобных войн в самураев, а затем стали крупными землевладельцами. Такими были, например, знаменитый Хидэёси и некоторые из его полководцев. Члены старых феодальных домов, ведших свой род с древних времён, были в большинстве перебиты в результате междоусобных войн. На их место стало новое,

менее родовитое привилегированное сословие из среды вассалов прежних самураев. Такая передвижка в господствующем классе получила образное наименование: «низы побеждают верхи» *(гэкокудзё).*

Одновременно с европейскими купцами в Японии появились португальские, испанские и другие миссионеры — иезуиты и францисканцы, которые начали вести христианскую пропаганду вначале на острове Кюсю, а затем и в других районах Японии. Рассчитывая с помощью миссионеров расширить внешнюю торговлю и получить больше вооружения из Европы, князья оказывали покровительство миссионерам. Последние стали открывать церкви, школы и больницы. Некоторые князья на острове Кюсю даже сами принимали христианство и поощряли к этому своих самураев. Эти князья рассчитывали таким путём получить содействие со стороны европейцев в своей борьбе с другими феодалами.

Классовая борьба. Предпосылки объединения государства

Одним из ближайших результатов появления европейцев в Японии был дальнейший рост сепаратистских тенденций, в особенности на юге страны, и некоторое экономическое усиление местного торгового капитала. Назревала опасность подчинения феодальной Японии более сильным европейским странам. Испанцы и португальцы с середины XVI в., создав себе опору в лице южных князей-христиан, принимали известное участие в междоусобных войнах, всё более укрепляя собственные позиции в стране.

Японский воин.
Рисунок около 1600 г.

Однако наибольшую опасность японские феодалы видели в том, что были поколеблены феодальные порядки и что не прекращались крестьянские восстания. Постоянные войны между феодалами, а также введение нового вооружения требовали всё больших средств. Вместе с тем эти войны тяжело отражались на сельском хозяйстве. Попытки феодалов увеличить размеры взимаемой с крестьян ренты приводили к бегству крестьян с земли и подъёму крестьянского движения. Этому способствовало также проникновение в японскую деревню товарно-денежных отношений, ростовщичества; крестьяне часто не были в состоянии выкупить заложенные ростовщикам землю и другое имущество.

В XVI в. непрерывной чередой шли крестьянские, а также городские антифеодальные восстания. По имеющимся скудным сведениям за 75 лет (1500—1575) произошло 29 крупных восстаний. Крестьяне, выступавшие против ростовщиков и феодалов, требовали уничтожения долговых обязательств, сокращения непомерных поборов и т. д. Некоторые из народных восстаний проходили под лозунгами и руководством буддийских сект, возникших ещё в XII—XIII вв.

Восставшие крестьяне часто вступали в контакт с широкими слоями населения городов (ремесленниками, мелкими торговцами). Низы городского населения, а также рядовое самурайство нередко попадали в такую же зависимость от ростовщиков, как и крестьяне; ремесленники тяжело страдали от постоянных феодальных поборов. Одно из восстаний горожан в Киото в 1532 г. возглавлялось ронинами, но главными участниками восстаний в Киото и в других городах была городская беднота. Случалось, что к восставшим примыкали крестьяне пригородных районов, вооружённые огнестрельным оружием.

Шкатулка.
Лак. XIV—XVI вв.

В этой обстановке среди некоторых групп японских феодалов и тех кругов купечества, которые не были связаны непосредственно с обслуживанием владетельных феодалов и потому были заинтересованы в развитии торговли в масштабе всей страны, усилилась тенденция к объединению государства. Наиболее дальновидные представители господствующего класса стремились к созданию сильной центральной власти, которая была бы в состоянии укрепить пошатнувшиеся устои феодального строя.

Инициаторами этого объединения выступили феодалы-землевладельцы средней руки, стремившиеся не допустить дальнейшего усиления крупных феодалов, прекратить междоусобную борьбу между ними и тем спасти свои владения.

Ода Нобунага

В 1568—1582 гг. один из средних феодалов, земли которого были расположены в центральной части острова Хонсю,— Ода Нобунага достиг значительного успеха в борьбе со своими феодальными противниками. Используя более совершенную организацию своих войск, он добился в короткий срок значительного увеличения своих владений в районах, близких к Киото, включая и самую столицу государства. Часть новых владений Нобунага передал своим полководцам Хидэёси и Токугава. С помощью последних он заставил других феодалов центральной части острова Хонсю признать его власть. Нобунага в 1573 г. сверг последнего сёгуна из дома Асикага и разгромил несколько буддийских монастырей близ Киото, принимавших деятельное участие в междоусобной войне. К концу своего правления Ода Нобунага добился подчинения себе более половины территории Японии (северная и центральная часть острова Хонсю). В своих владениях Нобунага уничтожил заставы и упразднил поборы, взимавшиеся с товаров, поступавших из других владений; он прокладывал дороги, ввёл строжайшие наказания за разбой. Вместе с тем он жесточайшим образом подавлял крестьянские восстания и громил буддийские секты, возглавлявшие их. Нобунага продолжал в более широком масштабе осуществление тех мероприятий против крестьян,

которые до него проводили отдельные князья в своих владениях и которые затем, после смерти Нобунага, довершил его преемник Хидэёси, распространив их на всю территорию Японии. Стремясь лишить крестьян всякой возможности организовывать восстания, Нобунага приступил к изъятию у них оружия. Для того чтобы не допустить сокрытия риса крестьянами и уклонения от феодальных повинностей, Нобунага начал проводить земельную перепись с прикреплением каждого крестьянина к определённому земельному участку во владениях феодалов.

Политика Нобунага имела целью укрепление центральной власти, прекращение междоусобиц и расширение торговли. Однако Ода Нобунага добивался подчинения не только феодалов, но и крупных купцов центральной власти. Он боролся против монопольных объединений купечества и покончил с независимостью города Сакаи. Японские феодалы опасались экономического могущества купечества и его растущих связей с европейцами.

Хидэёси

Нобунага был убит в 1582 г. одним из своих приближённых и не успел закончить объединение страны. Осуществление этой задачи завершил его сподвижник Тоётоми Хидэёси (1582—1598). В первые годы своего правления Хидэёси, опираясь на часть феодалов, продолжал борьбу за подчинение феодалов Юго-Западной Японии; князя, побеждённого в войне или изъявившего покорность, он не лишал владений, но значительно сокращал их размеры и тем самым ослаблял и обезвреживал крупных феодалов. Отнятые земли Хидэёси раздавал своим полководцам, насаждая таким образом новых феодалов, выполнявших его волю. Главное внимание Хидэёси уделял борьбе против крестьянства, подавляя всякое проявление недовольства крестьян. Он принял решительные меры к изъятию оружия у крестьян по всей стране. В 1588 г. Хидэёси издал указ, положивший начало так называемой охоте за мечами. Один из пунктов этого указа гласил: «Поименованные выше мечи, короткие мечи не надо уничтожать. Следует использовать их на болты и заклёпки при сооружении великой статуи Будды, чтобы если не в этом, то в будущем мире это пошло крестьянам на пользу».

Одновременно Хидэёси произвёл проверку всех крестьянских земельных наделов и ввёл новый земельный кадастр (1589—1595 гг.), уменьшив единицу измерения земельной площади (с 1,2 *га* до 1,01 *га),* но сохранив за ней старое наименование (тё). При исчислении урожая с этой уменьшенной площади сохранялась старая норма; таким образом, повышалась продуктовая рента. Крестьянин был прикреплён к своему земельному наделу и лишён права его покидать. Эти мероприятия Хидэёси, усиливавшие закрепощение крестьянства, вызвали ряд новых восстаний крестьян.

Внешняя политика Хидэёси носила агрессивный характер. Добившись известного объединения страны, Хидэёси стремился дать выход воинственным устремлениям самурайства, не находившего более применения внутри страны. Хидэёси рассчитывал также завоевательными войнами укрепить свою власть над южными феодалами, силами и средствами которых должна была вестись война. Вместе с тем эта завоевательная политика поддерживалась теми торговыми домами Японии, которые были заинтересованы в заморской торговле или являлись организаторами пиратских набегов на Корею, Китай и другие страны Тихого океана.

Хидэёси в 1592 г. предпринял грандиозный для того времени завоевательный поход. Его захватнические замыслы распространялись не только на Корею, но и на Китай, Тайвань и Филиппины. Переправленная в Корею огромная армия (около 300—350 тыс.), а также большой флот, снаряжённый им, первоначально обеспечили успех японским войскам. Огнём и мечом прошли японские завоеватели по Корее, оккупировав почти всю страну. Однако поднявшаяся в Корее народная война и помощь Корее со стороны Китая предопределили поражение завоевателей. Поход Хидэёси 1592—1593 гг. закончился крахом. Столь же неудачным был предпринятый

им в 1597—1598 гг. второй поход. Эти походы истощили Японию и ещё больше ослабили юго-западных феодалов. Торговые отношения с Китаем прекратились.

В конце XVI в., в период борьбы за объединение страны и завоевательных войн, Японию стали посещать голландцы и англичане. Между вновь прибывшими европейцами, с одной стороны, португальцами и испанцами — с другой, началось острое соперничество.

Установление сёгуната Токугава

После смерти Хидэёси (1598 г.) в роли его преемника выступил один из полководцев, служивший Нобунага и Хидэёси, — Токугава Иэясу. Он натолкнулся на сопротивление значительной части феодалов, не желавших подчиняться его власти и объединившихся под лозунгом защиты «законных прав» малолетнего сына Хидэёси — Хидэёри. В кровопролитной битве при Сэкигахара в 1600 г. Токугава разгромил своих соперников, а в 1603 г. принял титул сёгуна. Добившись победы, он стал лишать феодалов, принадлежавших к лагерю противников, владений или направлять их в другие, более отдалённые районы, сажая на их место своих ставленников. Сторонники Хидэёри, однако, не сложили оружия. Только в 1614—1615 гг. после длительной осады города Осака, ставшего центром их сопротивления, последнее было сломлено. Тысячи сторонников Хидэёри были перебиты. После прекращения междоусобных войн создались условия для некоторого подъёма сельского хозяйства. Уже в конце XVI в. стала увеличиваться обрабатываемая площадь. На рубеже XVI—XVII **вв.** под обработкой находилось уже около 1,5 млн. *га,* т. е. примерно на 30% больше, чем в XV—XVI вв. Широкое распространение получили новые культуры, о которых японцы узнали в результате расширения их связей со странами Тихого океана и Европы. Помимо хлопка, сладкого картофеля и сахарного тростника, распространялась культура табака, значительно расширилась площадь, занятая тутовыми и лаковыми деревьями, чайным кустом и другими товарными культурами.

Сёгунат дома Токугава правил Японией в течение двух с половиной столетий — вплоть до буржуазной революции 1867—1868 гг.

Первые сёгуны из династии Токугава продолжали политику Нобунага и Хидэёси, направленную на укрепление центральной власти и упрочение феодального строя. Они установили жёсткую регламентацию общественных отношений, точное регулирование прав и обязанностей каждого сословия и т. д.

Токугава Иэясу

Токугава закрепил за крупными и средними феодалами (даймё) основной земельный фонд страны. Доходы каждого феодального владения были точно учтены. Поскольку они выражались главным образом в рисовой продукции, все финансовые исчисления в стране были переведены на рис, и главная единица меры риса — коку (1,8 гектолитра) стала основным мерилом ценностей. Доходы земельных владений исчислялись в коку риса, причём административно-хозяйственной единицей (клан, или по-японски хан) считалось владение, приносившее не менее 10 тыс. коку дохода. Таких владений насчитывалось по всей Японии свыше 200. Размеры этих владений были различны. Самыми крупными поместьями обладал в XVII в. дом Токугава (около 4 млн. коку). Некоторые даймё имели по несколько сот тысяч коку, но большинство из них имело сравнительно небольшие феодальные владения, от 10 до 50 тыс. коку. Подавляющая часть самураев (80—90%) была лишена своих поместий; они стали теперь повсеместно получать жалованье натурой. Такая система оказалась выгодной для правителей Японии — сёгунов из дома Токугава. Запрещая самураям заниматься каким-либо ремеслом, кроме военного, они добивались превращения самурайства в военно-дворянское сословие, изолированное от всех других социальных групп. Лишь небольшой части самурайства были оставлены их поместья.

Князь сохранял право суда и административной власти в пределах своего владения над всеми своими подданными. Он управлял самураями, которым выдавал жалованье натурой в виде рисового пайка, а также крестьянами, обрабатывавшими

землю в его владениях и вносившими ему натуральную ренту. Центральная власть, однако, имела право контроля над князьями, она могла вмешаться в их действия, отнять у них часть или даже всё владение. К этой мере весьма часто прибегали первые сёгуны Токугава, расправляясь с теми феодалами, которые принадлежали к враждебной им группировке. Однако в дальнейшем подобные конфискации осуществлялись редко. Фактически даймё были почти независимы в своих кланах; контроль над ними со стороны центральной власти имел своей целью главным образом предупреждение возможных попыток оспаривать господство дома Токугава. В этом направлении была разработана целая система мероприятий, в известной мере стеснявших самостоятельность даймё. Но самый факт деления страны на 200 с лишним феодальных кланов, во главе которых стояли наследственные и почти независимые правители, свидетельствовал о том, что полное объединение страны не достигнуто, а был лишь сделан известный шаг в этом направлении. Незавершённость процесса объединения была обусловлена прежде всего тем, что руководящей силой в движении за объединение оставались сами феодалы, заинтересованные в сохранении своих поместий и привилегий.

Торговля и ремёсла в 17 крупных городах были изъяты из юрисдикции местных феодалов и подчинены центральному правительству. На первом месте среди них стояли: Осака, Киото — город старой культуры, развитой торговли и ремесла, а также Эдо (ныне Токио) — новый растущий город, построенный Иэясу, ставший с 1600 г. столицей страны. Однако остальные города — главные города кланов и др. — подчинялись даймё. Структура ремесленных цехов и купеческих гильдий (дза, накама, догёкумиай) осталась фактически прежней. В крупных городах, находившихся под властью сёгуната, насчитывалось свыше 100 цехов различных специальностей. Контроль и регламентация цехов были усилены; гильдии, часто дававшие займы сёгуну, подвергались меньшему контролю. В этот период значительно развилось промышленное производство. Иэясу уделял большое внимание судостроению, поручив англичанину Адамсу, приехавшему в Японию в 1600 г., обучать японцев искусству судостроения. Иэясу придавал большое значение горнорудному делу, которое он изъял из ведения даймё и подчинил сёгунату. Значительное развитие получило также фарфоро-фаянсовое производство; из Кореи во время войны были вывезены искусные корейские ремесленники, которых заставляли налаживать это производство в кланах. Значительно расширилась рассеянная мануфактура. Однако господствующее положение в производстве продолжали занимать цехи ремесленников и казённая мануфактура с преобладанием принудительного труда, находившаяся в руках сёгуната или даймё.

Сословное устройство

Население в токугавском государстве было разделено на четыре сословия: самураев, крестьян, ремесленников и торговцев. Права и обязанности каждого сословия были регламентированы.

Особенно жёстко регламентировались обязанности крестьянства, не получившего никаких прав. Иэясу Токугава приписывают слова: «Крестьянин — что кунжутное семя, чем больше жмёшь, тем больше выжимаешь». Один из его ближайших сподвижников говорил: «Наилучший способ управления крестьянами заключается в том, чтобы оставлять им только пищу на год, а остальное брать в качестве налога».

Деревни были разделены на пятидворки. Во главе каждых пяти дворов стоял зажиточный крестьянин, в обязанности которого входил полицейский надзор за соблюдением правительственных регламентаций. Крестьяне были прикреплены к земле, в случае бегства крестьянина остальные жители пятидворки оплачивали за него все налоги и поборы; за побег крестьяне строго наказывались.

Регламентированы были буквально все стороны жизни крестьянина. Крестьянам запрещалось употреблять в пищу рис, носить одежду из шёлковой ткани, строить удобные и просторные помещения и чем-либо украшать свои жилища, устраивать какие-либо развлечения, театральные представления и пр.

Условия жизни торговцев и ремесленников были также регламентированы, однако со значительно меньшей строгостью, чем жизнь крестьян, а на практике эта регламентация почти не соблюдалась, особенно в отношении торговцев. Вместе с тем выделение торговцев и ремесленников в отдельные сословия было шагом вперёд

Ларец из позолоченной бронзы.
XIV—XVI вв.

в сравнении с прежним бесправным их положением: в XIII—XIV вв. существовали только «воины» (самураи) и «народ».

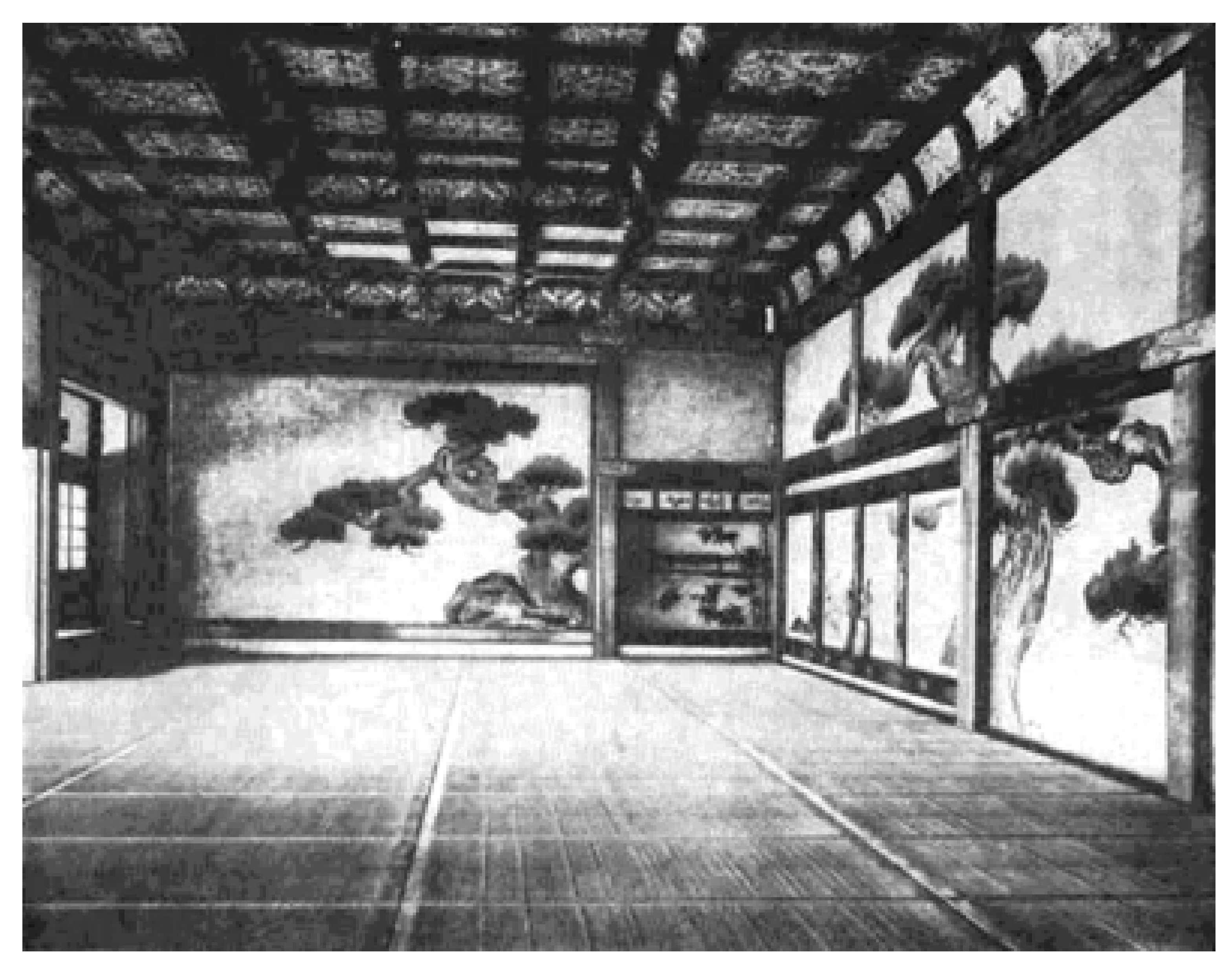
Внутренняя структура дворянства также несколько изменилась. Во главе привилегированного сословия самураев стоял верховный сюзерен, носивший прежнее наименование сёгуна. На ступень ниже стояли его непосредственные вассалы, бывшие сподвижники Токугава Иэясу. Владения этих вассалов были значительно расширены. Затем шли «посторонние князья», т. е. прочие крупные феодалы, которые в прошлом не были связаны с домом Токугава прямым вассалитетом и которых Токугава подчинил силой оружия. Вся остальная масса самурайства находилась в подчинении у сёгуна и местных князей.

Существовал и особый слой самураев, так называемые хатамото-самураи, находившиеся в непосредственном подчинении у правительства сёгуна. Их насчитывалось 5 тыс. человек. Часть хатамото имела свои земельные владения, довольно значительные по размерам, но меньшие, чем у даймё (менее 10 тыс. коку). Хатамото составляли слой феодального чиновничества. Остальное самурайство составляло войско сёгуна и отдельных даймё. Из 350—400 тыс. самураев по всей стране в непосредственном подчинении сёгуната или его вассалов — хатамото было около 80 тыс. самураев.

Над всем аппаратом управления был учреждён особый надзор в лице чиновников сёгуна, наблюдавших за всеми сословиями.

ХРАМ СЭЙСУЙ-ДЗИ.
1633 г.

ИНТЕРЬЕР ЗАМКА НИДЗЁ.
1602—1603 гг.

Изоляция страны. Народные антифеодальные движения

В XVI в. велись оживлённые сношения с европейскими странами, Сиамом, Филиппинами. Политику ограничения деятельности иностранцев начал проводить Хидэёси, дважды, в 1587 и 1597 гг., издававший указы, направленные против миссионерской пропаганды в Японии. Однако Хидэёси вместе с тем содействовал расширению торговли и дипломатических отношений с европейцами, рассчитывая получить у них суда и оружие и этим обеспечить успех предпринятого им корейского похода. Токугава Иэясу ещё более ограничил деятельность иностранных миссионеров в Японии. В то же время он покровительствовал англичанам и голландцам, желая использовать их для ослабления влияния испанцев и португальцев, создавших себе опору среди князей на острове Кюсю. Против испанцев принимались особые предупредительные меры. Наряду с этим Иэясу восстановил прерванные во время японо-корейской войны сношения с Кореей и Китаем. С Кореей был заключён в 1609 г. договор, по которому японцы допускались в один корейский порт — Пусан. Были также ограничены сроки пребывания японцев на корейской территории и количество судов, которые Япония могла посылать в Корею.

Наиболее решительную политику, направленную против европейцев, вёл третий сёгун из дома Токугава — Иэмицу (1623—1651), издавший в 30-х годах XVII в. ряд указов, согласно которым японцам запрещалось покидать пределы своей страны под угрозой смертной казни и строить большие суда, пригодные для дальних рейсов. Одновременно иностранцам было запрещено под угрозой того же наказания посещать Японию. Только торговым судам голландцев и китайцев разрешалось заходить в Нагасаки, где на острове Дэсима происходила торговля.

Изгнание испанцев и португальцев в известной мере диктовалось опасностью вооружённого вторжения европейцев, особенно в силу поддержки ими юго-западных князей. Почти все юго-западные князья находились во время битвы при Сэкигахара (1600 г.) во враждебной Токугава коалиции. Среди них были принявшие христианство и весьма тесно связанные с испанцами и португальцами. Англичане сами прекратили торговлю с Японией несколько ранее (1623 г.) ввиду острой конкуренции со стороны голландцев.

Среди причин, приведших к изоляции страны, известную роль сыграло то обстоятельство, что антифеодальное движение крестьян часто принимало религиозную оболочку христианства. Феодальная оппозиция, выступавшая против династии Токугава, также использовала в своих целях христианскую религию. Так, например, собравшиеся в Осака под знаменами Хидэёри десятки тысяч ронинов были почти все христианами, тесно связанными с португальскими и испанскими миссионерами. Ещё в 20-х годах XVII столетия, когда сёгуны не собирались прекращать полностью торговые сношения с иностранцами, испанцам были запрещены торговля и приезд в Японию. Той же причиной объяснялся строжайший запрет в 1630 г. ввоза европейской литературы, ибо в ней могло встретиться упоминание о христианстве; все подобного рода книги подлежали сожжению. Запрещён был даже ввоз китайских книг, что-либо упоминавших о Западе.

Наиболее мощное антифеодальное восстание под христианскими лозунгами произошло в 1637—1638 гг. в районе Симабара и Амакуса на острове Кюсю. В нём участвовало свыше 30 тыс. человек. Во главе крестьян стояли ронины, бывшие вассалы одного из сподвижников Хидэёси — Кониси Юкинага, участника корейского похода. Характерной особенностью восстания, выделявшей его из всей массы революционных крестьянских выступлений в средневековой Японии, являлись более высокая организованность и умелое использование огнестрельного оружия.

Восставшие укрепились в полуразрушенном замке. Осада замка длилась около трёх месяцев. Осаждённые героически сражались против объединённых сил вассалов Токугава и помогавших им голландцев. Голландские корабли с моря бомбардиро-

вали осаждённых, что в значительной степени предрешило их поражение. Замок был взят штурмом, и почти все защитники его были перебиты.

После подавления этого восстания стали подвергаться жестоким преследованиям все японцы-христиане. В помощь государственным органам было привлечено буддийское духовенство, которому был поручен надзор за религиозными верованиями населения, особенно крестьянства. Каждый житель должен был стать прихожанином определённого храма; храмы вели реестровые книги, в которые заносились подробные данные о каждом прихожанине, в частности о его религиозных верованиях. Этот контроль дополнял систему пятидворок и правительственных регламентаций.

Голландцы, оказавшие существенную помощь в подавлении восстания, получили за это от сёгуна ограниченное право на ведение торговли с Японией.

Изоляция Японии от внешнего мира продолжалась свыше двух столетий. Токугавская политика в известной степени тормозила развитие товарно-денежных отношений, но не могла оказать решающего воздействия на этот процесс. Накопленные японскими купцами довольно значительные капиталы, не находя себе достаточного применения во внешней торговле, устремлялись на внутренний рынок и прежде всего в деревню. Купцы начали скупать землю. Запрещение её продажи сёгунатом привело к применению скрытых форм скупки земли (заклад и пр.). Крестьянство в первую очередь, а затем самурайство и даже отдельные князья попадали в долговую зависимость от торгово-ростовщического капитала. Постепенно усиливалось подчинение домашней крестьянской промышленности купцу, ставшему скупщиком, росла, хотя и медленно, мануфактура.

Политика «закрытия» Японии от внешнего мира оказала противоречивое влияние на развитие японского общества. С одной стороны, она способствовала утверждению длительного мира в стране, что привело к некоторому развитию производительных сил. Однако, с другой стороны, самоизоляция Японии способствовала сохранению наиболее застойных форм феодальных отношений в стране и привела к резкому отставанию Японии от тех стран, от которых она стремилась отгородиться.

Культура

Развитие культуры в XVI—XVII вв. происходило в чрезвычайно сложной обстановке. Резко отрицательное влияние оказали на неё непрекращающиеся междоусобные войны. К концу XVI в. образование упало до самого низкого уровня. Хидэёси, сам малообразованный человек, с трудом мог найти людей, которые вели бы переговоры с китайцами и корейцами накануне и во время его похода в Корею. Наряду с этим установление торговых связей с Китаем, Юго-Восточной Азией и Европой, несомненно, содействовало расширению кругозора и развитию культуры в Японии.

Под воздействием этих взаимно сталкивающихся, противоречивых факторов складывались особенности культуры Японии XVI—XVII вв. Архитектура XV, XVI и начала XVII в. представлена многочисленными дворцами, храмами, замками, отличающимися большой роскошью и хорошими пропорциями. Художники одновременно становятся и декораторами и мастерами прикладного искусства, изготовляют лакированные изделия, лепные украшения, используя достижения прежнего японского искусства и доводя своё мастерство до виртуозности.

Особенности этого строительства находят наиболее полное выражение в колоссальном ансамбле, состоящем из десятков храмов, воздвигнутых в честь Иэясу, Иэмицу и последующих сёгунов в городе Никко. В расходах по сооружению этого грандиозного мавзолея участвовали многие даймё, поставлявшие в Никко материалы и рабочую силу; со всех концов страны были собраны сюда лучшие мастера-художники: ваятели буддийских статуй из Нара, мастера по обработке металла из Киото и т. д. Роспись внутренних помещений была осуществлена одним из видных представителей художественной школы — Кано. Эта школа живописи, возникшая ещё в XV в., наряду с прежней школой Тоса, не пренебрегала харак-

терными для японской живописи религиозными и историческими сюжетами, но стала уделять большое внимание пейзажу, изображать животных и растения. Начала развиваться живопись чёрным по белому наряду с прежней многоцветной живописью.

В XVI—XVII вв. в технических приёмах строительства и архитектурном оформлении сказывалось европейское влияние. Замок Хидэёси в Осака возводился по планам португальских инженеров.

Наряду с дворцовым и храмовым строительством, литературными произведениями, воспевавшими подвиги князей и сёгунов, развивается специфическая культура, отражавшая настроения горожан. К ней, в частности, относился зародившийся в XIV— XV вв. комедийно-сатирический жанр в виде реалистических одноактных комедий, так называемых *кёгэнов,* в которых высшее самурайство и монашество изображались в резко отрицательном свете, с присущими им чертами невежества, алчности, трусости и пр. Наряду с этим продолжает существовать и развиваться театр «но» с сюжетами из жизни дворян. Зарождается к началу XVII в. японская драма, ведущая своё начало от народного сказа. Одно из сказаний, «Песня о Дзёрури», получило большую популярность; по имени его героини — Дзёрури получил название весь жанр в целом. С начала XVII в. эти народные сказания стали исполняться в театре марионеток; наибольшее развитие этот жанр получил, однако, во второй половине XVII в.

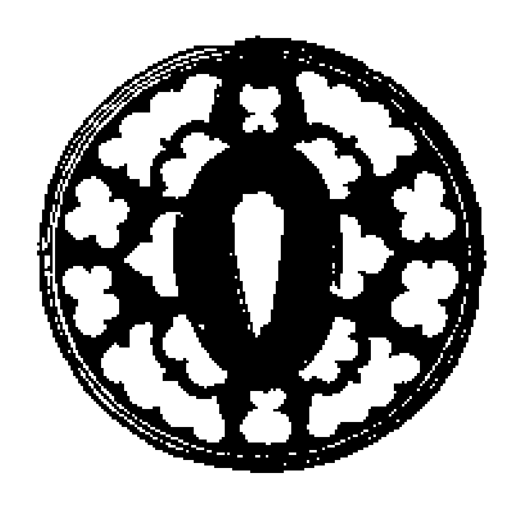

Ворота Карамон храма Ниси-Хонгандзи в Киото. Конец XVI в.

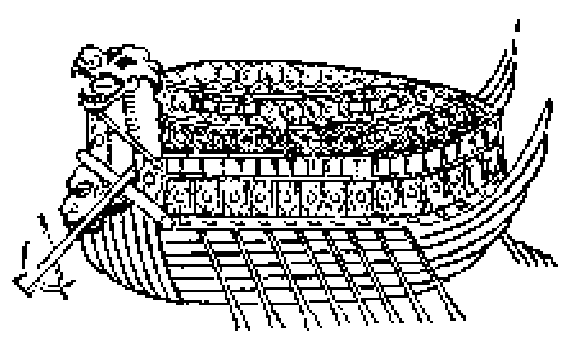
Зарождается реалистическая малая пластика — миниатюрные статуэтки (нэцкэ). Скульпторы проявляют интерес к городской жизни, изображают ремесленников, играющих детей, странствующих артистов и т. п. Значительно развивается с середины XVI в. книгопечатание, в котором впервые используется подвижной шрифт.

Характерным для развития городской культуры в XVI в. является распространение так называемых чайных церемоний *(тяною),* на которые собирался определённый, небольшой круг лиц и где в свободной обстановке обсуждались интересующие их вопросы культуры, политики и т. д. Хотя чайные церемонии были известны в Японии уже много раньше, но прежде они ограничивались лишь стенами буддийских монастырей, а затем дворцами сёгунов и даймё и не играли никакой роли в общественной жизни страны. В XVI в. они получили распространение среди горожан и наиболее культурных самураев, и их иногда сравнивают по общественной значимости с политическими салонами и клубами в Европе XVIII в. Основателем такого рода чайных церемоний считается Сэн-но Рикю (1520—1591), сын видного купца из города Сакаи: он длительное время изучал искусство чайных церемоний в старых центрах японской культуры Киото и Нара и затем стал пропагандировать такие же собрания на иной основе, с сохранением, однако, тради-

ционных церемоний, в Сакаи. Впрочем эти чайные церемонии вскоре потеряли политическое значение. Когда Нобунага и Хидэёси ограничили самостоятельность городов, в первую очередь Сакаи, они ввели при своих дворах чайные церемоний уже официозного придворного характера, собирая на них главным образом художников, писателей; Хидэёси изображал из себя мецената. В связи с распространением чайных церемоний получает дальнейшее развитие садовая культура, одна из национальных особенностей Японии, характерная для культуры жилища. В садах строятся специальные чайные павильоны; лучшим образцом этого рода искусства для конца XVI в. считается сад в императорском увеселительном замке Кацура близ Киото, в центре которого находится чайный павильон.

ГЛАВА. XXX
КОРЕЯ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

В Корее в XVI в. наряду с эксплуатацией крестьян отдельными феодалами огромное значение имела эксплуатация их всем классом феодалов, организованным в государство. Государство, являясь верховным собственником земли, присваивало феодальную ренту в форме поземельного налога зерном *(чо)* и подворных поставок продуктами домашней промышленности и промыслов *(кон)*. Кроме того, крестьяне обязаны были работать на строительстве дворцов, дорог, ирригационных сооружений, на полях казённых учреждений и королевского дома.

Усиление феодальной эксплуатации крестьян

Однако уже с конца XV столетия государственная власть постепенно утрачивала возможность реализации своего права верховной собственности на землю, так как всё большая часть земель превращалась в фактическую собственность их частных владельцев, взимавших теперь в свою пользу поземельную ренту, ранее составлявшую важный источник государственных доходов. В XV в. крупные земельные наделы раздавались чиновникам, сначала — всем, а с 1467 г. — лишь чиновникам, находившимся на действительной государственной службе. В XVI в. пришлось отменить и эти земельные раздачи ввиду быстрого сокращения фонда государственных земель. Теперь чиновники, происходившие обычно из среды феодалов, стали получать только жалованье.

В течение XVI в. происходило дальнейшее увеличение крупного частного феодального землевладения за счёт всевозможных земельных дарений короля представителям царствующего дома или заслуженным сановникам под видом наград. Источником роста частного землевладения служили также запашка нови или заброшенных участков, захват земель у государственных крестьян или

земель, закреплённых за государственными учреждениями. Один из местных чиновников в 1481 г. в своём донесении писал: «Если сейчас бедные крестьяне из-за налогов, поставок государству вынуждены продавать свою землю и дома, то богачи, пользуясь их нуждой, скупают их имущество по весьма заниженным ценам... Земельные владения богачей с каждым днём расширяются, а бедняки, лишившиеся последнего вершка земли, терпят полное крушение». В конце XV и особенно в XVI в. торговля землёй приняла широкие размеры.

Рост частного феодального землевладения приводил к значительному усилению эксплуатации крестьян. Крестьянство Кореи делилось в это время на две большие категории: на государственных и частновладельческих. Первые из них, всё ещё составлявшие большинство крестьян, являлись лично свободными, имели наделы на государственной земле и поэтому платили налоги и подати государству. Важнейшей их повинностью была воинская. В сословном отношении они принадлежали к простолюдинам (янин или санин), составлявшим основное податное сословие. Землю феодалов, составлявших привилегированное сословие *янбан,* большей частью обрабатывали лично зависимые от них крестьяне — *ноби,* которые наряду с закрепощёнными ремесленниками, рыбаками, мясниками, акробатами и некоторыми другими категориями населения принадлежали к самому бесправному сословию презренных, или «подлых» *(чхонин).* Феодалы могли свободно продавать и покупать крепостных. Часть крепостных составляла дворовую прислугу феодалов, но большая часть была наделена участками земли. Землю феодалов обрабатывали также и бывшие государственные крестьяне, потерявшие свой надел на государственной земле. Положение их мало отличалось от положения крепостных. Земельная рента, уплачиваемая государству — отдельным государственным учреждениям или частным лицам, получившим право её сбора на государственных землях, по закону определялась в размере $^{1}/_{10}$ части урожая. Фактически даже на государственных землях крестьяне со всякими дополнительными поборами отдавали до 30%, а на частновладельческих землях, где эксплуатация крестьян не ограничивалась никакими законами, — и до 50—70% урожая. Поэтому рост крупного частного землевладения в XVI в. означал разорение всё большей части государственных крестьян. Лишившись своих наделов, они либо убегали в горы и начинали обрабатывать пустующие горные склоны, либо превращались в арендаторов исполу, которые попадали в кабальную зависимость от феодалов. С другой стороны, сокращение государственных доходов, связанное с ростом частного землевладения, сопровождалось установлением дополнительных поборов с тех крестьян, которые ещё оставались на государственной, земле. Так в 1537 г. государство ввело новый налог полотном *(кунбопхо),* который должны были уплачивать все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет, не находившиеся на военной службе. Чрезвычайно возросли и размеры старых налогов.

Ремесло и торговля

Преобладающей формой ремесленного производства по-прежнему оставалось казённое ремесло, основанное на труде подневольных крепостных мастеров, приписанных к центральным или местным государственным учреждениям. Корейское уложение 1474 г. («Великое Уложение по управлению государством») называет первых столичными, а вторых — внешними мастерами. Столичных мастеров насчитывалось, согласно этому уложению, 2841 человек, а внешних — 3511 человек. Казённые мастера были заняты производством предметов роскоши, оружия и других изделий, которых феодалы не могли получить с крестьян. В столице имелось 129 видов ремесленного производства, а в провинциях — 27. Наиболее развитым из них являлось производство бумаги и фарфора. Лучшая бумага производилась в мастерских Сеула, Чончжу и Намвона, а высококачественный фарфор — в Кванчжу (провинция Кёнгидо), Санчжу и Корёне. Важную отрасль казённого ремесла представляли солеварни, дававшие значительный доход государству. Наряду с казённым существовало и частное ремесло, например, производство хлопчатобумажных тканей в провинции Чолладо,

конопляных холстов в Хамгёндо и Чхунчхондо, но оно встречало постоянные помехи со стороны государства, облагавшего ремесленников тяжёлыми налогами и повинностями. Развитие казённого ремесла тормозилось как регламентацией государства, так и всей природой этого, ремесла, основанного на труде крепостных-мастеров, совершенно не заинтересованных в развитии производства.

Под строжайшим контролем государства находилась и вся деятельность купцов. В Сеуле, правительством были построены торговые ряды для купцов, которым предоставлялись исключительные права на торговлю. Так были основаны сеульские торговые дома *(сичжон),* из которых наиболее крупными являлись фирмы «большой шестёрки», торговавшие определёнными товарами: тканями, бумагой, рыбой и пр. Они поставляли необходимые предметы королевскому двору и феодалам и снабжали также корейскими товарами приезжих иностранных купцов. Среди торговых домов, существовавших в остальных городах, наиболее значительными были кэсонские. Купеческие фирмы за предоставленные им монопольные права обязаны были нести государственные повинности, которые влекли за собой большие материальные затраты. Существование торговых монополий серьёзно препятствовало развитию внутренней торговли и товарного производства. В то же время деятельность даже тех торговых домов, которые получали монополии, подвергалась всевозможным ограничениям со стороны государства, обиравшего купцов и всячески третировавшего их. Независимо от своего имущественного положения купцы были зачислены в категорию бесправного населения.

Чайник в виде черепахи.
Фарфор. Конец XV — начало XVI в.

Крестьянские движения

Ухудшение положения крестьян привело к росту крестьянских выступлений. Крестьяне убегали в горы и на острова и создавали вооружённые отряды, оказывая сопротивление феодалам. Наиболее известным из крестьянских отрядов XVI в. был отряд Лим Коктёна («Заики Лим»), совершавший смелые нападения на имения феодалов и правительственные учреждения. Отряд состоял из беглых государственных крестьян, крепостных, казённых ремесленников и других представителей бесправных сословий. Имея своей базой гору Кувольсан (между провинциями Хванхэдо и Кёнгидо), повстанцы постоянно угрожали дороге, ведшей из столицы на северо-запад. В боях 1560 и 1561 гг. повстанцы разбили карательные войска и распространили свои действия на округ Пхёнсан. Но в 1562 г. правительственные войска окружили тройным кольцом гору Кувольсан и нанесли поражение повстанцам.

Во второй половине XVI в. имел место ряд восстаний крепостных (ноби) в провинциях Кёнсандо и Чхунчхондо.

Междоусобные распри феодальных клик

Рост крупного частного землевладения, стремление к дальнейшему расширению своих поместий и к захвату крепостных обусловили обострение борьбы за обладание центральной властью в среде господствующего класса. Дворцовые перевороты и кровопролитные стычки в корейской столице в 1498, 1504, 1519 и 1545 гг. являлись лишь эпизодами борьбы чиновной знати против группы новых, незнатных поместных дворян, составивших группировку сторонников неоконфуцианского учения Чжу Си, или — как её называли — «группировку учёных». В провинции стали возникать объединения феодалов, служившие как для усиления их власти на местах, так и для борьбы за захват центральной власти. Такими объединениями являлись, в частности, возникавшие с 40-х годов XVI в. многочисленные «храмы славы» *(совон).* Получая соответствующие королевские грамоты, эти храмы закрепляли за собой значительное количество земли, освобождённой от всякого государственного обложения, и крепостных. Группировавшиеся вокруг «храмов славы» дворянские учёные подвергали критике правительственную администрацию и играли активную роль в политической борьбе, выступая в качестве блюстителей конфуцианских нравов. Через своих представителей в Сеуле они влияли на состав центрального правительства. К концу XVI в. насчитывалось 124 таких политических и идеологических центра, выражавших интересы местных землевладельцев.

Портрет корейского сановника.
XVI в.

После захвата власти в середине XVI в. «группировкой учёных» противоречия в среде господствующего класса породили новые феодальные клики. В 1575 г. при дворе возникли две партии — Восточная и Западная, названные так потому, что главарь одной из боровшихся клик жил в восточной части столицы, а главарь другой — в западной. Предметом разногласий между ними внешне служили различные толкования вопросов конфуцианской философии и морали, но это лишь прикрывало их подлинные разногласия, сводившиеся к борьбе за власть: победители получали возможность приумножать свои богатства за счёт захвата у противной стороны земель и крепостных. Ожесточённые кровавые распри между феодальными кликами, серьёзно ослаблявшие власть центрального правительства, не прекращались даже в период нарастания опасности вооружённого вторжения со стороны Японии и маньчжурских завоевателей.

Борьба против японского вторжения

Накануне вторжения иноземных захватчиков Корейское государство было весьма ослаблено. Особенно расшатана была военная организация вследствие практиковавшейся замены воинской» повинности налогами и в связи с беспрерывными столкновениями между феодальными кликами. Всё это привело к тому, что пришли в негодность пограничные крепости и прибрежные укрепления, а большая часть корейских войск числилась только на бумаге. Между тем военная опасность нарастала как на севере — со стороны чжурчженьских племён, так и на юге — со стороны Японии.

В течение XVI в. особенно участились столкновения на юге в результате всё возраставших грабительских поползновений японских феодалов и купцов. Ввиду этого корейское правительство значительно ограничило количество судов, прибывавших из Японии, а также число японцев, которым разрешалось проживать в районе Пусана. Прекратившиеся было в середине XVI в. пиратские набеги японских феодалов возобновились в конце 80-х годов. В это время правитель Японии Хидэёси приступил к осуществлению плана завоевания Китая и Кореи.

Прежде чем напасть на Корею, Хидэёси начал с ней переговоры, в которых добивался подчинения Кореи его власти под видом «пропуска японских войск и оказания им помощи в походе на Китай». Корейское правительство отклонило эти домогательства японских феодалов, ответив: «Когда мы счастливы, в Китае радуются. Когда у нас несчастье, Китай помогает нам... Можем ли мы оставить своего отца императора и присоединиться к вам».

В апреле [1] 1592 г. японские войска, вооружённые не только холодным, но и огнестрельным оружием, заимствованным у европейцев, сломив сопротивление прибрежных гарнизонов в районе Пусана, развернули наступление в направлении Сеула. На своём пути они не встречали серьёзного отпора, так как в большинстве случаев корейские военачальники и сановники при приближении японцев бежали, даже не пытаясь организовать борьбу с врагом.

А между тем народ был полон решимости защищать свою страну. В Санчжу, например, после того как начальник округа и присланный из Сеула воевода бежали из города, само население до конца сопротивлялось японским войскам. Несмотря на исключительную стойкость солдат, корейские феодалы проиграли решающее сражение на подступах к Сеулу. Командующий правительственными войсками в Центральной Корее Син Иб вместо того, чтобы оборонять горный проход на пути в столицу, вывел свои войска, численно намного уступавшие японским, на бой в открытой равнине около Чхунчжу и потерпел полнее поражение. Японцы вышли к Сеулу. Вопреки требованиям населения выдать оружие и защищать столицу король и придворная клика поспешно бежали на север.

Овладев Сеулом, японские войска продолжали наступление. Им удалось занять Пхеньян, а также оккупировать значительную территорию на северо-востоке Кореи. Но обстановка резко изменилась в результате развернувшейся народной борьбы против захватчиков.

Японское вторжение принесло неисчислимые бедствия корейскому народу. Самурайские полчища подвергли полному разорению захваченные ими районы. Корейскому народу угрожало порабощение. Население Кореи поднялось на борьбу с завоевателями. Уже в апреле — мае 1592 г. повсеместно стали возникать партизанские отряды народного ополчения («Армии справедливости»). Один из первых партизанских отрядов возник в провинции Кёнсандо под руководством конфуцианского учёного Квак Чэ У, прозванного «полководцем в красном одеянии». В той же провинции Кёнсандо возникли отряды Ким Мёна, Чон Ин Хона, Сон Ин Гапа и др. В провинции Чолладо в мае 1592 г. был создан отряд Ко Гён Мёна

[1] Месяцы везде даются по китайско-корейскому календарю; по европейскому календарю — в мае.

и Лю Пхэн Но. Партизаны вместе с регулярными провинциальными войсками не допускали японцев в юго-западную часть провинции Чолладо, сыгравшую крайне важную роль в дальнейшей борьбе против оккупантов. Партизанские народные ополчения создавались в Чхунчхондо, Кёнгидо и в других провинциях.

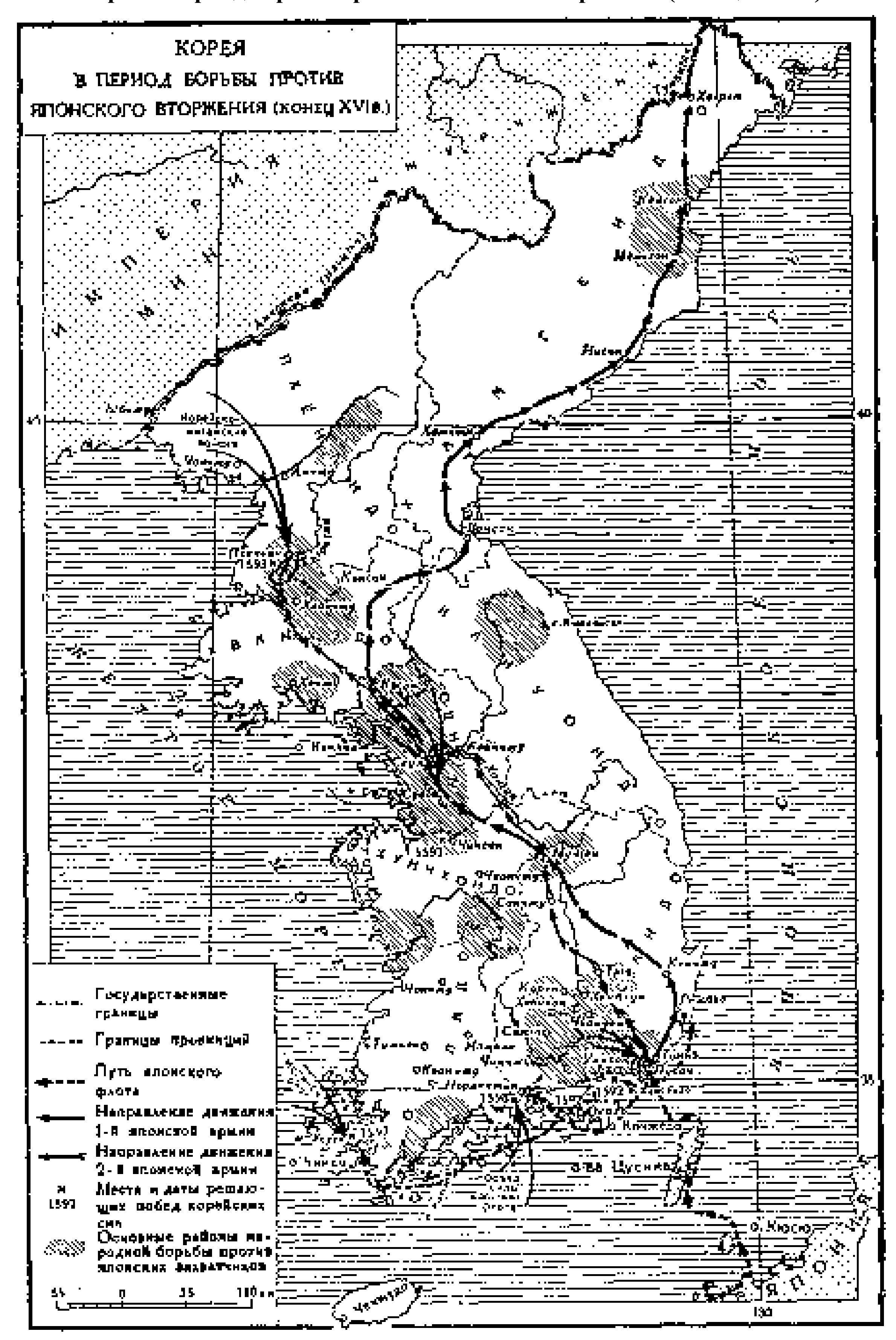
Для дальнейшего хода борьбы с захватчиками огромное значение имели победы корейского флота под командованием талантливого флотоводца и патриота Ли Сун Сина, человека безукоризненной честности и трудолюбия, который своей преданностью народу резко отличался от большинства феодалов того времени. При первых известиях о вторжении врага трусливые корейские военачальники потопили корабли двух флотилий, предназначавшихся для защиты побережья провинции Кёнсандо. После этого главную роль в борьбе с японским флотом начала играть корейская флотилия провинции Чолладо под командованием Ли Сун Сина. Оценив значение флота в предстоящей войне, Ли Сун Син улучшил конструкцию кораблей, вооружил их пушками и зажигательными гранатами. Особенно важно было введение в строй «корабля-черепахи» с низкими бортами, с обитой толстыми железными листами верхней палубой. Новые суда были неуязвимы для пуль и снарядов.

В начале мая 1592 г. флот под командованием Ли Сун Сина вышел в прибрежные воды провинции Кёнсандо и обрушился на вражеский флот, который поддерживал коммуникации между Японией и войсками захватчиков в Корее. В первых же боях около порта Окпхо (Кёнсандо) корейские моряки уничтожили 44 неприятельских корабля. Блестящие результаты давало боевое применение многопушечных «кораблей-черепах». Сокрушая противника, корейский флот почти не нёс потерь. В бою у острова Хансандо в июле 1592 г. 59 вражеских кораблей было разбито и потоплено. В последовавших за этим сражениях было потоплено ещё несколько десятков кораблей противника. Флот Ли Сун Сина завоевал господствующее положение в Корейском проливе. Победы корейского флота не только расстроили японские расчёты комбинированного наступления сухопутных армий и морских сил вдоль побережья, но и поставили в критическое положение завоевателей, отрезав их от баз. Были созданы условия для полного разгрома врага. В это время восстанавливалась регулярная корейская армия и прибывали подкрепления из Китая, который, помогая Корее, как вассальному государству, защищал этим собственную территорию от японских посягательств.

Победы корейского флота стимулировали более решительную борьбу с японцами. Народные ополчения освобождали один за другим занятые врагом округа в провинциях Кёнсандо и Чхунчхондо. Летом 1592 г. партизанское ополчение Ко Гён Мёна и Лю Пхэн Но (провинция Чолладо) нанесло серьёзный удар японским войскам в районе горы Кёмсан. Во всех провинциях партизанские ополчения переходили в наступление на врага, несмотря на чинимые им корейскими властями препятствия. Так, например, в провинции Чхунчхондо после образования 2-тысячного партизанского ополчения под руководством Чо Хена губернатор провинции издал приказ о роспуске отряда и запретил населению поддерживать его, угрожая в противном случае репрессиями в отношении родственников партизан. Несмотря на это, 700 патриотов во главе с Чо Хеном решили выступить на помощь партизанам Чолладо. В конце августа 1592 г. у горы Кёмсан они вступили в схватку с противником, который превосходил их численно в 10 раз. Вооружённые луками, партизаны потеснили японцев, но последние, отступив на некоторое расстояние, открыли смертоносный огонь из своих мушкетов. В неравной схватке геройски погибли все 700 партизан.

В октябре 1592 г. правительственные войска и партизаны провинции Кёнсандо освободили древнюю столицу Кореи Кёнчжу. При взятии Кёнчжу было применено изобретённое корейцем Ли Чан Соном новое огнестрельное оружие — пушка, стрелявшая разрывными снарядами. К концу 1592 г. японские гарнизоны едва удерживали лишь наиболее важные из занятых ими городов и опорных пунктов.

Корея в период борьбы против японского вторжения (конец XVI в.)

В то время как на юге разгоралась народная война, на севере против японцев начали действовать присланные на помощь Корее многочисленные китайские войска. Это резко изменило соотношение сил. В начале 1593 г. объединённые корейско-китайские войска освободили Пхеньян, в течение нескольких недель — всю Северную и Центральную Корею, а в апреле 1593 г. вступили в Сеул.

Роспись наружных стен дворца Чхандок в Сеуле.
Конец XVI в.

Однако вследствие медлительности корейско-китайского командования успехи не были закреплены, и остаткам японских войск удалось отойти и укрепиться на южном побережье. Эта медлительность вызывалась не только некоторыми трениями между корейскими и китайскими феодалами, но и тем обстоятельством, что высшие корейские чиновники и военачальники были обеспокоены широким участием крестьян в партизанских отрядах и выдвижением новых талантливых военачальников как из среды дворян, так и из простолюдинов.

Стремясь восстановить свои прежние позиции, большинство корейских сановников склонялось к соглашению с Японией.

Это было на руку японцам, которые, начав переговоры, рассчитывали выиграть время и подготовить новые силы для завоевания Кореи. Поэтому Япония избрала тактику бесконечных проволочек и оттяжек. В течение почти трёх лет шли бесплодные переговоры, а когда японцы закончили подготовку к новым военным действиям, Хидэёси сорвал переговоры.

Период переговоров, конечно, был использован и корейской стороной для укрепления своей военной организации. Но правящие круги феодалов прежде всего заботились об упрочении своего положения, устанавливали, прикрываясь военными нуждами, новые налоги, расширяли свои земельные владения, захватывая брошенные крестьянами государственные земли.

С новой силой разгорелись гибельные для страны распри соперничавших придворных клик. Придворные круги организовали травлю популярных в народе военачальников, выдвинувшихся в ходе борьбы против японских захватчиков. Жертвой интриги стал командующий объединённого флота трёх южных провинций Ли Сун Син. Он был обвинён в трусости и разжалован в рядовые матросы.

В марте 1597 г. японцы возобновили в больших масштабах военные действия. Корейский флот был разбит японцами. Это позволило им перебросить многочисленные войска в Корею. Однако корейский народ был гораздо лучше подготовлен к отпору, чем в 1592 г. Воссоздавались старые и возникали новые народные ополчения, более умело и решительно действовали регулярные войска. Король был вынужден снова назначить командующим флотом Ли Сун Сина, который в сентябре 1597 г., имея всего десять судов, нанёс серьёзное поражение японцам.

Со всей страны к Сеулу стягивались многочисленные отряды. В Корею прибыли также новые войска и флот из Китая. В октябре 1597 г. в решающем сражении у города Чиксан, недалеко от Сеула, японские войска потерпели поражение. Отходя к побережью, японцы подвергли варварскому разграблению множество захваченных городов и поселений. Во время этих грабежей был сожжён и город Кёнчжу.

Японские войска были прижаты в 1598 г. к побережью и обратились в поспешное бегство. В ноябре 1598 г. Ли Сун Син наголову разбил у Норянчжина огромный японский флот, уничтожив большую часть вражеских кораблей. В разгар этого сражения был смертельно ранен организатор победы Ли Сун Син. Сражением у Норянчжина завершилась война. Японские войска были полностью изгнаны из страны. В начале XVII в. был заключён мир между Кореей и Японией.

Японское нашествие нанесло огромный ущерб корейскому народу. В течение шести лет самые плодородные и населённые районы страны были ареной ожесточённых боёв и подверглись разорению. Посевная площадь сократилась более чем в 3 раза — с 1698 тыс. кёлей до 541 тыс. кёлей. Большинство населения жестоко голодало. Однако корейские феодалы, стремясь восстановить довоенные доходы, беззастенчиво грабили разорённое крестьянство. Одновременно увеличивались феодальные поборы в пользу государства.

По всей Корее росло недовольство крестьян и городской бедноты. Когда японская угроза миновала и в 1601 г. Китай решил вывести из Кореи все свои войска, корейский король настойчиво просил не делать этого, ссылаясь на напряжённое внутреннее положение страны.

В правящем классе разгоралась междоусобная борьба феодальных группировок, которая в 1622 г. вылилась в прямое военное столкновение. Это приводило к ещё большему упадку центральной власти и ослаблению обороноспособности Кореи перед лицом новой опасности — маньчжурского нашествия.

Маньчжурское нашествие

Весной 1627 г. крупные силы маньчжуров вторглись в Корею. Им удалось занять Пхеньян и продвинуться к Сеулу. Король и высшие сановники бежали на остров Канхва и вступили в переговоры с маньчжурами. По достигнутому соглашению корейские правители обязались выдать отступивших из Ляодуна на территорию Кореи китайских солдат и отказаться от помощи Китаю, маньчжуры же обещали вывести свои войска из Кореи.

Это был манёвр маньчжурских завоевателей, откладывавших подчинение Кореи до завершения войны с Китаем. Основные силы маньчжурских войск покинули Корею, предав огню Пхеньян и многие другие города Северной Кореи. Маньчжуры увели с собой тысячи корейских пленных и вопреки своим обязательствам оставили гарнизоны в крепостях Анчжу, Чончжу и Ыйчжу. Они были вытеснены из этих городов только в результате народного восстания.

В 1636 г. маньчжуры предприняли новое вторжение в Корею. Они овладели столицей, осадили расположенную южнее Сеула крепость Намсан, куда укрылся король, а затем высадились на острове Канхва, где захватили семьи короля и высших чиновников. В начале 1637 г., несмотря на наличие значительных вооружённых сил в районах, не занятых маньчжурами, король капитулировал. Было подписано соглашение, по которому Корея признавала маньчжурский сюзеренитет, обязывалась поддержать маньчжуров в войне с Китаем и выплачивать огромную дань.

Вскоре многочисленная маньчжурская армия начала отход на север, уводя с собой заложников из числа видных сановников и угоняя десятки тысяч жителей в рабство. Они оставляли за собой разорённую страну с лежащими в развалинах городами. Чтобы оправиться от разрухи, причинённой грабительскими нашествиями японцев и маньчжуров, Корее потребовалось несколько десятилетий.

Культура

В XV столетии в Корее появляются первые крупные труды по истории и географии, развивается книгопечатание с применением подвижного шрифта, был изобретён национальный алфавит. Практические потребности, связанные с развитием сельского хозяйства, дали толчок развитию агрономии, астрономии и метеорологии. Так, были сконструированы приборы для определения географических координат по небесным светилам, дождемер, различные типы водяных часов и пр. В XVI в., вследствие слабого промышленного развития страны, не наблюдалось большого прогресса в естественных науках и технике. Исключение составляла военная техника, получившая стимул к своему развитию в XVI в. во время борьбы против японских захватчиков (изобретение Ли Чан Соном пушки, стрелявшей разрывными снарядами на расстояние 500 — 600 шагов, применение бронированного «корабля-черепахи»).

Павильон близ Кванчжу. XVI в.

Развитие гуманитарных наук в XVI в. находилось в тесной связи с политической борьбой в стране. В условиях, когда неоконфуцианская философия стала официальной идеологией, соперничавшие между собой феодальные группировки выступали под флагом борьбы за то или иное толкование неоконфуцианства. Крупным конфуцианским философом первой половины XVI в. был Чо Гван Чжо, выступивший с идеями разумного государственного управления. После появления «храмов славы» возникла целая плеяда группировавшихся вокруг них конфуцианских философов-идеалистов: Ли И и др. В своих сочинениях Ли И уделял много внимания практическим вопросам управления государством, говоря о необходимости укрепления вооружённых сил, ослабления борьбы партий, упорядочения налоговой системы и пр.

Среди философов, формально принадлежавших к конфуцианской школе, в XVI в. впервые выступили мыслители, подвергавшие критике основы конфуцианства. Они косвенно отражали в своих взглядах обострение классовых противоречий в корейском феодальном обществе. К ним относился обедневший дворянин из Кэсона Со Гён Док (псевдоним Хвадам, 1489—1546), который подверг критике учение философа XII в. Чжу Си с позиций материализма. В своей работе «О природе духовного и материального начал», рассматривая две категории конфуцианской философии — ли (духовное начало) и ци (материальное начало), Со Рён Док возражал против утверждения Чжу Си о том, что ли — творец ци и господин над ним. Со Рён Док писал: «Нет духа (ли) помимо материи (ци)... Хотя и говорят, что ли является повелителем ци, это вовсе не означает того, что ли повелевает ци, приходя извне ци, а только то, что ци в своём движении подчиняется закономерности». Он рассматривал материю как источник и причину формирования всех вещей и считал её первичной по отношению к духу.

В литературе и искусстве Кореи XVI в. также наблюдаются новые веяния. Вся литература в Корее до XV в. была представлена книгами, написанными на китайском языке и рассчитанными на читателя из среды господствующего класса, и только изобретение национального алфавита в середине XV в. создало предпосылки для возникновения литературы на корейском языке. Тем не менее и в XVI в. подавляющее большинство литератур-

ных произведений создавалось на китайском языке, не говоря уже о сочинениях по философии и другим наукам, которые писались только по-китайски. На китайском языке были написаны повести и романы таких писателей, как О Сук Квон, Лим Чже — автора «Рассказа о мышиной темнице» и других произведений, которые бичевали пороки существующего строя, междоусобную борьбу феодальных клик. Мотивы недовольства и разочарования, вызванные существующими феодальными порядками, проникли и в область поэзии. Распространённой формой классического стихосложения на корейском языке в это время являлись *«сичжо»* («строфы») из нескольких строк. «Строфы» и поэтические сочинения большой формы были рассчитаны на устное исполнение, сопровождаемое музыкальным аккомпанементом. Национальный колорит в поэзии особенно ярко был выражен в произведениях Чон Чхоля, Сон Суна и других поэтов. В XVI в. в корейской поэзии выступила большая группа женщин (Хван Чжини — замечательный мастер «строфы», Ли Ок Пон и др.), в произведениях которых были подняты вопросы о бесправном положении женщины в корейском обществе.

В связи с освободительной войной 1592—1598 гг. впервые проникают в литературу представители недворянского сословия. На основе рассказов об эпизодах этой войны зародилась народная повествовательная литература, получившая широкое развитие с XVII в. Мемуарные произведения участников войны (дневники и записки Ли Сун Сина, записки о войне Лю Сон Ёна и др.), написанные на китайском языке, также были проникнуты патриотическими идеями. Наиболее ярким произведением народного творчества, образно воспроизводившим основные моменты из истории войны, являлись «Записки об Имчжинской войне».

Стали возникать в народной литературе и произведения, содержавшие протест против феодального гнёта. Среди таких произведений первой половины XVII в. особенно следует отметить «Повесть о Хон Гильтоне», которая изображает борьбу восставших крестьян против феодалов и вымышленное идеальное государство без угнетателей, основанное повстанцами во главе с Хон Гильтоном.

В корейском изобразительном искусстве XVI—XVII вв. всё ещё преобладали произведения портретной и пейзажной живописи (портреты «мудрецов» и другие произведения, предназначавшиеся для украшения храмов и дворцов), проникнутые ярко выраженными конфуцианскими идеями. Всё же в этот период в произведениях таких художников, как Ли Санчва, Ким Син и Ли Сон, впервые выявляются реалистические тенденции.

Новые тенденции, наметившиеся в корейской культуре этого времени, получили своё дальнейшее развитие в последующие века.

ГЛАВА XXXI
КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ И СОЗДАНИЕ КОЛОНИАЛЬНЫХ ИМПЕРИЙ

Великие географические открытия конца XV в. положили начало острой борьбе между Испанией и Португалией за новые, неведомые земли и за морские пути к ним. Спор между этими феодальными государствами Пиренейского полуострова о «праве» на захват всех вновь открываемых областей земного шара был перенесён на суд римского папы. В 1493 г. папа Александр VI издал подряд несколько булл, которыми устанавливал каждый раз новую линию раздела предполагаемых владений Испании и Португалии с севера на юг по Атлантическому океану. Всё пространство к западу от этой линии считалось испанским, к востоку — португальским. В конце концов линия разграничения в области Атлантического океана была установлена Тордесильяским трактатом 7 июня 1494 г., подписанным Испанией и Португалией. Эта линия проходила в 370 лигах к западу от островов Зелёного Мыса. Все вновь открытые земли к востоку от этого «Папского меридиана» объявлялись владениями Португалии, а к западу — владениями Испании. Однако первое кругосветное путешествие Магеллана (1519—1522 гг.) и захват Испанией Филиппинских островов вновь поставили вопрос о разграничении зон господства Испании и Португалии; но уже в области Тихого океана. Сарагосским трактатом 1529 г. была установлена линия по Тихому океану, разделившая между двумя государствами Пиренейского полуострова зоны господства на земном шаре. Правда, Испания с самого начала нарушила условия раздела, не возвратив Португалии захваченные ею в португальской зоне Филиппинские острова. Основываясь на этом разделе, санкционированном римским папой, Испания и Португалия считали не только сушу, но и воды всех новооткрытых областей своей запретной зоной. Каждый корабль, вступивший в эту зону без соответствующего разрешения, подлежал конфискации, а его экипаж — казни или обращению в раб-

ство. Доктрина о разделе папой всего новооткрытого мира между Испанией и Португалией послужила удобным обоснованием отказа допускать к колониальным захватам другие государства. Однако сила такого обоснования сохранялась лишь до тех пор, пока Испания и Португалия господствовали на морях. Крушение этого господства в конце XVI в. привело к потере Испанией и Португалией своей монополии в области колониальных захватов.

Испанская колониальная империя

После открытия Колумбом островов у берегов Америки сюда хлынул из Испании поток искателей лёгкой добычи, воинственных идальго, католических монахов и священников. Центром колонизации стал остров Эспаньола (Гаити). Испанский губернатор Овандо ввёл для всех местных жителей с 15-летнего возраста систему принудительного труда и обложил их тяжёлой податью. Население Антильских островов фактически попало в рабство к испанским захватчикам.

Кровавая трагедия Вест-Индских островов, в первую очередь захваченных испанцами, раскрывается в цифрах, рисующих страшную судьбу местного населения в первые два десятилетия господства колонизаторов. По приблизительным подсчётам современников, на Эспаньоле жило около 250 тыс. индейцев, на Ямайке — 300 тыс., в Пуэрто-Рико — 60 тыс., а на всех Вест-Индских островах — около 1 млн. За полвека господства испанцев почти всё индейское население было истреблено. Перед колонизаторами возникла острая проблема рабочей силы. Она была разрешена путём массового ввоза негров-рабов из Африки. Ввоз негров-рабов на Вест-Индские острова начинается с 1501 г., а к 1518 г. широко развивается работорговля, как один из наиболее прибыльных колониальных промыслов.

Используя Вест-Индские острова в качестве базы, испанцы устремляются отсюда на материк. В 1519—1521 гг. Эрнандо Кортес с небольшим отрядом испанцев, используя борьбу между племенами, завоёвывает Мексику. Здесь испанцы подвергли варварскому уничтожению самобытную, достигшую высокого развития культуру ацтеков, разграбили и разрушили их великолепную столицу — Теночтитлан.

В 1531—1533 гг. с таким же варварством был разграблен и уничтожен испанцами другой очаг своеобразной древней культуры Америки — культуры инков. Ими была захвачена огромная территория, на которой в настоящее время разместились три государства — Эквадор, Боливия и Перу.

В 30-х годах XVI в. испанцы проникли в Чили и постепенно, преодолевая упорное сопротивление местных индейских племён, захватили обширную территорию.

Первоначально завоеватели разделили между собой всю землю, превратив большие массы местного населения в своих рабов (система репартимиенто). В 1542 и 1545 гг. королевской властью была введена новая система — энкомиенда, согласно которой индейцы объявлялись вассалами короля, но отдавались под опеку (энкомиенду) испанских колонистов, на которых должны были работать. Фактически положение индейцев осталось таким же бесправным, как и раньше. В порабощении и угнетении индейского населения большую роль играла католическая церковь, захватившая громадные земельные владения. Насильственное обращение в христианство, террористический режим, специальные поборы в пользу церкви — всё это создавало особо тяжёлое положение для индейцев в церковных владениях. Владения церкви были так велики, что они образовали целые церковные государства.

Многочисленные восстания индейцев жестоко подавлялись соединёнными силами колонистов, испанского правительства и католической церкви.

К середине 30-х годов XVI в. Испания овладела в Южной и Северной Америке громадными территориями, из которых образовалась обширная колониальная империя. Отсюда в Испанию поступали непрерывным потоком драгоценные металлы, табак, ценные породы дерева и красители. Главные доходы с колоний получали королевская казна, католическая церковь и феодальная знать Испании, из среды которой назначались вице-короли, губернаторы, высшее чиновничество колоний.

Португальская колониальная империя

С совершенно иными условиями встретились португальцы в Индии. Здесь им пришлось иметь дело с народами древней высокой культуры, находившимися на стадии развитого феодализма, прекрасно знакомыми с огнестрельным оружием. Завоевать Индию, Индо-Китай, Индонезию, Китай и другие страны, входившие в зону, «доставшуюся» Португалии по разделу с Испанией, было невозможно. Но португальцы сумели воспользоваться одним важным преимуществом: они обладали более сильным флотом, чем мелкие феодальные владетели в Индии, Индонезии, Индо-Китае. Пиратскими методами захватывая, грабя, истребляя экипажи кораблей мусульманских купцов, державших в своих руках морскую торговлю Индии до прихода европейцев, португальцы становятся хозяевами Южных морей и Индийского океана. Достигнув здесь господства, они полностью захватывают в свои руки морские коммуникации на Индийском океане и вокруг Африки.

Ормуз.
Гравюра XVI в.

Своё господство на Южных морях португальцы обеспечивали сетью укреплённых военно-морских баз в наиболее важных стратегических пунктах. В 1510 г. был захвачен Гоа в Индии, ставший центром португальской колониальной империи на Востоке, местом пребывания вице-короля. Затем были захвачены Диу, Даман и Бомбей (Индия), Ормуз (Персидский залив), Малакка (Малайский полуостров), Макао (Китай), китайский остров Тайвань, Молуккские острова и ряд других пунктов. Опираясь на эту сеть крепостей, португальцы заставили мелких феодальных владетелей отдавать им в виде дани или по минимальным ценам всю добычу драгоценных пряностей.

Португальцы захватили на Востоке громадные богатства как путём пиратства на морях, так и путём ограбления городов и феодальных владетелей Южной Азии. Наконец, громадные барыши они получали от торговли с азиатскими и африканскими странами. На вывозе пряностей из стран Азии они извлекали обычно 400 и более процентов прибыли. Лиссабон и Гоа стали крупнейшими рынками рабов. Индийцы говорили о португальских завоевателях: «Счастье, что португальцев так же мало, как тигров и львов, иначе они истребили бы весь род человеческий».

На полный военный захват страны, как это сделали испанцы в Америке, у португальцев в Индии не хватило сил, но ими систематически проводился колониальный грабёж в форме монопольного присвоения и вывоза наиболее ценных продуктов восточных стран. Там, где это представлялось возможным, португальцы действовали совершенно так же, как испанцы. В Бразилии португальцы ввели ту же систему эксплуатации, что и испанцы. Громадные доходы от португальской

колониальной империи в Индии и Бразилии шли, прежде всего, в пользу казны, так как все наиболее выгодные предметы торговли были объявлены королевской монополией. Феодальная знать и дворянство обогащались в качестве представителей королевской власти в колониях; наконец, католическая церковь, насильственно обращавшая в христианство население Бразилии и португальских укреплённых пунктов в Индии, также извлекала значительные выгоды из португальской колониальной империи.

Однако значение образования первых заокеанских колониальных империй Испанией и Португалией сводилось не только к обогащению этих стран. Образование этих империй открыло эпоху колониальных захватов европейцев и создало некоторые важные условия для формирования мирового рынка. В самой Европе оно способствовало усилению процесса так называемого первоначального накопления, привело к «революции цен», явилось мощным толчком к дальнейшему развитию капиталистических отношений в таких странах, как Голландия, Англия, Франция. «Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих—такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы составляют главные моменты первоначального накопления» [1].

Португальские колонии к началу XVII в.

Основная черта португальской колониальной системы, эксплуатация колоний непосредственно королевской властью с помощью феодально-бюрократического государственного аппарата, была общей для всех владений Португалии. Высшее руководство колониальными владениями осуществлялось двумя государственными учреждениями метрополии — финансовым советом и советом по делам Индии.

Местное управление колониями построено было на связи каждой отдельной провинции непосредственно с метрополией при отсутствии взаимных связей колоний между собой; на неограниченной власти чиновников, стоявших во главе провинций в качестве представителей короны, и их личной ответственности перед королём, на условии краткосрочного — как правило, трёхгодичного — пребывания на высших должностях. Эти высшие должности добывались взятками, а временами официально поступали в продажу.

Управление в городах строилось по образцу феодальных португальских городов, обладавших правами самоуправления и привилегиями на основе дарованных хартий.

Королевская бюрократия в колониях выполняла не только административные и судебные функции, но и торговые. На Востоке торговля с самого начала является объектом королевской монополии. Все главные предметы вывоза — перец, гвоздика, корица, имбирь, мускатный орех, шёлк, лаки—были монополизированы короной. Чиновники закупали или собирали в виде дани товары для метрополии, продавали присланные товары или золото, наблюдали за соблюдением договоров и монополий. Излишки сверх того, что могло быть погружено на корабли, уничтожались. Все морские перевозки из Португалии на Восток и обратно производились исключительно на судах королевского флота. Из Португалии товаров присылалось мало. Оплатой индийских товаров служили главным образом деньги (чеканились в Гоа) или золото из Софалы (Мозамбик), вымениваемое на индийские ткани.

Торговля между отдельными колониальными портами являлась монополией, предоставляемой в качестве привилегии высшим должностным лицам. Кораблям местного населения без специальных разрешений было запрещено плавать в водах, где господствовали португальцы.

Формально иной режим торговли существовал в Бразилии и на островах Атлантики. До середины XVII в. плавание между ними и Португалией было свободно

[1] *К. Маркс,* Капитал, т. I, стр. 754.

для всех португальских кораблей (для иностранцев все колонии были закрыты в 1591 г.). Королевской монополией была лишь торговля Красящими растениями. Но произвол чиновников, ведших собственную торговлю, фактически представлял собою режим торговых монополий.

Для колониальной политики португальцев характерно стремление к созданию собственной опоры из местного населения, главным образом путём обращения его в католицизм.

Обосновываясь на небольшой прибрежной территории — в крепостях, портовых городах, факториях, португальцы создавали военные опорные пункты для торгового господства в стране, остававшейся во власти своих прежних феодальных владетелей. Но местные феодалы имели все основания ненавидеть португальцев, которые заставляли их заключать договоры «о дружбе» и о сдаче всей продукции по твёрдым ценам или бесплатно, в виде дани. Всякий конкурент Португалии, достаточно сильный, чтобы поколебать её монопольное положение на море, являлся для местных владетелей желанным союзником. В этом заключалась слабость португальской колониальной империи в Индии.

Торговые компании — основные орудия колониальной политики в XVII в.

Колониальная деятельность остальных европейских держав до начала XVII в. ограничивалась предварительными разведками. Разведки велись в двух основных формах: во-первых, поиски новых путей, не захваченных испанцами и португальцами, главным образом путей в Индию; во-вторых, собирание сведений о путях в Индию и Америку, которыми пользуются испанцы и португальцы, выявление возможностей подрыва их монополии. Широко практиковались пиратские нападения на колонии и корабли испанцев и португальцев. В этом отношении в конце XVI в. особую известность приобрели английские пираты Рэли, Дрейк и др. До XVII в. попытки основать постоянные колонии, предпринятые Рэли в Северной Америке (1584 и 1585 гг.), голландцами в Суринаме (Гвиана) (1581 г.), были неудачны

Вслед за пиратами-разведчиками с начала XVII в. выступают на борьбу за колониальную добычу торговые компании Голландии, Англии, Франции и других европейских государств. Зарождающимся буржуазным обществом выдвигаются новые формы и методы колониальной политики, отличные от тех, которые были характерны для колониальных империй феодальных государств. Основное в новых методах заключалось в том, что государственная власть непосредственно не принимала участия в захвате и эксплуатации колоний Громоздкая и дорогая государственная феодально-бюрократическая машина, выкачивающая из колоний доходы для королевской казны, заменялась частными лицами — пайщиками компаний, организующими всё дело эксплуатации колоний исключительно в интересах своего личного обогащения. Тесная связь между интересами государства и компаний, прямая военная помощь и поддержка их колониальной деятельности проявлялись открыто в самых разнообразных формах. Однако сам аппарат колониальной эксплуатации находился в частных руках, колониальная добыча не растрачивалась на династические войны, а прежде всего непосредственно служила концентрации капитала в частных руках, служила делу первоначального накопления.

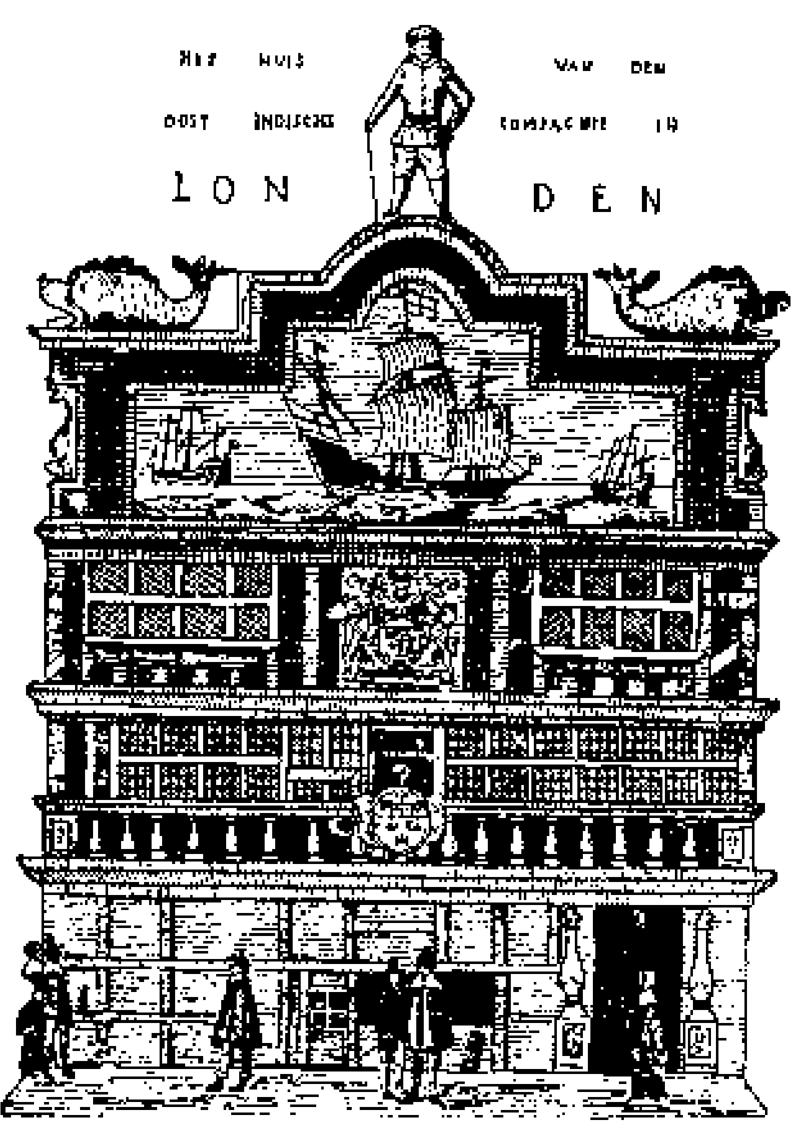
Среди многочисленных торговых компаний, возникших в XVII в., наибольшее значение имели две: голландская и английская Ост-Индские компании.

Голландская Ост-Индская компания

Образцом для компаний других государств, по которому позднее была реорганизована также и несколько ранее возникшая английская, послужила голландская Ост-Индская компания. Компания образовалась при прямом содействии голландского правительства, стремившегося объединить деятельность мелких предприятий, торговавших с Индией, только что возникших, но уже конкурировавших друг с другом. Главной целью основания компании было закрепление монополии торговли индий-

скими товарами за единым предприятием и запрет пути в Индию для всех остальных.

20 марта 1602 г. Генеральные штаты Голландии утвердили договор между директорами нескольких компаний, торговавших с Индией, об образовании единой Ост-Индской компании и особой хартией предоставили ей на 21 год монопольное право навигации и привилегированной торговли в границах от мыса Доброй Надежды на восток до Магелланова пролива. Хартия предоставляла компании право захватывать и конфисковать любой иностранный корабль, плавающий в этой зоне, основывать крепости и фактории, чеканить монету, содержать войска, объявлять войну, заключать мир и договоры от имени штатгальтера Голландии, а также полную судебную и административную власть над своими служащими и населением захваченных территорий. Торговые привилегии заключались в праве беспошлинного ввоза товаров в Голландию и праве вывоза товаров из Голландии в Индию с оплатой 3% пошлины. Первоначальный капитал в сумме 6,5 млн. флоринов составился путём подписки.

Здание Ост-Индской компании в Лондоне.
Старинная голландская гравюра.

Такая организация компании отдавала весь собранный капитал в распоряжение узкого круга лиц, принадлежавших к правящей купеческой верхушке Голландии.

Ост-Индская компания к середине XVII в. захватила большинство португальских владений в Индии и стала крупной политической и военной силой. Это повело к изменению характера и деятельности компании. Уже не торговля, а принудительные поборы и налоги становятся основным источником дохода. Отсюда стремление к новым захватам, к расширению подвластной территории.

Английская Ост-Индская компания

Английская Ост-Индская компания получила королевскую хартию на монополию торговли с Индией в 1600 г. В противоположность голландской компании, созданной под воздействием правительства, английская компания для получения хартии должна была преодолеть сомнения королевы Елизаветы, не желавшей в этот период обострять отношения с Испанией.

Хартия предоставляла английской Ост-Индской компании сроком на 15 лет лишь торговые привилегии — монополию торговли, право беспошлинного экспорта товаров, но не суверенные права, которыми обладала голландская компания.

Первоначальный капитал — 30 тыс. ф. ст. — представлял ничтожную сумму по сравнению с 540 тыс. ф. ст. голландской компании. Но и эту незначительную сумму не удалось собрать сразу. Долгое время английская компания испытывала большие финансовые затруднения.

Начальник первой экспедиции капитан Ланкастер заключил торговый договор (1602 г.) с султаном Аче (остров Суматра). Обратно он вёз послание султана, адресованное Елизавете, и небольшой груз перца. Результаты первой экспедиции оказались бы ничтожными и могли совсем угасить и без того незначительный интерес английских купцов к индийской торговле, если бы не «особая удача». Ланкастер встретил и ограбил португальский корабль с ценным грузом пряностей в 900 т. Благодаря этому первая экспедиция английской Ост-Индской компании вполне оправдала себя.

Правление английской компании находилось в Лондоне и состояло из главного директора и коллегии 24 директоров, избиравшихся общим собранием пайщиков на один год. Имея гораздо меньшие по сравнению с голландцами финансовые средства, флот и людские силы, англичане оставались в Индии в XVII в. на вторых ролях. Ост-Индская компания старалась обеспечить себе покровительство Великих Моголов. В этом ей помогало правительство: в 1615 г. для заключения торгового договора Яков I направил ко двору Великих Моголов посольство Томаса Роэ. Весь XVII век английская компания руководствуется лозунгом: «Наш подлинный интерес заключается в том, чтобы дёшево покупать в Индии и дорого продавать в Европе», что, разумеется, не исключало пиратских нападений вооружённых кораблей Ост-Индской компании на индийские и другие местные торговые суда.

Главные районы столкновений колониальных интересов в XVII в.

В XVII в. ясно наметились три основных района столкновений колониальных интересов, различавшиеся по обстановке и методам деятельности соперничавших держав: Индия и страны Южных морей, Вест-Индия и Северная Америка. В Индии и Юго-Восточной Азии торговые компании Голландии и Англии сначала выступали в роли «освободителей» местных феодалов от тирании португальцев, которых они вытесняли, а затем замещали в качестве торговых монополистов.

В Вест-Индии соперничавшие с Испанией державы (Голландия, Англия и Франция) не имели возможности использовать лишённые всякой самостоятельности местные силы. Борьба велась главным образом в форме пиратства и контрабандной торговли. При этом захватывались даже отдельные острова Вест-Индии, которые становились опорными пунктами для контрабанды и разбоя.

В Америке севернее Мексики к началу XVII в. ещё не утвердилась власть какого-либо европейского государства. В течение XVII в. и позже происходит вытеснение европейцами, главным образом англичанами и французами, коренного населения — индейцев. На «очищенной» от индейцев громадной территории распространяется новый, качественно иной тип колоний: колонии переселенцев из метрополии. Однако развитие этих колоний переселенческого типа было сопряжено с глубокими противоречиями: попытки перенести сюда феодальные порядки наталкивались на практическую невозможность осуществить монополизацию всей земли аристократией, а попытки установления здесь буржуазных отношений наталкивались на экономическую неразвитость этих молодых колоний. Ожесточённая борьба шла между английскими колониями и колониями французской короны.

Проникновение голландцев и англичан в Индию и страны Южных морей

Голландцы и англичане были осведомлены о слабых пунктах португальцев в Юго-Восточной Азии, а потому первые свои экспедиции направили на острова Ява, Суматра, Чернате, Банда, Молукки, отдаленные от основных баз португальского флота. В 1603 г голландцы основывают свою первую факторию на Яве. Попытки португальского флота воспрепятствовать проникновению соперников привели к поражениям португальцев.

По просьбе и с помощью мусульманских феодальных владетелей Молуккских островов голландцы вытесняют португальские гарнизоны, ставят свой гарнизон на острове Амбоина и постепенно закрепляются на всем архипелаге. Уже в результате первых экспедиций, направленных к одним и тем же пунктам, начинаются столкновения между англичанами и голландцами. Но голландцы оказались значительно сильнее, и англичанам приходилось уступать им лучшие места, а именно острова, богатые пряностями. Англичане обосновались на полуострове Индостан, где они добились покровительства Великих Моголов.

Форт Амбоина в 1607 г.
Гравюра 1716 г.

В столицу Моголов направляются посольства английской Ост-Индской компании и короля. В 1609 г. основывается первая торговая контора (фактория) англичан в Индии — в Сурате, а в 1613 г. английской компании удается получить от падишаха Джахангира фирман на право торговли во всех его владениях с твердо установленной пошлиной в 3,5% на все товары. Это ставило англичан в более благоприятное положение по сравнению с местными торговцами, обложенными многообразными, часто зависящими от произвола провинциальных властей, пошлинами.

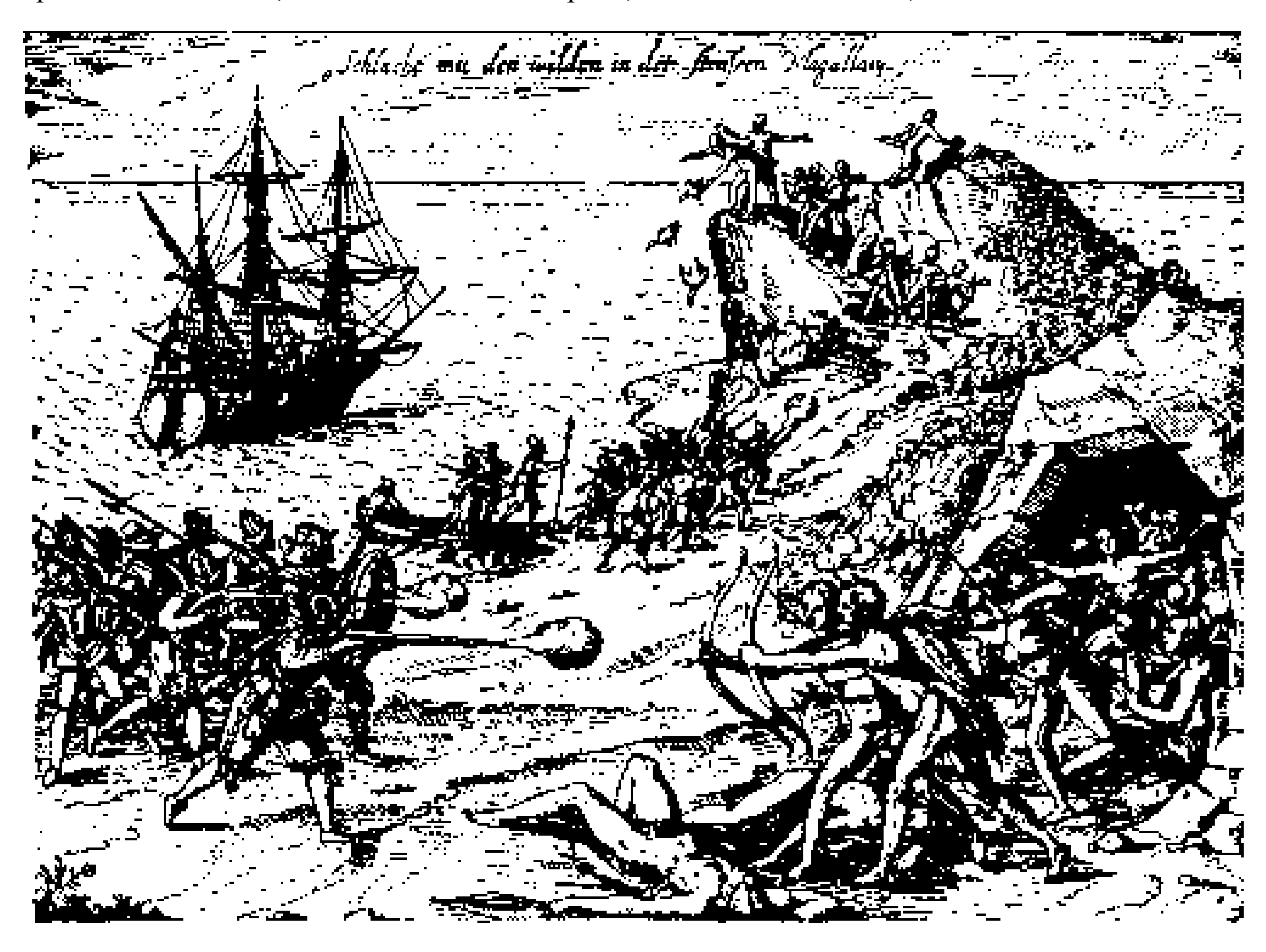
По перемирию 1609 г с Голландией Испания, жертвуя интересами объединенной с ней Португалии, признает за Голландией право свободной торговли в Индии и Юго-Восточной Азии. Впервые и притом в пользу «еретической» страны официально нарушается скрепленный папской буллой принцип раздела зон господства между Испанией и Португалией.

Захваты голландцев

В 1619 г голландцы захватывают и разрушают город Джакарту (остров Ява) и основывают на его месте свой торговый и административный центр — Батавию. В этом же году заключается соглашение между англичанами и голландцами о совместных действиях против португальцев и о доле в торговле пряностями с Молуккских островов, одна треть

шла англичанам, две трети — голландцам. Но соотношение сил соперников было таково, что англичанам приходилось искать поддержки голландцев; последние, чувствуя себя господами положения, не придавали значения взятым на себя обязательствам.

В 1623 г. произошёл кровавый инцидент на острове Амбоина. Голландский губернатор арестовал англичан, находившихся на острове, на основе показаний,

Нападение голландцев на жителей острова в Магеллановом проливе.
Гравюра конца XVI в.

данных под пыткой, обвинил в заговоре против голландской власти и казнил их. Протесты английского правительства ни к чему не привели. После этого инцидента англичане ушли с островов и ограничились торговой деятельностью в Индии.

Но голландцы не ограничились захватом в свои руки торговли в странах Южных морей. Они к этому времени овладели торговлей с Китаем и Японией, обосновались на острове Тайвань и стремились, оттеснив англичан, закрепиться в Индии. В Карнатике они получили исключительное право торговли. В 1627 г. голландцы основали факторию в Бенгалии, в 1655 г. превращённую в самостоятельный директорат Бенгалии. Ввиду слабости английской Ост-Индской компании её политика до конца XVII в. характеризовалась двумя чертами: во-первых, стремлением обеспечить себе покровительство могущественных восточных государей — Великих Моголов и шаха Ирана; во-вторых, поисками европейских союзников против конкурентов. Неудавшийся союз с голландцами против порту-

гальцев заменяется в 1635 г. союзом с португальцами против голландцев. Однако новые союзники не обладали достаточной силой, и голландцы продолжали захваты португальских владений. В 1656 г. голландцы проникли на остров Цейлон, но окончательно вытеснить оттуда португальцев им удалось лишь в 1658 г.

Крупную перемену в положении на Востоке внесло отделение Португалии от Испании. Вынужденная защищать свою собственную независимость, Португалия оказалась без флота, без средств для борьбы за колонии. В 1641 г. португальский король Жуан IV заключил с голландцами мир и союз. Отказавшись от возврата уже потерянных колоний, он предоставил Голландии ряд торговых привилегий. В договор была внесена оговорка о том, что в колониях он входит в силу только через год после подписания. Этим годичным сроком Голландия воспользовалась, чтобы захватить у своего бессильного союзника ряд важнейших опорных пунктов — Малакку, Сан-Томе, Анголу. Это нанесло окончательный удар господству Португалии в Юго-Восточной Азии. Место феодальной колониальной империи Португалии к середине XVII в. заняла частная купеческая Ост-Индская компания Голландии. Официальное признание эта победа буржуазного государства над феодальным получила в Мюнстерском (Вестфальском) мирном договоре 1648 г., по которому демаркационная линия, ранее делившая зоны господства между Испанией и Португалией, теперь устанавливалась между Испанией и Голландией. В 1652 г. голландцы захватывают у Португалии мыс Доброй Надежды и основывают здесь не только торговую, но и первую поселенческую колонию.

1648 год является высшей точкой торгового могущества Голландии. В дальнейшем голландцы продолжают захваты остатков португальских владений в Индии, пока в 1663 г. в руках Португалии не остались лишь три пункта — Гоа, Диу и Даман.

Колониальная система голландской Ост-Индской компании

Два момента определяют деятельность голландской компании в отношении её колониальных владений в Индонезии: во-первых, насильственное закрепление и консервирование докапиталистических производственных отношений — рабовладельческих, феодальных и, во-вторых, хищническое выкачивание продуктов у покорённого населения при широком использовании аппарата власти. Настойчиво, всеми средствами голландская компания домогалась в архипелаге Индонезии монопольного положения в колониальной торговле, не желая допустить перехода в руки конкурентов (главным образом португальцев и англичан) ни малейшей доли экспортной продукции.

Основным средством для достижения этих задач служило прекращение всяких морских связей между островами архипелага, кроме тех, которые поддерживались голландскими судами или местными, снабжёнными голландскими пропусками (оплаченными пошлиной). Служащий голландской компании Вурффбайн сообщает в своём дневнике, что экипаж джонки, прибывший без пропусков на один из островов Банда, был частью закован в кандалы, частью убит.

По свидетельству Вурффбайна, голландская компания никак не могла добиться от жителей острова Амбоины отказа от продажи «такого благородного продукта, как гвоздика», кому бы то ни было другому, кроме голландцев. В результате сожжения туземных посёлков, а также казни многих тысяч «неверных амбоинцев» удавалось покорять их лишь на короткое время, затем «они снова проявляли неверность». Ежегодно 8—10 голландских кораблей из Батавии с 800—1000 солдатами приезжали на 6 месяцев для наказания непокорных амбоинцев и только в 1643 г., по свидетельству Вурффбайна, закончилась эта борьба. Дневник свидетельствует о систематическом уничтожении гвоздичных деревьев и деревьев мускатного ореха для того, чтобы не дать возможности амбоинцам продавать пряности конкурентам. Так, по сообщению Вурффбайна, «прекрасный остров Розингейм, с лесами мускатного ореха, превращён в пустыню, так как требовал большого гарнизона для охраны и находился на расстоянии 2—3 миль от остальной группы островов Банда».

Уничтожены были также все деревья мускатного ореха на острове Пуло-Ран, из-за которого у голландцев шёл длительный спор с англичанами.

Монополизировав такими мерами в своих руках всю торговлю и сношения островов пряностей с внешним миром, компания обеспечила себе сдачу бесплатно или по минимальным ценам местной продукции, в производстве которой сама компания участия не принимала. Для этого была разработана система разнообразных мероприятий, сходных лишь в том, что все они были направлены на охранение докапиталистических, отсталых форм производственных отношений. На завоёванных островах земля распределялась (или продавалась) служащим компании в собственность с обязательством всю продукцию сдавать компании по твердо установленным ценам. Попытки продать продукцию на сторону сурово карались. Обработка этих «частных земель» производилась или прикреплённым к ним местным населением, над которым владелец получал феодальные права, или рабами. Спрос на рабов был очень велик, и поскольку военнопленных, обращённых в рабство во время завоеваний, не хватало, был организован специальный промысел кражи людей на соседних островах. Губернатором систематически снаряжались экспедиции для этой цели.

В областях, управляемых местными феодалами, первоначально заключались договоры о торговле, обеспечивающие голландцам свободу торговли и коммерческие привилегии; затем, по мере усиления мощи компании, свобода торговли заменялась обязательством торговать исключительно с голландцами, а с 1677 г. возникает институт «леверенций» — принудительных поставок. Попавшие под власть голландских колонизаторов страны Востока подвергались систематическому ограблению, их производительные силы разрушались, экономическое и культурное развитие тормозилось.

Голландские колонизаторы обрекали население на вымирание. Непрерывный ряд крупных, жестоко подавленных восстаний, обезлюдение страны, несмотря на систематическую поставку новых рабов, громадные издержки на содержание гарнизонов, расхищение основных богатств архипелага — всё это, наряду с ростом контрабандной торговли; в которой участвовали служащие компании, привело в дальнейшем голландскую Ост-Индскую компанию к краху.

Английская колониальная система в XVII в.

В отличие от голландцев англичане в этот период не располагали достаточной вооружённой силой и потому пользовались главным образом средствами экономического проникновения в Индию. В XVII в. английская компания», вытесненная более сильным соперником — голландцами — из Индонезии, развивала основную свою деятельность на территории империи Великих Моголов. Посольствами, подарками, взятками, услугами английская компания добилась сначала права основания факторий и торговли в Индии, затем пониженной и унифицированной пошлины, наконец, полного освобождения от пошлин за единовременный годовой взнос в казну Моголов. За соответствующую оплату и взятки со стороны местных торговцев англичане предоставляли уже от себя мусульманским и индусским купцам право вести собственную торговлю под английским флагом, не уплачивая внутренних таможенных сборов. Местные торговые и ростовщические круги втягиваются в орбиту интересов Ост-Индской компании, а впоследствии становятся союзниками англичан в деле порабощения собственной страны. Освобождение торговли от пошлин за единовременный ежегодный взнос обогащало также служащих компании: их частная торговля освобождалась от поборов без всяких затрат с их стороны. Вокруг английских факторий создавался обширный круг туземных посредников (брокеров), через которых английские купцы эксплуатировали массы мелких ремесленников, главным образом прядильщиков и ткачей. Вывоз индийских тканей являлся одной из важнейших статей торговли компании.

Первоначальные территориальные приобретения компания совершала в «скромной» форме аренды селений для устройства своих торговых факторий. Но при первой

возможности, под благовидным предлогом самообороны, эти фактории превращались в крепости. Так, в 1640 г. была основана первая английская крепость в Индии — форт св. Георгия (Мадрас).

Борьба за колонии в Вест-Индии

Континентальные владения Испании и Португалии в Северной и Южной Америке с покорённым и закрепощённым местным населением не представлялись такой лёгкой добычей для новых морских держав, как это было в Юго-Восточной Азии. В этой части мира усилия этих держав в XVII в. направляются на разрыв морских

Негры, работающие на испанской сахарной плантации в Америке.
Гравюра начала XVII в.

связей Вест-Индии с метрополией путём контрабандной торговли и пиратства. Разбойничьи набеги конца XVI в. Рэли, Дрейка и др. показали путь к лёгкой добыче. Острова, заброшенные испанцами после истребления коренного населения, сделались базой и убежищами своеобразных разбойничьих объединений, включавших выходцев многих наций. Остров св. Христофора, остров Тортуга стали центрами, откуда пираты производили нападения на испанские суда, а также на прибрежные поселения Центральной и Южной Америки.

Правительства Англии, Франции и Голландии широко пользовались услугами пиратов. В 1621 г. была основана голландская Вест-Индская компания, деятельность ко-

торой носила главным образом пиратский характер. За своё недолгое существование (1621—1674 гг.) компания захватила около 500 испанских кораблей. Эта компания пыталась, начиная с 1637 г., отнять у Португалии Бразилию. Но в Бразилии голландских завоевателей постигла неудача. Они были изгнаны; последний укреплённый пункт голландцев — Ресиф — сдался в 1654 г. Португальцам удалось, снарядив флот, отбить у голландцев и вернуть под власть Португалии в 1648 г. также африканские колонии Анголу и остров Сан-Томе, откуда в Бразилию вывозились негры-рабы.

Постепенно на заброшенных испанцами островах Вест-Индии возникают колониальные владения отдельных стран. Англичане обосновываются на Бермудских островах в 161)9 г., а между 1614 и 1635 гг. занимают острова св. Христофора, Барбадос, Невис, Тортуга, Антигуа и Провиденс; в 1655 г. Кромвель снаряжает экспедицию, которая завоёвывает Ямайку. Голландцы в 1667 г. занимают Суринам (Гвиана). Французы захватывают часть острова Эспаньола (Сан-Доминго), Гваделупу, Мартинику, а также обосновываются на северо-восточном берегу Южной Америки — во Французской Гвиане.

Во всех этих пунктах трудом негров-рабов велось плантационное хозяйство. Возделывались сахар, хлопок, кофе, какао. Из сахарного тростника изготовлялся ром. Самым прибыльным видом торговли, а для правительства крупной статьёй дохода являлась работорговля. Негры-рабы выменивались или похищались на побережье Африки и продавались в Вест-Индию. Испания объявила торговлю неграми королевской монополией.

Колонизация Северной Америки в XVII в.

Первые английские и французские колонисты Северной Америки встретили здесь независимое коренное население индейцев, ещё незнакомое с господством европейцев. Первые попытки колониального захвата страны делает Франция.

В 1535 г. Жак Картье объявляет Канаду владением французского короля. В 1540 г. Робервиль получает титул вице-короля Канады, Ньюфаундленда, Лабрадора и прилегающих областей. В это время в Канаде было всего около 200 французов-колонистов. Генрих IV в 1600 г. предоставил «компании Канады и Акадии» исключительное право основывать поселения и вести торговлю в бассейне реки св. Лаврентия. В 1608 г. основывается город Квебек, центр торговли мехами. В 1628 г. «компания 100 участников» получает широкие торговые привилегии взамен обязательства ежегодно доставлять в Канаду 200—300 рабочих различных профессий и содержать их здесь в течение трёх лет. В XVII в. французы исследовали громадные пространства Северной Америки, всю область на юг от Великих озёр, вплоть до Мексиканского залива. В 1682 г. Робер де ла Саль объявил бассейн реки Миссисипи французским владением, назвав эту область Луизианой (в честь короля Людовика XIV).

В 1606 г. Яков I предоставил право собственности на землю и право на основание поселений в Северной Америке к северу от 40-й параллели Плимутской компании (её пайщиками были купцы города Бристоля и Плимута), а к югу от этой параллели (в области, названной ещё Рэли — Виргинией) — Лондонской компании. Первая партия переселенцев Лондонской компании была высажена в 1607 г. Этим было положено основание колонии Виргинии. Коренное население — индейцы алгонкинских племён приняли англичан дружелюбно, даже уступили ям часть своей земли. Но приток переселенцев всё увеличивался, англичане бесцеремонно занимали всё новые земли, индейцы постепенно насильственно лишались своих земель, оттеснялись в специально отведённые для них территории. Индеец, перешедший установленную границу, мог быть убит. В 1624 г. Яков I ликвидировал Лондонскую компанию, и Виргиния стала королевской колонией. Во главе колонии был поставлен назначаемый королём губернатор, при котором находились совет, и выборное собрание депутатов.

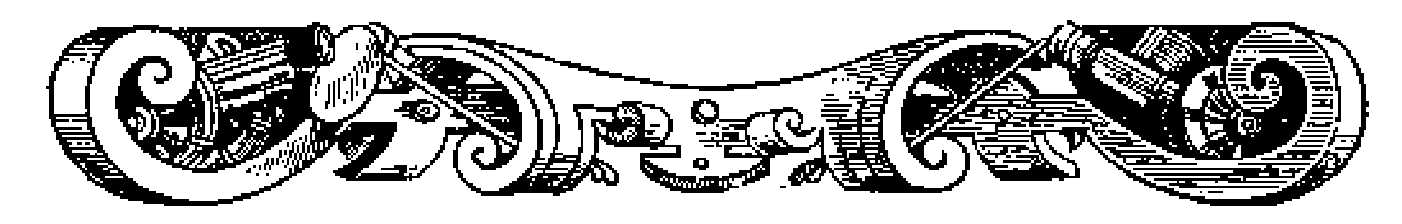
Систематическое вытеснение с земли коренного населения и бесчеловечное истребление индейцев при каждой их попытке защитить свою землю характерны и для истории остальных английских колоний в Америке. В Мериленде, основанном в 1624 г., королевская хартия провозгласила лорда Балтимора владетелем провинции и верховным собственником всей земли. В 1642 г. индейцы вынуждены были начать вооружённую борьбу с захватчиками, а в 1646 г. карательному отряду капитана Прейса даётся инструкция: «Губить индейцев на земле и на воде, убивая их или беря в плен, сжигая их дома, уничтожая посевы и всякими другими способами». Превратить местное население в рабов англичане не смогли, так как свободолюбивые индейцы предпочитали смерть рабству. Поэтому в качестве рабов в английские колонии ввозились в XVII в. вначале англичане, продавшие себя или обращённые в рабство (преступники, пленники гражданской войны середины XVII в.), а позднее негры из Африки.

Борьба с голландцами, основавшими в 1626 г. поселение Новый Амстердам (современный Нью-Йорк) и пытавшимися закрепить за собой область, названную Новыми Нидерландами, закончилась тем, что в 1664 г. англичане захватили голландские владения.

* *
*

Громадные богатства, захваченные европейцами в результате ограбления новооткрытых стран и колониальной их эксплуатации, составили один из важнейших элементов первоначального накопления, ускорили исторический процесс разложения феодализма и перехода от феодального строя к буржуазному в Европе. Но в то время как в европейских странах происходит ускоренное развитие более прогрессивных по сравнению с феодальными капиталистических отношений, в азиатских странах вторжение европейцев и их колонизаторская деятельность способствуют консервации самых отсталых феодальных и даже рабских форм эксплуатации непосредственных производителей, ведут к нарушению экономических связей между этими странами, к подчинению местного производства интересам европейского торгового капитала.

ГЛАВА XXXII
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЕВРОПЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В. И ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

На рубеже XVI и XVII вв. международная ситуация в Европе была весьма неустойчивой и содержала в себе предпосылки общеевропейского конфликта. Германия и Италия продолжали оставаться раздробленными и являлись ареной борьбы внутренних и внешних сил. Так называемая «Священная Римская империя» с её сложным составом и спорными границами представляла собою очаг постоянных конфликтов. Германские князья боролись друг с другом и с княжеским домом Австрии — Габсбургами, владевшими уже к концу XV в., кроме Верхней и Нижней Австрии и Тироля, славянскими землями в Юго-Восточной Европе, рядом мелких территорий в Юго-Западной Германии (Передняя Австрия) и «бургундским наследством», т. е. частью собственно Бургундии и Нидерландами. С середины XV в. австрийские Габсбурги, неизменно избирались на императорский престол. Крупные княжеские дома империи соперничали между собой в подчинении своему влиянию многочисленных мелких «имперских чинов» — герцогов, графов, прелатов и имперских городов — с целью использования их военных сил и финансовых средств.

Усиление Габсбургов к началу XVII в. и рост международных противоречий в Европе

Усиление Габсбургов в ходе этой борьбы представляло угрозу не только для соседних народов, но и для всех складывавшихся тогда национальных европейских государств. Особенно возросла опасность великодержавной политики Габсбургов в XVI в., когда они объединили в своих руках императорскую корону с короной Испанской монархии, а после 1526 г. подчинили себе Чехию и Венгрию. Правда, после отречения Карла V в 1556 г. его огромные владения были разделены между испанской ветвью Габсбургов и австрийской, а в результате Нидерландской революции от испанского ига освободились

северные провинции Нидерландов, образовавшие буржуазную республику. Внутри империи великодержавные замыслы Габсбургов парализовались в известной мере борьбой против них других крупных князей — как протестантов, так и католиков. С Габсбургами соперничали не только саксонские герцоги, бранденбургские маркграфы и другие протестантские князья, но и крупнейшие католические князья, прежде всего баварские герцоги. Однако Габсбурги рассчитывали, что их далеко идущие претензии будут поддержаны реакционными силами ряда европейских стран. Габсбурги стремились использовать наступившую в империи после поражения Великой крестьянской войны политическую реакцию и начавшуюся в 40-х годах XVI в. контрреформацию для усиления своих позиций.

Австрийские и испанские Габсбурги одно время соперничали друг с другом в своей агрессивной политике и стремлении к политическому господству в Европе. Захват Испанией значительной части Италии вызывал недовольство со стороны австрийских Габсбургов. Интересы обеих ветвей Габсбургов сталкивались также в Южной Германии. Несмотря на это, в сложившейся во второй половине XVI и в начале XVII в. обстановке всё чаще практиковались их совместные действия. Испанское правительство рассчитывало, что победа австрийских Габсбургов и католической реакции в Германии, особенно в области Рейна, создаст благоприятную обстановку для осуществления его стремления вновь покорить буржуазную республику нидерландских северных провинций, которую оно вынуждено было признать по временному перемирию 1609 г. Разрабатывались различные династические комбинации для слияния обеих ветвей Габсбургского дома.

Возникшая перспектива испано-австрийских совместных действий на Среднем и Нижнем Рейне и угроза усиления католической реакции в Германии таили в себе предпосылки обострения конфликта Габсбургов с Францией. Генрих IV французский проводил политику «защиты исконной немецкой свободы», т. е. сохранения политической раздробленности Германии и всемерной поддержки внутренней борьбы, происходившей в ней между протестантскими и католическими князьями. Французские политики стремились не допустить усиления австрийских Габсбургов в Германии. Франция была также недовольна установившимся с середины XVI в. господством Испании в большей части раздробленной Италии, в частности в Северной Италии, т. е. на той территории, которая являлась связующим звеном между испанскими и австрийскими владениями. Положение оставалось неопределённым вследствие того, что Савойское герцогство — одно из самостоятельных итальянских государств — колебалось в выборе ориентации между Францией и Испанией и занимало выжидательную позицию.

Осуществление планов австрийских и испанских Габсбургов в Германии, Италии и Нидерландах не только устранило бы возможность расширения территории Франции до Пиренеев на юге и до Рейна на востоке, но и создало бы угрозу окружения Франции и значительно укрепило бы стратегические и экономические позиции её наиболее опасных противников.

Генрих IV энергично готовился к войне с Габсбургами. Он старался убедить протестантских немецких князей в том, что государственный интерес диктует им союз с Францией против общего врага. Перед своей смертью Генрих IV успел организовать коалицию немецких князей, вместе с которыми он готовился начать войну против Габсбургов.

В борьбе с Габсбургами французское правительство ещё в XVI в., при Франциске I, вело переговоры, а затем (в 1535 г.) заключило союзный договор с Турцией и получило от султана так называемые капитуляции, предоставившие Франции ряд торговых льгот в Турции. В сущности это был договор о военном союзе между обеими странами. Франция обязалась поддерживать Турцию в борьбе не только с Карлом V (Габсбургом), но и с Венецианской республикой, постоянно воевавшей с Турцией. Франко-турецкий договор был подтверждён в начале XVII в.— при

Генрихе IV, который рассматривал его как орудие борьбы с императором и испанским королём. Этой же политики придерживалось французское правительство и после смерти Генриха IV.

Угроза усиления Габсбургов, являвшихся главной опорой католической реакции в Нидерландах и в немецких землях Нижнего Рейна, вызывала тревогу у всех государств, заинтересованных в северных морских торговых путях. Правительство Англии не могло оставаться спокойным перед лицом возникшей опасности утверждения Габсбургов на берегах Северного моря. Оно было заинтересовано в том, чтобы сдерживать напор испанских и австрийских сил на Нидерланды и Нижний Рейн. В то же время господствующий класс Англии и английское правительство, считавшие своей политической опорой англиканскую церковь, не могли действовать вполне солидарно с державами намечавшегося антигабсбургского протестантского лагеря, поскольку революционная оппозиция внутри Англии придерживалась кальвинизма. Кроме того, чрезмерное усиление Франции, стремившейся упрочить свои позиции на Востоке, противоречило торговым интересам Англии, которая в конце XVI в. также добилась для своих судов права входить в турецкие порты под собственным флагом. Позиция Англии перед Тридцатилетней войной, так же как и на первом этапе самой войны, была нерешительной и колеблющейся.

Позиция других государств Северной Европы в назревавшем на территории Германии конфликте была более определённой. Дания была тесно связана с Северной Германией политически и экономически. Король Дании был в то же время герцогом Голштинским и являлся, таким образом, одним из князей «Священной Римской империи». Дания не могла примириться с перспективой установления в Северной Германии господства Габсбургов. Кроме того, при определившемся упадке Ганзы Дания считала себя её преемницей в посреднической торговле между западным и восточным районами, прилегавшими к Северному морскому пути. Шведский король Густав II Адольф после заключения Столбовского мира 1617 г. стремился к дальнейшим захватам в бассейне Балтики, которые обеспечили бы за Швецией полное господство в этом бассейне. Швеция и Дания соперничали между собой, стремясь расширить своё влияние на северных морских путях, но обе эти державы видели главную опасность для себя в готовившейся экспансии Испании и австрийских Габсбургов.

Вынужденная принять тяжёлые для неё условия Столбовского мира 1617 г., Россия не оставляла мысли о борьбе за Прибалтику. Однако первоочередную задачу своей политики она видела тогда в полной ликвидации последствий польской интервенции. Между тем Польша рассматривалась Габсбургами как аванпост на востоке Европы. Австрия и Испания помогали Польше деньгами и ландскнехтами во время её интервенции в России.

Положение в Европе осложнялось в начале XVII в. наличием турецкой опасности. Под господство Османской империи подпал не только ряд стран на юго-востоке Европы, но и большая часть Венгрии в Центральной Европе. Под габсбургским владычеством оставалась узкая полоса территории в западной части Венгрии. Буда стала турецкой крепостью, дававшей туркам возможность дальнейшего наступления по Дунаю на Вену.

Во второй половине XVI в. Турция находилась в зените своего могущества. Её западные границы были расширены завоеванием владений Венецианской республики на Балканском полуострове и на Эгейском море, восточные границы — завоеванием Багдада и значительной территории на Кавказе. Турция добилась укрепления своих верховных прав на Трансильванию и на княжества Молдавию и Валахию. Правда, тяжёлое поражение при Лепанто (в 1571 г.) в битве с испано-венецианским флотом на время подорвало морское могущество Османской империи. Однако, несмотря на это поражение, Кипр был захвачен турками и венецианцы обя-

запись уплатить большую военную контрибуцию. Вскоре после этого турки расширили свои владения в Северной Африке, отвоевав у испанцев Тунис.

В начале XVII в. Сефевиды отвоевали ряд пунктов в Иране и на Кавказе. Однако и в первую половину XVII в. Османская империя продолжала оставаться грозной силой для своих соседей. В немалой степени этому способствовали события в Европе: назревавший там конфликт между двумя враждебными группировками усиливал роль Турции в европейских делах. Франция добивалась, чтобы султан оставался её союзником. Об укреплении своих отношений с Турцией заботилось также и английское правительство. В первые же годы Тридцатилетней войны ко двору турецкого султана стали ездить послы ряда европейских государств. Послы Франции и Голландии, Англии и Венеции, России и Польши вели между собой в Константинополе дипломатическую борьбу, стараясь оказать влияние на позицию турецких правителей.

Со своей стороны турки рассчитывали, что обострившиеся в Европе политические и связанные с ними религиозные противоречия ослабят Габсбургов и подорвут позиции Австрии, считавшейся в то время «форпостом христианства» против турок. В то же время у турок появились надежды, что сложившаяся в Европе обстановка даст им новью шансы в борьбе с Сефевидами. В связи со всем этим при Мураде IV (1623—1640) возобновились наступательные действия турок против венецианцев и Ирана; в результате войн с Ираном турки вернули утерянные ими в начале столетия территории.

Германия перед Тридцатилетней войной

Центральным очагом назревавшего общеевропейского военного кризиса была Германия. После поражения Великой крестьянской войны наступила реакция, которая усилилась во второй половине XVI и в начале XVII в. Вместе с подавлением крестьянского восстания положен был конец и всему общественному движению эпохи Реформации, развернувшемуся на фоне экономического подъёма XV и начала XVI в., когда росли и процветали германские города, расположенные в центре мировых торговых путей. Теперь в городах было восстановлено господство патрициата, которое сковывало торговлю и промышленность. К тому же города попали в зависимость от территориальных князей. Бюргерская оппозиция в городах была сломлена. Что касается продолжавшейся борьбы за реформацию, то она «...выродилась в грызню между отдельными князьями и имперской центральной властью и имела своим последствием то, что Германия на 200 лет была вычеркнута из списка политически активных наций Европы» [1].

В дальнейшем политическая реакция и усилившаяся политическая раздробленность Германии были закреплены её экономическим упадком. Во второй половине XVI в. начали сказываться последствия великих географических открытий, прежде всего — новое направление путей мировой торговли. Торговые пути через северо-итальянские города и Германию не играли уже прежней роли, первостепенное значение в международной торговле получали пути, которые связывали восточные страны с побережьем Атлантического океана. Былые преимущества южно-германских городов, торговавших с Северной Италией, потеряли своё значение. Одновременно определился окончательный упадок Ганзейского союза северогерманских городов, оттеснённого от балтийской торговли буржуазной Голландией. Преимущество Голландии заключалось не только в её более выгодном географическом положении, но и в том, что буржуазия этой страны, освободившейся в результате Нидерландской революции от испанского владычества, была передовым классом, умевшим выгодно использовать создавшиеся политические и экономические условия.

Экономический упадок Германии со второй половины XVI в. коснулся и её промышленного развития. Зарождавшееся в XV и в начале XVI в. капиталистиче-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Избранные произведения, т. II, 1948, стр. 94.

ское производство в форме мануфактуры не получило дальнейшего развития. Важной причиной этого была победа феодальной реакции в деревне после подавления Крестьянской войны. Для успешного развития мануфактуры требовалось распространение промышленности не только в городах, но и в деревенской округе, где не существовало цеховых преград и «патрицианской рутины». Однако «... повсеместное восстановление крепостного права, — писал Энгельс, — явилось одной из причин, помешавших развитию промышленности в Германии в XVII и XVIII вв.» [1]. На состояние промышленного развития Германии оказали, кроме того, влияние застой в области немецкой торговли, потеря ею рынков и наличие иностранной конкуренции. По мере развития в соседних странах мануфактурного производства слабела и цеховая промышленность Германии, страдавшая от непосильной конкуренции.

Экономический упадок городов Западной и Юго-Западной Германии имел своим последствием сокращение ёмкости внутреннего рынка для сельского хозяйства. Зато сельское хозяйство получило новый стимул к своему расширению в районах к востоку от Эльбы, из которых хлеб (главным образом рожь) и промышленное сырьё вывозились за границу. Вывоз хлеба и других продуктов сельского хозяйства в расположенные на новых путях мировой торговли страны, в которых бурно развивалась капиталистическая мануфактура, представлялся весьма выгодным для феодалов. «Капиталистический период, — писал Энгельс, — возвестил в деревне о своем пришествии как период крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян» [2]. В условиях, когда сопротивление крестьян произволу феодалов было сломлено, восточногерманские феодалы получили возможность расширять свои хозяйства за счёт крестьянских наделов и общинных земель и увеличивать предназначенную на вывоз продукцию, применяя в широких размерах барщинный труд. Мелкие крестьянские хозяйства становились придатком барского, которое обрабатывалось даровым крестьянским трудом и крестьянским инвентарём. Они сохранились лишь постольку, поскольку это представлялось феодалам необходимым для обеспечения своего собственного хозяйства трудом крепостных.

Энгельс указывал, что немецкие крестьяне к востоку от Эльбы, жившие до Крестьянской войны в лучших условиях и предоставившие своих восставших братьев их судьбе, «получили за это по заслугам» после подавления восстания. Крепостное право «во втором издании», усилившееся в районах, где была Крестьянская война, и распространившееся на восток, сделалось там орудием полного подчинения крестьян феодалам [3].

Система крупного барщинного хозяйства надолго утвердилась в восточных землях Германии, где существовали благоприятные условия для крупного производства товарного хлеба. В западной же части страны таких условий не было. Поэтому в западных и юго-западных землях Германии, хотя они и являлись исходным пунктом сеньориальной реакции и возобновления всеобщего крепостного состояния крестьянства, продолжала господствовать система мелких хозяйств, плативших феодалам главным образом денежный и натуральный оброк.

В торжестве феодальной реакции и утверждении крепостного права «во втором его издании» большую роль играла усилившаяся княжеская власть в Германии. Усиление власти князей определилось задолго до Крестьянской войны и имело своей основой то обстоятельство, что развитие Германии шло по линии не централизации в масштабе всей страны, а местной и провинциальной централизации. Поэтому князья сумели использовать в своих интересах последствия разгрома восставших крестьян. Немецкое дворянство, замки которого были разрушены грозным крестьянским восстанием, сочло необходимым в целях восстановления своего положения сплотиться вокруг князей и отказаться от всякой оппозиции по отношению

---

[1] *Ф. Энгельс,* Крестьянская война в Германии. Приложения, стр. 148.

[2] Там же, стр. 126.

[3] См. там же, стр. 132.

к ним. Дворяне всюду признали себя подданными князей, от которых они получали выгодные должности, привилегии, освобождение от налогов и, прежде всего бесконтрольную власть над крепостными крестьянами. Дворянство поддерживало также церковную организацию, как протестантскую, так и католическую, которая после Аугсбургского мира 1555 г. служила в руках князей орудием политического господства.

Австрия в составе империи

Австрия, усилившаяся в обстановке нараставшей в Юго-Восточной Европе угрозы турецкого нашествия и сложившаяся в многонациональное государство, занимала особое положение в составе империи. Австрийские эрцгерцоги Габсбурги были самыми могущественными князьями империи. Будучи связанными с испанскими Габсбургами, они не оставляли своих планов создать «мировую» Габсбургскую державу и использовать для этой цели находившуюся в их руках императорскую корону. Этой своей политикой австрийские Габсбурги вызывали зависть и враждебное к себе отношение других крупных князей империи не только протестантского, но и католического лагеря. Даже внутри своих наследственных владений Габсбурги не могли ликвидировать политическую оппозицию дворянства и сломить сопротивление славянских народов и венгров.

Политическая борьба в Германии в конце XVI и начале XVII в.

Крестьянское восстание конца XVI в. в Австрии показало, что в деревне ещё живы традиции революционной борьбы и идеи народной реформации. Это восстание не было единственным на рубеже XVI и XVII вв. Разрозненные выступления крестьян продолжались и после его подавления не только в Австрии, но и в Баварии и других местах Южной Германии. Крестьянское движение, направленное против усиления феодально-крепостнического гнёта, способствовало оживлению борьбы с католической реакцией, проводимой иезуитами, которые приобрели во многих районах значительное влияние. Оно имело отклики в городах. Так, в имперском протестантском городе Донауверте, окружённом владениями католической Баварии и подвергавшемся грубому нажиму со стороны баварского герцога Максимилиана Виттельсбаха, иезуитов и императора Рудольфа II (1576—1612), народные низы неоднократно выражали свою готовность к решительной борьбе с реакцией. С 1598 г. городская «чернь» проявляет себя, по выражению Маркса, «фанатически-протестантской», препятствует католическим процессиям, осыпая их насмешками, а в 1607 г. произошло «*настоящее восстание народных низов*»[1]. Католическая реакция в Германии, однако, использовала то обстоятельство, что донаувертские бюргеры предали движение народных масс и участвовали в его подавлении. Максимилиан Баварский присоединил Донауверт к своим владениям.

При Рудольфе II иезуиты почувствовали себя полными господами положения. Протестантизм, выродившийся в орудие определённой группы светских князей, ослаблялся ещё более внутренней борьбой между лютеранскими князьями Северной и Восточной Германии и некоторыми князьями Юго-Западной Германии, придерживавшимися кальвинизма. Возросшее влияние католиков и усилившиеся политические позиции иезуитов подрывали установленное Аугсбургским религиозным миром 1555 г. равновесие между протестантской и католической группировками князей. При поддержке Максимилиана Баварского и эрцгерцога Фердинанда Штирийского иезуиты перешли в наступление в ряде городов и земель от Донауверта до Кёльна, Ахена и герцогства Юлих.

Уже эта борьба, развернувшаяся с особой силой с первых лет XVII в. в Рейнской области, затронула интересы иностранных государств и создала угрозу переплетения внутригерманской борьбы и назревавших острейших международных конфликтов в один общий узел. После гибели испанской «Непобедимой армады» Рейн и Рейнская область сделались основным путём сообщения между Испанией и

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. VIII, стр. 60, 106, 107.

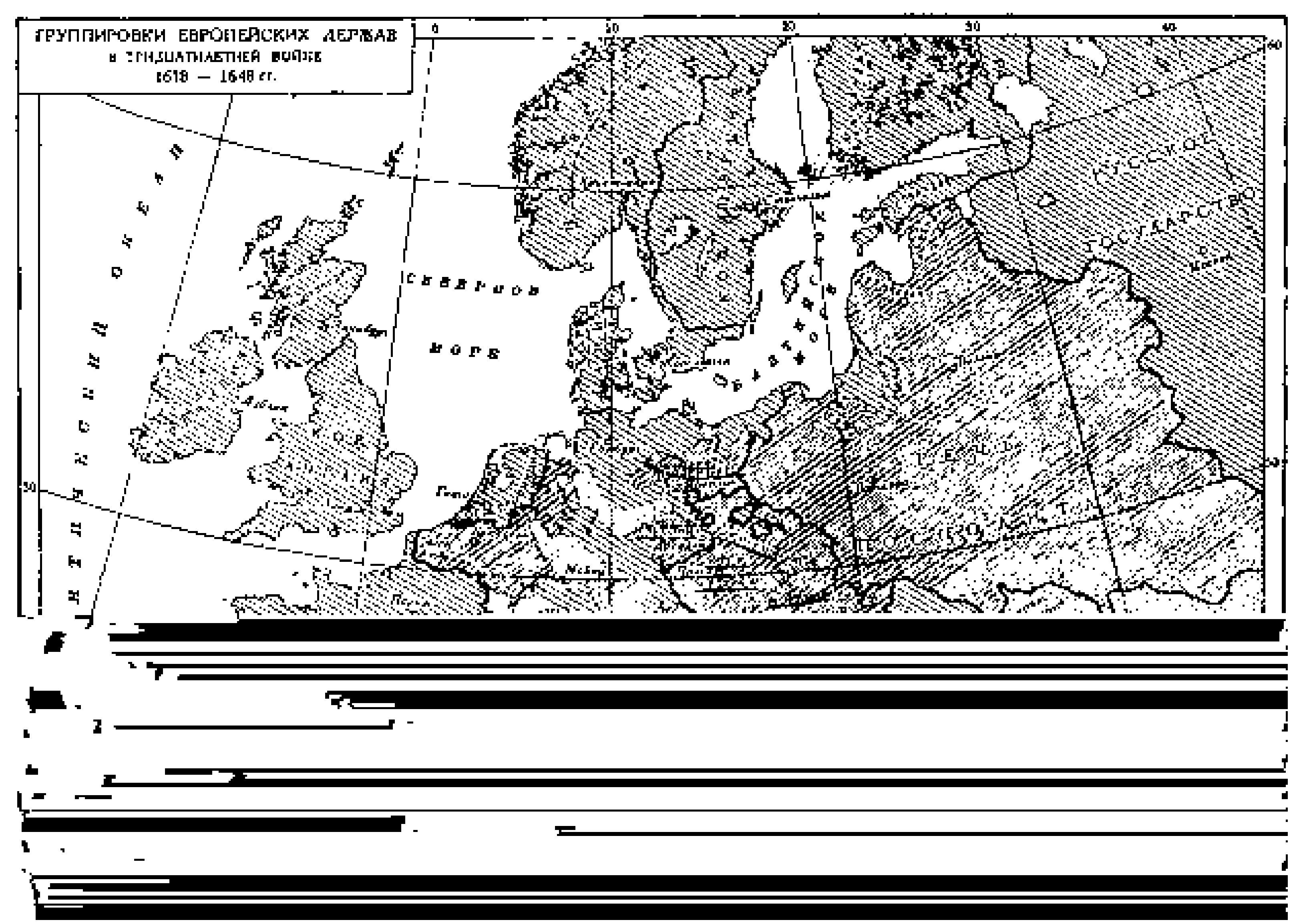
Нидерландами. Победа немецких католиков помогла бы Испании, продолжавшей борьбу с революцией в Нидерландах, утвердить своё влияние в Рейнской области, имевшей важное значение в качестве связующего звена между Испанией и Нидерландами. Однако это не устраивало Францию, стремившуюся ослабить Испанскую монархию и не допустить её проникновения в область Рейна. Католическая Франция отнюдь не была, таким образом, заинтересована в торжестве католиков в Германии.

Внутригерманская борьба привела в 1608—1609 гг. к созданию в империи особых политических организаций протестантов и католиков, каждая из которых имела своё войско и казну и вступала в дипломатические отношения с иностранными государствами. Первыми организовались протестанты, образовавшие в мае 1608 г. Протестантскую, или Евангелическую унию. Поводом к образованию унии было стремление вернуть Донауверту права имперского города. В действительности цель организаторов Протестантской унии, главой которой был избран Фридрих V Пфальцский, заключалась в объединении военных сил и установлении связи между протестантами. Не желая опираться в борьбе с католической реакцией на народные силы, объединившиеся протестантские князья и города возлагали все свои надежды на французского короля Генриха IV.

В следующем году образовался в противовес унии союз католиков — Католическая лига. Её главой был баварский герцог — воспитанник иезуитов Максимилиан, призвавший императорского фельдмаршала барона фон Тилли в качестве командующего её войском. Основным объектом борьбы между протестантами и католиками в то время были секуляризованные в протестантских княжествах церковные имущества, которые католики стремились вернуть церкви. Максимилиан Баварский стремился использовать силы католического лагеря в интересах возвеличения своего дома за счёт Габсбургов. Он использовал для своей армии средства мелких городов и духовных владетельных лиц, входивших в состав Католической лиги. Если внутри протестантского лагеря соперничали между собой лютеране и кальвинисты, то в католическом лагере боролись за гегемонию баварские Виттельсбахи и Габсбурги. Все боровшиеся княжеские клики стремились использовать силы и средства мелких «имперских чинов» в своих частных интересах и интриговали друг против друга в своих сношениях с иностранными государствами. В обстановке экономического упадка Германии, разгрома народного движения и усиления власти князей вопрос о государственном единстве страны и политических интересах немецкого народа не выдвигался.

После образования Протестантской унии и Католической лиги, за которыми стояли силы иностранных государств, борьба обоих лагерей вступила в решающую стадию. Её переход в открытую войну задержался, однако, вследствие чрезвычайно сложной ситуации как внутри Германии, так и в Европе. Максимилиан баварский, распоряжавшийся войсками Католической лиги, не был склонен торопиться с наступлением, которое могло привести к усилению Габсбургов. Отношения между австрийскими и испанскими Габсбургами не определились ещё с полной ясностью. Филипп III, король Испании, ориентировался больше на Баварию и на Католическую лигу, чем на Австрию, и занимал выжидательную позицию. Те государства, на которые рассчитывали немецкие протестанты, не определили ещё своей позиции. Французский король, правда, готовился к войне с Испанией. Однако его отношение к политической борьбе, происходившей в Германии, было ещё неясным. Если он не был заинтересован в торжестве немецких католиков, то, с другой стороны, он не желал и победы протестантов в Германии. Ещё меньше немецкие протестанты могли рассчитывать на помощь протестантской Англии. Правда, английский король Яков I Стюарт поддерживал главу Протестантской унии Фридриха Пфальцского, который, был его зятем. Однако он не желал полной победы протестантов на континенте. Яков I предпочитал маневрировать и стремился породниться

Группировки Европейских держав в тридцатилетней войне 1618—1648 гг.

с испанским Габсбургским домом. Как Франция, так и Англия боялись превращения империи в сильное государство. Начало открытой войны зависело не столько от положения в империи, которая служила ареной назревавшего общеевропейского» конфликта, сколько от степени размежевания сил двух лагерей европейских держав. Правительства крупнейших держав Европы маневрировали, выжидали, выясняли положение в лагере противников и намерения своих возможных союзников.

Позиция России накануне Тридцатилетней войны

Задача ликвидации последствий польской интервенции в России не могла быть разрешена русским правительством вне связи с нараставшим тогда в Европе конфликтом. Готовясь к борьбе с Польшей — восточным форпостом испано-габсбургского лагеря католической реакции, Россия выступала как крупная сила на востоке Европы, с которой не могли не считаться другие державы обеих европейских группировок.

Политика русского правительства в годы, предшествовавшие Тридцатилетней войне, определялась заинтересованностью России в победе антигабсбургской группировки. Победа испано-габсбургского лагеря побудила бы шляхетскую Польшу на новые агрессивные действия, создавая непосредственную угрозу русским землям со стороны объединённых испано-австро-польских сил. Поэтому, наряду с мотивами внутреннего порядка, вынудившими русское правительство пойти на тяжёлые условия Столбовского мира с Швецией, немалую роль играли здесь и соображения внешней политики, необходимость готовиться к борьбе с Польшей.

Неудачный для Польши поход на Москву 1617—1618 гг. сковывал силы Польша и ослаблял её позиции на северо-востоке в войне со Швецией.

Чехия и общее положение империи накануне Тридцатилетней войны

Вступив на чешский престол после включения Чехии в состав Габсбургской державы (1526 г.), Фердинанд официально признал, что он принял корону на основе свободного избрания его чешским сеймом. Он обещал соблюдать все права и вольности Чешского королевства, все привилегии его сословий. Однако Фердинанд нарушил свои обещания и стал обращаться с Чехией, как с зависимой страной. Был запрещён созыв сеймов и областных собраний представителей сословий без разрешения короля, самоуправление городов было ограничено и поставлено под надзор австрийских чиновников. Под контроль чиновников поставлены были и цехи. Попытки сопротивления со стороны чешских феодалов и горожан подавлялись казнями и конфискациями имущества.

Одновременно Фердинанд I и его преемники — Максимилиан II (1564—1576) и Рудольф II вели борьбу с оживившейся деятельностью чешских протестантов, выступавших против господства Габсбургов. Сословия чешского сейма перешли в Праге к решительным действиям. Они учредили правительственный комитет. Ввиду возникшей угрозы объединения Чехии с протестантским лагерем Германии Рудольф II пошёл на уступки. К этому побудил его и испанский посол, считавший невыгодным перейти в тот момент к открытой войне в Европе. В июле 1609 г. Рудольф II подписал «Грамоту величества», предоставлявшую всем некатоликам в Чехии свободу вероисповедания с правом иметь избранных «дефензоров», т. е. защитников своей веры. В 1611 г. в Праге были организованы чешские вооружённые силы под командованием протестанта графа Турна. В этом же году Рудольф II отрёкся от престола Чехии в пользу своего брата Матвея. Преемник Рудольфа Матвей (император с 1612 по 1619 г.) вынужден был подтвердить «Грамоту величества» и признать новое политическое положение Чехии.

Протестантская уния, искавшая поддержку вне страны, стремилась в 1609— 1611 гг. использовать в своих интересах начавшееся в Чехии движение против Габсбургов. Тогда же сделаны были Протестантской унией попытки сближения с Венецианской республикой, со швейцарскими кантонами и с Англией. В 1613 г. подписан был оборонительный союз унии с Голландией.

В это время в католическом лагере не только углублялась борьба между австрийским и баварским домами, но и обнаружилось глубокое недовольство мелких швабских и баварских феодалов, средства которых стремились присваивать себе руководители Католической лиги. Перспектива победы протестантов испугала, однако, духовных феодалов Юго-Западной Германии, которые опасались проведения у них секуляризации. Максимилиан Баварский воспользовался этим для укрепления лиги и сохранения в своих руках управления ею. В 1614—1615 гг. лига выступает активно в ряде конфликтов протестантов с католиками — в герцогстве Юлих, графстве Клеве, в городах Ахене и Мюльгейме и в других пунктах Рейнской области, расправляясь всюду с протестантами. Иезуиты старались с помощью папы обеспечить своему ставленнику Фердинанду Штирийскому наследование престола в Австрии, Чехии, Венгрии и права на корону «Священной Римской империи». Матвей объявил Фердинанда своим наследником.

Фердинанд Штирийский начал открыто нарушать «Грамоту величества» и все гарантированные ею чехам политические и религиозные права. В Чехии стали преследовать протестантов и сторонников политической самостоятельности страны, в том числе и командовавшего чешским войском графа Турна. Для проведения мероприятий, задуманных Габсбургами, в Праге было составлено правительство из десяти «заместителей» («лейтенантов»), противников «Грамоты величества», которые не признавали чешских «дефензоров» и подвергали их репрессиям.

Эти реакционные меры Фердинанда и его «лейтенантов» вызвали в Чехии большое возмущение. Во всех слоях общества росла решимость к сопротивлению. Протестантские депутаты чешского сейма собрались 5 мая 1618 г. для выражения резкого протеста императору Матвею против нарушения «Грамоты величества». Когда же Матвей не только грубо отклонил протест, но и объявил выступавших на протестантской ассамблее бунтовщиками, подлежащими наказанию, это вызвало возмущение жителей Праги. В городе собирались вооружённые толпы людей, обсуждавших королевские приказы и требовавших их отмены. Во время переговоров представителей чешского сейма с королевскими «лейтенантами» и их сторонниками из, католической знати собравшаяся в Пражском кремле вооружённая толпа потребовала расправы со ставленниками Габсбургов. По старому чешскому обычаю расправы с предателями (получившему название «дефенестрации») двое из «лейтенантов» — Мартиниц и Славата — были выброшены из окна.

Первый (чешско-пфальцский) этап Тридцатилетней войны (1618—1624 гг.)

Открытая агрессия Габсбургов против Чехии, направленная на ликвидацию всех остатков прав чешского народа и на полное его подчинение, послужила началом Тридцатилетней войны (1618 — 1648 гг.). Акт «дефенестрации» 23 мая. 1618 г. означал по существу разрыв Чехии с Австрией. Чешский сейм избрал правительство из 30 директоров, установившее связи с протестантами Венгрии и Австрии и с главой Протестантской унии Фридрихом Пфальцским. Одновременно велись переговоры с моравским ландтагом о восстановлении государственного единства и образовании вместе с Силезией, Верхней и Нижней Лужицами конфедерации по образцу Северных Нидерландов. Идея воссоединения с Чехией пользовалась большим сочувствием в народных массах Моравии, и чешскому войску удалось занять крупнейшие моравские города. Командовавший в Моравии габсбургскими военными силами корыстолюбивый католический чешский магнат Альбрехт Валленштейн, являвшийся сторонником Австрии, был смещён моравским ландтагом. Чешскому правительству удалось укрепить свои собственные военные силы. В августе 1619 г. Фердинанд, незадолго перед коронованием его императором, был объявлен в Чехии низложенным. Ещё раньше из страны были изгнаны иезуиты.

Чешское выступление не вылилось в широкое национально-освободительное движение народных масс Чехии и Моравии. Длительная полоса феодальной и общей

политической реакции ослабила силы чешского народа. Чешские дворяне не хотели опереться на народные массы. Свои надежды они возлагали на унию немецких протестантов, «помогавшую» им только обещаниями, и на наёмников, которых вербовал для них полководец унии — кондотьер граф Эрнст фон Мансфельд. Низложив Фердинанда, чешский сейм избрал королём Фридриха Пфальцского, не пользовавшегося популярностью в Чехии и к тому же не имевшего войск.

Сопротивление Чехии привело к временному примирению внутренних разногласий в католическом лагере. Достигнуто было соглашение между императором Фердинандом II (1619—1637) и Максимилианом Баварским, главой Католической лиги. Немецким католикам удалось также активизировать испанскую политику, в результате чего австрийскому эрцгерцогу Альбрехту была предоставлена возможность вербовать войска в Испании для борьбы с Фридрихом Пфальцским. Польский король Сигизмунд III также обещал помощь Фердинанду. Соотношение сил перед решающей битвой между Чехией и объединившимся против неё враждебным лагерем было не в пользу чехов. Надежды чехов на Фридриха Пфальцского и на Протестантскую унию не оправдались. После длительных переговоров с Максимилианом Баварским руководители унии договорились с ним о предоставлении друг другу «свободы действий» в Чехии при условии соблюдения статус-кво в самой Германии. Это означало, что уния позволяла войскам Католической лиги расправиться с восставшей Чехией.

Результатом этого был разгром чешских военных сил численно превосходившими их войсками противников в битве у Белой Горы 8 ноября 1620 г.

Эта битва роковым образом повлияла на соотношение сил и всю ситуацию в Центральной Европе. Чехия оказалась полностью покорённой Габсбургами. Чехия, Моравия, Силезия, Верхняя и Нижняя Лужицы были заняты войсками Фердинанда II. Иезуиты и чиновники Фердинанда II массами казнили чехов. Среди казнённых имелось много государственных деятелей. В 1620—1621 гг. из Чехии были изгнаны кальвинисты и лютеране. Террор и репрессии сопровождались массовыми конфискациями, в результате которых большая часть недвижимого имущества казнённых и бежавших чехов перешла к католикам, в том числе к наводнившим страну иностранцам, главным образом немцам. В городах и деревнях Чехии было запрещено всякое некатолическое богослужение.

Католическая реакция свирепствовала также в Австрии и Германии, где она имела своим результатом обогащение католиков и усиление Габсбургов и Виттельсбахов за счёт мелких княжеств. Фридрих Пфальцский, злосчастный чешский «король одной зимы», бежал в Бранденбург. Он был подвергнут имперской опале, а его звание курфюрстра передано Максимилиану Баварскому. В Пфальце хозяйничали испанцы, которые вместе с войсками лиги продвигались к нидерландской границе.

Война в Германии продолжалась. Наёмники Мансфельда, занимавшие Эльзас, также продвигались к Нидерландам, стремясь опередить войска лиги. Силы протестантов распадались. К началу 1624 г. окончательная победа католиков, казалось, была неизбежной. Однако уже в 1621 г. начались крупные крестьянские волнения в Чехии и Австрии. В одном лишь Градецком крае Чехии восстало 6 тыс. крестьян. Одновременно началось крестьянское восстание в Верхней Австрии, вызванное усилением феодального гнёта и грабежами баварских войск. Восстания были подавлены с невероятной жестокостью войсками Валленштейна. Однако они обнаружили таившиеся в народе грозные силы сопротивления. Победа католической реакции стала возможной только благодаря активной роли баварских войск и руководимой ими Католической лиги.

Таким образом, успехи католиков вели к углублению противоречий в их собственном лагере. Не подлежало также сомнению, что попытки Испании использо-

Тридцатилетняя война 1618—1648 гг. (Основные военные действия. Вестфальский мир)

Казнь чешских дворян и горожан в 1621 г. в Праге.
Листовка того времени.

вать сложившуюся ситуацию для приобретения баз в Северной Германии с целью восстановления своего господства в Северных Нидерландах вызовут большие осложнения и неминуемо повлекут за собой расширение конфликта.

Второй (датский) период войны (1625—1629 гг.)

К 1624 г. военное положение протестантского лагеря Германии было весьма плачевным. Однако усложнившаяся международная обстановка давала протестантским князьям некоторые шансы на успех. Перспектива утверждения Габсбургов в северных районах Германии и на Северном море не только грозила самостоятельности Голландии, но и представляла угрозу интересам как Франции и Англии, так и России и Швеции. Появление австрийцев и испанцев в районе южного побережья Балтийского моря привело бы к их соединению с силами шляхетской Польши, являвшейся тогда форпостом католической реакции на востоке и в то же время противником Швеции и России. Наступление Габсбургов было ещё более опасным для Дании, имевшей территориальные владения в Северной Германии и стремившейся укрепить там свои позиции с целью завоевания господствующего положения на Балтийском море. Дания и Швеция, соперничавшие между собой в борьбе за Балтийское море, сами преследовали в Балтике и в Северной Германии агрессивные цели. Перспектива утверждения в этом районе Габсбургов и Польши представлялась им как угроза появления здесь нового, более сильного соперника, более того — как угроза их собственным территориям.

В 1625 г. при активном участии Франции Дания вступила в коалицию с Англией и Голландией. При помощи англо-голландских денежных субсидий датский король Кристиан IV набрал армию, начавшую военные действия на Эльбе против войск Тилли, полководца Католической лиги. В то же время обострившиеся противоречия внутри католического лагеря между Габсбургами и Виттельсбахами задерживали объединение их войск, сражавшихся с датской армией. В немалой степени усилению раздоров в среде католиков содействовал кардинал Ришелье, руководивший политикой Франции с 1624 г. Ришелье считал необходимым в интересах Франции сохранить в Германии положение, установившееся после Аугсбургского мира 1555 г., т. е. состояния равновесия между католическими и протестантскими князьями. Создание в Германии сильной державы во главе с австрийскими Габсбургами, которая действовала бы сообща с агрессивной Испанской монархией, могло, по мнению Ришелье, создать величайшую угрозу Франции, а также серьёзнейшее препятствие французской политике в Северной Италии и в отдельных пунктах Западной Германии. Ришелье считал поэтому, что католическая Франция заинтересована в сохранении в Германии сильных протестантских княжеств, противостоящих Габсбургам.

Готовясь нанести решающий удар гугенотам во Франции, Ришелье одновременно старался дипломатическими манёврами помешать объединённым действиям других католических государств. Агенты Ришелье в Германии вели секретные переговоры при дворах мелких князей. Одновременно они дали понять Максимилиану Баварскому, что Франция готова оказать дому Виттельсбахов поддержку в достижении им более высокого положения в империи; однако в том случае, если Бавария будет помогать Испании, Франция вместе с Англией выступит на поддержку Пфальца. Оторвать Баварию и Католическую лигу от Испании Ришелье не смог, но ему удалось усилить разлад между Баварией и Австрией.

Для того чтобы сохранить возможность ведения самостоятельной политики и не зависеть от Баварии, Фердинанду II нужна была особая армия для борьбы с Данией и её союзниками. Валленштейн предложил Фердинанду образовать такую армию без особых расходов со стороны императора. Военная «система» Валленштейна заключалась в том, что армия должна сама себя содержать путём беспощадного ограбления населения той местности, где она находится. Фердинанд принял предложение Валленштейна и предоставил ему для постоя и муштры солдат несколько

округов в Чехии, а затем в Швабии и Франконии. «Валленштейновская саранча» (так назвал Маркс армию Валленштейна) грабила и опустошала Чехию и районы Юго-Западной и Средней Германии. С крестьян и горожан этих мест брались такие огромные контрибуции, что их хватало не только на покрытие военных расходов, но и на обогащение Валленштейна и его офицеров. Подобное положение стало возможным вследствие господствовавшей в этих землях свирепой феодальной реакции и политического террора. Валленштейновская армия сделалась орудием самого жестокого подавления малейшей попытки сопротивления со стороны крестьян. Протестантские феодалы, сами заинтересованные в усилении феодального нажима, не вели достаточно решительной борьбы с этой армией. Только в такой обстановке «система» Валленштейна могла иметь успех в качестве инструмента политики Фердинанда II.

Валленштейн.
Портрет работы А. Ван-Дейка.

Максимилиан Баварский и Католическая лига были недовольны образованием этой всецело зависимой от императора армии, которая по пути своего следования на север для борьбы с датчанами всё более усиливалась за счёт банд наёмников, жадных до грабежей. Между Валленштейном и Тилли возникли раздоры. Тем не менее в ходе военных действий в 1627— 1628 гг. католики всюду одержали верх. Неудача постигла Валленштейна лишь при осаде Штральзунда, в обороне которого участвовали и шведы. В остальных районах союзники Дании из немецких протестантских князей оказались ненадёжными; нередко они прямо предавали Кристиана IV. Войска Валленштейна заняли всю Северную Германию. В обстановке феодальной и католической реакции победами валленштейновской армии могли воспользоваться не только австрийские, но и испанские Габсбурги.

Такой исход событий был крайне нежелателен не только для других государств Европы, но и для самих католических князей Германии. Угрожая созданием новой коалиции против Габсбургов, Ришелье, поддерживавший связь с Максимилианом Баварским, заставил Фердинанда II и Валленштейна отказаться от плана вторжения на Ютландский полуостров. Но Франция, в которой победа над гугенотами ещё не была закреплена, не могла активно вмешаться в войну. Швеция не обладала достаточными средствами для ведения военных действий в Германии. Габсбурги этим воспользовались. Заключённый весной 1629 г. мир в Любеке на условиях восстановления статус-кво и отказа Дании от дальнейшего вмешательства в дела Германии явился торжеством Габсбургов и Валленштейна. Для закрепления господства Валленштейна в Северной Германии, рассматривавшейся как исходный пункт дальнейшей наступательной политики в районах северных морей, Фердинанд II «подарил» ему герцогство Мекленбургское.

Фердинанд II и Валленштейн спешили использовать результаты своей победы и лишить протестантских князей и города почти всех имуществ, полученных в результате Реформации. После заключения Любекского мира 6 марта 1629 г. был издан «Реституционный (т. е. восстановительный) эдикт», по которому все секуляризованные после 1552 г. имущества архиепископств, епископств, монастырей

и церквей должны были быть отняты у протестантов и возвращены католикам. Восстанавливались также все привилегии и судебная власть епископов. Приведение эдикта в исполнение поручалось императорским комиссарам, действовавшим под охраной солдат, и притом, вопреки имперской традиции, без всякого решения рейхстага.

Однако торжество католиков не было прочным. Прежде всего потерпела неудачу попытка сделать армию Валленштейна орудием великодержавной политики Габсбургов. Противники Габсбургов в Католической лиге, возглавляемые Максимилианом Баварским, активно поддерживали сношения с Ришелье, который вёл секретные переговоры и с протестантскими князьями, а также всемерно поощрял шведского короля Густава II Адольфа к вторжению в Германию. Дальнейшее обострение борьбы между княжескими группировками в католическом лагере привело к тому, что под давлением своих противников Фердинанд вынужден был в 1630 г. дать Валленштейну отставку.

Любекский мир мог быть только временным. Утверждение Габсбургов в Северной Германии представляло смертельную опасность для Голландии. Этого не могли допустить Франция, Англия и Швеция. Сами инициаторы Любекского мира из антигабсбургского лагеря смотрели на этот мир как на передышку, необходимую для подготовки к дальнейшей борьбе.

В обстановке реакции, сопровождавшейся вымогательствами и грабежами наёмных армий обоих лагерей, в разных местах Германии и Австрии началось оживление крестьянской борьбы. В Чехии крестьянское движение приняло широкий размах; славные традиции революционной борьбы чешского народа против собственных панов и чужеземных поработителей не были забыты. Движение развернулось и во владениях самого Валленштейна в Чехии, приобретённых им путём скупки конфискованных после 1620 г. имений.

Роль России на первых этапах войны

Россия поддерживала антигабсбургский лагерь уже в самом начале европейского конфликта. В правительственных кругах России серьёзно обсуждался вопрос об активном участии в войне. В 1621 г. русское правительство потребовало от Польши официального признания Михаила Фёдоровича царём России, указав, что в дальнейшем польская политика непризнания приведёт к войне. В это время с Польшей уже воевали Турция и Швеция. Дипломаты стран антигабсбургского лагеря, особенно Голландии и Швеции, старались ускорить вступление и России в войну против Польши. Русское правительство в принципе считало необходимым использовать сложившуюся ситуацию, но данный момент не представлялся ему подходящим для активного военного выступления. Россия на весьма льготных условиях снабжала страны антигабсбургского лагеря хлебом и селитрой, в которых они остро нуждались.

Так, если в 1622—1625 гг. русское правительство выдавало разрешения на вывоз хлеба только англичанам и голландцам, то после 1625 г. первое место в вывозе русского хлеба занимает Дания, а затем Швеция. В 1626—1629 гг. Дания вывозила из России хлеб в большом количестве беспошлинно и по весьма низким ценам. После подписания Любекского мира предпочтение и льготы по вывозу из России хлеба переходят к Швеции. Точно так же русское правительство выдавало разрешения на вывоз селитры тем странам, которые занимали в то время ведущее место в войне против Габсбургов.

Третий (шведский) период войны (1630—1635 гг.)

После Любекского мира австрийские и испанские Габсбурги вырабатывали планы установления в Европе своей политической гегемонии, направленные на то, чтобы воспрепятствовать процессу образования и укрепления национальных государств. Габсбурги стремились превратить многие страны в объект грабежа и финансового вымогательства со стороны феодально-католических государств Австрии и Испании.

ПОСЛЫ.
Ганс Гольбейн Младший. 1533 г.

МИРНЫЙ КОНГРЕСС В МЮНСТЕРЕ.
Г. Терборх. 1648 г.

Исходным пунктом реализации этих планов должна была сделаться Северная Европа. Под предлогом восстановления там католицизма испано-австрийские Габсбурги намеревались подчинить Скандинавию и захватить в свои руки контроль над балтийской торговлей. Этим был бы нанесён решающий удар буржуазной Голландии и была бы создана угроза Англии и Франции. Католическая Польша должна была одержать верх над Швецией, а затем стать орудием габсбургской политики в Восточной Европе.

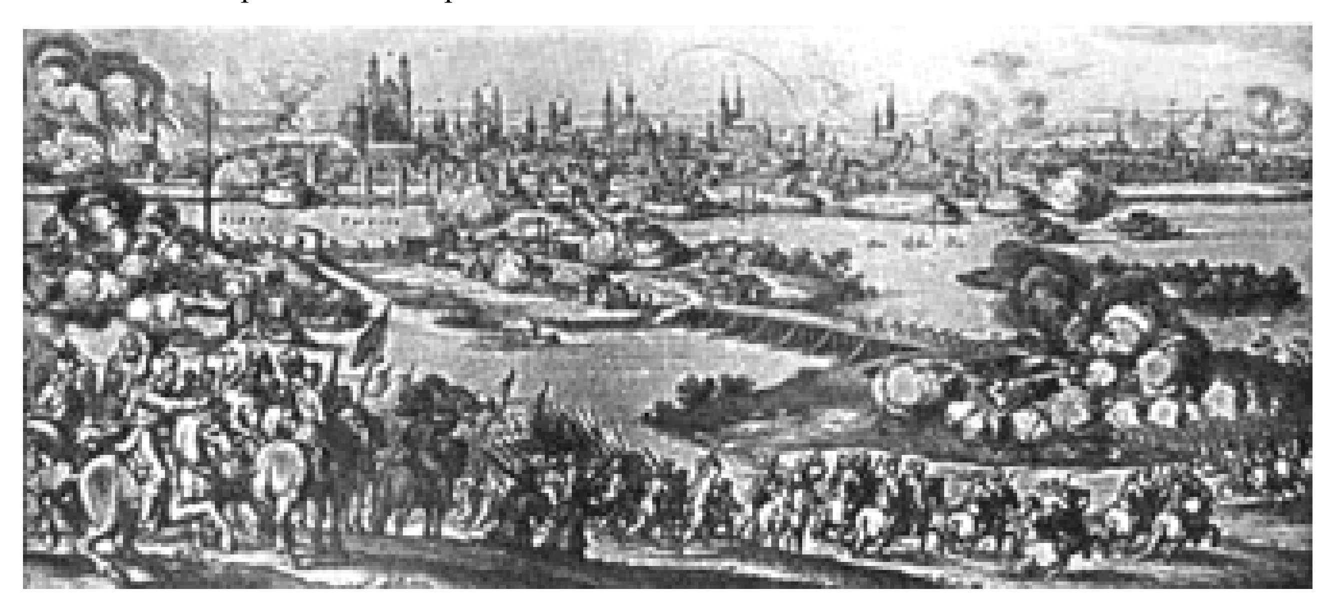
Однако эти реакционные проекты, не имевшие под собою реальных оснований, были расстроены теми государствами, против которых они направлялись. Активно выступила Швеция, усматривавшая в планах Габсбургов угрозу не только своим собственным планам господства на Балтийском море, но и своей политической самостоятельности. Летом 1630 г. Густав II Адольф высадил войска в Померании и вступил в переговоры с крупнейшими лютеранскими князьями — курфюрстами бранденбургским и саксонским о совместных военных действиях против Австрии. Швеция не имела тогда собственных средств для ведения большой войны против испано-австрийских Габсбургов. Её выступление оказалось возможным и было ускорено благодаря дипломатической поддержке и материальной помощи России и Франции. Россия оказала содействие Швеции в прекращении польско-шведской войны и обещала Швеции поставлять хлеб, селитру и другие товары для её армии. Денежные субсидии Густав Адольф начал получать от Франции. Заключённое с Польшей в Альтмарке перемирие позволило Швеции начать военные действия в Германии.

Высадившаяся в Германии шведская армия состояла в своей основной части из лично свободных крестьян — держателей государственных земель, обязанных военной службой, и обладала лучшими боевыми качествами, чем наёмные грабительские армии Габсбургов и Католической лиги. Густав Адольф создал более гибкий боевой порядок, заменив громоздкие полки небольшими мушкетёрскими полками (в 1300—1400 человек), вооружёнными улучшенным огнестрельным оружием. Вес пушек был значительно уменьшен. Всё это позволило ему придерживаться наступательной тактики, быстро перебрасывать свои войска на новое место и сосредоточивать на поле сражения основные военные силы. Однако для решающей победы этих преимуществ было недостаточно. Главное значение имел вопрос о выборе Швецией союзников в Германии, где создалась сложная ситуация. Внутри каждого из двух борющихся лагерей Германии были глубокие противоречия; в протестантском лагере боролись между собой кальвинисты и лютеране, а в католическом — Габсбурги и князья из Католической лиги. Страдавшая от гнёта императорской власти и иезуитов Чехия была очагом назревавшего восстания, в ряде мест империи, особенно в Австрии и Верхней Швабии, вспыхивали крестьянские восстания значительной силы.

За действиями шведского короля зорко следил его «покровитель» Ришелье, который ставил ему препятствия всякий раз, когда шведская политика шла вразрез с французской. Ришелье не хотел ни реализации далеко идущих планов Швеции, ни победы немецких протестантов. Цель политики Ришелье, опиравшегося в Германии то на один, то на другой из борющихся лагерей, заключалась в том, чтобы Германия оставалась раздробленной и враждующие между собой протестантские и католические князья ориентировались на Францию и зависели от неё.

В тот момент, когда войска Густава Адольфа вступили в Померанию, находившиеся там солдаты императорской армии грабили крестьянское население и вообще вели себя, как в завоёванной стране. Густав Адольф, захватив Померанию, прекратил эти солдатские грабежи. Это обстоятельство могло бы ему обеспечить благоприятную обстановку в Германии при его дальнейшем продвижении на юг. Однако лютеранские князья не хотели полного поражения католиков, рассчитывая, что противоречия между Католической лигой и Фердинандом II дадут им возможность занять равное с Габсбургами положение в империи и устранить

вредные для них последствия «Реституционного эдикта». Поэтому крупнейшие лютеранские князья — курфюрсты бранденбургский и саксонский вели по отношению к шведскому королю, добивавшемуся контакта с ними, двойственную политику. Будучи формально союзниками Густава Адольфа, они не только не помогали ему, но, наоборот, чинили препятствия и замедляли его продвижение через их владения.

Осада и взятие Магдебурга войсками Тилли в 1631 г.
Гравюра М. Мериана.

Командовавший саксонскими войсками Арним находился в прямой связи с Фердинандом. Только после того, как войска Тилли, перешедшего от Максимилиана Баварского к Фердинанду на должность главнокомандующего имперской армией, вторглись в Саксонию и подвергли её грабежу, саксонский курфюрст соединил свою армию с войсками Густава Адольфа. 7 сентября 1631 г. шведский король нанёс Тилли решительное поражение при Брейтенфельде, под Лейпцигом. Но и здесь саксонские войска рассеялись в самом начале битвы, а сам курфюрст бежал. Сражение, таким образом, выиграли одни шведы.

План Густава Адольфа заключался в том, чтобы объединить немецких протестантских князей на почве борьбы против «Реституционного эдикта». С этой целью он заключил союз с кальвинистскими городами Юго-Западной Германии и отправился со своим войском через Тюрингию во Франконию. Направив Арнима с саксонской армией в Чехию, Моравию и Силезию, шведский король стремился создать угрозу наследственным землям Габсбургов и вместе с тем предотвратить использование Чехии и Моравии Габсбургами для создания новой валленштейновской армии. Однако в то время как шведы заняли всю Франконию и Франкфурт-на-Майне, лютеранские курфюрсты тайно действовали против Густава Адольфа. Вторгшийся в Чехию Арним оставил нетронутыми огромные владения Валленштейна и поддерживал с ним связь.

Немало помешал успехам Швеции и Ришелье: поддерживая борьбу немецких протестантов против католиков, он вёл тайные переговоры с Максимилианом Баварским и духовными князьями.

В апреле 1632 г. Фердинанд II вновь назначил Валленштейна верховным командующим войсками. На средства, награбленные в Чехии, Валленштейн создал новую армию. Арним не препятствовал ему, а, наоборот, тайно действовал с ним заодно против Густава Адольфа. В это время в Верхней Швабии, в Австрии и Чехии имели место крупные крестьянские восстания, помешавшие Густаву Адольфу проникнуть

в Австрию. Преследуя Валленштейна, Густав Адольф появился в ноябре 1632 г. в Саксонии. В битве под Люценом он погиб. Однако его армия одержала победу и заставила Валленштейна бежать в Чехию.

После гибели Густава Адольфа шведская политика, которой руководил граф Оксеншерна, в большей степени подчинилась влиянию Ришелье. В 1633 г. происходили переговоры шведов и французов с Валленштейном. Ввиду того, что Валленштейн не всегда информировал Фердинанда II о ходе этих переговоров, он вызвал подозрения императора в том, что действует по собственным планам. В феврале 1634 г. Валленштейн был убит подосланными к нему офицерами императора.

В 1634 г. военные действия развернулись на территории между Дунаем и Майном. Испанские войска, направившиеся из Италии в Нидерланды, сконцентрировались при Нердлингене. Битва под Нердлингеном 6—7 сентября между шведскими и испано-имперскими войсками закончилась поражением шведов, покинутых саксонскими «союзниками». Испанские войска начали опустошать территорию протестантских князей в Западной Германии.

Значение русско-польской войны 1632—1634 гг. в истории Тридцатилетней войны

Русско-польская война 1632—1634 гг. за Смоленск оказала несомненное влияние на ход Тридцатилетней войны. Открытию Россией военных действий против Польши в 1632 г. предшествовал длительный период переговоров правительства Михаила Фёдоровича с Густавом Адольфом о совместной войне против Польши. Густав Адольф обязался выставить войска, которые выступят против Польши с запада вслед за началом военных действий русских войск на востоке. Россия же взяла на себя полное содержание этого шведского корпуса. Предстоявшая война за Смоленск рассматривалась, таким образом, в этих переговорах как часть общего плана борьбы с габсбургским лагерем в этот самый критический момент европейской войны — когда на поле боя вновь появились полки Валленштейна.

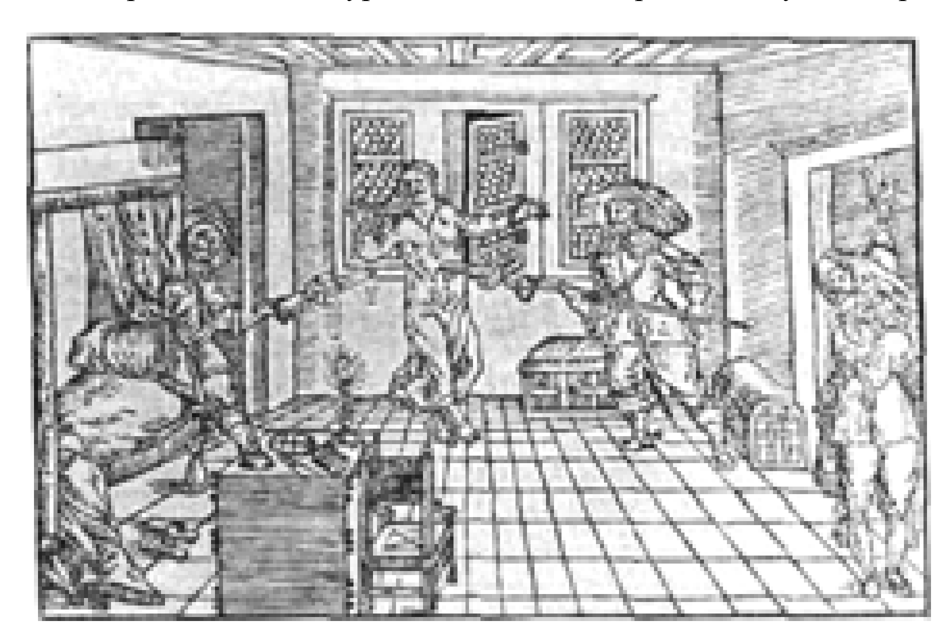
Однако после того, как русские войска начали военные действия, Швеция под разными предлогами откладывала подписание союзного договора с Россией. Граф Оксеншерна, используя русско-польскую войну, оттягивавшую силы Польши на восток, не желал выполнять данные Густавом Адольфом обязательства об активном участии в этой войне. Смоленская война окончилась неудачно для России. В то же время эта война облегчила Швеции её борьбу с новой армией Валленштейна, а Франции — подготовку к активному вступлению в войну после поражения шведской армии при Нердлингене в сентябре 1634 г.

Четвёртый (франко-шведский) период войны (1635—1648 гг.)

В 1635 г. саксонский курфюрст, а затем мекленбургский герцог, бранденбургский курфюрст и ряд других лютеранских князей и городов заключили мирный договор с императором. Напуганная возможностью усиления Габсбургов, Франция открыто вступила в войну. Французская армия начала военные действия против Габсбургов в Германии, в Нидерландах, в Италии и в Испании, но главным театром военных действий продолжала оставаться Германия, которая разорялась и опустошалась чужими и «своими» армиями. Один из участников войны в период 1635—1648 гг., служивший в императорском войске, Гриммельсгаузен, дал в романе «Чудаковатый Симплициссимус» описание грабежей, насилий и бедствий, причинённых немецкому народу всеми действовавшими на его земле армиями. Автор даёт описание города Гельнгаузена вскоре после Нердлингенской битвы. «Городские ворота были отперты, частью, впрочем, сожжены, частью завалены мусором. Я вошёл в город, но не встретил ни одного живого человека. Зато улицы были завалены мёртвыми; некоторые были раздеты догола, на других были оставлены рубашки. Мне стало страшно...» В другом месте он описывает поездки наёмных солдат в деревни «за фуражом». «Во время этих поездок мы с большими трудностями и опасностью для жизни налетали на деревню, забирали и во-

ровали всё, что возможно, мучили и грабили крестьян. Если же беднягам это приходилось не по вкусу, либо они были настолько дерзки, чтобы протестовать (как это, впрочем, довольно часто случалось в Гессене), то их убивали или поджигали их дома...»

К главным участникам войны против Габсбургов — Франции и Швеции (союз между которыми был возобновлён в 1635 г.) — присоединились Голландия, Мантуя, Савойя и Венеция, Перевес антигабсбургской коалиции определился уже в первые годы этого этапа войны, хотя решающие победы были одержаны союзниками позднее.

Убийство Валленштейна в Эгере 25 февраля 1634 г.
Гравюра на дереве второй половины XVII в.

Руководящую роль в коалиции в последний период войны играла Франция. Как Ришелье, так и его преемник Мазарини старались, чтобы в результате войны все политические выгоды достались Франции. Мазарини следил за политикой Швеции, направляя её по выгодному Франции руслу. В то же время Швеция, стремившаяся к установлению своего господства в районе Балтийского моря, вступила в войну с Данией, которая длилась около двух лет (1643—1645). Мазарини, заинтересованный в прекращении этой войны и освобождении главных сил Швеции для борьбы с Габсбургами, содействовал шведскому правительству в заключении мира, по которому Швеция получила острова Эзель и Готланд и тем самым укреп ила свои позиции на Балтийском море. Вместе с тем цель французской политики заключалась в том, чтобы помешать тесному контакту шведов с немецкими протестантами. Для проведения своей политики Мазарини не останавливался и перед тем, чтобы ставить преграды французскому же командованию. Летом 1646 г. французскому маршалу Тюренну удалось в результате искусно проведённого похода соединиться со шведами и создать угрозу австрийским наследственным землям и Чехии. Однако Мазарини не хотел допустить ни крупной победы шведов, ни торжества их протестантских союзников в Германии. Мазарини вступил с Максимилианом Баварским в переговоры, закончившиеся заключением сепаратного мира. Хотя военные действия скоро возобновились, заключённый мир всё же задержал на некоторое время занятие Чехии шведской армией.

После нанесённых императорским войскам тяжёлых поражений и возникшей угрозы захвата австрийской столицы — Вены Фердинанд III (1637—1657) вынужден был принять продиктованные ему тяжёлые для Германии условия мира (1648 г.).

Вестфальский мир

Условия Вестфальского мира, положившего конец Трицатилетней войне и внёсшего значительные изменения в карту западноевропейских государств, содержатся в двух мирных договорах — в договоре между Швецией, императором и протестантскими немецкими князьями, заключённом в городе Оснабрюке, и в договоре с Францией, заключённом в Мюнстере (24 октября 1648 г.). Оба эти города расположены в Вестфалии, откуда и самое название «Вестфальский мир». В Вестфальском мире, так же как и в самом ходе Тридцатилетней воины, нашла выражение политическая слабость Германии, в которой распоряжались князья,

Европа в 1648 г.

разделённые на два лагеря и соперничавшие между собой ради своих частных интересов.

Добиваясь расширения своих владений, князья отнюдь не заботились о государственных интересах своей страны и целостности её территории и шли на прямую измену, вступая в сделки с иностранными государствами, питавшими агрессивные намерения по отношению к землям самой Германии. Так, Германия сделалась ареной длительной и опустошительной войны, вызванной главным образом корыстными интересами крупных немецких князей и великодержавной политикой Габсбургов, связанных с папством и другими реакционными силами Европы. После же окончания войны Швеция и Франция, нанёсшие в последние её годы поражение силам габсбургской коалиции, вступили в сделку с немецкими князьями, действовавшими вопреки политическим интересам Германии.

По условиям Вестфальского мира Швеция получила всю Западную Померанию (Поморье) с островом Рюгеном, а в Восточной Померании город Штеттин и ряд других пунктов. К Швеции перешли остров Волин, Померанский залив со всеми городами на его берегах, а также, в качестве «имперского лена», — архиепископство Бремен, епископство Верден (на Везере) и город Висмар. Под контролем Швеции оказались почти все устья судоходных рек Северной Германии. Швеция, таким образом, стала господствовать на Балтийском море.

Франция получила Верхний и Нижний Эльзас, Зундгау и Хагенау с оговоркой о том, что Страсбург и ряд других пунктов в Эльзасе формально оставались в составе империи. Империя официально заявила о своём согласии на переход к Франции занятых ею ещё в 1552 г. епископств Мец, Туль и Верден (на Маасе).

Голландия и Швейцария получили международное признание как самостоятельные государства.

Некоторые германские княжества, в частности Бранденбург, увеличили свои владения за счёт ряда епископств, аббатств и других мелких суверенов империи.

Самым тяжёлым для Германии условием Вестфальского мира было закрепление её политической раздробленности. Германским князьям разрешалось заключать союзы между собой и с иностранными державами и вести свою самостоятельную внешнюю политику. По словам Энгельса, Европа гарантировала немецким князьям по Вестфальскому миру «...право на мятеж против императора, междоусобную войну и измену отечеству» [1].

Политический упадок Германии, определившийся уже в XVI в., усугубился затем экономическим упадком конца XVI — начала XVII в. Тридцатилетняя война была новым звеном в длинной цепи бедствий немецкого народа, от которых больше всех пострадали разбитые и порабощённые крестьяне.

«В течение целого поколения, — писал Энгельс о результатах Тридцатилетней войны, — в Германии вдоль и поперек хозяйничала самая разнузданная военщина, какую только знает история. Повсюду налагались контрибуции, совершались грабежи, поджоги, насилия и убийства. Больше всего страдал крестьянин там, где в стороне от больших армий действовали на свой собственный страх и риск и по своему произволу мелкие вольные отряды, или, вернее, мародеры. Опустошение и обезлюдение было безгранично. Когда наступил мир, Германия оказалась поверженной — беспомощной, растоптанной, растерзанной, истекающей кровью; и в самом бедственном положении был опять-таки крестьянин» [2].

После Тридцатилетней войны крепостное состояние разорённого немецкого крестьянства стало распространяться на всю страну.

---

[1] «Архив Маркса и Энгельса», т. X, стр. 345.

[2] *Ф. Энгельс,* Крестьянская война в Германии. Приложения, стр. 125.

Война между Францией и Испанией закончилась Пиренейским миром 1659 г. Границы Франции, получившей Руссильон, были расширены на юге до Пиренейского хребта. На северо-востоке к Франции перешли Артуа и некоторые другие районы испанских Нидерландов, а также часть Лотарингии.

После провала попытки создания мировой «христианской», империи под эгидой испано-австрийских Габсбургов ведущую роль в международных отношениях в Европе начали играть централизованные феодальные государства, развивавшиеся на национальной или многонациональной основе. Самыми могущественными из них сделались Россия в Восточной Европе и Франция на Западе. Как одно из многонациональных государств Европы развивалась и крепла также Австрия.

После Вестфальского мира изменилось соотношение сил между европейскими государствами и Османской империей. Изменила своё отношение к ней Франция, которая уже гораздо меньше нуждалась в поддержке турок. Во второй половине XVII в. отдельными и объединёнными действиями европейских государств были нанесены туркам крупные поражения, подорвавшие в значительной степени их военное могущество.

Отражение событий Тридцатилетней войны в немецкой литературе

Тридцатилетняя война, глубоко потрясшая Германию, наложила трагический отпечаток на всю культурную жизнь страны. Великое разорение городов и сёл, упадок бюргерства, разгул феодальной реакции порождали в широких общественных кругах чувство глубокого уныния, страха перед завтрашним днём, нередко просто отчаяния. Поэты искали спасения в религиозном отречении, в погружении в мистическое небытие (Ангелус Силезиус). Многим жизнь рисовалась юдолью страданий, запутанным лабиринтом, из которого нет выхода. Однако передовые писатели горячо протестовали против затянувшейся бойни, мечтали о мире и творческом труде, говорили суровую правду о народных бедствиях.

К числу этих писателей принадлежал Мартин Опиц (1597—1639), глава так называемой Первой силезской школы поэтов, объединявшей сторонников немецкого учёного классицизма. Несмотря на то, что Опиц требовал, чтобы литература описывала «явления не в том виде, в каком они являются, но в том виде, в каком они могли бы быть или должны были быть» («Книга о немецкой поэзии», 1624 г.), он сам в ряде своих лучших произведений смело касался кровоточащих язв современной немецкой жизни. Так, в обширной поэме «Песни утешения среди бедствий войны» (1621— 1633 гг.) он полным голосом говорил о жестокой войне, не скрывая бедствий, обрушившихся на немецкий народ. В годы опустошительной войны он прославлял долгожданный мир. Для Опица мир и национальное единение являлись самым высоким благом. Однако как достичь их — Опиц не знал. Не знали этого и другие немецкие писатели того времени.

Патриотом, скорбевшим об упадке Германии, был ученик Опица Пауль Флемминг (1609—1640), один из наиболее талантливых немецких лирических поэтов XVII в. Воспевая кипение страстей, утехи любви, «солнце радости и радость солнца», либо меланхолически твердя о тщете всего земного, Флемминг в то же время с глубокой болью писал о страданиях «любимой отчизны», которую почти невозможно узнать, так изменило горе её облик («Господину Олеарию», 1636 г.), так искромсала, разорила, опустошила её война («Ода на новый 1633 год»). Вместе с посольством герцога Голштинского Флемминг в 1633 и 1636 гг. посетил Россию. Свои русские впечатления он отразил в ряде стихотворений, частично напечатанных участником экспедиции Адамом Олеарием в его книге «Новое описание путешествия на Восток» (1647 г.). Флемминг восхваляет красоту «златоглавой Москвы», знакомит немецких читателей с волжскими сказаниями и легендами, пишет с большой теплотой о простых русских людях, пленивших его своим трудолюбием.

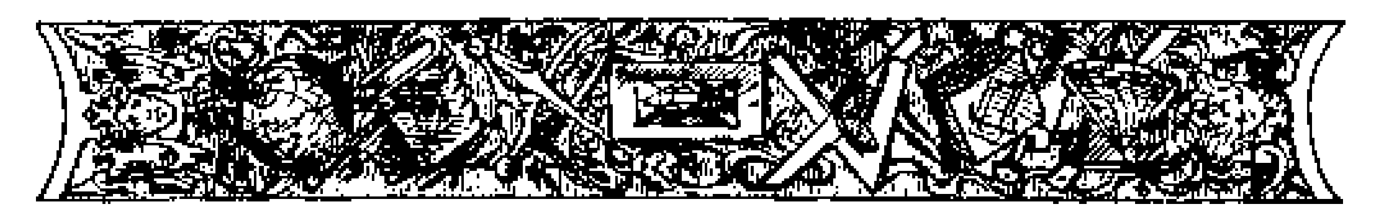
К школе Опица примыкал и выдающийся поэт-сатирик Фридрих фон Логау (1605—1655), автор многочисленных эпиграмм. Горячо протестуя против разори-

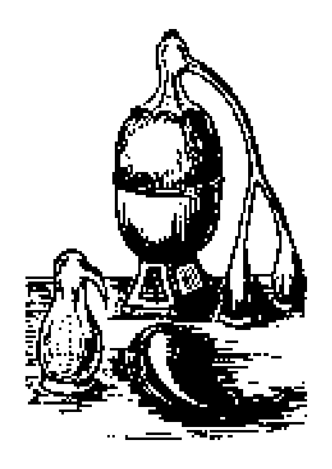
тельной войны, Логау смело обличал преступления господствующих сословий, повинных в страшных бедствиях, переживаемых Германией. Он клеймил князей, помышляющих только о своих мелких интересах и совершенно безразличных к судьбам страны и народа. Его сатира поражала придворных и дворян, кичащихся знатностью рода. Он поднимал свой голос против невыносимого феодального гнёта, против бесконечных поборов, от которых стонут города и сёла.

Сатирические мотивы звучали и в творчестве ряда поэтов силезской школы (Векерлин, Рист и др.). В сатирические тона окрашен немецкий нравоописательный роман И. М. Мошероша (1601—1669) «Диковинные и истинные видения Филандера из Зиттевальда» (1640—1643), в котором широко изображена жизнь Германии военного времени. Герой романа в поисках справедливости проходит по самым различным местам. Однажды он в силу обстоятельств становится солдатом и наблюдает бесчинства одичавшей военщины. Солдаты на его глазах всячески угнетают, грабят, пытают мирных жителей. Повсюду шныряют шайки хищных мародёров. От них нет спасения ни в сёлах, ни в замках, ни в монастырях. Сожжённые и разграбленные дома, трупы людей и животных встречаются на каждом шагу (глава «Солдатская жизнь»). С большой силой рисует Мошерош великую трагедию Германии. Он скорбит о страданиях народа, поднимает свой голос против ужасной войны, которая разоряет страну, физически и духовно калечит немецкий народ. Обличает он также паразитизм и моральное одичание немецкого дворянства, нападает на княжеский деспотизм, сетует по поводу того, что многие немцы утратили чувство своего национального достоинства. Отвергая искусство суетное, лживое, льстивое, Мошерош требует от художников суровой жизненной правды.

Произведения Мошероша и других передовых немецких писателей первой половины XVII в. свидетельствовали о том, что среди лучших людей Германии жил протест против уродливых условий немецкой жизни и прежде всего против опустошительной войны, которая ввергла страну в пучину жестоких бедствий.

ГЛАВА XXXIII
РАЗВИТИЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В XVI И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

В XVI и особенно в первой половине XVII в. в развитии науки наступает коренной перелом. В ходе упорной борьбы со схоластикой и религиозным мировоззрением вырабатываются новые, научные методы исследования явлений природы и делаются открытия, заложившие фундамент для всего последующего развития естествознания.

Причины развития естествознания в европейских странах в XVI и первой половине XVII в.

Наступление новой эры в изучении человеком окружающего его материального мира было подготовлено глубокими социальными сдвигами, которые в дальнейшем привели к победе капитализма.

Переворот в естествознании был непосредственно связан с подъёмом общественного производства и материальной культуры вообще. Потребности растущего производства стимулировали развитие науки. Развитие обрабатывающей и добывающей промышленности, многочисленные изобретения и усовершенствования на транспорте, в строительном деле, военной технике, накопившиеся к XVI в., дали громадный запас новых фактов для наблюдений естествоиспытателя и послужили толчком к теоретической разработке многих научных вопросов. Всё более широкое применение некоторых механизмов (водяное колесо, часы), изобретение огнестрельного оружия, развитие строительной техники, горного дела — всё это расширило круг доступных изучению явлений из области механики я настоятельно требовало решения некоторых задач механики и математики; например, практические потребности артиллерийского дела требовали определения траектории полёта ядра при стрельбе из пушки и тем самым толкали мысль учёного к изучению законов падения и движения тел вообще. Создание более сложных гидротехнических сооружений способствовало разработке гидростатики и гидродинамики; дальние морские плавания содействовали развитию астрономии (особенно в связи с разработкой астрономических методов определения долготы); применение компаса

влекло за собой исследование явлений магнетизма, а линз для очков — явлений преломления света; успехи красильного дела, металлургии, медицины (изобретение новых лекарств) приводили к накоплению новых знаний в области химии и т. д.

Алхимики в своей лаборатории.
Гравюра на дереве Г. Вейдница.

Вместе с тем подъём материального производства вооружил естествоиспытателя новыми орудиями и средствами научной работы. Совершенствование ремесленной техники подготовило изобретение в XVI—XVII вв. многих насущно необходимых для развития наук точных приборов. В это время появляются более совершенные часы, изобретаются микроскоп и телескоп (начало XVII в.), открывшие перед человеком целый новый мир неведомых ему до тех пор явлений, появляются (к середине XVII в.) такие необходимые для физики приборы, как термометр, гигрометр, ртутный барометр. Громадную роль сыграла замена пергамента, изготовлявшегося из кожи, бумагой и введение книгопечатания (XV в.). Книга, отпечатанная на бумаге, была неизмеримо дешевле прежних пергаментных рукописей. Поэтому её появление означало подлинный переворот в области распространения научных знаний и обмена ими.

Перелом в развитии наук о природе был связан также с изменениями в области общественных отношений и общественной идеологии, обусловленными в конечном счёте теми же сдвигами в материальном производстве. В связи с разложением феодальных отношений и развитием капиталистических в европейских странах складывается новое мировоззрение, появляется новый тип человека, с иными духовными запросами и идеалами. Это новое мировоззрение было глубоко враждебно феодально-церковной культуре, освящавшей и поддерживавшей отжившие общественные порядки. Представители новой идеологии вели беспощадную войну со схоластикой, подчинявшей разум религии.

Расшатывание религиозного миросозерцания и утверждение новой культуры означало падение преград, которые стояли до тех пор на пути дальнейшего научного

прогресса. Ум человека начал освобождаться от подавляющего его мёртвого груза религиозных предрассудков, от воспитываемой со школьной скамьи привычки полагаться не на собственные наблюдения, а на признанные в схоластической «науке» авторитеты. Возникают условия, благоприятствующие созданию естествознания, свободного от недостатков средневековой схоластики и основанного на опыте.

Развитию науки в Западной Европе XVI—XVII вв. способствовали и великие географические открытия конца XV — XVI вв. Они впервые на опыте показали человеку, что земля имеет шарообразную форму, дали громадный запас новых фактов по многим научным дисциплинам (астрономия, геология, ботаника, зоология и т. д.) и оказали величайшее революционизирующее влияние на научную мысль вообще. Следовавшие одно за другим открытия новых морских путей, океанов, неведомых до сих пор земель обнаружили, как неполны, а подчас и прямо ошибочны были знания представителей схоластической учёности, как много старых мнений и представлений должно быть отвергнуто и заменено новыми.

Значительную роль сыграло также то обстоятельство, что в результате энергичной деятельности гуманистов европейские учёные несравненно лучше познакомились с классическими произведениями античных писателей. Наряду с переводами на латинский и другие языки стали теперь появляться издания греческих подлинников. Особенное значение имело более близкое ознакомление с трудами великих учёных эллинистической эпохи (Эвклид, Архимед, Аполлоний и др.), в большинстве случаев забытыми или же остававшимися во многом непонятыми в средние века. Характерно для эпохи, что многие учёные совмещали в одном лице занятия естествознанием и гуманитарными науками.

Переворот в области естественных наук представлял собой, таким образом, результат глубоких изменений во всём строе общественной жизни западноевропейских стран того времени. Отмечая эту связь зарождения естествознания с ломкой старых общественных отношений, Ф. Энгельс писал:

«Современное естествознание, — единственное, о котором может итти речь как о науке, в противоположность гениальным догадкам греков и спорадическим, не имеющим между собою связи, исследованиям арабов,— начинается с той грандиозной эпохи, когда бюргерство сломило мощь феодализма, когда на заднем плане борьбы между горожанами и феодальным дворянством показалось мятежное крестьянство, а за ним революционные предшественники современного пролетариата, уже с красным знаменем в руках и с коммунизмом на устах, — с той эпохи, которая создала в Европе крупные монархии, сломила духовную диктатуру папы, воскресила греческую древность и вместе с ней вызвала к жизни высочайшее развитие искусства в новое время, которая разбила границы старого мира и впервые, собственно говоря, открыла землю.

Это была величайшая из революций, какие до тех пор переживала земля. И естествознание, развившееся в атмосфере этой революции, было насквозь революционным, шло рука об руку с пробуждающейся новой философией великих итальянцев, посылая своих мучеников на костры и в темницы» [1].

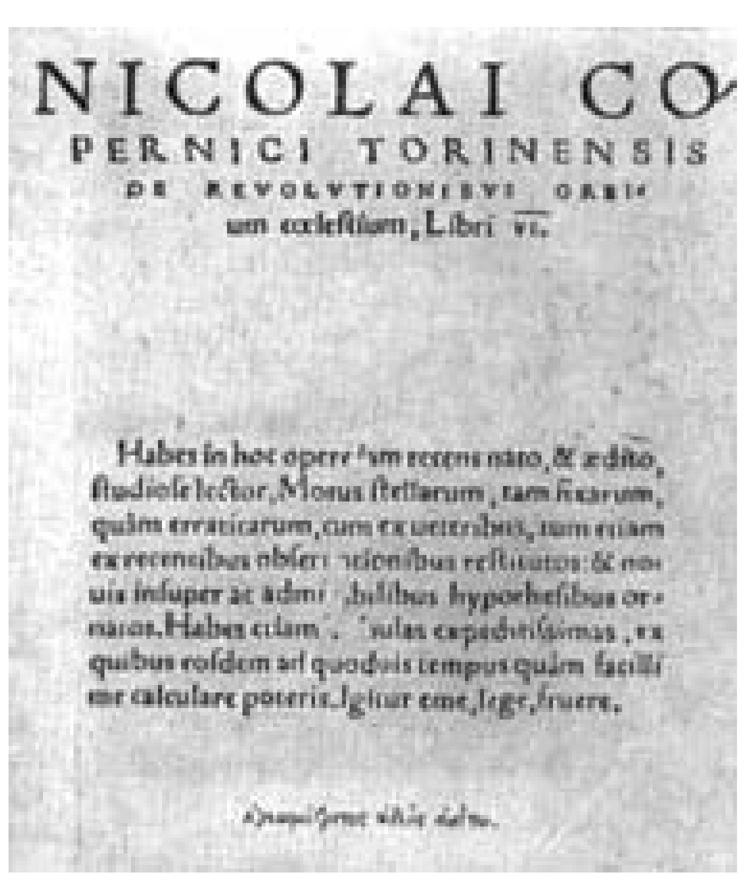
Развитие астрономии

Первой отраслью естествознания, в которой проявился новый научный дух и сделаны великие открытия, была астрономия. В предшествующий период в Западной Европе, а также в передовых для своего времени странах Востока господствовала геоцентрическая теория (от греческого гэ — земля), созданная ещё в античную эпоху. Согласно этой теории в центре мира находится неподвижная Земля. Вокруг неё в определённой последовательности обращаются Луна, Солнце, планеты и, наконец, звёзды. Вселенная считается конечной и имеющей форму сферы, центром которой является Земля. Основ-

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 152.

ные принципиальные положения этой системы мира были сформулированы ещё Аристотелем, однако её подробная математическая разработка дана позднейшими античными учёными, особенно Гиппархом (II в. до н. э.) и Птолемеем (II в. н. э.).

Астрономические наблюдения, производившиеся в средние века, не укладывались в рамки геоцентрической системы. Для объяснения с точки зрения этой системы движений планет приходилось создавать сложные и искусственные построения, что всё же не давало возможности точно предсказать положение планет на небе. Однако выводы о ложности геоцентрической системы из этих наблюдений сделаны не были.

NICOLAI CO-
PERNICI TORINENSIS
DE REVOLVTIONIBVS ORBI-
um coelestium, Libri VI.

Habes in hoc opere [illegible] recens nato, & aedito, studiose lector, Motus stellarum, tam fixarum, quàm erraticarum, cum ex ueteribus, tum etiam ex recentibus obser[illegible]ationibus restitutos: & nouis insuper ac admi[illegible]bilibus hypothesibus ornatos. Habes etiam [illegible]ulas expeditissimas, ex quibus eosdem ad quoduis tempus quàm facillime calculare poteris. Igitur eme, lege, fruere.

Титульный лист издания сочинений
Николая Коперника.
1543 г.

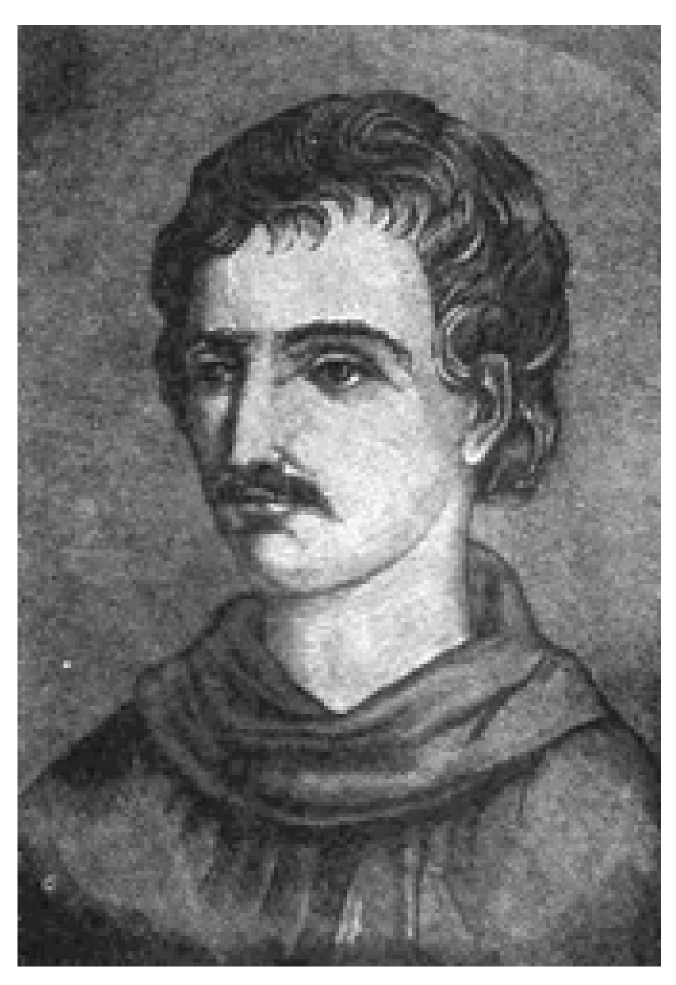
Мысль о центральном положении Земли во Вселенной вполне соответствовала христианским мифам, согласно которым Земля была центром мироздания, местом действия описываемых в Библии и Евангелии мифических событий. В связи с этим католическая церковь сделала геоцентрическую теорию одним из краеугольных камней своей системы взглядов. Для того чтобы отвергнуть геоцентрическую теорию, недостаточно было поэтому преодолеть силу непосредственных чувственных представлений о неподвижности Земли и сделать правильные выводы из астрономических наблюдений; для этого нужно было отвергнуть признанное католической церковью учение, восстать против авторитета церкви.

Пока господствовала феодально-церковная культура, лишь отдельные мыслители в общей форме выражали сомнение в правильности геоцентрической теории. Когда, однако, в XVI в. мысль учёного начала освобождаться от гнёта схоластики и богословия, создаются, наконец, условия для критики этого учения и замены его новыми, находящимися ближе к истине воззрениями. Человеком, смело сделавшим, наконец, научные выводы из астрономических наблюдений и отвергнувшим геоцентрическую теорию, был польский учёный Николай Коперник (1473—1543).

Трудности, возникающие при объяснении движений небесных тел с точки зрения геоцентрической теории, вызывали у Коперника сомнения в её правильности. Он решил сделать попытку объяснить эти движения при помощи высказанного ещё некоторыми античными астрономами предположения о том, что Земля вместе со всеми планетами обращается вокруг неподвижного Солнца (гелиоцентрическая система, от греческого гелиос — солнце). Сделав эту попытку, Коперник убедился, что гелиоцентрическая теория лучше объясняет астрономические явления, и, очевидно, уже около 1507 г. пришёл к выводу о её правильности. Все последующие годы своей жизни он посвятил подробной разработке своих новых взглядов, изложенных в его знаменитом труде «Об обращении небесных кругов» («De revolutionibus orbium coelestium»). В течение многих лет Коперник не решался опубликовать свою книгу, опасаясь открыто выступить против господствовавших астрономических воззрений,

санкционированных католической церковью. Книга Коперника вышла в свет только в 1543 г., и первый печатный её экземпляр был получен им в день его смерти.

Значение работы Коперника в истории науки огромно. Хотя гелиоцентрическая теория зародилась ещё в античном мире, однако она представляла собой тогда всего лишь предположение, лишённое обоснования и отвергаемое подавляющим большинством крупных учёных. Поэтому Коперник фактически впервые подробно развил и обосновал научный взгляд на строение солнечной системы, согласно которому Земля, как и все планеты, обращается вокруг Солнца и вместе с тем вращается вокруг своей собственной оси. Тем самым он освободил науку от многовекового заблуждения, поддерживаемого всем авторитетом церкви, и дал мощный толчок дальнейшему развитию свободной научной мысли. «Отсюда начинает свое летосчисление освобождение естествознания от теологии...» [1]

Джордано Бруно.
Гравюра. XVI в.

Утверждение и развитие гелиоцентрической системы Коперника происходило в ожесточённой борьбе со старыми воззрениями, связанными с религиозными предрассудками. Уже Лютер, ссылаясь на священное писание, отвергал учение Коперника. «... Как указывает священное писание, — говорил он, — Иисус Навин велел остановиться Солнцу, а не Земле». Примеру Лютера следовали и другие протестантские богословы. Однако особенно враждебную позицию по отношению к взглядам Коперника заняла католическая церковь. Сначала она не поняла той угрозы, которую несло для неё распространение учения Коперника. Когда же это учение стало овладевать умами, католическая церковь начинает преследовать его сторонников. Первой жертвой этих преследований стал замечательный итальянский мыслитель Джордано Бруно (1548—1600).

Джордано Бруно, развивая дальше положение Коперника, что Земля не является центром мира и находится в движении, создал поразительную для своего времени по смелости мысли картину мироздания. Он утверждал, что мир бесконечен и наполнен бесчисленным множеством небесных тел, состоящих из единой по своей природе материальной субстанции. Солнце является всего лишь одной из звёзд. Эти звёзды-солнца имеют обращающиеся вокруг них планеты, сходные с Землёй и даже населённые живыми существами. Иначе говоря, по его мнению, Земля является всего лишь одним незначительным небесным телом, наряду с бесконечным множеством других небесных тел, движущихся в бесконечном и не имеющем центра пространстве.

Эти мысли, являющиеся гениальным предвосхищением выводов науки последующих столетий, означали полное отрицание всей совокупности признанных като-

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 5.

лической церковью взглядов на мироздание. Джордано Бруно был обвинён в ереси и подвергнут заточению, по никакие страдания и пытки не могли заставить его отречься от своих взглядов. После восьми лет заключения он был сожжён на площади Цветов в Риме.

В борьбе с католической церковью протекала деятельность и великого итальянского астронома и физика Галилея, более полно обосновавшего взгляды Коперника на солнечную систему. Галилео Галилей родился в городе Пизе в 1564 г. В дальнейшем он жил во Флоренции, преподавал в университетах Пизы и Падуи, а в 1610 г. вернулся во Флоренцию, где получил место «первого философа и математика» при дворе герцога Тосканского.

Астрономические открытия Галилея связаны с применением телескопа, самостоятельно сконструированного им на основании известия о его изобретении в 1608 г. в Голландии. В телескоп Галилею удалось увидеть громадное количество не видимых для невооружённого глаза звёзд, горы на поверхности Луны, спутников Юпитера, фазы Венеры, пятна на Солнце и т. д. Результаты своих первых открытий (фазы Венеры и солнечные пятна были открыты немного позднее) Галилей опубликовал в 1610 г. в небольшой книжке «Звёздный вестник», произведшей на современников колоссальное впечатление: открытия Галилея сравнивали с открытием Америки.

Наблюдения Галилея явственно обнаружили несостоятельность старых астрономических воззрений и подтвердили правильность системы Коперника. Сходство Луны с Землёй (например, горы на её поверхности) опровергало господствовавшее до тех пор представление о коренном отличии небесных тел от Земли, мешавшее принять мысль Коперника, что Земля является одной из планет. Наличие у Юпитера спутников опровергало традиционное представление, что только Земля является центром обращения небесных тел, и доказывало необоснованность сомнений в возможности движения Земли вокруг Солнца, вызываемых тем обстоятельством, что вокруг неё обращается другое небесное тело (Луна): Юпитер, как оказалось, имел спутников, и притом не одного, а целых четыре, хотя сам описывал такое же круговое движение, какое, согласно Копернику, совершала и Земля. Фазы Венеры ясно указывали на её движение вокруг Солнца.

После этих открытий учение Коперника стало распространяться ещё быстрее; Галилей и его многочисленные последователи умело использовали их для опровержения геоцентрической теории. Католическая церковь, после выступления Джордано Бруно уже ясно осознавшая опасность для неё учения Коперника, решила окончательно пресечь его дальнейшее распространение. В 1616 г. взгляды Коперника были признаны еретическими, а его сочинение внесено в список запрещённых книг.

Несмотря на это, Галилей всё же продолжал собирать и накапливать доказательства правильности системы Коперника. В 1632 г. он, наконец, решился опубликовать результаты многолетней работы и издал свою знаменитую книгу «Диалог о двух главнейших системах мира, птоломеевой и коперниковой», в которой были собраны воедино и в блестящей форме изложены все существовавшие тогда доказательства правильности гелиоцентрической теории. В частности, он использовал открытые им законы механики (особенно закон инерции) для опровержения повторяемых ещё со времени Аристотеля и Птолемея возражений против учения о движении Земли. Памятуя о запрещении учения Коперника, Галилей рассматривал его как одну из возможных гипотез, но содержание книги не оставляло сомнения в том, на каких позициях он в действительности стоял.

Книга Галилея нанесла решающий удар геоцентрической теории. Однако, чем убедительнее были аргументы, приводимые Галилеем в доказательство правильности взглядов Коперника, тем большие опасения и ненависть вызывал он у сторонников старых воззрений. В 1633 г. Галилей был вызван в Рим на суд инквизиции. Несмотря на вынужденное у него под угрозой пыток и сурового наказания отречение, он был признан виновным в том, что поддерживал доктрины «ложные и противные святому и

божественному писанию» и осуждён на тюремное заключение, заменённое, правда, пребыванием в определённом указанном ему месте.

До самой своей смерти в 1642 г. Галилей оставался под надзором инквизиции и был лишён права печатать свои труды. Всё же он продолжал свою научную работу; в 1638 г. ему удалось напечатать вне Италии (в Голландии) книгу «Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки, относящихся к механике и местному движению», в которой были подведены итоги его замечательных исследований в области механики.

Галилео Галилей.
Гравюра 1623 г.

Другим учёным, сыгравшим крупную роль в дальнейшем развитии и окончательной победе гелиоцентрической теории, был немецкий астроном Кеплер.

Иоганн Кеплер родился в 1571 г. После окончания учения в Тюбингене он жил последовательно в Граце, Праге (где занимал должность придворного математика), Линце, переезжая с места на место из-за религиозных преследований со стороны католиков и материальной нужды. Умер Кеплер в Регенсбурге в 1630 г., куда прибыл в тщетной надежде получить не выплаченное ему из императорской казны жалованье.

Заслуга Кеплера состояла в том, что он внёс в систему Коперника одно очень важное уточнение. Заложив фундамент нового взгляда на строение солнечной системы, Коперник всё же не смог полностью освободиться от господствовавших в науке его времени неправильных представлений. В частности, он продолжал придерживаться ложного мнения Аристотеля, что в сфере небесных явлений существует лишь наиболее «совершенная» форма движения — равномерное и строго кругообразное движение. Соответственно этому он ошибочно считал, что и движения планет вокруг Солнца слагаются из таких равномерных и кругообразных движений.

Кеплеру удалось, наконец, открыть истинные законы обращения планет вокруг Солнца. Во время пребывания в Праге он получил в своё распоряжение записи астрономических наблюдений знаменитого датского астронома Тихо Браге, проведшего здесь последние годы своей жизни и умершего в 1601 г. Тихо Браге славился искусством производить точные астрономические наблюдения. Поэтому оставленные им данные о движении планет отличались необычайной для того времени полнотой и точностью. Изучая произведённые Тихо Браге наблюдения над движениями планеты Марс, Кеплер в результате многих лет упорной работы пришёл, наконец, к правильному выводу, что традиционное представление о строго кругообразном и равномерном движении планет ошибочно. Он доказал, что планеты движутся по эллипсам, в одном из фокусов которых находится Солнце (1-й закон Кеплера), и что скорость

движения планет увеличивается с приближением к Солнцу (2-й закон, согласно которому радиусы-векторы, связывающие планету с Солнцем, в равные промежутки времени описывают равные площади). Эти законы были установлены сначала только для Марса, но затем были перенесены и на движение других планет.

Открытие Кеплера было опубликовано в 1609 г. в труде «Новая астрономия, причинно обоснованная, или Небесная физика, изложенная в исследованиях о движениях звезды Марс, по наблюдениям благороднейшего мужа Тихо Браге». В работе «Гармонии мира» (1619 г.) Кеплер сформулировал третий закон, устанавливающий связь между периодами обращения планет и их расстояниями от Солнца. Законы Кеплера дали, наконец, правильное теоретическое объяснение движения планет и позволили производить точные астрономические вычисления; в 1627 г. Кеплер опубликовал новые, гораздо более точные таблицы движения планет («Рудольфовы таблицы»). Большее, чем в ранее составленных таблицах, совпадение сделанных на основании законов Кеплера вычислений движения планет с астрономическими наблюдениями было важным доказательством правильности гелиоцентрической теории.

Работы Галилея и Кеплера с такой очевидностью подтвердили учение Коперника, что со второй половины XVII в. все астрономы, стоящие на уровне научных требований своего времени, уже признают его истинность. Тем не менее католическая церковь ещё длительное время продолжала тщетно бороться с новыми взглядами на Вселенную.

Развитие физики

Перелом в развитии физики наступил позже, чем в астрономии. На протяжении XVI в. появляются, правда, отдельные исследования, обнаруживающие чуждый схоластике подход к изучению окружающего человека материального мира. К их числу следует отнести исследования Леонардо да Винчи, голландского инженера Стевина, разработавшего некоторые проблемы гидростатики («Принципы равновесия», 1586 г.), и особенно английского учёного Вильяма Гильберта (1540—1603), который на основании экспериментального исследования явлений природы в своей работе «О магните» дал подробное описание явлений магнетизма и известных тогда электрических явлений. Однако решительный перелом в этой области научного знания произошёл лишь в первой половине XVII в. и был связан с деятельностью того же Галилея, который решительно встал на путь создания новой физики, основанной на опыте и применении точных математических методов для анализа и обобщений данных опыта.

Новый дух, внесённый Галилеем в науку, виден на примере исследования вопроса о свободном падении тел. В своё время Аристотель выдвинул положение, что скорость падения тел различна и пропорциональна их весу. Это ошибочное мнение вместе со всеми физическими воззрениями Аристотеля было некритически воспринято средневековыми схоластами, которые повторяли его из поколения в поколение, даже не пытаясь проверить на практике. Галилей, не считаясь с авторитетом Аристотеля, подверг это положение проверке, убедился в его несостоятельности и выдвинул взамен него совершенно правильное утверждение, что все тела под действием силы тяжести падают с одинаковым ускорением. Для экспериментального доказательства правильности открытого им закона Галилей, по рассказу его биографа, сбрасывал шары различного веса со знаменитой наклонной башни в Пизе.

Не останавливаясь на этом, Галилей подверг сокрушительной критике всю совокупность господствовавших в его время ошибочных взглядов Аристотеля на движение и, применяя новые, подлинно научные методы исследования, выяснил целый ряд вопросов механики. Он уточнил представление о скорости и ускорении, сформулировал, правда, в неокончательном виде, закон инерции и закон независимости действия сил, вывел уравнение равномерно ускоренного движения, определил траекторию брошенного тела, начал изучение колебания маятника и т. д. Всё это, вместе взятое, даёт полное право считать Галилея основоположником тех разделов современной механики, в которых изучается движение, т. е. кинематики и динамики.

Зарождение и укрепление в борьбе со схоластикой новых принципов научного исследования знаменовало начало эпохи бурного развития физики. Помимо механики, в громадной степени двинутой вперёд работами Галилея, начинают быстро развиваться и другие разделы физики. Важные открытия делаются в механике жидких и газообразных тел. Ученик Галилея Торичелли (1608—1647) разработал некоторые вопросы гидродинамики, начал изучение атмосферного давления и создал ртутный барометр. Знаменитый французский учёный Паскаль (1623— 1662) успешно продолжал изучение атмосферного давления и окончательно доказал, что столб ртути в барометре поддерживается именно атмосферным давлением. Кроме того, он открыл названный его именем закон о передаче давления в жидкостях и газах.

Иероним Кардано.
Гравюра 1560 г.

Быстро развивается также и оптика. В конце XVI и начале XVII в. были изобретены микроскоп и телескоп. Одновременно начинается успешная разработка Кеплером, Декартом и другими учёными теоретической оптики (открыт закон преломления света и т. д.).

Для быстрого развития экспериментальной физики в XVII в. характерно возникновение учёных обществ, ставивших перед собой задачу основанного на опыте изучения природы. Вопросы естествознания входили в круг занятий возникшего в 1603 г. в Риме общества учёных под названием «Академия зорких» (буквально — «рысей»). Членом этого общества был Галилей. В середине XVII столетия возникают общества учёных-естествоиспытателей во Флоренции, Париже, Лондоне.

Развитие математики

Подъём научной мысли и потребности развивающихся наук о природе (особенно астрономии и механики) в более совершенных методах математического исследования привели в XVI—XVII вв. к быстрому развитию также и математики.

В это время закладываются основы современной алгебры. Уже математики древней Греции и особенно средневекового Востока были знакомы с элементами алгебры, например, умели решать уравнения первой и второй степени. Теперь быстро следуют одно за другим новые открытия в этой области математического знания. Несколько итальянских математиков, в том числе Кардано (1501—1576), к середине XVI в. разрабатывают способ решения уравнений 3-й степени (формула Кардано). Один из учеников Кардано открывает способ решения уравнений также и 4-й степени. В целях облегчения сложных вычислений (особенно в астрономии) изобретаются в начале XVII в. логарифмы. Первые таблицы логарифмов (Непера) вышли в свет в 1614 г.

Вместе с тем — что было особенно важным — вырабатывается система определённых математических символов для записи алгебраических выражений и производства алгебраических действий, без чего было невозможно дальнейшее развитие алгебры. До тех пор буквы употреблялись в алгебре — да и то далеко не всегда — лишь для обозначения искомых неизвестных величин. Алгебраические же действия записывались посредством слов при помощи сложных и громоздких фраз. В результате этого было практически невозможно в общем виде записывать и решать алгебраические задачи. Уравнения составлялись и решались только лишь с определён-

ными числовыми коэффициентами. В промежуток времени с XV до середины XVII в. во всеобщее употребление входят определённые знаки для записи алгебраических действий (знаки сложения, вычитания, возведения в степень, извлечения корня, равенства, скобок и т. д.). Кроме того, вводятся буквенные обозначения не только для неизвестных, но и для всех других величин. Благодаря этому последнему нововведению, связанному с именем французского математика Виета (или Виет, 1540— 1603), впервые создаётся возможность в общей форме ставить и решать алгебраические задачи (появляются алгебраические формулы). Алгебраическая символика получила дальнейшее развитие в трудах Декарта, который придал ей почти современный вид. В частности, он ввёл принятые теперь знаки для обозначения неизвестных величин (последние буквы латинского алфавита — x, y, z).

Одновременно с алгеброй развивается и тригонометрия, которая постепенно из подсобной дисциплины астрономии превращается в особый раздел математической науки. Наравне с дальнейшим развитием существовавших ещё ранее отраслей математики в рассматриваемый период происходит зарождение некоторых совершенно новых её разделов, неизвестных предшествующему периоду.

Рене Декарт создал аналитическую геометрию, в которой посредством метода координат была установлена связь между геометрией и алгеброй. Математики первой половины XVII в. Ферма, Кавальери, Декарт, Кеплер, Торичелли и др. разработали некоторые отдельные вопросы анализа бесконечно малых величин, подготовив почву для создания дифференциального и интегрального исчисления во второй половине этого столетия (Ньютон и Лейбниц).

Возникновение этих новых отраслей математики имело огромное принципиальное значение. В них стали изучать переменные величины и функциональную зависимость между ними, в результате чего, по меткому выражению Энгельса, «в математику вошли *движение* и *диалектика*»[1]. Это означало, что начали вырабатываться математические методы, впервые позволившие подвергнуть математическому анализу процессы движения в природе. Возникновение и развитие новых математических дисциплин было одним из необходимых условий всего последующего развития знаний человека об окружающем его мире.

Развитие других отраслей естествознания

В отличие от астрономии и физики, развитие химии, геологии, географии, ботаники, зоологии и т. д. сводилось главным образом к накоплению и описанию новых фактов. Однако в этом отношении были достигнуты очень значительные успехи: была окончательно сломлена традиция черпать фактический материал, а также идеи и общие точки зрения из сочинений античных авторов. Основное внимание начинает уделяться непосредственному изучению природы. Такое обращение к опыту содействовало громадному расширению круга известных явлений природы и гораздо более глубокому и точному их описанию.

В химии открываются неизвестные ранее вещества и изучаются их свойства, чему не мало способствовало развитие химического производства, горного дела, металлургии и медицины. В связи с успехами горного дела растёт запас знаний по геологии и минералогии. Крупнейшим событием в этой области были работы по горному делу и минералогии немецкого учёного Георга Бауэра (1494—1555), более известного под именем Агриколы (латинизированная форма его фамилии). В результате великих географических открытий происходит громадное расширение географических знаний. Вместе с тем развиваются и связанные с географией специальные дисциплины. В частности, начинают разрабатываться научные основы картографии и создаются гораздо более точные карты. В развитии картографии большую роль сыграл уроженец Фландрии Гергард Кремер (1512—1594), вошедший в историю науки под латинизированным именем Меркатор. Им создана и его именем названа одна из основных картографических проекций.

[1] *Ф. Энгельс,* Диалектика природы, стр. 206.

В области ботаники и зоологии создаются многотомные, снабжённые зарисовками описания растений и животных, например, труд швейцарского ботаника, зоолога и филолога Конрада Геснера (1516—1565) «История животных». Организуются ботанические сады, сначала в Италии, а затем в других странах Западной Европы. Впервые в истории науки начинают составлять гербарии. Появляются первые естественнонаучные музеи.

Гергард Кремер (Меркатор).
Гравюра XVI в.

Значительные успехи достигаются и в изучении человеческого организма. Происходит пересмотр взглядов, господствовавших в античной и средневековой медицине, и создаются новые теории по вопросу о природе человеческого организма и методах лечения болезней (например, швейцарский химик, биолог и врач Парацельс, 1493—1541). Видное место среди биологов-медиков принадлежит итальянцу Джироламо Фракасторо (ок. 1480—1553). Его труд о заразных болезнях (1546 г.) явился крупной вехой в развитии эпидемиологии, ибо он уточнил многие вопросы о передаче заразы и мерах борьбы с заразными болезнями. Начинаются систематические и тщательные анатомические вскрытия, знаменующие зарождение уже в полном смысле слова научной анатомии. Провозвестником новых идей в этой отрасли знания был Андрей Везалий (1514—1564), сделавший свои основные открытия в Италии, где он опубликовал труд «О строении человеческого тела». Создаются основы правильной теории кровообращения у человека. Это открытие, заложившее фундамент для последующего развития физиологии животных и человека, было подготовлено работами испанского учёного Мигеля Сервета и сделано английским врачом Вильямом Гарвеем (1578—1657).

Изобретение микроскопа позволило проникнуть в совершенно недоступные ранее для человека глубины растительной и животной жизни. Начинается изучение при помощи микроскопа строения живой ткани и процесса зарождения живых организмов.

Связь развития естествознания с новой философией

Развитие наук о природе происходило в тесной связи с развитием новой философии. Передовые представители философской мысли своей борьбой против феодально-церковного мировоззрения помогали освобождению естествознания от пут богословия и способствовали выработке общих теоретических представлений о природе. Наибольшую роль в развитии естествознания рассматриваемого периода сыграли два философа — англичанин Френсис Бэкон и француз Рене Декарт.

В учении Бэкона самым важным для развития естествознания было то, что он подверг сокрушительной критике средневековую схоластику и разработал новый, прогрессивный для своего времени эмпирический метод познания.

Согласно рационалистической теории познания Декарта источником истинного знания является разум. Прилагая правильные методы мышления, столь же ясные,

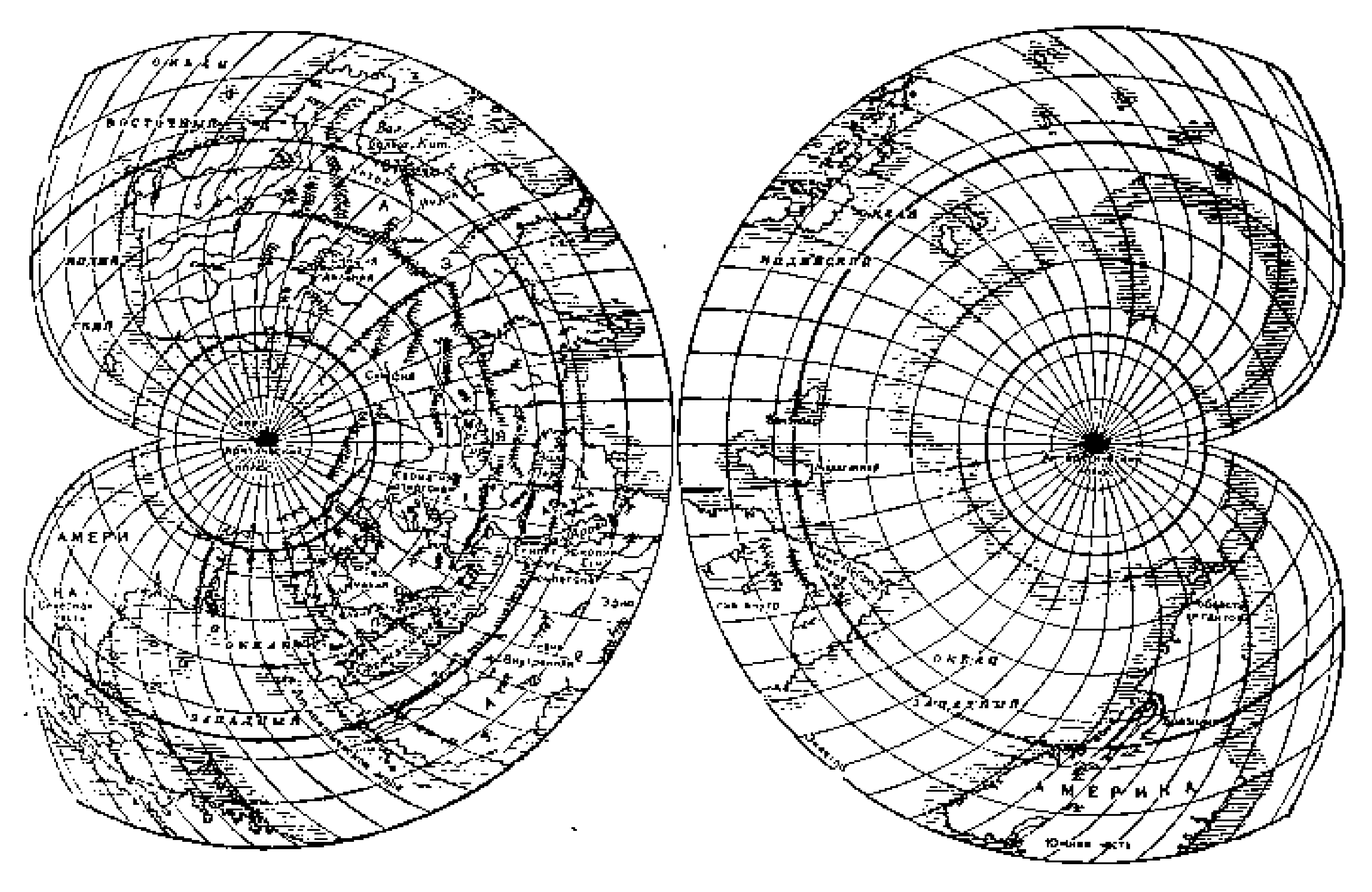

СХЕМА КАРТЫ МЕРКАТОРА 1538 г.
(Первая карта, на которой название «Америка» было распространено на оба материка Нового Света.)

как математические доказательства, к изучению данных опыта, мы должны, по мнению Декарта, прийти к установлению истины. Этот рационалистический метод познания был совершенно несовместим с духом средневековой схоластики. Поэтому его распространение также расчищало путь для развития науки.

Урок анатомия доктора Тюльпа.
Рембрандт. 1632 г.

Ещё большую роль в борьбе новой науки со старым феодально-церковным мировоззрением сыграла натурфилософия Декарта. Хотя в учении Декарта были значительные элементы идеализма (в частности, он признавал бытие бога и наличие души у человека), однако его взгляды на природу носили фактически стихийно-материалистический характер. Декарт предпринял грандиозную по широте замысла попытку создать цельную механико-материалистическую концепцию мира. Согласно его учению, весь окружающий человека мир состоит из частиц материи, основным свойством которых является протяжённость. Частицы материи, единые по своей природе и различающиеся лишь по величине и форме, находятся в движении, подчинённом механическим законам. Все явления природы, по мнению Декарта, объясняются этим движением материи. Так, например, согласно его космогонической теории все небесные тела — звёзды, Солнце, планеты, кометы — были образованы вихреобразным движением материи. Обращение планет вокруг Солнца, по этой теории, тоже является результатом вихревого движения особых мельчайших частиц материи. Движением частиц материи различного рода Декарт объясняет и такие явления, как притяжение, магнетизм, теплоту, свет, приливы и отливы. Он сделал попытку таким

чисто механическим способом объяснить даже процессы, происходящие в организме животных, представлявших, по его мнению, своего рода машины или автоматы, лишённые каких-либо элементов сознания.

Такой механико-материалистический взгляд на природу, сложившийся под влиянием достигнутых в то время успехов в области механики, несмотря на все его недостатки, всё же представлял громадный шаг вперёд по сравнению со схоластикой. Идеи картезианской (декартовской) физики, получившие в XVII в. широкое распространение, стали надолго мощным орудием борьбы против старых воззрений на природу.

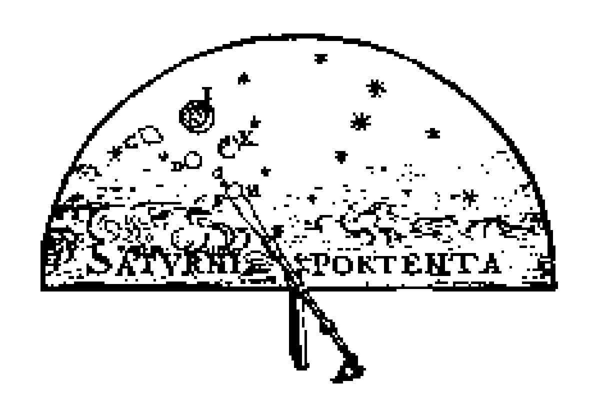
Укреплению тех же механико-материалистических позиций в немалой мере способствовала деятельность видного современника и критика Декарта Пьера Гассенди, который на протяжении многих лет трудился над восстановлением эпикурейской атомистики и дальнейшим её развитием.

Итоги развития естествознания к середине XVII в.

К середине XVII в. в западноевропейских странах были достигнуты очень значительные успехи в развитии науки. В упорной борьбе со схоластикой и религиозным миропониманием вырабатываются новые, в полном смысле слова научные методы изучения природы, основанные на опыте и применении математики для обработки и обобщения данных опыта.

Создание этих новых методов научного исследования сопровождалось громадным расширением и уточнением знаний человека о природе. В XVI и первой половине XVII в. почти во всех отраслях естествознания в странах Западной Европы наблюдается быстрое накопление новых знаний, а в некоторых из них происходит я настоящий переворот, делаются научные открытия громадной принципиальной важности. Особенно велики были достижения астрономии и механики. В этих отраслях научного знания развитие подошло вплотную к завершению работы по созданию основ теоретической механики земных и небесных тел. Труды Галилея и Кеплера непосредственно подготовили почву для появления великого творения Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии» (1687 г.), в котором были сформулированы основные законы механики и закон всемирного тяготения и развиты некоторые общие представления естествознания, удержавшиеся в науке вплоть до XIX в.

Всё это означало, что к середине XVII в. были прочно заложены основы нового естествознания, дальнейшее развитие которого принесло невиданные до тех пор успехи в деле познания материального мира и использования данных науки в интересах человека. Началась новая эра в изучении природы, человечество вступило в период непрерывно умножающихся и всё более ускоряющихся великих научных и технических открытий.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

*

СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

*

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

*

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

*

СПИСОК КАРТ

*

СПИСОК ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

*

СПИСОК РИСУНКОВ, ПОМЕЩЁННЫХ В НАЧАЛЕ И В КОНЦЕ ГЛАВ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА [1]

ЦЕНТРАЛЬНАЯ И ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА, БАЛКАНСКИЕ СТРАНЫ

1452—1519	— Леонардо да Винчи.
1466—1536	— Эразм Роттердамский.
1469—1527	— Никколо Макиавелли.
1471—1528	— Альбрехт Дюрер.
1475—1564	— Микельанджело Буонарроти.
1477—1576	— Тициан Вечеллио.
1478—1535	— Томас Мор.
1483—1520	— Рафаэль Санти.
1483—1546	— Мартин Лютер.
1485—1603	— ДинастияТюдоров в Англии.
90-е гг. XV в. —1525	— Томас Мюнцер.
1492	— Экспедиция Колумба для поисков морского пути в Индию. Открытие Америки.
1493—1519	— Максимилиан I, император «Священной Римской империи».
1493, 1502, 1513, 1517	— Заговоры тайного крестьянского союза «Башмак» в Германии.
1494—1553	— Франсуа Рабле.
1494—1559	— «Итальянские войны».
1494—1498	— Флорентийская республика во главе с Савонаролой.
1497—1498	— Открытие Васко да Гамой морского пути в Индию.
1506—1507	— Восстание в Генуе против французов и местного патрициата.
1509—1547	— Генрих VIII, английский король.
1511	— Признание Швабским союзом независимости Швейцарии.
1514	— Антифеодальное восстание крестьян в Венгрии во главе с Дьёрдем Дожей.
1515—1547	— Франциск I, французский король.
1516	— Болонский конкордат Франциска I с римским папой.
1516—1556	— Карл I, испанский король (1519—1556 — император «Священной Римской империи» Карл V).
1517	— Начало Реформации в Германии. Выступление Лютера с 95 тезисами.
1518—1531	— Деятельность Цвингли в Цюрихе.
1519—1522	— Первое кругосветное путешествие Магеллана.
1519—1522	— Народные восстания в Валенсии.
1520—1521	— Восстание городских коммун (комунерос) в Испании.
1521	— Вормсский рейхстаг в Германии. Принятие эдикта против Лютера.
1521—1564	— Фердинанд I, эрцгерцог Австрии (1526—1564 — король Чехии и Венгрии;
1556—1564	— император «Священной Римской империи»).
1522	— Рыцарское восстание в Германии.
1524—1525	— Великая крестьянская война в Германии.
1524, 1526	— Восстания горнорабочих в словацких городах.
1525	— Победа войск императора Карла V над войсками французского короля Франциска I в битве при Павии.
1525 — конец 20-х гг. XVI в.	— Крестьянские восстания под руководством Гайсмайера в Тироле и Зальцбурге.
1526	— Поражение чешско-венгерской армии в битве с войсками Османской империи при Мохаче. Потеря Венгрией независимости.

[1] Важнейшие даты. Для правителей государств указываются годы их правления, для ученых, писателей, художников, политических деятелей— годы их жизни

1526—1527 — Антифеодальное крестьянское восстание в Венгрии под предводительством Ивана Чёрного.
1527—1530 — Восстание во Флоренции против французов и герцогов Медичи. Флорентийская республика.
1529 — Вторжение турецких войск в Словакию и Австрию. Поражение их под Веной.
1530—1534 — Крестьянские волнения в Чехии.
1531 — Открытие биржи в Амстердаме.
1532 — Народное восстание в Лукке (Италия) против французов.
1534 — Акт о верховенстве короля над церковью в Англии (начало английской реформации).
1534—1535 — Мюнстерская коммуна.
1535 — Франко-турецкие договоры.
1536—1564 — Деятельность Кальвина в Женеве.
1540 — Утверждение папой Ордена иезуитов
1541 — Захват турками столицы Венгрии — Буды.
1547 — Антигабсбургское восстание в Праге.
1547—1616 — Мигель Сервантес де Сааведра.
1548 — Победа германских католических князей и Карла V над Шмалькальденским союзом протестантских князей.
1548 — Изгнание «чешских братьев» из Чехии.
1548—1600 — Джордано Бруно.
1549 — Восстание английских крестьян под предводительством Роберта Кета.
1553—1558 — Мария Тюдор, английская королева.
1555 — Образование английской торговой «Московской компании».
1555 — Аугсбургский религиозный мир (Германия).
1556—1598 — Филипп II, испанский король.
1558—1603 — Елизавета I, английская королева.
1559 — Мир в Като-Камбрези между Францией и Испанией.
1560—1574 — Карл IX, французский король.
1561—1626 — Френсис Бэкон, английский философ.
1562 — Восстание в Трансильвании секейских крестьян под предводительством Дьёрдя Надя.
1562—1635 — Лопе де Вега, испанский драматург.
1562—1594 — Гражданские («религиозные») войны во Франции.
1564—1642 — Галилео Галилей.
1564—1616 — Вильям Шекспир.
1566 — Начало буржуазной революции в Нидерландах.
1568—1571 — Восстание мор исков в Испании.
1568—1639 — Томмазо Кампанелла, итальянский социалист-утопист.
1569, 1596, 1607 — Крестьянские выступления в Англии против огораживании.
1569—1570 — Крестьянское восстание в районе Дебрецена во главе с Дьёрдем Карачоньи против турок и венгерских феодалов.
1571 — Победа испано-венецианской эскадры над турецким флотом при Лепанто.
1571—1630 — Иоганн Кеплер, немецкий учёный-астроном.
1572—1573 — Восстание крестьян районов Загреба, Савы, Каринтии, Штирии под предводительством Матии Губеца.
1572, ночь на 24 августа — Варфоломеевская ночь; массовые убийства гугенотов в Париже.
1572—1584 — Вильгельм Оранский, штатгальтер Голландии и Зеландии.
1576 — «Гентское умиротворение» (Нидерланды).
1576 — Образование гугенотской Конфедерации и Католической лиги во Франции.
1577—1579 — Восстание горожан в Генте.
1577—1640 — Питер Пауль Рубенс.
1579 — Аррасская уния южных провинций Нидерландов.
1579 — Утрехтская уния северных провинций Нидерландов.
1581 — Присоединение Испанией Португалии.
1581 — Низложение Филиппа II в Нидерландах.
1583—1645 — Гуго Гроций, голландский учёный, юрист и политический деятель.
1587 — Казнь Марии Стюарт, шотландской королевы.
1588 — Поход на Англию и гибель испанской «Непобедимой армады».
1589—1610 — Генрих IV, французский король. Начало династии Бурбонов.
1591 — Крестьянское восстание в Молдавии.
1592—1598 — Восстание «кроканов» во Франции.

1592—1670 — Ян Амос Коменский, чешский учёный и педагог.
1594 — Образование Валахией, Молдавией и Трансильва-нией союза для борьбы с Турцией.
1594 — Восстание в Банате, Ва-лахии и Молдавии против турецкого господства.
1594—1595 — Война господаря Валахии Михаила Храброго против турецкого господства.
1595 — Восстание подмастерьев и городской бедноты в Лондоне.
1595—1597 — Крестьянское восстание в Австрии.
1596 — Разгром англичанами испанского флота в гавани Кадиса.
1596—1650 — Рене Декарт, французский учёный и философ.
1598 — Нантский эдикт Генриха IV. Предоставление политических прав протестантам.
1598 — Восстание в Тырново и других болгарских городах против турецкого господства.
1599—1641 — Антонис Ван-Дейк,фламандский художник.
1599—1660 — Диего Веласкес, испанский художник.
1600 — Основание английской Ост-Индской компании.
1600—1681 — Педро Кальдерон, испанский драматург.
1602 — Основание голландской Ост-Индской компании.
1603—1625 — Яков I Стюарт, английский король.
1606—1669 — Рембрандт Ван-Рейн.
1606—1684 — Пьер Корнель, французский драматург.
1608 — Образование Протестантской («Евангелической») лиги в Германии.
1609 — Образование Католической лиги в Германии.
1609 — Изгнание мор исков из Испании.
1610—1643 — Людовик XIII, французский король.
1613—1629 — Габор Бетлен, трансильванский князь.
1618 — Антигабсбургское восстание в Чехии.
1618—1648 — Тридцатилетняя война в Европе.
1619—1637 — Фердинанд II, император «Священной Римской империи».
1620 — Битва при Белой Горе Поражение чешских войск.
1621 — Крестьянские волнения в Чехии и Австрии.
1624—1642 — Правление кардинала Ришелье, министра Людовика XIII, во Франции.
1626 — Крестьянское восстание в Австрии.
1628 — Взятие крепости гугенотов Ла-Рошели королевскими войсками.
1629 — Мир в Любеке между «Священной Римской империей» и Данией.
1630—1648 — Дьёрдь Ракоци I, трансильванский князь.
1631 — Восстание венгерских и словацких крестьян в Токае.
1636—1637 — Новое восстание «кроканов» во Франции.
1639 — Восстание «босоногих» во Франции.
1640 — Отделение Португалии от Испании.
1640—1652 — Восстание в Каталонии.
1646 — Издание уложения, запрещающего свободный переход крестьян в Молдавии.
1647—1648 — Народные восстания в Сицилии и Южной Италии против испанцев.
1648 — Вестфальский мир.

ПОЛЬША. ПРИБАЛТИКА. СКАНДИНАВИЯ

1473—1543 — Николай Коперник.
1502—1508 — Крестьянское восстание в Норвегии.
1505 — Радомская конституция в Польше.
1506—1548 — Сигизмунд I, польский король.
1513—1523 — Кристиан II, король Дании и Швеции.
1519—1521 — Война Польши с Тевтонским орденом.
1521—1523 — Борьба Швеции против господства Дании. Восста новление независимости Швеции.
1523—1560 — Густав Ваза, шведский король.
1525 — Начало реформации в Финляндии.
1525—1528, 1536—1537 — Волнения и восстания крестьян в Литве.
1527—1544 — Реформация в Швеции.
1530—1584 — Ян Кохановский, польский поэт.
1533—1536 — Восстание крестьян и горожан в Дании.

1536 — Реформация в Дании.
1537—1539 — Введение реформации в Норвегии.
1546—1601 — Тихо Браге, датский астроном.
1548—1572 — Сигизмунд II Август, польский король.
1551 — Восстание исландцев против Дании.
1558—1583 — Ливонская война.
1559 — Переход Ливонского ордена под протекторат Польши.
1559 — Захват Данией эстонского острова Сааремаа (Эзель).
1561 — Захват Швецией Ревеля (Таллина) и северной части Эстонии.
1561 — Распад Ливонского ордена. Образование Курляндского герцогства.
1563—1570 — Датско-шведская война.
1568—1592 — Иоанн III, шведский король.
1569 — Люблинская уния Польши с Литвой. Образование Речи Посполитой.
1573—1574 — Генрих Валуа, польский король.
1576—1586 — Стефан Баторий, польский король.
1587—1632 — Сигизмунд III Ваза, польский король (с 1592 — фактически до 1599 г. — также шведский король).
1588—1648 — Кристиан IV, датский король.
1591—1593 — Крестьянско-казацкое восстание на Украине под предводительством К. Косинского.
1594—1596 — Крестьянско-казацкое восстание на Украине под предводительством С.Наливайко.
1596 — Брестская уния в Речи Посполитой между православной и католической церквами.
1596—1597 — «Война дубинок» — крестьянская война в Финляндии.
1601—1611, 1617—1629 — Польско-шведские войны.
1606—1610 — Восстание городской бедноты в Могилёве.
1609 — Начало интервенции Польши и Швеции в Русском государстве.
1611—1632 — Густав II Адольф, шведский король.
1617 — Столбовский мир между Швецией и Россией.
1618 — Деулинское перемирие между Польшей и Россией.
1621 — Победа польских войск над турецкой армией при Хотине.
1625—1629 — Участие Дании в Тридцатилетней войне.
1629 — Перемирие Польши и Швеции в Альтмарке.
1632 — Победа шведских войск над имперской армией при Люцене.
1632—1634 — Польско-русская (Смоленская) война.
1632—1648 — Владислав IV, польский король.
1632—1654 — Кристина, шведская королева.
1640 — Открытие университета в Або (Финляндия).
1643—1645 — Датско-шведская война.

РОССИЯ

1500—1503 — Война Русского государства с Великим княжеством Литовским.
1503 — Перемирие между Русским государством и Великим княжеством Литовским. Включение в состав Русского государства Чернигова, Новгород-Северского, Гомеля, Брянска и др.
1505—1533 — Василий III, великий князь.
1510 — Присоединение Псковской земли.
1514 — Освобождение Смоленска и включение его в состав Русского государства.
1521 — Поход соединённых крымско-казанских войск на Москву.
1522 — Присоединение Рязанского княжества.
1533—1584 — Иван IV, великий князь (с 1547 г.— царь).
1535—1538 — Денежная реформа. Установление единой монетной системы.
1547 — Восстание посадских людей в Москве.
1549 — Созыв первого Земского собора.
1549 — Представление публицистом И. С. Пересветовым своих сочинений Ивану IV.
1550 — Создание стрелецкого войска.
1550 — «Судебник» Ивана IV.
1551 — Стоглавый собор.
1552 — Взятие Казани русскими войсками. Присоединение Казанского ханства к Русскому государству.

1553—1555 — Церковные соборы, осудившие «ереси» Феодосия Косого, Матвея Башкина и др.
1556 — Завоевание Астраханского ханства Русским государством.
1558—1583 — Ливонская война.
1564 — Выпуск первопечатной книги «Апостол» Иваном Федоровым.
1565 — Введение опричнины.
1571 — Набег крымского хана Девлет-Гирея на Москву.
1581 — Издание указа, запрещавшего уход крестьян от феодалов.
1581—1584 (или 1582—1585) — Поход отряда под начальством Ермака в Западную Сибирь.
1582 — Перемирие между Россией и Польшей в Запольском Яме.
1583 — Плюсское перемирие между Россией и Швецией.
1584—1598 — Фёдор Иванович, царь.
1590—1593 — Война России со Швецией.
1595 — Тявзинский мир между Россией и Швецией.
1597 — Указ о пятилетнем сроке сыска и возвращения беглых крестьян.
1603 — Восстание крестьян и холопов под предводительством Хлопка.
1604, октябрь — Начало похода на Москву ставленника польских магнатов Лжедмитрия I.
1605—1606 — Правление Лжедмитрия I.
1606—1610 — Василий Шуйский, царь.
1606—1607 — Антифеодальное восстание под предводительством Ивана Болотникова.
1607 — Начало военных действий нового ставленника польских интервентов Лжедмитрия II.
1609 — Начало шведской интервенции в России.
1609 — Начало открытой польской интервенции в России.
1610, конец 1611, июль — Первое ополчение для борьбы с польскими интервентами. 1611, 19—20— Восстание в Москве против мартапольских интервентов.
1611, сентябрь — октябрь — Создание в Нижнем Новгороде второго ополчения под предводительством Минина и Пожарского.
1612, 26 октября — Взятие московского Кремля вторым ополчением.
1613, январь — Созыв Земского собора.
1613—1645 — Михаил Федорович, царь.
1617 — Столбовский мир России со Швецией.
1618 — Деулинское перемирие между Россией и Польшей.
1632—1634 — Война России с Польшей (Смоленская война).
1634 — Поляновский мир России с Польшей.
1643—1651 — Походы Василия Пояркова и Ерофея Хабарова на Амур.
1648 — Открытие Семёном Дежневым и Федотом Алексеевым (Поповым) морского пролива между Азией и Америкой.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ, ИРАН, СРЕДНЯЯ АЗИЯ И ЗАКАВКАЗЬЕ

1467—1520 — Селим I, турецкий султан.
Около 1489—1578 или 1588 — Синан, турецкий архитектор.
XVI в., конец — 1556 или 1562 — Физули, Мухаммед Сулейман оглы, азербайджанский поэт.
1502 — Образование Сефевидского государства.
1502—1524 — Исмаил Сефевид, основатель династии Сефевидов в Иране.
1505 — Завоевание Хорезма узбекским ханом Мухаммедом Шейбани.
1507 — Покорение Мавераннахра и Хорасана Мухаммедом Шейбани.
1508 — Завоевание Южной Месопотамии и Багдада Исмаилом Сефевидом.
1510 — Победа армии Сефевидов над войсками Шейбани-хана под Мервом. Захват Ираном Хорасана.
1511—1512 — Народное восстание в Малой Азии под предводительством Шах-кулу.
1511 — около 1520 — Касым, хан Южного Казахстана.
1514—1517 — Завоевание Османской империей Восточной Армении, Курдистана, Северной Месопотамии, Хиджаза, Сирии, Египта.
1518 — Народное восстание под предводительством Нур Али в районах Карахисара и Никсара (Малая Азия).
1519 — Народное восстание под предводительством Джелала в районе Токата (Малая Азия).

1520—1566 — Сулейман I, турецкий султан.

1522 — Захват Османской империей острова Родос.

1523—1533 — Тагир, казахский хан.

1524—1576 — Тахмасп I, шах Ирана.

1525—1526 — Крестьянское восстание в восточных районах Малой Азии под предводительством Коджа Соглун-оглу и Зуннун-оглу.

1526 — Восстание турецких крестьян и курдских кочевников в районе Малатьи под предводительством Календер-шаха.

1526 — Победа турок над чешско-венгерскими войсками при Мохаче. Захват Османской империей части Венгрии.

1529 — Вторжение турецких войск в Словакию и Австрию. Поражение их под Веной.

XVI в.,начало — Захват Хайреддином Барбароссой Алжира и присоединение его к Османской империи.

1534 — Турецкое нашествие в Закавказье и Месопотамию.

1535 — Установление вассальной зависимости Туниса от императора Карла V.

1535 — Союзный и торговый договоры («Капитуляции») Османской империи с Францией.

1538—1580 — Хакк-Назар, казахский хан.

1541 — Победа турецких войск над испанскими войсками под городом Алжиром и вытеснение испанцев из Алжира.

1547—1555 — Война между Ираном и Османской империей.

1551 — Захват Османской империей г. Триполи.

1555 — Договор между Ираном и Османской империей о разделе Закавказья.

1561—1583 — Искандер, хан Бухары.

1571 — Разгром турецкого флота испано-венецианской эскадрой при Лепанто.

1571—1572 — Восстание горожан в Тебризе.

1574 — Захват Османской империей г. Туниса.

1578—1590 — Война Османской империи с Сефевидским Ираном.

1583—1598 — Абдулла, хан Бухары.

1585—1635 — Правление эмира Фахр-ад-дина в Ливане.

1587—1628 — Аббас I, шах Ирана. 1587—Принятие кахетинским царём Александром русского подданства.

1590 — Захват Турцией всей территории Закавказья.

1591 — Крестьянское восстание в Диярбекире.

1591—1592 — Восстание крестьян и ремесленников в Гиляне.

1596 — Крестьянские восстания в Карамане и соседних районах Малой Азии.

1598—1601 — Завоевание Южного Туркменистана шахом Аббасом I.

1598—1628 — Есим, казахский хан.

1599—1603 — Крестьянское восстание в Анатолии.

1599—1753 — Правление Аштарханидов в Бухаре.

1608 — Антифеодальное движение «джелали» в Сирии и Ливане под предводительством Джанпулад-оглу.

1609—1657 — Кятиб Челеби (Хаджи Халифе), турецкий историк и географ.

1611—1642 — Имамкули, хан Бухары.

1612 — Новый раздел Закавказья между Ираном и Османской империей. Восстановление границ 1555 г.

1616—1625 — Антифеодальное восстание в Армении и Азербайджане под предводительством Мехлу-баба.

1623—1625 — Восстание в Грузии против Сефевидов под предводительством Георгия Саакадзе.

1623—1643 — Асфендиар, хан Хорезма.

1629 — Восстание крестьян и городской бедноты в Лахиджане и Реште под предводительством Адиль-шаха.

1639 — Касри-Ширинский договор между Османской империей и Ираном.

1643—1663 — Абулгази, хан Хорезма.

1645—1669 — Война Османской империи с Венецией. Захват турками острова Крит.

КИТАЙ И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

XV в., 60-е годы—XVI в., 60-е годы — «Период воюющих государств» в Японии.

1472—1528 — Ван Ян-мин, китайский философ.

1479—1543 — Даян-хан, монгольский правитель.

1483—1541 — Ван Синь-Чжай, китайский философ.

1489—1546 — Со Ген Док (Хвадам), корейский философ.
1509—1514 — Крестьянское восстание в провинции Сычуань.
1512—1517 — Крестьянское восстание в провинции Цзянсу.
1522—1566 — Ши-цзун, китайский император.
1527—1602 — Ли Чжи (Ли Чжо-у), китайский философ.
1532 — Восстание горожан в Киото.
1532 — Поход в Китай монгольских войск под предводительством Даян-хана.
1543 — Распад объединённого Даянханом Монгольского государства.
1557 — Получение португальцами в аренду г. Макао.
1560—1562 — Крестьянское восстание в районе горы Кувольсан (Корея).
1567—1572 — Лун-цин, китайский император.
1573—1620 — Вань-ли, китайский император.
1573—1582 — Правление сёгуна Ода Нобунага в Японии.
1575—1626 — Нурхаци, чжурчженьский хан.
XVI в., 70-е годы — Начало распространения ламаизма в Монголии.
1580 — Прибытие испанцев в Японию.
1582—1598 — Правление сёгуна Тоётоми Хидэёси в Японии.
1592—1598 — Война Японии с Кореей и Китаем
1601 — Восстание горожан в Учане.
1601 — Восстание ткачей в городе Сучжоу под предводительством Гэ Сяня.
1603 — Установление сегуната Токугава.
1606 — Восстание горожан в провинции Юньнань.
1613—1683 — Гу Янь-у, китайский учёный-энциклопедист.
1618 — Вторжение чжурчженей (маньчжуров) на территорию Китая.
1623—1651 — Правление сёгуна Иэмицу Токугава.
1624 — Захват части острова Тайвань голландцами.
1626—1693 — Абахай, маньчжурский (чжурчженьский) хан
1627—1645 — Крестьянская война в Китае
1627—1637 — Вторжение маньчжуров в Корею. Подчинение Кореи маньчжурам.
1628—1644 — Чжу Ю-цзянь (Сы-цзун), китайский император.
1636 — Признание князьями Южной Монголии власти маньчжурского хана.
1637 — Признание власти маньчжурского хана Кореей.
1637—1638 — Крестьянское восстание на острове Кюсю.
1644 — Взятие Пекина армией восставших крестьян.
1644 — Вступление маньчжурской армии в Пекин, Начало правления Цинской (Маньчжурской) династии в Китае.

ИНДИЯ, СТРАНЫ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

1510 — Захват португальцами порта Гоа в Индии.
1511 — Захват португальцами г. Малакки.
1520 — Распад Маджапахитской империи на острове Ява.
1526 — Основание империи Великого Могола в Индии.
1526—1530 — Бабур, падишах Могольской империи.
1532—1624 — Тулси Дас, автор поэмы «Рамаяна».
1539—1545 — Шер-хан, падишах Могольской империи.
1555—1556 — Хумаюн, падишах Могольской империи.
1556—1605 — Акбар, падишах Могольской империи.
1565 — Поражение армии Виджаянагара в битве при Таликоте с коалицией государств (Биджапур, Ахмеднагар, Бидар, Голконда). Отпадение от Виджаянагара вассальных княжеств.
1565—1571 — Завоевание Филиппинских островов испанцами.
1573 — Завоевание Гуджарата Акбаром.
1580—1582 — Восстание мусульманских феодалов против Акбара.
1596 — Прибытие в Бантам (на острове Ява) первой голландской экспедиции.
1603 — Основание первой голландской колонии на острове Ява.
1605—1628 — Джахангир, падишах Могольской империи.
1606 — Открытие Австралии голландцем Виллемом Янцем.

1619 — Захват и разрушение города Джакарты голландцами. Основание на его месте города Батавия.

1621 — Восстание на островах Банда против голландских колонизаторов

1628—1657 — Шах-Джахан, падишах Могольской империи

1633 — Захват Ахмеднагара Шах-Джаханом.

1636 — Превращение Голконды в Биджапура в вассалов Могольской империи.

1640 — Основание первой английской крепости в Индии— форта св. Георгия (Мадрас).

1641 — Захват г Малакки голландской Ост-Индской компанией.

1642 —1644 — Открытие Тасманом земли Ван-Димена (позднее названной Тасманией).

АМЕРИКА

III в. до н. э. — IV в. н. э. — Возникновение городов-государств в Центральной и Южной Мексике и в центре полуострова Юкатан.

328 — Древнейший датированный памятник народа майя — стела в городе Вашактуне.

V в., конец — VI в., начало — Основание народом майя в северной части полуострова Юкатан города Чичен-Ица.

V—X вв. — Распространение в долине Мехико цивилизации теотиуаканских тольтеков.

VIII—XII вв. — Развитие культуры тиауанако в области Анд.

X в., середина — Вторжение тольтеков из Мексики на юго-запад Юкатана и смешение их с майя.

X в. — Основание народом майя г. Майяпана.

X в. — Распад царства тольтеков в долине Мехико

XII в. (первая четверть) — Начало переселения ацтеков (племени теночков) из западной Мексики в долину Мехико.

XIII в. — Развитие в долине Куско раннеинкской культуры.

1325 — Основание теночками (ацтеками) поселения Теночтитлан на островах озера Тешкоко.

XIV—XV вв. — Развитие культуры племён группы мочика (чиму) на северном побережье области Анд.

XV в., первая четверть — Возникновение государства инков.

1428 —Образование конфедерации трёх племен — жителей Теночтитлана, Тешкоко и Тлакопана.

1438—1463 — Пачакути — правитель государства инков.

1492 —Открытие Америки Колумбом.

1498 — Исследование Себастианом Каботом северо-восточного берега Северной Америки.

1499—1504 — Путешествия мореплавателя Америго Веспуччи к берегам «Нового света».

1500 — Открытие Бразилии Кабралом.

1501 — Начало ввоза негров-рабов из Африки на Вест-Индские острова.

1513 — Открытие Тихого океана испанцем Васко Нуньесом де Бальбоа.

1519—1521 — Завоевание Мексики испанскими конкистадорами.

1531—1533 — Завоевание испанцами государства инков (современные Эквадор, Перу, Боливия, Чили).

1535 — Объявление Канады владением Франции.

1535—1537 — Восстание инков против испанцев.

1537—1572 — Новоинкское государство и его борьба с испанцами.

1542, 1545 — Введение испанцами в своих американских владениях энкомиенды — феодальной зависимости индейцев от испанских колонистов.

Около 1570 — Образование в Северной Америке Лиги ирокезов.

1607 — Первая английская колония в Северной Америке (Виргиния).

1608 — Основание французами города Квебека в Канаде.

1622—1634, 1642, 1644, 1646 — Войны индейцев с английскими и французскими колонистами.

1626 — Основание голландцами в Северной Америке поселения Новый Амстердам.

АФРИКА

1433 — Захват городов государства Мали — Тимбукту, Аравана и Уалату туарегами Египта.

1433 — Основание португальцами в устье Сенегала фактории Аргим.

1468 — Захват Сонни Али, царем государства Сонгаи, города Тимбукту у государства Мали.

1480-е годы — Открытие португальским мореплавателем Диего Као устья реки Конго.

1484 — Основание португальцами фактории в устье реки Нигер (в государстве Бенин).

1491 — Экспедиция португальского флота в государство Конго.

1493 — Захват Мохаммедом Туре (Аския Мохаммед I) престола в государстве Сонгаи.

1512—1513 — Установление владычества государства Сонгаи над городами племени хауса: Зарией (Зегзегом), Кациной, Гобером и Кано.

1530—1535 — Опустошение областей государства Мали племенами текрур.

1544 — Установление власти шерифов в Марокко.

XVI в., вторая половина — XVII в., начало — Нападения племен яго на государство Конго.

1579—1603 — Ахмед аль-Мансур, шериф Марокко.

1582 — Правление в Сонгаи Аскии Мохаммеда III.

1589 — Захват португальцами государства Анголы.

1591 — Разгром сонгайской армии войсками шерифа Марокко аль-Мансура.

XVI в., конец — 1652 г. — Восстания дьогорани в государстве Сонгаи.

1630 — Восстание против португальцев шейха Момбасы Юсуфа бен-Ахмеда.

1630 — Осада столицы государства Мали племенами фульбе и бамбара.

После 1630 — Распад государства Мали.

XVII в., середина. — Изгнание португальцев из государства Анголы.

1660—XVIII в., начало — Войны арабов восточного побережья Африки и Маската против португальцев. Изгнание португальцев.

1671 — Захват португальцами Анголы.

1665—1666 — Война португальцев с царем государства Конго Антонио I.

1680 — Захват г. Гао туарегами. Распад государства Сонгаи.

СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ К ТОМУ В ЦЕЛОМ

Произведения основоположников марксизма-ленинизма

Маркс К. Британское владычество в Индии В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные произведения в двух томах. Т. I. М. 1955, с. 303—309.

Маркс К. В редакцию «Отечественных записок» В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные письма. М. 1953, с. 313—316.

Маркс К К критике гегелевской философии права. Введение В кн. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 1, Изд. 2-е, с. 419—424.

Маркс К. К критике политической экономии (Предисловие). М. 1953, с. 5—10.

Маркс К. Капитал. М. 1955. Т. I, особенно с. 343—376, 718—767. Т. III, особенно с. 335—349, 607—626, 795—826.

Маркс К. Капиталистическое производство как производство прибавочной Стоимости. В кн.: Архив Маркса и Энгельса. Т. II. (VII), с. 91—113.

Маркс К Морализирующая критика и критизирующая мораль. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 4, изд. 2-е, с. 297—314.

Маркс К Письмо Энгельсу от 27 июля 1854 г. В кн.: *Маркс К* и *Энгельс Ф.* Избранные письма. М. 1953, с. 80—83.

Маркс К. Письмо Энгельсу от 28 января 1863 г. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные письма. М. 1953, с. 136—138.

Маркс К. Письмо Фердинанду Лассалю от 19 апреля 1859 г. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные письма. М. 1953, с. 110—112.

Маркс К. Революционная Испания. Очерк 1. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. X, с. 717—767.

Маркс К. Святое семейство или критика «Критической критики». Против Бруно Бауэра и К°. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 2, изд. 2-е, с. 3—230.

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М. 1940, с. 40—51.

Маркс К. Хронологические выписки. В кн.: Архив Маркса и Энгельса. Т. VII, VIII.

Маркс К. Хронологические выписки по истории Индии. М 1947, с. 22 —35.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М. 1953.

Энгельс Ф. Армия. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. XI, ч. II, с. 367—410.

Энгельс Ф. Артиллерия. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. XI, ч. II, с 411—435.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс* Ф. Соч. Т. XVI, ч. II, с. 8—10.

Энгельс Ф. Диалектика природы. М. 1953.

Энгельс Ф. Заметки о Германии. В кн.: Архив Маркса и Энгельса. Т X, с. 344—346.

Энгельс Ф. Заметки к истории ирландских конфискаций. В кн.: Архив Маркса и Энгельса Т X, с. 249—258.

Энгельс Ф. Из рукописного наследства. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. В кн.: *Энгельс Ф.* Крестьянская война в Германии. М. 1953, с. 153—163

Энгельс Ф. Кавалерия. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф* Соч. Т XI, ч. II, с. 436—465.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. М. 1953.

Энгельс Ф. Марка. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т XV, с. 627—645.

Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные произведения в двух томах. Т. II. М. 1955, с. 375— 379.

Энгельс Ф. Пехота. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. XI, ч. II, с. 477—483.

Энгельс Ф. Письмо к Марксу от 16. XII. 1882 г. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные письма. М. 1953, с. 362.

Энгельс Ф. Письмо Фердинанду Лассалю от 18 мая 1859 г. В кн.. *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные письма М. 1953, с. 112—114.

Энгельс Ф. Положение Германии. Письмо первое. В кн.: *Маркс К* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 2, изд. 2-е, с. 559—565.

Энгельс Ф Происхождение семьи, частной собственности и государства. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные произведения в двух томах. Т. II. М 1955, с. 303—309.

Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Избранные произведения в двух томах. Т. II. М. 1955, с. 83—145, 353—355.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Армада. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс* Ф. Соч. Т. XI, ч. II, с. 543—546.

Маркс К. и *Энгельс* Ф. Армии Европы. Соч. Т. **X,** с. 609—677.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. В кн.: *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 4, изд. 2-е, с. 419—459.

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Соч. Т. 3, изд. 2-е, с. 49—62, 182—183.

Ленин В. И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Соч. Т. 15, с. 65—67.

Ленин В. И. Государство и революция. Соч. Т. 25, с. 357—367.

Ленин В. И. К оценке русской революции. Соч. Т. 15, с. 35—47.

Ленин В. И. Капиталистический строп современного земледелия. Соч. Т. 16, с. 401—405.

Ленин В. И. Марксистские взгляды на аграрный вопрос в Европе и в России Соч. Т. 6, с. 306—311.

Ленин В. И. О государстве. Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г. Соч. Т. 20, с. 433—451.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. Соч. Т. 20, с. 365—424.

Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках. Соч. Т. I, с. 59—108.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. Соч. Т. 3, с. 16, 159, 285—396.

Ленин В. И. Философские тетради. М. 1947, с. 28—31.

Литература

Алпатов М. В. Всеобщая история искусств. Т. II. М.—Л. 1949.

Всеобщая история с IV столетия до нашего времени. Сост. под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Т. IV—V. М. 1898.

История дипломатии. Т. 1. Под ред. В. П. Потёмкина. М. 1941.

История средних веков. Т. 2. М. 1954.

История стран зарубежного Востока в средние века. М. 1957.

История философии. Т. I. М. 1957.

Кареев Н. И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков. СПб. 1908.

Книга для чтения по истории средних веков. Под ред. С. Д. Сказкина. Ч. III. Позднее средневековье. М. 1953.

Книга для чтения по истории средних веков. Сост. кружком преподавателей под ред. П. Г. Виноградова. Вып. 4. Изд. 4. М. 1914.

Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. II—III. М. 1900—1903.

Кулишер И М Промышленность и рабочий класс в Западной Европе в XVI— XVIII столетиях. Пг. 1922.

Политическая экономия. Учебник. Изд. 2-е, доп. М. 1955.

Сказкин С. Д. Проблема абсолютизма в Западной Европе (время и условия его возникновения). В кн.: Из истории средневековой Европы (X—XVII вв.). М. 1957.

Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. Соч. Т. 2.

Щеголев П. П. Очерки из истории Западной Европы XVI—XVII вв. Курс лекций. Л. 1938.

Baethgen F. Europa im Spatmittelalter. Grundzuge seiner politischen Entwicklung. Berlin 1951.

Borkenau F. Der Ubergang vom feodalen zum burgerlichen Weltbild. Paris 1934.

Cambridge medieval history. Ed. by C. W. Previte-Orton and others. Vol. VIII**.** Cambridge 1936.

Cambridge modern history. Ed. by A. W. Ward and others. Vol. I—IV. Cambridge 1907.

Carriere M. Die philosophische Weltanschauung der Reformationszeit in ihren Beziehungen zur Gegenwart. 2 Aufl. T. 1—2. Leipzig 1887.

Copleston F. A history of philosophy. Vol. 3. Ockham to Suarez. London 1953.

Ferguson W. K. The Renaissance in historical thought. Boston 1948.

Fueter E. Geschichte des europaischen Staatensystems von 1492—1559. Handbuch der mittelalterlichen und neueren Geschichte. Hrsg. von G. v. Below und F. Meinecke. Munchen und Berlin 1919.

Grimm H. J. The reformation era 1500— 1650. New York 1954.

Hauser H. La preponderance espagnole (1559—1660). 2-e ed. rev. et corrigee. Paris 1940. (Peuples et civilisations. Histoire generale publ. sous la dir. de L. Halphen et Ph. Sagnac. IX).

Lasswitz K. Geschichte der Atomistik vom Mittelalter bis Newton. 2. Aufl. Bd. I—II. Leipzig 1926.

Lieben F. Vorstellungen von Aufbau der Materie im Wandel der Zeiten. Eine historische Uebersicht. Wien 1953.

Mousnier R. Les XVI-e et XVII-e siecles. Les progres de la civilisation europeenne et le declin de 1'Orient (1492—1715). Paris 1954. (Histoire generale des civilisations. T. 4).

Pirenne H. Histoire economique de I'Occident medieval. Bruges 1951.

Platzhoft W. Geschichte des europaischen Staatensystems 1559—1660. Handbuch der mittelalterlichen und neueren Geschichte. Hrsg. von v. Below und F. Meinecke. Munchen und Berlin 1928.

Quirin H. Einfuhrung in das Studium der mittelalterlichen Geschichte. Braunschweig 1950.

Ritter G. Die Neugestaltung Europas im 16. Jahrhundert. Die kirchlichen und staatlichen Wandlungen im Zeitalter der Reformation und der Glaubenskampfe. Berlin 1950.

Schultz A. Das hausliche Leben der europaischen Kulturvolker vom Mittelalter bis zur zweiten Halfte des XVIII. Jh. Handbuch der mittelalterlichen und neueren Geschichte. Hrsg. von G. v. Below und F. Meinecke. Munchen und Berlin 1903.
See H. et Rebeillon A. Le XVI-e siecle... Paris 1950.

Историография и библиография

Косминский Е. А. Основные проблемы заподноевропейского феодализма в советской исторической науке. М. 1955.
Вайнштейн О. Л. Историография средних веков. В связи с развитием исторической мысли от начала средних веков до наших дней. М.—Л. 1940.
Fueter E. Geschichte der neueren Historiographie. 3. Aufl. Handbuch der mittelalterlichen und neueren Geschichte. Hrsg. von G. v. Below und F. Meinecke. Munchen und Berlin 1936.
Halphen L. Initiation aux etudes d'histoire du moyen age. 2-e ed. rev. et augm. Paris 1946.
Paetow L. J. Guide to the study of medieval history. Rev. ed. London 1931.

Источники и источниковедение

Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. Л. 1955.
Хрестоматия по западноевропейской литературе. Для высш. учеб. заведений. Эпоха Возрождения. Сост. Б. И. Пуришев. Изд. 3, доп. М. 1947.
Хрестоматия по истории средних веков. Пособие для препод. средн. школы. Под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. Т. 3. М. 1950.
Collection de textes pour servir a 1'etude et a 1'enseignement de l'histoire. Vol. 1—50. Paris 1886—1925.
Geissler G. Europaische Dokumente aus funf Jahrhunderten. Gesichtet und erlaut. von G. Geissler. Leipzig 1939.

Историческая география. Карты и атласы

Атлас истории средних веков. Под общ. ред. Е. А. Косминского и А. П. Левандовского. М. 1955.
Droysen L. Allgemeiner historischer Hand-atlas. Bielefeld 1888.
Kretschmer K. Historische Geographic von Mitteleuropa. Handbuch der mittelalterlichen und neueren Geschichte. Hrsg. von G. v. Below und F. Meinecke. Munchen und Berlin 1904.
The march of man. A chronological record of peoples and events from prehistoric times to the present day. Gen. ed. L. H. Daw-son. London 1935.
Rebeillon A. Atlas historique. Vol. III. Paris 1937.

К главе I

Зарождение капиталистических отношений в Западной Европе в XVI в.

Литература

Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т. II—III. М. 1900—1903.
Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. Изд. 8-е, пересм. и доп. Т. 2. М.— Л. 1931.
Очерки истории техники докапиталистических формации. М.—Л. 1936.
Цейтлин Е. А. Очерки истории текстильной техники. М.—Л. 1940.
Beck L. Die Geschichte des Eisens in technischer und kulturgeschichtlicher Beziehung. Bd. I—V. Braunschweig 1884—1903.
Dobb M. Studies in the development of capitalisme. London 1947.
Ehrenberg R. Das Zeitalter der Fugger. Bd.
I—II. Jena 1896.
Feldhaus F. Die Technik der Antike und des Mittelalters. Wildpark — Potsdam 1931.
Hauser H. Les debuts du capitalisme. Paris 1927.
Johannsen O. Geschichte des Eisens... 2. Aufl. Dusseldorf 1925.
Levasseur E. Histoire des classes ouvrieres et de I'industrie en France avant 1789.
2-me ed T. I—II. Paris 1900—1901.
Noel O. Histoire du commerce du monde depuis les temps les plus recules. T. II. Paris 1894.
See H, Les origines du capitalisme moderne. Paris 1926.
Sombart W. Der moderne Kapitalismus. T. I—II. Munchen und Leipzig 1928.
Strieder J. Studien zur Geschichte kapitalistischer Organisationsformen. Munchen und Leipzig 1925.
Unwin G. Industrial organisation in the XVI and XVII centuries. Oxford 1904.

К главе II

Народы континентальной Африки

Литература

Народы Африки. М. 1954.
Blake J. W. European beginnings in West-Africa. 1454—1578. A survey of the first century on white enterprise in West-Africa, with special emphasis upon the rivalery of the great powers. London 1937.
Caton-Thompson G. The Zimbabwe culture, ruins and reactions. Oxford 1931.

Delafosse M. Haut-Senegal-Niger. T. 1— 3. Paris 1912.
Ihle A. Das Alte Konigreich Kongo. Leipzig 1929.
Olderogge D. Die Gesellschaftsordnung Songhais im 15. und 16. Jahrhundert. «Afrikanistische Studien» Berlin 1955.
Urvoy J. Histoire de 1'empire de Bornou. Paris 1949.
Westermann D. Geschichte Africas. Staatenbildungen sudlich der Sahara. Koln 1952.

Источники

Abderrahman Ben Abdallah. Tarikh es-Soudan. Trad. de 1'arabe par O. Houdas. Paris 1900.
Ibn Battuta. Travels in Asia and Africa. 1325—1354. Transl. and selected by H. A. R. Gibb. With an introd. and notes. London 1939.
El Bekri. Description de 1'Afrique Septentrionale. Trad. par M. Guckin de Slane. Ed. rev. et corr. Alger — Paris 1913.
Cuvelier J. et *Jadin L.* L'ancien Congo d'apres les archives romaines (1518—1640). Bruxelles 1954.
Jean Leon-Africain. Description de 1'Afrique. Ed. A. Epaulard. Vol. I—II. Paris 1956.
Mahmoud Kati. Tarikh el-Fettach fi Akhbar el-Bouldan Oua-L-Djouyouch Oua-Akabir en Nas. Texte arab., ed. par O. Houdas et M. Delafosse. Paris 1914.
Paiva Manso. Historia do Congo. (Documentos.) Lisboa 1877.

К главе III

Народы Америки до начала европейской колонизации

Литература

Вайян Дж. История ацтеков. Пер. с англ. М. 1949.
Дебец Г. Ф. Происхождение коренного населения Америки. В кн.: «Происхождение человека и древнее расселение человечества». Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 16. М. 1951.
Индейцы Америки. Этнографический сборник. Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXV. М. 1955.
Кнорозов Ю. В. Древняя письменность Центральной Америки. «Советская этнография». 1952. № 3.
Кнорозов Ю. В. Краткие итоги изучения древней письменности майя в Советском Союзе. М. 1955.
Кунов Г. Всеобщая история хозяйства. Пер. с нем. М. 1929.
Морган Л. Г. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. Пер. с англ. Л. 1934.
Никольский В. К. Очерк первобытной культуры. Изд. 3. М.—Пг. 1924.
Очерки общей этнографии. М. 1957.
Паркс Г. История Мексики. Пер. с англ. М. 1949.
Barrados J. P. Les Indiens d'Eldorado. Paris 1955.
Cunow H. Geschichte und Kultur der Inkareichs. Amsterdam 1937.
Handbook of South American Indians... Vol. 2. Washington 1946.
Karsten R. Das Altperuanische Inkareich und seine Kultur. Leipzig 1949.
Morley S. G. The ancient Maya. 2nd ed. London 1947.
Spinden H. J. Ancient civilizations of Mexico and Central America. New York 1922.
Wissler C. The American Indian... 3d ed. New York 1938.

Источники

Диаз Берналь. Записки солдата Берналя Диаза. Пер. Д. Н. Егорова. Т. I—II. Л. 1924— 1925.
Ланда Диэго. Сообщение о делах в Юкатане. 1566 г. Пер. со староиспанского. Вводн. статья и примеч. Ю. В. Кнорозова. М.—Л. 1955.
Brasseur de Bourbourg Ch. E. Popol Vuh. Le livre sacre et les mythes de l'antiquite americaine. Vol. I. Paris 1861.
Las Casas B. Relation des voyages et des decouvertes que les espagnols ont fait dans les Indes Occidentales... Amsterdam 1698.
Poma de Ayala F. H. Nueva Coronica y Buen Gobierno, (Travaux et memoires de 1'Institut d'Ethnologie d'Universite de Paris.) Paris 1936.
Samanos Juan de. Relacion de los primeros descubrimientos de Francisco Pizarro y Diego de Almagro, sacada del Codice numero CXX de la Biblioteca imperial de Viena. In: Collection de documentos ineditos para la historia de Espana... T. V. Madrid 1844.

К главе IV

Великие географические открытия

Литература

Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Избранные работы по истории Сибири XVI— XVII вв. Ч. 1. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI—XVII вв. М. 1955.
Боднарский М. Очерки по истории русского землеведения. Вып. 1. М. 1947.
Зайчиков В. Г. Путешественники древнего Китая и географические исследования в Китайской Народной Республике. М. 1955.
Крачковский И. Ю. Арабские географы и путешественники. «Известия Географического об-ва». М.—Л.1937. Т. 69. Вып. 5.
Магидович И. П. Очерки по истории географических открытий. М. 1957.
Самойлов В. А. Семён Дежнев и его время. М. 1945.
Свет Я. М. По следам путешественников и мореплавателей Востока. Очерки. М. 1955.
Скалон В. Русские землепроходцы — исследователи Сибири. М. 1951.
Томсон Дж. О. История древней географии. Пер. с англ. М. 1953.

Фостер У. 3. Негритянский народ в истории Америки. Пер. с англ. М. 1955.

Фостер У. 3. Очерк политической истории Америки. Пер. с англ. Изд. 2-е. М. 1955.

Харт Г. Морской путь в Индию. Рассказ о плаваниях и подвигах португальских мореходов, а также о жизни и времени дона Васко да Гамы, адмирала, вице-короля Индии и графа Видигейры. Пер. с англ. М. 1954.

Ballesteros y Beretta A. Christobal Colon y el descubrimiento de America. T. 1—2. Barcelona — Buenos Aires 1945.

Les Francais en Amerique pendant la premiere moitie du XVI siecle. Introd. par Ch. A. Julien. Textes des voyages de Gonneville, Verrazano, J. Cartier et Roberval. Paris 1946.

Gibson Ch. E. Story of ship. New York 1948.

Gillespie J. E. History of geographical discovery 1400—1800. New York 1933.

Griaule M. Les grands explorateurs. Paris 1946.

Julien Ch.-Andre. Les voyages de decouverte et les premiers etablissements (XV— XVI-e siecles). Paris 1948.

Leonard J. A. Books of the brave. Being an account of books and of men in the Spanish conquest and settlement of the sixteenth century New World. Cambridge 1949.

Mookerji R. Indian shipping; a history of the sea-born trade and maritime activity of the Indians from the earliest times. Bombay — New York 1912.

Travel and travellers of the middle ages. Ed. by A. P. Newton. London 1926.

Wyndham H. The Atlantic and slavery. London 1935.

Zimmerman A. Die europaischen Kolonien. Schilderung ihrer Entstehung, Entwickelung, Erfolge und Aussichten Bd. I. Die Kolonialpolitik Portugals und Spaniens. Berlin 1896.

Источники

Де Фер Геррит. Плавания Баренца (Diarum nauticum). 1594—1597. Пер. с латин. А. И. Малеина. Под ред. В. Ю. Визе. Л. 1936.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии. Сб. документов. Сост. Н. С. Орловой. М. 1951.

Пигафетта Антонио. Путешествия Магеллана. Пер с итал. М. 1950

Путешествия Христофора Колумба. Дневники. Письма. Документы. Пор. с испан., коммент. и послесл. «Открытие Америки и зарождение системы эксплуатации ее коренного населения» Я. М. Света. Под ред. и со вступ. статьей «Колумб и его открытия» М П. Магидовича Изд. 3-е. М. 1956.

К главе V

Италия в XVI — первой половине XVII в.

Литература

Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. Пер. с итал. Т. 1—2. М. 1913.

Виллари П. Никколо Макиавелли и его время. Пер. с итал. М. 1914.

Пискорский В. Франческо Ферруччи и его время. Очерк последней борьбы Флоренции за политическую свободу (1527—1530). Киев 1891.

Barbieri J. Saggi di storia economica italiana. Bari, Napoli 1948.

Candeloro G. Storia dell'Italia moderna (XVI—XIX). Milano 1956.

Cantimori D. Eretici italiani del cinquecento. Ricerche storiche. Firenze 1939.

Caprariis V. de. Francesco Guicciardini. Dalta politica alla storia. Bari 1950.

Coniglio G. Il Regno di Napoli al tempo di Carlo V. Amministrazione e vita economico-sociale. Napoli 1951.

Fanfani A. Storia del lavoro in Italia dalla fine del secolo XV agli inizi del XVIII. Milano 1943.

Fanfani A. Saggi di storia economica italiana.. Milano 1936.

Koenigsberger H. The government of Sicily under Philip the Second of Spain. New York 1951.

Pecchiai P. Roma nel cinquecento... Bologna 1948.

Pino-Branca A. La vita economica degli stati Italiani nel secoli XVI, XVII, XVIII. (Secondo le relazioni degli Ambasciatori Veneti.) Catania 1938.

Storia politica d'Italia. Dalle origine al giorni nostri. Collab. R. Andreotti, M. G. Columba, G. Giannelli [e. a.] 3—4 ed. Milano 1950. [VOL.I.] Preponderanza spagnuola (1559—1700). A cura di R. Quazza. 2 ed. 1950.

Toffanin G. Il Cinquecento. 3-a ed., rived. Milano 1945.

Источники

Гвиччардини Франческо. Сочинения. Пер. и прим. М. С. Фельдштейна. Вступ. статья и прим. А. К. Дживелегова. М.—Л. 1934.

Кампанелла Томазо. Город Солнца. Пер. с латин. и коммент. Ф. А. Петровского. Вступит. статья В. П. Волгина. М. 1954.

Макиавелли Никколо. Князь. Пер. с итал. С. М. Роговина. М. 1910.

Макиавелли Никколо. О военном искусстве. Пер. с итал. М. 1939.

Макиавелли Никколо. Сочинения. Т. 1. Пер. А. Г. Габричевского, А. К. Дживелегова и др. Статья и ред. А. К. Дживелегова. М.—Л. 1934.

Guicciardini Francesco. Le Cose fiorentine, ora per la prima volta publicate da R. Ridolfi. Firenze 1945.

Medici Cosimo de. Lettere. A cura di G. Spini, con pref. di A. Panella. Firenze 1940.

К главе VI

Культура итальянского Возрождения (XVI — начало XVII в.)

Литература

Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. Т. I—II. 2-е изд. СПб. 1904— 1905.

Вельфлин Г. Классическое искусство... Пер. с нем. СПб. 1912.
Виппер Б. Р. Борьба течений в итальянском искусстве XVI века (1520—1590). К проблеме кризиса итальянского гуманизма. М. 1956.
Губер А. А. Микельанджело (1475—1564). М. 1953.
Губер А. А. Проблема Ренессанса. «Ученые записки Моск. гос. ун-та». Вып. 126. Труды Кафедры общего искусствознания. Кн. 1. М. 1947.
Дживелегое А. К. Итальянская народная комедия (Commedia dell' arte). М. 1954.
Дживелегое А. К. Очерки итальянского Возрождения. Кастильоне, Аретино, Челлини. М. 1929.
Лазарев В. Н. Леонардо да Винчи. М. 1952. *Лафарг П.* Томас Кампанелла. М.—Л. 1926.
Ольшки Л. История научной литературы на новых языках. Пер. с нем. Т. 1—3. М.—Л. 1933—1934.
Розенталь Ш. Тициан. М.—Л. 1940. *Романов Н. И.* Рафаэль. 1483—1520. М. 1946.
D'Ancona [*M. L. Genaro*]. Umanesimo e Rinascimento. Torino 1948.
Antal F. Florentine painting and its social background. London 1947.
Appolonio M. Storia del teatro italiano. T. II. Firenze 1940.
Berenson B. Pitture italiane del Rinascimento. Milano 1936.
Deusen N. C. van. Telesio. The first of the moderns. New York 1932.
Frey D. Architektur of the Renaissance from Brunelleschi to Michael Angelo. Hague 1925.
Garin E. Der italienische Humanismus. Bern 1947.
Grimm H. Leben Michelangelos. Berlin und Stuttgart. O. J.
Heydenreich L. H. Leonardo da Vinci. Bd. I—II Basel 1954.
Kriegbaum F. Michelangelo Buonarroti. Die Bildwerke. Berlin 1940.
Martin A Soziologie dor Renaissance (Zur Physiognomik und Rhythmik burgerlicher Kultur). Stuttgart 1932.
Mauthner F. Der Atheism us und seine Geschichte im Abendlande. Bd. 1—4. Stuttgart 1922—1923.
Ore O. Cardano. The gambling scholar. With a transl. from the latin of Cardano's Book of games of chance by S. H. Gould. Princeton 1953.
Porrera M. I pittori italiani del secolo d'oro. Firenze 1955.
Riekel A. Die Philosophie der Renaissance. Munchen 1925.
Ruegg W. Cicero und der Humanismus. Formale Untersuchungen uber Petrarca und Erasmus. Zurich 1946.
Venturi L. History of art criticism. New York 1936.

Источники

Ариосто Лодовико. Неистовый Роланд. Пер. А. И. Куротевой. Л. 1938.
Бруно Джордано. Диалоги. Пер. с итал. Ред. и вступ. статья «Мировоззрение Джордано Бруно» М. А. Дынника. М. 1949.
Бруно Джордано. О героическом энтузиазме. Пер. с итал. Предисл. Э. Егерман. М. 1953.
Вазари Джорджо. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Пер. и коммент. А. И. Венедиктова. Ред. перевода и вступ. статья А. Г. Габричевского. Т. I. М. 1956.
Леонардо да Винчи. Избранные естественнонаучные произведения. Ред., пер., вступ. статья и коммент. В. П. Зубова М 1955.
Леонардо да Винчи. Книга о живописи... Пер. А. А. Губера и В. К. Шилейко под общ. ред. А. Г. Габричевского и со вступ. статьёй В. Н. Лазарева. М. 1934.
Мазуччо Гвардато. Новеллино. Пер. С. С. Мокульского и М. М. Рындина под ред. А. А. Смирнова со вступ. статьёй А. К. Дживелегова. М.—Л. 1931.
Мастера искусства об искусстве... Т. I. Ред. и прим. А. Губера и А. Сидорова. М. 1937.
Палладио Андреа. Четыре книги об архитектуре. Т. I. Пер. И. В. Жолтовского. М. 1936.
Тассо Торквато. Освобожденный Иерусалим. Поэма. Пер. О. Головнина (Р. Брандта). Т. 1—2. М. 1911.
Челлини Бенвенуто. Жизнь Бенвенуто сына маэстро Джиованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции. Пер., прим. и послесл. М. Лозинского. Вступ. статья А. К. Дживелегова. М.—Л. 1931.

К главе VII

Реформация и Великая крестьянская война в Германии

Библиография

Gebhardt B. Handbuch der deutschen Geschichte. Bd. 2. Von der Reformation bis zum Ende des Absolutismus. 16. bis 18. Jahrhunderte. 8-te Aufl. Stuttgart 1955.
Schottenloher K. Bibliographie zur deutschen Geschichte in Zeitalter der Glaubensspaltung. 1517—1585. Bd. 1—6. Leipzig 1933— 1938.

Литература

Бецальд Ф. История Реформации в Германии. Т. 1—11. Пер. с нем. СПб. 1900.
Ермолаев В. А. Франконский город в Крестьянской войне 1525 г. В кн.: «Средние века». Сб. Вып. V. М. 1954.
Лампрехт К. История германского народа. Т. III. Пер. с нем. М. 1896.

Пуришев Б. И. Очерки немецкой литературы. XV—XVII вв. М. 1955.
Сидоров А. А. Дюрер. М.—Л. 1937.
Смирин М. М. Народная Реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. Изд. 2, испр. и доп. М. 1955.
Смирин М. М. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М. 1952.
Циммерман В. История Крестьянской войны в Германии. Пер. с нем. Т. I—Ц, М. 1937.
Штраус Д. Ульрих фон Гуттен. Пер. с нем. СПб. 1896.
Hasse K. P. Die deutsche Renaissance. Bd. 1—2. Meerane 1920—1925.
Janssen J. Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgang des Mittelaters. Bd. I—II. Freiburg 187...
Kamnitzer H Zur Vorgeschichte des deutschen Bauernkrieges. Berlin 1953.
Kaser K. Deutsche Geschichte zur Zeit Maximilians I (1486—1519). Stuttgart und Berlin 1912.
Macek J. Z. revolucni minulosti nemeckeho lidu. Tomas Muntzer a nemecka selska valka. Praha 1955.
Meusel A. Thomas Muntzer und seine Zeit. Mit einer Auswahl der Dokumente des Grossen deutschen Bauernkrieges. Hrsg. von H. Kamnitzer. Berlin 1952.
Polnitz G. Fugger und Hanse... Tubingen 1953.
Schotzki H. Florian Geyer. Eine biographische Studie. Berlin 1955.
Stern L. Martin Luther und Philipp Melanchton — ihre ideologische Herkunft und geschichtliche Leistung. Berlin 1953.

Источники

Письма темных людей (1515—1517). Вступ. статья, пер. и коммент. Н. А. Куна. М.—Л. 1935.
Эразм Роттердамский. Похвальное слово глупости. Домашние беседы. Вступ. статьи, пер. и прим. П. К. Губера и М. М. Покровского М. 1938.
Akten zur Geschichte des deutschen Bauernkrieges aus Oberschwaben. Hrsg. von F. L. Baumarin. Freiburg 1877.
Akten zur Geschichte des Bauernkriegs in Mitteldeutschland. Hrsg. von Otto Merx. Iena. Bd. 1. Abt. 1—2. 1923—1934. Bd. 2. 1942.
Aus dem sozialen und politischen Kampf. Die zwolf Artikel der Bauern 1525. H. Hergot.Von der neuen Wandlung 1527. Hrsg. von A. Gotze. und L. E. Schmitt. Halle (Saale) 1953.
Die Geschichte des Bauernkrieges in Ostfranken. Hrsg. von L. Fries. Wurzburg 1823.
Der grosse Bauernkrieg. Zeitgenossische Berichte, Aussagen und Aktenstucke. Uebertr. und eingeleit. von O. H. Brandt. Jena 1925.
Martin Luthers Werke. Kritische Gesamtausgabe. Bd. I—XXIV. Weimar 1883—1908.
Thomas Muntzer's Schriften. Hrsg. von Otto Brandt. Jena 1925.
Thomas Muntzer's Briefwechsel. Hrsg. von H. Bohmer u. P. Kirn. Leipzig u. Berlin 1931.
Rosenkranz A. Der Bundschuh. Bd. 2. Quellen. Heidelberg 1927.

К главе VIII

Цвинглианство и кальвинизм. Католическая реакция в Европе

Литература

Бемер Г. Иезуиты. Пер. с франц. М. 1913.
Виппер Р. Ю. Жан Кальвин и протестантская республика в Женеве. «Исторический журнал». 1940. Кн. 2.
Виппер Р. Ю. Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. М. 1894.
Лозинский С. Г. История папства. Т. I. М. 1934.
Михневич Д. Е. Очерки по истории католической реакции (Иезуиты). М. 1955.
Мюйден В. История швейцарского народа. Пер. с франц. Т. II. СПб. 1900.
Claassen W. Schweizer Bauernpolitik im Zeitalter Ulrich Zwinglis. Berlin 1889.
Favre-Dorsaz A. Calvin et Loyola. Deux reformes. Paris — Bruxelles 1951.
Gagliardi E. Geschichte der Schweiz von den Anfangen bis Gegenwart. Umgestalt. u. erw. Ausgabe. Bd. 1—2. Zurich — Leipzig 1939.
Histoire de Geneve des origines a 1798. Publ. par la Societe d'histoire et d'archeologie de Geneve. Geneve 1951.
Martin W. Histoire de la Suisse. Paris 1926.
Nabholz H. Die Bauernbewegung in der Ostschweiz. 1524—1525. Bulach 1898.

Источники

Aktensammlung zur Geschichte der Basler Reformation in den Jahren 1519 bis Anfang 1534. Bd. 1—6. Hrsg. von P. Roth Basel 1921—1950.
Klaui P. Quellenwerk zur Entstehung der schweizerischen Eidgenossenschaft. Bd. 3 Aurau 1951.
Zwingli Huldrych. Hauptschriften. Bearb. von F. Blanke, O. Farner, R. Pfister. Zurich 1942.

К главе IX

Возвышение феодально-абсолютистской Франции

Библиография

Les sources de 1'histoire de France depuis les origines jusqu'en 1815, par A. Molinier, H. Hauser, E. Bourgeois [et autr.]. Pt. 2—3. Paris 1909—1912.

Литература

Асмус В. Ф. Декарт. М. 1956.

Бирюкович В. В. Народные восстания в Бордо и Гиени в 1635 г. «Исторические записки». Т. 2. 1938.

Гольцев В. А. Государственное хозяйство во Франции XVII века. М. 1878.

Евнина Е. Франсуа Рабле (1494—1553). М. 1948.

Ковалевский М. М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. Т. I—II. М. 1906.

Коган-Бернштейн Ф. А. Экономические взгляды Бодена. (К вопросу о так называемой революции цен XVI в.). В кн.: «Средние века». Сб. Вып. II. М.—Л. 1946.

Лазарев В. Н. Братья Ленэн. Л.—М. 1936.

Лесохина Э. И. Движение крокaнов, 1592—1598. В кн.: «Средние века». Сб. Вып. VI. М. 1955.

Лучицкий И. В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. Ч. I. Киев 1871.

Молдавская М. А. Зарождение капитализма в книгопечатном производстве во Франции в первой половине XVI в. В кн.: «Средние века». Сб. Вып. VII. М. 1955.

Мосина 3. В. Из истории борьбы французского народа за национальное государство (Вторжение испано-германских войск во Францию в 1536 г.). В кн: «Средние века». Сб. Вып. IV. М. 1953.

Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1628). М.—Л. 1948.

Сказкин С. Д. Старый порядок во Франции. М.—Л. 1925.

Albertini R. Das politische Denken in Frankreich zur Zeit Richelieus. Marburg 1951.

D'Avenel G. Richelieu et la monarchie absolue. T. 1—4. Paris 1884—1890.

Bloch M. Les caracteres originaux de 1'histoire rurale francaise. Paris 1952.

Boissonade P. Le socialisme d'Etat. L'industrie et des classes industrielles en France pendant les deux premiers siecles de l'ere moderne (1453—1661). Paris 1927.

Chartrou-Charbonnel J. La reforme et les guerres de religion, 2-me ed. Paris 1948.

Champignuelle B. Le regne de Louis XIII. Paris 1949.

Chevallier J. F. Testament politique on les memoires d'etat de m. le cardinal de Richelieu. «Revue Internationale d'histoire politique et constitutionelle». Paris 1951. Janv. — juin. № 1—2.

Dagens J. Berulle et les origines de la restauration catholique (1575—1611). Paris 1952.

Fagniez G. L'economie sociale de France sous Henri IV. 1589—1610. Paris 1897.

De la Force. Le marechal de la Force. Un serviteur de sept rois (1558—1652). Vol. 2. Paris 1952.

Francois M. Le cardinal Francois de Tournon, homme d'etat, diplomate, mecene et humaniste (1489—1562). Paris 1951.

Hanotaux G. Histoire du cardinal de Richelieu. T. I—VI. Paris 1893—1947.

Hauser H. La pensee et 1'action economique du cardinal de Ri6helieu. Paris 1944.

Histoire du commerce de Marseille. Publ. par la Chambre de commerce de Marseille sous la dir. de G. Rambert. T. 3—4. Paris 1954.

Imbart de la Tour P. Les origines de la reforme depuis les origines jusqu'a la revolution. 2-me ed. T. I. La France moderne. Melun 1948.

Lavisse E. Histoire de France. T. V/1, V/2, VI/1, VI/2. Paris 1903—1911.

Lefebvre H. Rabelais. Paris 1955.

Levasseur E. Histoire des classes ouvrieres et de 1'industrie en France avant 1789. T. II. Paris 1901.

Mariegol J. H. Catherine de Medicis (1519—1589). Paris 1920.

Mousnier R. La venalite des offices sous Henri IV et Louis XIII. Rouen 1945.

Raveau P. L'agriculture et la classe paysanne. Paris 1926.

Zoff O. Die Hugenotten. Geschichte eines Glaubenskampfes. Weimar 1949.

Источники

Ла Боэси Э. Рассуждение о добровольном рабстве. Пер. и коммент. Ф. А. Коган-Бернштейн. М. 1952.

Монтень М. Опыты. Пер. А. С. Бобовича. Коммент. А. С. Бобовича и Ф. А. Коган-Бернштейн. Книга первая. М.—Л. 1954.

Обинье Агриппа. Трагические поэмы [и сонеты]. Мемуары. Пер. В. Я. Парнаха. Ред. и вступ. статья Р. М. Самарина. М. 1949.

Поэты Французского Возрождения. Антология. Ред. и вступ. статья В. М. Блюменфельда. М. 1938.

Рабле Франсуа. Гаргантюа и Пантагрюэль. Пер. В А Пяста. Ред., предисл. и прим. Б. А. Кржевского. Л. 1938.

L'Estoile de. Journal de 1'Estoile ponr le regne de Henri IV. Texte integral presente et annote par L. R. Lefebre. 5-me ed. 1589— 1600. Paris 1948.

Hermite A. et *Hermite G.* Lettres des negociants marseillais: les freres Hermite (1570— 1612). Ed. par M. Baulant. Paris 1953.

Lettres de Catherine de Medicis p. p. H. de la Feriere et Baguenault de Puchesse. T. 1—10. Paris 1860—1909.

Henri IV. Lettres missives p. p. Berger de Xivrey. Vol. 1—7. Paris 1843—1876.

Lettres, instructions diplomatiques et pa-piers d'Etat du cardinal de Richelieu p. p. Avenel. T. 1—8. Paris 1853—1877.

Richelieu A.-J. Testament politique p. p. L. Andre. Paris 1947.

Thou J. A. de. Histoire universelle. T. 1—11. La Haye 1740.

К главе X

Испания в XVI— первой половине XVII в.

Библиография

Bibliografia historica de Espana e Hispanoamerica. (Indice historico espanol.) Vol.I. Barcelona 1954.

Sanchez Alonzo B. Fuentes de la historia espanola e hispanoamericana. Ensayo de bibliografia sistematica de impresos y manuscritos que ilustran la historia politica de Espana y sus antiguas provincias de Ultramar... Madrid 1946.

Литература

Альтамира-и-Кревеа Рафаэль. История Испании. Сокр. пер. с испан. Т. 2. М. 1951.

Арский И. В. Восстание ремесленников в Валенсии в 1519—1522 годах. «Исторический журнал». Кн. 1. 1938.

Кудрявцев А. Е. Городские движения в Испании в начале XVI в. «Ученые записки Ленингр. гос. пед. ин-та». Кафедра истории средних веков. Т. XLV. Л. 1941.

Кудрявцев А. Е. Испания в средние века. Л. 1937.

Лозинский С. Г. Из экономической истории Испании XVI в. (По поводу книги К. Геблера). «Исторический сборник» Вып. 5. Л. 1936.

Лозинский С. Г.. История инквизиции в Испании. СПб. 1914.

Прескотт В. История царствования Филиппа Второго, короля испанского. Пер. с англ. Ч. 1—2. СПб. 1868.

Asso I. de. Historia de la economia politica de Aragon. Prologo e indices de J. M. Casas Torres. Zaragoza 1947.

Baumgarten H. Geschichte Karls V. Bd. 1—3. Stuttgart 1885—1892.

Bonn M. J. Spaniens Niedergang wahrend der Preisrevolution des XVI Jahrhunderts. Stuttgart 1896.

Bratli C. Felipe II rey de Espana. Madrid 1927.

Carrera Pujal J. Historia de la economia espanola. T. 1—2. Barcelona 1943—1947.

Colmeiro M. Biblioteca de los economistas espanoles de los siglos XVI, XVII y XVIII. In: Memorias de la Real Academia de ciencias morales y politicas. Vol. I. 1861. Madrid 1880.

Colmeiro M. Historia de la economia politica en Espana. Vol. 1—2. Madrid 1863.

Davies R. T. The golden century of Spain 1501—1621. London 1954.

Fernandez Duro C. Armada espanola. Vol. 1—3. Madrid 1895—1897.

Estudios de historia social de Espana. Vol. 1—2. Madrid 1949—1952.

Habler K. Geschichte Spaniens unter den Habsburgen Gotha 1907.

Habler K. Die wirtschaftliche Blute Spaniens im XVI Jahrhundert and ihr Verfall. Leipzig 1888.

Habler K. Zur Geschichte der kastilischen Komunidades. 1520—1521. «Historische Zeitschrift». Munchen und Berlin 1905.

Hamilton E, J American treasure and the price revolution in Spain. 1501—1650. Cambridge, Mass. 1934.

Klein J. The Mesta. A study in Spanish economic history 1273—1836. Cambridge 1920.

Merriman R. B. The rise of the Spanish Empire in the old world and in the new. Vol. 3—4. New York 1925—1939.

Picatoste R. F. Estudios sobre la grandeza y decadencia de Espana. Vol. 1—3. Madrid 1887.

Seavel H. L. The great revolt in Castile:
the Communero movement of 1520—1521. London 1929.

Vossler K. Lope de Vega und sein Zeitalter. 2-e Aufl. Munchen 1947.

Источники

Кальдерон де ла Барка Педро. Сочинения Кальдерона. Пер. с испанск. К. Д. Бальмонта. Вып. 1—3. М. 1902—1912.

Лопе де Вега Феликс. Избранные драматические произведения. Пер. с испан. Под ред. Н. Любимова. Вступ. статья и прим. К. Державина. Т. 1—2. М. 1954.

Сервантес Сааведра Мигель. Избранные произведения. Послесл. и прим. В. Узина. М.— Л. 1948.

Asis V. F. Epistolario de Felipe II sobre asuntos de mar (1—823 documentos). Madrid 1943.

Bordonau M. et *La Plaza de.* La Armada Invencible. Documentos procedentes del Archiva General de Simancas. 1587—1589 (Archivo historico espanol). Valladolid 1930.

Calendar of letters, despatches and state papers, relating to the negotiations between England and Spain, preserved in the archives at Cimancas, Vienna, Brussels and elsewhere. Vol. 6—13. London 1895—1954.

Canovas del Castillo S. Historia de la decadencia de Espana desde... Felipe III hasta la muerte de Carlos II. Madrid 1910.

Coleccion de cronicas espanolas. Ed. y estudio por Juan de Mata Carriazo. T. 1—2. Madrid 1940—1946.

Documentos ineditos para la historia de Espana. Publ. por duque de Alba etc. T. 1—2. Madrid 1936—1943.

Dokumente zur Geschichte Karls V, Philipp's II und ihrer Zeit. (1507—1571.) [Aus spanischen Archiven.] Regensburg 1862.

Mexia P. Historia del emperador Carlos V. Madrid 1945.

Sandoval Prudencio de. Historia de la vida y hechos del Emperador Carlos V, desde el ano 1500 hasta el de 1557. T. I—II. 1614— 1618. Madrid 1846—1847.

К главе XI

Нидерланды в XVI и первой половине XVII в.

Библиография

Pirenne H. Bibliographic de 1'histoire de Belgique. Catalogue methodique et chronologique des sources et des ouvrages principaux relatifs a 1'histoire de tous les Pays-Bas jusqu'en 1598 et a 1'histoire de Belgique jusqu'en 1914. 3-е ed. rev. Bruxelles 1931.

Литература

Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI—XVIII веках. Пер. с нем. М. 1949.

Варшавская М. Я. Рубенс (1577—1640). Л. 1948.

Доброклонский М. В. Рембрандт. Л. 1937.

Конради А. История революций от Нидерландского восстания до кануна Французской революции. Пер. с нем. Т. I—II. М. 1924— 1925.

Лозинский С. Г. История Бельгии и Голландии в новое время. СПб. б. г.

Мотлей Д. История Нидерландской революции и основание республики Соединенных провинций. Пер. с англ. Т. I—III. СПб. 1865—1871.

Пиренн А. Нидерландская революция. Пер. с франц. Ред. и вводн. статья Е. А Косминского. М. 1937.

Фехнер Е. Ю. Нидерландская живопись XVI в. Л. 1949.

Чистозвонов А. Н. Гентское восстание 1539—1540 гг. М. 1957.

Чистозвонов А. Н. Крестьянские движения в период Нидерландской революции. В кн.: «Средние века». Сб. Вып. IV. М. 1953.

Чистоавонов А. Н. Нидерланская буржуазная революция XVI в. М. 1958.

Algemene geschiedenis der Nederlanden. Bd. 4—5. Utrecht 1949—1952.

Gelder H. A. E. van. Nederlandse dorpen in de 16-e eeuw. Amsterdam 1953.

Geyl P. The revolt of the Netherlands. 1555—1609. London 1932.

Kampen N. G. Geschichte der Niederlande. Bd. 1—2. 1831—1833.

Kervyn de Lettenhove. Les huguenots et les gueux. Etude historique sur les vingt-cinq annees du XVI siecle (1560—1585). Vol. 1—6. Bruges 1883—1885.

Rachfahl F. Wilhelm von Oranien und der Niederlandische Aufstand. Bd. 1—3. Halle 1906—1908.

Verlinden C., Craeybeck J. et *Scholliers E.* Mouvements des prix et des salaires en Belgique au XVI-e siecle. «Annales». Paris 1955. Avr.—juin. № 2.

Источники

Форстен Г. В. Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Вып. 1. СПб 1889.

Memoires nonymes sur les troubles des Pays Bas (1565—1580). Avec notices et annotations par J. B. Blaes. Vol. I—V. Bruxelles 1859—1866.

Corpus documentorum inquisitionis haereticae pravitatis Neerlandiae. Versammlung van stukken betreffende pauselijke en bissckopplijke inquisitie in de Nederlanden. Uitgegeven door P. Fredericq. Deel 1—5. Gent's Gravenhage 1889—1903.

Coussemaker E. de. Troubles religieux du XVI-e siecle dans la Flandre maritime 1560—1570. Documents originaux. T. I—IV. Bruges 1869—1871.

Gachard L. P. Actes des Etats-generaux des Pays Bas. 1576—1585. T. I—II. Bruxelles 1861--1866.

Gachard L. P. Correspondance de Philippe II sur les affaires des Pays Bas T. I—V. Bruxelles 1848—1858.

Groen van Prinsterer G. ed. Archives ou correspondance inedite de la maison d'Orange-Nassau. I serie. (1552—1584). T. 1—8. et Suppl. Leiden 1835—1847. 2 serie (1584—1688). T. 1—5. Utrecht 1857—1861.

Kervyn de Lettenhove J. M. Relations politiques des Pays Bas et de 1'Angleterre sous]e regne de Philippe II. T. I—XI. Bruxelles 1882—1892.

Poullet. Correspondance du Cardinal de Granvelle 1565—1586. T. I—XII. Bruxelles 1878—1896.

К главе XII

Начало капиталистического развития Англии

Библиография

Read C. Bibliography of British history. Tudor period. 1485—1603. Oxford 1933.

Литература

Джексон Т. А Борьба Ирландии за независимость. Пер. с англ. М. 1949.

Мортон А. Л. История Англии. Пер с англ. М. 1950.

Савин А. Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. М. 1903.

Савин А. Н. Английская секуляризация. М. 1906.

Семенов В. Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI века. Из истории обезземеления крестьян в Англии. М.— Л. 1949.

Bindoff S. T. Tudor England. Harmonds-worth 1952.

Byrne M. St. Elizabeth life in town and country, 6th ed. rev. London 1950.

Caspari F. Humanism and the social order in Tudor England. Ghicago1954.

Charles-Edwards Th. Ch. The age of the Tudors and Stuarts. England and Scotland. 1485—1688. London 1954.
Curtis Ed A history of Ireland, 6-th ed. (rev.). 1950.
Dobb M. Studies in the development of capitalism. London 1947.
Elton G. R. The Tudor revolution in government. Administrative changes in the reign of Henry VIII. Cambridge 1953.
Falls C. Elizabeth's Irish wars. London [1950].
Hughes Ph. The Reformation in England. Vol. 1—3. New York 1951.
Lipson E. Economic history of England. Vol. I. The middle ages. 1945.
Miller P. The New England mind: the seventeenth century. Cambridge 1954.
Neale F. J. Elizabeth I and her parliaments 1559—1581. London 1953.
Nobbs D. England and Scotland 1560— 1707. New York 1952.
Richardson W. C. Tudor chamber administration 1485—1547. Baton rouge 1952.
Richmond H. The navy as an instrument of policy 1558—1727. Ed. by E. A. Hughes. Cambridge 1953.
Rowse A. L. The England of Elizabeth. The structure of society. New York 1951.
Tawney R. The agrarian problem in the sixteenth century. London 1912.
Tawney R. The rise of the gentry, 1558— 1640. «Economic history review». Vol. XI. London 1941.

И с т о ч н и к и

Бэкон Фрэнсис. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. Вступ. статья Ф. А. Коган-Бернштейн. Пер. с англ. М. 1954.
Мор Томас. Утопия. Пер. с латин. Вступ. статья В. П. Волгина. Изд. 2. М. 1953.
Шекспир Вильям. Избранные произведения. Вступ. статья, прим. и сост. М. М. Морозов. Пер. с англ. С. Маршака, Б. Пастернака и Т. Щепкиной-Куперник. М. 1953.
Calendar of letters, despatches and state papers relating to the negotations between England and Spain... Vol. 1—13. London 1895— 1954.
Calendar of state papers. Foreign series of the reign of Elizabeth. Preserved in the Public record office... Ed. by R. B. Wernham. Vol. 12—22. London 1901—1950.
The Elizabethan Journals. Being a record of those things most talked of during the years 1591—1603. Ed. by G. B. Harrison. Ann Arbor 1955.
Tudor economic documents. Ed. by R. H. Tawney and E. Power. Vol. 1—3. London 1951.

К главе XIII

Скандинавские страны в XVI— первой половине XVII в.

Б и б л и о г р а ф и я

Bring S. E. Bibliografisk handbok till Sveriges historia. Stockholm 1934.

Л и т е р а т у р а

Андерссон И. История Швеции.Пер. с швед. М. 1951.
Дементьев Г. А. Введение реформации в Дании. СПб. 1900.
Дементьев Г. А. Введение реформации в Швеции. СПб. 1892.
Кан Л. *С.* Антифеодальные выступления шведского крестьянства в XVII в. (1620— 1650 гг.). В кн.: «Средние века». Сб. Вып. VI. 1955.
Лучицкий И. Крестьяне и крестьянская реформа в Дании XVI—XVIII вв. «Северный вестник». СПб. 1890. № 12.
Форстен Г. В, Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648 гг.). Т. 1—2. СПб. 1893—1894.
Форстен Г. В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб. 1884.
Dastrup F. History of Denmark. Copenhagen 1947.
Heckscher E. F. An economic history of Sweden. Cambridge 1954.
Johnsen O. Norwegische Wirtschaftsgeschich te. Jena 1939.
Koht H. Les luttes des paysans en Norvege du XVI-e au XIX-e siecle. Paris 1929.
Larsen K. History of Norway. New York 1948.
Nielsen A. Danische Wirtschaftsgeschichte. Jena 1933.
Schybergson M. G. Geschichte Finlands. Gotha 1896.

И с т о ч н и к и

Форстен Г. В. Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Вып. I—II СПб. 1889—1893.

AkV1o333 0 6a Tf22 8733 02 1 43zrLE1317315HH

К главе XIV

Австрийское многонациональное государство

Литература

Митрофанов П. История Австрии. Ч. I. СПб. 1910.

Пристер Е. Краткая история Австрии. Сокр. пер. с нем. М. 1952.

Самохина Н. Н. Феодальная реакция в Австрии во второй половине XVI в. и крестьянское восстание 1595—1597 гг. В кн. «Средние века». Сб. Вып. V. М. 1954.

Czerny A. Der erste Bauernaufstand in Oberosterreich 1525. Linz 1882.

Czerny A. Der zweite Bauernaufstand in Osterreich 1595—1597. Linz 1890.

Friess G. E. Der Aufstand der Bauern in Niederosterreich am Schlusse des 16. Jahrhunderts. Wien 1897.

Huber A. Geschichte Oesterreichs. Bd. III—V. Gotha 1888—1896.

Stieve F. Der Oberosterreichische Bauernaufstand des Jahres 1626. Bd. I—II. Munchen 1891.

Tremel F. Der Fruhkapitalismus in Innerosterreich. Graz 1954.

Источники

Codex Austriacus. Hrsg. von F. A. Guarient Bd. 1—2. Wien 1721.

Fontes rerum Austriacarum. Oesterreichische Geschichtsquellen Hrsg von der hist. Kommission der Akad. der Wissenschaften in Wien. Bd. 1—89. Wien 1849—1953.

Khevenhuller F. C. Annales Ferdinandei. Bd. I—XII. Leipzig 1721—1726.

К главе XV

Чехия под властью Габсбургов

Литература

История Чехословакии. Т. 1. М. 1956.

Кочубинский А. Братья-подобои и чешские католики в начале XVII в. Одесса 1873.

Любавский М. К. История западных славян. Изд. 2 М. 1918.

Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.). Т 2. Прага 1947.

Bidlo J. Jednota bratrska v prvnim vyhnanstvi (1548—1572) D. I—IV Praha 1900— 1932

Bilek T. Dejiny konfiskaci v Cechach po r. 1618 Dil. 1—2. Praha 1882—1883.

Dobias J. Z dejin socialnich boju v Cechach v 16 a 17 stoleti (Sto let zapasu Horepnickych a jejich vrchnosti). Praha 1953.

Florovskij A. V. Cesko-ruske obchodni styky v minulosti (X—XVIII stoleti). Praha 1954.

Florovskij A. V. Ceske sukno na vychodo-evropskem trhu v 16 az 18 veku. Praha 1947.

Husa V. Selske pozdvizeni v Cechach kolem roku 1525. Praha 1937.

HUSA V. Tomas Muntzer a Cechy. Rozpravy ceskoslovenske. (Academie ved. Rocnik 67. Sesit 11). 1957.

Janacek J. Dejiny obchodu v predbelohorske Praze. Praha 1955.

Klima A. Manufacturni obdobi v Cechach. Praha 1955.

Koci J. Boje venkovskeho lidu v obdobi temna Povstani nevolniku v XVII a XVIII stoleti. Praha 1953.

Krofta K. Dejiny ceskoslovenske. Praha 1946.

Krofta K. Dejiny selskeho stavu. Praha 1949.

Macurek J. Cechove a Polaci v druhe polovina XVI stoleti (1573—1589). Praha 1948.

Polisensky J. Anglie a Bila Hora. The Bohemian war and British policy. 1618—1620. Praha 1949.

Roubik F. Z ceskych hospodarskych dejin. Prehled vyvoje ceskeho prumyslu, obchodu, meny a dopravy. Praha 1948.

Tomek W. W. Dejepis mesta Prahy. T. 1—12. Praha 1855—190,1.

Winter Z. Cesky prumysl a obchod v 16 veku. Praha 1913.

Winter Z. Kulturni obraz ceskych mest. Zivot verejny v XV a XVI veku. Dil. 1—2. Praha 1890—1892.

Winter Z. Remeslnictvo a Zivnosti 16 veku v Cechach (1526—1620). Praha 1909.

Источники

Acta sacrae congregationis de propaganda fide res gestas Bohemicas illustrantia. 1622—1623. T. 1 P. 1—2. Praha 1923—1950.

Berni rejstriky z roku 1544 a 1620. Sesit V. Pesak. Praha 1953.

Berni rula. Sv. 1, 2, 3, 10, 11, 12, 13, 18, 19, 23, 26, 27, 28, 31, 32 33. Praha 1949— 1954.

Epistulae et acta nuntiorum apostolicorum apud imperatorem 1592—1628. Vol. 3—4. Praha 1932—1946.

Fontes rerum Bohemicarum. Prameny dejin ceskych T. 6. «Kronika prazska Bartose pisare», «Pameti o bouri prazske roku 1524». Praha 1907.

Listy poddanych z rokov 1538—1848. Na vyd. priprav P. Horvath. Bratislava 1955.

Nase narodni minulost v dokumentech. Chrestomatie k dejinam Ceskoslovenska... Dil. I (Do zruseni nevolnictvi). К vyd. pripr. V. Husa. Praha 1954.

Six г Ottersdorfu. O pokoreni stavu mestskeho leta 1547. Praha 1950.

Snemy ceske od leta 1526 az po nasi dobu. Kralovsky cesky archiv zemsky. 1—2. Praha 1905—1906.

К главе XVI

Венгрия и Балканские страны в борьбе против турецких завоевателей

Разд. 1.

Венгрия и Трансильвания в XVI и первой половине XVII в.

Литература

Ачади И. История венгерского крепостного крестьянства. Пер. с венгер. М. 1956.

Борецкий-Бергфельъд Н. История Венгрии в средние века и новое время. СПб. 1908.

Тарле Е. В. Крестьяне в Венгрии до реформы Иосифа II. «Русская мысль». М. 1896. Кн. VII; кн. VIII.

Heckenast G. A besztercebanyai banyasztelkeles (1525—1526). «Szazadok». Budapest 1952. № 2.

Makkai L. Akuruc nemzeti osszefogas elozmennyei (Nepi felkelesek Felso — Magyarorszagon 1630—32—ben). Budapest 1956.

Marki S. A magyar nep tortenete. Rovid attekintes. Budapest 1953. Doza Gyorgy... Budapest 1913.

Mod A. 400 ev kuzdelem az onallo Magyarorszagert. 7-ik bovitett es atdolgozott kiadas. Budapest 1954.

Pach Zs. P. Az eredeti tokefelhalmozas Magyarorszagon. Budapest 1952.

Sinkovics J. Magyarorszag tortenete. 1526—1711. Budapest 1956.

Szabo I. Tanulmanyok a magyar parasztsag tortenetebol. Budapest 1948.

Источники

Adatok a torockoi jobbagylazadasok tortenetehez. Kolozsvar 1945.

Bel M. Adparatus ad historiam Hungariae, sive collectio miscella. Posonii 1735.

Corpus Juris Hungarici. Magyar Torvenytar. 1000—1526. evi torvenycikkek. Budapest 1899.

Corpus Juris Hungarici. Magyar Torvenytar. 1526—1608. evi torvenycikkek. Budapest 1899.

Corpus Juris Hungarici. Magyar Torvenytar. 1608—1657. evi torvenycikkek. Budapest 1900.

Corpus Juris Hungarici. Magyar Torvenytar. Werboczy Istvan Harmaskonyve. Budapest 1897.

A gyalui vartartomany urbariumai. Bevezetessel ellatva kozzeteszi Jako zsigmond. Erdelyi tudomanyos intezet. Monumenta Transylvanica. Kolozsvar 1944.

Georgii Sirmiensis Epistola de perdicione regni Hungarorum. In *Szeremi Gyorgy.* Emlekirata Magyrorszag romlasarol 1484—1543. Pest 1857.

Joannis Michaelis Bruti Ungaricarum rerum libri qui exstant. In *Brutus Janos Mihaly.* Magyar historiaja 1490—1552. 1. kot. Pest 1863, Jobbagvlevelek. Budapest 1951.

Memoria rerum quae in Hungaria a nato rege Ludovico ultimo acciderunt, gui fui ultimi Ladislai filius. In: Verncsics Antal. Osszes munkai. Kot. 2. Pest 1857.

Nicolai Istvanfi Pannoni Historiarum de rebus Ungaricis libri XXXIV**.** Coloniae Agrippinae 1622.

Scriptores rerum Hungaricarum veteres, ac genuini... Tomus secundus. Cura et studio Joannis G. Scwandtneri. Vindobona 1746. Ludovici Tuberonis, Dalmatae abbatis, commentariorum de rebus suo tempore, nimirum ab anno Christi 1490 usqne ad annum Christi 1522 in Pannonia et finitimis regionibus gestis, libri XI.

Разд. 2.

Балканские страны в XVI и первой половине XVII в.

Литература

Борецкий-Бергфельд Н. История Румынии. СПб. 1909.

История Болгарии. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М.— Л. 1954.

История Молдавии. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Кишинев 1951.

История Румынии. Попул. очерк. Сокр. пер. с румын. М. 1950.

Погодин А. Л. История Сербии. СПб. L.1909J.

Гандевъ Христо. Фактори на българското възраждане 1600—1830. София 1943

История България. Т. 1. София 1954.

Митев И. Героичното минало на нашия народ. София 1952.

Пастухов И. Българска история. Т. 2. Уредба на ВТОРОГО царство. Турска власть. Възраждане. София 1943.

Снегаров Ив. Културни и политически връзки между България и Русия през XVI— XVIII в. София 1953.

Станев Н. България под иго. Възраждане и освобождение. 1393—1870. София 1947.

Источники

Документи из турските държавни архиви. Ч. 1 (1564—1872). Позбрал и превел П. Дорев. София 1940. (Документи за българска история. Т. 3.)

Положението на болгарския народ под турско робство. Документи и материали. Съст. и ред. Н. Тодоров София 1953.

Томиh J. H. Граhа за историjу покрета на Балкану против турака краjем XVI и почетком XVII века. По италиjанским архивам. Кн. 1 (год 1595—1606). Београд 1933.

К главе XVII

Образование Речи Посполитой

Библиография *Finkel L.* Bibliografia historii polskiej. Zebral i ulozyl L. Finkel. Vol. 1—3. Warszawa 1955.

Литература

Бобржинский М. Очерки истории Польши. Пер. с польск. под ред. Н. И. Кареева. Т. II. СПб. 1891.

История Польши. Т. I—II. М. 1954—1955.

Кареев Н. И. Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. М. 1886.

Кутшеба С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши. Пер. с польск. СПб. 1907.

Любович Н. История реформации в Польше. Варшава 1883.

Любович Н, Начало католической реакции и упадок реформации в Польше. По неизд. источникам. Варшава 1890.

Мархлевский Ю. Очерки по истории Польши. В кн.: *Мархлевский Ю.* Сочинения. Т. VI. М.—Л. 1931.

Рутковский Я. Экономическая история Польши. Пер. с польск. М. 1953.

Arnold St., i. i. Historia Polski. Od polowy XV w. do r. 1795. Warszawa 1953.

Baranowski B. Stosunki polsko-tatarskie w latach 1632—1648. Lodz 1949.

Baranowski I. Przemys Polski w XVI wieku. Warszawa 1919.

Gerlach J. Chlopi w obronie Rzeczy pospolitej... Lwow 1939.

Koczy L. Dzieje handlu polskiego przed rozbiorami. Lwow 1939.

Lepszy K. Dzieje floty polskiej. Gdansk 1947.

Lepszy K. Rzeczpospolita Polska w dobie sejmu inkwizycyjnego (1589—1592). Krakow 1939.

Macurek J. Ceske povstani r. 1618—1620 a Polsko. Brno 1937.

Macurek J. Cechove a polaci v druhe polovine XVI stoleti (1573—1589). Praha 1948.

Malovist M. Rzemioslo polskie w okresie odrodzenia. Warszawa 1954.

Pajewski J. Wegierska polityka Polski w polowie XVI wieku (1540—1571). Krakow 1932.

Ptasnik J. Miasta i mieszczanstwo w dawnej Polsce. Wyd. 2-е. Warszawa 1949.

Rybarski R. Handel i polityka handlowa Polski w XVI st. T. 1—2. Poznan 1929.

Wojciechowski Z. Zygmunt Stary (1506— 1548). Warszawa 1946.

Источники

Бантыш-Каменский Н. Переписка между Россией и Польшей с 1487 по 1700 г. Ч. 1—3. М. 1862.

Дневник Люблинского сейма 1569 г. Соединение Великого княжества Литовского с королевством Польским. СПб. 1869.

Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.—Л. 1936.

Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Под ред. Г. Ф. Карпова Т. I. 1487—1533. СПб. 1892.

Форстен Г. В. Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях. Вып. 1—2. СПб. 1889-1893.

Gostomski A. Gospodarstwo. Wroclaw 1951.

Humanizm i reformacja w Polsce. Wydali Ign. Chrzanowski i S. Kot. Lwow 1927.

Materialy do dziejow rolnictwa w Polsce w XVI i XVII wieku. Zebral i oprac. Wl. Chomentowski. Warszawa 1876.

К главе XVIII

Украина, Белоруссия и Прибалтика

Разд. 1.

Украина, Белоруссия и Литва

Литература

Воссоединение Украины с Россией. 1654— 300 лет — 1954. Сборник статей. М. 1954.

Голобуцький В. Росія і визвольна війна українського народу. 1648—1654 рр. Київ 1954.

Довнар-Запольский М. Очерки по организации западнорусского крестьянства **в** XVI веке. Киев 1905.

История Белорусской ССР. Т. 1. Минск 1954.

История Украинской ССР. Т. 1. Киев 1956.

Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. Изд. 2. М. 1915.

Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-Русском государстве. Ч. 1—2. М. 1917,

Zrodla dziejowe. T. V—VI. Warszawa 1877.

Источники

Акты Виленской археографической комиссии. Вильно. Т. XIII. XIV. 1888; Т. XXV. 1898. (Виленская комиссия для разбора и издания древних актов.)

Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб. Тт. 1. 1846; 2. 3, 4.1851; 5.1867.

Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Т. I, VII. Вильно 1867, 1870.

Архив Юго-Западной России. Киев. Ч. I, т. 1: 1859; т. 5. 1872; т. 6. 1883; т. 7. 1887; т. 8. 1914; т.10. б/г т. 11. 1904; т. 12. 1904.Ч. II, т. 1. 1861. Ч. III, т. 1. 1863. Ч. V, т. 1. 1869, Ч. VI, т. 1. 1876. Ч. VII, т. 1. 1886; т. 2. 1890;

т. 3. 1905. Ч. VIII, т. 1. 1893; т. 2 1894; т. 3. 1909; т. 4. 1907; т. 5. 1908; т. 6. 1911.

Воссоединение Украины с Россией. (К 300-летию. 1654—1954). Документы и материалы. Т. I—III. М. 1953.

Памятники, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов при киевском генерал-губернаторе. Т. I—IV. Киев 1846— 1859.

Русская историческая библиотека (издаваемая Археографической комиссией). СПб. Тт. IV. 1878; VII 1882; XIX. 1903; XX 1903;

XXVII. 1910; XXX. 1914; XXXIII. 1915.

Прибалтика
(Латвия и Эстония)

Библиография

Blumfeldt E., Loone N. Bibliotheca Estoniae historica 1877—1917. Tartu 1939.

Winkelmann Ed. Bibliotheca Livoniae historica... 2, verb. u. sehr verm. Ausg. Berlin 1878.

Литература

Виппер Р. Ю. Крепостное право в Лифляндии от XV до XVII в. «Изв. АН СССР». Серия истории и философии. 1944. №. 6.

Зутис Я. Я. Очерки по историографии Латвии, Т. 1. Прибалтийско-немецкая историография. Рига 1949.

История Латвийской ССР. Т. 1. С древнейших времен до 1860 года. Рига 1952.

Королюк В. Д. Ливонская война. М. 1954.

Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544—1648). Т. 1. Борьба из-за Ливонии, СПб. 1893. Т. II. Борьба Швеции с Польшей и Габсбургским домом. СПб. 1894.

Arbusow L. Die Einfuhrung der Reformation in Liv-, Esth- und Kurland. Leipzig 1921.

Arnell Sture. Die Auflosung des livlandischen Ordensstaates. Das schwedische Eingreifen und die Heirat Herzog Johans von Livland. 1558—1562. Lund 1937.

Bosse H, Der livlandische Bauer am Ausgang der Ordenszeit bis 1561. «Mitteilungen aus der livlandischen Geschichte». Bd. 24. Riga 1930.

Kentmann Л. Livland im russisch-litauischen Konflikt. Die Grundlegung seiner Neutralitatspolitik. 1494—1514. Marburg

Kruus H. Vene-Liivi soda 1558—1561. Tartu 1924. (На эстон. яз).

Lenz W. Die auswartige Politik des livlandischen Ordensmeisters Walter von Plettenberg bis 1510. Riga 1928.

Liljedahl H. Svensk forvaltning i Livland 1617—1634... Uppsala 1933.

Svensson S. Den merkantila bakgrunden till Rysslands anfall pa den livlandska ordenstaten 1558. Lund 1951.

Tunlse A. Die Burgen in Estland und Lettland. Tartu 1942.

Источники

Akten und Rezesse des livlandischen Standetage Vol. III. Riga 1907.

Kostka Napiersky. Russisch-livlandische Urkunden. St. Petersburg 1868.

Schmiedt J. Die Aufzeichnungen des rigaschen Rathssekretairs Johann Schmiedt zu den Jahren 1558—1562. Bearb. von A. Bergengrun. Leipzig 1892.

Bienemann Fr. Hrsg. Briefe und Urkunden zur Geschichte Livlands in den Jahren 1558— 1562. Bd. I—V. Riga 1865—1876.

Franz Nyenstadt's Livlandische Chronik... Hrsg. von G. Tielmann. Monumenta Livoniae Antiquae T. III. Riga 1839.

Johann Renner's Livlandische Historien 1556—1561, zum ersten Mal nach Urschrift hrsg. von P. Karstedt. Lubeck 1953.

Liv-, esth- und kurlandisches Urkundenbuch. 2. Abt. I—III. Riga, Moskau 1900— 1914.

Livlandische Guterurkunden (1500—1545). Bd. II Hrsg. von H. V. Bruiningk. Riga 1923.

Schirren C. Hrsg Neue Quellen zur Geschichte des Untergangs livlandischer Selbstandigkeit. Bd. I—III. Reval 1883—1885.

К главе XIX

Развитие феодально-крепостнических отношений в России и укрепление централизованного государства в XVI в.

Литература

Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М. 1951.

Бахрушин С. В. Научные труды. Т. I— III. М. 1952—1954.

Будовниц И. У. Русская публицистика XVI в. М.— Л. 1947.

Греков Б. Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. испр. и доп. Кн. 1—2. М.— Л. 1952—1954.

Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.— Л. 1955.

История Москвы. Т. 1. Период феодализма. XII—XVII вв. М. 1952.

Казакова Н. А и *Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV— начала XVI века. М.— Л. 1955.

Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.— Л. 1951.

Маньков Л. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.— Л. 1951.

Масленникова Н. Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л. 1955.

Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.— Л. 1948.

Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.—Л. 1957.

Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в. М. 1955.

Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб. 1897.

Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси XVI в. М. 1899.

Русское народное поэтическое творчество. Т. 1. М.— Л. 1953.

Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.— Л. 1950.

Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI— XVII вв. Т. 1—2. М. 1946. «Ученые записки МГУ». Вып. 94.

Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 1. М.— Л. 1947.

Тихомиров М. Н. Монастырь-вотчинник в XVI в. «Исторические записки». Кн. 3. 1938.

Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. [Изд. *2,* доп.]. М. 1956.

Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV—XVII вв. С образования централизованного государства до реформ при Петре I. М. 1954:

Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI в. СПб. 1889.

Шамбинаго С. К. Песни времени царя Ивана Грозного. Сергиев Посад 1914.

Источники

Акты Археографической экспедиции. Т. 1. СПб. 1836.

Акты исторические. Т. 1. СПб. 1840.

Дополнения к Актам историческим. Т. 1. СПб. 1846.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Сост. С. Б. Веселовский. Т. 1. М. 1952.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. Подгот. к изд. Л. В. Черепнин. Отв. ред. С. В. Бахрушин. Ч. 1. М.— Л. 1951. Ч. II. Подгот. к изд. А. А. Зимин. Отв. ред. Л. В. Черепнин. М. 1956.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Пер. с англ. Ю. В. Готье. Введ. Г. Новицкого. Л. 1938.

Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб. 1908.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подгот. к изд. Л. В. Черепнин. Отв. ред. С. В. Бахрушин. М.—Л. 1950.

Иван IV. Послания Ивана Грозного (текст и перевод). Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. Пер. и коммент. Я. С. Лурье. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л. 1951.

Казанская история. Подгот. текста, вступит. статья и примеч. Г. Н. Моисеевой. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.— Л. 1954.

Книга ключей и долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. Под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина. М.—Л 1948.

Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI в. Сборник документов. Подгот. к изд. А. Г. Маньковым. Л. 1955.

Памятники русского права. Сост. А. А. Зимин и др. Вып. IV. М. 1956.

Путешествие русских послов XVI— XVII вв. Статейные списки. (Тексты. Подгот. Я. С. Лурье и Р. Б. Мюллер. Отв. ред. Д. С. Лихачев.) М.— Л. 1954.

Пересветов И. С. Сочинения. Подгот. к изд. А. А. Зимин. Под ред. Д. С. Лихачева. М.— Л. 1956.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Т. 1—5. М. 1813— 1828.

Судебники XV—XVI веков. Подготовка текстов Р. Б. Мюллер и Л. В. Черепнина. Коммент. А. И. Копанева и др. Под общ. ред. и с предисл. Б. Д. Грекова. М.— Л. 1952.

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Подгот. к изд. А. А. Зимин. М.—Л. 1950.

Флетчер Д. О государстве Русском. СПб. 1905.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного (Записки немца-опричника). М. 1925.

К главе XX

Крестьянская война начала XVII в. в России. Разгром польско-шведской интервенции

Литература

Готье Ю. В. Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. Изд. 2. М. 1937.

Кушева Е. Н. К истории холопства в конце XVI — начале XVII века. «Исторические записки». Кн. 15. 1945.

Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М. 1937.

Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.—Л. 1951.

Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606—1607 гг. Л. 1951.

Шаскольский И. П. Шведская .интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск 1950.

Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск 1957.

Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. М.— Л. 1946.

Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М. 1956.

Источники

Авраамий (Палицын). Сказание Авраамия Палицына. Подгот. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. Под ред. Л. В. Черепнина. М.—Л. 1955.

Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М. 1907.

Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. Пер., прим. и вводн. статья А. А. Морозова. Ред. Н. Рубинштейн. М. 1937.

Полное собрание русских летописей. Т. XIV. Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси. Новый летописец. СПб. 1910.

Русская историческая библиотека. Т. XIII. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. Изд. 3. Л. 1927.

Сказания современников о Димитрии Самозванце. Изд. 3, испр. и доп. Ч. 1—2. СПб. 1859.

Смутное время Московского государства 1604—1613 гг. Вып. 1—8. В кн.: Чтения Общества истории древностей России при Моск. ун-те. М. 1911—1914.

Тимофеев Иван. Временник... (Текст и пер.). Подгот. к изд., пер , коммент. и статья О. А. Державиной. М. 1951.

К главе XXI

Османская феодальная империя

Литература

Гордлевский В. А. Внутреннее состояние Турции во 2-й половине XVI в. (По документам, изд. А. Рефиком.) В кн.: «Труды Моск. ин-та востоковедения». Сб. № 2. М. 1940.

Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI— XVII вв. Т. 1—11. М. 1946.

Тверитинова А. С. Восстание Кара Языджи-Дели Хасана в Турции. М.—Л. 1946.

Чемерэин А. Турция, ее могущество и распадение. Исторические и военные очерки. Т. 1. СПб. 1878.

Карамурсал Зия. Исследования османской финансовой истории. Анкара 1940. (На турецк. яз.) *Karamursal Ziya.* Osmanli mali Tarihi hakkinda tetkikler. Ankara 1940.

Онгунсу Ахмед Хамид и Мустафа Мухсин. История Турции. Стамбул 1929. (На турецк. яз.) *Ongunsu Ahmet Hamit ve Mustafa Muhsin,* Turkiye Tarihi. 2 basim. Istanbul 1929.

Babinger F. Die Gescbichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig 1927.

Hammer J, Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. II—V. Pest 1828—1829.

Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. I—II. Gotha 1908—1909.

Ohsson Ignace Mouradgea d'. Tableau general de I'Empire Ottoman, divise en deux parties dont 1'une comprend la legislation mahometane, 1'autre 1'histoire de I'Empire Ottoman. T. I—VII. Paris 1787—1824.

Zinkeisen J. W. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. Bd. II—V. Hamburg 1854—1857.

Источники

Пространный реестр Гюрджистанского вилайета. Турецк. текст изд., пер., исслед. и коммент. снабдил С. С. Джикия. Кн. 1—2. Тбилиси 1941—1947. Кн. 1. Текст., Кн. 2. Перевод.

Айни Али. Трактат о законах. Стамбул 1280 (1863). (На турецк. яз.) *Ayni Ali.* Kavanin risalesi. Istanbul 1280 (араб. алф.).

Ариф Мехмед. Свод законов династии Османа (II). Стамбул 1330 (1912). (На ту-рецк. яз.) *Arif Mehmed.* Kanunname-i al-i Osman (II). Istanbul 1330 (араб. алф.).

Баркан Омер Лютфи. Правовые и финансовые основы земельной экономики Османской империи в XV—XVI веках. Т. 1. Законы. Стамбул 1943. На турецк. яз.) *Barkan Omer Lutfi.* XV ve XVI-inci asirlarda Osmanli Imparatorlugunun zirai ekonominin mali ve hukuki esaslari. I. cilt: Kanunlar. Istanbul 1943.

Карачелебизаде Абдул Азиз. Сад праведников (Летопись истории Османского государства). Булак 1248 (1832). (На турецк. яз.) *Karacelebizade Abdul Aziz.* Revzet ul-ebrar. 1248 (араб. алф.).

Кятиб Челеби (Хаджи Халифе) Резюме. (История османов). Ч. 1—2. Стамбул 1286— 1287 (1869—1870). (На турецк. *яз.) Katib Celebi Haci Halife.* Fezleke. (Tarih-i osmani). Cilt 1—2. Istanbul 1286—1287 (араб. алф.).

Наима Мустафа. История Наимы. Стамбул 1280 (1863). Т. I—VI. (На турецк. яз.) *Naima Mustafa.* Tarih-i Naima. Cilt 1—6. Istanbul 1280.

Печеви Ибрагим. История Печеви. Т 1—11. Стамбул 1281—1283(1864—1866). (На турецк. яз.) *Pecevt Ibrahim.* Tarih-i Pecevt. Cilt 1—2. Istanbul 1281—1283 (араб. алф.).

Рефик Ахмед. Турецкие племена в Анатолии. Стамбул 1930. (На турецк. яз.) *Refik Ahmed.* Anadoluda Turk asiretleri (966—1200). Istanbul 1930.

Садеддин Мехмет Ходжа. Венец историй. Т. I—II. Стамбул 1279—1280 (1862—1863). (На турецк. яз.) *Saded-din Mehmet Hoca.* Tac-ut-teyarih. Cilt 1—2. Istanbul 1279—1280.

Селяники Мустафа. История Селяники. Стамбул 1281. (На турецк. яз.) *Selaniki Mustafa.* Tarih-i Selaniki. Istanbul 1281.

Узунчаршилы И. Х. Османская история. Т. I—II. Стамбул 1947—1948. (На турецк. яз.) *Uzuncarili I. H.* Osmanli Tarihi. Cilt 1—2. Istanbul 1947—1948.

К главе XXII

Государство Сефевидов

Литература

Бартольд В. В. Иран. Исторический обзор. Ташкент 1926.

Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2. Л. 1925.

Двникв Б. П. Живопись Ирана. М. 1938.

Заходер Б. Н. История восточного средневековья (Халифат и Ближний Восток). М. 1944.

Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М. 1952.

Bellan L. L. Chah Abbas I, sa vie, son histoire. Paris 1932.

Browne E. G. History of Persian literature in modern times. (A. D. 1500—1924.) Cambridge 1924.

Malcolm J. The history of Persia from the most early period to the present time... Vol. 2. London 1815.

Sykes P. A history of Persia. Ed. 3. Vol. 2. London 1951.

Источники

Кази Ахмед. Трактат о каллиграфах я художниках. 1596—97/1005. Введ., пер. и коммент. Б. Н. Заходера. М.—Л. 1947.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Под ред. В. В. Струве и др. Т. 2. XVI— XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. М.—Л. 1938

Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Под ред. Н. И. Веселовского. Т. I—Ill. СПб. 1890— 1898.

Raphee P. du Hans. Etat de la Perse en 1660. Publie avec notes et appendixe par CD. Schefer. Paris 1890.

Scheref Khan, prince de Bidlis. Scheref-Namen ou histoire des Kourdes, publ. par V. Veliaminof-Zernof. T. I—II. Texte persan. SPb. 1860—1862.

Tad-h-kirat al-Muluk. A manual of safavid administration (circa 1137 1725). Transl. by V. Minorsky. London 1943.

К главе XXIII

Народы Кавказа и Средней Азии в XVI и в первой половине XVII в.

Разд. 1.

Кавказ

Литература

Алексеева Е. Т. Очерки по экономике и культуре народов Черкессии в XVI—XVII вв. Ставрополь 1957.

Арутюнян Б. М. Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII и XVIII вв. По архивным материалам Эчмиадзинского монастыря. Ереван 1940.

Бердзенишвили Н. А., Джавахишвили И. и *Джанашиа С.* История Грузии. Ч. 1. Тбилиси 1950.

История армянского народа. Ч. 1. Ереван 1951.

История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М. 1957.

Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1—2. М. 1890.

Очерки по истории Дагестана. Т. I. Махач-Кала 1957.

Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л. 1949.

Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1. Баку 1949.

Смирнов Н. А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв. Нальчик 1948.

Histoire de la Georgie depuis 1'antiquite jusqu'a XIX siecle. Trad. de georgien par Brosset. Histoire moderne. Pt. 2. Livr. l. SPb. 1856.

Источники

Адаты кавказских горцев. Вып. 1. Сост. Ф. И. Леонтович. Отд. 1—3. Одесса 1882— 1883.

Армяно-русские отношения. Сб. документов Т. 1. Армяно-русские отношения в XVII веке. Под ред. В А. Парсамяна. Ереван 1953.

Бакиханов Абас-Кули-ага. Гюлистан Ирам. Баку. 1951.

Кабардино-русские отношения в XVI— XVIII вв. Т. I (XVI—XVII вв.). М. 1957.

Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615—1640. Документы к печати подгот. и предисл. снабдил М. А. Полиевктов. Тбилиси 1937

Сношения России. с Кавказом. Материалы... извлеченные из Моск. Глав. архива М-ва ин. дел. С. А. Белокуровым. Вып. 1. 157'8—1613 гг. М. 1889. «Чтения в об-ве истории и древностей российских». Кн. 3. М. 1888.

Указы кубинских ханов. Пер» Ф. Ростопчина. Под ред. К. И. Чайкина. Тбилиси 1937.

Collection d'historiens armeniens... Trad. par M. Brosset. T. I—II. SPb. 1874—1876.

Разд. 2

Средняя Азия

Литература

Архитектура республик СреднейАзии. Сб. статей. М. 1051.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Л. 1927.

Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе 1943.

Гафуров Б. Г. История таджикского народа. В кратком изложении. Изд. 3, испр. и доп. Т. I. М. 1955.

Давидович Е. А. Денежная реформа Шейбани-хана. (Из истории среднеазиатской экономики в XVI в.) В кн.: Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад 1954.

История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата 1957.

История Туркменской ССР. Т. 1. Ашхабад 1955.

История Узбекской ССР. Изд. 2, испр. Т. 1, кн. 1. Ташкент 1955.

Культура и искусство народов Средней Азии (VI в. до н. э. — середина XIX в.). Под ред. А. Ю. Якубовского. М. 1952.

Мирзаев К. М. Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве. Ташкент 1954.

Объединенная научная сессия, посвященная истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Материалы... Ташкент 1955.

Петрушевский И. П. К истории института сойургала. «Советское востоковедение». М.— Л. 1949. Т. 6.

Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. [Изд. 2, доп.] М. 1956.

Чулошников А. П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1. Оренбург 1924.

Якубовский А. Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. «Труды Тадж. филиала АН СССР». Сталинабад 1951. Т. 29.

Источники

Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Соч. Абуль-Гази, хивинского хана. Пер. и предисл. Г. С. Саблукова, с послесл. и прим. Н. Ф. Катанова. «Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те».

1905. Т. 21. Вып. 5—6. Отдельн. изд. Казань 1906.

Бабур Захириддин Мухаммед. Бабур-намэ. Пер. М. Салье. Ташкент 1948.

Бабер-намэ, или записки султана Бабера. Изданы в подлинном тексте Н. И[льминским]. Казань 1857

Из архива шейхов Джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI в. Т. 1. М.—Л. 1938. (На араб. и перс. яз.)

Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. 1. Сталинабад 1954.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. XVI—XIX вв. Иранские, бухарские и хивинские источники. М.— Л. 1938.

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л. 1932.

Печатные и рукописные исторические известия о каракалпаках на русском языке. Собрали Н. Н. Пальмов и А. И. Пономарев. В кн.: Материалы по истории каракалпаков. Сб. М.— Л. 1935.

Сибирские летописи. (Строгановская летопись. Жалованная грамота Строгановым 1574 года с разрешением беспошлинного торга с бухарцами, казахами и др.) СПб. 1907.

Статейный список посольства в Бухарию дворянина Ивана Хохлова (1620—1622). В кн.: Сборник князя Хилкова. СПб. 1879.

Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, с пер., примеч. и прил., изд. И. Березиным. Казань 1849.

Mir-Abdul-Kerim-Boukhary Histoire de 1'Asie centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khogand), depuis les dernieres annees du regne de Nadir-Chah (1153) jusqu'en 1233 de 1'hegire (1740—1813). Texte persan et trad. francaise, publ. par Ch. Schefer. Vol. 1—2. Paris 1876. Appendice III.

К главе XXIV

Установление турецкого господства в арабских странах

Базили К. Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях. Ч. I—II. Изд. 2. СПб. 1875.

Delphin G. Histoire des pachas d'Alger de 1515 a 1745. «Journal asiatique». Avr. — juin. Paris 1922.

Enzyklopedie des Islam. Leiden, Leipzig 1928—1929. Статьи: Алжирия (т. 1), Тунисия (т. IV), Марокко (т. III).

Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches... Bd. II—V. Pest 1828—1829.

Hanotaux G. Histoire de la nation egyptienne. T. V. Paris 1935.

Huart Cl. Histoire des Arabes. T. II. Paris 1913.

Lammens H. La Syrie. Precis historique. Vol. II. Beyrouth 1921.

Pignon J. L'esclavage en Tunisie de 1590 a 1620. «Revue tunisienne». 1930.

Stripling G. W. F. The Ottoman Turks and the Arabs (1511—1574). Urbana 1942.

К главе XXV

Государство Великих Моголов в Индии

Литература

Антонова К. А. Очерки общественных Отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605 гг.). М. 1952.

Das Gupta J. N. India in the 17th century as depicted by European travellers. Calcutta 1916.

Ibn Hasan. The central structures of the Mughal Empire and its practical workings up to the year 1657. London — New York 1936.

Moreland W. India at the death of Akbar. An economic study. London 1920.

Moreland W. From Akbar to Aurangzib. A study in Indian economic history. London 1923.

Ruben W. Einfuhrung in die Indienkunde. Ein Uberblick uber die historische Entwicklung Indiens. Berlin 1954.

Smith V. Akbar, the Great Mogul. 1542— 1605. 2nd ed. rev. Oxford 1919.

Thomas E. Revenue resources of the Mughal Empire in India from A. D. 1593 to A. D. 1707. London 1871.

Источники

Тулси Дас. Рамаяна или Рамачаритаманаса. Море подвигов Рамы. Пер. с индийск. (хинди), коммент. и вступ. статья А. П. Баранникова. М.— Л. 1948.

Абд-ул Баки Нахавенди. Ма'асир-и-Рахими. Т. 1—3. Калькутта 1910—1935. (На яз. фарси.) В пер. на англ. яз.: *Nahavandi Abd ul-Baqi.* Maasir-i-Rahimi... Calcutta 1924—1927.

Абу-л Фаэл. Аин-и Акбари. Т. I—II. Калькутта 1867—1877. (На яз.. фарси.) В пер. на англ. яз.: Ain-i Akbari. Vol. 1—3. Transl. by H. Blochmann and H. S. Jarret. Calcutta 1868—1894.

Абу-л Фаэл. Акбарнамэ... Т. I—III. Калькутта 1897—1918. (На яз. фарси.) В пер. на англ. яз.: *Abul-Fazl.* Akbarnama. 2nd ed. Calcutta 1953.

Абу-л Касим Феришта. Гульшан-и Ибрахими. Бомбей 1831. [Литография.] В пер. на англ. яз.: History of the rise of the Mahomedan power in India, till the year A. D. 1612, translated from the original Persian of Muhammad Kasim Ferishta. Transl. by Col. J. Briggs. Vol. I—IV. London 1829.

Бадауни. Мунтахабут таварих. Т. I—III. Калькутта 1864—1869. (На яз. фарси.) В пер. на англ. яз.: *Al Badaoni (Abd al-Qadir).* The Muntakhab al Tawarikh... Vol. I—III. Transl. by G. Ranking. Calcutta 1898. Vol. II. Transl. by W. H. Love. Calcutta 1884. 2nd ed. Calcutta 1926. Vol. 3. Transl. by T. W. Haig. Calcutta 1927.

«Дабистан». [Литография.] Лакнау 1881. В пер. на англ. яз.: «Dabistan ul mazahab». Transl. by D. Shea and Troyer... London 1843. 2nd ed. Washington — London 1901.

Низам-уд дин Ахмад. Табакат-и Акбари. Т. 1—2. Калькутта 1913—1936. (На яз. фарси.) В пер. на англ. яз.: *Nizamud Din Ahmad.* Tabaqat-i Akbari. Transl. by De. Calcutta 1932— 1936.

Pelsaert F. Jahangir's India, the Remonstrantie of F. Pelsaert, translated from the Dutch by W. H. Moreland... and P. Geyl... Cambridge 1925.

Sarkar I. The India of Aurangzib (Topography, statistics and roads) compared with the India of Akbar. With extracts from the Khulasatu-t-Gulshan... Calcutta 1901.

К главе XXV

Китай в XVI—XVII вв.

Литература

Горский В. Начало и первые дела Маньчжурского дома. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 1. СПб. 1852.

Думан Л. И. Очерк истории Китая. В кн.: «Китай». Сб. М.— Л. 1940.

Курц Б. Г. Русско-китайские сношения в XVI, XVII и XVIII столетиях. Харьков 1929.

Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 3. Пер. с китайск. М. 1953.

Трусевич X. Посольские и торговые отношения России с Китаем (до XIX в.). М. 1882.

Храповицкий М. События в Пекине при падении Минской династии (1644 г. по Р. X.). Труды членов Пекинской духовной миссии. Т. III. СПб. 1857.

Бай Шоу-и, Ван Юй-цюань. Шо Цинь-Хань дао Мин-мо гуань шоу-гунъе хэ фынцзянь» чжиду дигуаньси. (Казенное ремесло с периода Цинь-Хань до конца Мин и феодальные отношения.) Журнал «Лиши яньцзю» («Изучение истории»). 1954. № 5. (На китайск. яз.)

Ван Дань-чэнь. Чжунго нунминь гэмин шихуа. (История крестьянских революций в Китае.) Изд. 2. Шанхай 1953.

Ван И. Ван Чуань-шань ди шэхой сысян. (Общественные взгляды Ван Чуань-шаня.) «Вэнь ши чжэ» («Литература, история, философия»). 1955. № 2. (На китайск. яз.)

Дин И. Мин дай тэу чжэнчжи. (Террористическая политика в Минский период.) Пекин 1950. (На китайск. яз.)

Лай Цзя-ду и *Ли Гуан-би.* Минчао дуй вали ды чжаньчжэн. (Война китайцев с ойротами в период правления династии Мин (XIV— XVII вв.).) Шанхай 1954. (На китайск. яз.)

Ли Вэнь-чжи. Минчао вань минь бянь. (Народные восстания в конце царствования Минской династии.) Шанхай 1948. (На китайск. яз.)

Хоу Вай-лу. Чжунго фынцзянь шэхой туди союжчжи синши ди вэньти. (Вопрос о формах собственности в феодальном обществе Китая.) «Лиши яньцзю» («Изучение истории»). 1954. № 1. (На китайск. яз.)

Шан Юэ. Чжунго лиши ганъяо. (Очерки истории Китая.) Пекин 1954. (На китайск. яз.)

Шан Юэ. Чжунго цзыбэньчжуи шэнчань инсу ди мэнъя цзи ци цзэнчжан. (Зарождение и рост элементов капиталистического производства в Китае.) «Лиши яньцзю» («Изучение истории»). 1955. № 3. (На китайск. яз.)

Backhouse E. T. and *Bland J. O. P.* Annals and memoirs of the court of Peking (from the 16th to 20th century). Rev. ed. Paris 1938.

Cordier H. Histoire generale de la Chine et de ses relations avec des pays etrangers depuis les temps les plus anciens jusqu'a la chute de la dynastie Mandchoue. Vol. 3. Paris 1922.

Fitzgerald G. C. P. China. A short cultural history. New York 1938.

Lee Mabel Ping-Hua. The economic history of China, with special reference to agriculture. New York 1921.

Li Ung Bing. Outlines of Chinese history. Shanghai 1914.

Wang Yi-Tung. Official relations between China and Japan. 1368—1549. Cambridge 1953.

Источники

Гу Янь-у. Жи чжи лу. (Записи о повседневных знаниях.) Гл. 10, 11, 13. Б. м. 1877. (На китайск. яз.)

Гу Янь-у. Тянься го цзюнь ли бин шу. (Книга о пользе и вреде в областях Поднебесной.) Б. м. и г. (На китайск. яз.)

Цинь дин сюй Вэньсянь тункао. (Продолженная историко-литературная энциклопедия, составленная по высочайшему повелению.) Пекин 1747—1784. 250 глав. Главы: 2, 5, 6, 11, 13—18, 20—27, 29—33. (На китайск. яз.)

Чжан Тин-юй и др. Мин ши. (История династии Мин). [25 династнйных историй]. Т. 9. Гл. 10. 13, 15, 18, 21, 22, 27,81, 82, 120, 178, 185, 194, 208, 320, 332. Пекин 1934. 'На китайск. яз.)

Чжэн Тянь-тин, Сунь Юэ и др. Мин мо нунминь ции шиляо. (Материалы по крестьянским восстаниям конца периода Мин.) Сост. Чжэн Тянь-тин, Сунь Юэ и др. Пекин 1952, Шанхай 1954. (На китайск. яз.)

Ricci M. China in the sixteenth century. The journals of M. Ricci. 1583—1610. Transl. from the Latin by Gollagher. New York 1953.

К главе XXVII

Народы Индонезии

Литература

Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI—XVIII веках. Пер. с нем. М. 1949.

Губер А. А. К истории голландского проникновения в Индонезию. [Начало XVII в.] «Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та». Т. III. 1944. Кафедра ист. фак-та. Вып. I.

Berg C. C. The islamisation of Java. «Studia islamica». Paris 1955. № 4.

Coedes G. Les etats hindonises d'lndochine et d'lndonesie. Paris 1948.

Источники

Baffos Toao de. Asia. DOS feitosque os portugueses fizecam no descobrimento e conquista des mares e terras do Oriente. Lisboa. Divisao de publicacoes e biblioteca Agenda geral das colonias. 1945.

К главе XXVIII

Монголия в XVI в.

Литература

Банэаров Доржи. Черная вера или шаманство у монголов и др. статьи. Под ред. Г. Н. Потанина. СПб. 1891.

Голстунский К. Ф. Монголо-ойратские законы 1640 г. СПб. 1880.

Гомбеев Г. Монгольская летопись... «Алтан- Тобчи». Труды Вост. отд-ния Русск. Археол. об-ва. 1858. Т. VI.

Иакинф [*Бичурин Н. Я.*]. Записки о Монголии. Т. 1—2. СПб. 1828.

Иакинф [*Бичурин Н. Я.*]. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб. 1834.

История Монгольской Народной Республики. М. 1954.

Ман-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. Пер. с китайск. СПб. 1895.

Позднеев А. М. Ургинские хутухты. СПб. 1880.

Покотилов Д. Д. История восточных монголов в период династии Мин. 1368—1634 (по китайским источникам). СПб. 1893.

Bell Ch. Tibet. Past and present... Oxford 1924.

Sagang Secen. Eine Urga-Handschrift des mongolischen Geschichtswerke von Secen Sagang (alias Sagang Secen). [Hrsg.] E. Haenisch. Berlin 1955.

Источники

Исторические акты XVII столетия (1633— 1699). Томск 1890. (Собрал и издал Иннокентий Кузнецов.)

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 2—3. СПб. 1830.

Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. С введен. и прим. Ю. В. Арсеньева. СПб. 1882.

Успенский В. Страна Кукэ-нор или Цинхай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов, по изгнании последних из .Китая, в связи с историей Кукэ-нора. СПб. 1880.

Шара Туджи—монгольская летопись XVII века. Сводный текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.—Л. 1957.

Altan tobci. A brief history of the Mongols. By blo-bzan bs Tan'jin. With a critical introd. by A. Mostaaert and editor's forew. by F. W. Cleaves. Cambridge 1952.

К главе XXIX

Японское феодальное государство

Литература

Болдырев Г. И. Финансы Японии. М. 1946.

Жуков Е. М. История Японии. Краткий очерк. М. 1939.

Жуков Е. М. Политика Хидэёси в отношении крестьянства. «Изв. АН СССР». Серия истории и философии. Т. III. № 6.
1946.

Конрад Н. И. Япония. Народ и государство. Исторический очерк. Пг. 1923.

Костылев В. Я. Очерк истории Японии. СПб. 1888.

Радуль-Затуловский Я. Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М.—Л.
1947.

Идзу кимио. Нихон рэкиси. (История Японии.) Токио 1953. (На японск. яз.)

Нэдзу Масаси. Атарасий нихон рэкиси. (Новая работа по истории Японии.) Т. 1—2. Токио 1949. (На японск. яз.)

Тоёда Такэси. Нихон но хокэн тоси. (Феодальные города Японии.) Токио 1954. (На японск. яз.)

Хани Горо. Нихон ни окэру киндай сисо но дзэнтай. (Предпосылки развития современной общественной мысли в Японии (XVII — XIX вв.).) Токио 1949. (На японск. яз.)

Хондзё Эйдзиро. Нихон кэйдзай си. (История развития японской экономики.) Токио 1954. (На японск. яз.)

Boxer C. R. The Christian century in Japan. 1549—1650. Berkeley, Los Angelos, London 1951.

Boxer C. R. Jan Compagnie in Japan. 1600—1850... 2nd rev. ed. Hague 1950.

La Mazeliere de. Le Japon. Histoire et civilisation. Vol. 2. Paris 1938.

Murdoch J. A history of Japan... With maps by Isoh Jamagata. Vol. 1—2. New York 1926.

Sadler A. L. The maker of modern Japan. The life of Tokugawa leyasu. London 1937.

Sansom G. B. Japan. A short cultural history. Rev. ed. New York 1943.

Tamura K. Japan's foreign relations. P. 1. Early history (1542—1600). «Contemporary Japan». Tokyo 1954. Vol. 3. № 1—3.

Источники

Кокуси тайкэй. (Сборник японских исторических хроник). Токио 1932—1937. (Официальные хроники Токугава. Т. 38—41.) (На японск. яз.)

Нихон сангё сирё тайкэй. (Материалы по истории японского промышленного производства.) Сост. Такимото Сэйти и Мукаи Сикамацу. Т. I—XII. Токио 1926. (На японск. яз.)

К главе XXX

Корея в XVI — первой половине XVII в.

Библиография

Courant M. Bibliographie coreenne. Vol. I—III. Paris 1894—1896.

Korean studies guide. Comp. by Hazard B. H. and oth. Berkeley — Los Angelos 1954.

Литература

Корейская Народно-Демократическая Республика. Сб. статей. М. 1954.

Пак М. Н. Из истории освободительного движения корейского народа М. 1955.

Личо понгон тхончхи кёгыбыль пандэхаё кводьгихан нонмин пхоктон (Крестьянские восстания против господствующего феодального класса при династии Ли.) Пхеньян 1954. (На корейск. яз.)

Личо сахвэ кёнчжеса. (Социально-экономическая история Кореи при династии Ли.) Сб. статей Союза корейских ученых. Сеул 1946. (На корейск. яз.)

Ли Ё Сонъ. Чосон мисульса кэё. (Общий очерк истории корейского искусства.) Пхеньян 1955. (На корейск. яз.)

Пак Си Хенъ. Личо понгон сахвэы тхочжи чедова карём чхугу. (Аграрные отношения в корейском феодальном обществе при династии Ли и жесточайшая эксплуатация крестьян.) Пхеньян 1954. (На корейск. яз.)

Пак Си Хенъ. Чосон чунъсеса. (История Кореи в средние века.) Ч. 2. Пхеньян 1956. (На корейск. яз.)

Чосон тхонъса. (История Кореи. Общий очерк.) Т. 1. Пхеньян 1956. (На корейск. яз.).

Чосонса кэё. (Общий очерк истории Кореи.) Пхеньян 1957. (На корейск. яз.).

Eckardt A. Geschichte der koreanischen Kunst. Leipzig 1929.

Griffis W. E. Corea, the hermit nation. New York 1911.

Hulbert H. B. The history of Korea. Vol. 1—2. Seoul 1905.

Longford J. H. The story of Korea. London — Leipzig 1911.

Nelson M. F. Korea and the old orders in Eastern Asia. Baton-Rouge 1946.

Источники

Имчжин нок. (Записки об Имчжинской войне.) Сеул б. г. (На корейск. яз.)

Личжо Силлог. (Подлинные записи истории династии Ли.) Б. м. и г. (На корейск. яз.)

Ли Сун Син. Ли Сун Син чанъчун чончип. Хо Ги Мун ек. (Собрание сочинений Ли Сун Сина.) Пхеньян*

К главе XXXI

Колониальная политика европейских держав и создание колониальных империй

Библиография

Martineau A. (et autr.). Bibliographie d'histoire coloniale (1900—1930). Paris 1932.

Литература

Бааш Э. История экономического развития Голландии в XVI—XVIII вв. Пер. с нем М 1949.

Вильямс Э. Капитализм и рабство. Сокр. пер. с англ. М. 1950.

Кудрявцев А. Е. Ост-индская проблема в Англии XVII в. «Ученые записки Ленингр. пед. ин-та им. Герцена». Т. 11. Л. 1938.

Самойло А С. Английские колонии накануне революции. (Зарождение Британской империи.) «Исторический журнал». 1945. № 1—2.

Фостер В. Очерк политической истории Америки. Пер. с англ. Изд. 2. М. 1955.

Andrews Ch. M. The colonial period of American history. Vol. I—IV. London 1939—1945.

Black J. W. European beginnings in West Africa 1454—1578... London 1937.

The Cambridge history of the British Empire. Vol. I. Cambridge 1929.

Julien Ch. A. Les voyages de decouverte et les premiers etablissements (XV—XVI siecles). Paris 1948.

Leonard J. A. Books of the brave... Cambridge 1949.

Linden H. van der. L'hegemonie europeenne; periode italo-espagnole. Paris 1935.

Newton A. P. The British empire to 1783, its political, social and economic development. London 1935.

Panikkar K. M. Asia and Western dominance. A survey of the Vasco da Gama epoch of Asian history. London 1954.

Simpson L. B. The encomienda in New Spain. Forced native labor in the Spanish colonies, 1492—1550. Berkeley 1929.

Источники

Calendar of State papers. Colonial series. Ed. by W. W. Sainsbury and oth. Vol. 1 (1574— 1688). London 1860.

К главе XXXII

Международное положение в Европе в первой половине XVII в. Тридцатилетняя война

Литература

Вайнштейн О. Л. Россия и Тридцатилетняя война 1618—1648 гг. Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII в. М. 1947.

Меринг Ф. Очерки по истории войн и военного искусства. Пер. с нем. Изд. 6, испр. и доп. М. 1956.

Поршнев Б. Ф. Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну. «Исторический журнал». 1945. Кн. 3.

Шиллер Фридрих. История Тридцатилетней войны. Пер. с нем. Собр. соч. в 8 томах. Т. VII. М —Л. 1937.

Biedermann K. Deutschlands trubste Zeit oder der Dreissigjahrige Krieg in seinen Folgen fur das deutsche Kulturleben. Berlin 1862.

Bog J. Die bauerliche Wirtschaft im Zeitalter des Dreissigjahrigen Krieges. Die Bewegungsvorgange in der Kriegswirtschaft nach den Quellen des Klosterverwalteramtes Heilsbronn. Coburg 1952.

Huch R. Der Dreissigjahrige Krieg. Neue Ausg. Bd. 1—2. Leipzig 1957.

KappF. Der Westfalische Frieden. Munchen 1940.

Pages G. La Guerre de trente ans 1618— 1648. Paris 1939.

Ritter M. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Gegenreformation und des Dreissigjahrigen Krieges (1555—1648). Bd. 1—3. Stuttgart 1889—1908.

Schift O. Wallenstein. Preussische Jahrbuch. Berlin 1934. Marz. Bd. 235. Hf. 3.

Wedgwood C. V. The thirty years war. New Haven 1939.

Winter G. Geschichte des Dreissigjahrigen Krieges... Berlin 1893.

Источники

Briefe und Akten zur Geschichte des Dreissigjahrigen Krieges in den Zeiten des vorwaltenden Einflusses der Wittelsbacher. Hrsg. durch die historische Kommission bei d. Kgl. Akad. Wiss. Dil. l—ll. Munchen 1870—1909.

Lundorf. Der Romischen Kaiserlichen Majestat und des heiligon Romischen Reichs acta publica, vom Anfang Ferdinand II. Vol. 1—4. Francfurt 1668.

Prameny k dejinam tricetilete valky. Regesta fondu militare Archivu Ministerstva vnitra CSP v Praze. Dil. 3—6. Praha 1951—1955.

К главе XXXIII

Развитие естествознания в Западной Европе в XVI и первой половине XVII в.

Литература

Баев К. Л. Создатели новой астрономии. Коперник, Бруно, Кеплер, Галилей. Изд. 2. М. 1955.

Бернал Д. Д. Наука в истории общества. М. 1956.

Быховский Б. Философия Декарта. М.— Л. 1940.

Галилео Галилей. 1564—1642. Сб., посвящ. 300-летней годовщине со дня смерти Галилео Галилея. М.—Л. 1943.

Даннеман Ф. История естествознания. Пер. с нем. Т. 2—3. М.—Л. 1935—1938.

Кудрявцев П. С. История физики. Изд. 2. Т. I. М. 1956.

Николай Коперник. Сб. статей и материалов к 400-летию со дня смерти (1543—1953). М. 1955.

Ольшки Л. История научной литературы на новых языках. Пер. с нем. Т. 1—3. М.—Л. 1933—1934.

Ревзин Г. И. Николай Коперник (1473— 1543). М. 1949.

Таннери П. Исторический очерк развития естествознания в Европе (с 1300 по 1900 г.). Пер. с франц. М.— Л 1934.

Цейтен И. Г. История математики в XVI я XVII веках. Пер. с нем Изд. 2, испр. и доп. М.—Л. 1938.

Butterfield H. The origins of modern science 1300—1800 London 1950.

Dampier W. C. A history of science and its relations with philosophy and religion... Ed. 3, rev. and enl. Cambridge 1944.

Darmstaedter L. Handbuch zur Geschichte der Naturwissenschaften und der Technik. Berlin 1908.

Daumas M. Les instruments scientifiques aux XVII et XVIII siecles. Paris 1953.

Leonard de Vinci et 1'experience scientifique au XVI siecle. Paris 1953

Wolf A. A history of science, technology and philosophy in the 16-th and 17-th centuries. With the cooperation of F. Dannemana and A. Armitage, 2-d ed. London 1950.

Источники

Бэкон Фрэнсис. Новый Органон. Пер. с англ. М. 1938.

Бэкон Фрэнсис. Собрание сочинений. Ч. 1—11. СПб. 1874.

Везалий Андрей. О строении человеческого тела. Пер с латин. Ред. В. Н. Терновского. Послесл. И. П. Павлова. Т. 1—2. М. 1950— 1954.

Галилей Галилео. Сочинения. Пер. С. Н. Долгова. Ред., предисл. и примеч. А. Н. Долгова. Т. 1. М.— Л. 1934.

Галилей Галилео. Диалог о двух главнейших системах мира птоломеевой и коперниковой М.—Л. 1948.

Декарт Ренэ. Избранные произведения (К 300-летию со дня смерти) (1650—1950). Пер. с франц. и латин. Ред. и вступ. статья В. В. Соколова. М. 1950.

Джордано Бруно и инквизиция (К 350-летию со дня сожжения Джордано Бруно римской инквизицией). Документы. В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. М. 1950.

Кардано Джироламо О моей жизни. Пер. с латин Статья и коммент. В. П. Зубова. М 1938.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

СПИСОК КАРТ

СПИСОК ЦВЕТНЫХ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

СПИСОК РИСУНКОВ, ПОМЕЩЁННЫХ В НАЧАЛЕ И В КОНЦЕ ГЛАВ [1]

[1] Использованные для иллюстрирования тома произведения искусства и предметы материальной культуры относятся к XVI и первой половине XVII в. Орнаментальные заставки перед главами и на шмуцтитулах сделаны по мотивам орнаментов, характерных для соответствующих стран и периодов.

СОДЕРЖАНИЕ